А.И. ГЕРЦЕН

XXI

А.И. ГЕРЦЕН

XXI

АКАДЕМИЯ
НАУК
СССР

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ им. А.М. ГОРЬКОГО

А. И. ГЕРЦЕН

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
В ТРИДЦАТИ ТОМАХ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА · 1961

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ им. А.М.ГОРЬКОГО

А.И. ГЕРЦЕН

ТОМ ДВАДЦАТЬ ПЕРВЫЙ

ПИСЬМА
1832-1838 ГОДОВ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА · 1961

А. И. ГЕРЦЕН.

Портрет работы А. Л. Витберга. 1836 г.

Государственный музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина. Москва.

ПИСЬМА
1832-1838 ГОДОВ

1832

1. Н. И. АСТРАКОВУ

Москва, 1832 года. Февраль 11.

Почтеннейший Николай Иванович!

Придерживаясь древнему русскому правилу, что *раскаяние есть пол-исправления*, я принялся за перо, не для того, чтоб оправдываться, но для того, чтоб раскаяться и попросить прощения, которое надеюсь и получить. Я давно уже должен бы был переслать к вам Бруно и Систематику, но то хлопоты ученья, то хлопоты рассеянья так плотно заняли время, что не нашлось свободной минуты, которую бы я мог посвятить блаженной памяти Иордано Бруно и системе систем Максимовича. Второе напоминовение сделало меня подеятельнее, и вы получите Бруно. О Систематике еще не знаю, Максимовичу я вручил деньги, но книги еще не получал, а поелику он часто улетает в мир идеальный на поэзии тычинок, пестиков и спиральных сосудов, то и немудрено, что забудет; ежели же получите ее, то советую (извините в дерзости) прочесть это изящнейшее творение по сей части мира, философское направление и высокое понятие о науке — и науках естественных.

Желал бы я сообщить вам что-нибудь новое, но где же взять? Москва — мимо, политика — мимо, шум светский — мимо. Университет — sta, viator! Это наша bien-aimée Ecole Normale, как говорит Кузень. ⟨Тут⟩ что нового? Наше отделение все так же изящнейшее, все то же рвение к математике и та же ненависть к натур⟨альной⟩ истории. У нас все так же блестят Носков, Кирьяков и Лукьянов. Фишер вышел, его место заступит его сын. Остальное по-старому. Чумаков не переменился ни на волос; да как ему перемениться: *умнеть* в эти лета нельзя, *глупеть* невозможно—до дна глупости дошел. Мягков, о, Мягков — чудо, он вчера кричал:

«45-е. Когда говорится (тут он поправил галстук) „Артиллерия едет“, это не значит, что едет наука; но орудия артиллерийские».

Какова 45-я тактическая фиорема!
В словесном отделении место Гаврилова занял Надеждин. Из ваших товарищей знаю о трех — Леонид Пассек был в Мальте и отправился на греческие острова, где получил чин— чин мичмана; Николай Смирнов в Петербурге бог знает зачем, а А. Савич здесь; говоря об Савиче, я не могу умолчать о том, что он мне дает уроки из астрономии *единственно* из благорасположения ко мне,— жертва, которую я вполне умею ценить и буду ценить, посему за долг поставил и вам сказать о этом благородном поступке; à propos, он выдержал экзамен магистрский.

Еще в заключение (чтоб благочестиво кончить) скажу об *Алексее Гавриловиче Хитрове*. «Поелику *неоспоримо* доказано, что мир земной есть свет померкнувший, и известно, что он должен *паки* возблистать, что совершится (ut scripsit Dionisius Areopagitus [1]), когда исполнится сумма грехов, а поелику сумма сия, по свидетельству Якова Бёма и Григорья Назианзина, теперь уже настала, когда не мудрование о любви, но мудрость приняли за философию, то г. Хитров с нетерпением ждет сего просветленья». Может быть, я переврал, но что-то подобное он сегодня рассказывал.

Извините, что я вас утруждаю сими нелепостями, сладко вспомнить о товарищах, итак, не сердитесь за сие письмо, писанное преданным вам

Александром Герценом.

2. Н. А. ЗАХАРЬИНОЙ

26 августа 1832 или 22 октября 1983 г. Москва.

Любезнейшая Наталья Александровна! Сегодня день вашего рождения, с величайшим желанием хотелось бы мне поздравить вас лично; но, ей-богу, нет никакой возможности; я виноват, что давно не был, но обстоятельства совершенно не позволили мне по желанию расположить временем. Надеюсь, что вы простите мне, и желаю вам полного развития всех ваших талантов и всего запаса счастья, которым наделяет судьба души чистые. Эмилии Мих⟨айловне⟩ мой поклон.

Преданный вам
Александр Герцен.

Надеюсь на нынешней неделе у вас быть (вероятно, в субботу).

На обороте: Наталье Александровне Захарьиной.

---

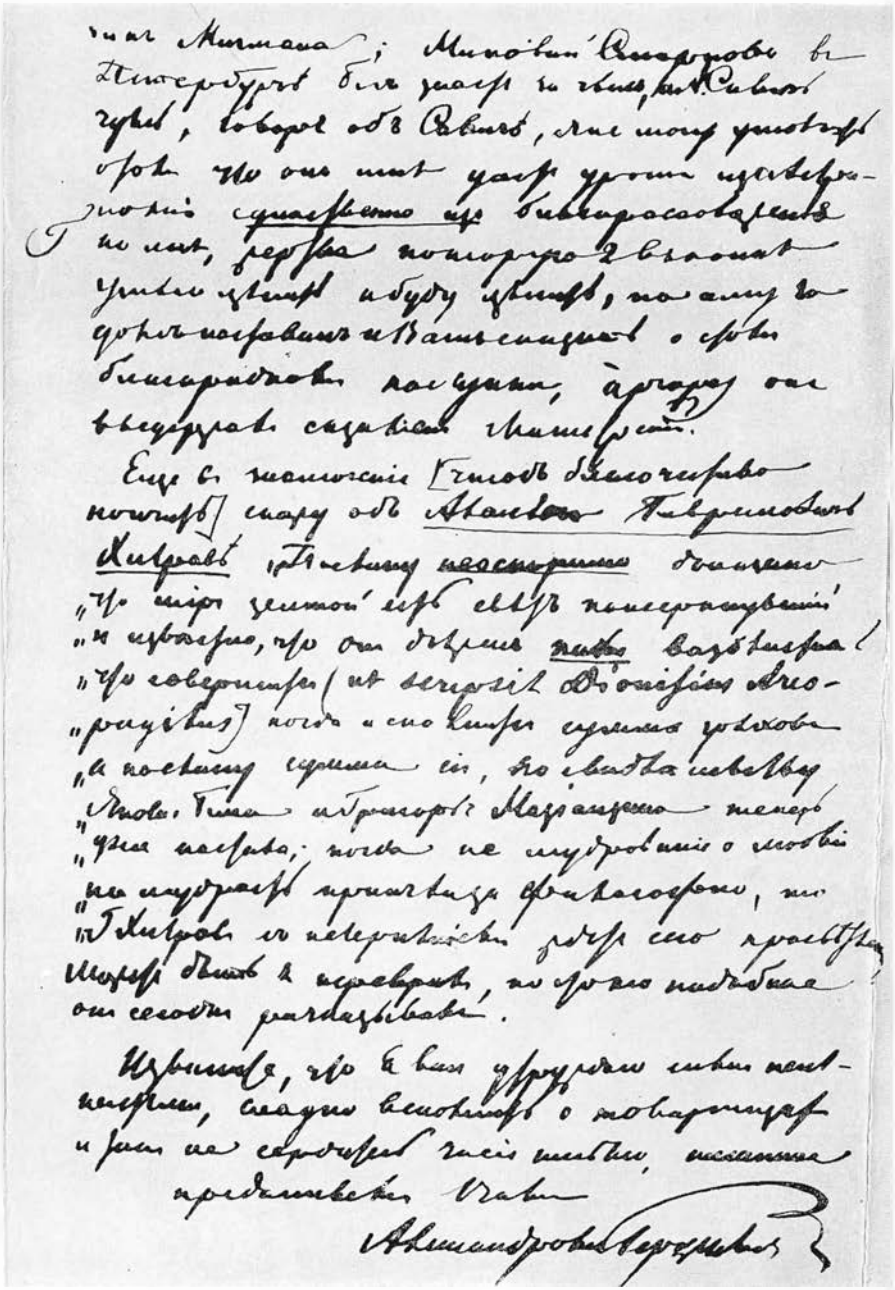
[1] как писал Дионисий Ареопагит (лат.).— *Ред.*

Москва 11 Февраля 1832

Почтеннейший Матвей Иванович!

Придерживаясь древнего Русского правила, что раскаявшемуся повинную, я [illegible] за перо, не для того чтобы оправдываться, но для того чтобы [illegible] и изумить французов, которое подлость и получает давно уже достойное было перестать называть Брута и Сцеволу, но по [illegible] уровень, по которому равняются таковые [illegible] время, что не [illegible] свободной мантии которой был [illegible] бедный [illegible] Жордано Бруно, и стремит стремя Машкиловича. Вторник наполненный [illegible] мне поутомливает и в полночь бруно. Объяснительно еще не знаю Машкиловичу я вручил деньги; но книги еще не получал, а посему отказ [illegible] в мою квартиру [illegible] на нашу [illegible] и [illegible] сказав, что я не [illegible], что [illegible] получу [illegible] то совершенно (чувствую в дороге) [illegible], что издавать мне [illegible] не [illegible]

Письмо А. И. Герцена к Н. И. Астракову от 11 февраля 1832 г.



Первая и последняя страницы. Фотокопия с автографа.

З. Н. А. ЗАХАРЬИНОЙ

18 сентября 1832 г. Москва.

Любезнейшая Наталья Александровна!
Посылаю вам требуемый том истории Карамзина.

Преданный ото всей души
Александр Герцен

18 сентября.

На обороте: Наталье Александр⟨овне⟩ Захарьиной.

1833

4. Е. В. и Д. В. ПАССЕКАМ

15 января 1833 г. Москва.

Любезнейшие друзья, Евгений и Диомид!

Ваше письмо и приписку имел счастье получить. Все у вас здоровы как нельзя более, напрасно ты хлопочешь об этом, исключая Тани, которая оправляется мало-помалу. Диомид, стыдно думать, что я сержусь, что вы не пишете. Я уверен, что я не забыт.

Когда у вас будет Савич, поцелуйте его за меня и скажите, что он (и вы) скоро получите от меня большую хартию, но теперь я окончу, засвидетельствовав ему мою искреннейшую домогильную дружбу.

Прощайте. Огарев кланяется.

Алекс. Герцен.

15 января.

5. Е. В. и Д. В. ПАССЕКАМ и М. П. НОСКОВУ

8 марта 1833 г. Москва.

Братьям Евгению и Диомиду.

Я чуть было не сделал глупости, но надейся всегда на мою увертливость. Получил от тебя 125 рублей, послал за ними на почту. Я уже сказал об этом маменьке твоей, но поправил после, сказав, что сто р⟨у⟩б⟨лей⟩ принадлежат Носкову; итак, всё сделал по твоему велению.

От Диомида с нетерпением жду письма, он скуп ко мне и, кажется, мы с ним симпатизируем как нельзя более, впрочем, что за счеты.

Доша, у меня еще прибавилось несколько мыслей к моей статье, и, может быть, я вскорости буду писать вторую часть,

т. е. что сделала Россия от Петра до наших дней; вопрос огромный, но иногда в юности и без фактальных сведений взор орлиный, ежели юноша — орленок. Не думаю, чтобы я это говорил в уверенности своего достоинства, но просто хочу попытать.

Евгений, мне приятно очень известить тебя, что Вячеслав, кажется, менее шалит,— впрочем, вряд должно ли употреблять коэрзитивные меры. Больше убеждением, ибо это порок, а не шалость.

Прошу теперь передать Носкову.

Мишка!

Как поживаешь, друг умнейший, в Петербурге? Часто ли вспоминаешь о друге Герцене и о прочих московских друзьях? Не забывай, с этими воспоминаниями связано все высокое, все благородное, если не в наших действиях, то в наших желаниях.

С большим огорчением, ежедневно, Петров меня спрашивает о Пуансоте, и посему я хочу адресоваться к твоему Дорофею.

Ежели ты здесь увидишь Смирнова, то скажи, что я его не забыл, тем более потому, что на днях от Г. М. Н. мне доставили от него грамотку.

Савич кланяется всем. Прощайте, братья и друзья.

Весь ваш Александр Герцен.

8 марта.
Златоглавая Москва.

6. Е. В. и Д. В. ПАССЕКАМ и М. П. НОСКОВУ

Конец марта — начало апреля 1833 г. Москва.

Друзья Евгений и Диомид!

Получил я еще 140 рублей, которые все по назначению употребил, что же касается до ежедневных прогулок, то едва ли это может сделаться теперь, ибо дороги ужаснейшие, ни в санях, ни на дрожках, впрочем, по утрам морозы, и в это время я советую ⟨1 *нрзб.*⟩ гулять пешком.

От Доши каждый день жду письма, но от него, как от козла, ни шерсти ни молока. Он, говорят, хочет приехать в Москву в мае, ради бога ⟨1 *нрзб.*⟩ только не в мае и июне. В конце будут экзамены, и я не смогу видеться с тобой. Ради дружбы и ⟨1 *нрзб.*⟩ не приезжай раньше 28 июня.

Прощайте, остальное все имеет принадлежать Носкову.

Александр Герцен.

Душа Носков!

Приближается время выхода из университета. Многим, очень многим обязан я ему; науками, сколько в состоянии был принять и сколько он в состоянии был мне дать. Но главное — методу я там приобрел, а метода важнее всякой суммы познаний. Друзья, я вас там приобрел, и это приобретение оживило всю мою душу. Вы поняли меня и ответили дружбой, в то время как прежде мертвый эгоизм обдавал меня своим холодом. Решительно могу сказать, что все сладкое, что было в моей юности, произошло от друзей и от наук. Словом, благословляю университет.

Мишка! Теперь на время отлагаю все мечты и планы, я предался двум занятиям: 1) приготовляюсь к экзаменам, 2) хочу золотой медали. Официально еще не задали, но известно, что задаст Д⟨митрий⟩ Матв⟨еевич⟩. И о чем же! О Коперниковой системе в философском и астрономическом отношении. Вот предмет, который я надеюсь превосходно обработать. Употребляю всё и желаю либо получить золотую медаль, либо — ничего.

(Будь сказано сие не во зло некоторым кавалерам с серебряной медалью.)

Прощай, друг, обнимаю тебя.

Александр Герцен.

P. S. Ты, может, удивишься, что я не прошу тебя писать к себе. Но я знаю, что это тебе напоминать не нужно.

Огарев всем кланяется.

7. Д. В. ПАССЕКУ

29 апреля 1833 г. Москва.

Диомид!

Когда приедешь в Москву, не забудь привезть мою статью о Петре I или копию с нее пришли с Муравьевым.

Берег, берег, наконец-то он виден после 4-летнего плавания по ручью университета.

Удивляюсь, что Носков не был у вас.

Евгения обнимаю.

Александр Герцен.

Рукой Н. П. Огарева:

Отправляются письма к вам, Диомид и Евгений, и я спешу напомнить вам о том молодом человеке, который совсем растерялся, но все-таки ваш неизменный друг и добрый малый.

Ваш Н. Огарев.

Апреля 29.

8. Е. В. и Д. В. ПАССЕКАМ

25 мая 1833 г. Москва.

Евгений, Диомид! Здравствуйте! Вы, как немые, ни строки ко мне, а я, горемычный, теперь в скуке большой готовлюсь к экзамену. Как ты нашел Мур⟨авьева⟩? Я мало его знаю, но знаю с хорошей стороны. Что Носков? Его молчание меня удивляет. Забыть друзей он не может, писать разучиться тоже не может. Не понимаю.

Александр Герцен.

8а. Е. В. и Д. В. ПАССЕКАМ

Конец мая 1833 г. Москва.

Деньги получил и письмо, друзья Евгений и Доша.

А. Герцен.

9. Е. В. ПАССЕКУ

10 июня 1833 г. Москва.

Спасибо тебе, Евгений, что наконец вспомнил, что существую я во времени и пространстве. Касательно же твоих опасений насчет моего здоровья, извещаю, что я весьма здоров. Земно кланяюсь.

Ал. Герцен.

10 июня.

A propos, на небо я еще не взят, но с дня на день дожидаюсь лошадей. Вот ты мне не хотел давать доверенности, а тебе молится

Ал. Герцен.

10. Н. П. ОГАРЕВУ

24—27 июня 1833 г. Москва.

Москва. Июня 24.

Итак, день, которого я ждал четыре года, к которому приготовлялся 4 месяца, настал: 22 был наш экзамен. И знаешь ли, друг, с чего он начался: с того, что я срезался у Перевощикова по механике, это потрясло сильно мое честолюбие, я на другой день был болен; но во всех прочих предметах я отвечал хорошо, в некоторых отлично, и я *кандидат*; теперь осталось получить медаль (зол⟨отую⟩), и я университетом доволен.

Прежде нежели приступим к твоему письму (которое меня обрадовало более, нежели иногда 10 писем от тебя, ибо я в нем увидел глубокую фантазию твою и душу, в силу которой мы друзья), я тебе должен сообщить некоторый факт. *Почека* обманул Гебелеву дочь, самым гнусным образом обольстил ее, поверг все это семейство в отчаяние, и дочь Гебеля после 5-дневного сумасшествия умерла. Говорят, что и смерть он ей причинил, давши ей лекарство от беременности. Я не стану унижать тебя до того, чтобы доказывать всю мерзость этого, я с просьбою к тебе: прерви с ним знакомство, стыдись, ты — и гнусные развратники, у которых душа чувственна и холодна. Я и Вадим уже более с ним не знакомы, ждем от тебя этой же жертвы нашей дружбе. Огарев! Ради бога, будь осторожен в знакомстве, к чему это ведет? Я мог бы скрепить это увещание еще новостью; но... довольно об этом...

Огарев! Ты не знаешь, что это такое чувство воли, после долгой неволи; я еще доселе не могу себе вообразить, что я могу делать что хочу, что не нужно именно сегодня заниматься *механикой*, а завтра *химией*, что не нужно идти в университет, что можно спать когда хочу. Ah, c'est bien, c'est très bien! [1]

Что же я буду делать? *Вначале* читать, читать, гулять, гулять; может быть, хорошо бы было ехать из Москвы; но, с одной стороны, в деревне я буду не один, а с другой — слишком останусь одинок. Теперь все мои удовольствия, все наслаждения сосредоточены в семействе Вадима; мне не хочется с ними расставаться, это будет горько и больно. Что за люди, corpo di bacco! [2] Где, укажи мне, где так много и с таким благородством людей? Вот тебе стихи сочинения Людмилы, я посылаю их потому, что они положительно хороши и доказывают сильную фантазию и душу поэтическую.

ОТРАДНЫЙ МИР

С тех пор, как я сроднилась
С страданьем горьким и тоской,
Звезда надежд моих затмилась
И ненавистен край земной!

Но есть мир вечный и прекрасный,
Куда летаю я!
Где чувствую душою страстной
Всю прелесть бытия.

Тот мир открыт для наслажденья,
В нем вечная любовь,
В нем нет тоски, и нет мученья,
И страсти не волнуют кровь.

[1] Ах, это хорошо, это очень хорошо! (франц.); [2] черт возьми! (итал.). — *Ред.*

Июня 27.

Почека объяснялся со мною на Пресненских прудах, он защищается сильно, заставил меня выслушать, я говорил ему с твердостью и доволен собою. Может, он не совсем виноват, но правым быть не может. Может, разговор наш не кончится словами. Но мало ли что может.

Вчера ввечеру получил я письмо от Носкова, забыто молчание и всё, я дрожал и кипел, читая это письмо. О дружба, дружба, всем обязан я тебе; Носков пишет с жаром и огнем, он все так же нас любит. Холодный Петербург ему не по нутру, и он грустит о священной Москве. Ждет тебя в Петербург и ходит писать в министерство.

Евгений Пассек здесь, Вадим завтра едет с женою в деревню. Теперь обращаюсь к себе.

С чего мне начать занятия? С истории, но для сего надлежит читать не Thierry, а древнюю сначала, не Мишле ли? Подумай обо всем этом да ордер мне и напиши. Более на первый случай писать нечего. Прощай.

Александр Герцен.

11. Н. А. ЗАХАРЬИНОЙ

26 июня 1833 г. Москва.

Июня 26. 1833 года.

Я обещался вам написать, любезнейшая Наталья Александровна! и вот с величайшей аккуратностью выполняю обещание.

Экзамен кончился, и я — кандидат! Вы не можете себе представить сладкое чувство воли после четырехлетних беспрерывных насильственных занятий; теперь я отдан сам себе и теперь только начну свое образование, ибо хотя я и *кончил курс*, но собрал так мало, что стыдно на людей смотреть.

Вспомнили ли вы и Эмилья Михайловна обо мне в четверг? День был душный, и пытка наша продолжалась от 9 утра до 9 вечера.

Как проводите время, теперь деревня — рай, и я с радостию бы поехал... на короткое время, ибо для меня и Москва не хуже рая. Я привык, я люблю Москву, в ней я вырос, в ней те несколько человек, которые искренно, долго будут жалеть об мне; другие города представляют мне только множество людей, и я посреди их один-одинехонек — а это грустно! Впрочем, ежели будет нужда, будет польза, я готов ехать хоть в Камчатку, хоть в Грузию, лишь бы в виду было принести какую-нибудь пользу родине.

Я думаю, вы теперь всё гуляете, а я что же за trouble-fête[1], что останавливаю своим письмом. Итак, прощайте.

Преданный вам

Александр Герцен.

[1] помеха веселью (франц.).—*Ред.*

Маменька кланяется вам и Эм⟨илии⟩ М⟨ихайловне⟩ и М⟨арье⟩ С⟨тепановне⟩.

P. S. Марье Степ⟨ановне⟩ прошу свидетельствовать и пр. Эмилье Михайловне мое почтение и благодарность за приятные минуты, которые я с ней провел. Пассеки *все* вам кланяются. Я их редко теперь видаю; но, впрочем, я ненасытен — никогда не скажу, что довольно часто.

Сейчас от вас письмо, благодарю за всё. Пас⟨секам⟩ буду кланяться и, еще более,— покажу ваше письмо. Я вас спрошу так же, как вы некогда меня: *почему же вы собирались писать именно Людм⟨иле⟩*? Но надеюсь, что вас этот вопрос не так удивит, как меня ваш[1].

А. Герцен.

На обороте: Наталье Александровне Захарьиной. В Краснинкове.

12. Д. В. ПАССЕКУ

Начало июля 1833 г. Москва.

Благодарю тебя, Доша, за твою критику на мою статью она очень хороша, но ты напрасно думаешь, что опровергаешь мою мысль о Петре, мы согласны. Жалею очень, что ты не будешь долго сюда. Дружба наша была кратковременна, переписки у нас нет, и потому может случиться, что через долгое время мы *очужаем*. Это горько и больно мне будет.

Я кандидат и волен от университета, дай знать об этом Носкову,— и он не пишет ко мне, *и он!*

Прощай.

Александр Герцен.

P. S. Твоя статья о женщинах не нравится мне, в ней ничего не доказано, это какое-то умственное шатание. За мной пишет Савич оттого, что ему нечего писать.

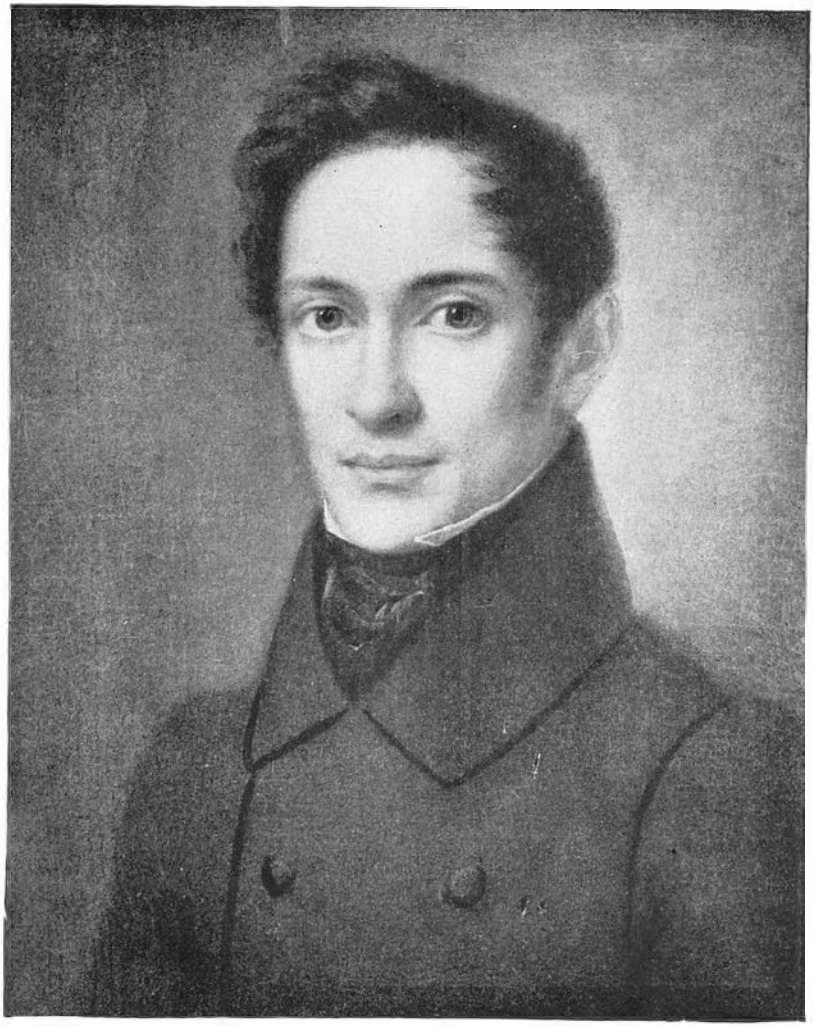
Рукой А. Н. Савича:

И в самом деле важных любопытных известий нет у меня, но написать к тебе несколько слов для того, чтоб напомнить об себе, для меня приятно, и потому пишу к тебе. Александр Иванович забыл написать тебе, что ему назначена за диссертацию медаль. Что тебе сказать об университете? Право, не знаю; ученые его записки выйдут в первых числах августа: я видел приуготовленные статьи; удивительно, что в ученых этих записках есть много переводных статей; это ли называется издавать свои записки? Прощай; не забывай преданнейшего тебе

А. Савича.

---

[1] *Позднейшая помета Герцена:* До Крутиц — ничего нет особенного, но любопытно.



А. И. ГЕРЦЕН.

Портрет работы А. Збруева. 1832 г.

Государственный исторический музей. Москва.

13. Н. П. ОГАРЕВУ

5 июля 1833 г. Москва.

Июля 5, 1833.

Друг Огарев! Второе письмо твое получил, рад ли? Qu'en dites-vous; mon voisin? Ты занимаешь огромное место в моей психологии. Ты и Татьяна Петр⟨овна⟩ были два первые существа, которые дали себе труд понять меня еще ребенком, первые заметившие тогда, что я не сольюсь с толпою. А буду нечто самобытное.

Внутренние новости

После экзамена я несколько дней купался, отдыхал, т. е. спал, ел и купался; купался, спал и ел. Но тотчас развилась деятельность, и первая задача, которую себе предложил я,— *изучить Гёте*. Шиллер — бурный поток, издали слышен треск и шум, волны ярятся, и едва пустишь ладию свою, как она уже в водовороте; не таков Гёте, он глубок, как море, нет определенного течения, и тихо зыблются его полные упругие волны. Вторым занятием я назначил что-нибудь перевести, напр⟨имер⟩ «Histoire du droit» par Lerminier... *Как думаете, м⟨илостивый⟩ г⟨осударь⟩?* Потом уж приступлю я к своему образованию. Соберу в одно живые, отдельные отличные знания, наполню пустые места и расположу в системе. История и политические науки в первом плане. Естественные науки во втором. A propos к истории, с чего начну ее — с Michelet ли Римской истории? С Вико ли? Потом Thierry etc. Не знаю, буду ли читать Платона в скором времени.

На днях читал я важное сочинение Сперанского — «Историческое исследование о Своде». Велик вельможа-публицист, велик и XIX век — он заставил у нас, составляя свод, расположить его по теории Бакона! Заставил заглянуть в Бентама etc.! И, наконец, заставил и нас сделать участниками в складах этой кодификации и объяснить нам, почему так сделано, а не иначе.

В журналах твоих доселе еще ничего не имел счастие встретить. Всё общие места. Впрочем, вообще я теперь занимаюсь мало, гуляю много, шесть часов провожу у Пассеков, и это время есть самое приятное, время какого-то тихого наслаждения. Там отдыхаю я от бурных порывов своей фантазии и дикой и вольной, там не гроза, а небо чистое и голубое. Сколько я обязан этому семейству! Вадим уехал с женою, Евгений здесь, *но это не Вадим*, далеко отстал.

От Носкова на днях письмо — наконец — горячее, теплое, одним словом письмо от Носкова. Что за прелестная душа! Он просит тебя, заклинает беречь здоровье — береги его! Он теперь живет одним прошедшим, одним воспоминанием нашей дружбы ⟨...⟩[1]

[1] Автограф поврежден.— *Ред.*

Сатину 1-я.

Мне — 2-я серебряная.

Обижаюсь ли я этим! Нет, это уж что-то чересчур глупо. И мне ли состязаться с... с Драшусовым.

Шеншину золотая медаль и кандидатство.

Pereat Academia!
Pereant Professores!

Я с одним Максимовичем останусь знаком. Бог с ними и с Лапласом в карикатуре — Перевощ⟨иковым⟩, и с университетским Талейраном — Щепкиным, и с допотопным — Ловецким, и с косинусом рода человеческого — Коцауровым, и с Бомбастом Парацельсом в миниатюре — Павловым etc., etc. Впрочем, замечу, что Гейман со мною превосходительным образом поступил.

У Лахтина бываю.

Кетчера видаю редко.

Ив⟨ан⟩ Обол⟨енский⟩ — действит⟨ельный⟩ студент.

Кандидат Ал. Герцен.

14. Н. А. ЗАХАРЬИНОЙ

6 июля 1833 г. Москва.

Июля 5 или 6, не знаю.

Напрасно, Наталья Александровна, напрасно вы думаете, что я ограничусь одним письмом; вот вам и другое. Мне чрезвычайно приятно писать к тем особам, с которыми есть какое-то сочувствие. Таких людей так мало, так мало, что и дести бумаги не изведешь в год к ним на письма.

Я кандидат — это правда; но золотую медаль дали не мне; впрочем, дали такому человеку, с которым я бы постыдился вступить в соперничество. Весь университет дивится этому. Мне серебряная медаль. Одна из трех!

Замечание Эмил⟨ии⟩ Мих⟨айловны⟩ на мое письмо, вероятно, очень хорошо; но я его совершенно не понял и не постигаю, почему самую простую фразу обратить в насмешку и с этой насмешкой вспомнить давно забытое что-то. Я очень благодарю Эм⟨илию⟩ Мих⟨айловну⟩ за участие в моем кандидатстве.

Живу я теперь — небо копчу, т. е. почти ничего не делаю. Ежели гулять не дело, ежели купаться не дело, ежели есть не дело? Вчера был я с Пассеками на Воробьевых горах, это священное место для меня. Там я еще при переходе из младенчества в юношество более и более знакомился с Огаревым, там дове-

ряли мы друг другу мысли, томившие души наши, там бывал я чистым, восторженным юношею, и теперь, во многом разочарованный, кое-где сожженный страстями, я с восхищением перебирал там все перемены, бывшие со мною в эти 10 лет; может, во многом я улучшился; но это не в самое последнее время. У меня есть статья о Воробьевых горах, я ее прочту вам и Эм⟨илии⟩ Мих⟨айловне⟩, я о ней, кажется, уж говорил вам. Дивно действие нагорного воздуха. Какая-то гармония, звенит в ушах, вы задыхаетесь, вы готовы плакать. Все земное исчезло, все небо на земле. И тут-то, тут-то иметь возле себя друга и ему перелить свои ощущения, не через холодильник пера, а пламенной, каленой лавой речи. Но, впрочем, в эти торжественные минуты мало или ничего нельзя говорить. Земной язык недостаточен. Музыка, одна музыка, неопределенная, таинственная, перенесет душе ощущение другой души. Я заврался, извините.

Право, более писать не о чем; была ужасная гроза, перебило несколько человек; вообще не проходит недели, чтоб не было или вьюги, или града, или чего-нибудь. Жары смертные, для меня это всего ужаснее, ибо и внутри жар и снаружи жар,— есть от чего сделаться котлетой жареной. Это презабавно, будут подавать котлеты из Герцена, немножко сухо мясо! Вот вам и Эм⟨илии⟩ Мих⟨айловне⟩ новые стихи Огарева, которые недавно получил из Пензы. Княгине Мар⟨ье⟩ Ал⟨ексеевне⟩ мое *глубочайшее* почтение. Эм⟨илии⟩ Мих⟨айловне⟩ *дружеский* поклон, вам — два.

Александр Герцен.

Сегодня Акт, но я не был! Ибо не хочу быть вторым при получении награды.

15. Н. П. ОГАРЕВУ

19 июля 1833 г. Москва.

Друг Огарев!

Еще письмо от тебя, еще радость! Дивна моя симпатия с тобою, мы разны, очень разны: в тебе скрытая неразвитая, глубокая поэзия — involuta, у меня есть поэзия некоторым образом глубокая, но живая, яркая, поэзия экспансивная — evoluta. Меня раз увидишь и отчасти знаешь, тебя можно знать год и не знать. Твое бытие более созерцательное, мое — более пропаганда. Я деятелен, ты лентяй, но твоя лень — деятельность для души. И при всем этом симпатия дивная, какой нет ни с кем решительно, но симпатия и не требует тождества. Глубокое познание друг друга, взаимное дополнение — вот начала этой дружбы, сильной выше всяких обстоятельств.

Ты прав, saint-simonisme имеет право нас занять. Мы чувствуем (я тебе писал это года два тому назад и писал *оригинально*), что мир ждет обновления, что революция 89 года ломала — и только, но надобно создать новое, *палингенезическое* время, надобно другие основания положить обществам Европы; более права, более нравственности, более просвещения. Вот опыт — это s⟨aint⟩-sim⟨onisme⟩. Я не говорю о нынешнем упадке его, таковым я называю его религиозную форму (P⟨ère⟩ Enfantin) etc. Мистицизм увлекает всегда юную идею. Возьмем чистое основание христианства — как оно изящно и высоко; посмотри же на последователей — мистицизм темный и мрачный. Есть еще «Système d'association par Fourier». Ее ты прочтешь в «Revue Encyclopédique» за февраль 1832. Цель оправдывает странности.

Я теперь крепко занимаюсь политическими науками, т. е. одно начало. Читал Lerminier, буду читать Вико, Montesq⟨uieu⟩... и пр. Это моя вокация. Da bin ich zu Hause[1]. Итак, как известно вашему благородию, вся умственная сторона моя теперь начинает быть функциею одной идеи. Но эта неделимость перенеслась и в другую систему, к чувствованиям. Огарев, слушай: я, Герцен, влюблен по уши. Мне трудно признаваться в таких вещах, но говорю тебе с священным условием: ни одной насмешки, ни одного слова холодного — слышишь, это будет обида твоему другу, который теперь в одно время сделал эту доверенность и тебе и себе. Огарев, ты открыл новый мир в Шеллинге, я — в любви, мир дивный и чудесный, мир поэзии и гармонии. Довольно.

Ты не можешь вообразить, какая деятельность опять у меня: так кровь и кипит; учиться, учиться, а потом писать; слава, ей ли не жертвовать, когда жертвуют богатству, вину, девкам. Ты, Вадим и я — мы составляем одно целое, будем же жить чисто умственною жизнию; науки (ты понимаешь, что я говорю в обширном смысле), науки пусть займут всю жизнь. Жаль, что Вадим не обеспечен материально, а деятельным я возьмусь его сделать.

Огарев! Для полного поэтического развития тебе остается влюбиться, это необходимо.

Лахтин сегодня со мною был у Сазонова.

Савич тебе кланяется, Вадим сам, кажется, пишет.

Addio, carissimo[2].

Твой Alter Ego
Алекс. Г е р ц е н.

---

[1] Здесь я дома (нем.); [2] Прощай, дражайший (итал.).— *Ред.*

Рецепт твой для чтения мне несистематичен, и потому дозвольте не совсем ему следовать.

(Москва. Июля 19.)

На конверте: Его благородию милостивому государю Николаю Платоновичу Огареву. Саранского уезда, в селе Старое Акшино. В Саранск.

16. Н. П. ОГАРЕВУ

1—2 августа 1833 г. Москва.

1 августа 1833. Москва.

Друг Огарев! Ты мало пишешь, ты редко пишешь (у Лахтина в письме есть, правда, извинение), ты сделался шеллингистом. Это, впрочем, недурно — но отчасти. Ибо надобно *приложение*. как говорит *наш знакомый*. Шеллинг — поэт высокий, он понял требование века и создал не бездушный эклектизм, но живую философию, основанную на одном начале, из коего она стройно развертывается. Фихте и Спиноза — вот крайности, соединенные Шеллингом. Но нашему брату надлежит идти далее, модифицировать его учение, отбрасывать ipse dixit[1] и принимать не более его методы. Причина: Шеллинг дошел до мистического католицизма, Гегель — до деспотизма! Фихте, этот Régime de terreur философии (как называет Кине), по крайней мере хорошо понял достоинство человека — но об этом пространнее при свидании, которому пора уже настать. Я дочитываю Lerminier. Хорошо, но не отлично. Виден юноша, вообще он хорош, разбирая системы, но там, где он говорит от себя, несмотря на всю французскую prolixité [2], несмотря на неологизмы, есть что-то недоделанное, неустоявшееся. Теперь я перееду в Рим с Мишле. Вот система чтения сциентифического, начерченная мне Морошкиным: Heeren's Ideen, Michelet, Vico, Montesquieu. Herder, Римское право Макелдея, пол⟨итическая⟩ экономия Сэя и Мальтуса. Весьма недурно, и Лахтин уже прежде меня начал читать. И тебе надобно хорошенько заниматься. Я хочу, чтоб ты, будучи в Москве, два вечера проводил у меня, и мы их exclusivement [3] посвятим наукам. Хочешь ли? Много, много есть кой о чем поговорить: ежели я после выхода из университета немного сделал материального, то много сделал интеллектуального. Я как-то полнее развился, более определенности, даже более поэзии. Нам недостает еще положительности (ибо она основана на бесчисленном множестве фактов) и отчетливости иногда, это порок юношества!

---

[1] сам учитель сказал (лат.); [2] многословность (франц.); [3] исключительно (франц.).— *Ред.*

От Носкова еще письмо. Я виноват, что доселе не написал тебе его адреса, впрочем, я извинился перед ним в этом. Вот он:

Его бл⟨агородию⟩ м⟨илостивому⟩ г⟨осударю⟩ М. П. Носкову. Помощнику контролера при артиллерийском департаменте военного министерства в СПб.

Савич уехал в Петербург, он отправляется на 6 лет в Дерпт на казенный счет, а после должен 6 лет прослужить орд⟨инарным⟩ профес⟨сором⟩. Хорошо это или худо? Для него хорошо, ибо он весь в науке. А наука — космополит. Прощай, подожду писать,— может, получу от тебя.

2 августа.

И в самом деле вот от тебя крошечная записка с чайльд-гарольдовским направлением. Напрасно ты будешь теперь от меня ждать мрачных дум; на сию минуту довольно счастлив. Ибо живу на воле, занимаюсь *своею частию*, *я люблю*, *и я любим!* Тебе это, брат, ново, неизвестно. Это целый океан, глубокий, волнующийся и часто спокойный, освещенный солнцем. Но мрачные думы не всегда приходят в несчастии, это есть особое основание ясной задумчивости, особый демон, у меня — сомнение; вот рана моей души; я не имею этой живой фанатической веры ни во что, убеждение — не вера, и в те минуты, когда à corps perdu [1] бросаешься в любимую мечту, сомненье с своими маленькими глазами, с эпиграммою на устах, с иронией в лице одним замечанием бросает вниз.

Я теперь пристально занимаюсь христианством. Огарев, с каким стыдом должны мы думать, что доселе не знали Христа! Какая высота, особенно в посланиях Павла.

Прощай.

Ал. Герцен.

На конверте: Его благородию милостивому государю Николаю Платоновичу Огареву. Пензенской губ. Саранского уезда в с. Старое Акшино.

17. Н. А. ЗАХАРЬИНОЙ

Начало августа 1833 г. Москва.

Хотя и очень недавно я писал к вам, Наталья Александровна, но хорош случай, жаль пропустить, и потому я пишу опять (вы в прошлый раз сами ничего мне). Татьяна Петровна едет на днях к дяде в Тулу, который за нею прислал лошадей. Но ее еще здесь нет. Пассеки все здоровы. Вот ответы на ваши вопросы. Теперь остается, пожелав вам покойной ночи и приятного сна (ибо, верно, у вас спать — одна из самых значительных забав), повторить искреннейшую преданность.

Ал. Герцен.

[1] очертя голову (франц.).— *Ред.*

Эм⟨илия⟩ Мих⟨айловна⟩ больна *тоскою по Москве;* есть очень действительное лекарство — воротиться в Москву, чему и я весьма буду рад.

18. Н. П. ОГАРЕВУ

7 или 8 августа 1833 г. Москва.

Друг мой, друг мой! Крик вырвался из груди моей, когда я прочел твое письмо (июля 29). Какая глубина поэзии, это поэма, поэма высокая, целая! Ради бога, поддерживай это расположение, à bas[1] чувственность— и я тебе, я, твой друг Герцен, ручаюсь, что твое имя будет греметь; тебе это, может, мало льстит, но ты знаешь, это моя слабость. Да, ты поэт, поэт истинный.

И я не в бездействии, я много размышляю, много думаю, но писать не стану много, более при свидании. Предмет мой — христианская религия; Носков говорил, что это его поэзия — мы не умели понимать Носкова. Вот очерк: развитие гражданственности в древности было односторон⟨не⟩. Греки и римляне не знали частной жизни, а общая жизнь была не гармония, но искусственный синтезис. Платонова республика вполне показывает даль тогдашней философии от истины. Аристотель хвалит рабство. В формах нет *развиваемости*, не было мысли вперед, может, оттого, что каждое государство жило тогда отдельно, должно было раз блеснуть, раз служить ступенью роду человеческому — и потухнуть. Римлянин, как скоро вселенная пала к его ногам, стал рабом в республиканском платье; просто Рим начал гнить; в это время являются кимвры и тевтоны,— девственные народы Севера начинали выливаться в Италию, чистые, добродетельные. Должны ли они были погубить себя без возврата в смердящемся Риме? Обновленья требовал человек, обновленья ждал мир. И вот в Назарете рождается сын плотника, Христос. Ему (говорит апос⟨тол⟩ Павел) назначено примирить бога с человеком. Пойми его, не хочет ли он, великий толкователь Христа, сказать сим, что Христос возвратит человека на истинный путь, ибо истинный путь есть путь божий. «Все люди равны»,— говорит Христос. «Любите друг друга, помогайте друг другу» — вот необъятное основание, на котором зиждется христианство. Но люди не поняли его. Его первая фаза была мистическая (католицизм); но вред ли это? Нет (об этом после, как-нибудь). Вторая фаза — переход от мистицизма к философии (Лютер). Ныне же начинается третья, *истинная*, *человеческая*, фаланстерская (может быть, с⟨ен⟩-симонизм??).

Вникая во вторую фазу, мы видим два разные движения с противуположных сторон (в переходном состоянии так быть должно + а 0 — а): одно мистическое еще, другое чисто фило-

[1] долой (франц.).— *Ред.*

софское; это Вольтер, Локк, сенсуалисты! Я думал, что это мысль совершенно новая и моя, я лелеял ее — но ныне нашел это у Didier: да, сенсуализм действовал на политический мир в смысле христианства. (Развивать не стану, я пишу одни результаты.) Но вот в чем я не верю Didier — это в его мнения о папе; он говорит, что это было высшее проявление христианства, выраженное в одном лице. Нет, мне (это мысль решительно моя) папу объясняет Юг. Юг — сенсуалист, чувственник; пылкая природа, знойное солнце Юга делает его ближе к земле, и вот невещественная религия Христа, рожденная в погибающих племенах семитических, религия, не свойственная Азии, *религия народов германских и славянских по преимуществу*, овеществляется на Юге в папе. Что был Рим? Мужик с сильными кулаками. И Рим папы была вещественная сторона, материальная сила христианства, а решительно не идея. Вот тебе на первый случай. Не дери этого письма, сбереги, может, оно мне будет нужно, ибо я теперь в каком-то восторге от твоего письма. И в холоде не в состоянии буду воспроизвести этого.

Я написал небольшую статейку в роде Жан-Поля, аллегорию. Многим она нравится, и даже мне. Теперь я оканчиваю Историю Мишле — хороша очень, а там примусь за Тьерри. Теперь, Огарев, к себе обращаюсь, и ты, не оборачивая листа, уже знаешь, о чем буду писать...

Ты не сказал холодного слова; благодарю, друг, не тебя, но поэтическое расположение, в котором ты ко мне писал. Ты пишешь: «Кто *она*, я подозреваю». Ну, Огарев, докажи, что симпатия наша до nec plus ultra, что ты пророк (как пишешь), и напиши, про кого ты думаешь; мне тайный голос говорит, что ты отгадал, и я буду в восторге, ежели это подтвердится. Но не бойся, любовь меня не поглотит; это занятие пустого места в сердце, идея со мной, идея — я. Любовь — див⟨ное⟩ чувство, и она меня любит так, как я хот⟨ел⟩, ее *я* погибло во мне... «Может быть,— говорит мне иногда адское сомненье,— может быть, ненадолго».

Может быть,
а может быть и нет.

Она первая решилась мне сказать, что любит меня... Она мне писала: «Ты мой мир, кроме тебя ничего, *всё, всё — мой Александр*».

А Александр, между прочим, и твой ведь, уж подписи-то не нужно.

Вадим здесь, завтра едет в Тулу.

Прощай. Герцен.

Августа 7 или 8.

Вообрази, Огарев, моя мысль о сравнении Петра с Реформациею напечатана Погодиным.

19. Н. А. ЗАХАРЬИНОЙ

5, 12 или 19 августа 1833 г. Москва.

Любезнейшая Наталья Александровна!

Жалею, что вы так врасплох просите у меня книг; ей-богу, нету; посылаю «Уранию», там повесть «Нищий». И роман Вальтер Скотта. Статья моя уж более не моя! Стихи вы найдете списанными на другой стороне записки; для меня они прелестны; как видна душа чистая, неземная, где еще не померкло небесное начало ее. Впрочем, у всякого свой вкус! Боюсь дурной хвалой портить. Эмилье Мих⟨айловне⟩ кланяюсь и очень желаю, чтоб вам обеим время шло весело.

До свиданья. Ал. Герцен

ОТРАДНЫЙ МИР

С тех пор, как я сроднилась
С страданьем горьким и тоской,
Звезда надежд моя затмилась
И ненавистен край земной!

Но есть мир вечный и прекрасный,
Куда летаю я.
Где чувствую душою страстной
Всю прелесть бытия.

Тот мир открыт для наслажденья,
В нем вечная любовь,
В нем нет тоски, и нет мученья,
И страсти не волнуют кровь.

Л.

Удивительно' ли, Natalie, что я там бываю почти всякий день и все мало; вот образчик первый попавшийся чувств и души не у одной особы, а у всего семейства.

Александр Герцен.

Суббота.

20. Н. П. ОГАРЕВУ

31 августа 1833 г. Москва.

1833. 31 августа.

Друг Огарев! Получил от тебя письмо от авг⟨уста⟩ 18, оно мне доставило бездну удовольствий; во-первых, ты мастерски отгадал: *из трех меньшая;* она, она. Не думай, друг, чтоб я худо понимал любовь, я ее вполне не токмо понимаю, но чувствую. Огарев, я ужасно счастлив. У меня всё есть, *друг* и друзья, есть *она*, которая любит меня до безумия, и я это знаю, есть сила души и воли, которая обусловливает мне поприще деятельности и славу. Чего же мне? Да, я счастлив, и что-то дивное льется по душе. Понимаю, что за высота быть музыкантом.

Музыка, одна музыка как-нибудь выразила бы внутреннюю *гармонию*, не борение — *гармонию*. А не наш язык, язык прозы, язык земли и праха.

Вот новые мысли и ипотезы мои. Век анализа и разрушений, начавшийся Реформациею, окончился революциею. Франция выразила его *полноту;* поелику же народ выражает одну идею, а Франция выразила свою в век критический, то и возникает вопрос: в ней ли будет *обновление?* Кажется, по феории, нет, да и разбирая фактально, выйдет то же. Французский народ в грубом невежестве; сверх того, он сделался участником разврата XVIII столетия, он нечист. Годился рушить, но им ли начинать новое, огромное здание обновления? Где же? В Англии? Нет, ее девиз — эгоизм, их патриотизм — эгоизм, их тори и виг — эгоисты, нет характера общности, нет пространного основания. Норманны дали англам Magna Charta, Европа не участвовала; был Кромвель — Европа в стороне. Где же? Я смело отвечаю: в Германии, да, в стране чистых тевтонов, в стране вемических судов, в стране Burschenschaft[1] и правила: Alle für einen, einer für alle![2] Дивятся поверхностные люди, что Германия не принимает ярко нынешнее направление; но что такое нынешнее направление — une transaction entre la féodalité et la liberté[3], контраст между господином и слугою; но не нужно ни господина, ни слуги. С чего же Германия начала — с просвещения. Вот ответ-то! Франция, кичливая своим просвещением, послала в 1830 году Кузеня в Пруссию. Кузень удивился. А Пруссия, всякий знает, не есть лучшее. Некоторая часть Виртемберга, Веймар гораздо выше. Я остановлюсь, ты понимаешь мою мысль; я ее обработаю в статье *для друзей.*

21. Н. А. ЗАХАРЬИНОЙ

~26 декабря 1833 г. Москва.

Сделайте одолженье, любезнейшая Наталья Александровна! Уверьте княгиню Марью Алексеевну, что я упал самым безвредным образом, и поблагодарите за участие и внимание. Эмилье Михайловне мое почтение. Я на днях сам буду.

Весь ваш Александр Герцен.

---

[1] студенчества (нем.); [2] Все за одного, один за всех! (нем.); [3] компромисс между феодализмом и свободой (франц.).— *Ред.*

1834

22. Н. А. ЗАХАРЬИНОЙ

До 20 июля 1834 г. Москва.

Терпеть не могу переписывать, устал, как собака.

А. Г.

Да почему Эм⟨илия⟩ Мих⟨айловна⟩ не приписывает ни строчки?

Пассеки все клан⟨яются⟩ и пр. и пр.

Маменька вам и Эм⟨илии⟩ Мих⟨айловне⟩ кланяется.

23. Н. А. ЗАХАРЬИНОЙ.

До 20 июля 1834 г. Москва.

Natalie! Мы ждем вас с нетерпением к нам, маменька надеется, что, несмотря на угрозы вчерашние от Егора Ив⟨ановича⟩, Эмилия Михайловна *наверное* будет к нам.

Итак, до свиданья.

Весь ваш

Алекс. Герцен.

На обороте: Наталье Александровне.

24. Н. А. ЗАХАРЬИНОЙ

10 декабря 1834 г. Москва.

10 декабря 1834.

Сейчас написал я к полковнику письмо, в котором просил тебе о пропуске; ответа еще нет; вероятно, спросят твою фамилью, и ты также будешь упомянута между нашими возмутительными,

кинжальными именами. Но у вас это будет труднее обделать, я полагаюсь на маменьку. Ты бы могла прожить сто лет, не побывавши в жандармской казарме у арестанта. Итак, твое счастие насчет меня, ты была последний из моих друзей, которого я видел перед взятием (мы расстались с твердою надеждою увидеться скоро, в десятом часу, а в два часа я уже сидел в части), и ты первая опять меня увидишь — зная тебя, я знаю, что это тебе доставит удовольствие, будь уверена, что и мне также, ты для меня родная сестра, иначе я не почитаю. Мне раздирают душу твои домашние неприятности, положение твое ужасно; но несчастия приносят ужасную пользу, они поднимают душу, возвышают нас в собственных глазах.

О себе много нечего мне говорить, я обжился; привык быть колодником, выброшенным из общества, государственным преступником, на будущее я не смотрю — что будет, то будет; самое грозное для меня это разлука с Огаревым, этот человек мне нужен, необходим, я без него — один том недоконченной поэмы, отрывок. И как он тверд в своем несчастии! Но его ли глубокой душе потрясаться от этих земных толчков; его ни разу не видал — т. е. порядочно, но однажды я сидел один в горнице в Комиссии, допрос кончился, но нам не дают встречаться; из моего окна видны были освещенные сени; вдруг подали дрожки; я бросился инстинктом к окну, отворил форточку и видел, как сел плац-адъютант и с ним Огарев; я весь дрожал, как влюбленный,— но дрожки укатились, и ему нельзя было меня заметить; я сам едва его видел, едва разглядел,— может, даже это был не он. Неужели нам суждена гибель, и какая гибель, немая, глухая, о которой никто не узнает. Зачем же природа дала нам эти огненные души, стремящиеся к деятельности и к славе, неужели это насмешка — о, в таком случае это самая забавная насмешка, так смеялся, я думаю, Абадонна, падая с рая в ад. Но нет, здесь в груди горит вера сильная, живая. Есть провидение! Я читаю с восторгом четьи минеи; вот где божественные примеры самоотвержения, вот были люди!

Итак, Эм〈илия〉 Мих〈айловна〉 будет в Москве, и вы с ней будете говорить пантомимами — хорошо; но я никак не буду с ней говорить, ибо не надеюсь на скорый выпуск; стоит раз поймать человека, уж они постоят за то, чтоб не отворить клетку. Может разве, по старому русскому обычаю, к Святой откроют клетку. Жаль, но que faire![1]— Я слышал, ты читала «Пиковую даму». Игра —это страсть, о которой ты не имеешь никакого по-

[1] что делать! (франц.).— *Ред.*

нятия, но страсть сильная, часто волнует она меня, и стоит раз пуститься мне — я сделаюсь самым бешеным игроком, но я боюсь, как Герман.

Прощай и помни и люби брата твоего

Ал. Герцена.

Ответ получил, но не слишком веселый, позволения пропускать не дают.

На обороте: Наташе.

25. Н. А. ЗАХАРЬИНОЙ

31 декабря 1834 г. Москва.

31 дек⟨абря⟩.

Я ужаснулся, написав тебе прошлую записку, и долго думал, посылать ли ее, и еще более ужаснулся, получив твой ответ. Никогда не возьму я на себя той ответственности, которую ты мне даешь, никогда! Я предложил тебе быть другом, и другом в полном смысле, т. е. я хотел сообщить тебе взгляд истинный на людей; но при сем я предположил твердость характера, которая у тебя и есть и которая необходима; я знаю, что у тебя есть много *своего*, зачем же ты так отдаешься в волю мою? Ты еще не совсем знаешь меня, во мне худого, может, более, нежели доброго; я знаю себя, мое воображение испачкано, мое сердце замарано, пятно разврата въедается глубоко, стереть его могут одни несчастия, зачем же ты говоришь: «Делай из меня что хочешь?» Нет, я хочу, *чтоб ты сделала из себя то, что ты можешь из себя сделать;* с своей стороны, я берусь способствовать этому развитию, отнимать преграды. Я ненавижу покорность в друзьях, я ее только хотел бы в толпе, покорность унижает. Я не так мил себе, чтоб хотеть видеть в тебе себя; нет, я хочу *в тебе видеть тебя*, и тебя так, как создал бог твою душу, без примеси обстоятельств, потому что бог твою душу хорошо создал. Пойми меня и не толкуй вкривь все сказанное тут; это не отказ, но объяснение. Скажу яснее: я не хочу, чтоб ты отвергла все узы родства оттого, что я их отвергаю; сойди в свою душу, и спроси себя, и слушай ответ, я, с своей стороны, только сделаю вопрос. Впрочем, я знаю, что ты писала свою записку *сгоряча*, а тут пишется многое, что не согласно с холодною мыслию.

Что касается до твоего положения, оно не так дурно для твоего развития, как ты воображаешь. Ты имеешь большой шаг над многими, тебя опыт научил кой-чему; правда, опыт учит железною рукою, но зато его уроки с плодом. Ты, когда начала пони-

мать себя, очутилась одна — одна во всем свете. Другие знали любовь отца и нежность матери, у тебя их не было. Никто не хотел тобою заняться, ты была оставлена себе. Что же лучше для развития? Благодари судьбу, что тобою никто не занимался; они тебе навеяли бы чужого, людского, они согнули бы ребяческую душу; теперь это поздно. Ежели же ты говоришь о светском воспитании, надобно уметь презирать его; оно хорошо и полезно для людей, которые не имеют никакого звука, ибо оно им придает вид людской. У кого же есть душа, тот в ней найдет более, нежели в воспитании. Ты как будто жалеешь, что твоя жизнь несчастлива, но на что счастие, и какое счастие здесь на земле?

Еще замечание: ты пишешь, что ты обрекла себя прежде на *гибель безвестную;* я не понимаю последнего слова. Чего же ты хочешь — известности, славы? Храни бог, чтоб тебя коснулась эта ужасная болезнь; я испытал и испытываю, что это такое, и не могу подняться до самоотвержения, потому что я нечист, потому что мысль эта запала слишком рано в грудь ⟨мою⟩, слишком истерзала ее,— но ты... впрочем, может, ты м⟨еня⟩ понимаешь.

Прощай.

Твой брат И с к а н д е р.

У колодника нет праздника и нет Нового года; но у вас есть,— поздравляю.

31 декабря 1834.

Ежели тебе нет средств беречь мои записки, жги их; беда тебе, ежели попадутся М⟨арье⟩ С⟨тепановне⟩.

При сем записка к Эм⟨илии⟩ Мих⟨айловне⟩.

На обороте: Mademoiselle
Mademoiselle Natalie

1835

26. Н. А. ЗАХАРЬИНОЙ

8 февраля 1835 г. Москва.

Наташа, тебе как сестре Герцена Герцен не боится прямо объявить новость, которая с виду хуже, нежели в сущности. Комиссия приговорила меня, Огарева и Сатина (кроме некоторых еще) сослать на 5 лет на Кавказ. Но обыкновенно государь, утверждая, уменьшает срок вполовину; итак, я поеду на 2 года на Кавказ, там дивная природа, дикая и необузданная, как черкесы; мне эта новость и не горька, и не сладка, лучше на Кавказе 5 лет, нежели год в Бобруйске. Хуже всего, что все то время должно пропасть в моей карьере, ежели забудем пользу от занятий. Я не разлюбил Русь, мне все равно где б ни было, лишь бы дали поприще, идти по нем я могу; но создать поприще не в силах человека. О боже, боже, когда же сбудется хоть одна мечта из тех, которые раздирают мне душу,— неужели никогда?..[1]

У меня была Эмилья Мих⟨айловна⟩; спасибо ей, не забыла колодника. Очень мало людей, которых я желаю видеть теперь, она в этом числе; я люблю людей, которые ярко чувствуют, на них не так заметно клеймо, которым чеканит людей судьба, «нужных на мелочные расходы», как сказал кто-то.— Она меня весьма потешила твоей встречею с к⟨нязем⟩ Оболенским. Бедная Natalie! Тебе достается за брата; но, ей-богу, твоя дружба ко мне имеет самый звонкий отголосок в моей душе. Ни в счастье, ни в тюрьме, ни ссыльным я не переменюсь. У тебя, говорят, мысль о монастыре — не жди от меня улыбки при этой мысли, я понимаю твою мысль, она высока; но ее взвесить надобно очень и очень; неужели тебе не волновала грудь мысль сильная, огненная — любовь? Монастырь — отчаяние; теперь нет монастыря для молитвы. А ты разве сомневаешься, что встре-

[1] *Позднейшее примечание Герцена:* Сбылась мечта и совсем не та, о которых думал!

тишь человека, который тебя будет любить, которого ты будешь любить? О, с какою радостью я возьму его руку и твою — он будет счастлив, у тебя прелестная душа. Ежели же этот он, этот идеал, который зреет с 16 лет в груди девушки, не явится,— иди в монастырь, это в мильон раз лучше пошлого замужства. Но, ради бога, думай об этом дольше.

Сегодня уезжает из Москвы капитан Ивашкин, бывший жандарм; поверишь ли, что я с ним прощался тронутым; он простой, добрый человек и более ничего, но он первый принял участие в преступнике, которого боялись, он первый протянул без всяких мыслей мне здесь руку. О, как чувствительны эти знаки в моем положении, как больно, обращая глаз свой, видеть коварные глаза чиновников тайной полиции и их исполнителей!

Прощай. Твой брат Искандер.

8 февр⟨аля⟩.

На обороте: Наташе.

27. Н. А. ЗАХАРЬИНОЙ

10 или 17 февраля 1835 г. Москва.

Каких чудес на свете не водится, Natalie, я, прежде нежели получил последнюю твою записку, отвечал тебе на все вопросы, как будто в магнетическом ясновидении. Я слышал, ты больна, грустна. Береги себя, пей с твердостью не столько горькую, сколько отвратительную чашу, которую наполняют тебе *благодетельные* люди. Насчет меня ты мечтаешь, как ребенок, т. е. как существо чистое и незнакомое с людьми.— Не одиночество, а размышление довело меня до страшных следствий; конечно, бывают минуты грустные и от одиночества, но не все от него. Не стыдно ли думать, что я сержусь за такой вздор; это тебе, верно, сказали шутя; очень много надобно, чтоб рассердить меня.

Я вспомнил анекдот, думая о твоем намерении идти в монастырь. В 1820 году австрийское правительство хватало и судило за карбонаризм всех итальянцев. Между прочими взяли поэта Сильвио Пеллико. У него была сестра, которую он ужасно любил. Пеллико был приговорен к смерти и *по милосердию* монарха отослан на десять лет в подземелья Шпигельберга. Сестра его, не перенося разлуки, пошла в монастырь. И как прелестно описывает Пеллико чувство, с которым он узнал в мрачной тюрьме судьбу сестры. Его друг, заключенный с ним вместе, Марончелли, написал поэму ей в честь[1]. Прошли 10 лет; в 1831

[1] Там, по крайней мере, не разлучают друзей, и не приятнее ли цепь, за которую скован человек с рукою друга.

году Сильвио, худой и изнеможенный, вышел из подземелья, полетел в свою Италию, и что же он нашел?— Один гробовый крест на могиле своей сестры... Ужасная минута для брата.

Прощай, я тороплюсь, хочу писать, и уж некогда, и пишу именно для того, чтоб тебя рассеять чем-нибудь; мне досадно, что ты грустна.

J'ai l'honneur de vous saluer[1].

Искандер.

Воскрес⟨енье⟩.

На обороте: Наташе.

28. Н. А. ЗАХАРЬИНОЙ

21 февраля 1835 г. Москва.

В горестях есть какая-то сильная поэзия. Вообрази себе эту минуту, когда Христос сказал, что его предадут ученики, и опечаленный Иоанн, юноша-любимец, склонил свою главу на грудь Спасителя. Какое счастие может сравниться с этой минутою — для них обоих. Как сладко было склонить Иоанну свою голову на эту грудь, в которой созрела мысль перерождения человека и в которой были силы и выполнить ее, и сесть рядом с богом, и погибнуть за людей. И с каким чувством смотрел Христос на евангелиста-поэта, который так вполне понял его и так чисто предался ему. Но где же *наш* Христос? Кому *мы* склоним на грудь опечаленную голову? Неужели мы ученики без учителя, апостолы без Мессии? Я готов переносить страдания и не такие, как теперь; но не могу снести холода, с каким смотрит свет на нас оловянными глазами; пусть бы нас ненавидели, это всё лучше. Вот колодник Петр в цепях приближается к Риму, и весь народ бежит встретить его; нас кто встретит и кто проводит? Может, один смех. Меня в комиссии обвиняли в сен-симонизме; я не с⟨ен⟩-симонист, но вполне чувствую многое с ним заодно. Нет жизни истинной без веры...

Господи, как этот опыт показал мне людей; нынче в моде ругать людей и век, не потому я говорю, а по глубокому убеждению... Одни грустные звуки вырываются из моей души нынче, она похожа на монастырский колокол...

Статью ты получила, слышал я сейчас; прошу обратить внимание на IV главу (разговор игумна, с эпиграфом из Августина), это, может, лучшее, остальное всё — гиль... Твое *беспристрастное* мнение о ней. Addio.

Ал. Герцен.

21 февраля.

На обороте: Наташе.

---

[1] Имею честь кланяться вам (франц.).— *Ред.*

29. Н. А. ЗАХАРЬИНОЙ

Январь — февраль 1835 г. Москва.

Теперь я понял le ton de l'exaltation[1] твоих записок, ты влюблена. Я не претендую на то, что ты мне не сказала этого сама, ибо эти вещи трудно говорятся. Но я знаю и посему почитаю вправе говорить с тобою об этом. Ни слова об опасности любить, о цели, о плане — это все не по моей части. Но достоин ли он тебя? Умеет ли, может ли любить?— Пришли мне листок его журнала, я тебе его возвращу, но тогда я буду судить холодно, строго, как палач. Ты не знаешь, что такое люди, и еще менее, что такое юноша; между юношею в 19 лет и в 23 уж нет сходства. это разные люди. Не трать напрасно своего сердца, не играй страстями, обожжешься, верь мне в этом, я опален со многих сторон. Я знаю, что по большей части les premières amours[2] это ничего, c'est de l'eau tiède[3], это один опыт; но зачем же изнашивать рано сердце? Я не знаю его— но у меня нет голоса внутри, который бы говорил, что он достоин моей сестры. Повторяю, что не знаю его, не обижайся. Но верь, что ежели бы от меня зависел этот выбор, я был бы ужасно разборчив, разве ты не знаешь себя, что так неглиже бросаешь свое сердце первому встретившемуся, оттого что он первый? Ежели ты мне напишешь, что уже решено, кончено, ты любишь его сурьезно,— я умолкну, ибо тут оканчивается власть брата; еще более, я готов всеми силами помогать тебе. Но слова эти мне надобно было сказать. Ты знаешь ли, что такое люди обыкновенные?.. Иоанн, поэт-евангелист, сказал: «*Ты ни холоден, ни горяч. О, естьли б ты был холоден или горяч!*» Впрочем, они могут *составить счастие;* но твое ли это счастие, Наташа, ты слишком мало ценишь себя. Лучше в монастырь, нежели в толпу.

Помни одно, что я говорю потому, что я твой брат, потому, что я горд за тебя и тобою, потому, что я хотел бы, чтоб твоя жизнь была полна и изящна. Но ежели ты сама уже решила, то прости мне и знай, что я ничего не имею против твоей любви. Люби и не испытай никогда, что мои слова истинны. Пусть они ложь, лишь бы ты счастлива.

В горькую минуту послал я тебе прошлую записку, оттого она глупа, брось ее в печь.— Я с тех пор еще раз получил письмо от Ог⟨арева⟩, вот тебе выписка: «L'autre jour donc je repassais dans ma mémoire toute ma vie. Un bonheur qui ne m'a jamais trahi c'est ton amitié. De toutes mes passions — une seule qui est restée intacte — c'est mon amitié pour toi — car mon amitié

---

[1] экзальтированный тон (франц.); [2] первые влюбленности (франц.); [3] это теплая водичка (франц.).—*Ред.*

est une passion»[1].—О дружба! Ни слова более; но каково должен любить тот, у кого дружба — страсть.

Отчего ты не в ладу с Эмиль⟨ей⟩ Мих⟨айловной⟩; мне кажется, что, кроме меня да ее, у тебя уж нет друзей.

В заключение еще слово: он тебя любит, верю, что ж тут мудреного, и что же бы он был, ежели б не любил, видя хоть тень внимания; но я умоляю тебя, не говори ему о своей любви долго, долго, этот шаг ужасен (но, может, ты уже сказала?), тогда ты в его власти. Наташа, ежели б я мог рассказать тебе одно происшествие,— но я не могу сего сделать.

Прощай.

Твой брат Александр.

На обороте: Наташе.

30. Н. А ЗАХАРЬИНОЙ

Март 1835 г. Москва.

Март.

Наташа, друг мой, сестра, ради бога не унывай, презирай этих гнусных эгоистов, ты еще слишком снисходительна к ним, презирай их всех. Они мерзавцы. Ужасная была для меня минута, когда я читал твою записку к Emilie. Я весь трепетал. И она теперь в руках Льва Алексеев⟨ича⟩, и я писал ему письмо, писал и к папеньке, и *иное* выражение им не понравится. Но я один в ответе, мои плечи здоровы, они вынесут, лишь бы тебе помочь. Боже, в каком я положении, ну что я могу сделать для тебя,— колодник и не ныне — завтра ссыльный? Какая слабая опора. Клянусь, что ни один брат не любит более сестру, как я тебя, но что я могу сделать? О власть! Ежели теперь ты не будешь видеться с Emilie, пиши через меня к ней. Но что же тебе делать, еще не знаю, я слишком бешусь, чтоб рассуждать. А скоты, дураки счастливы!

Твоя записка об Ал⟨ександре⟩ С⟨ергеевиче⟩ получена, и я доволен тобою до крайности. Забудь его, коли так; это был опыт, а ежели бы любовь в самом деле, то она не так бы выразилась. Его журнал, par malheur[2], смешон, любовь к Поварской и пр... Но для чего ты пишешь: «Может, он надеется»? Пускай себе! Разве для него не довольны *счастливые дни*, которые ты ему дала, или разве ты виновата в том, что он любит. Это тебе должно быть приятно, и как же иначе! Привыкай к удивлению толпы, ты выше ее. Нет, что-то тяжело на сердце, погожу писать.

---

[1] «Как-то раз я мысленно перебирал всю свою жизнь. Счастье, которое никогда не изменяло мне, это — твоя дружба. Из всех моих страстей — лишь одна осталась неизменной — моя дружба к тебе, ибо дружба моя — это страсть» (франц.); [2] к несчастью (франц.).—*Ред.*

Ах, Natalie, несчастие нам суждено — но на что же счастие, я как-то всегда делаюсь выше после такой неприятности, прощай покаместь, истинный друг.

Я вообще стал как-то ярче чувствовать с тех пор, как выброшен из общества людей. И потому нынче провел так скучно, как нельзя более. Теперь я писал к Эм⟨илии⟩ Мих⟨айловне⟩, второй час, а все еще спать не ложусь; тут попалась мне повесть Гоголя («Арабески», ч⟨асть⟩II) «Невский проспект»; во всякое другое время я бы расхохотался над нею, но тут она свернула меня вдосталь. Поэт-живописец влюбился в публичную женщину; ты не знаешь, что такое эти твари, продающие любовь; не может быть более насмешки над всем чистым, как они, я знаю их очень. Поверишь ли, что повесть эта меня тронула, несмотря что она писана смешно. Я вспомнил подобный пример, бывший при моих глазах. Как можно их любить любовью?.. Власть красоты, красота земная есть отблеск бога.

Ха-ха-ха! что я вздумал: как Лев Алексеев⟨ич⟩ и пап⟨енька⟩ и Comp⟨anie⟩ нынче, чай, весело день провели.

Я к тебе с просьбою, в которой я хочу испытать твою дружбу. (Зачем ты меня все потчуешь властью? Не хочу власти — дружбы, равенства)...Я слышал, что тебе часто бывает нужда в деньгах, напиши сколько; твои нужды так ограниченны, что я всегда могу, не делая обиды себе, открывать тебе кредит. Особенно теперь мне некуда деньги деть да еще,сверх того, шалостями, играя (с дурацким счастием во всех мерзостях), я набрал даже лишние. Когда мне нужны деньги, я просто беру их у Огарева; верно, ты не откажешься сделать мне это удовольствие. У друзей всё общее. Итак, пиши сколько?

Je veux remuer terre et ciel pour vous voir le jour de ma naissance, mais je ne le crois guère. Diable, c'est bien triste que peut-être nous nous verrons pas plus de 2 fois avant de partir pour l'exile; et comment — en présence de m-me la princesse et de son amie[1]. Но ты сама писала мне, что не пространство делит друзей.

Суббота.

Вчера был у меня Лев Алексеев⟨ич⟩ — это хорошо показывает, что он не сердит за письмо, напротив; но никак не мог я завести разговор об этом, офицер мешал.

Со мною преуморительная перемена: я с некоторого времени видимо глупею, и вообрази, что ежели так буду я усовер-

[1] Я хочу всё перевернуть вверх дном, чтоб увидеть тебя в день моего рождения, но мало верю в это. Черт побери, ужасно грустно, что, может быть, мы увидимся не больше 2 раз до моего отъезда в ссылку, и как еще?—в присутствии княгини и ее приятельницы (франц.).—*Ред.*

шаться в глупости, то года через два я un fou à lier[1], это, должно быть, очень приятно, я еще не испытал этого; тогда счастие ко мне рекою.

Знаешь, как я теперь фантазирую? Читаю долго, долго что-нибудь хорошее и, бросив книгу, переношусь туда, в мир этой книги, и я могу несколько часов совершенно жить в другом веке, с его понятиями и пр. Мило, очень мило. Ежели это первый шаг сумасшествия, то я не прочь сойти с ума.

Прощай, пиши же, что было и как. А я тебя всю ночь тогда видел во сне, но как-то странно, смутно. То я у вас и все как надобно: Аркадий в первой передней, Макашина в последней передней, потом ты, мы давно не видались, но ты гораздо меньше, почти такая, как ты была еще при Александре Алекс⟨еевиче⟩, когда мне показывала рулетку (помнишь?), но тут делался из всего сад и я искал с тобою проститься, ибо мне надобно ехать в ссылку (этого-то я не забыл во сне), и пр., и пр.

Алекс. Герцен.

P. S. Ты не будь в претензии, что так долго тебе не возвращена «Легенда»; это нужно, мои партизаны пустили ее по Москве, спасибо и на том.

На обороте: Наташе.

31. Н. А. ЗАХАРЬИНОЙ

31 марта или 1 апреля 1835 г. Москва.

Eh bien, chère sœur, voilà que tout est fini, voilà qu'il faut partir[2]. Колокольчик динь-динь-динь... Et vive l'exile et les exilés. On ne sait pas encore le sort d'Ogareff. En tout cas nous nous verrons[3]. Посылаю тебе своих волос.

На обороте: Наташе.

32. Н. А. ЗАХАРЬИНОЙ

2 апреля 1835 г. Москва.

2 апреля.

По клочкам изодрано мое сердце, не знаю, во все время тюрьмы я не был до того задавлен, стеснен, как теперь. Не ссылка этому причиною. Что мне Пермь или Москва, и Москва — Пермь. Но слушай всё до конца.

31 марта потребовали нас слушать сентенцию. Торжественный, дивный день. Кто не испытал этого, тот никогда не поймет.

---

[1] буйный сумасшедший (франц.); [2] Итак, дорогая сестричка, вот все и кончилось, вот надобно ехать (франц.); [3] И да здравствует ссылка и ссыльные. Судьба Огарева еще неизвестна. Во всяком случае мы увидимся (франц.).— *Ред.*

Там соединили 20 человек, которые должны прямо оттуда быть разбросаны, одни по казематам крепостей, другие по дальним городам; все они провели девять месяцев в неволе. Шумно и весело сидели эти люди под ножом, в большой зале, когда я взошел, и Соколовский, главный преступник, с усами и с бородою бросился мне на шею, а тут Сатин; уже долго после меня привезли Огарева; всё высыпало встретить его. Со слезами и улыбкой обнялись мы. Всё воскресло в моей душе, я ожил, я был юноша, я жал всем руку, я любил всех их, я мечтал. Словом, это одна из счастливейших минут жизни — ни одной мрачной мысли, чего было мне бояться на ту минуту? Наконец нам прочли приговор: сначала смертную казнь, потом каторгу по законам, и объявили, что государь милует и приказывает только разослать по городам (Соколовский в крепость). Огарев в Пензу, Сатин в Симбирск, я в Пермь. И надежда свободы от тюрьмы светилась, и с сей надеждой я воротился в казармы. Все было хорошо, но вчерашний день, да будет он проклят, сломал меня до последней жилы. Я тебе расскажу. Со мною содержится Оболенский. Когда нам прочли сентенцию, я спросил дозволение у Цынского нам видеться, мне позволили. Возвратившись, я отправился к нему, между тем об этом дозволении забыли сказать полковнику. На другой день мерзавец офицер Соколов донес полковнику об этом как о противузаконном поступке, и таким образом замешал трех лучших офицеров, которые мне делали бог знает сколько одолжений; все они имели выговор, и все наказаны и теперь должны, не сменяясь, дежурить три недели (а тут Святая); Васильева моего высекли розгами — а все через меня. Я грыз себе пальцы, я плакал, бесился, рвался, и первая мысль, пришедшая мне в голову, было мщение. Я опозорил этого Соколова, я рассказал про него вещи, которые могут погубить его,— и вспомнил, что он бедный человек и отец 7 детей... Но должно ли щадить фискала, разве он щадил других? Черт с ним. Мне надобно, чтоб я был отмщен. Это происшествие тем сильнее огорчило меня, что я еще весь был мягок и кален от вчерашнего свидания; вдруг весь чистый, поэтический восторг превратился в какую-то злость, и я доселе готов, ей-богу, готов зубами грызть всякого. К этому прибавок. Кто, кто смеет нас теперь держать? Нам прочли сентенцию и не берут труда выпустить. О звери, звери, дикие звери, а не люди. «Люди — порождение крокодилов, ваши слезы — вода, ваше сердце — железо», как говорит Шиллер. Ты не можешь себе вообразить, как эта ничтожность тяжела. Что же мы? Игрушки.

Как высок и необъятно высок Огарев, этого сказать нельзя; перед этим человеком добровольно склонил бы я голову, ежели бы он не был нераздельною частию меня. Этот человек вполне, весь принадлежит идее и общей деятельности; что для него

жизнь, богатство... Помнишь, что я писал тебе в прошлый раз, наша жизнь решена, жребий брошен, буря увлекла,— *куда?* Не знаю. Но знаю, что *там* будет хорошо, там отдых и награда. Человечество! Для него всё, для него родятся *люди*, ему обязаны мы; но что мы можем? Малое — но и малое есть нечто. «*Послушайте, братия, не нищих ли мира сего бог избрал быть богатыми верою*» (Посл⟨ание⟩ Иакова). Да и кто были апостолы? Нет, наша будущность в наших руках. Да будем мы забыты и презренны, ежели схороним в землю те малые таланты, которые нам дал бог.

Прощай, Наташа, скоро, скоро увидимся, скоро, скоро расстанемся надолго. Ежели меня еще дней пять продержат, я наделаю черт знает что. Я умел терпеть; но теперь уже они превосходят меру. Прощай, посылаю тебе братский поцелуй.

Александр.

На обороте: Наташе.

33. Н. А. ЗАХАРЬИНОЙ

10 апреля 1835 г. Москва.

За несколько часов до отъезда, я еще пишу, и пишу к тебе; к тебе будет последний звук отъезжающего. Вчерашнее посещение растаяло мое каменное направление, в котором я хотел ехать. Нет, я не камень, мне было нынче грустно ночью, очень грустно. Natalie, Natalie, я много теряю в Москве, что у меня только есть. О, тяжко чувство разлуки, и разлуки невольной. Но такова судьба, которой я отдался; она влечет меня, и я покоряюсь. Когда же мы увидимся? Где? Все это темно; но ярко воспоминание твоей дружбы, изгнанник никогда не забудет свою прелестную сестру.

Итак, участь голубя тебя не пугает, голубь — что-то небесное, от него навевает не землею. Именно чистота твоей души вчера так сильно на меня действовала.

Может быть... но окончить нельзя, за мною пришли. Итак, прощай, прощай надолго; но, ей-богу, не навсегда, я не могу думать сего.

Все это писано при жандармах. 10 апреля 1835. 9 часов[1].

---

[1] *Позднейшая приписка Герцена:* Не хочу, ангел мой, чтоб ты без любимой записки встретила 9 апреля. Да, *может быть* теперь ясно... Люблю, люблю, люблю тебя — на этом листке недоставало этого слова.

Твой Александр.

1838 г. 3 апреля.

34. Н. А. ЗАХАРЬИНОЙ

16 апреля 1835 г. Нижний-Новгород.

Наташа! Вот и тебе несколько слов от изгнанника, великая минута отталкивает меня далее и далее от всех вас. Ничего нет у меня в Перми, а туда еду, всё в Москве, а она меня выбросила. Прощай, некогда писать, иду смотреть царь-реку Волгу. Прощай.

Твой Ал. Герцен.

Эм⟨илии⟩ Мих⟨айловне⟩ поклон.

Нижний-Новгород
16 апреля 1835.

35. Н. А. ЗАХАРЬИНОЙ

Апреля 22. 18⟨35⟩. Казань.

Далеко, далеко умчало меня, друг Natalie! Страшное положение быть доведену до такого одиночества, в котором надобно в себе одном искать всё, нет человека, нет груди дружеской на этом пути, нет звука понятного им... Виноват. Воспоминания — надгробный памятник прошедшему, но памятник живой, и природа, с другой стороны — вот что у меня осталось. Я рассеян, мне мудрено это движение после 9 месяцев тюрьмы, я не могу себе еще дать ни в чем отчета. Неси же, неси же, буря, которая увлекла меня, я вверяюсь тебе.

Часто вижу я Москву и вас всех во сне — сон есть положительное добро, и как хороши сны иногда, и будто бы это вздор, ведь живем же, когда спим, и помним сон, как быль.

Прощай.

Твой брат Ал. Герцен.

Ты получишь отсюда казанский гостинец от меня. Чем богат, тем и рад.

Эмилье Михайловне кланяйся и скажи, чтоб она не забывала приятелей и друзей за одною далью.

На обороте: Наташе.

36. Н. А. ЗАХАРЬИНОЙ

29 апреля 1835 г. Пермь.

Теперь, chère Natalie, твой черед писать ко мне. Я наконец в Перми...

Это ужасно, что было со мною нынче утром; прихожу нанимать квартеру, а хозяйка спрашивает: «Нужен ли вам огород и стойло для коровы?» Grand Dieu! Неужели есть возможность мне иметь огород и корову. Ха-ха-ха, да это чудо. Ого-

род и корову, я скорее заживо в гроб лягу. Вот как мелочная частность начинает виться около меня. А что, в самом деле, бросить все эти высокие мечты, которые не стоят гроша, завести здесь дом, купить корову, продавать лишнее молоко, жениться по расчету и умереть с плюмажем на шляпе, право, недурно,— «исчезнуть, как дым в воздухе, как пена на воде» (Дант).

Приехавши на место, я только узнал все, что я потерял, расставаясь с Москвою; нет, сколько ни мудри, а разлука — дело ужасное; это замерзшее озеро и немо и холодно. Как живо у меня в памяти твое посещение в Крутицах — и что же это было?— несколько часов в целой громаде времени — и прежде, и после. Да, у нас в жизни только есть несколько минут и светлых и изящных, остальное — что-то земное и грязное. Это фонари, освещающие дорогу, далеко назад блестят они звездочкой. Когда же, сестра, когда же мы увидимся?

Ах люди, люди, люди злые,
Вы их разрознили...[1]

Да, вы меня разрознили со всем⟨и⟩[2].
Прощай. Пиши.

Александр.

Эмилье Мих⟨айловне⟩ 360 поклонов, я сам буду ей писать.
На обороте: Наташе.

37. Н. А. ЗАХАРЬИНОЙ

6—12 июня 1835 г. Вятка.

Письмецо твое, Natalie, я получил, это первый голос московских друзей, ибо я, кроме писем из дому, ниоткуда не получал. Грусть навело оно на меня... Какое немое и больное чувство разлука. Я готов был плакать, все перевернулось в моем сердце. Нет, страшны письма, когда разлука так грозна и так непроизвольна.

Что тебе сказать о себе? Перемены! Перемена в душе, собственно, не бывает у людей, у которых есть душа. Но я не тот же. Ты не знаешь, что такое быть изгнанником в чужбине, где (по словам Гёте) часто протянешь руку и вместо человеческой руки сдавишь кусок дерева. Были минуты сладкие, горесть имеет свою поэзию, минуты полноты душевной, минуты, в которые даже надобно было хоть несколько излить все в ней клубящееся. Но все-таки какая-то пустота в сердце, и это меня мучит; вообрази себе, что я мало занимаюсь; иногда часы целые после обеда лежу я в dolce far niente[3], двадцать раз привожу себе я

[1] *Позднейшее примечание Герцена:* Не посмел написать «сердца».
[2] Автограф поврежден.— *Ред.*
[3] сладком безделье (итал.).— *Ред.*

в память минуты счастия в Москве и с какой-то насмешкой сравнивая тогда и теперь.— Природа одна могла бы мне заменить друзей; но и она здесь так скупа и свирепа, что доселе я мало пользуюсь ею. Но не думай, что я сделался томным, печальным с виду; нет, я все с той же наружностью, все так же острю, заставляю хохотать и смеюсь; но вдруг середь этого смеха... Душно, Наташа. Душно!

Вера, она меня не оставила, что же я был бы без нее? Вера твердая — но разве Он не верил, когда, изнемогая от злобы людей, Он — сын божий — просил, да мимоидет его чаша сия.

Теперь я в Вятке, Пермь меня ужаснула, это преддверие Сибири так мрачно и угрюмо. Здесь получше и ближе, теперь я не 1400, а только 1000 верст от Москвы. Говоря о Перми, я вспомнил следующий случай на дороге: где-то проезжая в Перм<ск(ой)> губ<ернии>, ночь я почти не спал, ибо дорога была дурна; на рассвете я уснул крепким сном, вдруг множество голосов и сильные звуки железа меня разбудили. Проснувшись, увидел я толпы скованных на телегах и пешком отправляющихся в Сибирь; эти ужасные лица, этот ужасный звук, и резкое освещение рассвета, и холодный утренний ветер — все это наполнило таким холодом и ужасом мою душу, что я с трепетом отвернулся — вот эти-то минуты остаются в памяти на всю жизнь.

Да, ты правду пишешь, что в последнее свидание ты, забыв говорить, высказала всё... Да, Наташа, я все понял, и на что были слова? Может, не все сказала бы ты; может, они ослабили бы то, что мы понимали той высшей симпатиею той гармониею душ, которая так сблизила наши существования[1].

...«Ты смотришь на Пермь и иногда забудешь, что в уголке Москвы живет Наташа...» О, это-то и лучшие минуты, когда я забываю всё; побольше этих минут забвения, в них я только и отдыхаю; это сон души, не упрекай меня за них. Прощай! Еще напишу несколько слов, но не теперь... (6 июня 1835. Вятка).

12 июня.

Нет больше ни слова.

Ал. Герцен.

На обороте: Наташе.

38. Н. А. ЗАХАРЬИНОЙ

Середина июня 1835 г. Вятка.

Прости, друг мой Natalie, прости мои глупые упреки. Ты сама знаешь, как давит эта немая разлука, и ни весточки, ни отрадной капли!.. Твои записки на меня имеют дивное, страш-

[1] *Позднейшее примечание Герцена:* И после этого я мог так низко пасть, так забыться? Вот куда привели эти *лучшие* минуты забвения.

ное влияние... Ими я возобновляю в памяти всю юность; от О⟨гарева⟩ писем нет, и я не пишу, твои же записки так ярко воспоминают все время восторженной и фантастической жизни в Москве. Да и в них такая полнота чувств. О Наташа, Наташа, да, ты сестра моя, ты самая близкая родная моей души. И ты всякий раз пишешь, что уверена в моей дружбе, это худо, это признак сомнения. Нет, в тебе я не сомневаюсь, в твоем сердце есть у меня место... Мне не нужно себя уверять, что ты мне сестра.

Но зачем же я падаю! Да, я падаю. Эта буря прошлого года меня подняла, а ссылка томит, я падаю.

Наташа, друг мой!

Прощай.

Ал. Герцен.

На обороте: Наташе.

39. Н. А. ЗАХАРЬИНОЙ

1835. 25 июня. Вятка.

Cara, carissima! Нет, ей-богу, я не могу привыкнуть к этой жизни. Не иметь ни одного сердца, в которое бы мог перелить восторг свой, свои чувства, нет ни одного человека, который хотел бы понять меня *или мог бы*. Без симпатии я не могу жить. За один час, проведенный с О⟨гаревым⟩, за один час, проведенный с тобою, я отдал бы много, согласился бы месяц сидеть в тюрьме, месяц лежать больным. Тюрьма! Да что же страшного в тюрьме? Я смотрю, как на блаженное время, на прошлые 9 месяцев тюрьмы. Там возвышалась моя душа, там прах земной слетал с нее, там я ежели не видал друзей, то слышал, как билось их сердце. А потом эти свидания... Свидание с тобою... Отдайте мне мою тюрьму, отдайте моего жандарма у дверей, лишь бы мельком я мог видеть тех, в сердцах коих я создал храм свой, тех, которые стоят божествами, святыми в храме моего сердца. А здесь — я вяну, тухну и должен видеть это. Какая пошлая жизнь.

На обороте: Наташе.

40. Н. И. САЗОНОВУ и Н. Х. КЕТЧЕРУ

18 июля 1835 г. Вятка.

Друг!

«Я расцвету в Италии, а ты цвети на Вятке!»

Какой овраг ужасный между мною и тобой — *цвети;* но спроси прежде, можно ли *прозябать*, а потом советуй цвести.

Нет, я вяну, решительно вяну. Где моя крутицкая тюрьма, это Эльдорадо перед Вяткой. Там неволя — но я видал вас, а вы мне — всё; там я был один, никто не развлекал, не заставлял терять *9 часов* в сутках. А потом... помнишь ли, ты замечал, что *жизнь* увлекает мало-помалу нас, т. е. тебя и меня, ибо тогда же ты заметил, что наш друг выше нас, и вот это-то увлечение и ужасает меня. Ты же предсказывал, что я всех скорее возвращусь, не замечая, что именно это и могло быть потому, что я более мог бы увлечься *жизнью*. Счастливец, от души завидую тебе, ты будешь в Италии, ты будешь в Германии.

...Вера только и осталась у меня, нет, я не сомневаюсь: это испытание, не более; но тяжело оно, и очень, главное — нет друга; где вы все? Вы для меня не существуете, я будто вас видел когда-то во сне, а существенность — канцелярия, отсутствие деятельности умственной и, хуже всего, отсутствие поэзии. Иногда воскресают во мне чувства, и все разом кипят. Вспомню одну минуту, я тонул при слитии Волги и Казанки, всё было в ужасе, всё трепетало; но я тут в первый раз после Москвы обрадовался, призвал свою веру и через несколько часов с гордостью смотрел с казанского кремля на бурный поток, которому не было дано права погубить меня. Пермь — город ужасный, просцениум Сибири, холодный, как минералы его рудников; но мне было жаль его покинуть: я там видел в последний раз человека несчастного, убитого обстоятельствами, но живого душою, сильного и возвышенного. Когда-нибудь, где-нибудь, воспоминая эту черную полосу жизни, вспомним и его.

Ты знаешь, сколько и чего я хочу от твоего путешествия; следственно, об этом ни слова. Прощай, друг. Там, там, перед церковью Петра вспомни несчастного Герцена, вспомни, что он никогда не сомневался ни в тебе, ни в себе...

Барон, и к тебе теперь.

И ты страдаешь, я знаю, пусть этот огонь жжет тебя, за отсутствием другого. Natura abhorret vacuum[1]. Пустота всего хуже. Огонь, какой бы ни был,— жизнь. А в пустоте лопнут кровеносные сосуды. Но довольно элегии, что-нибудь другое...

Теперь я увидел хоть часть России. Что же я заметил?— Во-первых, что управление губернское *в интеграле* идет несравненно лучше, нежели я думал, и, находясь теперь в центре оного, я могу судить о необъятных трудах министерства внутренних дел для материального благосостояния, и более — прогрессивное начало, сообщаемое министерством, гораздо выше понятий и требований. Сколько журналов присылают оттуда,

---

[1] Природа не терпит пустоты (лат.).— *Ред.*

сколько подтверждений о составлении библиотек для чтения, и кто же виноват, ежели журналы лежат неразрезанные до тех пор, пока какой-нибудь Герцен вздумает их разрезать? Впрочем, по части образования есть успехи. Вятская губерния есть нечто совсем в стороне, удаленное от всего; но и здесь заброшено тамсям, немножко, en doses homéopathiques, просвещение. Вот еще что. Духовные заведения идут несравненно лучше: я здесь был на всех экзаменах. В семинарии мало преподают, но знают то, что преподают; латынь знает самый маленький, преподавание философии бедно; но богословие в объеме высшем философском. Преподаватели по большей части из петербургской академии, и еще теперь все ученики времени Библейского общества и Филарета. Итак, духовенство доселе еще не лишилось своего истинного и высокого призвания — просвещать... Повторяю, жаль, что оно так недеятельно.

Заведение статистических комитетов и объе⟨...⟩[1] ⟨и⟩х[1] имеет цель высокую и пользу существенную; н⟨о⟩[1] полный успех невозможен, ибо организация комитетов совершенно ошибочна и нет возможности без всяких средств собрать эти сведения, особенно в такой губернии, как, напр⟨имер⟩, Пермская. A propos, Пермь — странная вещь. Императрица Екатерина однажды закладывала при Иосифе II город и положила *первый камень*. Иосиф взял другой и сказал: «Et je mets la dernière»[2]. Смысл обширный. Il n'y a pas de villes par ordre du jour[3]. Пермь есть присутственное место + несколько домов + несколько семейств; но это не город губернии, не центр, не sensorium commune[4] целой губернии, решительное отсутствие всякой жизни. Но там есть уже avant-propos[5] Сибири, а что такое Сибирь,— вот этой-то страны вы совсем не знаете. Я вдыхал в себя ледяной воздух Уральского хребта; его дыхание холодно, *но свежо и здорово*. Знаете ли, что Сибирь есть совсем новая страна, Америка sui generis[6], именно потому, что она страна без аристократического происхождения, страна — дочь казака-разбойника, не помнящая родства, страна, в которую являются люди обновленные, закрывающие глаза на всю прошедшую жизнь, которая для них представляет черную тюрьму, цепи, долгую дорогу, а нередко и кнут. Здесь все — сосланные и все равны. В канцелярии какого-нибудь тобольского присутственного места вы увидите столоначальником приказчика, сосланного за воровство, и у него писцом — бывшего надворного советника, сосланного за фальшивый указ, поляка — адъютанта Раморино, и какого-нибудь человека 14 декабря. В обществе там тоже

---

[1] Автограф поврежден; [2] «А я кладу последний» (франц.); [3] Нет городов, возникших по приказу (франц.); [4] средоточие чувств (лат.); [5] преддверие (франц.); [6] своего рода (лат.).— *Ред.*

смесь; там никто не пренебрегает ссыльным, потому что не пренебрегает или собою, или своим отцом. А малочисленность способных людей заставляет таким образом учреждать канцелярии. Там весело, там есть просвещение, а главное дело — свежесть, новость. Все, получившее оседлость в новое время, имеет прогрессивное начало — Пруссия.

Сосланных везде много, нет уездного города в Пермской губернии и в Вятской, где бы не было несколько поляков и часть грузинов и русских. *Быть под надзором* не есть очень худое состояние; но и отнюдь не веселое. Оно похоже на состояние жены у ревнивого мужа. «Сюда, сударыня, не смотрите, сюда не ходите; на кого вы вчера, сударыня, смотрели, с кем танцевали?» и т. д.

Но что же далее? Когда-нибудь кончится Вятка, кончится *под надзором?* Voilà la question[1]. Опять semper idem — можно ли служить, ежели можно, то должно, ежели нет. то уложить чемодан и viaggiare[2], а не пустят, тогда что делать? Разумеется, остаться — но литература, ох литература, ах литература!

Да, кстати, я в Данте нашел вещь важную и дивную, новое доказательство его величия и силы; прошу покорнейше, г. путешественник, прочтите в Del *Purgatorio*, canto XXV о зарождении человека. Это le dernier mot[3] нынешней философии зоогнозии, это мнение Жоффруа С.-Илера, вполне и еще полнее, ибо он распространил его и в растительное царство, и когда же, боже мой, когда же — во время Данта. Да вот тебе и выписка на дорогу превосходными французскими стихами:

Ara vus preu pera chella valor,
Che vus ghida al som delle scalina
Sovegna vus *a temps* de ma dolor,

которые я также нашел у Данта и которые час целый переводил.

Ну что прочие-иные? Я не умею отделить воспоминания о друзьях от воспоминаний о Москве, а она теперь пуста почти. Здесь Машковцев. Grandissime Dieu! и этот человек был в Петровских, и этот человек — человек. В Перми видел я Оболенского, дай бог ему здоровье.

Salut et Amitié[4].

Herzen.

Писано 18 июля, Вятка.
Отправлено 28 и⟨юля⟩.

---

[1] Вот в чем вопрос (франц.); [2] путешествовать (итал.); [3] последнее слово (франц.); [4] Привет и Дружба (франц.).— *Ред.*

Пишите ко мне с сею оказиею. — Долго не получите опять ничего.

Приложенную зап⟨иску прошу?⟩доставить Ол⟨ьге⟩ В⟨асильевне⟩ Пассек.

На обороте: Барону Упсальскому и Николаю Ивановичу. Обеим и каждому.

41. Н. А. ЗАХАРЬИНОЙ

Вятка. 1835. 24 июля.

Друг мой, Наташа, я должен был себе на долгое время отказать в утешении писать к тебе; я знаю всё, что было в Москве; первый раз могу это сделать и делаю.

Я был грустен, очень грустен... несмотря на все опыты, я еще не совсем уверился в низости людей; на днях один из здешних[1] знакомых, также несчастный, также сосланный, поразил меня своею подлостью. Лед облег мое сердце, еще сверх сего одна ошибка в человеке, и лед стал толще. Но вдруг твое письмо! Наташа, ты мой ангел-утешитель! Ты и О⟨гарев⟩ заняли всю душу мою. Как звучны, как исполнены высоких чувств твои слова. Благодарю тебя; это не какая-нибудь phrase banale, нет, эта благодарность вылетела из глубины души. — Как пусто все вокруг меня, пусто и в душе, есть минуты, в которые я натягиваю какое-то забвение; но обстоятельства не хотят никогда меня долго усыплять, холодная, костяная рука действительности будит меня среди сна. Отчаявшись найти человека, я сначала выдумал себе разные занятия, где было бы много всего, но мало людей, гулять за городом, ездить на охоту; но все это утомляет, а пустота, как умирающий с голоду, просит хлеба, пищи, а тут нет ее. Потом обратился я к светской жизни, ибо и здесь есть гостиные,— но сплетни меня выгнали, сплетни только по слуху знают в столице; надобно побывать в маленьком городе, чтоб узнать их, надобно углубиться в плоскую жизнь провинциала, чтоб ненавидеть ее. Что же оставалось? прихоти и *нега* в полном объеме; попробовал я, я утопал, задыхался в восточной неге, и, признаюсь, тут была пища воображению моему, оно как-то сделано на манер южный, итальянский, я проводил по нескольку часов в каком-то упоении — но и тут подложили отраву, и с этим я должен был расстаться; что же осталось? То, с чего бы надлежало начать,— возвратиться в себя, употребл⟨яя все⟩ силы, чтобы воскреснуть; для этого-то мне и нужны твои слова и слова О⟨гарева⟩ — но последних нет и

[1] *Позднейшее примечание Герцена:* Никак не мог вспомнить, сосланный грузинский князь.

ждать нельзя скоро. Да, твое письмо потрясло меня, и это не в первый раз. Оттаял лед души моей. Твой образ, как образ Дантовой Беатриче, заставляет меня стыдиться моей ничтожности. Пиши же, пиши же, моя Беатриче. Не брани меня, друг мой, за это самозабвение, не брани, что я предавался страстям, как бы забывая свое призвание. Мой пламенный, порывистый характер ищет беспрерывной деятельности, и ежели нет ее в хорошем, обращается в худое. «Чем способнее к произрастанию земля,— говорит Дант,— тем более на ней родится плевел и тем диче, лесистее она становится, ежели ее не засевают»...

Прощай же, сестра, друг, моя Наташа; грустна жизнь Александра; но он не потерял ни веры в себя, ни веры в будущее.

Ал. Герцен.

Доставь прилагаемую записку Эм⟨илии⟩ М⟨ихайловне⟩.

На обороте: Наташе.

42. Н. А. ЗАХАРЬИНОЙ

7 августа 1835 г. Вятка.

Друг мой Наташа! Отнюдь я не хотел тебя испытывать, меня судьба хочет всем испытывать! Впрочем, я недавно писал к тебе и к Эмилии; но ты еще не могла получить.

Я несколько воскрес, несколько стал выше обстоятельств; но душа моя еще больна, раны закрылись, но горе, ежели кто к ним притронется. Со всяким днем я более и более разочаровываюсь в людях, «их сердца — камень, их слезы — вода, люди — порождение крокодилов»,— как говорил Шиллер, проведший всю жизнь в любви к людям. Еще когда люди просто злы, просто злодеи, тогда они по крайней мере имеют свою физиогномию. Но обманщики, обман унижает человека до последней степени. Измена! Ужасное слово. Но не был ли я когда-нибудь изменником? Я когда-то любил, а теперь не люблю. Но я любил откровенно, от души, и разлюбил откровенно, от души. А впрочем, это доселе клеймит меня, это пятно.— Зато я здесь был славно обманут. Я всё могу перенести, кроме обмана; обманутый всегда шут, над ним смеются. Впрочем, за всякую опытность благодарю душевно судьбу, опыт — дивная вещь, но да не испытает душа твоя *опытов*, пусть она ⟨будет?⟩ и светла, и чиста, пусть твоя ⟨душа⟩ будет местом отдохновения моей души. О, как я благодарю бога, что мы брат и сестра; но нет, мы более, мы ближе...

«Что такое дружба?» — спросил он.— «Два пальца на одной руке, соединенные; но не одно»,— отвечала Эсмеральда.

«Что такое любовь?»— «Два существа, соединяющиеся для составления одного ангела».

A propos, прочти этот роман,«Notre Dame de Paris». Егор Ив⟨анович⟩ пусть достанет. Ты пишешь, что я здесь веселюсь!.. С⟨ереж⟩а врет. Не завидуй этому веселью.

Ал. Герцен.

7 авг⟨уста⟩ 1835.

На обороте: Наташе.

43. Н. А. ЗАХАРЬИНОЙ

Конец августа 1835 г. Вятка.

Друг мой Наташа!

Ты знаешь причины, по коим я стал реже писать к тебе,— ни слова об этом.

Поздравляю тебя с твоими именинами — я знаю, что внимание и в дружбе утешает; я думаю, ты получила и подарок, о коем я писал; я в твои именины был на огромном обеде и пил за твое здоровье чистейшим Клико[1].

Наконец, и здесь нашел я одного человека, с которым немного покороче,— это для меня необходимость; я часто говорю с ним о тебе, мой друг, даже показываю иногда твои письма.

Ты пишешь о скором свиданье — я не думаю, чтоб оно очень скоро было...

В «Легенде» я прибавляю новый опыт своей души, там хочу я выразить, как самую чистую душу увлекает жизнь пошлая, такая, которую я веду здесь[2]. Жизнь та же, которую ведут *все*.

Часто, друг мой, беру я твой медальон, много мне говорит он; ты чистая сторона моей жизни, ее поэтическая сторона, ибо наша дружба — поэзия, в ней даже не участвует мое славолюбие, которое участвует у меня во всем... Это самое святое чувство. О Наташа, когда же, когда же я опять увижу тебя!..

Ты все пишешь об удалении от света... и я опять повторю, что смешно бросать запечатанное письмо, не читая его. Впрочем, в сем отношении положение девиц лучше нашего, вы и так далеки от света, и ежели ваша жизнь так же полна, как наша, она отстранена от *жизни* собственно,— ты понимаешь смысл, в котором я употребляю это слово.

Прощай, прощай, посылаю тебе братский поцелуй.

Алекс. Герцен.

Эмил⟨ии⟩ Мих⟨айловне⟩ salut et amitié.

На обороте: Наташе.

---

[1] *Позднейшее примечание Герцена:* вдобавок был пьян ужасно.

[2] *Позднейшее примечание Герцена:* И не написал ничего.

44. Н. А. ЗАХАРЬИНОЙ

6—7 сентября 1835 г. Вятка.

6 сент⟨ября⟩ 1835 Вятка.

Друг мой Наташа! Грустна твоя прошлая записка, ты давно не получала от меня писем, но, я думаю, с тех пор получила три. Трудно мне было отказывать тебе и себе в этом, но я как-то окреп, привык ко всякого рода лишению. Как давно не читал я ни строки от О⟨гарева⟩.— Повторяю тебе: твои записки на меня имеют дивное действие, это — струя теплоты на морозе, дыхание ангела на мою больную грудь. Завидую твоей чистоте, святости твоей души. Я, впрочем, не совсем падший, я понял то наслаждение, которое ты испытала на крестинах у крестьянки. Люблю я народ, люблю, несмотря на его невежество, на его униженный, подлый характер, ибо сквозь всей этой коры проглядывает душа детская, простота, даже что-то доброе. Встреча твоя с солдатом нашла еще живейший отголосок в сердце ссыльного. Много видел я теперь несчастных, но одного не могу забыть [1].

Теперь мне здесь немного лучше; во-первых, потому, что я потерял последнюю надежду скоро возвратиться; во-2-х, потому, что губернатор обратил внимание на меня и употребил на дело, более родное мне,— на составление статистики здешней губернии. Смешной у меня нрав, я — как кокетка: беда, ежели на меня не обращают внимания, я вяну тогда [2]. Внимание друзей избаловало меня.

7 сентября.

Вчера был я на бумажной фабрике. Чудное впечатление сделали на меня машины. Огромные колесы влекутся с бешенством какою-то невидимою силою, обращая бездну других колес с треском и шумом. Я сошел вниз, и одна скользкая, мокрая доска отделяла меня от этого ада; стоило оступиться, чтоб погибнуть, но я остановился; треск, шум, обращение колес — все это наполняло меня чем-то поэтическим. Немец, водивший меня, сказывал, что когда-то солдат поскользнулся и упал; через секунду выбросило его голову, и колесо облило кровью стену, потом выбросило [3].

45. Н. А. ЗАХАРЬИНОЙ

Вятка, 1 октября 1835.

Друг Наташа!

Много получил я вчера писем, два твои и еще одно воскресило опять, как и всегда, меня. Это ты уже знаешь, буду прямо отвечать.

---

[1] *Позднейшее примечание Герцена:* встреча в Перми.

[2] *Позднейшее примечание Герцена:* Вот одна из причин падения.

[3] *Конец письма не сохранился.— Ред.*

Ты что-то пишешь в предпрошлой записке о любви, неужели ты думаешь, что я здесь влюблен? Это смешно, тогда бы я просто написал тебе всё. Но еще вопрос, был ли я когда-нибудь влюблен? У меня была потребность любить, неопределенное, но сильное чувство, немое и тяжелое. Тогда явилось мне существо несчастное, убитое, и, мне казалось, я полюбил его. Но душа моя уже не была тогда юною, я тратил свою жизнь, свои страсти в безумных вакханалиях. Ежели бы я был тогда чист, я весь предался бы любви. Тут я увидел, что идеал мой не осуществлен — но я был любим. Вот ужас. Я обрадовался, когда меня взяли, думая, что разлука заставит забыть ее, но забыл, что любовь должна была еще сильнее сделаться за мои страдания и несчастия... У меня же с половины 1834 года не было ни искры любви, было одно раскаяние. Приехавши в Пермь, я развернул ее записки... содрогнулся и, не имея духа перечитать, бросил их в огонь, ибо преступление, измена с моей стороны. Но разве я виноват, что ошибся, приняв неопределенное чувство любви за любовь *к ней?* Разве я виноват, что она так далека от моего идеала? Ты, сестра, ты ближе, несравненно ближе к моему идеалу, нежели она. Что же касается до обману, о котором я тебе писал отсюда, тут не было любви, меня обманули *из денег*, но обманули так диавольски, что, кроме женщины, никто не мог бы этого сделать. В то время, как я думал своею душою поднять одну падшую душу, я был в дураках, и самолюбие мое было обижено.

Я сколько ни ломал головы, не могу догадаться, в кого влюблена Emilie; напиши мне, пожалуйста. Я принимаю в ней самое искреннейшее участие, ибо и ее душа знала страдания, и душа поэтическая.

Рад душевно, что ты нашла друга. Но время, но опыт — единственные права, чтоб дружбу признать истинною. Что значит иметь друга — это я знаю; что значит ошибиться в человеке — и это я знаю, это кусок мяса, отодранный от своего сердца, горячий и кровавый. Не всегда тот, кто делается из друга равнодушным человеком, сначала обманывает; нет, есть люди, в которых тлеет кос-что благородное; оно вспыхивает при созвучии с душою пламенною. Но есть ли довольно твердости в них, чтоб поставить дружбу выше всего и скорее перенести всё, нежели оцарапать, помять дружбу? *Обстоятельства*, *жизнь* — вот девиз, под знаменем которого эгоизм мертвит всё. Я любил Вадима и Тат⟨ьяну⟩ Петр⟨овну⟩ — и что же вышло из них под влиянием обстоятельств? А Огарев, теперь мы совсем разлучены — но ты права: разве расстояние делит? Это смешно.

Я все еще не совсем устоялся; знаю это, потому что теряю пропасть времени, играю в карты — очень неудачно — и куртизирую *кой-кому* — гораздо удачнее. Здесь мне большой шаг над всеми кавалерами, кто же не воспользуется таким случаем?

Впрочем, шутки в сторону, здесь есть одна премиленькая дама, а муж ее больной старик; она сама здесь чужая, и в ней что-то томное, милое, словом, довольно имеет качеств, чтоб быть героиней маленького романа в Вятке,— романа, коего автор честь имеет пребыть, заочно целуя тебя.

Ал. Герцен.

На обороте: Наташе.

46. Н. А. ЗАХАРЬИНОЙ

12—15 октября 1835 г. Вятка.

12 октября 1835. Вятка.

«С 1833 года ты писал ко мне 51 раз, следственно — 51 раз думал и помнил обо мне!!»... Наташа! разве нужно в нашей дружбе еще делать уверения? Разве ты думаешь, что *я мог бы только* 51 раз думать о тебе, *о тебе!*

На днях я видел сон ужасный, этот сон не от бога. В Москве мы сидим с тобою у папеньки в горнице; кто-то взошел и спросил меня: «Это сестра твоя?» Я молчал, папенька сказал: «Нет, не сестра», и что-то в душе моей прокричало прегромко: «Нет, нет не сестра», и вдруг я у нас в саду один, месяц светил, и какая-то вода шумела, волновалась возле; я лежал под деревом, и мне было душно от тысячи страстей; вдруг подходит ко мне Эрн (здешний приятель мой) и с хохотом говорит: «Ну что твоя высокая дружба, твоя братская любовь, один обман себя и других». Он захохотал еще, и я проснулся в каком-то бешенстве. Не размышляй об этом сне, он ужасен, он не от бога. Я его забыть не могу; и вообрази, что я доселе как будто сержусь на Эрна за то, что видел во сне его смех.— Но знаешь ли, что всего ужаснее — эта мысль уже не новая, она явилась мне раз наяву. И когда же — в Крутицах, когда ты была у меня, я держал твою руку. Эта мысль представилась, я вспыхнул в лице и отдернул руку и проклял мысль сию. И вот она явилась во сне. *Забудь это!!*

Я себя назвал падшим, да, я падший. Зачем, зачем ты подошла так близко к моему существованию—оно увлечет в бездну, в ту бездну, где кипят страсти и волнуются; там видно небо, но одно отраженное небо. Не сходи в эту пропасть. Я весь взволнован, дай отдохнуть...

14 октября.

Наконец я имею весть от него, от О<гарева>, как грустна эта весть. О, сколько перестрадали мы с июля 1834. Но душа его все та же обширная и глубокая. И от тебя две записочки. *Ты и он* — понимаешь ли это раздвоение самого меня, в тебе и в нем часть моей души. В вас много переменилось от прикоснове-

ния со мною, и тем ближе мы. Вот моя рука тебе на вечную дружбу, *на вечную симпатию.*

Вот что, я несколько сумасшедший; да, тогда, когда одинокий и без занятия и без мыслей я пережигаю страстями свою душу. Я дошел до величайшей нелепости. Любить — можно ли жить с моей душою, с моим бешенством — без любви? Любить, стало быть. Но мысль соединить свою жизнь с жизнию женщины обливает меня холодом. Понимаешь ли ты глупость любви, которая не ищет полного обладания предметом своим, это черт знает что! Вот тут сейчас и откроется нелепость, до которой я дошел; есть среднее чувство между *земной любовью* и *дружбой.* Я давно верчусь около этой мысли, но не писал ее тебе. Зачем же пишу теперь? Зачем — а я почем знаю зачем? Уже написано, и я считаю себя не вправе отнять у тебя писанное тебе.

Нет, не я очистил твою душу, это вздор, я отворил тебе дверь в мир другой, не в тот, в котором толпа,— и больше ничего; я был привратник, не более. Ты увидела, что ты дома в этом мире, в мире ангелов, а я, падший, остался у дверей. Ах, это прощание в Крутицах! Ты точно тогда ангелом слетела ко мне.

Да веришь ли ты этому чувству между любовью и дружбой? Еще более, я сделаю вопрос страшный. Оттого, что я теперь в сию минуту безумный, иначе он не сорвался бы у меня с языка. *Веришь ли ты, что чувство, которое ты имеешь ко мне, одна дружба? Веришь ли ты, что чувство, которое я имею к тебе, одна дружба?*

Я не верю. Твой А. Герцен.

15 октября.

Ради бога, твой силуэт, да чтоб был очень похож, иначе не хочу.

Нет, когда я смотрел на комету, я не думал о тебе, откровенно признаюсь, ибо я ехал ночью с вечера, почти пьяный; вдруг комета в глаза — я тогда думал о картах, о вине и пр.

Журнала своего я не пишу, мой журнал был бы хуже всякого угрызения совести. Силуэт здесь некому снять. Прощай.

На обороте: Наташе.

47. Н. А. ЗАХАРЬИНОЙ

12 ноября 1835 г. Вятка.

Natalie! Давно я не писал к тебе; что делать — давно не была душа моя чиста и светла. Нет, моя теперичняя жизнь дурна; как я ни стараюсь стать выше всего этого, не могу. Ссылка хуже тюрьмы. Шумные удовольствия, коими я иногда хочу убить время, оставляют пустоту, туман. И нет души созвучной...

правда, есть здесь одно существо, которое понимает меня,— существо, исполненное поэзии,—это та дама, о которой я как-то раз тебе писал шутя, и это существо глубоко избито судьбою и, может, несчастнее меня. 15(-ти) лет отдана она замуж за развратного и скверного человека, и он доселе жив и тиран ее. Неужели, в самом деле, на то только природа дает душу высокую, благородную, чтоб мучить ее? Нет, эти мученья выдумал сам человек, некого винить[1].

Еще сосланный — Витберг; мы живем вместе,— человек колоссальный, художник в душе и с душою высокой. Это важное приобретение для меня. Человек, который когда-либо создал мысль высокую, человек, который на исполнение одной мысли посвятил всю жизнь, высок и еще выше, когда люди отняли возможность у него проявить свою мысль, когда обстоятельства гнетут его...

Тебя, я думаю, испугала или удивила моя прошлая записка, которую я окончил ужасным вопросом о нашей дружбе. Я с трепетом запечатал ее. Но не бойся никакой истины. Об этом предмете мне нельзя было молчать, грудь моя слишком тесна, чтоб хранить его молча. Но теперь ни слова более до тех пор, пока получу ответ твой.

Ты оправдываешь меня в моем поступке, о котором я писал тебе. Нет, я не прав, ибо ты не знаешь всех обстоятельств. Я был далек от обмана; но я видел, что *она* еще не удовлетворяет тому требованию, которое я делаю существу, с коим я мог бы слить свою жизнь. Зачем же я увлек ее? Зачем не остановил прежде, нежели она, убежденная в моей любви, сказала, что она любит меня? Что я увлек ее, это не мудрено. Я знаю силу своего характера и влияние, которое могу иметь. Зачем же я воспользовался этим, чтоб приковать ее к себе... И, может, в этом участвовало самолюбие... Зачем ты, друг мой, так чисто думаешь обо мне? Ты придаешь мне много своего. О, как бы я был счастлив, ежели бы был то, что ты думаешь. Я краснел, читая твою записку. Нет, не от излишества благородства обвинял я себя, а потому, что я виноват. Я много утратил души! Тебе неизвестно, что такое за следы, за морщины на сердце оставляет разврат. Увы!

Une mer y passerait, sans laver sa tache,
Car l'abîme est immense et la tache est au fond.

О какой особе ты говоришь, которую заставлял мечтать взгляд мой?.. Я догадываюсь; но скажи мне просто, *что за секреты?..*

Ты хочешь, чтоб я писал к Emilie о любви ее; пожалуй, но это мудрено. Напиши ей, что я тебе пишу, что он самый благо-

[1] *Позднейшее примечание Герцена:* Зачем я пожалел ее.

родный человек, что он поэт, что, ежели она будет его жена, она будет счастлива, я ей ручаюсь; но он молод, я никогда не посоветую ему жениться... а впрочем, у него душа не моя, он может быть счастлив в тесноте семейного круга, а мне — мне нужен простор. Прощай, мой друг, мой ангел.

Ал. Герцен.

12 ноября 1835.

На обороте: Наташе.

48. Н. Х. КЕТЧЕРУ

22—25 ноября 1835 г. Вятка.

Вопрос начинает разрешаться: *ехать, а не служить.* Я многое узнал практически — я служу в самом деле. «Не служить» сказал я не потому, чтоб я не мог служить; я выучился быть подчиненным, я принес огромную жертву обстоятельствам и вопросу. Повиновение, покорность и исполнение — более ничего, но внутри кричит голос: «Ты утратишь свою душу», и я содрогнулся. Несчастия, горести, весь этот гнет — ничего перед службой. Стыд тому, кого душа устрашится несчастий, сладки и они; ты говаривал, что в них своя поэзия,— и прав. Бывают минуты, в которые досада берет верх, в которые не можешь плюнуть в глаза обстоятельствам и отвернуться от них. Но зато другие минуты восторга, сливаясь с перенесенными бедствиями, влекут в тот мир фантазии, где широко и разгульно мечтам, где воля полная страстям. Как часто одно воспоминание вас, друзья мои, достаточно, чтоб возвратить покой душе.

Из всех писем — одно заключение: ссылка хуже тюрьмы; это очень справедливо; какая-то ничтожность, земляность покрыла мою душу здесь. Для занятий почти нет времени: целое утро в канцелярии, а после обеда по большей части пропадает: les devoirs de la société[1] маленького города обязывают всякого делать глупости. Сначала я развратничал, но остановился, вспомнил, что я обязан беречь свою душу для других ощущений, и еще более увидел пустоту этих ложных, искусственных чувств, стремясь к настоящим.

Приезд сюда Витберга есть для меня вещь важная, он понимает всякий восторг, ценит всякое чувство, он артист в душе, артист не zum Zeitvertreib[2], а потому, что он не мог бы быть не артистом. В его голове родилась мысль высокая — сбыточная или нет, что за дело. Мысль эта обвила все его существование, была сердцем его жизни — и не удалась. Пусть другие назовут его сумасшедшим — я думаю, что он великий человек среди мелочного времени.

[1] светские обязанности (франц.); [2] для препровождения времени (нем.).— *Ред.*

Состояние О〈гарева〉 худо, и очень; я, по крайней мере когда отделался по службе, волен. Но этот маленький, беспрерывный гнет дома страшен. Его я хотел бы видеть более всего на свете, ибо все-таки люблю его более всего, люблю просто как его, со всеми недостатками; в его душе нет уголка, где бы не была симпатия с моей душой; мы сделаны из одной массы, но в разных формах, с разной кристаллизациею.

Но как бы то ни было, ты имеешь право спросить: что же я делаю? Единственная польза, которую я приобрел,— что ближе узнал некоторые части законоведения и самую Русь. Опыт — дело важное, ежели писанного не вырубишь топором, то полученного опытом не выжжешь огнем.

Письмо от путешественника сделало на меня большое влияние. Я вам повторял много раз, что 1834 год окончил наши Lehrjahre[1], вот и новое подтверждение — это влечение, немое и болезненное, не к мечте, а к чему-то существующему, эта потребность любви, громко кричащая из глубины души, весьма важна. Да, они кончены, времена безотчетной мечты и юношества! Но der Bestandteil[2] нашего бытия остался цел и невредим. Любовь — высокое слово, гармония создания требует ее, без нее нет жизни и быть не может. Да ведь и ты влюблен,— что ж тут толковать.

Одна лишь я любови трушу,

(а признаюсь, здесь есть одна дама — умна, красавица, прелесть, образованна и... у ней муж старик и 〈у〉того старика нога болит)

А как не полюбить буфетчика Петрушу?

Ну, прощай, друг; по обыкновению, я кончил глупостью — нельзя же переродиться. Моисей в Москве ли? Пожми его руку. Что счастливец путешественник, пишет ли? Где он? Скоро тебе случай будет писать ко мне с Эрном; познакомься с ним; он был бы человек славный, ежели бы образование — с ним буду писать еще и, может, что-либо умнее, dans le cas[3] ежели сам поумнею. Прощай же, доставь, как хочешь, письма.

А. Герцен.

1835. Ноября 22. Вятка.

Николеньке хотел писать, да опоздал, буду писать с Эрном.

25 нояб〈ря〉.

Кланяйся Пассекам. Я получил их письма.

---

[1] годы учения (нем.); [2] незыблемый фундамент (нем.); [3] в случае (франц.).— *Ред.*

49. Н. А. ЗАХАРЬИНОЙ

25 ноября 1835 г. Вятка.

Ну, слава богу, я получил ответ на безумное письмо мое; твоя душа так высока и чиста, что она его не поняла вполне. Нет, нет, верь мне, это был бешеный порыв, более ничего, это было исступление дружбы. И мудрено ли? Отделенный от всех друзей, один голос вызывал меня из тяжелого усыпления, и этот голос был не мужской, а чистый голос, святой голос девы, и эта дева — ты, да, твои записки всегда пробуждали меня. От этого чувство дружбы и благодарности все усиливалось более и более и, наконец, вырвалось судорожно. Почему называю я безумным то письмо, спрашиваешь ты,— потому, что в нем затемнено чувство дружбы другим чувством,— да, тогда, когда я писал это, я был не брат тебе, но твоя записка все исправила; ты подобна той деве из чужбины, о которой мечтает Шиллер, которая своим достоинством, своею высотой отталкивает все земное. Ты приказываешь мне писать к Emilie о ее любви, исполню это; но именно как приказ, не по своей воле. Я с нею не так близок, чтоб писать о подобных предметах. Да и о чем тут советовать? *Он любит, она любит* — все дело в шапке. Будут ли они счастливы? Разумеется, он благороден, имеет много поэзии и мало характера. Впрочем, рано ему жениться. И потому прежде, нежели я напишу решительно, уговори ее, чтоб она написала мне хоть строку об этом, я тогда буду вправе.

Не сердись, что я мало пишу, ужасно устал и что-то неспособен ни к чему, и потому прощай, *сестра моя.*

Твой брат А. Герцен.

25 ноября.

Отдери остальную часть и пошли Emilie.

50. Н. А. ЗАХАРЬИНОЙ

5—12 декабря 1835 г. Вятка.

... C'est bien plus que la terre et le ciel,— c'est l'amour!

V. Hugo.

Друг мой Наташа! Твоя записка от 18 ноября упрекает меня в недостатке самоотвержения, в том, что я противуречил себе... Помнишь ли ты, сколько раз я твердил тебе, что ты слишком поэтически поняла мой характер; сальный луч свечи блестит, отраженный в бриллианте. Твоя душа еще так свежа и так небесна, что она отразила в себе одно светлое души моей, и этот свет есть свет земного огня — много яркости, но дым, но копоть, но мрак с ним неразрывен. — Вспомним сначала жизнь

мою. Чрезвычайно пламенный характер и деятельность были у меня соединены с чувствительностию. Первый удар, нанесенный мне людьми, был смертный удар чувствительности; на могиле ее родилась эта жгучая ирония, которая более бесит, нежели смешит. Я думал затушить все чувства этим смехом— но чувства взяли свое и выразились любовью к идее, к высокой мысли, к славе. Но еще душа моя не совсем была искушена. Разврат, не совсем порочный,— порочным я бывал редко,— но разврат, какой бы ни был, истощает душу, оставляет крупинки яда, которые все будут действовать.

Une mer y passerait sans laver la tache,
Car l'abîme est immense et la tache ⟨est⟩ au fond.

Я сказал: «не совсем порочен»; это только потому, что я не был холоден в пороках. Хладнокровие, изысканность — вот признак порока. Это были увлечения, бешенства — тем хуже, горе душе, увлекающейся низким. Яд был принят — но *судьба* готовила уже противуядие, и это противуядие — тюрьма. Прелестное время для души. Там я был высок и благороден, там я был поэт, великий человек. Как презирал я угнетение, как твердо переносил всё и как твердо выдержал искушения инквизиторов. Это лучшая эпоха моей жизни. Она была горька для моих родителей, для моих друзей — но я был счастлив. За тюрьмою следовала ссылка — слушай исповедь до конца, я с тобою говорю всё, открываю всё... В Перми я не успел оглядеться; но здесь, пришедши в обыкновенную жизнь, окруженный мелочами, смешными и подлыми, притеснениями маленькими, душа моя упала с высоты и вместе с потребностию far niente, неги,— чувственные наслаждения, и опять разврат следственно. Так провел я несколько месяцев — это ужасно! Иногда, получая твою записку, кровь вспыхивала, я стыдился себя, грыз губы, смотрел в щель на тот мир света, откуда упал, и — божусь тебе — не имел сил подняться. Один твой голос будил меня; он один выходил из того мира, где цвела моя душа, и я любил тебя все более и более, и минуты прощания нашего ежедневно бродили, как сновидение, в моей голове. Я не занимался и теперь ничего не делаю, ибо занятия по службе отнимают бездну времени, я привыкал к вздорной жизни гостиных (и провинциальных); скажу прямо, мне нравилось играть первую ролю в обществах, забывая, что это общество в Вятке! Наконец, душа устала, утомилась; она до того падала, что захотела воспрянуть оттого, что увидела всю пустоту, ужасную пустоту, наполненную смрадом, больным дыханьем поддельных страстей. Тогда скрозь всего этого тумана блеснула молния, и при ее свете исчез туман, день еще не настал, но туман очистился.

И это огненное слово было — любовь. Сначала я хотел оттолкнуть эту мысль или это пророческое чувство, я боялся его, и тогда-то я писал тебе, что *не должен любить, что боюсь этого чувства*. Но голос в груди был слишком силен. Опостылели мне эти объятия, которые сегодня обнимают одного, а завтра другого; гадок стал поцелуй губ, которые еще не простыли от вчерашних поцелуев... Мне понадобилась душа, а не тело. Мысль любви высочайшая, отстраняющая все нечистое, мысль святая, любовь — это всё, ибо самая идея есть любовь, самое христианство — любовь. Чувство построяющее.— Ты говоришь: «Докончи начатое тобою». Нет, я не совсем погиб, я не отчаиваюсь в будущем.

Прощай, отдохну.

(5 декабря 1835.)

Маменька пишет, что ты посылаешь твой портрет; жду его с нетерпением; я люблю тебя, люблю твои черты, пусть еще чаще напоминает он мне мою Natalie. Прощай. Сегодня у меня болит голова, пустота везде — и в уме, и в сердце, и не хочется думать, и не хочется курить сигару.

Прощай, кланяйся Emilie.

Твой брат Александр.

12 декаб⟨ря⟩.

На обороте: Наташе.

51. Н. Х. КЕТЧЕРУ

Середина декабря 1835 г. Вятка.

Слава богу, опять случай поговорить с тобою, барон Упсальский. Познакомься с Эрном, он человек умный и благородный и может тебе сообщить многое обо мне. — Не думай, чтоб я был грустен элегически. Эрн тебе скажет, что я здесь потешаю публику пасквилями и эпиграммами; но заметил ли ты, что улыбка Гейне скрывает печаль, улыбка губ, а не сердца. Сердцем я не могу быть весел, не от тоски по Москве, бог с нею, но потому, что моя будущность завешена еще мрачнейшим облаком, потому что часто скептическая мысль проникает в мою грудь и громко кричит: «Ты ничего не сделаешь, умрешь с своим стремлением, Дон-Кишотом sui generis[1] и пригодишься только для тени в каком-нибудь романе, ибо les existences manquées, les génies morts en herbe[2] в моде».— Вот что страшит меня, вот что тяготит мою грудь.

---

[1] своего рода (лат.); [2] неудавшиеся жизни, гении, погибшие в зародыше (франц.).—*Ред.*

Что это за пошлость — провинциальная жизнь. Когда бог сжалится над этою толпой, которая столько же далека от человека, сколько от птицы? Истинно ужасно видеть, как мелочи, вздоры, сплетни поглощают всю жизнь и иногда существа, которые при иных обстоятельствах были бы людьми,— и быть обязану брать участье во всем этом!

Скоро Новый год. Друг, в 12 часов вспомнит вас Герцен и за вас выпьет большой стакан вина; пусть вздрогнут сердца ваши, пусть слеза разлуки и слеза радости вместе канут в Клико.

Я посылаю в Москву две статьи: 1) «Гофмана» и 2) об Вятке, при письме к Полевому,— куда он хочет, пусть поместит или велит поместить. Возьми последнюю и заметь там все сказанное мною о вотяках; я эту мысль разовью гораздо подробнее — но еще не имею материалов.

Читал ли ты в «М⟨осковском⟩ наблюдателе» статью «Себастиан Бах»? Что за прелесть. Она сильно подействовала на меня.

Возвращаю тебе том Ж⟨ан⟩-П⟨оля⟩.— Нет, я в нем не нашел того, чего искал. Много поэзии, много фантазии, но все это в какой-то массе без света, без устройства и — боюсь сказать — натяжка. Почему ты мне не сообщаешь ничего о новых книгах иностранных? Я, может, и выписал бы кое-что, но не имею понятия. Напр⟨имер⟩, каковы новые драмы Hugo, его книга «Chants du Crépuscule». Здесь есть русские книги, но иностран⟨ных⟩ — нигде, а русские книги всего менее годятся для чтения и всего более для оберток. Напиши еще мне какие-нибудь подробности о нынешних литературных партиях.

Примечание. Я перестал курить Вакштоф, курю Дюбек, и прелесть; пришли мне гостинцу следующего: фунт табаку какого-нибудь, черного кнастеру или Манилии, который бы был очень вкусен и очень крепок, а то я не знаю, кому поручить выбор.

Прощай.

А. Герцен.

Поклоны, как всегда.

На обороте: Милостивому государю Николаю Христофоровичу Кетчеру.

52. Н. А. ЗАХАРЬИНОЙ

25 декабря 1835 г. Вятка.

Natalie! В твой записке от 2 дек⟨абря⟩ есть фраза, которую тебе сам бог продиктовал; эта фраза одним разом ярко и звонко проговорила, что ты мне и что я тебе, а я перечитал сто раз

ее, я поцеловал со слезами на глазах: «Чего бы я не отдала, чтоб видеться с тобою... Но что же отдать мне, у меня ничего нет, *кроме тебя*». Друг мой, да, я твой; да, ты поняла меня; теперь мне ясно, почему ты не испугалась той записки. Ты отдала свою судьбу в мои руки, я отдал самого себя тебе. Нас ничто не разорвет никогда. «Не бойся меня, я исчезну, ежели это нужно для тебя». Для чего ты это написала? В этих словах кроется мысль холодная, но я молчу, мало ли что иногда приходит в голову.

Происшествие, бывшее с тобою, потрясло меня сильно, да это ужасно — прибавлять несчастия несчастному; что ты при этом не была холодна, этому верю, я разлюбил бы тебя, ежели б ты могла тут быть холодною. Есть ужасная вещь — *предопределение;* оно ежели гонит кого, то гонит до погибели. Старайся всеми средствами затушить эту страсть в нем, но помни, что всякое холодное слово — нож в сердце. Я воображаю себя на его месте... нет, этого не могу вообразить, ибо я не могу тебя представить без любви ко мне.— Грусть на меня нагнало это известие тем более, что я не ждал его.

Я понял тебя в Крутицах, когда ты молчала,— пишешь ты,— да, я тогда много понял.

Моя тоска, о которой ты говоришь, проходит; теперь есть у меня человек, который понимает всякий восторг: поэт, и несчастный — Витберг; я не могу жить в одиночестве. Он посланником неба явился ко мне. Итак, судьба умеет и гнать и лечить раны. Как он любит свою жену, с каким восторгом говорит об ней... Почему ты с таким пренебрежением говоришь о замужстве? Тебе довольно дружбы; но то, что ты разумеешь, ангел мой, под словом дружбы, не есть дружба; иначе никогда не вылились бы из души твоей эти слова: «Я отдалась душою и могу ли делиться ею с кем?»... Тогда ты могла бы делиться.

Твоей работы портфёль я получил, благодарю... но знаешь ли, что я с досадою получил ее. Я с чего-то вообразил, что послан твой портрет; вместо его — портфёль. Мой портрет у тебя будет, Витберг снимет с меня для папеньки (заметь, что великий человек нарисует *почти* первый мой портрет), и я уже просил, чтоб тебе доставили хорошую копию. Пусть он утешает тебя в разлуке, а разлука наша долга, Наташа, она не кончится Вяткою. Но, наконец, когда все пройдет, когда и годы странствования промчатся, когда определится путь, по коему я *могу* идти,— тогда, тогда не будет разлуки, тогда склоню я голову на грудь твою (ежели она не будет принадлежать другому), тогда поверю я, что есть полное блаженство, тогда... но тогда это — далеко, далеко, ангел мой.

Прощай,

твой А л е к с а н д р.

25 дек⟨абря⟩.

С праздником поздравляю и с Новым годом. Что-то будет в эти новые 365 дней? Грустно встретил я 1835 год.— А помнишь ли 6 января 1834 года у Насакина: ты, Emilie и луна — действующие лица.

На обороте: Наташе.

1836

53. Н. А. ЗАХАРЬИНОЙ

15 января 1836 г. Вятка.

15 января 1836 года.

Я удручен счастием, моя слабая, земная грудь едва в состоянии перенесть все блаженство, весь рай, которым даришь меня ты. Мы поняли друг друга! Нам не нужно вместо одного чувства принимать другое. Не дружба,— любовь! Я тебя люблю, Natalie, люблю ужасно, сильно, насколько душа моя может любить. Ты выполнила мой идеал, ты забежала требованиям моей души. Нам нельзя не любить друг друга. Да, наши души обручены, да будут и жизни наши слиты вместе. Вот тебе моя рука — она твоя. Вот тебе моя клятва,— ее не нарушит ни время, ни обстоятельства. Все мои желания, думал я в иные минуты грусти, несбыточны; где найду я это существо, о котором иногда болит душа; такие существа бывают создания поэтов, а не между людей. И возле меня, вблизи, расцвело существо, говорю без увеличения, превзошедшее изящностью самую мечту, и это существо меня любит, это существо ты, мой ангел. Ежели все мои желания так сбудутся, то где я возьму достойную молитву богу?

Я получил письмо от Emilie; всегда от души любил ее пылкий, страстный нрав; это письмо сильно потрясло меня; она много страдает, жаль ее. Впрочем, двумя местами в ее письме я очень недоволен. Первое меня даже взбесило; поелику тут о тебе, то считаю за нужное выписать оное и объяснить: «...Тебе нравится,— пишет она,— Pauline, про которую я уже знаю, *но не скажу Наташе...*» Да кто же просит, чтоб скрывать мои поступки, или мысли, или что б то ни было тебе, которой я всё открываю? Я умею сам отвечать за мои действия, и, верно, в них нет такого, чего бы ты не могла знать. Я ей извиняю, потому что она второпях, верно, писала, не думая. О какой

Pauline речь, я хорошенько не знаю, но очень понимаю, что это какие-нибудь сплетни Зонненберга. Здесь две Paulines, и обе очень хороши, и обе нравятся мне и, pour passer le temps[1], я обеими очень занят. Но где же тут тайна от тебя? Ежели бы я любил которую-нибудь, и тогда я бы написал тебе. Но душою, сердцем любя тебя, тебя одну, а для шутки, для забавы любезничаю с Полинами — впрочем, я сам писал уже к тебе об одной.

При сем к Emilie, отошли, запечатав.

54. Н. А. ЗАХАРЬИНОЙ

22 янв⟨аря⟩ 1836. Вятка.

Наташа! Сколько перестрадала моя душа в несколько дней, ты не можешь себе вообразить. Получив с Эрном твои записки, я разом воспрянул и поднялся — мне сделалось легче дышать, светлее смотреть,— словом, я обновился, и тут, середи самых восторженных мечтаний, когда все чувства, как воздух на горе, теснят своею чистотой,— я узнал, что умер Медведев, о жене которого я тебе уже писал. Мы с Витбергом бросились туда. Horrible![2] Он ничего не оставил, кроме своего трупа. Бедность со всем ужасом своим. Она лежала в обмороке. Мы остались тут, распоряжались, хлопотали, и вообрази себе, что ее обморок продолжался *два дня с половиною*. Вот следы общественного устройства и того высокого развития, до которого воображают люди, что достигли. Она лежала одна; ни одной дамы, ни одной руки, протянутой на помощь. В эту минуту так ярко выразился эгоизм людей, со всей холодной гнусностью своей, что я ненавидел всех. Наконец, я кой-как стыдом и укоризнами заставил некоторых приехать.— Витберг не отходил две ночи от несчастной. Теперь она в чувствах. Но что вперед — мрачная, сырая галерея несчастий. Она не знала всю жизнь слова «счастие»; прекрасная собою, образованная, была брошена отцом в объятия игрока — он всё проиграл. Это цветок, который сорван был не для того, чтоб украшать юную грудь, а для того, чтоб завянуть на могиле. И трое детей — не ужасно ли? Я писал Егору Ивановичу о займе для меня 1000 руб. Я хочу их доставить ей. Только не говори об этом, ибо я не писал, на что мне деньги, пусть думают, что на вздор... И никому не говори — это тайна. И не ужасно ли принимать благотворения, ей, одаренной душою высокой и благородной? Нет, в тиши, в тумане домашней жизни есть несчастия ужаснее Крутиц и цепей. Те

[1] чтобы провести время (франц.); [2] Ужасно! (франц.).— *Ред.*

А. И. ГЕРЦЕН.

Портрет работы А. Л. Витберга. 1835 г.

Институт русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР. Ленинград.

только громки, а эти тихо, незаметно, червем точат сердце и отравляют навеки жизнь.

И были люди, которые хохотали над ее несчастием и над моим состраданием.— Это не люди.

Были другие, которые сказали, что она притворяется... Эти сами притворяются людьми — они дикие звери.

Зато с каким удовольствием смотрел я на Витберга, на этого высокого человека. Еще на Эрна и на m-selle Trompeter, которые тут, забывая и дом, и сон, и пищу, хлопотали обо всем. В душе их награда, и *там*, может, будет награда. Но не *здесь*, здесь насмешка им будет.— Но ведь и я умею насмехаться, и яд в моей иронии...

Прощай, мой ангел; середи всех этих мрачных минут твой прелестный образ утешал меня, память о тебе возобновляла мои силы.

Твой Александр.

На обороте: Наташе.

55. Н. Х. КЕТЧЕРУ

22 января 1836 г. Вятка.

Caro Nicolo!

Мне тебе нужно объяснить преинтересное дело. Здешний жандармский майор Замятнин доставил мне 16 января записку от г-жи Левашовой, без числа, распечатанную и на которой виден след облатки или печати.— Сколь много я ни чувствую внимание г-жи Левашовой, но надобно признаться, что поступок сей удивил меня своею неосторожностию. Для этого надобно знать, что такое жандармский майор в провинции и что такое сосланный под надзор. Долго думал я, что мне делать; наконец, *зная весьма отношения*, я решился сказать губернатору о доставленной записке, чтобы впоследствии не отвечать за нее... Сама же m-me Левашова пишет следующим образом о Замятнине: «Toutefois madame Levachof est assurée que m-r Herzen ne mettra jamais la vigilance *de son cousin* à l'épreuve»[1]. Какое же доверие я мог после сих слов иметь pour son cousin.— Как бы то ни было, благодари от меня за участие и за внимание; жаль только, что оно пришло таким путем. Ежели поступок мой тебе не нравится, то погоди осуждать, когда-нибудь лично я все объясню и вполне...

Далее, говорят, что недовольны тем, что я живу с Витбергом,— может, я и разъедусь с ним — ибо привык переносить

---

[1] «Во всяком случае г-жа Левашова уверена, что г. Герцен никогда не станет подвергать испытаниям бдительность *ее кузена*» (франц.).— *Ред.*

всякого рода лишения. Но чьи это догадки? — Признаюсь, больно мне будет оставить этого человека, в душе которого всякая высокая мысль находит отголосок, всякое святое чувство — отголосок; человека несчастного, человека, который все сделал, что зависело от души индивидуума, для великого предприятия и которое, сначала выращенное успехами, похвалами, славою, вдруг гнетом обстоятельств задушено, и с ним вместе разбит высокий сосуд, хранивший in potentia высокую мысль. Такой человек есть друг наш, хотя бы мы и не знали его. И я не токмо не употреблю никаких средств, чтоб разъехаться с ним, но даже продолжу это всеми силами.

Узнай, когда писано письмо Левашовой.

Да, скорое возвращение путешественника непонятно; что-нибудь об этом.

Вадим продолжает писать se offendendo; я рад, ренегатам нет успеха.

Desperatio[1] прошло — я исправился, иногда пишу в минуты грусти, и потому, может, ты ошибаешься. Впрочем, я ненавижу здешнее общество: разврат, подлость и невежество... Здесь я только понял необходимость дворянства в России.

Прощай, пиши с Аршауловым, он превосходный человек.

Ал. Герцен.

22 янв⟨аря⟩ 1836.
Вятка.

Сатину отошли письмо. Да что Ог⟨арев⟩ не пишет ко мне? Душа болит по весточке от него. Какими средствами ты сносишься с ним?

На обороте: Николаю Христофоровичу Кетчеру. В Москве.

56. А. В. ВИТБЕРГ

5 февраля 1836 г. Вятка.

Милостивая государыня Авдотья Викторовна!

Вы были так добры, что изъявили желание, чтоб я и по приезде вашем в Вятку жил вместе с Александром Лаврентьевичем; это дает мне право, не имея чести лично вас знать, обратиться к вам с моею благодарностию.

Единство несчастия сначала сблизило нас. Потом, когда я ближе узнал достоинства Александра Лаврентьевича,— о которых нужно ли вам говорить,— чувство искреннейшего уважения еще более соединило меня с ним. Вы повторили в вашем письме мои слова из письма к батюшке, что приезд Александра

[1] Отчаяние (лат.).— *Ред.*

Лаврентьевича сделал мне вполовину легче ссылку. Вы видите, что не лесть заставила меня говорить это.

Ежели бы ваш приезд, милостивая государыня, долженствовал нас разлучить, это было бы грустно для меня, это была бы другая ссылка. Теперь вы изволите видеть, сколь много обрадовало меня ваше согласие. Благодарю душевно!

Позвольте мне письменно и самому рекомендовать себя в ваше благорасположение. — Прав на оное я никаких не имею, кроме несчастий, с которыми так рано ознакомился я.—Извините, что беспокою вас моим письмом, и примите уверение в искреннейших чувствах уважения, с каковыми честь имею пребыть, милостивая государыня, вашим покорнейшим слугою.

Александр Герцен.

Вятка, 1836 года.
5 февраля.

57. Н. А. ЗАХАРЬИНОЙ

12 февр⟨аля⟩ 1836. Вятка.

Ангел мой, Наташа, я тону, тону совершенно в этом море любви; светлы, прозрачны его волны, глубоко оно и обширно. Наташа! Бог послал тебя мне, он знал, что моя душа будет страдать от людей, он знал, что обстоятельства будут терзать меня, и ему стало жаль, и он послал тебя.— Всё уврачевалось, всё; больше еще: за временные несчастия он послал мне блаженство на целую жизнь. Друг мой, слаба моя грудь, она хотела бы раздаться, чтоб сильней любить тебя.

Я знал почти, что ты мне напишешь; но в каком я был состоянии, когда читал твои последние записки! Я дрожал, я испугался всего счастья своего, я не мог перевести дух. Понимаю, очень понимаю твои чувства при взгляде на мой портрет; жаль, что ты не была одна. Как же ему и быть непохожим? Витберг смотрел не одно лицо — он смотрел и на душу, он знает ее, и потому мой портрет оживлен.

Но на что же ты, Наташа, в своих письмах так хвалишь меня, это тяжело читать; уверяю тебя, что только в твоей небесной, божественной душе отразился я таким совершенным. В многих местах запятнена душа моя, в многих местах испорчен и сломан характер. Люби меня так, как я есть, люби меня с недостатками, Наташа, и об этой-то любви говори мне. Разве может быть похвала более, понятнее моему сердцу, как твоя любовь? Но не придавай мне более, нежели сколько есть в душе моей, чтобы после с горестию не увидеть недочета. Горько смотреть художнику на свое произведение, когда оно не вполне выразило его идеала. Но что произведение для художника?

Одна мысль, одна фантазия, и другие мысли уже толпятся в голове. А любить так, как ты любишь меня, можно раз; страшно тут видеть невыполненным идеал, страшно, ибо на него потрачена не одна мысль, а вся душа, вся жизнь. Наташа, смотри же прямо на твоего Александра, не придавай ему ничего, брось идеалы, в которые ты вплела часть меня и часть неба, находящегося в твоей высокой душе. На что они тебе? Возьми меня земного, люби меня, я отдаю тебе себя; но более не могу сделать. Да, я хотел бы быть ангелом, чтоб увеличить этот дар,— но я человек и далеко не совершенный. Самые эти огненные страсти, которые так жгут мою грудь, так направляют ее к изящному и великому, часто, часто влекут меня в пороки и... после я раскаиваюсь, но не имею сил прямо стать против них. Теперь нравственное начало моей жизни будет любовь к тебе.—Так слетала к Данту его Беатриче из рая в виде ангела, чтоб вывести его из обители скорби бесконечной туда, в обитель радости. О Наташа, ты такой же ангел! Нет, исчезли все мои идеалы, все они бледны перед тобою. Каждое слово твоего письма заключает блаженство. Чем, чем, о боже, я заслужу перед тобою это счастие? Чем, какими несчастиями заплатить могу земле за то, что был на верху блаженства еще здесь?

Прощай.

Твой Александр.

От Emilie получил письмо; благодарю ее и буду непременно писать; но не теперь.

На обороте: Наташе.

58. Н. А. ЗАХАРЬИНОЙ

18 (?) — 19 февраля 1836 г. Вятка.

Наташа! Наконец, я нашел чувство, занявшее всё ненаполненное в моей душе. Наконец, всякое стремление, всякое земное чувство, всякий порыв получили значение и цель — Любовь к тебе. Вот высокая идея изящного, наполнившая грудь мою. Странно, что я прежде не понимал этой связи наших душ. Наше свидание в Крутицах много сказало; безумная радость, трепет при получении твоих записок говорили много — но я вполне не мог определить, любовь ли это.— Помнишь записку, в которой я писал, что не верю нашей дружбе? Тогда, в эту минуту я был в каком-то восторженном состоянии, все кипело, бушевало во мне, и внутренний голос сильно прокричал: «*Ты любишь ее*». С тех пор существо мое просветлело, согрелось, блаженство разлилось в сердце. До этого я имел какую-то поверхностную возможность заниматься хорошеньким личком, быть

полувлюбленным, по крайней мере не совсем равнодушным. Когда же раздался тот сильный голос, с тех пор все эти земные девы все пали перед небесным образом ангела. Истинно странно: ведь я любил тебя до этого, но, не дав себе отчета, я увлекался страстями. И от этого-то ярче и прокричал голос. Нигде не встречал я того, что искала душа, везде минутное увлечение, даже шалость, и после — пустота и потребность высшего. Вдруг все наполнилось! О Natalie, не словами, нет, взглядом, поцелуем я тебе передам все небо, которое ты мне подарила.

19 февраля.

Еще маленькая записка от тебя, еще слово любви... Я богат, богат!

Тебе, кажется, не хотят послать портрета. Странно. В последнее время, т. е. во время моего несчастия, я сблизился с п⟨апенькой⟩ несколько, я видел несомненные доказательства его любви, внимания, вижу их и теперь. Но доселе п⟨апенька⟩ меня совсем не знает, это любовь к сыну, каков бы он ни был, а не любовь к Александру.— Отказ послать тебе портрет, и притом весьма жесткий, удивил меня. Ну что, ежели я ему напишу, что люблю тебя, что фраза в письме п⟨апеньки⟩: «Ей надобно идти замуж, а не сентиментальничать» в переводе значит: «Тебе надобно умереть и перестать любить»?..

На душе моей лежит еще одна исповедь тебе, давно собираюсь ее высказать, я очищаюсь, высказывая тебе свои пороки, ты моя связь с небом — но не могу еще высказать ее. Опять земное— нет сил оторваться, стать выше всего, стать рядом с тобою. Ну как же мне не завидовать тебе? Ну как же всему роду человеческому не завидовать мне — которому принадлежишь ты?

Прощай.

А л е к с а н д р.

Кажется, всё высказал, а через четверть часа опять душою хочется писать к тебе.

На обороте: Наташе.

59. Н. А. ЗАХАРЬИНОЙ

28 февраля — 4 марта 1836 г. Вятка.

28 февраля. Вятка.

Да, да, Наташа, в Италию, в Италию. Надобно отдохнуть от северной природы и от северных людей. И мы узнаем до дна блаженство, ежели ты будешь со мною там. Это не мечта, невозможного тут нет. Мы должны соединиться, мы будем со-

единены; итак, что же мудрого, что вместе будем в Италии? — Твоя любовь мало-помалу пересоздает меня; чистый ангел, пожертвовавший собою для меня, мог один это сделать. Я стал спокойнее смотреть на будущее, я подавляю в себе эту судорожную потребность деятельности, которая, происходя из начал высоких, была худо направлена. Человек не должен забегать провидению, не должен натягивать себе поприще. Ежели он избранный, провидение не потеряет его, лишь бы он сам не погубил врученных талантов. Ежели же не избранный — то его задавит огромность предположения без сил исполнить. Провидение дало мне огромный залог — оно мне дало тебя; искали ли мы друг друга? Нет, совсем нет; это случилось само собою — и хорошо, таков путь провидения. Сознать свою силу и ждать его призыва...

Меня очень беспокоит петербургский посетитель, потому что эти безотвязчивые люди, которыми ты окружена, замучат тебя *выгодною партиею*.—Будь тверда и, ежели нужно, скажи им прямо, что ты любишь меня, что ты любима и что этого переменить ни они, никто не может. В таком случае и я буду писать— разумеется, дождавшись на это от тебя разрешения. Беды нет, пусть их знают; одно злое должно искать мрака, а наша любовь так чиста, так высока... Впрочем, я и не думаю, чтоб это нашло сильное противудействие. Я много надеюсь на каменную твердость мою, много надеюсь и на любовь ко мне. Сначала удивятся, потом скажут, что это предвидели, потом морали, потом устанут — и победа наша. На первый случай можно сказать маменьке — но это трудно для тебя. Тут есть средство — Emilie. Однако ж, заметь, все это надобно сделать в крайности. Ты не хотела, чтоб холодные глаза смотрели на мой портрет, тем более зачем холодными рассуждениями обнаруживать огненное, пламенное чувство нашей любви.— Бедная Natalie, меня терзают вперед неприятности, которые ты получишь. Пиши же мне об них подробно. Это легче, иначе мое воображение построит чудеса.— Я улыбнулся, читая о твоем споре с Emilie о счастии; оно похоже на спор, что́ лучше — *роза* или *лилия*, как будто в созданиях бога есть лучше, как будто и то и другое не изящно. Бог никому не отдал на аренду счастья, всякая душа, хорошо созданная, пусть раскроет себя любви чистой, изящному, и она узнает блаженство; может, иначе, сообразнее себе — но узнает его. Но и этот спор мне нравится, тут есть что-то детское, что-то такое наивное. Как ты мила, моя Наташа, во всех изгибах твоей прелестной души.

2 марта.

Грустно мне что-то это время — моя любовь к тебе беспрерывно влечет меня в Москву. Тягостна наша разлука. Боже мой, когда же напечатлею я поцелуй любви на твоих устах?—

Первый поцелуй для тебя. Тогда только я отряхну с себя всю землю, всю пыль, тогда тобою я буду существом чистым.— Мрачные мысли бродят у меня в голове всю неделю. Вчера мне пришло в голову, что будет со мною, ежели ты умрешь. Безумие или самоубийство? Нет, решительно не могу жить без тебя, лучше возвращу богу жизнь, нежели томиться без тебя здесь. Прощай.

4 марта.

Прощай, мой ангел, вчера я выздоровел от моей грусти. Прощай, целую тебя.

Твой Александр.

На обороте: Наташе.

60. Н. А. ЗАХАРЬИНОЙ

23 марта 1833. Вена.

Ангел мой, моя святая! Я удручен счастием, всей душою упиваюсь этим блаженством, этою любовью — всей душою, и душа моя не может поместить всего рая твоей любви. В самый день моего рождения получил я твое письмо с m-me Wittberg. Я пил каждую строку, я переливал в свою душу весь этот небесный огонь, вырывавшийся в каждой строке. Наташа, Наташа. О, ты права, там, где я сидел в цепях, там сочетал нас сам бог. С тех пор решена твоя судьба.— Ты говоришь, что я не любил тебя тогда, когда говорил, что сожму руку твоему избранному. Ты права и нет. Я любил тебя прежде Крутиц, но не давал отчета в своем чувстве; еще более — хотел уничтожить в себе всякую любовь; боялся погубить тебя, связав с моим бурным существованием твою жизнь. И писал те строки, именно отталкивая от себя и от тебя мысль любви. Но наше прощание решило всё, и как сметь человеку холодно располагать судьбою своей тогда, когда есть провидение? Я помню тот взгляд, которым я смотрел в твою душу, когда спрашивал о участи голубя. И этот взгляд, воротившись назад в мою грудь, принес с собою весть с неба, весть рая — твою любовь. Ангел, ангел!

Как нам быть с Emilie, мне раздирает душу ее ужасное положение. Уверь ее, что я никакого письма от N. S. не получал. Ей-богу, не получал, с чего она взяла это? И уверена ли она в том, что он не любит ее? Впрочем, он ветрен, я знаю — но винить его не смею. Странно человеческое сердце. Потребность любви в сердце благородном так сильна, что всякое сочувствие, всякую симпатию принимает за любовь, и сам вдается в обман. Я испытал это.— Но любовь в самом деле — о, это другое, тут не может быть перемены, это самая жизнь, самое начало жизни— ты знаешь ее, моя Natalie!.. Сейчас мне что пришло в голову:

Natalie значит Родина. Родина! Не высок ли смысл этого слова, соединенный с словом *Александр* — Мужественная защита? И все это, уверяю тебя, не случай, случая нет, везде перст Его. Это иероглиф с высоким смыслом.

Маменька знает — надобно было знать, это хорошо. Впрочем, нашему соединению никто не может препятствовать. *Он* соединил нас. Тебя мучают теперь Бирюковым. Пора, видно им сказать, я напишу к маменьке — хотя и трудно мне это, но, напишу.

Одно обстоятельство есть только, которое может сделать нам тьму неприятностей,— это закон о родстве, который казалось бы, и миновал нас, но там есть одно пояснение, которое ежели они узнают, то могут повредить, *но не долго*. Я об этом и думать не хочу. Ты хочешь делить со мною все трудности моего пути. Дели их, я тебе дарю половину своих несчастий, неси их. Я горжусь моими несчастиями, ни с кем их не хочу делить, с тобою всё делю... Нет, Наташа, слов нет сказать тебе всё, что хочу, ты понимаешь.

Ты спрашиваешь, что такое тяготит мою душу. От тебя скрывать это тяжко, но тяжело и сказать. Люди, люди, эта дрянь, эта сволочь увлекла меня в один скверный поступок, и я его сделал. Его оправдают большая часть людей, но... но он порочен в смысле нравственном; я шалил вещью, которой шалить не должно, и силою своего характера сделал более глупостей, нежели сделал бы другой.— Яснее скажу после. Теперь не могу.

На Кавказ я не еду; следственно, можешь успокоиться; а, признаюсь, мне хотелось туда. Вятка скучна; но благословляю судьбу, бросившую меня сюда; встреча с Витбергом выкупает половину неприятностей разлуки.

... весь художник он,
Он всё окинул быстрым оком
На поле вымысла широком,—

как говорит Огарев в одной из своих мечтаний.

Медведева живет теперь с нами, т. е. с семейством Витберга, и у нас довольно весело. Прощай.

Пиши всегда о получении моих писем.

На обороте: Наташе.

61. Н. А. ЗАХАРЬИНОЙ

28 марта — 1 апреля 1836 г. Вятка.

28 марта.

«Счастливая Витберг»,— писала ты; да, конечно, счастливая! Иметь мужем великого человека и быть так нежно любимою. Вчера он, вспоминая все ужаснейшие гонения и несчастия,

коими теснят его, заплакал и, обнимая жену, сказал мне: «Не женитесь, Ал⟨ександр⟩ Ив⟨анович⟩, чтоб не сделать несчастною такого существа»,—и, помолчав: «А ежели женитесь, то выберите такого ангела, как она!» Она заплакала и бросилась ему на шею. Сцена эта была торжественна; я стоял молча, опершись на стол, грудь подымалась, и душа рвалась к тебе.—Нет, не случай свел меня с этим человеком! А сколько разных встреч я видел теперь, скитаясь изгнанным — некоторые я опишу, одна уже готова, и я тебе пришлю ее. «Легенду» я исправил, но не совсем; скучно отделывать слог.

Наташа! Попробуй немного заняться немецким языком. Emilie тебе будет помогать. Мне хочется тебе открыть это море поэзии германской литературы. Хочу познакомить тебя с тем Шиллером, о котором сказал Огарев:

С слезою чистой, как роса,
Глядит на небо голубое,
Родные ищет небеса...

A propos, я уже несколько раз писал, чтоб мне прислали Огарева стихи «I tempi», которые были у тебя или у Emilie.— Он женится странно; но я боюсь судить прежде получения от него письма. Может, это увлечение минутное — тогда беда или горе.

29 марта.

Христос воскрес! ангел мой,— и дивись, Наташа, дивись: я видел сегодня во сне и, кажется, в первый раз, что поцеловал тебя,— мы похристосовались заочно, сном. И какой дивный сон. Я трепетал весь, когда мои губы коснулись твоих, грудь хотела разорваться, и на этом я проснулся.— Бывало, в этот праздник я приезжал к вам и ты являлась между сволочью, которою набит ваш дом... Дорого бы дал и нынче провести с тобою. Прощай. Я в мундире, со шпагою еду к губернатору.

1 апреля.

Новая мысль для повести — человек, одаренный высокою душою и маленьким характером. Человек, который в минуту размышления отряхивает прах земли и в следующую за тем платит дань всем предрассудкам. Оттого что слабый характер согнут, подавлен толпою, не может выработаться из мелочей. Ежели вздумаю писать, то стоит только приделать рамку к этой мысли. Нравится ли тебе мысль эта? А статья моя «Встреча» готова, и, вперед знаю, тебе весьма понравится. Прощай, пиши, когда только возможно, обо всем и всего более о твоих чувствах, о твоей душе.

Целую тебя.

62. Н. А. ЗАХАРЬИНОЙ

7—13 апреля 1836 г. Вятка.

1836 года. Апрель 7. Вятка.

Мне что-то грустно сегодня, Наташа, и потому пишу к тебе. Тягостна наша разлука. Тщетно истощаю я всё, выдумывая занятия и развлечения,— нет для меня искреннего душевного, полного удовольствия без тебя. Среди шума вакханалий, среди лиц ликующих вдруг черная мысль подымается со дна бокала, улыбка останавливается на устах, и мрачное чувство разлуки давит. Душа вянет без тебя; ежели во мне еще так много дурного — это оттого, что нет тебя со мною; прикосновение ангела очищает человека. Твои письма разбудили меня, когда я, забывши себя, или, лучше сказать, искавши средств забыть себя, падал; твоя любовь может одна поддержать меня выше людей. Ты плакала, читая, что любовь сделалась нравственным началом моего бытия; беспрерывно я испытываю справедливость сих слов. Лишь только что-нибудь мелкое, порочное навернется на ум, как вдруг мысль твоей любви осветит душу — и порочное, мелкое исчезает при свете ее. О Наташа, верь, провидение послало тебя мне. Мои страсти буйны, что могло бы удерживать их? Любовь женщины — нет, я это испытал. Любовь ангела, любовь существа небесного, твоя любовь токмо может направлять меня.

10 апреля.

Вчера, ангел мой, ты думала обо мне целый день—я знаю, и я думал о тебе. Разделенные, мы были вместе.— Великий день, в который, как ты выразилась, сочетал нас бог. Девять месяцев тюрьмы, год ссылки забыты за одно это свидание. Вчера же получил я от тебя две записки, из коих одною я очень недоволен. Что с тобою, Наташа; откуда этот тягостный, горький звук из души твоей, в которой должна быть одна любовь, одна любовь? Это не разлука; ту грусть я понимаю, я сам — оторванное дерево от родины, от моего неба, грущу. Но тут что-то другое. «Только *помни*, Алекс⟨андр⟩, что у твоей Наташи, кроме любви, ничего нет». Именно этого и жаждала моя душа; что же? к чему все это сказано?.. Или ты, писавши, не думала, или у тебя болела голова, или ты забыла, что пишешь к Александру. Именно тут, в этих строках, я и вижу, что, кроме любви, есть еще и предрассудки. Говоря мне «*помни*» и подчеркнув это слово, ты как будто делаешь условия, на коих отдаешься мне. Наташа, ты высока, как ангел, брось этот вздор; я знаю, тебя не я выбрал, бог выбрал тебя мне. *Помни* и ты, что та, которую я избрал себе, та, которая превзошла даже идеал, созданный моей мечтой, должна быть выше существ простых.— Но поцелуй

любви пусть помирит нас; я понимаю, что может иногда набежать грустная минута на душу, и тогда она издает грустные звуки, как порванная струна арфы.

Вот что надобно сделать нам, во-первых: теперь я почти в открытой ссоре с княгиней; надобно с ней поладить, а то как же мы будем видеться? Нельзя ли как-нибудь, чтоб она мне написала хоть строку в папенькином письме, и тогда я буду к ней писать и мы помиримся.

Ты пишешь мои слова, что любовь испортит мою будущность,— я теперь другого мнения, и вспомни, что я писал прошлый раз; я всеми силами хотел оттолкнуть мысль любви и потому говорил это. Я не искал тебя, провидение указало; будем же уверены в благости намерений Его. Будущность нельзя испортить любовью. Да и кто же смеет выкликать себе высокую будущность — и тут подлежит отдаться провидению.

Твой навеки

А. Герцен.

13 апре⟨ля⟩.

Нашей Emilie искренний дружеский поклон — все собирался к ней писать и не успел, но скоро исправлюсь. Пиши всякий раз об ней. — Целую тебя, твой

Александр Герцен.

На обороте: Наташе.

63. Н. А. ЗАХАРЬИНОЙ

27—29 апреля 1836 г. Вятка

27 апреля 1836. Вятка.

Давно, душа моя, нет от тебя писем; дай бог, чтоб эта почта принесла что-либо, хоть строчку. Наташа, ты ведь знаешь, как радостно получать письма и как горько их ждать. По счастию, моя пустая жизнь кончилась, я опять занимаюсь, хотя не так много, как прежде, но с пользою. Не должно удаляться от людей и действительного мира, это старинный германский предрассудок; в действит⟨ельном⟩ мире есть своя полнота, которая не находится в жизни кабинетной и которая учит многому; человек не создан для уединения. Но горе тому, кто тратит душу свою на пустоту этого мира, забывая другой, высший. Разбитый, больной, печальный явился я сюда и потому искал в ложном шуме утешения; это не могло долго продолжаться; ты ускорила еще мое возвращение к идеальному, и год этот не совсем пропал в жизни моей; он богат опытами, чувствами и

более всего, любовью к тебе, мой ангел.— Теперь у меня в голове бродит план весьма важной статьи,— может, для развития которой нужно написать целый роман, который поглотит в себе и ту тему, о которой писал тебе в прошлом письме, и многое из моей собственной жизни.— Я решительно хочу в каждом сочинении моем видеть отдельную часть жизни души моей; пусть их совокупность будет иероглифическая биография моя, которую толпа не поймет,— но поймут люди. Пусть впечатления, которым я подвергался, выражаются отдельными повестями, где всё вымысл, но основа — истина. Теперь меня чрезвычайно занимает религиозная мысль — падение Люцифера как огромная аллегория, и я дошел до весьма важных результатов. Но в сторону это.

Вот и май скоро; год, что я здесь; но прямой положительной надежды нет на возвращение. Боже мой, как гнетут нас люди; они нам дозволили в продолжение почти двух лет одно минутное свидание, один поцелуй, и то прощальный; а как мы нужны друг другу. Хуже всего, что нет положительной надежды. Никто не хочет прямо стать за сосланного. О Наташа, здесь-то узнал я еще более гнусность обыкновенных людей, ибо здесь она во всей наготе — даже не прикрыта легкою тканью образованности,— и как же надобно благодарить судьбу, что и здесь я нашел душу высокую — Витберга.

Но знаешь ли, чему ты чрезвычайно удивишься,— что я почти всякий день здесь, в Вятке, говорю о тебе. Да, почти всякий день — и это для меня какое-то дивное наслаждение. Но с кем? — спросишь ты. Любовь робка на языке, и потому никогда не являлся ни один звук ее при Витберге, который как будто отталкивает доверие сего рода своим гранитным характером. Не говорил я о ней и с Медведевой, *ибо я знаю, что ей это было бы неприятно* — она и так довольно несчастна. Но помнишь ли другую Полину, немочку, о которой я как-то писал тебе; в ней тьма поэзии, и, не знаю почему, ей одной я высказал всю любовь мою к тебе, и с тех пор ты составляешь один предмет наших разговоров. В благодарность за сие я требую, чтоб ты в следующей записке написала к ней хоть строчку, только по-французски; зови ее просто Pauline. Она заслуживает это, ибо она от души желает, чтоб твой Александр скорее был в твоих объятиях. Напиши же непременно какой-нибудь комплимент, un rien[1].

У тебя новые фортепианы, пишет маменька. Занимайся музыкою как можно более. Я напишу домой, чтоб тебе доставили один Rondoletto Герца, который мне ужасно нравится и который я очень часто заставляю играть.

---

[1] пустяк (франц.).— *Ред.*

29 апреля.

Итак, Огарев полюбил свою невесту за немецкую литературу, — пишешь ты,— а поелику ты не знаешь ее, следственно не стоит любить.— Перестань же писать такой вздор, моя милая Наташа, не стыдно ли тебе? Твоя душа часто приводит меня в удивление своею высотой, своею святостью, а ежели бы ты знала астрономию — то это бы еще не дало тебе право на мое удивление. Не унижай себя, ты ангел, ангел, ты мне самим богом послана; я тебя люблю за твою душу, люблю за твою любовь, которая вся ты, люблю потому, что не могу не любить тебя. — Неужели пламенный язык моих писем, эта струя огня, может оставлять хотя тень сомнения, что я обращу малейшее внимание на внешнее что-либо?

Итак, пусть же благословение твоего отца исполнится, пусть Александр Невский — твой патрон; знаешь ли, что и меня он благословил тем же образом, и он со мною здесь. О следующей разлуке не думай. Довольно мрачного и в настоящем. В Москве я не останусь—но даю тебе клятву при малейшей возможности не разлучаться с тобою; я уже писал, что сбрасываю на твои плеча половину тягостей моей жизни, неси же их вместе с твоим Александром.

К концу нынешнего месяца, т. е. мая, решится важный вопрос, можно ли надеяться в 1836 году быть в Москве. Ежели молитва действует, то чью же молитву небо может лучше принять, как твою?

Как счастлива Витбергова жена в несчастии!

Но верь, верь, будут минуты и у нас, когда рай нам позавидует. Прощай, некогда более писать. Целую твои руки, тебя, твои глаза.— О, приходи скорее то время, когда живой поцелуй, продолжительный, страстный сотрет все мрачное.

Твой, твой А л е к с а н д р.

Emilie, говорят, сердится на меня за то, что давно я ей не писал. Уверь же ее, что я ее люблю, как сестру, и потому на что же требовать доказательств материальных — писем? Писать к тебе — это необходимость, это воздух для меня, это жизнь. Но, впрочем, я напишу, может, к следующей почте. Впрочем, она говорит, что я не отвечал на письмо, а мне кажется, я писал ответ.

Благодарю за немецкий язык, достань себе через Ег⟨ора⟩ Ив⟨ановича⟩ методу Жакото учиться языкам. Она облегчит.

На обороте: Наташе.

64. Н. А. ЗАХАРЬИНОЙ

12—13 мая 1836 г. Вятка.

12 мая 1836. Вятка

Ангел мой, Наташа, блеснул первый луч надежды, маленький луч, едва видный. О боже, ежели б он был не тщетный, ежели бы через месяц или два я мог тебя прижать к моему сердцу и в твоих объятиях забыть все двухлетние страдания. Моли, моли бога, Наташа, молитва твоей чистой души, может, будет услышана...

На днях меня Полина просила написать ей что-нибудь на память, и я написал следующее: «Влекомый таинственным пророческим голосом, пилигрим шел в Иерусалим. Тяжка была дорога, силы его изнемогали, он страдал... Господь сжалился и послал ему утешителя с чашею, наполненною небесным питьем. С восторгом принял пилигрим его; но, отдавая ему чашу, сказал: „Посланник неба! Благословляю нашу встречу, но с радостию покидаю тебя, ибо я знаю нечто выше тебя — святую Деву: к ней иду я, к ней стремлюсь, ей моя жизнь... Моли богу, чтоб скорее соединился с нею!“» — И эта святая Дева — ты, моя Наташа; да, всё, всё радостно покину я для тебя, для тебя, которая так меня любит. Ты моя святая, высокая Дева.

13 мая.

Я начал и уже довольно написал еще новую статью; в ней я описываю мое собственное развитие, чтоб раскрыть, как опыт привел меня к религиозному воззрению.— Между прочим, я представил там сон или, лучше, явление, в котором нисходит ко мне дева, ведущая в рай, как Беатриче Данта... Этот сон мне удалось хорошо написать, Витб⟨ерг⟩ был очень доволен, но не знал причины. Он думает, что я так живо представил мою мечту и что моя мечта так хороша — а я просто описал тебя, и не мечта, а ты так хороша.

Кажется, сегодня год, что я поехал из Перми. Обыкновенно при таких воспоминаниях говорят: как скоро идет время. Ну, я этого не скажу про этот год — нет, медленно, как долгий яд, как болезнь, вел он меня, и я, кажется, ощущал шероховатость каждого дня его 366 дней.— Но скажу откровенно, будь ты здесь, и я перенес бы его — конечно, не без грусти — но легко.

Что-то Ог⟨арев⟩? Женился ли? Никакой вести от него, а он мне необходим, как ты. Мы врозь — разрозненные томы одной поэмы. Хорошая библиотека не удовлетворится одной частью. Ах, где-то будет эта хорошая библиотека!

Сегодня я ждал от тебя письма, ⟨но⟩ не получил — досадно — я знаю, что тебе самой трудно не писать ко мне долго; знаю, что

тебе писать ко мне так же необходимо, как дышать,— но досадно. Я так счастлив, получив твое письмо, так весел. Ухожу в свою комнату, бросаюсь на диван и читаю, и перечитываю десять раз. И сердце так бьется, и кровь так кипит, готовы слезы литься из глаз, и дыхание делается прерывисто; это мои счастливейшие минуты здесь, потом целые дни мечтаю о каждой строке.— О, сколько блаженства принесла ты мне, и какая высокая душа отдалась мне...

Да, будут минуты, когда мы не позавидуем раю, и рай позавидует нам.

Твой, твой вечно
Александр.

На обороте: Наташе.

65. Н. А. ЗАХАРЬИНОЙ

21—26 мая 1836 г. Вятка.

21 мая 1836.

Милый друг мой, Наташа, твои письма от 28 апреля, наконец, я получил. Ты, кажется, желаешь, чтоб я писал к княгине,— и по нынешней почте пошлю ей просвиру и преглупое письмо.

О какой второй разлуке ты говоришь беспрерывно? Нет, нет, мы не должны, мы не можем быть еще раз разлучены надолго. Нет, я устал, изнемог от того, что нет со мною моего ангела-хранителя... Сегодня ночью я видел тебя так живо, так хорошо; это было у нас, мы сидели вдвоем; право, в тебе что-то более земного, просветленное, небесное, и ты улыбалась мне; я взял твои обе руки и устами прильнул к твоим устам. Поцелуй долгий, долгий... ну, вообрази сама, описать этого нельзя. Только сон все еще живо предо мною.— Гордая мысль вдруг овладела сегодня мною, когда я перечитывал письмо твое; мне казалось, что я достоин вполне этой высокой, святой любви, с которою ты навсегда безусловно отдалась мне, ибо я чувствовал в себе силу сделать тебя счастливою, чувствовал, что моя пламенная, восторженная душа одна может тебе открыть всю сладость жизни и полной симпатии, думал потому, что рядом ставил с тобою свою душу,— и ужаснулся своей гордости. Ты и я. Какая необъятная разница. Небо и земля, чистый огонь жертвенника господня и раздирающий огонь пожара. Наташа, я молюсь на тебя; никогда, клянусь тебе, никогда я не мог бы возвыситься до твоей высоты. Никогда. Я могу быть тверже, сильнее тебя; но выше никогда. Твоя душа — душа ангела, она не испытала ничего; благословляю твое странное воспитание; ты развилась сама; чем менее опыта, тем чище осталась

душа, тем менее в ней земли. А я — в 24 года испытавший всё злое и доброе; моя юная душа вся в рубцах; горький опыт положил в мою душу основу жгучей иронии, я состарелся жизнию, я даже запятнал свою совесть, и ежели бы в самую критическую эпоху моей жизни — 9 апреля 1835 — не слетела с неба откровением, так сказать, любовь, я погиб бы в нравственном отношении. Конечно, я не остался бы сложа руки— этому залог жажда славы — но мое моральное бытие исчезло бы, и все носило бы отпечаток чисто земного. — В последнем письме твоем лучшее доказательство. Говоря *об них*, ты не токмо прощаешь им все неприятности, которых ты ежедневная жертва, но еще молишься об них— это ты. Я не могу сего сделать.

24 мая.

Сейчас возвратился я с Великой реки и устал ужасно. Но слова два скажу с тобою, ангел мой, прежде нежели лягу спать. Торжественность этого национального праздника удивительна. Я приехал туда ночью, часа в два, но толпы народа уже не спали; везде шум, крик; тут ряд телег делает настоящую крепость, и за ним тысячи мужиков, толпы нищих, уродов, толпы черемис, вотяков, чувашей с их странным, пестрым костюмом, с их наречием. Разумеется, я спать не лег, а бросился в это море людей. Часовня, где образ стоит под крутой горою... Но нет, не хочу в твоем письме писать об этом, возьми папенькино письмо через Егора Ивановича — там найдешь все это. К тебе — об любви, об любви, которою так полна душа моя.— Я, как ребенок, обрадовался, увидев твоей рукою писанные немецкие слова. О ангел мой, как ты кротко исполняешь мои желания, как совершенно отдала ты мне свою волю. Но должен ли я принять на себя так много, я, земной,— вести тебя, чистую, святую,—должен, ибо твоя любовь очистит меня, ибо и я отдаюсь тебе совсем.— Много надежд дал я тебе в прошлом письме, уже половина их утрачена; опять разлука увеличилась; что делать, всю надежду на бога. Может, это наказание мне за *то пятно*, о котором я не говорил тебе. Но за что же и ты страдаешь от разлуки?.. Страдай, ангел мой, страдание твое искупит *пятно*.

Наташа, при сем письмо к Emilie, доставь ей. В выписанном тобою месте из письма С<атина> я не вижу того пылкого чувства, которое ты видишь в них. Его выражения слишком узорчаты... так ли выражается любовь? Возьми все мои записки, там не найдешь натяжки.

Прочти записку к Emilie, более я не писал к ней, потому что мне жаль терзать ее душу.

Целую тебя.

А. Герцен.

26 мая.

На обороте: Наташе.

66. Н. А. ЗАХАРЬИНОЙ

11—17 июня 1836 г. Вятка.

11 июня 1836. Вятка.

Ангел мой Наташа! Давно нет писем от тебя, и я грустен. Исчезла надежда[1] скорого свиданья, больно, очень больно. Как дерево каждым листом тянется к солнцу, протягивает ему свои ветви, глохнет без него, бледнеет, теряет свой зеленый цвет — цвет надежды, так душа моя делается *хуже*, *мелочнее* от удаления надежды на скорое возвращение. О Наташа, Наташа! Неужели этот свирепый, неумолимый рок, который доселе управлял мною, требует таких жертв для исполнения своих судеб? Нет, тобою я не пожертвую ему, может ли быть чувство святее, чище, благословеннее им, как наша любовь... Какая глупая мечта: ежели б возможность была тебе быть в Вятке. Ну, я не знаю как, вдруг бы здесь открылись мощи и претолстая княгиня вздумала бы помолиться о продлении жизни на 88 году — и ты с нею. Или... ты бы жила у нас в Москве (разумеется, после смерти княг⟨ини⟩) и приехала бы с маменькой сюда на месяц. О, тогда я первый дам подписку, что и в Вятке — рай.

Я редко занимаюсь от всей души. Найдет иногда минута, день, когда я много думаю и пишу, потом опять действительная жизнь и пустая. Утро всякого дня гибнет или в канцелярии, или у губернатора. (Чести много, а пользы мало, ибо представление не сделано.) Для того чтоб убить после-обеда, также все меры взяты; я сделался страстный охотник до верховой езды, часу в шестом — на коня и еду себе за несколько верст, куда глаза глядят. В верховой езде удивительное наслаждение, какая-то сила сознается в человеке, когда он обуздывает этого большого зверя и заставляет его исполнять желание свое, даже каприз. Когда же в туманный, сырой день я выезжаю далеко от города, а синяя даль останавливает взор, тогда я опускаю поводья; лошадь идет шагом, и мечты толпами вертятся, и вдруг глубокий вздох, и я, пришпорив лошадь, пускаюсь во весь карьер. Далее, приехав домой, усталый, я либо куда-нибудь пить шампанское, либо спать — и *день прожит*, и я с восторгом вижу, что днем ближе свидание с моей Наташей.

15 июня.

Вчера весь вечер перечитывал твои ⟨письм⟩а. Какая прелестная поэма любви и как ⟨...⟩[2] развивается эта страсть,

---

[1] *Позднейшее примечание Герцена:* (17 июня) и возвратилась опять еще блестящее.

[2] Автограф поврежден. — *Ред.*

которая теперь совсем захватила всю душу твою. О, как счастлив я и не должен ли гордиться, что любим такою душою? Сначала *любовь* твоя прячется за *дружбу*, слово *брат* везде, потом ты ставишь дружбу наравне с любовью, потом слово *дружба* и *брат* совсем исчезает, я для тебя *твой Александр*, ты сама говоришь — любовь выше дружбы, ты хочешь потонуть во мне, ты хочешь быть звездочкою (это писано было в декабре 1835), коей свет поглощается солнцем. О ангел мой, целую тебя, целую, целую. И чтоб я смел роптать на судьбу, я счастливец... После этого чтения я лег спать, и вот мой сон. Вижу я, что я приехал в Москву. Бегу к тебе; говорят, ты спишь; вхожу в горницу, и ты на постели спишь; я стал тихо на колени перед тобою и, сложив крестом руки, смотрел на небесные черты твои. Ты проснулась, улыбка показалась на твоем лице, и ты отвернулась, думая, что видишь меня во сне. Тут я бросился в твои объятия... Судьба, зачем это сон? Зачем я именно тут проснулся?

17 июня 1836. Вятка.

Наташа, перекрестись, ангел мой, сегодня пошло мое представление в Петербург, и через месяц будет ответ. Может, отказ... но, может, и свобода, и твой Александр полетит, как стрела, в объятия своего ангела, своей Наташи. Получил вчера два письма твои. Нет меры тому блаженству, которое ты льешь на меня. Каждая строка заключает в себе счастие. И будто я заслужил это? — Ты пишешь, что я буду сердиться за то, что не писала к Полине.— Да разве я требую рабской покорности; сколько раз я еще прежде писал тебе: будь самобытна, мы равны. Зачем же тебе быть рабою моей; нет, мне понравилось твое ослушание. Но не забывай этого существа, оно несчастно и высоко.

Не удивительна ли наша симпатия; ты мне пишешь о моих прежних письмах, а я на той стороне писал тебе о твоих письмах. И даже то же самое замечание; и чтоб мы не должны были соединиться, и навеки — вздор.— В Загорье необходимо приеду. Ах, ежели бы я возвратился в августе и в день твоего ангела прижал бы тебя со всем бешенством любви к моей груди. Ежели бы..! Люди, люди, не мешайте этому огню, он выше вас...

Я не забыл, как мы были в соборе с Пассеками — нет, не чужая и тогда мне была ты, мы только тогда не понимали, что нас так тесно связывает.— По-немецки занимайся одна.— Твое положение грустно; но переноси его, в нем развилась та прелестная душа в тебе, пред которою я повергаюсь на колени, которой я молюсь.— На Алексея Александровича надеяться нечего, я разлюбил его холодный ум; но попробуй, скажи, чтоб Е⟨гор⟩ И⟨ванович⟩ написал ему... Напрасно ищешь, ангел

мой, предчувствия в *моралях* папеньки; я улыбнулся, читая это; нет, это происходит от страсти читать морали. Статьи своей по почте не пошлю, жди оказии или, лучше, жди меня самого со статьями. Все, что только льется теперь с пера моего,— все согрето любовью, везде ты, как идеал изящного, святого, видна.

Прощай, моя Дева; усталый Пилигрим придет же из обетованной земли на родину, из земли страданий Христа, с маслиною примирения в руках, придет к своей Деве и будет вполне счастлив, и благословит удел смертного на земле. Целую тебя еще... и еще.

Твой Александр.

Полина кланяется, я ей перевел писанное тобою.

На обороте: Наташе.

67. Н. А. ЗАХАРЬИНОЙ

19 июня — 1 июля 1836 г. Вятка.

19 июня.

Ангел мой, наконец ты вызвала меня на последнее признание; тяжело мне оное сделать, тяжело будет тебе его читать. Ты увидишь, как твой Александр далек от того совершенства, которое ему придала твоя святая любовь. Слушай, Наташа, и ежели найдешь силу, не порицай меня.—Ты мне писала прошлый раз: «Спаси Мед⟨ведеву⟩». Да, я с декабря месяца постоянно думаю об этом, и с тех пор угрызения совести не оставляют меня.

Я уже писал тебе, что по приезде сюда, увлеченный чувством досады, я развратничал, желая в наслаждениях грубых, в вине, в картах найти средство забыться,— но это скоро мне опостылело; твоя ангельская рука исторгла меня с края пропасти. В августе месяце прошлого года приехала сюда М⟨едведева⟩ с мужем и остановилась в одном доме со мною (во флигеле). Везде говорили об ней как о красавице, как о образованной даме и которая не обращает ни на кого внимания. «Так обратит же на меня»,—подумал я и отправился к ним в гости. Эта самолюбивая мечта, продиктованная самим адом, была замечена многими, и все подстрекнули меня более Что же я нашел при ближайшем знакомстве? Юный цветок, сорванный не для невесты, но для могилы. Существо — далекое от высокого, идеального — но на котором несчастия разлили какую-то поэзию; мне ее стало жаль, близость наша вскоре открыла мне, что она неравнодушна ко мне, и я — поверишь ли — из шалости, из

стремления к всякой симпатии, не токмо не остановил первого порыва ее — но увлек ее. Я увидел свое торжество, и вместе с ним в то же время сильный голос совести осудил меня.— Когда же умер ее муж, я был совсем убит; тут только я вполне понял всю гнусность, всю низость поступка моего; я хотел загладить его — но как, чем? Вот пятно, о котором я писал к тебе; я знаю, и ты ужаснешься этого поступка, и твое суждение мне дороже суждения всего рода человеческого. О Наташа, как далеко увлекается человек, когда он дает волю страстям. Но слушай далее. Первая записка, в которой я писал к тебе о любви, когда я, перебрав все элементы бытия человеческого, увидел, что все мои страдания происходят именно от стремления к тебе, что это чувство — любовь, и любовь самая пламенная, эта первая записка сорвала покров с глаз моих. Я остановился! Я оттолкнул от себя все эти чудовища с змеиным лицом, которым предавался, я воскрес любовью к тебе. Надлежало исправить главнейшую ошибку... Я мало-помалу стал показывать равнодушие к ней, уверял, что ее душа не так глубока, чтоб истинная любовь запала в нее; она забудет меня; но говорить о тебе нельзя.

Вот тебе моя исповедь! Она мрачна, ужасна. Вздумай мое положение; ты не знаешь, что такое угрызение совести после низкого поступка. О Наташа, будь ангелом благости, прости твоему избранному, твоему Александру. Никогда подобный поступок не навернется на сердце мое. Клянусь тебе. Одно самолюбие увлекло меня, а не любовь — могу ли я любить хотя минуту, кроме тебя, моя божественная. Поверь, не может быть хуже наказания, как то, что я пишу к тебе, что я признаюсь тебе — о, как давно тяготела эта тайна и как тщательно скрывал я ее от тебя, но наконец, слава богу, высказал и с трепетом буду ждать ответа.

...Ни слова не прибавлю.

---

22 июня.

Итак, написано это признание, которое тяготило мою душу; дорого стоило мне его написать, еще труднее было умолчивать: между мною и тобой не должно быть ничего тайного. Будь же и ты откровенна, скажи, насколько пал твой Александр в душе твоей; читая это письмо — может быть, ты раскаялась, что так безвозвратно отдалась человеку, который был способен на низость. О Наташа! я всё снесу, всякий упрек, я его заслужил; твоя любовь не могла разом поднять меня. Вспомни, первое слово любви от тебя было в декабре, а происшествие, о котором я пишу, было в сентябре. Я проснулся, увидел гнусность этого поступка тогда, как писал тебе первый раз о любви; помнишь,

какое судорожное состояние было тогда в моей душе? Я очень знаю, что *толпа* не осудит меня, она назовет это шалостью, ветреностью, весьма простительною,— но я не должен себя судить правилами толпы. Повторяю, что уверен, что у ней пройдет эта страсть, и в заключение прибавлю, что половину преступного я бросаю тем людям, которые подстрекнули меня. Толпа! Раз я отдался вам, люди нечистые, и вы воспользовались этим, чтоб запятнать меня. Наташа, Наташа, пожалей об Александре и, если твое сердце так обширно благостью, прости ему.

Твой Александр.

Вложенная при сем записка огорчит тебя, мой ангел, но что же делать: я обязан был это признание сделать перед тобою.— *Может быть*, через полтора месяца я в Москве, вот тебе лучшее утешение за всю грусть той записки. Полина говорит, что мне не надобно умирать,— так счастлив я; да, обыкновенно люди одними несчастиями хвастают, но я прямо говорю, что более блаженства, как я пью полной чашей из твоей души, не может вместиться в груди человека.

29 июня.

Ужасная тоска! Я весь болен, камень лежит на душе. Чем ближе развязка, тем страшнее. Может, прежде нежели ты будешь читать это письмо, я прочту судьбу свою. *Еще год ссылки* или *через 6 недель я прижму тебя, мой ангел, к моей груди*. Какая противуположность! Боже, боже!.. Я ничего не могу делать; часто мне кажется, что расположен писать; беру перо, беру бумагу... и воображение чертит яркую картину нашего свиданья. Беру книгу, и смысл ее мне непонятен. Нет, нет, клянусь тебе, никогда ты не могла быть более любима, ни ты, ни одна дева. Есть предел страстям человека, я достиг его...

Я писал тебе когда-то, что намерен составить брошюрку под заглавием «Встречи»; теперь план этого сочинения расширился. Все яркое, цветистое моей юности я опишу отдельными статьями, повестями, вымышленными по форме, но истинными по чувству. Эти статейки вместе я назову «Юность и мечты» Теперь, когда все еще это живо, я и должен писать, и потому уже должен писать, что юность моя прошла, окончилась 1-я часть моей жизни. И как резки эти отделы. От 1812 до 1825 ребячество, бессознательное состояние, зародыш человека; но тут вместе с моею жизнию сопрягается и пожар Москвы, где я валялся 6⟨-ти⟩ месяцев на улицах, и стан Иловайского, где я сосал молоко под выстрелами. Перед 1825 годом начинается вторая эпоха; важнейшее происшествие ее — встреча с Огаревым. Боже, как мы были тогда чисты, поэты, мечтатели:

эта эпоха юности своим девизом будет иметь Дружбу. Июль месяц 1834 окончил *учебные* годы жизни и начал *годы странствования*. Здесь начало мрачное, как бы взамен безотчетных наслаждений юности; но вскоре мрак превращается в небесный свет. 9 апреля откровением высказало всё, и это эпоха *Любви*, эпоха, в которую мы составили одно *я*, это эпоха твоя, эпоха моей Наташи.

1 июля.

Получил твои письма, ангел мой; гони этот призрак, пугающий тебя. Что за вздор. Виновата ли ты, что ты хороша и что в тебя влюбился человек, не стоящий твоей души, не постигающий ее? Мне жаль его, душевно жаль; но что же делать? Надобно стараться, чтоб он уехал из Москвы, вот и всё. Полно же представлять себя виновною. Ты говоришь о участи голубя; теперь эта аллегория уничтожена, она должна пасть после высоких слов в твоем последнем письме: «Но уж существования их слиты в одно, им одна гибель, одно блаженство». О ангел мой, как ты глубоко поняла меня и любовь. Странно, ты делаешь меня судьею поступка, в коем ты совершенно права, и, в то же время, я пишу к тебе о своем поступке, в коем я совершенно неправ. В том, что́ ты говорила о себе, я читал собственный приговор свой.

Через 15 дней, может быть, ответ будет здесь. О господи, не продляй еще эту черную разлуку, дай же мне отдохнуть на груди тобою подаренной Девы от всех этих волн, бивших корабль мой и грозивших мне гибелью. Прощай, жизнь моя, моя святая, моя Дева, прощай, целую тебя.

Твой Александр.

На обороте: Наташе.

68. Н. А. ЗАХАРЬИНОЙ

9—15 июля 1836 г. Вятка.

9 июля 1836. Вятка.

Ангел мой, ты давно не получала моих писем,— пишешь ты от 24 июня; точно, я не писал тогда долго, не желая передать грусть, которая наполняла мою душу; но с тех пор ты, верно, получила несколько записок от меня.— Тебя тяготит наша разлука. О Наташа, собери все силы, пострадай за будущее благоденствие, мы будем счастливы, клянусь тебе; при первой возможности, ты моя совсем, но, признаюсь тебе, и мне уж через силу эта разлука. Дружба, широка ее грудь, она помогает мне много, но не дружбы ищет душа, а любви. Странно, я был по крайней мере беззаботен по наружности. Теперь, ожидая так скоро решения, я переменился, и сам вижу это; я стал мра-

чен, задумчив, рассеян. Ничто меня не веселит, и моя ирония стала ядовитее, и мой смех злее. Нет, Наташа, не могу жить без тебя; эта жертва ужасна. За один взгляд, за один поцелуй я дал бы теперь несколько лет жизни. Ты не знаешь, что такое поцелуй; мой поцелуй будет первым на твоих губах, я горжусь этим. Да, ты мое создание, моя олицетворенная мечта, одна ты и можешь меня сделать счастливого.

Дружба! В ней есть всё что-то холодное, эгоистическое; это два круга пересекшиеся, как говорит Огарев. Но любовь — чувство, оживившее меня, приведшее меня к религии, отдавшее мне тебя,— это два круга, из коих один поглощен другим, как будто внутренняя часть другого —одно средоточие! Отчего же, видаясь с друзьями, я только радуюсь, но при одной мысли свидания с тобой трепещу? — Можно ли нам надеяться на соединение вечное при жизни всех наших? — Наташа, ведь страшно основывать свое счастие на смерти других, страшно, как ворон, заглядывать в глаза и накликать смерть. Но вряд ли это возможно иначе. Впрочем, лишь бы мы были вместе, лишь бы могли хоть раз в неделю видеться,— и тогда уже счастие неизмеримое, и разве мы тогда уже не соединены? Предоставим остальное провидению. Непонятны иногда его пути, но я верю в них и слепо повинуюсь. Может, все устроится легче, нежели ты думаешь и я думаю.

15 июля.

Впрочем, со стороны папеньки⟨...⟩[1] больших препятствий. Но княгиня... Я ее поздравил с именинами...

Ангел мой, сегодня 15 июля, 20 будет два года нашей прогулке на скачке; тогда уже мы были близки друг к другу, тогда уже вся моя душа открывалась тебе. А после раз виделись — и как сблизились, как слились наши существования... 20 июля ждут ответ из Петербурга. Странное число! Оно начало годину бедствий, оно начнет, *может быть*, время счастия. Но отчего же я боюсь это *может быть*, отчего проклятое *может быть и нет* морозом обливает сердце. Нет, нет, довольно страданий, довольно опыта.

Полина кланяется тебе; она тебя любит от всей души; желал бы, чтоб вы познакомились; прекрасная душа и пренесчастная. Как будто нет земного счастия для души небесной. Что-то наша Emilie?

Статья моя «Мысль и откровение» пишется, и первая часть хороша.— Прощай, ангел мой! Прощай, целую тебя.

Твой и навеки
Александр.

На обороте: Наташе.

[1] Автограф поврежден.— *Ред.*

69. Н. А. ЗАХАРЬИНОЙ

20—22 июля 1836 г. Вятка.

20 июля 1836.

Итак, два года черных, мрачных канули в вечность с тех пор, как ты со мною была на скачке; последняя прогулка моя в Москве, она была грустна и мрачна, как разлука, долженствовавшая и нанесть нам слезы, и дать нам более друг друга узнать. Божество мое! Ангел! Каждое слово, каждую минуту вспоминал я. Когда ж, когда ж прижму я тебя к моему сердцу? Когда отдохну от этой бури? Да,— с гордостью скажу я,— я чувствую, что моя душа сильна, что она обширна чувствами и поэзиею... и всю эту душу с ее бурными страстями дарю я тебе, существо небесное, и этот дар велик. Вчера был я ночью на стеклянном заводе; синий и алый пламень с каким-то неистовством вырывался из горна и из всех отверстий, свистя, сожигая, превращая в жидкость камень. Но наверху на небе светила луна; ясно было ее чело, и кротко смотрела она с неба. Я взял Полину за руку, показал ей горн и сказал: «*Это я!*» Потом показал прелестную луну и сказал: «*Это она, моя Наташа*». Тут огонь земли, там свет неба. Как хороши они вместе.

22 июля.

Минуты грустные все еще так же часто налетают на мою душу, судорожное ожидание ответа из Петербурга меня томит. И только ты, ты одна, моя божественная Дева, могла поселить такую любовь. Перед тобою исчезают все остальные страсти и потребности мои. Ежели б не свидание с тобою, что влекло бы меня так сильно, так беспрерывно в Москву? Родительский дом! Но разве я не знал, что рано или поздно должен буду покинуть его? Служба, путешествие — все должно было меня на время разлучить с ним. Правда, мне больно, что мною нанесено столько скорби родителям, хотя я и не виноват в том, что бог мне дал душу выше толпы, таланты выше обыкновенных людей,— а в этом вся моя вина.— Друзья? И они меня влекут к себе сильно; но где они, разве в Москве? Огарева там нет.— Занятия? — Здесь в тиши я могу работать. Нет, все это не могло бы так мощно влечь меня, даже мое самолюбие указывает мне скорее на Петербург, нежели на Москву. Но Москва у меня нераздельна с Наташей. Я люблю Москву за тебя, я в ней люблю тебя.

Любовь — высочайшее чувство, она столько выше дружбы, сколько религия выше умозрения, сколько восторг поэта выше мысли ученого. Религия и Любовь, они не берут часть души, им часть не нужна, они не ищут скромного уголка в сердце, им надобна вся душа, они не делят ее, они пересекаются, сливаются. И в их-то слитии жизнь полная, человеческая. Тут и высочайшая поэзия, и восторг артиста, и идеал изящного, и идеал свя-

того. О Наташа! Тобою узнал я это. Не думай, чтоб я прежде любил так; нет, это был юношеский порыв, это была потребность, которой я спешил удовлетворить. За ту любовь ты не сердись. Разве не то же сделало все человечество с богом? Потребность поклоняться Иегове заставила их сделать идол, но оно вскоре нашло бога истинного, и он простил им. Так и я; я тотчас увидел, что идол не достоин поклонения, и сам бог привел тебя в мою темницу и сказал: «Люби ее, она, одна она, будет любить тебя, как твоей пламенной душе надобно; она поймет тебя и отразит в себе». — Наташа. Повторяю тебе, душа моя полна чувств сильных, она разовьет перед тобою целый мир счастия, а ты ей возвратишь родное небо.— Провидение, благодарю тебя.

Что Emilie? Кланяйся ей.

Целую тебя, ангел мой; *быть может*, скоро, через месяц этот поцелуй будет не на письме, но на твоих устах!!!

Твой до гроба

Александр.

На обороте: Наташе.

70. Н. А. ЗАХАРЬИНОЙ

1—5 августа 1836 г. Вятка.

1 августа 1836. Вятка.

Хочу опять сказать тебе, ангел мой, несколько слов о себе, о внутренней жизни моей. Может, скоро явлюсь я в твои объятия. Может, ты найдешь перемену во мне, и потому вот полный отчет о себе. Да, во мне есть перемены после 20 июля 1834, после 9 апреля 1835 и, наконец, после декабря 1835. Как мало времени; но сколько происшествий, опытов, испытаний, чувств и мыслей. Сначала мрачное заключение, угрозы, словом, тюрьма, подняли меня, я узнал свою силу, свою твердость; повторяю, я был поэт! И эта поэма кончилась восторгом, самым чистым, самым небесным — свиданием с тобою, твоей любовью; но испытание не должно было кончиться этим, я узнал себя токмо на одном поприще. Ссылка и, вместе с нею, частная воля, новый образ жизни.— Тогда я упал; может, слишком напряженное состояние души в заключении требовало этой жертвы; твой голос, как голос бога к избранному народу, воскресил меня; но мне нужна была опора твердая, крепкая, душа вырвалась уже от пыли земной, но тело еще лежало, и, дивись провидению, в самое это время явился Витберг; наша жизнь встретилась, наши несчастия нас сблизили, и еще более симпатия душ тесно и крепко связала мою жизнь с его жизнию. Великий человек, великий художник, испытавший верх славы и верх несчастия, видевший почти исполненною свою гигантскую мечту и плакавший на развалинах ее. Этот человек остался тверд и прям,

как колонна каррарского мрамора, и так же бел, как она; напрасно бросали грязь в нее; грязь смылась (может, слезою). Чувствуя возле себя этого сильного человека, я оттолкнул последнюю слабость; к тому же высокое чувство любви, любви не сладострастной, но небесной, утвердило на прочных камнях мое нравственное бытие — *и я вырос*. Пустая жизнь первых месяцев здесь оставила токмо опыт и раскаяние, последующая заставила меня сознаться в новых силах души, я приобрел более положительности и в мыслях и в действиях, я научился обуздывать себя, и с тем вместе усилились и мысль, и действие. Вот тебе еще клочок моей исповеди. Кому же, как не тебе, должен я рассказывать все заповедное моей души,— тебе, которой я отдал и душу, и сердце, и жизнь?

В «Телескопе» напечатана моя статья «Гофман», в 10 № за 1836 год; пишу для того, что ты, верно, равнодушно не взглянешь на подпись *Искандер*. Впрочем, ее напечатали небрежно, не выправив; не знаю даже, кто это вздумал...

Опять давно нет твоих писем, целые три недели; я знаю, что это не от тебя, а от отправления, и потому не ропщу; но, признаюсь, когда приходит почтовый день, когда приносят письма и нет от тебя — мне становится тяжело и грустно; я кусаю губы и готов плакать. О мой ангел, моя божественная, как я люблю тебя.

4 августа.

Через три недели твои именины. О, как пламенно желал я в этот день тебя видеть; это была моя мечта, моя шалость — это не выходило у меня из головы, и, кажется, почти нельзя надеяться, может, потому, что уж слишком близко, что столько блаженства нельзя себе близко представить. Ответа еще нет из Питера. Но ежели это случится?.. Зачем после жить, тогда земное все совершено, тогда должно бы было умереть, ежели б не было еще другого призвания, ибо хотя мысль славы теперь не так душит меня, любовь все облагородила. Но совершенно с этой мыслию я расстаться не могу.— Нет, нет, Наташа, ты не можешь себе представить, не можешь — того моря блаженства, которое раскроет тебе моя любовь; она поглотит тебя. Мною, во мне будет твоя жизнь.

5 августа.

Опять почта, и опять не прислали твоих писем. Неужели и маменька не чувствует, что такое для меня твои письма? Как это больно. Прощай, прижимаю тебя к сердцу.

Твой и навеки

А л е к с а н д р.

Я занят очень литературным трудом, о котором скажу после.

На обороте: Наташе.

71. Н. А. ЗАХАРЬИНОЙ

14—19 августа 1836 г. Вятка.

14 августа 1836.

Ангел мой, божество Наташа, ты ведь моя твердая Дева, и потому я не боюсь объявить тебе, что наша разлука продолжится еще долго. Ответ пришел и отрезал надежды и мечты на скорое свидание, и это письмо придет к тебе 26 августа вместо меня! Будь же тверда, Наташа! В самой любви, в полной, сильной любви моей найди себе утешение, будь самоотверженна для того, чтоб после полной чашей пить блаженство. Может, еще целый год, много времени, но провидение знает цель... Слезы твои омочат эти строки... О Наташа! Для Александра будь тверда, не прибавляй тягости его кресту. Я буду к тебе писать очень часто, очень много — вот одно возможное вознаграждение. О твоем путешествии в Киев и не думай, а, может, я сыщу со временем иное средство. Оставим это, береги себя, будь тверда; не счастье обыкновенное предстоит нам, я вперед тебе пророчил.— Я получил два письма твоих. О, нет, нет, ничего не прибавила тебе моя мечта, нет, ты превзошла всякую мечту, и что могла бы придать небесному творению земная фантазия? Эти письма окрепили снова мою душу, достаточно одной строки от тебя, чтоб врачевать все раны моего сердца. Быть так любиму, как я, и сметь роптать — это было бы святотатство. Ты пишешь: «Отчего же мы лишены всего? — Потому, что мы даны друг другу». Помни же, это твои слова, пусть они тебе служат таким же утешением, как мне. «Где ж та душа, которой поклоняется Александр?» О боже! во всяком слове, даже в звуках грусти, в изнеможении, везде ярко видна эта душа. Молюсь тебе, ангел божий, посланница неба.— Но только одно: оставь мысль идти в Вятку, это решительно невозможно — я приказываю оставить ее. Ты говоришь, чтоб я твердо принял отказ,— я исполнил это — как мраморный обелиск, окреп я, и град, разбиваясь об него, не делает трещины; исполни же и ты свое обещание, будь и ты покойна насколько можно. — Пиши чаще, чаще! А я проведу этот год совсем иначе: буду много заниматься, буду беспрерывно сидеть дома, и, как прежних лет отшельники проводили время в молитве к богородице, я буду проводить время в молитве к тебе... Год лишения, год траура души можно легко бросить злому гению за одну минуту блаженства, а оно настанет для нас...

А может, все еще и скоро переменится; может, голос мой тронет папеньку, и он постарается, чтоб ты с маменькой навестила меня здесь. Только в этом случае не надобно торопиться.

Теперь буду хлопотать о твоем портрете — он делается мне необходимым образом, перед которым я буду изливать и свою любовь, и свои несчастия.

16 августа.

Итак, твоя любовь простила мой черный, гнусный поступок — тем лучше. Я это прощение принимаю не как заслуженное, а как дар твоей любви, как раскаявшийся преступник принимает милосердие Христа. «Спаси ее!» — говоришь ты; все делаю я для этого, но доселе больших успехов нет. Ей надобно ехать — но нет средств. Худо, очень худо — но с моей стороны все будет сделано. Впрочем, не слишком ли торопливо, ангел мой, ты простила меня?.. Все подробности, которые тебе неизвестны, все против меня. Но ты совершенно права, что вперед ничего подобного не случится.

От Emilie получил письмо; та же искренняя, теплая дружба и та же грусть, раздирающая душу,— я буду ей писать с будущею почтой. Как она убита горем. А мы, разлученные только материально, мы, слитые в одно за 1000 верст, мы сетуем. О боже, чего нельзя перенести за твою любовь? «Мы даны друг другу»,— повторяю: будь же тверда, береги себя для твоего Александра, которого вся жизнь, все чувства, все мысли в тебе, Наташа.

Жду ответа с нетерпением на это письмо. Смотри же, Наташа, главное требование: мысль о Киеве — с корнем вон, эта мысль заставила меня ужаснуться, она велика, прелестна, но несбыточна, и потому я требую в твоем следующем письме полное отречение от нее. Ты отдала свою судьбу в мои руки — итак, предоставь же мне печься о нашем соединении, я не останусь сложа руки...

Пиши же, ангел, пиши более. Твое письмо — это роса; оно окропляет святой водой, дыханьем неба мою земную душу.

Еще целую. Еще.

А л е к с а н д р.

17 августа.

Наташа! Люди не имеют столько энергии, чтоб противиться нам. Я хочу писать к п⟨апеньке⟩ о портрете твоем; ежели он догадается причину, тем лучше; ну что, ежели бы ты вдруг высказала всё княгине; ведь есть же, может, хоть уголок у нее в сердце, где еще осталось человеческое чувство... ты можешь говорить и за меня все, что хочешь, ибо ты будешь говорить так, как я; твоя душа — часть моей. Даже нельзя ли преклонить на нашу сторону гнусную Марью Степановну — это для нее будет большое счастие,— первый раз после своего звенигородского бракосочетания и разорения Звенигорода Наполеоном она замешается в дело святое, а употребить ее как орудие —

что за беда? Ее убедить легко; обещай именем моим подарки, деньги, что хочешь, я свято выполню. Пожалуй, буду сам к ней писать, сам обещать — но смотри, поступай осторожно и пуще не вздумай поверить, что она действует из участья; нет, употреби ее как стропилы, как доску, брошенную через грязь...

19 августа.

Пора, душа моя, посылать на почту. Ты получишь от Егора Иванов‹ича› посланные мною книги — «Notre Dame de Paris» — это тебе мой подарок; сверх того, я жду случая или того, чтоб *наши* узнали, тогда я пришлю тебе кольцо, которое давно уже назначил...

В твои именины я выпью целую стопу, целую шайку шампанского! Ах, кабы у меня был твой портрет, я бы мог целовать его, я бы мог остановить на нем взор и часы целые смотреть на него. Нет, материальный знак не излишен, нет, нет, твой портрет, ради бога.

Знаешь ли, с чего началась вся эта история с Мед‹ведевой›, которая все-таки, как клеймо каторжного, пятнает меня? Она прекрасно рисует, и я просил ее *для тебя* нарисовать мой портрет, она обещалась это сделать тайно от мужа, я благодарил ее запиской, она отвечала на нее — благородный человек остановил бы ее; мой пылкий, сумасбродный характер унес меня за все пределы. А теперь — она очень видит, что я не люблю ее, и должна довольствоваться дружбой, состраданием... Фу, какой скаредный поступок с моей стороны.

Прощай, моя Наташа, моя жизнь, целую тебя, твои руки. О боже, когда же! Когда же?.. Полина в восторге, что ты не забываешь ее; она тебе кланяется от всей души, как германка.

Прощай же, наконец... Душно!!

Твой Александр.

На обороте: Наташе.

72. Н. А. ЗАХАРЬИНОЙ

25—26 августа 1836 г. Вятка.

25 августа 1836. Вятка.

Итак, вот он — тот день, о котором я мечтал целые месяцы. Завтра он придет, холоден, неприветен, опять в той же дали, в той же Вятке. — Конечно, все дни равны, да и что не равно сердцам холодным? Но это 26 августа для меня не равно всем дням, это день ее, день той небесной гостьи, той Наташи, которая снесла рай со своей родины для того, чтоб отдать его больной, изломанной душе юноши, чтоб вместе с ним отдать ему и

себя. Ангел мой, моя душа исстрадалась бы без тебя; самая дружба недостаточна, чтоб внести гармонию в душу, исполненную страстями противуположными,— это могла сделать ты одна — и я один стоил этого, да, да в этой-то сломанной душе, пораженной так горько самыми близкими людьми, в ней целый мир блаженства для тебя.

Вся моя жизнь представляет мне два чувства, два стремленья, они-то образовали меня и дали силу переносить многое. Я был еще ребенок лет 12, но какая-то неопределенная горькая мысль заставила меня бросить игрушку, тогда уже щеки мои были бледны и глаза горели мыслью и чувством, ибо люди меня встретили *обидой! оскорблением!* Но куда ни прикасался я, везде встречал один камень, один холод или чувство без силы и исполненное мелочи (Татьяна Петр⟨овна⟩). Тогда я мог погибнуть, тогда я мог еще броситься в светскую жизнь, заглушить всё, убить всё — но провидение судило иначе: оно дало Огарева мне. И как торжественна была минута, когда мы, юноши, дети, обняли друг друга, узнав, как близки наши души,— это было в 1826 году на Воробьевых горах, солнце освещало всю Москву— вся Москва смотрела на нас. О, как радостно билось мое сердце — *это первое чувство* мое — *Дружба*, оно спасло меня, сохранило, мы дали друг другу руку и пошли вместе на всю жизнь. Горький опыт снова дотронулся холодной рукой; 1834 год, снова возвращенная внутрь душа ломалась, самая твердость ее приготовляла падение. И ты, ангел неба, явилась мне 9 апреля, и я протянул мою закованную руку и пил этот свет, который лился из твоих очей и... я был спасен,— это *второе чувство* — *Любовь*. И после не вверяться провидению, когда оно так явно ведет меня? Нет места в груди моей третьему чувству: остальное мелко, слабо, зависит от этих двух. Но ты скажешь: истина! изящное! Разве оно более не имеет место в тебе? О, нет, права идеи неотъемлемы; но, как христианин во Христе поклоняется богу, так тобою и им, в тебе и в нем понимаю, чувствую святое, изящное...

Давно собирался я тебя побранить ⟨за то, что⟩ ты никогда не посылаешь мне стихов твоего сочинения; у тебя прекрасный талант к поэзии. Оборони господь пренебрегать им. Тем-то поэт и одарен, что там, где человек обыкновенный не может выразить чувства, оно льется стихом поэта. А у тебя столько чувств, столько высоты. Пиши же, ангел мой, и посылай мне.

Возвращаюсь к прежнему. Любовь была выше дружбы. Дружба дала мне мысль и чувство, любовь — чувство и веру. Дружба страдала, изнемогала со мною от боренья идей, любовь несла спокойствие и гармонию. Там общее страдание, здесь общее блаженство.

26 августа.

Поздравляю тебя. Сегодня у меня пируют дамы и, разумеется, Полина. Мне весело, что меня поздравляют с твоими именинами; мы уже и теперь даже в глазах посторонних — одно. И с какою гордостью я буду благодарить за твой тост.— В церкви я не был, я редко могу молиться и всего реже в церкви.— Может, сегодня принесут письмо от тебя, тогда и я буду весел. Прощай.

В дополнение к моей жизни, которая вся изложена в письмах к тебе, в следующем письме я напишу о действии на мою душу некоторых авторов,— таким образом, со временем по письмам к тебе я могу написать свою жизнь, а она не должна быть забыта, так, отдельно от толпы.— Прощай же, Natalie!

Твой Александр.

Объяви для нынешнего дня мое благоволение Костинке, Саше... Я их не забыл, все близкое к тебе имеет право на мое внимание. Даже моя келья в Крутицах свята твоим посещением.

Целую тебя.

На обороте: Наташе.

73. Н. А. ПОЛЕВОМУ

2 сентября 1836 г. Вятка.

Милостивый государь,
Николай Алексеевич!

Я чрезвычайно удивился, увидев моего «Гофмана» в «Телескопе»; сначала я предполагал, что вы его поместили, ибо после отбытия моего из *мира сего* многое переменилось; но небрежность, с которою он напечатан, убедила меня в противном, и я просил брата объяснить вам, как это случилось. Из его письма вижу, что вы не верите моему объяснению и говорили, будто я сам прислал статью в редакцию «Телескопа». Это огорчило меня. Горько видеть, когда человек, которого от души уважаешь, имеет о нас дурное мнение, тем более когда на такое мнение нет никакого повода. Вот причина этого письма, я желал сам повторить вам, милостивый государь, что статья эта напечатана не токмо *без моего дозволения, но даже без моего ведома.*

Получили ли вы длинное послание от меня в начале весны? Вы собирались в Петербург?.. Множество вопросов еще в запасе, но не смею беспокоить вас; впрочем, вы имеете средство мне сделать душевное удовольствие,— написавши несколько строк.

К моей статье о Вятке я прибавил Казань и Пермь, — но, проученный теперь, в Москву до окончания остракизма

присылать не буду, чтоб не лишиться (по милости услужливых людей) последней доверенности от вас, которую желал бы сохранить всегда.

Ваш покорнейший слуга
Александр Герцен.

Вятка.
2 сентября 1836 года.

P. S. Ежели Ксенофонт Алексеевич не совсем забыл меня, то потрудитесь ему сказать, что я совсем не забыл все его ласки etc.

74. Н. А. ЗАХАРЬИНОЙ

6—9 сентября 1836 г. Вятка.

1836. 6 сентября.

Сердце полно, полно и тяжело, моя Наташа, и потому я — за перо и писать к тебе, моя утренняя звездочка — как ты себя назвала. О, посмотри, как эта звезда хороша, как она купается в лучах восходящего солнца, и знаешь ли ее названье — Венера, Любовь! Всегда восхищался я ею, пусть же она останется твоею эмблемой, такая же прелестная, такая же изящная, святая, как ты. В самый день твоих именин получил я два письма от тебя, сколько рая, сколько счастья в них... О боже, боже... быть так любимым, и такою душой. Наташа, я все земное совершил, остается еще одно наслажденье — упиться славой, рукоплесканием людей, видеть восторг их при моем имени,— словом, совершить что-либо великое, и тогда я готов умереть, тогда я отдам жизнь, ибо что мне может дать жизнь тогда? Я одного попросил бы у смерти: взглянуть на тебя, сказать слово любви голосом, взглядом, поцелуем, один раз — без этого моя жизнь не полна еще.

Ты пишешь, что я не жил никогда с тобою, что, может, в тебе множество недостатков, которых я не знаю, что ты далека от моего идеала. Перестань, ангел мой, перестань; нет, ты прелестна, ты выше моего идеала, я на коленях перед тобой, я молюсь тебе, ты для меня добродетель, изящное, все бытие, и я тебя так знаю, как только мог подняться я до твоей высоты. Ведь и ты не жила со мною, но я смело говорю: твое сердце не ошиблось, оно нашло именно *того*, который мог ему дать блаженство; я понимаю, чего хотела твоя душа,— я удовлетворю ей. Из этого не следует, чтоб я мог сделать счастливою всякую девушку с благородным сердцем; о, нет, именно тебя, тебя. Мой пламень сжег бы слабую душу, она не вынесла бы моей

любви; она не могла бы удовлетворить безумным требованиям моей фантазии, ты превзошла их. Клянусь тебе нашей любовью, что никогда я не видал существа, в котором было бы столько поэзии, столько грации, столько любви, и высоты, и силы, как в тебе. Это все, что только могла придумать мечта Шиллера.— Я иногда, читая твои письма, останавливаюсь от силы и высоты твоей, тебя воспитала любовь, ты беспрерывно становишься выше; возьми одну мысль твою — идти в Киев,— она безумная, нелепая — но высота ее превышает высоту самых великих поступков в истории. Слезы навернулись, когда я читал это. Я не спорю: может, *другие* скажут, что ты *мечтательница*, что никогда не будешь *хозяйка*, т. е. жена-кухарка. Но тот, у кого в душе горит огонь высокого, тот поймет тебя, и ему не нужно других доказательств, кроме одного письма. А я — любимый тобою, любящий тебя — я будто не знаю моего ангела, моей Наташи??

30 августа были именины Александра Лаврентьевича; мне хотелось ему сделать подарок такой, который имел бы смысл, который навсегда был бы документом моего уважения к человеку великому. Долго думал я, и вдруг пришло в голову подарить твою работу, портфёль. Сначала я испугался одной мысли расстаться с той работой, при которой за каждой ниткой была мысль обо мне, мне было жаль... Так вот и подарок,— сказал внутренний голос,— вот истинная жертва. Потому-то и надлежит ему ее подарить, что жаль. Я написал на первой странице: «А. Л. Витбергу в знак симпатии искренней и беспредел⟨ьной⟩ ⟨дар⟩ит работу ⟨Наташи⟩ А. Герцен. 1836. Августа 30, в Вятке» — и подарил ему; сначала он не хотел брать, но я сказал ему, чего стоит мне подарок,— он взял со слезами.— «И отчего же,— думал я,— мне скупиться; разве рука, делавшая это, не моя? И как мог я более почтить его, как не работой *ее руки?*»

Ты пишешь о Мед⟨ведевой⟩, говоришь, что думала, что пятно, о котором я писал, несравненно чернее. Что же чернее этого поступка? Я не знаю; может, убийство не чернее такой гнусности; нет, не извиняй меня; простить ты можешь, оправдать нельзя. Это был последний шаг мой в безнравственности; тогда, терзаемый непонятой любовью к тебе, терзаемый своей ничтожной и скверной жизнию, окруженный людьми холодными, я обращал всюду взор, потухавший от разврата, чтоб найти симпатию.... Будь тогда Витберг, будь Полина — и не было бы пятна на совести, и не было бы угрызения. Первое существо высшее была она — она поняла меня (я писал тебе это тогда же): в ней есть поэзия; она, жена мужа старого, которого никогда не любила и не могла любить,— она бросилась со всею доверенностью души чистой ко мне, и что ж я сделал, — следовало бы

остановить, а вместо того... о, не старайся оправдывать меня. Воскрешенный твоей любовью, твоей небесностью, я хотел тотчас спасти ее — но с ужасом увидел, что поздно. Правда, с самой весны она не слыхала от меня ни одного слова, которое бы могло ее более завлечь; но и то правда, что она от этого страдает, от этого больна, она, без того столь несчастная; не зная о тебе, она воображает, что я влюблен в Полину. Я думал сказать ей о тебе прямо — но это все равно что дать рюмку яда... Вот твой идеальный Александр.

9 сентября.

Прощай, ангел мой; может, сегодня получу письма от тебя. Прощай, я теперь спокойнее смотрю на разлуку; Он знает, что и для чего. Жму твою руку, целую ее, целую тебя.

Твой Александр.

Ангел мой, я и забыл тебе написать план повести, которую я уже начал; напиши мне откровенно твое мнение. Витбергу она не очень нравится:

Юноша, живший до 17 лет в деревне, пылкий, но подавленный холодом родных, является в университет учиться медицине... Он робок, застенчив, у него нет друзей, он боится шумной вакханалии студентов, у него нет девы, которая разделила бы его страдания, его одиночества, и он живет одной наукой. Однажды ему надобно рассекать какой-то женский труп в анатомической зале; он пришел, уже вонзил нож в тело, у которого лицо было покрыто, когда вздумал он взглянуть на него. И что же? Это тело прелестной девушки — он влюбился в нее (извини это глупое выражение, я тороплюсь); эта любовь — первое его чувство; оно сильно, оно растет, оно должно сжечь его, уничтожить, свести с ума, сломать всю душу и все тело... И вот он крадет труп и сожигает его; этот пепел в урне — все, что у него есть на белом свете; он любит этот пепел — он не может жить без него; и тут блеснула мысль, что алхимики имели средства воскрешать и что же значит греческий миф феникса, возрождающегося из пепла; Парацельс и Аполлоний Тианский воскрешали, и сам Иисус.— Вот решена его жизнь, он ищет этот способ; проходят годы, и он, погруженный в мрак мистики и колдовства, ищет и ищет, и он будет искать всю жизнь, ежели бы жизнь его была долее Мафусаила.— Но тайна не открывается; однако *Надежда* (главная идея повести) с ним, без нее он умер бы. Заключение. Он седой старик, одичалый, полубезумный, все еще работает и ищет *тайны воскрешения*. Слабый, больной, он уже на одре смерти говорит друзьям:

«Теперь близко, близко к открытию»; засыпает; она слетает к нему, и он не существует более.

9 сент⟨ября⟩ 1836.

Желаю разобрать, так скверно написан этот лист.

На обороте: Наташе.

75. Н. А. ЗАХАРЬИНОЙ

21—23 сентября 1836 г. Вятка.

1836. Сентября 21. Вятка.

Друг мой! Вот несколько уже дней меня томит и мучит злобный демон, он стал было реже посещать мою душу, но возвратился опять с своим ядовитым дыханием. Люди — ты еще не знаешь, что это за отвратительное чудовище — люди, о, не знай их, пусть твоя душа всю жизнь знает одного бога и того человека, которого он тебе дал; не знай толпы с ее низкими страстями. Ты знаешь, как от дыханья тускнеет светлое зеркало, так и чистая душа тускнеет от дыханья толпы. Я смотрю на них и думаю: да в самом ли деле они существуют или только призраки уродливые, карикатуры! Всякий, кто станет выше толпы,— тот враг ее, того толпа побьет камнями, тот попадает в очарованный круг, из которого выйти не может, ломает свою душу, влечет в гибель с собою всё близко подходящее к нему, и толпа хохочет, аплодирует и мечет грязь ему в лицо.— Одна связь с небом — любовь. Человек — падший ангел, Люцифер; ему одна дорога к небу, к земному раю — это любовь, это самоуничтожение двух в одну душу, это то, что мне раскрыла ты, ангел, ты, достойная примирить человечество с богом.— И притом еще я, очищенный твоей любовью, когда взгляну на себя — сколько во мне эгоизма,— эгоизм — это проказа, это чума душ человеческих, остаток падения, прямое наследство Люцифера. Наташа, Наташа, твое присутствие мне необходимо, я избит судьбою, избит людьми, вся душа в рубцах, все сердце в крови; ты одна можешь уврачевать, один взгляд... и кончено — я забуду людям обиды, которыми они осыпают меня ежедневно. Может, судьба и возвратит меня скорее года!..

Твоих писем с Макаровым я еще не получал, ибо он не приезжал, а на днях будет; жду их, как узник вести о свободе.

В прошедших твоих письмах было написано,— ты писала как-то, что для Emilie кажется ужасно положение наше, когда я возвращусь, ежели оно останется то же, а тебе не кажется оно ужасно. Да, я уверен в этом, я знаю твою душу: она выше

земной любви, а любовь небесная, святая не требует никаких условий внешних. Знаешь ли ты, что я доселе не могу думать, не отвернувшись от мысли о браке. Ты моя жена! Что за унижение: моя святая, мой идеал, моя небесная, существо, слитое со мною симпатией неба, этот ангел — моя жена; да в этих словах насмешка. Ты будто для меня женщина, будто моя любовь, твоя любовь имеет какую-нибудь земную цель. О боже, я преступником считал бы себя, я был бы недостоин твоей любви, ежели б думал иначе. Теснее мы друг другу принадлежать не можем, ибо наши души слились, ты живешь во мне, ты — я. Но ты будешь моей, и я этого отнюдь не принимаю за особое счастие, это жертва гражданскому обществу, это официальное признание, что ты моя,— более ничего. Упиваться твоим взглядом, перелить всю душу, ⟨не⟩ говоря ни слова, одним пожатием руки, поцелуй, которым я передам тебе душу и выпью твою,— чего же более? Отчего же Emilie с ее душою так поверхностно поняла любовь, она — любившая...

Повесть я начал и написал IV главы, там являются две женщины на сцену. Елена, которой я придал характер Мед⟨ведевой⟩,— это женщина земная, это любовь материальная, доведенная до поэзии, но до поэзии земной, и княгиня — которой я несколькими чертами дал твой божественный характер, где уже и следа нет земли, где одно небо, и небо яхонтовое, небо Италии. Но все это набросок. Впрочем, ты там найдешь толпу выражений из наших писем. Прощай покаместь, буду ждать писем, мне крайняя нужда в них, чтоб забыть людей.

23 сентября.

Макарова нет, и я грустен и утомлен; ничего более теперь не напишу, прощай, мое другое *я*; нет, не другое *я*, а то же самое. Мы врозь не составляем *я*, а только вместе. Прощай, свет моей жизни...

Ежели ты не читала «Мечты и жизнь» Полевого, то попроси, чтобы Егор Ив⟨анович⟩ достал их тебе; там три повести: «Блаженство безумия», «Эмма» и «Живописец», и все три хороши, очень хороши. Целую твою руку.

А л е к с а н д р.

На обороте: Наташе.

76. Н. Х. КЕТЧЕРУ и Н. П. САЗОНОВУ

1836. Сент⟨ября⟩ 22. Вятка.

О, дайте, дайте отдохнуть на груди друзей, душа моя вся избита этим холодом посторонних; что за дрянная жизнь практическая, что за кандалы всякому порыву, всякому чувству. Толпа грязью мечет в лицо тому, кто смеет стать выше ее, она

болото, в котором может погибнуть самый смелый путник. Да, все теории о человечестве — вздор. Человечество есть падший ангел; откровение нам высказало это, а мы хотели сами собою дойти до формулы бытия его и дошли до нелепости (эклектизм). Все понимавшие верили в потерянный рай — Вико, Пасхаль... И что нам осталось — два эти течения противуположные, которые губят, отравляют нас своей борьбой: *Эгоизм* — это тяготение, это мрак, контрактивность, прямое наследие Люцифера, и *Любовь* — это свет, расширение, прямое наследие бога. Одно влечет его к уничтожению всего, кроме «я», к материи; другое — палингенезия, начавшаяся с прощения Люцифера. Дант очень много видел, представляя все пороки тяготеющими к Люциферу в центре Земли, это иероглиф, не спорю; но где взять слова на нашем языке, которые бы заменили иероглиф?

Итак, я на границе юности; прощай, время упоения, мечтаний, я всему заплатил долг: и университету, и родительскому дому, и вам, друзья, и шампанскому, и публичным девкам.— Недаром прожиты эти 24 года; пестро воспоминание; горе не имевшим юности. А между тем, что же была моя жизнь? Она вся представляет *два чувства*, два стремления; они-то образовали меня и дали силу перенесть многое. Я был еще ребенком (14 лет), но какая-то горькая мысль заставила меня бросить игрушку; щеки стали бледны, глаза загорелись мыслию. Люди встретили меня обидой, первое чувство было чувство стыда. Я заплатил презрением; но рубец остался на душе, удар был силен, верен. Тогда я увидел, что этот шар населен чем-то посторонним для меня. Мир действительный открывался слишком рано. Грустно было мне... и тогда-то является Огарев. И как торжественна была наша встреча! Это было летом 1826 года, на Воробьевых горах, пред лицом целой Москвы мы обнялись, дали друг другу руку идти по жизни вместе, и ничто не разымет наших рук. Мы воспитали друг друга. Это первое чувство мое — *Дружба*. Оно мне дало его глубокую душу, из которой я мог черпать мысль, как из океана.

...Долгое заключение истомило меня, мысли эгоистические закрадывались, мысли злобы, и я обращал глаз мой, вызывая спасителя. И провидение дало его. Там среди звука цепей слетел ангел божий, и я протянул ему закованную руку, и пал свет из его очей и... был спасен и тогда стал жить полной жизнию, и тогда мгновенно *откровением* узнал я второе чувство— *Любовь*.

Вы удивитесь, вы этого не знали, я и теперь бы вам не сказал; но хочу, чтоб прежде личного свиданья все было открыто вам...

Голос любви воскресил меня и здесь, когда я падал от досады. Но кто же эта *она*? Все, что могла создать мечта Шиллера

в Текле, Беатриче, ведущая в рай,— более, нежели все это. Сазонов, ты знаешь ее, ты был у меня в Крутицах 1835 апреля 9.— Сестра моя Наташа; нет, более, нежели сестра; другая гемисфера моего бытия.

Это письмо — и барону и Саз⟨онову⟩, а будет случай, прошу его отослать в Пензу.

На обороте: Барону Упсальскому или Николаю Ивановичу.

77. Н. А. ЗАХАРЬИНОЙ

29 сентября 1836. Вятка.

Ангел!.. Ангел! Нет, я не могу выразить, как бы я назвал тебя; все то, что выражается в звуках музыки; все то, что видишь при захождении солнца, при взгляде на луну, все это сплавь в одно, и все это едва выразит тебя. Наташа, нет, нет, это слишком, земля не достойна такого чувства, как твоя любовь...

Я никогда не плачу, но я плакал, читая твои последние письма, и это были слезы восторга; о, как счастлив я был с этими слезами. Посмотри на меня, вот твой Александр с слезами на глазах прижимает твою руку к своему сердцу, которое бьется так сильно, сильно любовью к тебе. Я был раздражен людьми (как писал тебе в прошлой записке), и вдруг два письма (одно от 26 августа, другое от 3 сентября), и все исчезло, и я плакал от восторга, и это лучшая моя молитва богу, моя благодарность Промыслу за то, что он дал мне потерянный рай. Что был бы я без тебя? Я горд, самолюбив, страсти мои дики, я погиб бы в борьбе с людьми или сделался бы эгоистом; дружба не могла бы изменить меня, а ты явилась и повела куда же?— в царство небесное. О Наташа! Не много букв в этом слове, но в нем всё, в этом восклицании; твое имя заменяет мне весь язык человеческий. Пойми его — ты поняла его, поняла, ты знаешь, что значит это слово «Александр». Милый друг мой, я сойду с ума от счастья; всякий день я сливаюсь более и более с тобой. Что, ежели б мы могли составить одного человека? Нет, это скверно, я хочу пить свет из очей моей Наташи, этот свет снесен ею оттуда...

Когда Данте терялся в обыкновенной жизни, ему явился Виргилий и рядом бедствий повел его в чистилище; там слетела Беатриче и повела его в рай. Вот моя история, вот Огарев и ты...

Знаешь ли ты, что опять есть надежды, и надежды большие? Егор Ив⟨анович⟩ может рассказать тебе. Может, гораздо менее

году остается до свиданья... О портрете буду хлопотать; вероятно, Витберг не откажет, но совестно просить его; но будь уверена, что, ежели есть возможность, мой портрет, еще лучше того, который у папеньки, будет у тебя. Потому не хлопочи о дурном портрете. Но кто же напишет твой портрет — этого я и Литунову не доверил бы; высок должен быть душою человек, который дерзнет на бумаге п⟨овто⟩рить твои божественные черты; это м⟨ог б⟩ы сделать Рафаиль, понявший мечтою Мадонну.

Ты рада, что я более сижу дома. Однако ж не воображай, что в самом деле я не выхожу никуда; целое утро в канцелярии, обедаю почти через день у губернатора, а там иногда и вечер где-нибудь, но только по необходимости. Когда я прочел твои письма, я не мог дома сидеть; все кипело, я опять был юноша, горел жизнию, поскорее оделся я и пошел гулять; на все смотрел я сильнее, повторяя в памяти все выражения твои, и, наконец, отправился к Полине поделиться счастьем; трудно удержать в груди восторг. И знаешь ли, что более всего привело меня в восторг в твоих письмах,— это то место, где ты говоришь, что, может, иногда середь людей я задумаюсь, и не велишь сказывать...а велишь тебя спросить о причине. Послушай, в этих нескольких словах твоих для меня вся ты, с этой совершенной преданностью и этим самоуничтожением во мне.

Водо тебе в женихи, ха-ха-ха...un homme comme il faut, c'est-à-dire comme il n'en faut jamais[1]— это умора. И неужели он смеет думать; да он после этого дурак; смел ли когда-нибудь червяк просить бога, чтоб он ему дал в подруги лучшее свое творение, своего любимого ангела, мою Наташу. Нет, не верю, это на него выдумали; такой гигантской мысли не заронится в голову столоначальника и титулярного советника Октавья Тобьевича Водо.

Преуморительная записка в папенькином письме, ха-ха-ха.— Помилуйте-с, Наталья Александровна, не стоит благодарности.

Еще раз о Мед⟨ведевой⟩; Наташа, бога ради, не старайся заглушить голос совести во мне. Мой поступок черен. Она страдает — это ужасно. И где же справедливость, бог дает мне ангела за то, что я погубил женщину. Чем это все кончится — не знаю, но предчувствие не к добру; ах, по крайней мере, хоть бы я или она уехали отсюда. И я — все шутки в сторону— был недоволен твоим выражением: «Ты можешь в ее глазах загладить свой поступок»... Или ты это не думавши писала, или я дивлюсь, как такой вздор взошел тебе в голову. Она

[1] человек «как следует», т. е. точнее — каким никогда не следует быть (франц.).— *Ред.*

любит в самом деле, и, следственно, одна любовь может принести ей облегченье, а *не оправданье*. Любовь земная сильна, она тем более жжет, что у ней нет другого мира, куда удалиться от зла земли. Ты, мой ангел, говоришь, что любила бы всякую, мечтавшую обо мне; она терзается, зачем я так близок с Полиной. Впрочем, я все делаю; я намекал даже на тебя, я говорил, что она должна забыть меня для детей своих... но доселе что-то все это не очень успешно.

Итак, Саша и Костя — мои агенты; благодарю их теперь словами, а впоследствии — делом; я как будто предчувствовал это, написав им поклон.

Emilie не верит вполне моей любви; я понимаю, какое она право имеет на сомнение, и не сержусь. Но скажи твоему другу Саше Б⟨оборыкиной⟩, что мы поняли друг друга, что она должна быть высока, будучи другом тебе и пламенно веря в любовь нашу; мне хочется ее видеть, я люблю сильные души. Найдет ли она любовь на земле — без любви жизнь девушки бессмысленна, это солнце без света, неконченный аккорд в музыке. Благодарю тебя за то, что ты поправила мою ошибку и отстранила Мар⟨ью⟩ Ст⟨епановну⟩ от нас; я душевно смеялся, как она читала записку за французские стихи и как она ненавидит меня из патриотизма. Ну, покаместь довольно. Иду спать, прощай; может, в одно время во сне ты увидишь меня, а я тебя, тогда наши души вместе, сливаются, целуются... Ах, иногда как бы хотел продлить сон. Прощай же, вероятно, ты давно покоишься, ангел мой, уж второй час. Зачем не на груди твоего Александра, зачем?

Ты доселе восхищаешься «Легендой»; мысль ее хороша, но выполнение дурно, несмотря на все поправки; ее еще надобно переделать. «Германский путешественник» сразу написался лучше. Не знаю, что-то с новой повестью будет; некоторые места хороши.

Ты спрашиваешь о твоем кольце; я, кажется, тебе писал, что я его уронил в щель на станции в Нижегородской губернии; мне его смерть жаль до сих пор — но, вероятно, судьба хотела, чтоб не это кольцо было твоим знаком на моей руке — оно было подарено до 9 апреля. Тебе кольцо я не пошлю до тех пор, пока *они* не узнают.

29 сентября.

Решено, у тебя будет превосходный портрет. Я хотел его доставить к твоему рожденью, но это вряд возможно ли, ибо сегодня только Алекс⟨андра⟩ Лавр⟨ентьевича⟩ я упросил, а тяжелая почта ходит 14 дней.— Я писал маменьке, чтоб тебе доставили белый палатин; мне они очень нравятся; не знаю, будет ли исполнено. Прощай, мой ангел; ты права, что смерти

бояться нечего — там-то и начнется жизнь настоящая, там ты можешь быть еще изящнее — здесь ты достигла верх земного изящества. Прощай. Целую тебя много и много.

Твой и за гробом

Александр.

На обороте: Наташе.

78. Н. А. ЗАХАРЬИНОЙ

10—14 октября 1836 г. Вятка.

Октября 10. 1836 г.

Наташа! Прежде, нежели ты получишь это письмо, у тебя (ежели отдадут) будет мой портрет — мой подарок в день твоего рожденья. Сходство разительное; там все видно на лице — и моя душа, и мой характер, и моя любовь.— Кроме Витберга, кто мог бы это сделать? Витберг рисовал именно для тебя, ты должна непременно начать какую-нибудь работу именно для него, и постарайся, ежели можно, к 15 январю, и что-нибудь очень изящное, посоветуйся с маменькой.—Я воображаю твою радость, твои слезы; я радовался, что черты моего лица выражают столько жизни и восторга — ибо это черты избранного тобою, таковы они должны быть. Это Александр Наташин.

Письмо, писанное перед отъездом из Загорья, я получил (от 17 сентября) по прошлой почте. Твоя любовь все так же орошает душу мою светом, блаженством, и ты все так же — одна любовь. Ты пишешь, что я прежде любви был такой же— о, нет, нет. Ежели я воспитал твою душу своим огненным авторитетом, ежели прелестная душа твоя приняла как бы из симпатии одну форму с моей (ты знаешь ли, что ты очень похожа на меня во многом; возьми слог твоих писем, образ мыслей), ежели все это влияние справедливо, то не забудь, что ты совершенно пересоздала меня; когда я понял, что люблю тебя, у меня явилась религия настоящая, ненависть ко всему порочному, я бросил остатки школы — словом, *любовь* сделалась основой моего нравственного бытия, в то время как прежде эта основа было *самолюбие*. Какое расстояние! Теперь я не могу уже так ядовито смеяться над всем... Да, мы поменялись, в твою чистую, светлую душу я бросил огонь, и она запылала; в мою огненную душу ты бросила слово рая, и она стала очищаться — но еще не очистилась. О, как гнусен я кажусь себе иногда, как еще доселе я не умею твердо отказаться от всего порочного — может, твое присутствие сделает очищение полным, может...но раскаяние, угрызения совести — они написаны черной краской, и их сама любовь не может смыть, это дело

бога. Твоя жизнь, пишешь ты, с 13 лет выражает одно чувство— Любовь! Это так истинно, как то, что моя выражает два чувства — Любовь и Дружбу. И смотри же, так и быть должно. Твоя жизнь нашла себе цель, предел; твоя жизнь выполнила весь земной круг; в моих объятиях должно исчезнуть твое отдельное существование от меня; в моей любви потонуть должны все потребности, все мысли. Словом, твоя душа — часть моей души, она теперь воротилась к целому и с тем вместе нет ей отдельности. Итак, любовь должна была и воспитать, и развить твою душу, любовь — тебя привести ко мне, любовь приведет и к богу. Но жизнь моя еще не полна; это не жизнь части, а жизнь целого. Сверх частной жизни, на мне лежит обязанность жизни всеобщей, универсальной, деятельности общей, деятельности в благо человечества, и мне одного чувства было бы мало. Любовь принадлежит мне, т. е. Александру. Дружба как симпатия универсальной жизни принадлежит мне как человеку. Я без тебя — нравственный урод, человек без сердца, Байрон, презирающий все человечество. Ты без меня — начало дивного песнопения, коего продолжения не существует, разверстые уста без речи, взор, обращенный в пустоту туманной степи. Разбери это, и ты увидишь перст провидения. Кто, кроме меня, осмелился бы продолжать эту поэму, кто — дать речь этим устам и сказать взору «смотри на меня?» Кто? Единственно тот во всей вселенной, кто, сожигаемый буйными страстями и помыслами, под которыми ломается душа, обратил умоляющий взор к небу, прося его *любви* как спасения, и кому в огненную пещь не побоялась ввергнуть ты, ангел, свою жизнь, еще более — свою вечность. Однажды сделав это, ты — Я, Александр и Наташа не составляют — Мы, но одно мое Я — Я полное, ибо ты совершенно поглощена. тебя нет более.

Октября 11.

Скажи твоей Саше, чтоб она и не думала умирать. Я даю ей мое благородное слово, что, как только это будет возможно, я выкуплю ее на волю и она может всю жизнь служить тебе — служить тебе не есть унижение; ежели бы ты была барыня, я не посоветовал бы — но ты ангел, и весь род человеческий, ежели станет перед тобою на колени, он не унизится, но сделает то, что он однажды уже сделал пред другой Девой...

Воображаю, что история о портрете крайне интересна; напиши же все подробности. О, ваше сиятельство, княгиня Марья Алексеевна! О! напрасно запала дума, что папенька именно обо мне думает. Право, нет; ему хочется *пристроить* тебя и тем зараз очистить совесть от попечений, которых нет. Я бы,

право, давно написал ему, он любит меня; но вот беда, мы не поймем друг друга, ибо говорим разными наречиями, и слова моего языка, вырванные из жизни самого человечества, не имеют перевода в языке форм, приличий, пользы... Я буду говорить: «Отец, это часть моей души, она умрет без меня, я без нее уже и не сын тебе и не сын земли, мы встретились и вместе пойдем на небо, нас нельзя разделить».— А мне в ответ скажут: «Ты молод, это мечты, надобно подождать чин коллежского асессора, ты можешь через женитьбу сделать связи. Да и все, что ты сказал, безумие»... Ну, как же нам понимать друг друга?— А впрочем, увидим!

Ты говоришь, что теперь назло им, вместо всех женихов, которых *они* выискивали, явился я. Я не жених, я явился как владелец за своей собственностью, ты моя уже теперь. Но что же ты воображаешь им назло? Ведь достоинства мои не безусловно хороши, а только в твоих глазах. Тысячи отвергли бы мою руку, ежели б я имел глупость им протянуть ее. И потому в *их* глазах невелико счастие быть моею; напротив, они тогда будут жалеть, что ты не пошла за Бирюкова, например, который и честный человек, и служит у министра юстиции, и из хорошей фамилии...

Очень вспомнил я то место в «Notre Dame», о котором ты пишешь. Таковы наши симпатии; мы решительно останавливаемся на одних мыслях и чувствах. Впрочем, в Эсмеральде любовь земная. Ежели бы ты могла читать Шиллера, там ты нашла бы нашу любовь; впрочем, это только у одного Шиллера. Ты не воображай, что не научишься немецкому языку; пусть пройдет черная година, моя ссылка и твое затворничество, тогда это легко сделать...

Заметь, мой ангел, что я на портрете в самом том костюме, в котором был 9 апреля 1834. Этот костюм для меня священен. Ибо этот день счастливейший в моей жизни; доселе эти два-три часа, проведенные тогда с тобою, как память о потерянном рае, о золотом веке, утешают все душевные боли.— Ежели я когда-нибудь буду настолько силен, я превращу каземат, где сидел в Крутицах, в часовню. Пусть на том месте, где слетел ангел с неба, воссылаются мольбы господу.

12 октября.

Я тебе расскажу сон преудивительный, который я принимаю за указание и вследствие которого буду действовать. Не принимай сны за ничтожные образы воображения, вера в них— не предрассудок; правда, что сны высокие редко посещают человека. Этому причина наша жизнь. Что может шепнуть душа на ухо человека, объевшегося за ужином, после целого дня,

проведенного в ничтожностях. Но когда душа действует, когда человек засыпает с чистой душой,— эти образы не ничто. Слушай. 7-го октября отправил я твой портрет, 7-го октября получил твои письма, читал их, перечитывал, упивался любовью, тобою, мечтал и, перечитав еще раз, заснул и вижу... я в Москве, дома у нас, только что приехал, все рады, но я тороплюсь, я не могу вполне отвечать на их привет, меня влечет скорее к тебе, и вот уж сумерки, а я пошел к тебе с Матвеем (мой камердинер). Идем. Самые те улицы, всё — как надобно, но вдруг улица оканчивается утесом, с которого надобно сойти вниз, а он крут, как стена; едва есть камни, за которые можно цепляться; я сделал шаг, взглянул вниз, глубоко ужасно, но там светит солнце. Мне стало страшно. Я обернулся и сказал Матвею: «Есть другая дорога, а тут страшно...»— «И идя *к ней*,— отвечает Матвей,— вы будете делать обход и бояться?» Я покраснел и начал спускаться, но вскоре страх опять воротился, и я сел.—«Что, уж вы устали?— сказал Матвей.— Не хотите ли, я поведу вас; вы ведь идете к ней», и я снова краснея пустился в путь.— Далее все смутно, и я не помню. Итак, в обход не следует идти. Прямой путь,— им я и пойду к тебе, моя божественная, мой ангел небесный. Может, à propos портрета, папенька напишет что-нибудь, тогда — провидение! Ты привело ее ко мне, ты указало ей меня, тебе отдамся я!

14 октября.

Прощай, Наташа. Сейчас получил письмо от Тат⟨ьяны⟩ Петр⟨овны⟩. Это забавно. Год не писал ее муж, а теперь издает журнал, так требует моей помощи. Pas si bête[1], я не принадлежу к тем молодым писакам, которым достаточно свистнуть, чтоб получить статью...

Повесть идет вперед.

Статья о Вятке идет вперед.

Новая повесть есть в голове — страшная, ядовитая. В будущий раз напишу план. Прощай же, милая...ну как, как тебя назвать? Ангел, божество, все мало... назову Наташа.

Прощай.

Твой Александр.

Сегодня именины Мед⟨ведевой⟩.

Полина кланяется; бедная Полина, она очень несчастна, угнетена, без всяких средств.

На обороте: Наташе.

---

[1] Не так глуп (франц.).— *Ред.*

79. Н. А. ЗАХАРЬИНОЙ

18—28 октября 1836 г. Вятка.

18 октября.

Наташа, что может быть тяжелее, горче, как не сознание собственных недостатков, пятен.— Твое последнее письмо от 29 сентября сначала привело меня в восторг — Наташа, ты велика, ты недосягаема для человека; нет, это не увлеченье говорит во мне, нет, я понял тебя вполне, ты велика, повторяю. Потом я взглянул на себя...И будто ты, ангел, можешь отдаться (отдалась уже?) человеку земному, нечистому; твое величие меня подавило; я падаю на колени пред тобою, я молюсь тебе; но как же я стану рядом.— Звезда любви! Ну, а как солнце выйдет на горизонт без света, кровавым пятном? Звезда будет грустно и одиноко светить на выгоревшем солнце.— Наташа, тяжело, ей-богу, тяжело.— Нет, моя любовь должна всё выкупить; любови я тебе принесу целое море, целую вселенную. Ею наполнятся лучи солнца — я ужасно люблю тебя. Я так сроднился с этой мыслью любви, что без нее уже нет ничего для меня — ни людей, ни мира, ни бога, нет самого меня. Когда я, очищенный твоей любовью, достигну твою чистоту, тогда, только тогда мы будем равны, и тогда останется идти к Нему и целую вечность любить, и целую вечность благодарить, что мы даны друг другу. Моя повесть — это моя жизнь; он хочет стянуть душу ее и опять заключить в оковы земного бытия. Эгоизм! Ангела хочет запылить землей, а не себя сделать ангелом. Так и я; ты чистой молитвой летела б в рай, но на мне остановился твой взор, на моей красоте конечного — и я стягиваю тебя в удушливую сферу страстей. Наташа, сделай же из меня ангела.

Твоя безусловная любовь заставила тебя поставить на одну доску Егор⟨а⟩ Ив⟨ановича⟩ и Мед⟨ведеву⟩.— Ты разве виновата, что он не мог равнодушно видеть столько *славы* творца, и ты ему сказала тотчас, что не можешь любить его, и осталась чиста.— А я — какая чернота, какое злоупотребление своего изящества. Я погубил ее. Может, при самом начале я мог бы остановиться; о, я видел, что она боялась меня, умоляла взором не открывать покров, под который она спрятала душу— а я сорвал его из самолюбия и нашел там любовь и слезы — ни на любовь отвечать, ни слез отереть я не мог; что же сделать оставалось — оставить ее падать — самое христианское дело, и, когда она пала — подать руку и начать спасать. Наташа, это обстоятельство положило штемпель преступника на мою душу. И что за ролю я теперь играю? И какую прелестную, поэтическую душу погубил я? И этот человек смеет думать о

Наташе. Вот что утроивает мой крест, вот что делает мою мечту дикой, мрачной.

Через четыре дня твое рожденье.— 19 лет тому назад Провидение господа, без различия пекущееся о роде человеческом и о каждом человеке, предугадывая страдание, мучение и падение человека, рожденного пять лет до того, послало тебя с вестью утешения, неба,— тебя, *Natalia*,— вести его на родину, в которую бы он не пришел. Господи! Я не умею молиться, но умею выразуметь твой крест, твое указание, и так, как уничиженный христианин просит святых молиться за себя, так я ее — чистоту безусловную — умоляю передать мою молитву.— Прощай!..

Повесть растет в моей мысли; тут будет все: философия, поэзия, жизнь, мистицизм, и на каждой странице *ты*. Я целые места выпишу из твоих писем, и потому эта повесть будет носить подпись: Александр } Герцен.
Наталия }

У меня отдельно уже не может ничего быть... Бежим, бежим в Италию, под другое небо,— там выскажу я все это, о чем теперь не хочу говорить, и выскажу не ⟨...⟩[1], а природой, взором и поцелуем.

Я грустен — и не от внешних причин, а от самого себя. У меня нет твердости стать на ту высоту, просветленную, чистую, которую указывает христианство, на ту высоту, на которой стоишь ты — Дева рая. Ежели б я не понимал этой высоты, тогда меня не терзал бы и голос глубокий, сходный с угрызением совести. Мое существованье как-то колеблется, и, может, пылкость характера увлекает с края на край. Я, как медаль, у которой с одной стороны архангел Гавриил, а с другой Люцифер. Я знаю, что я теперь очень глубоко не паду, знаю, что нравственное чувство перевесит страсти,— но знаю и то, что это не я, а ты, ты меня сделала нравственным. Не гордость страдает от этой мысли, нет, ибо ты и я — нераздельное, единое, а горько то, что я на тебя смотрю, как на небо,— и понимаю, что не стою тебя, что хуже. И какая же дерзость тебя низводить собою на землю. Таков человек, Наташа — бог, спасая его, посылает Христа, а он распинает его.— Но провидение уже решило. Будь же моей опорой, спаси меня от самого меня, тебе я отдаю все бытие мое, управляй им.— Витберг недавно говорил: «Вы в последнее время очень переменились, и к лучшему, но я боюсь, ежели у вас не будет поддержки, вы можете увлечься».— Витберг не знает, что сам господь дал мне опору и что она не отымется у меня до последнего дыхания.

Прощай же.

Твой Александр.

[1] Автограф поврежден.— *Ред.*

21 октября.

Получил еще записочку от тебя и от княгини в папенькином письме.— Право, не соберусь с силами тебе отвечать в том же тоне — трудно тебе сказать «вы», тебя назвать «Наталья Александровна».— Лучше не буду писать.

Твое рожденье в день *пресвятой девы*, мое — в *благовещенье*. Я был тою вестью, которой откровение принесло счастие деве, и ты та дева, которой должно искупиться бытие мое. Смотри, как то, что соединяет, устроивает провидение, во всем согласно с главной мыслию. И наши имена, и благословение тебя образом, и самые дни рождения.

22 октября.

Ангел мой, поздравляю тебя, целую в твои прелестные уста, целую еще и еще. Как-то тебе отдали портрет? Твой восторг, твои слезы, и будто ты сумела скрыть волнение; не может быть. Ну, а ежели его не отдали тебе... буду ждать. Все наши пили твое здоровье, Полина была целый день — она посылает тебе и поздравление, и поклон всей германской душой. Семейство Витберга тебе не чужое — оно родное твоему Александру.

28 октября.

Вчера приехал прокурор и не привез от тебя писем, а привез мне известие, что портрет тебе отдадут,— теперь уж отдали. Папенька пишет, что он не так похож,— а маменька находит большое сходство.

Шелковинка приложенная есть мерка моей головы.

На обороте: Наташе.

80. Н. И. САЗОНОВУ и Н. Х. КЕТЧЕРУ

Октябрь (вторая половина) 1836 г. Вятка.

Николай { Иванович!
Христофорович!

Имею ли я к вам доверие, вы видели из прошлой грамоты моей, она очень кстати пришла, чтоб убедить вас в несправедливости. И потому о статье и о прочем taceamus![1]

Что могу я прислать для печати. 1-е) «Встречи»; это три статьи, из коих одна вам известна: «Германский путешественник» (поправленный), и две другие: «Человек в венгерке» — в коем описана моя встреча в Перми с одним весьма несчастным и весьма сильным человеком, третья: «Швед (Мысль и открове-

[1] помолчим! (лат.).—*Ред.*

ние)». 2-е) «Письма о Казани, Перми и Вятке»— могу прислать первые; но поелику мне предстоит теперь путешествие по губернии, то статья о Вятской губ⟨ернии⟩ должна пополниться. 3) «Легенда», которую я исправил — но которую я не напечатаю без предисловия, а с предисловием ее не напечатают. Наконец, 4). Первые четыре главы моей повести «Там!» Об ней потолкуем, м⟨илостивые⟩ г⟨осудари⟩. Основная мысль этой повести — мысль религиозная, та самая, которая начинает просвечивать в статье «Швед»,— даже лицо этого шведа должно явиться в повести. Но дело вот в чем. Можно ли в форме повести перемешать науку, карикатуру, философию, религию, жизнь реальную, мистицизм? Можно ли середь пошлых фигур des Alltaglebens[1] поставить формулу алхимическую, середь страстей теллурических — простите выраженье — показать путь *туда?* Как вы думаете? Пример хотя не нужен — но приведу: «Виль⟨гельма⟩ Мейстера Lehrjahre и Wanderjahre» — там даже технология. А чего нет у Данта? Может, найдутся особы, которые не станут читать мысли, а одни сцены— пусть же самые сцены ведут к этим мыслям; а впрочем, кто не хочет читать — тот пусть идет обедать или спать, ибо для того, верно, лучше есть, ибо тут портится желудок, а при чтении — глаза.

От Вадима Пассека получил письмо с требованием статей для будущего журнала, отвечал ни то ни се, однако попользовался случаем обругать «Путевые записки» в лицо.

Теперь буду ждать ответа на это письмо, а прежде не пришлю ни строки, покуда не получу — но, пожалуста, пишите обстоятельно — писать можно теперь. Пусть Путешественник хоть диктует свое мнение, а ты пиши — зная его лень и отвращение от пера.

Однако даром я не работник, ⟨надобно⟩ от вас достать мне: 1) Шведенборговы духовидения; 2) Эйнемазера — о магнетизме и все, что можете, об алхимии, адептах, Парацельсе, неоплатониках времен Аполлония Тианского. Прошу и умоляю. А впрочем, soit dit en parenthèses[2], вы не исполняете решительно моих треб...

Кроме литературы,— которой я совсем не занимаюсь,— у меня дела вволю, я оправдал пророчество путешественника и сделался лихой чиновник. Fouttre bleu! В другой раз сообщу более о расширении моих практических сведений, вследствие которых многое переменилось и в теории.

Ну, прощайте; да когда же ἀνάγκη[3] бросит меня опять в Москву? Душа больна, да и я засалился как-то; нет юности,

---

[1] повседневности (нем.); [2] кстати сказать (франц.); [3] судьба (греч.).—*Ред.*

утратил ее,— и может, черт знает что было бы из меня, ежели б провидение не отдало судьбу мою в волю ангелу. Adieu.

Весь ваш

А. Герцен.

Что же Огарев?

Может быть, я даже все *встречи* помещу в повесть. Ваше мнение, ваше мнение.

На обороте: Николаю Ивановичу или Николаю Христофоровичу.

81. Н. А. ЗАХАРЬИНОЙ

1—4 ноября 1836 г. Вятка

1-го ноября 1836. Вятка

Письма твои от 4 и от 11 октября получил. Нет, не люди, не толпа затмили мою душу,— а я сам ее затмил, и это-то меня терзает, мучит. Ты так прелестна, так чиста, ты — утренняя звезда, а я — туча, облегающая ее, я—мрак, поглощающий свет звезды. Ты все простила мне, ты не хочешь сиять иначе, как для меня,— но могу ли я все простить себе.— Emilie приехать сюда — опять мечта несбыточная, и зачем? Ты не знаешь жизнь маленького города, вдали; на меня обращены множество глаз, я здесь значительное лицо, любимец губернатора, москвич и богатый человек. Приезд девушки дал бы повод к толкам, которые я не вынес бы, да и что скажут в Москве? Нет, эту мысль к стороне.— В нескольких последних письмах папеньки я вижу, что он ко мне имеет большую доверенность, что он весьма доволен, что я приобрел здесь *репутацию* (!) хорошего чиновника, что обо мне пишут в Петербург, что меня представляют для описания губернии министру и пр.— это хорошо, я очень рад, это поможет нам более всего.— Знаешь ли, что я вскоре надолго буду лишен писем от тебя, мой ангел, я только жду инструкций от министра внутр⟨енних⟩ дел, чтоб ехать по губернии, и это продолжится месяца два; тысячи две верст надо будет объездить, и я получу уж твои письма по возвращении в Вятку.

Надежды, о коих я писал от 29 сентября, весьма основательны; я имел разные известия из Петерб⟨урга⟩— наша разлука очень долго, кажется, не может продолжаться. Наше свиданье!— О боже, неужели оно будет *при них*, нет, нет... это ужасно. Разве нельзя...я приеду в третьем часу — княгиня спит, Саша будет на карауле, ты выйдешь в залу, только один взгляд, один поцелуй — и тогда я готов целый год притворяться; но минуту свиданья погубить этикетом нельзя—не могу, столько жертвовать людям невозможно, они не стоят этой минуты.

Или я, когда приеду, остановлю порыв и сутки отдалю свиданье, а на другой день уговорю, чтоб тебя звали к нам обедать. У нас вольнее, лучше, и ты у нас дома, там ты чужая. Устрой как хочешь, только этой минуты не похищай у Александра.

Что за глупость пишешь ты о твоем лице, будто я его не знаю, будто оно не есть выражение твоей светлой, небесной души, будто оно не так же полно любовью, как твои письмы. «Оно переменилось с 20 июля 1834» — да, я знаю, ибо я его видел — *9 апреля 1835* — величайший день моей жизни; точно, оно переменилось, так, как черты Спасителя преобразились на горе Фаворе в день Преображения.— Ты «поменялась бы со многими лицом!» Но я ведь не люблю многих тех, а тебя, только тебя, и разве любовь моя чувственна? Наташа, уверь же себя в своей высоте. Ты прелестна, ты всё для меня.— Твоя Саша Б⟨оборыкина⟩ думает, что нет другого Александра... О, как ошибается она; эта смесь доброде⟨телей⟩ и пороков, этот ангел и диавол, эта любовь и эгоизм, эти обломки разных истин, чувств, заблуждений, разврата, восторженности; эта медаль, на которой с одной стороны Христос, а с другой Иуда Искариотский,— называемые Александр,— как далеки они от совершенства; есть много юношей высоких, чистых, которые совсем не меркли; она найдет отзывную песнь своему призванью.— Ты отдалась бурной жизни моей, и мне жаль тебя. Ты или поведешь меня в рай, или падешь со мною так, как пали легионы ангелов, прельщенных красотою Люцифера. Твоя судьба решена; но ежели она не любила, о, пусть сохраняет ее бог от изломанной души, которая гложет своими зубами свое сердце и упивается своею кровью.— Море светло, море обширно; оно зовет к себе, прельщает, но пропасть сокрыта под зеркальной поверхностью, оно бурей губит смелый челн.— А ты говоришь, что я знаю свое достоинство; правда, знаю; но далеко не увлекаюсь, как ты, ибо ты — одна любовь ко мне. Посмотри на Витберга; его жизнь развивалась какой-то древней поэмой, нигде ни пятнышка, везде величие — а я, 24 года — и нажил рубцы на душе и теле, и нажил угрызения совести.

Благодарю за стихи — мысли хороши, но стихи кое-где нехороши; больше извольте, Madame, обработывать. Прощай, моя утренняя звезда; ее называют еще *Гесперр* — Надежда. Прощай.

Твой Александр.

4 ноября.

Черная хандра моя улеглась! Страсть деятельности снова кипит и жжет меня. Люди, люди, дайте мне поприще, и более ничего не хочу от вас, дайте изведать силу, за что же ей понапрасно пропадать в груди.— О, как скверна жизнь в провин-

ции, как здесь все сведено на одни материальные нужды, на одни материальные удовольствия... Здесь нет умственной деятельности, здесь нельзя прислушаться, как смелая мысль пролетит ряды и взволнует души и отзывается.— Черт знает, откуда опять эта страсть деятельности. Да, на том поприще я сделаюсь достоин тебя; прочь спокойствие, Пилигрим! Иди снова в путь и там, в Сионе божием, отряси прах ног твоих, и там среди песков Палестины пошли молитву твоей Деве Пречистой. Труд, труд, изнеможение — и — и Слава, наконец. А ежели ее не будет — вздор. Что же этот пламень в груди, эти мечты, около которых свиваются все элементы души,— насмешка, что ли?

Силен был удар в мою грудь — я сам его нанес.— Вымарай его, вылечи, и я опять юноша. С восторгом обращаю взор на Крутицы; там я был чист, благороден, там я видел это 9 апреля и достоин был его. А после этого так пасть глубоко, отвратительно, после 9 апреля.

Но господь простил Израиля за то, что, имея откровение,— поклонялись змее в пустыне. И ты простила мне.

Прощай!

Ты просишь статей; три пошлются в печать через две недели; прочти со вниманием «Третью встречу»; во «Второй»— ты найдешь 9 апреля.

Когда я очень мрачен, я всякий раз вижу тебя во сне — и потому благословляю эту мрачность. О Наташа! Наташа!

На обороте: Наташе.

82. Н. А. ЗАХАРЬИНОЙ

7 ноября. 1836. Вятка.

Третьего дня получил я, ангел мой, твои письма от 12 до 27 октября. Сколько радости, сколько успокоенья принесли мне они. Ты заметила грусть и черное моих последних писем— все отлетело, и моя душа тонула в любви, в восторге. И пуще всего благодарю тебя за полное описание 22 октября. Да, этот день пусть займет место между 9 апрелем и тем будущим, неизвестным. Прибавь еще тот день, когда судорожно и бешено я тебе писал о дружбе и о любви, когда, проведя несколько месяцев в чаду, я первый раз открыл свою душу после 9 апреля и нашел в ней любовь яркую, пламенную,—любовь, указавшую мне путь на небо, заменившую мне нравственность, совесть, пересоздавшую меня воспоминаньем 9 апреля и тем голосом ангела, который проникал так глубоко в мою измученную грудь — при получении писем от тебя. Наташа, ты писала как-то давно: «Мы не искали друг друга»— нет, не искали,—

но мы и не свершили бы земного назначенья, мы увяли бы без друг друга. Я дошел бы до холодного разочарованья в людях и сжег бы себя, и сжег бы все близкое и, может, погиб бы, лишась веры в бессмертие. А ты — грустным звуком, слезою воротилась бы к богу, там у него отстрадать за земную жизнь.— Провидение устроило иначе...

Друг мой, *сестра моя* (оставим это прелестное названье, что может лучше выразить гармонию души, как не братство?)... Сестра моя! Ты еще не видала людей, твоя жизнь прошла в затворничестве — поэтому *ты могла* легко идеализировать меня как тип, сделать из меня ангела, ибо я один был у тебя перед глазами. Но не думай, чтоб я хотел сказать, что ты ошиблась в главном,— нет, ты нашла душу родную, родную своей, в рубцах — но столь же направленную туда, как и твоя душа, без чистоты — но с раскаяньем живым. Вот для чего я это говорю: я иначе жил, я пережил много, я встречал многих, мне увлечься было мудрено, и потому ты вполне должна верить, что нет между людьми высшего совершенства, как ты; воспитанная горем и любовью, ты развилась дивно, чудесно; все, что мечтал пламенный Шиллер, создавая свои небесные идеалы, все в тебе горит. Не для того эти слова, чтоб хвалить тебя, но я не могу удержать себя, чтоб не высказать их, ибо ты иногда как-то робко становишься возле меня. Наташа, верь: ты выше меня, потому-то ты и облагородила мою душу. Потому-то я и люблю тебя так безгранично, так много, так сильно; в тебе для меня слито все, что выше меня: религия, красота, вера, надежда и любовь!— Теперь к твоим письмам.

Прежде всего: память прелестного дня 22 октября пусть посвятится отныне не одной тебе — виновник твоего восторга имеет на него право; пусть этот день во всю нашу жизнь будет днем воспоминанья и благодарности Витбергу. Пусть после твоего тоста будет его тост; пусть середь нашей любви, нашего счастья навернется слеза о великом страдальце.— Я в восторге от твоей мысли, чтоб я тебя свозил в Вятку к нему; эта мысль у меня давно; я свято обещал себе прежде, нежели ты писала,— везде наша симпатия верна. Дай бог, чтоб он не дожил до этого посещенья,— но, кажется, его страдания не скоро окончатся. Вот удел прекрасного на земле!..

Да, ежели это испытание, ежели это унижение, посланное мне от бога, чтоб смирить меня (Мед‹ведева›),— то цель достижена; я в глазах моих— преступник, еще хуже — обманщик, и это пятно я скоблю с сердца, и оно беспрерывно выступает... Всего хуже, что я не имел твердости сказать ей прямо о тебе. 1000 раз я был готов на это — и не мог; что же за роля теперь моя, роля этого человека, которого ты называешь совершенным, божественным...Выбора нет: или убить ее одним словом,

или молчанием и полуобманом играть подлую роль, выжидая время. Я решился на последнее. Тут вполне я наказан. Иногда я желал бы, чтоб все это узнал Витберг; он на меня смотрит с такой любовью — тогда он посмотрел бы с презрением... Пуще казни нет, это хуже кнута — но тогда я считал бы себя вполне наказанным.

Бывают минуты, за которые я не взял бы всех благ мира, которые хуже тяжкой болезни. Тогда обыкновенно я сажусь у себя наверху перед столом и дрожу от холода, и лицо мое бледно, и — я не смею в руки взять твоих писем, ибо я должен страдать.— Ежели б я не вызвал ее на это чувство, ежели б я не столкнул ее своей рукой (я не могу тебе сказать всех подробностей, верь на слово)... тогда было бы дело другое. Полина заметила во мне эти минуты и много раз спрашивала, что такое... «Вы должны быть так счастливы, так счастливы»... «Я тем несчастен,— отвечал я ей,— что не достоин взора того ангела, который мне отдался, тем, что я вижу всю ничтожность свою и всю небесность Наташи. Тем, что на моей душе лежат угрызения совести».— Довольно...

Витберг велел тебе сказать, чтоб ты свой поцелуй перевела на губы с рук, тогда он его примет. Ежели будешь шить что-нибудь, постарайся к 15 января — это день его рожденья. Но смотри, что-нибудь очень хорошее, достойное его и тебя. — А чтоб не было затруднений, я напишу папеньке об этом.

Ты забыла, как называют костюм, в котором я на портрете, и я расхохотался над сурьезностью, с которой *три раза* в письме просишь напомнить,— БЕШМЕТ. Вот зато дивными буквами — вроде почерка княгини Марьи Алексеевны... Ты пишешь, что я *могу* теперь бросить все земное, порочное—ха-ха-ха — в том-то и дело, что *могу*, что *должен* и не делаю этого — тут-то и есть это необъятное расстояние между человеком Александром и ангелом Наташей.

Полина в восторге от твоего обещанья кольца из волос. Пришли и мне браслет из волос — медальон твой часто бывает у моих губ.

Ты имеешь полное право показывать Саше Б⟨оборыкиной⟩ мои письмы — но не те, в которых есть что-либо о Мед⟨ведевой⟩,— это тайна между мною и тобой, тут третьего не должно быть.

83. Н. А. ЗАХАРЬИНОЙ

10—11 ноября 1836 г. Вятка.

10 ноября.

Я расскажу тебе случай, бывший со мною на днях,— он большей части людей покажется ничтожным, иные улыбнутся — но я пишу тебе, а ты так совершенно, так вполне понимаешь

меня, как никто, как один Ог⟨арев⟩.— Я долго читал духовные книги, много размышлял о христианстве — сочиняя статью о *религии* и *философии*. Устал; пора было спать; я многое раскрыл, написал мысли совершенно новые и радовался; без всяких мыслей раскрываю Эккартсгаузена и попал на следующее место св. пис⟨ания⟩: «И беси веруют и трепещют»... Я содрогнулся!— Да, вера без дел мертва; не мышление, не изучение надобно — действование, любовь — вот главнейшее. Любовь бога создала слово воплощенное — т. е. весь мир. Любовь построила весь Христову.— И почему мне именно открылось это место... Случай.— Вздор, нет случая, это нелепость, выдуманная безверием.— Этот текст раскрывает или, лучше, указывает на многое; я падший ангел — но всему падшему обещано искупление; ты — путь, чрез который я должен подняться. Судьба тебе предназначила великое: и одну погибшую овцу кто воротит, заслуживает царство небесное. И какое счастие исполнит тебя, когда, остановив на мне твой взор, ты скажешь: «Он гибнул, и я спасла его любовью, собою; он сгорел бы, и я его огонь обратила к небу». Наташа, прелестна твоя судьба! И как вечна должна быть любовь, возгоревшаяся на этом основании. Повторяю, любовь есть прямая связь бога с человеком.

Ровно год тому назад я, истощив все глупости и буйства, но не истощив души своей, вздохнул по высокому назначению, по тебе. Ровно год тому назад я торжественно окончил эту оргию нескольких месяцев преступлением и, перегорая в тысяче страстях, погубил несчастную женщину для того, чтоб найти и тут пустоту, чтоб оставить угрызения совести и, наконец, созвать с неба ангела-хранителя и воскреснуть в свете звезды восточной, в объятиях Наташи.— *Ровно год* — и все переменилось. Мы выросли. Я не так отчетливо понимал себя. Ты также. Ты сделалась разом иная, сказав: «Люблю тебя, Александр»,— тогда ты развернулась во всей славе, во всем блеске. Я боялся любви, но, наконец, написал: «Можно ли жить с моим бешенством, с моей душою без любви,— стало быть, любить!» Ты мне отвечала от 18 ноября 1835 года: «Сначала я читала твое письмо спокойно, а теперь мне страшно за тебя; нет, погоди любить, *мой* Александр...» И мы уж тогда любили друг друга, слово *мой* все говорит; и ты не знала, что любовь, твоя любовь одна спасет меня.— Ты писала тогда же (от 26 нояб⟨ря⟩ 1835): «Я исчезну, ежели это надобно» — и, между тем, уже не имела духа подписаться сестрою, а написала *твоя* Наташа. Зачем не прежде мы открыли наши души? Зачем??

11 ноября 1836.

Теперь несколько слов, и только.—Вчера был на бале — и грустил. Воротился часа в 4, а теперь голова пуста. Иногда на людях, в толпе я забывшись и безотчетно отдаюсь минутному бешенству и веселости. Вчера я сидел один и сердился на всех и досадовал. Прощай, милый друг, прощай!..

Повесть остановилась. Занятия другие есть. Статей своих еще не посылаю, на всё есть причины.— Я не имею надежды получить твой портрет... может, так и надобно, чтоб вся эта полоса была черна для меня и безотрадна[1]. Ты пишешь, что мой портрет многие находят непохожим. Да, в самом деле, мой взгляд не тот, который видели до июля 1834. Теперь в нем горит любовь и отражаются сильные потрясения.

Примет ли мой поклон твоя Саша Б⟨оборыкина⟩? Право, не надобно видеть человека для того, чтоб быть знакомым. Ты знакома с Полиной и более, гораздо более, нежели с теми, которых видишь часто. Итак, ежели примет, передай.

Твой здесь и *там* Александр.

На обороте: Наташе.

84. Н. А. ЗАХАРЬИНОЙ

18—25 ноября 1836 г. Вятка.

18 ноября.

Наташа! По нынешней почте я не писал тебе— какая-то пустота, какая-то усталь наполняла душу во всю неделю. Да, хоть бы был портрет твой.— Я всю эту неделю был менее способен, нежели когда-нибудь, ко всему великому, менее ощущал любовь — словом, сам был мелее. Наташа, устал я, очень устал. Напрасно думаю я заглушить голос души деятельностью — он прокрадывается наружу и точит сердце. И где же берег? Твердо перенес я тогда отказ — но как перенесть эту немую разлуку с тобой? Люди! Отдайте мне ее, отданную мне самим богом.

Получил сегодня твое письмо от 31 октября. Зачем же ты хочешь порвать все нити с людьми? Любовь одним объятием обнимает всё, греет всё: и природу, и человечество, и само божество. Такой жертвы я не требую. Да, весь мир твой во мне; ты отдельно не существуешь, но разве, погружаясь в мою душу, ты не можешь взять с собою дружбу? Я для тебя не жертвую друзьями, я их люблю, как прежде, еще более, ибо любовь очистила мою душу. Тогда только должна ты оставить

[1] И я это говорю, получая твои письмы; прости, друг мой; о, твои письмы — нужнее воздуха. Без них... нет, без них и представить себе жизни не могу...

все, когда мой призывный голос это скажет, и то не перестанешь любить их.— Шнурок получил, благодарю; я поцеловал его с слезою на глазах, намотал на руку — и задумался... и думал долго.

Emilie идет в монастырь. Дай, господи, ей силы окрепнуть. Молитва, Религия — они всё уврачуют! Я ни слова против, пусть идет. Пусть покинет людей, которые не умели оценить ее пламенную душу, ее порывистый нрав. В самых страданиях есть своя поэзия, высокая и святая, Вера и Надежда — пусть они заменят ей Любовь...

23 ноября.

Ангел. Теперь сумерки — то время, в которое ты мечтаешь обо мне,— и нынче ты, верно, его провела со мною от утра.— Гости мешают писать.— Тебе не нужно говорить много, не нужно говорить, что, сидя с толпою, я там, там, в маленьких горницах княгинина дома.— Весь день провел я грустно и скучно, и даже мне не было приятно смотреть, что почти все с истинной любовью, с преданностью пили мое здоровье — ибо в их тостах была доля сострадания и я чувствовал, что, одинокий, оторванный от тебя, этот день я достоин был сострадания.— Сверх наших домашних (т. е. здешних) и Полины, есть в Вятке два человека, которые мне преданы так искренно, так от души, что дружба их меня трогает,— это Эрн и учитель гимназии Скворцов; их внимание, их старанье, чтоб я сколько-нибудь был весел, заставляли меня притворяться беззаботным, но плохо удавалось. Несколько слов о Скворцове. От природы очень умный человек, он прозябал в провинциальной жизни, мелкой, пустой, сведенной на материальные требования. Я бросил мысль и чувство в его душу — и она ответила. Я воротил его к ученым занятиям, и он как бы из благодарности привязался всем сердцем ко мне, влюбился в меня. Опять прощай!.. Целую тебя.

24 ноября.

И даже эта дружба ко мне мне тягостна, все они ошибаются, все воображают меня лучшим, нежели я есть, и это душит, терзает... Я смотрю иногда с иронией на их заблуждения, и самая острая сторона этой иронии язвит мою душу, а не их. В них настолько осталось натурального, прямого, что они не могут подозревать под этою блестящей фразой, в этом одушевленном взоре что-либо дурное... А я, зная себя, зная, как я пал и падал, не должен ли хохотать над ними.— Но я не обманщик, я часто срываю с себя покрывало, показываю душу в ранах—их вина, ежели не понимают. Ничто, ничто не может меня вылечить от этих мыслей, кроме тебя,— а тебя-то и нет со мною. Иногда мне кажется, что я анчар,— это дерево, ко-

торое зовет усталого путника середь степи, и, когда тот бросится под тень его — он отравлен; одна ты из яда можешь сделать нектар. Боже! возврати же меня скорее к ней, ты видишь, что я не могу без нее ни жить на земле, ни прийти на небо.

25 ноября.

Странно, удивительно создан человек. Я, обремененный, удрученный счастием,— грущу. Кончено! Не хочу более ни одного грустного звука, мне ли грустить? Что же делать несчастному, который не нашел привета в мире, которого любовь отвергнута, когда я буду предаваться грусти? Брани меня, ангел, брани. Я не должен грустить, любимый тобою.— Горько быть встреченным холодом реального мира, но я не видал этого холода, во мне есть какая-то сила, какой-то магнетизм, вселяющий симпатию, и беда только в том, что часто излишняя энергия уносит меня за пределы. В самом деле, вот вся моя жизнь; когда же я был лишен симпатии?— Никогда; с ребячества меня избаловали, и в то время, когда другой благословил бы жизнь свою за одну встречу с человеком, умеющим чувствовать, я требую более и более, я не могу дышать, действовать без обширной, широкой симпатии со всех сторон. Это не самолюбие, это какая-то экспансивность души — которая не может удовлетворить сама себе и ищет людей, светит на них, и луч, отраженный, согретый сочувствием, возвращается в нее, исполненный жизни, любви.— Ни одна симпатия не удовлетворяла мне так, как любовь твоя и Огар⟨ева⟩. Тут предел, более не может требовать безумная фантазия моя. Доселе я в тебе не знаю ни одного малейшего пятнышка, и вся эта чистая, небесная душа предалась одному чувству, и именно в ней нет места ничему другому.— Ты должна была полюбить меня, несмотря на все недостатки мои, на все пороки; эта масса волнующихся чувств, эта жадность симпатии, эти требования, которым не человек, а ангел может удовлетворять,—должно было увлечь тебя, ибо за симпатию твою кто мог бы заплатить...

Прощай, может, сегодня получу письма от тебя и совсем отгоню мрачные тучи. Нет, не доволен я письмами своими к тебе, душа требует сказать гораздо более, и не могу — смертельно хочется с тобою поговорить. Власть слова, живого слова и взгляда, и всего всегда — огромна. Мертвая буква никогда не выразит всего. И неужели еще нет берега нашей разлуке? И неужели, когда я буду в Москве, люди нам будут ставить границы и заставлять говорить о Насакине, когда мы имеем так много рассказать друг другу о нашей любви, о нашей симпатии?

Прощай же, ангел.

Твой Александр.

85. Н. А. ЗАХАРЬИНОЙ

30 ноября — 2 декабря 1836 г. Вятка.

30 ноября.

На днях сидел я вечер у архиерея. Много говорили о религии, о католицизме и пр.; наконец, он завел речь о перестройке собора с Витбергом, и я задумался; вдруг громко начали бить часы с курантами; я осмотрелся — старинная зала, едва освещенная, мертвая тишина и бой часов, особенный, монотонный — и что же вспомнилось мне со всею подробностью?— дом княжны Анны Борисовны всем своим отжившим характером, с мертвою стоячестью, с вылинявшим штофом на стенах,— и середь этого надгробного памятника ты, ребенок в трауре, как тебя привезли; ты — чужая, удивленная, что попалась в этот круг, дитя — но уже несчастная. Сладко было мечтать; с тех пор я несколько дней все думаю о ребячестве твоем, я воскресил все подробности, восстановил все частности. Я не мог бы вспомнить всего одною памятью, магнетизм любви открыл все прошедшее. Ты писала как-то о первой встрече со мною у княгини; я вспомнил, как я видел тебя у Александра Алексеевича, как ты показывала мне фортунку.— Все, все, слово от слова представляется мне отдельными картинами, и везде ты главное лицо, ты жизнь, ты свет... Много страдала ты, много страдаю я... Утрутся наши слезы, благословим судьбу; ты, может, не была бы моя Наташа, я, может, не был бы достоин тебя — при счастливейших обстоятельствах.— Гонения на меня еще не окончились; недавно мне опять была большая неприятность — об этом, впрочем, ни мам⟨еньке⟩, никому не говори — больно, душно — но пусть разом уж все оборвется, а там за черными годинами пусть разом же светлая полоса. Потребность видеть тебя превратилась в болезнь; иногда я в каком-то бессилии горести бросаюсь на диван — и кусаю губы. Но не настала, видно, еще минута, в которую провидение назначило отдать меня тебе — «да мимо идет чаша сия, но как ты хочешь». И при всем этом я счастлив чрезвычайно, безмерно. Твои письма, отрывки из прелестной симфонии любви, достаточны, чтоб поставить меня выше всех ударов судьбы. Можно ли грустить, будучи так любим?— Таков человек: ему все мало, и когда многие отдали бы жизнь за одну строку такую, как каждая в твоих письмах, у меня все-таки не умолкает голос, требующий более письма — твоего взгляда. Взгляд выражает гораздо более письма; взгляд жив, он горит, он светит, он сам берет ответ из другого взгляда. Нет, сколько ни думай, а разлука тяжка, утомительна.

2 декабря.

Прости меня, мой ангел, более писать некогда. Целую, целую и целую тебя, твои ручки.

Александр.

На обороте: Наташе.

86. Н. А. ЗАХАРЬИНОЙ

5—9 декабря 1836 г. Вятка.

5 декабря 1836. Вятка.

Еще год кончается, еще рубцы опыта, рубцы воспоминаний, рубцы дум, еще неисполненные надежды, еще вздох и улыбка над ошибочными мечтами, над призраками, созданными фантазией и убитыми миром реальным. И во всем этом году одна отрада изгнаннику, одно вознаграждение, одно блаженство— Любовь, и она более, нежели замена, более, нежели врачевание: она ведет на небо... зачем и говорить, что́ она. И, с другой стороны, черная сторона, царство мрака и низости, опять то же — толпа, люди. О боже! сжалься над этой массой, над этой канавой нечистоты, гнусности и пороков. Твоя жизнь тебя отстранила от людей, слава богу; зачем тебе их знать; самое *знание* тяжело, как угрызение совести; для тебя я представитель человека с любовью необъятной, я защищу тебя от людей, мною знай их, а не своим опытом. Но я узнал их, эти 3 бурные годы мне раскрыли многое, я замешался в толпу и, как лазутчик, высмотрел ее тайны, ибо она не боялась скрывать их от меня, думая, что я принадлежу к ней.— Не хочу я упрека в несправедливости: и тут я встретил людей с душою, но их голос молчал, гибнул, они боялись показать чувство. Я магнетизмом, симпатией заставил их сбросить на минуту маску, одушевиться изящным. А толпа хохочет, она не знает изящного и марает, как уголь, все святое.

Попроси, чтоб тебе достали 16 № «Телескопа», прочти там повесть «Красная роза»; ты найдешь в Бианке знакомое, родное твоей душе. Да читала ли ты Шиллерову «Деву Орлеанскую», перев⟨од⟩ Жуковского; прочти непременно — и там все твое, высокое, небесное.

Давно не присылали твоих писем. Досадно. Благодарю за приписку в папенькином письме. Да, 23-го ноября, именно в то же время я думал о тебе, мой ангел.—Между именами бывших у нас ты написала только «Наташа»; в самом деле, на что тебе было писать более, тебя я узнал бы по одной букве, по одной черточке. И на что тебе было писать более имени, фамилью припишу я, и я же заставлю уважать ее. У нас с тобою нет прошедшего, нами должно начаться новое существование —

на нас не падают пятна прошлых поколений, мы чисты и сами дадим значение себе.— Прощай, ты получишь на днях маленькую статейку, воспоминание о Перми, напиши свое мнение. Целую тебя много, много...

Теперь я лежал на диване долго и перечитывал твои письмы; с некоторого времени я чаще прежнего их читаю, и всегда, когда окончу чтение, душа чище, взор чище, и я готов броситься на колени и молиться тому, который дал мне ангела. Перечитав письма от 1835, я с трепетом, с благоговением взялся за 1836, как жрецы храма иудейского брались за священные книги откровения. В тех письмах любовь покрыта завесою, *она — тайна;* с началом нового года эта тайна объясняется. *2 января 1836* ты первый раз заменила слово «дружба» — «любовью», в первый раз, как бы борясь с моею пламенностью, увлеклась и вместе сказала и себе, и мне: «Я люблю Александра». О, как полны воспоминаний ярких протекшие годы, мы не тщетно жили, мы всё изведали, пора отдыха пришла, чтоб запастись новыми силами. Пора склонить мою измученную голову на твою измученную грудь, пора моему взору исчезнуть в твоем взоре, пора прильнуть устами страдальца к устам ангела, и пора ангелу сместь пятна и пыль с души его...

Завтра именины Огарева. Ах, как мы с ним разрознены. Что-то он — хоть бы одно свиданье, хоть бы одно письмо в 3 месяца... И сколько мне ему сказать надобно — я пересоздался с тех пор, как мы не видались... а когда увидимся?

При этом письме приложил я прелестные стихи Гюго, чрезвычайно хорошие — надеюсь, по моей рекомендации, и вам, милостиая государыня, понравятся.

9 декабря

Вчера вечером получил твои письмы от 7 до 25 ноября. сначала принесли только одно письмо от папеньки, а я ждал непременно от тебя. Кровь бросилась мне в голову, я был более нежели раздосадован, и тем с большим восторгом минут через пять получил твой пакет.— Отвечать сегодня не буду, а с следующей почтой; некоторые места твоего письма обняли меня холодом и негодованием — но твоя любовь все заградила, я не могу сердиться на тебя.— Ты не хочешь понять то, что я писал в моих прошлых письмах.Тут нет ни унижения, ни гордости. В моей душе есть элементы высокие, святые, исполненные поэзии, и с тем вместе страсти низкие, и я скорее согласен иметь их, нежели быть одним из рядовых людей. Ты смотришь беспрерывно на одну хорошую сторону, и я не отрицаю ее; но знай же и дурную. Ежели б тебе сказали, что *кто-то* обманул женщину, увлек ее, лишил спокойствия, несчастную сделал еще несчастнее — что сказала бы ты...

узнавши, что этот *кто-то* — я; ты изыскиваешь средства оправдывать меня; лучше бы было, ежели б ты осыпала меня упреками. Но некоторые выражения твоего письма даже жестоки — этого я не заслужил; для чего ты говоришь теперь, что исчезнешь для моей пользы и пр., когда знаешь, что я не могу жить без твоей любви.— Буду писать пространно обо всем. Теперь скажу только, что странного находишь ты в том, что я образовал твою душу, а теперь ты ведешь меня; эта мысль так проста, так ясна... Как будто ученики всегда ниже учителя. Рафаила учил же живописи кто-нибудь. Иоанн крестил Иисуса и сказал, что не достоин перевязать ремень его сандалии.

С чего ты взяла, что я холоден к Огареву?

Прощай, будь весела, будь спокойна, я не так мрачен, я опять весь свят твоею любовью. Прощай, целую тебя, целую твой локон. Слышала ли ты, что «Легенда» попала в чужие и пречужие руки?

Твой Александр.

87. Н. А. ЗАХАРЬИНОЙ

10—11 декабря 1836 г. Вятка.

1836. Декабря 10. Вятка.

Я тебе обещал ответ, и вот начало его. Нет, ты не хотела вникнуть в глубокое страдание моей души; я писал в минуты грусти и унижения — но голос был верен, я не лгал на себя. Я понимаю свою силу, свои достоинства и понимаю, что с ними я *мог бы*, я *должен бы был* быть гораздо выше; но еще к собственной силе прибавилась сила небесная, опора священная — твоя любовь. И я пал! Как же ничтожна моя твердость. Это правда, я тотчас образумился — но *не я*, а любовь твоя сделала это — клянусь тебе,— а ты говоришь, что свела меня на землю, и бог знает что за выражения в твоем последнем письме — ты, не жалея меня, писала их. Но я не сержусь, вот тебе рука моя, и это — заслуженное наказание; всеми этими ударами я искупаю себя.— Я требую справедливости, Наташа, справедливости и более ничего. Я тебе говорю, проникнутый любовью и восторгом,— ты высока, ты ангел — и готов запечатлеть эти слова кровью, и душой, и вечностью. Ты отвергаешь их и отчасти из самолюбия (прости мне) подчиняешь себя мне, для того чтоб придать еще более своему избранному, и требуешь, чтоб я согласился, чтоб я ни слова против этого. Я тебе говорю: вот моя душа, сломанная и запятнанная — но она сильна любовью к тебе; вот преступление, которое оставило на ней след,— а ты отвечаешь: все это вздор, я не хочу, чтоб на твоей душе были пятна, и, следственно, отбрось угрызения совести и считай себя за серафима. Рассуди, где тут

справедливость. Твоя гордость не хочет согласиться, что на мне могут быть пятна, ибо согласиться с этим — согласиться с своей ошибкой; чтоб доказать тебе это, я сошлюсь на то место твоего письма, где ты меня уверяешь, что поступок с М⟨едведевой⟩ потому не преступление, что, может, провидение нарочно так устроило. На это ответ скор. Может; но вспомни евангелие, там сказано: по писанию пророков, сыну человеческому *назначено* быть предану, «но горе тому, кто его предаст, лучше б не родиться ему».— Где в моих письмах ты находишь унижение? Я тебе говорю: веди меня, и повторяю еще сто раз: веди,— не к славе, не к деятельности, не к поприщу, туда найду я сам дорогу, ежели она только проложена для меня; нет, дело о небе, дело о той святой обители чистых душ, куда я сам не попаду без тебя, на которую я даже не обращал внимания прежде любви к тебе. С 13 лет, говоришь ты, вел я тебя в обетованную землю — но знаешь ли, что Моисей, который вел израильтян, умер в пустыне, ибо был не достоин взойти туда. Однако вел,— итак, тот, кто ведет, не всегда выше того, которого ведет. Наконец, ты говоришь: «Может, причиною всему этому я». Да, без всякого сомнения, ты; не будь тебя, никогда светлые, высокие мысли нравственности не посетили бы моей души. Чего же ты испугалась этого? Я тебе писал: самолюбие и гордость — вот были основы моей жизни до любви, а от этих мертвых земных начал мудрено было дойти до идеи нравственной. Ты, ты, ангел, причиною тому, что я не могу выносить пятна на душе...

Благодарю за совет обдумать, не *показалось* ли мне, что ты мой идеал, не ошибся ли я в тебе,— и на это посвятить хоть год. Благодарю! Но воспользоваться советом не могу. Идея любви есть идея жизни во мне. Совершенно возвратиться я не могу, я твой — не могу; даже лишение жизни, не знаю, представило ли бы возможность идти назад и холодно разобрать, ты ли идеал мой, или мне *показалось*. Ежели б я мог до того холодно любить, чтоб делать целый год счеты о достоинствах твоих, ты не была б мой идеал, тогда я был бы ничтожный человек и никогда не мог бы ни подняться до тебя, ни быть любимым тобою. И я говорил тебе много раз, что ты меня идеализируешь, но никогда не говорил: «Иди назад, оставь меня». Я не мог этого сказать — ибо знаю, что ты не можешь уже воротиться. Я тебе говорил: «Вот душа моя, в ней море огня, в ней море энергии, любви и поэзии для тебя — но есть в ней и пропасти, есть в ней и черное, знай это вперед и не удивись, что увидишь эти привидения после». Наташа! Наташа! Горе было бы тому, кто осмелился бы мою любовь назвать *показавшеюся мечтою*, горе ему; одной тебе прощаю я всё, даже это.— И желанье смерти явилось у тебя вслед за сове-

том.— Труден крест, который ты взяла, отдавшись мне, и ты говоришь, едва испытав его тягость: лучше умереть и бросить, покинуть Александра его участи, его бурным страстям, и людям, и толпе!..

Ну, довольно об этом. Будь уверена, ангел мой, что ни тени неудовольствия, ни тени досады не осталось у меня. Ты все-таки останешься моя путеводная звезда, моя награда за все страдания, моя святая, мое божество. О Наташа! сколько принесла ты мне с своей любовью, это видит один бог.— Правда, разлука разливает что-то мрачное по моей душе, я утомлен — но ты требуешь твердости.— Кончено, сделаю все, но ежели иногда звук грусти и печали вырвется из души и невольно дойдет до тебя в письме, вздохни вместе и вспомни, что и твой Александр — человек.

Прощай... Поцелуй любви, пламенный, долгий и чистый, как небо, посылаю тебе.

Декабря 11.

Ты пишешь, что ты лампадка, зажженная перед моим образом. Я всегда дивился глубокой поэзии твоих мыслей—и это так же прелестно, как Солнце и Звездочка, и еще вернее. Икона свята — но она не имеет света. Лампадка для иконы — меньше, нежели икона, но она-то освещает ее, она-то сносит свет, небесное — земному, телесному веществу иконы. Ты поэт, ангел мой, и любовь научила тебя этим песнопениям, исполненным истины и глубины, которые раздаются на каждой строке твоих писем.

Ты мечтаешь о Юге — я тебе покажу благодатную землю и яхонтовое небо Италии. Наша жизнь не пойдет тащиться скучно и вседневно, нет, я осуществлю жизнь полную, артистическую, жизнь совсем на других основаниях. Пришлю тебе на память итальянские картинки, может, по этой тяжелой почте.

88. Н. А. ЗАХАРЬИНОЙ

12—16 декабря 1836 г. Вятка.

12 декабря 1836. Вятка.

Эти грустные минуты немой боли, которые ты так не любишь в моих письмах, — они бывают у меня приливами. Миновало несколько дней, и я успокоиваюсь, могу заниматься, думать, читать. Но когда злой демон опять начнет кричать, я бросаю всё и предаюсь мрачной фантазии; иногда самый ничтожный случай, едва холодное дыхание людей, малейший упрек разрушают твердость, которая, как осенний лед, может держаться до первого толчка.

Знаешь ли, чем я теперь занимаюсь усердно и от души? Я достал огромное сочинение Вибикинга об архитектуре и пе-

ребираю эти памятники, отвердившие жизнь народов,— много мыслей родилось, все сообщу тебе, когда будем вместе. Покаместь перечитай с величайшим вниманием в «Notre Dame de Paris» две главы (кажется, в третьем т⟨оме⟩) — «Abbas beati Martini» и «Ceci tuera Cela». Непременно прочти, хоть 5 раз, покуда вполне понятна будет эта мысль,— там ты узнаешь, что эти каменные массы живы, говорят, передают тайны. Как пламенно жду я времени, когда я тебе буду отдавать отчет в сумме, в итоге всех этих занятий от школы до ссылки, всех страданий, сомнений, мыслей, фантазий, опытов — трудно мне было доходить—тебе отдам я готовое. Ты вполне поймешь меня — это я знаю; отрывки из твоих писем иногда так сливаются с моими мыслями, что нет между ними и черты разделяющей. Скорей, скорей приходи, эта полная жизнь.

13 декаб⟨ря⟩

Еще о том месте в «Notre Dame»; я знаю, что из 1000 женщин читавших 999 пропустили именно эти главы или не обратили никакого внимания,— для того-то ты и должна их прочесть — ибо ты более, выше этих женщин.— Как я приеду в Москву, я тотчас начну брать все меры для нашего соединения; мы должны быть вместе, для того чтоб развитие наше было полно... Хотел писать много, но Эрн приехал. Addio!!

15 декабря.

Ты получишь по этой же почте официальную приписку в княгинином письме; я с намерением назвал тебя Наташей в нем — желаю знать, как это примется ими.

16 декабря.

Собирался писать сегодня к Emilie — и опоздал. Часто, очень часто думаю я об ней — иногда мне приходит в голову, что и самый монастырь есть слабость. Пусть она откровенно, с доверенностью предастся провидению; ежели Сатин не был назначен ей, то разве не следует покориться персту божию? Трудно, очень трудно, но тем выше будет душа. Ты много раз писала, что тебя мучит, что *все одаренные* душою высокой, пламенной — несчастны. Не их эта земля, они с своей душою — гости другого края; им незнакомы обычаи и жизнь земли, на ней до́ма — толпа; но кто же из них согласится променять свои несчастия на бесцветное счастие толпы; для них есть другой мир; он еще здесь начинается, это тот мир, куда летит звук арфы, подымается обелиск, а для толпы ничего нет, кроме столовой и спальни. А горько видеть эти страданья, сердце обливается кровью, и тем досаднее, что толпе их не растолкуешь, что она даже не платит участием. Сколько слез чистых, но жгучих, льются в тиши и уничтожают жизнь — коих обна-

ружение произвело бы не более как смех. Полина по всем правам занимает место в числе этих существ, которые как бы не нарочно или случайно попали совсем не в тот круг, в котором быть должны. Из искреннейшей, чистой дружбы приехала она сюда с женою аптекаря, и куда же попала? в Вятку. Ты не знаешь, что такое дальняя страна, там все нечистые, дикие страсти, все образы обольщений, гнусностей на воле, и аптекарь, подлый дурак, наверное не защитит ее, ежели обидят.— Но я не могу рассказать всего; при свиданье и со слезами будешь ты слушать ее мрачную повесть. Но никогда не падет она, душа у ней высока и прелестна. *Говорят*, будто она очень неравнодушна ко мне,— ужасно, ежели б это была правда; но тут с моей стороны не было ничего сделано, я не виноват; впрочем, я не верю; разумеется, ей и не должно быть равнодушной к одному человеку, который берет такое искренное участие в ней и готов многое сделать. Прощай, Витберг тебе кланяется, я целую, целую.

Прощай же, ангел.

Твой Александр.

На обороте: Наташе.

89. Н. А. ЗАХАРЬИНОЙ

23 декабря 1836 г. Вятка.

23 декабря 1836.

Наташа, ангел, прелестное существо — итак, ты начала уже страдать от меня, я это предвидел, я это предсказывал — но иначе угодно было провиденью; твоя жизнь навсегда влита в мою жизнь, влекись же бешеной фантазиею со мною — куда? Все равно, лишь бы со мною. Твои последние письма от 9 дек⟨абря⟩ наполнили меня грустью, даже томностью. В них видно глубокое страданье, и я причиной ему, с моей безумной фантазиею, с моим эгоизмом, словом с моей душою. О Наташа, бога ради, не повторяй, что мне мало тебя, бога ради. Нет, нет, твоя любовь, твоя душа показала мне, что и здесь на земле могут осуществляться идеалы поэта. Не повторяй же, Наташа. И ты говоришь обо мне, как будто я не понимаю твоей любви. Люблю, люблю тебя всей этой энергией моего характера и никого бы не мог так любить... только не говори этих слов. Оставь мою грусть, она проходит. Что делать — ровного, гармонического счастья мне не дано — но ты, ты счастлива, как ангел. О, ежели б я мог, одним объятием я высказал бы тебе всё: и безгранное блаженство мое, и грусть, всё, всё тогда только поймешь ты, что ты мне. Я готов плакать теперь — а я тверд, готов целовать край твоей одежды — только успокойся, будь весела; я хочу, чтоб ты лечила мою больную душу, а ты

заражаешься ею... Зачем ты говоришь мне о моем блаженстве, будто я не знаю, что́ нашел я в этой душе прелестной, в твоей душе.—Почему ты не так грустишь,—спрашиваешь ты; да разве есть на тебе пятна? Разве ты не можешь понять, как меня должен терзать проклятый поступок с М⟨едведевой⟩. Ты и я. Опять скажешь, зачем я тебя высоко поставил. Да не я ставил — бог. Ежели б я так ослеплен был собою, что не видел бы, на какой *высоте* я мог бы быть и где теперь. Читала ли ты у Жуковского «Абадонну»:

Сумрачен, тих, одинок на ступенях подземного трона,
Зрелся, от всех удален, серафим Абадонна; печальной
Мыслью бродил он в минувшем . . . . . .
. . . . . .
он вспомнил
Прежнее время, когда он, невинный, был друг Абдиила...

Ты, Наташа, мой Абдиил — мой ангел-хранитель, и тебя-то я мучу.— Еще зачем ты беспрестанно хвалишь меня? Знаешь ли ты, что я ужасно самолюбив и горд,— хвалить меня — это дикому зверю показывать пурпурную ткань, это напоминать ему цвет крови...— Ты молишь бога, чтоб он дал мне созданье лучше тебя... Погоди, да возьму ли я у него? Отнять тебя материально, здесь—это может провиденье — дать другую не в его силах. Или ты — или мне не нужен никто здесь и опять ты же — там. Останови же свою молитву — ты ею обидишь провиденье. Душно! Душно! Оставь, искорени эту несчастную мысль, что мне мало твоей души... Да после этого ты, право, не вполне веришь в мою любовь.— И что ж, собственно, дурного в моей грусти; в безумной веселости человек тратит свою душу, в грусти он возвышается; в грусти — поэзия, а в веселости — смех.

Ты спрашиваешь, утешит ли меня твой поцелуй — твой поцелуй... *ты спрашиваешь?* Ха-ха-ха... вот забавная мысль пришла в голову (начинаю быть веселым); погоди, дай смыть с губ те нечистые поцелуи сладострастья, которыми они запятнаны с самой юности, ты замараешь свои уста. Может, странно тебе, что я говорю подобные вещи прямо тебе; да, этого не скажет влюбленный юноша с розовыми ланитами, с розовой душой, с розовым умом своей Юлии, Мине, Альсине — такой же деве. Но я и ты — у нас другое отношенье; вспомним нашу силу. Моя душа давно потеряла запах розы, мои щеки давно бледны — с 14 лет ломала меня мысль и чувство. И оттого-то моя грусть, что я хотел бы тебе, божественная, принесть себя божественного,—ты говоришь: довольно для тебя. Но для меня не довольно то, что я тебе даю собою.

Кто будет рисовать твой портрет? Ежели человек, который не удивляется тебе, не любит тебя, не может понимать,— не

надобно. Рафаил, этот Рафаил, которого называют божественным, осмелился Мадонне дать лицо Форнарины, своей любовницы,— а Италия молилась, удивлялась. Ну, вы, господа с кистью, вот вам Наташа, это ангел, это уж не женщина, с которой стерта божественная печать нечистыми объятиями; нет, она такова, как была до рожденья в раю,— да где этим дуракам прийти в голову изображать богоматерь, как она была; им довольно представить женщину и ребенка... Твой портрет. Что же, скоро ли я прижму к сердцу своему хоть портрет?

Я, кажется, понял мысль, которую ты называешь святою, сбыточною,— да, понял ее. Эта мысль мелькала у меня,— все-таки симпатия наша превосходит всё на свете. Я понимаю тебя[1],— *ангелу не хочется быть человеком*, ему низко, тесно, удушливо в этой темнице. И чтоб мне все утешения находить не в тебе одной — ты моя поэзия, ты именно все, что осталось чистого и непорочного в душе моей.

Получаешь ли ты аккуратно мои письма, я пишу почти всякую почту, а ты от 9 декабря отвечаешь на письмо от 18 ноября...

Ну, прощай, до будущего года не пошлю письма. Верь же, что твоя любовь принесла мне более, нежели сколько я надеялся. Верь, что в тебе нашел я все, чего искала душа. Дай бог, чтоб скорей ты все увидела на опыте.

Твой Александр.

Я продолжаю беспрерывно заниматься архитектурой. Путешествовать, путеш‹ествовать› непременно. Emilie дружеский, сердечный поклон... А ведь в монастыре будет скучно. Ежели mademoiselle Alexandrine 1-я примет мой поклон, передай и уверь, что я совсем не страшен. Некогда!

Addio!

На обороте: Наташе.

---

[1] Однако ж напиши мысль свою; может, я ошибся...

1837

90. Н. А. ЗАХАРЬИНОЙ

1—6 января 1837 г. Вятка.

1 января 1837 г.

Natalie! Вот и Новый год, прощай, 1836-й. Ступай в вечность; моего благословения нет на тебе, ты давил меня с первого дня до последнего, в тебе не жизнь, а судорожное движенье. Прощай же. Ну, а этот новый что принесет,— неужели ничего? Желаний — два, три довольно и для меня, и для тебя. Надежд — нет.— Я писал к тебе письмо 25 декабря и изодрал его; это в первый раз, ибо однажды написанное письмо я уже считаю собственностью твоей, но письмо это было так нелепо, что я решился не посылать. Все праздники я провел как нельзя хуже. Часто думал я, что совсем перестал быть тем Александром, твоим Александром, и представлял себя так каким-то неудавшимся существованием. Сегодня, т. е. в первом часу ночи, я говорил с Полиной об тебе — уж, верно, и ты в то же время думала обо мне...— Ангел, ангел. Письмо твое получил (от 22 дек⟨абря⟩). Неприятность, о которой писал, не так важна, чтоб стоило об ней писать. Прощай на несколько часов.

Вечер.

Нет, жаль мне стало 36 год; за что же я его так безжалостно, так холодно оттолкнул? А твои письма разве не осыпают его светом и эфиром; а дружба Витберга, а дружба и симпатия в этой глуши даже — не правда ли, как я неблагодарен? Чего нельзя не[1] перенести за одну строку твоих писем, где буквы принимают какой-то звук и гармонией страсти раздаются в глубине души? С какою жадностью я тысячу раз перечитывал в прошедших письмах твоих, где ты меня утешаешь в грусти;

[1] Так в автографе.—*Ред.*

ну, так и видно — слеза на глазах и улыбка; и то и другое горит любовью, и пламенное желанье слезу оставить себе, а улыбку передать мне...

4 января.

Вот тебе, Наташа, новость: может, через месяц или два Полина уедет отсюда, и куда же? вздумать страшно — за 400 или 500 верст от Перми, на завод, куда хочет определиться муж ее подруги, у которой она живет... Бедная! Она завянет, пропадет даром, и нигде кругом нет спасения; одна рука, которая сделала бы для нее всё — это моя рука, но она закована в тяжелые цепи. И что ее заставляет ехать — какая-то поэтическая дружба к подруге, которая очертя голову вышла за дурака и теперь мыкает с ним горе. Неужели провидение так непонятно управляет действиями нашими, жизнию, что иногда весь вид слепого случая. Эта новость меня огорчила. Ее положение почти не лучше Emilie—та обманута любовью, эта — целой жизнию. У той в воспоминан⟨ии⟩ есть светлая полоса, у этой сумерки и даже темнота. Ты пишешь, что не можешь видеть низостей людей и страдания других. Я крепче тебя, но, признаюсь, вся твердость моя тает от вида этих судорог души, выбивающейся из-под гнета обстоятельств и на которую летит удар за ударом. Но низости делают на меня другое влияние— потребность, жажду мести. Ах, Наташа, чего я не нагляделся в это последнее время; как дики, грубы страсти и как подлы, низки люди (слава богу, что не все). Около губернатора в губернии, где нет дворянства, обращается все, как около солнца; власть его неограниченна, и, след., тут-то сосредоточиваются все искательства и интриги — и я поневоле, ежели не хочу закрывать глаза, должен видеть этих гадких животных, трепещущих, с клеветою в роту, с страхом, чтоб не открылись их дела, и пр. и пр. Вот тебе анекдот в доказательство. Недели две тому назад один из здешних personnages наделал мне грубостей на бале,— весь город был тут, но ни один человек не показал, что я прав или нет; все молчали, даже говорили, что не слыхали. На другой день губернатор сказал, что я решительно прав и что тот должен извиниться передо мной — и весь город закричал: «Герцен прав», и пошло участье, и свидетели, и все нашлось. (Опять повторю, что есть исключения)... С тех пор я уж просто стал ненавидеть здешнее общество.

6 января.

Три года тому назад, вечером, у Насакина — и как живо все это в памяти, как светло, как похоже на ту прелестную луну, на которую мы смотрели! И сколько прожито с тех пор! Всю светлую неделю 34 года я бушевал; это была одна вакханалия в 7 дней — и последняя; не воротится то юношеское

увлеченье, тот огонь, та безотчетная веселость. Вскоре после Огарев взят — наша прогулка на кладбище была также расставанием с другим элементом юности, с тихой, гармонической симпатией; железные руки приняли меня из твоих рук. Но я был высок, чист, я очищением 9-ти месяцев, страданиями и лишениями приготовлялся к 9 апрелю 1835 года. Это в моей жизни *Преображение;* ты, материальная, земная по телу, преобразилась в глазах моих в ангела невещественного, святого... Сколько воспоминаний, сколько воспоминаний! Получила ли ты мою статью?— Прощай, прости, что мало писал — я глуп все эти дни.

Твой Александр.

На обороте: Наташе.

91. Н. А. ЗАХАРЬИНОЙ

9—13 января 1837 г. Вятка.

9 января 1837.

Ты теперь уже давно получила, Наташа, ответы на письма, в которых упрекала меня в грусти, в этом демоне, смущающем мою душу. Может, в них были фразы, которые тебе не понравятся,— вперед прошу простить — так написалось! Сверх всех причин, у меня в самой душе есть зародыш тоски, несмотря на всю живость характера. Без всяких внешних побуждений я впадаю иногда в задумчивость мрачную и давящую. Таков был Байрон, мучивший беспрерывно сам себя призраками и идеальными понятиями. Твое присутствие рассеет все это, твои письма — единственное спасение теперь. Гюго говорит, что человек с талантом похож на Мазепу, привязанного к хвосту дикой лошади. Лошадь его влечет по камням, по холмам, он избит, полумертв и воскресает торжествующим! Да, но ежели после всех мучений, страданий не будет торжества... Будущее немо и завешано; оно, может, смеется этим гаданьям. Но зачем же, ежели какому-нибудь человеку ничего не предоставлено сделать, кроме *прожить* свой век, зачем же внутри его души кричит неумолкаемый голос: «Тебе душно, тесно, в тебе есть сила, создай себе мир деятельности, раздвинь узкие границы жизни, проложи новую колею в пути ее, разлей огонь, который в твоей душе, поделись мыслью и чувством с людьми»? Зачем? Сколько людей спокойно и безмятежно живут в маленьком кругу деятельности, я уж не говорю о людях без всяких способностей, нет, люди очень умные, очень добрые... и очень пошлые. Бывают минуты, я им завидую; но это минуты устали, утомленья. Могла ли б ты, моя прелестная подруга, сестра,

могла ли бы ты любить меня, ежели б я был из числа *этих добрых людей?*— У них своя любовь, свои идеалы с запахом кухни и домашнего благосостояния.

Дай бог им долги дни.

Двадцать четыре года — время, в которое у других юность в полном цвете, в полном разгуле, где еще призраки принимаются за действительность и чаша жизни еще полна, еще непочата. А я! Взгляни на мое лицо, истомленное страстями, мыслями, обстоятельствами, избытком счастья и избытком несчастья. В 24 года я устал жизнию, и что было бы со мною, ежели б твоя любовь не слетела ко мне с неба, когда я, сбившийся с дороги, мрачный, унылый, преследуемый дикими зверями, готов был потерять остальной дрожащий луч надежды? С твоей любовью обновилась душа. И зато какую любовь, какое поклонение принес я моей спасительнице, моей Беатриче. Я не искал, кому отдать свою душу,— провидение само распорядилось. И кто смел бы взять эту большую душу с ее судорожными движениями, с ее необъятными требованиями? Кто, кроме тебя, Natalie!..

10 января.

Заниматься продолжаю архитектурой,— века прошедшие встают с своими пирамидами, храмами, соборами и рассказывают свою жизнь; слава богу, что можно переселяться в то время, когда не пугались великого, когда изящное считалось необходимою потребностью. А теперь — переход болезненный, где все высокое спит, где только думают о материальных нуждах, и горе тому, кто не падает с головою в болото. После огромной войны 1812 года явился человек гениальный, хотевший гору превратить в храм, хотевший камню дать силу текста евангельского, посвятивший всю жизнь одной мысли,— этот человек был не на месте в нашем веке; его понял благочестивый царь, но современники не поняли, освистали, отравили, очернили... Это Витберг; но его подвиг не умрет, его память, как память страдальца Тассо, вдохновит поэта и станет рядом с строгими, важными тенями людей, которые пренебрегали всем земным для одной высокой мысли.

Повесть моя остановилась, я ее еще не бросаю. Хочется выразить мысли, заповедные в душе, хочется еще облечь в образы всех действовавших на мою жизнь; я тебе однажды писал (кажется, из Крутиц), что я набрал несколько барельефов из своей жизни: там Emilie, там есть другие, и везде *ты* и *Огар⟨ев⟩*. А как приходится писать — всё недостаточно; у людей с истинным талантом этого не бывает. Впрочем, один

барельеф иссечен верно — это Мед⟨ведева⟩. Может потому, что она слишком сильно потрясла мою душу, слишком выказала слабую душу мою.

13 января.

Ангел мой! Получил твои письмы до 29 декабря. Ты, ты— во всякой строке — но это письмо поразило меня; я не мог плакать, я вскочил, как дикий зверь, которого дразнят; бешенство, а не огорчение!— *Я не буду получать от тебя писем или очень редко.* Возьмите всё, люди, всё, только оставьте эти письмы. Неужели и это, нет, тут не найду я твердости, целые недели я живу надеждою на твои письмы — и не получать их. О Наташа, это больно, очень больно. Это священные капли росы, которые падают на страдальческую душу, и ее хотят отнять,— но как бы то ни было, я готов вынести; может, этим мирится со мною провидение, может, это наказание, которым излечиваются угрызения совести, смываются пятны,— но наказание жестокое. Вот мои руки, куйте их в цепи, и я не поморщусь — но не получать писем от тебя... Вздор. Проклятие на толпу. Emilie в Москве теперь.

Emilie! Друг, ты найдешь средства доставлять мне, хоть изредка, письма от Наташи. Ты можешь тогда гордиться тем, что одна ты дала средства, чтоб душа моя не увяла под этими ударами.

Я хотел писать очень много, не могу; одна мысль, около которой обвилась душа моя,— это что не будет писем; пиши хоть маленькие, несколько строк... Пришла пора бросать маску; ежели не будет в самом деле писем, я напишу папеньке; буду требовать, мой голос имеет силу. И хоть бы малейшая положительная надежда на возвращение. Ну, провидение воспитывает круто, оно закаляет душу, как дамаскинный кинжал, а ежели душа не вынесет закала—ну, так бросить ее. А каково тогда будет брошенной душе; да дело не в ней, дело во всем человечестве, я понимаю это; частно может человек страдать, быть несчастным — ну попробуем силу, так и быть, есть что ли еще на душе, на сердце у меня место, в которое можно ударить,— надобно поискать, есть ли?.. Это смешно... Главный удар невозможен, твою любовь нельзя отнять; она останется при мне, остальное как-нибудь слажу. Твоя смерть — ей-богу, и это невозможно, тогда переломится орудие; нет, это невозможно. Прощай, ангел... ангел.— Нет, буду тверд, на смех им буду тверд; по следующей почте ответ на твои письмы.

Твой Александр.

На обороте: Наташе.

92. Н. А. ЗАХАРЬИНОЙ

13—20] января 1837 г. Вятка.

13 января 1837. Вятка.

«Александр простит Наташе».

Александр прощать тебе, прощать ангелу? О, я видел избыток любви, с которым были писаны упреки; нет, не прощать, а прижать тебя к груди и одними объятиями, одним поцелуем выразить всё, выразить и на минуту не существовать в этом мире, а вырвать эту минуту оттуда.— Я писал тебе давеча со слезами на глазах; не прошло 6 часов, как отправил письмо, и хочу опять писать. Когда же я дойду до предела любви, эта страсть, эта симпатия к тебе растет и пожирает кругом все мелкие чувствования — я нашел средство еще более полюбить тебя с тех пор, как грозит другая разлука — прекращение переписки.

Так ты боялась разом читать мое первое письмо о любви— ты хотела насладиться рассветом — ты задохнулась от этих слов, которые струею огня подымались с листа и жгли твое невинное, святое сердце, ты задохнулась от счастия; как живо вижу тебя с этим письмом в руке; рука дрожит, пылает лицо, грудь, душа— и ты моя, моя навсегда, погибла, как говорит Марья Ст⟨епановна⟩, начала жить полной жизнию,— скажу я. (Не правда ли, у меня с М⟨арьей⟩ Ст⟨епановной⟩ разный образ мыслей?) —Пусть пройдет эта полоса мрака и горести, ты найдешь на груди моей, найдешь все, чего искала мечта; клянусь, я еще более тебе дам блаженства, нежели мечта вмещает.

16 января.

Друг мой! Я писал сегодня в письме к папеньке: «Я могу против 15-го января 1837 года поставить отметку: *от души весело провел время*», и повторю тебе. Это было рождение Витберга. За несколько дней тайно от него готовили все мы живые картины. Я был антрепренер, директор и пр. Наконец, в самый день рожденья сцена поставлена, и он не знал, что будет. Картины сочинил я, и ты узнаешь в них мою вечную мысль, мысль о Наташе. 1-я представляла Данта, утомленного жизнию, измученного, изнуренного,— он лежит на камне, и тень Виргилия ободряет его и указует туда, к свету; Виргилий послан спасти его Беатричей. Дант был я, и длинные волосы, усы, и борода, и костюм средних времен придал особую выразительность моему лицу. 2-я — Беатриче на троне: Лучия — свет поэзии, и Матильда — благодать небесная, открывают вуаль; Дант, увидев ее, бросается на колени, не смеет смотреть, но она с улыбкой надевает венок из лавров. У меня слезы были на

глазах, когда я стоял у подножия трона — я думал о тебе, ангел мой. 3⟨-я⟩ — Ангел (роль Ангела была дана Полине) держит разверстую книгу, в ней написан текст: «Да мимо идет меня чаша сия, то яко ты хочешь...» Беатриче показывает грустному Данту этот текст — Лучия и Матильда на коленях молятся. Успех был более нежели ожидали. Александр Лаврентьевич по окончании взошел на сцену и со слезами, долго, долго жал в своих объятиях. «Как поднялась занавесь,— говорил он,— я увидел вашу мысль, и кто, кроме вас, взял бы Данта и религиозный предмет?..»— Я сам был тронут и жал руки этого дивного человека. Требовали повторения... Я первый раз слышал со сцены себе рукоплескания. Повторили. Потом Александр Лаврентьевич посадил меня на трон Беатриче и надел на меня лавровый венок... Я из рук великого артиста получил его — и отчасти заслужил.— Вот тебе, ангел мой, описание всего дня; да, этот день провел я прекрасно. Беатриче была m-me Wittberg.

Полина благодарит много, много за кольцо; она дивится множеству работы за ним. Я показал в твоем письме Скворцову его фамилью — он был в восхищенье, и в самом деле, ежели сильно слово иерея, который читает имена за здравие и упокой, то не важнее ли еще, когда имя произнесено ангелом, как ты.

Этот лавровый листок — из венка, коим увенчал меня Александр Лавр⟨ентьевич⟩,— сохрани его в воспоминание 15 января 1837.

18 января 1837.

Сегодня год, что умер Медведев. Как теперь помню, я лежал на диване у себя, когда человек пришел сказать... Я содрогнулся. Тогда же поклялся спасти бедную женщину и губил ее более и более, ибо дружба уже не принималась, искреннее участие получило другое истолкование. Ее надобно было спасти еще от двух других бедствий — от бедности и от гнусного преследования,— я и Витберг сколько могли сделали это. Что была бы она без Витб⟨ерга⟩ — этого представить нельзя. Что за преследование?— спросишь ты.— Погоди, когда приеду в Москву, я расскажу, и ты побледнеешь от ужаса и от презрения к людям. Ты увидишь тогда, сколько надобно было твердости с нашей стороны, чтоб стать прямо защитниками, щитом несчастной; увидишь тогда, что значит город за 1000 верст от Москвы — где все дико, свирепо и необузданно. Не думай, чтоб моя жизнь здесь была так тиха и спокойна, как воображают. Здесь интриги со всех сторон, партии, ссоры, и я лажу со всеми, ибо считаю всех равно недостойными, чтоб привязываться к одним более, нежели к другим.

〈20 января〉.

Недавно пришла мне в голову прегордая мысль: ежели ты так хороша, так небесна и изящна и отдалась мне совсем, совершенно, то не должен ли и я быть такой же... Да! Но во мне этот луч света раздробился, переломился, и он, может, ярче твоего,— знаешь, как пурпурно и блестяще стекло на разбитом месте, а в тебе он сохранился во всей чистоте и белизне.— Зачем в наших картинах не ты, ангел мой, представляла Беатриче!— Я решительно болен по нашему свиданью, ничто, ничто, даже и самые литературные занятия не могут теперь занимать всю душу. Ты... ты — и более ничего в груди, в голове, в сердце, в душе.

Времени нет. Прощай, ангел, святая моя, мое все, все, моя Наташа.

Твой Александр.

20 января.

На обороте: Наташе.

93. Н. А. ЗАХАРЬИНОЙ

30 января — 3 февраля 1837 г. Вятка.

30 января 1837. Вятка.

Слава богу, письма от тебя, слава богу — роса небесная пала на изнемогающее растение в степи. Встрепенулось оно и каждым листом пьет эту росу и пьет свет солнца и свет лазури, оживленное росой. Еще раз слава богу, так ко время пришли твои письмы, как нельзя более.

О совершеннейшей симпатии нашей и говорить нечего; провожая старый год, я писал точно то же к тебе, что ты ко мне, то же проклятие ему сначала и то же прощение в минуту смерти. Да, он был тиран удушливый, этот 36 год, но мы его знаем; все 12 частей его прожиты, а этот разве с радостным лицом явился? Последние годы нашей жизни похожи на историю римских цезарей, где ряд злодеев наследовал друг другу, где в минуту смерти какого-нибудь Тиверия народ отдыхал, чтоб через день страдать от Нерона. Я потерял веру в 37 год, он не принес с собою рекомендательного письма, 1835 вознаградил за себя 9 апрелем, 36 — ничем, а 37 явился с холодным лицом тюремщика.—Ты, я думаю, слышала об одном происшествии в Москве от маменьки или Ег〈ора〉 Ив〈ановича〉... Оно дает определение всему 37 году, как кажется.

По прошлой почте Полина получила письмо о смерти ее брата, которого она ужасно любила, который мог быть поддержкой для их семейства и которому было 25 лет. Тут-то вполне я увидел

недостаток человеческого языка; что я мог сказать ей в утешенье? Правило покорности определению — тут эта высокая мысль принимала характер пошлой проповеди. Положение ее было ужасно.— Теперь она больна сильной грудной болью. Уж не чахотка ли, а она к ней довольно расположена.— И после этого человек берется понять законы, по которым ведет провидение. Нет, их постигнуть невозможно. Человек понял высоким инстинктом, еще лучше — откровением, тот общий закон, по которому бог ведет человечество; он понял, что вся эта природа есть возвращение от падения. Но частности этого закона — тайна его. Наша жизнь разгадана; разве не ясно, для чего ты существуешь, для чего страдала, страдаешь. Даже самая смерть наша нисколько не уничтожит этой ясности, мы жили, мы не были праздны, я сливался с универсальной жизнию, ты —со мною, мы возвысили друг друга,— итак, тут есть цель. Возьми, с другой стороны, Витберга — точно то же, его жизнь полна, кончена, совершенна, богата. А эти существования как понять, *эти возможности* без развития, этих жаждущих — без удовлетворения? Не прелестна ли душа нашей Emilie, и она как будто родилась, чтоб видеть во сне один час призрак блаженства и потом за сон страдать всею жизнью. Но не тщетно же существованье их. Нет, я твердо верю в строгую последовательность и отчетливость провидения. Да самые страдания эти не очищают ли их душу, не направляют ли более к небу? Душа, много страдавшая, пренебрегает землею,— это-то и надобно. Недостаточно еще иметь чистых два, три порыва в две, три недели; надобно, чтоб все существование было этим порывом, а сюда ведет или блаженство высокое, гармония, или несчастия и борьба. Почему же тот способ избирается, а не другой? Верь, что избирается тот, который лучше ведет к цели; сомнение есть уже преступление. Но как найти твердости, чтоб спокойно переносить и тою же молитвой благодарить за удар ножом в сердце и за небесный цветок, брошенный ангелом? Как? Вот в этом-то вся и задача. Опять воротимся к чаше горькой и к молитве на Масличной горе. Но, признаюсь, этих сил я не имею; переношу... но не всегда без ропота... Оно, зная слабость, простит.

Зачем давала ты Дидротовым кухаркам «Встречу»? Для них это *набор слов*.

3 февраля 1837.

Давно ли, друг мой, я писал тебе о наших картинах из Данта, а теперь буду писать о театре. Я играл — и притом хорошо, вчера, перед всем городом, слышал аплодирование, радовался ему и был в душе актером. Вот тебе во мне новый *талан;* ежели когда буду в нужде, могу идти в бродячие актеры.— Не странно

ли, в самом деле, создан человек; душа моя, истерзанная страданиями, измученная — казалось бы, должна была разлить мрак на всяком действии — и бывают минуты такие, когда я боюсь оставаться один, бегу к людям от себя, и наоборот — могу иногда предаться веселости, дурачиться. Три недели готовил я с прочими участниками этот театр и занимались этим, как важнейшим делом.— Ну, довольно о вздоре.— Что преследования относительно писем? Пиши все, не давай мне волю делать догадки. Мне приходило в голову просить государя об отпуске и прямо сказать причину. Пусть увидят хоть одну записку твою, и тогда, ей-богу, меня отпустят — хоть на неделю. Здесь я нашел одну картину, в которой есть две-три черты лица твоего, весьма малое — но сходство, а может, и никакого нет; но воображение добавило,— я купил ее и часто, часто смотрю.

Ну, прощай же, ангел, сестра, писать некогда, да и устал еще от спектакля и от шампанского, и от того, что в 5 часов лег спать.

Целую, целую тебя.

Александр.

На обороте: Наташе.

94. Н. А. ЗАХАРЬИНОЙ

1837. Февр⟨аля⟩ 10.Вятка.

Ангел мой, опять письмы, опять письмы!

Я знал, что тебе более нежели понравится «Встреча»; вспомни же, что это не вымысел, что этот гордый несчастием человек и теперь жив, что я и теперь могу представить себе этот взор с струею огня, что его подарок цел, у меня. Прекрасный человек — и он не забудет нашу встречу. Со временем пришлю еще статей — они тебе нужны, они, как письмы, на целые часы могут заменить в разлуке меня.

С восторгом видел я в твоих письмах выписки из Шиллеровой «Иоганны»; ежели ты хоть и с трудом, но можешь читать «Иоганну» — то успех сделан, я тебе пришлю ее всю. Читай, читай Шиллера; он всю жизнь мечтал о деве, в которой бы была доля Иоганны и доля Теклы; он всю жизнь звал с неба ангела, он не принадлежал к этому миру — но этот ангел не слетел для него, и грустный звук заключил его жизнь мечтаний («Resignation»); в этой грустной песне он говорит, что кубок наслаждений не был им раскрыт; Наташа, могу ли я это сказать, имея тебя? Я ужасно счастлив, более, гораздо более, нежели заслужил. Высокая душа Шиллера должна была полуувянуть — она нашла только чол-отзыва. А тот мрачный, угрюмый Байрон, мученик своей души, и тот жаждал любви, любви высокой,

сильной, пересоздающей, как огонь, из камня в блестящее стекло. И Байрон ничего не нашел, он бежал холодной родины и с корабля кричал: «Прости, о родина, ночь добрая тебе» с чувством полного негодованья; он знал, что ни слезы, ни вздоха об нем там.— А я! Не слишком ли это для человека? Господи! мне страшно становится иногда — чем выкупим мы нашу любовь? Чем бы ни было, все равно, эта любовь дала мне все высокое, все изящное, пусть же во имя ее разит меня гром, пусть смерть — мне все равно. Да будет воля его... Читай же Шиллера; сначала, ежели трудно, это ничего, а я тебе доставлю что-нибудь из его сочинений.

О Emilie и о Полине мое мненье было в прошлом письме, теперь я понял страдания душ высоких; это горькая мера провидения; но пусть они поцелуют руку карающего — она их ведет к *полной жизни* на земле, к блаженству *там*. Ты мне напоминаешь разговор с Emilie о Гебелевой дочери, о, этот разговор, весьма ничтожный сам в себе, тысячу раз навертывался мне на ум — и всякий раз я скрыпел зубами, и кровью обливалось сердце...[1] любить. Но разговор с Emilie пророчествовал другое — это мою проклятую встречу с М⟨едведевой⟩.— Да; я вспоминаю его, и холодный пот на лбу, и волосы подымаются. Боже мой, когда поправлю я эту ошибку, когда заглажу это преступление... Доселе не сделан и первый шаг...

Я на тебя сердит (в самом деле) за то, что ты отрезала так много волос; это самоуправство; разве ты смеешь распоряжаться твоими волосами без моей воли? Все мое! Третью часть,— будто на браслет можно употребить третью часть косы; да я скорей отдал бы три пальца на правой руке. Впредь, сударыня, будьте осторожнее, а то буду ставить на колени — спиною к моему портрету — и не велю поворачивать головы.

На обороте: Наташе.

95. Н. А. ЗАХАРЬИНОЙ

14—17 февраля 1837 г. Вятка.

14 февраля 1837. Вятка.

Продолжая мысль, сказанную в прошлом письме (можете справиться), я сделал вопрос: стало быть, требования на жизнь были более, колоссальнее, изящнее у Шиллера, у Байрона, нежели у меня, и потому я удовлетворен, а они нет? Но это не токмо несправедливо, но даже я перегнал их. Требования Шиллера, напр⟨имер⟩, ясны, по его сочинениям можно легко вос-

[1] Далее отрезана верхняя половина следующего листа.— *Ред.*

становить тот идеал, которого осуществления жаждала душа его. Это вместе Иоганна д'Арк и Текла; даже наружность его идеала понятна. Я требовал не менее, о нет — и нашел в тебе более, гораздо более, нежели требовал.— Провидение хотело избаловать меня; но балованных детей наказывают впоследствии. Но с которой же стороны ждать это наказание? Со стороны частной, индивидуальной жизни моей — невозможно. Остается другая половина моего бытия, столь же существенная, столь же необходимая — общая, универсальная жизнь, поприще... Горе, ежели там; трудов не боюсь, несчастий не боюсь, но неудачи боюсь. А для частной жизни одной не живут люди с пламенной душой. Мне уже 24 года, и я еще не знаю, что я буду делать, я еще не отгадал приказ провидения, данный моей жизни. *Писать* или *служить*. Литературное поприще неудовлетворительно, там нет этой жизни в самом деле; служить — сколько унижения, сколько лет до тех пор, пока моя служба может быть полезна? Вот тебе, ангел мой, вопросы, занимающие меня в последнее время.

15 февраля.

Я думал о своих статьях, перечитывая начало повести «Там». Нет, все это ужасно слабо, едва набросаны контуры: смело, но бедно, очень бедно. Лучшая статья моя — «Германский путешественник». Право, ты увлекалась «Легендой», она же у тебя не поправленная. «Мысль и откровение» — хорошо потому, что тут нет повести, а просто пламенное изложение моей теории. Всё поправить надобно, а это-то и худо. Как же можно сделать лучше в холодную минуту то, что писано в жару одушевленья; и еще хуже, что во время этого одушевленья написанное неудовлетворительно.

Ты пишешь, ангел мой, что скоро всё узнают,— не знаю почему, а я очень желал бы, чтоб это случилось поскорее. Сопряжено с неприятностями, да что же делать! А ежели скорее они начнутся, то скорее будут прошедшими. Лишь бы мне добраться до Москвы. А ведь ты права, Наташа, что нам нечего будет рассказывать о разлуке, потому что мы были все время вместе. Знаешь ли, как ты верно изобразила те минуты, когда, несколько часов сурьезно занимаясь, я вдруг, со вздохом, и глазом и душою ищу мою Наташу, чтоб подарить ей мысль, потом и трудом нажитую. Именно так, как ты пишешь. Симпатия!

17 февраля.

Пишут из Москвы, что не получали от меня письма,— а я пишу всякую почту; стало, и твое пропало. Жаль, ибо ты будешь грустить, жаль и потому, что каждое письмо есть

продолжение одной нити, кольцо одной цепи, кольцо живое и необходимое. Да, по этим письмам к тебе можно восстановить всю жизнь мою с 1834 года. Тут мечты, надежды, страдания, восторги, падение, тут всего более *я* и, следственно, тут же сама ты. Как луч света, белый и чистый, преломляясь о камень, возвращается цветистым и ярким назад, так и твоя прелестная душа спокойно выливается в твоих письмах и принимает пурпур огня в моих и яркость луча преломленного. И летит опять к тебе так, как и преломленный луч бежит земли и стремится опять к небу.

Ложась спать, я засыпаю всякий раз с мыслью: днем ближе к свиданью... А оно не подвигается, и время, как носильщик, обремененный излишней тяжестью, кряхтя переступает с ноги на ногу, а путь-то далек! Но лишь бы он не останавливался. Там восточная звезда, там весь обетованная, там моя Наташа. К ней, к ней, и хотя б еще более страданий.

Emilie жму руку. Тебя целую.

Александр.

На обороте: Наташе.

96. Н. А. ЗАХАРЬИНОЙ

21—24 февраля 1837 г. Вятка.

21 февраля 1837. Вятка.

Ангел мой! Неделю целую мне что-то нездоровилось, было скучно, очень скучно — и, знаешь ли, чем я вполовину вылечился, или по крайней мере чем вылечил вполне душу — твоими письмами. О Наташа, Наташа... ты более, более нежели человек; слово человека не может приносить столько рая, столько счастья; слово уже убитое, на бумаге,— что же твоя живая речь, речь и взор... И все это мое!

Я с радостью увидел, что я в феврале прошлого года уже писал к тебе о тайне, которая тяготит меня, о пятне, ибо ты спрашиваешь от 1-го марта. Следств⟨енно⟩, я недолго скрывал от тебя своего падения; это меня утешило, а я, не помня, горько упрекал себя в скрытности, и к кому же — к Наташе.

Утро начинается, чист, свеж воздух, алая полоса пророчит что-то на востоке, все уже живо, все готово к чему-то — но солнца нет. Это твои письмы 1835 года. Наверное можно сказать, что скоро огненное солнце покажется и обольет своими лучами всё; но его еще нет, и потому в иных местах еще темно, шатко — но с определенным появлением любви твоя душа вдвое развилась и вдвое выросла. Вот доказательства: «Развлеченный

Дом в Москве, где родился Герцен (Тверской бульвар, 25).

новыми предметами, ты иногда забудешь, что в уголке Москвы живет Наташа»... и далее: «Послушай, если живешь долго в дальней стороне,— ты переменишься и при свиданье будешь только удивляться прежнему желанию видеться» (мая 28—1835 в Пермь).

Жизнь моя здесь становится с каждым днем несноснее; мало того, что я разорван надвое разлукою с тобою, мало ссылки, мало проклятой истории с М⟨едведевой⟩, прибавились еще такие отношения, что или будь честный человек и жди грому на голову, или поддайся самым безнравственным, самым отвратительным делам, самым гнусным унижениям — а могу ли я это? И при всем том совершенная безгласность. О господи, когда ты изведешь меня из этого города? Досадно, отвратительно...

22.

Сколько ни знай вперед всю гнусность людей, сколько ни будь разочарован, всё же нельзя быть холодным зрителем ябед, клеветы, интриг — а как надобно быть почти более нежели зрителем, о, тогда лучше еще 1000 верст, лишь бы спокойную жизнь. Ах, как часто я со слезою почти вспоминаю мою лачугу в Крутицах — там я был счастлив. Вчера, ложась спать, я живо представил себе весь ужас моего настоящего положения и невольно заключил молитвою — я редко молюсь; молитва в самом деле требует или детскую душу, или высокую простоту — но тут я молился от всей души; за что же, за что так тягостен мой крест и так мало сил? Я знаю, какая награда меня ждет — небесный ангел с небесной любовью, но разве эти частные гадости ведут к тому, чтоб сделать меня чище, лучше? Ко всему прочему еще новый удар Витбергу: у него уже обобрали всё, теперь хотят, так сказать, отнять и самые крохи от куска хлеба, уже исторгнутого из уст. Пришел приказ отобрать разные вещи у него и продать с аукциона.— И Ты всё это допускаешь.— Дивен путь провидения.

24 февраля.

И вот действие молитвы — вчера получил я письма, в которых мне дают более нежели надежды на скорое возвращение. Я ожил! Но погодим еще вполне предаваться радости,— тогда — там, склоняя мою голову на твою грудь, когда любовь будет литься эфиром из твоих глаз на мою душу, о, тогда — тогда я прощу эти черные годы, благословлю их, но еще не теперь. Впрочем, надежды очень велики — ежели и они лопнут? Что же? Провиденье знает, куда ведет и как. Но снова посылаю молитву к престолу божию, чтоб он окончил мои страдания.— Весна, весна, все оживает, все живет вдвое, птицы ворочаются.

Природа расковывается — может, и я вместе с природой раскуюсь и прилечу вместе с птицами — но не по одной дороге: те летят с юга, а я с северо-востока. Дорога — колокольчик — станции, города — Москва — ты. Тут все оканчивается, что имеет окончанье; тут начинается бесконечное, святое, небесное.

24 февраля.

Хотел было уже совсем кончить; но нет, жаль с тобой расстаться, еще что-нибудь скажу — ибо я весел... Ну, как же будет наше свиданье? Тысячу раз в воображении я его представлял с разными переменами, тысячу раз видел во сне... А страшно, сердце бьется при одной мысли, ей-богу, страшно, я боюсь тебя той боязнию, тем страхом, которым трепещет христианин, прикладываясь к потиру, принимая св〈ятое〉 причастие. На бумаге мы сделались храбры. Наташа, мне хочется хохотать, очень хочется, и плакать хочется очень.— Ну, а ежели это вздор и свиданье далеко-далеко... Это демон какой-то шепчет. Нет, пришло, кажется, время. Милый друг, ангел мой — может. к Святой я в Москве. Придумай же, как нам увидеться только на одну секунду, только обменять один взор без них, и в этом взоре будет всё: и благодарность за то, что ты спасла меня от меня самого, и любовь, и радость, и не одна моя любовь — и твоя любовь, и я увижу все это — и довольно, потом готов рассказывать о Николае Хлыновском княгине Марье Алексеевне, готов слушать, что «этот опыт должен показать мне, как надобно себя вести»— готов всё, что угодно: советы толстой попадьи, брань Макашиной, лай маленькой собачки — что, чай, она жива,— ну та мохнатенькая, на точеных ножках. Offene Tafel, придите все, бросайте в меня грязью, каменьями или, еще хуже, бросайте словами, я буду тих, спокоен, только в задаток тот взор, тот взгляд.— Много будет неприятностей, ха-ха-ха — не надобно ехать в Италию, там много комаров,— все неприятности — вздор, которые не отнимают клочка сердца и души, они капризны — склонят голову, потому что унизительнее верх взять, нежели покориться. Они будут вздор требовать — это-то и хорошо; кабы они дело требовали — беда бы с ними.— Вот как я тебе скажу о здешних неприятностях и за что я их нес, тогда дашь другой вес этому слову...

Весть о скором возвращении провела тигровым языком по сердцу, теплая кровь бежит того воспоминания, воспоминания.— Ну, прощай, может, *до свиданья*.

Emilie расцелуй.

Александр.

На обороте: Наташе.

97. Н. А. ЗАХАРЬИНОЙ

27 февраля — 3 марта 1837 г. Вятка.

27 февраля 1837. Вятка.

Друг мой! Это чувство страха, о котором я тебе писал в прошлом письме, совершенно мною овладело. Чем ближе подвигается время нашего свидания, тем сильнее оно... В два огромные года тебе был полный досуг идеализировать меня; все, что могло родиться в прелестной фантазии твоей, все было отдано этому существу, половина *я* и половина мечта твоя — и вдруг я являюсь; мечта уже не может иметь места, я оттолкну ее, а как должна быть изящна мечта святой, чистой души. И насколько я заменю ее другими достоинствами? Ну, не страшно ли, Наташа? Мне даже страшно увидеться с нашими, с домом, с комнатой — теперь я чувствую, что я одичал в казармах и в глуши. Сколько опыта горького и свинцового привезу я с собою в эту комнату, на этот диван, где бурно, безотчетно, вольно пенилась моя юность; не юноша склонит на него голову с мечтою несбыточной, но прекрасной — а человек, утративший половину своих верований, половину доверия к людям. О, как состарилась бы душа моя, ежели б твоя любовь не оживила ее! Ты и еще два, три человека любовью и дружбой выкупили для меня современное человечество; и Руссо не бежал бы в лес от людей, ежели б он имел хоть вполовину столько симпатии, сколько досталось на мой удел.— Вечная молитва благодарности провидению; я погиб бы без симпатии, и оно послало ангела и людей с душою, чтоб спасти меня.

Но не слишком ли я отдался мечте о возвращении? Не знаю — или внутренний голос обманывает, или я возвращусь скоро; он не молчит, как прежде, а громко указывает на Весну.— И неужели, когда я приеду, мы должны будем видаться tirés à quatre épingles[1], в неделю раз? Я думал и не нахожу средства — какая огромная жертва; но ежели мы принесли обстоятельствам почти 3 года, то будем жертвовать *им* днями — а там, почем знать, что и как будет. Перст божий указал тебе на меня, он тебе громко сказал 9 апреля: «Вот он, люби его»... (твое письмо от февр⟨аля⟩ 1836). Я сначала не вполне понял этот голос, но он громко и звучно повторил мне: «Она одна спасет тебя» — оставим же ему остальное, главное кончено; мелочи сами расположатся.

Ты, я думаю, досадовала на меня, что долго не получала письма, а письмо пропало здесь в почтовой конторе — и мне больно это.

---

[1] принаряженные, как визитеры (франц.).— *Ред.*

3 марта.

Прелестный браслет — благодарю, благодарю — нет, а имя твое на золоте хорошо; именно я рад, что оно вырезано; это для меня священный иероглиф счастья, блаженства, будущего; я часто пишу на бумаге твое имя и долго смотрю на него. Natalie! в этих 7 буквах выражено для меня большая половина бытия моего. Благодарю, ангел, горячий, пламенный поцелуй любви тебе... и поцелуй дружбы Emilie.

И письмы от 29 янв⟨аря⟩ и 15 февр⟨аля⟩ получил... Ответ ты знаешь.— *Я люблю тебя* — вот содержание всех писем. *Люблю, люблю* и *любим ангелом.*— Тут должна остановиться речь человеческая.— Я никогда не читал некогда весьма знаменитого романа «La nouvelle Héloïse»; на днях я нашел его здесь и принялся перелистывать; он весь в письмах — и я расхохотался. Руссо был великий человек, но он, должно быть, понятия не имел о любви. Эти письмы и наши письмы, тут все расстояние между пресмыкающейся по земле травою и пальмой, которая всеми листами смотрит на небо. Как у них любовь чувственна, материальна, как виден мужчина и женщина, и нигде существо высшее, которое он хотел представить. И эта женщина при первой мысли любви готова пасть и пала, а ведь как бы то ни было — падение женщины страшно, гнусно... По несчастию, я это знаю!..

Ну, вот какой я ветреный; в твоей записке лежала еще записка запечатанная; я, не смотря, распечатал, читаю — не ко мне, а к Emilie — и я, все думая, что зачем-нибудь прислана она мне, прочел всю. Pardon! И немного на тебя в претензии — из этой записки я вижу, что тебе и Emilie нужны деньги, и почему же ты не обратилась ко мне — я получаю с лишком 4000 в год; неужели я не могу прислать тебе? Сверх того, у меня со всех сторон кредит.— Что за ложная деликатность, и с кем же. Сейчас напишу маменьке, чтоб она доставила тебе что-нибудь на первый случай,— и вперед прошу адресоваться к Вашему покорному слуге.

Прощай, ангел мой, прощай. Ах, быть может, скоро я прижму тебя к груди моей, увижу твой взор!

Полина тебе кланяется дружески, искренно — вы очень коротко знакомы. Прощай же, пора быть будничным человеком и заниматься пустяками.

Твой в вечность

А л е к с а н д р.

На обороте: Наташе.

98. Н. А. ЗАХАРЬИНОЙ

6—10 марта 1837 г. Вятка.

6 марта 1837. Вятка.

Веришь ли ты в силу тех восточных талисманов, которые служили и лекарством тела, и лекарством души, в эти неодушевленные камни, изрезанные знаками и буквами и в коих осталась *Сила* человека, с верою вручающего? Я верю, я испытал это. Третьего дня мне было много неприятностей, ряд маленьких гадостей, ряд низких притязаний; я приехал домой раздосадованный, бросился на постель и не мог уснуть, я кусал губы и сердился; наконец, взял твой браслет... Нет, доселе еще не было вещи, которую бы я столько любил, которой бы столько радовался; я долго-долго смотрел на него. Это ее волосы, тысяча раз касалась рука ее, может, она поцеловала его на дорогу, может, она ему завидовала; и я целовал твой браслет и смотрел на него с такою любовью, с таким чувством. Все мрачное отлетело, сила влилась в грудь. А твое имя... Странная вещь, как будто я не могу его написать на всяком клочке бумаги; может, это ребячество, но твое имя, вырезанное тут, возле твоих волос, наполняет всю душу светом и небом.— Числа и года нет, и это хорошо; мы соединены вовеки; это имя есть моя молитва, времени ему нет. О Наташа, как я тебя люблю; одно чувство только поставлю я рядом с моей любовью — это твою любовь. Ты совершенно так же любишь меня, это на каждой строке, нет, в каждом дыхании. Есть люди, которые говорят, что все эти материальные памятники не нужны. Да, они правы в одном отношении: ежели б сам Рембрандт писал твой портрет, то все он не будет так хорош, как образ твой, начертанный в душе моей; но тем не менее эта внешняя опора фантазии подымает ее. Но, говорят, все эти вещи сами по себе ничего, а только одно воображение дает им цену. Однако когда усталый путник берет посох — хотя посох сам по себе и ничего не значит, но он ему заменяет часть тела.— Может, я долго бы грустил тогда; может, черные мысли бродили бы, как тучи, в голове, и голубое небо — ты — едва бы было видно, а твой браслет разом исцелил меня... Да и сами люди что же иное, как материальный знак своей души.— Ну, довольно философствовал.

Икона только свята для того, кто в нее верит; лампада светит для всего рода человеческого. Икона — средство для человека идти вверх. А лампада с неба унесла солнечный луч на землю. Вот тебе в ответ на воспоминание об этой мысли.

7 марта.

Вчера был год одному прелестному случаю со мной. Я привез весть утешения одному несчастному человеку, видел слезы

восторга на мужественном лице воина. Это одна из минут, которые остаются в памяти до гробовой доски.— Я писал тогда, справься.

В сотый раз повторяю: что такое за гадкая жизнь в маленьком городе, вдали от столиц, где все трепещут одного, где этот один распоряжается, как турецкий паша. Нигде нельзя видеть ниже человека, как в каком-нибудь захолустье à la Wiatka. Надобно признаться, урок очень полезный — прослужить два-три года в дальней губернии. Там в столице хоть наружность приличная, а здесь все открыто; там метут грязь, а здесь она по колена!

10 марта.

Ангел мой, надежды подтверждаются. Боже мой, как волнуется кровь, как бьется сердце при этих словах. Я прижму к груди своей эту небесную, эту святую, этот идеал мой — которой я молился два года и которая казалась так же недосягаема, как небо. Нет, тысячу раз думая, представляя, я не могу постигнуть, как мы увидимся; священный покров лежит еще на этой минуте, мы сорвем его и полетим в объятия друг друга.— Я теперь ничего не делаю, не могу ни о чем думать, кроме об отъезде. А горько будет, Наташа, ежели и эти надежды лопнут,— хоть бы взглянуть мне дали на тебя, в цепях бы свозили в Москву на полчаса — и были бы опять силы на год.

Твой, ангел мой,
твой А л е к с а н д р.

Emilie кланяюсь дружески; она, верно, не сердится, что я к ней не пишу. Ей-богу, мне трудно писать к кому б то ни было, кроме тебя.

На обороте: Наташе.

99. Н. А. ЗАХАРЬИНОЙ

20—24 марта 1837 г. Вятка.

20 марта.

Наташа, друг мой, ангел мой, вот уже три недели — и нет письма, тяжело, больно — я вяну, блекну, когда нет этой животворной росы; я делаюсь хуже, падаю, теряю силу. С нынешней почтой я ждал наверное; получил несколько писем, с восторгом распечатал — и ни строки от тебя. Маменька пишет: «На этот раз от Наташи послать нечего, вероятно, будет к следующей почте».— Наташа, я не в упрек тебе говорю, и я знаю, ежели б ты могла, всякий день писала бы,— нет; но, друг мой,

мне тяжело быть без писем, и потому я говорю об этом.— Надежда на свиданье еще продолжается; мечты о свиданье беспрерывно занимают душу, они принимают, так сказать, плоть и тело — когда-то осуществятся совсем? Что, ежели 9 апреля придет мое освобожденье, в этот великий день моей жизни?

На днях мое рожденье. Двадцать пять лет! Ничего не совершено, многое прожито, пережито, и странно, необыкновенно прожито; для большей части людей, встречавшихся со мною, я был бесполезен или вреден, но для тебя, для Ог⟨арева⟩... Тут нечего и говорить; я с гордостью признаюсь, что я для тебя был и буду всё — следственно, тебя так же, как и меня, можно поздравлять с этим днем, и еще более.

21 марта.

Никогда не бывает в жизни человека полосы совершенно светлой, без малейшей примеси тени; казалось бы, может ли быть безусловнее радость, как мой отъезд отсюда,— однако я предвижу, что мне очень грустно будет расстаться с Витбергом — я так свыкся с ним, у нас так много симпатии, и я знаю, что для него трудно и горько будет остаться одному, а здесь уже никого не останется, в чью душу он мог бы перелить свои высокие думы и чувства,— даже жена его при всех достоинствах не может вполне обнять великого человека; о, она не Наташа, которой я смело могу доверить и думу и мечту. А трудно жить одному — как египетскому обелиску, исписанному иероглифами, середь степи, где не бывает нога человеческая. Господи, исторг⟨ни⟩ его из этого бедственного положенья, вознагради за все злое, что сделали ему люди. Жаль будет мне и Полину — но, кажется, судьба для нее меняется: один человек, о котором я раз тебе упоминал, Скворцов, страстно любит ее,— человек прекрасный, благородный и образованный, лучший из всех жителей Вятки; вероятно, он женится на ней; жаль, что доселе я в ней не видал любви к нему, но грешно не любить человека, так сильно любящего; с ним она может быть счастлива. Жаль Мед⟨ведеву⟩... Что ей предстоит? Бедность, беззащитность и глубокое проклятие прошедшему, и безнадежный взор на будущее, и всё зло, которое я сделал ей par dessus le marché[1]. И моя вятская жизнь не бесцветна, и она оставляет воспоминания; вот доказательство, что не вне души, а внутри ее заключается наша жизнь, как в семени целое дерево, внешнее — только условие развития. В Вятке я сделал переход от юношества в совершеннолетие; странно, в Москве я еще не успел оглядеться после университета и узнал людей без маски в Вятке — тут их скорее можно узнать, ибо люди здесь ходят по-домаш-

[1] сверх всего (франц.).— *Ред.*

нему, не давая себе труда скрываться.— Но не ребенок ли я? Кто не подумал бы, читая эти строки, что они писаны за день до отъезда; но верного ничего нет, и легко может быть, что еще черный длинный год перейдет через мою голову здесь. Прощай, эта мысль облила меня холодом. Целую тебя.

24 марта.

Тысячу раз говорил я тебе, что счастье мое не имеет пределов. И после этого скажут, что человек никогда не бывает доволен. Господи, я более ничего не требую от тебя. Пусть продолжится ссылка, пусть люди гонят меня — я счастлив, счастлив. Письма от тебя заменили все черное светом и вдруг приносят еще письмо — и это письмо от Ог⟨арева⟩. С августа 1835 — первое! Нет, Наташа, не могу ни высказать, ни даже чувства привесть в порядок. Я плакал, читая его письмо, я поцеловал эту бумагу, писанную его рукой; такого подарка я не ждал в свое рождение.— Он еще более стал, еще выше и так же пламенно любит меня.— Надобно послать тебе список с его письма, удивляйся ему, на колени перед ним.

С тем вместе решилось ужасное сомненье: *кто она*, избранная им. Вот письмо от нее ко мне. Нет, обыкновенная женщина не может написать *так* к незнакомому, она достойна его. Оцени его дружбу, вот первые строки его письма:

«Наши сношения редки; только два раза с тех пор, как мы не видались; как долго носил я эти письмы с собою, как много слез пролил над ними, и, наконец, их нет; следы их в памяти слабее, реже, и вот становишься ими недоволен, припоминаешь черты знакомого лица, хочешь быть с ним вместе, хочешь обнять брата родного по душе и ловишь призрак, призрак исчезает, и на сердце становится тяжело и черно!!»

И какая уверенность во мне; велик, велик человек, умеющий так чувствовать. Ты будешь другом его Марии, он сам будет другом тебе.— Волнуется душа, но это не буря, это игра океана; теперь я силен, теперь я высок. Радостно встречу 25 марта с твоими письмами в одной руке, с его письмом в другой. Я богат, ужасно богат. Кто дерзнет теперь со мною состязаться — одна ты и один он.

Отвечать на твои письма теперь не стану — потому что не могу — и слишком много хочется передать, и терпенья нет говорить. По следующей почте напишу ответы... Теперь оставь меня в упоенье любви и дружбы, теперь поцелуй меня; я теперь хорош, я чувствую это — но это «теперь» не всегда — опять запылюсь, опять сделаюсь будничным человеком.

Зачем же тебе пришла в голову такая нелепая мысль, когда ты читала «Живописец»? Ты Веренька. Ха-ха-ха, это из рук вон. Ты, перед душою которой я повергался в прах, молился,— ты

сравниваешь себя с обыкновенной девочкой. Нет, тот, кто избрал так друга, тот не ошибся и в выборе *Ее*... Как будто я вас сам избрал. Не господь ли привел вас ко мне и меня к вам?

Прощай. Светло на душе!

Этим словом я редко оканчиваю письма.

Твой Александр.

Ежели будет досуг и терпенье, по той почте пришлю список с письма Ог⟨арева⟩.

Ты скрывала от Ег⟨ора⟩ Ив⟨ановича⟩ твою любовь ко мне. А зачем?— Я скрыл от Мед⟨ведевой⟩, но тут есть причина... Он пишет об этом мне.

На обороте: Наташе.

100. Н. А. ЗАХАРЬИНОЙ

25—31 марта 1837 г. Вятка.

25 марта 1837.

Тебе, тебе, ангел мой, посвящаю я этот день; он велик для тебя так же, как мне 22 октября. Друг мой, сестра, тобою узнал я, что и здесь доля блаженства райского — нельзя оценить того, что ты сделала мне; но чему ж дивиться? — чистый ангел, ангел божий и мог только воскресить Абадонну, о! и во мне было прежде все непомеркнуто, чисто, как в твоей душе, иначе ты не любила бы твоего Александра, он не был бы твоим — ты возвратила мне небо; велик твой подвиг, но велика и любовь моя; ей нет пределов, это не та любовь, *которая проходит*. Умри — и твой Александр явится туда к тебе с тою же любовью; он не может еще раз любить, судьба решена — но зачем эти пятна на моей душе, которые я так хотел бы соскоблить и которые, как кровь, опять выступают. Как хотел бы я юношей чистым заключить тебя в мои объятия — но прошедшее «вечно немо»,— оно прошло, и поправки сделать невозможно.— Вот я вижу тебя, ты думаешь обо мне; нет, не думаешь, думать — это что-то холодное, думать можно и об Макашиной, нет, ты, ты... я, ты тут со мной, о, дай же я прижму тебя к груди; эта грудь много волновалась, много страдала, но в ней все поглощено тобою... Прощай, идут.

29 марта.

Ты права, положение наше в Москве будет ужасно, и именно ужасно своей мелочностью; грандиозное, высокое исчезнет в несчастиях, и останутся неприятности гадкие, подлые. О вы — и вы смеете иногда называть себя родными.

Конечно, преодолев такие огромные несчастия, мы победим их; но хуже всего — это самая ничтожность всех гадостей, которые будут делать против нас. Это похоже на зубную боль — болезнь вовсе не опасна, а делает мучений более иной смертельной болезни. И надобно до времени *им* покориться, я первый склоню голову; не смешно ли, я, выдержавший натиск стольких неприязненных сил твердо, смело, должен смиренно вынесть каприз Макашиной. Но есть бог! Впрочем, мы и там можем переписываться, хотя я далеко не ставлю рядом живую речь с мертвым письмом. Об немецком языке не заботься, была бы охота, и лишь бы я был в Москве.

Ты совершенно права насчет службы, но ведь и одной литературной деятельности мало, в ней недостает *плоти*, реальности, практического действия, ибо, право же, человек не создан быть писателем; письмо есть уже отчаянное средство сообщить свою мысль. Как же быть? — об этом поговорим после; кое-что я придумал, но все это хаос, сброд проектов; мне нужен О⟨гарев⟩, его глубокий взор, его высокая душа пусть решит — покаместь он за путешествие телом и душой. A propos, списка с его письма не пошлю, прочтем его вместе, я отвечаю по этой почте; я ей писал о тебе; что? Сама догадаешься.

Зачем ты против свадьбы Emilie, ежели она полагает, что *любовь проходит;* впрочем, и я уверен, что любовь без уваженья может *пройти*. А какое уваженье могла она иметь к S., который к прекрасному лицу вприбавок имел душу хорошую, но без всякого характера. Она гораздо выше его. Сверх того, стало, не было тут перста божия, ежели и он нашел средство, чтоб *любовь прошла*... Как-то ⟨...⟩[1]

31 марта.

Ангел мой, прости, что мало пишу, опоздал. Целую тебя, милый друг, моя Наташа. Вспомни, что сегодня 2 года, как читали нам сентенцию. Еще, еще целую.

А л.

На обороте: Наташе.

101. Н. А. ЗАХАРЬИНОЙ

3—7 апреля 1837 г. Вятка.

3 апреля 1837. Вятка.

Март прошел в беспрерывных ожиданиях, ежели что будет, то непременно до половины мая — итак, опять ожидания, волнения, надежды, трепет радости и трепет страха. Хуже все-

[1] Отрезана верхняя часть следующего далее листа. — *Ред.*

го, что я теперь не могу ровно ничем заниматься. Возьму книгу — и мысль свидания, вечная мысль о тебе, останавливает, и я бросаю книгу, и все так любимое мною в занятиях кажется теперь сухо, холодно, мертво перед мыслию любви — но это пройдет, я деятелен по характеру, и как будто самая любовь похожа на dolce far niente[1] итальянцев, которые любят ни о чем не думать. Нет, она сообщает всему бытию какой-то взгляд особый, изящный, она разливает даже в чертах лица поэзию и блаженство. Наташа, есть люди, которые никогда не любили; это дурные люди, или дураки, которым глупость загородила душу от всех чувств, или холодные эгоисты, которые собою загородили от себя весь мир. Говорят, что были люди, которые с открытыми объятиями, с теплой душой вступили в мир и не нашли привета — я не совсем верю этому; конечно, толпа может хохотом принять живое чувство, но будто не найдется *одна душа* симпатическая, а разве не довольно одной души, твоей души мне, моей души тебе? Может, были в самом деле, как исключение, такие несчастливцы, но не так, как говорят нынешние поэты. Тассо был очень несчастен, любивши принцессу Элеонору, но он был наружно несчастен—Элеонора любила его, и он, собственно, был несчастен оттого, что, сын страны полуденной, не мог подняться до любви бестелесной, идеальной, которая была у одного Данта, и то потому, что Беатриче умерла, когда Дант был в первой юности. Кстати, между тысячами дурачеств, которые все повторяют, находится общее правило всех романов: «Препятствия усиливают любовь». Что за жалкий народ, говорящий подобные сентенции. Как будто стройное, гармоническое чувство, спокойно, величественно развивающееся, ниже, слабее бешеного, сломанного чувства, в котором звук отчаяния пересекает звук блаженства. Как будто Океан в тихую минуту менее изящен, нежели поток, сердящийся на колесо мельницы. А может, эти препятствия и нужны для душ без энергии, чтоб их расшевелить. Плохие поэты пьют водку для того, чтоб прийти в восторг. Но гений, Гёте, Шекспир — не унизит себя до насильственного средства, да оно ему и не нужно, так, как не нужно костыля здоровому. Толпа имеет свои афоризмы, свой катехизис, где всё по их мерке, все пригнано к их уродству, к кривым глазам, к горбам на их душах. И они верят в свои правила твердо, незыблемо, и этих правил тьма у них на все случаи. Слыхала ли ты от них, что после брака любовь простывает? Это — pendant к предыдущему, и опять в своем отношении они правы; ежели в *жене* видеть одну физическую *женщину*, ежели любовь основывается на одном хорошеньком лице — то правило верно. А разве у них

[1] прелесть ничегонеделанья (итал.).— *Ред.*

бывает другая любовь?.. Но что тут и толковать, дай бог, чтоб толпа поправила свою уродливую душу,— это и будет, но когда?..

— Что вы находите так много и часто писать в Москву? Это страсть марать бумагу,— сказал Витберг.

Я улыбнулся — и не сказал ни слова, он не знает о моей любви, он не знает тебя, прощаю ему. Впрочем, ежели б и знал, он всего не оценил бы, ему 50 лет, и его жена — хорошая, добрая, очень неглупая женщина, так, как бывают женщины хорошие, добрые и очень неглупые. Ее можно любить, целовать, холить — но делить с ней душу, всякую мысль нельзя; она не подымется на твою высоту, я был бы несчастлив с такой женою. Он счастлив — погруженный весь в одну мысль своего дивного труда и своих несчастий; он, так сказать, одни минуты отдыха делит с нею. Горе, ежели он когда-нибудь потребует более!— А ты сравнивала себя с Веренькой Полевого — и через несколько дней сердилась на меня, что я сказал, что ты прибавила мне чистоты твоей небесной фантазии. Будто ты не знаешь, как сходны, созвучны наши думы. Я знаю, что ты меня любишь со всеми недостатками, словом, так, как я есть,— так любит Ог⟨арев⟩ меня, и, признаюсь, я не могу полной дружбой платить тем, которые любят мои таланты, а не меня самого; чтоб любить достоинство, на это еще нет нужды быть другом, на это надобно одно только уменье оценить. Но при всем том, ты не можешь знать многих недостатков и пороков во мне и, сверх того, как естественно тому, что мы любим, придать еще и еще достоинство. Я себя, напр⟨имер⟩, никогда не сравнивал с Phœbus de Chateaupers (в «Notre Dame de Paris»), а ты не побоялась унизить себя до Вереньки. Кто прав, mademoiselle?? Верь же, верь, мой ангел, что мой выбор, т. е. выбор провидения, был не ошибочен; ты — все, что требовала моя душа, все и еще более, нежели я требовал.

Полина все так же мила, все так же от всей души любит тебя и кланяется всякий раз. Да, я хотел тебе написать: в прошлом письме ты спрашиваешь о *Соколове*, т. е. о Скворцове. Вниманье к друзьям, которые и здесь отогревают мою душу! Скоро 9 апреля — большой праздник в нашем календаре, крест в кружкѣ, это *благовещенье* нашей жизни. Прощай, иду к губернатору обедать; опять будни, опять душу застегнуть, унижения... Но у меня есть ты...

6 апреля.

Как ты хороша, ангел мой; вся эта душа, чистая и развитая одной любовью, выражена на твоем прелестном лице, в твоих глазах. Я так хорошо, так хорошо видел тебя во сне. Мы сидели на диване — я долго смотрел на тебя и прижал к своей гру-

ди... Весь день носился этот образ передо мною. Кто поспорит со мною в счастье! А вот я тебе расскажу вздорный случай, но я был от него в восторге. На днях один знакомый шутя начал раскладывать карты, надобно было загадать несколько дам; я загадал тебя на червонной даме, и 4 раза лег червонный валет подле нее. Повторили гаданье, и вышло опять то же; признаюсь, я был вне себя от радости. И тут, и тут воля Его должна была подтвердиться.

Однако ж *будущие* московские неприятности часто приходят мне в голову, доселе я не предвижу ни малейшего средства пособить этому; а ведь грустно нам будет иногда от этих мелочей, очень грустно! Ты пишешь: «Скорей к концу, скорей решенье». Да как, где же возможность? Или я твердой волею разобью песочные камни капризов и предрассудков — не смею надеяться; ты права, в наружном отношении мы несчастны, но наружное преходяще, а внутреннее вечно, как наша любовь, а с нею и блаженство. Наташа, неужели отец может отвергнуть горячую, пламенную просьбу сына, неужели отец своей рукою может из рук сына вырвать чашу питья небесного и заставить его пить из лужи? Разумеется, я чашу не пущу из рук; но горько же видеть руку отца, протягивающуюся для того, чтоб отнять ее, — а может, она протянется, чтоб благословить! Может быть... — а плохо верится. «Не захочет огорчить сестрицу». Ха-ха-ха, это было бы похоже на то, чтоб врач, боясь разбудить спящего, не пошел бы на помощь умирающему. Досадно, черные тучи подымаются там, где я хотел бы одно яхонтовое небо, светлое, как твое чело, голубое, как твои глаза...

7 апреля.

Душа моя, я сейчас писал письмо к княгине и приписку к тебе, и мне так было смешно, что я мог бы написать целый лист глупостей... Мочи нет, смешно; я, твой Александр, я моей милой, прелестной подруге, моей Наташе, пишу деликатно-вежливое письмо.

Я передал Эрну твое воспоминание о нем; его маменька кланяется тебе; она истинно добрая, прелестная старушка, любит меня от всей души, холит, как сына, бранит, как сына, и помнит тебя, а кто хоть раз видел тебя, тот уже в моих глазах имеет огромные права. Прощай, моя... да как бы тебя назвать? все мало... моя божественная Наташа, мой серафим, мой ангел-хранитель.

Нет еще светлой вести о свободе.— Ах, и страшно, да лишь бы тебя обнять, лишь бы впить в себя свет твоих глаз, как пьет подсолнечник лучи солнца.

Прощай! Полинино кольцо уже начинает осыпаться, несмотря что она его вставила в золото. Браслет всегда со мною, но не на руке,— чтоб глаза *толпы* не смели видеть.

Александр.

На обороте: Наташе.

102. Н. А. ЗАХАРЬИНОЙ

9—14 апреля 1837 г. Вятка.

Ангел мой, сегодня *девятое апреля!* Два года! и доселе еще не кончено. Тяжко... Господи, да мимоидет меня чаша сия!..

Твоя душа — вот моя награда, вот мое блаженство, и наша симпатия не токмо в каждом чувстве, но даже в самых словах; вчера получил я твое письмо (от 17 мар⟨та⟩ до 24), и ты в нем пишешь, что в нашей жизни 9 апреля есть благовещение, то есть слово в слово, что я тебе писал за день до получения твоего письма (от 7 апреля).— Ты говоришь еще о симпатии молитвы; нет, Наташа, у меня утрачена эта чистота души, которая тебя подымает к Нему. Молись ты обо мне, тебе назначено меня спасти, молись же. Еще недостаточно иметь святое чувство религии для того, чтоб уметь молиться; как я могу перед ним стоять на той же высоте, на которой ты стоишь? Вся твоя жизнь — одно чистое дуновение ветра, одно утро весны, твои детские уста привыкли к молитве, с ней засыпала ты, с ней просыпалась, и потом эта молитва переплелась с любовью чистой, высокой — больше не было у тебя чувств, вся жизнь твоя сведется на них, даже не было рассеяния, даже не было материальных удобств жизни. А я — рано разбудили мою душу мечты и мысли, и не было чистоты в этих мечтах, гордость и самолюбие захватили душу, и одно чувство дружбы спасало меня от холодного эгоизма.— Знаешь ли ты, что до 1834 года у меня не было ни одной религиозной идеи? В этот год, с которого начинается другая эпоха моей жизни, явилась мысль о боге; что-то неполон, недостаточен стал мне казаться мир, долженствовавший вскоре грозно наказать меня. В тюрьме усилилась эта мысль, и потребность евангелия была сильна; со слезами читал я его — но не вполне понял; доказательством тому «Легенда»; я выразумел самую легкую часть — практическую нравственность христианства, а не само христианство. Уже здесь, в Вятке, шагнул я далее, и моя статья «Мысль и откровение» выразила религиозную фразу, гораздо высшую. Но путь, которым я дошел до веры — не тот, которым ты дошла; ты вдохнула веру при первой мысли— может, еще до нее, она тебе далась, как всему миру,— откровением; ты ее приняла чувством, и это чувство наполнило и мысль,

и любовь. Со мною было обратно: я так успел перестрадать и пережить много, что увидел с ужасом на 23 году жизни, что весь мир этот — суета суетствий, и, испуганный, стал искать отчизны души и место покоя.— Первый пример были апостолы и святые; в них я видел именно тот покой, которого недоставало в моей душе. Отчего же? От веры — надобно же было узнать, что такое верование; но у меня недоставало чистоты понять евангелие — тогда-то провидение сделало чудо для меня, послало 9 апреля. Этот переворот был огромен; тебе, может, странно, что я, сильный и высокий человек в твоих глазах, был совершенно пересоздан тобою в несколько часов, в которые ты не говорила ни слова,— но это так. Тело отстало от души, я уснул, и сон мой, начальная жизнь в Вятке, была последняя дань пороку — проснувшись, я другими глазами взглянул на природу, на человека и, наконец, на бога; я сделался христианин, и пламенное чувство любви к тебе усилилось благодарностью. О Наташа, Наташа, как велик этот день 9 апреля в нашей жизни! Но, при всем этом, до молитвы далеко; молитва у меня бывает, как молния, мгновенна и ярка в минуту сильной горести, в минуту сильного восторга, в обыкновенное же время нет потребности. Ум действовал у меня прежде сердца, и вот следы. Молись же, ангел, за меня, молись! Ты всегда возражаешь мне, когда я ставлю себя ниже тебя; я и не ставлю свою любовь ниже твоей — но то, что я понимаю очевидно, ясно,—это утрата чистоты душевной. Наташа, ты будешь счастлива; твоя душа, тихая, кроткая, небесная, будет радоваться моей душой, как поэт радуется бурному морю; ты будешь счастлива одною мыслью, что этот человек, отдельный от толпы, бурный и огненный,— тебя любит; но зачем же мне лгать на себя: во мне все элементы земли с стремлением туда, в тебе — небо, нисходящее на землю. Я однажды писал: ты — луч света, чистый, падающий на мрачную планету; я — отраженный землею, переломленный луч, утративший белый цвет и возвращающийся пурпуром. И не верна ли твоя вечная мысль, что мы составили одно существо?

10 апреля.

Не в том ли и состоит жизнь всего человечества, чтоб, наконец, выразить собою одного человека, одно существо, одну душу, одну волю; и это человечество сплавившееся — Христос, это его второе пришествие, возвращение к богу. Для этого не нужно сходства нравов, а сходство душ. Я и Ог⟨арев⟩ — совершенно разнородные люди снаружи, и оттого-то мы так тесно соединены; в нем спокойствие убеждения, мысль почившая; я весь — деятельность, и потому вместе мы выражаем мысль и деятельность; так и ты будешь выражать непомеркнутое, чистое

начало человека, а я — человека земного, вместе мы — и ангел, и человек. Представь себе все человечество, соединенное так тесно любовью, подающее друг другу руку и сердце, дополняющее друг друга,— и великая мысль Творца, и великая мысль христианства откроется перед тобой. Что мешает этому соединению? Тело в смысле материальном, эгоизм в смысле духовном — вот орудие, которым действует Люцифер против воплощенного слова.— Когда будем вместе, я вполне передам тебе эту религиозную мысль... Впрочем, она у тебя была прежде, нежели я писал; в одном из твоих писем была она, только иначе сказанная.

10 апреля.

Последняя минута в Крутицах была посвящена тебе. Написавши несколько строк, мне стало легче. Сердце мое затворилось, горесть перешла границу, лилась мимо. Я не плакал, но чувство гадкое овладело мною, когда жандарм сел на козлы.— Я простился за заставой, бросился в коляску и молчал; колокольчик зазвенел, ямщик начал кричать, я слушал со вниманием. Вдруг жанд⟨арм⟩ стих на козлах, обернулся к Москве, снял фуражку и перекрестился на Ивана Великого — сердце мое сжалось; но я не хотел взглянуть ни на Москву, ни на Ивана Великого и курил сигару, завернувшись в плащ... Петр говорит, будто иногда слезы катились по щекам, не помню; а знаю, что я дал извозчику четвертак, чтоб он скакал сломя голову. Это было ровно два года тому назад, почти в то же время, как я пишу теперь.— Я тебе писал из Перми о ужасном чувстве, когда я переправлялся через Оку; разлив был широк, паром, казалось, был неподвижен, а берег отодвигался; мне было жаль его, с этим берегом отодвигалось все родное от меня и надолго... В Пермь я въехал без особых чувств, но в Вятку я приплыл по разлитию, и мрачное чувство овладело мною, я думал: вот вход в чужой город, который запрется для меня; это испытывает зверь, попавшийся в тенета; о, растворитесь же, вороты, родимый берег, родимый город, возьми меня назад. Там небесная дева томится разлукой; к ней, к ней. Прощай, будем надеяться; а пора, ей-богу, пора...

11 апреля.

Я перечитал написанные строки, и опять вспомнилось мое путешествие; быстро мелькали города, нигде не останавливался и все смотрел с тупым вниманьем человека, которого сейчас разбудили. Вся эта дорога оставила одно воспоминание, как я чуть-чуть было не потонул на Волге; разлив был с лишком на 15 верст, и буря ужасная. Река и разлив волновались, как море; огромные и широкие волны били в дощаник, легкий,

Дом в Вятке, где жил Герцен в 1835—1837 годах.

тонкий, сколоченный из нескольких досок; пьяный татарин поднял парус; его тотчас сломало и бросило нас в пень дерева; корма проломилась, вода струею потекла.— Первая минута была ужасна; 5 верст от одного берега, 10 от другого. Петр начал плакать, татарин — молиться, а провидение бросило на мель дощаник, и через час его поправили, и через три часа, несмотря на бурю, я уже приехал и, сидя на берегу, ел печеные яйца. Тут я испытал опять твердость характера; первую минуту меня обдало холодом, но мгновенно явилась мысль веры в провидение, и я, закутавшись в ергак, с совершенным спокойствием смотрел, чем кончится эта история. Солдат хотел послать за другим дощаником; я не велел, я уверен был, что провидение не сорвет так рано едва распускающуюся жизнь,— и надежда моя была верна. Впрочем, я, кажется, уже писал тебе об этом; итак, «простите повторенье!»

13 апреля.

Я писал, чтоб тебе подарили от меня перевод Шекспирова «Гамлета»; читай его со вниманием, это великое творение; в будущем письме скажу несколько слов об этой трагедии — она в себе заключает самую мрачную сторону бытия человека и целую эпоху человечества.

14 апреля.

Ужасно, ежели ты в мае уедешь в деревню; я без внутреннего бешенства не могу вздумать об этом. 20 верст и, может, раз видеться. И приехать, когда уж тебя не будет...

Прощай, ангел, божество, друг мой. Прощай.

Твой А л е к с а н д р.

На обороте: Наташе.

103. Н. А. ЗАХАРЬИНОЙ

17—21 апреля 1837 г. Вятка.

17 апреля 1837. Вятка.

Я говел — дурно, рассеянно; только утром в Великую пятницу немного исправился, написав коротенькую статейку, вроде продолжения статьи «Мысль и откровение». Нет, нам уже трудно сродниться с церковными обрядами; все воспитание, вся жизнь так противуположны этим обрядам, что редко сердце берет в них участие. Вникая в обряды нашей церкви, в них открывается глубокий, таинственный смысл, но привычка к практическому, материальному делает то, что мы умом, а не сердцем разбираем их... А может, надобно иметь более

невинную душу? Формы действуют лучше на народ; они подавлены ими, и, не ища далее, не понимая их, они молятся усердно...

В прошлом письме я обещал тебе несколько слов о Шекспировом «Гамлете». Человечество живет в разные эпохи по двум разным направлениям: или оно имеет верование, и тогда все искусства запечатлены религиозностью, надеждою на лучший мир, или оно низлагает верование, и тогда что за удел поэта — небо у него отнято веком; люди, ломающие веру, обыкновенно гнусны; в собственной душе находит он пустоту, и ему остается два чувства: проклятие и отчаяние. В такую-то эпоху жил Шекспир; внимательно пересмотрел он сердце современников и нашел порок и низость, и вот поэт с негодованием бросил людям их приговор; каждая трагедия его есть штемпель, которым клеймят разбойника; в Шекспире нет ничего утешающего; глубокое презрение к людям одушевило его, и даже сострадания в нем нет; он прямо указывает на смердящиеся раны человека и еще улыбается. «Гамлета» можно принять за тип всех его сочинений и, несмотря на то, что я 10 раз читал «Гамлета», всякое слово его обливает холодом и ужасом. Гамлет добродетелен, благороден по душе, но мысль отомстить за отца овладела им, и, когда он поклялся отомстить убийце отца, тогда узнал, что этот убийца — его родная мать. И что же с ним сделалось после первого отчаяния — он начал хохотать, и этот хохот адский, ужасный продолжается во всю пьесу. Горе человеку, смеющемуся в минуту грусти, душа его сломана, и нет ей спасенья. Вот тебе, ангел мой, введение, остальное ты сама увидишь; кроме сильнейшего гения, никто не сладил бы с такой трудной темою, но душа Шекспира была необъятна.

18. Ночь.

Христос воскресе, Наташа! Ангелы поют славу Его — итак, пой славу Его. Я сейчас из собора, дивное служение, что за торжество; спать не хочу, меня душит тоска — эти люди, эти холодные, чужие. О Наташа, как гадко мое настоящее положение! И этот день все ликуют, бедный отдает последнюю копейку, чтоб веселиться, и веселится. А колодник — плачет над цепью, а изгнанник — плачет о родине. Им нет праздника; я испытал то и другое. Зачем замолкли эти надежды, которыми я питался с половины февраля? 9 апреля было тоже на Святой, и какая разница: тогда я видел небо разверзающееся, как Иоанн, и слышал голос: «Это мой ангел возлюбленный, я его послал спасти тебя — люби его». А эта Святая что́ мне покажет — я и забыл великую честь обедать за столом его превосходительства; о, да ежели на то пошло, я пресчастливый человек; сюда будет наследник — многие стараются лишь бы взглянуть на него, а я ему буду показывать выставку; какая зависть возродится.

А я бы им отдал охотно и свой чин, и свои деньги, лишь бы скакать в Москву. Странное дело: в душе презираешь иных людей, а больно, когда они обижают; правда, ведь ежели и осел лягает, то боль не менее; но ослы добры, они редко лягают,— а люди — нет, это не люди...

Я перечитал твое письмо, писанное в прошлую Святую; любовь та же, грусть та же, но ты тогда еще не вполне понимала себя, тебя что-то пугала мысль быть любимой мною; я тогда досадовал за это чувство; ты более всего мне нравишься, когда говоришь, как в прошедшем письме: «Терпи, Александр, страдай, тебя ждет награда — моя любовь». Да, более награды не может быть и в небе. Прощай, ангел мой, скоро надобно надевать мундир. Прощай... нет, что хочешь говори, а разлука — дело ужасное, и такая разлука. И в прошлом году и в этот день ты надеялась скоро видеть меня; может, и в будущем. А может... нет, надежда, ты бледна, бог с тобою.

Я целовал много, много твой браслет, христосовался с ним.

19 апреля.

Вот завтра две недели, как нет почты; о, этого еще недоставало. Фу, как несносны праздники, когда на душе мрак и будни. Гнусные люди живут здесь, отсюда ближе к аду, нежели из Москвы. Новые гадости, и я должен или бороться с гораздо сильнейшими, или сделать подлость, которую бы ни один благородный человек мне не простил. Поверишь ли, что преследования Мед⟨ведевой⟩ идут до того, что ее хотят лишить той помощи и защиты, которую она имеет в доме Витберга... Наташа! лучше еще годы разлуки, но я не сделаюсь орудием подлого человека. Ты спросишь: да за что эти преследования... Лучше не спрашивай; есть вещи, которых не знать душе легче.

20 апреля.

Из всех горестей самых жгучих нет ничего хуже, как чувство собственной неправоты. Разлука ужасна, но мысль, что наши души нераздельны, утешает, а это чувство неправоты не может иметь облегчения ни вне, ни внутри; ему недоступно утешение. И ежели бы было доступно, то это значило бы, что душа унизилась, пала; итак, еще надобно благословлять эту ядовитую боль, ибо она — последнее условие, по которому человек сознает неполное падение свое. Я давно не писал тебе о М⟨едведевой⟩ — но тут с тех пор ничего не поправилось, и, признаюсь, холодный пот выступает иногда на лице, и я не имею характера и силы разом окончить все это.— Несколько раз говорил я о тебе с восторгом, с одушевленьем, показывал твой браслет — и это было не понято, да и немудрено — она считает меня за благородного человека, а мог ли благородный человек так

гнусно обманывать,— господи, продолжи еще разлуку, обрушь на меня еще несчастий, подвергни еще гонениям, только дай средства выйти из этого заколдованного круга! О Наташа, твое небесное сердце никогда не испытает ничего подобного, а как это тяжело...

Почты все еще нет — но ежели и будет, что же она принесет мне... может, нет от тебя писем, а мне нужно их для выздоровления.

21 апреля.

Повесть моя не двигается, да, кажется, и не двинется. У меня нет таланта к повестям — сверх того, я хотел в нее влить многое из своей жизни, а все это еще слишком свежо, чтоб можно было писать. Хуже всего, что не хочется ничего делать. Дай бог какой-нибудь перемены, так жить из рук вон тяжело... но что все это перед святой мыслью твоей любви; тем достойнее я буду ее и тебя.

Прощай, ангел мой. Прощай.

Твой и здесь и там

Александр.

На обороте: Наташе.

104. Н. А. ЗАХАРЬИНОЙ

28 апреля 1837 г. Вятка.

28 апреля 1837.

Наташа! И этот луч надежды стал меркнуть, бледнеть; теперь пишут другое из П⟨етербурга⟩ — а мы было так детски отдались надеждам. Милый ангел, будем еще терпеть — стыдно, терпевши столько, унывать на конце.

Я теперь переехал на несколько дней к Эрну, и вид из моей комнаты на поле и на реку — которая теперь в разливе; часто сажусь я на окно и устремляю глаза в эту даль, и тогда мне вольно мечтать о тебе, моя небесная подруга... все чувства, все мысли, все мое существование превращается более и более в светлое чувство любви, ты еще более для меня, нежели была; каким совершенным сиротою был бы я без тебя — не обижая дружбы, она никогда не могла бы дать столько. Наташа, Наташа — ей-богу, я не думал, чтоб когда-нибудь я мог так любить, но знал ли я, что на земле есть ангел и что этот ангел полюбит меня. — Губернаторов сын женится; на днях был у него обед после помолвки; я пристально смотрел на жениха и невесту; как мы должны благословлять бога, что он нам дал душу, раскрытую чувствам сильным и высоким. Я воображаю тебя и себя тогда, за несколько дней до вечного соединения (которое, впрочем, одна форма, ибо мы соединены навеки): какой восторг,

какая радость,— а эти — жених *строит куры* невесте, невеста *жеманится*, все натянуто, холодно, а он кричит: «О, как ее люблю!» Толпа, иди своей дорогой, счастливый путь, но ежели ты идешь направо, то я с Наташей пойду налево; иди с своими получувствами, полумыслями, полусуществованиями; нам надобен простор, и простор обширнее всего шара земного, нам надобно небо.

Часто, смотря на толпу, мне приходит в голову та простонародная сказка, где царевич был засмолен в бочку и брошен в *море-океан*. Царевич стал расти, тесно ему в бочке, он и просит дозволения ноги протянуть. «Да ведь ты потонешь, добрый молодец».— «Нужды нет,— отвечал он,— лишь бы протянуться; лучше тонуть в океане, нежели, скорчившись, лежать в бочке».— Я совершенно согласен с этим царевичем.— Вот тебе еще анекдот за тем же обедом; vis-à-vis со мною сидела одна очень миленькая барышня; между прочим, рассказывала она мне, что ежели кто хочет в одно время думать об отсутствующем друге, когда тот думает, то стоит прежде посмотреть на луну и сказать 3 раза: «Belle lune, pense à moi»[1] и пр.— «Положим, что так,— сказал я,— но не лучше ли была бы та симпатия, которая заставила бы *ее* писать точно то же за 1000 верст, что *он* пишет здесь, без всяких искусственных средств...» Толпа услышала и говорит, что это невозможно; я хохотал; подумали, что и я не верю этому. А сколько раз с восторгом и трепетом души читал я свою мысль в твоем письме — да и что ж тут удивительного; разве есть видимый предел между твоей душою и моей; одно различие: ты любишь меня, я — люблю тебя. Но, *кажется*, chère amie, это не разрушает симпатий?

Ты пишешь в прошлом письме, чтоб сказать папеньке обо всем тотчас по приезде,— я тысячу раз думал об этом, но еще не решился. Ты знаешь ли его характер, холодный и рассудительный? Его врасплох не застанем. И потому надобно прежде знать сколько-нибудь его мнение. Ибо ежели я сделаю прямой вопрос, то отрицательный ответ совершенно разъединит меня с ним; но что он может иметь против нашего соединения? Я молод — хорошо, я откладываю на два, на три года, лишь бы вперед решено было, что не будут тебя мучить, что спасут тебя от Макашиных, дадут волю заниматься, и мы будем i promessi sposi [2], как называют итальянцы, и это состояние прелестно. Ну, еще какие препятствия? Деньги — последнее время он так был щедр ко мне, что стоит только продолжать. Ветреность — но неужели два года ничего не доказывают? Ах, если бы все это обделалось письмами; я намекал раза два, но он как будто не видит;

---

[1] «Красавица-луна, подумай обо мне» (франц.).
[2] обрученные (итал.).— *Ред.*

в последнем письме я пишу о слухе, что я здесь женюсь, который от нечего делать распустили здешние г⟨оспо⟩да,—пишу как нелепость, но это может навести на сурьезное — буду ждать его ответа. Впрочем, Natalie, все это вздор, мы будем соединены, клянусь твоей любовью, как — все равно, когда — все равно.

Природа расковалась — а я нет!

О, сколько болезненных, жгучих мыслей толпилось в груди, когда я перечитывал, как ты вечером смотрела на улицу. Поварская — и ты свята для меня; с каким благоговением пойду я по твоему каменному хребту, я поцелую тебя, я слезою почту тебя. Оттуда со скачки я взглянул в последний раз на нее, облако пыли покрывало ее, и один шпиц *той* колокольни, как штык часового, блистал в преддверии, — грустно мне тогда было — и я не видал с тех пор Поварской, скоро 3 года, и продолжается грусть.

Я как-то стал глупее с тех пор, как надежда опять отлетела; что-то усталое, неживое в душе, сержусь, капризничаю, и письмом этим я недоволен; целая страница вздору — но я знаю, что для тебя мое письмо, и потому без особенных причин не лишаю тебя этого удовольствия. Прощай.

Кланяйся твоей Саше, Emilie, когда будешь писать. Полина жмет твою руку. Целую тебя, мой ангел... ангел Наташа.

А л е к с а н д р.

На обороте: Наташе.

105. Н. А. ЗАХАРЬИНОЙ

30 апреля — 5 мая 1837 г. Вятка.

30 апреля 1837.

Ангел, ты всегда отрываешь меня от душной земли и переносишь в небо, это твое назначение и — божественная, великая — как ты его исполняешь. Вот твои письмы (от 25 мар⟨та⟩ — 6 апре⟨ля⟩). И я, воспитанный, спасенный, счастливый дружбою и любовью, сказал, что в 25 лет ничего не сделал. Нет, вижу, что надобно искоренить славолюбие, это высшая степень эгоизма, и зачем же жаждать еще чувств, еще блаженства, когда душа через край наполнена. Твое письмо, как чистое дуновение рая, разбудило меня. Ежели я имею силу, ежели провидение не тщетно разливает дары — то будущность моя совершится без натяжки, стоит только следовать персту, указующему путь; этот перст мне указует теперь одно — Тебя, и я понимаю почему. Кто мог, кроме тебя, остановить меня середи разгула буйной жизни — но это еще легче было, ибо в душе никогда не померкало доброе начало; но кто мог бы

потрясть мою давнишнюю мечту о славе, ту мечту, которая тревожила меня ребенком, заставляла не спать ночи и заниматься во время курса, переносить страдания,— эта мысль была святая святых моей души; ты одним словом, одной строчкой потрясла до основания этот алтарь гордости — я излечусь от него, вот тебе моя рука, и душа будет чище. И в самом деле — ну, ежели нет назначенья громкого и я *натяну* его, и оно обрушится на меня, как гранитная скала, а не для того созданные рамена поникнут, и *чужое* задавит меня? Разве мысль восторженная, живая сама в себе, и любовь, и дружба недостаточны душе? — О, как дурна должна быть та душа, в которой останется место для рукоплесканий толпы, которые она будет делить со всяким фокусником. И после этого мне не молиться на тебя. Наташа, Наташа, моя спасительница... Шиллер говорит о деве Орлеанской: «И избрал господь голубицу для исполнения воли своей»... Святая голубица, слетевшая из рая, ангел господень... царствуй надо мною, перед посланником божиим не стыдно склонить главу. И как святы, как чисты эти орудия господа. Наташа, ни слова более, я счастлив, чрезмерно счастлив... Да, да, один взор, одно объятье, и покинем землю, черную, грубую, гадкую землю. Взгляни на это блаженство, разлитое в моей душе, и помолись — это твое дело, ты принесла рай в земную душу... Молись — ты совершила свое призванье...

Река здесь широкая, и теперь разлив; я долго катался на лодке, небо было чисто, вода спокойна — я мечтал о небе и о тебе, я находил какое-то общее разительное сходство между тобою, и этим воздухом весны, и этой лазурью; я, ничтожный, созерцал, понимал это небо так, как понимаю и созерцаю тебя, мне было хорошо; час перед прогулкой я получил твое письмо, и этот вид, эта величественная река продолжали твое письмо, я чище, святее понимал его. Наташа! Наташа! Как велика ты, пересоздавшая меня...

Хочу нынешнее лето провести лучше, я не надеюсь в 37 году увидеть тебя (мое пророчество об этом годе сбылось), я открою свою душу всем чистым наслаждениям, буду таскаться по полям, лесам, буду ездить верхом, почти никуда не ходить и пуще всего отучусь от этого грубого обыкновения пить вино. Пусть это короткое лето будет поэтическим потоком; одно мешает — служба. Ты, ангел, перенесешь разлуку; бог даст тебе силы довершить начатое...

3 мая.

Еще письмо (от 7 до 19 апреля) — последняя буря улеглась в душе, и я спокойно посмотрел около себя. Твое письмо похоже на теплый воздух Пиренейских гор, который веет иногда на Италию, чтоб освободить ее от сирокко, ядовитого дыхания Африки. Тогда все живое воскресает, дышит

легко, смертная тягость проходит. Опять та же симпатия, которая, наконец, превращается в совершенное слитие, безраздельное, полное наших душ. Ты и я совершенно одинаким образом встретили праздник.

Итак, княгиня просила Льва Алексеев⟨ича⟩ об богатом женихе, о женихе с местом. Я знаю, что из этого ничего не будет и что Л⟨ев⟩ Ал⟨ексеевич⟩, выходя из комнаты, забыл,— но сколько неприятностей ждет тебя, ежели явится какой-нибудь дурак под протекцией Макашиной. Нет, пора маску долой. И ведь они не понимают, какой небесный ангел вверен богом им на сохранение. О Дидротова кухарка! И меня считали ветреным мальчишкой. Пора, пора... Уже мысль одна о женихе, даже в нелепейших головах, есть для меня обида ужасная, нестерпимая. О, как неумолима, жестока судьба — я скован, связан, брошен в дикую сторону и все надежды — только зарницы, намекающие на свет, а не день. Только дай же мне честное слово, какие бы неприятности ни были, ты их не скроешь от меня — всё знать гораздо легче, нежели часть. Я не понимаю, чего боится мам⟨енька⟩ сказать об этом папеньке — разве для этого надобно открывать переписку, разве нельзя сказать о нашем свиданье? Погожу немного да разом напишу все от доски до доски. А тебе, ангел, слезы — я сотру их, я превращу их в слезы восторга.

5 мая.

Вчера ночью поехал я кататься на лодке. Месяц светил бледно, разлив через поля, леса соединяет реку с озером, отстоящим на 5 с $^1/_2$ верст; я поехал туда. Река была спокойна, небо спокойно, луна бежала за нами по воде, и нередко волна, взброшенная веслом, подымалась, чтоб сверкнуть, как молния, и исчезнуть. А по другую сторону мрак... Хороша природа, везде хороша, и тут мне был простор и досуг мечтать о тебе. И ты, ангел, пишешь, что, смотря на природу, ты находила в ней меня,— везде наша симпатия. «Что было бы с тобою,— спросил Скворцов,— ежели б ты обманулся в ней и в Ог⟨аре⟩в⟨е⟩?» Я ответил, что это так нелепо, что нельзя и сказать; что была бы вселенная, ежели б не было бога; ее б не было, и нечего придумывать, ибо бог есть, так и любовь в моей жизни,— тут ничто не может потрясти моей веры. Он покраснел от своего вопроса, жалел, что высказал его, дивился моему счастью.

Я вспомнил поэта:

> ...le Seigneur
> Mêle éternellement dans un fatal hymen
> Le chant de la nature au cri du genre humain.

С одной стороны река, горы, даль; с другой — маленькие лачуги, где царит бедность, и большой каменный острог, кото-

рый печально смотрится в реку и звенит цепями и дышит вздохами.

Прощай, сестра, друг, прощай, моя Наташа. Когда взгрустнется, подумай о моей любви, подумай, как беспрерывно и всегда ты в душе моей,— и грусть отлетит. Прощай же; кажется, нельзя обвинять, что редко пишу.

Твоей Саше братский поклон; я сам хотел бы написать ей несколько строк.

Addio!

Александр.

Вот тебе, милый друг, слово до слова письмо Огар⟨ева⟩. Читай и восхищайся.

Писал очерк моей системы (который, может, дойдет и до тебя) и устал ужасно; но еще есть силы писать к другу, к вечному, неизменному другу.

Наши сношения редки; только два раза с тех пор, как мы не видались; как долго носил я эти письмы с собою, как много слез пролил над ними и, наконец, их нет; следы их в памяти слабее и реже, и вот становишься ими недоволен, припоминаешь черты знакомого лица, хочешь быть с ним вместе, хочешь обнять брата, родного по душе, и ловишь призрак, ⟨призрак⟩ исчезает, и на сердце становится тяжело и черно!..

Много переменилось с тех пор, как мы не вместе. Я женился!.. Не смей при этом слове с горестной улыбкой вспоминать о Тане,— Тане, которая любовью эгоистической выколдовала его из круга друзей. Моя Мария пожертвует всем для будущности; не смей также сомневаться в *твоем* друге; он верен самому себе, как истина. *Некоторые* сомневались во мне.— Но ты, не правда ли, ты ни на минуту не сомневался, ты лучше знаешь меня. Эта уверенность, что есть человек, который никогда не усомнится во мне, в каких бы обстоятельствах я ни был, эта уверенность — мое сокровище; твоя дружба — мое сокровище. «Одно, что во всю жизнь не изменяло мне, — это твоя дружба»,— писал я некогда; теперь скажу, что есть еще сокровище неизменное, — это любовь моей жены. Друг! Я счастлив ею, люби ее, как сестру, она достойна того, я за нее ручаюсь. Я писал к ним, что я счастлив, но они в ней видели Таню и не радовались моему счастию; они любили во мне орудие идеи, но не человека. Друг! Ты любил меня для меня, да, ты будешь рад, когда я скажу тебе: я счастлив! Ты не скажешь мне неправедного укора, ты меня знаешь, ты в меня веришь. Они укоряют меня в недеятельности! В какой недеятельности? Почему они знают, что я делаю? Мой ум идет вперед, он не спит, он собирает войско идей. Укоряют, почему редко показываюсь в общество. Ты сам живешь в провинции, ты знаешь, что это за общество,— собрание каких-то уродов, между обезьяной и человеком, отуманенных предрассудками, ленивых умом, развратных душою, которые не имеют даже привлекательной стороны негра в Америке — страдания. Что же я тут буду делать? В моем углу любовь и чистота душевная, мысль, никогда не дремлющая; тут я готовлю пищу своей деятельности на всю жизнь. Ты поймешь и не осудишь.

Моя женитьба не расстроила ничего. Мы по-прежнему едем, с каждым днем я более и более удостоверяюсь, что необходимо ехать. О! Чего бы я не отдал за час свидания с тобою. Сколько мыслей толпятся в голове, сколько желаний, сколько силы стремиться далее! Нет, мы не умрем, не отметив жизнь нашу резкою чертою. Я верю, эта вера — мое святое достояние. Верь и ты, да ни одна минута отчаяния не омрачит души твоей; кто верит, тот чист и силен! Пусть эти строки напомнят тебе твоего друга,

в них половины нет того, что на душе; но будь доволен и этим. Придет время, и мы снова будем вместе; тогда пробьет наш час, и мысль вступит в действительность. Еще раз, не отчаивайся. Моисей в пустыне говорил с богом. Христос постился сорок дней. Мы теперь постимся. Его пост — это сомнение в самом себе и в новой вере; он уверился, мысль вступила в действительность, и мир назвал его Спасителем. Обстоятельства понуждают нас к тому, что те делали добровольно; умей пользоваться ими. Прощай, брат, друг, прощай, обнимаю тебя; *она* к тебе пишет. Вот тебе моя рука, вот тебе моя слеза на память. Прощай!

Да, Наташа, ты должна быть сестрою, другом этого человека, он тебя не знает, но *я* писал ему. Мы будем когда-нибудь вместе, и тогда увидишь ты эту обширную, глубокую, спокойную душу, он—твою душу, небесную и исполненную поэзии,— твою душу, состоящую из одной любви и принадлежащую его другу. Вы поймете друг друга.

Прощай.

Александр.

На обороте: Наташе.

106. Н. А. ЗАХАРЬИНОЙ

15—19 мая 1837 г. Вятка.

15 мая 1837.

Милый ангел мой, представь себе, как я занят. Вот уж три дня, как получил твое письмо, и один раз успел только прочесть его. Проклятая выставка вся на моей шее, но скоро отдых. Я был печален все это время. Мне очень живо представлялись все неприятности, которые нас ждут, и, как привидение, они заставляли потрясаться.— Характер папеньки ужасен! Непреклонность. Но — все это лишь на время отдалит нас, придет время блаженства безоблачного. Наташа, от скольких бурь, от скольких ударов, от скольких ран я буду отдыхать на груди твоей, моя дивная, моя святая! И среди этого направления твое письмо. Ты так наивно, так мило, высоко отдаешься провидению — мне всегда приходится смотреть на тебя вверх, ты всегда небесная, я — человек. Разве одна любовь не достаточна для нашего блаженства, чего же еще? Мы верим друг в друга, и эта вера спасет нас.

18 мая.

Сейчас с бала, где был наследник. Ночь поздняя, и я устал ужасно. Поздравь меня, князь был очень доволен выставкой, и вся свита его наговорила мне тьму комплиментов, особенно знаменитый Жуковский, с которым я час целый говорил; завтра в 7 часов утра я еду к нему.— Много ощущений, но все

смутно, ни в чем еще не могу дать отчета, и ты, ангел, не брани, что на этот раз вместо письма получишь белую бумагу. Прощай, моя Наташа; очень устал.

Твой Александр.

19 мая.

Надобно ехать. Еще прощай, целую тебя,— я видел тебя во сне сегодня. О моя Наташа!

107. Н. А. ЗАХАРЬИНОЙ

28 мая — 2 июня 1837 г. Вятка.

28 мая 1837.

То, что ты пишешь о М⟨едведевой⟩, взволновало меня; разлукою на земле поплатиться, разлукою с тобой — это нелепость, это не вмещается в мою голову. На коленях идти в Иерусалим, истомить себя постом — это ничего, но разлукою с тобой купить ее спокойствие и спокойствие своей совести не могу, *не могу*. Да и откуда явилась эта женщина между нами, кто ее поставил упреком, Немезидой между нами, кто просил ее вздоха середь песни восторга? Мой злобный гений указал мне ее; но и сама она — часть этого злобного гения. Разве она права, бросившись на шею юноше, которого едва знает, и тогда, когда муж ее был жив, а после — разве я не подавал ей все средства подняться — но было поздно; я похож в этом случае на робкого отравителя, который сперва дает яд, а после, испугавшись, дает противуядие! Надежд она не имеет на будущее — не знаю, будет ли иметь и будущее.

Трудна земная жизнь человека, устал, очень устал!

Восьмой и девятый час — где бы ни был, что б ни делал, будет твой; это час Ave Maria в Италии, и все повергается на колени пред Девою — буду и я горячим лицом повергаться пред тобою. О Наташа!

К Эрну я переехал, потому что для меня отделывается новая квартира, а не бежал от грусти; когда мне грустно, я люблю быть один; но когда весело и радостно на душе,— тогда мне нужны близкие люди. А с тобою, Сестра, делил бы я и грусть, и радость, и думы, и надежды, и отчаяние, всё, всё — да разве и не делился?

Наташа, а в Киев ходить не надобно, не забегай провидению, посмотрим, что будет далее.

Слышал я пап⟨енькин⟩ разговор и первый и второй — он жесток, неумолим, исполнен угрозы, а не любви. Он намекал в моем письме (не говоря ни слова о тебе), и на что же полагает

главную надежду — на деньги. Это дурно; бедность только и осталось мне испытать, остальные бедствия, страдания знакомы — ну что же, разве можно меня испугать бедностью, разве я уж такой бесталанный, что не найду себе существования... Ха-ха-ха, а служба, а перо — это большая ошибка с его стороны; благодарностью, любовью можно бы хоть *сконфузить* меня; а то деньгами — misère! Итак, настоящие несчастия как только окончатся, начнутся несчастия будущие. Давай же руку, подруга вечная, давай и пойдем навстречу бедствиям — вон редеет лазурь, и там вдали венок, он будет на нашем челе; для нас сплели его ангелы...

Я обдумываю новую статейку «I Maestri», воспоминание из моей жизни, Дмитриев и Жуковский. «Мысль и откровение» кончены давно, а повесть бросил; писать повести, кажется, не мое дело.— Впрочем, «Мысль и откровение» не имеет конца; это статья, в которую надобно вписывать каждую религиозную мысль; рама сделана, и формы никакой нет; это повесть, разговор, диссертация, это изложение чувств и дум, как вылилось; следс⟨твенно⟩, вздор, что она кончена.

Итак, опять надежды; а знаешь ли, что нам решительно грешно роптать за то, что все прежние неудачны. Слабость моя заставила дать им место в груди моей, они никогда не должны были быть в ней, все прежние надежды. Провидение бережет чистоту моей биографии; слушай, на каком праве мог я надеяться, чтоб меня простили прежде других? Разве это было бы справедливо, разве вкусен был бы мне плод, данный *по протекции*? Теперь совсем не то. Теперь с поднятым челом я могу принять освобождение. Меня видели — одинок, без опоры, с названием сосланного; увидели меня — и оценили; тут не было просьбы; сперва узнали меня, потом кто я; итак, теперь я возьму премию за талант — есть ли тут хоть пятнышко? Наташа! Дивны пути Его; к этому присоединяется еще одно *важное обстоятельство*, оно совпадает с *теми гонениями* М⟨едведевой⟩— тут требуется с моей стороны твердость и прямизна; может, это искупление пятна. И я борюсь, против меня сила и низость, а я, с твердым убеждением, с волею, борюсь — чем бы ни кончилось. И путешествие наследника именно случилось в то время, когда надо было действовать решительно — до путешествия, может, еще сломали бы меня, теперь невозможно. Много загадок, да погоди, после скажу le mot de l'énigme[1]. Ты говоришь, что я иногда пишу *неясно;* не следует ли из этого, что ты иногда делаешь замечания *не думавши?*

---

[1] разгадку (франц.). — *Ред.*

1 июня.

Как ты мила, мой ангел; я смеялся, и слезы навернулись на глазах, когда прочел, что ты «вышла на крыльцо, но тотчас воротилась — ибо я был в комнате». Дитя! Прелестное дитя — тацех бо есть царствие небесное. В этих безделках выражается вся душа; да, ты права, тебе не нужно много писать, чтоб я понял; поставь точку, черту, и я скажу твою мысль.— В Москве ли ты? Я боюсь, что деревня затруднит нашу переписку. Прощай.

Твой Александр.

2 июня.

Сейчас получил от мам⟨еньки⟩ письмо. Папенька, кажется, начал и хочет препятствовать *всеми* силами; у нас против него *одна* сила, но *сила любви*. Наташа, ангел мой, присягаю тебе жизнью и царством небесным: ты будешь моя, ежели мы будем живы...

Александр.

На обороте: Наташе.

108. Н. А. ЗАХАРЬИНОЙ

7—9 июня 1837 г. Вятка.

7 июня 1837.

Еще и еще пишут мне о неприятностях, которые ждут нас в Москве. Признаюсь, при всей твердости моей, это несколько оскорбляет меня. Итак, Наташа, видно, весь мир, вся вселенная должна для меня быть заключена в одной тебе. Странно управляет судьба; посмотри, как всякий рекрут, всякий солдат идет в отпуск домой; забыты пот и пыль казарм, забыты притеснения, горести; мысль свидания с *своими* отталкивает все горькое, и вот эта минута радости откровенной, безотчетной... А я, после горьких испытаний, после бурь, после тюрьмы и изгнания, явлюсь домой, и холодная мысль станет между сыном и отцом, и отравлен первый поцелуй, и голос сильный, святой скажет: «Это твой отец, он много для тебя сделал», и другой голос, такой же сильный, скажет: «Вот этот человек— единственное препятствие между тобою и твоим счастием» — и нет уже безотчетной радости. О люди! Не знаю, писал ли я тебе — но все равно напишу еще раз: у меня есть одна прелестная мысль, за нее я ухватился обеими руками, это последняя дань юности, это молитва благодарности богу и тебе, это — заключение поэтической жизни. Слушай. Когда ты будешь моя, когда я буду волен располагать жизнию, то мы начнем вот с чего. Уедем в Италию — не в большой город, нет, в какой-нибудь

самый незначительный, в Нису или где-нибудь в Сицилии, хоть в деревеньку, лишь бы на берегу моря; море мне необходимо, море — это торжество природы — auguste fanfare[1]. Там проживем мы год или два *без людей*, там, убаюканные волнами моря и теплым воздухом, мы отдохнем, там мы будем счастливы. О Наташа, мы будем блаженны; одна любовь, одна любовь займет это время — сотрется пыль с души, зарастут эти глубокие раны, сотрутся эти черные пятна. Тут наберем мы запас сил и чувств на всю жизнь. Приходи же, время это; за что же вянуть нам, дожидая его долго? А после что... тогда я с верою отдамся провидению и человечеству, тогда я уже кончу все земное; тогда, ежели жизнь моя не нужна, я могу умереть, ибо что может собственно *мне* дать жизнь лучшего, как эти два года с ангелом. О, с каким восторгом посмотрю я тогда с горы на природу Италии, на эту лучшую часть планеты, и с каким восторгом обращу взор на тебя, на это лучшее создание планеты. Как обниму я тебя, и сколько любви найдешь ты в этих объятиях. Там расскажу я тебе историю моего сердца, которую ты уже так хорошо знаешь,— и повесть моя будет огненна, и с восхищением будешь ты слушать ее. И слезу вместе прольем на эти воспоминания, и улыбку пошлем в их могилу. Наташа, будь же тверда теперь, пройдем через это болото, настанет день, мы его минуем — и жизнь наша сольется в один поток, которого путь к небу.

8 июня.

Я теперь читаю огромное сочинение Dumont D'Ur⟨ville⟩ ⟨«Voy⟩age autour du Monde». Восток—как манит он ⟨...⟩[2] душу, умеющую чувствовать; там другая природа —пышная, огромная; там другие люди с вечным покоем, с почившею мыслию, с минутным пробуждением, с поэзией; там люди затеряны, как песчинки их Гималая; их подавила богатая природа. Желал бы я взглянуть на Восток, на Индию — колыбель идей и фактов, на мистический Египет... и будто это невозможно, и будто год жизни нельзя потратить для этих стран...

Перечитывал твои письма прошлого года, в мае и июне писанные. Мы те же, совершенно те же, выше ты не могла подняться, ты достигла предела человечества, сказав «люблю», но развилась ты многостороннее с тех пор. И тогда уже мы надеялись на скорое свидание.— Как жестоко играла с нами судьба. Ровно год тому назад, 8 июля 1836, писала ты первое письмо из Загорья. Там ли ты, ангел, теперь?

Вот что прервало мое письмо: слышу пение, подхожу к окну, и из ворот против моего дома несут покойницу, жену бедного

---

[1] торжественный трубный глас (франц.).— *Ред.*

[2] Автограф поврежден.— *Ред.*

офицера. Холодно провожают гроб человек десять посторонних; отирая слезы, идет старик-муж; перед крышей гроба какой-то юродивый с кривляньем, с сумасшедшим видом,— пронесли, и след простыл, но что-то мрачное осталось на душе; лучше те похороны, где пышность заглушает думы; лучше те, где плач и стенания — на живых обращается тогда внимание, а тут смерть во всей наготе. Спи же мирно, незнакомая!

9 июня.

Ты как-то писала, что застенчива; знаешь ли, что я с некоторого времени сделался дик со всеми посторонними, кроме близких знакомых; мне даже становится душно, тесно в груди, когда есть кто-нибудь чужой в комнате.

По письму от мам⟨еньки⟩ от 2 июня видно, что ты еще в Москве; с будущей почтой жду от тебя.

Прощай, Natalie, прощай, мой ангел.

Твой А л е к с а н д р.

Полина всякий раз просит писать много, много дружбы и симпатии.

На обороте: Наташе.

109. Н. А. ЗАХАРЬИНОЙ

18—23 июня 1837 г. Вятка.

18 июня 1837.

Ангел мой! Ты, верно, сердишься на меня; я виноват, давно не писал к тебе. Душа моя, сестра, Наташа, не сердись, дай твою руку поцеловать... Я был в больших хлопотах. Несколько месяцев тому назад я рассорился с здешним губернатором — надобно заметить, что это высший предел злодея и мерзавца. Вот те неприятности, о коих я тебе писал несколько раз; последнее время я стал почти в явную оппозицию против него; я — сосланный, и он — губернатор. Но есть бог — он выгнан из службы «за беззаконное управление губерниею». И, следственно, торжество на моей стороне. Теперь дышать легче; теперь прекратились гонения Мед⟨ведевой⟩ — ибо этот злодей был ее враг, и что он делал против нее — это непостижимо честному человеку.

Все эти гадости занимали время и утомляли душу, я не стоил того, чтоб писать к тебе, ангел; теперь все кончено. Итак, бог с ними.

Ей-богу, есть возможность со всяким днем любить тебя более и более. О подруга, небом посланная, взгляни на эту слезу, эта слеза благодарности тебе от твоего Александра; твое письмо от 1 июня унесло меня совсем с земли. Я вижу по всякому письму, как ты растешь, как небесно развивается душа твоя; кажется, тут уже предел совершенства человеческого, а ты через неделю еще выше, еще святее. Потому что я, человек, хочу мерить ангела землею. Сколько раз твоей дивной высотою ты заставляла меня краснеть, и теперь опять; но это не унижает, нет, это придает мне новые силы... Как ты холодно смотришь на все эти отношения практического мира, на эти маленькие успехи — а я радовался; но это не от души. Наташа! Я был сгнетен этими гадкими людьми, и вдруг мне явилась светлая полоса. Великий поэт оценил меня, надежды заблистали, и я радовался,— так еще я мал и ничтожен. Но ты высокая; тебе недоступны эти рукоплесканья. Повторяю: веди меня, веди, как путеводная звезда, я уступаю как сильнейшему, как высшему; вот твой Александр, он свою судьбу кладет в твои руки; ведь ты богом послана ему; итак, покоряясь богу, я должен верить тебе. Нет, Наташа, ни слов нет, ни выражений — я готов броситься на колени и безмолвно молиться на тебя. Ты, ты мне всё, всё — поэзия, религия, все небесное начало души, искупление. Вот этой-то необъятной любовью я и равен тебе, сестра!

Великий боже! За что ты дал мне столько, дав ее; больше ты, всемогущий, не можешь дать никому.— Да, да, ты права, это тело мешает. Простор, простор, и я наполню все беспредельное пространство одной любовью. Прочь, тело. Как горит мое лицо; посмотри: во всех чертах любовь к тебе, и в сердце любовь к тебе.

Наташа! Ну что, ежели я сойду с ума, когда увижу тебя; душа человеческая не может вынести столько счастья.

Я очень рад, ежели ты в Загорье—ибо очень понимаю, как неприятны эти показы, эти женихи и эти искатели женихов.— Скажи им, ежели случится, что ты желаешь узнать мое мнение, пусть ко мне напишут. Я опять начинаю думать, что сломлю непреклонность пап⟨еньки⟩.— И я часто бываю за городом, недавно я отправился в поле в час ночи; здесь начинает рассвет в 12 часов, т. е. совсем ночи нет в мае и июне. На высокой горе, перед которой расстилалась необозримая даль, река, деревни, горы, на высокой горе встретил я восходящее солнце, и свежий воздух утра свеял мрачные мысли. А звезды не было с солнцем, твоей звезды.

Ты говоришь: «Я твое созданье, любуйся им!» С каким восторгом читал я эти слова. Вот так, так будь, моя высокая дева; да, я буду любоваться тобою, и не есть ли это вся моя жизнь. «Созданье» — и так, и нет. Впрочем, создание поэта, плод минуты

откровения и восторга часто бывает лучше самого поэта. И поэт только потому высок, что мог в груди своей дать место такому восторгу.

Ты как-то писала, что любишь верховую езду; я и нынешний год опять начал свои прогулки. Прекрасное чувство — утром рано, совершенно одному, опустя поводья, шагом ехать по полю; здесь место очень гористое, беспрерывно меняются виды, и так просторно мечтать, думать о тебе.

19 июня.

Статью мою «I Maestri» кончил, на днях исправлю, а поелику вы изволили приказывать мне быть деятельным, то о сем честь имею вам рапортовать, милостивая государыня, Наталья Александровна.

20 июня.

Ну, не дивно ли, Наташа? Вот юноша пылкий, пламенный; огромный гипподром открыт перед ним; он полон надежд, силен каким-то пророчеством, увлечен дикими страстями, которые еще не привыкли тесниться, скрываться в груди, горд, независим, ничему не покорится, все хочет себе покорить, самолюбив; слава — его цель, мир идей — его мир. Что может этого юношу покорить, обуздать? Несчастия — он их принимает за испытание, за закал души; счастье — это дань ему, он его принимает как заслуженное. Этот юноша — я.

При самом начале юношества встречает он ребенка, оставленного всеми, несчастного, которого первое воспоминание — гроб, которого первое впечатление — гнет посторонних людей. Он его встречает со слезою на глазах, в траурном платье.— И юноша проходит, страсти не дозволили ему видеть ангела в этом ребенке. Бурная жизнь влечет его, ломает, жжет и бросает в тюрьму.— Кто скажет, что этому ребенку предоставлено будет пересоздать юношу? Да, я вполне не понимал тебя, Наташа, до 9 апреля. Я слишком близко стоял, чтоб видеть твою прелесть, твое изящество. Там, в каменной лачуге, я перебрал всю свою жизнь, и вся моя жизнь дала мне два воспоминания— Тебя и Ог⟨арева⟩. Мне надобно было уехать за полторы тысячи верст, оглянуться оттуда, чтоб ангельский образ твой, чтоб небесная душа твоя раскрылась мне.— Мне надо было снять повязку юношеских сатурналий с глаз, чтоб оценить серафима чистоты.

Это мне напоминает старинный случай. В Афинах заказаны были две статуи Минервы — одна великому Праксителю, другая какому-то ваятелю. Оба выставили свои произведения. Народ бежал к статуе неизвестного, восхищался прелестной отделкой, а на Праксителеву не смотрел никто; она едва была

иссечена, груба... Обе статуи поставили на колонны; тогда все переменилось. Мелочи и мелкие красоты исчезли от дали, а божественное выражение статуи Праксителя подавило величием и красотою. Ей надо было удалиться от толпы, стать ближе к небу, не рядом с нею — чтоб толпа поняла ее. И не смотрю ли я теперь на тебя, как народ на статую Праксителя; не вверх ли подымаю голову, не к небу ли смотрю, когда думаю о тебе; не на тверди ли этой ищу твои черты, и не оттуда ли сияешь мне ты любовью и улыбкой? Ангел! ангел!

21 июня.

Помнишь ли, как в стары годы я бранил тебя за притворство перед княг⟨иней⟩, а сам я научился теперь так притворяться, так хитрить, что самому смешно. Дело в том, покуда живешь с людьми, иначе поступать нельзя,— не дать же им на поругание свою чистую, святую мысль.

23 июня.

Вот твое письмо от 9 — оно грустно, печально. Нет, нет, Наташа — ты должна быть моя, моя без условий, без оговорок, моя — как моя душа, как мое сердце. Проклятие — что такое проклятие? — и там, где благословляет бог! Черно на душе, тяжко... Кончи, я *умоляю тебя*, скорее эту историю с женихом; но кончи ее осторожно.— Как знаешь.

Ты пишешь, что могла бы теперь без взгляда на меня покинуть землю. Верю, тебе родина — небо, тебя ждет там привет, родная семья. С восторгом вознесся Христос к отцу своему,— но скорбь осталась в душе учеников. Что же я останусь здесь без тебя; я не вынесу и, *ежели* останусь жив, то для того, чтоб в мире раздался еще отчаянный звук страдальческой души.

Ты не веришь в наше соединение... Ежели я в это буду не верить, то... то я сделаюсь мерзавцем. Нет мне неба, добродетели без тебя, Наташа, милая Наташа, сестра. Бог отдал мою судьбу в твою девственную руку; можешь ли ты располагать после этого собою, как ты явишься *туда* без Александра?

Да что же не едете в деревню?

Прощай, надежд на мое возвращение тьма. Горе, подожди, дай пройти одному несчастью, потом уже приходи руками родительскими рвать сердце.

Обнимаю тебя; нет, это слишком много, гляжу, гляжу на тебя, и в этом взгляде все, чего нет в письме.

Твой А л е к с а н д р.

Полина кланяется.

На обороте: Наташе.

110. Н. А. ЗАХАРЬИНОЙ

28 (?) — 30 июня 1837 г. Вятка.

И примерно не знаю, которое число.

Сейчас прочел я «Ундину» Жуковского — как хорош, как юн его гений. Я пришлю ее тебе. Вот два стиха, служащие лучшим выражением моего прошлого письма, продолжением его:

В душной долине волна печально трепещет и бьется;
Влившись в море, она из моря назад не польется.

Мы два потока; ты — широкий, ясный, отражающий вечно голубое небо, с солнцем. Я — бурный, подмывающий скалы, ревущий судорожно,— но однажды слитые, не может быть раздела. Пусть люди делают что хотят, *волна назад не польется.* А ты, ангел, дала место какому-то сомнению в душе твоей. «Я потеряла веру в наше соединение»,— пишешь ты; посмотри, как что-то страшное, чудовищное выглядывает из-за этих слов... как оно сильною рукой отбрасывает меня в сторону, тебя в другую. Наташа, не давай места этому голосу в душе твоей — он убийствен.

Мои «Maestri» исправлены, эта статья очень хороша. Я вообще эти дни порядочный человек, т. е. живу больше за письменным столом, нежели с людьми.— Нет, я не утратил надежды на скорое свиданье; по всем вероятностям, оно не может замедлить долго; тогда я сам прочту тебе мои статьи, и во всех ты найдешь себя — ангела-хранителя моей души. Странная вещь, как на нас действует практический мир; кажется, в нем все так мелко, так лишено средств действовать на душу — а между тем крошечные опыты оседают больше, больше, и в минуту экспансивности, в минуту, когда хочешь людям передать свой опыт, огромный кристалл уже составлен в душе из песчинок, ни одной не пропало, все тут, все сливаются в одно тело. Душа, умеющая понимать, ничего не теряет, и давно забытое при случае выходит, как привидение из гроба. Эта статья «I Maestri» — первый опыт прямо рассказывать воспоминания из моей жизни — и она удачна. «Встреча», которая у тебя,— частный случай; эта уже захватывает более и представляет меня в 1833, 1835, 1837 году — годы, отмеченные в ней тремя встречами: Дмитриев, Витберг и Жуковский.— Ты писала мне с месяц тому назад, чтоб я занялся моею прошлой жизнью — вот исполнение. До двух предметов я боюсь дотронуться. 40 дней поста и молитвы должны бы предшествовать этому труду. Ты и Огарев. Вы являетесь у меня как идеал, как фантазия; нигде не осмелился я описать *ваши приметы.*—Дело решенное: повести — не мой род. «Там» решительно натянуто, смертный приговор ей — заклеивать окны на зиму. Я перечитал «Легенду» и

помирился с нею; это документ моего перелома перед 9 апрелем. Теперь набралось у меня статей на маленькую книжку; но еще не решаюсь скоро печатать, надобно больше сделать, а то отдать людям на поруганье такие святые страницы из жизни — больно; какой-нибудь важный труд должен им служить рекомендательным письмом. Тогда я их издам под заглавием «Юность» и посвящу тебе и Огар⟨еву⟩.—Вам посвящена и душа моя; надеюсь, не поссоритесь за это чересполосное владение.

29 июня 1837.

Боже мой, не могу без ужаса вздумать, каким ты неприятностям подвержена теперь. И сколько ни думаю, сколько ни ищу, нет средств помочь, поправить.

Ежели явно с ними рассориться — что я не считаю за худшее, — то куда деться? В Петербург к Ал⟨ексею⟩ Ал⟨ександровичу⟩— моего согласия на это нет; это человек бездушный, ежели скромный жизнью, то развратный душою; я его очень знаю, дай бог, чтоб ты, мой ангел, никогда не была в соприкосновении с этими испорченными людьми. Он по теории безнравственный человек и по душе холодный эгоист. И что за образ жизни? Нет, нет, дальше от этих людей, они запылят тебя. Итак, что же? По-моему, в самом крайнем случае монастырь — лучшее; ведь жизнь там начальная не обязывает ни к чему. Воля заниматься, воля видеться, и тут что-то есть возвышающее душу. Да, у тебя есть сестра, не знаю почему, а я ее не люблю: *три поступка* могут громко обвинять человека — но и к ней лучше, нежели к А⟨лексею⟩ А⟨лександровичу⟩.— Светская, пустая женщина не может иметь ни малейшего влияния на тебя. Тебе, может, странно мое мнение об Ал⟨ексее⟩ Ал⟨ександровиче⟩.— Я буду у него очень часто в Петерб⟨урге⟩, мне что? моей душе ни опыта прибавить нельзя, ни потрясти ее; я и в трахтире бывал часто, и где я не бывал.— Разумеется, я очень знаю, что и на тебя он не может иметь вредного действия; но его теоретическая безнравственность дунет ядом на твою душу, она покажет тебе образ мыслей, который ты не должна знать. К сестре лучше; но возьмет ли она? Это не продолжит разлуку — я буду скоро после возвращенья в Петербург. Напиши же на все это подробно твое мнение. Прощай, ангел мой!

30 июня.

Ты в деревне — слава богу, душе стало легче. О Наташа, как пламенно, как безгранично я люблю тебя.

Твой А л е к с а н д р.

На обороте: Наташе.

111. Н. А. ЗАХАРЬИНОЙ

3—7 июля 1837 г. Вятка.

3 июля 1837.

Ты в деревне, ангел мой; я стал немного спокойнее. Живите же дружно, ты и природа; вы обе так изящны, так хороши. Милая сестра, друг мой! Ты отдохнешь эти два месяца от гадостей их, зачем не можешь склонить утомленную голову на мою грудь, отдыхать на ней. О Наташа, как бы я берег тебя, ветер бы не смел дунуть на тебя. Мне, знаешь ли, что иногда приходит в голову? Ты слишком небесна для земли; что в то время, как я раскрою объятия, ты исчезнешь,— это сходно с твоей мыслью о смерти, с твоей ненавистью к телу, — хорошо, ежели и я тогда умру, а разлука ужасна; но ты будешь оттуда светить на меня, ты восторг пошлешь в мою душу от подножия престола Его. Но как же я буду жить без моей души; я теперь считаю свою душу одним материальным выражением твоей души. Боже, боже, как ты светла, не ярко, не ослепительно — это бы подавляло — да ты теперь уж не человек. Я ничего хуже не могу себе представить, как тебя *моей женою* в их смысле. Я в тебя перенес все святое, все изящное, от тебя я жду одушевленья, твоя рука поведет меня землею, поведет на небо, и вдруг *ты моя жена*. Будто высокое таинство бракосочетания только для тела; телу не нужно таинства; бракосочетанием исполнится воля бога; душа твоя и моя сольются в *одну* душу, не твою и не мою, под благословением Его. Приходи же, благодатное время гармонии и блаженства, не все же бороться. Люди, не отнимайте у меня ангела, подаренного мне богом...

4 июля.

Ежели будет какая-либо возможность, я тотчас пришлю тебе «I Maestri»; эта статья несравненно выше всего писанного мною, это — живое воспоминание, горячий кусок сердца. Совсем чужие люди были увлечены до слез — вот моя награда; но какая награда ждет, когда ты будешь ее читать. Несмотря на заклятие, повесть опять бродит в голове. Попробую. Я сам чувствую, что перо мое стало сильнее, фантазия свободнее — ряд страданий, ряд опытов образовал его. Путешествие должно служить мне последним окончательным развитием. Теория все-таки мертва; своим глазом надобно видеть, своей рукою дотрогиваться. И мы будем вместе. Я буду смотреть на людей, ты на природу. Я буду слушать стон, ты — гимн. Это будет, клянусь, будет. Ведь много лет еще перед нами.

6 июля.

Тьма странных мыслей занимали меня весь день. Сначала думал я вот о чем. Любовь есть единственно возможный путь

к восстановлению человека, именно, как ты несколько раз выражалась: два человека, потерянные друг в друге, любовью составляют ангела, т. е. выражают во всей чистоте первого человека, возвращаются к тому единству, которое уничтожает борение. Двойство — всегда борение. Бог — един. Эгоизм тянет человека в пропасть — надобно его уничтожить, тут два средства. Знаешь ли, кто только не эгоист,— *тот*, который смиренно лежит во прахе пред иконой Спасителя с полной верой, и *Тот*, кто сладостный и грустный взор остановил на деве с чистой любовью. Тут погибает это гордое, всепожирающее *я*. Итак, христианство и любовь — вот два дара, оставленные богом падшему человеку.— За этой светлой мыслью, мыслью веры и любви, следовал ряд мрачных, холодных, но я расскажу и их.— «Что будет со мною,— думал я, и холод бежал по членам,— ежели через много лет я скажу: «Любовь — прелестная мечта юношества; но она не переходит, как и все мечты, в совершеннолетие» и утрачу любовь и веру? Тогда я изведаю все, что изведал падший ангел. Или еще хуже, тогда и совесть не будет угрызать — тогда я сделаюсь животным». О Наташа, как мрачна эта мысль, диавол вдунул ее середь имен Христа и твоего.

Но я взглянул на твою душу и утешился. Нет, исчезай, мысль ада; твоя душа так нераздельна с любовью, так любовь, что нельзя ее себе представить без любви ко мне. Тут мысль еще горчее явилась мне: «Зачем я свою душу мог представить так, зачем же я не могу подняться до того высокого гармонического бытия, до которого поднялась ты? Зачем я человек — когда ты ангел?» Твое присутствие мне необходимо, ты отогнала бы одним взглядом, дыханием эти нелепости, а я ими мучился весь день. Тебе, тебе назначено меня спасти и от моих страстей, и от моих черных дум; в твоей душе они и возникнуть не могут, она так чиста, так чиста, а моя — что была бы она, ежели б ее не просветлила любовь к тебе? — вечная битва высокого порыва и низкого влеченья, и кто победил бы? Верно, не высокое, потому господь, жалея меня, и послал тебя. Дай же прижать твою руку к устам, к груди!!

Я беру уроки в немецком языке у сосланного сюда доктора богословия Бетгера, чрезвычайно ученого человека; хочу писать по-немецки, как по-русски. Кстати, я спрашивал Егор Ив⟨ановича⟩, имеет ли он возможность доставить тебе тетради и книги тайно от них, тогда я пришлю свои статьи, немецкий лексикон и стихи Шиллера...

7 июля 1837.

Сейчас получил твои письма от 11 из Москвы и от 26 из Загорья. Я ждал их и не ошибся; минутное мрачное направление прошло по душе твоей, как тучи по небу,— и вот это небо

опять ясно, опять светит мне и вливает силы.— Да, надобно сознаться: в наших страданиях больше блаженства, нежели горести. Душа как-то обширно развертывается и гордо, с пренебрежением смотрит на усилия людей ее обидеть; бывают минуты — обида палит, жжет, но не оставляет черты, «как железо, пройдя по брильянту, царапит самого себя» («I Maestri»). Разлука, тюрьма, гонения — это всё не в самом деле несчастия или только несчастия в понятии людей, у которых счастье значит много денег, хороший обед. Мы можем стоять выше, должны! Даже бедность, самый ужасный бич из всех *наружных*, я не назову решительно несчастьем. Но вот несчастие — пятно на душе, угрызенье совести. Ты никогда не узнаешь, что такое. Видала ли ты ну хоть вора, которого уличают, его положенье, хотя он и вывернется; но посмотри на глаза, посмотри на лицо. А кто крадет целковый, похож ли тот на крадущего душу, на крадущего будущее спокойствие. *Это несчастие.* Пусть раскаянье сколько-нибудь утешает, да каково вынести... Другое я никогда не испытал и, бог милостив, кажется, не испытаю — это мало-помалу загрубеть, предаться толпе, забыть все высокое, жить долго в этом сне, потом проснуться и увидеть, что уж воротиться некогда, что практическая жизнь кругом бросила тенёты и что надобно дотащиться по этому болоту до могилы — это должно быть без меры ужасно. Из всего этого только то видно, как богато наделил господь душу человеческую; высшее блаженство и высшее несчастие не вне его, а в нем и, следственно, от него зависит, умей только понять это и твердо действовать, понявши. А тут-то и беда. Ты, молитвой воспитанная, далекая от людей, одаренная небесной кротостью и добротою, перешедшая прямо из детства в объятие любви пламенной и чистой, как утренняя звезда, и ведущей тебя, как утренняя звезда,— тебе легко идти тем путем. А кому, как мне, она, звезда, явилась после ночи, проведенной в бурной оргии, явилась и спряталась за тучу,— тому нужна вода священного Гангеса, чтоб омыть пятна, прежде нежели ступить на священную землю индусов.

Надежда на возвращенье сильнее и сильнее; кажется, не Северное сияние, а Заря. Но где же Геспер, твоя любимая звезда,— ее еще нет; где же эта Венера золотая? Знаешь ли, что древние греки называли твою любимую звезду утром Геспером — Надеждой, а вечером Венерой — Любовью; вот народ, который был поэт и художник, как никогда не было народа больше музыкальной Италии. Ежели буду в Москве, то непременно буду в твои именины в Загорье; а в самом деле, по строжайшей математической теории вероятностей, я не долго останусь в Вятке.— Прощай, милая, прелестная подруга. Прощай, целую тебя, твои уста, твои руки. Прощай.

Я пишу теперь письма из Вятки — это карикатура, следственно, не по твоей части.— Давно собирался я сделать важную поправку: ты всегда меня воображаешь с сигарой, а я уже больше года не курю сигар, а курю турецкий табак. Прошу поправить и вместо маленькой сигары вообразить длинный, черешневый чубук. Прощай же!

На обороте: Наташе.

112. Н. А. ЗАХАРЬИНОЙ

10—14 июля 1837 г. Вятка.

10 июля 1837.

Вот что еще мне в голову пришло, ангел мой: ежели тебя будут мучить слишком женихом и ежели он сколько-нибудь благородный человек, что предположить в военном и богатом можно, пиши к нему письмо — разумеется, в крайности... скажи ему прямо, что ты любима, что ты любишь, проси его не мучить тебя, проси молчать. Ежели я буду в Москве — тогда заботиться не о чем,— это мое дело. Я сам явлюсь к нему и той силой, которая есть у меня в характере, заставлю его отказаться.— Ежели и новые надежды так же обманут — то это будет чудо,— самым холодным образом рассматривая, все вероятности в мою пользу. Внимание наследника, его свиты, Жуковского — с одной стороны, желание графа Бенкендорфа помочь, старания здешнего жандармского штаб-офицера и *три года*,— вот на чем опираюсь я. Но не думай, чтоб я теперь, как прежде, безотчетно отдавался мечте о скором возвращении; нет, я отталкиваю эту мысль, чтоб не пришлось опять со слезою вырвать ее из сердца. Я имею вести из Петербурга от 25 июня — ежели они вполне справедливы, то каждый почтовый день я могу ждать высочайшего повеления и жду с трепетом. При одной мысли — может, на днях я буду собираться в путь — сердце бьется, руки дрожат, и пот выступает на лице. Все это возвращение, вся дальнейшая жизнь мне ничего не представляет, как черты моего ангела. Нет, прочь от меня всё: одна любовь, одна любовь.— О Наташа, мы будем счастливы, больше нежели счастливы. Все эти временные гадости исчезнут, и один луч света проникнет нашу душу, нашу жизнь!..

14 июля.

Я прибавил в мою статью «Мысль и откровение» «Сон» и в нем, в идеал религии, перенес твои черты, даже твое имя; ты сделалась так нераздельна с каждой мечтой моей, с каждой мыслью — светлая, ангельская душа!— Ты вспоминала,

как я в саду сидел с Огаревым; я вспомнил, как еще в том доме, где жила княжна Анна Борисов⟨на⟩, ты меня много раз водила в сад, кормила смородиной; ты была тогда ребенок — прелестный ребенок; потом вспомнил тебя у нас в саду: ты стояла на маленькой террасе из моей комнаты, а я и Пименов внизу,— помнишь — тогда ты уж переставала быть ребенком, тогда недоставало только этой пламенной любви, чтоб посвятить тебя в Девы. Я не могу отделить воспоминания всех светлых праздников от тебя. Помнишь ли, я был еще гораздо моложе, на Святой, я приех⟨ал⟩ к вам, хотел было христосоваться с тобою, и какой-то стыд остановил меня — я вспыхнул в лице, подходя к тебе, и не смел поцеловать.

Страшно говорить, а, кажется, мое возвращение не подвержено никакому сомнению; опять тот святой трепет захватывает душу. Я увижу *ее*, ту сильную, пересоздавшую меня, ту высокую, о которой три года мечтал я; Наташа, я буду бледен при нашем свидании; я всегда бледнею, получая письма от тебя; а когда увижу, о господи. И буду жать ее руку и прижму ее к груди моей,— к груди, которая так сильно рвалась к тебе. Здесь радость освобождения будет отравлена, я спрячу душу свою как можно дальше и, уже переехав за границу Вятской губ⟨ернии⟩, сброшу с себя все земное и передамся чистому, святому восторгу, сделаюсь юношей, тем, которым был 9 апреля. Мед⟨ведева⟩ должна меня забыть; никогда луча надежды на будущее я не подавал ей, в этом я чист. И любовь ее — какая непомерная разница с нашей любовью, это любовь женщины,— женщины, которая была замужем за стариком, которая ненавидела мужа. Любовь материальная, в ней есть поэзия; но выше женщины, не токмо как ты, но как Полина, она не может подняться. Сверх того, знаешь ли ты, что одна капля сала портит целый сосуд воды, сальное пятно исключает всякую чистоту, всякую святость любви, а где тут была чистота? Ей хотелось иметь молодого чичисбея, и не меня завлекла, а сама завлеклась. Жаль мне ее; пять лет жизни, год разлуки с тобою, все отдам для ее спокойствия, ибо я виноват, я увлекся самолюбием, я, видевши сначала, что она может пасть, не поддержал, а столкнул ее. Я не могу видеть ее без угрызенья совести: каждая слеза ее дешевле стоит ей, нежели мне. Она именно черное начало моей жизни. Вот каковы необузданные поступки. Зато Полина — что это за милое, исполненное поэзии существо, как детская простота в ней соединена с огненной душою. У нас нет другого разговора, как о тебе; мне надобен человек, с которым я могу говорить о тебе,— и она понимает. Скоро выйдет она замуж, желай им счастья, и она, и Скворцов достойны его...

Когда я поеду, сделаю себе маленькую тетрадку и буду записывать все чувства, все думы при приближении к тебе; приехавши, пришлю ее, как последнее письмо из дали. Впрочем, Наташа, мы и в Москве будем переписываться; ведь нам нельзя же будет часто видеться, да и при свиданье нельзя много говорить; будем писать. Прощай, моя восточная звездочка, Геспер-Афродита. Прощай.

Твой Александр.

На обороте: Наташе.

113. Н. А. ЗАХАРЬИНОЙ

16—21 июля 1837 г. Вятка.

16 июля 1837.

Он взял чашу и сказал: «Это делайте в мое воспоминание!» Беспредельная любовь его к ученикам чувствовала, какую сладость для души имеет воспоминание минут душевного увлечения, самой грусти. Может, воспоминания утраченного блага горьки, я не испытал этого, мое благо — твоя любовь, так неотъемлемо моя, так *я*, что я не могу ее отделить, даже для примера, от своей жизни. А что же я мог потерять, кроме ее? Да, сладостны и священны минуты, подаренные покойнику-прошедшему; образы знакомые выходят из могилы и, как духи, лишенные своей вещественности, плавают, летают середи этой тверди. Вторая половина июля привела меня к этим мыслям; вот третий раз приближается 20 июля, и уж за несколько дней душа живет под влиянием памяти. Что *важного* было в этой прогулке по кладбищу? По-*ихнему*, ничего, да у них важно только представление к чину. А эта прогулка — светлая полоса в раме черной, в раме кладбища. Я не знал тогда, что за чувство меня связывало с тобою, но симпатия наша была беспредельна, мы друг на друга не могли насмотреться — как бы предчувствуя три черные года разлуки; я — лишенный тогда друга — обратился весь к тебе, я провожал карету, в которой ты уехала, взором любви братской, той же любви, как встретил тебя 9 апреля... Прости мне, что я рассказываю третий раз одно и то же; мне так хорошо при этих воспоминаниях. Вот эта ночь — в самом деле ужасная — когда меня взяли. Душа, утомленная горестью, очищенная прогулкой с тобою, требовала отдыха; я спал мертвым сном. Вдруг меня будят.— Белый султан, шпоры, холодные слова, я так оставлен, так одинок, а тут слезы старика, отвыкнувшего обнаруживать свои чувства, а тут слезы матери — почти лишенной чувств. Я состарелся в эту минуту! На другой день, усталый, избитый, измученный, я спал целый день в заклю-

чении и, когда проснулся, ты, ангел, первая явилась святой утешительницей,— я написал записку поздравительную княгине, для того чтоб хоть поклон послать тебе. Потом ты промелькнула мимо моих окон; о господи, как сильно билось у меня сердце, когда за каменной оградой, скованный стенами, я смотрел на тебя; о, я любил тебя уж страстно — все еще не давая себе отчета. А тут через несколько месяцев узнал я, как ты была в обмороке, когда услышала печальную весть,— тогда я понял всю силу твоей любви, тогда я понял, что я для тебя всё; слезы хотели брызнуть из глаз. О, в эту минуту как пламенно я прижал бы тебя к груди, как я поблагодарил бы за этот обморок.— Потом для тебя писал «Легенду»; видишь ли, как везде ты, как все воспоминания примыкают к тебе. А твои записки туда, в которых не было слова любви, но была любовь,— и злая судьба ни одной не дозволила сохранить. Я радовался твоему обмороку,— ты обручила им жизнь свою с моею. Но все еще так чисто, так бестелесно было мое чувство — но все еще не нашел любви больше братской, и не через несколько ли месяцев я мог отдать себе отчет в 9 апреле; надобно, чтоб между торжественной минутой нашей жизни протеснилось сколько-нибудь холодного времени, чтоб дать себе отчет, чтоб осмелиться его потребовать. Помнишь, Сазонов был 9 апреля у меня; когда ты уехала, он мне сказал: «Ta cousine, Alexandre, est belle comme un ange, et comme elle t'aime!»[1] — Я спрятал лицо в подушку — но не плакал, я больше был радостен, нежели грустен.— Сверх всех прав, за одно это замечание Саз⟨онов⟩ мне друг на всю жизнь. Часто, часто обращаю я взор на мою скверную комнату в Крутиц⟨ах⟩ — священна она для меня; как бы желал я быть там, я целовал бы пол, стены, жандарма. И то окно, в которое я смотрел, когда ты ехала по Пречистенке,— все это родное, близкое. О Наташа!

Вчера пришло мне в голову: ежели б государь дозволил мне жить где хочу, не въезжая в столицы, я бы приехал в Загорье. И, может, несколько месяцев были бы мы вместе. А после — после можно бы умереть, даже не видавши Италии. В сторону все прочие, прежние мечты под клеймом Самолюбия и Эгоизма. Ты мне нужна — больше ничего не нужно. Скажи, чем ты хочешь меня — и я тем сделаюсь; хочешь ли славы — я приобрету ее и брошу к ногам твоим; хочешь ли, чтоб весь род человеческий не знал, что я существую, чтоб мое существование все было для одной тебя? Возьми его, оно твое — и все будет мало, чтоб вознаградить блаженство, которое ты

---

[1] «Твоя кузина, Александр, красива, как ангел, и как она любит тебя!» (франц.).— *Ред.*

дала мне. Но тебе и не нужно вознаграждения. Ты любима! Да, ты можешь сказать, что ты любима! — Светлая минута теперь в душе моей; ах, лишь бы следом за ней не шла туча, лишь бы воспоминания святые не довели до воспоминаний проклятых. Прощай, Natalie, прощай, сестра!

Спустя полчаса.

Ангел мой! Долго сидел я теперь над этим листом, и душа была с тобою, слеза скатилась с глаз, и я сложил руки и, подняв к небу глаза, молился и благодарил бога за тебя; о, как много он мне дал. Не смею уж ни о чем более его просить. Что ты, ангел, теперь делаешь? Для меня была святая минута 16 июля в 11 часов.

21 июля.

Друг мой! Как грозно вспоминал я нынче ту ужасную ночь, когда меня взяли. С вечера началась гроза, а в два часа ужаснейший град с шумом, треском и свистом выбил у меня все стеклы. Как величественна разъяренная природа. Молнии беспрерывно раздирали мрак, гром грохотал, и град в грецкий орех бил как камень, пущенный сильной рукою. Опасно было стоять в комнате, стеклы и градинки сыпались. Такова была в 1834 году душа моя, и, признаюсь, я радовался нынче на эту бурю — какой, впрочем, я в жизнь мою не видывал. Весь город точно после штурма. А ты, ангел, как провела эту ночь? Думая обо мне, и я был с тобою.— Русское поверье об Ильине дне сбылось.

А сегодня опять светло и тихо. Природа, как мощный человек, сердится — но не извиняется ни перед кем; ей дела нет до человеческих отношений.— Нынче, три года тому назад, ты узнала страшную весть. А несчастие ли это постигло тогда меня? Не знаю.— Я вырос, я лучше понял себя и тебя, я узнал людей, я юношей удалился из дому и совершеннолетним возвращусь в него. Ты знаешь, ангел, сколько сладкого в наших страданиях.— В 1835 году ты писала мне сюда, что в этот день узнала ты, что такое несчастие,— с тех пор ты могла убедиться, что и в этом несчастии есть блаженство святое; тогда воспоминание было слишком близко.

Ежели провидению угодно будет отдать в скором времени меня тебе, ежели в самом деле к осени я поеду в Москву, то, как ты думаешь, не заехать ли мне в Загорье прежде Москвы? Для этого потребно, чтоб оно было не более 5 верст от тракта (иначе пап⟨енька⟩ рассердится и начну с неприятности), а кажется, по той же дороге; в какую заставу вы ездите, не в Рогожскую ли? Но я боюсь за тебя, и потому я прислал бы передового мужика с запиской, а после, покуда закладывать на станции будут коляску, явился бы верхом на крестьянской

лошади. Напиши, как думаешь? — А, может, это и скоро.— Но лучше не очень полагаться. Прощай.

Душа моя, прощай. Прощай.

Александр.

Полина скоро, вероятно, будет m-me Scwortzow. Слава богу, она будет оценена мужем.

На обороте: Наташе.

114. Н. А. ЗАХАРЬИНОЙ

25—28 июля 1837 г. Вятка.

25 июля 1837.

Прошлое письмо мое от 21 июля, друг мой Наташа, было все наполнено восторгом воспоминания. Нынче опять душа вяла, утомлена. Фу, как гадко, несносно цедится это время разлуки и заточенья в дальнем краю. Ждешь, ждешь... и придет луч надежды, играет, светится и исчезнет, а между тем легкомыслие души хватается за него с такою нежностью. Наташа, я должен быть скоро возвращен, потому что мне разлука с тобою делается нестерпимой, мучительной болью; потому что здешняя жизнь мне опротивела... Теперь опять не занимаюсь, гадко дотронуться до чего-нибудь, все это так мелко, школьно, неудовлетворительно... А любовь — она удовлетворяет всему, она наполняет всю душу, но для этого мне надобно видеть тебя, жать твою руку, пить свет твоих глаз, воздух твоего дыханья. Уеду за город сегодня на целый день. Там, под чистым небом, помечтаю о тебе, ангел! — Как бы ни сбылось твое пророчество, что все это одни комплименты, очень приятные для уха и очень бесполезные для дела.

Ты писала как-то месяца два тому назад, что это недостаток характера — иногда быть высокой, самоотверженной, иногда грустить, унывать. Но человеку не дано столько силы, чтоб всегда становиться бодро и смело против обстоятельств и всегда быть выше их. Это невозможно. Самая пламенная вера допускала иногда звук отчаянной печали и немой боли.— Это однообразие, проклятое, глупое, вседневное, иногда застает душу врасплох, и душа скорбит, понимая, какое блаженство для нее открыто на земле еще и как обстоятельства холодной рукой отталкивают его...

27 июля.

Я начал новую статейку, не знаю, выйдет ли толк, а основа недурна. Я уж говорил как-то, что нет статей, более исполненных жизни и которые бы было приятнее писать, как воспоми-

нания. Облекай эти воспоминания во что угодно, в повесть... или другую форму, всегда они для самого себя имеют особый запах, приятный для души. Половина лиц в лучших поэмах образовалась так; сверх того, лицо существующее имеет какую-то непреложную реальность, свой резкий характер по тому самому, что оно существует. Да и для чего же душа будет терять впечатления, коим она подверглась в жизни, ежели только эти впечатления достойны не быть потраченными? Повесть — лучшая форма, но это не мой род; доселе повести плохо выходят у меня; но рассказ, простой рассказ — это дело мое, я легко переношу свой пламенный язык на бумагу; итак, я намерен рассказать мое знакомство с Полиной; она утешала меня в горькие минуты, я с ней сблизился во имя Наташи — стало, она достойна иметь страницу моего пера. Да, сверх того, в ней есть поэзия, и в нашей дружбе есть поэзия, ее жизнь скоро примет другое направление, надобно статьею отвердить прежнюю. И так, как древние народы воображали за хрустальным голубым небом, которое они видели, другое небо, гораздо лучшее, огненное, чертог бога, так и у меня, за всеми воспоминаниями вдали виднеются черты божественные, черты ангела, твои черты. Их я боюсь ловить на бумагу, боюсь, как святотатства, как иудеи боялись произносить святое имя Иеговы... Да они же так нераздельны с моей душою, со всей моей жизнию, что я сам — лучшая, полная статья о тебе.

28 июля.

Продолжая о новой статье, я скажу, что все улыбнутся мысли описать такую незначительную встречу. Но, благодаря тому высокому направлению, которое дала твоя любовь моей душе, я всякое чувство ставлю гораздо выше мысли и ума. Всякую симпатию считаю достойной труда, памяти и внимания. Да, я в мысли своей образовал себе полную человеческую жизнь, состоящую из совокупности всех сильных и высоких влечений, и буду следить ее везде и, где найду — там остановлюсь и склоню голову.

Пришли письмы и посылки, но от тебя уж давно ничего, это грустно и больно; маменька пишет, что никаких оказий не бывает, что и мои письма лежат долго, покуда отошлются. Мое прошлое письмо 21 июля, вероятно, сильно потрясло тебя, — эти святые, высокие воспоминания! Пора, Наташа, пора нам соединиться; как тяжело жить половиной существованья. Посмотри, сколько ран надобно тебе залечить на этой больной душе, сколько пыли стереть, сколько отдыха дать.

Часто думаю, мечтаю и, как усталый долгим путем, склоню голову на руку, и какая-то ужасная пустота наполняет ее, и

я желал бы впасть в долгий, летаргический сон и проснуться — от твоего поцелуя, и прильнуть к твоим устам, и умереть потом. — Прощай... бьется сердце сильно-сильно. — Прощай.

Твой, твой Александр.

115. Н. А. ЗАХАРЬИНОЙ

4—11 августа 1837 г. Вятка.

4 августа 1837. Вятка.

Ангел мой, милая Наташа, вот уж целая неделя прошла с тех пор, как я к тебе писал. Прости меня! Что-то такое глупое, гадкое было в душе, что я не достоин был писать к тебе. Зато я послал «I Maestri» — получила ли ты? Пиши твое мнение, оно мне дороже всех. И все еще, ангел мой, ни слуху, ни духу об освобождении, а ты знаешь, что такое нам разлука. Хотя точно я сдержал слово и нынешний год с самого начала как-то провожу гораздо лучше, уединеннее, больше занимаюсь, но нет, право, все силы истощаются. Хочу видеть, хочу прижать тебя к груди — и ничто, ничто не развлекает, не веселит. А впрочем, я часто хохочу; хохот на подкладке вздоха хуже слез. Вечером печальная мысль как будто с лунным светом сольется на душу — тогда я целую твой медальон и засыпаю грустно, а тут проснешься — и с какой-то ненавистью смотришь на этот гадкий день, светлый для других, а для меня... Но не думай однако, чтоб я предавался черной грусти, нет, с полуслезою сажусь за свой стол, и понемногу разные впечатления облегчают душу; но странное дело — кажется, человек не может разом иметь двух мыслей в голове. А я что бы ни делал, чем бы ни занимался, мысль о тебе тут, никогда, никогда ни на секунду не покидает. Разве потому, что эта мысль — сама душа моя.

8 августа.

Письма от тебя, письма, вот уже больше месяца не было, и вдруг два. Нет, надежды наши не вздор, с всяким днем они становятся больше; они похожи на издали вырезывающиеся берега, к которым корабль не может пристать,— но они видны; первый попутный ветер, и он там, дома. Надобно больше всего ждать 30 августа, именины цесаревича; ибо все эти надежды от него, он писал прямо императору — и свита его была так внимательна, что предупредила нового губер⟨натора⟩, чтоб он был со мною как с человеком, обратившим на себя внимание в⟨еликого⟩ кн⟨язя⟩.— Впрочем, очень может быть, что меня переведут в Петерб⟨ург⟩,— этого не бойся, я тотчас приеду

в отпуск. И там, может, прежде Наташи я увижу море. О море, море — там пространно послать звук души по необозримой синеве; море — не так, как мертвая земля; оно тоже волнуется, тоже дышит; ежели так случится, не досадуй на продолжение разлуки; тем, где годы протекали без надежды, ничего не значит два, три месяца. Кажется, нельзя сомневаться; впрочем, все в воле государя, но уж есть и факт. Оболенский, сосланный в Пермь, по просьбе переведен в Калугу, т. е. из 1500 верст за 150 от Москвы. Будем ждать, ангел, будем ждать; право, стало опять легко на душе. Даже писать тяжело, хотел бы высказать все — нет, не словами — взглядом и... поцелуем, одним поцелуем. Наташа, я пресумасбродный мечтатель.— Я тебя обрадовал, друг мой, моей мыслью ехать в маленький городок Италии — но чему же ты удивилась? Ты так хорошо знаешь меня,— может, лучше, нежели я сам... Что слава — ежели она должна быть, то она сама совьет лавровый венок, сама наденет, о чем хлопотать; я хочу жизни, полной жизни, часть ее я испытал — это твоя любовь; о, сколько блаженства и святости она мне принесла и как подняла она меня. Но и ты заплатила мне прелестно, и в твоем письме есть одно место, которое я читал со слезою радости,— это твоя сильная уверенность в моей любви. Ты не можешь себе меня представить без этой любви к тебе. О, как ты поняла меня.— Но скажи, зачем ты всегда таким мраком покрываешь 9 месяцев тюрьмы,— уверяю тебя, что это вам со стороны так казалось: я мало страдал там, и все страдания искупились 9 апреля; там я узнал свою силу, там я был высок и недоступен всему земному. Есть другие 9 месяцев в моей жизни, которым бы я бросил в лицо анафему, от которых я страдаю доселе, это от мая 1835 до начала 1836 года, вот скверная эпоха жизни! А тюрьму напрасно назвала ты «беззвездной ночью».

9 августа.

Душа моя, я опять склоняю перед тобой колено. И ты не ангел, ведущий меня, и тобою я не должен руководствоваться? Я говорю о том месте твоего письма, где ты велишь мне быть вполне сыном.— Да, любовь не может охладить другое чувство любви... и, в самом деле, нам ли бояться; неужели целая жизнь страданий нас не выучила, не укрепила? — Ежели я когда паду утомленный — одно слово твое, и я опять больше человека.

Твой Александр.

Прощай...

Странно, очень странно воспитание провидения; за мою жизнь на мне почти не лежит никакой ответственности. Я ничего не делал по своему желанию, рука сильная вела, влекла

меня, иногда по острым камням, иногда степями. Отчего развилась во мне фантазия, отчего так близко и живо к душе принял я науки? — Причина ясная — мое затворническое воспитание; огненный характер требовал деятельности, жизни — не было ему ее во внешнем, и весь этот огонь перенес я в науку; она для меня сделалась также непреложно существующее, живое, как практическая жизнь.— Но по воле ли я избрал? Как только кончилась школа, отворилась тюрьма — тут перст провидения еще яснее повел меня. Знал ли я, для чего я содержусь, что со мною будет? Сила, не от меня зависящая, не мною направляемая, приказывала, толкала, распоряжалась, и в эту тюрьму явилась ты... Странно, ей-богу, странно! А там та же сила повела в Пермь — там сегодня я спокойно сидел у окна, смотря на Каму и воображая годы жить в печальном городе, а завтра ехал в Вятку; тут, замешанный в чернь, в толпу, встретился с Витбергом. Ну, наконец, теперь, настоящее положение мое страннее всего прошедшего. Взгляни на состав его. Ссылка и немилость, внимание наследника; с одной стороны, *может*, я проживу еще год здесь; *может*, меня переведут в ближнюю губ⟨ернию⟩. С другой — *может*, я через месяц прижму тебя к груди моей; *может*, я через месяц где-нибудь в министерстве. И заметь больше всего, что во всех этих *возможностях* воля моя нисколько не участвует; я именно как лодка, брошенная на море, даже не имею силы желать того или другого, а должен ждать, чем и как развяжет судьба эту повесть моей жизни. Итак, покоримся же этому персту, не всякого так круто ведет он, стало, не всякий этого достоин. Посмотри ты на других: они располагают своей жизнию, как собственностью; хотят идти, так и идут, иногда на пути встречают легенькие трудности и все-таки идут, и их ход — при всей воле их — не их ход, а ход массы, толпы; а мой бег — при всей непроизвольности — самобытен. Наташа, такому человеку ты должна была принадлежать, в таком человеке будет сила сделать счастливою твою высокую душу, и для него ты будешь продолжение этого перста господня; да, бог облек волю свою в тело, и это тело так же прелестно, как душа, обитающая в нем,— это ты, Наташа!

11 августа.

От Emilie получил я записочку; она бранит, что редко пишу к тебе,— но это неправда. Кланяйся ей, скажи, что я все по-прежнему очень, очень люблю ее итальянскую душу,— может, скоро увижу ее; какие огромные права имеет она на мою дружбу. Я помню, когда взяли Огар⟨ева⟩, как она грустила обо мне, и, друг моей Наташи,— она должна

принадлежать к самому малому числу избранных нами. Прощай,— близкие надежды давят, нельзя спокойно дышать. Целую тебя, твои руки, прощай.

Александр.

116. Н. А. ЗАХАРЬИНОЙ

16—18 августа 1837 г. Вятка.

16 августа. Вятка. 1837.

Ангел мой Наташа, все берег ближе и ближе, уже птицы подлетают к кораблю, уж звук земли слышится, и все еще пристать нельзя,— а должно быть, скоро, но все сдается, что скоро в Петербург, а не в Москву. Веди, веди, невидимая рука, я так отвык располагать своею жизнью, что даже и не забочусь о том, где и как она будет развиваться — но тяжела разлука, ах, как тяжела! Свиданием с тобою окончится трехлетнее страдание, оно даст силы на новые испытания — без тебя я изнемогу. Лишь бы это провидение мне облегчило, более я не прошу, пусть неудачи, горести, болезни — всё на меня, лишь бы соединиться с тобою. Ты очень права: против папен⟨ьки⟩ мне действовать грешно, сколько стараний о моем возвращении, и мне заплатить неблагодарностью. Нет — это ниже меня, я слезами трону его, ведь у него есть много любви ко мне, я этой любовью трону его. Пусть дело божие останется чисто от всякого упрека, пусть оно останется делом божиим. Отчего же я не могу преодолеть страх внутри души, отчего середь восторга, гармонии, любви неумолимый голос, холодный, скрыпящий, делает черную полосу и пророчит несчастия там, где все говорит о блаженстве? — Вооружимся! Не даром достается счастие. Наташа, мы любим друг друга — довольно и этого. Отдадим же провидению то, что принадлежит ему.

Сюда приехал новый губернатор — все переменяется; этот человек образованный и нашего века, со мною хорош — это естественно. Из свиты наследника ему писали обо мне по воле великого князя — ну, скажи, можно ли было надеяться, что в этой Вятке я найду себе защитника, и где же — возле самого престола, и кому обязан я этим — великому человеку, Жуковскому. В этом письме, между прочим, написано следующее: «По всем вероятностям, настоящее положение Герцена изменится к лучшему в непродолжительное время»,— и это писано оттуда, где слово есть уже исполнение. Ну, вот тебе новость радостная! — Новый губер⟨натор⟩ ужасно много занимается, а поелику он меня приблизил к себе, то и мне достается работы вволю — но это хорошо, лишь бы время проходило.

А ежели я буду жить в Петерб⟨урге⟩, то можно будет устроить, чтоб ты переехала к Ал⟨ексею⟩ Ал⟨ександровичу⟩,— вспомни: тогда ветерок на тебя не дунет, я буду там!

17 августа.

И нынешний год желание быть с тобою 26 числа не совершилось. Прими же мое письменное поздравление. Вот тебе поцелуй, страстный, пламенный, поцелуй любви беспредельной — оботри слезу разлуки на этот день и будь весела сколько можешь. А сколько грусти во всем этом,— но я с утра буду с тобою, прислушайся душою, и ты услышишь созвучную душу, твою душу. Прощай до завтра.

Странная вещь, душа человеческая похожа на маятник, сделанный из разных металлов, которые влекут его по разным направлениям в одно и то же время и таким образом взаимно уничтожают постороннее влияние. Один элемент моей души требует поэзии, гармонии, т. е. тебя, и больше ничего не требует, и голос его сладок, чист, и душа становится вдвое лучше, когда один этот голос раздается в ней, и ему хотел бы я отдать победу, пусть он бы царил. И я был бы тогда хорош, изящен, исполнен поэзии, был бы вполне тем Александром, которого любит Наташа. Но рядом с этим голосом — другой, от которого, сколько я сам себя ни уверяю, не могу отделаться и который силен; это голос, сходный с звуком труб и литавр; в нем одна поэзия славы, как в том одна поэзия любви,— он требует власти, силы, обширный круг действия. Беда, кто в ранней юности был так неосторожен, что пустил этот голос в свою душу, когда он приветно, похвалами товарищей, школьными успехами прокрадывался в нее. Беда, потому что он растет, мужает и трудно изгнать его... Вот проходят месяцы пустой ссылочной жизни, и он умолкает, и я воображаю, что победил его. Совсем нет, малейший успех, это проклятое чувство «я оценен» будит его, опять раздаются литавры, и пламенная фантазия чертит вдали воздушные замки. Ты недавно радовалась моему тихому расположению — но я не хочу ни в чем обманывать тебя... В Италию-то мы поедем и проживем там друг для друга и для природы год или два. А там?.. Неужели, как дым в воздухе, исчезнет моя жизнь? Ну, молчи же, голос самолюбия, ты не с неба сошел; от небесного голоса навертывается слеза, а от тебя же... от тебя душа трепещет и волнуется болезненно. Вполне ли ты понимаешь это чувство,— нет, только по опыту можно судить. Но не бойся, ежели этот голос не всегда созвучен тому голосу, то никогда он не победит его. Прощай.

Твой Александр.

18 августа.

Опять об этом голосе. Откуда он? Неужели это одно брожение буйной, неугомонной гордости? Нет ли чего-нибудь высшего,— не есть ли это сознание силы, не есть ли и это голос провидения, повелевающий быть деятельным звеном? — Горе зарывающему талант свой! Ведь есть же люди, которых не манит обширная деятельность, оттого что они не могут отпечатать свою физиогномию на обстоятельствах, оттого что и физиогномии у них своей нет. Эти люди действуют по привычке, холодно, лишь бы с рук сбыть, достигают иногда огромных успехов — так, как те, которые находят случайно клад. Душа художника чревата мыслью, он ее хочет произвесть в действительность и несчастен, ежели не может, а другой, у которого нет этой мысли, разумеется, покоен.— Есть люди высокие,— может, самые высочайшие из людей,—которые внутри своей души находят мир жизни и деятельности, в созерцании проводят жизнь, и эти-то созерцания развиваются теориями, пересоздающими понятия человечества, ежели же и не развиваются, то они довлеют человеку... К этим людям принадлежит Огар⟨ев⟩ — но не я. Во мне с ребячества поселилась огненная деятельность, деятельность вне себя. Отвлеченной мыслью я не достигну высоты, я это чувствую, но могу представить себе возможность большого круга деятельности, которому бы я мог сообщить огонь души. Какой это круг — все равно, лишь бы не ученый; мертвая буква и живое слово разделены целым морем. Разумеется, я под ученым занятием не понимаю литературу. Однако и в самой литературной деятельности нет той полноты, которая есть в практической деятельности... Довольно, пора кончить диссертацию, когда-нибудь поговорю больше об этом...

Еще, еще поздравляю тебя с 26 августом, день, которого ты ангел (а не твоего ангела). Зачем мечтал я провесть его с тобою, утраченная мечта — будто настоящая потеря!— Судьба, еще ли не довольно ты свирепствовала, пожалей не меня, меня не стоит щадить, пожалей этого ангела; чем заслужил он эти мучения, он чист, высок, как непадший человек; может, вся вина его только в том, что вместо того, чтоб отдать всю жизнь богу, он разделил ее между Им и Человеком. Но разве любовь не оттуда? Он приведет тебе и человека в рай, он не воротится один к престолу бога. Его пощади!

Да, Наташа, или мы оба явимся там, или человек увлечет ангела в удушливую жизнь свою. Нет, сильна твоя душа и самодержавна над моей душой. Прощай... еще прощай, боюсь сказать — до свиданья...

Я перечитал все письмо. Господи, какая беспокойная душа у меня, какие страсти раздирают ее. Но, Наташа, больше ли

любила бы ты своего Александра, ежели б душа его была ясна, и светла, и чиста, как небо в зимний день? Где огонь солнца, там и туча грома. И мог ли бы твой Александр больше любить тебя, ежели б в его душе не бушевали толпы страстей, раздирая ее, увлекая? Нет, не мог бы...— Ну, поцелуй же меня, посмотри на меня, друг, сестра, моя поэзия, моя святая!!

Александр.

На обороте: Наташе.

117. Н. А. ЗАХАРЬИНОЙ

22—25 августа 1837 г. Вятка.

22 августа 1837.

Наташа! Вот ужасное время поста и искушения; я никогда столько не страдал от угрожающих бедствий, сколько теперь от надежд,— видеть возможность, видеть близость исполнения такого пламенного желания — и все-таки не видать самого исполнения. Надежды — вещь ужасная, они своею теплотою разогревают, мягчат то твердое направление сердца, которым мы обрекаем себя на неотвратимое страдание, таким образом отнимают силу, и, когда они, не получая беспрестанно пищи, бледнеют, открывается слабость, и горечь положения является в колоссальном виде, как все, представляющееся глазам горячешного. В самом деле, ну тебе бы сказали, что я завтра буду, а я приехал бы через неделю — сколько перестрадала бы ты, как ужасны были бы эти *шесть дней*. А ежели бы сказали, что увидимся через год,— было бы тяжело, но бог послал бы силу, и ты спокойно ждала бы, а я бы приехал *через 8 месяцев?* Какая радость, забыты страдания и как будто еще новое благополучие. Итак, надежды меня терзают, я ими болен, я ими страдаю. Эта возможность видеть тебя образовалась в какую-то безгранную, безмерную потребность, и я опять скучаю и бешусь больше, нежели когда-нибудь. Наташа, Наташа! Ах, зачем грозная судьба лишила тебя всех этих восторгов, всех поцелуев, всех этих взглядов. О ангел мой! На днях я читал у Жан-Поля «Искусство быть веселым в несчастии». Вот смех! Жан-Поль — великий поэт, но это так холодно, его обдуманное средство обмана, так холодно. А впрочем, его надобно читать людям, которые очень счастливы; те поверят, что можно так «утешаться». А я не верю.— Вижу я сегодня во сне, что в Москве, что собираюсь идти к тебе, наконец, вижу и тебя, но что-то смутно — и все-таки какая-то гармония разлилась по душе, я проснулся со вздохом, но вздох этот был сладок! О боже — зачем прошел тот век, в который телесными трудами иногда заставляли искупать свою волю. Пусть

меня бы освободили с тем, чтоб идти пешком, сейчас бы пошел, босой, питаясь подаянием. О, с каким восторгом я прижал бы тогда тебя к груди моей. «Взгляни,— сказал бы я,— как солнце обожгло лицо мое, взгляни на кровь на моих ногах, взгляни на мое утомленье — все это для тебя, Наташа». И не по праву ли после этого я склонил бы голову на твою грудь, и ты бы поцеловала меня, и, может, с этим поцелуем я умер бы— и довольно житья. Зачем это нынче невозможно? Чем я *заслужу* тебя — страданиями; — но разве я *за тебя* страдаю. Ты мне — дар бога — достойнее дара он не мог при всем всемогуществе мне дать.— Ты теперь уж, верно, прочла «I Maestri» — ну видела ли ты себя там? Я тебе говорил уж: во всех статьях невольно вдали, *в святой святых* — виднеются *твои черты*.

25 августа.

Ты опять на меня будешь сердиться за белую половинку этого письма, а писать некогда — ну, вперед помиримся же. Прощай, ангел мой, прощай. А завтра 26-е.— Верь, недолго еще продолжится первый том твоих страданий. А второй — он еще не начинался... Фу... Но моя ты будешь... да ты и теперь моя.

Я опять испортился, ничего не делаю (т. е. ничего путного), таскаюсь по улицам и по домам, убиваю время на скорую руку, эти надежды на свидание с тобою развинтили меня совсем.

Прощай же, надобно идти в канцелярию.— Давно нет звуков «песни ангела».

Твой Александр.

Когда будешь писать к Emilie — братский поклон.

На обороте: Наташе.

118. Н. А. ЗАХАРЬИНОЙ

26—29 августа 1837 г. Вятка.

1837. Августа 26.

Друг мой, из той же дали простираю я тебе мою руку сегодняшний день, как и в прошлом, как и два года, как и три года. Поздравляю тебя,— хочется быть нынче веселым — а грустно. Терпели много, потерпим еще, надежда все еще светит, как утренняя звезда. Вчера пришло освобождение двум сосланным семействам из Польши. Радость, восторг — только потому, что едут на родину, а я... я, оторванный от тебя, я, назначенный утереть слезу на глазах ангела, как же я должен буду радоваться. Я брошусь на колени и принесу благодарность

богу за то, что он сжалился надо мною, покончив эту трудную эпоху жизни. Каждый день теперь надобно ждать до 15 сентября. После надежды побледнеют.— Сегодня весь день посвящен тебе — а будто все прочие моей жизни не тебе посвящены? Будь же и ты весела присутствием моей души...

Вечер.

Ну вот и этот день прошел! О Наташа, о мой ангел, как тяжело это бремя, которое судьба бросила на мои плеча. Я грустил весь день. Многие поздравляли avec le jour de nom de la *chère cousine*[1] — это меня радовало, но грусть проглядывала скрозь каждую улыбку. Бал сегодня, меня звали, я не мог решиться ехать и просидел весь вечер дома.— Слов нет, выражений нет моей любви, она растет, она захватывает все бытие мое, все, все проникнуто ею. Дружба — чувство высокое, но как она далека от любви, насколько не может она заместить любви, а любовь наполняет всё. Два друга, как бы ни была велика их дружба, все два друга — а двое любящих — одно существо, выше человека. Оттого-то так тягостно быть в разлуке. О провидение, услышь же мою молитву, отдай мне ее, долго я терпел — но силы слабеют, не могу более... Наташа, ей-богу, кажется, я не перенесу еще год разлуки.

Я перечитал твое письмо от 26 августа 1836. И тогда ждала ты меня, и тогда были надежды... ах, как ярко в этом письме видна твоя беспредельная любовь и твоя высокая душа. Прочитав его, никто не удивится, отчего я всю власть над моей душою отдал тебе.— Прощай, ты уже давно спишь. Ангелы, навейте же ей мой образ, и я, усталый, почти нездоровый от надежд и медленности их, лягу. Прощай, целую тебя в глаза, в уста, в твои милые уста, еще... еще...

29 августа.

Твои письма от 30 июля и 20 августа. —Отвечать теперь не стану, не могу, дай прийти в себя. Я мучился и страдал все эти дни, не знал, куда деться; эта надежда, похожая на каплю ртути, которую чувствуешь под пальцем, а взять нельзя, истомила меня. Твои письма всё исправили, я легко вздохнул, я светло взглянул... Да укажи, Наташа, хоть одно пятнышко на твоей душе, бога ради, укажи, тогда я поверю, что ты человек. Высота твоя подавляет меня. И притом что-то детское, ребячье.— Говорят, что у Рафаиловых мадонн только черты женщины, а что ясно видно божественную, неземную. Так и в тебе только форма человека, а сущность ангела!

---

[1] с днем ангела *дорогой кузины* (франц.).— *Ред.*

Ну что сказать о надеждах — ежели б я подал просьбу, то был бы уж в Москве, вот все, что могу сказать. Горько мое положение... но прочь слабость, какой я предавался эти дни. Будем покойно ждать. И границу я тебе назначу, после которой надежды увянут, привыкни к этой мысли; эта граница — 15 сентября, она близка, тогда придет почта от 30 августа. Проси же у бога, к которому ты так близка, сил. И где же бы было вечное, святое начало любви — ежели б пространство могло ее привесть в отчаяние? Вспомни, что, ежели я буду знать, что ты покойна, я многое перенесу. А твоя грусть сломает меня. И почем знать, какая цель у провидения, продолжая нашу разлуку; не оттого ли мы только негодуем, что поэзия свидания поглотила душу нашу. Наташа! Страданий наших две части: одна — это моя ссылка, другая — будет в Москве до нашего соединения. Не забывай, что чем долее первая часть, тем короче вторая. Первую мы знаем, знаем глубокую, острую боль разлуки, знаем эту жгучую жажду свиданья, взгляда, поцелуя — знаем и переносим, ты сама писала,— в ней есть поэзия, высокое страданий, эта часть опирается на святое 9 апреля. Другая обопрется на тот неизвестный, святой день свидания и поведет рядом немых, глупых обид и оскорблений, лишенных высокого и запечатленных штемпелем людей мелких — тягостная будет эпоха. Я знаю, что все это вздор перед любовью, что мы победим, хотя бы победа и была уже на том свете ⟨...⟩[1] вопрос (которого решение известно одному богу): ко⟨то⟩рую часть легче выносить. Я не знаю — Он знает; оставим же ропот, будем его детьми... В самом деле, ты права: можно ли было надеяться, что судьба Полины так быстро переменится, и после этого нам сметь сомневаться. Ах, сколько людей пошли бы на каторгу за один взгляд истинной любви, за одну мысль, что где-нибудь бьется сердце за них, и холодный мир отказывает им, может, потому, что они ищут на ложной дороге. А нам отчаиваться — неблагодарность! — Это не тебя, ангел, а себя я уговариваю...

На обороте: Наташе.

119. Н. А. ЗАХАРЬИНОЙ

30 августа — 1 сентября 1837 г. Вятка.

С каждым днем я дичаю больше и больше, люди делаются мне так посторонны, так чужды, что я бегаю оттуда, где их много. Нет, Наташа, не скоро можно сделаться братом, другом;

[1] Автограф поврежден.— *Ред.*

больше или меньше сочувствия соединяет того, другого по разным началам, из разных оснований. Вот *этот* любит меня за то, что я остер, за то, что ядовитая ирония вырывается из больной души; вон *тот* любит за пламенный слог моих статей, и я их люблю за *что-нибудь* — может, за то, что один хорошо хвалит меня, а другой хорошо повязывает галстух. Хотел бы оторвать клок горячего сердца и дать им и заставить подняться к той сильной, высокой, *полной* жизни, и *как будто* они подымаются. Да нет, курица не товарищ орлу, скорей ласточка, скорей горлица ему товарищ. Люди много потеряли в моем мнении с 1834 года; я сам en qualité d'homme[1] много потерял в своих глазах. Но все верования, все чувства к ним сосредоточились около двух идеалов святости божественной: около *тебя* и *Ог⟨арева⟩*. Вами я люблю людей, вами люблю себя.— Хоть бы уж по крайней мере были *они* мерзавцы, а то в том-то и беда: *ни то ни се*, ни в хорошем нельзя на них опереться, ни в дурном. Иоанн в Апокалипс⟨исе⟩ говорит: «О, будь горяч или холоден!» Да, уж эти парные люди! люди чуть тепленько! Это жалкое зрелище, но еще утешиться можно. Есть хуже зрелища, и там утешиться мудрено. Представь себе сильного (физически) человека, которому дали яду, мало — чтоб умереть, много — чтоб быть здоровым,— и вот этот яд мало-помалу начинает его буравить, мучить, томить, и он долго перемогается, но, наконец, обессиленный, отдается вполне разлагающей его боли, и крепкое тело его слабнет, и жизнь тухнет. Вот ужасное положение, в котором теперь находится Витберг. Ежели бы ты его видела, когда он приехал и теперь, ты бы его не узнала. Волосы поседели, лицо в морщинах, глаза потухли. Даже, о ужас, даже я замечаю огромную разницу в самых умственных способностях; какая-то лень души овладела им, редко говорит он о искусстве, о котором прежде говорил всегда; иногда будто вспыхнет его гений, взглянет из заплаканных глаз и опять потухнет. Сердце разрывается при этом зрелище; гнетущая бедность начинает дотрогиваться до его груди — холодной рукою. Жена, семейство... Фу... А в будущем что: жена, еще большее семейство и холодная рука гнетущей бедности. Не надгробная ли речь его таланту моя статья «I Maestri»? Я не имею больше сил утешать его; мы дальше, нежели были прежде, одна симпатия страдания и таланта соединяет нас, в силу остальных идей нас делит огромное расстояние XIX века с XVIII.— И зачем он женился?— как будто можно художнику любить во *второй* раз. И зачем женился на *обыкновенной* женщине, которая не в состоянии быть для него ангелом, Наташей?— А когда я уеду... Велика была твоя жизнь, Витберг; ты знал восторг

[1] как человек (франц.).— *Ред.*

искусства и восторг славы, ты знал страдания художника и страдания отца семейства. Твою жизнь я передам пером симпатии потомству. Но она окончилась, мир поднес этот яд, невинные уста обмакнул ты в него — осталось умереть. Яд равно действует в груди преступника и в груди Сократа.— Еще его ожидает одна ужасная минута — когда он поймет то, что понял я. Или господь совершит чудо для строителя храма Его!

Ты пишешь о грусти, когда мне надобно будет покидать здешних друзей,— будет грустно, но я не хочу их обманывать, восторг займет все сердце, и одно пятно на этом полном восторге будет, может быть, взор М⟨едведевой⟩ — его я желал бы миновать. Люблю я Полину, люблю Скворцова — но разве я им нужен, разве они не составляют свое целое? Эрп — с тем я не так близок душою — но люблю и его, он сам прежде меня, может, уедет; его перевели в Петербург, да и хоть бы остался, что он мне? Витберг — звезда заходящая и звезда восходящая вместе идти не могут. Вся совокупность их ничего перед тобою. Нам один путь через всю жизнь, а потом через вечность. Слезу им и искреннейшую дружбу, особенно Полине; она как-то росла на моих руках, моим стараньем, и она ужасно меня любит. Через два месяца она, вероятно, уже m-me Sckwortzow.

Сегодня 30 августа! Сегодня должна *там* решиться судьба наша. *Еще год* — в этом слове 365 ударов ножом, в этом слове 365 угроз. Страшно, ужасно, но надо быть готовым и на это. А ежели... боюсь и говорить. Не знаю, что тогда; тогда можно умереть от восторга. Ты не поняла, душа моя, почему я спрашивал, заезжать ли в Загорье; я не тебя спрашивал, *а их*, т. е. не взбесит ли это к⟨нягиню⟩ с компанией. И не знаю, сделаю ли я это; застава не та, а большой объезд невозможен. Лишь бы меня освободили; да когда вы воротитесь в Москву? к 1 октября непременно. Впрочем, ваши приказания, м⟨илостивая⟩ г⟨осударыня⟩, все исполню и не забуду ничего. Наконец, мало-помалу все сосланные вместе со мною получили полупрощение и льготы. Один я остался! Помимо меня одного прошли все милости и льготы. Вчера я узнал, что Ог⟨ареву⟩ разрешен выезд из Пензенской губ⟨ернии⟩ и он недавно был в Рязани. Оболенский уж с месяц проскакал по Вятской губ⟨ернии⟩ — посылая со станций мне поклоны. Даже сидевшие в казематах в Шлиссельбурге освобождены. Сат⟨ин⟩ на Кавказе. Этого понять нельзя: или мне готовится не полумилость, а целая — будем, будем ждать.

1-го сентября.

Опять белую страницу пошлю тебе, ангел мой; лишь только было я принялся писать, за мной прислали *на службу*. Дела много мне, но это хорошо; время идет скорее. Прощай, милая

сестра, прощай. Полина со слезой слушала, что ты пишешь об ней и к ней. Ты для нее и для Скворцова — какое-то телесное выражение бога и всего святого и изящного на земле. Что же ты должна быть для меня, когда люди, не видавшие тебя, по одним письмам составили такой идеал? Что? — Для меня ты вся совокупность всего высокого, поэтического, нет, больше — сама любовь... О Наташа, где нашел бы я такую подругу, ежели бы бог не указал мне ее возле. Так-то всегда поступает человек: ищет вдали то, что возле его. Благословим же еще раз Крутицкие казармы, 9 апреля; оно не произвело нашей любви, она была прежде; но оно связало навеки наши души. Прощай.— Целую тебя много, много.

Твой Александр.

120. Н. А. ЗАХАРЬИНОЙ

6—10 сентября 1837 г. Вятка.

6 сентября 1837.

Наташа, ангел, вот я опять черен, как ночь, вот опять темная мгла обняла душу. О Наташа моя, душа больна, где ты, ты, мой ангел? Сейчас писал я к Огар⟨еву⟩ — и это не помогло. Близок, очень близок предел надежды — фу, как холодна будет эта зима в Вятке. Знаешь ли что, всматриваясь в эти надежды, которые являются потерзать меня, мне приходит в голову: уж не наказание ли это божие за М⟨едведеву⟩,— в таком случае можно ли роптать? Не могу стереть из памяти этот гадкий поступок, и тем хуже, что, кроме раскаянья, не сделано ни одного шага к ее спасению. И ты ставишь меня рядом с собою. Светлая, ангельская душа! Ты не можешь даже постигнуть этого; правда, вперед не повторится ничего подобного; но как могло быть что-нибудь подобное после 9 апреля? Подумай, как низко упал этот Александр, твоя молитва, твой идеал; можно бы было расхохотаться, ежели б был такой смех в душе человека. Но ты терпеть не можешь, когда я об этом говорю... Мимо...

Это письмо едет с Прасков⟨ьей⟩ Андреев⟨ной⟩ Эрн; я просил ее видеться с тобою; будь с нею откровенна, она самая добрая старушка, которую я когда-либо видел. С каким восторгом ты будешь ее расспрашивать обо всем, что касается до меня, и сколько подробностей может она рассказать тебе,— знаешь ли, тех мелочей, которые важны именно своей ничтожностью и которые так ясно вдруг тебе представят мое житье-бытье. И Петр едет с нею; велю и ему явиться к тебе «с почтением» от меня; в самом деле, это уж не перед моим ли приездом, не приготовление ли это! Дай-то бог.

10 сентября.

Как священно, чисто вырезывается на этом мрачном небе твой образ, да, я — одна рама, золотая, но тяжелая, металлическая, твоему образу, ангел, ангел... Нет, дольше эта разлука не продолжится, она перейдет через силу, а захочет ли бог слезы твоей, захочет ли терзать то создание, которое наибольше выразило его? А скоро пройдет срок, который я назначил; лишь бы тогда приехать, как вы воротитесь из Загорья,— в прошлом году приехали вы 27 сентября, ну, так уж бы к 1-му октябрю. Но поблекли надежды, как ветви ивы склонились и смотрят в безотрадный ручей, который льется, льется, но не несет отрады.— Я перечитал твое последнее письмо — как ты отдалась надеждам, как я истерзал тебя ими. Ну погоди же, то объятие, тот поцелуй, тот взор... тогда они всё вознаградят; о, тогда я буду хорош, тогда я буду высок, я вдохну в себя твой образ, твою душу и глазами передам восторг свой всей земле и небу, да нет — тогда не будет ни земли, ни неба, будем мы и бог. О, как дорого дал бы я иметь твой портрет (только очень, очень похожий); у меня будет порт⟨рет⟩ Огарева и его жены, а твой — да впрочем, не нужно; ничто материальное не должно служить опорой любви. Твой образ — вот это голубое небо, вот эти звуки симфонии. Я задыхаюсь! Наташа, Наташа! Ну, вы, все люди, скажите, кто из вас любил бы ее более? Может, есть из вас чище, лучше меня, но и самое пятно мое прибавляет к любви; я чувствую, сколько ты выше меня, и, как монахи средних времен, готов всяким истязанием *заслужить* перед моей святой. Довольно!

Позд⟨н⟩о.

Прощай! Твое свиданье будет радостно с Прасковьей Андреевной; заставь ее болтать как можно более, отдохни в бесконечных расспросах об твоем Александре, говори больше, больше... и потом сон слетит на твои вежды, и ты увидишь меня так живо. *А может*, и не в одном сне. Знаешь ли, как перед концом зимы, когда уж снег чернеет, но еще природа не решилась на весну, бывают дни холодные, резкий ветер режет, но вдруг середь него повеет ветерок теплый, вешний, дохнет травою, дохнет солнечным лучом, и скажет: «Ведь весна-то скоро!» Так и у нас с тобою мысль надежды пробивается скрозь мрачные тучи и осветит душу. Весна, весна, приходи же в наши души. Прочти у Шиллера «Das Mädchen aus der Fremde», это опять ты, Наташа, моя Сестра. Еще отчаиваться нельзя; есть еще обстоятельства, говорящие в пользу скорого свиданья. Целую тебя... нет, это только можно выразить самим поцелуем.

Твой А л е к с а н д р.

Emilie поклон et amitié. Она, говорят, переписывала мою статью «I Maestri» для Огарева. И за это поклон et amitié. Еще раз прощай.

Александр.

На обороте: Наташе.

121. Н. Х. КЕТЧЕРУ

10 сентября 1837 г. Вятка.

Скажите, бога ради, что вас всех заставляет хранить со мною такое совершенное молчание? Я говорил, повторял, что можно писать, и едва ли в целый год приходит строка — а если б вы знали, как дорога такая строка, она вызывает тени былого из грустной души, облекает их в вещественность, и бедное, страдательное положение забыто. Мне было бы очень тяжело, ежели б не та *песнь ангела*, о которой ты читал в «I Maestri». A propos, нравится ли тебе эта статейка? Может, кой-что не понравилось Amicus Platonis, sed magis amicus veritatis... тут, брат, всё истина; итак, прошу привязываться не ко мне, а к самой истине; не я виноват, такова она или нет. Есть еще кой-что писаного у меня; может, пришлю — а может, нет,— сам привезти не надеюсь скоро, все эти надежды похожи на китайские тени; вот светлое пятно, увеличивается, черты лица образуются, ближе, ближе, ты хочешь обнять — а все еще темнее, и нет больше даже и светлого пятна. Много, очень много я испытал в это время, многое изменилось во мне. Юность отлетела от гнета обстоятельств; но это только по наружности, большая часть ее осела алмазом в душе; на этом алмазе обращается вся фантазия. Но в наружности заменила ее положительность. Что я вынес в продолжение последних 9 месяцев губернаторства Тюфяева— этого, брат, и сказать нельзя; но я молчал, не жаловался, не испрашивал участия, я и это принял за испытание, за главу воспитания провидением. Представь себе этого «Калибана-гиену», который, наконец, инстинктом понял, что я его ненавижу, и который всей гнусностью своей хотел задушить меня, и что же? Тут, в этом гадком положении явился оплот, там, где я его не ждал, явилась защита, совсем нежданная — жандармский штаб-офицер всей властью своей остановил того, и удар прошел мимо, ограничась одними обидами и унижениями. И середь этих обстоятельств явился наследник и его свита — победа осталась на моей стороне. Но чего стоило дойти до нее! Теперь мне очень хорошо, Корнилов — умный, просвещенный человек, я свободнее вздохнул с его приезда.— Сначала я здесь развратничал, потом сделался светским человеком, потом сделался

ничем, т. е. несколько месяцев спал и ел, потом стал заниматься — все надоело, все опротивело... и я, как пловец, который для облегчения ищет новой манеры толкать волны,— теперь принялся за службу, сделался ein Dienstmann[1], и это мне наскучит; но и этим я убью несколько месяцев, а там выдумаю что-нибудь новое. А все это вместе оставляет на душе разные слои, и хотя они перемешаны с грязью, но душа выплавляет из них сумму опытов, итог практических заметок и мечтаний, деловых бумаг и фантастических образов, и от этого делаешься многостороннее, *прилагаемее*—и польза очевидная. Вы, messieurs, не знаете России, живши в ее центре; я узнал многое об ней, живучи в Вятке. Большая часть ваших синтетических мыслей основаны на книгах; у меня их мало, но я их утвердил на самом совершающемся деле, на фактах юридических. Ты видишь, я сделался эмпириком. *Вадим* этим обидится; но делать нечего, я не могу из одного ограничения человека местом и временем выводить пандекты Иустиниана, так, как не могу из борьбы Олеговичей и Мономаховичей вывести учреждение магистратов. А между тем в душе есть потребность объяснить то и другое. Что Вадим, издаст, что ли, свои «Очерки»? Я для него собираю чертежи всевозможных трубок курительных черемис, вотяков, чуваш и приобрел покупкою два замка — один Логиновской волости, а другой Шурминикольской; из этих важных *национальностей* очень легко будет ему объяснить, почему в Вятской губ〈ернии〉 нет помещичьего права и почему здесь в августе месяце морозы; ежели пробуду здесь долго, то еще привезу ему образцы бород здешних мужиков для раскрытия соотношения между бородою вятчан и каменным углем, который здесь найден.— Il a du talent[2], все это найдет — но вряд найдет ли читателей! — *это дело реальное*, fi donc!

Ты виделся с Огаревым. Вот год жизни за то, чтоб его увидеть на один час; его люблю ужасно; Она[3] и Он — вот куда я перенес все святое, все теплое, все верования; ими я люблю людей, ими я люблю себя. Exegi monumentum! Этого ни само всемогущество бога не отнимет у меня, это моя слава, это моя рекомендация человечеству — *ее любовь* и *его дружба!* Но монополя тут нет, люблю и вас всех, люблю душевно, часто, часто поминаю я с одним здешним приятелем (который в полной мере заслуживает быть приятелем всех моих приятелей и заглавие которому А. Е. Скворцов), и он уже вас знает наобум. А наши вакханалии, которые начинались идеями, а окончивались рвотой; а Сатин — Байрон и в бордели, бледноликий и унылый, смотрит на луну из окошка, там, возле Старого Вознесенья, а Николай

[1] службистом (нем.). [2] У него есть талант (франц.).— *Ред.*
[3] т. е. ты понимаешь, о ком я говорю.

Платонов — почтеннейший вечно тих, вечно отстанет, а бывало, налижется прежде, нежели успеем обернуться; славное было время, ему эпиграф, прекрасный эпиграф: вольная комета, а над нею две звезды.

При сем вложено письмо к Огар<еву>. Прошу отправить немедленно. Entre autres[1], тут есть и просьба к нему, хочу у него занять денег для Витберга и попрошу его эти деньги доставить тебе, а тебядоставить их Егору Ивановичу, а далее уж я сам распоряжусь. Я доселе не знаю, дошло ли до Огарева письмо, писанное мною к нему за несколько месяцев; прошу написать.— Где Сазонов? Он у меня в памяти и в душе чаще прочих; или я дурак, или этот человек уйдет далеко (во времени), а я ушел далеко (в пространстве), теорию Вадима приладить ко всему можно.

Прощайте, Николай Христофорович, больше не буду писать, довольно с вас. Да, вот что: есть ли des hommes comme il faut[2] в редакции «Наблюдателя»? И советуешь ли туда что-нибудь послать? И берешься ли доставить? Да, пожалуйста, пиши, ведь это скучно,— и просто пиши по почте, ибо ежели кто прочтет твое письмо, то это наверное один душою любящий

А. Герцен.

Вятка. 1837. Сентября 10-го.

Что Н. А. Полевой? Морошкин — доктором прав — стòит. Надеждин стал умно писать с тех пор, как сослали: о *древней* географии в «Б<иблиотеке> для чт<ения>» — славная статья. Читал ли ты Устрялова историю? Пиши же о литературе; я, пожалуй, тебе напишу о ревизии казенной палаты.

122. Н. А. ЗАХАРЬИНОЙ

16—22 сентября 1837 г. Вятка.

16 сентяб<ря> 1837.

Да, ангел Наташа, всю горечь разлуки выпили мы, и выпили по капле, и нас обманывали за каждой каплей, говоря, что она последняя. Нет средства, к которому бы я не прибегал, чтоб убить время. Это грешно — тратить на вздор дар невозвратный и который отпущен богом на вес и на меру — но что же делать? Придут дни, в которые душа моя светла (обыкновенно два-три дни после твоих писем), я делаюсь и тверд, и хорош; но вот забралась одна грустная мысль, другая, на душе смеркается, и ночь осенняя, бесприютная, сырая царит себе. Но

[1] Между прочим (франц.); [2] порядочные люди (франц.).— *Ред.*

сила, которую мне дают твои письмы, этого я выразить не могу, я перерождаюсь, я готов тогда отдать тело свое на пытку и улыбаться. Дух господень говорит твоими устами; их он избрал для выражения своей воли, через них посылает изнемогающему, слабому рай и утешение. А бывают минуты тяжелые. Вот както на днях лег я спать — сна не было; я начал себе представлять (в десятимиллионный раз), как мы увидимся, и твой образ так живо, так небесно витал надо мною, я придавал свиданью все, что могла придать моя фантазия, и был счастлив мечтою; вдруг, из какого-то ада, явился вопрос: «Да когда же будет это свиданье?» О, как горько тогда почувствовал я бряцанье цепи изгнанника, с какой немою болью сплеснул я руками, с каким бешенством смотрел я на стену, на окно... Поверишь ли, я с какой-то ненавистью думал, что Пр⟨асковья⟩ А⟨ндреевна⟩ Эрн увидит тебя прежде меня. Да и в самом деле, за что же тебя видят и те, и другие, а тот, для которого твой взгляд, твое слово — все счастие и этой жизни и той,— как, да разве *тому* недостаточно твердого убеждения в ее любви, недостаточно письма? Нет, недостаточно! Ведь этот взгляд, который жаждет душа моя, разве взгляд *хорошеньких глазок*... смех... нет, этот взгляд — он откроет новый мир, новую музыку, новую поэзию, новую жизнь, воплощение мысли божией... О, я прижму руки к груди своей и вдохну этот взгляд долго, долго. Наташа, и я буду тогда свят, как потир, как дарохранительница. Ну, как же я могу без досады думать, что тебя видят другие. Это жиды, которые ругаются потиром, или язычники, для которых потир — чаша с вином, или, может, *знатоки*, которые будут дивиться *вкусу* и *искусству* наружной отделки. Пусть бы на тебя смотрели мы двое, я и природа, вся — морями, солнцем, пальмой, розой. На меня и на природу твой взор даром не падет.— Человек едва имеет кусок насущного хлеба, умирает с голоду, жаждет... и нет ему ничего, кроме сухой корки. А там, далеко, есть другой человек, ангел; он его любит, он жизнь свою дал бы, чтоб отереть слезу тому, и расточает дары свои всем, которые не нуждаются, а тому, которому хочет послать и взгляд, и поцелуй, и душу, который вянет без них,— тому *надежда*. И кто ж виноват? Моря, что ли, их делят или горы? Море обуздать можно, гора имеет тропинку. *Люди* их делят, а ведь люди — братья... Да и сыновья Эдипа, резавшие друг друга, были братья. Хотя бы они ставили препятствия, тогда было бы достоинство перешагнуть, а то они ставят капкан, как для волков; он держит да и только, что хочешь делай, а покуда не отопрут капкана, нельзя идти; кричи, плачь, молчи, смейся — все равно.— Вот истинно низкое положение!— Душно!

Помнишь, много раз говорил я о том итальянском поэте, которому Сикст V отрезал руки и язык? Фантазия его создавала

образы дивные, но нет средств, и он мучится, мучится и падает в изнеможении... ну, что же, лежит, лежит, опять придут силы, он и встанет...

Душно!

Ну, отбросим эту печальную тему; свети, свети на меня, моя подруга, моя красавица, свети ангельскими чертами; в груди твоего Александра есть сила превозмочь разлуку. Да и надежды на ее конец еще не иссякли. Прочти в Шиллере «Die Resignation» — его душа тоже была нежна, тоже страдала, но он знал самоотвержение; прочти еще «Thekla, eine Herzerstimmen». Текла похожа на тебя (тут только отрывок, а главное в «Wallenstein's Tod»). Наташа, Наташа... я опять счастлив; нет, ты не человек, ты божество, дай же мне исчезнуть в свете твоих лучей.

Сегодня ночью вспомнил я одно лицо, замешавшееся (слабо, но замешавшееся) в мою жизнь, и которого черты почти совсем стерлись. Помнишь, как я был *влюблен* в Л⟨юдмилу⟩ П⟨ассек⟩? Это юношеская выходка, это потребность любви, принимающая плоть в уродливом опыте. Огарев сказал мне тогда же: «Ты ее не любишь»,— я поверил ему. Впрочем, тут, собственно, дурного ничего нет. Худшее — это то, что она писала мне billets doux, и эти billets doux попались в Следственную комиссию. Но еще страннее, как мог я думать об этой белокуренькой девочке, знавши тебя. Этого я не понимаю... «Не настал еще час мой!» — Все делается по закону божию, до 9 апреля я был твоим братом и другом; тут ты преобразилась во всей глории:

Слава тебе, Дева чистая,
Слава тебе!

Я не обманывал ее, я обманывал себя, я был душою рад, увидевши ее в казармах — но простыла любовь (хороша же любовь). Что-то она поделывает? Она прежде любила кого-то с усами, потом меня без усов; есть надежда, что теперь любит 3-го. Приехавши в Пермь, я нашел в портфели ее записки — совесть упрекнула; не развертывая, я их сжег.

Ежели бы я мог так легко себе представить ист⟨орию⟩ с М⟨едведевой⟩, с меня снялось бы полтяжести настоящего. Мой отъезд потрясет ее ужасно, здоровье ее расстроено,— худшее, что мог диавол выдумать надо мною — это ее приезд в Вятку и моя неосторожность, или, лучше, тот чад, в котором я находился начальное время. Но и это не оправдание. Одно, что мне может служить оправданием,— это то, что тогда у меня не было еще ни одного близкого человека здесь, некуда было головы приклонить... О, если б Витб⟨ерг⟩, Полина и Скворц⟨ов⟩ тогда

были, этого бы не случилось. Сначала мне жаль было Мед⟨ведеву⟩ от всей души; молодая, хорошенькая, образованная женщина, умная и брошенная на носилки к хромому старику; в ней что-то было от «гиацинта, брошенного в воду и живущего слезой». Иначе приняла она мое внимание — и вот тут вся низость, вся гадость; из самолюбия я не отошел, минутами увлекался — но понял, что тут нет любви, и, знаешь ли, середь этого-то времени еще яснее, еще ярче воссияла ты и твоя любовь. Это ты можешь видеть по запискам того времени. Ах, зачем тогда слово «любовь» крылось под словом дружбы; уж этого одного слова было бы достаточно, чтоб спасти ее от падения, а меня от пятна на душе. Впрочем, разве она забыла тогда, что она жена и мать 3 детей? Когда умер старик, я опомнился; тогда поступал я, как честный человек, но уж было поздно; я давал ей руку друга — она не умела принять ее. Надобно было за нее стать грудью против подлеца-губернатора, и я стал, я, сосланный, и с Витб⟨ергом⟩ отстояли ее. Вот одна жертва! Много раз говорил я довольно ясно о тебе, показывал браслет, медальон — может, она и понимает, но молчит. Ах, Наташа, гадки эти пятны на твоем Александре, и сколько я мучился, покуда написал тебе в первый раз эту историю... Одно преступление тянет за собою целую толпу пороков...

18 сентября.

Я писал третьего дня тебе, как при свиданье я вдохну в себя твой взор; сегодня мне пришло на мысль, что есть камень, назыв⟨аемый⟩ *болонским;* ежели он долго впивает луч солнца, то после он сам светит в темноте. Я — этот грубый материальный камень твоего взгляда, я — земная опора его, но свет твой перельется в меня; один я могу его и принять и разделить с темнотою. А другие люди — это прочие камни; сколько хочешь свети на них солнце, они останутся темными. Солнце — это бог. А ты — ты луч, луч светлый, теплый, чистый проводник воли божией, его посланник, ангел.

20 сентяб⟨ря⟩.

Еще день и еще день... еще неделю ждать, а там... а там ничего. Как длинен бывает иной день; я смотрю на него, как на нелепого гостя, и тороплюсь вытолкнуть его из дома — но он сидит себе — я с ненавистью толкаю его в гроб, но он, умирающий, бросается со мною на постелю и не дает мне спать. А я сплю много — это совсем не в характере у меня, но сон — чудное лекарство от недугов тела и души.— И при всем том не странно ли, ангел, вот уж второй день в нашем благодатном климате валит снег; итак, еще миновала весна, лето и осень, и 37 год начал седеть. А давно ли, кажется, я, унесенный ва-

деждами, стоял на горе и смотрел вслед шлюпке, которая быстро уносила вел⟨икого⟩ князя... это было 20 мая; итак, ровно четыре месяца. А давно ли, кажется, я, подавленный ужасной бурею души, бросился на колена и просил благословение отца, идучи в *крестовый поход* ряда несчастий — а это было 20 июля 1834 года.— Идет неотразимое, холодное время, как волна реки, и дела ей нет, кто в нее падают.

22 сентября.

Я говорил в этом письме: «Ежели б тогда был Витберг, Скв⟨орцов⟩...»; это сознание верха слабости характерно. Для чего мне все они? Не потому ли взор мой всегда обращается с любовью к воспоминанию Крутиц, что я был один? Да, там я был хорош, там я был таков, каким ты меня видела 9 апреля.

Мало поэзии в вятской жизни моей — пыли много. На что же, в самом деле, искал я людей, приблизился к ним — разве мне было мало твоей любви — тебя? Ты мне заменяешь бога и природу, человечество и все изящное, святое в нем... Для чего же еще люди? Ежели бы мне опять начинать вятскую жизнь, я иначе бы поступил. Одинок — страдал бы я разлукой и ни одного мгновения не крал бы у вечной мысли о тебе и воротился бы менее опытный и более чистый и более похожий на того Александра 9-го апреля.

Прощай, ангел мой, еще есть слабая тень надежды: нет известий о 30 августе. Когда вы едете в Москву? — Тяжелая минута для тебя, когда ты опять издали увидишь Крутицы, а там Кремль — и мысль, что меня нет, отравит это свиданье с Москвою. А я люблю Москву, люблю ее за ее русский характер, люблю за воспоминания юности, люблю за тебя, Наташа. Господь благословит стены города, хранящие ангела. Слово «Москва» у меня нераздельно с мыслью о свиданье... а мне *надо* видеть тебя, ну так, как человеку в угарной комнате *надо* дохнуть чистым воздухом.

Прощай, целую тебя, дай руку, приложи ее к моей голове — она горяча. Прощай же, Natalie.

Твой А л е к с а н д р.

Ежели это письмо тебя застанет в Москве, то кланяйся дружески, душевно сестре Emilie.

Прощай же, еще жму руку.

Твой А л е к с а н д р.

На обороте: Наташе.

123. Н. А. ЗАХАРЬИНОЙ

28 сентября 1837 г. Вятка.

28 сентября 1837.

Наташа! Мой чистый, светлый ангел, вот твое письмо, в котором ты пишешь о «I Maestri». Никто не понимал так весь *быт* моей души, как ты, да и могло ли иначе быть? Не мыслью поняла ты, а любовью. Твое письмо прелестно — но оно меня застало мрачного; будущее что-то покрывается тучами громовыми, и мне приходила мысль наша давнишняя — умереть в минуту свиданья, ибо за нею будет ряд страданий — но что же страдания? В них свое упоение, Наташа; рука об руку — и в обетованную землю.

Ты меня обижаешь в письме, приготовляясь и на разлуку, и на лишения для моего поприща. Я люблю славу, как всякая огненная душа, но, Наташа, неужели я ее буду приобретать ценою любви нашей? Это нелепость! Главнейший элемент моей жизни с 1835 года, основа нравственности, алмаз, на котором колеблется моя жизнь,— это любовь к тебе, и я буду жертвовать ею, я накличу разлуку, зная этот медленный яд, я оставлю тебя в когтях полузверей? Нет, ежели слава придет— пусть придет сама, и ее венок уж будет не первый; лавр найдет уж мирт на голове. Есть минуты, когда я стремлюсь и к власти, и к силе, так, как бывают минуты, когда я охотно пью вино,— это влечение к сильным, потрясающим ощущениям и больше ничего. Все эти дни меня занимали совсем иные мечты. Цель жизни человека есть высшее развитие какой-либо стороны души — мы развили любовь и, следственно, все земное совершили. Больше желать было бы грешно. Я тебе говорю: одно свиданье — и довольно. Но свиданье необходимо. Что-то черное видится мне в будущем, какое-то пророчество гнетущее — но я готов все несчастия земные (других не будет) взять на плечи за блаженство быть любимым ангелом...

Эта статья тебе разом показала, как ты пересоздала меня. «Встреча с Дмит⟨риевым⟩» показывает, каким я вышел из рук воспитания, две остальные показывают, каким ты меня сделала. Расстояние неизмеримое. В первой встрече есть огонь — но огонь ума, огонь без теплоты, фосфор. Во второй и 3-й все проникнуто теплотою души, которая перелилась из небесного сосуда. Дай мне твою руку, посланница божия, дай прижать ее к груди, дай напечатлеть на ней поцелуй благодарности. Ты восхищаешься статьей; вспомни же, что то, чему ты восхищаешься,— это твое, это именно оторванные звуки той песни ангела! И мне жертвовать этими звуками,— звуками труб и литавр. Нет — ты все мое бытие; люди, возьмите все остальное и самую землю — все это лишнее.

Гадости, которые с тобой делают, ужасны, но твоя душа светлее моей; на меня часто налетают такие мрачные минуты (как я писал в прошлом письме), что я близок к отчаянию; я не умею сдерживать порывистость души; у тебя она растворена небом, у меня отравлена страстями. Наташа! Неси крест — за меня несешь ты его.

Не думай, ангел мой, чтоб надежды совсем иссякли; нет, еще алеет восток, еще не померкла звезда, предшествующая солнцу. Почты от 30 августа из Вознесенска через Петерб⟨ург⟩ нет, а должна скоро прийти—молись, молись, Наташа.—И Emilie писала ко мне; боже мой, как мы счастливы, как пламенно нас любят! Я был очень тронут ее письмом. Между прочим, есть там совет и, кажется, необходимый — «быть осторожным при свиданье»; признаюсь, это ужасно — но, Наташа, твоя душа сильна; ежели нужно будет, скрой от их глаз все, не давай им на поругание нашей святой любви. Наташа, Александр умоляет тебя об этом; я вижу, что то, что пишет Emilie, совершенно справедливо. Одним взглядом мы передадим друг другу всё.— Зачем она уехала и куда? Ежели б тогда она была в Москве, она все учредила б. Фу, господи, да когда я исторгну тебя из этого княжеского дома! Наташа — бог мне дал много силы в характере, и этой силой я много раз подавлял людей посторонних; тот злодей «Калибан-гиена» — и тот не смел никогда со мною меряться лицо к лицу. Неужели я не в состоянии буду склонить отца, и отца, который любит меня? Употреблю всё: и прямой, открытый путь, и хитрость, и лесть, и любовь — но надобно тебя исторгнуть, или — умрем; там свобода и бог. Прощай, мой дивный друг, моя милая сестра.

Твой Александр.

Теперь *на службу;* запрячу далеко-далеко чувство,— я привык заниматься с каким-то тупым вниманием, и день пройдет — и я вытолкну его в прошедшее. Целую тебя, о Наташа!

На обороте: Наташе.

124. Н. А. ЗАХАРЬИНОЙ

4—12 октября 1837 г. Вятка.

4 октября 1837.

Ты опять в Москве, мой ангел, мне писала маменька. Ты в Москве... а я в Вятке, и каждый день далее в осень срывает зеленые листки надежды, и будущая зима угловатыми сучьями, трупом выказывается. Маменька пишет: «27-го мы обедаем у Льва Алексеевича, может, и Наташа там будет». Ну, что проще

этих слов; они меня взволновали. Я представил себе ту возможность, которая так близко подходила, я был на шаг от рая, и не умел отворить дверь — потому что не умел склонить выю. И потом представил себе, как мы встретились бы, сидели у Л⟨ьва⟩ Ал⟨ексеевича⟩,— так живо... вот ты входишь, вот твой взгляд... Damnation et Anathème[1] на этих людей, которые не пускают меня в мою сферу жизни, а держат в сыром подвале.

5 октября.

Я сейчас писал письмо к Арсеньеву (в свиту в⟨еликого⟩ к⟨нязя⟩), чтоб поблагодарить его за письмо, которое он писал обо мне,— насколько *я умею* просить, я просил его о возвращен⟨ии⟩, я просил, чтоб сняли цепь с руки, которая готова на всякую деятельность. Ах, Наташа, тяжело мне без тебя. Теперь я очень занят по службе — это хорошо; голый, практический мир сухих фактов усыпляет чувства, утомляет душу, но вдруг середь какого-нибудь журнала казенной палаты подлетит горняя мечта; скрозь какой-то флер, как бы вдали, она образуется в твой образ,— и радость, и горе обовьет душу. Ну ты сама знаешь, как это бывает.— Я, не подумавши, писал тебе о Петербурге; еще разлука, это выше моих сил. Господь, облегчи же сколько-нибудь нам крест наш; и Ему — божественному — пособили нести его.

Я скоро шафером у Полины — эти приготовления, все это вместе, розовое и красное, отбрасывает на меня одно черное. Ты мне пишешь: «Пусть останется у тебя отец» — я и сам это понимаю и чувствую, но как же он должен меня любить за ту жертву, которую я ему приношу, отдаляя мое блаженство, оставляя тебя в кругу людей недостойных — как на обиду. В какой груди найдется богатства настолько, чтоб заплатить за эту жертву? Странно — мне кажется, лучше было бы, ежели б он меня меньше любил. Кто заколдовал меня в этот круг... А как хорошо умереть. Ты, ангел, склонишь свою голову на мою грудь, глаза твои будут устремлены на меня, я еще раз скажу: «Люблю тебя, люблю...», и твое последнее слово будет слово любви, и так бы в одно мгновение, обнявши друг друга. Эта мысль с каждым днем нравится мне больше.

8 октября.

По всем расчетам теперь граница и предел ожиданиям; завтра придет почта, и, ежели по ней ничего не будет, то не очень скоро будет что-нибудь. Как досыта я настрадался в это время. Эта обманутая надежда прорезала твердое место на сердце и обратилась в болезнь... Год тому назад приготовляли мы порт-

[1] Проклятие и анафема (франц.).—*Ред.*

рет с Витб⟨ергом⟩ для тебя; я восхищался твоею радостью, а нынче твое рождение будет мрачно в Москве для тебя, мрачно в Вятке для меня; боже мой, ежели б это только было возможно — 22 быть в Москве... Чудовищем черным и холодным стоит рок и держит железной рукою. Туда, туда летел бы скрыть голову на груди ангела, пить его дыхание, умереть с ним. А рок улыбается свинцовым глазом и говорит: «Поезжай в палату разбирать дела»... Вот эпиграмма в действии.

9 октяб⟨ря⟩.

Когда мы будем вместе, когда мы будем совсем отданы друг другу и посторонние выйдут из светлой черты нашей сферы, тогда мы посвятим целые вечера на то, чтоб перечитать в одно время и твои, и мои письма. Это будет дивное наслаждение: все переливы души, все сильные впечатления, и за какую огромную эпоху жизни, заключены в этих письмах. Твои переменились только *объемом* мысли и чувства. Из небесного, райского ребенка делается небесная, райская дева. Основания те же: два чувства наполняют всю душу — Молитва и Любовь; но эта душа развертывается обширнее и, наконец, как безгранная лазурь неба, не имеет предела. На твоей душе нет ни пятнышка, ни тусклого места от дыхания людей — бог *вымежевал* тебя от толпы, и твои письмы — стройное развитие Любви и Молитвы, от первого до последнего. Грусть в них есть, мрачности нигде; и в самую темную ночь небо не может быть темно, когда нет облаков. Так, как из полусветлого минерала огонь выплавляет чистую каплю стекла — так пламенная любовь моя придала небесную прозрачность твоей душе. Твои письмы — это одно письмо.— Совсем другое мои письмы; во мне от рождения не было последовательного развития, моя душа жила конвульсиями, металась всюду и тысячи раз менялась. Самоотверженная в Крутицах — она совершенно затускла в первое время ссылки, тут было что-то потерянное во мне, какая-то апоплексия сломила полбытия. Тебе назначено было воскресить меня, и вот малопомалу мощные слова твои «Любовь и Молитва» начинают день в темной душе. Заметь, в 1836 в начале впервые является в моих письмах истинная религия. Но и тут нет твоей стройности — знойные страсти тянут, с одной стороны, душу, необузданное самолюбие — с другой, а между тем все бытие погружено в светлое море любви, но это светлое море волнуется, бушует, это не твое небо, а земное море, и иногда кровь, текущая из ран души, покрывает его пурпуром. После самого пламенного порыва — мрачный звук, сплетенный из раскаяния и разлуки. Рядом с безотчетным восторгом от тебя стоит иногда привидение, рядом с смехом — не слеза, а скрып зубов... И заметь еще, небо твоей любви ничего не имеет постороннего. А я похож на

ловца в своем море любви: то та часть *человека* видна из волн, то другая. Проезд в⟨еликого⟩ к⟨нязя⟩ взволновал меня, и самолюбие вырезалось яркими чертами в последующих письмах. Твоя душа уж не изменится ни на волос, такою воротится она к богу; в моей еще тысячи судорожных мыслей и движений — но основа одна и незыблемая: это любовь к тебе, на этой основе создастся храм моей жизни.— Наташа, сколько блаженства мы принесли друг другу. Обратимся к богу и поблагодарим его за то, что он наши души раскрыл этому высокому, святому чувству любви...

10 октября.

Два письма от тебя, ангел, сестра, подруга — два большие письма (посл⟨еднее⟩ от 3-го окт⟨ября⟩). Ты не так покойна, как пишешь,— это для меня ты приняла часть спокойствия. Нет, я, сознаюсь, не могу в глаза взглянуть этому чудовищу, которое называется *еще год разлуки*, не могу.—Твоя душа, ангел,— небо, одно небо, в моей много земли. Еще год... да и на чем же основать эту мысль; почему не два года или не полгода? В очень скором времени я сам не жду ничего, но мое письмо к Арс⟨еньеву⟩ сильно. Ежели б я написал его тогда же, я был бы уж в Москве.— Что за непонятными иероглифами передает свою волю провидение человеку, и это таинственность, завеса непроницаемая, этот безотчетный приказ, которого цели не видать, а необходимость повиноваться очевидна. Хоть бы срок мне назначили — и пусть скуют меня, бросят опять в казамат, лишь бы я мог считать, сколько дней мне остается до свиданья с сестрою-ангелом.

11-го.

История сватовства становится серьезнее. Какое море неприятностей для тебя.— Не пора ли положить мне меч свой на весы, не пора ли разрубить узлы, сплетенные руками безумных? Много, очень много неприятностей... Монастырь — да как бы это устроить? Есть ли из всех животных, бывающих у вас в доме, хоть одно, которое бы умело молчать за деньги и через которое ты могла бы, в случае крайности, взойти под сень церкви... Ежели есть, именем моим обещай сколько хочешь.— Ах, какие они безумные, и жаль и досадно; ну, что ты им сделала? Как что — разве они не понимают *чутьем* твоей высоты? Довольно для толпы.— Ты храбро готовишься на бой; тут не решительный бой страшен, а эти avanies[1], которые будут делать, эти притеснения... и беспрестанно.

Ты, ангел мой, была не согласна со мною, а, как ты хочешь, весьма глупо, что я не в ладу с Мар⟨ьей⟩ Ст⟨епановной⟩, глупо

[1] оскорбления (франц.).— *Ред.*

потому, что не достойна она, чтоб мы с ней ссорились, и глупо потому, что она всегда может наделать тьму неприятностей; я желал бы кончить *ссору* с ней. Так же точно не совсем ты права и относительно земли (Мар‹ья› Ст‹епановна› и вселенная!). Нет, решительно, без свиданья здесь наша жизнь не полна. Земля — это падший ангел, земля — это рука божия, ведущая падшего в рай, и на ней соединились две красоты — красота ангела и красота милосердия божия. Посмотри на это небо; на нем солнце роскошное и теплое — это любовь бога, взгляд отца. Посмотри на эти горы, утесы, разбросанные камни — это изнеможенное тело непокорного сына; но вот отвсюду к взору отца стремится жизнь, деревья, мох, и это усилие жизни, кончающееся цветком,— в цветах уже стерта печать отчаянья, в них радость бытия. И между этим-то взором отца и воскресающим трупом сына — есть мысль и чувство, облеченные в свет бога, в плоть падшего ангела,— человек. Ему дано узнать изящное вселенной, он умеет радоваться небом, морем, взглядом подруги — и он не должен прежде уйти с земли, покуда не постигнет все изящное на ней. Сама раздельность, о которой ты говоришь, носит в себе начало наслаждения божественного. Могли бы твой образ веять счастьем на меня, могла ли бы просветляться душа твоим взглядом, ежели б земля не дала нам формы? Итак, сперва надобно совершить жизнь временную, а потом начать молитву бесконечную; очищая любовью душу, прижимая к груди всю вселенную, мы выполняем цель человека. А неужто наша жизнь полна теперь? Твоя — в беседе с Марь‹ей› Ст‹епановной›, моя — с советниками присутственных мест. Гармонии надо нам во всех частностях жизни, и тогда я первый брошу этот переплет души. Я боялся прежде смерти; она худо согласовалась с моими самолюбивыми мечтами, но когда явилась истинная любовь, проникнутая верой,— выше и чище понята была жизнь, и гроб потерял свой ужас. Но, ангел, все хочу я выпить здесь на земле, и тогда, бросая опрокинутую чашу жизни, обратим взор благодарности к творцу — и середь молитвы перейдем к нему.

Как дивно, изящно, высоко твое последнее письмо от 1-го и 3-го октября. Ну, Наташа, не прав ли я в том, что писал об нашей переписке? Мне дальше до твоей высоты, нежели последнему из толпы до меня. Я готов плакать от восторга... Наташа, никогда мечта моя не могла, собирая изящное отвсюду, создать существо, которое бы достойно было завязать ремень твоих сандалий.— Люди, посмотрите на этого светлого ангела, преклоните колена перед ним, молитесь ему — он за вас всех заслужил пред богом. А я подойду к вам и скажу: «Этот ангел — мой! Им заплатил мне бог за юность, проведенную в одной мысли — сделать вам благо, за страдания, которыми вы мне

ответили, за то, что я раскрыл душу изящному, за то, что я пожертвовал всем — любви. Вот как плотит бог. Пример перед глазами, смойте же грязь, которая слоями насела на вашу душу, смойте хоть настолько, чтоб видно было лицо человеческое». Наташа, дай твою руку... Довольно!..

Прощай, целую... целую тебя. 12 октября. Через 10 дней 22-е!

Странно, твое письмо было в пакете, и мое в пакете,— и совсем не знаю, почему я не завернул в обыкновенную форму.

125. Н. А. ЗАХАРЬИНОЙ

17—19 октября 1837 г. Вятка.

17 октября 1837.

Знаешь ли ты, мой ангел, как мать сидит у тела сейчас умершего ребенка? Она видит, что он умер — но она уверяет себя, что это сон; она еще раз хочет оттолкнуть мысль холодную, мысль лишения. Но, наконец, она встает — и не плачет; все мутно, пошло, глупо, *какая-то* мысль одна завладела душой, но она боится определить, что это за мысль. Все принимает вид страшного привидения, уродства. Камень на груди, камень на голове, свинец вместо крови — она поняла, что дитя, розовое, милое, теперь труп бледный, ледяной, но она не может понять, что уж кончено, что и вперед не будут тянуться эти ручки, что это смерть. Вот моя история с надеждами.—Все кончилось, это я понимаю, а что еще год здесь жить — этого я не могу постигнуть, что еще, может, триста шестьдесят пять дней я не увижу Наташу — я не могу сообразить этого. А между тем все окружающее меня приняло точно характер тупой глупости, нелепого в форме и в идее.— Наташа, ангел, сестра, в прошлом письме ты говоришь мне, чтоб я был покоен. Ты знаешь мой огненный, бешеный характер? Помнишь ты следы огня, эту лаву души, ты ее отыскала в «I Maestri» — ну, этой-то душой огня, душой волкана — Я ЛЮБЛЮ ТЕБЯ!.. И быть покойным. А к тому же эта тьма неприятностей, которым тебя подвергают теперь,— и быть покойным.— Вот я воображаю этого *господина* жениха; так, он хочет непременно сто тысяч, ровный счет и 4000 казенных процентов. А его убеждают: «Посмотрите, она *хороша собой* — за это можно сбавить 15 000». «Так и быть, 10 000 руб. сбавляю». Боже мой, эту красоту, этот лик ангела, этот образ божества, всего святого для меня на земли, они его меряют рублями; подлецы! продают, как Иуда,— тот, по крайней мере, был с характером и повесился, а эти *три века* живут. Я ведь знаю *их;* как это все должно быть неделикатно, больно твоей нежной душе. О Наташа, теперь я тебя уговариваю — отвернись от

этих падших людей к твоему Александру; в его объятиях ты с избытком найдешь замену всему, поцелуями уврачует он раны, нанесенные ими. Я всё перенесу—и ссылку, и разлуку—только дай мне волю, когда грустно — грустить. Зачем мне быть покойным... Вот бросился бы к тебе, умер бы в твоих объятиях — а цепь-то, проклятая цепь гремит на ноге, держит ее. И чудаки люди — им хочется жить в болоте, по горло в грязи — ну, живите там, вам указана цель высокая, вы ее забыли; Христос приходил напомнить, но вам лужа и грязь практической жизни приятнее света веси божией,— живите ж там, но оставьте же волю тем, которые не хотят с вами делить ваших гнусностей; я ничего больше не желаю, как покинуть вас всех, с моей Наташею бежать. Не тут-то было. Тут родительская любовь *предупреждает необдуманный поступок* волею, основанною на опытах и числе лет. А тут не знаю, какая ненависть держит в толпе за тысячу верст и, как только хочешь подняться, бьет обухом по голове. У меня все внутри горит и кипит, дай твою руку, руку ангела, я ее приложу к горячему лбу, и гармония прольется в душу, и стройное песнопение любви раздастся в ней. Наташа, знаешь ли, что я хочу тебе сказать? — Что я тебя ужасно, безмерно люблю, и довольно.

19 октября.

А вот тут рядом через перегородку другая сцена. Там художник гибнет, не понятый современниками; бедность, нужда — давит, огромное семейство — давит, а мысль необъятная, которую убили при рождении,— давит больше всего прочего.— На днях как-то воскрес его гений, он набросал дивный проект; слезою поздравил я его и восторгом.— А посмотри толпу: она кричит, что он крал казенные деньги. У них всё деньги, их чувства — четвертаки, их мысли — ассигнации на несуществующий банк.— Наташа, эта толпа — наши братья; j'ai l'honneur de vous saluer, mes frères![1] Ха-ха-ха, братья!

19 октября.

Огромный, торжественный праздник близок. *Твое рождение!* Не прибавлю ни слова. В этот день должен я повергнуться к подножию Его престола и благодарить за то, что я существую.

Прощай, ангел, прощай.

Твой Александр.

На обороте: Наташе.

---

[1] имею честь кланяться вам, братья мои! (франц.).— *Ред.*

126. Н. А. ЗАХАРЬИНОЙ

20—26 октября 1837 г. Вятка.

20 октября 1837. Вятка.

Ангел мой Наташа! Ну, наконец, перелом миновал — я выздоровел душою. Судорожная боль прошла, я спокойно взглянул на свое положение, господь дал новые силы. Слава богу! Ну слушай же, как это было. Ты видела из двух-трех последних писем, что моя душа страдала — сколько слез пролила ты, ангел, над ними! — Наконец, тело уступило душе, я занемог, и — не дивен ли господь — эта ничтожная болезнь вылечила сильную боль души. Совершенно один сидел я в моей комнате эти дни, изредка посещали меня — но больше был я один. Не знаю, как мечты черные улеглись, твой образ, как месяц из-за туч, вырезался величественно, кротко, спокойно — и воскресла сила. Теперь я здоров и телом. Моя грусть приняла вид скорбной печали, а не жгучей, ядовитой боли, как было до этого. Мысль о будущем блаженстве нашем воссияла над пропастью настоящего.

Помнишь ли, ангел, ты мне писала, и именно как средство рассеяния, чтоб я писал мою жизнь.— Я исполнил твой совет, и он тоже помог мне. Я описал отдельными чертами все мое ребячество от 1812 до 1825. Боже мой, как эти алые, пестрые воспоминания заняли меня; первое воспоминание похоже на первый взгляд в даль: видишь одни крупные массы, но смотри дальше — и мало-помалу начнут оттеняться подробности; так и с моими воспоминаниями, одни теснятся за другими. Когда отделаю первую часть под заглавием «Дитя», то пришлю и тебе. Я вижу, что ежели буду продолжать, то почти все статьи взойдут в эту общую статью; впрочем, я себе дал слово не писать никак дольше 1835 года; это время и следующие 3 года тогда только буду писать, когда увижу тебя *во второй раз*.— Эти спокойные, тихие три-четыре дня убедили меня еще раз, что чем дальше от людей, тем лучше; я жалею теперь, что я живу не один; я заперся бы кругом, мечтал бы, фантазировал, и свинцовое время шло бы далее. Но в сторону эгоизм — было много причин, почему я живу не один, и между ними есть столь священные, что можно пожертвовать для них своим удобством. Прощай, моя милая, мой друг, прощай...

22 октября.

День рождения моей Наташи, день воплощения ангела — слезою молюсь— велик, необъятен бог в благости своей.

Посылаю тебе фантазию, которую я написал для этого дня,— она мне нравится.

Посылаю тебе поцелуй пламенный, поцелуй любви бесконечной.— Писать решительно не могу, душа так полна, так

полна, чувства так сильны, что я не могу настолько их охладить, чтоб писать... Ты поймешь.

Год тому назад ты получила портрет. Год тому назад ты писала: «Был великий день для меня 9 апреля, будет другой великий день, это наше свидание. Первый — луна, последний — солнце, а нынешний день — звездочка между ними». О, с каким восторгом читал я твое письмо тогда, весь небесный огонь перенесся на бумагу и отогрел мою душу. Много было прелестных минут в нашей разлуке. Наташа, несчастия наши заключают в себе больше блаженств, нежели *их* счастие. Я сейчас перечитывал твое письмо от 22 окт⟨ября⟩ 1836 года. О мой ангел!

Вот весь этот день у меня перед глазами. Дождь — и нет надежды, чтоб приехал папенька (тогда он прекрасно поступил, ежели бы всегда так!). Вот вы садитесь за стол. Карета; вот он входит. Наконец, портрет в твоих руках. О, это была торжественная минута в твоей жизни; это была одна из тех минут, которых пять, шесть дарит небо из рая земной жизни человека. Много восторгов испытал я, восторгов дружбы самой чистой, восторгов симпатии, восторгов самолюбия (о, и они сильны; доселе живы в памяти поздравления целой аудитории, когда я читал лекцию при министре...), но что все они перед 9 апреля? А когда я получил твой браслет — сегодня весь день он будет на мне.

Что-то нынче ты делаешь? Ах, скоро ли, скоро ли придет тот день желанный. И чем больше страданий, чем больше обманутых надежд, тем больше в нем блаженства, тем прелестнее будет *надежда исполненная*. Прощай — тесно что-то в груди... Полина тебя поздравляет и Витберг... Прощай же!

23 октября.

Ну, вот и этот день прошел. Вот уж за родным днем явился другой, посторонний, чужой... Идет время с своим гордым пренебрежением, со своей холодной неумолимостью. Твое рождение я провел не так, как хотел,— я недоволен собою. Как нарочно, посторонние люди мешали весь день предаться мысли о тебе. Как серые облака, мешали они светить солнцу.

Нет, я дурно выразил что хотел—в фантазии; вчера я ее похвалил сгоряча. Но прими ее как маленький цветок,— подносимый любовью...

26 октября.

Вот твои письма от 8 до 14-го. Ангел мой, сердце облилось кровью. Я всё прочел, чего ты *не писала*. Надобно действовать — писать ли к папеньке? Ах, ежели б можно было надеяться, что Прасковья Андреевна возьмет тебя к себе. Боже мой, я поцеловал

бы ногу ее; но боюсь и думать, я отвык верить в благородные порывы. Наташа... Раз мы увидимся, непременно, этого я требую от бога. Тогда пусть бьет буря в нашу грудь. Но — послушай — ежели тебя — нежный цветок — они сломят до моего приезда, и ежели в крайнем обстоятельстве не поможет *письмо к папеньке?* Тогда мы свели наши счеты, тогда мы чужие. Фу, какая пустота у меня пред глазами, и пульс бьется в голове, как молотком. Наташа, тогда я с ума сойду и принесу на новоселье одну любовь, одну любовь.

Твой — твой А л е к с а н д р.

Ей-богу, они и предвидеть не могут, что делают,— вот одно извинение им.

127. Н. А. ЗАХАРЬИНОЙ

29 октября — 2 ноября 1837 г. Вятка.

29 октября 1837. Вятка.

Что-то с тобою, мой ангел? — Как ни говори, а время ужасное. Унижение и беззащитность. Помнишь, при начале 1837 года я уныло обратился на 1836, я ему сказал, что моего благословения он не унесет в вечность. Сколько было мечтаний оперто на 1-е января 1837. И что же, только два месяца остается ему, а каким были остальные 10? Изменником, растворившим сердце надеждами и полившим уксусу и яду в растворенное сердце.

Опять мгла около души. Блаженство мое я понимаю и умею наслаждаться им, невзирая на грязь, которую мечет толпа,— но слишком тягостен крест; я чувствую, что мои рамена начинают дрожать от физической невозможности. Наташа — в тюрьме я молчал, и в ссылке изредка грустный голос вырывался. Обманутые надежды — растравили раны, и на них-то, свежих, кровавых, пала мысль твоего положения. Тебя терзают — я знаю, что душою ты выше, что ты тверда моей любовью, что ты моя небесная, святая Дева,— но именно то чувство беззащитности, о котором ты раз писала, ужасно. Огромный, большой шар и ни одной руки, которая бы хотела спасти,— а та рука, которая пойдет на отсеченье для тебя, на той гремит цепь.

Дивен мир, и ко всему самому печальному примешивается смешное — читая второй раз твое письмо, я расхохотался: у кого в голове родилась мысль, что я тайно обвенчан,—это гениальная голова. Вот нашли средство — истинно скоты! — Однако ж, Наташа, я тебе и себе сделаю одно замечание. Мы похожи на дитя, которое, не понимая хорошо следствий, высекает огонь над бочкой пороха; смотри, как легко несколько раз в нашей переписке являлось слово «смерть», а ведь это слово ужас-

ное; одно выражение твоего последнего письма разорвало мне сердце... Я готов перейти в то обширное и светлое бытие, я не раскаиваюсь в моей жизни, она прелестна была под влиянием дружбы и любви, я не хочу от людей ничего больше. Но — лишиться тебя — о, это ужасно; чуждым, бесприютным скитаться по этой мрачной земле; я знаю, взор к небу будет тогда взор на тебя, но какая жгучая слеза канет всякий раз. Представь себе ту жизнь гармонии и любви, прелестную жизнь, которую мы можем *здесь* найти,— и лишиться ее, и быть одному, потерянному, как песчинка в горе. Нет, перестанем играть этой чудовищной мыслью. Смерть была наказание падшему человеку, она не входила в чертеж творца. Смерть была уступка земному началу.

Выраженье в твоем письме чуть не переломило меня, из него я понял весь ужас твоего положения. Храни себя, мой ангел, храни для Александра, соверши начатое — ты ему указала небо, дай же насладиться им, и тогда, тогда — вместе туда. Пусть солнце ни разу не встретит один из наших взоров. О Наташа,— страшно вспоминать утраченное блаженство — прочти Абадонну и ты узнаешь.

31 октября.

Сегодня видел я тебя во сне. Ты была бледна, вся в слезах, и на лице видны были следы печали и огорчений. Я взошел, ты бросилась в мои объятия, и мы долго стояли так... Я проснулся, и первая мысль представилась, что, может, и в самом деле ты вся в слезах, но я не приду утешить.— Ужасно мое настоящее положение, я не знаю, чего бы не отдал за возвращение. Жить спокойно, неделю ждать весть — и знать, что там беспрерывно мучают ее. О, каким испытаниям люди подвергают дерзких людей, мечтающих подняться над толпою. Вот такие-то минуты жизни стареют годами человека, это предел, на котором человек или удержится десницею бога, или падает в пропасть. Я наваливаю на себя тьму дела — чтоб всегда быть занятым посторонним, а в свободное время ищу шума и людей. Минуй же, горькая чаша! Ибо этот шум и эти занятия — это все одна ложка лекарства, растворенная в целом сосуде яда.

1-го ноября.

Получил твое письмо от 24 октяб⟨ря⟩. О ангел, сколько ты страдаешь. Не лучше ли прямо им сказать? Пап⟨енька⟩ мне ни слова не пишет, он боится начать речь — по первому слову я ему сильно выскажу истину. Тогда молчать будет преступление. Наташа, об одном умоляет тебя твой Александр, у ног твоих: береги себя, береги из любви ко мне; эти отчаянные звуки,

которые прежде никогда не вырывались из твоей души, ужасают меня. Бога ради, взгляни на эту слезу на моей реснице и береги себя. Умоляю, прошу, приказываю.

1-го ноября.

Жму руку твоей Саше; из того, что ты писала, я вижу прекрасную душу. Клянусь ей, что или я буду очень несчастен, или я устрою ее будущность. Под этим я не разумею материальный дар — нет, я хочу этим сказать, что я ее исторгну из того гадкого положения, в котором она теперь.

И в этом письме опять ужасное выражение: «Жертвовать здоровьем, жизнью — мне ничего, и то уже все не мое!» Наташа, друг мой, и ты это говоришь мне, как будто твоя жизнь не есть моя принадлежность, моя жизнь. Фу — эта ночь целой жизни, это одиночество, это отчаяние. Нет, может, я ошибаюсь, что самоубийство есть преступление. Для чего я буду жить, когда не будет ее, может ли быть преступленьем то, что соединит меня с тобою? Жить и знать, что тебя нет,— это ужасно; впрочем, бог милостив, у меня довольно слаба грудь — и этого удара ей не вынести.— Наташа, нам необходимо увидеться, и я уже почти согласен, ежели не в Москве, так здесь. Только ничего не предпринимай без моего совета.— Ежели эти люди так низки, что ты должна будешь их оставить (а впрочем, при первой достаточной причине я очень был бы рад, чтоб тебя не было у кн⟨ягини⟩), то Галушка — человек с доброй душою, я его знаю; а ежели б можно к Пр⟨асковье⟩ А⟨ндреевне⟩ Эрн, я буду к ней писать.

За что так жестоко преследует тебя судьба?

2 ноября.

Времени нет. Прощай. Не забудь, ангел, хранить себя как сокровище, принадлежащее Александ⟨ру⟩.

Прощай.

Бог и Любовь!

Твой А л е к с а н д р.

На обороте: Наташе.

128. Н. А. ЗАХАРЬИНОЙ

5—9 ноября 1837 г. Вятка.

5 ноября 1837.

Окончились ли, мой друг, твои страданья, они каким-то призраком грустным, бледным становятся беспрерывно между мною и всем, чем бы я ни занимался. Я с судорожным ожиданием развертываю теперь письма; в каждом есть доля твоей

слезы, твоего страданья, живая доля сердца. Сколько ты ни говоришь о гармонии, о блаженстве, темная речь прорывается — и зачем было бы говорить прямо о том, ежели б ты не хотела этим меня успокоить. Наташа, я не могу тебе сказать «будь весела» — это глупо; будь весела в разлуке с Александром, будь весела, когда тебя, как невольницу в Эфиопии, водят на продажу и показ; но повторю то, что говорил в прошлом письме: ради любви нашей храни себя, храни себя!

Хоть бы слово написал пап⟨енька⟩ обо всем. Он боится тронуть эту струну, ее звук силен — это-то он знает, ее звук не будет годиться в тот аккорд, который он берет на моей душе. Тем хуже, что боится,— струна может лопнуть.

Вчера у нас был предлинный разговор с Витб⟨ергом⟩, над которым ты могла бы в душе развеселиться. Он уверял меня, что я, несмотря на мой пламенный нрав, никогда не буду *сильно любить* (qu'en pensez-vous, mademoiselle?)[1] и что мои мечты самолюбия всегда возьмут верх над мечтами любви.— Я защищался общим образом. Стоило бы мне вынуть твое письмо — но для чего? Я хочу, чтоб меня люди сами понимали, и тогда я им остальное добавлю словом. Витб⟨ерг⟩ понял мои таланты и не понял души; таланты оценить может всякий, на это надобно иметь ум,— мне обидно, что он, артист, так поверхностно судит о людях. Я им читал «I Maestri» — никто не понял *песнь Ангела;* я им читал «22 октября» — никто не понял *самого Ангела;* ну, после этого я не обязан говорить яснее, ежели люди не хотят себе дать труда, ежели человек, одаренный такой колоссальной фантазией, как Вит⟨берг⟩, не умеет взор свой углубить дальше поверхности в человека,— не моя вина. Полина была при этом разговоре и душевно смеялась. Странная вещь, я более и более убеждаюсь, что холодное воспитание мое положило такую несвойственную мне маску (именно иронию), что из-за нее тот только увидит черты лица, кто сумеет в самой иронии моей найти душу огненную. В воспоминаниях моего детства я уже писал, что по большей части хвалили *мою остроту*, т. е. отдавали всё уму и отнимали всё у души. Искры настоящего огня принимали за фосфорный свет ума, молнию — за фейерверк. Ах, люди, люди, как вы мелко плаваете. Благодарность Татьяне Петровне, она первая оценила другую сторону моего бытия, Огарев — второй. Ты — постигла его до конца мощным инстинктом любви. Я ни слова не говорю о тех людях, которые близки ко мне *по расстоянию;* пусть они меня не знают, эти люди и к природе близки — но не знают ее. А В⟨итбергу⟩ непростительно, и я замечаю, что он в продолжение всей жизни так ошибался (его жена — лучшее доказательство).

[1] что вы думаете об этом, сударыня? (франц.).— *Ред.*

А Полина, *простая* девочка, без опытности, поняла все в ту минуту, как я первый раз произнес твое имя,— вот в том-то все и дело,— она смотрела на меня глазами природы, натурально и равно не заметила ни фрака, который был на мне, ни маски. Люди по большей части сами виноваты в своих ошибках, ломают голову, придумывают — а надобно *просто* смотреть; но это-то *просто* очень близко граничит с grandioso природы; ведь и она проста; да еще одно условие необходимо — это детская чистота души. Опыт, который так много помогает в познании людей, может, совсем отнимает гораздо высшее искусство — постигнуть душу *человека*. Вот тебе целая диссертация. Прощай.

6 ноября.

Ну, не небесный ли ты ангел, Наташа? Ты еще жалеешь о княг⟨ине⟩ и воображаешь, что она для твоего блага так печется. Дивлюсь тебе. И ты все еще иногда говоришь, что я тебе много придаю. Подумай сперва, возможно ли это. Выше тебя душою, изящнее я не могу себе представить ангела божия.— Есть отношение, в котором Витб⟨ерга⟩ замечание справедливо. Помнишь ли, я сам отталкивал любовь и, сверх того, такое место отдал в душе другим симпатиям, что сердце было почти полно. Но твое *величие* подавило меня.— Я не знал, что такое дева, и провидение показало мне ее во всей славе, во всем торжестве. Тогда только узнал я разницу между девой и женщиной и повергся пред тобою. Да, чтоб мою душу так пересоздать, чтоб внести в нее религию и заменить славу — любовью, для этого надлежало иметь силу чрезъестественную. Смотри, где же ты найдешь другую? Нет, Наташа, ты велика уже одной победой надо мною.

Я иногда перебираю прежние мечты свои — всё, всё с избытком совершилось в тебе, даже отдельные, частные фантазии все осуществились. И сколько еще сверх того! Тобою я узнал всю изящную сторону человека — не жить мне без тебя, моя Сестра, моя Подруга!..

8-е.

Дай мне воротиться на тот же предмет; мне так хорошо, так отрадно, когда я восхищаюсь тобой, когда, долго любуясь моим ангелом, я могу сказать: *и она моя, моя*, как это сердце, которое бьется в груди. Дай же мне еще полюбоваться тобою. Ни пятнышка, ни пылинки — вот она, чиста, как мысль господня, как песнь архангела.— А я — не думай, что я хочу себя бранить, нет, этим унизил бы я тебя,— я очень знаю свои достоинства и горжусь теми, за которые так полюбила меня Наташа,— но нет, скажи, где же во мне эта чистота; на душе морщины, одни от гордых помыслов, другие от буйных вакханалий, третьи от знойных страстей, от ядовитого разврата — и всё это чуждое любви,

а у тебя есть ли что-либо, кроме одной любви? И теперь, в разлуке с тобой, когда я знаю, что ты страдаешь под ярмом ужасным, я ищу рассеянья в шуме. Шум оргий, *по привычке*, может подчас меня развлечь; этот шум напоминает мне пьянство юности, в котором грезились, как скрозь туман, видения высокие. Я землею заглушаю стон разодранного сердца, в то время как ты заглушаешь его молитвой. О, сколько раз пламенно желал я очиститься так, как ты, жить в твоей высокой сфере,— не могу,— я не ты. О ангел мой, не дерзка ли одна мысль эта... Или тогда ты доверши...

9-го ноября.

Нет, Наташа, болен я душою, очень болен. Господи, как немногого я прошу у неба и у людей—только один взгляд на тебя, только один,— и я сожму в этот взгляд долгую жизнь, тысячу ощущений, слезу блаженства и слезу печали.— Ты понимаешь, что в печали есть свое блаженство, что в страдании есть отрада — в этом взгляде я обмою душу — она вся в пыли. О Наташа, какое тупое, гадкое положение. Это даже не тупая пила, как ты говоришь, а плита чугунная, которая не в силах разом размозжить и тело и кость, а душит мало-помалу. На эту плиту наступила ногой история сватовства и хорошо выбрала место против самой груди.— Мне подчас кажется, что мое положение было бы лучше, ежели б еще что-нибудь ужасное случилось со мною,— может, противуборство с судьбою дало бы свежую силу.

Один взгляд, раз руку пожать, ну, словом еще раз 9 апреля, и я готов жить и умереть. Жить памятью этих двух дней я мог бы сто лет, ибо в них будет целая жизнь; в 9 апреле только восход солнца, оттого-то мне и недостаточно его одного.

Прощай... ангел... прощай.

Александр.

На обороте: Наташе.

129. Н. А. ЗАХАРЬИНОЙ

13—16 ноября 1837 г. Вятка

13 ноября 1837. Вятка.

Разлив рек лишил меня последнего удовольствия — почты нет и, вероятно, еще несколько дней не будет. Удивительное создание человек — всё может он перенести. Обремененный горем, он ест, пьет, еще больше смеется, когда рассказывают смешное,— и иной стоит возле и не примечает, что раздирающий огонь готов сверкнуть из черепа и что вместо крови льется в сердце зажженная сера. А люди говорят, что кошки живучи!..

Ну, мой ангел, слушай целую длинную историю, даже напишу ей заглавие:

ИСТОРИЯ 14 НОЯБРЯ 1837 г.

Лишь только я проснулся, подали мне письмо от Огарева. Что это за высокая, светлая душа; вся скорлупа, нанесенная на мою душу, спала; я чисто дышал, был юношей, едва ступившим робкой ногою в жизнь. Воспоминания, надежды — все наполнило душу сладким, теплым, светлым. Он пишет: «Я верю твоей любви, почему — не знаю, но верю; да, вы друг друга любите — вот тебе благословение друга, другого тебе не нужно». И его Мария пишет ко мне и называет тебя сестрою и мечтает, как мы вчетвером когда-нибудь будем восхищаться природой. Письма эти размягчили все жесткое в сердце — и тогда я развернул твое письмо от 31 октября, которого начало — что «Emilie видела во сне твою смерть и обрадовалась». Я прочел его. Лихорадочная судорога пробежала по всему телу. Смерклось. Я встал с дивана, слабый, как после тяжкой болезни.— Я сел к столу — мечты ужасные проходили по сердцу; одни, облитые кровью, другие — в саване мертвеца; я чувствовал, что какой-то губительный яд меня жжет,— схватил перо и написал письмо к папеньке. Всего строк десять — но сильно; я требовал, приказывал, а не просил.— Мне сделалось страшно одному, и я поехал со двора, душа требовала человека сколько-нибудь близкого. Я отправился к Скворцову — он взглянул на меня и ужаснулся; бледный, как полотно, стоял я молча перед ним, наконец, зарыдал, как ребенок, и бросился к нему на шею. *Это со мною первый раз от роду;* я не мог остановиться, слезы лились градом. И он плакал — везде, везде нахожу я людей, душою привязанных ко мне. Представь себе, что Сквор⟨цов⟩ и Эрн наперерыв *умоляли* меня послать кого-нибудь из них в Москву с письмом к папеньке. Наташа! Скворцов без памяти любит Полину, он жених, и все хотел бросить — но я не хочу и благодарить их, в собственной душе человека лежит награда за благородный поступок.— Он увез меня к Полине. О прелестная душа.— Подробностей я им объяснить не мог, я только говорил: «Смотрите, как этот ангел страдает», и слезы лились. Доселе никто не видал, как я плачу (да, на другой день после взятия, как бы предчувствуя четыре черных года, я плакал.)

Но что же главное поразило меня — унижение, те страдания, коим ты подверглась, и мое немое положение, цепь моя. Я страдал, ночь облегала темная, страшная.— Я уже предчувствовал ряд новых несчастий после письма к пап⟨еньке⟩, все надежды на скорое возвращение исчезли. Вечером я бросился на диван и что-то тяжелое вроде сна обняло меня. Проснул-

ся утомленный, больной,— это было часов восемь,— и вдруг *письмо*... Я трепетал его распечатать, лед бежал по жилам, я не знаю, бился ли пульс, и что же — это твое письмо от 7 ноября. О великий господь! Мы мелки, мы слабы, мы не умеем веровать. Жизнь возвратилась, туманная повязка упала с глаз. Итак, туча прошла мимо. И смотри, не дивен ли перст божий: твое письмо от 31 окт⟨ября⟩ стояло за реками около 4 дней, а второе опоздало менее, нежели сутками. С восторгом бросился я к друзьям, изорвал письмо к пап⟨еньке⟩ и подарил клочья его Сквор⟨цову⟩ в память 14 ноября. Но тело отстало от души; я был похож на человека, которого только что оставила болезнь тяжелая, мучительная; взгляд мой был темен, даже голос дрожал.— Вот сколько может пережить человек в один день. Ежели б я не был теперь покойнее и здоров, я бы не написал всего этого.— Писем твоих теперь перечитывать не стану— а буду *писать ответ* в следующий раз.

16-го.

Буря миновала,— но все говорит об ней: вот туча на небосклоне, вот сломанные сучья, вот опаленные вершины, а вот слезы дрожат на листах.— Я еще все не могу прийти в себя. Ах, Наташа, как ты хороша, как ты божественна. И мне после этого не быть гордым. Прощай, друг мой; поцелуемся, пожмем друг другу[1].

А ты мне не написала, что ты была больна, когда у тебя была Праск⟨овья⟩ Андр⟨еевна⟩. Что с тобою, Наташа? Я заклинаю тебя, пиши мне все, все, решительно все, иначе я буду терзаться неизвестностью. Ну, здорова ли ты, ангел, моя Мадонна?

На обороте: Наташе

130. Н. А. ЗАХАРЬИНОЙ

17—23 ноября 1837 г. Вятка.

17 ноября 1837. Вятка.

Наташа, мой милый, светлый ангел... Нет, я все еще далек от той любви, которой надобно любить тебя,— о, последнее время страданий наших научило меня многому,— я был один, простор был думе и чувству. Нет, во мне еще много постороннего,— все вон, все это плевелы. Коль могут быть мысли, чувства во мне, кроме любви, это я отнимаю у тебя — боже, дай мне ту же любовь, как у нее. Я перечитывал и перечитывал твое последнее письмо — вот она, та любовь, о которой я говорю;

[1] В автографе фраза не закончена.— *Ред.*

тут нет примеси, тут нет земных наносов.— Я еще раз пересоздам себя. Ты — вот вся цель моей жизни, остальное все вздор, остальное порок, преступление, остальное гордость.— Слава — сколько тут эгоизма; с корнем вон это чувство, горячее болезненным огнем отравы, а не кротким пламенем любви; а разве служба, литература — все это идет не из жажды славы? Зачем мне, чтоб мою мысль, мое чувство оценивали люди, когда есть ангел, который восхищается ими? Разве я в самом деле научу толпу — когда и Христос не научил ее. Я тебе говорю, Наташа, я не достоин твоей любви, потому что я могу заниматься тем и другим, тогда как все бытие должно быть посвящено тебе.— А эти вечера в шуме, дурачестве... чтоб заставить молчать Любовь, какая низость... Представь себе меня и себя. Ты одинокая — вся любовь и печаль, вся блаженство и страдание, о, какая тут высота, святость. А я, перебивая вздор, с толпою, за стаканом вина... Я как-то все это живо почувствовал 14 ноября; этот день вдавил свинцом мне в грудь ряд истин! А отчего все это? — Душа утратила чистоту, и вот почему мы еще не соединяемся. Провидение этими испытаниями хочет выжечь все, что не золото в твоем Александре... Я понял его перст и роптал там, где надлежало целовать карающую руку.

Как меня терзает теперь разлука. Где ты, друг мой, зачем не тут? О, как склонил бы я голову мою, как успокоился бы от долгих, долгих страданий. Видишь ли, я еще слаб от того удара, мне надобен покой, а где я его найду? Наташа, Наташа... я не смел бы поцеловать тебя, я склонил бы свою голову на твое плечо, и ты была бы так счастлива, и я чувствовал бы твое дыхание, и ты своим дыханием сделала бы меня ангелом, дала бы мне свое подобие. И я бы уснул — а потом проснулся бы, и голова моя на твоем плече.— Ну, что ж, даст слава что-нибудь похожее, и для нее каких жертв не приносит человек.— Посмотри, как твоя душа, сильная небом, пересоздала мою душу, сильную землею. Разве не твоя любовь внесла чистую поэзию в это здание, гордое, как рыцарский замок; не ты ли из замка сделала храм божий, т. е. твой, вы нераздельны! За что мог меня любить Огарев — разве по предчувствию, разве за возможность. Что я тогда был? Огонь в душе,— это был красный пламень зажженной смолы. И откуда этот сильный, небесный ангел? А откуда в уродливой, старинной вазе, изуродованной глупыми украшениями, растет лилия, чистая, как снег, нежная, как взор любви? Откуда? От бога, от бога. Лилии нужна только опора, надобно только наступить погой — но счастлива и уродливая ваза — ее назначил бог быть этой опорой.— Счастливы ясли, носившие Христа.

А как бы ни были добры обыкновенные люди, все-таки они выше крыши своего дома не подымутся. Жаль их, они добры в

самом деле — но их доброта не по нас, жмет. Я читал в письме Эрна, что пишет Пр⟨асковья⟩ Анд⟨реевна⟩ о тебе, — и смеялся; она искренно жалеет о тебе — почему, ты думаешь? — потому, что я *ветреный человек* и *слишком молод*. Гофман говорит: «Люди делятся на добрых людей, и они — прескверные музыканты, и на прескверных людей, и эти — хорошие музыканты». О, добрые люди! Дай бог вам здоровья, а пуще всего аппетит и теплую квартиру. И три-то года разлуки не могли им доказать моей любви. А ветреность чем они доказывают — скоростью в походке, может? Я себя упрекаю в одном ветреном поступке (да будет проклят этот гнусный поступок) — это Мед⟨ведева⟩, но ведь они его не знают.— Впрочем, я прощаю, у них мерки нет для душ большого размера. А что сказать об Emilie (покажи ей эти строки), которая «обрадовалась бы, услышав о твоей смерти»,— она меня называет другом, братом... Неужели, в самом деле, твое теперичнее положение хуже, нежели было бы мое *тогда?* Он минуется, этот переход грязью, тебя греет любовь, тебе светит надежда. А та ночь, которая обняла бы мою жизнь, это скитанье безумного, этот вечный стон — фу... и она обрадовалась бы. Пусть она будет уверена, что это не упрек,— но зачем бросать так словами, не думая; теперь она сама содрогнется своей мысли. Прощай, ангел, до завтрого. О, ежели б мне увидеть тебя во сне; я на днях как-то видел. И как ты была хороша... Впрочем, об этом и речи нет, в этом согласен и Мr жених; я только и нуждался в его авторитете. Как эта история была бы смешна, ежели бы она не была облита твоими слезами. Но, Наташа,— клянусь, каждая слеза твоя принесет тебе больше неба, больше моря блаженства. Прощай же. Спи с богом, а все не хочется перестать.

18 ноября.

Все еще я не пришел в себя, все еще в каком-то тумане бродят образы и мечты, и их не поймаешь. *Иногда* представляется то бытие — награда. Перед глазами море, над ним небо, не свирепое, как в Вятке, а кроткое. А возле меня ангел. И тут нет разделения, ты и природа — это опять одно. Больная душа моя пьет силу — и я поэт, речь моя — огонь, пламень, глаза горят. Люди почли бы за сумасшедшего, а ты со слезою будешь слушать и поймешь этот голос, который вырывается из души волканической, обширной и долго сдавленной.— Третий не может тут быть, ни даже Огарев; после дружба, после четверо; нет, ты и я, т. е. ни ты, ни я, а это существо, которого тело — Александр, а душа — Наталия. Да о чем же я тебе буду говорить; ежели б я это знал, не нужно этой минуты; этого нельзя знать и вспомнить после нельзя будет — тут смысла не будет. О, как хороша поэма, в которой действует Природа, человек и ангел. Это драма, на которую взглянет бог.

Иногда мы идем дорогой, бежим от людей, идем далеко на Восток, в Египет, где есть камни с душою, а людей нет. Понимаешь, идем пешком,— нет поэзии, где есть ямщик и станционный смотритель,— пешком, одни. И, становясь на лодку, мы взглянем еще раз на родину.— Что сказать ей; по слезе родимому краю, и отвернемся, чтоб он не подумал, что мы хотим ему послать упрек. Как несбыточно,— скажут добрые люди,— а в самом деле что же тут несбыточного для нас. Ведь это для тех трудно, кто прокладывает карьеру, составляет капитал... Слава крылоногому Меркурию — капитал в руках, а карьера... милости просим, i siori aspiranti[1], пожалуйте, я уступаю. Чтоб я за все обиды людей стал жить, как они живут,— никогда! На том свете Брут встретился с Цезарем и спросил тотчас: «Куда *вы* — в рай или в ад? Мне это нужно потому, что ежели *вы* пойдете направо, то я — налево».

Вот с этого мира взгляни на трудности, которые разделяют нас, и они покажутся незаметными. И в самом деле, я половину вины беру на себя. Что ж я делаю, почему не говорю — чего бояться, что будет хуже, кажется, мудрено придумать; я одного боюсь, чтоб как-нибудь не прекратили твою переписку,— конечно, и это я вынесу, но, признаюсь, это будет мне стоить двух третей моего существованья. Но ведь не вечно же я в этой каторге. Я только жду дальнейших писем из Москвы, чтоб разом маску долой и удивить. Смешно, ты говоришь — я единственное утешение у отца; ну так что ж? Разве я хочу лишить его себя тем, что даю ему другое утешение — дочь, и какую! (цену тебе они инстинктом знают). Вот ежели бы я у него просил позволение зарезаться, тогда он мог бы упрекнуть меня своей любовью. Каприз ставить наравне со всею будущностью слишком несправедливо. Жалея его, не надобно делать такой уступки. Ни слова о мелочах; я, как дитя, буду покорен,— пусть он требует, чтоб я перестал курить, чтоб обрил себе голову,— все сделаю, но тут нельзя уступить. И зачем же он так далек, чтоб вполне понимать сына?

Сегодня я спросил Мед⟨ведеву⟩: «Имеете ли вы настолько самоотвержения, чтоб пожертвовать своим счастием блаженству человека, которого вы любите?» Она, как бы понимая, куда пойдет речь, сказала: «Нет».— Всей душою хочу я высказать ей всё — и не могу. Ах, зачем тогда меня оставил перст божий! Вот ей моя рука дружбы на всю жизнь — но она ее не принимает. Многие ее называют очень ветреной — я рад был бы убедиться в этом, мне было бы легче. Впрочем, любовь ее не имеет чистоты — это я знаю; но она сильна — и это мне нож в грудь. О, как я гадок при всем стремлении вверх.

---

[1] господа претенденты (итал.).— *Ред.*

Я тебе сказал тогда давно: «Счастья не жди!» И вот тебе доказательство: в самом начале какой-то свирепый рок душит нас. Эта разлука — нож, змея, и ни одной надежды. Подожду и буду писать к государю — сил нет долее ее нести. Ну, 1837 год!— Сердце обливается горячей кровью.

Я брался за двадцать книг и каждую бросил — мелко, подельно, натянуто. Книг холодных, *дельных* я, разумеется, не брал и в руки. Один Шиллер, друг моего детства, которого я читал с Огаревым чистыми устами отрока, один он дивен; он знает именно нашу любовь. Страшный Шекспир огромен, велик, но я не удивляться хотел. Я искал созвучия, и Шиллер подал мне его. Я почти не читал, а думал только о его трагедиях, отделывал каждое лицо в воображении, и это заняло меня на минуту — а там опять черное настоящее обхватило душу. Во вторник мои именины — т. е. день, который я вдесятеро скучнее проведу.

Отец небесный,— довольно, молю тебя, довольно!

Я раскрыл Жан-Поля и попал на следующее место — переведу его для заключения письма: «Самые сильные страдания — между высокими; так, как казни всегда бывают на возвышенных местах, так, как люди на Альпах или на воздушном шаре исходят кровью. Насекомых, живущих на земле, и коса, срезывающая траву, оставляет покойными в их низком жилье».

21 ноября.

Почты нет — с трепетом ожидаю письма; что-то привезет оно — опять ли черное, мрак или отдых душе? А может, ничего — это самое скверное. Ждешь, ждешь — и пустые новости. Сегодня едет Полина первый раз к матери Скворцова; вчера она благословила сына. Счастливые!

Какое огромное счастие в руках пап⟨еньки⟩ — и неужели у него достанет жестокости задушить эту прелестную будущность в своих руках, или, по крайней мере, покрыть ее черною мглою?.. Статьи бродили у меня в голове, но я ничего не написал, я не могу сосредоточиться настолько. *Одна [мысль* поглотила всё — и слава богу, этого я хотел.

Какая бурная жизнь; возьми их, этих чудовищ, которые сосут мое сердце, каждое порознь: Разлука — Ссылка — Твои страдания — Раскаяния,— возьми воспоминания тюрьмы и *всего моего воспитания* (о, я никогда еще не говорил, сколько я перестрадал с той минуты, как я взглянул на мир. Какие раздирающие душу образы являлись глазам... а душа была тогда нежна, слаба...), возьми каждое из этих чудовищ порознь и брось на грудь обыкновенному человеку, и он задохнется. Но я не

ропщу, лишь бы сколько-нибудь облегчился крест, а то смотрю вдаль и вижу одно увеличение его.— Да, эта мысль мне давно не приходила в голову — о моем детстве... Совершенно *чужой* в родительском доме, и на каждом шагу оскорбления, *да какие*,— которые могли бы отправить в сумасшедший дом взрослого. До 20 июля 1834 мы не знали друг друга, я и отец мой,—эта жесткость в его нраве ставила непереходимое расстояние. О, сколько раз ребенком почти приходил я бледный и со слезою на глазах к Огар⟨еву⟩ и склонял голову, которая кипела от внутренней обиды, на его плечо. И что было бы, ежели б не этот друг? Я ждал, как рая, минуты, когда вырвусь из дома,— и она превратилась в ад,— но решительно, кроме Ог⟨арева⟩, никто не слыхал и жалобы. А эти Голохвас⟨товы⟩ с компанией, *их благосклонность* — их милосердие — фу, хуже того униженья, которое я переносил здесь при бывшем губернаторе. В этом отношении я еще должен отдать справедливость Льву Алексеевичу — я не помню от него ни одной обиды. Он без характера, но *он плакал* в Крутицах!

Вот отчего я так отдался после жизни студента.— Там я видел товарищей, *равных*, ценивших меня. И в науке я видел какую-то мать, которая звала меня отдохнуть под важным порталом своего дома. В этом воспитании лежит зародыш двух пороков (нет, десяти, двадцати): оскорбление и обиды развили во мне жгучее самолюбие и стремление к власти и с тем вместе дали мне эту притворную наружность, по которой редко можно догадаться, что происходит в моей душе. Еще что? — Охлаждение к семейной жизни. Может, при ином воспитании я сохранил бы свою душу, чистую, как хрусталь. Мои страсти огненны, но в них ничего нет развращенного — а между тем я развратился; эти оргии, вакханалии, куда я бежал по необходимости, увлекли меня; смятенная воля, как струя огня, устремилась на разврат, и я падал глубоко.— Хоть бы взамен всего они мне дали вдохновение, молитву — нет, и до нее я дошел тобою. Наша дружба с Ог⟨аревым⟩ усиливалась более и более, потому что, кроме его, уж некуда было деть пламени.— Вот в первые дни тюрьмы я и перебрал свою жизнь. Повторяю, перст божий надел тогда цепь, в тюрьме я вырос — но одна тюрьма ничего не сделала бы. Любовь — она одна должна была преобразить меня. И явилась ты — моя Мадонна!

Боже, как рос, рос этот святой образ. Сначала я думал вести тебя. Но вам обоим назначено было стать выше меня, тебе и Ог⟨ареву⟩; и его я вел сначала, но как вывел на свет, он исполином стал передо мною. Сначала твои ответы (еще в Крутиц⟨ах⟩) меня утешали тем, что зерна, которые я бросил в твою душу, возрастают. Но вот развертывается эта лилия, ее белизна, ее небесное показало мне, что я только был грубый садовник. Но

лилия растет для меня — со всяким письмом твоим я склонялся более и более; наконец, в конце 1835 года пал на колени пред твоей высотой. Слава тебе, Дева чистая, слава тебе!

22 ноября.

Слава богу — вот твое письмо от 14-го. Отлегла душа... немного спокойнее. У нас в переписке с пап⟨енькой⟩ начинает кой-что пробиваться. Я сказал в прошлом письме, что у меня лежит на душе тайна и что она рвется наружу... что-то будет отвечать. Тебе теперь покой — потому я прямо не пишу, ибо когда я напишу, буря поднимется...

Портреты получил, был рад — но это не Витберг; да, он похож, его лицо — но души его не видать, и притом *с улыбочкой*. Встарь всегда жену рисовали с цветком, мужа со шпагой и обоих *с улыбкой* — это меня рассердило. У нее лицо умное, одушевленное, брюнетка. Прощай!

23 ноября.

Пустой день — без любви, без поэзии явился он, а с упреком; лишь только я глаза раскрыл — мне принесли прелестную подушку работы Мед⟨ведевой⟩. — Горько было мне ее принять. Наташа! Суди сама.— Холоден день — Вятка. Печален — разлука.

Эта толпа — и униженье людей вдобавок.

Прощай, ангел мой, прощай.

А л е к с а н д р.

Душно и скверно!

На обороте: Наташе.

131. Н. А. ЗАХАРЬИНОЙ

23—30 ноября 1837 г. Вятка.

23 ноября.

Я один — отхлынула толпа! Ну что же это за голос, который мрачно, холодно, как лед, говорит укором из глубины души? Ты думаешь обо мне — *думаешь*, какое глупое слово: будто то, что происходит теперь в твоей груди, называется *думать*. Ты со мною, ты — светлая. Я должен бы был унестись восторгом в рай — а тут-то этот земной голос и хрипит. Вот оно, следствие необузданных страстей! Двадцать раз данное слово очистить себя и двадцать раз нарушенное. Слабость человека, который перед другими людьми имеет ту невыгоду, что понимает добро и зло — делая зло.— И где же тень справедливости? Мне удивляются, меня превозносят... оттого, что я хитрее их всех, и те же чувства, которые у них наружу, у меня

спрятаны. Добрые люди, когда вы будете умные люди? — А Витберга считают чудаком, полоумным, потому что он действует прямо, как того требует душа,— это не льстит самолюбию, а жжет его. Нет, до тебя я все еще погибший человек. Вот третий год продолжается комедия с Мед<ведевой> — а в сущности она очень печальна, это мелодрама. Где ж твердость? Сказал, что ли, я ей: «Идите своей дорогой, любви у меня вам нет, я люблю ангела, и после этой любви ваша — глупость, нелепость или разврат»? Нет. Я минутно увлекся, она поверила моему увлеченью, она пала глубоко, думая подняться, и я начал плакать над телом, из которого душу вытеснил ногой, — и что ж, с тех пор *я делал намеки* — как будто для того, чтоб сделаться интереснее. Ха-ха-ха... а они-то удивляются мне.

Grâce, grâce pour moi! — Уроды, тени, отойдите прочь, раздайтесь перед образом небесным, перед ангелом, перед Наташей. Я ей скажу: «Grâce pour moi», и она будет молиться обо мне — о себе ей нельзя молиться: она чиста, как луч солнца, который не дотронулся еще до грязной земли.— Прощай, пойду туда, там Полина — чистое дитя, она верит в меня, и ее Скворцов—верит. А я не верю... а я сознаю в себе безобразную смесь изящного с отвратительным. Наташа, может, ты вздумаешь отвечать на эти строки, так слушай же, отвечай не возражением, а молитвой, а желанием, отвечай любовью, это лучше всего, в любви все есть.— Три года тому назад теперь я сидел на диване, т. е. на постели, один, в сырой каземате. И что мне мерещилось в будущем — слава наградой за жизнь, дружба наградой за дружбу. А три года ссылки я не предчувствовал, а 9 апреля — оно еще было в лоне божием. Как смешна эта слава, статуя блестящая, потому что сделана изо льда, и которая тает от солнца, потому что солнце — любовь. Ну, вы, пророки, где склонится эта голова через три года, где дышать будет эта грудь, умеющая поместить целый рай, огромнейшее блаженство, любовь к Наташе и любовь ее, и растерзанная снаружи в клочьи? Где?.. — Ежели вы знаете, да будет проклятие на вас, ежели скажете мне; у меня украли прошедшее, а уж будущее — это мое владенье пополам с богом. Да и на что мне знать? Уж тебя-то я увижу наверное в продолжение этого времени. Остальное — такие же пустяки, как дым сигары..

24 ноября

Я сдержал слово и провел вчерашний день вдесятеро скучнее всех прочих. Только это и хотел я теперь тебе написать.

29 ноября.

Ну, не прав ли я, что задавал пророкам задачу о моем будущем? О, как самодержавно провидение ведет мою жизнь!

Вчера утром получил я письмо, спокойно развернул, прочел, и передо мною путь. Итак, я еду в Владимир! Так радоваться, как ты, я не могу, 170 верст или 1000 — все равно тебя ко мне не пустят, а уж год наверное там надобно прожить. А может, отпустят меня на несколько дней в Москву — боже, неужели это возможно? — Это время в Владимире я проведу особенным образом, пусть оно будет временем очищения и поста. Одиноко стану я там в новом обществе, отклоню все знакомства. — Это будут мои 40 дней в пустыне, ими я заслужу наше свиданье. Ну, прощай, Вятка, всем сердцем благословляю тебя, ты не оставила чуждого изгнанника, ты дала ему руку и привет. Благословляю тебя. А вы, друзья, оботрите эту слезу, ведь вы знали, что встретились с пилигримом, что он не мог навсегда остаться с вами, его зовет голос сильный. Прощай, Витберг,— не я буду останавливать страдальческую слезу, прощай, Полина и Скворцов,— не я стану с вами у алтаря; прощай, Эрн,— которого я взял за руку и вывел на другую половину земного шара. Дружба вам и благословенье изгнанника.

30 ноября 1837 года.

Как я провел вчерашний день и сколько прострадал — этого нельзя и сказать. Лишь бы уж кончилось все это скорее. Слушай: Медве‹дева› больна с тех пор, как узнала о моем отъезде, и я должен смотреть на ее страдания, как человек, который бы обокрал отца семейства, пропил бы деньги и после должен смотреть, как те умирают с голода. Утешить я не мог и нехотел. Ты мне писала однажды: «При разлуке не подавай ей надежды».— Я так и сделал. Я говорил: «Покорность провидению и молитва!» — Но все-таки я сам в своих глазах унижен, растерзан. Вечером я пошел к Витб‹ергу› в кабинет и рассказал ему *всё* и, кончив, я встал перед ним, как осужденный на казнь; да, я хотел до последней капли выпить унижение и наказанье, я заслужил его; но душа высокая у Витберга. Я ждал камень, а он бросился в мои объятия — и мы плакали. Он взялся после моего отъезда все уладить, т. е. сказать ей о тебе. Когда кончился наш разговор, за которым я пять раз утирал холодный пот, я пришел в свою комнату; о, тогда я был жалок в самом деле: бледный, руки дрожат, грудь налита огнем, даже глаза сделались мутны.— Я глубоко страдал... Гордость унижена, бесхарактерность и преступление.

И вот, думал я, будто этот преступный — Александр Наташиных писем. Ха-ха-ха... Нет, тяжело, но надобно раз пройти черезо все это, и оно уж будет прошедшее. А до тех пор я еще, может, недели три останусь здесь, и ежели всякий день будет, как вчера,— то я занемогу. Разбойника наказывают раз, а это три недели пытки.

Но отвернемся же от мрачной стороны. По первой почте узнаю я, есть ли надежда побывать в Москву. Хоть на денька два. Взглянуть раз на ангела и потом провести, как сказал, в очищении время поста. Хорошо, что я переведен; надобно было круто перевернуть мою жизнь.— История сватовства, пишешь ты, совсем кончена, а я знаю, что она продолжается; напиши об этом. Прощай, время еще есть, но я что-то вял, утомлен.

Прощай, мой ангел-хранитель.

Твой Александр.

На обороте: Наташе.

132. Н. А. ЗАХАРЬИНОЙ

1—7 декабря 1837 г. Вятка.

1 декабря 1837. Вятка.

Ну, здравствуй, милый друг, ангел! Черная хандра миновала. Я выглянул на двор. Солнце играет по льду — светло; я взглянул на душу — твой образ — светло и там. О, такого прилива мрачных дум, такого демона еще ни разу не было в моей душе... С 14 до 1-го я был какой-то Чальд-Гарольд. Я похудел в это время, но перелом прошел. Теперь я только понял, что светлая заря возвращенья уже дотронулась,— я ведь те дни не понимал, что такое значит Владимир.— Это первый шаг, это 800 верст меньше, это прямое указание, что меня прощают. Наташа, ну, ежели в самом деле с меня снимут надзор, тогда — понимаешь ли ты эту фразу? — тогда *к марту месяцу я в отпуску*. Декабрь, генварь, февраль... Март — это месяц, в который я родился; 29 марта 1835 прочтена *высочайшая* конфирмация.— Итак, 1837 год хотел исправиться на 12 томе; я хорошо проведу время в Владимире.— Я буду молиться, я буду вечно один, т. е. вечно с тобой, я буду писать, когда душа полна, и вам, вятские друзья, уделю я воспоминаний — да и они меня не забудут. Винят людей — вздор: всегда надобно себя винить. Человек чуть с теплой душой — и тотчас его окружат любовью.

Мед⟨ведева⟩ воскресла; в женском сердце есть много силы, ежели достанет только решимости употребить ее. Она мне писала; она поняла, от чего мои страдания; она говорит, что все кончено, бог ее укрепил и что она отдается вся воспитанию своих детей и с ними, беззащитная, будет искать пропитания.— Нет, не беззащитная, это вздор. Теперь я подам ей руку, теперь она увидит, для кого она сделала жертву; о, до последней капли крови я ей друг после этого. Лишь бы она выдержала характер. Ну, Наташа, все нам помогает. Дивен бог! Забудь два последних письма— их диктовала взволнованная кровь... Зачем же ты такой огромный смысл придала двум словам, сказанным

в минуту негодования на себя, т. е. *я не ты*? В[эти минуты точно я не ты. Ну, да что об этом говорить; сегодня я выздоровел, отер голову от пота, который выжимали мысли ядовитые, и вздохнул легко. Только боюсь совсем предаться радости... Ну, как надзор оставлен, а этого до Владимира едва ли узнаешь. Я еду отсюда через 10 дней, по получении повеления (оно еще не получено); итак, ты можешь примерно знать, когда я уеду и где буду. Из Нижнего буду писать, из Мурома тоже, впрочем, ежели не получишь письма, то не беспокойся: я помчусь на почтовых и, может, придется ночью проскакать по городу. Ежели 3 числа придет, то уж наверное 15 я обниму здешних друзей — и в повозку; на дороге четыре дня, много пять. Итак, я буду иметь честь поздравить Вас, Наталья Александровна, с высокоторжественным праздником рож⟨дества⟩ Хр⟨истова⟩ из Владимира особым письмом — ежели Вы позволите. Ну, прощай, Сестра, Друг. Прощай, пойду куда-нибудь, хочется воздуху, ну, пошире чтоб было, нежели в комнате.

Вчера были именины Скворцова, и Полина была там; ах, господи, как не пристала невеста к холостой квартире.— Хорошо, что ты заранее взяла меры и привыкла к моим комнатам. А где ты, в каких комнатах будешь ты невестой у меня? В той ли, которую мы так любим по тысяче воспоминаний,—знаешь, моя полутемная с выходом в сад — или этот дом *будет чужой;* это слово что-то опять обдало морозом. Ну, стало, перестать писать.

2 декабря.

Александр Лаврентьевич хотел знать, кто ты,—чтоб долго не рассказывать, я прочел ему два письма — в письмах ты чрезвычайно ясна. Он слушал долго, когда я уж перестал читать, и, наконец, с восторгом и слезами сказал мне: «Это ангел-хранитель, которого бог послал вам»; Наташа... что я чувствовал в это время. Мы обнялись. «Напишите же ей,— прибавил он, и слезы капали на мою руку, которую он держал,— напишите, что Витберг в Вятке молится за нее и за ее Александра и что он душою желал бы увидеть Наташу» (и он тебя зовет Наташей)... Ну, толпа, что вы противупоставите такой минуте? Как безоблачно, светло было на душе.— Ежели ты решишься, то вложи ему особую записочку ко мне в письмо (хотя и во Владимир, нужды нет), поблагодари его.—Ты понимаешь.— Когда-то ты увидишь эту благородную развалину громом разбитого здания? Или неужели мы теперь с ним разойдемся, и навсегда? А бог весть, моя жизнь идет так странно, так мудрено... что вперед ничего не знаю. Да — не шла моя жизнь по битой дороге. Теперь оканчивается одна из глав ее. Обернемся опять назад, опять взглянем на прошедшее. 20 июля 1834 считают за не-

счастие, а это был первый шаг к жизни духовной и гармонии; вот каким путем надобно было провести мою неугомонную душу, чтоб сравнять ее с тобою. Витберг прав; он вчера говорил: «Я не знаю силы в мире, которая бы могла укротить ваш бурный, порывистый нрав, я уже отчаивался в этом — но теперь вижу: с *ее* сильной и религиозной душою *она* спасет вас»; и 9 месяцев тюрьмы были необходимы, чтоб я понял этого ангела... Ах, неужели мой отец не поймет, что ты сделала для меня... Дай нам увидеться во Владимире, на коленях буду я его умолять, он меня очень любит. Господи! Я, осыпанный твоими милостями, я еще дерзаю молить к тебе: облегчи мне этот шаг, который делается под святым благословением твоим.

Наташа, радуйся, и я начинаю понимать, что такое молитва. Получив известие о переводе и видя, как это поразило Мед⟨ведеву⟩, я содрогнулся, пришел в свою комнату, завернулся в ергак и бросился на диван. Меня била лихорадка, униженным, преступным, *недостойным тебя* казался я.— Тяжело мне было (ты это уж видела из прошлого письма)... Тогда я вспомнил молитву, я обратил глаза к небу и просил милосердия. Горячими слезами выкупал я свой проступок, раскаянье полное, чистое наполняло душу; я молил Его, чтоб он вывел меня из этой бездны, молил, чтоб он ей дал силу.— И молитва моя дошла; сильный встал я, и тут явилась у меня решимость сказать Витбергу — это была исповедь; о, как облегчает душу высказанная тяжкая истина, она ядом проникает в каждую жилу. И Витберг принял эту исповедь не как судья, а как брат, не презрением, а любовью. Это все произвела молитва; и после решимость самой М⟨едведевой⟩ (не знаю только, сладит ли она) — и это оттуда же. И теперь будто уж я вполовину и загладил. Два года этот яд гулял по моему сердцу, теперь только начинает он ослабевать. А любовь, любовь... Я на всех смотрю с какой-то нежностью; где эта жесткость характера, в которой меня всегда обвиняли; и все хочется говорить о тебе. Как хорошо, что Витберг знает; свежую мечту несу я ему; я теперь беспрестанно могу говорить о тебе. Наташа, ангел мой... — Нет, этого не скажешь, тут не слово — взгляд.— Другие тебя называют ангелом, как же назову я тебя?.. Чудное дело: ужасно хочется плакать, а я не привык к слезам; может, слеза моя яснее бы сказала, что я хочу выразить.

Полина и Скворцов в отчаянье от моего отъезда, но Полина вчера мне сказала: «Как навернется у меня *слеза печали*, так и сотру *слезою радости*, вспомнив, что, может быть, вы увидите Наташу». Да, это-то и называется *жить* — напиши подробный журнал всякого дня, и никто не поверит, всякий примет за выдумку, потому что умные люди живут *умно*, а глупые не пой-

мут. Но зато, может, страницы эти попались бы юноше — он изверг, ежели кровь не выступит в ланиты и глаза будут сухи.— Прощай! — А ведь я, право, сумасшедший.

7 декабря.

Высочайшего повеления еще нет и, следствен⟨но⟩, до 12 или 13 дек⟨абря⟩ ждать нельзя. Уговаривают меня праздники пробыть здесь — но я сомневаюсь. Вчера я читал речь публично; хотя в ней большого толка и нет, но посылаю тебе (через папеньку) *самый тот* экземпляр, по которому я читал. Медв⟨едева⟩ больна, ее положение ужасно; детей принять в казенное зав⟨едение⟩ отказали.

Я сегодня утомлен от вчерашних рукоплесканий... Прощай, мой ангел-хранитель. Прощай. Целую тебя, твою руку.

Твой здесь и там Александр.

На обороте: Наташе.

133. Н. А. ЗАХАРЬИНОЙ

9—14 декабря 1837 г. Вятка.

9 декабря 1837. Вятка.

Ангел мой! Я ужасно утомлен; такое множество мыслей, проектов, и все это так быстро.— Знаешь, как в летний день несутся гряды облаков: то покроют небо и сделается темно, то клок лазури выкажется, то примут форму чудовища, то чего-то таинственного, то окружат солнце — и свет его еще сильнее от их тени.— Это солнце, этот свет — ты. А остальное несется вихрем, бурею; только оно одно тихо, спокойно смотрит с своей высоты. Часто думаю я о моей встрече с папенькой; да, тайна наша должна быть высказана. Мне становится тягостно жить без тебя; ты, ангел, посланный мне небом, должна быть беспрерывно тут.— Жуковский читал «I Maestri» — желал бы знать мнение поэта. Арсеньев отвечает на то письмо, что в конце генваря подастся представление обо мне государю от наследника. Посмотри, Наташа, как внезапно все переменилось; посмотри, эти надежды стали так близко, что их нельзя уже разглядеть, и как нежданно подкрались они... Я все еще отчетливо не понимаю эти слова: отъезд, Владимир, представление, отпуск. Я ровно ничего не делаю, сижу целые часы и думаю, беру книгу и ничего не понимаю.

10 декабря.

Буря бьет корабль; туман, мгла... уже готовы все на гибель; вот кормщик пал на колена — молится... Мгла рассевается, и желтая полоса берега вырезывается из-за нее. Но каков этот берег, близко ли от него родина... Наташа, возьми разом мои

письмы, с начала ноября и до нынешнего, да тут целая жизнь: и отчаянные стоны, и крики радости, и утомление души, и ее восторг, *а месяцу нет.* Иногда мне все наши мечты кажутся так сбыточными, так близкими, что дух занимается... Сегодня я видел во сне благословение пап⟨еньки⟩ — тебя не было, но он с улыбкой благословил меня и сказал, что он давно знает. Если б!! А иногда я возвращаюсь к той ужасной мысли, что все это наказание за ту несчастную. Может быть, она совсем не от этого больна, но ее болезнь преследует меня. Нет, надобно скорее ехать. Увидим, придет ли завтра повеление.

13 декабря.

Итак, во Владимир!

Кажется, это *последнее* письмо из Вятки. Как ждали мы этого *последнего.* Но оно только последнее из Вятки, а разлука все-таки нема, тупа, гнетуща.— Бумага пришла, о надзоре ничего не сказано в ней, и я еду без жандарма. Вероятно, 22 числа пущусь в путь. Ну, что-то будет — перемена, обновление, а всё черные полосы пересекают лазурь.

Письмо от тебя получил, ты все моя прелестная, дивная подруга! Отвечать теперь не стану, я что-то полон и пуст. Не знаю, что со мною делается; придет минута, я так радостно смотрю на тебя, так исполнен жизни и любви, а через минуту саван и гроб. Эта мысль теперь очень часто у меня. Да, чужие мы здесь, лишь бы вместе. Нет, прощай, земля и люди. Здесь слишком тяготит все. Но вместе, вместе...

О Наташа, ты права, писавши однажды, что, может, ты сгорела бы, приблизившись ко мне. Да, я дышу огнем, у меня вместо крови — огонь, вместо мыслей — огонь. Как я прижал бы тебя к моей клокочущей груди, Natalie... Да, и этот-то огонь сожжет самого меня, он не вымерен по груди человеческой. Я должен умереть, потому что нельзя вынести разом это блаженство — Любовь ангела, и это несчастие — разлуку и преграды, потому что душа, испытавшая радость неба, не хочет больше земли. Потому что я твой Александр, а тебе душно и тесно здесь.— Полина поздравляет тебя с *сближением;* я остановлюсь и погожу поздравлять с этим. Посмотрим, что будет, а там уж радоваться.

Твой А л е к с а н д р.

14 декаб⟨ря⟩.

Ну, прощай же, прощай, город, в котором прошли почти три года моей жизни. Вероятно, мы с тобою не увидимся. О, с каким чувством ненависти я смотрел иногда на твои стены, расстанемся en bons amis[1]. *Здесь* я узнал, что такое унижение,

[1] как добрые друзья (франц.).— *Ред.*

здесь я должен был поклониться чудовищному Калибану — паук и гиена вместе. У меня в голове кружилось и грудь стенала — а выбора не было; здесь встретил я девочку с ребячьей душою и с огненными глазами, и взлелеял ее, бросил огонь в ее душу и ходил за ее душою, как за цветком, и здесь же я встретил юношу, не знавшего ни силы своей, ни цены — и ему огненное крещение, и тогда я подвел юношу к этой девушке.— И они будут счастливы целую жизнь! Здесь стоял я у изголовья несчастного Витберга, здесь видел поэта во всей славе — Жуковского. Здесь, наконец, я встретил лилию, вырастающую на пробу, и сорвал ее для того, чтоб насладиться запахом, и задушил ее... Отсюда понесу я воспоминания, переплетенные дружбой, на черном fond сукна, которым покрывают плаху.— Но здесь же пламенно и чисто мечтал я о тебе, здесь лилися слезы, которые еще едва обсохли.

Странно, мысль смерти все яснее, чище делается в моей голове. Будто мы не довольно жили и будто нам *здесь* еще есть будущее. О Наташа, как ты высока в последнем письме, говоря, чтоб друзья не оплакивали нас тогда. Но наше время еще не пришло; хоть одну гармоническую страницу, хоть один день поэзии и любви, без всякой примеси постороннего.

Все мелкое, земное сдунулось с меня в последнее время,— я опять поэт. Но раны не зажили, кровь струится. Ангел, прилети ко мне, отвей твоим дыханьем черные образы.

Наташа, надейся — легко возможно, что я весною буду в Москве! Как при этом слове расширяется душа, вмещает небо и землю, а сама пропадает в бесконечности, т. е. в любви. Любовь, любовь — кроме любви, нет ничего.

Да, многие горячими слезами оплачут мой отъезд. Друзья, в сущности, я вам совсем не нужен. Моя жизнь совершилась, она кончена — посмотрите, вон там далеко стоит ангел с улыбкой,— его бог послал, чтоб принести туда мою душу.

Александр.

На обороте: Наташе.

134. Н. А. ЗАХАРЬИНОЙ

15—21 декабря 1837 г. Вятка.

Декабря 15-го, Вятка в последний раз!

Душа моя, вместо 22 я еду 26 утром рано. Витбергу так хотелось, чтоб я провел первый праздник с ними, что я отложил, но 26 решительно и непременно еду; след., 27 к ночи в Яранске, 29 в Нижнем и 31 во Владимире. Новый год — и от доски до доски все новое.

Декабря 18-го, суббота.

Смех с моим путешествием: теперь губернатор хочет, чтоб я 26-го вечер провел у него; итак, оно опять сутками отдалилось. А я что-то все это время пуст; скучные хлопоты, всякие вздоры, беспрестанные посещения.— Когда пап⟨енька⟩ приедет во Владимир, я ему лично вручу письмо, ибо при разговоре он может остановить на первой фразе, а письмо должен прочесть. Ну, как-то развяжется этот узел, который в нашей жизни любви сплели всех родов несчастия? Сегодня будут письма; но уж от тебя не жду. Не знаю, предчувствие или что, но всякий вечер на меня налетает мрачная грусть и давит тяжелым камнем. Ах, уж лишь бы нам взглянуть друг на друга, лишь бы раз вперить взор мой в твой взор, обращенный на меня, и, согласен с тобою, отдать жизнь и всё; нет, жить слишком тяжко.— Ты, я думаю, давно мечтаешь, что я на дороге; но скоро, скоро.— Правда, со мною многого лишаются здешние друзья!

Декаб⟨ря⟩ 19.

Твое письмо от 11-го.— Я растерзал душу твою моим письмом от 30 нояб⟨ря⟩... Все письмо твое писано с некоторым негодованием. Прости меня, ангел, прости, Божественная. Вспомни, я тебя раз спросил: была ли бы ты счастливее, более ли бы любила меня, ежели б душа моя была ясна, чиста. Ты говорила — нет. Неси же следствия этой судорожной души, вот она своими болезненными изломанными голосами и вливает грусть в твою ангельскую душу. Но теперь уж эта болезнь миновала. И ты говоришь: «На что я тебе и на что моя любовь»?! Наташа, неужели ты не знаешь, на что ты мне и на что твоя любовь. После этого и бог может спросить вселенную, на что он ей. Зачем написала твоя рука эту холодную, мертвую строку?

Опять сватовство!.. Да скажи ему прямо, неужели он и этого не стоит. Ты права, Natalie, права, нет нам удела здесь; итак, пусть наша жизнь будет приготовление к *одному* свиданью и к вечному соединению там, где нет времени.— От Тат⟨ьяны⟩ Петр⟨овны⟩ получил письмо; вспомнил былое; я дружен с ней *был*, вспомнил это время розовое. И вдруг обернулся на настоящее. Одно светлое в моей жизни — это ты, ангел, это твоя любовь (на что мне твоя любовь??), и остальное мрачно, черно.— Боже, когда же исполнится мера страданий, назначенных нам! Прощай.

Твой Александр.

21 декабря.

Все меня упрашивают отложить до Нового года отъезд, но я не согласен, внутренний голос говорит: «Поезжай», и я поеду. А зачем? Куда я тороплюсь? — Туман, из-за которого ничего не видно. Но там, во Владимире, я могу *четыре раза* в неделю иметь весть от тебя, могу четыре раза писать к тебе, и мое письмо, свежее, теплое от моего дыхания, на другой день будет прилетать отогревать тебя. И душа моя покойнее будет там; сверх этого, я хочу ехать отсюда, чтоб грусть разлуки с друзьями была уже в прошедшем. Оттуда я могу следить шаг за шагом проклятую историю с женихами. Сегодня целую ночь снилась мне ты — и так хороша, так мила. Неужели еще год пройдет до нашего свиданья? А может, мне можно будет приехать не в Москву, а к вам в Загорье? Ах, ежели б мне удалось склонить папеньку. Боюсь и мечтать, и тогда ты приехала бы ко мне во Владимир. Целые часы, дни сидели бы мы друг с другом. И все это необъятное блаженство в руках отца, и неужели рука его не дрогнет задушить целую будущность света и рая! Я не могу последовательно писать. Кипит кровь, волнуется душа.

Новая фаза жизни начинается! Скорей перевернем страницу, а ежели она еще чернее — все равно до дна пьем чашу.

А как грустят обо мне Витб⟨ерги⟩, Полина и Скворцов; много был я им, после меня останется огромное пустое место. Что ж делать,— они знали, что встретились с пилигримом, что его путь не окончен; они должны были в день первой встречи подумать о дне разлуки. Когда ты получишь это письмо (28), я, *вероятно*, буду верстах в ста от Вятки — ангел, твое благословенье на дорогу.

135. Н. А. ЗАХАРЬИНОЙ
27—28 декабря 1837 г. Вятка.

Декабря 27, опять Вятка.

Ангел, ангел!— вот такою я тебя люблю, о, как прелестно твое письмо от 18-го. Ангел, ангел! Друг мой, дай твою руку, я ее прижму к сердцу, дай твои уста, я напечатлею на них поцелуй любви чистой, неземной.— Витберг велел тебе сказать, что он слезами омочил твое письмо, и я видел это. Как ты высока, изящна, Наташа, с тобой я спасен, с тобой я выше человека. Тебе странно покажется, что я не писал к тебе в праздник, я ушибся, и у меня болела голова, а вчера я ездил с визитами. Заметь, я у вас упал на полу 25 дек⟨абря⟩ 1833, а в казармах упал с лестницы 25 дек⟨абря⟩ 1834; наконец,

25 дек⟨абря⟩ 1837 я ушиб себе голову — что за странное повторение. От этого я и не поехал 26, ибо очень неприятно с головною болью ехать по вятским *ныркам*. Может, поеду послезавтра, потому что завтра на бале у губернатора. Впрочем, я не тороплюсь — ранее ли, позже ли несколькими днями во Владимир — это все равно, а мне жаль здешних друзей. Жаль Витберга, хотя он, закованный вечно в свое монументальное величие, и старается скрыть горесть: но она прорывается. А там Полина и Скворцов — мне кажется даже, что я не могу любить их наоборот столько. Представь себе, что Сквор⟨цов⟩ на днях сказал мне со слезами на глазах: «Герцен, будь весел в день твоего отъезда, а то, ежели и ты будешь грустен, я не знаю, что со мною будет». Вот какая симпатия сопровождает твоего Александра. *Твой* Александр и должен находить ее повсюду, *тобою* изящный, высокий. Не отнимаю твоих надежд на папеньку — и не утверждаю в них. Увидим!

Вся жизнь моя во Владимире, которая, кажется, недолго продлится, будет посвящена одному поклонению Наташе: там издали я помолюсь ангелу, там буду очищать душу, ибо буду один. Так пилигрим останавливается, не доходя Иерусалима, где-нибудь в Еммаусе и просит господа прощения прошедшего и милости коснуться гроба Христова; так омывает он пыльное тело в воде Иордана, и с пылью сливаются с него пятна. Лишь бы по силам был срок — о, как тягостно видеть вблизи возможность и ограничиваться одной возможностью.— Я буду писать во Владимире, звуки настрадавшейся души, болезнь и судорогу сердца — надобно вылить на бумагу; это будут тени, а сама картина — блаженство любви, блаженство, которое вносит ангел в душу человека. Да, этой высоте, может, не противустоит холодный взор папеньки. Люди удивительны, я не знаю жертвы, которой он не сделал бы для меня, а тут и жертвы не требуются, и *все выгоды* с его стороны. А поневоле голос сомнения пронзительно свищет середь аккордов любви. А в сущности нам до этого дела нет, заботы о внешнем унижают любовь. Ежели Творцу угодно было, чтоб мы здесь были соединены, мы будем соединены, ежели нет, мы увидимся (этим я не могу пожертвовать) — и умрем! И наша жизнь отдастся назад так полною, как ежели б мы прожили 500 лет. Ты говоришь: «Широкий, светлый, *один путь*», а какое дело, сколько верст по этому пути, хотя бы он был пройден в одно мгновение.— Совершено! Но до него я не хочу слушать о смерти. Это совсем не чувственное желание тебя поцеловать, упиться твоими прелестными чертами, обвить руку около твоего стана. О, нет! *Узнать* то, чего нельзя сказать пером, послушать тех звуков, которые льются из взора... нет, нет, это не чувственное, не вещественное желание.— Ты понимаешь!

28 декабря.

Все готово — завтра утром обниму друзей, пролью слезу им, другую той несчастной, и в повозку. Когда ты получишь письмо, я уже буду во Владимире; впрочем, Новый год, вероятно, буду в Нижнем. Прощай, мой ангел! С молитвою к богу, с молитвою к тебе на устах проеду я эти 800 верст.— Ну, друзья, утрите же и вы слезы — хоть моими слезами.

Прощай, Вятка! Благословение изгнанника на тебе!

Прощай, ангел — ах, если б до свиданья.

Твой Александр.

136. Н. А. ЗАХАРЬИНОЙ

30 декабря 1837—4 января 1838 г.
Яранск, Поляны, Нижний Новгород, Владимир.

Яранск. 30 декабря 1837.

Итак, страница перевернулась. Что на ней написано — знает провидение. Больно было душе, когда я расставался с Вяткой, очень больно — и так тяжело было друзьям, и какими знаками вниманья они осыпали меня. Ангел мой — трудно отрываться от любимых. Вчера в 4 часа я уехал. Теперь я в Яранске, в 15 часов я проскакал 200 верст. Но письмо это долго не придет к тебе. Полина посылает тебе своих волос — о, как она любит тебя. Прощай, ангел, сестра Наташа!

Ночь с 31 дек⟨абря⟩ на 1 янв⟨аря⟩ 1838 г.
Поляны. 46 верст от Нижнего.

Новый год! Ангел, Наташа, поздравляю и ближе к тебе на 600 верст. Всю дорогу беспрестанно была ты у меня перед глазами — и звезда любви, Венера, светила.— Ну спи с богом, а я в путь.— И теперь сижу в скверной лачуге... Прощай. Милая, Ангел, Сестра... Всё.

Твой Александр.

Нижний Новгород. 1 января 1838.

Как торжественно изменилось все с этим Новым годом. Все иное! Лучше ли? — Лучше то, что я уже теперь 600 верст ближе к ангелу, к моему милому, святому ангелу. От дороги устал — да и правду я скакал, как фельдъегерь. Поэзии мало в зимнем путешествии, но одно зрелище поразило бы тебя — это вятские леса в Яранском уезде: мрачные, высокие, страшные, они кажутся расступившейся горою, которая сейчас сдвинется — и при этом луна и снег.— Приложенная записка покажет, как я встретил Новый год с пьяным станционным смотрителем; но душа была далеко, она была с тобою... Ах,

может, в этом 1838 году мы взглянем друг на друга. Зачем же ему было отрезывать меня от всех друзей, ежели б он не готовил вознагражденья — и какого. О милая Наташа!

Для полноты путешествия надобно тебе рассказать ужасную встречу при выезде из Яранского уезда. Приезжаю на станцию, толпа мужиков, а тут явился и исправник пьяный, поподличать перед *губернским* чиновником; все это собралось для следствия: поймали черемиса, который убил отца, мать и сестру. Голову отца он отсек топором, и ее нашли обгрызенную собаками; мне хотелось взглянуть на такого злодея — его призвали; что же? Юноша 26 лет, бледный, худой, с черными волосами и с лицом оживленным, как почти у всего племени черемисского... «Кровь твоих родителей каплет с тебя»,— сказал я ему; он задрожал и загремел цепью.— Я обернулся — пьяный исправник умолял меня, чтоб я не доносил губернатору, что он пьян, и целовал мою руку. Итак, с одной стороны, человек, обагренный кровью, с другой — подлец... Долго после мне мерещились то черты злодея, то толстая рожа исправника...

Прощай, мой ангел, опять в путь, опять ближе к тебе.— Почта прошла, и потому это письмо ты уже получишь из Владимира. Прощай же.

3 января. Владимир.

Здравствуй, ангел мой, я из Владимира посылаю этот поклон — из-за 170 верст от тебя. Вчера вечером приехал я — хотел тотчас же писать к тебе, но, признаюсь, так устал и измок от снега, который валил целую ночь и день, что бросился на постель и уснул как мертвый. Сегодня проснулся — и светло на душе, светло, очень светло. Мы увидимся в этом году, голос сильный сказал мне, увидимся — ну, в этом слове всё. Ангел мой! Нет, до сих пор я не понимал благодатную перемену. Теперь я оценил ее. Много раз на дороге я был весь взволнован. Слушай. Едем мы к Нижнему ночью; ямщик пел что-то печальное, а я смотрел в даль, в которой, кроме лунного света и снега, ничего не было; вдруг ямщик хлопнул по лошадям и, сказавши: «Ой вы, голубчики, разве не ведаете, куда едем: ведь к Москве» — и с этими словами понесся, как из лука стрела.— Слеза навернулась у меня на глазах, и после того в голове осповалась одна мысль: *к Москве, к Москве!* И она росла, с каждой станцией все роднее становится, а здесь Москва уж виднеется в каждом слове. Как только я приехал, явился ко мне папенькин староста, Найденов — вот первый из старых знакомых после отъезда моего. Я его расцеловал, добрый мужик долго смотрел на меня, потом с гордостью сказал: «А каково счастье, я первый увидел Александра Ив⟨ановича⟩, завтра же поеду в Москву и расскажу... позавидуют мне». «Да,— думал я — позавидуют».— «А когда же ты

воротишься?» — «Ну да *денька четыре* проезжу». Слушай, ангел, слушай: на своих клячах мужик — и тому только надобно сутки, чтоб быть в Москве. О чудо! Я, может, ребячусь — можно простить тому, кто столько перестрадал! Мой перевод во Владимир есть мера временная — это ясно, потому что Владимир не есть место удаления. Велю старосте явиться к княгине с письмом для того, чтоб он тебе мог рассказать, для того, чтоб взор твой остановился на человеке, который через сутки увидит меня... Ну, милый друг, помолимся, немножко светлее становится наша жизнь. Слава в вышних богу!

Больше писать некогда... Прощай, нет — *до свиданья*,

твой А л е к с а н д р.

Наташа, знаешь, как человек, идущий в храм, останавливается на паперти помолиться, не смея взойти в святой дом божий? — так и я теперь остановился перед Москвою — чтоб чище и достойнее взойти в нее.

3-го вечером.

Получил твое письмо от 30,— прочитавши, я положил его и долго наслаждался, молился, был в восторге... Это письмо и прошлое высоки, необъятны. Нет, ангел, ничего не хочу: ни славы, ни почести, ничего — тебя, тебя. Я искал жизни полной, огромной — и нашел тебя. Все желания совершились. Я даже грустен сделался после твоего письма, т. е. той священной грустью, которая наполняет душу христианина при чтении евангелия. А после мечтал о путешествии — вот что желал бы я в моей жизни: во-первых, ехать в Москву; во-вторых, ехать с тобою женихом в Италию; в-третьих, воротиться в Москву и в день венчания, в ту самую минуту, когда священник обручит кольцами,— умереть обоим.— Здесь во Владимире я весь твой, не хочу людей, на что мне они? Они ищут, а я нашел все.— Ты хочешь меня сделать монахом, им это смешно! — Но и это обвинение ярко выказывает чистоту нашей любви. Боюсь роптать за разлуку — это кара за прошедшее, а как изболело от нее и сердце и душа. Фу... Ну, что, ежели б ты бросилась в ноги папеньке и просила бы отпустить тебя с маменькой — отчего же так забилось сердце, ах, нет, нет — не видать мне тебя здесь. Тут страшно то, что они после такого опыта сделают.

4-го, вторник.

Прощай, друг милый, ты теперь будешь получать от меня всякую неделю два письма, а иногда и три. Следующее будет через два дни. Кланяйся сестре Emilie. Что-то наши вятчане? В четверг буду писать им. Прощай же, ангел.

Твой А л е к с а н д р.

Тут же и волосы Полины.

1838

137. А. Л., А. В., В. А. ВИТБЕРГАМ, П. П. МЕДВЕДЕВОЙ. А. Е. и П. СКВОРЦОВЫМ

1 января 1838 г. Поляны.

Поляны, 46 верст от Нижнего.

Сюда приехал я в первом часу — итак, с Новым годом, обнимемся, Александр Лаврентьевич и все ваши. Прасковью Петровну я не отделяю от ваших, а потом с тобою, Скворцов, и с твоей Полиной.— Вот вы все перед глазами. А Эрн — отдал ли яблоки, пуще всего? — Я сижу в прескверненшей избе, исполненной тараканами, до которых M-me Medwedew не большая любительница, и пью шампанское, до которого m-r Witberg не охотник,— оно не замерзло, и я имел терпение везти от Бахты,— а дурак станционный смотритель спрашивает: «Виноградное, что ли-с?» — «Нет, из клюквы»,— сказал я ему, и он будет уверять.— Прощайте. Из Нижнего буду писать comme il faut — а здесь ни пера, ничего, зато дружбы к вам много, много.— Перед вами вспомнил только — кого? Sapienti sat[1].

Александр.

138. А. Л., А. В., В. А. ВИТБЕРГАМ и П. П. МЕДВЕДЕВОЙ

Нижний Новгород, 1838 г. 1-го января.

Еще раз поздравляю вас, Александр Лаврентьевич, с Новым годом — как-то вы провели его? Я — одиноко в гостинице, с вечной одной мечтой и временами с вами, запивая вином слезу горячую. Наша встреча была важна, вы были Виргилий, взявшийся вести Данта, сбившегося с дороги. Жаль, что вы не совсем поступили, как Виргилий,— он довел Данта до Беатриче, до рая, а вы должны были покинуть меня

[1] Понимающему довольно (лат.).— *Ред.*

на Бахте,— извините, что кончил глупостью. Вы понимаете, ну, стало, довольно. Прочтите мое письмо к Эрну — оно напомнит вам меня.

И вас, Авдотья Викторовна, поздравляю с Новым годом.

И вам, Прасковья Петровна, мой братский, дружеский поклон. Что ваше здоровье?

Вам тоже, Вера Александровна, и притом искреннейшее желание, чтоб ваша чистая, светлая душа не тускла никогда. В вас отразилось много от Александра Лаврентьевича, храните это наследие.

А засим прощайте — велю себе подать икорки с лучком, да и в путь. Однако под конец моя разбитая голова попала на проклятую мысль болеть — и болит.

Прощайте.

139. А. Л. ВИТБЕРГУ и П. П. МЕДВЕДЕВОЙ

3—6 января 1858 г. Владимир.

Владимир, 3 января.

Так, как христианин останавливается с благоговейным трепетом, не входя в храм, на паперти,— так я остановился перед Москвою — еще нога пилигрима не так чиста, чтоб коснуться святого града. Москва, Москва!

А как все переменилось, здесь на каждом шагу виднеется Москва, entre nous soit dit[1] теперь только я понял, что в смысле внешней жизни Вятка лишена всех гражданских удобств, что мы только прижились. Зато славные люди там. Будьте коротки с Репиным, да я еще отправил к вам Беляева — я его узнал только в Яранске, вы найдете в нем человека.

Водки не пью и ничего, кроме вина, и то для поддержания головной боли, которая мне начинает нравиться.

5 января.

О порядке моей жизни обязуюсь рапортовать нижеследующее: отвык обедать, ем ужасно мало, кофею пью еще больше. Совершенное ниспровержение всех гражданских обыкновений. Сегодня для курьезу буду в 7 часов обедать, а вчера совсем не обедал.

Прошу в ответе писать подробно — о всем вашем. Ежели вы, Прасковья Петровна, больны, то это очень дурно, а все оттого, что за обедом ложку супу и стакан воздуху. Поцелуйте за меня мою фаворитку Люденьку, а после Любеньку, ежели у ней ногти в порядке, а после Сонечку, ежели она не шалит. И Николаю Петровичу здравия желаю.

[1] говоря между нами (франц.).— *Ред.*

Ежели вы возьмете[1] на себя труд прочесть мое общее послание к Эрну и Скворцову, то узнаете все подробно.

Прощайте.

А. Герцен.

6-го января.

Прощайте.

140. Н. А. ЗАХАРЬИНОЙ

Владимир. Января 5-го 1838.

Милый ангел — я с трепетом жду ответа на один вопрос, который я сделал. Жандармский полковник говорит, что он не слыхал о полицейском надзоре.— «Итак, мне можно в отпуск?»— спросил я *дрожащим* голосом. —«Куда?» — «В Москву». — «Сомневаюсь, чтоб вам позволили въехать в столицу».— «А в Московскую губернию?» — «Какая же разница от Владимирской— *разумеется, пустят*».— Господи, кто измерит все находящееся в этих двух словах? В мае месяце в Загорье... Опять погодим радоваться, полковник сам порядком не знает, он обещал спросить и сообщить мне ответ. Наташа, Наташа, прояснивает небо. О!..

Через несколько дней явится к кн⟨ягине⟩ Найденов с письмом, вот тебе и очевидец; он говорит, что я очень *состарелся* — это 9 месяцев тюрьмы, это 2 года 8 месяц⟨ев⟩ ссылки, это разлука, это история с М⟨едведевой⟩. Итак, ты меня увидишь стариком — но Найденов меня не видал 5 лет, а ты имеешь портрет, разительно похожий. Я писал к тебе в княгининном письме, только и есть солганного, что слово Вы — вольно им иметь очи и не видать. Итак, теперь надобно подождать ответа об отпуске.

Многие пишут журнал своих действий, мыслей и чувств, я отроду не делал этого. Да и странно, будто мысль должна непременно храниться вне души, будто ей нет места внутри, будто она там затеряется — и при всем том какой огромный, богатый журнал моей жизни письма к тебе. Мне ужасно хочется перечитать их — помнишь, я писал, как мы вместе будем повторять нашу жизнь?— Теперь я весь твой — нет людей, и они мне не нужны. Я всем друзьям сказал «прощайте». Так, как сказал мечтам о славе, о поприще, о деятельности «прощайте». Вся моя жизнь в тебе. Кончено! Я искал великого и нашел в тебе, я искал святого, изящного и нашел в тебе. Итак, прощай, весь мир! Ты мне дал все дурное и все хорошее —

[1] Орфографическая ошибка!

теперь расстанемся, теперь моя жизнь одна апотеоза Наташе. И я чувствую силу оторваться от всего. Было время, когда, судорожно проницая в жизнь болезненным взором, я говорил: «Любовь погубит меня» — потому что под жизнию я разумел славу. И в самом деле она погубила меня. Мало-помалу во мне вымерло все и вся душа образовалась в алтарь тебе. Наташа, перед этим подвигом должны склониться все. Весь род человеческий никогда не сделал бы со мною этой перемены — ее сделала дева-ангел!

Как необъятна твоя светлая душа, я вольно гуляю по ней, как огненная комета по эфиру, нигде преграды, нигде материи — везде небо. Клянусь тебе, что я не умел всем пламенем воображенья постигнуть, чтоб человек мог стоять так высоко, как ты,— да ты и не человек, ты ангел — *и моя — моя.* Великий боже, в прах повергаясь, благодарю я тебя; возьми *тогда* мою жизнь в цвете лет, я узнал тебя и мир в ней. Я никогда не считал себя способным так любить. Наташа, Наташа— я ужасно люблю тебя. Всю бы жизнь сидел вперя взор мой на тебя — даже руки бы не взял — взор выше, невещественнее. Один поцелуй, один, и с ним смерть.— «Ах бедные молодые люди,— скажет чувствительная толпа,— как были счастливы и умерли».— Дай же бог им столетнюю жизнь, нам ее не надобно. Даже благодарности вам нет, люди,— вы отвлекали меня от Наташи — только во имя ее позволяю вам приближаться, да, остановитесь передо мною, я выше вас, я Александр ее. Вот настоящая-то высота, вот слава. Natalie— двадцать раз написал бы твое имя, это крест, которым я отженяю все нечистое, это призыв всему святому. Друг мой, бытие мое расширяется, и, как океан, плещет, волнуется, и, как небо, ты смотришься в меня.

Я писал к кн⟨ягине⟩ о Загорье с намереньем — напиши мне, что она на это скажет.— Сестре Emilie salut et amitié.— Сюда приедет Егор Ив⟨анович⟩; я думаю, это сделает маленькую остановку в нашей переписке — покорись и этому лишению, мой ангел.

Твоей Саше мой дружеский поклон.

На обороте: Наташе.

141. Н. А. ЗАХАРЬИНОЙ

7—8 января 1838 г. Владимир.

7 января 1838. Владим⟨ир⟩.

Опять к тебе, опять к тебе, мой милый ангел. Я перечитывал свои статьи — все мелко, кроме «Maestri» и некоторых

мест, все не говорит душе. Я взял твои письмы. Наташа, ну посмотри на меня, видишь ли ты этот восторг на лице, эту слезу?.. Который раз я перечитываю эту поэму, сладко, сладко.— Я пишу ко всем: «Друзья, друзья, не хочу вас обманывать, я не ваш, мне вас не надобно, идите своим путем, моя жизнь полна, имеет направление, цель, она выше вашей жизни, она жизнь для Natalie, жизнь ее, жизнь нас двоих. Ты, Огар⟨ев⟩, от меня ничего не требовал, кроме чтоб я был я, ну люби же меня по-прежнему и я тебя, и радуйся моему счастью». Да я и других всех готов любить. Музыкант может читать философские книги и политические, но все это hors d'œuvre[1]— его назначение музыка. Мое — ты, остальное я буду схватывать на дороге, встречаться, благословлять, жать руку и пройду мимо. Я вас не забуду, пилигрим всегда вспомнит дерево, под которым он отдыхал, идучи в страну обетованную. И ты стояла возле меня всю жизнь, и я искал великого! Ты хотела повергнуть свое существование в мое, исчезнуть в нем— нет, я повергаю свое в небесную душу твою, ангел-хранитель. Addio! Addio! всему миру.

8 января.

Наташа! Почти нет возможности, чтоб я не увиделся с тобою в Загорье. *Так или иначе* я буду там. Но, может, надобно будет не видаться с княгиней и ни с кем — это твое дело устроить. Итак, вот она, надежда, совершающаяся рядом с нами, вот она! Не думай, что это мечты,— все обдумано, все расположено, и четыре месяца на исполнение. И мы увидимся *без них*, мы увидимся под открытым небом — так, как ты этого хотела. Что со мною будет, когда я буду подъезжать к святому месту, где живет ангел? — Одно может помешать — ежели папенька приедет сюда прежде вашего отъезда,— но это мудрено себе представить, я знаю его сборы, да и тут можно положиться на мою хитрость.— Чудеса, в каждом письме моем есть намеки, и он отвечает на них,— но как отвечает — как будто совсем не понимает, и для чего эта комедия, не понимаю.

С нетерпением буду ждать твоего ответа — он будет радостен. Прощай, Natalie — не прелестна ли наша жизнь. Даже эти четыре года (когда совсем пройдут) примут величественный характер, исполненный поэзии — одно пятно на них, но сколько слез раскаяния лилось на это пятно, но

Une mer y passerait sans laver la tache
Car l'abîme est immense et la tache est au fond.

---

[1] второстепенно (франц.).— *Ред.*

Но милосерд бог — увидим, чем кончится la maledetta storia[1], как говорят итальянцы

Твой — твой А л е к с а н д р.

142. Н. А. ЗАХАРЬИНОЙ

9—10 января 1838 г. Владимир.

Владимир-на-Клязьме, 1838. Января 9.

Наташа, твое письмо от 6 я получил 8 — как быстро! Ангел, ты страдаешь, тебя мучат, и я все еще не могу прямо и открыто протянуть тебе мою руку. Потерпи еще, ты терпишь за меня.— Ничего упущено не будет, чтоб ускорить возможность отъезда. Ты терпела столько — терпи еще, *до июля мы увидимся — я к л я н у с ь т е б е*[2]. Но отчего же ты не получила письма моего, в котором я писал о дороге (от 4 или 3 января)? Зачем ты так надеешься на пап⟨еньку⟩ — пишут совсем иное. Скоро будет Егор Ив⟨анович⟩, может, даже я не успею отправить письма — но с ним я буду мало говорить о тебе, ибо я не знаю, прошло ли у него несчастное чувство, ты ничего не пишешь.

Я продолжаю беспрерывно перечитывать твои письма, все еще не перехожу к 36 году. 35 имеет особую прелесть, ты еще дитя, но какое милое, прелестное дитя! Как ты борешься и изгибаешься, чтоб представить любовь дружбой, и как громко и ярко высказывается любовь. Одно письмо я пропустил, именно где писано о Ег⟨оре⟩ Ив⟨ановиче⟩ — оно делает на меня неприятное впечатление. При всех своих недостатках и странностях этот человек сделал мне много добра и делает все, что может, хотя и по-своему — я ему обязан, во-первых, нашей перепиской. А что был бы я без твоих писем? В сентябре месяце ты в первый раз как бы нехотя употребила слово «ангел», потом уже и слово «любовь» прорывается — но как только придется сказать прямо — ты говоришь «дружба». Дитя! прелестное дитя! Я улыбался, и слезы навертывались на глазах.

Я еще в Москве до Крутиц *предвидел* твою любовь; но боялся за тебя, я еще не знал твоей силы и *не знал себя*. Когда после долгого сна, после долгой грязи я осмотрелся, т. е. в конце 35, тогда-то 9 апреля мне блеснуло, тогда-то я видел и сон, в котором мне говорили, что ты не сестра мне. Перечи-

---

[1] проклятая история (итал.).— *Ред.*

[2] Разве уж сам бог помешает.

тывая так разом много писем, совершенно переносишься туда и забываешь настоящее.— Прощай, возьму письма 36 года.— Ты хвалишь меня за попечения о М⟨едведевой⟩ — это удар тупою стороной меча! Но обманывал ли я тебя или сам обманывал себя? — *Обманывал.* 1-го марта 1836 ты первый раз спрашиваешь о тайне — стало, тогда только я начал очищаться перед тобою. Какое гадкое пятно! Впрочем, тут при смерти ее мужа я поступал чисто и от всей души. Еще чище я поступил при прощанье. Ты мне писала как-то: «Не давай надежд, когда поедешь». Я больше сделал: я прямо сказал, что нет любви, я дал почувствовать о тебе — она поняла. Что-то с ней? Еще нет ни одной весточки из дальней Вятки.

Теперь, когда уж совсем прошло, я тебе расскажу, о каком ушибе я писал в последнем письме из Вятки. 25 декабря был я в аптеке. С моей обычной живостью бросился к Полине в горницу — тут пауза — я лежу на диване без галстуха, Полина вся в слезах держит спирт, Скворцов, бледный, стоит возле меня. Я ничего не понимал, мутно смотрел на всех, жал руку Полине и Скворцову, спрашивал, в чем дело; вот в чем: со всего разбегу я ударился головою в дверь и мертвый брякнулся на землю. Скворцов схватил руку, пульс не бьется, дыханье остановилось, лицо посинело. Полина положила голову мою на колени — прошло несколько минут, перемены нет. Аптекарев помощник принес спирт — не действует. «Да он не жив!» — сказал он, и Полина (о прелестное существо) только и могла проговорить «Natalie, Natalie, зачем не ты на моем месте». Послали за доктором, чтоб пустить кровь. Я все лежал мертвый, это продолжалось около часа. Потом пришел в себя. Но долго не мог опомниться, даже когда привезли домой, я все еще был как пьяный. Скворцов не отходил от меня. Боялись следствий — и все прошло очень скоро. Боялись отпустить меня в дорогу — но я перенес ее. Вот тебе история о моем ушибе, это второй в Вятке: раз летом я как-то неосторожно подошел к круглым качелям и беседочка, возвращаясь, сшибла меня с ног. Я, кажется, этого не писал. И об этом пишу только для того, чтоб показать тебе Полину — первая мысль была о тебе. День целый не могла она прийти в себя. Зато весь город два дни только и говорил, как я расшибся. Несколько дней болела голова и затылок, который я ушиб падая — теперь и следов нет! — 14 марта 1836 ты подписалась под письмом Наташа Герцен. Дитя опять — но я долго-долго смотрел на эту подпись. Подпишись опять когда-нибудь так.— Я начинаю желать, чтоб *они* тебя дели куда-нибудь вон из Москвы (только не в Петербург),— тогда-то я явлюсь к тебе и тогда проведем мы в раю несколько дней. Папенька молчит — но все знает, и молчание его не добрый знак. Скоро война,

это я чувствую. Бог за нас! Придумывай же средства — времени довольно, а Саша выполнит, я на нее надеюсь как на друга.

Victoria, victoria — никакого надзора нет, и ежели нельзя в отпуск в Москву, то в Загорье можно. Сам губернатор говорил — но ты не говори об этом никому из посторонних. Итак, наконец бог услышал наши молитвы. Прощай, еду обедать к жандармскому полковнику — тот настаивает, чтоб меня прямо в Москву отпустили. Слезы восторга на глазах. Папенька явным образом отклоняет мой приезд в отпуск — это будет для него сюрприз. Во всяком случае ничего прежде марта, может, опять 9 апреля.— Я помолодел, готов опять юношей броситься к всякому на шею, всякому сказать, что скоро, скоро увижу Наташу. Но почему до марта? — не стоит того чтоб рассказывать все подробности, тогда узнаешь.

10 января.

Прощай, милый друг, и, может, на несколько дней. Егор Иванович пока будет здесь, мне некуда адресовать письма к тебе. Итак, прощай! Пусть мысль скорого свиданья витает беспрестанно в твоем уме. Прощай... еще бы слово, еще бы, жаль и письменно расстаться.

Ангел — Natalie.

Твой А л е к с а н д р.

На обороте: Наташе.

143. Н. А. ЗАХАРЬИНОЙ

11—18 января 1838 г. Владимир.

11 января 1838. Владимир.

Этого письма, мой ангел, ты долго не получишь, его привезет тебе Егор Ив⟨анович⟩, который еще в Москве — а до тех пор тебе пост,— но теперь, когда столько ярких, близких, сбыточных надежд, теперь ты можешь легче перенесть дней десять без письма. А может, получишь и скорее.

Перечитывал твои письма 1836 года. Знаешь ли, когда твоя душа взмахнула крылами и поднялась на ту недосягаемую высоту, на которой она теперь, когда она развилась всем бытием и так дивно? В половине 1836 было много надежд, ты предалась им безотчетно, как только предается душа чистая,— они обманули. Удар был силен — ты перенесла его, и в то же время душа твоя выросла необъятно (сентябрь) и с тех пор все росла и росла до той дивной высоты, с которой ты приняла гнусную историю сватовства. И после этого, ангел мой, можно ли сетовать на несчастия, на провидение? Мы похожи на де-

тей, которые плачут за книгой, доставляющей всю пользу им. Теперичнее мое направление без сомнения выше предыдущего: вспомни — еще в мае месяце 37 года я увлекся самолюбием (при проезде наследника), и сравни мой язык последних писем. Да, господь больше нас печется об нас — он хочет, чтоб при встрече нашей в этой душе — Наталия и Александр — ничего не было, кроме Любви и Веры, оно и совершается. Да, смело скажу, что, выехав за вятскую заставу, я много земли стряхнул с себя и приготовлялся к этому последними днями (письма мои от 23 ноября до выезда). Остается благодарить Отца и смириться.

Теперь о свиданье. Дело решенное: ежели до лета я должен безвыездно прожить здесь, я буду в Загорье (постарайся, чтоб кн⟨ягиня⟩ в мае ехала). Я думаю, Костенька всех сметливее, я остановлюсь версты за две; научи меня, кого спросить, пошлю за Костенькой, буду тебя ждать, приеду в тот час, в который тебе удобно, пожалуй, пробуду сутки, двое — всё в твоей воле. Губернатор здесь старичок предобрый, он сам мне сказал, что это сладить можно, жандармский полковник на моей стороне.— Но прошу быть очень аккуратной в назначении места и всего, чтоб не попасть ее сиятельству. Это свиданье будет гораздо лучше, нежели как мы себе воображали. А может, и прежде, будь уверена — ни дня, ни часа, ни секунды не пропустит твой Александр. Несомненно, что пап⟨енька⟩ знает, а то почему бы ему так противудействовать отпуску.

Жуковский, прочитав «I Maestri», сделал на тетради отметки, вот драгоценность — жаль, что я не видал.

Ты пишешь 1-го декабря 1836-го года: «В ноябре 1834 ты написал первую записку из Кр⟨утиц⟩, в ноябре 1835 писал впервые о любви, ноябрь 36 года прошел так, что-то будет в ноябре 37 г.?» И в ноябре именно 37 года произошла та огромная перемена, приблизившая меня к тебе, положилось твердое основание скорому свиданью! Вот ответ на твой вопрос. К концу 36 года ты очень грустна, тут начались прямые гонения за меня от кн⟨ягини⟩ и М⟨арьи⟩ С⟨тепановны⟩, ты изнемогаешь в иные минуты и в одном письме болезненно спрашиваешь меня раза три: «Когда же, когда же из Вятки?» Это письмо от 29 декаб⟨ря⟩ — ровно через год, может, в самое то время я выезжал из Вятки. Да, половина бедствий пройдена и уже уходи в прошедшее.

12 января.

С самого приезда во Владимир я был очень весел, целых десять дней. Сегодня мрачные думы облегли душу... уж теперь я и эти несколько месяцев не могу переждать, необходимость

видеть тебя жжет. До мая долго — хочу ехать теперь, на днях, и работаю — но все еще без успеха, и душа стонет, сердце рвется. Я баловень, Наташа! И четыре года не научили меня покоряться обстоятельствам. Да правда ли это, ангел мой, что надежды так сбыточны? Душа моя, не призрак ли все это? — Фу — чья душа столько перенесет счастия. А ведь в Загорье свиданье лучше. Тут эти фигуры, принуждение в такую торжественную минуту, которую ты ждала с 9-го апреля 1835.

Я торопился читать твои письма до 37 года: мучительно видеть страдания разлуки и эту даль, мучительно вспоминать, что одной слезою я мог отвечать. 37 год по крайней мере последний. Нет, моя вера в свидание с тобою нынешним годом незыблема.— К папеньке же нет веры, его слова — лед в последних письмах. Ежели так, закрою душу от него. Мы можем с ним быть друзьями, когда между нами 1000 вер⟨ст⟩. А он любит меня — и я люблю. Да что ж из этого, он не хочет понять меня,— бедный отец, какого сына лишается он, какую пламенную любовь отталкивает холодной рукой.

13 января.

Писал к Ог⟨ареву⟩ — а все грустно. И самое счастие для меня пахнет бедой. Арсеньев и Жуковский работают — и вдруг удастся им, меня возьмут в Петербург, не ужасно ли? А впрочем, может *они* тебя до того будут теснить, что Ал⟨ексей⟩ Ал⟨ександрович⟩ в необходимости будет взять, — а когда я там, тогда можно, ветерок не дунет на тебя. Боже, как таинственно и странно идет наша жизнь — но покорность святой деснице, покорность! — Главное свидание — оно будет, всем пожертвую, но свиданье сзову с неба.— Между мною и Вяткой протесняется много, как бы то ни было, но мы чужие — я и Вятка. Скворцов и Полина — вот самые близкие родственники — но они счастливы своей любовью, 31 было обручанье, они вступают в новый фазис жизни — и я им не нужен; было время, когда я вел эту девушку, когда ходил за нею как за прелестным цветком и довел ее до *него*. Мое влияние кончилось. Витберг — несмотря на всю нашу симпатию, мы никогда не были очень близки. Лета, понятия уже клали между нами препятствия, уважение без границ ему — но уважение меньше дружбы на моем языке. И потому уж мы не могли быть близки, что я не уважал его жену, что я в ней видел и вижу одну гирю, которая прибавляет тягость и стягивает его на землю. Жена Витберга — что это должно быть за существо, что за высокое призвание для существа высокого! А эта... фи.. отвернемся.

Вот что значит *дома* и *в гостях*. Как давно я расстался с Ог⟨аревым⟩ — но между мною и им ничего не изменилось. Мельком видел я его 31 марта 1835 года — сколько времени, но сердце бьется при его имени.— В Вятке я огнем своей симпатии добился ответа, но ответ, может, только от Полины был на моем языке, от Скворцова тоже... третьего никого. Я видел много слез при прощанье, много объятий, много благословений душевных, но они — как надпись на известковом камне; придут непогоды, камень выветрится, буква за буквой исчезнут, и трудно будет прочесть. Впрочем, я им сам сказал: «Я не ваш!» А Мед⟨ведева⟩ — об ней не имею вести, а пламенно желаю. О, сколько я перестрадал за нее. Я тебе решительно говорю, что разлука с тобой не принесла столько горечи, сколько встреча с нею. И страдальческий голос несся к тебе иногда — и ты, Наташа, его не понимала. Да, это я вижу по твоим ответам, ты в себе искала причину мрачных минут моих — тогда когда ясно, из какого источника он шел. Ежели я услышу, что она спокойно перенесла мой отъезд, я помолюсь — камень с груди долой. Сколько раз, бледный, полумертвый, в какой-то лихорадке, бросался я на свой диван, страдал, мучился и бросался на какую-нибудь вакханалию, чтоб шумом, вином, людьми заглушить голос совести. Я как-то на днях перебрал всю историю. Помнишь ли, каким судорожным языком я начал тебе говорить о любви,— это была ужасная эпоха, особенно время, предшествовавшее ей, когда я боролся между дружбой и любовью, между 20 июлем и 9 апрелем.— Я был болен, сломан — тогда встретился я с нею. Я рад был, что меня поняли, мне жаль ее было, мне нравилось, что меня *предпочитают*,— и гибель ее была решена злым духом.

Ты мне светила издали, как утренняя звезда, к тебе моя любовь (еще не сказанная) была так небесна, так чиста, на тебя я должен был смотреть вверх. Она стояла возле — не ангел, а *женщина*, женщина пламенная; я увлек ее сначала, не давая себе никакого отчета; когда же она так безрассудно бросилась в мои объятья, тогда я увидел, что она мне ничего, увидел разом все — но было поздно. Ровно два года пострадал я за этот поступок (все это было в конце 35). Тогда-то я понял всю разницу между тобою и ею, между ангелом и женщиной. И когда я получал твои письма — я терзался, кусал себе пальцы, что я мог так поступить. Но прошедшее, как свидетель уголовного дела, стояло тут, хладнокровное, укоряющее, неумолимое. Я ей говорил о молитве, о ее детях, все худо удавалось — она была больна, и я должен был надеть маску, спрятать мою любовь к тебе и оставить ее *в недоразумении*. Витберг сознался под конец, что дивную силу характера надобно иметь, чтоб выдержать роль два года так, что живущие

в одном доме ничего не могли заметить, даже 14 ноября 37 года! Я исполнил, для нее я это сделал. Но, ангел мой, чего мне стоила эта роля — при вспоминанье сердце обливается кровью. Но уехать так я не хотел — она, кажется, знает все. Дай бог ей силы забыть эту встречу. И ты, с удивленьем слушая, что я говорил о медали, на которой с одной стороны Иисус, а с другой Иуда, отвечала: «Вижу, что я для тебя ничего». А разве не так, разве я не ангел тебе и не демон для нее? Этот урок не забудется мною во всю жизнь. Ну, прощай, моя милая, моя единственная подруга, моя Natalie. Нет пылинки на моей душе, которую бы ты не знала, так и быть должно.

Статью мою о Полине я тебе пришлю, она готова. «Симпатия» — маленькая статья, как Полина, но и хороша, как Полина. Тебе она понравится: она писана тем языком, каким «I Maestri» — много выражений из моих писем — это неудивительно. Мои письма — я. И вот странная двойственность моей души: одни статьи выходят постоянно с печатью любви и веры — это «Встречи», «I Maestri», «Симпатия», «Мысль и откровение». Другие — с клеймом самой злой, ядовитой иронии, — это путевые письма. Наконец, в двух статьях то и другое: отрывок из повести «Там» и «Моя жизнь». Виньеткой к первым статьям Озирис, ко вторым Тифон, а к третьим стакан шампанского (пена и вино). Ты многого еще не читала; я тебе велел переписать, да и подарил при отъезде Скворцову. Простите, m-selle! Иронию ты не любишь — она и не свойственна твоей душе, тебе слишком мало знакома внешняя жизнь — и не знакомься с нею.

14 января.

Твои письма от 11-го. Ты все моя небесная, мой ангел! Строго судишь ты Emilie — *она не ты*. Человек, который подымает 10 пудов, не должен требовать, чтоб каждый подымал. Наташа, ты еще ни разу не падала, а теперь, имея такую любовь в душе, имея Александра, это и невозможно; я был и в грязи и в эфире, я знаю человека. Ты пишешь (в начале 1837), говоря о Егор⟨е⟩ Ив⟨ановиче⟩: «Ежели б в самом деле я могла себя упрекнуть, я уничтожилась бы». Я могу себя упрекнуть — но не уничтожился. Вот оно, вечное adage[1], которое я повторяю: во мне больше земли, в тебе больше неба. Очень желал бы видеть Сашу Б⟨оборыкину⟩, я ее люблю всей душою, но желал бы видеть, желал бы посмотреть, кого ты ставишь так рядом с собою — доселе я не видал ни одного существа, которое я осмелился бы сравнить с тобою. Ни даже в сочинениях поэтов. Верю в нее, но напрасно она отталкивает

[1] присловье (франц.).— *Ред.*

любовь, и ты согласна с этим, ты, в которой ничего нет, кроме любви. Что жизнь девы без любви? Молитва или любовь — третьего вам нет. Мужчине — поприще, слава, да и то все как бледно перед любовью.

Я боюсь твоего суждения о моей биографии, боюсь потому, что там много иронии, часто шалость, редко желчь. Предисловие хорошо, оно понравится тебе. Со временем это будет целая книга, вот план. Две части: 1-я до 20 июля 1834. Тут я дитя, юноша, студент, друг Огарева, мечты о славе, вакханалии, и все это оканчивается картиной грустной, но гармонической,— нашей прогулкой на кладбище (она уже написана). *Вторая* начнется моей фантазией «22 октября». Вообще порядка нет: отдельные статьи, письма, tutti frutti[1], все входит; за этим «Встреча», «I Maestri» и «Симпатия»; далее — что напишется. В прибавлении к 1-му тому «Германский путешественник», эта статья проникнута глубоким чувством грусти, она гармонирует с 20 июлем. Знаешь ли, что я ее люблю больше «Легенды». Пожалуй, тут можно включить и мои «Письма к товарищам»: «Пермь, Вятка и Владимир» — эта статья тебе не понравится. Я помню, ты, читая мою «Встречу» Саше, пропустила обед, несмотря на то что он необходим как улика пошлой жизни. Только не во вторую часть их — там гармония, любовь, там ТЫ. Это напечатается, и меня тешит мысль, что Русь узнает прежде и тебя и мою любовь, нежели *они*. Я доволен собою здесь — с утра до ночи за работою. В биографии я сначала задел было крепко Тат⟨ьяну⟩ Пет⟨ровну⟩, но смиловался и выпустил. В первой части один святой — Ог⟨арев⟩, но его владение ограниченно, его влияние ограниченно. Во второй ты святая, и твое владение безгранно, и я на коленях перед тобою. Осмелюсь ли я писать 9 апреля? Боюсь.

15 января

Ты, может, удивишься, что моя статья «Симпатия» посвящена Вере Александровне Витберг. Я об ней ни разу не писал, ее не смешивай с его женою, *она дочь* Витберга. Прелестная душа и любит до безумия Полину.— Наташа, как хочешь, а я бы лучше готов был подождать, только бы увидеться в Загорье на воле... А на той странице что писал. Как ты думаешь, ангел?

15. Ночь.

Письма 37 еще выше всех остальных. Остановись, довольно, ежели еще шаг, тебе надо будет оставить Александра на земли, больше совершенства человеку не дано. Мы должны

[1] смесь (итал.).— *Ред.*

быть соединены здесь, и скоро. Мы должны узнать жизнь до дна, весь бокал выпить и тогда идти. Любопытны некоторые сближения чисел. В мае месяце ты целую неделю грустишь ужасно, наконец, вечером 18 числа с каким-то восторгом пишешь, что радость снова посетила твою душу, что ты опять тверда и высока. В эту самую минуту я стоял перед наследником, и Жуковским, и Арсеньевым — это была одна из решительнейших минут моей жизни, она привела меня в Владимир, она, может, еще проведет и черезо всю жизнь. — Сегодня год, что я представлял Данта. Говорят, я был очень хорош в костюме пилигрима, с длинными распущенными волосами, хорош и потому, что я тогда был в восторге и бледен, как полотно, и глаза блистали.

16, вечер.

Когда кто-нибудь из наших поедет, пришли, друг мой, все мои письма и записки до 1-го января 1836, я тебе их очень скоро возвращу, у тебя есть *любимая* записка, ну, перепиши ее и мне дай копию. А то я тебя больше знаю себя, хочется взглянуть, как я шел до любви... В самом деле, окружающее нас принимает наш образ и подобие, мой камердинер Матвей — величайший почитатель мой, теперь он только и думает, как бы увидеть тебя. А ты со всех сторон окружена Сашами, начиная с меня и до твоей фрейлины, которой прошу поклониться,— я ее, верно, увижу прежде тебя.

17 января.

Твое письмо, прелестное письмо от 14, я получил, но оно опоздало. Я уже подал формальную просьбу об отпуске на 29 дней в Москву. Отдадимся откровенно и совсем Его воле; отпустят — я явлюсь в Москву (ответ от министра можно ждать к половине февраля), не отпустят — Загорье. И мне оно лучше нравится. Вспомни, что, ежели пап⟨енька⟩ приедет прежде, я не нахожу никакой возможности быть в Загорье без явного раздора. Как светло твое письмо. О божественная!

Наташа, милая Наташа! Как полна и как изящна наша жизнь! Кому нам позавидовать?— Да, мы много страдали, *много* будем страдать, а как награждены. Нельзя в иную минуту не изнемочь, иногда невольно ропот сорвется с уст; но когда я начну повторять (не памятью, а душою) свою жизнь... нет, подобной я не знаю. Я создал Наталию, да, я принимаю долю создания, я велик. Но и ты, Наталия, создала долю Александра — ты велика. Часто приходит мне в голову твое замечание, как всё, что пишут о любви, далеко от нашей любви, *не платонической*, а христианской, исполненной молитвы и религии. Иногда касаются *нашей* любви, помнишь Антиоха

у Полевого, есть и у Шиллера — но уж всегда под гнетом громовой тучи — а может, и над нами туча. И казнь из Твоих рук приму, целуя ее. Попроси Егора Ив⟨ановича⟩ достать «Библиотеку для чтения» за декабрь прошлого года и прочти «Катенька». Во-первых, в слоге Веревкина (Рахманин) есть чрезвычайное сходство с моим слогом, а в Катеньке есть кое-что твоего. Прочти. Когда я прочел, я положил книгу и не мог перевести дух, я готов был заплакать, ужасная повесть.

Сегодня маменькины именины, ждал ее сюда, а вот уж и поздний вечер. Мне *хочется* ее видеть (немудрено, скажет всякий); но помнишь, ты раз писала, что разумеешь под словом «хочется». Говорят, что с Ег⟨ором⟩ Ив⟨ановичем⟩ приедет Кетчер, вспомню юность прошедшую — я от нее отделен юностью настоящею. Прощай, до завтрего, мой ангел, моя святая. Завтра еще строчки две. Кажется, mademoiselle не будет иметь причины пенять, что мало пишу. О сестра!

18 янв⟨аря⟩.

В нынешнем письме к пап⟨еньке⟩ в ответ на одну холодную фразу я написал много, ни разу столько не писал — это последний опыт. Я сказал, что на меня после пенять нельзя, что я хотел *все* сказать; но он не хотел всего понять, что меня сломить невозможно и что благословение бога где есть, там найдутся и средства и пр. Впрочем, ни слова о главном, общие места. А может, он и *обратится* — веры нет, он будет хитрить там, где я буду поступать прямо. Прощай еще раз, целую тебя много, много.

Твой Александр.

Помилуй, будто нет средств видеться одним в Москве. Что за вздор! А утро 4 часа?

144. Н. А. ЗАХАРЬИНОЙ

19—22 января 1838 г. Владимир.

Владимир. Января 19. 1838.

Наташа! Хочешь ли видеть близкого родственника и узнать в нем твои прелестные черты? Я тебе покажу. Сегодня я перебирал все старые письма *прежнего времени;* их немного: часть сожжена, часть затеряна, а часть осталась в комиссии, я нашел только три письма от Ог⟨арева⟩ того времени. Ну, слушай, он пишет июля 24-го 1833 года: «Друг! Твое письмо оживило меня, я теперь опять возвысился на точку, с которой почти не замечаю ничего, что вокруг меня, с которой не вижу пошлых частностей, но только одно общее, великое. Одно иде-

альное могло меня извлечь из этой пропасти, мне оставалось или сравняться с этими людьми или укрыться в недоступный для них мир идей — мог ли я с ними сравняться? Так мир идей, в нем моя жизнь...» Прислушайся, Наташа, к этим звукам, к этому бегству от земли, к этому мощному действию моего письма... и ты увидишь себя тут; переставь одно слово, и можно думать, что это из твоего письма, слово «идея» замени небом, молитвой.— Слушай, я долго не писал к нему, он болен, его душа томится, и он пишет: «Герцен, сжалься надо мною, напиши что-нибудь... Нет ни дум, ни мечтаний, ни вдохновений, все убито морозом, самые лучшие цветки сшибены. От тебя письма не было, в первую минуту восторга искренно желаю умереть. Скучно мучительно. Да ради бога пиши, я схожу с ума! Сжалься, Герцен, боже, боже!..» Наташа — это ты, оставленная две, три недели без моего письма. О, вы брат и сестра, вы-то одни и проводите меня сперва до могилы, потом до бога — и там останемся. Ты писала мне раз: «Тебе 25 лет, а у тебя есть друг, есть подруга,— и какой друг, и какая подруга!» О ангел небесный — и ты выше, святее друга. Нет, тогда в Загорье я тебе скажу все — не говоря ни слова... Прочь, прочь все земное,— зная тебя, любить земное... Далее о письмах. Теперь обращаюсь к себе. В это самое время, т. е. в 1833, мечтал я, что влюблен в Л⟨юдмилу⟩ П⟨ассек⟩, но тогда еще любовь не могла проникнуть сквозь тройную бронь гордости, славы и общих идей. Я писал к нему о том, что влюблен, но писал робко и сказал между прочим: «Любовь меня не поглотит, это занятие пустого места в сердце, идеи со мной, идеи — я». Он отвечает (августа 18): «Герцен, ты или шутишь, или не понимаешь ни любви, ни самого себя. Вникни в идею этого слова „любовь“. Если она и поглотит тебя, то не уничтожит ничего благородного, она очистит тебя, как жрецы очищали жертвы, которые готовились богу». Огарев прав, я равно тогда не понимал ни любовь, ни себя, и вот лучшее доказательство, что это была мечта. А он понимал, оттого что он поэт, оттого что он все понимал не рассуждением, а вдохновением. Сравни меня теперь, как я открыто говорю им и всему миру, что моя жизнь для них кончилась, что моя жизнь — ты. В последнем письме моем из Владимира я писал ему: «Во всю жизнь два человека на меня сильно действовали: это ты и она, больше нет ничьего влияния на меня. Но и сотой доли ты не сделал того, что она.

Eine weiße Taube
Wird fliegen...

. . . . . .

Durch eine zarte Jungfrau wird er sich
Verherrlichen, denn er ist Allmächtig!

Перед ее силой и высотой я склонил свою гордую голову, когда-нибудь ты прочтешь ее письма — и ты склонишь голову». Какое пространство между сухой мыслью о любви, брошенной в 33 году, и этой яркой любовью в 1838! — Я думаю, ты поймешь эти стихи из «Иоганны», они очень просты.

С маменькой пришлю я тебе начало моей биографии; как прочтешь, возврати с Егором Ивановичем. Тебе понравится предисловие и VI глава под заглавием «Пропилеи». Остальное шалость, но я не уничтожу, это заставляет меня в грустные минуты улыбаться. Я виноват, что не посылаю «Симпатии», ей-богу, так ненавижу переписывать, что все день за день откладываю. Когда будет досуг, спиши мне «22 октября 1817»— у меня нет. Пришлю тебе еще трагедии Шиллера,— работай над немецким языком — ты увидишь из «Пропилей», что был для меня Шиллер. Заглавие мое вот почему: перед входом в афинский Акрополис был сделан торжественный вход, через него народ-царь, народ-юноша входил в свой дворец,— это-то был Пропилей, у меня так названо вступленье в юношество — мой Акрополис изящный, как афинский, такой же вольный, такой же языческий. Будет и путь к святым местам, будет Сион и Святая дева — это во второй части.

20-е.

Есть у меня еще повесть, но ее боюсь тебе послать: мрачна, как черная ночь.— Перечитывая сегодня, я сам содрогнулся. Привезу сам, а то мрачного и без того довольно. Да ее же надобно поисправить.— Перечитывал твои письма второй половины 37-го года. Вот это ужасное письмо, полученное 14 ноября. Боже, что я перестрадал в тот день! «Унижение и смерть без меня» — вот две мысли, около которых собралась истерзанная душа. Как я тогда плакал! Скворцов, испуганный, бросился к Эрну. Я был в аптеке, заставил Полину петь, а та не могла духа переводить; бледный, как полотно, сидел я на стуле, и горячие слезы лились. В комнате было жарко, я дрожал от холода. Когда приехал Эрн, я захохотал, сжал ему руку и сказал, что я жду от пап⟨еньки⟩ приглашенья быть шафером на твоей свадьбе. Эрн содрогнулся, у него и у Скворцова показались слезы. Я начал петь французский водевиль — это было вроде предисловия к сумасшествию. «У него завтра горячка»,— сказал Эрн.— «Ежели...»,— начал Скворцов; я понял его, обратился к Полине и сказал: «А, как хотите, горько покидать жизнь». Потом воротился я домой, лег на диван и уснул, проснулся больной до невозможности, грудь болела, голова была в огне... А тут твое письмо, которое успокоило меня, я полетел к Полине. Но физическая часть отстала — две недели был я болен после этого, и, выздоров-

ливая, первую весть, которую получил, был перевод во Владимир. Этот день много очистил мою душу, много возвысил меня. Нет, ты напрасно упрекаешь себя, что написала все это, *дурно сделаешь*, ежели скроешь что-нибудь. Всё пополам. Разве я скрывал свои минуты грусти? А предложения Эрна, Скворцова — одно слово, и они полетели бы в Москву. Но что бы сделали? Откуда ты берешь надежды на пап⟨еньку⟩, не постигаю; теперь поближе начал я разглядывать и понял, как он будет действовать. Что-то он на мое прошлое письмо?

21-го.

Сегодня ночью я очень много думал о будущем. Мы должны соединиться, и очень скоро, я даю сроку год. Нечего на них смотреть. Я обдумал целый план, все вычислил, но не скажу ни слова, в этом отношении от тебя требуется одно слепое повиновение.

Маменька приехала, твои письма, едва прочтенные, лежат передо мною, а я мрачен, черен, как редко бывал и в Вятке.— Да, завеса разодрана, вот она — истина нагая и безобразная. Наташа, ради бога, я умоляю тебя, не пиши ни слова против следующих слов: «Ты должна быть моя, как только меня освободят». Как?— все равно. Найдется же из всех служителей церкви один служитель Христа. Но ни слова против, Наташа, ангел, скажи да, отдайся совершенно на мою волю. Видишь ли, ангел мой, я уж не могу быть в разлуке с тобою, *меня любовь поглотила*, у меня уж, окроме тебя, никого нет; ты писала прошлый раз, что жертвуешь для меня небом и землею. Я жертвую *одним небом*. Слезы на глазах... Никого, никого... Ты только... но ты имеешь надо мной ужасную власть, ты меня отговоришь — и я буду страдать, буду мрачен, буду, как ты не любишь меня. Ежели скажешь *да* — я буду обдумывать, это будет моя игрушка, мое утешенье — не отнимай у изгнанника. Всё против меня — это прелестно; наг, беден, одинок выйду я с моей любовью... День, два счастья полного, гармонического... А там — два гроба! Два розовые гроба. Я не хочу перечитывать писем — после; только зачем ты так хлопочешь об ушибе, душа размозжена хуже черепа. Фу, каким морозом веет от этого старика, которому мой ангел, моя Наташа, целует с таким жаром руку. Ты находишь прелесть в этой подписи: Наташа Герцен; а ведь он не Герцен — Герцен прошедшего не имеет, Герценых только двое: Наталия и Александр, да над ними благословение бога.— Знаешь ли ты, что Сережа говорил об тебе, что ты безумная, что ты не должна ждать лучшего жениха, как дурак тот, что ты *не имеешь* права так разбирать, а его сестры имеют.— От сей минуты я вытолкнул этого человека из сердца, он смеет называть меня

братом,— в толпу, тварь, в толпу, куда ты выставил голову, в грязь — топись! Ангелы не знают этого ужасного чувства, которое называют месть,— а я знаю, стало быть, я хитрее ангелов.

Наташа, божество мое, нет, мало... Христос мой, дай руку — слушай: никто так не был любим, как ты. Всей этой волканической душой, мечтательной — я полюбил тебя,— этого мало, я любил славу — бросил и эту любовь прибавил; я любил друзей — и это тебе, я любил... ну, люблю тебя одну, и ты должна быть моя, и скоро, потому что я сиротою без тебя. Ах, жаль мне маменьку. Ну, пусть она представит себе, что я умер. Я плачу, Наташа... Ах, кабы я мог спрятать мою голову на твоей груди. Ну, посмотрим друг на друга долго. Да не пиши, пожалуйста, возражений, ты понимаешь чего. Дай мне окрепнуть в этой мысли. Прощай — ты сгоришь от моей любви: это огонь, один огонь.

Твой Александр.

22-е.

Маменька здесь — я мрачен, как ночь. К этому письму есть вторая страница, не знаю, пошлю ли, только не теперь. Прощай. Мам⟨енька⟩ и Пр⟨асковья⟩ Ан⟨дреевна⟩ кланяются.

145. Н. А. ЗАХАРЬИНОЙ

23—25 января 1838 г. Владимир.

23 января.

Вот другая половина письма, я было не хотел послать, но посылаю. Нам необходимо в Москве первый раз видеться тайно. Ежели хочешь, я даже заеду к Emilie прежде пап⟨еньки⟩ — она неужели не найдет помощи, останусь в трахтире на два дни,— всё, всё, только ты найди случай. Разве я не к тебе еду в Москву? Что мне Москва, земной шар, вселенная без тебя? А может, меня и не пустят. Тогда Загорье. Да ты дурно пишешь о дороге: три версты — село Покровское, а куда три версты? Ведь я не из Москвы поеду. Узнай подробнее все большие дороги и большие селения. Свиданье — это первое.— Потом я предложу *им* согласиться и оставляю их, ежели они не согласятся. Это решено. Ты со мною, где б я ни был, остальное уладить немудрено. Когда я выслушал подробности московские, у меня потемнело в глазах. Грудь болит до сих пор от чувства ужасного. Что-то напишет пап⟨енька⟩ в письме обо всем этом? Наташа, твоя небесная кротость может только

переносить и прощать, я не умею ни того, ни другого. Ах, теперь-то я чувствую всю необходимость воли, я исстрадаюсь весь — мгла покрывает всякое действие, и я не могу даже для шутки быть веселым. Пора, очень пора... Обдумай же свиданье в Москве, скажи Emilie, что ее брат Александр умоляет помощи. К половине февраля должен быть ответ из Петер⟨бурга⟩. К пап⟨еньке⟩ без необходимости я ничего не напишу, к кн⟨ягине⟩ не буду больше писать. Молчание! Христос молчал перед Иродом, из чувства собственной высоты молчал он. Прощай,— все в голове перепутано, несвязно. Прощай, ангел.

24 янв⟨аря⟩.

Не воображай, что из *этого* выйдет у меня полный разрыв с пап⟨енькой⟩, совсем нет, перед необходимостью он уступит, а необходимость будет очевидна, когда они узнают на другой день после венчанья.— Но в Москве я не останусь ни под каким видом, уеду с тобою в Петербург. Как несбыточно нам казалось все это, и как легко сбудется, я даю срок до весны 1839 года, но чем скорее, тем лучше. Ты получишь от мам⟨еньки⟩ «Симпатию», да не читай ее зверям. «I Maestri» — мой экземпляр, а тот оставь у Кетчера, и две книжки Шиллера.

25-го.

Оно ужасно, я не говорю ни слова, ужасно от сына, который нанес столько горестей, что он готовит еще новые,— но разве, в сущности, тут есть причина горевать? Разве за слезу, пролитую 20 июля 1834, за попечения с тех пор я обязан платить жизнью, душою? Будь уверена, я все сделаю, на коленях, в униженье я буду умолять. Но ежели и тогда отказ — это выше моих сил. Слишком обширно блаженство, которым я должен пожертвовать, и *для чего?* Я мог бы быть самоотверженным, спасая жизнь, честь чью-нибудь, ну ежели б от этого зависел их кусок хлеба, выздоровленье... А то уступи капризу.— Но, может, он склонится. Дай бог, дай бог — в этом случае у него сын и дочь, в противном — ни сына, ни дочери. А уж как это все щемит и душит! Правду говорила ты, что удаление имеет в себе grandioso, а Арбат и Поварская пошлы.

Вчера получил из Вятки барку писем. 21 января была свадьба Скворцова; итак, Полина — М-me Полина — счастья им, счастья, они стоят. Витберг — все Витберг: высок, хорош; целое письмо — и ни строки *о делах*. Чувства и мысли — быть юношей в 50 лет прелестно. Но главное письмо не от них. От Мед⟨ведевой⟩ я ждал с нетерпением — дождался. Ну, слава богу, она свою любовь как-то начинает прилаживать в сестринскую, это прекрасный знак, много души в ее письме,

буду ей отвечать, как искренний брат. Ее выздоровление много утешит меня. Буду ей писать и о тебе, только не в первом письме. Вот начало ее письма:

«Брат! после жестокого пароксизма больному возвращаются силы медленно, но господь милосерд, он не земной судья, который ищет погибели преступнику. Он изливает благодать на раскаивающегося грешника и радуется даже позднему раскаянию. Прости мне, господи, я познаю тебя поздно. Брат, прости и ты меня, я много, много виновна пред тобою, клянусь, раскаянье мое чистосердечно — пост и молитва смоют пятно на душе, я сделаюсь достойна имени твоей сестры».

Итак, она молится,— ну, ежели, Наташа, моя встреча с нею вместо вреда принесет ей пользу? Она в первый раз видит сильного человека. Как бы я был счастлив!— Дай ей господь силы. Он даст их — ты, ангел, молишься об ней.

Прощай, моя милая, прелестная подруга.

Твой Александр.

На обороте: Наташе.

146. Н. А. ЗАХАРЬИНОЙ

27—29 января 1838 г. Владимир.

27 января 1838. Владимир.

Получил твое письмо от 21-го; отчего ты еще не получила моего письма от 18-го — не знаю, я писал всякий день, стало заметно, ежели письма нет. Ну, придумала ли ты с Emilie наше свидание? Жду ответа. Знаешь ли, кто нам подает руку помощи? Прасковья Андреевна собирается говорить — но это тайна, никто не должен знать, ни даже мам⟨енька⟩. Тогда узнаем, как нам действовать. Я прав, совершенно прав — вот ответ от пап⟨еньки⟩ на письмо, о котором писал я тебе. Что же, нарочно не хочет понимать — да и, главное, тут во всем нет ничего *против него*, мы не должны делать много уступок. О, как я был прав, говоря, что *не счастие* ждет ту, которая соединит свою судьбу с моею. Счастие — да на что его, когда есть любовь, блаженство.

Это письмо едет с мам⟨енькой⟩ — она тебе доставит «Симпатию», «I Maestri», «Дон-Карлоса» Шиллерова; ежели ты поймешь, то в этой пьесе найдешь много. Любовь несчастная, любовь пасынка к мачехе — и любовь чистая, как только могла она выходить из чистой груди Шиллера. И дружба — маркиз Поза. Но тебе не позволяют читать, так брось.— Придет время, прочтешь. Теперь перед тобою развернута поэма моей любви, и ту нельзя запретить читать. Перестала ли ты

горевать о моем ушибе? Вот тебе еще анекдот, тут ясно, что ангел-хранитель бережет для Наташи Александра. Когда Зонненберг был в Вятке, отправился я с ним и с Сипягиным на охоту. Шли топью, беспрестанно поскользаясь, Сипягин передо мною, ружье на плече, вдруг он оступился. Я почувствовал что-то горячее возле щеки, потом чрезвычайно громкий выстрел, не мог догадаться. Смотрю, Сипягин, бледный, как полотно, спрашивает меня: «Ничего?»... Я спросил его: «Да в чем дело?» Вот в чем: падая, ружье зацепило за сучок и, обращенное дулом ко мне, выстрелило, заряд пролетел в каких-нибудь пяти, шести вершках от меня. Понимаешь ли ты, что в таких опасностях есть своего рода высокое наслаждение — оттого-то я трусов больше ненавижу, нежели преступников. Никогда вера в провидение не бывает ярче, как в эти минуты. Взгляни, как жалки люди, которые берегут себя, они готовы отрезать всякое наслаждение, чтоб только продлить свое существование.— До тех пор, пока я тебя не увижу, я не погибну, в это я верю так, как в бога, ибо до тех пор моя земная жизнь не совершена. Верь и ты и не бойся за меня ничего. Ну, прощай, мой ангел, писать много теперь не могу, для того, чтоб писать к тебе, я должен засесть один и кругом чтоб была тишина.

Я с удивлением слушал, как мам⟨енька⟩ рассказывала о симпатии, которую мне изъявляли люди вовсе посторонние после моего отъезда, как добивались увидеть мой портрет, прочесть статьи, как вымаливали экземпляр «Речи», наконец, как у Левашовой на вечере читали Жуковскому «I Maestri», а Кетчер объяснил, *кто* ангел. Право, я удивился, это награда за теплую веру в человечество, за открытое объятие всякой симпатии; представь себе, что даже просили вылитографировать мой портрет. Уж это, ангел мой, не с тех ли пор, как я отказался от славы, она начинает заигрывать со мною, как кокетка, которая пренебрегает, покуда за ней ухаживают, и ухаживает, когда ею пренебрегают. Стало, стоит продолжать презирать ее.— Я все малейшие подробности расспрашивал о тебе, мне было приятно слышать твое имя. О Наташа! — Что же, неужели никакой нет возможности иметь мне твой портрет, пусть Emilie умоляет княгиню как милость, пусть скажет, что у нее есть знакомый, и пошлет за глухонемым, он сухими красками превосходно рисует, что бы ни стоило, все равно. Устрой, ежели есть малейшая возможность. Только чтоб делал артист, хоть не скоро, ну как она замуж выйдет. Я был сегодня в монастыре, в котором погребен был Александр Невский, и что же — мне вдруг так ясно представилось, что под этими сводами, под которыми стоял святой князь, перед этим черным иконоставом стою я и ты, живо-живо. Вот

священник в облачении надевает кольца, вот мы взглянули друг на друга, и горячая слеза молитвой катится из глаз, твоя рука в моей... и я готов был плакать, и сердце билось. Нет, нет, ты должна быть моя, год сроку — не больше.

28 января.

Письмо твое от 25 получил. Во всякой строке ты — моя Наташа, отвечать не буду; а вот тебе *мое приказание*, и исполни в точности. 1-е) Я хочу, чтоб при первом удобном случае ты оставила дом княгини, меня оскорбляют унижения, ты им не обязана ничем; ежели Амалия может тебя взять надолго (о средствах и не думай), то при первой ссоре объяви прямо, что ты уедешь,— они или испугаются или взбесятся, в первом случае предоставляю на твою волю, во втором тотчас уезжай. Не молчи при обидах, вспомни, что я — ты, следств⟨енно⟩, что обида сделана мне, поставь себя на другую ногу, но вперед чтоб положительно была готова квартира. 2-е) Покуда ты с Emilie не устроишь нашего свиданья, я не приеду, вот моя мысль; в назначенный день Emilie приедет за тобою, когда княгиня будет спать, ты с ней приедешь — куда? Где бы я мог ждать тебя, ну, у Emilie или инде. У княгини не спрашивайся. Тебе за это будут ужасно много неприятностей — но ты увидишься со мною. Да, минута блаженства требует жертву. Сверх того, не говори княгине, что виделась со мною, а выдумай что-нибудь. Ежели неприятности будут через меру, сейчас оставь княгинин дом. Но повторяю: прежде не приеду, покуда не устроите. Вот моя воля, ты решалась идти в Вятку — это легче; обо всем думал: о бумагах, которые нужно иметь, и пр. Не мешало бы писать к Ал⟨ексею⟩ Ал⟨ександровичу⟩, но это мое дело. Я тебе повторяю: кончено рабство, я не хочу больше, чтоб ты была в сумасшедшем доме,— за следствие отвечаю я и моя любовь. Препятствий нам нет — родства ничем доказать нельзя. Только вместе с выходом из кн⟨ягинино⟩ дома прерви все сношения с фамилией гг. Яковлевых. Твердо, смело и с молитвой на устах поступай. Ты пишешь: «Меня и в ту комнату не пустят, где ты будешь»,— так, не спрашивая дозволения, взойди в нее! Ну вот тебе и весь приказ. Прощай! Деньги есть; но очень немного, я отдал мам⟨еньке⟩ 100 руб. ас⟨сигнациями⟩; ежели этого для Emilie достаточно, то пусть возьмет.— Я получил недавно предлинное письмо от Сатина,— не я брошу в него камень, еще свежа история моего падения.

29.

Прощай, мой ангел, маменька отправляется, следующее письмо будет через Эмилию и пошлется во вторник, т. е. 1-го февраля.— До получения ответа из Петерб⟨урга⟩ не пред-

принимай ничего, а будь готова. Возьми у Эмилии письмо, которое я ей писал, там все объяснено, и причина, по которой я подал в отпуск. Тут и деньги.

Твой Александр.

147. Н. А. ЗАХАРЬИНОЙ

30 января — 1 февраля 1838 г. Владимир.

Генваря 30 1838. Владимир.

К тебе, к тебе, мой ангел — дай отдохнуть от бури, которая гудела все это время в душе моей, дай упиться опять твоей душою, твоей любовью и опять вырвать из груди вместо крика отчаяния — песнь любви и восторга. Милый ангел, сестра, подруга — посмотри, как решительно все в моей жизни захвачено тобою, отнесено к тебе — положи твою руку на эту грудь, в ней все твое, положи на это чело, некогда исполненное гордости,— все твое, все склонилось перед твоим появлением, как туман перед солнцем.— Ежели б, не узнав тебя, я был брошен на другое поприще, ежели б огромные успехи увенчали меня лаврами,— сказал ли бы я: «Довольно, я достиг цели желаний»? Нет, новые замыслы, новые желания, раздраженные еще более исполнением первых. Я был бы несчастен. А теперь? Я говорю: «Господи, не отнимай только, больше ничего мне не надо, об руку с нею я готов сойти с земли, об руку с нею готов жить на земле».— И я счастлив тобою, и мне больше тебя ничего не нужно.

Как хорошо твое письмо от 25-го, как силен размах твоих крыльев, мой ангел, как люблю я в твоих письмах видеть эту безусловную веру в мою любовь! Наташа... не слышится ли тебе много, много под этими точками, вглядись, они живы, они-то должны выразить гораздо больше слов — немой восторг, вздох любви и блаженства!

Но одно место в твоем письме несправедливо. Ты думаешь, что вся Россия, весь мир должен на меня смотреть твоими глазами,— это ошибка, Наташа, увлеченье. Мир и люди смотрят не на душу развернутую, как ты, но на труд созданный, они подымаются от труда к душе, и талант-то, собственно, может, в том и состоит, чтоб элементы души своей отвердить словом, или искусством, или действием вне себя, и тем выше талант, чем ближе создание идеалу. Каким же образом ты воображаешь, что мои статьи могут сделать влияние — это ребячество,— по этим статьям, как по предисловию, могут заключить, что из писавшего что-нибудь выйдет, не более. Ты знаешь, статьи и любовь — дело разное. Тебе и стакан,

присланный из казармы, дорог — а людям он ничего. «Легенду» я не упомянул, потому что она не может взойти в биографию, но, по *вашей протекции*, я ее не оставлю. Жуковского отметки не на твоем экземпляре, а на пап⟨енькином⟩,— у тебя с ним сходен вкус: он поставил черту против последних строк. «Легенда» не первая статья после 20 июля, а «Германский путешественник», об нем ты не поминаешь, а я люблю его. В нем выразился первый взгляд опыта и несчастия,— взгляд, обращенный на наш век, эта статья, как заметил Сазонов, невольно заставляет мечтать о будущем, и тише, тише... вдруг прерывается, показывая издали пророчество,— но оставляя полную волю понимать его. Для тебя и для друзей эта статья имеет большую важность как начальный признак перелома. Я выписал из Москвы оставленные мною две целые книги писанных разборов на сочинения, которые я читал в 1833 и 1834 годах; с жадностью перечитал я их. Первое, что мне бросилось в глаза,— это что я в 1833 году не был так глуп, как я предполагал, внимательный разбор тотчас показал бы всего меня (из этих тетрадей печатная статья моя «Гофман»)— но чувств нет, а есть увлеченье, ослепленье нашим веком. В «Герм⟨анском⟩ путеш⟨ественнике⟩» обнаруживается уже недоверие к «мудрости века сего», а в статье «Мысль и откровение» эта мысль уже выражена ясно и отчетливо. Заметь еще окончание «Герм⟨анского⟩ пут⟨ешественника⟩» — двойное пророчество. Я совсем не думал о любви, когда написал следующие строки: «Но что же будет далее? — Знаете ли вы, чем кончил лорд Гамильтон, проведя целую жизнь в отыскивании идеала изящного, между куском мрамора и натянутым холстом? — Тем, что нашел его в живой ирландке.— Вы отвечали за меня,— сказал он, уходя с балкона». Я не знаю, вникнула ли ты в эту мысль, может, и не поняла ее, потому что это мысль чисто политическая, и от нее-то именно Сазонов и приходил в восторг, ибо она разом выражает все расстояние сухих теоретических изысканий права и энергической живой деятельности, деятельности практической. А между тем это пророчество моей жизни, и со мною сбылось, как с лордом Гамильтоном, и я, долго искавши высокого и святого, нашел все в тебе. Но главное дело, что во всех статьях моих моя мысль и фантазия не выражается вполне,— только в письмах к тебе — это существенный недостаток, и это-то самое есть доказательство, что я не создан быть писателем. Итак, я отгадал, что тебе не нравится моя ирония. Она и Шиллеру не понравилась бы, и вообще душе поэтической, нежной и чистой. У людей истинно добродетельных ее нет. Также нет ее и у людей, живущих в эпохи живые — у апостолов, напр⟨имер⟩. Ирония — или от холода души (Вольтер), или от ненависти к миру и

людям (Шекспир и Байрон). Это отзыв на обиду, ответ на оскорбление — но ответ гордости, а не христианина. Ну довольно!

Теперь ты получила мое последнее письмо. Я с трепетом жду ответа. Прибавить я не могу, все, что я хочу и требую, я написал, и это справедливо. Ежели ты оставишь дом княгини, то это *единственное* средство сохранить на некоторое время мир между мною и пап<енькой>. Я не ты (не сердись опять на эту фразу, ибо здесь речь не о душе, а о характере), я не могу вынести униженья, все перенесу (и доказал уже), но униженья — нет. Первая обида, которую сделают при мне тебе, может повлечь за собою ужаснейшие следствия. Далее, ежели ты не будешь у княгини, я спокойно буду ждать, зная, что ты не страдаешь, имея возможность тебя видеть. И чем ты жертвуешь — тем, что десять старух проклянут тебя, *осудят*, а ежели уж дело пошло на *людские речи*, то уж верно, где бы ты ни была, никогда не может повториться этой безмерно подлой истории с женихом, про которую тоже могли *говорить*. Наташа, когда я слушал подробности, которые я сам нарочно выспрашивал, я оледенел, в глазах потемнело, я даже не был грустен, а кусал себе губы с каким-то бешенством. Но поставь себе за твердый закон: однажды вышедши из дому ее сият<ельства>, не вступить в него иначе как со мною. Пусть плачут, умоляют, делаются больными — твердость и отказ. Не выходя, ты можешь еще склониться, вышедши — ни под каким видом.

31 генваря 1838.

Твое письмо от 28. Ответ на него — вторая половина моего письма, которую ты, верно, того же числа получила. Я имел причину быть мрачным: оскорблений я не умею переносить, а таких ужасных, жгучих оскорблений, кажется, во всю мою жизнь не было. Выслушать подробности всей истории сватовства — да от этого можно умереть. Ты скажешь «стань выше» — нельзя, забыть им я могу, но для этого надобно, чтоб все это было прошедшее, чтоб я был с тобою. Пусть тебя скуют в цепи — я перенесу это легче; но чтоб с тобою смели обходиться так, как обходятся,— физически разорвется от этого грудь. Ты напрасно в письмах уменьшаешь горечь настоящего положения, у меня глаз зорок, я дальше вижу. Ты в прошлом письме отклоняешь мой приезд. Это гораздо лучше всех подробностей, которые ты могла бы написать. *Каковы должны быть причины*, которые могли заставить тебя отклонить исполнение пламенного желания, цели всей жизни? И для чего это? Для чего, когда мы можем наслаждаться раем, сидеть «на скотном дворе», как ты сама выразилась? Неужели тебе не достанет крыши, ежели ты выйдешь из дому кн<ягини>,—

я ручаюсь, что достанет. И тогда ты на воле, тогда мы будем видеться всегда, тогда никто не осмелится располагать твоим временем. Довольно страданий, довольно испытания — ты его вынесла, как ангел; что мои несчастия в сравнении с твоими, мои — одна разлука, остальное вздор, который только бросается в глаза толпе своею одеждой мрачной и свирепой. До завтра, прощай, милая Наташа.

Перебирая еще раз все, что я писал тебе в прошлых письмах, должно сознаться, что, может, я увлекся слишком далеко минутным негодованием. Тебе бог дал более спокойную душу, обдумай же сама. Может, и в самом деле со стороны пап ⟨еньки⟩ нет столько препятствий, я боюсь не верить твоему внутренному голосу, ибо твой голос — голос бога. Пиши поскорее, я мучусь узнать.— Так как это письмо идет новым путем, то я и не буду писать, не узнав, получила ли ты.

Из Вятки получаю много писем, там целая толпа энтузиастов к твоему Александру; уехавши, я для них сделался еще более, какое-то изящество разлилось около воспоминания обо мне. И послания их похожи на язык влюбленного. В моем присутствии что-то останавливало их высказывать чувства, а теперь письмами они бросаются мне на шею. Опять симпатия. У Скворцова на свадьбе первый тост пили за здоровье молодых, второй за мое. Некоторые из писем стоят, чтоб их сохранить для тебя. Ты для них совершенное божество; склоняясь передо мною, как же им не склоняться перед той, перед которой я на коленях. Беляев, о котором я ни разу не упоминал, пишет: «Борись с роком, тебя угнетающим, борись и выйди победителем. Не забывай бога, потому что он ниспослал тебе ангела-хранителя. Но мне досадно, зачем ты довольствуешься внутренним счастием. Человек призван к деятельности. Для чего же бог тебя одарил прекрасной душой и блистательными способностями? Бог спросит у тебя отчет, как ты употребил дары его...» Им во мне мечтается un grand homme en herbe[1], как говорят французы.

Ну, получила ли ты мою статью о Полине? Я теперь оканчиваю свою архитектурную мечту «Кристаллизация человечества», эта статья, сверх нового взгляда на зодчество, важна потому, что я основными мыслями ее потряс кого же? — Витберга, и что он, зодчий-гений, должен был уступить мне, юноше, не артисту, я глубже проник в историческую структуру его искусства. Статья эта ему и посвящена. А ты, ангел мой, в прошлом письме мне сделала реприманду, что я не все

[1] великий человек в зародыше (франц.).— *Ред.*

статьи посылаю тебе. Виноват, Наташа, виноват, ей-богу, все это проклятая лень переписывать и еще худшая лень оканчивать начатое. Впрочем, утешься: право, лучше статьи нет, как всякое письмо к тебе.

1-е февраля.

Скоро будет ответ и от тебя, и от министра. Прощай, мой ангел. Будь хранима богом. Развязка приближается. Может быть, будущность, исполненная света, ждет нас, может быть, исполнение всех пламенных мечтаний, самого путешествия, ждет у порога. Черная история с М⟨едведевой⟩ — одна из змей, наибольше сосавших мое сердце,— исправляется. Вспомни мою молитву тогда — после нее все переменилось. М⟨едведева⟩ просит меня одного — название сестры. Вот моя рука, что я ей брат до гроба. Одного боюсь, не обманывает ли она себя, это я узнаю скоро, буду писать к ней о тебе; хорошо, может, было бы, ежели б и ты написала. *До свиданья*, Наташа!

Твой Александр.

На обороте: Наташе.

148. Н. А. ЗАХАРЬИНОЙ

5—6 февраля 1838 г. Владимир.

5 февраля 1838. Владимир.

Ангел мой, моя прелестная подруга, как давно я не писал тебе. У меня гостил Кетчер, один из близких родственников души моей. Отлетели эти 4 года мрака, я снова юношей мечтал, но уже мечта моя не та — она сильнее, шире, выше. Кетчер первый из друзей увидел меня и говорит, что я стал лучше, чище, сильнее, и говорит, все это сделала любовь. Слышишь ли, мой ангел — любовь, ты, Наташа, это сделала. Я ему читал несколько писем твоих и видел его слезу. Витберг тебя назвал ангелом, он не умел выразить. Представь себе мой восторг в эти минуты, Наташа,— ты мне принесла огромное блаженство, я счастливейший человек. Вот и тебе доля чистая той симпатии, которою окружают меня,— теперь ты будешь идолом, святостью всех любящих меня.— Теперь больше, нежели когда, я решился действовать не отлагая. Я даже думаю, не нужно переезжать от княгини. Я объяснюсь — мне откажут. А в продолжение этого времени у Кетчера будет все готово: и храм, и священник, и всё. Рекомендую вам, Наталья Александровна, Кетчер — мой шафер. На него вера моя беспредельна, он окончил борьбу, которая во мне была, и заставил решиться. Он даже брался устроить все здесь, скакать

в Москву привезть тебя; десять, пятнадцать человек за счастье почтут ему в этом помочь. Наташа, ты скоро будешь моя! — Ни слова более, что тут можно сказать языком.

Княгиня пишет, что благодарна мне *за дружбу* к тебе — я не вытерпел и написал пап⟨еньке⟩, что я нисколько не заслуживаю *в этом* сиятельной благодарности.

Благодарю за чернильницу,— все, все от тебя для меня свято, благодарю за кольцо еще больше, да, оно вечно будет у меня на руке и встретится только с другим — обручальным. И за письма, я еще не читал их. Кетчер через несколько дней доставит тебе отрывок из «Там», который будет напечатан в «Сыне отечества», и начало биографии — вот тебе на замену писем пока. М⟨едведева⟩ нарисовала картинку к твоему рожденью «к 22 октября». Я пришлю ее тебе, когда получу.

6 февраля.

Я мельком пробежал письма свои — это важнейший документ нашего развития и моей жизни, превосходно, что они у тебя сохранились. Без них мне почти не было бы возможности продолжать биографию. Тут я весь, как был. Посмотри этот лед в первых письмах: я содрогнулся, читая записку, в которой я поздравлял тебя в 1833 году с рожденьем — мне недосуг было прийти, а что делал? — и после пусть прочтут фантазию. Потом я как-то *снисходителен* с тобою, *ценю* твои таланты; из казарм письма принимают жизнь, они с огнем, но это огонь не любви, ты не необходимость мне, я люблю тебя, но хочу ехать из Москвы куда б то ни было; однако там-сям прорывается и другое чувство; в той фразе, в которой наименее можно ждать любви, выска́залась она едва ли не в первый раз. Чего я боялся твоего замужства, отчего я тебе указывал на монастырь,— тут сверх участья есть что-то. Девятое апреля было венчанье наших душ. Но после — вот она ужасная эпоха апатии, лени, устали, начало жизни вятской, я не хочу себя оправдывать, но душа, натянутая 9 месяцев, опустилась, я долго с отвращением смотрел на толпу, но свыкся и пал.

Сейчас твое письмо от 4-го — как скоро. Скажи Саше, что прежде нежели ты писала мне, я уже думал о ее спасении и именно думал то, что ты писала. Поклонов не слишком много, лучше больше рублей, пусть скажут, сколько надобно, я достану. Впрочем, замечу, ежели ты Матвея принимаешь *за лакея*, ты очень ошибаешься, я тебе мог бы сказать один анекдот про него, в котором он поразил меня своим благородством; ему каплю образованья — и он отличный человек. Я как-то по приезде был очень весел и шутя спросил у него: «Чего ты хочешь теперь?» — «Вы не сделаете того, что я

попрошу».— «Что же?» — «Нет, не смею просить». Наконец, сказал: «Я желал бы знать, что за статья у вас, где о Полине, ее одну я не слыхал». Я взял ее и прочел ему от доски до доски, объясняя иностранные слова. Что же — с слезами бросился он ко мне, целуя руку, и сказал: «Так вот он, ангел в статье о Витберге». Что скажешь на это?

Сегодня меня судьба столкнула опять с несчастным и столкнула на минуту — и, может, никогда не увидимся, в следующий раз я напишу тебе об ней — может, даже напишу целую статью. Кетчер сидит у меня и переписывает мои статьи, непременно хочет взять с собою, и я ему повелел доставить тебе.

Рукой Н. Х. Кетчера:

Вы приобрели себе нового друга, который некогда сомневался в вас; но убеждение после сомнения прочнее; ни уверять, ни много говорить о дружбе я не умею. Довольно—я друг вам, и вы не можете не быть мне другом, оценив так хорошо людей, с которыми хотя я и не вырос, но сроднился так же тесно. Все нападки толпы, этих пасквилей на человечество хотя и болезненны, но ничтожны, и не подавить им добра; оно восторжествует! Не видав вас, потому что раз, в который я с вами где-то встретился, я не называю видеть, по нескольким строкам я понял, узнал вас. Прощайте, надеюсь вскоре увидеть вас с ним не в этом душном чистилище До свидания.

Я удивляюсь, как Кетчер имеет мало образованности, я думал, он по крайней мере скажет: «Честь имею рекомендоваться и пр.»

Ну, продолженье о старых письмах.

Письмо 12 октября 1835 г., может, лучшее, что когда-либо я писал, это огонь, бешенство, но это проникнуто такой силой, таким огромным размахом души. Это письмо могло сжечь тебя, ежели бы в тебе было больше земли; щеки вспыхнули, когда я перечитывал его. Всякая острота — молния, ни одной мысли, и все это кипит, вырывается само собою, взгляни даже на почерк. Я почти задохнулся. Но не странно ли: два следующие письма не стоят строки того. Любовь рвется, но нет того полета, нет того порыва. Нет, мне ужасно нравится письмо 12 октября, а между тем ряд воспоминаний стал возле писем, одна апатия могла продиктовать глупую фразу: «Она довольно хороша, чтоб быть героиней маленького романа в Вятке». Какая низость! Чудная эпоха! Я увлекся этой женщиной *как женщиной* и именно оттого понял, что люблю тебя; я был уверен в твоей любви прежде нежели ты сказала, но эта уверенность как-то принимала судорожный вид, как все бытие, признаюсь, я не понял всей высоты твоих писем, когда ты писала в конце 35 г., а то возможна ли эта глупая оговорка: «Тогда склоню голову на твою грудь (ежели эта грудь не будет принадлежать другому)». Фу, мерзость какая, и это я писал

в конце декаб⟨ря⟩ (25) 1835. Глупо, и только объясняет мое тогдашнее положение. Героиня *маленького* романа выросла в *большое* угрызение совести, и я доселе не могу дать отчета, как это случилось. Ты меня знаешь, Наташа, всякая мысль, всякий порыв от 1834 тебе известен. Ну как мог я пасть так? Любил ли я ее — нет, это ясно, лучшее доказательство письмо 12 окт⟨ября⟩. Но точно я сначала был неравнодушен, она была первая симпатия, я границ не знаю, мне было весело, что встретил созвучие. В это именно время боролись во мне тысяча страстей. Я увидел в ней особое внимание ко мне. *Жена старика* не имеет почти никогда той святости, которая окружает девушку и женщину. Все это вместе с бездействием завлекало больше и больше — но не оправдание же все это мне, так мог бы оправдываться Н. П. Голохвастов, а твой Александр... Нет, этой раны я не скоро освобожусь. Падение низкое, гадкое!

Наташа, теперь отвернись от этого несчастного человека, который ломается в борьбе с собою, который своими руками разрывает сердце, блуждает то в небе, то в аду, и взгляни на твои письма. Ты одна и та же с первой записки до письма, которое я получил: всё светлая, небесная, спокойная, тот «голубь с белыми крылами, который играет в солнечном луче и для которого нет выше», как ты писала, только песнь твоя делается звучнее, только взгляд шире. Я не унижаю себя,— нет, я тебе назначен богом, я понимаю, что ты ни в одной груди не нашла бы той любви, как в моей, и теперь я довольно хладнокровно пишу. Знаешь ли, что еще превосходно в моих письмах — это мысль, пришедшая на бумажной фабрике. Вот уж живее, лучше сравнить нельзя моей жизни, как эти свирепые колесы, как эта безумная струя воды, и в заключенье ты — небо в окошечке, а потом ты — *все небо*. Да, до весны 1836 я стоял середь колес и треска оглушенный, тут я вышел, и ты, безгрешная, святая, захватила все. О ты!

Пришлю письма назад с Ег⟨ором⟩ Ив⟨ановичем⟩, но *ненадолго*, а потом приду к «грабителям за собственностью»— это превосходно. Прощай, до свиданья.

А л е к с а н д р.

149. Н. А. ЗАХАРЬИНОЙ

8—12 февраля 1838 г. Владимир.

Февраля 8-го 1838.

Друг мой, ангел, вот и Кетчер уехал, а хорошо провел я эту неделю. Ему первому пришлось мне рассказать историю последних 3 лет. Как она полна, и полна тобою. Он говорит,

что никогда не предполагал столько чувств во мне — ты сделала чудо со мною. Ну что же, Natalie, придумала ли ты свиданье — ведь скоро ответ, а тогда, имея волю, я измучусь. Кетчер хлопочет обо всем: о деньгах и о пр⟨очем⟩, но не знаю еще, в отпуск или после. Наташа, понимаешь ли ты, укладывается ли в твою грудь эта райская мысль, что, может, через *несколько месяцев* ты моя, ты вместе со мною, и навеки? Нет, я не могу обнять этой мысли. Давно ли все наши желания сводились на одно свиданье. Да веришь ли ты этому? Верь, ангел, верь. Послушай, знаешь ли ты, где твое свидетельство о крещении[1], оно необходимо; вот первый раз в нашей переписке упомянута деловая бумага. Ах, тогда, тогда жизнь полная, жизнь блаженства! Ты положишь твою голову на мою грудь, и она отдохнет под нею, нет, я теряюсь в созерцании всего счастья, я готов плакать, как дитя. Теперь я долго просидел, опираясь головой на обе руки,— что я думал? Пусть ангел с неба прилетит тебе рассказать.

Они смотрят на тебя свысока; Сережа желал, чтоб я ему написал письмо, я и написал холодное, как лед, и гнетущее всем гнетом, который имеет в себе *человек* над толпою. Не люблю я давить высотою, но его я подавлю, для того чтоб поставить в свою раму.

9 февраля.

Чем больше вникаю в письма, тем яснее вижу, что ты гораздо сильнее действовала на меня, нежели я на тебя. Ты была изящна и свята всегда, я много переменился, и собственно в 1837 году догнал я то существо, которое ты представляла, называя меня. Да, теперь я твой Александр, но в прошедшем одна огненная, порывистая душа выкупала мои огромные недостатки. Я понимал твои требования — и подымался, сила была, но подавленная вздором, землею, я отряхал для тебя. Для чего моя любовь выразилась судорожным криком, для чего она вырвалась из груди клубящимся огнем с дымом — а твоя высказалась так спокойно, тихо, что и в самом деле не виден перелив от дружбы к любви? Отчего ты любила меня, прежде нежели я узнал тебя? Отчего, узнавши, что я тебя люблю, как брат, ты молилась богу, а я, зная, что ты меня любишь больше брата, сумасшествовал, для того чтоб получить официальное признание? А падение, а вакханалии,— нет, ангел мой, может, бог захочет для тебя очистить мою душу, но ее былое далеко не так светло, как твое. Оно полно — да, очень полно. Но не каждый шаг наполнен светом. Одно целое, святое с юности — это любовь к человечеству, любовь к друзьям, открытая симпатия всему, что может

[1] И на это в случае невозможности достать есть средство (12 фев⟨раля⟩)

платить теплым чувством. За эту-то симпатию и платили так драгоценно, и баловали меня, и носили на руках, и прощали всё.— Мешают писать. Прощай. Обещанную в прошлом письме «Встречу» — после.

Что ни говори, милый друг, а я никак не могу принудить себя к той небесной кротости, которая составляет одно из главных свойств твоего характера. Я слишком огнен. Сегодня я расспрашивал еще раз Ег〈ора〉 Ив〈ановича〉 о сватовстве, и ты бы должна была видеть, как каждое слово, как яд, изменяло мне лицо, как я дрожал и кипел. Знаешь ли ты, Наташа, что я ужасный человек — мне приходили такие мысли, которые никогда не придут *порядочному* человеку в голову. Что было бы со мною, ежели б я был тогда в Москве? — А вот что — ты была бы моя.

Да, я было и забыл сказать, что, несмотря на все мои выходки в «Симпатии» против продажи книг, я начинаю *промышлять:* за отрывок из повести я взял подписку на «Сын отечества» (т. е. возьму, когда напечатается), а за прочие статьи буду требовать чистые денежки. Нам нельзя ожидать *тогда* что-либо от Ивана Алексеевича, и вот я открываю себе средства работою и потом и для того продам теперь что-нибудь, чтоб доказать, что я могу жить без благотворений.

Опять к письмам. Огромное наслаждение доставила ты мне, прославши их. Вся жизнь моя от окончания курса университетского выходит из гроба. Моя биография готова. В письме июля 5-го 1833 виден я (но тебя еще не понимал решительно); место о Воробьевых горах как сейчас писано. Похвалы Пассекам. Это семейство — единственная ошибка, которую я сделал в узнании людей, ибо они совсем не таковы. Но тут была причина: их мрачные страдания, их несчастия и бедность прикрывали все недостатки и разом дотрогивались до заповеднейших чувств души.

Аллегорию «Неаполь и Везувий» хоть я и сам писал, но не понимаю, это так-таки просто вздор — вообще я писал аллегории тогда, когда дурно писал. Что хочешь сказать, говори прямо. Крутицы. Слава богу, является «ты», и является пламенная дружба к тебе, ты, одна ты рядом с Огаревым. Вот в этих записках взгляни на мою иронию, тут она вся проникнута горячим чувством и между тем ядовита, как анчар. Тут в одной записке я говорю о любви, «там-сям рассеянные черты сильно действовали, но совокупности их нет». «Где любовь?» — спрашиваю я, разочарованный в бледном опыте. И не знал, что это совершение, что любовь стояла рядом. О Natalie! В записке 31 дек〈абря〉 1834: «не могу подняться до самоотвержения, потому что я нечист...» Теперь я могу быть

самоотверженным. Кто сделал это, кто открыл мне небо. Наташа, кто? Я тогда еще писал, что характер у меня неровный, и вся переписка, и вся жизнь моя — беспрерывное доказательство. И ты пишешь, что не всегда можешь держаться на высоте, а иногда грустишь. Это ничего, это принадлежность человека, доколе он в теле. Но я в мои минуты падения делаюсь холодным человеком, мелким, «повесой», как там сказано, и вот в эти-то минуты, вместо того языка, который ты так любишь, струится ирония. Вот эти-то минуты погубили М⟨едведеву⟩, но, кажется, и они отлетели перед вечной, единой мыслью любви. Дай бог. Какая ужасная потеря, что я не мог сохранить твоих записок и они погибли жертвою излишней осторожности, потому что меня не обыскивали. Я сделал на некоторых отметки. Прощай, давно уж ночь. Ангел господень над тобою, *мой* ангел.

10 февраля.

К письмам, к письмам: тут-то описано 31 марта 1835 года. День свиданья с Огар⟨евым⟩ — день важный и торжественный. И вот он горит и пылает в письме от 2 апреля. Все это письмо хорошо — перечитай его. 4 апреля письмо заключается: «Ты светлая полоса в моем сердце, сестра и друг». А вот и эта записка, святая от твоих слез, покоившаяся на твоей груди. Я боюсь ее брать в руки, я прижал ее к челу, и сердце билось. Да, тут любовь — любовь решительно. Потом тучи заволокли мою путеводную звездочку, перемена места, люди, люди... о как я не достоин тебя. А знаешь ли, крутицкая эпоха очень похожа на мою владимирскую. О, здесь я несравненно выше Вятки и, кажется, осмеливаюсь думать, не упаду, не сойду вниз. Я хорош был в Крутицах, хорош и здесь. Кетчер был в восторге. Чем меньше людей, тем сильнее горит моя душа, тем пламеннее рвется из нее симпатия. Наташа, я сдержал слово: жизнь во Владимире — 40 дней в пустыне. Тут есть одна записка, у которой начало отрезано — случайно или нарочно? Я бы тебе не отдал записку 10 апреля, о, как она дорога, свята мне, я ее целовал, я ее прижимал к обнаженной груди, чтоб облегчить плач и завыванье разлуки и *их*. Вспомни же и ты, что она лежала на пламенной груди моей, что жар этой груди, в которой один алтарь тебе, переходил в эту бумагу,— и поцелуй ее... Кто бы меня не знал, не поверил бы, что писавший записку 10 апреля мог писать до бесконечности пошлые письма, которыми начинается наша переписка — но, сверх всего, надобно заметить, что я сначала писал через пап⟨еньку⟩.

На обертке вятских писем 1835 года я написал: «Судорожная боль разлуки, душа меркнет, падает, еще шаг — и она погибла. Но туча рассеивается, на востоке является солнце еще без лучей, но пламенное и красное». Да, таковы письма

этой несчастной эпохи, утро нашей любви все в тучах, все покрыто испарениями земли. Полдень настанет скоро, туч уже мало. Полдень — это венчанье, это высший момент любви. Любовь и молитва вместе.— Как странно на себя смотреть как на постороннего. Видеть едва зародыши настоящего. Для меня до 12 окт⟨ября⟩ 1835 во всех письмах кто-то чужой, не я, потому что я — любовь к Наташе, до тех пор это чужой, какой-то юноша с шатким направлением, с полумечтою, с неустоявшими фантазиями и у которого одно достоинство — твердо перенесенные гонения и несчастия. Первая записка из Вятки (21 мая) глупа почти так же, как поздравительная в 1833. Я бы ее бросил. Но смотри, как мощно действие твоих записок на меня: 24 июля я с восторгом сказал: «Наташа! Ты мой ангел-утешитель», в той же записке в первый раз «*моя* Наташа». *6 сент.*: «Твои записки имеют на меня дивное действие, это струя теплоты на морозе, дыхание ангела на мою больную грудь»...И это дыхание не могло еще тогда предохранить эту грудь от порока! Еще раз повторяю: письмо 12 окт⟨ября⟩ превосходно, оно жжет пальцы, и взгляни, как страдала тогда душа! Еще раз благодарю за письма — они мне доставили столько наслажденья, с ними я провел несколько дней. Я бы прислал тебе твои до 1836 г., но когда же ты их будешь читать. При первой оказии пришли мне до 1 генв⟨аря⟩ 1837, а я возвращу тебе,— впрочем, они мне нужны, да, может, *скоро* их и не надобно будет пересылать. Они разом будут у нас обоих. Прощай, милая, милая Наташа!

Егор Ив⟨анович⟩ очень несчастен, виноват немного сам и очень много тот, кто ему дал жизнь. У него не было самобытности, они его задушили с каким-то бесчувствием, вот участь, которая бы ждала нас, ежели бы не бог. И после этого быть благодарным за жизнь, ха-ха-ха! Что же касается до его любви — это вздор, нелепость, может ли неголубь любить горлицу? Решительный вздор, да он и понятия не имеет о любви, которой надобно любить тебя, может, ему нравилось лицо. Может, еще сегодня получу твое письмо.

11 февр⟨аля⟩.

Наташа, Наташа, два письма от тебя! Но меня ужаснуло последнее; в тебе отчаяние, не больна ли ты? Бога ради не скрывай, умоляю тебя, бога ради! Что с тобою, ангел мой? Вижу, что пора кончить — *и кончу, вот тебе моя рука.* К Эмилии все подробности. Письмо к пап⟨еньке⟩*написано* сильно, коротко и пламенно. Железная воля на каждой строке, я его пошлю тотчас по получении ответа из Петербурга (а может, и гораздо прежде). Вот тогда-то увидим, отец он или нет. Наташа, Наташа, солнце всходит в черной туче. Теперь,

стало, погоди ссориться с своими. Ежели от него решительный отказ — я распоряжусь сам.

Вместе с этим письмом послано и другое. Итак, в ту минуту, как ты читаешь, может, он уж отвечает.

На колени и молись!

12-го, суббота.

Смотри, Наташа, может, будут с тобою говорить, может, будут гонения — перенеси и помни, что все это продолжится несколько недель. Пуще всего будь тверда с пап⟨енькой⟩, но не очень увлекайся. С холодными людьми — холод. Бог над тобою. До вторника.

Вот и храм божий печатью этому письму — и случайно!

На обороте: Наташе.

150. Н. А. ЗАХАРЬИНОЙ

12—15 февраля 1838 г. Владимир.

12-го. Ночь.

Итак, моя Наташа, письмо мое в руках папеньки! Сердце молчит, тихо, никаких предчувствий,— я готов на все, дивно, когда человек решится — уже совершено, такова власть духа, это остаток творчества бога, и, ежели б мы умели душу держать чисто, мы бы сказали горе «иди» — и она пошла бы. Резче, сильнее, исполненнее любви и покорности не могло быть письмо, это язык сына и в то же время человека с железной волей. Оно поразит его. Всего хуже отсрочка, но ее надобно будет сделать, ибо отсрочка значит, что не имеет духа отказать, что он не против... Это письмо — победа над собою; признаюсь, решиться было трудно; но, написав одну строку, я спокойно написал, спокойно сложил, запечатал и отправил. Провидению угодно было так — и я выполнил приказ свыше. Ежели его письмо будет лед — я замолчу, ни слова не прибавлю и возьму все на себя. А ежели твое предчувствие верно и он вместо грозы пришлет благословение, тогда... тогда он в первый раз увидит сына во всем блеске. Он меня видел сыном в цепях, не прежде, эти-то безмерные попечения и преклонили мою голову, они-то и теперь мне узда, ибо неблагодарным я не умею быть. Но кто виноват, что мы прежде друг друга не понимали? Юноша ли 20 лет или старик? Ни тот, ни другой — XVIII и XIX век виноваты, между ними почти не существует перехода.

Ну что портрет? Тогда я попрошу у него портрет его дочери. О, неужели папенька откажется от такого сына и от такой дочери, и от всех наслаждений, которые могут обвить последние дни его? Неужели?

Твое здоровье занимает меня больше письма. Я *требую* откровенности. Наташа, береги меня в себе, ежели... кровь цепенеет, пот выступает... ежели бы я лишился тебя — мир увидит отчаянного, он увидит человека, отрешенного от всех его условий,— человека, в котором не останется ничего человеческого, может, безумного, может, самоубийцу — Наташа, я твоими словами скажу тебе: неужели эта любовь недостаточна, чтоб перевесить их гнусности? Любовь победила во мне все, а любовь — ты, улети ты из мира, и что я остался — нелепость, отпечаток ноги господа на песке; но все-таки песок. Наташа, Наташа, береги себя, знай: одно сомненье на этот счет может погубить меня. Иной раз, когда одна любовь имеет голос и все молчит перед ее звучным языком, я желаю, чтоб ответ был жесток, безчувствен,— тогда я свободен, тогда минуют семь недель и мой ангел — вот в этой комнате, где я теперь сижу, одинокий и грустный... Семь недель — о, это чудо! Одно грозит нам тогда — бедность,— нынче с голода не умирают, о, у меня есть руки, есть друзья, а сколько ты для меня перенесешь, это я знаю.

А как удивится ее сиятельство une belle matinée[1]: — «Где Наташа?» — «Нет» — и Марья Ст⟨епановна⟩, с тех пор как злодей Бонапарт грабил Звенигород, в первый раз разгневается до такой степени. И Лев Ал⟨ексеевич⟩ в сенат не поедет, и за Дим⟨итрием⟩ Павл⟨овичем⟩ пошлют гонца, и папенька не даст Альману белого хлеба. И быть смятение велие. Прощай, милый друг, прощай, спи с богом, и я лягу — мечтать.

Скажи, пожалуйста, кто у вас в доме из мужчин всех вернее? Не забудь.

13-го февраля.

Писать к тебе превратилось в безусловную потребность — все постыло, кроме письма. Сегодня я много, много думал о нашем *тогда*, знаешь ли, мы тогда превратимся в детей, в маленьких детей, сделаемся *просты*, я отброшу всю гордость, все земное, я желал бы, чтоб меня сочли дураком, невежей, чтоб все заключилось, и будущее и настоящее, в тебе и в природе. И дай бог детьми окончить жизнь. Пусть прошедшая жизнь моя является как смутное воспоминание тяжелого сна, у детей бывают эти сны, и они видят чудовищей страшных, которые им давят грудь, и тогда сонные ручонки простираются к матери, и они, проснувшись, ищут ее груди. Да, такой сон — мое прошедшее. Нет, нет, Natalie, подвиг твой огромен, необъятен, можешь ли ты себе отчетливо представить, какое влияние ты сделала на меня. Ты именно тот ангел, кото-

[1] в одно прекрасное утро (франц.).— *Ред.*

рый слетел спасти меня. Ты для меня то, что Христос для человечества. С какими сильными людьми встречался я,— это была встреча алмаза с гиацинтом: или на обоих оставалась черта или ни на одном. Их призвание не был я, твое призвание начинается и оканчивается мною. Знаешь ли ты греческую сказку Амур и Психея, любовь и душа, огонь земли и дыхание неба, Александр и Наталия? И еще одна мысль ярко светит в моей фантазии: мы жертвы искупления всей *их* фамилии, и наши страдания смоют их пятно и положатся на весы серафима и искупят их. О, это высоко, и пусть им неизвестна эта молитва, эта панихида, которой слова — слезы, и которой крест — крест страдания. Такова любовь — она ненавидеть не может, она, как потир, зовет всякого приступить со страхом божиим и пить ее кровь, кровь горячую,— кровь живого сердца, за них изливаемую. Симпатия — человеку, Симпатия — человечеству, Симпатия — вселенной, и Молитва — Ему. Наташа, ежели мы не на верху блаженства, то кто же??

13-е. Поздно.

Получил твое письмо от 10-го. Поздравляю тебя с женихом, а жениха — с черкесской шапкой. Эта новость даже и не взволновала меня. Но письмо, посланное вчера, кстати. Дивно, дивно провидение. Пап⟨енька⟩ мне пишет преколкое письмо, *и именно* от 12-го числа, и говорит: «Помни это число». Да помню. В четверг ответ, через четыре дня. А может, вместе и от него, и от министра, ежели ответ хорош от того и от другого, *то в воскресенье в 7 часов утра* Наталия бросится в объятия Александра и рай будет на земле в нас. Но радоваться погоди. Как переменилось наше положение с тех пор, как я оставил Вятку: не токмо 800 верстами, но 800 обстоятельствами мы стали ближе, венчальный венец почти на голове. Там немая разлука, даль подрезывала крылья, там я был слишком *весел* и слишком грустен — здесь я воскрес, и так ли, иначе ли — ТЫ МОЯ.— От М⟨едведевой⟩ — письмо грустно; но, кажется, лучше, *благословляет нас* (уж как же не благословить после пап⟨еньки⟩!). Пиши ей непременно, сильно, выставь ярко твое призванье, проси дружбу — ну сама знаешь, только скорее, и пришли мне. С каким трепетом ты, ангел, будешь ждать следующего письма, в нем будет все — а подробности, когда поедет Егор Ив⟨анович⟩ (пиши ему, я боялся требовать, чтоб он служил нам в нашем деле — а он взялся за многое).

Ты в самом деле безумная, как Emilie говорит,— что же за радость г. офицеру жениться на безумной. Лучшее доказательство, что вы не в полном рассудке, mademoiselle,— это

что вы совсем устроили, учредили Матвееву свадьбу, не спрося его,— я расхохотался от души. Ты дитя, дитя. Скажи Саше: я для нее все сделаю; но остановить за этим нашего соединения не могу, прежде ли, после ли — не знаю. Люблю ее — но ни одного дня не пожертвую, это свыше моего самоотвержения.

Честь имею вам рапортовать, madame Herzen (ха-ха, да это преуморительно!), что monsieur Herzen кончил статью об архитектуре — и добра есть. Бесспорно лучшее, что выходило из моего пера, глубокая мысль переплетена в огонь, проникнута огнем и огнем. Наполеон спал перед Лейпцигской битвой, я дописывал статью 12 февраля. Я что-то весел,— может, перед непогодой, тогда щенята веселятся; т. е., когда я говорю «весел», это значит скверен, это значит ниже, на земле, а не там, с улыбкой сарказма, а не с улыбкой грусти, той грусти.

Итак, прощай...

14-е февр⟨аля⟩.

Ежели жених в самом деле юноша добрый,— так поступи с ним откровенно, скажи ему. А признаюсь, Emilie поступает странно, ежели она когда-нибудь повторит свое желание о твоей смерти, *я отнимаю мою руку, мы с ней чужие*. Скажи ей!

Может в эту самую минуту ты прочла мое прошлое письмо, прочла тихо, спокойно, вдруг задрожала рука, сердце сжалось и молитва вырвалась невольно вздохом, слезою, трепетом — это те строки, в которых о письме; еще два долгих дня, и декорации переменятся.

Жаль, что я тебе не списал копии с пап⟨енькиного⟩ письма; я ему сказал, что я готов сделать отсрочку, но на условии, а условия не сказал,— оно одно решительное и без уступки: *обрученье*, а вслед за тем, ежели это не понравится ее сият⟨ельству⟩, выход от нее. Я ему писал: «Будьте отцом и больше ничего, вспомните, что дело идет о жизни и смерти, вспомните, что со мною лишитесь вы многого. Пожалейте себя...» Но загадывать нечего, увидим: или обрученье или венчанье *должно быть скоро!*

По мере исполнения желания человека растягиваются. Давно ли весь предел земного было для нас свиданье — теперь свиданье близко, возможность ясная, простая возможность в наших руках. Мы пошли далее. Жизнь полная, полная. Ежели бы нас обручили, я бы у ног пап⟨еньки⟩ выпросил, чтоб он тебя летом взял сюда, и тогда полмечтаний сбылись — мы жених и невеста, l promessi sposi, гуляли бы по прелестным берегам Клязьмы, а может, будем гулять. l sposi.— Нет, Наташа, напрасно ты бросаешь иногда холодное слово о браке, напрасно называешь буднями, я понимаю этот голос,

хотя мы его почерпнули из разных источников: ты — из беспредельной чистоты, я — из утомленья жизнью. Нет, в нем дивная поэзия, и хотя обрученные чище, святее, но и обвенчанные чисты и святы. Это совсем противуположно тому, что я писал прошлый раз — мы сумасшедшие, это дело решенное.

Я читаю теперь премилый роман соч. Manzoni; у него то же заглавие, как у нас: I promessi sposi. Ты писала когда-то, что хочешь выучиться по-итал⟨ьянски⟩. Да, дивный язык: музыка и юг. Ты выучишься скоро, по выпискам я вижу, что ты понимаешь по-немецки, а этот язык вдесятеро труднее итальянского. *Тогда* ты будешь моя ученица, bella scolara! Итак, по клюкву, по владимирскую! О, ангел мой, и во всем этом сколько поэзии, и во всем этом исполнение всех фантазий, я понял это. Да, Наташа, ты одна можешь быть моею— но и я один могу быть твоим. Поцелуй любви и благословение брата тебе.

Прислал ли Кетчер тебе отрывок из повести и другой из моей биографии? Я опять занимаюсь мало, хотя и подрядился поставлять статьи — да что все эти занятия — вздор, «и принесу на Новоселье одну любовь! Одну любовь!»

14. Поздно.

Я еще писал к пап⟨еньке⟩ в том письме: «Ну положите руку на сердце и скажите, не прелестен ли мой выбор, не ангел ли будет ваша дочь?» Жаль, право, жаль, что я тебе не списал, а не списал, во-первых, по известной лени переписывать, во-вторых, там есть много *натянутого*.— Ну, вероятно, и от этого письма будет пахнуть табаком, я курил писавши. Прощай.

15 февраля. Вторник.

Прощай, мой ангел; во всех объяснениях скрывай переписку — а ежели узнают да запретят, оставь их.

Пламенный поцелуй и долгий — долгий.

Александр.

151. Н. А. ЗАХАРЬИНОЙ

16—19 февраля 1838 г. Владимир.

16 февраля 1838. Владим⟨ир⟩.

Фу! как мучительно тянется это время, жду, жду ответа, а все еще середа, а не четверг. Ждать ужасно, может, хуже всякого несчастия, в несчастии я могу действовать, тут, как машина остановленная, жди, пока судьбе угодно опять пустить

колесо. Нет, не стану и писать, ангел мой, примусь читать какой-нибудь вздор, чтоб протолкать взашеи это 16 февраля. Да и завтра почта приходит ввечеру.

Вечер.

Все еще середа! Тоска ужасная, каждую минуту я считаю. Нет, этого я еще не испытал! Что перед этим ожидание выйти из казарм! Я ровно не способен теперь ни на что, кроме читать вздор, как я сказал, и читал Бальзака. Ну, а ежели завтра не будет ответа... мороз по коже. Наташа, мы должны скоро соединиться, я чувствую это, возвратиться нельзя, слишком ярко и живо представлял я себе нашу жизнь, и эта мечта убила все прочее, я, говоря твоими словами, «не могу взойти в дверь, в которую вышел, потому что я вырос». Такая любовь редко сходит на землю. Да, ангел мой, напрасно искала бы ты этой любви без Александра. Ты счастлива, и я счастлив. Пошлое выражение, что же — одной монетой человек платит извозчику и священнику. Бывают грозы, землетрясения — ужас поглощает все, человек восстает из праха и становится соперником урагана. Но бывают туманные дни перед грозою, и человек, подавленный, тупой, изнемогает под бременем какой-то томной ничтожности — вот теперичнее мое положение. Я раскаиваюсь, что дал слово пап⟨еньке⟩ отложить, я сам не знал всей важности жертвы, Наташа, милая, ангел, ты мне необходима, я гибну без тебя. Прилети же скорее, голубь, к твоему орленку, его не тешит без голубя подлетать к солнцу, не тешит дивить собою. Люди, да не отталкивайте же моего блаженства! Что вам за дело, меня любит бог, он мне подарил Наташу. Что вам в ней, для вас она ничего, забудьте нас или хоть, боясь его, сочетавшего нас,— не разлучайте.

Прощай.

Четверг, 17 февраля.

Итак, вот оно письмо, которое я ждал, передо мною — ежели б это было смешно, я бы расхохотался, а может, ежели б не было так плачевно и смешно вместе, я бы расплакался. Первая страница наполнена вздором, новостями и пр.; на второй: «Я не отрекаюсь от права моего воздерживать вас от иного, предупреждать в другом и давать вам советы во всем, что должно содействовать к вашему счастию. Вы же, достигнув уже совершенных лет, можете исполнять мои приказания или нет, это в вашей воле, я избавляюсь ответственности». Какой холод. Но grandement merci, mon cher papa, теперь у меня руки развязаны, теперь я тебя торжественно назову МОЕЙ НЕВЕСТОЙ и в первый приезд подарю кольцо. Теперь ясно, что все кончится скоро. Заметь только: пап⟨енька⟩ еще обещает ппсать

больше в субботу. И от тебя, мой ангел, ни строчки, о, это ужасно, теперь-то, теперь-то мне нужен твой голос. Не пошлю этого письма до вторника — может, ты не получила прошлых, после Кетчера. И душно, и мрачно, и пусто, и письма нет. Прощай. Как убить поскорее эти три дня до воскресенья?

Пятница, 18 февраля.

Все та же тоска, я от скуки начал писать новую повесть — «Его превосходительство», написал довольно и, кажется, хорошо. Сюжет самый отвратительный, возмущающий все чувства благородного человека, и таковы будут ее подробности. Главное лицо Калибан-Гиена в «I Maestry». В эту томную неделю и могла явиться такая мысль, тут гуляй моя ирония, клейми людей. А мне страх досадно, что не было от тебя письма вчера, ты меня так избаловала... Ну хоть бы строчку, и притом в таких важных обстоятельствах; когда мы будем *вместе*, тогда я тебе буду драть уши, ежели ты пропустишь ко мне почтовый день. Ты была у нас в субботу, 12-го числа, пишет мам⟨енька⟩, чудный день — я его отметил в календаре, один из важнейших в нашей жизни.— Пойду спать.— Такая скука, что, право, готов бы... ну что сделать — съесть эту сальную свечу, да пользы не будет...

Да ведь и ты, ангел мой, будешь грустить, ежели не получишь письма; итак, пошлю, а в наказание — пустую страницу.

19. Суббота.

Пиши, все ли письма мои получены, я не пропускаю ни дня, ни почты, или не поздно ли их доставляют. Что портрет? и

Целую тебя.

На обороте: Наташе.

152. Н. А. ЗАХАРЬИНОЙ

20—22 февраля 1838 г. Владимир.

Владимир. Февр⟨аля⟩ 20. Поздно.

Невеста, милая невеста, ангел мой! Итак, тебе суждено всегда побеждать меня, всегда быть выше, выше твоего Александра. Ты победила меня твоей надеждой на папеньку, да, признаюсь, я не ждал ответа такого, как получил сегодня. Победа наша, слава в вышних богу и любовь на земли! Он недоволен мною и моим письмом; но со всем тем ни тени препятствия, он не дает прямого благословения — но еще дальше от

запрещенья. Немного холодно, это правда, но и того довольно: «ни вредить, ни мешать тебе не буду... даю тебе волю не токмо в настоящем и *конченном* деле, но и во всех будущих». Но с княгиней он переговоров вести решительно не хочет, а ее позволение считает необходимым. «Ты, будучи здесь, должен сам снискивать ее дозволение» ...«я желаю с тобою увидеться и благословить тебя на всю твою жизнь и на все твои действия». Ангел! Какой огромный шаг мы сделали, ясно, что пап⟨енька⟩ не против. Довольно, довольно на первый раз. Ну, теперь я скажу, что он найдет во мне сына, я не отстану, и вот моя мечта скорого соединения жертвуется любви сыновней. Но условие — обручение, впрочем, теперь труда нет большого и полное согласие получить; но надобно же и ему сделать уступку. Наташа, Наташа — смели ли мы даже мечтать об этом 6 месяцев назад, вот Вятка и Владимир, вот 1837 и 1838 годы. Я горячо благодарил пап⟨еньку⟩ за его письмо и между прочим: «О как сладко на старости взглянуть на полное блаженство сына и опереться на руку дочери, и какой дочери,— посмотрите на нее, посмотрите как на дочь, и, я уверен, вы прижмете ее к своему сердцу. Бог вас благословляет ангелом, как же вам не благословить меня!»— Я просил его тебе особенно поклониться, ежели он выполнит, предоставляю тебе, как поступить, я думал бы в эту минуту прямо назвать его отцом, на удивление ее сиятельству. Итак, все хорошо, дивно... тучи рассеиваются, маленькие клочья голубого неба проясниваются там-сям. Теперь, как получу увольнение, явлюсь в Москву, приеду ночью, дам тебе знать утром в 5 часов, а в половине седьмого — пилигрим усталый, измученный преклонит колена перед своим ангелом-искупителем и услышит слово любви. Ну, к твоему письму или, лучше, письмам, мой друг!

Начинается с самого важнейшего, а именно: делай что хочешь, а уж чулков вязать ни под каким видом, у нас с Ог⟨аревым⟩ какая-то антипатия против вязанья. Извольте видеть, Cara Sposa[1], мы имеем свои капризы à la Марья Ст⟨епановна⟩. Для нас чулки — что для нее книга.— Письма до 1837 пришли непременно с первым *верным* человеком.— Теперь о Саше. Я уже сказал, что все сделаю для ее выкупа из плена *египетского;* но что касается до ее свадьбы, je m'en lave les mains[2]. Emilie пребебенок, да и в вас обеих толку ни на волос, с чего вы вообразили, что свидетельство берется в приходской церкви? Но уж корона всему — это то, что Emilie пишет об удобствах бежать во Владимир, потому что ежели будут *догонять*[3],

---

[1] дорогая невеста (итал.); [2] я умываю руки (франц.).— *Ред.*

[3] Вы верно мечтаете о побеге по образу и подобию средних веков: меня — рыцарем, окруженным толпою bravi, а тут погоня, пистолеты,

то почем узнают, куда ты делась, как будто дорога во Владимир секрет. Ах вы дети — но теперь это обделается лучше. В самом деле, стоило мне выступить с моею твердостью, и все поддается — прежде я еще не достоин был. Итак, ангел, наконец ты разглядела свои черты во мне, наконец ты сознала ту огромную перемену, которую ты сделала во мне. Я до такой степени слился с тобою, что очень часто твоими мыслями, твоими выражениями заменяю свои.— В Нижнем в 1835 году смотрел я на Оку и на Волгу; вот желтые волны одной реки, вот синие другой, они сливаются — но это две реки, ярко видна Ока и Волга — несколько шагов вперед, и нет ни Оки, ни Волги, одна широкая река несется в бесконечное море. Деньги на портрет пришлю. Да что это за чудеса, все мечты до одной начинают исполняться, только, бога ради, портрет, ты знаешь, что такое иметь черты милые. Ежели решительно не дозволят, я обращусь к пап⟨еньке⟩, даже записки буду посылать через него. Полина, Полина, плачь от радости, ты много раз плакала над страданьями Александра, слезу радости ему. Но они счастливы и не пишут ко мне. Да, в страданиях, тут-то человек понимает, что такое друг, тут-то он ищет голову, пьяную от ударов, преклонить к груди, исполненной участьем. Мы и в счастье не будем таковы, о нет! Из Петербурга еще нет ответа, ежели отказ — до Загорья. Впрочем, я могу повидаться с тобою гораздо скорее, *ежели ты совершенно убеждена в верности ваших людей*, тогда от тебя зависит назначить день,— хоть 25 марта. Как? Напишу подробно к Ег⟨ору⟩ Ив⟨ановичу⟩. Ну прощай, мой ангел, волнуется душа и что-то не устоялась и настолько, чтоб писать. Повесть новая идет на лад; вот в чем дело: муж мерзавец и жена ангел, муж под судом и дает жену во взятку губернатору. Жена в отчаянии, чахотка, смерть. Муж пьян, и в день похорон губ⟨ернатор⟩ получает владимирскую звезду, у него пир горой. Будет хороша, напишу строгий выговор Кетчеру за то, что не доставил еще тебе ни повесть «Елена», ни отрывок из жизни.— Пиши же к Медведевой.

21 февраля.

Ну вот теперь вопрос, что же тебе делать? Неужели ничего? Совсем нет. По письму от пап⟨еньки⟩ я вижу, что он скоро привыкнет к мысли о *конченном* деле, как он выразился. Тогда ты должна сказать княгине, а я ей напишу. Опора — папенька (до сих пор не могу от удивления прийти в себя, о милая,

---

кинжалы — нет, в наш XIX век все это делается просто, и наверное никто ногами не догоняет, а *бумагами*, что, не знаю, выгоднее ли в моем положении.

милая Наташа!). Я буду ей писать, что с его стороны препятствия нет. Ежели за этим будут следовать вздорные неприятности — перенести; ежели же будут обиды и оскорбления, которые, ты знаешь, я не могу и *не хочу* переносить, то объяви прямо, что ты оставляешь дом, и тотчас обратись с письмом к пап⟨еньке⟩. В этом письме со всевозможной деликатностью о княгине скажи, в чем дело, и просись переехать к нам; но не забудь сказать, что в случае отказа ты все-таки переедешь. Отказ и будет — тогда к сестре Emilie.— Ежели же скажут, чтоб ты ехала в Петербург, откажись прямо и решительно. Но теперь надобно погодить до тех пор, пока будет готов портрет, а отославши его, хоть на другой день. Вот тебе моя инструкция — обстоятельства сами покажут, что еще нужно и что нет. Я писал об обрученье — это весьма важно, тогда весь приз над нами пропал. Ну, довольно об внешнем.

Удивительно, еще раз повторю, как я шагнул после Вятки, с нею я отрес большую часть земли, нет мысли, поступка, в которых бы я мог себя упрекнуть с тех пор, как здесь. Хотя ты и говоришь, но в тебе я не вижу перемены в последнее время. Выше нельзя стать, как ты стала в 1837 году, когда с одной стороны отнялись все надежды, а с другой история сватовства черной тучей выходила, выше, ей-богу, человек на земле не может быть. Каждая строка, тогда писанная тобою, свята, как слово евангелия. И знаешь ли, твоя мысль прелестна насчет моего падения; ты писала раз: «Может, провидение хотело смирить тебя». Да, резкий и даже жесткий иногда по характеру, много раз я начинал осуждать, и вдруг речь моя останавливалась, подкошенная воспоминанием, и я прощал брату падшему и делил его раскаянье, а не камень бросал в него. Полна была моя исповедь Кетчеру, он обвинил меня, и я, склонивши голову, слушал его обвинения и не токмо не оправдывался, но обвинял себя еще более. Были ли эти чувства во мне прежде, не ты ли, благодатный ангел, внесла истинного бога в мою душу. Наташа, радуйся: я, созданный богом, мог пасть, я, созданный дружбой, мог пасть, я, созданный тобою, стал твердо. Низко я не паду, это верно, я не унижу ту грудь, которая умела возвыситься до любви к тебе, до любви к богу через тебя. Наташа — гордый, самолюбивый, я всему хотел прикладывать крупную печать моего влияния, таков я был в дружбе. Друзья меня баловали, я ничему не покорялся. И бог хотел склонить мою гордость и дивной, не силою мира, не силою власти, а девой святой и чистой. Чем более раскрывал я душу любви, тем смиреннее она становилась; не разлука была причиною, что я с такой любовью встретил Кетчера, нет, моя душа не есть храм эгоизму, а храм любви всему: вселенной, людям, тебе, тебе.

Ты отдалась мне, я принял твой дар, я дерзнул поправлять тебя (1834), я, стало быть, считал себя выше. И что же — ты осталась то, что была, я переплавлен тобою в другую форму и я не жалею о самобытности. Но, Наташа, верь же мне, что это могла сделать *только ты*, никто в мире, кроме тебя. Не думай, что тут тень увлеченья, положим, и в тебе есть недостатки (хотя я не знаю ни одной пылинки) — религиозность твоей любви — вот что имело такое влияние, это любовь, переплетенная молитвой,— поглощая любовь, я вместе поглощал молитву и делался христианином. Благодарю тебя, Наташа, ты исполнила призвание ангела — и вовремя было 9 апреля: ежели б мы не поняли друг друга, о, быть может, душа, обреченная теперь блаженству, сгибла бы совсем. И дивная вещь, нет ни одной мелочи, в которой бы ты не поступала, не думала, не чувствовала совершенно так, как бы я хотел, чтоб ты чувствовала, думала — все требования до одного исполнены, да еще, сверх их, море блаженства. Даже в ребячествах, которые прорываются у тебя, везде та душа, которую я искал. Твоя забота о Саше — это совершенно мне родное чувство, и что ты в первую минуту надежды вспомнила ее, было бы, может, обидно какому-нибудь *порядочному* человеку, а я с восторгом смотрел на эту благодарность. Твое пренебрежение ко всему будничному (как ты выражаешься) — совершенно мое, я скорее перенесу бог знает какую нужду, нежели *заботиться*, и ты, ежели б теперь много занималась этим, теряла бы свою святость. Ну можно ли себе представить св. Иоанна заказывающего сапоги? Да, впрочем, вот вопрос, которого еще не было. Знаешь ли ты, что я очень люблю в девушке и женщине охоту наряжаться (разумеется, чтоб это было не главное), в нарядах есть своя поэзия, ими пренебрегать не надобно, как и наружной красотой,— из любви к изящному ими пренебрегать не надобно. Скажи твое мненье и прощай, невеста (мне нравится это название, зато слово жених безобразно). Хоть ты и называешь это ребячеством, однако еще и еще умоляю беречь здоровье; не знаю почему, я не вполне верю, что тебе легко с рук сходят неприятности в физическом отношении. Благословение бога и любовь Александра над тобою.

Все ли письмы получены, я не пропускал ни одного дня, кажется.

А л е к с а н д р.

22-го, вторник.

От Витберга имею много писем. Я в самом неприятном положении относительно его: дружба заставляет меня обличить ему все гадости, которые делает брат его жены, и не могу

молчать, потому что он расточает последний кусок хлеба. А между тем его это огорчает. Прощай, моя милая, прелестная подруга. Портрет, портрет и письмо к Мед⟨ведевой⟩.

Твой А л е к с а н д р.

Хотя я и отдавал справедливость своим талантам, но смел ли я про что-нибудь сказать: вот великое сделанное мною? Конечно нет. А про любовь твою я смело говорю — и пусть никто не поймет, не оценит ее,— я сознаю, что наша любовь велика. Сестра!

153. Н. Х. КЕТЧЕРУ

22—28 февраля 1838 г. Владимир.

Барон Упсальский, г. шафер etc., etc., etc.

Давши тебе слово поступать решительно, я так и поступил — и, как всегда, победа со стороны твердости,— я написал письмо сильное, огненное, везде был виден сын, молящий отца, и везде из-за сына проглядывал человек с железной волею, т. е. в том роде, как Никон подписывал: «*Смиренный* Никон патриарх». И папенька поступил превосходно на первый случай. Он пишет, что дело конченное и что он уже голосу не имеет — а предоставляет мне самому оканчивать, только просит не торопиться; я считал бы непростительным настаивать больше, поблагодарил summa cum pietate[1]— и буду теперь стараться мирными средствами окончить. Впрочем, я сказал, что только на одном условии откладываю — обрученье. Представь себе — даже ни брани, ни сердца, ни острот[2]. Я два дня удивлялся.

Посылаю одного «Германского путешественника» и маленькую фантазию, служащую введением во вторую часть «Wahrheit und Dichtung». Я столько уверен в доброте Екатерины Гавриловны, что не побоялся отказа, посылая ей эту статейку — в знак многого, ну многого. Контракт не исполнил, так, как и ты; ты обещался доставить список из моей книги и отрывок из повести Наташе и не доставил. У вас в Сокольниках поведенция такая. А не исполнил по нижеследующим причинам: 1) Ожидая от папеньки ответа, я вовсе не думал о статейках. Я было взялся за «Вятские письма», да так показались мне плоски, что я чуть их не сжег. 2) Я написал новую повесть «Его превосходительство» и наверное не хуже, нежели «Там», только надобно поправить. 3) Статью об архит⟨ектуре⟩ кон-

[1] с величайшей почтительностью (лат.).— *Ред.*

[2] *Позднейшая (28? февраля) приписка Герцена:* Меня хотят провести, поступают ужасно; на всякий случай имей в виду священника и все, что надо.— Сим и заключаю, да, равно, нет надежды кончить добрым порядком.

чил, но не переписана по случаю грудной боли писца. 4) Потому что я думал больше о новой повести (еще)[1] «Граница ада с раем».

Мы много глупого оставили в отрывке; ежели он у тебя, поправь, во-первых, заглавие, поставь вместо «Там» — «Елена», «Там» относится к Анатолю. Потом вымарай «Через десять лет». Это вовсе не нужно. А отослать тетрадь о моей жизни вовсе нужно Наташе.— Ты ей отвез мое письмо, в котором была твоя приписка; она, уведомляя, что ты приехал, написала *сюда* ответ, я нахожу, что это весьма догадливо, писать во Владимир с Поварской можно, ибо на то есть почта, а писать с Поварской на тот свет, в Лукоморье и в Сокольники, нет возможности, даже не все верят, что есть тот свет, Сокольники и Лукоморье (кроме Нестора). А пишет она: «Вот вам, Кетчер (следовало бы сказать «Николай Христофорович», я уж ей это заметил, ибо неучтиво звать по фамилье, эта честь только принадлежит некоторым великим людям и всем собакам), рука дружбы, слеза благодарности и восторга — довольно, довольно,— кроме его, никто не дерзнет требовать больше. Ежели вы избраны им, вы избраны богом, благословлены мною. Но мы не *новые* друзья, мы не видали только *друг друга в толпе*, не успели заговорить — итак, до свиданья!». Все это, как ты помнишь, писано мельче французских стереотипных изданий.

Часть книг г-жи Левашовой отправляю. «Les affaires de Rome» очень интересно; «Mémoires» de Lafayette интересны тоже, нового мало, Лафайет слишком *честный* человек, чтоб быть великим. Он откровенно признается, что хотел (III том, статья «Démocratie royal») республиканскую монархию, все делал сам и удивился республике. Ему после 10 августа 1792 нельзя было оставаться на первом плане. Но изящен он в переписке с Вашингтоном. Это не Гёте и M-me Stael, а два человека с одной симпатией. «Mémoires de Lucien Bonap⟨art⟩» скучны, а уж те и читать нельзя, какого-то шута при Карле X. Aimé Martin что-то очень похож на Вадима Пассека, тоже что-то ближе к хаосу в голове, нежели к отчетливой мысли. Благодари К⟨атерину⟩ Г⟨авриловну⟩ и попроси ее прислать года за два — за три лучших романов,— смерть моя романы. Лягу с утра на диване и до вечера читаю; лучшее средство, чтоб я ничего не делал — давать романы. Пришли по почте, ежели не запрещенные, а то уложи, запечатай и отошли Егору Иванов⟨ичу⟩. Прочти «Les affaires de Rome». Ах, черт его возьми, этого Lamennais,

[1] Говорят, Нил способствовал плодородию женщин; но я начинаю думать, что Клязьма способствует литер*ацкому* плодородию,— впрочем, все статьи у меня родятся per abortum — естественный недостаток.

да его хоть сию минуту в Робеспьеры или Сен-Жюсты,— и сколько огня, поэзии, увлеченья. Пожалуйста, попроси книг еще — сам рассуди: во Владимире можно ли не беспрестанно читать.

Огарев не пишет. Чудак. Отослано ли мое письмо? А что Сазонов? Гони его сюда, что за бессовестный.

Я вспомнил, еще *в мое время* Buchez и Le Roux грозились историей революции, не вышла ли? Узнай (впрочем, ты никогда не исполняешь комиссий), — нет ли у кого? Да еще у Сазонова я с 1834 года прошу книг, а он тоже с 1834 года не присылает.

Статья, назначенная Левашовой, лежит в «Германском пут⟨е-шественнике⟩», прочти ее сперва, c'est un rien [1], и, ежели найдешь дурною, *никак не отдавай*. Этого рода статьи в прозе кажутся натянутыми, везде, кроме у Ж. П. Рихтера. Но неужели фантазия, сама в себе хорошая, не может существовать без ритма. Почему я посвятил эту статью К⟨атерине⟩ Г⟨авриловне⟩ — в память ее отзыва об нас, в память ее чувств при чтении письма от Ог⟨арева⟩,— право, не нужно видеться, чтоб знать. Ну, addio.

А. Герцен.

Прошу в силу контракта доставить gratis подписку на «Сына отечества», а без этого не пришлю статей, понеже считаю сию присылку оного журнала знаком аттенции.

А Сазонову все-таки кланяюсь, несмотря на то что ты не доставил повесть Наташе.

154. А. Л. ВИТБЕРГУ

24 февраля 1838 г. Владимир.

1838. Февраля 24-го.

Письмо ваше, почтеннейший Александр Лаврентьевич, от 15-го получил, и вот ответ — сперва об вас, потом о себе. — Оборони меня бог, чтоб я вам писал об брате А⟨вдотьи⟩В⟨икторовны⟩ для того, чтоб обвинять его,— мне ли бросать камень в кого-либо? Цель моя не та была. Имея верные сведения через гг. Штрауха и Ключарева о его действиях, я вспомнил не столько вас, сколько ваше семейство.— Верьте мне или нет, но я божусь вам, что я *со слезами* прочел и услышал подробности о гибели и растрате всего движимого имущества, довольно вам сказать, за что бы вы ни хватились — ничего нет. А между тем невольно слово негодования вырвалось против человека, который так дурно ответил на благородную доверенность вашу.

[1] это пустяк (франц.).— *Ред.*

Что же касается до поступков его против вашей сестрицы — то спросите Ключарева, и у вас навернется слеза от негодованья. Я пал глубоко низко — но не жестоким, не расточителем имения несчастных детей сделался я.

Я вам пишу как сын, как близкий родственник, смело говорю вам: на меня считайте. Благодарю вас за письмо и возвращаю его (*но с тем вместе решительно прошу вас с моего письма списка не посылать, я говорю с вами*). Я прочел это письмо, Александр Лаврентьевич! Ваша душа, храм одной мысли, чистая и высокая, очень доверчива, я мало верю словам (может, потому, что сам бросаю их направо и налево). Теперь обращаюсь к себе, и вот вам полная исповедь, судите сами.

Половина тягостного положения, в котором я писал к Эрну, снята. «Le grand secret de la révolution,— говаривал знаток в этих делах Saint-Just,— c'est d'oser». Eh bien, j'ai osé, j'ai écrit a mon père une lettre feu et flamme, on y voyait le fils prosterné devant son père et l'homme résolu. La lettre était vraiment belle, mais âcre en divers points, les vexations qu'elle souffre étaient la cause de ces âcretés[1]. Ну, слушайте же: получаю ответ, как обыкновенно, без удивления, довольно холодный, потом другое письмо, в нем прямо и ясно сказано: «Однажды и навсегда благословляю тебя на жизнь твою и, следственно, на *разные* предприятия. Но так как ты придумал сам — то сам и делай как хочешь, я уверяю в одном — что мешать не стану!!» — «Capisco, Capisco!» — как говорят итальянцы. — Capisco, caro Padre![2] «Мешать не стану» значит в переводе: «Я знаю, что ты не можешь обойтиться без моей помощи».— Ну, признаюсь, у меня все было готово в случае отказа, двадцать человек просили быть помощниками; но это полудозволение все остановило, и я хочу попробовать тихо кончить, и, ежели можно, нынешним летом. Да, непременно нынешним летом, ибо вы не можете себе представить, что делает княгиня. Я готов отложить — но требую формального обрученья. Вот и все. Перестрадал я в это время ужасно много, несколько раз, бледный и отчаянный, обращал я взор к нему и молился. Теперь лучше, и я спокойнее жду, как судьба развяжет узел, завязанный рукою бога!

Вот вам довольно страшный случай: в Москве простой народ говорил: «Горе работникам, которые коснутся до Алексеевского монастыря»— и что же? В первый день, при огромной толпе, работник, снимая крест, сорвался и расшибся вдребезги!

---

[1] «Великий секрет революции... это — дерзать». Так вот, я дерзнул, я написал своему отцу письмо, горячее, неистовое, в нем выступал и сын, поверженный к стопам отца, и решительный человек. Письмо было поистине великолепно, но местами вышло язвительным и причину этой язвительности следует искать в получаемых оскорблениях (франц.).— *Ред.*

[2] Понимаю, понимаю, дорогой отец! (итал.).— *Ред.*

Вы угадали, Жуковский вымарал пять последних строк в «I Maestri».

Ich freute mich sehr, daß Sie an m-me M⟨edvedeff⟩ sagten, nur schade, daß Sie nicht schreiben wie Sie diese Neuigkeit annahm. Mit der künftigen Post wird sie einen Brief von Natalie bekommen, es heißt von meiner *Braut*, jetzt kann ich es sagen.[1]—

Напрасно, почтеннейший Александр Лаврентьевич, вы воображаете, что я дурно понимаю Авдотью Викторовну, о нет; но слабости может иметь всякий и особенно к людям, близким и по сердцу и по крови. Дружеский поклон ей, Прасковье Петровне и Вере Александровне. Веру Александровну я решительно считаю меньшей сестрою — уже и по тому сыновнему почтению и любви, с которой

остаюсь весь ваш А. Герцен.

Вчера обедал я у проезжавшего здесь сенатора Озерова, я завел речь об вас pour épier und manches möchte ich schreiben, er hat eine wichtige Stelle bei der neuen Commission[2].

Вина не пью, сижу все еще без выхода дома, пишу новую повесть,и,кажется, удачно заглавие—«Его превосходительство».

155. Н. А. ЗАХАРЬИНОЙ

24—26 февраля 1838 г. Владимир.

24 февраля 1838. Владимир.

Друг милый! получил твои письма от 22 — святая, чистая подруга, благодарю тебя, дай же руку, я ее прижму к груди крепко, крепко... Теперь ты знаешь настоящий ответ, со стороны пап⟨еньки⟩ решительно бояться нечего. Пора открыть глаза княгине. И вот случай, ежели вы никак не сладите с портретом, я буду писать — однако воля ваша, я не понимаю, как вы не умели сделать этого, постарайся еще, портрет — это одно из моих любимых мечтаний. Я погожу писать — но ежели решительно нельзя, потребую его. Наташа, теперь надобно признаться — нас (и особенно меня) много пугали чудовищные образы, которые на деле не существуют, за наказанье мне явились они в душу — и как терзали.

Письмо твое прелестно к Мед⟨ведевой⟩, но два замечанья я скажу. Об ней ты не говоришь ни слова, а подчеркнувши

[1] Я весьма рад был тому, что вы сказали m-me M⟨едведевой⟩; жаль только, что вы не пишете, как она приняла эту новость. С будущей почтой она получит письмо от Наташи, т. е. моей *невесты*, — теперь я могу это сказать (нем.); [2] чтобы разведать, и кое-что я хотел бы написать: он занимает важный пост в новой комиссии (франц. и нем.).— *Ред.*

слово «*я вас знаю*», ты показала, что знаешь ее страдания, мне кажется, следовало бы что-нибудь сказать. Второе — ты чрезвычайно ярко перед ее глазами поставила картину нашего счастья, любовь самая не может так подавить, как именно счастье. Впрочем, это мне так пришло в голову, и я в первом письме пошлю к ней,— благодарю, душа моя, что исполнила эту просьбу.

Ты слишком предаешься надеждам, почему ты говоришь «7 недель», да разве мне есть дозволение ехать? А как откажут? На что мне верный человек, я напишу с Ег⟨ором⟩ Ив⟨ановичем⟩. У нас с папенькой лад, не знаю, что будет далее, я действую неусыпно. Не могу, не могу долее жить без тебя, мечта, как я уж писал, скорого соединения поглотила всё. И вот я бросаю взор, полный ненависти, на эту цепь, которая приковала меня здесь, зубами ты бы ее перегрыз. Ах, что ни говори, а жестокое дело разлука, забудешь, забудешь — а все-таки голова ищет груди родной и уста жаждут святого поцелуя. Наташа, очень грустно, очень.

25 февраля. Пятница.

Ты совсем отвергаешь богатство — это несправедливо. У меня нет корыстолюбия, нет привязанности к роскоши, я богатством готов жертвовать другу, обстоятельству; но не отвергаю его. Тебе не знакома жизнь, богатство — это свобода. Свобода, во-первых, делать что хочешь, жить как хочешь, свобода не заниматься *хозяйством*, а хозяйство пятнает салом. У меня был перед глазами ужасный пример — Витберг. Он, твердо переносивший удары жестокие, не может перенести гнетущей бедности. Другой пример — Мед⟨ведева⟩, и ей надобно в этом отношении отдать полную справедливость: она вовсе не думает о том, что ей нечего есть, и это придает ей особую поэзию. Впрочем, теперь нам можно перестать готовиться на материальные беды — их не будет, я уверен. Впрочем, это мой департамент, твой — одна поэзия, одна религия и любовь. — Я уже писал, что от Полины и Скворцова ни строки, мне больно это, дружба имеет свои права, и она щекотлива. Я писал им два раза — теперь не напишу долго, очень долго, может, до нашей свадьбы. А моя симпатия была сильна, моя душа была им раскрыта больше, нежели всем осыпающим меня дружбою из Вятки. Они меня *любили*. Я им был необходим. Я их ужасно выдвинул вперед, я их обрек на высшую жизнь, я отпечатал на них свою душу — и у них нет необходимости перекликнуться со мною. И мы говорили часто: пусть *тогда* люди забудут нас; но друзья останутся друзьями. И Матвей и Саша имеют место в душе, тем паче те родные по душе. Но погожу еще их винить, погожу ставить на одну доску с Вадимом и Тат⟨ьяной⟩ П⟨етровной⟩ — знаешь ли, что кто однажды потеряет в моем мне-

нии, тот уж ничем в свете не поправит *никогда*.— А Вадим — *единственная* ошибка в моей жизни, иногда даже мне кажется, что я в нем не ошибся, а он совершенно сделался другой человек. Сатина, напр⟨имер⟩, я никогда не любил (он меня — всегда и теперь), но его одна вина — слабость характера — больше его упрекать грешно, в нем много благородного и хорошего. И так, думая об этом, часто приходит мне в голову — наше trio одно чисто, светло, без пятна: *Огарев*, *ты и я*. От души люблю многих, *но*... а там в нашем trio нет *но*. Напр⟨имер⟩, Кетчер— люблю его, он чист и благороден до невозможности, он пойдет в петлю за меня, но кого он любит — твоего Александра или Александра, который сильной мыслью опередил многих, который с малых лет пренебрег для науки и идеи всем, который страдал за них и страдает? Кетчер так был исполнен любви к тому Александру, что твой Александр, не желая огорчить его, не смел сказать нашу мысль полного пренебрежения славы, полного погружения в море любви. Хотя они на словах и ставят чувство выше мысли, но на деле не то. С другой стороны, возьми Витберга — нельзя родного сына больше любить, как он меня, но — муж второй жены, муж пустой женщины, на которой женился в силу ее красоты,— может ли понять *все* нашей любви?— Ты пишешь о моих письмах — да ведь они только для *тебя* хороши, потому именно, что душа наша одна. Невеста может сердиться, что нет похвал ее глазам, улыбке, устам, белизне, косе etc., etc., так точно как Наташа могла бы сердиться, ежели б это было. Странный пример пришел мне в голову. В колоссальную эпопею Французской революции были два человека, оба пламенные, оба представители партии и оба ненавидевшие друг друга — Лафайет и Барнав. Но душе Лафайета казалось *довольно* ограничить короля, и, ограничив его, он был счастлив. Но душе пламенной Барнава не было границ, и он требовал республики. Язык Лафайета казался ему сух, недостаточен, беден, так точно, наоборот, тому язык Барнава казался сумасшествием.— Вот история наших писем и всех других. А между тем они оба правы *как они*.— Будь уверена, Наташа, что еще ни один человек не объяснял любви кровавым примером Барнава,— это совершенно ново, и я могу требовать привилегию. Прощай, милый, милый друг. Я сегодня видел во сне — кого — ты думаешь тебя,— вовсе не тебя, а Витбергову дочь, будь учтивее и увидь меня. Ангел!

26. Суббота.

Знаешь ли, что меня весьма занимает, гораздо больше, нежели *все будущие* хозяйственные распоряжения? Я хочу тебе составить отчетливый, полный план чтения и занятий — это раз, и другое — особую библиотеку для тебя. Я много думал

об этом и между прочим придумал: главное занятие — чтение, но чего? Здесь первое место поэзии (религия с ней неразрывна), потом история,— история — это поэма, сочиняемая богом, это его эпопея, потом романы — и больше ничего. Пуще всего не науки. Бог с ними, все они сбиваются на анатомию и режут труп природы, науки холодны, и худо идут к идеальной жизни, которую я хочу тебе. Но тут не все сказано: какие поэты, какие романы? Не воображай, чтоб от всей массы мыслей и чувств осталось в тебе что-либо измененное, нет, тогда я вырвал бы книгу из твоих рук, в тебе ничего не изменится, и не должно. Но ты найдешь свою мысль, свое чувство раздробленное, рассеянное, и книга сделает для тебя опыт, то, что жизнь сделала со мною.— По-немецки при небольшой практике выучишься, об этом и не думай, по-итальянски также — это вздор, только для ленивой толпы кажется неприступным. Как я выучился в Крут‹ицах› по-итальянски — в два месяца, как выучился в Вятке архитектуре — в два месяца. Но все это и самое чтение подчиняю я моей живой речи, да я призван к тому, чтоб заплатить тебе долг, ты показала мне небо, показала бога, рай и себя. Я покажу тебе землю, человека, ангела падшего. За лазурь неба заплачу лазурью океана. О, как хороша наша жизнь будет — лишь бы скорее, скорее. Для нас все будет поэма — и мы, и Природа, и Шиллер, и обедня, и зимний вечер в холодной комнате, и летняя ночь, душная, как грозное предчувствие. О боже, какова же молитва выльется тогда из этой одной души!— Довольно. Еще прощай. *Портрет непременно* или я напишу, ты очень хорошо было начала с княг‹иней› обращ‹аться›, продолжай читать, несмотря на их дурачества, отвечай смело и, ежели нужно, говори прямо о любви — я благословляю на все.— Теперь, вероятно, знает Лев Ал‹ексеевич›, я писал пап‹еньке›, что это не тайна.

Твой Александр.

156. Н. А. ЗАХАРЬИНОЙ

26 февраля — 1 марта 1838 г. Владимир.

26 февраля 1838. Владимир.

Natalie. Это письмо тебе доставит Егор Иванович, и потому в нем скажу, на что я спрашивал, верны ли люди. Здесь надзора почти нет, 15 часов езды — и я в Москве, Матвеев паспорт на заставе, и через два часа опять в путь. Опасности нет — ежели не захватят в Москве, здесь не может ничего быть, ибо само начальство будет виновато, зачем допустили, они же

и скроют. Итак, в случае отказа из Петер⟨бурга⟩ назначь день *и час*, вели тому из людей, кто всех надежнее, дожидаться, я из трахтира пришлю мальчика,— первый, какой попадется, затем из людей — кого назначишь, часами двумя раньше, и он проводит меня, но главное — чтоб никто не узнал, что нога изгнанника касалась родного города. — Ежели я успею совсем склонить папеньку на нашу сторону, тогда напишу в Петерб⟨ург⟩, чтоб меня отпустили на два месяца *для свадьбы*, и это наверное уважится.

Чем больше я смотрю, тем необъятнее мне кажется шаг вперед, который мы сделали с 12-го; мы еще не могли отдать себе полного отчета во всей важности его. Все, что требовалось сыновнею любовью, сделано; им нет оправданья, а мне голос сильный принадлежит. Итак, вот эти непреоборимые препятствия! Теперь мне надобно блеснуть собою, *очаровать* их, и полная власть в моих руках. Мне очень хочется, чтоб княгиня знала,— ежели это не помешает переписке и портрету. Повторяю: перестань слепо слушаться, читай открыто «Дон-Карлоса»,— что будет, то будет. Тебя будут щадить теперь, боясь меня; что они ни говорят, а чувствуют, что я сильнее. Помнишь ли, как княгиня сердилась за мою приписку к тебе (молиться вместе)— а меня благодарила за нее? Покуда я говорил полусловами, папенька душил меня своими письмами, а когда я сказал прямо — отступил тотчас; положим, что это одна любовь с его стороны; и в этом случае, стало, я поступил как надлежало.

27 февраля. Воскресенье, ночь.

Опять почта, и опять нет письма — скажу откровенно, мне больно, что нет письма. Пусть в другое время неделя ничего, а теперь, когда каждую минуту ждешь многого, страдальчески ждать, ждать почты и не получить письма — это ужасно! Я писал об ответе папеньки 22-го, почта из Москвы 26-го, след., надобно было получить ответ, и ничего; верно, ты писала — так скажи мам⟨еньке⟩, чтоб аккуратнее посылали, ну лишить человека воздуха, которым он дышит... Наташа, я тогда только не страдаю, тогда счастлив, когда твое письмо передо мною, когда же почта без письма, я именно тот, которым ты меня не любишь, тогда ирония над тем, что нет письма, надо всем. Пиши же, друг мой, пиши!

Мед⟨ведева⟩ прислала картинку к «22 октября», превосходная, я пришлю тебе (она тебе и назначена), да тебе и ее велят спрятать, напиши, прислать ли. О, в ней много талантов, жаль, жаль.— А на кого проклятие?— на ее отца: чего думают эти люди, когда они торгуют душою и телом родных детей,— разве он не видал, кому дарит цветок, едва распускающийся,—

ей было 14 лет, когда отдали замуж, и за кого? Бедная, и с тех пор вся ее жизнь — слеза, страдание, и я воткнул нож в эту больную, избитую грудь, избитую тупым орудием, я для разнообразия воткнул черкесский кинжал, так острый, что нечувствительно,— и переломил клинок. Анафема на толпу, на предрассудки, на этих полулюдей, которые в жертву корысти отдают счастье,— но ведь не благословение и тому *выше толпы*, который дорезывает жертву.

И из Петербурга нет ответа... Что же, мало еще я страдал? Мало 9 месяцев тюрьмы и 3 года ссылки, и за что?

Galilée par trois ans de prison
A expié le grand malheur d'avoir trop tôt raison)

Любви, счастья жаждет душа, жаждет той груди, где алтарь ей, где молитва за нее, где мысль об ней, где сердце бьется для нее,— и вместо всего — снисходительное приглашение обедать к губернат⟨ору⟩: «ведь он *из несчастных*, il povero». Ха-ха-ха, il povero богаче вас всех, il povero изведал всю жизнь, ад и рай, он обжегся об пламень одного, он отогрелся лучами второго. Да что же я — для шутки отдан на мученье, уж хоть бы мучили так, чтоб было больно, ну как 20 июля 1834,— это чувствительно, это занимает, а то, как вестфальского гуся, кормят, поят, холят, а нога прибита гвоздем, он имеет право— потолстеть. В Италию, в Италию с тобой, мой ангел, отдохнуть от людей, дать волю фантазии, забыть, что существует канцелярия, кабинет, департамент, поскитаться по горам, понестись по морю. Тихо... тихо, все спит, природа во сне видит минуту просветленья, луна навевает этот сон; море, как вороненая сталь, опоясывает землю, и двое не спят, нет, не двое, а это нераздельное одно Александр — Наталия, они в гондоле, Александр переливает свою беспокойную мысль, в ней слава и любовь, страдание и счастие, воспоминанье светлое и воспоминанье черное, слово об Огареве и слово о ссылке, он переливает ей мысль, заражавшую грудь, и ту, которая ее освящала. А Она переливает свою мысль богу, и в этой молитве и стон Александра, и гимн Александра.— А море плещет, и в этом плеске и стон природы, и гимн природы. Наташа, Наташа, твое сердце бьется... останови его: еще прежде надобно сходить в владимирское губернское правление, а там... фу... Отчего же нет письма?

28-го. Понедельник.

Да, вот с тем же вопросом и проснулся я сегодня: отчего нет письма? Я избалованный ребенок; так меня называли и товарищи в университете, и друзья, и Вятка. Как, чем?— Симпатией. Ты избаловала всех больше — и вот я капризничаю, как

дитя, как женщина, оттого что нет письма, и сам придумываю мрачные объяснения, для того чтоб оправдать свои капризы. — Ежели Егор Иванов⟨ич⟩ достанет первую книжку «Сына отечества», прочти Лавинию и поклонись высокой женщине, которая пишет под именем George Sand, я давно хотел тебе дать ее сочинения, они очень вредны для толпы, т. е. очень полезны для тебя. Как только отпечатается прекрасный перевод «Фауста» (Губера) — пришлю. Сперва прочти — и отдохни, займись вздором, ну поговори с Татьяной Ивановной, и когда пройдет, прочти еще раз. Там-то ты увидишь *страдание от мысли*, ты его не знаешь; о, и я был влюблен в науку, и я отдался бы Мефистофелю — ежели б не ты. Вот тебе первая статья — «Мысль и откровение» — пожалуй, читай ее вслух, в ней ровно ни строки не поймут *они*. Кетчеру выговор написал.

Через полчаса!

Смейся, ангел, смейся, я сам хохочу от всей души. Ну уж истинно я баловень в форме. Письмо твое от 25 было у другого почтальона, и вот оно. Друг мой, душа моя — я ожил, ну смейся же, и ты меня зовешь баловнем; в самом деле победная головушка. А между тем предчувствие было верно, тоска была верная — черная туча поднялась на нашем небе. Господь, развей ее своим дуновеньем; путь наш, Наташа, труден, но, однажды соединенные, однажды слитые, мы победим, и ежели умрем на полдороге — все же победим, только победу будем праздновать не на Арбате, а в лоне божием. Слушай:

Папенька поступил со мною не откровенно, он хотел вывернуться своим ответом и, получив мое второе письмо — такое письмо, которое, ей-богу, должно заставить отца пролить слезу восторга,— он переменил язык, холоден, презрителен язык, которым он заменил. Это очень дурно. Это хуже резкого отказа,— и вот все то, что я боялся, как огня: упреки в неблагодарности и то гнетущее, ужасное, как проклятие, слово: «Ты убиваешь меня». Он пишет мало, но говорит много, он хочет *просить* меня при возвращении. Но, Наташа, жеребий брошен, здесь присягаю я тобою и твоей любовью, присягаю пред богом, что назад не подамся,— кончено, присяга совершена, *анафема на неисполнителя клятвы!* Теперь своими словами я отрезал все пути. Одно, что я могу пожертвовать *за благодеяния* — отсрочку, и то ограниченную, и то это значит мясом, кровью, клочками сердца платить. Он оставляет мне волю, говорит, что не сделает ни малейшего препятствия,— но после того не хочет ни даже встречаться с тобою и со мною. Это значит смеяться надо мною. Да и что же я делаю против него, что страшит: родство?— да когда они так пламенно исполняли закон Номоканона, и об родстве же упомянул вскользь.

А совет искать согласия княгини — это что же, уж не насмешка ли? *Дай бог, чтоб это была не насмешка.* В меня безнаказанно нельзя бросать насмешкой. Попробую последнее средство, скажу, что я жертвую тобою на несколько лет, но зато все эти годы *не служу*, ты не поймешь сразу, какое это сделает действие, у пап⟨еньки⟩ рой гордых мыслей основан на моих талантах, но *мои* таланты — *мои*. Разрыв — тут много ужасного, безнравственного, один грубый отказ мог бы сделать законным его, но скорей разрыв, нежели уступка. Я все уступаю, поставил одно условие — обрученье, его надобно мне уступить. Позором, бранью покроет толпа, поклонимся глупым братьям и примем их брань. Будь и ты *тверда и неумолима*, как твой Александр. Само собою разумеется, что теперь вред, а не польза, ежели сказать княгине. Прощай. Не думай, чтоб меня не разило все это, хотя горько, больно признаться, но я знал, с кем имею дело. Все, что требовалось от сына,— *сделано!*

Ночью.

Душно — все это вместе навевает землю на нашу райскую любовь; что это, в самом деле, мои письма становятся не похожими на ту безотчетную песнь любви, полную горя и блаженства. Еще раз откровенно дадим друг другу руку и пойдем страдать; мы все могли предвидеть, а, как дети, предаемся мечтам. «Твое страдание — искупление мне».

Наташа! Что же портрет? Слушай, нельзя ли это сделать секретно, утром рано, во время сна ее сият⟨ельства⟩? Милый друг, постарайся потешить баловня. Ведь в два, три утра можно сделать. Я хоть на мертвой бумаге остановлю свой взор, пламенно поцелую ее, оботру ею слезу, приложу к горячему челу, и мне покажется, что живой, мягкий локон касается моего лица. О!.. Егор Иванович едет — это хорошо, после всех посещений, после всех вестей, после писем мне надобно одиночество. В одиночестве лучше я. Ни одного холодного слова об Ег⟨оре⟩ Ив⟨ановиче⟩, несчастие имеет огромное право для меня. Это человек, убитый при первом чувстве. Его жизнь ужасна — она вконец испортила и характер. Привет несчастью, привет. Ты говоришь, что тогда я буду всем чужой, кроме друзей. Дитя, а теперь?— «Ты не похож на себя». Нет, Наташа, мое судорожное ожидание — не слабость, я доказал свою твердость и правительству, и людям, тут другое чувство; ежели бы ты играла в карты, то я сравнил бы это чувство с отчаянным Va banque! Все на карте. Банкомет бросает и бледен, понтёр ждет и бледен, карты еще нет, и между той картой и первой целая жизнь, исполненная страданий и надежд,— у меня вышло pliez, т. е. ни выигрыш, ни проигрыш, это всегда досада обоим. Почему на меня все это сильнее действует? Ты забываешь

мой огненный, порывистый нрав и еще ту гордость, которая *не может* вынести препятствий. В твоем созерцательном нраве нет этих жгучих страстей. Прощай, мой ангел, прощай. Или уж свиданье оставить до Загорья? Там где-нибудь в лачуге я проживу несколько дней. Извольте приказывать, Наталья Александро⟨вна⟩.

Зачем ты написала в письме стихи Козлова «не дождалась и умерла»— зачем? Давеча я их вскользь заметил, а теперь они меня толкнули в черное море грусти.

Когда я ворочусь, при них говорить *ты?* Еще и еще благословенье бога над тобой, ангел.

1 марта.

1 марта.

Картину Мед⟨ведевой⟩ посылаю, мысль ее она взяла из виньетки одной английской поэмы. Она не совсем так, но очень хороша, превосходна. Да и в самом деле — для того чтоб поднять меня, ты сама опираешься на ад... Береги ее, она принадлежит к тем вещам, которые надобно взять с собою и как воспоминание, и как упрек себе.

157. Н. Х. КЕТЧЕРУ

1 марта 1838 г. Владимир.

1 марта.

Несмотря на все мои бравады, я в полной мере *ценю*, что такое ссылка. Еще можно предпочесть те страдания, которые жгут и режут, а это немое, глупое состояние отвратительно. Душа полная рвется, рвется к ней, к морю, к природе и поэзии — а тут канцелярия гражданского губернатора, да это хуже Мефистофеля в «Фаусте». Да — она и природа, мне надобно отдохнуть, а то от битья душа скоро превратится в сливочное масло, и притом горькое.—Воля, воля! Я бы поклон в пояс вам всем и с нею бежал бы туда, где океан, скалы и нет людей или ежели есть, то разбойники и контрабандисты, люди без маскарадного платья, как есть, с ножом и обманом. Да где же это море — мне все равно, хоть в Тамбовской губернии. Лишь бы я мог вот все это, что давит — угрызения совести и счастье, Огарева и ссылку,— все сплавить в одну поэму, а природа была бы суфлером и декорацией, она подсказала бы молнией, ласточкой, волной, чего не выскажешь словом, и эту поэму передать ей, оттого что она понимает любовью, а не понятливостью, для того что она сделает из этого молитву, кроткий свет луны из зарева горящей избы... А каленый воз-

дух чуть дышит, дохнет и принесет ее локон и запах оранжей, перестал дышать — и природа спит. Спит, а что она, видит ли что-нибудь во сне? Собака видит же, что гоняется за зайцем, и дергает ногами, ну а этот огромный зверь, земной шар, который, как белка, кружится в зверинце из эфира, будто ничего не видит во сне,— вдруг видит минуту просветленья, окончены страданья, светло — проснется, а град бьет ее в рожу, а судорога сводит тело землетрясеньем. Хорошо, что изобрели реки: есть куда природе плакать после такого пробужденья. Я ужасно сердит теперь и оттого написал такую гиль, а ты будешь хохотать, хохотать над тем, что я бешусь. Говорят, хина производит лихорадку и унимает лихорадку.

Нет, все, что я писал, глупо. Сожгу все, кроме статьи архитектурной,— а она, может, всех глупее, да в ней есть хоть указанье на мысль широкую. Надо перестать острить: «Шутить и все шутить, как вас на это станет».— Есть мысль хорошая для новой повести, а как примешься писать — выйдет черт знает что. Пунш — в котором и чай и ром испорчены друг другом: ром не пьянит, а чай воняет, как человек с похмелья. Ну вот где талант, там совсем не то, m-me Dudevant, напр⟨имер⟩; ее люблю от души, я съездил бы ей поклониться и *ее* заставил бы поклониться высокой женщине, лишь бы она не курила pachitos при мне, все права отдаю женщине, но женщина с трубкой — гермафродит. Попроси у Левашовой романов Dudevant, да и по почте можно послать, здесь не распечатывают, а в Москве твое дело — а досадно, что ты не исполнишь по обыкновению; не знаю, как попал теперь на m-me Dudevant, а смерть захотелось, она женщина-Робеспьер, нет, Робеспьер был трус, он слынял 10 августа, ну, женщина-St.-Juste.

Мое вам почитание, Николай Христофорович, свидетельствуйте *ваше почтение* тетеньке, братцу, а я, по отпуске сего прошедшего письма, пребываю в приятном воспоминании к вам, всегда не забывая того истинно родственного расположения, с которым честь имею заключить эту глупость.

А. Герцен.

158. Н. А. ЗАХАРЬИНОЙ

2 марта 1838 г. Москва.

Я не знаю, билось ли сердце у тебя в половину второго; *я здесь*, т. е. К., *секретно*, и, след., устрой свиданье. Завтра в 9 я еду. Нынче же отдай приказ Аркадью, я пришлю за ним из какого-нибудь трахтира. Завтра в 6 часов утра чтоб были отперты *вороты*. Рассуждать некогда, действовать.

А. Г.

159. Н. А. ЗАХАРЬИНОЙ

3 марта 1838 г. Москва.

3 марта. 9 часов утра.

Итак, совершилось! Теперь я отдаюсь слепо провидению, только-то я упросил, просьба услышана, твой поцелуй горит на моих устах, рука еще трепещет от твоей руки. Наташа — я говорил какой-то вздор, говорил я не языком, ту речь, широкую как Волга, слышала ты. Это свиданье наше, его у нас никто не отнимет. Это первая минута любви полной, память ее пройдет всю жизнь, и когда явится душа там — она скажет господу, что испытала все святое — скажет о 3 марте.— Все волнуется... но не так, как вчера, о нет, что-то *добродетельное* (я не умею выразить) и светлое, упоение,— слышал я слово любви из твоих уст, что же я услышу когда-нибудь после полнее?— голос бога — это он-то и был. Ты благословила меня, когда я пошел; но вряд заметила ли, что тогда было со мною, я приподнял руку, хотел благословить тебя, взглянул — и рука опустилась, передо мною стоял ангел чистый, божий — молиться ему — а благословляет он, и я не поднял руку.

Но теперь все это у меня смутно, перепутано, все поглощено одним — *видел* любовь, видел воплощение ангела,— и быстро, как молния, и так же ярко оно прошло — о нет, оно в нас, оно вечно, это свиданье.— Теперь я силен и свят — мне свиданье было необходимо. Natalie, пусть же провидение безусловно царит над нами, лишь бы указывало оно путь.— Идем — быть великим человеком, быть ничтожным... всё, всё, да и разницы нет, выше я не буду. Не молния, а северное сияние, нежно-лазоревое, трепещущее, окруженное снегом. Я чувствовал огонь твоих щек, твой локон касался, я прижимал тебя к этой груди, которая три года задыхалась при одной мысли. Ты говорила. Чего же больше? Умрем... Нет, и это слишком, воля провидения безусловная.

И будто это не сон? Ну пусть сон, за него нельзя взять *несон* вселенной. Довольно, прощай, еще благослови путника, еще пламенный поцелуй его любви тебе.

Слава богу, слава богу!

‹Я даже?›[1] не хотел давеча долее оставаться,— мне было довольно, о... ничего подобного и тени не было в моей жиз‹ни!›

На обороте: Наташе.

---

[1] Автограф поврежден.— *Ред.*

160. Н. А. ЗАХАРЬИНОЙ

4 марта 1838 г. Липны.

3 часа ночи. Липны.
50 верст от Влад⟨имира⟩.

Ангел, ангел, всю дорогу была ты передо мною. Я счастлив до бесконечности, нет, больше, больше — и ты сделала все это!

161. Н. А. ЗАХАРЬИНОЙ

4—5 марта 1838 г. Владимир.

4 марта, пятница.

Сегодня в десятом часу утра сидел у губернатора в кабинете с *делами* один молодой чиновник — немножко обветрен с дороги, немного уставши — и думал об дивном сне. Да, торжественная минута свиданья! Ты пишешь: нет у бога другого 9 апреля,— но вот 3 марта, оно свято на всю нашу жизнь, оно полно, полно — а всего *полчаса*. Все заплачено, все выкуплено, забыты прошлые страданья. О, ты ангел, ты велика, необъятна была в ту минуту, когда благословила меня, тогда я не мог быть ровным. И ты не плакала, когда я пошел и пошел, может, опять надолго,— ты не могла плакать, ты выше слез, выше земного была.— Пусть эту минуту изваяют, это высшая минута — 3 марта.

Итак, главное совершено, мы увиделись *взрослыми*, свирепая судьба перестает гнать, что в будущем — его воля; и в смерти много, и в жизни много — потому что любовь не знает разницы, но зачем ты вовсе отворачиваешься от жизни — это неблагодарно для 9 апреля и 3 марта, а впереди Загорье — это раз, а потом та минута, когда мы, обнявшись, можем глядеть друг на друга, без того чтоб Костенька напоминала (она же похожа на скелет).—Что со мною было на дороге, это легче сказать, нежели что было 2-го и 3-го марта до 9 часов. При свиданье я не мог прийти в себя, это было и буря, и гармония, и океан света, и туман светлый же, я чувствовал, что мысль и слово не поддаются, и мне не нужно их было, я чувствовал поцелуй Наташи, Наташу возле на диване — это я знал. Знал ли в ту минуту, как меня зовут,— не знаю, знал ли я еще что-нибудь...

Когда К⟨етчер⟩ взошел в вороты, я стоял у фонарного столба — кровь жгла, сердце билось... и две крупные слезы налились в глаза; потом в зале стоял я у печки, закрыв рукою лицо,—и, право, ни о чем не думал, ни даже о тебе, внутренний трепет, и какой-то огонь пробегал... ну, вот ты... Молча, скрестив руки, сидел я у К⟨етчера⟩, говорить не мог, просил вина,

чтоб залить пожар, речь моя была несвязна, рука дрожала — тогда я написал тебе записку (получила ли от 3-го марта перед самым отъездом?). Потом опять снеговая пелена на природе, возгласы ямщика. Душа была светла, но тело совершенно изнемогло, я уснул мертвым сном, и во сне явилась ты — проснулся в половине четвертого, уже за 50 верст от тебя. Волнение улеглось,— о, тогда-то было светло и хорошо, боже мой! Тогда-то я взглянул на небо и помолился. Наташа! Наташа!.. Все твои слова, твои взгляды, твои поцелуи, рука твоя в моей, рука твоя, обвившаяся около моей шеи,— все, все, я готов был плакать, смеяться, умереть.— Знаешь ли ты, мой ангел, что ты похорошела (я говорю тебе комплименты!), право, похорошела, и именно в ту минуту, как ты благословила меня, была ты дивно хороша. Великая, святая, *моя!*

Почему я трепетал перед Emilie, я, кажется, умел хитро поступать в очень трудных обстоятельствах, а тут Emilie явилась восточной звездой свиданья,— очень хорошо, что тут был человек, я бы наделал глупостей.—Наташа! Сестра, я требую награды за 3 марта. Портрет, как хочешь, портрет. Emilie, сделай как-нибудь, дай образ моим комнатам. Приехавши, нашел твои письма (от 1-го марта), с улыбкой распечатал их, я имел *весть свежее их.*— Нет, он *еще* не достоин иметь сына Александра, нет, ты увлекаешься, даже самое позволение будет отравлено его холодностью. Я еще писал и уж отчасти другим тоном, я менее умолял, а поклялся, что ты будешь моею, я написал, что ни угрозы, ни просьбы, ни жесткость, ни слеза ничего не помогут, что мне это больно, «но я решительно поступаю по голосу, который сильнее и выше отцовского». Лев Алексеевич знает. Что-то Son Excellence m-r le général,— он меня любит *по-своему*. Жертвуя ими для тебя, я даже не вижу огромности жертвы (может, моя вина, но я так чувствую). Благодарность за последние 4 года — вот что связывает меня. Во всю мою юность пап⟨енька⟩ был со мною жесток. И самая любовь была эгоизм, теперь он говорит, что не запрещает,— благодарность ему, это-то и надо. Но он делает условие после быть ему чужим — принимаю. Ежели отец может сыну это сказать, то сын вправе принять. Я буду за него молиться, я буду в душе сын, но наружу не выставлю тогда чувство. Ты, ангел, говорила (*говорила*, о как это сладостно после «писала»): «Оставим их в покое»— да, оставим; но прежде соединимся. Лишь бы совсем миновала моя черная година, я окончу быстро. Когда ты прислонила твою голову на мою грудь, разве ты не чувствовала, что она тебе необходима. *И так да будет.* Душа моя, ты пишешь: «а сюда приехать никак нельзя». Наташа, можно или нет? Друг мой! Да, это важное событие в нашей жизни. Ег⟨ор⟩

Ив⟨анович⟩ собирался, мы сели обедать, я был задавлен чувством тяжелым, ты его видела в прошлом письме. Вдруг в сердце (не в голове) явилась мысль — такая светлая, что я едва мог ее вынести. Отвергнуть ее я не мог, я мог не ехать до нее, после — не мог, и не прошло суток — я стоял запыленный, усталый и трепещущий перед Emilie. О, как мне хотелось хоть бы сжать ей руку, должно быть, я показался ей очень глупым, потому что и К⟨етчер⟩ удивлялся *моей глупости* в продолжение всего времени.

Ты нашла, что я похудел. Страдания глубокие провели черту по лицу моему после 9 апреля, о, я много страдал, но все это прошедшее. Одна история с М⟨едведевой⟩ независимо от всего нанесла мне удар ужасный. И гордые мысли, выходя наружу, клеймили лицо, и неудавшиеся надежды, и гнет обстоятельств. Голова, которая так пламенно жаждала склониться на твою грудь, истомлена в самом деле, ты это видела. И могу ли я после этого отдалять наше соединение? Ах, сколько прожил я с 20 июля 1834, о, было подчас горько, больно, теперь открытее буду говорить о прошедшем, ужасно было начальное время в Вятке, но всего ужаснее 14 ноября — и этой минутой я обязан княгине. Было несколько часов тогда, в которые смерклось на душе, как смерклось в мире, когда Христос был распят, ни струи света, мысль смерти, отчаянная, болезненная, постучалась в душу, второе письмо исцелило, но я был болен две недели. Когда после болезни меня увидели, все ахнули перемене, будто я несколько месяцев был болен. За эту минуту благодарю ее сият⟨ельство⟩, а то, может, мне во всю жизнь не пришлось бы испытать. Как теперь помню, как я сидел у Скворц⟨ова⟩ за столом и слезы градом катились, как молча жал ему руку и говорил *насмешки*, как стоял у печи и дрожал от холода — но забудем черную годину.

Ночь.

Провидение, провидение! В прахе пред тобою должен человек молиться. Жизнь высока — не умеют люди жить. Взгляни на мою жизнь теперь, на эту жизнь, начинающуюся стройным, унылым 20 июл⟨ем⟩, *крещеную* 9 апрелем, преображенную, *исполненную* 3 марта. И пусть крючья, которыми соединены эти картины, пусть они из железа, как цепь, и холодны, как цепь, что за дело до промежутков. И вся-то эта жизнь создана тобою, не я ли твое созданье? Этот кусок мрамора тверже и больше человека, но человек ему придал мысль и чувство, но артист дал образ ему и вдохнул душу, без этого мрамор был бы не образован. Этот художник ты, твое влияние на меня огромно, я отдаюсь тебе безусловно, веди любовью. О, как бедна и ничтожна земная слава перед любовью. Любить — и больше

ничего! Natalie, ты счастлива мною, я понимаю, что ты счастлива мною, кто другой сравнит любовь к себе чью-нибудь с тою любовью, которою я люблю тебя? Ты сказала: «Ты бы умер, потому что не было бы Александра у тебя».— Нелепость: а Natalie не была бы разве, а ее слово достаточно спасти меня.

К твоему письму — ты как-то худо понимаешь поэзию роскоши и поэзию наряда; уж из того видно, что худо понимаешь, что поставила рядом с обедом. Обед — животная необходимость, низкая, грубая.— Роскошь имеет весь характер изящного — величайшую ненужность, стремленье к красоте; я не нахожу ничего дурного, ежели бы на твоих волосах блестела теперь нитка брильянтов,— желать ее смешно. Нет, ангел, признаюсь откровенно: люблю пышность,— пышность дома и комнат пуще всего; но могу без горести ограничиться куском хлеба — это дело совсем другое. Мы оба стремимся в Италию — но не будет возможности, так не поедем, это не мешает однако говорить. Впрочем, мысль пышности слишком родна бывшим мечтам самолюбия, ими она и проникла в душу. Однако заметь — доселе только два различия между нами: ирония и пышность. Ты подумаешь: и гордость. О ангел мой, твоя душа горда, горда в смирении, в бегстве от земли, только гордость у тебя, как и все, развилась под влиянием молитвы и любви; но иногда и тут прорывается изящно, прелестно. Помнишь ли, ты мне писала года полтора тому назад о сне, как люди приходили просить милостыню и как ты им давала питье... вспомни заключение, которое ты вывела *наяву*. Нет, в нас все одинаковое. 28 февраля ты писала: «Ох, близко, близко что-то...» И так душа угадала 3 марта. Да неужели это было в самом деле, неужели ее, ее прижал я тогда к сердцу,— о, ее, все бытие сказало, что это она. Наташа, тебе это был первый поцелуй, первое объятие. Да, на тебе нет ничьей печати, все мое. — Наташа, что тут много говорить, ты понимаешь. Как прелестно в твоих устах мое имя. я всякий раз прислушивался, ты умела любовь перелить в самый звук.

Addio!

5 марта. Суббота.

Да что за беда, ежели кн⟨ягиня⟩ выгонит,— это хорошо, скорей развязка. Впрочем, еще раз отдадимся богу, я доволен жизнью, она была неполна до 3 марта, теперь что угодно: бросить в Бобруйск скованного, или растянуться угловатыми членами на койке больницы и умереть, или завтра с тобою в Италию — да будет Его воля.— Но это не значит сидеть сложа руки, совсем нет,— действовать и покоряться.

Поцелуй долгий, долгий тебе

от Александра.

162. А. Л., А. В., В. А. ВИТБЕРГАМ и П. П. МЕДВЕДЕВОЙ

Март (после 4) 1838 г. Владимир.

Покорнейше прошу всех сесть кругом, а читать заставить Веру Александровну.

Я понемногу начинаю привыкать к совершенно одинокой жизни, начинаю отвыкать от людей и с тем вместе от шума; мысль, чувство не испаряется словом, а кристаллизуется глубоко в душе. Довольно — мне люди последовательно передали все, что у них есть. Сначала материальное существование, потом одной рукою симпатию и дружбу, другой гнет и ненависть, одной рукой подали библию, а другой Фоблаза — больше нечего мне получить. Мысль славы, и тобою я жертвую — вы ее назвали ребяческою в одном из последних разговоров — и были неправы; мысль деятельности, прощай и ты. И мне жаль их, так, как жаль вятских друзей и друзей московских,— но делать нечего, *я не ваш*, так, как монах, не принадлежу свету, а принадлежу вселенной. Недавно сладко и изящно мечтал я о смерти, она мне являлась с чертами ангела, и, скрестив руки на грудь, я смотрел вверх.— Эти дни моя душа не болела так судорожно, не рвалась так на клочьи, как прежде, и вот гармония разлилась по ней.— Часто обертываюсь и смотрю на это прожитое пространство, и оно выходит из гроба, и я, как «покойный император» Жуковского, делаю смотр. Вот оргии — в которых все-таки нет того вреда, который вы предполагаете. Вот смех. Вот слеза — слезы,— я не отворачиваюсь ни от чего. Душа моя — offne Tafel. *Да, я изведал жизнь* — не так, как поэты нашего века, а свинцом, а зажженной серой. Святого искал я и нашел наконец Святое, а в нем, как в белом луче солнца, соединено и изящное, и великое.

Моя владимирская жизнь, повторяю, это сорок дней в пустыне.— Это крест на паперти.

Вы не узнали бы меня, нет, вы-то бы, кажется, узнали, а многие, любившие во мне не мое — *разгул*,— не узнали бы теперь. Дай бог сил совершить начатое — но он и дает силы, он сам своей десницей подносит к устам моим чашу небесного святого питья. Александр Лаврентьевич, высока жизнь и на земле для того, кто умеет ее постигнуть.

Теперь ко вздору, т. е. к подробностям обо мне.— Головная боль sui generis продолжается, т. е. не боль, а сильные приливы; совсем напротив — *кажется*, что надзор не продолжается; но я еще ничего не предпринимаю. Дальше — я совершенно отвык есть, доселе и копченая телятина, и рябчики, и все цело, тут еще из Москвы наслали всякой всячины, и мне смешно смотреть на заботу о еде: что на это скажет Эрн?

Квартира довольно велика и удобна; но нечиста до бесконечной степени, я тут не останусь, хочу иметь un joli-chez-soi, un chez-soi confortable[1], и дорого 25 руб. в месяц. Здесь на все дороговизна непомерная. А может скоро-скоро и не надобно во Владимире chez-soi . Я солнцем буду намечать эту мысль.

Но и в самом деле я эгоист, говорю все о себе; итак, сим оканчиваю ячество.

Что вы, долго ли грустили обо мне, и как теперь? Пожалуйста, подробней пишите — и дым Вятки Герцену сладок и приятен, извините, что не сказал отечества, отечество мое — Москва.

Как теперь вижу: вот Вера Александровна разливает чай, а дежурная идет за Прасковьей Петровной, а вы ходите по комнате с Авдотьей Викторовной.— Когда-то увидимся? Ежели и никогда — не ужасайтесь, души наши увидятся; где б ни был пилигрим, он благословит дуб, под сенью которого отдыхал (в альбоме у В⟨еры⟩ А⟨лександровны⟩), он не забудет родительской дом в чужом доме.

Бога ради, Прасковья Петровна, берегите ваше здоровье, вы не можете о жизни говорить так, как я, и ваша жизнь имеет определенную святую цель, и эта цель требует не токмо жизни, но и здоровья,— взгляните на этих милых, прелестных херувимчиков и не неглижируйте.

Ах как хорошо провели мы время в один из последних вечеров, когда с Полиной перечитывали «Деву Орлеанскую», помните, Вера Александровна? — но перед тем, как вы пели «Матушка, голова болит» как континуацию Деве Орлеанской, у которой часто болела душа. Опять начал вздор говорить. Прощайте, прощайте, прощайте.

163. Н. А. ЗАХАРЬИНОЙ

5—8 марта 1838 г. Владимир.

Вечер, 5 марта 1838.—Владимир.

Мало-помалу чудотворная сила свиданья действует. Взор спокойно обращается на враждующую судьбу, буря тише, небо яснее. Легче настоящее, легче всякая работа. Отчего? Разве мы придумали, обдумали... и о чем мы говорили — я говорил глупо, разумеется, глупее всякого письма. Что ж переменилось?— Все, и под влиянием высокого дня мы проживем долго, мы *видели* нашу любовь. Свиданье было так обширно, что

[1] хорошенький уголок, уютный уголок (франц.).— *Ред.*

я не понял его; право, я без горести расстался с тобою, душа не могла ровно ни сладкого понять, ни горького, поняв разлуку и *свиданье*, забыв разлуку в свиданье. Мне казалось, когда я вышел, что я сейчас возвращусь и опять ты в моих объятиях, казалось нелепостью, что я еду, даже нелепостью, что между 9 апрелем и 3 мартом три года. Все исчезло, я жил свиданьем, поцелуем, жил той святой минутой, когда прижал тебя к груди, а остальное не заслуживало вниманья, так, как гвоздь, на который я мог бы напороть ногу, бежав к тебе. До него ли? И теперь едва, едва я начинаю понимать всю важность 3 марта. Свят, свят, свят он.

Наташа, друг мой, как глупо, пошло заниматься чем-нибудь, кроме тобою. Все это области других: вам науки, вам слава, чины, мне — Наташа, и не вы надо мною, а я над вами улыбнусь. Вздор мое литературное призванье, бог с ним, писать можно *от скуки*, мое призванье — ты, и ежели есть что-нибудь помимо тебя в душе, это дружба, остальное вон. Да и чего мне искать, разве человечество заплотит мне за усилия и страдания, за пот и рубцы твоим взглядом, твоим поцелуем?

Наташа, слезы скатились со глаз теперь, отчего? Не от грусти жгучей, а от грусти святой, сладкой, о Наташа, что ты сделала со мной, последнее свиданье кончило пересозданье; возьми же своего Александра, он рассчитался со всем, он весь твой, владей им, Natalie... я трепещу... и слезы мешают писать. Этого еще не было со мною, небесная подруга, нет, не умрем еще теперь, еще 3 марта, еще. Но остановись, Natalie, остановись, не делайся выше, твоя высота совсем подавит меня; я утратил часть гордой самобытности своей, которую грубо втеснял людям, в тебе, еще шаг, и я уже не твой Александр, а твой раб,— а будто это не высоко. Царствуй, потому что ты выше, царствуй, потому что твой путь в рай.

И чтоб нам долго не соединиться — кто это говорит? Кто-нибудь *чужой*, пусть он распоряжается *у себя*. Странно, Наташа, странно, я никак не думал, что моя жизнь кончится так хорошо, что вся душа сплавится в любовь. Ты, Natalie, как бог, взгляни, что добро есть созданное тобою, и почий в величии своем. Я до нынешнего вечера не понимал вполне свиданья. Что же будет там в Загорье, я могу остаться дней пять. Убежим тогда в поле далеко — чтоб Костенька не догнала. Детьми, детьми сделаемся. А ежели еще прежде ты будешь моею, ежели еще прежде ты приведешь к алтарю показать богу твоего избранного, тобою созданного, тогда — тогда, само собой разумеется, нечего здесь делать.

6-е марта. Воскресенье.

Сегодня я отправлялся в Боголюбов, недалеко от Владимира. Там смотрел я тот дом, ту комнату, где 600 лет тому назад стонал в⟨еликий⟩ к⟨нязь⟩ Андрей, пораженный убийцами. Для меня эти живые памятники минувшего, эти трупы прошедшего прелестны. Даже то место показывают, куда кровь брызнула на стену. Потом пошел я в церковь по той же земле, в ту же церковь, куда ходил Андрей Боголюбский. Обедня еще не начиналась, пели молебны, я стал к окну и развернул книгу — каноны-ирмосы на март месяц, я отыскал святое 3 марта, и вот канон богородице этого дня с чего начинается: «Явилася еси ширше небес».— Да, ты *шире небес* явилась передо мною. Тогда я стал молиться, я был тронут глубоко, глубоко. Евангелие читали от Марка: «Погубящий душу спасет ю, погубящий меня ради разделит славу мою». Наташа, не то же ли я писал тебе вчера, я погубил мою душу в тебе — я разделю славу твою. О как богата любовь, как богата!— Знаешь ли, досадно, что не все знают о тебе, мне гадко говорить с теми, которые не знают о тебе, так, как христианину гадко говорить с жидом, не знающим Иисуса. Так бы всей толпе и сказал: «дивись!» Иду обедать к губ⟨ернатору⟩.— Прощай, и вечером письмо, письмо!

Оно и пришло! Мы одно,— вспомни свое письмо и перечитай мое— те же мысли, те же чувства, местами те же выражения. И я не грустнее, а спокойнее стал, и я — ну, нечего и говорить. Получила ли письмо от 5? Я твое письмо читал и перечитывал с каким-то особым, *своим* упоением. Но знаешь ли, до какой я степени баловень,— я заметил, что оно писано не тем почерком, каким все письма,— а тот почерк мне так дорог, так дорог, он-то приносил единственную утеху до 3 марта.

Я думал тебе отдать *именно* перчатку — пришлю ее, пришли и пояс.— И ты мечтаешь о Загорье, *во всяком случае* возможность видеться открыта. Как скоро явится необходимость, пиши просто: «Александр, в такой-то день, в таком-то часу будь у меня»,— и он будет. Только не употребляй во зло этого права, Аркадий подвергается меньшим опасностям от Мар⟨ьи⟩ Ст⟨епановны⟩, нежели *Матвей* — кой от кого посильнее М⟨арьи⟩ Ст⟨епановны⟩. В Загорье же уж вовсе нет опасного. Папенька в последнем письме опять лавирует, хитрит, говорит, что, делая столько уступок для меня (каких это?), он сделает и эту после личного свиданья,— а возле опять против. Итак, мы с ним поговорим после, теперь довольно. Я все это принимаю за согласие — и довольно, он говорит, что благословение не есть согласие,— о словах я не стану спорить. Княгине писать не велел. Жду в будущем письме новых подробностей много, много.

Увидь во сне 3 марта.

Да, послушай, насчет молитвы в 7 часов: я тебе писал, что неровность нрава моего почти не может склониться ни под что срочное, я десять раз забуду, а два раза буду от души молиться. Главнейшее же затруднение то, что я просыпаюсь по большей части часу в 10-м. Вот новое доказательство, как я избалован, возражаю ленью на чистое, прелест⟨ное⟩ желанье твое. И так да будет — молюсь и я в ту же минуту, как молишься ты.

Как не стыдно Emilie писать о приеме. Но только как она удивилась, как у ней дрожала рука,— милая сестра Emilie, люблю ее много, а все-то это *много* ничего перед *той любовью*, но она этим не обидится; и Огарев пал перед тобою — я ему это писал сам, и всё, и даже Александр.

Вот уж и терпенья нет теперь — пояс, пояс, теперь буду день и ночь ждать пояса. А портрет, Наташа, портрет— а то я не буду хорошо учиться, когда гуляю, буду в грязь ступать.

А уж о повести, о статье ни слова, милостивая государыня, вы изволите забывать авторское самолюбие!

7 марта. Поздно.

С чего ты, ангел мой, вообразила, что я болен? Эти вырезанные черты страданий независимы от физического здоровья, я и в Вятке был почти здоров. Не думай об этом вздоре. Для тебя сохранит себя Александр, твоя любовь сохранит его. Да и здешняя жизнь моя строга, как в монастыре, я очень доволен собою с приезда во Владимир.— Похвастаю тебе, я получил от вятского губернатора письмо, исполненное любви и комплиментов, и здесь меня начинают носить на руках. Странно быть существенно в самом невыгодном положении, а в *сущности* в самом лучшем. Полина говорила, что ей иногда было досадно, как там все склонялось передо мною. Это право всякого человека с резким характером, сталь тотчас отпечатывается на воску. Встарь подобное меня веселило очень, особенно в университете, теперь, божусь тебе, почти я равнодушен.

Завтра жаворонки прилетают, Наташа! Итак, весна, снимут простыню с природы, она весело вздохнет — и на этот раз и Наталия и Александр весело вздохнут. Ты боялась, что я грустен, о нет, я как-то сделался юнее, чище, как вешнее дерево. Я ведь, Наташа, и природу не видал с 9 апреля, и с ней увижусь скоро. Там нет весны в суровом севере, там зима сменяется бледной осенью, а здесь Владимир спит в садах,— я буду счастлив с нашей сестрой Природой.— Я писал в прошлом письме, что ты похорошела, прежде еще было что-то детское в лице, теперь всякий, кто взглянет на тебя, тотчас скажет: «Она любит!»— «Счастлив же он»,— скажут другие. Что же сказать мне, я скажу: «Я ВИДЕЛ эту любовь в ее взоре».—

До свиданья, скорей, скорей в Загорье. А не приехать ли к тебе 9 апреля??

Твой Александр.

Вместо перчатки посылаю тебе шнурок, на котором у меня был медальон. Два года лежал этот шнурок на груди твоего Александра, сколько раз, обвитой около его руки, он, нераздельный с медальоном, лил утешенье в скорбную больную душу — целуй его, надень его на твою шею, для тебя он свят. Представь себе, что иногда середь буйных оргий в Вятке я снимал его, чтоб он не был участником их. «Как это глупо и пошло».— Да пояс-то пришли, о портрете сам напишу, меня терзает одна мысль: ну, как будет непохож. Вели нарисовать себя, как ты была 3 марта, хоть я хорошо и не помню, знаю только, что сверх белого была какая-то мантилья или криспин, даже прическу не помню[1], ежели же это *неприлично* (это сурьезно, потому что портрет будет на стене), то в белом платье. Белый цвет любимый, потом голубой.

Хотел писать к Emilie особо — но после. Пиши же все о 3 марте (да своим почерком), всякая подробность — чудо, прелесть.

8-е. Вторник.

Прощай, мой милый ангел, будь здорова — из Петербурга ничего. Ежели к Святой не будет полного освобождения, это значит, что и наследниково представление не помогло. Как хочешь, а эта мысль бледным привидением грозит из будущего, но все-таки свят 1838 год, о как он опередил своих старших братьев, этот судорожный 1836 и судорожный 1837! Но меня еще не вовсе оставляет мысль, что ты будешь здесь. Лишь бы *они* поступали пожестче. Пламенный поцелуй любви, как огонь, и чистый, как огонь, тебе от твоего

Александра.

164. Н. А. ЗАХАРЬИНОЙ

9—12 марта 1838 г. Владимир.

9 марта. Середа.

Милая, милая невеста! Что чувствовал и сколько чувствовал я неделю тому назад? Каждая минута, секунда была полна, длинна, не терялась, как эта обычная стая часов, дней, месяцев — о как тогда грудь мешала душе, эта душа была светоносна, она хотела бы порвать грудь, чтоб озарить тебя...

[1] Знаю, что со стороны висели кудри, они несколько раз касались до моего лица.

Пятый час; я стоял перед Emilie теперь, а внутри кипело — буря, нет, не буря, а предчувствие — его испытает природа накануне преставления света, ибо преставление света —верх торжества природы. Душа моя до того была поглощена тобою, что я почти не обратил внимания на *город*, и ежели я ему бросил привет горячий, со слезою, когда его увидел, он не должен брать его на свой счет, и этот привет был тебе, с ним мы увидимся после. Возвращаясь, я еще меньше думал об нем, смотрел пристально и видел в воздухе туманно набросанный образ девы благословляющей. Когда мы искали дом Emilie, извозчик провез мимо вас, я увидел издали дом и содрогнулся, я умолял Кет⟨чера⟩ воротиться, так сразу я не мог вынести *тот дом*. Вечером я подошел смелее, мысль близости обжилась в груди. Утром, когда я всходил, мне так страшно было, я убежал бы от собачонки, от птицы. Ты дала мне время собраться. Ожидая тебя, я стоял, прислонясь локтем к печи и закрыв лицо рукою,— поклонись этому месту. Потом я бросил взгляд, любви полный, на фортепьяно и на пяльцы, которые стояли на полу (верно твои), потом быстро влетела ты — об этом и теперь еще не могу говорить.— Да и никогда не буду говорить, оно так глубоко в душе, как мысль бессмертия.— Знаю одно: я тебя *разглядел*, когда уж мы сидели на диване, до этого наши души оставили тела и были одна душа, они не могли понять себя врозь.

8 часов вечера.

Дай, дай, моя подруга, моя избранная, дай еще прожить тем днем... Восемь... льется огонь из верхнего окна, я стоял в переулке, прижавшись к забору: К⟨етчер⟩ — ушел, я один. Вот Аркадий... так, стало, в самом деле я близко, вот Костенька — да, да, я ее увижу, завтра в пять часов в путь. «Чего вы желали бы теперь от бога?»— спросил, шутя, гусар вечером. «Чтоб этот пятак превратился для мира в часы». Гусар думал, что я с ума сошел. «Для чего?»— «Он не умеет показывать ничего кроме пять, а в пять туда, к ней».— К подробностям этих дней надобно сказать, что я два дня с половиной ничего не ел, кусок останавливался в горле.

Позже.

Ты моя невеста, потому что *ты моя*, я тебе сказал: «у меня никого нет, кроме тебя». Ты ответила: «Да ведь я одна твое созданье». Да, еще раз ты моя совершенно, безусловно моя, как мое вдохновение[1], вылившееся гимном. Оно телесно вне

[1] И как вдохновенье поэта выше обыкновенного положения, так и ты, ангел, выше меня — но все-таки моя.

меня; но оно мое, оно — я. Тебе бог дал прелестную душу и прелестную душу твою вложил в прелестную форму. А мысль в эту душу заронил я, а проник ее любовью—я, я осмелился сказать ангелу: «Люби меня», и ангел мне сказал: «Люблю». Я выпил долгий поцелуй с ее уст, один я и передал ей поцелуй. Моя рука обвилась около ее стана — и ничья не обовьется никогда. Понимаешь ли эту поэзию, эту высоту *моего полного* обладания? В минуту гордого упоенья любви я рад, что ты не знала любви отца и матери, и *эта* любовь пала на мою долю.— Вчера читал я Жан-Поля; он говорит: любовь никогда не стоит: или возрастает или уменьшается,— я улыбнулся и вздумал предостеречь тебя, а то я кончу тем, что слишком буду любить, сожгу любовью. Скоро ночь — святая, а там и седьмой час.

Отчего же я так спокоен теперь, а 3 марта — не прошедшее, вот оно живое, светлое в груди.— Умереть, нет еще, не вся чаша жизни выпита, жить, жить! Будем сидеть долго, долго, целую ночь, и когда солнце проснется, и когда утренний Геспер блеснет, выйдем к ним и под открытым небом сядем с ними, тогда умрем. Стены давят, опасность давит, быстрота давит. Тогда же одна гармония разольется на душе, ей будет тепло, и труп согреется солнцем. Или на закате, когда, усталое, оно падет на небосклон и кровью разольется по западу и изойдет в этой крови, и природа станет засыпать,— тогда умрем. И роса прольет слезу природы на холодное тело. А чтоб люди были далеко, далеко. Ты писала как-то: в их устах наша любовь выходит какой-то мишурной. Это ужасно! Да я ни слова о тех людях, которые не люди, но большая часть людей в самом деле как судят? Нас поймет поэт — этот помазанник божий мира изящного, поймет дева несчастная, поймет юноша, любящий безгранно (а не любивший,—тот, для кого любовь— былое, воспоминание, — тот покойник, труп без смысла). Из друзей близких найдутся, которые пожмут плечами и пожалеют обо мне от души: «Она увлекла его с поприща, на женщину променял он славу...» и посмотрят свысока. Слава богу, что пустой призрак — слава, наука — может наполнять их душу; ежели б не было его и не было бы девы, они ужаснулись бы пустоты, и их грудь проломилась бы, как хрусталь, из которого вытянут воздух. Нет, Наташа, я знаю все расстояние от жизни прежней и до жизни в тебя. Тут-то мне раскрылось все — а тебе целая вселенная любви, целый океан — носись же, серафим, над этим океаном, как дух божий над миром, им созданным из падшего ангела. Natalie, Natalie! До завтрего, прощай.

Завтра письмо, как будто год не имел вести, душа рвется к письму. Неужели может быть любовь полнее нашей? НЕТ!!

Жаль Emilie— зачем она едет, она должна быть, когда на наших головах будет венец — это зрелище еще лучше вида с Ельборуса.

Благослови твоего *суженого* —

Александра.

10 марта. Четверг. Утро.

Я проснулся: солнце начинает светить. Седьмой час. Я молился и, верно, в ту же минуту молилась ты, верно, потому что мне было легко. Потом я опять уснул, видел тебя во сне, но смутно видел, что ты мне подарила портрет, и непохожий, было досадно. Кстати, отсутствие Мар⟨ьи⟩ Ст⟨епановны⟩ может дать время живописцу. Твоего письма к М⟨едведевой⟩ я еще не посылал, жду прежде от нее ответа, за картинку, разумеется, благодари тогда, когда она напишет. Успокоил ли то бог ее душу? Как дивно чист был бы твой Александр без этой встречи — она, как убитое тело, брошенное в ручей, кровь вмешало в струю — но чем дальше, тем чище опять ручей...

11-е. Пятница. Утро.

Похвальный лист тебе, Natalie, и выговор. Похвальный лист за письма, я с восторгом смотрел, еще не раскрывая, на *количество;* выговор за портрет,— чего же лучше, как отсутствие М⟨арьи⟩ С⟨тепановны⟩? Тут время было, это, madame, упущение по должности, вперед вычту треть жалованья и посажу под арест возле себя — думаю, не надрест. Ну, полно шутить!

В самом деле, грешно еще просить у бога, дивно наградил он трехлетнее страдание, решительно грешно роптать теперь. Голову склонить с детской доверенностью и молиться. Я писал давно, что 9 апреля недостаточно, и вот 3 марта исполнило недостававшее. Итак, с полным самоотвержением *пойдем* к соединению. Пойдем — ибо останавливаться тоже грех, разве нам не очевидна воля Его, повелевшая соединение?

Озеров наговорил бездну похвалы обо мне пап⟨еньке⟩, это полезно, это действует на него сильно, и еще есть возможность добрым путем кончить.— Мне самому жаль, что я не видал Саши, вот ей особая записка. Меня не удивило усердие Аркадия. Я еще из Крут⟨иц⟩ писал: в этом классе есть инстинкт, которым они понимают человека, который их считает за человеков. А когда же пришлешь письма 36 года?

Я читаю Жан-Поля — по некоторым отрывкам в моих письмах ты его знаешь. Вот автор, которого *ты никогда не поймешь*, и явно, что вина будет его, а не твоя. Душа пламенная,

полная поэзии и любви; но выражение ее так судорожно, так напитано иронией, и притом иронией, не всегда счастливой, что он навеки отрезал таких читателей, как ты. Шиллер — вот твой автор, еще кто?— Жуковский — и только. А дивно уносит иной раз Жан-Поль, и душа трепещет, и слеза на глазах, да степью безводной надобно идти до такого места. Ну, читала ли повесть? жду суда, я мог бы прислать архитек⟨турную⟩ статью, но без картинок она темна. И та повесть «Его превосх⟨одительство⟩» готова совсем, созданная в минуту досады, она дышит злобой. Ты спрашиваешь, что я пишу после 3 марта — письма к тебе!

Получил письмо от Вадима и Тат⟨ьяны⟩ Пет⟨ровны⟩ — не знаю, застанет ли их в Одессе ответ, потому что они быстро идут в дом умалишенных; такой галиматьи в жизнь не читал, и, что всего досаднее, меня утешают, вычитали какое-то отчаяние в моем письме. Верно, потому, что я писал о смерти. Хороши души, которые не понимают смерти. А Тат⟨ьяна⟩ Пет⟨ровна⟩ распространяется о своих детках, о перемене в лице, а он о своих несчастиях. Ну, в сторону их.

12-го. Суббота.

Из Петерб⟨урга⟩ все еще нет ответа—досадно, а может, к лучшему. Что, как ты увиделась со Львом Ал⟨ексеевичем⟩? Княг⟨ине⟩ не следует говорить до моего приезда (без необходимости). Вера моя в скорое соединение незыблема — я всему верю после 3 марта. Прощай, невеста, ангел, будь так же покойна, как я; я никогда *лучше* не был, как теперь, и, повторяю, в настоящем я доволен собою, особенно когда прошедшее начинаю считать от 3 марта. Что-то чистое и святое влилось в душу от твоего поцелуя. Та грудь, к которой прислонялась твоя голова, и должна была очиститься. Прощай, Наташа.

На обороте: Наташе.

165. Н. А. ЗАХАРЬИНОЙ

14—15 марта 1838 г. Владимир.

14 марта. Понедельник.

Два дня не писал к тебе — чудеса! Вчера поздно получил твое письмо от 10-го, прелестное письмо, нет, ты не переменилась после 3 марта, милая невеста, а вздохнула свободнее, веселее, вольнее. То же и со мною. Все твои советы *деловые*, как разумеется, никуда не годны. Никакой книги пап⟨еньке⟩ подписывать давать не надобно, потому что он не подпишет, меня

венчать не станут без позволенья губернатора — а я его возьму, тебя — без свидетельства о крещении и рождении,— и это достанем. Мы, раз обвенчанные, они теряют весь приз, потому что родства прямо не докажут, худшее, что может быть,—священника пошлют молоть муку — это он будет знать вперед и за это возьмет рублей 500 денег, а кто за деньги рискует, того жалеть не стоит. В дополнение прибавлю: 1) Я твердо остаюсь убежденным, что всякого рода выход из сиятельного дома полезен — о каких ты говоришь замках, нынче никого (кроме юношей) не держат под ключом, и какое право? 2) Что письмо к пап⟨еньке⟩ потому-то и надобно писать, что он откажет, ибо... ибо этот отказ тебе будет величайшее оскорбление мне. Ну, и в сторону дела!

Посылаю тебе последнее письмо Мед⟨ведевой⟩ ко мне. Оно покажет, что я твою руку протянул женщине, хотя не вовсе чистой, не вовсе неземной, но вполне достойной тебя. Ее убила жизнь, брат падший не есть брат погибший. Иногда тот, кто не может пасть, не падает от холодной души, и вся-то ее вина — что она любила юношу (достоин ли он, это вы сами знаете, Нат⟨алья⟩ Ал⟨ександровна⟩!), тогда когда должна была любить пьяного старика, с которым, конечно, на смех обвенчали ее. Это письмо сняло с меня тяжкий крест (хотя не весь, ибо чувство, самознание дурного поступка осталось). Вот она, падшая Мария Магдалина, у ног твоих, будь же для нее ангелом-примирителем с людьми и пуще с богом. Ты почти можешь писать к ней, не дожидаясь ответа. Нет человека, за которого, через которого я столько вынес, как за нее; мир с нею мне дорог. Я на всех смотрю прямо — от тебя до Тюфяева — упрекнуть никто не может, одна она. Право ужасное, по счастию, она не понимает вполне, какой она шаг имеет надо мною.

Полина молчит, Скворцов тоже. Это не мудрено, мудрено было, что их душа молчала первый месяц разлуки. Итак, моя статья «Симпатия» и теплое воспоминание — одни памятники этой дружбы, я думал, что строю прочнее!

Что я пишу после 3 марта — а вот что: написал VIII главу в свою жизнь, и написал очень хорошо, и уж, конечно, не догадаешься о чем — *о любви к Люд⟨миле⟩ П⟨ассек⟩*; тут и ты на сцене — трудно было, и очень, холодно писать о холодных отношениях к тебе — но написал, и ты явилась превосходно, чудом, какой-то священной мистерией, лилией, принесенной архангелом Гавриилом в день моего рожденья. Да, доволен, вообще биография идет прекрасно (я ее пишу по твоему приказанию). Далее описана самая черная эпоха, от 9 июля 1834 до 20-го, но halte là. Как дойдет дело представлять тебя тобою, ибо ты уж очень близка была мне 20 июля,— перо

дрожит, душа волнуется, и ангел ускользает от кисти земного богомаза. Однако напишу, я уж пробов⟨ал⟩. Ирония та, моя ирония, на месте тут. Зачем ты не любишь ее? Она проникает особым огнем целое, ибо это не насмешка, а внутренное неудовольствие за мелочничество людей, и мне она естественна, как дышать. Сердце твое сожмется, когда ты будешь читать 9 июля—не за него ли и было 9 апреля? А я думаю, весело о себе читать в статье, писанной с огнем и поэзией. Я не испытал. Да что ж ты не пишешь о повести — но я ее разлюбил и сам. Мне очень неприятно послать тебе мою жизнь, хотелось бы прочитать, ты села бы против, чтоб я мог пить вдохновенье из твоих глаз, из твоей улыбки, и я рассказал бы эту поэму жизни полной, энергической — и огонь в глазах, и жар ланит, все, все прибавил бы... ба, да я уж начинаю кокетничать! Избаловали твои похвалы. Вот когда я буду читать об архитект⟨уре⟩, тогда можешь сесть возле, тогда не на меня, а на картинки надобно смотреть, а там ведь жизнь-то моя, ведь это *быль*, быль твоего Александра.

Нет, 3 марта не может затмить никакой свет! Это ошибка, 9-е апреля, созданное во имя дружбы, и должно было побледнеть перед днем, созданным любовью; но любовь уже не имеет выше, ниже, светлее, темнее, нет, она — как вечность бога, так все теряется в самом понятии бесконечного, святого и изящного, везде средоточие, все проникнуто единым светом, и нет солнца, из которого течет он, а оно само свет.

Да уж, г-да добрые люди, ценю их доброту — но ступайте, пожалуйста, направо, а я налево с Наташей. А впрочем, *зачем* знает Пр⟨асковья⟩Анд⟨реевна⟩, и мам⟨еньке⟩ не следовало бы говорить, а то тут лед тонкий, провалишься, и с головою. Вообще мам⟨енька⟩ поступает дурно и слабо, чего они боятся, когда я не боюсь. — Одна, одна Ты. И где грудь, которая может больше поместить.

А л е к с а н д р.

Отчего портрет не поспеет, ну не к 25, так к какому-нибудь— пожалуйста.— Bitte, bitte!

15. Вторник.

Наташа, когда у тебя будет свободное время, напиши о твоем ребячестве, о первой встрече нашей (твоя любовь давнее моей), о 20 июле и 9 апреле. Просто воспоминаньем. Ты напишешь прелестно — это я знаю. Попробуй. Целую тебя.

Твой А л е к с а н д р.

166. Н. А. ЗАХАРЬИНОЙ

16—19 марта 1838 г. Владимир.

16 марта 1838. Владимир.

Милый, небесный друг! До сих пор мы только предугадывали, что свиданье даст нам силу перенести все, теперь я испытал и также уверен в тебе. Ответ из Петерб⟨урга⟩ пришел: отказ полный, чистый, холодный и решительный; откровенно признаюсь, не будь 3 марта, он поразил бы меня ужасно. Теперь сердце сжалось, кровь заструилась горячая — я вспомнил 3 марта и улыбнулся, и помолился. Вместе с отказом и две прямые возможности видеться. О как благ господь! Эти возможности явились врачеваньем вовсе нежданным. Здесь проезжал жандармский генерал, граф Апраксин, при нем пришел отказ, ему жаль меня стало, и, не чудеса ли?— он-то нам даст средство увидеться (опять мгновенно), может, на Святой. И губернатору было жаль меня, он даст другое средство —Загорье. Но надежда на скорое освобожденье потускла. Наташа, прощаясь, я три раза сказал тебе: «*будь тверда*»,— это мое благословенье тебе. Старайся, чтоб кн⟨ягиня⟩ скорее ехала в Загорье—и не грусти.

Наконец, я написал 20 июля, ты похожа. Привезу сам тебе эти тетрадки. В прошлый раз я писал к тебе, чтоб ты писала свои воспоминания. Ты, может, не имеешь понятия об огромности твоего таланта *писать*. Этот талант, выращенный религией и любовью, ставит каждое письмо твое выше всех статей моих. Я не положился бы на одно мое сужденье, извольте видеть, я к вам пристрастен, потому что вы моя невеста, но Витберг, который плакал, но Скворцов и Кетчер, увлеченные вдохновенным языком твоим. Пиши же, но только воспоминания и фантазии. Стихи твои, которые ты написала по заказу (года полтора тому назад), писаны слишком скоро и в слоге и в музыкальности далеко отстали от писем. Письмо— твой язык со мною, потому-то он так хорош. Ты говоришь, чтоб я написал тебе, как ты меня любишь. *О, я знаю это!* И в этом-то знании целое небо; я знаю даже, почему я достоин такой любви, знаю, что именно заставило тебя любить меня. А знаешь ли ты, что ты узнала меня гораздо прежде, нежели я сам себя узнал; ты проникла в поэтическую сторону моего характера тогда, когда он весь был покрыт ледяными кристаллами самолюбия. Напиши в следующем письме, как в тебе началась образовываться дружба к брату, и почему тогда еще Emilie называла любовью. Ты раз только вскользь упомянула. А знаешь, как эти подробности дышат небом и навевают счастье. О Наташа, Наташа, неужели грудь человека может долго вынести столько счастья? Люблю тебя, люблю, люблю!

Ночь.

Ангел, ангел, я весь взволнован, душа рвется, кипит. О взгляни на меня, я теперь хорош, прелестен. О Жан-Поль, прости мне: я писал тебе прошлый раз, что он не понравится тебе, а он-то меня теперь взбросил на небо высоко, высоко... Любовь наша описана, чистая, святая, в его «Утренней звезде»,— чудо, чудо—я вскочил и схватил скорее перо. Вот слова, которыми он оканчивает дивную картину признанья: «Блаженный, блаженный человек! Больше неба тебе не будет на земле! Покойся теперь в тихом восторге, склоняя взор свой на руку, в которую кровь течет из сердца, бьющегося одною добродетелью! Пусть все слезы радости изольются на эту руку, которую она дала тебе. И тогда, ежели восторг, ежели благоговение тебе позволит, тогда подними чистый, блестящий взор и покажи ей в нем любовь возвышенную, покажи взор любви невыразимой, вечной, немой, блаженной. О, кого любила Клотильда, тот остановится, тому восторг не позволит дальше читать...» Дальше слушай: «Восторг был в сердце Виктора, восторгом подымалась его грудь, искрился его взор,— но молчание поклонения царило над восторгом... Они приехали. И когда оба взошли в комнату Гармоники, где он вечером с таким страданием схватил ее руку, остановились они друг против друга. Как переменились они, как были блаженны. Она — как ангел божий, слетевший с неба; он — как святой, вышедший из земли, чтоб пасть тихому ангелу в объятья и с ним молча улететь на небо... Какое мгновение! Как двое блаженных перед богом, глядят они друг другу в очи и — в душу. Как ветерок, потрясающий две розы, веет вздох блаженства и пробегает по устам их, лишенным речи, быстро впиваемый грудью и радостно выходящий из нее — они молчат, чтоб смотреть друг на друга, они подымают глаза, чтоб сквозь слезу радости взглянуть, и опускают их, чтоб утереть ее ресницей... Но довольно — чтоб не истерзать душу, которая никогда не пила такого блаженства!»... Все это я набросал перечитывая, наскоро, но, ангел, ангел, почему я вспомнил все 3 марта, почему я не мог дальше читать, почему до сих пор глаз влажен и рука дрожит? Поэт, душа твоя прелестна. О, только германцы постигли, как писать о любви.

17 марта.

Странно: как мало времени прошло с тех пор, как я оставил Вятку, и вся жизнь моя там исчезает, как что-то давно прошедшее, вот новое доказательство, сколько я вырос в последнее время. Я два раза — нет, три был достоин тебя, и *все три мы виделись*. Убитый горем, отчаянный — на скачке. Очищенный в тюрьме — 9 апреля. Очищенный любовью — 3 марта. Нет, решительно нет, никакой день не затмит 3 марта —

это граница, это черта, отделяющая тело от неба, еще шаг — и мы там,— там может быть еще высшее, здесь никак.

Почему Ог⟨арев⟩ так близок, я слышу, как бьется его сердце. А Вятка — как тень в фантасмагории — меньше, меньше, точка, ничего. Будто все это я где-то читал, и в книге этой величественные черты Витберга, слеза Медведевой, улыбка Полины; читая, я увлекся, воображал, что все это в самом деле, дочитал — явилась прежняя жизнь, и книга оставила смутное воспоминание.

А что же портрет? Я не приеду, пока не пришлешь — да, правда, за что же я себя-то накажу, нет, мой ангел, прилечу, как стрела, при первой возможности. Нынче должно быть письмо.

Писавши воспоминания о Кр⟨утицах⟩ и 1834, я сегодня снова перечитал мои письма из Кр⟨утиц⟩; на этот раз перечитал хладнокровно. Когда ты получишь их, перечитай и послевозьми письма 1837 и 38 гг.Тогда ты вымеряешь всю огромность твоего влиянья; рядом с ним мое влиянье на тебя уничтожается,— в этих письмах какое необузданное самолюбие, оно мешает веровать в бога, мешает любить тебя, оно в восхищенье от себя. Первый раз я понял теперь причину падения в Вятке (сверх устали от страданий). Ты писала как-то: «Из Наташи, брошенной людям под ноги, ты создал Наташу Александру». А я скажу: из Александра, гордого эгоиста, ты создала Александра, полного любви и веры. Да, теперь я не эгоист, о нет, теперь я хорош, что за чудо, что ты могла любить меня тогда, когда я только разве огненной фантазией заслуживал.

18-го, пятница.

Твое письмо от 13-го. Что ты бранишься и стращаешь — это ничего, это шалость, и я отучать не стану, а что тебе *передали* трусость — за это я сержусь. С чего вдруг начала ты так бояться приезда? О, не думай, мой чистый ангел, об этих земных мелочах. Зови меня, зови пить любовь, быть счастливым, отдыхать на твоей груди от людей и от себя. Я боялся, когда был у вас там, безусловно, и главное — комнаты, стены, все это было для меня необыкновенно — но об настоящей опасности мне пришло в голову дни через три — и я расхохотался. Впрочем, кажется, есть возможность увидеться и без опасности, а не то — Загорье, там непременно буду. Пап⟨енька⟩ боится моего свиданья, боится лично говорить со мною — это хорошо. Лев Ал⟨ексеевич⟩ *просил* мам⟨еньку⟩ не огорчать меня известием, что ты нездорова,— это очень хорошо. Начинают же привыкать! Еще выговор тебе за молитву в 7 часу,— какая исполненная любви и веры мысль — а теперь запрещенье. Один раз я с тех пор проспал, и никогда не хочу просыпаться, но ангел

будит крылом в 6 часов, я помолюсь и засыпаю опять, и этот один раз был сегодня. Будем же, будем же молиться.

Прошу обратить вниманье на наряд для портрета — воздушная ткань, едва вещественная, с поэзией наряда и с совершенной простотой — вот что я требую. А теперь уличу тебя в кокетстве: будто 3 марта ты от недосуга была без папильоток, не обманете, mademoiselle,— впрочем, это очень хорошо, папильотки уродуют наружность, и, верно, entre autre[1] эта мысль *прибавилась к недосугу* — признавайся, мой ангел! Я с своей стороны никакой не вижу доблести не заботиться о красоте. Вятские дамы хвалили мои глаза, открытый лоб и руки — и мне это было приятно, признаюсь откровенно, даже *за тебя* было приятно. Тебе нравится слог моих статей, он в самом деле хорош местами — заботливость о нем тоже кокетство, я не оставляю свою мысль в папильотках, а *от недосуга* разбрасываю ее вьющимся локоном. Ты, верно, улыбнешься, потому что всю эту выходку я писал улыбаясь. Изящное (во всех смыслах) есть одно из трех оснований, на которых зиждется царство небесное. Покуда душа в форме — форма должна быть изящна. У тебя даже почерк прекрасный — я хвалю и это.— Повесть вместе с письмом я вручил Emilie, стало, ты ее не получила, надобно отыскать, и как же она перешла прежде к мам⟨еньке⟩? Да сделай одолженье, напиши обстоятельно об портрете — когда же осуществится хоть эта мечта?

19 марта.

Прощай, мой ангел, что твое здоровье? На второе утро в Загорье я буду читать тебе мою жизнь — это решено. Собирайся же туда скорее — да только прежде портрет. Прощай же.

Твой Александр.

167. Н. А. ЗАХАРЬИНОЙ

20—22 марта 1838 г. Владимир.

20-го марта. Воскресенье. Вечер.

Твое письмо, мой ангел, от 19-го. Прелестная, прелестная!— Человек с слабой душою испугался бы твоей любви — я ее принимаю как дар бога, но знаю: мне не могло быть другой любви, могло совсем не быть, но иной — никак. Я ее беру как законное владенье, мне вольно в ней — и за это я ценю себя.

---

[1] между прочим (франц.).— *Ред.*

Вот как награждает бог тех которые раскрывают душу изящному и безбоязненно пускают в нее сильную мысль и огненное чувство. Не могу выразить тебе, как я *доволен тобою*,— да в этом-то и любовь моя! Все мечты мои — а ты знаешь, какая вереница их была — все желанья, даже все мысли перенес я в тебя — и всему простор, как в голубом небе, да, сверх того, еще само небо изящно, прекрасно. Ну не дивная ли, моя святая, мой ангел Наташа. Забудь, что ты Наташа, вообрази себе пламенного юношу, меня, со всеми несбыточными требованиями, словом, меня, перечитай мои письма, вспомни огненный взгляд 3 марта и спроси, *какова же должна быть она?* — Так и я расту в своих глазах, когда думаю, что я тот Александр, о котором поет небесная песнь. Скажу откровенно: может, не вовсе по влеченью души я оттолкнул от себя все нечистые страсти — даже вино, даже мелочи сами в себе не безнравственные,— я это сделал из того глубокого чувства уважения к Наташе, которое нераздельно с нашей любовью. Все принес я на жертву тебе, потому что мне сладко жертвовать; в этом огне жертвоприношенья все есть: и слава, и страсти, и пороки, и власть, и друзья, и науки, и родительский дом, и все это сгорает одним огнем, в одну струю пламени, все обращается в любовь. Во мне больше земного — ничего, я буду пьедесталь, на котором поставится ангел, я буду основание, фундамент (а он и должен быть грубее, тверже) храму твоей молитвы.— Итак, ты с ребячества хотела необыкновенной жизни — вот она тебе жизнь необыкновенная, лети, белая голубица, преграды не будет и твоему полету, Александр не стянет тебя на землю. В сотый раз повторяю тебе: я не предполагал себе столько счастья! Бог, бог тебя послал мне — о, наша жизнь тогда должна быть чиста. Да, обречем себя на высокую, христианскую жизнь. С твоею властью надо мной ты можешь это сделать.

Одиночество мое здесь было бы ужасно, ежели б не твоя любовь, это не Вятка, ни одного взгляда, ни одного слова близкого, родного, все это лед, приличие. Но люди мне стали вовсе не нужны. Ведь ты со мною. Я чрезвычайно окреп после 3 марта.— Ах, чтоб не забыть: в Загорье мы перечитаем наши письма, хоть не все, непременно. *Загорье будет высшая эпоха нашей жизни*. Все время до того дня я проведу с чрезвычайной чистотой, во всех отношениях: читать — одних поэтов, писать — письма или фантазии, как можно меньше видаться с людьми, даже есть как можно меньше — может, люди очень умные рассмеются, умный человек не значит человек с душою. Может, мы и прежде обнимемся, но мне уж не хочется, да дело сделано, кажется, на Фоминой я буду дни на два в Москве. Ты, я думаю, не надивишься, как? — тогда узнаешь, секрет, скажу теперь только, что эта мысль совершенно оригинальная и основана на гомеопатии, то

есть тем именно пользоваться, что вредно. Зато эта поездка может оттаять лед на пап⟨енькином⟩ сердце.— До завтрего, ангел, покойся с богом. Знаешь ли, одно из самых пламенных желаний моих — видеть тебя спящую,— сложив руки, издали стоял бы я долго, долго, лилию бросил бы на твою грудь — и ушел бы. Одна мечта, огромная, *главная* совершилась 3 марта, стало, совершатся и другие. Да зачем же я с тобою так рано распростился, жаль и письменно расстаться... Милая, милая! Смерть хочется плакать — блаженством, восторгом, мечта о тебе спящей опять все взволновала, я закрыл глаза и представил себе — живо, живо. Да не в комнате, не на постеле, нет, середь цветов, под небом, под деревом. Наташа, безумнее, сильнее тебя никто бы не любил, как твой Александр,— это не уверенье, а мне сладостно говорить об этом. Вот явная перемена после 3 марта, я делаюсь мягче, нежнее, обрадуется Витберг, часто доставалось мне от него за жесткость — и все ты, тобою. Да и в самом деле мы исчезнем наконец в одном ангеле.

Кетчера за повесть винить нечего — я ее отдал Emilie вместе с письмом и с другой статьей. А «Моя жизнь» у Левашовой (слыхала ли об ней — моя партизанка большая и писала даже ко мне, а отроду не видались; но высокая женщина, я ей подарил «22 октября»). Кланяйся Саше, я знал, что ей значит моя записка. Матвей с уважением кладет в сторону пакеты, на которых надпись твоей рукой, я ему обещал в награду за все показать тебя в Загорье — итак, там тебя ждет, как испанскую королеву, торжественное besa mano! Это письмо, может, придет не прежде 25 марта — *поздравляю тебя!!*

21, понедельник.

Лента, лента! Вейся, святая, милая лента — получил, ангел мой, благодарю, но я ее не надену, оставь мне как хочу управляться с нею, она принадлежит душе, до тела, кроме губ, ей не касаться после того, как она служила поясом тебе! Благодарю, благодарю — я ее свернул и дышал сквозь ее, вдыхал в себя силу целебную, любовь. А 3 марта я ее не заметил. И еще письмо — богатство! Итак, «Моя жизнь» у тебя — я вперед сказал, что тебе понравится, однако ты забыла предисловие. Теперь еще написано VIII глава «Ландыш», IX глава «Ἀνάγκη» (помнишь в «Notre Dame» это слово было вырезано у Клода Фролло, оно значит Fatalité); начал было VII «Студент», но вяло. А теми доволен. Куда же это Emilie дела «Елену»? Дурно, ежели я потерял на дороге, разведай. Как хочешь, однако моей иронии, юмора я не выброшу, он на месте, и прелестная картина, оканчивающаяся *их смехом*, делается еще сильнее, а главное — мне это натурально, натяжки нет решительно.

«Пап⟨енька⟩ пишет о горестях иметь такого сына, как я»,— и я чтоб сделал твой вопрос на 25, помилуй! — я писал холодно и мало. Не верь его вниманью, бога ради, не верь.

О портрете. Взошел в резон, да ведь я прежде не знал московского обыкновения рассветать в 8 часов. У нас во Владимире солнце в⟨с⟩ходит *15 марта в 5 часов 48 м., а там все раньше*, а рассвет бывает за полчаса до солнца. У вас наоборот. Видишь ли, какой я немилосердый! На ленте не повешу его — запылится и испортится. Лента, браслет, медальон и кольцо — это антиминс моей души. Сама ты должна им поклоняться.— Чем больше читаю Жан-Поля, тем больше люблю его, его сочинений так много, что еще надолго станет. До вечера.

Вечер поздно.

Заметила ли ты, мой ангел, что минуты ужасной боли и тоски совершенно уничтожились после 3 марта. Бывает грустно, да и как не грустить нам друг о друге, но эта грусть приняла другой тон, она не дерет на части бедную душу. О, что бывало со мною в Вятке, я, разумеется, писал вполовину. Да, кстати, ты спрашиваешь, что пишет Полина, а я тебе писал, что строки от нее не получал. Я тебя спрашивал в последнем письме о начале любви,— *заметь, в то же число* ты мне отвечала, да нам просто придется не писать и не говорить: мы свели счет, душа одна! Прощай, невеста. Жду, не дождусь, когда меня станут поздравлять с невестой. Кто б то ни был — обниму, расцелую. Будь хранима богом.

Addio. А л е к с а н д р.

22. Вторник.

Поминая наши великие дни, ты часто забываешь 20 июля, это грешно — прелестен и он. Писать некогда. Прощай. Целую тебя, дай руку, поцелую ее — она благословила меня. Прощай.

Твой А л е к с а н д р.

На обороте: Наташе.

168. Н. А. ЗАХАРЬИНОЙ

23—26 марта 1838 г. Владимир.

23 марта 1838.

Ангел мой, я теперь сидел, и думы толпой пробегали по душе. Перебирая всю любовь, нельзя не видеть ясного перелома во мне. Сначала я считал себя равным тебе, сначала я гордо

полагался на свое влияние и достоинство (35 и 36 год.); с того времени ты все росла, и уже я очутился на коленях, не смея стать рядом, и это-то глубокое чувство смирения перед ангелом преобладает теперь в каждой строке. Откуда оно? Вымарай из моей жизни историю Мед⟨ведевой⟩, и любовь моя далеко не приняла бы религиозного направления. И опять ты все прежде меня постигаешь, ты это же самое писала два года тому назад, именно нужно было преступление, чтоб смирить гордость. Душа женщины большей частию несравненно чище души мужчины. Какие примеры окружают душу юноши с 15, 16 лет? Чего он не переиспытает до окончанья школьных лет, чувства притупляются, эгоизму раздолье, религии нет. А дева в своем затворничестве чиста, как ласточка, неопределенная мечта ее религиозна, свята — такова и любовь, а эгоизму мало доступна. Оттого женщина всегда самоотверженнее, из любви погибнут *многия*, но не много*ие*, из гордости наоборот, лучший пример — дуэли. Сильно должно быть потрясение, чтоб усмирить юношу, и вот ужасная встреча с М⟨едведевой⟩ окончила мое воспитанье. Но эта встреча проскользнула бы, едва оцарапав, надо было непременно, чтоб как улика был перед глазами человек во всей славе, во всем сиянии — это ты, моя божественная — и я смирился. Теперь я не паду, говорю решительно, радуйся же, радуйся, ты овцу потерянную ведешь домой. Другой перелом в любви тоже заметен — это ее возрастание; возьми письма и посмотри, как мало-помалу Любовь все поглотила,— звезды светят, но выходит солнце, звезда за звездой бледнеет, меркнет, та держится дольше, другая — но оно вышло, царственное, и исчезли звезды, и месяц, как тень убитого, дрожит на небосклоне. Слава боролась с тобой всех храбрее, десять лет беспрерывно она обтесывала себе пьедесталь из моей души, и вдруг на этот пьедесталь становится дева, она попробовала стать хоть вместе, но могла ли она, женщина развратная, облитая кровью Мессалина, актриса нарумяненная, могла ли устоять рядом с девой-ангелом? А тебе хорошо, Наташа, на ее пьедестале, никто не умеет ставить лучший пьедесталь, лучшую колонну, как слава, цари же на нем. Вот моя грудь, раскрой ее, и ты увидишь, что в ней ничего нет, кроме тебя, как в церкви ничего, кроме бога. И как в церкви любовь к богу выражена всеми искусствами, так и ты в моей душе слита с поэзией, с мыслью, с чувством, тобою свято прошедшее, свято настоящее, свято будущее. В самом деле, тебе должно быть удивительно (как пишешь в последнем письме), как холодный cousin превратился в горячего брата и в пламенного жениха. Но сетовать на меня нельзя, что я так долго не узнавал мою Наташу в кузине Наташе,— моя огненная живость и твоя кроткая тишина не имели перехода. Я считал тебя холодною (не знаю кто тебя

сравнивал с Елиз⟨аветой⟩ Петр⟨овной⟩ Смаллан, чуть ли не Т⟨атьяна⟩ П⟨етровна⟩, и называли англичанкой), видел большие способности и жалел о твоем положении. Я узнал тебя гораздо ближе, когда была Emilie; она имеет именно ту живость и пылкость, которая должна была остановить мое вниманье, но заметь, я не предпочел ее тебе, твоя высота скоро стала заметна. Помнишь ли ты стихи свои, писанные в 1833 — душа твоя вырвалась в них сильно (они целы у меня). Emilie была именно переход между нами; но я не любил тебя *любовью* (вы знаете, что я тогда был влюблен!!). Несчастие ужасное потрясло меня. Живость остановилась. Тут симпатия твоя и Emilie явилась во всем блеске. 20 июля вечером я тебя любил уж страстно — без малейшего сознания, любовь во мне, как озимовое зерно, должна была целую зиму таиться, неузнанная. Заметь, я пользовался каждым случаем посылать тебе поклон, на тебя была обращена вся внимательность, вся нежность моя, я был очень *пламенный* брат и, методически уверяя себя, что любовь вредна и не существует, я дожил до 9 апреля и, наконец, до конца 1835 года. Вот вопрос весьма важный: был ли я влюблен в Мед⟨ведеву⟩? И да, и нет. Ее несчастное положенье, прекрасная наружность, немножко кокетства и очень много ума увлекали меня, а я тогда стоял на распутье и не знал, куда идти, предавался всему усталой душой, не любил никого из вятских, вином, даже картами тушил другие потребности души. Ее внимательность теплая, как нарочно близость квартеры — и я сделался у них свой человек. Суди меня строго, но вспомни: ни одного человека, который бы с любовью посмотрел на меня, и вдруг является человек, и притом женщина, и притом 24 лет, и притом образованная. Я увлекся мгновенно, сильным, бурным характером увлек ее и, заметь, в ту же минуту опомнился, в ту же минуту разглядел, что это не любовь, что мне такое чувство узко, что от него пахнет помадой, а не живой розой. Тогда-то судорожно требовал я себе иной любви, и на все эти требования душа отвечала: «Наталия». Я трепетал, задыхался, я мучился, читая твои письма — но скрывался от тебя. О Наташа, сколько раз перед моими бешеными письмами в конце 1835 и начале 1836 я сидел в совершенном отчаянии перед моим столом, облокотясь на обе руки. Пот выступал на лице, и холодная капля слез сливалась на твое письмо. Я мял этот листок в руках, прижимал его к голове, в которой горел смутный пожар, и рядом со всеми этими мученьями выходила мысль, что я обманул М⟨едведеву⟩. И отчего я мучился — разве прежде нежели ты писала о любви, она не ясна была? *Я сознавал себя не достойным твоей любви.* Да, да, именно это чувство терзало меня, и его-то я передал Полине, как только сблизился с нею, я казался гадок, запятнан себе, а ты, как нарочно, бли-

стала ярче, ярче... О моя Наташа, как взволновалась душа от этих воспоминаний... Щеки пылают... слеза... Наташа, Наташа, нет, я стою твоей любви, еще раз взойди сомненье в мою душу — и я погиб, но оно и не взойдет. Дай руку, приложи ее на эту грудь — она преступна, но она полна любовью, она так умеет молиться Наташе — когда же мы вместе, нет, соединимся, бог с ними, тогда все это я расскажу тебе и слезу ты утрешь поцелуем. Помнишь, тогда, 3 марта, ты раз закрыла глаза, когда я поцеловал тебя, и поцелуй был долгий, долгий. Твои уста — как они чисты, святы... а те жгут, на тех был опиум, повергал в упоенье и отравлял. С тобой не бывает таких сумасшедших минут; ну, спи же, ангел, спи, что, кроме улыбки, может привидеться тебе?

24 марта. Вечер.

Мне что-то грустно, Наташа, где ты? Что же нет тебя, чтоб эту грусть отвеять дыханьем, взглядом, поцелуем? Наташа, зачем ты не тут. Завтрашний день навеял грусть. Где же та, одна, для которой 25 марта торжество огромное, для которой рожденье младенца тогда, 26 лет тому назад, заключало в себе всю светлую сторону жизни? Рука ищет твою руку, хочет ее прижать к груди, к сердцу, и все-таки разлука, одна разлука. Ты, верно, теперь грустишь — внутренний голос говорит мне. И не в наших ли руках будущее, это робость с моей стороны отдавать на мученье ангела, страдать самому — от робости. Где же тут огненный, предприимчивый Александр, покрасней ты за него, он геройствует на словах. Нет, с 12 февраля решено действовать — лишь бы расположить обстоятельства. Я не могу больше быть с тобою в разлуке, разлука похожа на чахотку: иногда спрячется, будто ничего, и розы на щеках, дунул вешний ветер, и грудь страшно напоминает, что болезнь тут. Как свирепо и жестоко поступают с нами люди: с тобой за то, что ты молишься об них, со мной за то, что я любил их всей душою. Сегодня не будет другого звука — замолчу, хоть бы портрет твой был — больная душа хочет опоры. Ах, Наташа, как я люблю тебя, как ты слилась со всякой радостью, со всякой мыслью. Милая, милая Наташа, ведь ты моя невеста. Господи, прости этот скорбный звук, нет, нет, ты много сделал для меня: Наташа моя невеста!

Позже.

Последние письма из Кр⟨утиц⟩ хороши (прошлый раз я бранил), но не твой Александр в них, а Александр Огарева. А я, должно быть, сильно увлекал ими тебя. Вдруг этот огонь вулкана перед твоим ясным взглядом. Перечитал и 35 год опять. Лучшая характеристика второй половины этого года — строки,

писанные перед Новым годом. «Тогда склоню я голову на грудь твою, ежели она не будет принадлежать другому» — только эта нелепая мысль и может отчасти извинить нелепую жизнь того времени. И из этого Александра ты образовала своего. Ведь я сделался не тем, чем *я хотел*, а тем, чем *ты хотела*. Это ясно. Да вот еще что я заметил в письмах: ты можешь быть со временем советником губернского правления — на большей части писем есть пометка, когда получено.

12 часов и, след., 25 марта.

Ты, может, покоишься, спишь, мой ангел. Спи же, и пусть бог пошлет тебе образ твоего друга вместе с первым часом *его дня*. Наташа, я раньше тебя поздравил, нежели ты меня. И мой сон должен быть прелестен под утро — твоя молитва понесется тогда к небу.

25 марта. 8 часов утра.

Обнимемся еще, поблагодарим бога; ты — за мое рожденье, за мою жизнь, я — за то, что эта жизнь мне дорога — тобою, ангел благодатный. Сейчас получил твое письмо и в нем второе — к М<едведевой>. Итак, мой день начался торжественно. С чего ты вообразила, что я болен, не знаю. Душа иногда падает у меня в низшую атмосферу, не всегда может держаться там, где держится твоя, от этого иное письмо хуже — таковы были два прошедших. Но где же болезнь? Пиши *«жизнь»* письмами. Это дивно, вот мне подарок для 25 марта.

Я просыпался сегодня в 5 часов — и молился, ты, верно, тогда же.

2 часа.

Писал к папеньке сильно; но уже не просящим, эту речь я отбросил. Между прочим, я писал, что ежели он поймет, наконец, нашу любовь, то выгода с его стороны — это будет значить, что бог раскрыл его душу чувству высокому. И в самом деле дай бог, дай бог, чтоб наша любовь могла и их поставить на подножие лестницы, по которой идут туда, туда!

25 марта. Вечер.

Ты меня чрезвычайно обрадовала тем, что обещала писать свою жизнь. Я восхищаюсь твоей манерой писать, у тебя размах фантазии как-то огромен и всегда *ровен*, чего именно нет у меня, иногда я подымаюсь высоко, но горный воздух слишком чист для больной груди, и она опускается, у меня это скрыто всегда переливом в иронию; но это усталь. Иногда, читая твое письмо в десятый, двадцатый раз, я взгляну на него с литературной точки зрения, и, признаюсь, ежели бы ты была *не моя*,

я мог бы завидовать поэтическому таланту. Почти каждое письмо — поэма, и чувство вырывается из души стройно, как из арфы, и главное, ты не чувствуешь, что песнь льется, это так естественно тебе, как любовь ко мне. Откуда бог взял такую дивную деву для меня? Вот говорят, что люди обыкновенно делают желания несбыточные, как же все мои сбылись? Как же ты, начиная от красоты наружной до молитвы, с избытком выполняешь все мечты мои?

Письмо твое к М⟨едведевой⟩ превосходно, завтра пошлю. Ежели она закроет свою душу твоей симпатии, то и тогда ты не должна ее оставлять. Потому что удар в ее грудь нанесен рукой, близкой тебе. Ах как пламенно желал бы я, чтоб бог раскрыл ее душу твоей дружбе и, след., миру высшему. Ну не дивное ли зрелище: ты сестра ей! Как наша любовь выше *их* любви! Но скажу откровенно: я не вовсе еще в ней уверен, не обманывает ли она себя. Ее слабая, болезненная организация приводит меня в ужас, мать трех малюток без куска хлеба! Мы иногда думаем о наших маленьких несчастиях, погруженные в море света, об этих временных препятствиях. А как же сравнить мою тюрьму, мою ссылку, твои истязания — с целой жизнью такой, как М⟨едведевой⟩. Фу! Даже Витбергово положенье несравненно лучше — он посвятил себя искусству. Ее жизнь людям брошена на съеденье.

Дорогу в Царицыно найти не мудрено, а ты вот что сделай: я назначу тебе день и час, когда приеду; вели Арк⟨адию⟩ прийти ко мне, ежели меня нет, пусть подождет, но я приеду аккуратно, больше 24 часов нельзя быть на дороге. Я хотел тебе писать, что приду с рассветом,— и ты мне это пишешь. Итак, мы увидим восходящее солнце и его звездочку, Наташа,— лучше Загорья ничего жизнь не даст, как воспоминанье об нем. Нет, нет, не бойся, склони молча голову, я не буду говорить, не нарушу молчания! А твоя рука только должна быть в моей, я ее сожму, я ею утру слезу. ПЯТЬ ДНЕЙ! И от 2 (а может, можно и с вечера?) до 7 — ПЯТЬ ЧАСОВ!

А что портрет? Да, вот что: никак не посылай, ежели будет непохож, пусть судьею будет Emilie. Да еще живописцы имеют обыкновение придавать лицу официальную веселость, никак — твою улыбку, ежели какой-нибудь портретист умеет ее понять. Ах кабы Витберг! Вели сделать готические кресла, мои любимые, с украшениями en ogive[1] и резьбою. Я, право, ребенок и притом баловень, это дело решенное. Ты, верно, уж спишь, дай же я тихо, тихо поцелую тебя и долго, долго остановлю взор, влажный от любви, на твоем прелестном лице.

Прощай.

---

[1] стрельчатыми (франц.).— *Ред.*

26 марта. Суббота.

Десять часов, а я сейчас встал, вот как исполняю твой приказ много спать. На дворе какая-то бесцветная мерзость, и на душе не рассвело. Вчера я, как лег, положил твою ленту себе на грудь и так уснул. Она живая, она полна магнетической силы — когда-то ты, ангел мой, уснешь на этой груди? Двигайся же, время, пора, пора! Ежели не будет возможности устроить портрет, напиши, я нашел самое странное средство, и оно, кажется, удастся — напишу Льву Ал⟨ексеевичу⟩,— он *чувствителен* и, право, сделает.

Прощай, моя Natalie.

А л е к с а н д р.

То, что ты пишешь о Т⟨атьяне⟩ П⟨етровне⟩ — полная характеристика ее, свойство полудуш — выезжать на фразах. Есть в ней доброе и умное. Однако когда умереть — не хотела, однако равнодушна была!!

169. Н. А. ЗАХАРЬИНОЙ

27—29 марта 1838 г. Владимир.

27-го. Воскресенье. Вечер.

Итак, мой ангел, ты прочла «Елену». Да, это исповедь, и исповедь, вырвавшаяся в самую страдательную, болезненную эпоху. Впрочем, не *все же факт* в ней. Князь немного хуже поступил меня, зато больше и наказан. Окончание было прежде не то (ты можешь видеть по вымаранным листам), сумасшествие князя было единственным спасением, иначе он был на дороге к самоубийству. Что она перестала молиться *о выздоровлении*, из этого не следует, что она перестала молиться о его душе. Впрочем, я вымарал в том экземпляре, который отправился в Петерб⟨ург⟩, «через десять лет» — эти строки наскоро были набросаны в то время как К⟨етчер⟩ был здесь. Надобно еще заметить, что в этой повести все пожертвовано одному лицу — Елене. Повесть эту читали в Москве; многие бранят свиданье князя с Еленой и чрезвычайно хвалят Ивана Сергеевича, который торжествует детской душой над неугомонным князем. «Его превосходительство» представит опять Мед⟨ведеву⟩, но там уж моя роль чиста; наконец, бродит и третья повесть: ты и М⟨едведева⟩ — сестры.

Загорье так верно, как завтрашний день. Но приезд на Святой зависит от одного постороннего человека и от одного генерала, живущего в Москве, и теперь наверное отвечать не могу. Я тогда приеду прямо домой и пробуду дни четыре. В будущем

письме напишу. Меня тешит до крайности оригинальность средства... узнаешь после.

Твое письмо грустно и дурно грустно, такого после 3 марта не было. Между прочим, мне кажется, ты немного сердишься за мою шутку о кокетстве, Наташа, правда? Прости же, мой ангел, я просто подурачился, ну дай руку и, милый друг, ни слова об этих пустяках. Ты не понимаешь, в чем именно отказ,— там сказано: «Герцену так недавно оказана милость государя, что *в скором времени* нельзя взойти с новым докладом»... А что такое по их «в скором времени»? Еще тень надежды на наследника осталась, покуда не прошла Святая; ежели же пройдет она, нечего будет и ждать *в скором времени*. А разве Загорье не наше, а разве в Вятке смел я мечтать о 3 марте? Нет, не отчаяние, а молитва искренней благодарности должна наполнять нашу душу.

«И я полечу ждать тебя там».— Тебе дивно будет ждать у подножия престола божья, с ангелами, в вечном свете. А я как останусь здесь без тебя, у меня нет будущего без тебя,— есть одни страдания, одно отчаяние, одно продолжительное самоубийство... Наташа, полетишь ли ждать там? Я тебя приковал к земле, как Юпитер Прометея, но приковал любовью, в ее имя перенеси жизнь. Ночь.

«Там», поставив тебе меня в третьем лице, живо представило всю черноту моего поступка. Признаюсь, в первую минуту, как я читал твое письмо, щеки вспыхнули, и письмо задрожало в руке — но потом я обрадовался: не я виноват, что ты из писем не видала,— луч солнца никогда не попадает на дно колодца, а колодец открыт. Падение было огромно, но огромны и страдания, возьми, напр⟨имер⟩, мое письмо от моих именин 1837 года и два следующие. Но зачем же ты говоришь, что я не писал тебе? Да, я не писал сначала, в чаду, а после писал в каждом письме. А наша симпатия — в ту самую минуту, как ты читала «Елену», я писал тебе прошлое письмо. Больно стоять преступным перед тобою, ангел, больно потому, что ты не осудишь. Моя исповедь Витбергу была ужасна, она была бы легче, ежели б Витберг строже принял ее. Вот в том-то и будет наказание грешнику, что бесконечная благость будет его прощать, а он увидит, что не достоин прощенья. Наташа, что было бы со мною, ежели бы все обстоятельства Елены повторились, даже смерть? И в дополнение — разлука. Холодно, мороз обнимает сердце. Ну, как же мне не ставить себя ниже тебя — чистота безусловная, святость! Ежели б я был так чист... О!.. Наташа, вот я опять черен и грустен, вот чувства, давно забытые, опять сосут душу, сегодня Лазарево воскресенье, и они выходят смердящие из катакомбы и шепчут на ухо: «Таков ли

должен быть Александр Наталии... и все это было после 9 апреля, может, за день прежде, нежели ты осмелился ангелу говорить о любви, за месяц прежде, нежели рукой нечистой осмелился распечатать письмо, в котором она писала о любви?» — Терзайте, терзайте меня... этого требует справедливость высшая, небесное правосудие. О Наташа! Не слеза — кровь хочет брызнуть.

Ἀνάγκη!! [1]

28. Понедельник. Вечер

Вчера, написав ту страницу, я бросился на постель, не спалось, фантазия, оживленная 3 мартом, схватила прежнюю мысль и всем новым огнем раздувала угрызенье. Долго не мог уснуть, уснул и с каким-то трепетом просыпался несколько раз. Сегодня утомлен, глуп, пуст... А ты и сегодня ангел!.. Прощай, дай я поцелую руку, сегодня я не достоин целовать тебя в уста... Говею; прощай же.

29. Вторник.

На дворе солнце, и я выздоровел (душою). Нет, и тот, кто из паденья умеет подняться до полного раскаяния, и тот достоин милости бога, а когда еще ангел ведет его! Род человеческий уж для того должен был пасть, чтоб иметь радость быть спасенным Христом. Ты мой Христос! Что я писал в прошлом году, то повторю и теперь: говею я дурно, не могу заставлять душу молиться именно тогда-то (исключая седьмого часа); молитва молнией пронесется по душе, взглядом на небо, слезой — а это все так материально. Но я люблю церковь, я всегда там мечтаю о тебе, думаю, как ты, ангел, стоишь *дома* перед Отцом и смотришь на него, и он благословляет тебя тою же десницей, которой благословляет шар земной — вселенную и — меня.

Нынешнее письмо коротко, прости — ты получишь следующее письмо в понедельник на Святой, прежде ответа от меня не переходи к княгине — но смотри, как бы не догадались: твой переход и мой приезд.

Пускай себе, я все жду с нетерпением твоего разрыва с светлейшей тетушкой.

Как ударят к заутрени в Светлый праздник, поцелуй мой портрет, а я твою ленту, и души наши обнимутся.

Прощай.

Твой Александр.

Emilie братский поклон,— разумеется, я с нею увижусь, ежели приеду в М⟨оскву⟩.

На обороте: Наташе.

---

[1] Судьба!! (греч.).— *Ред.*

170. Н. А. ЗАХАРЬИНОЙ

30 марта — 3 апреля 1838 г. Владимир.

30 марта. Середа.

Поэма моя «О себе» оканчивается. Дальше 9 апреля она не должна идти. Да, это поэма юности, и она хороша, юноша ее не прочтет хладнокровно, жаль, что *по многому* не везде все сказано. В IX главе описана студентская оргия и прогулка; бога ради, не смешай часть их с обыкновенными выходками иронии, о нет. Ты не знаешь этот шумный, пламенный водоворот *разгула*, представить его трудно: бурный вальс высоких идей и плоских острот, вдохновенных речей поэта и bavardage[1] пьяного. Но все это вместе имеет *свой* изящный отпечаток, даже со всеми шалостями, как описано. Я перелистываю и радуюсь: ничего темного, ничего пошлого, моя юность прошла хорошо. Мне надобно было уехать за 1000 верст от Воробьевых гор, от 20 июля и 9 апреля, чтоб опьянеть от заразительного дыханья толпы и усыпить душу. Но что за дивная, святая поэма вливается в мою жизнь — твоя. Жду твоих писем, как ждал отъезда из Вятки. Это будет твоя любимая статья, пишешь ты, это само собою так быть должно, для тебя не покажется мелочью всякая подробность, входящая в состав целого, эта жизнь бурная, порывистая, которая искала по всей вселенной цели, вдруг останавливается, бросается на колени перед девой, отрекается от всего и ставит ее любовь вместо всех огромных призраков, звавших ее сильным голосом. Моя жизнь необходимое предисловие к моей любви. А твоя — я боюсь выразить всей мысли, но оно так,— она выше евангелия для меня, как голубое небо граничит с самим богом, так и жизнь твоя. Еще о том же: 20 июля я тебя заставил говорить не совсем так, слово в слово, но заметь: мысли и даже выраженья взяты *из твоих писем*. Наташа, мы жили! Многие ли могут сказать это? Там, в Загорье, твой Александр прочтет свою жизнь и бросит ее к твоим ногам, его жизнь до 9 апреля — один пьедесталь, одна ступенька, которой коснулась нога твоя, чтоб стать во весь рост. О мой благодатный, прелестный ангел, что было бы со мною, ежели бы вычесть из жизни 20 июля и 9 апреля?? (3 марта уж следствие).

Вечер.

Отроду первый раз я сегодня исповедовался. Холодно пришел я в церковь, холодно взошел в алтарь. Первое, что тронуло меня,— это прекрасные черты священника. «Верусте ли в бога?» — «Верую». — «А что такое верить?»,— спросил с⟨вященник⟩, быстро и проницательно взглянув на меня. Душа моя

[1] болтовни (франц.).— *Ред.*

раскрылась, пламенно отвечал я, и его душа оставила формализм. Беседа сына и отца, полная любви, вышла из исповеди; я ему сказал обет, который я дал себе при выезде из Вятки (и который скажу тебе *тогда*), он с удивлением взглянул на меня и, молча обращая взор к небу, сказал: «Господи, укрепи раба твоего Александра!» Мы расстались чуть не со слезами. Итак, вот первый человек во Владимире! Я ему тут перед алтарем божи⟨им⟩ говорил о тебе — мне это необходимо было, я оживаю, когда могу говорить о тебе. Он сказал, что ежели венчаться здесь, то нужно только свидетельство от твоего духовника и мое удостоверение, больше ничего. Это прелесть. Не дивна ли христианская исповедь,— заставить обнажить человека душу значит заставить его смириться, просить прощение, а когда человек может быть выше, как не прося прощения у брата. Иду спать. Прощай, милый, милый ангел, завтра надену браслет. Ну, посмотри на меня долго — ведь впечатлеть твои черты — тоже молитва, с ними я христианин, с ними достоин причащаться. Natalie! Написавши твое имя, как будто я очень много сказал, больше, нежели словами могу, да ты и прочтешь в своем имени, писанном моей душою (а не рукой), все, что я хотел. Благослови же меня на сон чистый и святой...

31 марта. Четверг.

Ангел мой, сегодня ничтожный[1] случай привел меня в восторг, в умиление. Я причащаюсь, за мною маленькая девочка, хорошенькая, когда мать ее подняла, она сказала ее имя, и это имя — Наталья. Я остался на своем месте, не отступал далее и с восторгом взглянул на небо. Ведь оно ничего, разумеется (ничего *по их* значит то, что не приносит рублей, пользы), но почему же из двухсот имен, которые беспрестанно слышим, встретилось у потира — Natalie,— то имя, которым я молюсь, ТВОЕ ИМЯ. Ты пишешь в прошлом письме: «Да и будет ли будущее?» Зачем это сомнение? Нет, после 3 марта моя вера незыблема. И от кого же зависит наше будущее? — от бога и от нас. Бог может скоро одного из нас позвать — тогда другому здесь нет будущего; но бог этого не сделает, он знает, что есть еще рай и молитва на земле. Он в награду тебе покажет всю прелесть земного бытия, он в награду тебе оставит меня. Верь, Наташа, верь, я не могу себе дать отчета, но громкий голос говорит в душе, что скоро настанет огромный день нашей жизни, высший, святейший,— день, в который представитель Христа именем бога уничтожит двух человек, чтоб создать одного ангела,— потир из металла, он земляной, грубый, но вот в него налита святая кровь, и он свят; так и я, как сосуд земной,

[1] Очень глупо, это совсем не ничтожный случай (2 апреля).

буду свят, когда благодать бога Наталией сойдет в него. Верь! Сегодня три года, как читали сентенцию.

1 апреля. Пятница.

Напиши к Ал⟨ексею⟩ Ал⟨ександровичу⟩ письмо о твоих деньгах, скажи ему просто, в чем дело, и пусть он их пришлет на мое имя во Владимир. Пожалуй, и я напишу ему, nous sommes de bons amis[1]. Это полезно, потому что, ежели он найдет препятствие исполнить, то уже на него и не считать. Пришли мне адрес его. Каков ваш приходский свящ⟨енник⟩, выдаст ли он то свидетельство, о котором я писал? — После Загорья нечего больше ждать. Да заставь Emilie думать, ты не умеешь, у тебя один талант — любить. Письма еще не приносили.

Знаешь ли, каким новым огромным блаженством наградил меня бог, я почти всякую ночь вижу тебя во сне, и проснусь со слезою радости, опять засну, и опять ты,— прежде я очень редко видел тебя и сердился. Дивны эти сны, они отдых для тоскующей души. Сегодня сон был страшен: ты сидела у окна, я стоял возле тебя. Вдруг что-то сверху обрушилось на тебя, холодный пот выступил на мне, я проснулся, задыхаясь от испуга, потом засыпаю — и что же? Ты с улыбкой мне говоришь, что это ничего, и я плакал, прижав голову к твоей груди. Ангел, ангел!

Письмо, письмо — я всегда получаю на другой или на третий день — счастливее тебя. Итак, ты отрекаешься от своих талантов, у тебя только любовь — так отречься может и христианство, в нем ничего нет — только любовь. А бог — разве не одна любовь? Ты выгодно променяла таланты!

Ты пишешь 29 числа, что последнее письмо мое было от 19 — стало, одно пропало на почте, потому что пап⟨енька⟩ уж 25 получил мое письмо от 22. Напиши, есть ли письмо от 22.

Дорога напрасно тебя стращает, опасного мало, а только много беспокойного, тем не менее ты слишком поторопилась перейти к княгине, я писал, что время отъезда не от меня зависит, и, сверх того, то лицо, с которым бы я поехал, не захочет 170 верст туда и 170 назад толочься, как в ступе, по прескверной дороге. Я не обещаю. Загорье наше, тут и тени сомненья нет, назначь сама число — и я в Царицыне. Мне очень хочется увидеться с пап⟨енькой⟩ — авось либо я что-нибудь и сделаю. Не то, приглашаю вас заплатить мне мой визит 3 марта и будущий во Владимир — освобожденья не дождемся и не для чего, здесь мы лучше проведем первые месяцы — совершенно одни, вдобавок здесь не по-вятски кругом дивная природа. На это

[1] мы с ним добрые друзья (франц.).— *Ред.*

нужны деньги (прозаическая сторона, подкладка!), тысяч пять я достану, будет довольно, а ежели еще твои пришлют, так и чудо. Что, трепещет душа при этой близости, Наташа! Даже эти материальные подробности, как птицы на море, говорят о близости материка, утренний ветерок уж говорит о рассвете.

Как все шумит, суетится, скоро праздник. Ты писала мне два года тому назад, что тебе было досадно смотреть на этот шум и хлопоты, с которыми толпа встречает праздник. Зачем же ты взяла прозаическую сторону — нет, я с восхищеньем смотрю на эту беготню. Что такое двигает эту массу, что меняет быт, занятия — религия, она у грубых выражается грубо, *но это она*. Новым платьем, лишним кушаньем — они чествуют воскресение Христа, все же лучше холодного эгоиста с своим равнодушием. Вот ночью ударил колокол, и усталый работник, и больная старуха, и ребенок бегут в церковь, оставляют сон, покой — зачем? — Молиться, обрадоваться вести о воскресенье *вместе*, *одним человеком* встретить Светлый праздник. Я часто смотрю на какую-нибудь старуху или солдата, как он молится в церкве чудотворной иконе, как целует ее в пяти разных местах. Это идолопоклонство, так! Но что было бы с его душою, ежели б не было этого чувства? Толпа — ребенок, мало понимает, много чувствует. Мне нравятся эти приготовленья, это их поэзия; сверх того, праздниками они отвлекаются от душной, угарной жизни в нижнем этаже человечества. Но ты тогда и не писала о толпе, а об чужеядных растениях дома ее сият⟨ельства⟩.

Вечер, поздно.

Ну, вот и переписана тетрадь «О себе» и кончена почти, недостает двух отделений: «Университет» и «Молодежь». Но этих я не могу теперь писать, для этого мне надобно быть очень спокойну и веселу, чтоб игривое воспоминание беззаботных лет всплыло, это напишу тогда. Крутицы, сентенция и 9 апреля — все есть, много сильных мест, вдохновенных, однако и шалости не забыты, повторю: не могу расстаться с дурачествами иронии, мне всегда кажется, что ничем нельзя оскорбить глубже толпу, как к прелестной мадонне повесить ее пьяную, неуклюжую рожу, как, говоривши час языком человека, заговорить на минуту ее языком. Ба, вот тебе замечание: сейчас взглянул на твой пакет и ставлю тебе на вид, что знак восклицания на пакетах не ставится. Опять глупость! Я или мрачен, или глуп — когда ж я бываю хорош? А вот *тогда* буду хорош. — Меня мучит, зачем ты долго не получаешь писем моих, и не могу понять отчего. А о портрете ты уж и не поминаешь.

Суббота, 2 апреля.

Встречай весело, мой ангел, праздник, оттолкни все чернос, и наш праздник скоро придет. Ведь в самом деле посторонние, жалея тебя, всегда забывают любовь мою, разве она не закрывает поцелуем каждую рану, сделанную булавкой? Они смотрят на наружную жизнь, забывая, что смысл и важность наружного в душе. Насчет моего приезда ничего не могу сказать. Следующее письмо будет от 5, в нем, должно быть, напишу обстоятельно. А досадно, зачем ты перешла; я воображаю, ужас как скучно в сият⟨ельной⟩ спальне. Да кстати, я не токмо не надулся от твоих замечаний о дурной дороге, но поцеловал это место — ты права, любовь сочиняла молитвы. Ангел мой! Однако ты не воображай, что убедила меня, секунды не остановлюсь за дорогой — это другое дело. Когда я ехал в Пермь в 1835, я скакал 1500 верст по аду, реки в разливе, дороги избиты, лед, грязь, ямы — и что за награда? Гаврил Кириллович Селастенник, пермский губернатор. А от Владимира до Москвы нет ни одной большой реки, нарочно не утонешь, нет гор, и вдобавок 17 часов езды.

Едет ли Emilie на Кавказ? Это досадно! Кто же тогда за нас подумает, ведь и я не мастер и беру на себя только достать денег, священника и вести тебя. Прощай, мой ангел. Поцелуемся.

Твой Александр.

12 часов ночи. Суббота.

Наташа, Наташа, ангел мой... проснись, раскрой твои прелестные глаза, твой Александр будит тебя... Слышишь, вон раздался первый удар. Торжественно, плавно льется он из медных уст, воздух ликует. Священная, таинственная драма его страданий окончилась. Человечество, иди молиться искупленью... Пойдем же и мы — перед ним только ты, я должен был взглянуть на тебя. *Наташа, будущую пасху мы встречаем вместе.*

3-го. Утро, рано.

Как радостно я встретил нынешний праздник, где же это болезненное вятское отчаяние? О, сколько выше настоящее, и сколько выше стал я сам. И у нас сегодня воспоминание большое: месяц тому назад в этот час ты склоняла голову к моей груди... Наташа! лобзание христианина тебе от Александра и чистый поцелуй брата, и пламенный поцелуй жениха твоего. Весела ли ты? Разве мы не вместе встретили праздник? Фу... Фу... Люди! Взглянул в окно — партию колодников в цепях гонят в Сибирь, зачем сегодня, зачем в самый благовест к обед-

ни? Три года тому назад и мне назначено было ехать в первый праздник, а Огарев и поехал. Здоров ли ты, друг, что твоя Мария? — а вспомнил и он обо мне. Как счастлива наша жизнь. Со всяким днем Александр делается достойнее тебя, т. е. больше любит. Смотри же — не роптать больше. Скоро, скоро наша пасха, наша мистерия. Да, тайный голос мне говорит, что скоро. А в прошлом году я был печален, 9 апреля не могло отогреть души, а 3 марта горит внутри, как это солнце, горит весело. О невеста! Как прижал бы я тебя опять к *твоей* груди... Посторонних здесь нет, потому именно, что все посторонние; целый день с тобою буду, с твоею лентой, с твоим браслетом. Только теперь прощай, еду к губернатору.

12 часов. 3 апре⟨ля⟩.

Архиерейская служба. Литургия — поэма, иероглиф, как тесно изящное с религией. Видала ли ты в этот день архиерейскую службу — верно, нет, и жаль. Вот четыре дьякона несут в четыре конца мира по евангелию, каждый развертывает, каждый читает, а благословляет ОН — наместник. Все склоняется перед ним, все трепещет и целует руку. Но смотри, вот этот мощный повержен в прах пред Тайной, повержен в прах перед клиром, вот он выходит из алтаря и в землю кланяется мне и просит прощенья. Алтарь открыт, вот наместник причащает стадо избранное, вот седой иерей преклонил колена и принимает чашу воспоминания... Из алтаря несутся звуки — это песнь четырех стариков, их голос дрожит, но душа ликует, песнь их коснулась народа, и громкое, торжественное «Христос воскресе» льется. Но песнь стариков, слабая, у престола, предупредила. Теперь уже нет другого слова у народа, на все отвечает он «Христос воскресе». Наконец, одно из торжественнейших мест — это когда архиерей выходит с крестом, он идет, как Геспер с Востока, говорит всему Западу «Христос воскресе!» Весь Запад тысячью голосами подтверждает. Говорит Югу — подтверждает Юг, говорит Северу — подтверждает. Наташа, неужели толпа не понимает этой поэзии? О нет, масса понимает все поэтическое; но вместе возьми в частности — где им понимать? А визиты, а дрянные заботы об одежде, о мелком соперничестве!

Я чувствую тебя сегодня возле, ты тут, ты мне улыбаешься. Рожденье мое шло мрачно, отчего же нынче весело? Наташа, уж не исповедь ли? Помнишь, как меня восстановила в Вятке молитва?.. Ей-богу, мы счастливы без меры, так проникнуть друг друга, так слиться... нет... Наташа, похристосуемся еще раз, три поцелуя должно быть. Я готов плакать, смеяться... все что хочешь.

Месяц тому назад я несся по снеговой поляне, душа была *оглушена* блаженством, я снял крепким сном под крик ямщика,

шум бубенчиков и под ухабы. А образ твой носился перед моими глазами. Господи! В ту минуту, когда ты перережешь нить моей жизни, когда я, долго смотревши на нее, закрою глаза, молю тебя, тогда чтоб в душе явилась опять она, чтоб последнее биение сердца было от восторга, что ангел смотрит на меня, что ангел так хорош. Улыбка будет на моих устах, тогда склони твою голову на холодную грудь и... и не плачь, умри или молись, а плакать не надобно, мне будет шире, светлее. Это не мрачная картина *на нашем языке*, я продолжаю. Тогда хотел бы я, чтоб ты не разлучалась со мною, хотел бы, чтоб на том холму, где будет мое тело, была бы твоя келья, ты будешь приходить вечером, и душа моя будет слетать к тебе, ангел благодатный!

Вот тебе и маленькое горе рядом с сегодняшним вдохновением. Полковник, который хотел меня привезти, уехал на всю Святую в деревню, и, стало, до Фоминой и ответа не узнаю я. Потерпим, потерпим еще — ведь это Страстная суббота, пробьет 12 — и черная риза заменится белой. Знаешь ли ты, что есть возможность, проведя в блаженстве, в раю три утра в Загорье, на четвертое ехать? Странно, я трепещу, содрогаюсь при этой близости, грудь не выносит столько! Готова ли ты, ежели возможность представится? Я писал пап⟨еньке⟩, что так как он не согласился на обрученье, то и я не согласен ждать,— вот мое объявление войны, а может, и мира. Не забудь, душа моя, все любимое тобою передать Саше, мне даже не хочется пересылать письма свои 1835 года. Ведь скоро, ангел, скоро. Да веришь ли ты этому, как я верю всей душою?..

Сегодня поздно вечером придет твое письмо от вчерашнего утра — это будет мой дорогой гость в Светлый праздник. Я поцелую его, прижму к сердцу — так, как поцеловал бы руку, которая писала, глаза, которые смотрели на его строчки.

Смотри, вот на улице двое целуются. Христианство выторговало сегодняшний день у людей — они братья, они сорвались с пыльной дороги эгоизма, воскресли! Но грубая душа будет к вечеру опять в грязи. Ну пусть бы они сами сравнили чувство, с которым они сегодня целуют, и то, с которым они завтра будут теснить. Богатый в золоте, нищий в лохмотьях — целуются, да это оттого, что нет богатого и нищего, что это нелепость. Что церковь до того добра, что принимает *богатого*, что она забывает его стяжание, его бесчувственность и ставит рядом с любимым сыном — нищим.

Давеча, когда религия блистала во всей пышности, я думал — дивно бы было нам венчаться при этой пышности. Этого желал бы я — не для зрителей, не для *партера*, а для нас. Желал бы высокую церковь и огромную, духовных в золоте, множество свечей — и пустую церковь притом. Пусть не встре-

тится нам ни один взгляд, который обращен на мой фрак и на твою прическу. Друзья — о, они на месте тут с своей улыбкой, это херувимы, которые будут нам петь. Последнее желание (чтоб никого не было) сбудется, ежели венчанье будет так, как я теперь предполагаю. Моя любовь к пышности имеет поэтическое начало, душе хочется простора и величия. На поле под шатром божиим — я счастлив, а небольшая комната давит потолком, стенами. Узкая жизнь похожа на рамы: черные полосы по свету, то ли дело цельные стекла. Поверишь ли ты, что, ежели бы вельможи жили в крестьянских избах, они были бы вдвое хуже, поэзия богатства подымает их. Все-таки, она поэзия и, следственно, изящное! Чины и ордена — вот уж это совсем неизвестная область для моей души, потому что тут, кроме надменности, ничего нет,— хорошо мне говорить, ведь я кавалер голубой ленты, ленты святой Наталии. Любовь повязала мне ее, на ней висит не ключ, а жезл, которым я буду отженять все нечистое. Прощай еще раз, поеду обедать к губер⟨натору⟩.

На обороте: Наташе.

171. Н. А. ЗАХАРЬИНОЙ

3—5 апреля 1838 г. Владимир.

3-го. Вечер, поздно.

«Светлое воскресенье было темно для меня»,— писала ты в прошлом году,— в нынешнем оно для меня светло, стало, и для тебя. Да, 1838 год с первого часа своей жизни ярко отделился от прежних; теперь он обозначился: это *важнейший год нашей жизни* — благословение ему. Земля опадает больше и больше. Целуй руку провидения, не окончившего ссылку в 36 или 37, вот как мы, суетные дети, не понимая воли отца небесного, ропщем. Мы не должны были соединиться прежде — это так же ясно, как то, что теперь мы должны соединиться. Еще две огромные победы в моей душе. Во-первых, я равнодушен стал к прощенью: Владимир, Неаполь — все равно: ТЫ будешь со мной. Чем независимее человек может стать от людей, тем выше. Во-вторых, вопрос, о котором я тебе писал много раз — служить или нет, вовсе исчез, он больше нежели разрешился — уничтожился,— что за дело, иди куда поведет Тот, который привел к Наталии, и иди твердо.— Наташа, может тебе приходит в голову, хорошо ли мы поступаем относительно *их*. Не надобно увеличивать их «сентиментальности». Княг⟨иня⟩ тебя любит (?) — но она хотела потопить тебя несколько раз в глупейшем браке. С ней будет обморок — понюхает спирту,

будет два — пустит кровь, и тем кончено. Пап⟨енька⟩ — рассердится, но обморока с ним не будет, будет неделю бранить всех, погрустит и... и, уверяю тебя, простит, в прошлом письме он мне пишет, что хочет иметь в этом деле только «дружеский совет». Дружеский совет не султанский фирман, одно из главных прав его — быть неисполненным. Ты должна княг⟨иню⟩ немного приготовить, щадя ее 80 лет, потом написать письмо с чувством и вместе с чувством собственного достоинства (тогда ведь уж это будет письмо от *моей* Наталии). Довольно важная вещь в этом — не погубить кого-либо из людей, для этого, во-первых, должны знать не больше двух (кто не знал — прав), но и двух не надобно без крайности выдавать. Мудрено мне теперь хлопотать о Саше — но верит ли она моему честному слову? Не написать ли мне к княг⟨ине⟩? и когда? — Это зависит от тебя. Ежели б я был в Вятке, деньги лежали бы уж на столе, здесь нет знакомых и потому надо ждать мне их с месяц. На днях повидаюсь еще с моим священником, душою расположен я к нему, видно, ему и быть иерофантом таинства.— Письма еще нет.

Понедельник. 4 апреля. После обеда.

Получил, душа моя, твои письма до субботы. Верю, что мы умрем от любви, очень верю, она до того будет нас очищать, что и клочка тела не оставит, до того поднимать, что мы очутимся на небе. Насчет денег Мед⟨ведевой⟩ мысль хороша; но ее не теперь исполнить, после, гораздо после, теперь это ужасно, это в самом деле что-то вроде *отставной любовницы*, а она горда и благородна. Не думай, чтоб я не заботился и прежде об этом, но решил так: одно время может дать право тебе (а не мне!) сделать ей подарок. Почему не найдется человек, который бы ее любил, который бы призвал ее к полной жизни, она достойна ее, в ней столько поэзии, деликатности и 26-ой год. Жан-Поль в своих повестях представляет юношу, любящего чисто, свято, увлеченного на мгновение женщиной, я краснея и бледнея читал; но юноша душою остался чист, а с угрызениями —Наташа, неужели и я чист, неужели я искупил? Нет. Я еще не дочитал этой повести, теперь он признается своей Беате в гнусном поступке — письмом, точно такое же положение. Одно хуже для него: он не был в ссылке, а был в том же городе.

Со всяким днем открываю в тебе новые таланты для штатской службы,— хочешь учреждать архив из писем, не токмо советником, прокурором тебя губернским, только во Владимир — bitte, bitte!

Ты пишешь, что спишь спокойно и с улыбкой, стало, ты крепко спишь, ежели могут входить к тебе в комнату, ведь не сама же ты смотришь на себя во сне! Меня сонного никто не видал, я, как черкес или как собака: дохни человек в моей

спальне, коснись ногой до полу — и я проснулся, исключая, разумеется, возвращенья с вятских балов, где шампанское льется рекою,— тогда по голове можно ходить, не услышишь. Я вообще сплю не тихим сном, весь размечусь, и часто конвульции пробегают и будят, неугомонная, *победная* головушка и тут видна. В самом деле, Наташа, надобно иметь много решимости, чтоб быть невестой безумного, как я,— правда, но порядочные люди, благомыслящие и здравомыслящие, не умеют любить — а безумные умеют.— «Об Левашовой не знаю, узнаю». Думал, думал и решился прибегнуть к вам, Н⟨аталья⟩ А⟨лександровна⟩, какой смысл этих слов твоего письма?

Тетрадку о 20 июле непременно достань и пришли.

Что ты в последнем письме пишешь о Тат⟨ьяне⟩ Пет⟨ровне⟩, вполне показало мне мелкость ее, последнее место потеряла она в моем сердце. Какой холодный, себялюбивый эгоизм заставлять переписывать дрянь, т. е. *ее сочинения*.

Вечер. Позд⟨но⟩.

«Меня будущей зимой здесь не будет» — итак, святая вера в будущее проникнула и в тебя. Да, не будет. Еще раз думай о Загорье, оттуда мне легче тебя взять. А после что? Что ни было бы. Жду только твоего ответа, в письмах замолчу и буду действовать. Пиши же к А⟨лексею⟩ А⟨лександровичу⟩. Представить я себе не могу, чтоб через два, три месяца ты была моя, со мною. Пожалуй, первый раз я в Загорье приеду видеться, а потом за тобою — заметь: 1) от 29 июня (Петров день) до 1 августа — тут превосходный день 20 июля, день моего взятия, день начала нашей любви, 2) от 15 августа до сентября — тут 26 августа,— мне лучше нравится 20 июля. Да ты веришь ли, что это не бред, что это сбыточно? Однако погоди предаваться, почем знать, что будет. Очень дурно, что у меня здесь нет ни одного человека, на которого бы я положился.— Далее о твоем письме: ты начинаешь любить свою жизнь, даже свое лицо (не хочешь сонный портрет), и во всем этом ты любишь меня, ты во мне нашла Наташу и полюбила ту дивную, святую, которую я люблю — о, ты можешь меня ревновать к этой Наташе, она ангел, она — ТЫ!

Ко мне ходит иногда *с почтением* молодой гимназист лет 15—16, есть способности, таланты, но дурное направление, школьное, узкое — и бедность. Сегодня утром он начал спрашивать смиренно и уничиженно моих советов насчет занятий. Я был в духе и вдруг с огнем, жаром, поэзией представил ему все высокое призвание человека, науки — я чувствовал, что моя речь сильна. Потом я пошел одеваться в другую комнату, возвратившись, застал юношу на том же месте, щеки горят. «Боже мой,— сказал он,— вы в несколько минут дали другое

направленье моей жизни, бедно, бедно прошедшее, о, я вам буду благодарен! Вы счастливы, потому что ваша жизнь как-то необыкновенна и ваш взор высок, силен. Завидую вам... Что мне делать?» — «Извольте,— сказал я,— вот мой совет: во-первых, берегите как высочайшую святость нравственность и чистоту, это главное, жертвуйте наукой — философии, а философией — религии, читайте природу больше книг». Тот ли бы совет дал ему я два года назад? Это уж твой Александр действует. Что бы ни было с этим юношей, он не забудет моего урока. Впрочем, ежели замечу в нем путь, поведу его далее (а не буду заставлять чистить сапоги, переписывать статьи, это Т⟨атьяна⟩ П⟨етровна⟩). Да, одиночество опять вливает в меня мощность, которую я имел в Крутицах, я там был силен — 9 апреля ты видела это. Вчера после обеда у губ⟨ернатора⟩ заговорили о Витберге и начали его бранить. Я встал и разгромил их, но с такой силой, что никто не дерзнул прямо возражать.

Ну покойся же мирно, кротко, ангел, во сне тебе пусть предстанет Александр с тем взглядом. Прощай. Ну, нельзя сказать, что я мало пишу, je cherche vos bonnes grâces parce que vous êtes ma promise[1], а как будешь совсем моя да будем вместе, меньше буду писать... Виноват, опять глупость, натура-с!

Перед Загорьем и гораздо возьми у священника свидет⟨ельство⟩ на гербовой бумаге о летах и о том, что греко-российской веры, он сам должен знать форму, посоветуйся с Егор⟨ом⟩ Ив⟨ановичем⟩ и пришли мне; ежели будет не так составлено, успеете переменить. Да хорош ли священник?

11 часов. Вторник. 5 апр⟨еля⟩.

Посылаю твою любимую записку, чтоб ты не без нее встретила 9 и 10. Меня еще не жди. Сегодня я думал, ежели б не те отношения, я выписал бы сюда Мед⟨ведеву⟩ — она дивно устроила бы нам все. А я понимаю, что нужен еще 3-й человек, который бы рассуждал. Чем больше думаю, тем яснее Загорье, и оттуда ехать вместе.

Ну, каково было свиданье с пап⟨енькой⟩? Пусть дурно — тем вольнее мне.— А какова Полина и Скворц⟨ов⟩? Ни строки, разве сердятся, да за что, покуда я был в наличности, не ссорились, ну как же я мог, уехавши, рассориться — это уж похоже на то, как меня засадили в Кр⟨утицы⟩ по делу праздника, о котором я не имел понятия. Ах, кстати, знаешь ли ты, что в самое время праздника ты была со мною, да — 24 июня в саду, Огарев был и Сазонов. Прощай, желаю веселиться — *под Новинским*. Матвей земно кланяется и благодарит, а я просто целую, целую тебя.

[1] я домогаюсь твоей благосклонности, потому что ты моя суженая (франц.).— *Ред.*

172. Н. А. ЗАХАРЬИНОЙ

6—9 апреля 1838 г. Владимир.

Апреля 6-го. Середа.

Cara Sposa! Вот тебе письмо от Мед⟨ведевой⟩ — о, она стоит быть твоей сестрой, выше человека я не могу поставить — вот тебе доказательство, что она могла увлечь твоего Александра, потому что в ней сильная душа; но вот тебе и другое доказательство, что и думать нельзя о подарке. Она пишет мне: «Я *начинаю* верить в твою дружбу только теперь, прежде я все принимала *за сострадание*,— это мучило меня». Она получила твое первое письмо 25 марта, а второе, стало, 3 апреля! Ее совершенное исцеление — такое важное приобретение для нас, которое и на весы нельзя класть с *родственными* неприятностями. Может, была бы возможность ее взять к нам, но, как бы то ни было, это требует сил нечеловеческих.

По несчастию, мое пророчество сбывается. Витберг разлаживает с своей женой. Это ужасно! Ежели бы ты знала всю небесную кротость, всю нежность этого человека и все страдания его, ты прокляла бы презрительную женщину. Недаром я ее терпеть не мог. И она последнее утешение несчастного, вот второй брак! Много раз в минуты досад я хотел обличить гадкое сердце ее, меня остановила Полина: «Вы убьете остальную радость в его жизни»,— говорила добрая Полина. Теперь я раскаиваюсь. Тогда он голову склонил бы на грудь друга, я был бы ему сестра (не брат, брат холоден), сын — потом тихо, тихо сложил бы его голову на грудь его дочери, милой, прелестной девушки. Понявши раз, что она не нужна, женщина исправилась. Куда он склонится, когда неприятности будут чаще, сильнее? Мед⟨ведева⟩ пишет, что он плакал *от жены* и что она плакала, глядя на него, а та... ничего. Да зачем же он женился на ней, неужели по низкому влеченью обладанья женщиной молодой и красивой? Ежели так, не на кого пенять. Он увлекся, его душа без всякой хитрости, он дитя до сих пор и таким уйдет туда — дай бог скорее.

Наташа, я решил: через три месяца ты моя, а ежели будет возможность — до Петровского поста. Положись на меня, пришли как можно скорее свидетельство. Священник есть — тот самый, о котором писал, мы поняли друг друга. Помни же, в свидетельстве нужно: 1-е — лета, 2-е — о грекороссийской вере, 3-е — о исповеди, 4-е и главное — печать церковная на гербовой бумаге. Обещай священнику 50 руб.— не будет ли кто так ловок из ваших людей, чтоб взять эту бумагу,— Аркадий, напр⟨имер⟩, да уверена ли ты в священнике, ежели нет, лучше адресоваться в консисторию.

Здесь все будет готово. Да скажи Emilie, что как только я получу деньги, я пришлю ей рублей 1000 для того, чтоб она купила все нужное для тебя и тотчас прислала бы сюда. Подумай сама, принудь себя подумать. А главное — свидетельство, без него и думать нечего, с ним все возможно. Не можешь ли ты где достать теперь денег для свящ⟨енника⟩, пересылать тебе подозрительно. Ни Прасковья Андр⟨еевна⟩, ни маменька — никто не должен знать, один Егор Ив⟨анович⟩ умеет молчать, да ему не много говори, только крайне необходимое. Как получу твой ответ, подам рапорт губернатору. Кетчеру дам предписание явиться к Emilie. Пиши же к Ал⟨ексею⟩ Ал⟨ександровичу⟩ об деньгах, пригодятся и они.— Не сердись, что целая страница занята холодной прозой, это необходимо

Ночь.

Нет ни малейшей нужды откладывать по 29 июня, весь май наш. Устрой свидетельство как можно скорее и отвечай подробно и положительно. Теперь я не могу ничем заниматься, читаю— и не понимаю, думаю — и забываю о чем, все поглотилось одной великой мыслью, о, отчего она не явилась прежде. Прощай. Будь хранима богом и любовью твоего Александра. Я лягу не спать, а долго, долго думать о том же.

7 апреля. Четверг, вечер.

Мне скучно, ангел, тоска — утешь же меня взглядом. Наташа, милая Наташа — и мыслей нет, вон там на улице льется разгульная песня ямщиков — она льется в русскую душу, а давно я не слыхал родного напева (в Вятке не так поют), все говорит, что Москва близко.

Сегодня NN спросил меня: «Любили ли вы когда-нибудь?» — «А вы?» — «Много раз, но я еще не расположен жениться».— «Нет,— отвечал я,— я не люб*ил*». Дурак не понял. Какая скука однако ж не иметь ни полдуши, с которою бы мог поделиться; приехала какая-то дрянная труппа актеров, буду ходить всякий раз. Это время теперь я не знаю как убить, так, как некогда мысль близкого свидания поглощала все, так теперь мысль соединения — уж возвратиться нельзя. До 1-го июня ты во Владимире — несется душа, фантазия развертывает крылья широко, широко, а писать не могу. Невеста! Невеста! — Прощай, о, покойся с богом, чистое, святое создание, хвала богу. Наташа,— что ты дала Александру, давши себя,— это измерит один он!

8, пятница.

Опять рассвело на душе. Нет, нынче уж не повторяются эти грустные дни, недели жизни до 3 марта, которые дули, как ядо-

витые ветры в Африке, погашали полжизни и оставляли утомленного, измученного. Их нет больше. Твои прелестные письма от праздника. Наша симпатия доходит до басни, люди не поверят. Ночью с 2 на 3 ты писала ко мне почти слово в слово, что я тебе. Но зато в праздник мы разошлись. Я весь день был в восторге, а ты грустила. Немудрено, я был один, ты с толпою. Тебя мучило какое-то предчувствие. Я решил окончить нынешним летом страдания! Получив твои письма, я был полон, полон восторга, схватил шляпу и побежал гулять, там дочитывал я твою любовь по природе, кончив чтение по бумаге.

О как прелестны окрестности маленького Владимира, это уж не Вятка, мрачная, суровая, осененная елями и соснами. Владимир спит в садах и горах, разбросанный сам по горам. Вот и лед ломается на Клязьме, и все так живо, живо, солнце радостно светило, а под ногами у меня (я был на горе) толпа народу веселая, пестрая, разодетая. Молча струилась вода из-под снегу, время его владычества миновало, жизнь весны из цепи превращает его в воду для питья новорожденной травы, она снегом, как грудью, кормит зеленых детей — а вот жаворонок, сильной рукой его бросил кто-то вверх — и я думал об высокой литургии в первый праздник. Вот природа и человек в изящном виде! Потом обратился к себе, в этом маленьком пространстве тела помещается блаженство, ровное всей природе,— любовь, любовь, ровная с святостью религии... Потом я воротился и, наоборот, принялся дочитывать природу по письму.

Ангел! Ангел! Ангел! Дай помолчать — есть минуты, в которые грешно писать.

Ты ошибаешься, думая, что я не знал, что родился в одном доме с тобою, в доме твоего отца (до твоего рождения еще началась дивная мистерия нашей жизни: твой отец крестил меня водою, ты вторым крещением — огнем, обоих благословил он образом Александра, я родился в благовещение Деве, ты — в день *славы* Девы), и на это есть письменное доказательство. В Вятку привезли раз множество картин от Дациаро, перебирая их, я встретил Тверской бульвар и тот дом, наш дом. Я на фронтоне надписал твое имя и мое и подарил Скворцову. A propos, Скворцов и Полина удивительные люди, пишут из Вятки, что они пировали у себя 25 марта, один тост и был за мое здоровье, и пр., а молчать — не понимаю.

Рядом глупость (извините-с) в твоем письме: не льстят ли моему самолюбию женихи. Нет — они оскорбляют мое самолюбие. Будет ли радоваться христианин, ежели язычник в его храме с восторгом взглянет на Мадонну, *как на Венеру!*.. Фу... это униженье, ежели бы я узнал, что какой-нибудь юноша поставил тебя идеалом высоких, поэтических фантазий, я обнял

бы его, как брата,— но женихи, женихи, открывающиеся М〈арье〉 С〈тепановне〉,— их надобно повесить!

8-го, позже.

Свиданье твое с папенькой. Бог все тебе дал, но не дал дурных плодов дерева добра и зла, не дал хитрости, оттого ты поверила ласковому слову, он со всяким письмом делается холоднее, даже почти вовсе не пишет. Я со всяким письмом наступательнее — это кончится тем, что он вовсе перестанет писать, а я напишу ему: «Вчерашний день бог соединил нас...» Нет, больше нам нельзя делать уступок из нашего рая. Исполни же *мое приказание* о свидетельстве. Остальное исполню я. Чем скорее, тем лучше. Я напишу Егору Ив〈ановичу〉, но будет ли молчать священник? Но и тогда не беда, лишь бы бумага была в моих руках.— Да, вот еще что — твое обручальное кольцо (т. е. то, которое будет у меня) должно быть серебряное, а не золотое. Это древнее византийское обыкновение: жених — солнце, невеста — луна! Я северное солнце — но солнце. Ты северная луна (знаешь ли, что чем дальше на север, тем ярче луна).

Полковник не приезжал. Ежели с ним я не приеду, то явлюсь тотчас, как получу свидетельство. Нужно будет видеть Кет〈чера〉 — и тогда не пойду ни перед сиятельные очи, ни перед другие, а ежели с полковником, то остановлюсь дома и, само собой разумеется, буду у княгини.

12 часов ночи.

Наташа! Вот мы у преддверия великого дня, да не помрачит 3 марта дивное 9 апреля. Нет, этим двум дням не тесно в нашей душе, о нет, разве тесно на небе от Благовещенья, Преображенья и Воскресенья? Несколько месяцев была скована душа стенами, когда я взглянул на Москву и чуть не пал со слезами на колена,— мир земной в пышном наряде города показался мне на минуту и спрятался. Прошло еще несколько месяцев, и перед одинокой, одичалой душой явилась ты, мир небесный сошел в образе девы к узнику! Ангел, до завтра.

Девятое апреля.

Лети в мои объятия, голубь, не испугавшийся гибели, лети — ты не испугалась будущих страданий и должна была пострадать три года; но вот и награда, лети, лети в мои объятия, грудь моя пространна, ты будешь счастлива на ней. Пройдены три мрачных года, благословим и их, малодушно к мертвым питать злобу.

А ты, чай, ждала меня, мой ангел,— чай, грустишь, что я не приехал. Погоди несколько дней, и увидимся, погоди не-

сколько недель, и не расстанемся до гроба; а в гробе на минуту разлука, что нам друг без друга делать на земле? Скоро, скоро, страшно вздумать, как скоро... Теперь я уж не спрошу, пугает ли тебя участь голубя. Эта-то *участь* и подняла тебя так недосягаемо высоко, и, подымаясь, голубь унес вверх и ракету, а между тем буйный огонь, который бы разорвал ее, превратился в кроткий пламень.

Наташа, ты велика, как бог!

А третье марта, как святая святых, виднеется за царскими дверьми, 9 апреля не может всё поглотить души, великий день за ним — велик!

Прощай, милый ангел, отвечай тотчас насчет свидетельства и тотчас советуйся с Emilie — спасай любимые вещи. В конце мая, ну не прелесть ли — природа во всем цвету и мы радостные, венчанные посреди нее.

Сбылось твое предчувствие в первый праздник.

Твой А л е к с а н д р.

173. А. Л. ВИТБЕРГУ

7 апреля 1838 г. Владимир.

Ежели вы прочли письмо к Эрну, то не для чего писать о том же, Александр Лаврентьевич, да и у меня на душе, рассказать вам, три восторга, три вдохновенья. Господь очищает мою душу. Слава ему, слава!

Я говел — холодно, пришел на исповедь, священник-поэт увлек меня, мы расстались тронутыми, я каялся, обличал себя и клялся исправиться, он молился обо мне — и не для формы. Вот первая минута. В молитве провел я время до причастия, прихожу в церковь, подхожу к дарам, в то же самое время женщина подняла маленького ребенка, и священник сказал: «Причащается раб божий Александр» — и прибавил: «и раба божия Наталия».— Вы это понимаете, толковать нечего — это вторая минута. Третья — обедня в праздник, архиерейская служба. Да, греческая литургия — поэма, это мистерия и драма высочайшая. Вот идут четыре дьякона на четыре конца мира проповедовать евангелие, вот Его наместник в прахе молит бога благословить жертвоприношение. Но прежде он у ног клира — который целует руку Его, потом у ног народа — чистым идет к престолу. Это высоко! Маститый старец выходит из алтаря, т. е. с Востока, как Геспер, и говорит Западу: «Христос воскресе».—Тысячью голосами подтверждает Запад, говорит Югу, Северу, и Север и Юг подтверждают. Тогда Старец обни-

мает и целует клир, целует всех, и все целуются, все ликует. Искупление мира совершилось!— Поверите ли, что я совершенно увлекся поэзией литургии и так от души целовался с священниками, как сын с отцом.— О, вот каким хотел Христос человечество: чтоб весь род человеческий обнялся и прижался бы к его неизмеримому сердцу. Весь род человеческий должен любить друг друга, как я и Наташа любим.

А что они сделали — люди! — Снисхождение — они еще поправятся, они дети, будут взрослые.

Ну, еще новость. Из прошлого письма вы могли догадаться, что я виделся с Наташей, это было в седьмом часу утра, на полчаса, она требовала, чтоб седьмой час каждого дня был посвящен молитве. Я исполнил волю посланницы божией — и, поверите ли, никогда не просплю седьмого часа, и теперь так привык, что, как проснусь, рука поневоле складывает крест, и уста поневоле начинают молитву. Моя молитва проста: одна благодарность за то, что существует Ангел. Больше ничего. Потом часто опять засыпаю.

О, какое необъятное расстояние между моей вятской жизнию и здешней. И сухая мысль о славе падает, и все, все обращается в одну светлую область любви...

Мы умрем от любви.

Желал бы умереть в то самое время, когда кончится венчание, тут, в церкви, тут, перед престолом,— или нет — выйти на воздух. Природа тоже церковь — но зодчий — бог.— Моя фантазия делается шире, а ум глупее — хороший признак.

Обнимаю вас, как сын.

А. Герцен.

Was m-me Medwedeff betrifft, so kann ich Ihnen sagen, daβ Sie eine ausserordentliche, grosse Frau ist, jetzt schätze ich Sie hoch wie einen Engel [1].

На обороте: Милостивому государю Александру Лаврентьевичу Витбергу.

174. Н. А. ЗАХАРЬИНОЙ

11—12 апреля 1838 г. Владимир.

11 апреля.

Вчера, мой ангел, я не писал тебе — день мрачных воспоминаний, сегодня три года, как я был проездом в том же Владимире. Я был как-то душою утомлен вчера, и сегодня тоже, не

[1] Что касается m-me Медведевой, то могу вам сказать, что она исключительная, великая женщина; я чту ее, как ангела (нем.).— *Ред.*

от воспоминаний, не от прошедшего, а от зари будущего счастия, от восходящего солнца. Мы здесь чудесно проведем время, я начинаю любить *наш* маленький Владимир. Ты не можешь себе представить, как изящно его положение, я беспрерывно гуляю. *Мы вместе будем гулять* — нужно ли еще хоть слово, ты чувствуешь, что это! Ну что же, сделала ли ты что-нибудь? Я писал Егору Ив⟨ановичу⟩, чтоб он вручил тебе деньги для священника. Бога ради, торопись, помни, что Александр будет мучиться, пока не в его руках свидетельство, умоляю тебя, кончи это скорее. Хорошо было бы тебе поссориться с сиятельнейшей покровительницей; но я все оставляю на твою волю, пиши только подробно как, а я выполню. Здесь затруднений не жди, сам архиерей будет на нашей стороне. А ежели и будут затруднения — будут готовы и другие средства. Иди же, время, иди быстро, как молния, а *тогда* остановись, как северное сияние. Наташа, в конце мая будут месячные ночи — и *не один* выйду я на вал смотреть, как лучи его опираются на древний собор Андрея Боголюбского, и стелются по необозримым равнинам, и всасываются Клязьмой. Я иногда с улыбкой думаю, как в материальном отношении круто переменится твоя жизнь: новый мир, новый город, новая природа, все, все новое и притом все поглощенное гармонической, полной любовью без разлуки. Не правда ли, сильно бьется твое сердце, и слеза, и улыбка, и страх, и восторг. А страх ужасный, трепет пробегает по жилам — это тот трепет, с которым пилигрим склоняет колена пред гробом господним, идучи долго, долго, пришедши с Запада в огненную Палестину. Почта еще не пришла, но, вероятно, часа через два придет. Прощай — пойду гулять. Ну поцелуй меня на дорогу...

11-го. После обеда.

Давеча я был глуп — а теперь грустен; несмотря на то, что письмо твое от 9 получил. Я ждал ответ по крайней мере на два письма, а ты ни одного не получила. Тебе ужасно доставляют письма, почта никогда не опаздывает так долго. Меня сердит, что ты ждешь так долго и грустишь. О, надобно, надобно соединиться как можно скорее, бог с ними, с нашими nos amis les ennemis[1]. Знаешь ли, в каком положении теперь моя и твоя душа,— нам не вынести пятой доли того, что выносили до 3 марта,— грудь проломится. Наташа, достань же, бога ради, достань свидетельство. Ни мыслей нет, ни чувствований ясных, пал туман на душу.

Честь имею поздравить с высокоторжественной милостью царской, оказанной дядюшке Льву Ал⟨ексеевичу⟩.

---

[1] друзьями-врагами (франц.).— *Ред.*

Ночь.

Не могу ровно ничего делать. Ангел мой, спаси меня от этого томного ожиданья, которое именно тем и несносно, как ты пишешь, «что его можно перенести». Ну говори же, повторяй, что скоро, скоро ты моя, ты здесь — и расступятся тучи, и настанет день, закат которого будет конец жизни, за которой вечность. Наташа, я чувствую близость. Как получу твой ответ, так увижусь с тобою (как 3 марта). Лучше было бы не откладывать до июля, я сделаюсь болен. В идее *решено* — итак, чего же ждать? Ты, верно, спишь, мой ангел, покойся же, лягу и я. А похвали баловня — он ни разу не проспал седьмого часа. Так исполняет он заповеди, данные богом через его ангела.

Прощай.

12 апреля. Втор⟨ник⟩.

Сон, дивный сон! Я видел тебя в венчальном платье, и ты была так лучезарна, так хороша! Мы сидели долго, долго на диване, и когда я проснулся, я искал твоей руки. Почти всякую ночь после 3 марта вижу я тебя, это счастье.

Прощай, прости, что письмо коротко, ей-богу, не могу писать, пока не получу ответ на *предложение.*

Твой Александр.

На обороте: Наташе.

175. Н. А. ЗАХАРЬИНОЙ

16 апреля 1838 г. Москва.

Ангел мой, сию минуту приехал, имею много сказать и... и. Устрой как хочешь, я приду за ответом в сумерки к Аркадию, во всяком случае вели ему ждать меня в *четыре часа* утра.— Опять секретно и там же. Сообщи Emilie. Твой фельдъегерь заслужил поцелуй, через час после твоего письма он уж несся по грязи.

Твой Александр.

4 часа.

На обороте: Наталье Александровне.

176. Н. А. ЗАХАРЬИНОЙ

20—21 апреля 1838 г. Владимир.

Середа. Пять часов утра.

Ангел мой, я сейчас воротился — и к тебе. Твоя последняя записка пугает меня, каким образом ты хочешь одна приехать сюда и как пробудешь несколько дней до венчанья? Это не-

возможно, и потому, при первой возможности оставь княгиню и — к Астраковым, дальнейшее предоставь мне. Боже, что-то у вас было. Страдалица,— но вспомни любовь Александра, не из твоих ли уст я слышал подтверждение о счастье, и потому повторю — твердость!

А прелестны были два мига в два утра, когда мы, крепко соединенные в объятиях друг друга, наслаждались, вдохновлялись друг другом. 3 марта было не в меру груди человеческой, это день страшный, может, величайший в нашей жизни, тогда любовь поглотила нашу отдельность, даже уничтожила все способности.

Папенька хуже всех, эгоизм холодный, бесчувственный и только. Завтра получу письма, которые откроют завесу, а, господи, чего я не перестрадал, ожидая Тат⟨ьяну⟩ Алекс⟨еевну⟩, когда она была у тебя. Письмо, которое я послал с нею, не достигло цели, я хотел им взбесить кн⟨ягиню⟩ и душевно желал, чтоб оно тебя разобидело, тогда б ты поехала, по-моему, и тут можно бы больше налечь; но это дело прошлое, глубокая тоска и грусть на душе от неизвестности. Еще раз, никак не езди без меня, я на дороге хочу быть твоим cavaliere servente[1].

Вот твои письма, писанные карандашом; 17-го ты писала: «да мимоидет меня чаша сия» — я в это время был в 15 верстах от тебя. О бог! К Ал⟨ексею⟩ Ал⟨ександровичу⟩ напишу.

Вечер.

Слушай мой приказ. Никак не езди сюда без меня и без свидетельства. *Теперь все готово* — только нужно свидетельство. Священник — мой духовник, он распорядился превосходно. Ежели нельзя от консистории, то нельзя ли достать из церкви, где тебя крестили?

21. Четверг.

Удивительное время. Буря шумит и не улегается, не могу себя настолько обуздать, чтоб писать к тебе, моя божественная, святая! Черта между мечтами и действительностью, сном и бдением стерлась, все перемешалось. После 3 марта мы были спокойны, потому что настоящее поглотило нас. Теперь будущее, и великое, и грозное, стоит перед дверью. Верно и ты не можешь писать. Но и нет нужды много писать: я думаю во всяком случае через неделю опять приехать. Через несколько часов получу письмы — не знаю, что и предчувствовать. На дороге я несколько раз был в лихорадке, думая, как ты страдаешь теперь.

---

[1] рыцарем и слугой (итал.). — *Ред.*

Я так скоро уехал третьего дня, что не успел тебе написать хоть строчку — и меня совесть мучила, ты верно ждала.

Ну, слава богу, мой ангел, я поспокойнее — получил твои письма. Знаешь ли, какие гигантские шаги мы делаем. Папенька мне пишет, чтоб я, бога ради, не делал неосторожностей, а то это может *огорчить тебя*. Что женихам твоим откажут, да и что ты меня *так любишь*, что не пойдешь ни за кого другого, кроме меня. Разве это не прямое дозволение? Все хорошо. Ко Льву Алексеевичу писал, к Ал⟨ексею⟩ Ал⟨ександровичу⟩ тоже. Завтра я буду опять славный малый, отдохну. Из всех предложений худшее — переехать к Вас⟨илию⟩ Абрам⟨овичу⟩ — этого я не позволю, слишком презрительные люди. Как достанут свидетельство или из консистории, или из церкви, в которой родилась, или от сиятельнейшей княгини, ты можешь приехать с Emilie; коляску возьми у Сазонова, а провожатым Кетчера, без него не езди; всего лучше назначьте мне день и час, я буду вас ждать в трактире Перова, 9 верст от Москвы. Квартера готова, фрейлина покаместь не отличная, но есть. Emilie я никогда не допущу, чтоб она была твоей фрейлиной, и это из гордости, потому что она мне сестра. Да пожалуйста и не воображай, что у нас не будет денег, имея везде друзей, и каких — да это было бы смешно. В письме к папеньке я положил распечатанную записку к тебе, отвечай на нее через него же — это только опыт, насколько я сломил его. Между тем, пусть переписка наша идет так же. Зачем ты не пишешь явно, теперь можно — ты официально моя невеста.

Что за мысль отложить до июля? Для чего? При первой возможности (т. е. через четверть часа после получения свидетельства) отправь гонца к Emilie, та за Кетчером — и во Владимир, во Владимир, о мой ангел. Квартера довольно хороша, я до венчанья останусь на своей старой, ежели бы случилось, что вы скоро поедете, то приезжайте в город не иначе как или в ночь, или утром до 6 часов. Но об этом в путевой инструкции Кетчеру. Да пожалуйста готовьте все необходимое; получила ли Emilie 500 руб.,— я могу еще прислать 500, когда получу из Вятки. Венчальное платье просто, но как можно воздушнее, изящнее, ну ты понимаешь. Покупайте все готовое на Кузнецком Мосту, в нужде денег можете прибегнуть опять к Сазонову. Теперь меня тешат эти подробности, они как-то мне говорят о скором, скором приближении. Я тебе здесь приготовлю два подарка, за оба ты поцелуешь меня (а будто без них и не поцелуешь?). Это цветы, и другой — не скажу.

Читала ли «О себе»? Вакханалия очень понравилась Сазонову с комп⟨анией⟩. Смотри, чтоб эта книга не попала княгине, да и вообще кому б то ни было, кроме Emilie и Астракова.

Когда поедешь, возьми ее, теперь я могу попробовать похлопотать о портрете, не велика беда, ежели неоконченный останется. Так г⟨оспо⟩да струсили, стало быть, хорошо, что я явился им во весь рост!

Да на дороге берегись, ты не я, лучше дольше будьте в проезде, нежели мучить себя, особенно в скверную погоду — это не просьба, *а приказание*. Я изфельдъегерничался, а твои путешествия в Загорье, кажется, не могли приучить к дороге.

Ежели будет невозможно достать свидет⟨ельство⟩, пиши, я попробую попросить разрешение от архиерея, основанное на моей присяге о твоих летах и вероисповедан⟨ии⟩.

177. Н. А. ЗАХАРЬИНОЙ И Э. М. АКСБЕРГ

23—26 апреля 1838 г. Владимир.

23 апреля 1838. Владимир.

Наконец, Наташа, небо начинает проясниваться, оно устало гнать нас за то дивное блаженство, которым подарило, указав нам друг на друга. Будь же спокойна, молись, скоро совершится судьба наша, царственное повеление бога не останется втуне.

Я до сих пор не знаю, чем окончилось предложение Татьяны Алексеевны; но по письму папеньки вижу, что последствия не были дурны. Это письмо, посланное через папеньку, лучшее доказательство. Благодари же за него папеньку, к нему прибегнул я и с другой просьбой, которая давным-давно тяготила душу: я просил твой портрет. Вымеряй же теперь все расстояние, которое мы прошли с тех пор, как я в Владимире, невеста, ангел!

Пап⟨енька⟩ пишет, что скоро будет Алексей Александр⟨ович⟩, — вероятно, он противудействовать не будет, а Лев Алексеевич уже доказал, что страдания наши тронули его. Призвание наше высоко — мы должны молитвою свести благословение неба на родителей и полной любовью заключить предыдущее, не вовсе светлое. И как же наша жизнь будет счастлива. Пламенным воображением поэта искал я земных идеалов и терялся, когда ты, религиозная и несчастная, явилась передо мною. Вместе с любовью я выучился молитве, так, как ты от молитвы перешла к любви. И будто кто-нибудь станет препятствовать такой любви — это невозможно. Вера в соединение незыблема у меня, она рядом с верой в тебя составляет краеугольный камень бытия. Странно, как решились *другие* явиться с предложениями. Что ты для них — хорошенькая собой и только,— как они не разочли вперед отказ, в то

время как для меня ты была исполнение того огромного пророчества *высшего*, которое томило меня с 9 лет, и в то время как я явился перед тобою как вознаграждение за все страдания. О, ты моя — это я чувствую с каждым дыханием.

Прощай же, милая невеста, прощай, благослови меня чистой рукой твоей нести еще наш крест.

Твой навеки Александр.

23. Поздно.

Ангел, ангел, улеглась ли буря в твоей душе? — О, ты, небесная, спокойна, ты опять одна любовь, одно созерцание бога и меня. Успокоился и я; но все еще кипит моя африканская кровь, я вышел из обыкновенной колеи и не могу втеснить себя в старую рамку. Завтра получу важные известия, неужели вы целым синклитом не сумеете взять свидетельство, жаль, что отставной поручик Богданов не мог дольше остаться, он достал бы его. Ах, Natalie, скорее, скорее к Александру, лети в его объятия, пей блаженство, я томлюсь без тебя, тоска прорывается всюду, Наташа, невеста, скорее же. По теперичнему расположению наших я вижу, что они удивятся и простят, время—тиран ужасный, провожая в могилу каждый день, я упрекаю его, — ну что в этих 24 часах, а те *минуты*, когда мой влажный взор останавливался на твоем влажном взоре?

Иногда середь мечтаний, таких близких, о будущем счастии, вдруг прорвет сомнение — и кровь остынет, и взор выражает безумие. Я тебе писал как-то, что после 3 марта мы можем вынести ужасные несчастия, но не разлуку, я погибну, ежели не удастся соединение, я чувствую, что не вынесу: или сумасшествие спасет тело на счет души, или чахотка спасет душу на счет тела. Лети же, голубица чистая, неси и мирты и оливу в долго страдавшую грудь. Не откладывай никак до июля без необходимости, всего лучше сделай так: как получишь свидетельство, тотчас пришли его ко мне и уж не жди письма, а жди меня, между тем скажи Кетчеру, ежели вы не достанете коляски, я привезу, карета еще лучше, а то *ты загоришь*, я кокетничаю за тебя. Да накупи с Emilie побольше дамского снадобья, и как можно лучше, я ей писал, что могу прислать денег, я люблю comfort. Досадно: хозяйка дома, который я нанял, отказала, есть другой, прекрасный, но еще не кончил — а найму его. Ну не стыдно ли пап⟨еньке⟩, для чего он препятствует, как бы все хорошо мог он устроить, ты бы приехала с мам⟨енькой⟩ или с Праск⟨овьей⟩ Андр⟨еевной⟩, приехала бы и Emilie, все спокойно, тихо... Да, венчаться в 7 часов утра, *в час нашей молитвы*, так уж сказано, и священник — поэт,

который в восторге от твоего Александра. Не дивно ли все это? А я тебе покаюсь, что с отъезда отсюда я не вспомнил до сегодняшнего дня час молитвы нашей. Фу, как бедно, бледно, недостаточно письмо после взора, поцелуя... Наташа, да приезжай же!

25 апреля.

Твои *записочки* получил. Нет, я теперь совсем не так спокоен, как ты. Скажу откровенно — я задавлен. Все знакомые заметили ужасную перемену во мне после приезда. Я не могу говорить, не могу скрыть внутренную тоску. Теперь я вижу, что прав был, когда говорил, что моя любовь должна быть ужасна, да, теперь только она и принимает характер ужасный; в то время как твоя душа плавает спокойно в океане света, моя, томимая, сожженная, вырывается огнем. Наташа, я страдаю с отъезда, *я не могу больше перенести разлуку*. Чувствую, что пылающая душа жжет тело, я весь болен, мне *не хочется* к тебе писать, огонь льется в жилах. Нет, Наташа, ты не знаешь этой стороны любви, и сохрани тебя бог ее знать.

У тебя поднимается рука писать: «Ну так после поста». А я смотрю на эти слова — и слезы и кровь струится. Зачем мы виделись после 3 марта, зачем я целовал тебя, зачем рука моя смела обвить твой стан? Теперь отрезана былая жизнь, она невозможна. Не жди больше тех писем, где широкий восторг лился песнью. Вдали манил призрак, и мы шли, теперь он облекся в действительность... ты помнишь поцелуй прощальный, мой взор... И после опять разлука. О, ежели так, то ты права, 3 марта надобно было умереть. А мы *были веселы*, свидевшись. Да неужели ты спокойна, о, тогда я снова преклоню колена пред тобою. После 3 марта я очистил свою жизнь, я был поэт. Теперь я готов судорожно ухватиться за все, я не могу жить сложа руки, хоть бы меня бросили в какую-нибудь тюрьму, хоть бы сильная болезнь утишила ядовитую боль. Наташа, Наташа, бога ради, спаси меня, я не могу дольше ждать, приезжай же — не то я буду играть в карты, пить вино, я с ума сойду. О, ежели б ты знала мученья души огненной, огнем земли, души, не достойной тебя... Фу!

26.

Цветы — опять тоже симпатия. Сейчас приехал из деревни. Прощай, ангел, — помни же, что я очень, очень страдаю, и торопись сюда.

Твой Александр.

Emilie, да что же вы все ничего не пишете? Пора, пора действовать.

На обороте: Наташе.

178. Н. А. ЗАХАРЬИНОЙ и Э. М. АКСБЕРГ

27—30 апреля 1838 г. Владимир.

Сегодня 27 апреля, еще 30 дней остается для соединения, а все идет медленно, почти совсем не идет. После 27 мая падет черная завеса на целый месяц, предупредим же ее. Буду искать средства обойтиться без свидетельства. 30 дней... издали кажется много, очень много времени, а вдруг опомнишься и увидишь, что едва остается несколько дней. Это одна из главных сторон моего огненного характера — что я не могу возвращаться к прошедшему. «Вперед!» — кричит голос сильный, и я мчусь. Итак, перст божий указал нам май, будь же готова исполнить волю его. Я страданиями, ты молитвой, и оба любовью очищенные, святые станем перед алтарем.

Нынче я утомлен, устал за все прошлые дни; думать я давно не могу, но теперь и чувствовать ясно не могу, я похож на человека, который при кораблекрушении вскочил на бревно, пытался дать ему направление к берегу, но волна не слушается, и вот отдал попечение богу; человек засыпает душою, смотрит на огромное море и не понимает ни спасения, ни гибели, потому что своими силами уж он не может ускорить ни того, ни другого. Завтра получу письма, авось что-нибудь узнаю. Да, Наташа, прежде нежели ты исполнишь, напиши мне весь план и жди ответа, я боюсь твоей неосторожности, всего лучше мне самому приехать за тобою, *только чтоб все готово было;* я писал к Ал⟨ексею⟩ Ал⟨ександровичу⟩, но, признаюсь, сделал это, исполняя твою волю à contre cœur[1]. Холодная душа, эгоист в высшей степени. Когда я, школьник, ценил один ум, я любил его, и он, кажется, любил (не меня, а мои таланты); но теперь между мною и им нет перехода. Он *хуже* их: они делают глупости, как угорелые кошки, от дыму предрассудков, он — по тонкому расчету, по теории, дурной человек. Мне очень неприятно будет, ежели ты переедешь к нему, он ведет такой образ жизни, какого бы я не желал ставить перед твоими глазами. Ежели судьба будет так жестока, что в мае ты не приедешь сюда, а пробудешь весь июнь у Ал⟨ексея⟩ Ал⟨ександровича⟩, то прошу тебя, будь как можно дальше от него. Даже нет нужды скрывать холодности. Всего же лучше просись в Перхушково, там есть церковь; там могу я быть смело. Впрочем, я тогда напишу ему письмо *повыразительнее* первого. Олим⟨пиада⟩ Макс⟨имовна⟩ добрая женщина, сколько я знаю, но без характера. Говорят в защиту Ал⟨ексея⟩ А⟨лександровича⟩, что гонения отца сделали его таким, а зачем же его душа

[1] нехотя (франц.).— *Ред.*

сломилась от этих гонений? Нет, весь корень зла — воспитание в грубых правилах философии прошлого столетия, в материализме и неверии. Нас, живых людей, и худшие гонения не сломили.

Четверг, 28.

Ангел мой Наташа, что же время разучилось ходить — стоит на одном месте и давит ногою в грудь. Ежели мы в мае не успеем ничего сделать, что будет со мною в июне? О, тогда пусть небо бросит камнем в меня, пусть дохнет ядом, чтоб я пролежал больной в постели, очень больной, в бреду. Знаешь ли, как физические боли врачуют душу: сперва страдания, потом весь ослабеешь, потом выздоровление и первая прогулка и встреча с былою жизнью. Как я был покоен, когда в Вятке расшиб себе голову; я беспрестанно спал, даже боли не чувствовал, потому что мочили опиумом. Опиум, опиум — вот дивное вещество, это уж не вино европейцев, это чародейная сила Востока, полная его неги и поэзии, это весенний воздух для чахоточного, который разом льет наслажденье и отраву. Давно хочется мне попробовать, тогда было смутно, неясно, надо попробовать здоровому.

Читала ли ты книгу, которую я оставил? Смотри, когда поедешь, не забудь ее, она одна и черная и белая. Саз⟨онов⟩ и Кет⟨чер⟩ в восхищенье, особенно от вакханалии. Да что ты теперь так трусишь, требуй себе права писать — особенно, ежели пап⟨енька⟩ пришлет записку.

Прежде я носил браслет редко, теперь я не могу минуты пробыть без него, это мой талисман, он жив до сих пор, *твой локон!* — Иногда в грустную минуту долго смотрю на него и на твое имя, и голос с неба раздается: «Не грусти, она, прелестная, великая, святая, она твоя, эта Natalie», и я бешено целую браслет и ленту (не черную, а голубую). Утром, когда проснусь, я ищу молитву и твой браслет — он святой антиминс моей молитвы. Наташа! милый друг, пожалей Александра и прилети к нему, не могу дольше быть без тебя. Наташа, Наташа, бога ради, сюда, сюда... из состраданья, из любви! Обстоятельства склонятся сами, и легче, нежели мы думаем.

Пятница

Это письмо доставит Матвей, т. е. настоящий. Наташа, *решено* — все готово, собирайся. Я жду во Владимире: завтра Матвей едет к тебе,— может, в четверг... пусть договорит твое сердце.

Твой Александр.

Возьми же сестру Emilie.

Нет, не совсем решено. Я в претензии на всех наших. Как не уметь достать свидетельства из церкви, где тебя крестили. Я просил архиерея — он сказал, что или венчаться тайно ⟨...⟩

К Emilie.

Теперь все будущее, все счастье я отдал в руки друзей, больше всего в твои руки, Emilie; здесь все готово, надобно украсть Natalie, и тогда кончено. Я остался нарочно во Владимире, чтоб не подать подозрения. Вот мои советы. Всего лучше увезти в начале ночи и тотчас в коляску, ибо 12 часов пройдет прежде нежели они успеют что-либо предпринять. Здесь до венчанья надобно, чтоб прошло только часа два, я назначаю приехать сюда в 4 часа утра (полагая, что выедете в 2, это 26 часов), денег на водку не жалейте.—

Уложи все пожитки и всё вручи Матвею, ежели нужны деньги, он может достать сколько хочешь. Приезжайте только в такой день, в который венчают. Хотя я и сладил без метрического свидетельства, но это плохо, ежели можно достать из церкви, где Наташу крестили, достаньте. Ну, впрочем, полагаюсь на бога и на вас. А каково будет мне ждать несколько дней! (Погоди,— новые беды, читай писанное к Nat⟨alie⟩).

К Natalie.

Поздно вечером.

Natalie, мое положение ужасно, все, казалось, было готово, губернатор подписал, вдруг от свящ⟨енника⟩ решительный отказ: нет доказательства о твоем совершеннолетии.

Нет, довольно страданий, не могу больше, вся моя чугунная твердость раздробилась, я гибну без тебя, гибну, гибну... Ты говорила мне: «Спаси меня», теперь я тебе и богу говорю: «Спасите меня» — Grâce, Grâce! — Я уже одной ногой был в повозке, чтоб скакать в Москву; но tant va la cruche à l'eau qu'à la fin elle s'y casse[1], слишком часто.

Фу, какая буря мятется в душе, и как больно, больно... я схватил бутылку вина и выпил ее зараз, этого я давно не делал. А ведь я счастлив, очень счастлив, меня любит она, она святая, недосягаемая, что же было бы, ежели б она не любила? ха-ха-ха... будто Natalie могла жить не любивши меня, это nonsens, это нелепость.

Но кончите же бога ради, бога ради, кончите. Приезжай *на авось*, *авось* либо сладим. Страшно, безумно — ну слушай, ежели не сладим. Ты, мой ангел, тверда — есть средство, дан-

[1] повадился кувшин по воду ходить, там ему и голову сломить (франц.).— *Ред.*

ное богом людям, которым скучно по небу — acidum hydrocianicum[1] выпьем вместе, ты слабже, ты выпьешь меньше, и тогда в один миг — к богу отцу.

Суббота, вечер.

Бога ради, свидетельство от того свя⟨щенника⟩, который крестил, и с богом тогда во Владимир, все готово.

Ангел мой!

На обороте: Наташе.

179. Н. Х. КЕТЧЕРУ и Н. И. АСТРАКОВУ

30 апреля 1838 г. Владимир.

30 апреля.

Кетчер! Начну с упрека; может, вы все его не заслужили; но, как угодно, siori, небрежность непростительная: 1-е. Деньги Сазонов мог не обещать, но, обещавши, *должен был* прислать, потому что я занял на несколько дней бог знает у кого, надеясь получить. 2-е. Из твоего письма я ничего не понял, что же у вас готово,— всё так же, как было при мне и до меня. Вот поэтому-то я и придумал послать Матвея. Ну сделай же милость, обрати внимание, вот в чем дело.

1. Дозволение от губернатора и с ее именем у меня есть и даже с печатью, на гербовой бумаге etc.; но этого недостаточно, надобно какой-нибудь документ о ее совершеннолетии, а в этом документе отказать не имеет никакого права священник церкви Иоанна Богослова за Тверским бульв⟨аром⟩, где ее крестили. Неужели не сладите всем корпусом взять у него?

2. *Ежели достанете от свящ⟨енника⟩* — то, не медля ни одной минуты, посылай за коляской, возьми N⟨atalie⟩, найми горничную и отправляйся сюда.

3. *Ежели не достанете*, то или найди священника, который бы за деньги обвенчал по губер⟨наторскому⟩ позволению (а он мне разрешил венчаться и в Московской губернии), и напиши с Матвеем, куда мне приезжать, или сейчас отошли Матвея назад, ежели невозможно[2]; тогда надобно прибегнуть к самому последнему средству — ехать в Шую, там есть какой-то mascalzone[3]-поп.

Péroraison: Итак:

Во всяком случае (omni casu) я советую ехать сюда (ежели только нет верного попа около Москвы).

---

[1] синильную кислоту (лат.).— *Ред.*

[2] Вместе приезжайте.

[3] мошенник (итал.). — *Ред.*

Кетчер и все друзья.— Клянусь, я гибну и задыхаюсь; ежели сколько-нибудь вам дорог друг Герцен — теперь пособите. Спросите Матвея, в каком положении он меня оставил,— о, ежели б не любовь этого ангела — покуда не узнали здесь открытие твоего брата, я взялся бы за acidum hydrocianicum! — Ужасное положение!

Достаньте же свидетельство...

Да, впрочем, очертя голову приезжайте.— А главное деньги — это тоже свидетельство. Без денег уж и не ездите.

Герцен.

Да, omni casu необходимо, чтоб Natalie приехала, а то зачем я потратил 25 руб⟨лей⟩ на квартеру? — Ну, хоть для того, чтоб вместе умереть,— чуть-чуть было не поставил ѣ — господи, куда заводит фантазия.

В Шуе надобно иметь 1600 руб⟨лей⟩ государ⟨ственными⟩ асс⟨игнациями⟩. Я туда сегодня отправляю гонца.

А что, Emilie сшила того-сего?

Нужно очень было Егору Ив⟨ановичу⟩ говорить о деньгах. Черт знает что такое...

Да кто же поедет из дам? Emilie — дай бог.

Ну да приезжайте, так-таки просто приезжайте. Они откроют рот

Это зубы.

О, грудь ломится — крест тяжел не в меру, не то что Аннинский 3 ст⟨епени⟩ с бантом.

Аминь.

Астраков — grâce, grâce!

(«Robert ⟨le⟩ Diable»).

Да помогите ж.

А пуще деньги.

Ежели Татьяна Алексеевна решится дать записку следующего содержания, то она почти равносильна свящ⟨енниковой⟩:

«Девица N.N., рожденная в 1817 году 22 окт⟨ября⟩ и крещенная в церкви N. N., живущая ныне у меня и на моем попечении, вероисповедания греко-российского, на исповеди и у св⟨ятого⟩ причастия бывает и препятствий не имеет к вступлению в брак с N. N. — В чем и удостоверяю.

N. N.»

Я просил архиерея; он говорит, что разрешить не может, но сквозь пальцы будет смотреть. Ежели же достанете свидетельство от крестившего — то он разрешит прямо.

У Матвея формальное требование ко протоиерею, или иерею, или попу.

Сейчас отдайте Матвею деньги, обещанные Сазоновым.

Герцен.

Николаю Христофоровичу Кетчеру.
Цидула, пропорциональная его массе.

На обороте: Кетчеру или Н. И. Астракову. Близ Девичьего Поля, собственный дом позади Мальцова. Приход Воздвиженья на Овражку.

180. Н. А. ЗАХАРЬИНОЙ

1—4 мая 1838 г. Владимир.

Ночь на первое мая.

Итак, ужасный, огромный шаг совершился! Матвей скачет теперь, и через сутки все начнет действовать. О если б ты меня могла видеть теперь, дивная, святая — да, тогда бы ты узнала не любовь мою, ее ты знаешь, а бешенство моего характера. Я страшен теперь, я на шаг от всякого злодейства — и болен, болен телом, дрожу от холоду, а в голове жар, огонь.

Повторю в последний раз мою первую фразу: «Голубь привязан к ракете».— Но ты не боялась и тогда.

Измученный мечтами, страхом, бросаюсь я на постель, на минуту засыпаю и просыпаюсь в ужасе, в оцепенении. Ну если ты приедешь и найдут препятствия — горе, горе мне тогда.

Великий боже, вот моя жизнь, возьми ее, вот мое тело, пусть оно сломится под крестом — но да не падет пылинка на нее! Прощай — лягу; ежели это долго еще продолжится, не знаю, что будет со мною. Ангел Наташа, ангел Наташа!

1-е мая. Поздно.

Ну поздравь меня, я вылечился, разумеется чем — письмом твоим. С каждой строкой воскресала душа, и оправилась, и отряхнулась при последних строках, и возлетела к небу. Итак, ты, ангел, теперь видишь сама, что ты выше меня. Однако, скажу откровенно, мне больно было читать: «Я буду бояться приблизиться к тебе». Наташа, у тебя есть еще за Александром небо — я *всю* жизнь перенес в тебя, я без боязни иду в вечную муку, лишь бы ты была моя. Я ль виноват, что в моих жилах льется огонь? Пусть Матвей тебе скажет, что было со мною, когда свящ⟨енник⟩ отказался. Ты в своей тюрьме ждешь окончания, а *мы* придвигаем его, оттого ты и можешь быть покойна, а тут целый день борьба с людьми, переговоры, и мечты почернеют, и сон ночью бежит от глаз, и грудь болит физически.

Свящ⟨енник⟩ сказал: «Итак, в пятницу, в 7 утра»,— а теперь воскресенье. Не могу обнять этой близкой мечты, нет, она не по груди моей.— Ну, спи с богом. Матвей теперь действует. Ты хвалишь друзей, да что же толку, что они действуют,— действуют и всё не так, как следует: свидетельство и деньги, только и было нужно.

3 мая.

Смутно. Я смотрю на все глазами человека, которого разбудили. Сегодня вторник — еще страшнее, есть слух, будто нас простили, это было бы не вовсе уместно. Еще раз возвращаюсь к тому, что ты испугалась бешеного языка моего. Зачем же не верила ты, когда я тебе говорил, что ты мне много придала своего, идеального, зачем не верила ты в клокочущую грудь, в мои необузданные страсти? Душа моя, как порох: попала искра, и она разорвет все, что около.

Я нашел тебе дом, где ты можешь провести несколько часов или даже день до венчанья. И где тебя не найдут, ежели бы послали эстафету. Получил от Астрак⟨овых⟩ письмо — и в самом деле, они всё делают, а я вместо благодарности бранюсь.

Главное необъятно. Почти невозможно, чтоб май прошел, не приведя соединения. О, время вятской жизни, потускло ты, ты заплачено 3 мартом; а 17 апреля и 18 были началом нового фазиса жизни. Промежуток — молитва.

Один человек здесь и есть, который отчасти близок душе, сто мой шафер Богданов. Помощники есть; но... но ничего про них не скажу.— Тебе хочется знать второй подарок — приезжай, увидишь.

4 мая. Середа.

Может, нынче!.. уж довольно того, что есть возможность думать, что может. Мое опьянение продолжается, не могу ясно и чисто связать две мысли. Ты очень хорошо выразилась, сказавши: «как приговоренная к смерти»,— да, я думаю, *физически* душа точно в том положении. Но не брани же меня, *смирись* и ты в свою очередь — ежели бог тебе дал веры больше, то все любовь равна, с разницею лазоревого цвета и пурпурового оба они хороши в радуге господа, зачем же ты меня бранишь за любовь к тебе. О, она необъятна, моя любовь, и точно — обыкновенной женщине должно бежать такой любви. А ты — созданная для меня, умевшая в себе сосредоточить все лучи моей экспансивной души. Наташа, будто это возможно, через неделю, а может, через день. О! — когда мы останемся одни, тогда бросимся на колени и поблагодарим бога. Душа моя, а как неприятно вести переговоры с попами, фу... зато у архиерея я был хорош: я не просил, я дал волю языку и пламенно, бешено требовал, он обещал *не* препятствовать и прибавил: «Вот огонь-то, и ссылка и тюрьма не вылечили его».

Да, я требую тебя как своей собственности, я... А все не могу последовательно писать.

Квартира по необходимости осталась та же. Возле почта, бубенчики и колокольчики всегда волновали меня, а теперь всякий раз кровь бросается в голову.

Середа, четвертый час перед обедом.

Послушай, друг мой, что со мною было сейчас. Сижу у стола и ничего не делаю (я читать не могу), беспрерывно мчатся дорожные. Вдруг едет колясочка в четыре лошади, когда я взглянул, она остановилась у самых моих окон, кто сидит — не видно, а только часть дамского плаща.— Первое движенье мое было броситься вниз, но я не мог, холод пробежал по всему телу, до сих пор сердце бьется и руки дрожат. Кто-то эта дама, ей, чай, и во сне не грезилось взволновать меня прибытием во Владимир.

181. Н. А. ЗАХАРЬИНОЙ

5—6 мая 1838 г. Владимир.

5-е. Четверг. 11 часов утра.

Обо мне, как о больном, надобно писать каждые два-три часа бюльтени. То улыбка, то слеза, то пот холодный и ужас, то надежда, вера, то сомнение винтит душу...

6, пятница.

Вчера маленькая записочка от тебя — кажется, я спокойнее сегодня. Но зачем же ты в записке не пишешь, едешь или нет теперь, вперед ли посылается Матвей или нет.— Твоя вера велика, Наташа, но взгляни же теперь на всю необъятность моей любви, и опять повторю: не брани. Было время, ты с скорбью, с отчаяньем писала ко мне, когда я сидел в Крут<ицах>, а я был покоен, я утешал тебя. Вспомни, что и в вятской жизни я умел переносить отказы и «мытарства», что вырвется грустный звук и покроется светлой песнью любви. Минуты черные происходили от угрызений — это дело другое. Я знаю, что я тверд, что могу много вынести; но... мое настоящее положение раскрыло разом и все надежды и все раны, кровь струится отвсюда и благословение бога тускнеет местами от проклятия толпы. Счастливая — ты не знаешь всего, что могут сделать против нас, ангел, ты не можешь постигнуть всех гнусностей людских. А я, выпивший до дна чашу жизни, живший 3 года с толпою, в толпе,— я знаю. Толпа, имевшая силу распять Христа, продать его,— сильна! А мы сильны любовью, смелостью и зато слабы материально. Вот тебе доказательства.

Полтора месяца неусыпных трудов, всякого рода пожертвований едва учредили положительную возможность венчаться, и вся эта возможность рухнет, ежели успеют предупредить архиерея. Конечно, есть тень вероятия, что я склоню его на свою сторону; но верно ли это? Малейшая злонамеренность может все остановить, но однако тут я испытал, какую власть имеет человек не из толпы над людьми, когда я расскажу подробности, ты увидишь, мог ли бы другой так склонять. Оно страшнее теперь, потому что ближе, но я спокойнее, теперь остается ДВАДЦАТЬ ДНЕЙ.— У меня одна молитва, лишь бы все оборвалось на моей голове, и это не для тебя я желаю, а для себя; мне легко страдать и думать, что страдаю за Наташу, но пылинка на тебя — и я руками готов изорвать свою грудь, и черная волна отчаянья захлестнет душу.

Деньги из Вятки еще получил, покаместь довольно. Ну прощай, писать неловко, пора *говорить*. Милый, милый ангел, моя дева, моя обетованная!

О Наташа, как ты счастлива, быть так любимой, знать это. Нет, с гордостью говорю — тебя жалеть не надобно.

〈9 мая?〉

Конец переписке.

182. Н. И. и Т. А. АСТРАКОВЫМ и Н. Х. КЕТЧЕРУ

10 (?) мая 1838 г. Владимир.

Астраков, Татьяна Алексеевна, Кетчер!

Слава богу, друзья, мы соединены, счастливы, и подробности в следующий раз...

Прощайте.

Александр

Рукой Н. А. Герцен:

Довольно ли вам?

и Наталья Герцен.

Предупреждаю вас, что все шло превосходно, дивно венчались с благословения архиерея и заходящего солнца.

Шляпку необходимо и платье, выслать ли денег? А впрочем, пришлите и так, ибо пока деньги есть,— писать, ей-богу, теперь нельзя, в субботу рапорт подробно.

Рукой Н. А. Герцен:

Татьяна Алексеевна! Вам довольно, что я подписала там Наталья Герцен, но я не удовлетворяюсь этим — благодарность, благодарность вам безмерная, бессловесная, невыразимая... А вы, Кетчер и Астраков!

Я знаю, в душе вашей вам награда огромная, а сверх ее еще бóльшая — блаженство Александра и Наталии Герценых.

После буду писать много, много, пора на почту, прощайте, друзья! Мы ваши, ваши, и счастие наше — ваше.

183. А. Л. ВИТБЕРГУ

Владимир. 11 мая 1838.

Александр Лаврентьевич, не ждите ни рассказа, ни отчета — ничего, довольно, ежели скажу, что 9 мая я венчался во Владимире. Слишком светло, слишком свято, чтоб переносить на бумагу. Наконец гармония заменит судорожное развитие. Как и что, напишу после, гораздо после... довольно, я ее увез, прямо в церковь и с благословения архиерея, с соблюдением всех форм, обвенчался. Счастлив ли я?.. Ну тут нечего и говорить, пусть скажет это madame Herzen сама.

Поручаю aux bonnes grâces[1] ваших *мою жену.*

Прощайте.

А. Герцен.

По вашему наставлению Наташино кольцо серебряное.

Рукой Н. А. Герцен:

Несчетные уста, несчетные сердца воссылают благодарственную молитву господу — и *ваша* молитва, Александр Лаврентьевич! — несчетные души полны нашим блаженством — что же нам говорить о нем? Нет меры, нет предела... но мысль, что эти строки наведут улыбку на ваше сердце, на ваши уста — Великий! расширяет его еще более. Наконец совершилось то, к чему я шла со дня появления в мир — и как все было дивно, торжественно — я уверена, что и в Вятке 9-го мая небо было яснее. Вы благословили Александра на пути терновом — благословите теперь сына и дочь на пути, усеянном цветами рая, любимыми цветами бога!

Авдотье Викторовне мое глубочайшее почтение, ее искренно и душевно желает видеть

Наталья Герцен.

Вы, Вера Александровна, знали Александра, но не знали Наташу,— вот она—давайте же ей вашу руку, ее душе так же доступна ваша чистота и высота, как душе Александра, он много говорил мне о вас. Вы меня очень утешите, ежели пошлете слово тем, которые, несмотря ни на огромное расстояние, ни на безмерное блаженство, к вам близки всей душой. Жму вашу руку, как руку дочери Великого, — прощайте.

Сообщите всем любящим и помнящим меня о 9 мае. Всем, всем,— жаль, что эта новость будет неприятна для Эрна.

Особенно извещаю Николая Мартыновича,
Семена Ивановича,
Григорья Ивановича,
Казимира Мих⟨айловича⟩ и
Катерину Алексеевну.

---

[1] попечению и благосклонному вниманию (франц.).— *Ред.*

184. Н. И. АСТРАКОВУ

17 мая 1838 г. Владимир.

Астраков, с 8-го числа продолжается один восторг святой, высокий — душа не охладела еще настолько, чтоб давать себе отчет — после, гораздо после будет речь об этом. Письмо получил. Все в Москве идет лучше, нежели мы думали...

Моя жизнь развивалась как-то судорожно, болезненно — чего не перестрадал я, начиная от родительского дома; вдруг туман рассеялся, тучи рассеялись, яхонтовое небо, светлое солнце — и жизнь полилась стройно. В Наташе не токмо полный отзыв всем требованиям моей души, но еще, сверх их, целый мир поэзии, и я ношусь в нем, убаюкиваюсь его песнями — словом, не знаю, чего бы мне просить у бога.

Ни тебя, ни Тат⟨ьяну⟩ Ал⟨ексеевну⟩, ни Кет⟨чера⟩ не благодарю больше, вы совершили предопределенное богом — вы знаете, что вашими руками создано в факте наше счастье — велика и ваша доля.

Саз⟨онов⟩ хочет посетить меня — рад, очень рад, однако замечу — всего лучше после 20-го, до тех пор я на старой квартере, очень тесной. Пришли с ним все писанное, оставшееся от Наташи и, главное, «О себе». — Я теперь долго писать не буду, грешно; но зато какую я силу соберу в моем счастии, тут-то я окрепну — что мне теперь люди?

Ну прощай,

твой друг до гроба

А. Герцен.

Я не думаю, чтоб нужно было все деньги от Сазонова и не довольно ли половины и для меня и для Кетчера. Пришли же книги и статьи, а пуще всего наряды хоть по почте. Архиерей будет писать в Москву, он не нарадуется на Наташу. Пожалуйста, наряды-то, да попроси Т⟨атьяну⟩ Ал⟨ексеевну⟩ подороже — ведь это раз трата.

Addio!

Рукой Н. А. Герцен:

17-е утро.

Сейчас письма из Москвы — все чудесно! Папенька принял эту новость наилучшим образом; даже прислал 500 рублей мне на платья — чего мы боялись? Дети, дети!..

Мы уверены, что вас это порадует, друзья наши. Лев Ал⟨ексеевич⟩ пишет Александру, что обнимает его супругу, и маменька пишет, что все радуются и хвалят, что мы так поступили. Вот бог, вот его провидение — радуйтесь, друзья, радуйтесь и еще и еще вам благословение!

N.

185. А. Г. КЛИЕНТОВОЙ

Рукой Н. А. Герцен:

Владимир. 1838. Май. 21-е.

Бессовестная Сашенька!

Не стыдно ли не написать—хоть строчку бы? Я же говорила тебе, что Александра бояться нечего, ты, может быть, и не поверишь,— ну так он сам скажет тебе, с каким удовольствием читал он все твои письма и восхищался твоей любовью ко мне.

Ежели не напишешь — я рассержусь, да не вздумай хитрить и умничать, просто, как прежде, будто ты не знаешь, что *он* — я,—чего же бояться? да уведомь, что твое сватовство, нам интересно знать все-все о тебе.— Мы на новой квартере — превосходной, гуляем много, далеко, как все дивно, хорошо, свято... благодари бога, душенька, нечего желать более!

Маменька, верно, знает —⟨так?⟩ ей поклон, интересно знать, как принял это твой папенька — напиши — не досталось ⟨ли⟩ тебе.

Помилуйте, Александра Григорьевна, да что я за цепная собака, что вы боитесь меня; нет, Александр Наташин не страшен для той, которая так пламенно ее любила — и как же вам бояться моего суда,— суда земного человека, когда вы не боялись приблизиться к ней, к ангелу небесному?

Ну дайте же руку и прощайте — и ведь я право не кусаюсь.

А. Герцен.

На обороте: Александре Григорьевне Клиентовой.

186. Н. И. АСТРАКОВУ

24 мая 1838 г. Владимир.

А может, я и в самом деле слишком холодно и черно привык смотреть на людей (в Вятке), и оттого люди меня приводят в восторг, и поневоле рвется слово спасибное им. Вперед исправлюсь.

Что о себе сказать — я счастлив, это дело решенное и известное. Но вот что для меня ново. Гармоническое, стройное бытие мое теперь разливает во мне какую-то новую силу, аминь минутам убийственного desperatio[1], аминь ломанью тела душою. Имея залог от провидения, совершив все земное — является мысль крепкая о деятельности, скажу откровенно — я ее не ждал.

Братский поклон Тат⟨ьяне⟩ Алекс⟨еевне⟩.

Прощай.

А. Герцен.

24 мая.

[1] отчаяния (лат.).— *Ред.*

187. А. Л. ВИТБЕРГУ

Конец мая 1838 г. Владимир.

Вам, верно, будет очень приятно узнать, Александр Лаврентьевич, как высокие души симпатизируют. Василий Андреевич Жуковский не забыл встречи с вами, он говорил в Москве везде о том, что жалеет, что храм будет не ваш, предлагал даже спросить вашего мнения о новом проекте, и вообще отзывался как поэт Жуковский.— Что касается до моего дела, более перевода во Владимир ничего нельзя было сделать. Государь сказал: «Я для них назначил срок». Но теперь что же мне Владимир — угол рая, и ежели человеку надобна земная опора, не все ли равно, где она — на Клязьме или на Эльбе. Я до того счастлив, что мне иногда становится страшно. За что же провидение меня так наградило? Неужели за мои мелкие страдания? В самом деле, как необъятно наше блаженство, даже все эти непреоборимые препятствия исчезли, растаяли от чистого огня любви чистой. Папенька и Лев Алексеевич с первой же почтой писали мир и поздравление, и хотя, кажется, пап⟨енька⟩ хочет немножко меня потеснить материальными средствами — но это больше отцовское наказание временное, нежели сердце.

Еще раз прощайте. Целую и обнимаю вас.

188. А. Л. и А. В. ВИТБЕРГАМ

Владимир. 1838. Июня 3-го.

С искренним и живым восторгом прочли мы, почтеннейший, любезнейший Александр Лаврентьевич, ваше письмо от 24. И вы не хотели тогда дать мне поцеловать вашу руку! Я целую ее теперь. О, я умею чувствовать эту струю теплоты, умею понимать слова с уст ваших. Вы ближайший мне родственник. Боже мой, как я богат, как счастлив, и любовь и симпатия венчают меня.— Дайте остановиться, волнуется сердце, о, как бы я прижал вас к груди моей, как пролил бы вместе слезу. Ведь тогда, в 1835, я, слабый, неокрепнувший, увлеченный, в вашем объятии нашел опору отца, я был еще неустроен, а теперь этот юноша, этот сын — нет, нет, ни словом, ни звуком, а слезой и взором я бы сказал вам, что я теперь...

Как было, какие последствия — вот несколько слов; но уж *лично* подробности, *я верю*, что мне еще суждено видеть *семью родных*. Папенька объявил полное прощение, амнистию и доказательство приложил государственными ассигнациями; первое я сохранил навеки в сердце, второе — на два дни в шкатулке.— Теперь история. Я прискакал за Наташей, взял ее в коляску, в чужом платке, в чужом са-

лопе, 8 мая, в обед, и поскакал назад. Тут все было готово. Смутно было на дороге, и опасения, и необъятность счастия— словом, ни я, ни она не поняли, что мы едем вместе. Минутно вспыхивала душа, но постоянно была оглушена счастьем. Ночью мы проезжали маленький город, было темно, город спал; но в часовне теплилась лампада, и свет ее, обращенный туда, к Деве Чистейшей, затрепетал на лице моей Наталии, тут я проснулся, сказал ей «молись» и молился, потом опять дорога, хлопоты, «пожалуйте на водку» etc. В 5 часов после обеда мы приехали. Все было готово; но что всего лучше — и души наши изготовились. Когда я подал руку ей, чтоб везти в церковь, тогда душа полным размахом взлетела. О, тогда мы были изящны,— а пышное солнце на закате нас освещало, провожало. В церкви почти никого не было, рука об руку взошел я с нею. Вы знаете, что я уже понимаю теперь важность таинства, что я понял «любить друг друга, зане повелевает бог». О, это было торжественно и величественно. И священник дивный, ну, всё, всё, даже «Многая лета» на конце гремело торжественнее обыкновенного.— Несколько дней после мы дивились друг на друга, как это случилось, спрашивали друг друга, а когда настало гармоническое, спокойное чувство, когда мы развернули наши письма, когда вместе стали читать отрывки этой поэмы, которая поднимала нас к небу, и потом бросились друг другу на шею. Ну — опять граница, язык мал, беден, недостаточен (и притом говорю я, а вы знаете мою способность *языческую*). И как для меня ново это гармоническое бытие после судорожной юности, я чувствую, что становлюсь сильнее — да, имея такой залог от бога. Однако пора из вашего кабинета идти, прощайте, да я не со двора, а в ту комнату, т. е. к Авдотье Викторовне.

Да, сестра, ангела, ангела дивного послало мне небо; ежели ему довольно любви пламенной, беспредельной любви души широкой, ежели достаточно, что эта душа, алкавшая и славы, и шума, и поприща, и власти, вместо всего смиренно обратилась к подножию его — то он счастлив. А вы знаете любовь ее ко мне.—Верьте, что я душою исполнил ваше поручение, мы молились о Викторе, пожалуйста, пишите об нем. Виктор — одно из моих мечтаний, я твердо уверен, что мы встретимся — я в летах Александра Лаврентьевича, он в моих. Пишите же, что милый, милый *племянник*.— Верите ли, что я дал бы теперь половину что у меня есть, чтоб провесть неделю с Наташей в дальней, холодной Вятке. Богу угодно было соединить, переплесть жизнь Витбергов с жизнью Герценых.— Да исполнится воля его.— Ну, позвольте теперь поговорить о вздоре (неизлечим грешный человек). Ну представьте вы себе меня женатым, конфортабельным человеком,— воля ваша, а это

смешно,— ну, мы сущие дети, маленькие дети, и я и Natalie, шалим, учимся. Впрочем, по хозяйственному отношению я занимаюсь много, а именно с султанской настойчивостью требую, чтоб ходила *затянутая* и одетая car tel est le bon plaisir de monsieur[1] дитя.— А получили ли вы канву, я, с тех пор как женат, сделался вот как аккуратен. А на душе светло, светло.

Извините. Laqus proponticus.

Где Вера Александровна, меньшая сестра? В саду или дорисовывает розан, начатый лета 1673, ну тот, что Александр Лаврентьевич смыл? Все равно, где бы ни была, она мне даст руку, а я ее сожму крепко, от души. Дай бог, чтоб мы опять увиделись, тогда больше, больше.

Александр Герцен.

Да, я забыл было: 1-е. Брак был с благословения архиерея. 2. Все денежные издержки фурнированы были благородным Косьмой Васильевичем Беляевым, мне приятно упомянуть об этом тем более что все это требовало довольно значительной суммы.

Об Величке не слыхал.

Через месяц ваше рождение — поздравляю. Какой дивный был вечер в 1836 году. Помните?

P. S. А уж княгиня М⟨арья⟩ А⟨лексеевна⟩ как бесится. А Голохвастов все скачет по Москве и судит,— говорят, от него в Москве проезда нет.

189. Н. И. АСТРАКОВУ

5 июня 1838 г. Владимир.

Записывать моменты двойной жизни. Нет, на это еще время не пришло и долго не придет. Дай сперва на больные места души осесть прозрачным кристаллам счастья, и притом ты знаешь условия кристаллизации — Спокойствие, т. е. гармония. Оно и есть, но еще мало времени, надобно перестать *дивиться* на свое блаженство, надобно свыкнуться с ним и вдыхать его свободно, как воздух, как свет. Кристаллы осядут — и тогда прямо вынь слепок их из души, и это будет моя жизнь после 8 мая. А дивно шло все и так заключено в нас двоих, никто не подходил, ни близкий, ни дальний. Мы очутились, отданные богом друг другу, одни на целом земном шаре. Сердце говорило — вдали есть родные душою, но глаз не видал их, перед ним стояла она и развертывалась природа. Это делает из новой поэмы жизни — поэму греческую, древнюю. Там не было несколько переплетенных нитей, а одна группа, облеченная едва наброшенной тканью *обстоятельств*

[1] ибо такова добрая воля господина (франц.).— *Ред.*

Ну, заболтался.— К делу: должен я тебе или нет? Денег вновь не посылаю, и на это есть причина, хотя еще и не все я истратил, но до нового получения должен приостановиться. Кое-что поручил я дома. Думаю, впрочем, через короткое время иметь опять деньги, для *позолоты* греческой поэмы. Книги Наташины очень нужны, и бумаги, и моя книга. Я писал с папеньк⟨иным⟩ мужиком к тебе записку; по ней можешь отдать, запечатав. Письма сегодня получены.

Прощай. Весь твой

А. Герцен.

5 июня. Суббота.

Татьяне Алексеевне мое искреннее почтение — нет, не почтение, а дружба.

Н. А. Герцен — Т. А. Астраковой

Татьяна Алексеевна!

Что вам сказать нового? Свет, свет, блаженство, рай... что еще? ну, разумеется, *более* нет ничего...

Сегодня получила и шляпу и платья—все, все прекрасно, благодарю вас за труды; простите! вы этого не любите — но все-таки благодарю премного.—Подождем из Москвы, а то, может, и опять к вам с просьбами...

Что ж рыцарь-папенька? Ах, кабы приехал! передайте ему от детей поклон и рукожатье.

Вас обнимаю. Ваша Ната.

Николаю низкий, низкий душевный поклон.

Скажи, пожалуйста, Кетчеру, чтоб он мне прислал «Revue de Paris» с июля 1837 года и до сего дня. Читал ли он в этом журнале «Mauprat» — George Sand? — Мне чрезвычайно нравится Patience и ему, *думаю*, тоже. Да пусть еще пришлет 2-ю часть Жан-Поля.

190. Н. И. АСТРАКОВУ

7 июня 1838 г. Владимир.

Любезный друг. Я к тебе с просьбой нового рода, с просьбой «ради имени Христа»... Вот в чем дело. Кажется, Полуденский не откажется попросить отца. В Воспитательном доме открывается отделение для воспитания детей чиновников менее 8 класса, и туда поступит или поступила просьба вдовы Медведевой из Вятки, жены асессора по Строительной комиссии и титул⟨ярного⟩ советника Петра Медведева,— то нельзя ли дать просьбе ход? А я тебя удостоверяю, что эта несчастная женщина не имеет хлеба насущного, пренесчастная. Итак, передай Полуденскому мою просьбу. Я уж писал и ко Льву Алексеевичу об этом.

И прощай.

А. Герцен

7 июня.

Что господин Барон? Грозный могиканин степей Сокольницких. Я писал тебе прошлый раз, чтоб передать ему мою просьбу о «Revue des Deux Mondes», и чуть ли не назвал этот журнал «Revue de Paris»; поправляю: итак,

«Revue des Deux Mondes».

Я сегодня прочел выговор Наташе за то, что так долго продержала ваши вещи, а посему, вероятно, в субботу они отправятся к вам.

Татьяну Алексеевну мы вспоминаем очень часто, Наташа ее видела раз глазами, да, не видавшись, прожила с нею душою целую жизнь.

А завтра 8⟨-е⟩, итак — месяц.

Н. А. Герцен — Т. А. Астраковой

Что вы, Татьяна Алексеевна? Пишите, пишите нам. Ну вот и месяц, целый месяц — а мне кажется все, что лишь сейчас открыла глаза на божий свет после тяжкого сна. Ничто не может дать понятия о нашей жизни — то есть о блажен⟨стве⟩ — и не радостно ли читать это вам, вам, которые так много участвовали. Московские милости ни уменьшаются ни увеличиваются — ну да бог с ними — *мы вместе* и что ж еще??..

Прощайте! Обнимаю вас, получите скоро ваши вещи — благодарю за них, а на обновки свои не нарадуюсь, так все впору и хорошо.

Ваша Ната.

На обороте: Его благородию Николаю Ивановичу Астракову. В Москве. Близ Девичьего Поля, приход Воздвиженья за Овражках — собственный дом.

191. А. Л. ВИТБЕРГУ

Начало июня 1838 г. Владимир.

Сделайте одолженье, передайте Эрну, что я нимало не сержусь на него, по будущей почте буду писать, да не забудьте.

А. Г.

192. А. Л. ВИТБЕРГУ

Владимир, 1838. Июля 14.

Почтеннейший Александр Лаврентьевич!

Вас удивят приложенные 1000 рублей; итак, с них начну речь. Вам деньги нужны — вот 1000 руб. Когда будут ненужны, вы их пришлете, и дело с концом. Деньги эти не мои, они принадлежат одному человеку, душою преданному вам и который, имея деньги в руках, мог, нисколько не стесняя себя, дать взаймы 1000 руб. — Для вас все это загадка, *и вы ее не отгадаете*, только верьте, что мое — только *труд* и больше ничего.

Ежели вы откажетесь от них, вы оскорбите меня самым горьким образом, и разе возможно христианину отвергнуть руку брата?

До меня дошли два слуха. 1-е. Что А⟨вдотья⟩ В⟨икторовна⟩ едет в Петербург. 2-е. Что В⟨ера⟩ Ал⟨ександровна⟩ получила 300 душ. Правда ли то и другое? Считаю нужным напомнить, что в Пет⟨ербурге⟩ теперь никого нет и до осени не будет. Наследник со свитой в чужих краях, то же и государь. След., и Жуковского нет и пр. Вторая новость дошла до меня сегодня, и я порадовался от души. Дай бог Вере Александровне жениха, который бы ее любил так, как я Наташу,— и у ней будет, я уверен, и, верно, вы не будете так долго томить и мучить, как меня. Я знаю, что вы ее любите, и очень. Где именье? Не давайте, бога ради, доверенности управлять *тому же лицу* — лучше, ежели нужно, напишите — не найду ли я человека.

Читали ли вы речь Филарета при перенесении закладки, ну человек, нечего сказать, *великий* («Москов⟨ские⟩ ведом⟨ости⟩» за 1838 г. Июля 2, № 53).

Ну что я вам скажу о себе? Счастлив, сколько может человек быть счастлив на земле, сколько может быть счастлив человек, имеющий душу, раскрытую к светлому и высокому и симпатическую к страданию других. Наташа — поэт безумный, неземной, в ней все необыкновенно, она дика, боится толпы, но со мною высока и изящна. Кстати, я хотел вам написать, она *тоже*, *как вы*, не любит смех, никогда не произносит напрасно имя бога, и не любит Гогартовых карикатур. Это напомнит вам нашу жизнь совокупную. А я думаю — подчас вам сладко вспомнить мрачные 36 и 37 годы,— и в дальней Вятке вы нашли человека душевно преданного, с пламенной любовью к вам.

На днях я еду в деревню и пробуду недели две — жаль, ежели Авдотья Викторовна проедет без меня. В Москве многие хлопотали и хлопочут об детях Прасковьи Петровны. Но просьбы еще нет. Вероятно, до будущего приема (1839) не примут, и я уверен зато, что примут тогда. Я писал, что Лев Алексеевич хочет постараться об помещении ее самой и советовал ей ехать в Москву. Что же бы лучше, как не теперь целой ватагой сделать исхожденпе из Вятки.

Я воображаю, что в Вятке скука ужасная. Что новый губернатор? Что Величка, с которым, *мне казалось*, я был довольно знаком? Разумеется, что здесь лучше жить, здесь Европа (вчерне) и зато европейская дороговизна.

Прощайте.

Душою любящий вас

А. Герцен.

Поклоны всем от меня и от m-me Herzen.

193. Н. И. и Т. А. АСТРАКОВЫМ

Около 20 июля 1838 г. Владимир.

Собирался давно писать к тебе, да вот что значит pater familias[1] — хлопоты, кейф — и дождался строжайшей реприманды. Завтра едем и до 10 августа не вернемся. Лафонтень, нечитаемой памяти, говорил: «Счастливо то семейство, о котором нечего сказать и ничего не говорят» (поэтому я думаю, что Швеция — рай земной), а я, должно быть, еще счастливее, потому что и сам не знаю, что сказать об нас. По обыкновению читаю много, и, собственно, перемена в том, что то время, которое встарь проводил, думая об Наташе, провожу с нею.

Моя жена из papier mâché, раза три была больна, чуть ветер дунет — простудилась.

Прощайте. В молчанье виноват; но будьте уверены, что любовь к вам, друзья, не простыла и не простынет, она, как кавказская вода, вечно +80° по Реомюру.

Прощайте.

А. Герцен.

Сколько я должен Сазонову, нельзя ли узнать — скоро у меня будут деньги, пиши не прежде 10 августа.

194. А. Л. ВИТБЕРГУ

10 августа 1838. Владимир.

Часа два тому назад приехал я во Владимир из деревни и, нашедши письмо ваше, тотчас принялся отвечать. Мне было необходимо писать к вам, сообщить толпу дум и чувств, наполнявших меня, на месте святом для нас. Путь мой лежал около Москвы — он меня привел на Воробьевы горы. Душа стеснилась, когда я издали увидел лестницу. Тут я ребенок в каком-то восторге понял высокую душу Ог⟨арева⟩, тут заходящее солнце благословило нашу дружбу, с тех пор Вор⟨обьевы⟩ горы для нас святыня. Потом я узнал вас, мы сдвинулись и снова Вороб⟨ьевы⟩ горы стали святы. И вот этот двукраты святой холм явился; но не тем торжественным, как прежде: дождь лился, сырой ветер дул. Я велел ямщику остановиться и пошел с Наташею по ужасной грязи на место закладки. Место закладки, как открытая могила, приводило в трепет — камни разбросаны; я прислонился к барьеру, смотрел вдаль, одна

[1] отец семейства (лат.).—*Ред.*

серая масса паров и больше ничего, я думал о дальнем друге, о брате Николае, и слеза наливалась в глаза мои и её, я думал потом об вас: вот на этом месте, может, стояли вы с широкой душой — и опять слеза навертывалась. Мы молились об вас. А сырой ветер выл, растрепывал деревья, было страшно. Я взял два камешка — их сохраню в память торжественной минуты. Когда я ехал обратно, была ночь, и Вороб⟨ьевы⟩ горы едва виднелись. И так пал туман на них. Они подернулись флером, крепом.

После четырех лет я увидался в деревне со всеми своими. У нас совершенный мир.

Вы ошиблись, думая, что присланные деньги Наташины. Повторяю вам: они принадлежат человеку благородному душою — но который не желает, чтоб вы знали, кто он. От кого вышел слух об наследстве В⟨еры⟩ Ал⟨ександровны⟩, не знаю, мне писали из Москвы тогда же, как и о путешествии Авд⟨отьи⟩ Викт⟨оровны⟩. В газетах помещена не вся речь Филарета.

Рукой Н. А Герцен:

Нет сомненья, почтеннейший друг наш, что вы слышите, чувствуете, когда мы говорим о вас, а это бывает так часто, так долго... О! я уверена, душа ваша видит и тот жар, тот восторг, с которым рассказывает о вас Александр, и то умиление, благоговение, с которым я слушаю его. Я не умею выразить вам, что наполняло мою душу, когда он со слезами говорил мне о вашем дивном проекте... Как пламенно хотелось мне взглянуть на *то место* (я никогда не бывала на Вор⟨обьевых⟩ горах), помолиться хоть у колыбели храма... Совершилось желание — несмотря на ужаснейшую погоду, мы стояли там долго, долго, молча, колыбель и могила!.. Великий страдалец, Тот, кто ниспосылает теба такие испытания — да вознаградит тебя здесь и там! Молитва моя искренна и пламенна, Он слышал ее.

Милую Веру Александровну обнимаю, а что Виктор, здоров ли?

Ваша Наташа.

Лев Алексеевич говорит о возможности определить Прасковью Петровну и хочет похлопотать, может и удастся; но прямо обнадеживать не смею, его высокопревосход⟨ительство⟩ часто говорит на *вон тараты*. Кланяйтесь много и много Прасковье Петровне; ежели будет случай, лучше ехать; но риск велик — вот мое мнение. И Вере Александровне мой дружеский поклон.

Рукой Н. А. Герцен:

И я вас обнимаю от всей души, Прасковья Петровна — когда же мы увидимся?

Наташа

На обороте: Его высокоблагородию милостивому государю Александру Лаврентьевичу Витбергу. В Вятке.

195. Н. Х. КЕТЧЕРУ

20 августа 1838 г. Владимир.

20 августа.

Зачем же, друг, так грустно твое письмо? Впрочем, я понимаю твою грусть: ты человек симпатии и вянешь без нее. Я испытал эту томность *быть чужим* со всем, что окружает. Почему я не писал? 1) Я ждал, по письмам Астракова, месяц целый тебя к нам. 2) Ты никогда не отвечаешь на письма. 3) Я много раз приписывал к тебе в письмах к Астракову. Наконец, меня удивляет, что не получил ни письма, ни книг, посланных с уланским офицером Богдановым. Напиши, получил ли, и как твой адрес, я твердо убежден, что и почта тебя не найдет.

Что тебе сказать о нашей жизни? *Сказать* нечего. Светлая, лазоревая струя гармонии. Ну о чем же тут говорить. Взгляни в ясный день на небо, на землю, на воду, на солнце — и ты разом поймешь *благосостояние* природы, а толковать надобно долго, да и то не всегда удачно, как то испытывает Алексей Левонтич Ловецкий. Взгляни же на нас, барон.

Благодарю за знакомство с Левашовым.

Книги почти все я отослал с Богдановым. Доставь же к нам в дом «Revue de 2 Mondes» за 2-ю половину 1837 и еще чего-нибудь. Я в восторге от «Encyclopédie Le Roux»— вот дивный памятник ведению XIX века. «Об Америке» соч. Токвиля нагнало скорбь и грусть на меня. Он в заключении говорит: «Две страны несут в себе будущее: Америка и Россия». Но где же в Америке начало будущего развития? Страна холодная, расчетливая. А будущее России необъятно — о, я верую в ее прогрессивность. Прочти (когда пришлю) «La Turquie» par Urquhart. Велик Восток, но мы его не знаем.

Дела мои идут изрядно. Не то чтобы полный совершенный мир, а etwas в том роде.

Рукой Н. А. Герцен:

Я уверена, что Друг наш Кетчер не сомневается в *нашей* дружбе, иначе он мог бы сомневаться в существовании ее на земле, в существовании нас самих. Доказательств нет — да и на что они *Другу!* — Что сказать о себе — до 8-го мая жизнь наша была любовь и страдание, после — любовь и блаженство — довольно!!

Молчание Александра могло заставить подумать, что он несколько переменился — о нет! Он также ваш, друзья, в душе его тот же простор всему святому, всему великому,— любовь вытеснила лишь горе и мрак.—

Руку —

Наталья.

Имеешь ли возможность переслать письмо к Ог<ареву>— отвечай. Книги доставь Егору Ивановичу для пересылки. Засим прощай.

Скажи Сазонову, ежели ему нужны деньги, то я могу ему прислать из моего долга 500 асс.; ежели же не нужны очень, то лучше пусть подождет. Ему поклон. Я слышал от наших людей, что его сестра идет замуж. Взял ли он своего Гёте у нас, не даст ли еще книг? Книг, книг!

На обороте: Николаю Христофоровичу Кетчеру.

Адрес должен быть *в душе* у того, кто понесет, рассказать земным языком невозможно.

196. Н. И. АСТРАКОВУ

20 августа 1838 г. Москва.

20 августа.

Любезный друг! Ну вот я опять на месте, т. е. совсем *не на месте*, а в Владимире. Письмо твое получил. Поездка окончилась хорошо. Я, не видевши 8 лет деревни, где я бывал ребенком, душою был рад — природа не переменилась, и все наши домашние совершенно те же — люди не переменились. Когда я вышел на балкон, взглянул на лес, воду, небо, опираясь на Наташу, мне показалось, что все черное уже миновалось (оно и точно миновалось, но не во всех смыслах), однако древний fatum — qui nolentem trahit [1], новый fatum исламизма отдал приказ — и лошади заложены, и дождь мочит, и дороги прескверные. «Прощайте, прощайте», «Bon voyage», «Дай бог вам хорошую погоду» — и грустно люди плачут в два ручья — их слезы проникают до сердца. Небо плачет (по чину) в два мильона ручьев — его слезы проникают до костей. А потом опять скверная дорога, портреты Паскевича и Бобелины, за постой двугривенный — и мы в Владимире. Зачем, для чего,— а вот то-то и fatum; а то что был бы за fatum, ежели б он давал отчет по всем законам логики, causae sufficientis [2] etc... А ведь ежели бы ты знал эту пустую жизнь провинции. Фа! Помнишь, лет 6 тому назад ты мне повествовал о некоем помещике, который тебе отвел комнату без окон? Ну представь себе этого помещика, как гидру Лернскую о 200 головах, лежащего на берегу Клязьмы...

Кланяйся жене — много и себе столько же.

Алекс. Герцен.

---

[1] рок, который влечет сопротивляющегося (лат.); [2] достаточной причины (лат.).— *Ред.*

Кажется, мне уж нечего прибавить о нашем житье-бытье, любезнейшая Татьяна Алексеевна, из писанного Александром увидите всё. Вы пишете, когда б увидеться, да, когда? когда? Но да будет воля божия, если б Александр равнодушнее смотрел на Владимир, я совершенно бы забыла, что мы живем в нем не по своей воле....

Опять к вам с просьбой — сделайте мне пелеринку или, лучше, палатин, из черного франц⟨узского⟩ гроденапля, обшитую черным шитым тюлем, да чтоб фасон был последней моды — это требование *благоверного*, еще купите тюлевый воротничок или два шитые, они не так дороги, и пришлите все вместе по почте. Затем обнимаю вас от всей души.

Наталья Г.

Деньги на покупки вам пришлет Егор Иванович в конце недели...

Пожалуйста, доставь поскорее письмо к Барону Упсальскому, он что-то грустен.

197. Н. И. АСТРАКОВУ

23 августа 1838 г. Владимир.

23 августа.

Вот, Друг мой, снова к тебе просьба, и просьба большая для меня: доставь это письмо, при⟨ложи⟩ адрес, которого я не знаю. Читавши *меня*, ты видел, что мне Огарев, и с ним-то почти нет переклички... Вот прошло месяцев 8, как я писал. Кетчер потерял, кажется, два письма моих, будь в этом случае аккуратнее его.

Ежели Сазонову нужно, я могу ему отдать 500 асс., ежели же нет, то мне легче будет после полного учреждения финансового и *дипломатического* устроиться с платежами. Напиши пуще всего, пошлешь ли и когда письмо.

Прощай.

А. Герцен.

Кланяйся от Н⟨аташи⟩ Татьяне Алексее⟨вне⟩ и от меня.

198. Н. И. АСТРАКОВУ

27 августа 1838 г. Владимир.

27 августа.

Письмо твое получил, и так как Татьяна Алексеевна забирает справки по делу «о построении мантилии цвету якобы воронього крыла и о таковой же белой», то, пользуясь *сей будущей настоящей* оказией, и я пишу.

Что, существует ли «Московский наблюдатель» — об нем нигде не говорят — и каков? Я с своей стороны очень доволен «Сыном отечества». Помнишь ли там статью Литтре о единстве плана царства животного? Хотелось бы мне поговорить об этом. Я думаю, то же единство, тот же план и во всей материальной природе, во всем Παν. Бывали ли с тобою минуты, когда глубокое удивление природы приводит к пантеизму, когда вся эта природа кажется плотью бога, его телом. Эта мысль просвечивает часто у Гёте, от нее он и дошел до мысли единства плана. Но не всегда эта пантеистическая мысль представляется достаточной. Откуда зло физическое и моральное? Тут религия, тут мистицизм и вера, а с верою несообразен пантеизм. Смерть хочется поговорить обо всем этом, а писать слуга покорный.

А. Герцен.

Хочу со временем приняться за арабский язык, потому что хочу ехать на Восток. Мы, европейцы, слишком надеемся на свое, а Восток может дать много. Страна мысли почившей, фанатизма, поэзии неужели не даст еще раз своей лепты в дело европейское, которому она дала много — и христианство, и исламизм, и крестовые походы, и османлисов, и мавров.— Европа вся выразилась этими типами, Англия, Пруссия, Нью-Йорк. Ну и что же? Неужели узкая теория северо-американцев, феодализм Англии и прусские гелертеры — всё, что может человечество?.. Черт знает что на меня нашло за любомудрое расположение.

Так как на той странице письмо окончено по форме, то и не нужно его 2-й раз оканчив⟨ать⟩. Что Herr Барон? Что Сазонов и его свадьба? Новостей всяких литературных и безграмотных и etc.

199. Н. Х. КЕТЧЕРУ

Конец августа — начало сентября 1838 г. Владимир.

Чудак ты: я мало пишу, а сам никогда ничего и туда же с репримандами. И ты говоришь, что в тебе мало экспансивности, в то время как ты живешь дружбой и симпатией.— Огарева молчание приводит меня в грусть. Нет, он не мог перемениться, *не мог*, но как же понять его скорбь о друзьях и молчание со мною? Потеря его была бы для меня потеря половины благородных верований, но доселе вера моя в него незыблема.— Ты что-то слишком дурным находишь аккуратность Сазонова в получении своих денег.— Я бы не сделал так, как он, но, впрочем, очень дурного тут ничего нет: я ему отдал 600 руб.

Я, ежели успею, то пришлю с Левашовым всего «Лициния» (1-я часть) — да повторяю, хочешь ли для «Наблюдателя» статей от меня? И почему ты не прислал моей писанной книги? В ней надобно то и се поправить. Когда возвратишь — через наш дом, напр<имер>,— тогда пришлю новых статей.

Ежели письма распечатывают, то это лучшее доказательство, что есть на белом свете люди, которым нечего делать, а так как, может, и это распечатают, то буду учтив и обращусь с речью:

«Г. NN,

Не стыдно ли вам читать чужие письма, и неужели вы так глупы, что думаете найти вашей грубой удочкой что-нибудь?

Ха-ха-ха.

Прощайте, любезный незнакомец».

Благодарю за книги. Писать, ей-богу, некогда.— Спроси Измаила. Приезжай. Друг, сделай одолженье, приезжай.

200. Т. А. и Н. А. АСТРАКОВЫМ

19 сентября 1838 г. Владимир.

Что же ваш Николай мне не отвечает, можно ли доставить письмо, приложенное тогда,— а мне это очень хочется знать, а вот почему я теперь пишу к вам об этом, а не к нему, этого и сам не понимаю, и потому середь речи обращусь к нему. Что же, друг, когда сбудется твой слух о скорой развязке, хотя мне индивидуально хорошо жить, но *пора* выйти на свет божий.— Что же Барон и Сазонов грозились посещением,— за чем дело стало,— хочется с родными повидаться. Тебя не зову — потому что наверное не поедешь.— Ну, мое почтенье.

А. Герцен.

201. А. Л. ВИТБЕРГУ и П. П. МЕДВЕДЕВОЙ

1 октября 1838. Владимир.

Портрет Александра Алексеевича Корнилова и письмо ваше от 20 сентября, почтеннейший друг Александр Лаврентьевич, получил. Благодарю душевно.

Вероятно, теперь Авдотья Викторовна дома, желаем узнать, счастливо ли окончила она путешествие, и усердно кланяемся ей.

Причина моего письма следующая. Лев Алексеевич выхлопотал помещение двух из детей Прасковьи Петровны, Николеньку и одну из девочек,— это, впрочем, будет уже в будущем году. Слава богу и еще раз слава богу; но вместе с этим он спрашивает, хочет ли Пр⟨асковья⟩ Петр⟨овна⟩ место классной дамы в том самом отделении Воспит⟨ательного⟩ дома (институт детей чиновников ниже 8 класса), где будут ее дети; сверх разных выгод, будет и то, что вторая из девочек может воспитываться там же. Я пишу все это к вам и к Пр⟨асковье⟩ Пет⟨ровне⟩ потому, что она редко дает прямые ответы, а тут надобно действовать. Итак, я требую: 1-е — хочет или нет Пр⟨асковья⟩ Петр⟨овна⟩; 2-е — ежели хочет, то писать просьбу по форме, которую я пришлю не отлагая, и 3-е — обещать мне *непременно* ехать из Вятки, ежели я напишу, что это нужно. Считаю я необходимым говорить и требовать это, потому что просьбы об детях были поданы в Совет *в сентябре*, т. е. 8 месяцев после того, как мне писал Эрн,— по этой методе Пр⟨асковье⟩ Петр⟨овне⟩ невозможно получить место. Да, à propos, s'il faut passer par un petit simulacre d'examen à l'Université[1], я не думаю, чтоб это испугало Пр⟨асковью⟩ Петр⟨овну⟩, особенно при протекции Льва Алексеевича, это вовсе ничтожно. Au reste[2], может, это и не нужно.

Прощайте. Видели ли вы памятник Сусанину (кар⟨тинка⟩ в «Журнале М. В. Д.», след., в канцелярии губерн⟨атора⟩)? Мне нравится. Работник упал в самом деле с Ал⟨ексеевского⟩ монастыря. Я писал, что вы не поняли *тон*, в котором я рассказал это происшествие.

Обнимаю вас и остаюсь верный и неизменный

А. Герцен.

Я пишу стихи — вот новость.

Да получила ли Вера Ал⟨ександровна⟩ нашу грамотку 17 сентября?

Александр Лаврентьевич, как бы довести до мерзавца Тюфяева, что дети *все-таки* помещены?

Жена моя, сиречь Наташа, говорит, ежели б она вас увидела, то обняла бы и расцеловала — это весьма огорчает меня, и потому, ежели вы приедете, готовьте пистолеты и т. п.

Виктору мое почтение.

Рукой Н. А. Герцен:

Верно, Александр хотел меня испугать, написавши вам, что я хочу вас обнять — но ошибся — я подтверждаю письменно и *своеручно* мои

---

[1] кстати, если придется выдержать подобие университетского экзамена (франц.); [2] Впрочем (франц.).— *Ред.*

слова — о! Дай бог исполнение желания, дай бог!! — Жду с нетерпенъем от Авдотьи Викторовны уведомления о путешествии, как приятно мы провели 22 сентября! Вы, верно, почтенный друг наш, не сетовали, что приезд ее замедлил днем [1]. Итак, обнимаю вас всех, родные, милые друзья!

Ваша Н. Герцен.

202. Н. Х. КЕТЧЕРУ

4 октября 1838 г. Владимир.

Любезный Кетчер! Левашов проездом здесь, и на одну минуту, писать некогда; но несколь⟨ко⟩ слов скажу, потому что жаль пропустить случая. При первой оказии я пришлю тебе первую часть фантазии «Палингенезия». Я написал Сазонову, что это драма; нет, просто сцены из умирающего Рима. Это первые стихи, с 1812 года мною писанные; кажется, 5-ст⟨опный⟩ ямб дело человеческое. — Еще начал я диссертацию о том о сем. *Напиши мне непременно*, вступить ли мне в сношение с Полевым? Послать ли ему что-нибудь или нет. Сделай одолже⟨ние⟩ напиши. Далее, я subintelligitur[2] счастлив — однако, пора расстаться с провинцией: сердцу довольно, но хочется и для ума деятельности. А вы, варвары, книг посылаете мало.

Я определяюсь здесь к месту.

Прощай.

Твой А. Герцен.

Отослано ли мое письмо к Огар⟨еву⟩?

Владимир.
4 окт⟨ября⟩.

Наташа клан⟨яется⟩.

203. Н. И. и Т. А. АСТРАКОВЫМ

Октябрь 1838 г. Владимир.

1838. Октября. Владимир.

Саго! Я своекорыстно обрадовался твоему намерению идти в директоры, здесь есть ваканция: был дир⟨ектором⟩ Калайдович, его прогнали, теперь правит должность Соханской, поистине один из казенных скотов нашего времени. Не хочешь ли? Вот бы прелесть. И ты полковой командир Дмитрия Вас⟨ильевича⟩ Небабы (который здесь во всем городе считается Лейбницем). Выгоды: 175 в⟨ерст⟩ от Москвы; остальные вы-

[1] думая о нашем удовольствии (примечание Н. А. Герцен).
[2] разумеется (лат.).— *Ред.*

годы — большие невыгоды: бедный город, глупый город — но все это перевешивается истинным удовольствием и честью быть в одном городе с Герценым, одним из самых лучших моих знакомых. Да скажи мне вот что: в вятской гимназии есть учитель русс<кой> слов<есности>, превосходный человек и ученый насколько нужно, учился в Казанс<ком> унив<ерситете>, ему остается год пробыть в округе, а потом я ему советую бросить Австралию и ехать в пред-Европие, т. е. Москву. ¿ Есть ли возможность (и какими средствами) получить место по сей части? А человек такой, о котором стоит позаботиться.

Далее quasi-драма идет; мне нравится, да хочется, чтоб еще нравилось кой-кому. Наташа — судья пристрастный. Пришлю образчики, да только это не драма (я соврал, писавши к Саз<онову>), а сцены. Хочется печатать что-нибудь, хочется свое имя записать между Сенковским, Ал<ександром> Анф<имовичем> Орловым, Бенедиктовым! — Что за скот выдумал печатать портреты в книге, издав<аемой> Смирдиным, и в главе Сенковский, после Пушкин. Я скажу про нашу литературу как Югурта про Рим: «О продажный город. Жаль, что нет покупщика на тебя». — И кто будет покупать лица Тимофеева, Кукольника и пр.? Я думаю, все это делается для того, чтоб так нагадить и намерзить литературные занятия, чтоб порядочному человеку равно казалось красть платки и печатать книжки. Оно уж и началось с издания журнала Cloaca maxima — «Б<иблиотека> д<ля> чт<ения>», — наконец, дошло до того, что, наряду с Пушк<иным>, гравируют А. А. Орлова — да верить ли подобным нелепостям?

Мое почтенье.

Позвольте мне вас, Татьяна Алексеевна, преусердно поблагодарить за хлопоты по просьбе Наташи, предоставляя ей *пространнее распространиться;* я ограничиваюсь тем, что, с вашего дозволенья, целую вашу ручку.

Рукой Н. А. Герцен:

Начало моего писания к вам на той странице. Хочется еще несколько слов сказать — что вы поделываете в столице, — мы живем как отшельники, ни к нам никто, ни мы никуда, кроме семейства Куруты. Книги, фортепиано, воспоминания и море блаженства настоящего, сливающегося с будущим... Ну довольно уж. Что Николай, выздоровел ли? Еще вас обнимаю от всей души.

Ваша Н.

Благодарю, благодарю и благодарю — а как — знаете сами, мантилья преносходна, воротнички хороши, а кацавеечка дурна. Остальные деньги пусть у вас, может быть по бессовестности своей опять обращусь к вам с просьбой.

Что ежели это возможно, чтоб вы с Николаем переехали сюда? Мы, вероятно, еще долго здесь пробудем, Александр хочет занять должность.

Как бы желала вас видеть, обнять крепко, крепко... почему знать, может быть это и скоро будет! — Пока мысленно вас целую. А вы мне все являетесь в мечте той заступницей, спасительницей из ада.

Ваша Н. Герцен.

Николаю жму руку.

А сколько, я думаю, вам было хлопот с моими комиссиями.

204. А. Л. ВИТБЕРГУ

Ноября 24-го 1838. Владимир.

Давно, почтеннейший Александр Лаврентьевич, вы не писали ко мне. Получили ли вы посланный мною фасад Тонова храма?— Наконец я получил ото Льва Алексеевича ответ насчет Прасковьи Петровны — вот он. Дети, т. е. двое, помещены на кандидатском месте и поступят, как откроется вакансия; самой надобно быть здесь и ждать места, ибо в виду нет.— Из этого ясно, что не теперь следует ехать, а пользоваться вашим гостеприимством до того, как поместятся дети, тогда ехать необходимо, тогда и ждать будет легче, вот мой совет. Хотя Лев Алексеев⟨ич⟩ и советует Пр⟨асковье⟩ П⟨етровне⟩ ехать, но сам говорит — может, *год* придется подождать. По-моему это было бы очень неосторожно: в Москве жить не то, что в Вятке, и так оставаться до тех пор, пока я извещу о детях. Все это вы потрудитесь передать Пр⟨асковье⟩ Петр⟨овне⟩ вместе с дружеским поклоном.

Что вы поделываете? Вятка, вероятно, с каждым часом делается скучнее. Я занимаюсь, иду с человечеством, сколько могу и понимаю.— Нынешняя немецкая философия (Гегель) очень утешительна, это слитие мысли и откровения, воззрения идеализма и воззрения теологического.—На днях я перелистывал известные вам тетради, которые мы вместе писали,— полна была жизнь ваша и совершила высокое предназначение жизни, я возвращаюсь к мысли, которую имел очень давно: «Сознание всех трудов, совершенных вами, сознание, что жизнь не тщетно была прожита, должно служить опорой теперь, и с этой опорой не тяжело настоящее». Оно тяжело мелочами, реальностью, но не душе, душа взмахнет крылами, и исчезает болотистый, грязный мир реального.— А ужасную пыль наносит на душу суета и хлопоты домашнего, я их отталкиваю «обема рукама»—и как ничтожны они, почти стоят на одной доске с сплетнями и пересудами, от которых в провинциях почти никто не изъят.

Авдотье Викторовне мое почтение, Вере Александровне поклон. Хотел было писать к Прасковье Петровне особо — но недосуг.

Засим прощайте, вспомнили ли меня 23 — день, в который в 1835 я первый раз слушал ваши морали, Александр Лаврентьевич.

Душевно преданный

А. Герцен.

Детям мой поклон.

Когда увидите, прошу засвидетельствовать Величке, который меня забыл, и Николаю Мартыновичу, который меня не помнит.

Наташа, разумеется, кланяется много и много.

На обороте: Его высокоблагородию Александру Лаврентьевичу Витбергу. В Вятке.

205. Н. И. АСТРАКОВУ

1838. Владимир. Ноября 26-е.

Любезный друг! Недавно получил я записку от Сазонова, в которой он пишет о письме, отправленном от него ко мне недели 3 тому назад,— я его не получил, а так как я предполагаю, что при том письме была писанная книга, то меня *весьма* занимает, что с ним сделалось. Кетчер очень неаккуратен, то не у него ли, не узнаешь ли ты? А из этого произошел, между прочим, довольно неделикатный поступок Сазонова — *он повторяет* мне о деньгах, взятых у него. Ежели бы Сазонов в самом деле нуждался, тогда только мог бы он себе позволить повторенье. Я займу и к Новому году отошлю ему.— Ум и таланты его заставляли меня *натягивать* в нем душу, но вижу, что это невозможно. Неужели он мог думать, что я утаю его 900 руб⟨лей⟩ у себя, писавши 2 раза к нему, что при первых свободных деньгах я ему отдам. Вот люди и люди: у вятского откупщика Беляева я взял 4500 руб⟨лей⟩ без векселя и когда отослал ему в сентябре 3500, то он пренаивно спрашивает, не стеснил ли я себя, платя ему. Во всяком случае я при возможности в январе отошлю ему деньги, часть хорошего мненья отослал уж предварительно.

Узнай же об писанной книге?

Отец Огарева умер — sit tibi terra levis![1] А что, письмо к нему пошло ли?..

И прощай, вот все, о чем хотел на сей раз писать к тебе.

А. Герцен.

Я тебя вопрошал, какие возможности предстоят для перехода учителя из вятской гимназии в московскую, ты за благо

[1] да будет тебе земля легка (лат.).— *Ред.*

рассудил не отвечать, а я рассудил за благо повторить — ответь.

Что Кетчериус?

Татьяне Алексеевне братский поклон.

На обороте: Николаю Ивановичу Астр⟨акову⟩.

206. Н. Х. КЕТЧЕРУ

4 декабря 1838 г. Владимир.

В Ревеле под Олаевской колокольней бережется сушеный барон лет триста и ни с кем не переписывается, ну, это дело обыкновенное, и никто на него не сердится, во-первых, потому, что все его знакомые умерли, во-вторых, потому, что он сам умер.

В Москве у Яра в гостинице живет Сазонов, и тот ни с кем никогда не переписывается, а когда и пишет письма, то берет меры, чтоб они пропадали — однако я от него получаю иногда весточки. Ну, а ты,

Барон не сушеный, а Упсальский,
постыдись стен, ты стенограф, каллиграф и никогда не потешишь строкой бедного Герцена.

Я сам редко пишу, да на это есть причина. На монументальный завод, черт знает где, почта не ходит, а Владимир город, богом хранимый и Боголюбским отстроенный, c'est une autre [1] дело. Прими же в наказание эту страницу, полную глупостей, и притом безропотно, да и не вздумай хохотать, а утри слезу раскаяния, возьми перо и пиши ответ на следующее:

I. Имеются ли вести о Н⟨иколае⟩ Огар⟨еве⟩? и возможность к нему писать?

II. Имеется ли возможность от тебя выручить мою писанную книгу, которую пришли по оказии через Егора Ив⟨ановича⟩?

III. Получил ли ты от Эмильи Михайловны записку и думаешь ли посетить меня?

IV. Вступать ли в сношение с Полевым, или с кем лучше?

V. Достанешь ли мне «Revue» за вторую половину 1837 и книг от Катерины Гавриловны?

VI (из скромности на конце). Как мыслишь о плане моего «Лициния», который наружно похорошел после отрывков,

[1] это другое (франц.).— *Ред.*

очень дурно выбранных,— я досадовал после на себя, надобно бы разом прислать.

?

Шутки в сторону, меня удивляет молчание Огарева, письмо, полученное мною в марте,— ответ на старое, с тех пор я писал два раза, и писал о своей женитьбе, он ни слова. Я не понимаю, как он в состоянии так долго молчать и что за невозможности,— фантастические, будьте уверены. Это наводит подчас на меня грусть середь моей жизни поэзии. Теперь, Кетчер, я чист, толпу оттолкнул далеко, вечно дома, вечно с ней и с моим миром... Расту душою... Нет, не стану всего рассказывать, не за что, вот как напишешь длинное письмо мне, тогда разговорюсь.

Новостей, новостей литературных, всяческих!

А. Герцен.

Наташа часто вспоминает рыцаря белого платка, а теперь дружески жмет его руку, расковавшую ее.

Когда будешь у Левашовой, передай ей и Чаадаеву искренное почтение, и Николаю Васильевичу.

4 декаб⟨ря⟩. 1838.

На обороте: Николаю Х[1]ристофоровичу Кетчеру.

207. А. Л. ВИТБЕРГУ

Декабря 8-го 1838. Владимир.

Почтеннейший Александр Лаврентьевич!

Письмо ваше от 22 ноября получил я очень поздно (2 декабря), потому что оно было при посылке и потому что дороги скверные.— Вас, как соприкосновенного к делу подарка Веры Александровны, дружески благодарю; но скажу откровенно: желал бы, чтоб в нем было меньше золота, работа Веры Александровны сама по себе имеет для моей жены цену огромную. Это я вам говорю не из учтивости, пет — Наташа больше, нежели друг вам и вашим,— она самая близкая родственница — зачем же золото?

Итак, артистический инстинкт мой был верен касательно Тонова проекта.— Боюсь сомневаться, что вы исполните ваше обещание; но прошу, ежели можно, не долго томить, пришлите обещанное. Это одно из давних, заповедных желаний — иметь

[1] Не правда ли, буква эта что-то выражает самого барона? В его характере?

ваш проект, и притом именно в византийско-тевтонском стиле.— Здесь во Владимире есть древний собор, строенный при в. к. Всеволоде, он невелик, но масса его очень хороша, в нем есть что-то стройное, конченное, и, признаюсь, он для меня в 10 лучше Т⟨онова⟩. Между прочим, как нелепо огромное окно над дверями. Может, тевтонская розетка не шла; но уж и это pseudo-венецианское очень нелепо...— Да и вообще масса ничтожна.— Подобных соборов в Киеве, Москве и пр. много. Тон прибавил только мамонтовский размер. Я желал бы вам прислать фасад нашего Дмитровского собора, он одноглавый, четыреугольный, но чрезвычайно гармоничны части. Строен из дикого камня, весь покрыт барельефами (*ныне поправленными!*), и, конечно, строил какой-нибудь греческий зодчий. Другой собор, Успенский, тоже четвероугольный, нелеп.— А ведь византийское зодчество, т. е. зодчество с plein cintre[1], куполом, переходами и пр., имеет, мне кажется, большую будущность. Древнее греческое окончено, оно же сводится на несколько типов. Тевтонское богаче — но что воздвигать после соборов в Реймсе, Париже, Кёльне, Милане? Но византийский стиль, рожденный у гроба господня, сроднившийся с покойной, созерцательной идеей Востока,— ему будущность большая, которую Тон не понял.— Слышали ли вы, что Кёльнский собор достроивается совершенно по первоначальному чертежу?

Душевно рад, что вы заняты.— Я занят очень много и, разумеется, не службой, много читаю, пишу и доволен собою. Мне так страшна эта жизнь постоянного безмятежного счастья, этой полной симпатии между мною и Наташей. Нет мысли, нет мечты, нет идеи, которая не находила бы больше нежели отзыв в ее душе,— развитие поэтическое, высокое. Александр Лаврентьевич, помните, вы говаривали, что «я паду»,— я вам всегда отвечал: «Провидение поддержит». Ужели вы не уверены теперь, что я не паду? — Но душа моя все та же бурная, порывистая еще больше — она поюнела, весь прежний пыл, все надежды возвратились.— Небо дало залог, с ним я окреп, с ним силен!

Прощайте — к Новому году пришлю детям книг.— А скоро и 29 декабря — вспомните меня, я вас вспомню — год тому Addio, Бахта, проводы — прощайте.

Весь ваш А. Герцен.

Авдотье Викторовне поклон и почтение. Что Виктор, Лоренц и Базиль, которого не имею чести знать? Любенька перестала ли грызть ногти? — А вспоминает ли она плачевную историю *о пиве и о прочем?*

---

[1] полукруглой аркой (франц.).— *Ред.*

208. А. Л. ВИТБЕРГУ

8 декабря 1838 г. Владимир.

8 декабря.

Теперь я к вам, Александр Лаврентьевич, с весьма важной просьбой. У Наташи есть меньшой брат, несчастный юноша, совершенно всеми оставленный. Этот молодой человек, не имевши возможности образоваться, сам собою немного выучился рисовать и пламенно желает быть живописцем. Я придумал обратиться к вам с всепокорной просьбой. Так как он вовсе бесприютен, то я бы прислал его в Вятку, буде возможно, к вам, в противном случае к Скворцову с тем только, чтоб он мог пользоваться вашими советами. Si cela est faisable[1], вы меня обяжете чрезвычайно и спасете молодого человека — само собой разумеется, что вы нам позволите ежегодно за него по возможности платить vu les circonstances dans lesquelles vous êtes à présent[2]. Буде же вы не сочтете это за возможное, то напишите, что нам с ним делать? — Ежели к Скворцову, то я за особое одолжение поставил бы себе, ежели бы вы об этом его спросили.

Боже мой, как дорого выкупает наш век порочную нравственность прошлого,— вот еще бедная жертва. А сколько их! — И у него есть родной брат, у которого 500 душ, etc. etc.— Но бог с ними, надобно как-нибудь помочь.

Ежели не к вам, Александр Лаврентьевич, то к кому посоветуете адресоваться в Москве, вы, верно, знаете — пожалуйста, поспешите ответом. Юноша ждет — и так он много потерял, ему 18-ый год.

Душевно любящий вас
А. Герцен.

209. А. Л., А. В., В. А. ВИТБЕРГАМ и П. П. МЕДВЕДЕВОЙ

Между 18 и 20 декабря 1838 г. Владимир.

Любезнейшие и почтеннейшие друзья
Александр Лаврентьевич!
Авдотья Викторовна!
Прасковья Петровна!
Вера Александровна!

Поздравляю вас с праздником и Новым годом, дай бог вам и того и сего — тороплюсь ужасно.

---

[1] Если это возможно (франц.); [2] принимая во внимание обстоятельства, в которых вы теперь находитесь (франц.).— *Ред.*

Прасковье Петровне посылаю отрывок из моей поэмы, которая сама есть отрывок из меня самого, а я отрывок человечества, а человечество — вселенной. Прасковье Петр⟨овне⟩ советую его раза два прочитать и потом в торжественное собрание в Новый год прочитать, буде позволено, вслух.

Вере Александровне при поздравлении честь имею кланяться Герценом.

А засим и милейшим
Люденьке
Любеньке
Сонечке
Николеньке

посылаются книги, да простят мне, что не все новые — то значит, что они были в руках у одного ребенка, a cet enfant c'est moi[1].

А. Герцен.

210. Н. П. АСТРАКОВУ

Середина декабря 1838 г. Владимир.

Да, любезный друг, вопрос, страшащий тебя, и нам приходит часто, часто в голову. Веришь ли ты в бессмертие? Как не верить? Доказать я не могу очевидно, а внутри голос говорит. И будто человек не может жить независимо от времени и пространства? Да это-то и есть полная жизнь; что такое время, пространство, как не кандалы? А кому они нужны? Телу. Но ежели мы сознаем в себе начало, которое тяготится *этими* условиями тела (ясно, что тяготится: я хочу с тобой говорить, а ты отделен пространством, я хочу видеть Наполеона, а мы разделены временем), стало, это начало бессмертно. Omni casu умирать — дело страшное; ежели нет бессмертия, я отказываюсь умирать, просто не хочу. Я титулярный советник и имею на это право как личный дворянин, а ежели есть — ну и тут чудно. Проснешься без тела, хочешь идти — ног нет, хочешь сказать: «Ай, ай, ай, что за чудеса» — языка нет, одна душа сама по себе.

Дома у нас есть от Саз⟨онова⟩ письмо, но я еще не получил. Что же обещанные критики? *Двадцатый* раз приношу Кетчеру просьбу о присылке от Левашовой книг, да что он за еретик, что не слушает? Вторую половину 1837 «Revue des Deux Mondes». Ведь ему только и труда, что доставить к нам в дом.

---

[1] ребенок этот — я (франц.).— *Ред.*

На днях мы вспоминали с Наташей посещ⟨ение⟩ Татьяны Алексеевны к княгине. И вообще ваше участие — и дивились вам от души. Это лучшее доказательство испорченности нравов в наш век — чему ж дивиться, что человек помог человеку?

Что ты мне не писал, отослал ли письмо к Ог⟨ареву⟩? — Я спрашивал у К⟨етчера⟩, ввойти ли в сношения с Полевым, но он не отвечает, узнай, пожалуйста. Каков Смирдина альманах со 100 портр⟨етами⟩. И прощай.

Ал. Герцен.

Татьяне Алексеевне дружеский искренний поклон.

211. Н. И. АСТРАКОВУ

31 декаб⟨ря⟩ 1838. Вл⟨адимир⟩.

Вот и я перед тобою, во-первых, с повинной головой, во-вторых, с поздравлением к Новому году. Желаю тебе... ну чего бы... денег, ибо остальным тебя наделил щедро бог,— он дал тебе душу, раскрытую Любви и чувствам высоким, он дал твоей душе другую душу — стало, с этой стороны всё.— «Пошлый человек,— скажет какой-нибудь идеалист,— желает после этого денег». — А я повторю мое желанье, я для того их желаю и тебе и мне, чтоб не думать об них, чтоб не думать о материальном, когда есть другой мир, в котором можно жить. Но мир идеальный таков, что весь человек не помещается в него, ноги внизу, а из-под полу дует, смерть холодно. Надобно денег, чтоб топить под полом.

С 1833 на 34 — дома.
С 34 на 35 — в Крутицах.
С 35 на 36 ⎫
С 36 на 37 ⎭ в Вятке.
С 37 на 38 — на станции в Нижегородской губ⟨ернии⟩.
С 38 на 39 — во Владимире с Нею.
С 39 на 40 — ?..

И кто и для чего и на что меня так бросали, перебрасывали, отодвигали, запирали, придвигали... Право, не знаю, я не отвечаю за свою жизнь, все шло в силу двух высочайших повелений: 1-е — бога и 2-е — государя.

После четырех черных встреч с новым годом, нынче светлая. О светлая, чистая, как небо голубое, как... может быть *наш* новый год, когда мы его встречаем *вместе*. И ты встретишь его с нею. Итак, благословим новый год. Для меня лучше 1838 не будет этот господин, который завтра родится; ежели моя жизнь (как и каждого человека) — поэма, то 1838— лучшее место в ней.

Однако прощай. Поздравляю Татьяну Алексеевну, да не холодно поздравляю, а иначе, как друг, как брат.

А. Герцен.

Буде увидишься с Кетчером, скажи ему, что скоро будет оказия, по которой он может мне переслать все, что хочет, да книгу мою писанную, ежели и не хочет — пусть отдаст Егору Ив⟨ановичу⟩.— В десятый раз я прошу Кетчера о том и о другом и даже нет ответа. Получил ли он письмо через Сазонов⟨а⟩? — Я спрашивал его раз десять, куда мне посылать статьи, он столько же раз счел за благо промолчать.— А право, всему беда и причина, что живет за ∞ пространст⟨вом⟩.

ПРИЛОЖЕНИЯ

ОФИЦИАЛЬНЫЕ БУМАГИ

⟨ПРОШЕНИЕ О ЗАЧИСЛЕНИИ НА СЛУЖБУ⟩

Декабрь (до 10) 1820 г. Москва.

Всепресветлейший державнейший великий государь император Александр Павлович, самодержец всероссийский, государь всемилостивейший.

Просит гвардии капитана и кавалера Ивана Алексеева Яковлева воспитанник его, Александр Иванов Герцен, а о чем мое прошение, тому следуют пункты.

1-е. Находясь я при означенном воспитателе моем, российской грамоте читать и писать обучен, и имея себе от роду девять лет, но в службу вашего императорского величества никуда еще не определен, а ревностное желание имею продолжать оную в ведомстве Экспедиции кремлевского строения в числе канцелярских служителей, а что подлинно я, Герцен, воспитанник гвардии капитана Яковлева и не принадлежу ни к воинскому ведомству, ни к податному званию, о том прилагаю во удостоверение при сем свидетельство, данное мне за подписанием разных чиновных особ, всеподданнейше и прошу

Дабы высочайшим Вашего императорского величества указом повелено было сие мое прошение с свидетельством в Экспедицию кремлевского строения принять и меня ведомства оной в число канцелярских служителей определить.

Всемилостивейший государь, прошу Вашего императорского величества о сем моем прошении решение учинить. Декабря...дня 1820 года. К поданию надлежит в Экспедицию кремлевского строения. Прошение сочинял и набело переписывал титулярный советник Николай Степанов сын Никонов.

К сему прошению Александр Иванов сын Герцен руку *приложил*.

⟨ПРОШЕНИЕ О ВЫДАЧЕ СВИДЕТЕЛЬСТВА ДЛЯ ПОСТУПЛЕНИЯ В УНИВЕРСИТЕТ⟩

19 августа 1829 г. Москва.

В Экспедицию кремлевского строения ведомства оной губернского секретаря Александра Герцена

ДОНОШЕНИЕ

Желание имею я поступить в Императорский Московский университет для слушания в оном профессорских лекций, для чего и нужно мне от оной Экспедиции свидетельство, а потому покорнейше прошу Экспедицию кремлевского строения сие мое доношение принять и мне для поступления в университет выдать надлежащее свидетельство.

Августа 19 дня 1829 года.

К сему доношению губернский секретарь Александр Иванов сын Герцен руку приложил.

⟨ПРОШЕНИЕ О ДОЗВОЛЕНИИ СЛУШАТЬ ЛЕКЦИИ В УНИВЕРСИТЕТЕ⟩

1829 г.

ПРОШЕНИЕ

В Правление Императорского Московского университета от губернского секретаря Александра Герцена прошение

Имея желание заниматься в свободное время от службы моей слушанием публичных лекций господ профессоров физико-математического отделения, на основании положения Главного училищ правления от 17 сентября прошлого 1828 года, Правление Императорского Московского университета покорнейше прошу, дозволив мне слушать профессорские лекции физико-математического отделения, выдать табель. При сем прилагаю дозволение от моего начальства. К сему прошению руку приложил губернский секретарь Александр Герцен.

⟨ПРОШЕНИЕ ОБ ОСТАВЛЕНИИ НА СЛУЖБЕ⟩

7 октября 1832 г. Москва.

Всепресветлейший державнейший великий государь император Николай Павлович самодержец всероссийский государь всемилостивейший.

Просит коллежский секретарь Александр Иванов сын Герцен, а о чем, тому следуют пункты.

I

В службе Вашего императорского величества находился я при Московской дворцовой конторе, откуда прошлого 1831 года октября 12 числа отчислен, но аттестата по сие время не получал, а как я ныне уведомился, что в канцелярии оной имеется вакансия, то и желаю остаться попрежнему в конторе, почему всеподданнейше и прошу,

Дабы высочайшим Вашего императорского величества указом повелено было сие мое прошение в Московской дворцовой конторе принять и меня при прежней моей должности на имеющейся вакансии в канцелярии оставить.

Всемилостивейший государь! прошу Вашего императорского величества о сем моем прошении решение учинить.

Октября 7 дня 1832 года.

Прошение сочинял, набело переписывал и к оному руку приложил коллежский секретарь Александр Герцен.

⟨ПРОШЕНИЕ О ВЫДАЧЕ АТТЕСТАТА⟩

31 июля 1833 г. Москва.

В правление Императорского Московского университета от кандидата коллежского секретаря Александра Герцена

ПРОШЕНИЕ

Представляя данные мне на звание кандидата и на полученную серебряную медаль свидетельства, равно и свидетельство от Совета Императорского Московского общества испытателей природы, коим меня к оному причисляют, покорнейше прошу Императорского Московского университета правление выдать мне надлежащий аттестат.

К сему прошению коллежский секретарь и кандидат Александр Иванов сын Герцен руку приложил.

1833 года, июля 31-го дня.

⟨ПРОШЕНИЕ О ВНЕСЕНИИ СВЕДЕНИЙ В ФОРМУЛЯРНЫЙ СПИСОК⟩

7 (?) сентября 1833 г. Москва.

В Московскую дворцовую контору ведомства оной коллежского секретаря Александра Иванова сына Герцена

ДОНОШЕНИЕ

С дозволения бывшей Экспедиции кремлевского строения и по данному мне от оной свидетельству, был я допущен к слушанию в Императорском Московском университете профессорских лекций прошлого 1829 года, октября 14-го дня, где, окончив курс по отделению физико-математических наук, удостоен степени кандидата, а ныне согласно моему прошению от университета уволен с данным мне аттестатом, который при сем в Московскую дворцовую контору имея честь представить, покорнейше прошу приказать о сем внести в формулярный о службе моей список.

К сему доношению коллежский секретарь Александр Иванов сын Герцен руку приложил.

Сентября... дня 1833 года.

⟨РАПОРТ ВЛАДИМИРСКОМУ ГРАЖДАНСКОМУ ГУБЕРНАТОРУ⟩

17 января 1838 г. Владимир.

Его превосходительству господину Владимирскому
гражданскому губернатору и кавалеру

Титулярного советника Александра Герцена

РАПОРТ

Находясь в продолжение трех лет с половиною в разлуке с семейством и переведенный 16 ноября прошедшего года по высочайшему повелению из Вятки на службу в Владимир «для сближения с родственниками», честь имею обратиться к Вашему превосходительству с покорнейшею просьбою уволить меня в отпуск в Москву на двадцать девять дней, как для свидания с родственниками, так и по домашним обстоятельствам, требующим неотлагательно моего личного присутствия.

1838 года января 17.

Титулярный советник Александр Герцен.

СЛЕДСТВЕННЫЕ МАТЕРИАЛЫ

ВОПРОСНЫЕ ПУНКТЫ, ПРЕДЛОЖЕННЫЕ В ПРИСУТСТВИИ СЛЕДСТВЕННОЙ КОМИССИИ ТИТУЛЯРНОМУ СОВЕТНИКУ АЛЕКСАНДРУ ГЕРЦЕНУ

Июля 24 дня 1834 года.

Вопросы	*Ответы*
1-й	1
Объявите звание ваше, имя, отчество и фамилию, сколько имеете лет от рождения, какого вероисповедания, ежели христианского, то бываете ли на исповеди и у святого причастия, обучались ли каким наукам и где; ежели состоите на службе, то где, в какой должности и с какого времени?	Титулярный советник Александр Иванов сын Герцен, 22 лет, греко-российского исповедания, ежегодно бываю на исповеди и у святого причастия, обучался в Московском императорском университете, получил кандидатскую степень физико-математического отделения и медаль, теперь же нахожусь на службе в Московской дворцовой конторе.
2-й	2
На верность подданства и службы его императорскому величеству присягали ли?	Присягал после получения каждого чина.
3-й	3
Знаете ли государственные законы?	В особенности законоведением никогда не занимался, классические и государственные законы знаю.

4-й

Не был ли в штрафах, под судом или следствием, когда, по какому делу, кончено ли оно и чем?

4

Никогда, в университете же был под арестом трое суток в 1831 году по известной истории против профессора Малова.

5-й

Где имеете жительство, и буде женаты, то имеете ли детей?

5

Пречистенской части, квартала не помню, в приходе св. Власия, в доме за № 155, г. Яковлева. Не женат.

6-й

Есть ли принадлежащее вам или родителям вашим какое-либо недвижимое имение, в чем оно состоит, какие имеете способы к содержанию себя?

6

Будучи воспитанником Ивана Алексеевича Яковлева, именья не имею и живу у него в доме и на его содержании.

7-й

С кем из живущих в Москве и находящихся вне оной имеете близкое знакомство, где с ними виделись, об чем наиболее говаривали при свиданиях?

7

В Москве из числа наиболее мне знакомых суть: студент Архива Иностранных дел Николай Платонович Огарев, служащий при г. военном генерал-губернаторе Николай Павлович Голохвастов, студент императорского Московского университета Николай Михайлович Сатин, кандидат Яков Афанасьевич Лукьянов (в Ярославле), кандидат Василий Петрович Петров; очень близкого знакомства с другими не имел, имею честь знать довольно коротко его высокопревосходительство Ивана Ивановича Дмитриева, их превосходительств Льва Алексеевича Яковлева, Михайла Федоровича Орлова, Егора Александровича Дурасова, Дмитрия Николаевича Болговского, Михайла Александровича Салтыкова, Николая Николаевича Бахметева, его высокопревосходительство Петра Ивановича Озерова

и многих других, в числе их Николай Алексеевич и Ксенофонт Алексеевич Полевые, Алексей Александрович Яковлев. Из гг. профессоров довольно коротко знаю его превосходительство Григорья Ивановича Фишера, сына его и зятя Родиона Григорьевича Геймана, Михайла Александровича Максимовича, его превосходительство Федора Андреевича Гильтебранта, весьма знаком с домом г. Сухова-Кобылина, где также познакомился коротко с адъюнктом Морошкиным Федором Лукичом; в числе прочих знакомых припоминаю Октавия Тобиевича Вода, Василья Ивановича Оболенского — учителя при гимназии, Ивана Афанасьевича Оболенского — кандидата Московского императорского университета, Александра Ивановича Соколова, Егора Николаевича Челищева — оба действительные студенты здешнего университета. С г. Огаревым видался наичаще у себя дома, ибо он родственник, бывал также и у него, знакомство наше с самого детства; с Сатиным познакомился в университете, так же и с некоторыми другими. Видался с г-м Сатиным наиболее у него (Сатина), а впоследствии у г. Огарева, где некоторое время г. Сатин жил; у них встречался я еще с другими гостями, с коими был знаком; но почти никто не бывал у меня и я у них. Часто посещал я его превосходительство Льва Алексеевича Яковлева и Дмитрия Николаевича Болговского, ее сиятельство княгиню Марью Алексеевну Хованскую, сестрицу батюшки моего, также двоюродную сестру мою Татьяну Петровну Пассек (рожденную Ку-

чину) и с их семейством весьма знаком; впрочем, более вел всегда жизнь уединенную, имея больного отца и занимаясь беспрерывно науками. Разговоры, наичаще бывшие между мною и коротко знакомыми людьми, имели предметом разные ученые предметы, притом с г. Огаревым, который занимается филологиею, более всего было разговоров о немецкой литературе, также часто о философии; с другими преимущественно говорено было о естественных науках,— впрочем, в продолжение долгого знакомства с некоторыми разговоры касались до разных предметов и часто до журналов как русских, так и иностранных, до новостей литературных и политических.

8-й

С кем имели вы переписку и об чем особенно писали?

8

Непрерывную переписку я имел сперва с двоюродною сестрою Т. П. Пассек, когда она жила в Тверской губернии до 1831 года, с г. Огаревым во время его отъездов из Москвы к отцу его, с г. Сатиным во время вакаций прошлого года и нынешнего. В С.-Петербург писал иногда к гг. Пассекам, из коих один служит по особым поручениям министра внутренних дел, а другой — в Корпусе инженеров путей сообщения; туда же к Ал⟨ексею⟩ Ал⟨ександровичу⟩ Яковлеву, коллежскому советнику при Горном департаменте,— впрочем, эта переписка давно прекратилась; письма писал ко многим лицам, но не было непрерывной переписки.

Переписка моя так же, как и разговоры, более всего касалась предметов ученых, и с г. Огаревым иногда религиозных; вообще письма сии до сурьёзных дел не касались, а состояли в изъявлении дружбы, сообщений новостей и так далее.

Здесь в Москве я в некоторых обстоятельствах писал записки ко многим знакомым, но переписку имел токмо с одною девицею — Людмилою Васильевною Пассек.

9-й

Не было ли вами получаемо от кого-либо писем; какого они содержания?

9

Письмы получал я довольно часто от родственницы моей Татьяны Петровны Пассек до 1831 году, потом получал от г. Огарева, от г. Сатина, от гг. Пассеков, служащих в С.-Петербурге, получал от кандидата Петрова, коему раз отвечал.

Предмет писем был чаще всего ученый; письма же Огарева наиболее обращаются на эстетические вопросы, на поэзию и литературу. В письмах г. Сатина преимущественно были уверения в дружбе, общие места о деревенской жизни, стихи иногда; впрочем, я довольно мало получал писем от него, ибо в продолжение непродолжительного знакомства нашего с ним (с 1832) он два раза отлучался из Москвы. В продолжении времени получал я письмы от других лиц, но не имел непрерывной переписки.

Здесь в Москве получал от знакомых записки по разным неважным делам и чаще всего от девицы Людмилы Васильевны Пассек.

10-й

Не принадлежите ли, или прежде не принадлежали ли к какимлибо тайным обществам; не знаете ли существования где-либо подобных обществ, где они, под какими наименованиями, кто начальствующие в оных и члены, в чем заключается цель их и какие предположены средства к достижению ее?

10

К тайным обществам никогда не принадлежал и в том дал подписку в Московской дворцовой конторе и о существовании таковых не знаю.

11-й

Не занимались ли вы сочинениями и переводами с иностранных языков, каких авторов, не переводили ли чего-либо запрещенного; равно и в сочинениях своих не излагали ли чего противного правилам христианской религии и государственным постановлениям? Кто внушил вам подобные мысли и с кем разделяли оные?

11

Переводами и сочинениями занимался, некоторые переводные статьи были помещены в московских журналах, и ныне особо печатается сокращение из «Rapport sur l'état de l'instruction publique en Allemagne» par V. Cousin; из сочинений печатных нет, но в рукописи несколько статей: «О человеке в зоогностическом отношении», о книге Бюше «Introduction à la science du développement du genre humain», о сочинениях Гофмана, «28 января» (о Петре Великом) и еще некоторые разборы и этюды, наиболее касающиеся до германской литературы, все статьи сии писаны прозою. Статей против правил религии Христовой нет, равно же нет статей против государственных постановлений Российской империи; мысли, в моих статьях изложенные, принадлежат мне, их я почти ни с кем не делил, ибо статей своих, кроме двух, трех знакомых, никогда никому не читал. Запрещенных книг и статей не переводил, — впрочем, точного сведения о запрещенных книгах не имею. Две первые статьи мною упомянутые, находятся у Н⟨иколая⟩ Ал⟨ексеевича⟩ Полевого; читана первая профессором

Максимовичем и Огаревым. Вторая читана им же, Огаревым; статья о Петре Великом назначена была мною послать в Петербург г. Пассеку, но не знаю, по каким причинам осталась у меня. Статья о Гофмане назначена мною в один из журналов. Еще начаты мною сцены из развития христианской религии.

12-й

Кому на словах или на бумаге сообщали вы ваши сочинения или переводы и какие получали об оных отзывы?

12

Сообщал я мои сочинения и переводы гг. Полевому, Максимовичу, Огареву, некоторые г. Сатину и гг. Пассекам; вообще получал отзывы довольно лестные,— впрочем, может оные происходили из деликатности к писавшему.

13-й

Не получали ли сами от кого подобных сочинений или переводов?

13

От г. профессора Максимовича я получал рукописные статьи по части естественных наук, от г. Огарева — стихи под заглавием «I Tempi», «Слава», «Гений», «Поэты» (Байрон, Гёте и Шиллер), других не припомню; от г. Сатина имел стихи под заглавием «Умирающий художник» и переводную статью из какого-то французского журнала «О упадке искусства». Сверх сего, предполагая переводить сокращенную историю Италии Сисмонди, я просил г. Стрекалова мне помочь, и сей последний, с коим я, впрочем, решительно никакого знакомства не имею, доставил мне две тетради сего перевода, но как я не выполнил своего труда, то оный и остался у меня. Сверх сего, желая издавать «Минералогию» Бедана, мне вспомоществовал г. Носков — кандидат

Московского Императорского университета, и, кажется, тетради сии у меня.

14-й

Не случалось ли вам в Москве или вне оной быть у кого-либо в таких беседах или сообществах, где бы происходили вольные и даже дерзкие против правительства разговоры; в чем они заключались, кто в них участвовал, не было ли кем вслух читано подобных сочинений или пето таких же песен?

14

Имея весьма ограниченный круг знакомств, я редко бывал в многочисленных беседах и никогда в таких, где бы делались бесчинные и дерзкие против правительства разговоры. С знакомыми же моими имел разговоры о правительстве, осуждал некоторые учреждения и всего чаще стесненное состояние крестьян помещичьих, доказывая сие произволом налогов со стороны господ, обременением трудами, и находил, что сие состояние вредит развитию промышленности. Что же касается до самодержавия, я отдаю оному решительное преимущество над смешанными правлениями, ссылаюсь на мои статьи, где упоминается о конституционности. Разговоры о крестьянах имел я со многими знакомыми и родными, в том числе мой батюшка, Лев Алексеевич Яковлев, Николай Николаевич Бахметев, Николаем Платоновичем Огаревым, коего мнение о сем предмете не помню, и др. Они по большей части опровергали меня. Вообще сии разговоры были редки, ибо по большей части мои беседы касались до ученых предметов. Песни знал я Беранжера и некоторые другие, более нечистые, нежели возмутительные. Лет пять тому назад слышал я и получил стихи Пушкина «Ода на свободу», «Кинжал», Полежаева — не помню под каким заглавием — от г. Паца, кандидата Московского Императорского

Вопросные пункты

Предложенные в присутствии следственной Комиссии Титулярному Советнику Александру Герцену

Июля 24, дня 1834 года

Вопросы:

1.

Объявить звание Ваше, имя, отчество и фамилию, сколько имеете лет от рождения, какого вероисповедания, ежели Христианского, то бывали ли на исповеди и у святого причастия, обучались ли какими наукам и где, ежели состоите по службе, то где, в какой должности и с какого времени.

2.

Навернось подданство и службы Его Императорскому Величеству присягали ли?

3.

Знаете ли Государственные законы?

4.

Небыли ли в штрафах подсудимы или следственны

Ответы

1.

Титулярный Советник Александр Иванов сын Герцев, 22 лет, Греко-Российского исповедания, сколько бывало на исповеди и у святого причастия, обучался в Московском Университетском Императорском Университете Кандидатским баллом физико-Математического отделения, теперь не нахожусь на службе, в Московской Дворцовой Конторе. Ко присяге был допущен нарядом чина

Сим

3.

Как особенных законоведением никогда не занимался; впрочем и Государственные законы знаю

4. отвечать,

Никогда, в Университете тоже был под арестом при строг

Протокол допроса Герцена 24 июля 1834 г.

Московский областной государственный исторический архив.

Упиходзе

14.

Не случалось ли Вам въ Москвѣ, или вы сами бывали у кого либо въ такихъ бесѣдахъ, или сообществахъ, гдѣ бы происходили вольные и даже дерзкіе протива Правительства разговоры, въ чемъ-нибудь заключались, кто въ такихъ участвовалъ, не было ли такихъ въ слухѣ читано подобныхъ сочиненій, или только такихъ не было?

Нѣтъ весьма ограниченный кругъ знакомства я рѣдко бываю въ многочисленныхъ бесѣдахъ, и никогда въ такихъ, гдѣ бы дѣлались такія вещи безчинныя. Со времени въ разныя времена [illegible] разговоры о правительствѣ, никогда худо отзывались о [illegible] учрежденія, судебныя и т. п.; но собственно держитъ разговоровъ противъ Правительства небывало. Сочиненій такого содержанія никто не читалъ, а если и [illegible] у кого [illegible]

Начавши разговоръ съ какого нибудь [illegible] предмета и потомъ [illegible] разговоръ [illegible] я могъ [illegible] и [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible]

Первая и последняя страницы.

ского университета, но, находя неприличным иметь таковые стихи, я их сжег, и теперь, кажется, ничего подобного не имею.

15-й

Не имели ли вы связей и сношений с людьми, желающими ниспровергнуть государственный порядок, наименуйте, кто сии лица. Не составляют ли они особого общества, где оно имеет собрания, в чем состоят главнейшие намерения его и какие предприняты или предположены средства к приведению оных в действие? Не имеют ли сообщники какого-либо принятого для себя устава, не обязываются ли какими подписками или клятвою; нет ли у них условных знаков или тайных письмян, коими передают друг другу мысли свои?

15

Ни к каким тайным обществам не принадлежал и о существовании таковых не знаю, равно и людей, желающих ниспровергнуть государственный порядок; так же не давал подписок, ни клятвенных обещаний, а будучи связан верноподданнической присягою его императорскому величеству, сделать сего не мог.

К сим ответным пунктам титулярный советник Александр Иванов сын Герцен руку приложил.

ВОПРОСНЫЕ ПУНКТЫ, ПРЕДЛОЖЕННЫЕ В ПРИСУТСТВИИ ВЫСОЧАЙШЕ УЧРЕЖДЕННОЙ СЛЕДСТВЕННОЙ КОМИССИИ ТИТУЛЯРНОМУ СОВЕТНИКУ АЛЕКСАНДРУ ГЕРЦЕНУ

Августа 23 дня 1834

Вопросы

1

В сочинениях Ваших видны суждения вольные и образу правления, существующего в Российском государстве, не соответственные. Скажите с чистосердечием, для чего писали Вы в сем духе, кому сообщали таковые мысли свои и от кого заимствовали их сами?—

Ответы

1

Из числа сочинений, мною писанных, я не помню ни одного чисто политического; ежели же находятся какие-либо замечания легкомыслепные, то я большую часть сочинений писал не с целию печатания, а или для изучения собственного о каком-либо предмете, или чтоб не забыть какой-нибудь мысли, которая впоследствии могла

мне самому показаться несправедливою, вследствие чего статья была б уничтожена мною. Сверх того, я не помню совершенно замечаний, противных правлению в России. Цель, с коею я писал, была совершенно собственное образование. Статьи свои, имея очень ограниченный круг знакомства, я почти никому не показывал; в прошедших показаниях моих написаны поименно, кому оные были прочтены. Заимствовал я свои мысли, рассуждая сам и читая современных сочинителей, по разным предметам писавших.

2

В сочинении под заглавием «28 генваря», посвященном другу Вашему Диомиду, видна какая-то привязанность Ваша к оппозиции и желание, чтобы оппозиция существовала в России. Для чего Вы это писали, кто Диомид, которому посвящено сие сочинение, и вручено ли оно ему?—

2

Оппозиция, о которой говорено в сей статье, понимаема мною следующим образом: все государства европейские начались в борьбе разных народов, в борьбе двух народов; в каждом государстве это было чистилище, чрез которое бог провел человека в средние времена; сию борьбу новейшие историки Тьерри, Гизо назвали началом военным, или оппозициею. Сей-то борьбы в России не было, и провидение вместо оной послало Великого Петра, который разом, своею силою перенес в Россию плоды, доставшиеся Европе горьким и кровавым опытом. Статья сия была посвящена мною Диомиду Пассеку, поручику корпуса инженеров путей сообщения, но я сей статьи ему не отдавал, помнится, ибо он в Петербурге, как мною и было показано. Цель сей статьи — понять необходимость явления Петра Великого в начале XVIII века в России.

3

Что означают в сем же сочинении написанные слова: Но наступило уже то время, когда Европа, наскучив феодализмом, начавшая исследовать все подлежащее уму, приуготовлялась сделать огромный пир анализу, рассмотреть права человека и произвесть огромный переворот, долженствовавший сплавить Европу в другую форму?—

3

Из развалин Рима, из элементов народов тевтонских и скандинавских образовалось феодальное общество на святом основании христианской религии. Но этот феодализм был несообразен с благосостоянием народным; появление Реформации, Декарта, Бакона, анализировавших всё, и, наконец, французская философия XVIII века много способствовали сплавить Европу в другую форму, а не в одну.

4

Кем писано найденное в бумагах Ваших письмо на имя г. Огарева, Вам при сем оказываемое? С тем вместе дайте изъяснение на содержащиеся в нем слова: «Отчего материальное развитие (внешнее) России предшествовало ее духовному развитию; отчего не проявились в ней те стихии, которые проявились в других государствах Европы, тогда как самобытность ее утверждалась на основаниях, общих всем новейшим государствам; отчего завоеванная древняя (норманнская) система не породила у нас оппозиции, не образовала дворянства в смысле европейском (наше собственное нынешнее дворянство есть порождение централизации России, остаток уделизма, выходство, parvenu)?»— Далее в сем же письме сказано: «Отчего направление нашего века есть направление историческое; отчего после форм сказочной, ораторской, критической, политической, философской она 〈!〉 принимает теперь форму народную (populaire), смотрит на массы народа, а не на

4

Письма сего никогда в моих бумагах не находилось, и я его вижу в первый раз, посему никаких объяснений на сие дать не могу.

отдельные лица, на движение ее, ищет в ней одной ко всему пружины? —

5

В письме от 26 августа Огарев, между прочим, пишет к Вам: «Что все труды мои, ночи, проведенные в мечтах, что вся эта поэзия души, когда одно происшествие остановило полет мысли и принесло с собою сомнения и горести? Над кем, бишь, в древности висел меч на волоске, между тем, как он утопал в наслаждениях — это я, это изображение моего состояния». Объясните содержание слов сих, и о каком упоминаете здесь происшествии? —

5

Принимаю все слова сии за мечтания поэта в восторженные минуты; не знаю, на какое он происшествие ссылается; сверх того, он (г. Огарев) пишет далее: «Более писать я не буду и объясню, когда мне вздумается», следственно, он сам знал, что слова сии мне будут неясны, а после никогда о сем письме речи не было.

6

Для чего друг Ваш Огарев в письме своем советует вам как можно чаще читать «Вильгельма Телль»?

6

«Вильгельм Телль» — лучшее произведение Шиллера, так его понимают германцы, так об нем отзывается Шлегель, посему г. Огарев, пораженный наравне с ними красотами сей трагедии, советует мне читать ее чаще.

7

Что значат присовокупленные им в том же письме слова: «Эта пиэса представляет эпоху кризиса. Ах! что я чувствовал, когда читал ее. Ты не можешь себе представить; ты поймешь, когда перечтешь еще раз, особенно же в минуту ожесточения, досады, ненависти. Но все это мысль разрушения, а мне хочется созидать; из общих начал моей философии истории должен я вывести план ассоциации»? —

7

Слова г. Огарева я отчетливо объяснить не могу, но понимаю их следующим образом: пиэса Шиллера, о которой речь, нравится ему, но нравилась бы ему еще более, ежели бы предмет оной не была эпоха кризиса, разрушения, ежели бы она, словом, не имела предметом революции. Что касается до вывода ассоциации из философии, то это есть опыт, делаемый многими мыслителями, которые выводили из начал мышления идеальные построения общества или

ассоциаций, так сочинил Платон свою Республику, Бакон свою Атлантиду и др. Само собою понимается, что здесь слово «ассоциация» принято за слово «государство», а не за общество между частными людьми, словом, так, как понимают это слово нынешние сочинители.

8

В письме своем от 31 августа 1833 года вы пишете к г. Огареву, что «век анализа и разрушений, начавшийся реформациею, окончился революциею, что Франция выразила его полноту; но что в ней не может начаться новое, огромное здание обновления, а в Германии, в стране чистых тевтонов, и что, хотя поверхностные люди дивятся, что Германия не принимает ярко нынешнее направление, но что такое нынешнее направление? контракт между господином и слугою, но не нужно ни господина, ни слуги». Далее Вы говорите: «Я останавливаюсь; ты понимаешь мою мысль, я ее обработаю в статье для друзей!»— Объясните, что Вы разумеете под выражением: «век разрушений»; чем Франция выразила полноту его, что заключают в себе слова: «об обновлении, могущем быть в Германии», и к чему относится выражение Ваше: «Контракт между господином и слугою; но не нужно ни господина, ни слуги»?—

8

Под словами «век анализа и разрушения» я разумею то время, которое протекло между реформациею и XIX веком, и почитаю оное состояние весьма несовершенным. Новые мыслители говорят об обновлении; я предложил себе вопрос: ежели будет обновление, т. е. новая форма общественного быта, то где она может быть? Мне кажется, что лучшее казалось тогда, что всего скорее можно ждать, что в Германии явится новое политическое учение, ибо там наиболее просвещения и наичище нравственность. Сверх сего, я понимаю под веком разрушения разрушение феодализма, а в Германии есть уже государство, образованное на новом основании — Пруссия. Полноту века разрушения Франция выразила революциею и своим материализмом. Под контрактом между господином и слугою разумею я конституции, которые выражают, как мне кажется, феодальные отношения государя, вассалов и народа; но не нужны эти отношения в новой форме обновления, полагают многие писатели, между прочим, Гегель, ибо понятия монарха и подданного не совпадают с понятиями господина и слуги. Впрочем, я тогда был несколько

увлечен новыми философскими теориями и ныне не совсем согласен с мнением, тогда изложенным.

9

В другом письме к Огареву же от 19 июля Вы пишете об обновлении сими словами: «Ты прав, Saint-Simonisme имеет право нас занять. Мы чувствуем (я тебе писал это года два тому назад, и писал оригинально), что Мир ждет обновления, что Революция 89 года ломала — и только, но надобно создать новое, палингенезическое время, надобно другие основания положить обществам Европы; более права, более нравственности, более просвещения. Вот опыт, это — S. Sim⟨onisme⟩. Я не говорю о нынешнем упадке его, таковым я называю его религиозную форму. Мистицизм увлекает всегда сонную идею. Есть еще Système d'association de Fourier. Ее ты прочтешь в «Revue Encyclopédique» за февраль 1832... Ты, Вадим и я, мы составляем одно целое; будем же жить чисто умственною жизнию, науки (ты понимаешь, что я говорю в обширном смысле), науки пусть займут всю жизнь».— Объясните противу сего в подробности, что означают все Ваши выражения, и в особенности о революции 89 года, о упоминаемых обществах Европы, словом, поясните весь смысл письма Вашего, и кого Вы называете Вадимом, и что разумеете под словами «одно целое», которое Вы составляете, где проживает лицо, называемое Вадимом, не находится ли в службе, каких лет и какой имеет образ мыслей?—

9

Теория Сен-Симона, читанная мною в журналах и разных отрывках, мне нравилась в некоторых частях, особенно в историческом смысле. Я видел в нем дальнейшее развитие учения о совершенствовании рода человеческого, так было мною написано и в статье моей о книге Бюше; здесь под сенсимонизмом я совершенно понимал другое, нежели секту Энфантена (см. в статье о Бюше). Главное положение Сен-Симона — что за разрушением следует создание; мне приходили эти мысли и прежде, ибо я не мог представить, чтоб человек жил токмо разрушая, что видим с реформации до революции 89 года, которая разрушала остатки общества феодального. В нравах европейских есть еще много ветхого, что ныне не имеет совсем смысла того, который прежде; мне казалось, что сии остатки должны замениться нравами, из новых начал истекшими, с более чистой нравственностью, как сказано в письме. Вадим Васильевич Пассек, титулярный советник, и ныне служащий при Императорском Харьковском университете, лет 26, человек весьма образованный, преимущественно занимающийся отечественною историею и издатель книги («Путевые записки», 1834 г.). Мы с ним были весьма дружны и желали, как сказано, посвятить свою жизнь наукам; впоследствии он часто отлучался из Москвы, и около года наше короткое знакомство с ним расстроилось.

10

Для чего имели Вы у себя «Роспись государственным преступникам, приговором Верховного уголовного суда присужденным к разным казням и наказаниям»?—

10

Эта роспись была мною, помнится, куплена вместе с «Донесением Следственной комиссии» и с тех пор лежала у меня несколько лет между бумагами; особой цели на сие никакой нет.

11

Что означает найденный в бумагах Ваших список, при сем оказываемый, лицам и местам, и для чего есть в нем такие номера, против которых ничего не обозначено?

11

Издавая ныне книгу о состоянии современном просвещения Германии, которой уже несколько листов напечатаны, я составил каталог, кому подарить экземпляры сей книги; пять первых №№ я назначил для родственников.

12

Знакомый Ваш Сатин в письме к Огареву от 29 июля 1833 года, между прочим, написал следующее: «Прости мне, я не могу писать к тебе теперь много, ибо я весь расстроен, растерзан, писал сейчас весьма длинное беспорядочное письмо к Герцену, и еще не утихли сильные волнения души моей». И в том же письме сказано следующее: «Я писал к тебе, приехавши в деревню; весьма сожалею и даже несколько опасаюсь, чтобы оно не пропало, там была довольно подробная история Почеки и еще кое-что, о чем поговорим при свидании».— Скажите по справедливости, об чем писал к Вам тогда Сатин, что так сильно потрясло душу его, в чем состоит история Почеки и где он ныне находится?—

12

Г-н Почека, студент Императорского Московского университета, развратил дочь известного музыканта Гебеля, прекрасную девушку, которая умерла от отчаяния; дочь Гебеля, говорят, отравилась. Историю я эту знаю от самого Гебеля, который давал уроки моему брату. История сия также поразила гг. Сатина и Огарева; тогда Огарев был в Пензе, а Сатин — в Тамбове; гнусный поступок г. Почеки меня чрезвычайно поразил, поелику же он с нами был знаком, то я прервал с ним всякое сношение и просил своих друзей сделать то же.

13

Объясните смысл письма вашего от 7 или 8 августа к Огареву, в котором Вы передаете ему свои понятия и свое мнение о христиан-

13

В письме моем довольно ясно объяснены мои мнения о христианской религии; может, токмо пояснить надлежит, что я разумею под

ской религии, в особенности, слова, до сент-симонистов относящиеся, и какого успеха Вы ожидаете от людей сего рода?—

третьею фазою веры христианской; я думаю, что эта фаза есть именно такое обновление человечества, в которое христианство будет принято и исполняемо всеми; не столько форм наружных, сколько истинной благости и нравственности. Сен-симонизм,— сказал я в письме,— *может быть*, начало этой фазы, и прибавил два вопросительных знака; здесь опять речь о самом начальном развитии Сен-Симонова учения, которое им самим названо «Le nouveau Christianisme»; последствия доказали, что сен-симонисты не выполнили того, что хотел Сен-Симон, и, следственно, моя фраза разрешается отрицательно.

14

О какой тайне писал к Вам Огарев, как упоминается в письме Сатина к Огареву, и упрекает, что в тайну Вашу он не удостоился быть посвященным, и что Вы и Огарев сочли его слишком мелким, чтобы он мог понять возвышенность Вашего совещания?—

14

Сатин гораздо менее знаком с Огаревым, нежели я, сверх того, он делал какие-то пустые замечания на Огарева стихи; Огарев писал ко мне письмо стихами и, излагая мечты свои, просил, чтоб я не показывал г. Сатину, ибо он опять будет с холодностью нападать на его мечты. Письмо Огарева было показано мною г. Пассеку (Вадиму), который сказал об этом Сатину, и оскорбленный Сатин писал ко мне об этом из Тамбова в июле 1833 г.; что же до письма его к Огареву, я не помню его и решительно не понимаю слова *совещание*, которое, вероятно, употребилось невзначай и с сердцов.

15

Вы сообщили г. Огареву писанную Вами бумагу, заключающую в себе разбор одного автора, которое осуждаете за то, что он не

15

Это несколько беглых мыслей, явившихся мне при чтении статьи из «Эдинбургского обозрения», переведенную в «Телескоп» года два

одобряет революции и сказал следующее: «Буйные и непокорные эгоисты не могут произвести добродетельнейшего общества». Что на сие ответствовать имеете?—

тому назад. Мысль мною порицается сия на том основании, что г. сочинитель не понял революцию 89 года; это было разрушение прошлого порядка, а он воображал, что цель их была образовать общество, что смысл фразы сей именно тот, доказывают в той же моей статье следующие слова Гизо: «Люди, участвовавшие в революциях, не могут быть в спокойном состоянии правителями» и еще далее: «Люди, правила, идеи, способы состояния переходного не годятся к состоянию, истекающему из оного».

16

Откройте настоящий смысл аллегорического письма Вашего к Людмиле, от 3 августа 1833 года, где описана Вами гора с растущим на ней северного края деревом; вырвавшийся из недр ее огонь, который, как бы насыщая мщение, истреблял все, океан крови; дерево не существует. Но огонь в горе не тухнет, свирепая река яростно подмывает гору?—

16

Смысл этой аллегории — самая обыкновенная мысль, что чистота душевная, которую сначала человек ласкает при разгаре страстей, погибает; другого смысла решительно нет; это был опыт подражания Жан-Полю Рихтеру.

17

В одном письме она желает Вам достижения славной цели своей и благородного стремления: «Ты достигнешь ее, ты один 〈идешь〉 к ней верною стезею; с твоим умом, с твоими талантами ты поведешь за собой толпу благородных юношей, чтоб исполнить свое предназначение». Дайте на сие объяснение?—

17

В одном из предыдущих вопросов было выписано из письма моего к Огареву, что вся цель моего существования есть занятие науками, этой цели я обрек себя; но, сверх того, признаться должен, что мне весьма льстила известность, которую я на сем поприще могу приобрести. Между разными средствами для достижения известности я сначала хотел продолжать службу в Университете и быть профессором; эта мысль была известна не токмо моим коротким знако-

мым, но многим профессорам и Дмитрию Павловичу Голохвастову; цель моя была приобрести кафедру общую естественных наук, их-то хотел я слить с нынешнею германскою философиею и увлечь юношей,— вот смысл слов, упоминаемых в записке.

18

В другом письме в Вам она сказала следующее: «Ты говоришь мне, чтоб я не разлучала тебя с твоею идеею. Сохрани боже! Я слишком люблю родину, чтоб мне когда-нибудь пришла эта мысль». Изъясните смысл сих слов?—

18

Смысл сего совершенно тот же, какой в предыдущей выписке; я боялся, чтоб частная, семейная деятельность не отвлекла меня от моих занятий. Она писала выписанные слова, и все это сводится на похвалу мне, почитая, что я могу своими занятиями по ученой части быть полезен родине.

19

Об каком демоне, беспокоящем Вас, упоминает в письмах к Вам Людмила?—

19

Долгое время боролся я между верою и неверием, и эта борьба была весьма сильна. Мои сомнения простирались не токмо на частичную недоверчивость, но и на догматы христианской религии; но в этом я совершенно исцелился, и перелом сей был со мною с год или более тому назад; он обозначен в письме к Огареву о христианстве. Сии-то сомнения названы ею Демоном.

20

Огарев в письме своем к Вам от 3 сентября (№ 45), при сем Вам оказываемом, между прочим, говоря о заданных вами ему вопросах, пишет: «О цивилизации войдет (вошел) в предположенную мною статью о перехождении в двор⟨янское⟩ сословие,— но думай на воле, мне кажется, что наша цивили-

20

Письмо сие писано в 1832 году, и Огарев, 18-летний юноша, мечтатель по нраву, восхитился сочинением Лерминье, и потребность творить, создавать, к которой так сродны юноши, сильно выразилась в словах его, но недостаток основательности, советов друзей заставляет его жалеть о том, что он

зация не XIX, по XVIII века».— Далее, он, советуя Вам прочесть «Philosophie du droit», соч. Лерминье, пишет следующее: «Друг, прочти их, непременно прочти. Я воспламенился от них (innere Fülle ⟨внутренняя полнота⟩)так и забушевала, хотелось бы что-нибудь творить, и с досадою и с ужасом вижу, что мне 18 лет и что я в деревне. Но вдруг я вспомнил вас, друзья мои, сравнил то, о чем говорит Лерминье, с нами, и что-то сладостно заговорило в душе,— будущность, прекрасная будущность, сколько надежд и упований, и проч.»— Объясните смысл всего этого письма, и в особенности, какую статью предполагал написать Огарев о перехождении в двор⟨янское⟩ сословие и что он разумеет под словами «наша цивилизация не XIX, но XVIII века», что значат слова: «Хотелось бы что-нибудь творить, но с досадою и с ужасом вижу, что мне 18 лет и проч.»?—

в деревне и что ему еще 18 лет. Вопрос, сколько я помню, заданный мною ему, был о историческом значении дворянства в России, а не о перехождении в сие состояние; впрочем, Огаревым не было писано статьи сей. Под цивилизациею он просто разумеет образование наше, говоря, что образованность в России еще более имеет основания XVIII века, нежели XIX, и сей статьи Огарев мне не читал, и я почти уверен, что и не писал оную. Вообще, письмо сие писано в таких летах и в таком расположении, что его объяснить токмо можно минутным волнением, происшедшим от чтения Лерминье; что касается до его и моего мнения об Американских штатах, оно отвергнуто и мною и им, что доказать можно направлением религиозно-философским писем от 1833 года и совершенным материалистическим суждением, здесь изложенным.

К сим ответным пунктам титулярный советник Александр Иванов сын Герцен руку приложил.

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЙ ВОПРОСНЫЙ ПУНКТ, ПРЕДЛОЖЕННЫЙ В ПРИСУТСТВИИ ВЫСОЧАЙШЕ УЧРЕЖДЕННОЙ СЛЕДСТВЕННОЙ КОМИССИИ ТИТУЛЯРНОМУ СОВЕТНИКУ АЛЕКСАНДРУ ГЕРЦЕНУ

Ноября 1 дня 1834 года

Вопрос

С кем из пребывающих в Одессе имеете знакомство, давно ли и где познакомились? Не имели ли с сим лицом переписки, об чем писали и что писано было к Вам?

Ответ

В 1831 или 1832 году познакомился я с Моисеем Михайловичем г. Иваненкою, выпущенным из благородного пансиона, который около сего времени уехал в Одессу, где служил при военном

генерал-губернаторе графе Воронцове; переписки я с ним не имел, но несколько раз писал к нему, не помню вообще о чем; но последние два письма состояли в просьбе к нему прислать статью в предполагаемый мною Альманах на 1835 год; он обещал прислать и о сем писал, кажется, два раза. Прочих писем не припомню.

К сему ответному пункту титулярный советник Александр Иванов сын Герцен руку приложил.

⟨ПРОШЕНИЕ⟩
КН. С. М. ГОЛИЦЫНУ

Москва. 6 января 1835 г.

Ваше сиятельство!
Милостивейший государь!

Продолжительное заключение, чистота моей совести и разлука с родителем и благодетелем моим в его преклонных летах, в его болезненном состоянии дают мне смелость прибегнуть к благорасположению вашего сиятельства ко всем страждущим.

Окончив дозволенный мне от начальства курс в Университете, я продолжал мое служение в Московской дворцовой конторе, продолжая заниматься науками и посвящая дни своей тихой, домашней жизни. В июле месяце прошлого года был я взят из родительского дома и посажен под арест, который доселе продолжается. Смело смотрю я на всю прошедшую жизнь и не нахожу ничего порочного или преступного в ней. Тщетно ждал я скорого освобождения, шесть месяцев миновало для меня в заключении.

Ваше сиятельство были столь милостивы ко мне во время допросов, что я дерзаю прибегнуть с просьбою быть моим представителем и покровителем, ежели обнаружилась пред вашим сиятельством невинность моя, или даровать мне средства доказать оную, доселе не имея понятия о деле, за которое я содержусь, не имел я и возможности оправдаться.

Возлагая надежду мою на ваше сиятельство, предавая себя в милостивое покровительство и ходатайство, я останусь спокоен и буду с нетерпением ожидать минуты, когда я могу доказать перед Вашим сиятельством и впоследствии перед родителем моим чистоту моей совести и неприкосновенность к чему-либо порочному.

Исполненный сею надеждою, честь имею быть с глубочайшим почтением и истинною преданностию

Вашего сиятельства
покорнейший слуга
Александр Герцен.

1835 года. Янв<аря> 6.
Крутицкие казармы.

<ПОДПИСКА ОБ ОЗНАКОМЛЕНИИ С ПРИГОВОРОМ>

1835 года марта 31 дня мы, нижеподписавшиеся в присутствии его сиятельства г-на действительного тайного советника и кавалера князя Сергия Михайловича Голицына и прочих гг. членов высочайше учрежденной следственной комиссии, дали сию подписку в том:

1-е. Во исполнение высочайшего повеления, сообщенного его сиятельству г. генерал-адъютантом графом Бенкендорфом от 23 марта за № 1156, изложенные в оном статьи уголовных российских постановлений о преступлениях государственных по 1-му пункту и об определяемой ими казни за поношение государя императора и членов императорского дома злыми и вредительными словами нам прочитаны.

2-е. Высочайшая воля, в отношении к нам изображенная в следующих словах: «Как ни велико их преступление, в дерзких отзывах противу его императорского величества и правительства заключающееся, за которое по точным словам узаконений следовало бы предать их суду и подвергнуть строжайшему наказанию; но государь император, соизмеряя справедливое взыскание с свойственным его величеству милосердием, освобождает их на сей еще раз от суда и ограничивает наказание виновных одними исправительными мерами»,— нам объявлена; а с тем вместе сделано строгое внушение, дабы мы на будущее время удалялись от подобных случаев.

<*Подписи*:>

14 класса Алексей Васильев Уткин руку приложил.

Титулярный советник Владимир Игнатьев Соколовский руку приложил.

Отставной поручик Лев Константинов сын Ибаев руку приложил.

14 класса Михаил Сорокин руку приложил.

Действительный студент Николай Михайлов сын Киндяков руку приложил.

Кандидат Иван Афанасьев сын Оболенский руку приложил.

Действительный студент Егор Петров сын Машковцов руку приложил.

Служащий в Архиве Министерства иностранных дел студент Николай Платонов Огарев руку прпложил.

Студент университета Николай Михайлов Сатин руку приложил.

Титулярный советник Александр Иванов Герцен руку приложил.

Губернский секретарь Алексей Козьмин Л а х т и н руку приложил.

Студент Егор Егоров М и н руку приложил.

Студент Николай Алексеев И в а н о в руку приложил.

Уволенный из вятского мещанства Иван Михайлов сын М а с л е н и к о в руку приложил.

Свободный художник Петр Петров Г о т ь е руку приложил.

Губернский регистратор Николай Петров сын Б е р н г а р д руку приложил.

Действительный студент Михаил Дмитриев П е р е м ы ш л е в с к и й руку приложил.

Студент Николай Степанов У б и н и руку приложил.

Дворовый человек Петр Борисов Б е л я е в руку приложил.

К сей подписке вятский 1-й гильдии купеческий сын, почетный гражданин и пансионер Московской практической коммерческой академии Аркадий Иванов М а ш к о в ц е в руку приложил.

При сем присутствовали:

〈Подписи:〉

Князь Сергий Г о л и ц ы н

Обер-аудитор О р а н с к и й.

ДАРСТВЕННЫЕ НАДПИСИ, ЗАПИСИ В АЛЬБОМЫ

1. Н. А. ЗАХАРЬИНОЙ

16 июля 1826 г. Москва.

На книге: «Священная история для малолетних детей, с вопросами и ответами». СПб., 1822.

Милой сестрице Нат⟨алье⟩ Ал⟨ександровне⟩ в знак памяти дарит Ал. Г.

1826 года, июля 16-го.

2. Н. А. ЗАХАРЬИНОЙ

1820-е гг. Москва.

На книге: «Езоповы басни».

Милой сестрице.

3. Т. П. КУЧИНОЙ

12 января 1829 г. Москва.

На книге: «Освобожденный Иерусалим» Т. Тассо, перевод С. А. Раича, тт. 1—2. М., 1828.

Новой Армиде, один из рыцарей.

4. Н. П. ОГАРЕВУ

4 сентября 1832 г. Москва.

На письме Н. П. Огарева к Герцену от 9 сентября 1832 г.

Всю сию философскую диссертацию профан Герцен не понял. И может с Носковым сказать, daß er aus minder gutem Stoff geschaffen ist[1].

Это ⅏ прибавлено в день получ⟨ения⟩.

5. П. ТРОМПЕТЕР

Начало мая 1836 г. Вятка.

Запись в альбоме.

Влекомый таинственным пророческим голосом пилигрим шел в Иерусалим. Тяжка была дорога, силы его изнемогали, он страдал... Господь сжалился и послал ему утешителя с чашею, наполненною небесным питьем. С восторгом принял пилигрим его; но, отдавая ему чашу, сказал: «Посланник неба! Благословляю нашу встречу, но с радостию покидаю

[1] что он сделан из менее добротного материала (нем.).— *Ред.*

тебя, ибо я знаю нечто выше тебя — Святую Деву: к ней иду я, к ней стремлюсь, ей моя жизнь... Моли богу, чтоб скорее соединился с нею!»

6. Н. А. ЗАХАРЬИНОЙ

Середина августа 1836 г. Вятка.

На книге: «Notre Dame de Paris». Par Victor Hugo. Tome I. Dixième édition. Bruxelles. Ad Wahlen impr. libre de la cour, 1835.

A Natalie, le jour de nom.

Wiatka, 1836[1].

7. А. Л. ВИТБЕРГУ

30 августа 1836 г. Вятка.

На портфеле (бумажнике) работы Н. А. Захарьиной.

А. Л. Витбергу в знак симпатии искренней и беспредельной дарит работу Наташи А. Герцен.

1836 г., августа 30, в Вятке.

8. Л. И. ГААГ

Декабрь 1837 г. Вятка.

На оттиске: «Речь, сказанная при открытии Публичной библиотеки для чтения в Вятке А. Герценом 6 декабря 1837 года».

Meiner lieben teuren Mutter[2].

9. Н. А. ЗАХАРЬИНОЙ

7 декабря 1837 г. Вятка.

На оттиске: «Речь, сказанная при открытии Публичной библиотеки для чтения в Вятке А. Герценом 6 декабря 1837 года».

Наташе — тот самый экземпляр, по которому я читал 6-го декаб⟨ря⟩ 1837.

10. НАДПИСЬ НА ПАКЕТЕ С ПИСЬМАМИ 1835 г. К Н. А. ЗАХАРЬИНОЙ

10 февраля 1838 г. Владимир.

Судорожная боль разлуки, душа меркнет, падает, еще шаг — и она погибла. Но туча рассеивается, на востоке является солнце еще без лучей, но пламенное и красное.

11. К. П. СМИРНОВУ

12 июня 1838 г. Владимир.

На оттиске: «Речь, сказанная при открытии Публичной библиотеки для чтения в Вятке А. Герценом 6 декабря 1837 года».

Константину Петровичу Смирнову.

В знак памяти от А. Герцена.

Владимир, 12 июня 1838.

[1] Наташе, в день именин. Вятка, 1836 г. (франц.); [2] Моей любимой дорогой матери (нем.).— *Ред.*

КОММЕНТАРИИ

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

1. Архивохранилища

ЛБ — Отдел рукописей Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина. Москва.
МОГИА — Московский областной государственный исторический архив.
ПД — Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинский Дом) Академии наук СССР. Ленинград.
ЦГАЛИ — Центральный государственный архив литературы и искусства СССР. Москва.
ЦГИАМ — Центральный государственный исторический архив. Москва.
ЦГИАХ — Центральный государственный исторический архив УССР. Харьковский филиал.

2. Печатные источники

ВЕ — «Вестник Европы», журнал.
ГМ — «Голос минувшего», журнал.
ГНМ — А. И. Герцен. Новые материалы. К печати приготовил Н. М. Мендельсон. Труды Публичной библиотеки СССР имени В. И. Ленина. М., 1927.
Изд. Павл.— Сочинения А. И. Герцена и переписка с Н. А. Захарьиной в семи томах. Издание Ф. Павленкова, т. VII. СПб., 1905.
Л — (в сопровождении римской цифры, обозначающей номер тома) — А. И. Герцен. Полное собрание сочинений и писем под редакцией М. К. Лемке. П., 1915—1925, тт. I—XXII.
ЛН — сборники «Литературное наследство».
МБ — «Мир божий», журнал.
НС — «Новое слово», журнал.
НПГ — «Неизданные письма А. И. Герцена к Н. И. и Т. А. Астраковым», издание «Нового журнала», Нью-Йорк, 1957.
Огарев — Н. П. Огарев. Избранные социально-политические и философские произведения, тт. I—II, М., 1952—1956.
ОРГ — «Описание рукописей А. И. Герцена». Составили А. В. Аскарянц и З. В. Кеменова, изд. 2. М., 1950.
Пассек — «Из дальних лет». Воспоминания Т. П. Пассек, тт. I—III. СПб., 1878—1889.
ПЗ — «Полярная звезда», альманах
РМ — «Русская мысль», журнал.
РС — «Русская старина», журнал.

Ссылки на вышедшие томы настоящего издания даются с указанием тома (римская цифра) и страницы (арабская цифра).

Настоящим томом открывается публикация эпистолярного наследия Герцена.

Письма гениального мыслителя, художника и публициста, в течение нескольких десятилетий стоявшего в центре русского и западноевропейского революционного движения и поддерживавшего деятельные связи с виднейшими представителями мировой общественности, являются одним из замечательных памятников общественной мысли середины XIX века.

«Письма больше, чем воспоминания, — писал Герцен в „Былом и думах",— на них запеклась кровь событий, это само прошедшее, как оно было, задержанное и нетленное».

В переписке Герцена отразилось безграничное богатство его духовного облика, энциклопедизм его интересов, важнейшие моменты его революционной, издательской и творческой деятельности, последовательные этапы его философского развития и идейных исканий. Письма Герцена дают обильный материал для изучения его политических, философских, эстетических и педагогических воззрений. С большой полнотой отражена в письмах и личная жизнь Герцена. Яркость, эмоциональность, выразительность языка и блестящее остроумие делают письма Герцена подлинными шедеврами эпистолярного стиля.

Значение своих писем как первостепенного исторического и автобиографического источника хорошо сознавал сам Герцен, неоднократно называвший их важнейшим документом своего развития, «движущейся, раскрытой исповедью», в которой все закреплено, все намечено «без румян и прикрас, и все остается, оседает и сохраняется, как моллюск, залитый кремпем...»

Герцен любил и высоко ценил эпистолярный жанр. В форме писем создан ряд его выдающихся произведений: «Письма об изучении природы», «Письма из Франции и Италии», «Русский народ и социализм», «Старый мир и Россия», «Из писем путешественника во внутренности Англии», «О романе из народной жизни», «Россия и Польша», «Концы и начала», «Письма к будущему другу», «Письма к противнику», «Письма к путешественнику», «Русский коммунизм», «К польскому вопросу», «Еще раз Базаров», «Письмо о свободе воли», «К старому товарищу» и др. Как и мемуары, эпистолярная форма больше всего соответствовала особенностям творческого дарования Герцена.

Герцен сам положил начало публикации своей переписки, напечатав в «Былом и думах» (целиком, в отрывках и в изложении) значительное число своих писем к разным корреспондентам — Н. А. Захарьиной (Герцен), Н. П. Огареву, Т. П. Пассек, С. Ворцелю, Г. Гервегу, Дж. Гарибальди, И. Г. Головину, Дж. Маццини, гр. А. Ф. Орлову, В. С. Печерину, П.-Ж. Прудону, Б. Н. Чичерину, В. А. Энгельсону и др. Там же опубликовал он адресованные ему письма и отрывки из писем М. А. Бакунина, В. Г. Белинского, Р. Вагнера, Г. и Э. Гервегов, И. Г. Головина, Т. Н. Грановского, Н. А. Захарьиной (Герцен), В. И. и В. Т. Кельсиевых, Э. Кёрдеруа, Дж. Маццини, Н. П. Огарева, В. С. Печерина, Н. А. Полевого, П.-Ж. Прудона, А. Е. Скворцова, П. Я. Чаадаева, В. А. Энгельсона, А. А. и И. А. Яковлевых и др.

Печатая свои письма, Герцен в большинстве случаев вносил в текст некоторые изменения, объединял отрывки из нескольких писем в одно письмо и т. п. В томы XXI—XXIX настоящего издания эти письма включаются наряду с другими и печатаются по текстам подлинников.

Публикация переписки Герцена, начавшаяся в первые десятилетия после его смерти на страницах «Русской старины», «Русской мысли», «Русского слова» и других отечественных и зарубежных изданий (публикации Т. П. Пассек, А. А. Герцена, М. П. Драгоманова, Е. С. Некрасовой и др.), продолжается до настоящего времени.

Эпистолярное наследие Герцена дошло до нас далеко не в полном объеме. Утрачена большая часть писем, относящихся к раннему периоду его жизни: совсем неизвестна переписка этого времени с отцом, матерью, братом Егором Ивановичем и другими родственниками (А. А. и Л. А. Яковлевыми, кн. М. А. Хованской и др.); почти не уцелела огромная переписка с Н. П. Огаревым, Т. П. Кучиной, Л. В. Пассек и др. за двадцатые и тридцатые годы; остается неизвестной почти вся переписка Герцена с его университетскими друзьями — братьями Пассеками, Н. М. Сатиным, М. П. Носковым, В. П. Петровым, А. Н. Савичем, М. М. Иваненко, Н. И. Сазоновым, А. К. Лахтиным и др., с его вятскими и владимирскими знакомыми — А. Е. и П. Скворцовыми, П. П. Медведевой, Е. П. Машковцевым, Г. К. Эрном и др. Неизвестны письма Герцена к В. Г. Белинскому (кроме одного), Е. Ф. Коршу и др. Весьма заметные пробелы имеются и в переписке Герцена заграничного периода.

Впервые письма Герцена были широко представлены в «Полном собрании сочинений и писем» его под редакцией М. К. Лемке, выпущенном в 1915—1925 гг. В это издание включено свыше двух тысяч писем Герцена к разным корреспондентам; из них 450 было напечатано впервые.

Ценным дополнением к публикациям М. К. Лемке явился подготовленный Н. М. Мендельсоном и выпущенный в 1927 г. в Москве сборник: «А. И. Герцен. Новые материалы», содержащий 25 неизвестных дотоле писем Герцена, и сборники «Звенья», в которых было напечатано 40 писем Герцена к разным лицам.

Следующий крупный вклад в изучение эпистолярного наследия Герцена внесло издание восьми герценовских томов «Литературного наслед-

ства» (тт. 39-40, 41-42, 61, 62, 63 и 64), вышедших в 1941 и 1953—1958 гг. Здесь, наряду с другими материалами, впервые опубликовано и прокомментировано свыше 600 писем Герцена к русским и иностранным корреспондентам, извлеченных из московских, ленинградских и ряда заграничных архивов и собраний.

Публиковались письма Герцена и за границей. Наиболее значительной зарубежной публикацией является серия писем Герцена к Н. И., С. И. и Т. А. Астраковым, напечатанная в 1957 г. в Нью-Йорке по автографам архива Колумбийского университета. (Почти одновременно вышла в свет и советская публикация этих писем, сделанная по фотокопиям с автографов — *ЛН*, т. 64, стр. 461—538.)

В настоящем издании печатаются все доселе известные (около трех тысяч) письма Герцена (за исключением открытых писем, предназначавшихся для печати и вошедших в состав предыдущих томов), в том числе коллективные письма, написанные совместно с другими лицами, и телеграммы. Письма, написанные чужой рукой под диктовку Герцена, печатаются в общем ряду его писем, с оговоркой в комментариях. В приложениях к каждому тому помещены официальные прошения в правительственные и другие учреждения, протоколы допросов, дарственные надписи на книгах, фотографиях, записи в альбомах и т. п.

Приписки к письмам Герцена и письма других лиц с приписками Герцена, включаемые в основной состав каждого тома, воспроизводятся полностью (петитом). Не включаются приписки и письма, которые носят автономный характер, связаны с письмами Герцена только одновременностью отправки адресату или общим листом бумаги. В этих случаях тексты других лиц оговариваются и, если необходимо, используются в комментариях.

Пометы и реплики Герцена в письмах других лиц, носящие характер замечаний к отдельным словам и фразам, печатаются в приложениях, вместе с текстом, к которому они относятся.

Письма печатаются по автографам; в случае утраты или неизвестного местонахождения автографов тех или иных писем — по фотокопиям, репродукциям, спискам или, наконец, по наиболее авторитетным публикациям, независимо от того, первая она или одна из последующих.

Слова и строки, зачеркнутые Герценом во время писания или перед отправкой письма, приводятся в текстологических комментариях; позднейшие приписки Герцена к его письмам — в подстрочных примечаниях. Слова, написанные сокращенно, дополняются в редакционных скобках ⟨ ⟩, кроме случаев общепринятых сокращений и тех случаев, когда возможны различные варианты «развертывания». Слова, не поддающиеся точному прочтению, сопровождаются вопросительным знаком в редакционных скобках; слова, восстановленные предположительно (вследствие повреждения автографа) — в редакционных скобках. Основания предположительного чтения излагаются в комментариях. Повреждения автографа, вносящие неустранимые неясности в текст, оговариваются в подстрочных примечаниях.

Письма располагаются в общем хронологическом ряду, с отдельной нумерацией в каждом томе. Письма, которые писались в течение нескольких дней, помещаются по начальной дате; письма, датируемые приблизительно промежутком в несколько месяцев или лет,—по конечной из возможных дат. В случае отсутствия, неполноты или неточности авторской даты вслед за порядковым номером письма и фамилией адресата помещается, красной строкой, редакционная дата. Редакционная дата писем, писавшихся в течение нескольких дней или датируемых приблизительно известным промежутком времени, обозначается крайними числами. В письмах русского периода редакционная дата помечается старым стилем; в письмах заграничного периода — двойным.

Письма Герцена, как и тексты его произведений, печатаются в настоящем издании по правилам современной орфографии и пунктуации, но с сохранением характерных особенностей языка Герцена, явлений живой речи, отражающих реально существовавшие фонетические или лексические и морфологические черты, а также с сохранением тех особенностей пунктуации, которые имеют смысловое или стилистическое значение.

Письма Герцена печатаются в большинстве случаев по автографам и, следовательно, все то, что в них может показаться, а иногда и на самом деле является неправильным с точки зрения норм современного литературного языка, не может быть отнесено за счет вмешательства переписчиков, редакторов, наборщиков или корректоров, но отражает особенности индивидуального стиля Герцена и языка его эпохи. Поэтому оформление текстов писем с лингвистико-графической стороны в некоторых отношениях отличается от оформления текстов произведений Герцена, опубликованных в предыдущих томах.

Полностью сохраняются при публикации писем написания с прописной буквы имен существительных, принадлежащих к категории нарицательных, если в них вкладывается дополнительный смысловой оттенок «возвышенности» и т. п., например: «Симпатия— человеку, Симпатия— человечеству, Симпатия—вселенной, и Молитва—Ему» (письмо к Н. А. Захарьиной от 13 февраля 1838 г.). В отдельных случаях, при наличии указанного оттенка, прописная буква сохраняется и в таких существительных, как Друг, Слава и т. п. Однако не воспроизводится прописная буква в существительных и прилагательных, обозначающих понятия религиозного характера, например, бог, божий, воскресе (в выражении «Христос воскресе»), архиерейская служба, пасха, христианин, вечерня и т. п., поскольку в этих случаях прописная буква не является принадлежностью индивидуального стиля Герцена, точно так же, как и прописная буква в наименованиях должностей, чинов, званий, титулов, учреждений и т. п.

Учитывая крайнюю непоследовательность и разнобой, в пределах даже одного письма, употребления с прописной и строчной буквы местоимения «вы» при обращении к одному лицу, проводится унификация в сторону строчной буквы (за исключением официальных бумаг, где сохраняется прописное «Вы»).

В еще большей степени, чем в текстах произведений Герцена, сохраняются встречающиеся отступления от грамматических норм, кроме случаев совершенно бесспорных ошибок и описок. Например, сохранены такие формы как «сшибены» (не исправляется на «сшиблены»), «на троих Герценых здоровья хватало...» (не исправляется на «Герценов»), такие конструкции, как «боролись во мне тысяча страстей» и т. п.

Сохраняются те приемы транслитерации иноязычных слов, которые отражаются на произношении, т. е. фактически приводят к образованию, сравнительно с существующим в настоящее время, лексического (дипломация, аутократия) или фонетического варианта.

Поскольку тексты писем Герцена печатаются в соответствии с правилами современной русской орфографии, не сохраняются написания, противоречащие этим правилам, даже в тех случаях, когда старые написания отражают более точно прежнее произношение. Так, например, вместо писавшихся ранее (преимущественно в первой половине XIX в.): тихой, всякой (им. п. ед. ч. м. рода), Николинька, Соничка, Наташинова брата, масляница, поцалуй и т. п. печатается: тихий, всякий, Николенька, Сонечка, Наташиного брата, масленица, поцелуй и т. п.

Сохраняется, как правило, характерный для Герцена отказ от уточнения посредством специальных знаков препинания (точкой с запятой, двоеточием, тире) смысловых отношений между частями сложносочиненных предложений с большим числом входящих в их состав простых предложений. Во всех случаях, когда для понимания характера этих отношений может быть достаточно запятых, обычно разделяющих у Герцена части сложного предложения, этот знак не заменяется другим.

В двадцать первый том входит 212 писем Герцена с 1832 по 1838 г.

Среди писем, относящихся к университетскому периоду жизни Герцена и ко времени, последовавшему за окончанием университета, наиболее значительную часть представляют случайно уцелевшие единичные письма тридцатых годов к Огареву.

В письмах второго периода, написанных во время тюремного заключения, вятской и владимирской ссылок, основное место занимают письма Герцена к Н. А. Захарьиной. Это своего рода лирический дневник, рисующий, главным образом, внутреннюю жизнь Герцена. Одновременно переписка с Н. А. Захарьиной представляет собой, вместе с немногочисленными письмами к Н. Х. Кетчеру, Н. И. Сазонову, Н. И. Астракову и А. Л. Витбергу, важнейший историко-биографический материал, являясь основным источником для изучения жизни и деятельности Герцена во второй половине тридцатых годов. Поскольку переписка с Н. А. Захарьиной — это лирический диалог, смысл и форма которого проясняется вполне лишь в сопоставлении писем Герцена со встречными и ответными письмами Натальи Александровны, в комментариях приводятся довольно широко выдержки из ее писем (опубликованных полностью в т. VII Сочинений А. И. Герцена, изд. Ф. Павленкова, СПб., 1905).

В автографах писем Герцена к Н. А. Захарьиной сохранились позднейшие пометы (нумерация и подчеркивания) рукой Герцена, а также пометы Натальи Александровны, отмечающие даты получения писем Герцена. Эти пометы воспроизводятся в комментариях и являются, в случае отсутствия авторской даты, важнейшим источником для датировки писем.

С середины двадцатых до начала тридцатых годов Герцен поддерживал интенсивную переписку со своей «корчевской кузиной» — Т. П. Кучиной (Пассек). По словам самой Пассек, все письма к ней Герцена за этот период, числом около двухсот, были сожжены ею и ее родными тотчас же после его ареста в 1834 г. Опубликованные в позднейших воспоминаниях Т. П. Пассек под видом выписок из подлинных писем Герцена четырнадцать документов представляют собой, по-видимому, не что иное, как более или менее препарированные фрагменты из находившейся в ее распоряжении и не дошедшей до нас автобиографической рукописи Герцена «О себе», а также из печатных произведений Герцена: «Былого и дум», «Записок одного молодого человека», «Разговоров с детьми» (см. статью доцента Потсдамского педагогического института Dietrich L o k y s. Tatjana Passeks Materialen zu Alexander Herzens Jugendbiographie —wie weit dürfen diese noch als authentisch gelten («Zeitschrift fur Slawistik», Berlin, Band V, 1960, Heft 2). В настоящий том эти «письма» не вводятся.

Публикация писем к Е. В. и Д. В. Пассекам и М. П. Носкову, напечатанных впервые в 1941 г. в «Литературном наследстве» (т. 39-40), пополнена в настоящем издании обнаруженной в Харьковском филиале Центрального Государственного исторического архива Украины запиской Герцена, относящейся к концу мая 1833 г. Сверка с автографами позволила также существенно уточнить текст остальных писем к Пассекам, напечатанных в «Литературном наследстве». Однако трех из семи известных публикатору «Литературного наследства» автографов писем Герцена к Пассекам обнаружить не удалось, и потому в тексте остался ряд неразобранных ранее слов.

В разделе «Официальные бумаги» напечатаны прошения Герцена о зачислении в университет, о разрешении слушать лекции, об оставлении на прежней службе, о выдаче аттестата, о внесении данных об окончании университета в формулярный список и рапорт владимирскому гражданскому губернатору об отпуске в Москву.

В разделе «Следственные материалы» приведены протоколы допросов Герцена, письмо его председателю следственной комиссии и расписка об ознакомлении с приговором. Протокол допроса в первой следственной комиссии, содержащий важные сведения о литературной деятельности Герцена, в собраниях сочинений Герцена ранее не печатался, так же как и письмо к председателю следственной комиссии и расписка. Два последних документа и первоначальные варианты ответов Герцена на допросах публикуются в настоящем издании впервые.

В разделе «Дарственные надписи, альбомные записи» печатаются дарственные надписи Герцена Н. А. Захарьиной на книгах «Священная ис-

тория», «Эзоповы басни», «Собор Парижской богоматери», «Речь, сказанная при открытии публичной библиотеки для чтения в Вятке», дарственная надпись Герцена матери на последней из перечисленных книг, надпись на автографе письма Огарева и надпись на портфеле, адресованная А. Л. Витбергу.

Альбомные записи, относящиеся к этому периоду: запись 1831 г. «В альбом Т. П. Кучиной» и запись 1837 г. «В альбом В. А. Витберг», — не включены в XXI том, поскольку они напечатаны в I томе настоящего издания.

В особом разделе приводится перечень несохранившихся писем Герцена, сведения о которых содержатся в его произведениях, письмах, в мемуарах разных лиц, письмах к нему и других источниках.

Тексты писем 1832—1837 гг. и комментарии к ним подготовлены *Л. Р. Ланским*. Им же подготовлены и комментированы письма 1838 г., адресованные Н. И. и Т. А. Астраковым, а также все официальные бумаги, следственные материалы, дарственные и другие надписи и записи. Тексты писем к Витбергам 1838 г. и комментарии к ним подготовлены *В. Н. Баскаковым*; тексты остальных писем 1838 г. и текстологические комментарии к ним—*Л. М. Долотовой*, реальные комментарии—*Н. П. Ждановским* при участии *С. Д. Лищинер*. Проверка текста писем к Е. В. и Д. В. Пассекам по автографам, хранящимся в *ЦГИАХ*, произведена *М. А. Соколовой*. Вступительная статья к комментариям написана *Л. Р. Ланским*. Лингвистическая ее часть — *А. Б. Шапиро*. Перечень несохранившихся писем Герцена составлен *Л. Р. Ланским*.

ПИСЬМА 1832—1838 годов

1832

1. Н. И. АСТРАКОВУ

Печатается по фотокопии с автографа, хранящегося в Колумбийском университете (Нью-Йорк). Впервые опубликовано: *НПГ*, стр. 14—15. Автограф поврежден, некоторые слова читаются предположительно.

Письмо Н. И. Астракова, на которое отвечает Герцен, неизвестно.

...Бруно...— О каком издании сочинений Джордано Бруно идет речь, не установлено.

...Систематику...— Магистерская диссертация М. А. Максимовича «О системах растительного царства», вышедшая в Москве в 1827 г.

...он часто улетает в мир идеальный на поэзии тычинок, пестиков и спиральных сосудов...— М. А. Максимович читал в Московском университете курс ботаники. См. о нем биографический и историко-литературный очерк С. И. Пономарева «Михаил Александрович Максимович» («Журнал министерства народного просвещения», 1871, № 10, стр. 175—249) и работу С. Р. Микулинского «М. А. Максимович как естествоиспытатель» — «Труды Института истории естествознания АН СССР», т. V, 1953, стр. 191—210.

...sta, viator! — Остановись, прохожий! — латинское изречение, высекавшееся в древнем Риме на могильных памятниках.

...bien-aimée Ecole Normale, как говорит Кузень.— Ecole Normale Supérieure (Высшая Нормальная школа) — высшее педагогическое учебное заведение в Париже, которое Виктор Кузен окончил в 1812 г. В Ecole Normale Supérieure он читал курс философии, а в 1830-х годах был ее директором. *Bien-aimée* — горячо любимая (франц.).

Наше отделение...— Физико-математическое отделение Московского университета, на которое Герцен поступил в 1829 г.

...место заступит его сын.—Александр Григорьевич Фишер фон Вальдгейм, который действительно вскоре занял кафедру зоологии в Московском университете. Во время допроса в следственной комиссии в 1834 г. Герцен показал, что из профессоров «довольно коротко» знает «его превосходительство Григорья Ивановича Фишера, сына его и зятя Родиона Григорьевича Геймана» (см. стр. 411 наст. тома).

«45-е. Когда говорится ∞ артиллерийские».— Иронические характеристики профессоров Ф. И. Чумакова и Г. И. Мягкова см. в главе VI части первой «Былого и дум». Там же Герцен писал о Мягкове: «...он больше командовал свои лекции, чем говорил: „Господа! — кричал он,—

на поле! *Об артиллерии!*" — Это не значило: на поле сражения едут пушки, а просто, что на марже такое заглавие» (VIII, 123).

В словесном отделении место Гаврилова занял Надеждин.— Профессор Н. И. Надеждин сменил умершего незадолго до того А. М. Гаврилова, заняв кафедру славянского языка, теории изящных искусств и археологии. В этой должности он был утвержден 26 декабря 1831 г.

2. Н. А. ЗАХАРЬИНОЙ

Печатается по автографу (*ЛБ*). Впервые опубликовано, с датой «15 августа 1832», самим Герценом в приложении к части третьей «Былого и дум» («Былое и думы» Искандера, т. II, Лондон, 1861, стр. 113—114 — см. VIII, 389—390). Эта дата вызывает недоумение, так как упоминаемый в письме день рождения Н. А. Захарьиной приходился на 22 октября, а не на 15 августа. Если предположить, что Герцен допустил описку и речь идет не о дне рождения, а о «дне ангела», то и здесь даты полностью не совпадают, так как именины Натальи Александровны отмечались 26 августа. На автографе рукой Н. А. Захарьиной проставлена дата «1833», переделанная из «1832» и свидетельствующая о колебаниях адресата в определении года написания письма. В 1838 г., перечитывая свои письма и исходя из даты, проставленной Н. А. Захарьиной, Герцен отнес это письмо к 1833 г. (см. письмо 149, стр. 284). Между тем, ни 15, ни 26 августа 1833 г. письмо не могло быть написано. 15 августа 1833 г. Н. А. Захарьина находилась не в Москве, а в деревне, и Герцен не мог обещать быть у них «на нынешней неделе». А 26 августа 1833 г. Герцен был у Натальи Александровны и лично поздравил ее. 26 августа 1835 г. она вспоминала: «Помнишь ли, два года тому назад ты в этот день был у нас и подарил мне статью, посвященную тобою сестре Людмиле» (*Изд. Павл.*, стр. 28). 22 октября 1832 г. письмо не могло быть написано, так как в этот день была суббота, а Герцен в письме обещает быть «на нынешней неделе... (вероятно, в субботу)». Таким образом, письмо может быть условно отнесено либо к 26 августа 1832 г., либо к 22 октября 1833 г. Последняя дата кажется более вероятной, но поскольку Герцен, после ряда колебаний, отнес письмо к августу 1832 г., оно условно обозначается двумя датами.

Надеюсь на нынешней неделе у вас быть (вероятно, в субботу).— Суббота в августе 1832 г. приходилась на 6, 13, 20 и 27 числа.

3. Н. А. ЗАХАРЬИНОЙ

Печатается по автографу (*ЛБ*). Впервые опубликовано: *Изд. Павл.*, стр. 1. Год указан в *ОРГ*, стр. 33 (без аргументации).

...том истории Карамзина.— Речь идет об одном из томов «Истории государства российского».

1833

4. Е. В. и Д. В. ПАССЕКАМ

Печатается по автографу (*ЦГИАХ*). Впервые опубликовано: *ЛН*, т. 39-40, стр. 188 (см. там же факсимильное воспроизведение автографа).

В автографе, вслед за текстом письма Герцена — приписки Т. П. и В. В. Пассеков, содержащие сообщения о здоровье. Год устанавливается по упоминанию о болезни Т. П. Пассек (см. *Пассек* I, стр. 452).

Письмо Е. В. и Д. В. Пассеков, на которое отвечает Герцен, неизвестно. Оба адресата в это время находились в Петербурге.

...получите от меня большую хартию.— Большой хартией Герцен, по-видимому, шутливо называет свое письмо. Было ли оно написано, неизвестно. Переписка Герцена и А. Н. Савича не сохранилась.

5. Е. В. и Д. В. ПАССЕКАМ и М. П. НОСКОВУ

Печатается по тексту *ЛН*, т. 39-40, стр. 186—187. Автограф, хранившийся в *ЦГИАХ*, в настоящее время утерян. Отрывок впервые опубликован в «Правде», 1937, № 92 от 3 апреля. Полностью: *ЛН*, т. 39-40, стр. 186—187. Год определяется содержанием письма (упоминание о статье «Двадцать осьмое января»).

Получил от тебя 125 рублей ∞ все сделал по твоему велению.— Характер поручения Е. В. Пассека остается невыясненным.

...маменьке твоей...— Екатерине Ивановне Пассек.

...несколько мыслей ∞ что сделала Россия от Петра до наших дней...— Герцен имеет в виду свою статью «Двадцать осьмое января» (I, 29—35). На автографе этой статьи, датированной 28 января 1833 г., надпись Герцена: «Посвящается другу моему Диомиду». Во введении к статье Герцен указал, что намерен рассмотреть два вопроса: «Явился ли сей гигант ⟨Петр I⟩, вопреки всем историческим законам, столь самобытным, столь заключенным в самом себе, что, с одной стороны, в нем не было исторической необходимости, с другой — что без него Россия осталась бы доныне в том состоянии, в котором была до него. 2) После устремления России к европеизму, в чем и как успела она до нынешнего времени» (I, 30). Вторая часть статьи не сохранилась и, возможно, написана не была. Д. В. Пассек глубоко интересовался, как и Герцен, личностью Петра I. Им была написана в 1830-х годах статья «Сравнение Карла XII с Петром Великим как полководцем» (первая часть статьи напечатана в «Очерках России», часть IV, М., 1840). См. также статью Д. В. Пассека «Шведская могила под Полтавой» (там же, часть II).

...коэрзитивные...— принудительные (франц. coercitifs).

...о Пуансоте...— Речь идет о «Началах статики» («Eléments du Statique») Луи Пуансо. Об этой книге Герцен упоминает в главе VI части первой «Былого и дум» — VIII, 123.

Г. М. Н.— Кого имеет в виду Герцен, неясно.

Ответ Е. В. и Д. В. Пассеков и М. П. Носкова неизвестен.

6. Е. В и Д. В. ПАССЕКАМ и М. П. НОСКОВУ

Печатается по тексту *ЛН*, т. 39-40, стр. 188—189. Отрывок впервые опубликован в «Правде», 1937, № 92 от 3 апреля. Полностью: *ЛН*, т. 39-40, стр. 188—189. Автограф, хранившийся в *ЦГИАХ*, в настоящее время утерян. Ряд слов, не разобранных публикатором *ЛН*, остается непрочитанным. Дата определяется содержанием письма (упоминание об «ужаснейшей дороге» и приближающемся выходе из университета).

Письмо Д. В. и Е.В.Пассеков, на которое отвечает Герцен, неизвестно.

В конце будут экзамены...— Выпускные экзамены на физико-математическом отделении Московского университета происходили 22 июня 1833 г.

...благословляю университет.— Ср. аналогичное высказывание Герцена в главе VII части первой «Былого и дум» (VIII, 150—151).

О Коперниковой системе в философском и астрономическом отношении.— Тема диссертации, предложенная Герцену Д. М. Перевощиковым: «Аналитическое изложение солнечной системы Коперника» (I, 36—51).

...не во зло некоторым кавалерам с серебряной медалью.— Шутливый намек на самого Носкова, получившего за свою диссертацию серебряную медаль.

7. Д. В. ПАССЕКУ

Печатается по тексту *ЛН*, т. 39-40, стр. 188 — приписка к письму (неизвестному) Вячеслава Васильевича Пассека к братьям Евгению и Диомиду. Автограф, хранившийся в *ЦГИАХ*, в настоящее время утерян. Год устанавливается по упоминанию о предстоящем окончании университета.

...мою статью о Петре I...— Автограф статьи «Двадцать осьмое января» был изъят у Герцена во время ареста и находится в его следственном деле (*ЦГИАМ*). Был ли именно этот автограф у Диомида Пассека, не установлено. На допросе Герцен отрицал, что статья была послана Пассеку.

8. Е. В. и Д. В. ПАССЕКАМ

Печатается по автографу (*ЦГИАХ*) — приписка к письму Екатерины Ивановны Пассек, посвященному хозяйственным вопросам. Впервые опубликовано: *ЛН*, т. 39-40, стр. 190. Дата «25 мая» указана в письме Е. И. Пассек; год определяется упоминанием об университетском экзамене.

8а. Е. В. и Д. В. ПАССЕКАМ

Печатается впервые, по автографу (*ЦГИАХ*). Вслед за письмом Герцена — приписка Т. П. Пассек (публикуется впервые): «Вадим приехал! Я вся радость и счастие, милые братья! Завтра к вам больше напишу. Т а н я», позволяющая установить дату письма: В. В. Пассек приехал из Харькова в двадцатых числах мая 1833 г. (*Пассек*, I, стр. 456).

9. Е. В. ПАССЕКУ

Печатается по автографу (*ЦГИАХ*). Впервые опубликовано: *ЛН*, т. 39-40, стр. 190. Год устанавливается по связи с соседними письмами, в которых также шла речь о каких-то денежных поручениях.

Письмо Е. В. Пассека, на которое отвечает Герцен, неизвестно.

10. Н. П. ОГАРЕВУ

Печатается по тексту *ГМ*, 1919, № 1-4, стр. 65—67, где воспроизведено по автографу, хранившемуся в архиве московского генерал-губернатора. Нынешнее местонахождение автографа неизвестно. Впервые частично опубликовано по писарской копии III отделения, с ошибочной

датой «7 июня 1833 г.»: *Л* I, 105. Полностью, с некоторыми разночтениями: *Л* XXII, 3—5.

Приводим перечень основных разночтений с *Л* XXII:

Стр. 12

12 *Вместо*: Москва. Июня 24 // 24 июня 1833. Москва
20 *Вместо*: приступим // приступить
22 *Вместо*: в силу // вследствие
32 *Вместо*: в знакомстве // в знакомствах
37–38 *Вместо*: а завтра // и завтра
40–41 *Вместо*: читать, читать, гулять, гулять // читать, читать, читать, читать

Стр. 13

7 *Вместо*: положительно // замечательно

В следственном деле «О лицах, певших в Москве пасквильные песни» находится копия с комментируемого письма, заверенная обер-аудитором Оранским (*ЦГИАМ*, ф. 109, 1 эксп., ед. хр. 239, ч. I л.А, 1834 г., лл. 85—86 об.).

Год устанавливается по упоминанию об окончании Герценом университета.

В настоящем издании в текст внесено следующее исправление: «Носкова» вм. «Маслова» (по *Л* XXII).

Ответ на письмо Н. П. Огарева от 7 июня 1833 г. (*Огарев*, II, стр. 260—262). Цитату из этого письма Огарева Герцен привел в главе IV первой части «Былого и дум» (VIII, 82), а заключительные его строки поместил в качестве эпиграфа к этой главе.

...но во всех прочих предметах я отвечал хорошо, в некоторых отлично... — Герцен получил на выпускных экзаменах следующие оценки: по ботанике — 4 (высший балл), по физике — 3, по чистой математике — 4, по прикладной математике (т. е. механике) — 3, по астрономии — 3, по сельскому хозяйству и минералогии — 4, по зоологии — 4 и по химии — 4. Таким образом, Герцен набрал 29 баллов; для получения кандидатской степени достаточно было получить, согласно университетским правилам, 28 баллов, а для звания действительного студента — 22 балла (см. «Труды Института истории естествознания», т. V, 1953, стр. 382).

...получить медаль (зол⟨отую⟩)... — К своему огорчению, Герцен получил не золотую, а серебряную медаль. См. VIII, 149.

...я в нем увидел глубокую фантазию твою и душу... — В своем письме Огарев писал Герцену: «Итак, скажи: с некоторого времени я решительно так полон, можно сказать, задавлен, ощущениями и мыслями, что мне кажется, мало того кажется, мне врезалась мысль: что мое призванье быть поэтом, стихотворцем ли или музыкантом, alles eins ⟨все равно⟩, но я чувствую необходимость жить в этой мысли, ибо имею какое-то самоощущенье, что я поэт; положим, я еще пишу дрянно; но этот огонь в душе, эта полнота чувств дает мне надежду, что я буду и порядочно (извини меня за такое похабное слово) писать. Друг! скажи же, верить ли мне моему призванью? Ты, может, лучше меня знаешь, нежели я сам, и не ошибешься» (*Огарев*, II, стр. 262).

П о ч е к а обманул Гебелеву дочь... — О трагической судьбе дочери московского музыканта Ф. К. Гебеля, по-видимому, покончившей самоубийством, см. также далее, на стр. 592. История эта впоследствии получила отражение в повести И. С. Тургенева «Несчастная». Комментируемое письмо о роли Почеки в этой истории вызвало особый интерес следственной комиссии, которая, в связи с этим, специально допрашивала Герцена. По словам П. В. Анненкова, Почека, «почитавший себя особенно связанным с судьбой и участью покойницы, был, в сущности, добродушнейший молодой человек с некоторым оттенком неподдельной мало-

российской наивности, с наклонностью к чувствительности и ленивому созерцанию жизни...» (П. В. Анненков. Литературные воспоминания. СПб., 1909, стр. 389—390). Объяснение между Герценом и Почекой едва не привело их к дуэли.

Я мог бы скрепить это увещание еще новостью...— Что имеет в виду Герцен, неизвестно. В ответном письме от 10 июля 1833 г. Огарев писал: «Происшествие в Гебелевом семействе меня ужаснуло. Я целые сутки бесился, а все черное казалось мне черней, чем когда-нибудь. Одного тебя прошу — с первым же письмом напиши, что делает в этом случае Ив. Оболенский? Да ради бога не доводи себя до дуэли; вспомни, *кто* ты и для *чего*? Но об какой новости ты еще намекаешь; что еще такое; не оставляй в недоумении: дай испить до дна чашу горечи...» (*Огарев*, II, стр. 262). При допросе в следственной комиссии Огарев указал впоследствии, что Герцен, по-видимому, намекнул на слух об установлении за Огаревым полицейского надзора (см. далее, стр. 588).

...все наслаждения сосредоточены в семействе Вадима...— Т. П. Пассек приводит в своих воспоминаниях следующее высказывание Герцена о семье ее будущего мужа: «Если бы ты знала, что это за семейство и как хорошо себя чувствуешь в их небольших комнатах. Там я первый раз узнал, что такое семейная любовь, и понял, что не проза, не скука царствует около дивана, на котором сидит мать, окруженная детьми, а милая поэзия домашнего очага» (*Пассек*, I, стр. 360). Характеристику семьи Пассеков см. в главе VI части первой «Былого и дум» (VIII, 136—144).

Вот тебе стихи сочинения Людмилы...— Герцен в «Былом и думах» следующим образом упоминает о стихотворениях Людмилы Васильевны Пассек: «Она мне писала стихи, я писал ей в прозе целые диссертации, а потом мы вместе мечтали о будущем, о ссылке, о казематах, она была на все готова» (VIII, 331). Строфу: «Тот мир открыт... страсти не волнуют кровь» Герцен привел в автобиографическом отрывке «День был душный...» (I, 55). См. также письмо 19.

...Вадим завтра едет с женою в деревню.—В. В. и Т. П. Пассеки отправились в подмосковное имение отца Герцена Васильевское, где они провели лето (см. *Пассек*, II, стр. 1).

...надлежит читать не Thierry... — Речь идет либо о «Histoire des Gaulois jusqu' à la domination romaine» («История галлов до римского владычества», Париж, 1828) Амеде Тьерри, либо о «Histoire de la conquête de l'Angleterre par les Normands» («История завоевания Англии норманами», Париж, 1825) Огюстена Тьерри.

...древнюю сначала, не Мишле ли? — См. комментарий к письму 13. Ответ Н. П. Огарева от 10 июля 1833 г.—*Огарев*, II, стр. 262—263.

11. Н. А. ЗАХАРЬИНОЙ

Печатается по автографу (*ЛБ*). Отрывок впервые опубликован (с вариантами) самим Герценом в подстрочном примечании к главе VII части первой «Былого и дум» («Былое и думы» Искандера, ч. I, Лондон, 1861, стр. 195—196 — см. VIII, 150).

Я обещался вам написать...— Н. А. Захарьина проводила лето в подмосковном имении княгини М. А. Хованской.

...Эмилья Михайловна...— Аксберг, подруга и гувернантка Н. А. Захарьиной — «девушка умная, бойкая, энергическая, с прибавкой пансионской восторженности и врожденного чувства благородства»(VIII, 329).

День был душный, и пытка наша продолжалась от 9 утра до 9 вечера.— Как устанавливается «Дневной запиской отделения физико-математических наук» университета, экзаменационное заседание 22 июня продолжалось «с 9 часов утра до 3 пополудни и потом с 5 до 8 вечера». Герцен и его сотоварищи подверглись, как сообщает «Дневная записка», «откры-

тому испытанию по вопросам, во множестве заблаговременно приготовленным, в тайне хранимым и которые были избираемы по жребию экзаменовавшимся: 1-е, г. ректором Двигубским — из ботаники, и предложены были живые растения для разобрания; 2-е, г. ординарным профессором Павловым — из физики; 3-е, г. ординарным профессором Щепкиным — из аналитической геометрии, высшей алгебры и дифференциального и интегрального вычислений; 4-е, г. ординарным профессором Перевощиковым — а) из механики, б) из астрономии; 5-е, г. ординарным профессором Ловецким — из сельского хозяйства, минералогии, и предложены были минералы для разобрания; 6-е, г. ординарным профессором Фишером — из зоологии; 7-е, г. ординарным профессором Гейманом — из химии» («Труды Института истории естествознания», т. V, 1953, стр. 381—382).

Сейчас от вас письмо...— Письмо не сохранилось.

...писать именно Людмиле.— 22 марта 1838 г. Н. А. Захарьина писала Герцену: «Я совсем почти незнакома с *твоею любовью к Л. П.*, долго спустя уж ты сказал мне о ней. А знаешь ли что? Emilie как была у них первый раз, и ты там был» (*Изд. Павл.*, стр. 530).

12. Д. В. ПАССЕКУ

Печатается по автографу (*ЦГИАХ*). Впервые опубликовано: *ЛН*, т. 39-40, стр. 190. Дата определяется на основании упоминания в письме о полученной Герценом кандидатской степени.

Вслед за припиской А. Н. Савича — приписки В. В. Пассека и Т. П. Пассек:

«Что, брат, говорят, ты нас надуваешь: обещаешься быть, да и не будешь. Жаль! Тенерь не скоро напишу. Едем в деревню. Твой В а д и м».

«Друг Доша! Послезавтра в сие время мы уже в деревне — рады, что увиделись с Eugène, пробыли с ним три дня и теперь на свежий воздух лечиться, гулять, жить вольно — оттуда, верно, с пера моего польются идиллии — готовься читать нежности в геснеровском вкусе, но уговор, не критиковать строго: сам рассуди, во-первых, я влюблена, во-вторых, деревня, роща, solitude ⟨одиночество⟩, везде, всегда я и Вадим, Вадим и я.— Как же перу моему не дышать нежностью? Прощай, иду укладывать белье в деревню. Что же ты не будешь к нам? Право, грустно так долго не видеть тебя, наша прелесть. Т а н я».

Обе приписки публикуются впервые.

Письмо Д. В. Пассека, на которое отвечает Герцен, неизвестно.

...на мою статью...— Речь идет о статье Герцена «Двадцать осьмое января» (I, 29—35).

Твоя статья о женщинах не нравится мне...— Эта статья Д. В. Пассека остается неизвестной.

...ученые его записки...— В первой части «Ученых записок Императорского московского университета» (цензурное разрешение 19 июля 1833 г.) напечатаны статьи, лекции и речи Погодина, Зернова, Максимовича, Щуровского, Дядьковского, Эйнбродта, Давыдова, Уварова, Надеждина, Перевощикова, Каченовского. Переводных статей в этой части «Ученых записок» почти нет. В разделе «Смесь» первой части «Записок» излагались подробности торжественного собрания в Московском университете и сообщалось, что на нем «за лучшие рассуждения на заданные темы от отделений Словесного и Физико-математического удостоены награждений: а) медалями золотыми В. Шеншин, С. Строев и А. Драшусов; b) серебряными Н. Лавдовский, И. Михайлов, М. Клементьев, Н. Сатин, А. Герцен и А. Хитров» (стр. 144).

13. Н. П. ОГАРЕВУ

Печатается по автографу (*ЦГАЛИ*). Впервые опубликовано: *МБ*, 1906, № 1, стр. 52—54. Автограф поврежден (оборван верхний край листа).

Письмо Огарева, на которое отвечает Герцен, неизвестно.

Qu'en dites-vous, mon voisin? — «Что скажете об этом, соседушка?» — рефрен песни Беранже «Le voisin» («Сосед»).

...«*Histoire du droit*» *par Lerminier*...— Речь идет об одной из книг Эжена Лерминье: «Introduction générale à l'histoire du droit» («Всеобщее введение в историю права»), P., 1829 или «Philosophie du droit» («Философия права»), P., 1831. Сведений о том, перевел ли Герцен эту книгу, не сохранилось. 4 сентября 1832 г. Огарев писал Герцену: «Я прочел первую часть Лерминье „Philosophie du droit". Много превосходного; много мыслей странных, с которыми едва ли можно согласиться, как, напр⟨имер⟩, законность самоубийства, по последние 4 главы первой части привели меня в восторг. Друг! Прочти их, непременно прочти. Я воспламенился от них, innere Fülle так и забушевала, хотелось бы что-нибудь творить, и с досадою и с ужасом вижу, что мне 18 лет и что я в деревне. Но вдруг я вспомнил вас, друзья мои, сравнил то, о чем говорит Лерминье, с нами, и что⟨-то⟩ сладостно заговорило в душе, будущность, прекрасная будущность! Сколько надежд и упований! ⟨...⟩ Герцен! Прочти четыре последние главы, и твоя душа взойдет в такое состояние жажды деятельности, что все мускулы невольно зашевелятся, как будто бы что-нибудь делаешь, что-нибудь исполняешь, творишь» (*ЛН*, т. 61, стр. 709). В перечне переводов, представленном Герценом следственной комиссии, книга Лерминье не указана.

...*с Michelet ли Римской истории?* — Имеется в виду первая часть «Histoire romaine» Жюля Мишле — «République». P., 1833.

С Вико ли? — Вероятно, Герцен намерен был прочесть книгу Джамбатиста Вико «Principii di una scienza nuova intorno alla comune natura delle nazione» («Основания новой науки об общей природе наций»), на которую впоследствии он неоднократно ссылался.

...«*Историческое исследование о Своде*».— М. М. Сперанский. Обозрение исторических сведений о Своде законов, СПб., 1833.

И мне ли состязаться с... с Драшусовым.— А. Н. Драшусов, известный впоследствии астроном, получил золотую медаль, на которую претендовал Герцен (см. выше комментарий к письму 10). Т. П. Пассек писала по этому поводу в своих воспоминаниях: «Профессор Перевощиков, задававший тему, нашел в сочинении Саши слишком много философии и слишком мало формул. Золотую медаль получил студент, который, говорили тогда, выписал свою диссертацию из астрономии Био и растянул на листах формулы» (*Пассек*, II, стр. 1—2). Это высказывание, вероятно, восходит к отзывам самого Герцена и заимствовано из несохранившейся главы «О себе» (см. *ЛН*, т. 63, стр. 38).

«*Pereat Academia! Pereant Professores!*» — «Да погибнет Академия! Да погибнут профессора!» — ироническая перефразировка строк студенческой песни «Gaudeamus igitur»: «Vivat Academia! Vivant Professores!»

...*Гейман со мною превосходительным образом поступил.*— Герцен, по-видимому, имеет в виду оценку на экзамене его знаний по химии (профессор Гейман поставил ему высший балл). В «Былом и думах» Герцен вспоминал, что профессор Гейман первый сообщил ему, что он выпущен из университета кандидатом, и поздравил его (VIII, 150).

Ответ Н. П. Огарева неизвестен.

14. Н. А. ЗАХАРЬИНОЙ

Печатается по автографу (*ЛБ*). Впервые опубликовано (отрывки с вариантами) самим Герценом в приложении к части третьей «Былого и дум» («Былое и думы» Искандера, т. II, Лондон, 1861, стр. 114 — см. VIII, 390). Приписка опубликована там же в подстрочном примечании к главе VII (см. VIII, 150). Полностью: *Изд. Павл.*, стр. 3—4. Письмо датируется 6 июля, так как торжественный акт в университете состоялся в этот день.

Письмо Н. А. Захарьиной, на которое отвечает Герцен, неизвестно.

У меня есть статья о Воробьевых горах...— Речь идет о статье без заглавия, начинающейся словами: «День был душный...» Написана, по-видимому, в июне 1833 г.— см. I, 52—55. Ср. в части первой «Былого и дум» главу «Ник и Воробьевы горы» (VIII, 77—85).

...новые стихи Огарева...— Речь идет о стихотворениях «Когда в часы святого размышленья...» и «Они торжественны, минуты вдохновенья», которые Огарев прислал Герцену в своем письме от 7 июня 1833 г. (*Огарев*, II, стр. 260—262).

Сегодня Акт ∞ награды.— О награждении Герцена в торжественном собрании Московского университета от 6 июля 1833 г. серебряной медалью см. отметку в его дипломе (*Л* I, 116).

15. Н. П. ОГАРЕВУ

Печатается по автографу (*ЦГИАМ*). Впервые опубликовано: *МБ*, 1906, № 1, стр. 59—60. Письмо это, изъятое у Огарева при его аресте, находилось в следственной комиссии и фигурировало при обвинении Герцена (см. стр. 422 наст. тома).

В следственной комиссии были подчеркнуты карандашом следующие слова и выражения в письме: «я тебе писал это года два тому назад и писал», «что мир ждет обновления ∞ создать новое», «время, надобно другие ∞ увлекает всегда», «Есть еще ∞ за февраль 1832», «Я теперь крепко занимаюсь политическими науками», «Ты, Вадим и я — мы составляем одно целое», «(ты понимаешь ∞ всю жизнь», «Лахтин», «у Сазонова».

Год определяется на основании письма Огарева, на которое отвечает Герцен, и ответного письма Огарева.

Ответ на письмо Огарева от 10 июля 1833 г. (*Огарев*, II, стр. 262—263).

Ты прав, saint-simonisme имеет право нас занять.— Огарев в своем письме рекомендовал Герцену читать сочинения Сен-Симона. О влиянии на него и Огарева сен-симонистских идей Герцен упоминает в «Былом и думах» (см. VIII, 162).

...я тебе писал это года два тому назад...— Упоминаемое письмо не сохранилось.

...«Systhème d'association» par Fourier. Ее ты прочтешь в «Revue Encyclopédique» за февраль 1832.— Герцен имеет в виду статью Абеля Трансона «Doctrine d'association de M. Charles Fourier» («Учение об ассоциации г. Шарля Фурье»), напечатанную в февральской и майско-июньской книжках парижского журнала «Revue Encyclopédique» и представляющую собой критическое изложение социально-утопической системы Фурье.

...Montesq⟨uieu⟩...— Имеется в виду трактат Шарля Луи Монтескье «De l'esprit des lois» («О духе законов», 1784).

...вокация — призвание (лат. vocatio).

...я, Герцен, влюблен по уши.— Герцен был влюблен в это время в Л. В. Пассек («Гаэтану»). См. письма 10, 17, 19, 45, 47 и главу XX части третьей «Былого и дум» (VIII, 331—332), а также *ЛН*, т. 63, стр. 39—42.

...ты открыл новый мир в Шеллинге... — Отклик на следующие строки из письма Огарева: «Я читаю Шеллинга „Transcendentaler Idealismus". Превосходно. Не знаю почему, но я его вдруг начал легче понимать, для удостоверения готов писать на него комментарии. Вот поэт-философ! Нет, брат, не угодно ли вашим Кузеням руки по швам, да вытянуться — place au grand homme ⟨место великому человеку⟩».

Ты, Вадим и я — мы составляем одно целое... — Ср. в «Былом и думах»: «Вадим, по наследству, ненавидел от всей души самовластье и крепко прижал нас к своей груди, как только встретился. Мы сблизились очень скоро...» (VIII, 136—137). Об отношении Герцена к В. В. Пассеку впоследствии см. далее, в комментариях к письмам 45 и 78.

Рецепт твой для чтения... — В своем письме Огарев рекомендовал Герцену прочесть «Философию истории» Лерминье, «Идеи к философии истории человечества» Гердера, «Римскую историю» Мишле, «Историю крестовых походов» Ж.-Ф. Мишо, «касающееся до новой истории — всё» и сочинения Сен-Симона.

Ответ Огарева от 29—30 июля 1833 г. — *Огарев*, II, стр. 264—266.

16. Н. П. ОГАРЕВУ

Печатается по автографу (*ЦГИАМ*). Впервые опубликовано: *МБ*, 1906, № 1, стр. 60—62. Это письмо, как и предыдущее, было изъято у Огарева при аресте и фигурировало при обвинении Герцена. В следственной комиссии подчеркнуты следующие слова и строки письма: «*наш знакомый*» (на полях поставлен значок NB); «Но нашему брату ∞ методы», «католицизма ∞деспотизма!», «но об этом пространнее ∞ настать», «есть что-то недоделанное, неустоявшееся», «Морошкиным», «Michelet ∞ и Лахтин», «Много, много есть кой о чем поговорить», «материального», «интеллектуального», «как-то полнее развился», «Нам недостает ∞ порок юношества!», «М. П. Носкову», «Савич уехал».

...у Лахтина в письме есть, правда, извинение... — Это письмо Огарева к Лахтину неизвестно.

...наш знакомый... — Кого имеет в виду Герцен, не установлено.

Шеллинг — поэт высокий ∞ дошел до мистического католицизма... — В ответном письме Огарев возражал Герцену: «...я не шеллингист, или ты не понимаешь Шеллинга. А кто твой *Шеллинг, поэт, который создал не бездушный эклектизм*,— не знаю. Уж не Кузен ли? Действительно, не *бездушный*, а *чужедушный*. Одна не бездушная философия последних времен, где высоко поняты требования века — это Saint-Simon. Не знаю, хотя и не думаю, действительно ли Шеллинг обвенчал эклектическим образом Фихте со Спинозою, но знаю, что достоинство Шеллинга в том, что он исходит из безусловного начала, причины причин и развивает систематически. Кроме того, я вижу в Шеллинге гениальную фантазию. Полно, Герцен! Если у тебя нет в душе живой, собственной философии, то мало ты успеешь, обирая всех умерших и живых, покойных и непокойных философов. Из лоскутков смешно шить платье. Что в одной системе необходимо, как следующее из ее основания, то у тебя будет уродливо. Приложения — их надобно оказывать на деле» (*Огарев*, II, стр. 267).

Фихте, этот Régime de terreur философии (как называет Кине)... — Герцен имеет в виду следующее высказывание Эдгара Кине в его работе «De la philosophie dans ses rapports avec l'histoire politique» («О философии и ее связях с политической историей», 1830), позднее вошедшей в цикл «Allemagne et Italie» («Германия и Италия»): «Кант имеет тот же характер, что и Законодательное собрание, те же безграничные надежды, тот же энтузиазм долга, те же восклицания по поводу своей неожиданной

реформы ⟨...⟩ Фихте, который пришел вслед за ним, это абстрактный гений Конвента; его принцип — это принцип Горы, приложенный к знакомству со вселенной. Кто, кроме этой непреклонной республики, заходил так далеко, как он, в презрении к прошедшему и к традиции? Кто более, чем он, был апофеозом человеческой воли? Кто обуздал или отрицал отважней, чем он, самую природу?..» (цит. в переводе по изданию: «Œuvres complètes de Edgar Quinet.— Les Roumains. Allemagne et Italie. Mélanges». P. 1857, p. 175). *Régime de terreur* — террористический режим (франц.).

Вот система чтения сциентифического, начерченная мне Морошкиным...— В ответном письме Огарев замечал: «Слава и честь плану Морошкина, только, ради бога, не мешай фактальности с школьничеством» (*Огарев*, II, 267).

...Heeren's Ideen.—Имеется в виду сочинение А.-Г.-Л. Геерена «Ideen über die Politik, den Verkehr und den Handel der vornehmsten Völker der alten Welt» («Понятия о политике, сношениях и торговле главнейших народов древнего мира»).

...Римское право Макелдея...— Герцен имеет в виду, вероятно, «Римское гражданское право, изложенное (по Маккельдею) Николаем Рождественским». Тт. I—II, СПб., 1829—1830 — русская переработка книги Фердинанда Маккельдея «Das Lehrbuch des heutigen Römischen Rechts» («Пособие по современному римскому праву»), Гиссен, 1818.

...от тебя крошечная записка с чайльд-гарольдовским направлением.— Эта записка Огарева неизвестна. В ответном письме Огарев замечал по ее поводу: «Ты получил от меня записку с чайльд-гарольдовским направлением — немудрено. Но ты не можешь сочувствовать, ибо ты счастлив. Любовь! Герцен, я завидую тебе! Мне надобно любить. Вот женщина — я смотрю на нее и восхищаюсь. Но вот пришла одна высокая чистая минута истинного восторга — и я стою в земле пигмеев — и это женщина! Боже! что за мелочное существование. Ты ей говоришь о высокой прекрасной любви, а она вяжет чулки, а она думает о своем платье. Ух! как это мелочно — это не люди, это пигмеи. Вот тебе моя мизантропия» (*Огарев*, II, стр. 267—268).

...у меня — сомнение...— Откликаясь на эти слова, Огарев писал: «Сомнение, твой демон, не тревожит меня. Можно ли сомневаться, когда видишь человека, что он человек? Ты можешь сомневаться, а я не могу, я бросаюсь обнять человека и на опыте с ужасом каюсь в ошибке. Если ж в тебе нет веры во что-нибудь высшее, то в тебе нет и поэзии...» (там же, стр. 268).

Я теперь пристально занимаюсь христианством.— Занятия эти были связаны с интересом Герцена к учению Сен-Симона и его последователей, имевшему ярко выраженную религиозную окраску (см. письмо 15).

Ответ Н. П. Огарева от 10 августа 1833 г.— *Огарев*, II, стр. 267—268.

17. Н. А. ЗАХАРЬИНОЙ

Печатается по автографу (*ЛБ*). Впервые опубликовано: *Изд. Павл.*, стр. 2. Дата определяется по упоминанию о поездке Т. П. Пассек в Тулу (состоявшейся «в первых числах августа»—*Пассек*, II, стр. 6) и по сопоставлению с письмом 18.

Письмо Н. А. Захарьиной, на которое отвечает Герцен, неизвестно.

Хотя и очень недавно писал я к вам...— По-видимому, Герцен имеет в виду одно из своих несохранившихся писем к Н. А. Захарьиной.

...ее еще здесь нет.— Т. П. Пассек проводила лето 1833 г. в с. Васильевском (см. *Пассек*, II, стр. 5—6).

...воротиться в Москву...— Н. А. Захарьина и Э. М. Аксберг находились в подмосковном имении М. А. Хованской.

18. Н. П. ОГАРЕВУ

Печатается по автографу (*ЦГИАМ*). Впервые опубликовано: *МБ*, 1906, № 1, стр. 64—66. Письмо было изъято у Огарева во время его ареста и фигурировало при обвинении Герцена. В следственной комиссии подчеркнуты карандашом следующие строки: «Я, твой друг Герцен, ручаюсь, что твое имя будет греметь», «Да, ты поэт, поэт истинный», «И я не в бездействии ∞ понимать Носкова», «не знали частной ∞ не гармония», «Платонова республика ∞ от истины», «хвалит рабство», «не было мысли ∞ гнить», «девственные народы Севера», «были погубить ∞ говорит Христос», «Но люди не поняли его», «Вникая во вторую» (на полях проставлен крестик), «Одно мистическое еще, другое чисто философское», «это у Didier», «сенсуализм», «Вот тебе на первый случай ∞ воспроизвести этого», «в роде Жан-Поля ∞ Тьери», «Но не бойся ∞ идея — я». Последний лист автографа поврежден, некоторые слова дополняются по смыслу. Дата уточняется по связи с письмами Огарева.

Ответ на письмо Н. П. Огарева от 29—30 июля 1833 г. (*Огарев*, II, стр. 264—266).

...это поэма, поэма высокая...— В своем письме Огарев спрашивал: «...Друг! Чувствуешь ли всю высоту, всю необъятность этого слова: *поэзия*? Ей одной предан я; она моя жизнь, моя наука. Еще ни к чему не привело меня рассуждение, но поэзия возвысила меня до великих истин. Она — моя философия, моя политика. Мое размышление — вдохновение. Я не рассуждаю, но чувствую. Итак, я требую от себя деятельности поэтической. Следовать за идеями, которые открываются мне во время вдохновенья, неутомимо за ними следовать, созидать, творить, быть в непрерывном восторге — вот чего я хочу...»

...ты поэт, поэт истинный.— Отклик на вопрос, заданный Огаревым Герцену 7 июня 1833 г. (см. выше комментарий к письму 10). Отвечая Герцену, Огарев писал 18 августа 1833 г.: «Ни слова о славе; она есть следствие. Дело в причине. Ты пишешь мне: „Да, ты поэт, поэт истинный". Друг! друг! Можешь ли ты постигнуть все то, что эти слова производят? Итак, оно не ложно все, что я чувствую, к чему стремлюсь, в чем моя жизнь. Оно не ложно! Герцен! Правду ли говоришь? Это не бред горячки, это я чувствую...» (*РМ*, 1888, № 9, стр. 1). Герцен привел этот отрывок из письма Огарева в «Былом и думах», назвав его «восторженным лепетом юности», «беспокойством зарождающегося творчества», «тревожным озиранием души *зачавшей*» (VIII, 160).

Но вот в чем я не верю Didier — это в его мнения о папе...— Статья Шарля Дидье, которую, вероятно, имеет в виду Герцен, «Les trois principes.— Rome, Vienne, Paris» («Три принципа.— Рим, Вена, Париж») была напечатана в январской книжке «Revue Encyclopédique», 1832, стр. 37—66.

Я написал небольшую статейку в роде Жан-Поля, аллегорию.— Речь идет о статье «3 августа 1833», посвященной Л. В. Пассек (I, 56—58). В ответном письме Огарев замечал Герцену по этому поводу: «Не пиши аллегорий — это фальшивый аккорд в поэзии. Что хочешь сказать, говори прямо и сильно, а не обиняками» (*РМ*, 1888, № 9, стр. 3).

Она мне писала: «Ты мой мир ∞ Александр».— Письмо Л. В. Пассек неизвестно.

...моя мысль о сравнении Петра с Реформацией напечатана Погодиным.— Герцен имеет в виду следующее высказывание М. П. Погодина в его статье-лекции «Взгляд на российскую историю», которой открылась первая часть «Ученых записок Императорского московского университета» (М., 1833): «Все европейские великие происшествия, средства для развития, в которых мы по вере, языку и другим причинам не принимали

или не могли принять участие, были заменены у нас другими, более или менее: например, следствие крестовых походов в политическом отношении, т. о. ослабление феодализма и усиление монархической власти было произведено у нас *монгольским игом*, а реформацию в умственном отношении заменил нам, может быть, *Петр*» (стр. 10). Ср. сходное высказывание в статье Герцена «Двадцать осьмое января»: «Германия, посившая слабейшие зародыши гражданственной оппозиции, растерзанная на несколько частей, имела своего Петра, столь же колоссального, столь же мощного. Петр Германии — это Реформация. Она не донеслась к отделенным от мира католического, и у нас целый переворот, кровавый и ужасный, заменился гением одного человека» (I, 32—33).

Ответ Огарева от 18—20 августа 1833 г.— *РМ*, 1888, № 9, стр. 1—3.

19. Н. А. ЗАХАРЬИНОЙ

Печатается по автографу (*ЛБ*). Впервые опубликовано, без даты: *Изд. Павл.*, стр. 1—2. В издании М. К. Лемке предположительно отнесено к 5 августа 1833 г. (*Л* I, 124—125). Дата определяется упоминанием о статье «3 августа 1833», посвященной Л. В. Пассек («Статья моя уж более не моя!»): список этой статьи 26 августа 1833 г. был подарен Н. А. Захарьиной (см. комментарий к письму 2), и уточняется пометой Герцена: «Суббота» (между 3 и 26 августа 1833 г. суббота приходилась на 5, 12 и 19 числа).

Письмо Н. А. Захарьиной, на которое отвечает Герцен, неизвестно.

...посылаю «Уранию»...— Альманах «Урания» — «карманная книжка на 1826 год для любительниц и любителей русской словесности» — был издан М. П. Погодиным в Москве (ценз. разреш. 26 ноября 1825 г.). В этом альманахе, помимо повести Погодина «Нищий», о которой упоминает Герцен, был помещен его же рассказ «Как аукнется, так и откликнется», а также произведения Пушкина, Баратынского, Вяземского, Полежаева, Тютчева, Веневитинова и др.

...роман Вальтер Скотта.— Название этого романа не установлено.

Л.— Людмила Васильевна Пассек.

20. Н. П. ОГАРЕВУ

Печатается по автографу (*ЦГИАМ*). Впервые опубликовано: *МБ*, 1906, № 1, стр. 66—67. Письмо, не отправленное адресату, было изъято у Герцена при его аресте (см. *Л* I, 527). Фигурировало при обвинении Герцена (см. стр. 421—422 наст. тома). В следственной комиссии подчеркнуты карандашом следующие строки: «Германия не принимает ярко нынешнее направление», «une transaction entre la féodalité ∞ ни господина, ни слуги», «ты понимаешь мою мысль ∞ *для друзей*». Рассказывая в «Былом и думах» о первом допросе в следственной комиссии, Герцен привел по памяти следующую выдержку из комментируемого письма: «Все конституционные хартии ни к чему не ведут, это контракты между господином и рабами; задача не в том, чтоб рабам было лучше, но чтоб не было рабов» (VIII, 206).

Ответ на письмо Огарева от 18—20 августа 1833 г. (*РМ*, 1888, № 9, стр. 1—3). На автографе письма Огарева, хранящемся в *ЛБ*, надпись Герцена: «Письма, бывшие в следственной комиссии».

Франция ∞ послала в 1830 году Кузеня в Пруссию.— В мае 1831 г. французский министр народного просвещения граф де Монталиве направил в Германию профессора Виктора Кузена для изучения постановки народного образования в Германии. Детальные письма-отчеты, посылавшиеся министру Кузеном, были изданы в Париже в 1832 г. в двух частях под названием: «Rapport sur l'état de l'instruction publique dans quelques

pays d'Allemagne, et particulièrement en Prusse» («Доклад о состоянии народного образования в некоторых странах Германии, и в особенности в Пруссии»). Книга переведена была в 1834 г. Герценом на русский язык и подготовлена для издания. Начало ее было уже отпечатано к моменту его ареста, и готовые листы находились при следственном деле (см. в наст. томе стр. 414). Перевод Герцена до настоящего времени остается неизвестным.

...я ее обработаю в статье д л я д р у з е й.— Было ли осуществлено это намерение, не выяснено.

21. Н. А. ЗАХАРЬИНОЙ

Печатается по автографу (*ЛБ*). Впервые опубликовано, без даты: *Изд. Павл.*, стр. 1. Дата устанавливается на основании письма к Н. А. Захарьиной от 27—28 декабря 1837 г., в котором Герцен вспоминал, как он в доме княгини Хованской «упал на полу 25 декабря 1833» (письмо 135).

1834

22. Н. А. ЗАХАРЬИНОЙ

Печатается по автографу (*ПД*). Написано на обороте скопированного рукой Герцена стихотворения Огарева «А. Герцену» (см. Н. П. О г а р е в. Стихотворения и поэмы, Л., 1956, стр. 44—45). Впервые опубликовано в «Бюллетенях Рукописного отдела Института русской литературы (Пушкинского дома)». II, Л., 1950, стр. 33, без имени адресата. Адресат устанавливается по упоминанию об Э. М. Аксберг, подруге и гувернантке Н. А. Захарьиной (имя Эмилии Михайловны встречается исключительно в письмах Герцена, адресованных Наталье Александровне). Письмо не поддается точной датировке; можно, однако, с уверенностью сказать, что оно было написано до ареста Герцена.

23. Н. А. ЗАХАРЬИНОЙ

Печатается по автографу (*ЛБ*). Впервые опубликовано самим Герценом в приложении к третьей части «Былого и дум» («Былое и думы» Искандера, т. II, Лондон, 1861, стр. 114 — см. VIII, 390), с датой: «В начале 1834». Записка относится ко времени до ареста Герцена, чем и мотивируется ее предположительная датировка.

24. Н. А. ЗАХАРЬИНОЙ

Печатается по автографу (*ЛБ*). Впервые опубликовано самим Герценом (с рядом вариантов и купюр) в приложении к третьей части «Былого и дум» («Былое и думы» Искандера, т. II, Лондон, 1861, стр. 115—116 — см. VIII, 390—391). Полностью: *Изд. Павл.*, стр. 4—5.

Сейчас написал я к полковнику письмо...— Письмо Герцена к подполковнику И. С. Семенову, командиру Московского жандармского дивизиона, расположенного в Крутицких казармах, где был заключен Герцен,— неизвестно.

...ты была последний из моих друзей, которого я видел перед взятием...— Встреча с Н. А. Захарьиной накануне ареста описана Герценом в главе VIII части второй «Былого и дум» (VIII, 179). Герцен ошибочно указал при этом дату 19 июля вместо 20 июля 1834 г. Та же дата обозначена им в сохранившемся отрывке из автобиографического произведения

«О себе», в котором Герцен подробно описал свою встречу с Натальей Александровной во время скачек на Ходынском поле и совместное посещение Ваганьковского кладбища (*Пассек*, II, стр. 27—30 — ср. *ЛН*, т. 63, стр. 43—44). 22 августа 1834 г. Н. А. Захарьина писала своей подруге Саше Клиентовой о Герцене: «Третьего дня был ровно месяц, как мы с ним были на скачке; помнишь ли ты, как мы ходили по кладбищу? Думала ли я, что это в последний раз, что я расстанусь с ним так надолго? ⟨...⟩ И Александр был что-то скучен ⟨...⟩ И как, простясь с грустным кладбищем, шли мы по полю к заставе, горесть, ужасная горесть изображалась в чертах Александра, даже в голосе его я заметила перемену: томно и отрывисто рассказывал он, как отняли у него друга...» (*РС*, 1892, № 3, стр. 780—781).

...твои домашние неприятности...— См. об этом далее в комментариях в письмах 26 и 30.

...так смеялся, я думаю, Абадонна, падая с рая в ад.— Трагический библейский образ «падшего ангела», Абадонны, воспетый многими поэтами, в том числе Жуковским, в это время был очень близок Герцену, находившему в его характере и положении многие родственные черты. «Падшим ангелом» назвал себя Герцен в письме к Н. А. Захарьиной от 10 ноября 1836 г. 23 декабря того же года в письме к ней он снова сравнил себя с Абадонной. Ср. также письма 63, 75, 81, 100.

Я читаю с восторгом Четьи-минеи...— Увлечение «Четьи минеями» Димитрия Ростовского отразилось в «Легенде» Герцена, написанной во время его заключения в Крутицких казармах в феврале 1835 г. и посвященной Н. А. Захарьиной. В основу этого произведения было положено жизнеописание св. Феодоры (I, 81—106).

...к Святой...— К святой неделе, т. е. пасхе.

...«Пиковую даму».— «Пиковая дама» Пушкина была впервые напечатана в третьей книжке «Библиотеки для чтения» 1834 г. и в том же году вышла вторично в «Повестях, изданных Александром Пушкиным».

25. Н. А. ЗАХАРЬИНОЙ

Печатается по автографу (*ЛБ*). Отрывок впервые опубликован (с рядом вариантов) самим Герценом в приложении к части третьей «Былого и дум» («Былое и думы» Искандера, т. II, Лондон, 1861, стр. 116 — см. VIII, 391—392). Полностью: *Изд. Павл.*, стр. 6—7. Автограф поврежден (слово «мою» в конце письма восстанавливается по содержанию). Дата проставлена Герценом впоследствии (карандашом).

Письмо Н. А. Захарьиной, на которое отвечает Герцен, неизвестно. Как указал сам Герцен в «Былом и думах», «ни одного письма из писанных ею в тюрьму» не могло у него уцелеть, так как он их «должен был тотчас уничтожать» (VIII, 389).

...написав тебе прошлую записку...—Эта записка Герцена неизвестна.

...очутилась одна — одна во всем свете.— Впоследствии Наталья Александровна следующим образом охарактеризовала свое положение в доме Хованской: «Как в лесу пойманный зверек. Кругом старое, дурное, холодное, мертвое, ложное. Одно существо привлекает — Саша. Воспитанье началось с того, что меня убедили в стыде моего рожденья, моего существованья, вследствие этого — отчужденье от всех людей, недоверчивость к их ласкам, *отвращенье* от их участия, углубленье в самое себя, требованье *всего* от самое себя ⟨...⟩ Ничего от других. Начало борьбы внутренней: *долг* любить и верить благодетелям и *невозможность* этого. Удивление от противоположности слов и действий...» (План автобиографии — *ЛН*, т. 63, стр. 366—367).

...записка к Эм⟨или⟩ Мих⟨айловне⟩.— Записка Герцена к Э. М. Аксберг не сохранилась.

26. Н. А. ЗАХАРЬИНОЙ

Печатается по автографу (*ЛБ*). Отрывок впервые опубликован самим Герценом (с вариантами и в контаминации с письмом 29) в приложении к третьей части «Былого и дум» («Былое и думы» Искандера, т. II, Лондон, 1861, стр. 116—117 —см. VIII, 392). Полностью: *Изд. Павл.*, стр. 7—8.

В конце письма, после слова: «исполнителей!», была начата фраза, тотчас зачеркнутая: «О Кавказе...». Помимо позднейшего примечания Герцена, приводимого под строкой, в автографе находятся следующие, также позднейшие, его пометы: над текстом письма дата: «8 февр.»; слова: «Кавказе ∞ Бобруйске» подчеркнуты, и после них поставлен вопросительный знак (в скобках); слова «неужели ∞любовь?» подчеркнуты. Текст: «О, с какою радостью ∞ это в мильон раз лучше» отчеркнут на полях фигурной скобкой.

Дата уточняется на основании содержания письма (сообщение о приговоре).

Комиссия приговорила ∞ на Кавказ.— Слух этот оказался неверным. В «Былом и думах» Герцен писал впоследствии: «В половине марта приговор наш был утвержден: никто не знал его содержания; одни говорили, что нас посылают на Кавказ, другие — что нас свезут в Бобруйск, третьи надеялись, что всех выпустят...» (VIII, 209—210). О вероятности отправки в Бобруйскую крепость или на Кавказ сообщил Герцену при первом допросе полицмейстер Цынский (там же, 189).

...клеймо, которым чеканит людей судьба, «нужных на мелочные расходы», как сказал кто-то.— Вероятно, имеется в виду изречение из «Житейских воззрений Кота Мурра» Т.-А. Гофмана, которое сам Герцен следующим образом цитировал в статье, посвященной этому писателю: «...есть люди, подобные деньгам, на которых чеканится одно и то же изображение; другие похожи на медали, выбиваемые для частного случая» (I, 63).

...твоею встречею с кн. Оболенским.— Княгиня Хованская намерена была выдать Наталью Александровну замуж за князя С. П. Оболенского, который, как отмечала Наталья Александровна в письме к Герцену от 28 мая 1835 г., довольно часто посещал их дом (*Изд. Павл.*, стр. 15).

27. Н. А. ЗАХАРЬИНОЙ

Печатается по автографу (*ЛБ*). Отрывок впервые опубликован самим Герценом в приложении к третьей части «Былого и дум» («Былое и думы» Искандера, т. II, Лондон, 1861, стр. 117—118 — см. VIII, 393). Полностью: *Изд. Павл.*, стр. 5, под рубрикой: 1834 год. Письмо датируется на основании его содержания и пометы Герцена: «Воскресенье», которое в середине февраля 1835 г. приходилось на 10 и 17 числа.

Письмо Н. А. Захарьиной, на которое отвечает Герцен, неизвестно.

И как прелестно описывает Пеллико чувство, с которым он узнал в мрачной тюрьме судьбу сестры.— Герцен имеет в виду следующее место из главы LXXXII книги Сильвио Пеллико «Le mei prigioni» («Мои темницы»): «Однажды мне тайком передали лист „Аугсбургской газеты", где сообщалось довольно странное известие по поводу пострижения в монахини одной из моих сестер ⟨...⟩ Бедная девушка! Она не захотела, чтобы я один томился строгостями тюрьмы и в свою очередь пожелала стать

затворницею. Даруй же ей, боже, бóльшую, чем мне, доблесть долготерпения и самоотвержения! И сколько же раз этот ангел в своей келье будет вспоминать обо мне! Сколько раз будет она налагать на себя благочестивые обеты, дабы вымолить брату облегчение в испытаниях! Эти мысли умиляли и раздирали мне сердце! Увы! Несчастная моя доля уж, конечно, могла только укоротить век отцу или матери, а пожалуй и обоим. Чем более я размышлял, тем яснее мне становилось, что, не свершись эта горестная утрата, и впрямь невозможно было бы Мариэтте покинуть отчего крова. Эта мысль ложилась мне на сердце тяжелым гнетом, и уверенность в свершившихся бедствиях повергала меня в жестокую скорбь» (Сильвио Пеллико. Мои темницы. Перев. с итальянского Вл. Штейна, 1894, стр. 205). Книгу Пеллико, вышедшую в Италии в 1832 г. и вскоре переведенную на ряд европейских языков, Герцен читал, вероятно, в итальянском подлиннике или же по-французски; русский перевод ее впервые вышел только в 1836 г.

...Марончелли, написал поэму ей в честь.— В той же книге Пеллико писал в связи с известием о пострижении его сестры: «Марончелли был всем этим опечален не меньше меня. Несколько дней спустя принялся он слагать поэтический плач сестры о заключенном брате ⟨...⟩ Среди тысяч стихотворений, посвященных монахиням, это, пожалуй, было единственное в своем роде — сложилось оно в тюрьме, для брата монахини, одним из его товарищей по заточению. Какое тут являлось сочетание святых и трогательных мыслей!» К этому месту сам Марончелли сделал следующее примечание: «Эту поэму я выцарапал осколком стекла на стене нашей темницы, но принужден был сам же ее счистить ⟨...⟩ В памяти у меня от нее ничего не сохранилось» (там же, стр. 206).

28. Н. А. ЗАХАРЬИНОЙ

Печатается по автографу (*ЛБ*) Впервые опубликовано: *Изд. Павл.*, стр. 8—9. Год определяется упоминанием о «Легенде», написанной в феврале 1835 г.

Меня в комиссии обвиняли в сен-симонизме...— См. в настоящем томе материалы допросов Герцена, а также главу XII части второй «Былого и дум» (VIII, 203—218).

Статью ты получила...— Речь идет о «Легенде» (I, 81—106), написанной Герценом в Крутицких казармах и посвященной «сестре Наташе». Впоследствии «Легенда» была переработана. Первопачальная редакция остается неизвестной.

...прошу обратить внимание на IV главу (разговор игумна с эпиграфом из Августина)...— В четвертой главе «Легенды» игумен говорит своему ученику о величии апостольского призвания. Герцен откликается здесь в несколько завуалированной форме на пропагандистскую деятельность сен-симонистов. «Что может быть выше призвания апостольского?..— говорит игумен.—С живым словом в душе, с пламенною верой, с пламенной любовью ко всему человечеству и к каждому человеку идет он в общество людей. Для их блага переносит гонения и страдания; в их души, не отверстые истине, зароняет слово веры — и какое наслаждение, когда слово не погибнет — разовьется» (I, 93). В окончательной редакции «Легенды» эпиграфом к главе IV служат две цитаты из евангелия. Возможно, что первоначально III и IV главы составляли одну IV главу, с эпиграфом из св. Августина: «Две любви создали две веси: любовь к себе до презрения бога — весь земную, любовь бога до презрения себя — весь небесную», перемещенным затем в главу III «Легенды». Третьей главой могла быть не пронумерованная в беловом автографе глава ⟨IIа⟩ (I, 86).

29. Н. А. ЗАХАРЬИНОЙ

Печатается по автографу (*ЛБ*). Впервые опубликовано (отрывок, соединенный с выдержкой из другого письма — от 8 февраля 1835 г.) самим Герценом в приложении к третьей части «Былого и дум» («Былое и думы» Искандера, т. II, Лондон, 1861, стр. 116—117 — см. VIII, 392). Текст: «Теперь я понял ∞ разве ты» — отчеркнут Герценом на полях; текст: «Не твое это счастие ∞ мало ценим себя» и «что я горд за тебя и тобою» — подчеркнут.

Датируется предположительно, по связи с письмом 30, в котором Герцен отзывается об упоминаемом здесь дневнике А. С. Бирюкова. Предположение М. К. Лемке, что письмо является первым, написанным из Крутиц (см. *Л* I, 529), не подтверждается содержанием письма.

Письма Н. А. Захарьиной, на которые отвечает Герцен, неизвестны.

Но достоин ли он тебя?...— Речь идет об А. С. Бирюкове, о котором см. в дальнейших письмах.

...неглиже — небрежно (франц. négligé).

...прошлую записку...— Эта записка Герцена неизвестна.

Я ∞ получил письмо от Ог⟨арева⟩...— Цитируемое далее письмо остается неизвестным.

30. Н. А. ЗАХАРЬИНОЙ

Печатается по автографу (*ЛБ*). Отрывок впервые опубликован самим Герценом в приложении к части третьей «Былого и дум» («Былое и думы» Искандера, т. II, Лондон, 1861, стр. 118 — см. VIII, 393). Полностью: *Изд. Павл.*, стр. 9—10. На автографе позднейшая помета Герцена: *Март*. Дата несколько уточняется упоминанием о предстоящем дне рождения Герцена (25 марта). Суббота в марте 1835 г. приходилась на 2, 9, 16, 23 и 30 числа.

Письмо Н. А. Захарьиной, на которое отвечает Герцен, неизвестно.

...превирай этих гнусных эгоистов...— В «Былом и думах» Герцен отмечал, что после его ареста княгиня Хованская решилась «противудействовать всеми средствами возникающей любви» и подвергала Наталью Александровну «беспрерывному, оскорбительному, лишенному пощады и всякой деликатности гонению» (VIII, 351—352). О каком именно факте идет речь в настоящем письме — неизвестно.

...когда я читал твою записку к Emilie.— Эта записка Н. А. Захарьиной к Э. М. Аксберг остается неизвестной.

Твоя записка об Ал⟨ександре⟩ С⟨ергеевиче⟩ получена...— Речь идет об А. С. Бирюкове. Впоследствии Наталья Александровна писала о нем Герцену: «С самого 20 июня 1834 года узнала я, что ты для меня, ах, как и тогда уже я любила тебя, друг мой, как ты писал мне о Бир⟨юкове⟩; как меня удивила и как казалась странною серьезность, с которою ты писал о нем. Едва вышедши из детства,— он мне нравился и собой, и своими комплиментами, участием (а его так жаждала тогда душа моя), но я видела, как *многого* в нем не было, и думала: это оттого, что я слишком далеко от него; думала, что с ним я могла бы быть счастлива, но вечная мысль — что скажет Александр? И потом я боялась, что буду его любить больше брата Александра, выше которого не было у меня в сердце ни для кого места. Как странно, неприятно, даже и досадно было мне, что ты уверял меня тогда, что „это счастье не мое, и все для меня, и для меня...“ Я хотела, чтоб ты просто сказал: „Я не хочу этого, Наташа“» (*Изд. Павл.*, стр. 329—330 — письмо от 15—16 августа 1837 г.). В более раннем письме, от 2 декабря 1835 г., Наталья Александровна также уверяла Герцена, что чувство к Бирюкову «не любовь была» (там же, стр. 49).

...любовь к Поварской...— На Поварской улице (ныне ул. Воровского), в доме княгини Хованской, жила с отроческих лет Н. А. Захарьина.

Это тебе должно быть приятно, и как же иначе! — К этим словам Наталья Александровна впоследствии сделала на полях автографа следующее примечание: «1838.— Ты тогда не знал меня *совершенно*».

Теперь я писал к Эм⟨илии⟩ Мих⟨айловне⟩...— Письмо Герцена к Э. М. Аксберг неизвестно.

...повесть Гоголя («*Арабески*», *ч⟨асть⟩ II*) «*Невский проспект*»...— Книга «Арабески. Разные сочинения Н. Гоголя, ч. 2-я» вышла в свет в Петербурге в начале 1835 г. (цензурное разрешение 10 ноября 1834 г.).

...красота земная есть отблеск бога.— Изречение св. Августина. Герцен приводит его в «Легенде»: «...„красота от бога и есть проявление его", говорит Августин» (I, 95).

...«Легенда» ∞ мои партизаны пустили ее по Москве...— Вероятно, под своими «партизанами», т. е. сторонниками, Герцен имел в виду Н. Х. Кетчера и Н. И. Сазонова, принимавших деятельное участие в пропагандировании его произведений.

31. Н. А. ЗАХАРЬИНОЙ

Печатается по автографу (*ЛБ*). Впервые опубликовано: *Изд. Павл.*, стр. 12. Записка написана по-французски, вероятно, с той целью, чтобы с содержанием ее не мог ознакомиться посыльный. На автографе следующая позднейшая надпись Натальи Александровны: «Это было на Страстной неделе; получив, я вообразила, что уж ты уехал,— слезы не лились, синие пятна выступили на лице. Бросилась к Петру — „нет еще-с" — и сердцу легче, я заплакала, пятна еще не прошли, а меня повезли под Новинск!.. Тут же послан медальон». Датируется по этой надписи и по содержанию: страстная неделя началась 1 апреля; приговор был прочитан 31 марта; следующее письмо датировано 2 апреля; поэтому комментируемое письмо могло быть написано только 31 марта или 1 апреля.

Колокольчик динь-динь-динь...— Из стихотворения Пушкина «Бесы» (1830).

On ne sait pas encore le sort d'Ogareff.— Приговор Герцену, Огареву и другим по «Делу о лицах, певших в Москве пасквильные стихи», был объявлен 31 марта 1835 г. (см. следующее письмо).

32. Н. А. ЗАХАРЬИНОЙ

Печатается по автографу (*ЛБ*). Отрывок впервые опубликован самим Герценом в приложении к части третьей «Былого и дум» («Былое и думы» Искандера, т. II, Лондон, 1861, стр. 118—119 — см. VIII, 394). Полностью: *Изд. Павл.*, стр. 10—11. Текст: «31 марта потребовали нас ∞ я спросил дозволение у Цынского» и «Как высок ∞ братский поцелуй» впоследствии отчеркнут Герценом на полях. Год определяется содержанием (чтение приговора Герцену и его товарищам).

31 марта потребовали нас слушать сентенцию.— См. описание этого эпизода в главе XII части второй «Былого и дум» (VIII, 210—217). Герцен ошибочно указал там, что чтение приговора состоялось 30 марта 1835 г.

...я рассказал про него вещи, которые могут погубить его...— В отрывке из этого письма, напечатанном Герценом, сделано следующее пояснение в скобках: «Он заезжал куда-то с арестантом» (VIII, 394).

«Люди — порождение крокодилов ∞ ваше сердце — железо»...— Цитата из драмы Шиллера «Разбойники» (д. I, сц. 2), слова Карла Моора.

Как высок и необъятно высок Огарев...—Герцен имеет в виду поведение Огарева на допросах. В противоположность большинству привлеченных к делу, Огарев давал следственной комиссии скупые и уклончивые показания.

Помнишь, что я писал тебе в прошлый раз...— Это письмо Герцена к Н. А. Захарьиной неизвестно.

...Посл⟨ание⟩ Иакова.—Герцен неточно цитирует изречение из «Соборного послания святого апостола Иакова» (гл. II, 5).

33. Н. А. ЗАХАРЬИНОЙ

Печатается по автографу (*ЛБ*). Отрывок впервые опубликован самим Герценом в приложении к третьей части «Былого и дум» («Былое и думы» Искандера, т. II, Лондон, 1861, стр. 119—120 — см. VIII, 394). Полностью: *Изд. Павл.*, стр. 12. На автографе надпись Натальи Александровны карандашом: «Моя любимая записка. Когда-то мы прочтем вместе это беспредельное *может быть*!.. Когда посмотрим на эти царские врата, за которыми святая святых?» 23 января 1838 г. Наталья Александровна писала о ней: «Любимая моя записка до 36 ⟨года⟩ — это последняя из Крутиц, 10-е апреля, на ней ты увидишь мою любовь, написанную слезами, ее я читала несчетно раз, и несчетно раз плакала над нею, даже среди самых ярких надежд, так глубоко канули в сердце твои слова: „Итак, прощай, прощай надолго“. Там это „может быть“, которое было первым пророчеством твоей любви ⟨...⟩ Это „может быть“ я подчеркнула тогда же; ты увидишь» (*Изд. Павл.*, стр. 436). При публикации письма Герцен сделал к нему следующее примечание: «На этой записке видны следы слез, и слово „может быть“ подчеркнуто два раза ею. Natalie эту записку носила с собой несколько месяцев» (VIII, 394). Вариант этого письма см. в автобиографическом отрывке Герцена, входившем в состав повести «О себе» — «Часов в восемь навестил меня...» (I, 253—254). Впоследствии Герценом подчеркнут текст: «За несколько часов до отъезда ∞ каменное направление» и «Итак, участь голубя тебя не пугает».

Вчерашнее посещение...— 9 апреля, накануне отправления Герцена в ссылку, ему было разрешено непродолжительное свидание с Натальей Александровной. «Долго святил я этот день в моей памяти,— писал Герцен в „Былом и думах“,— это — одно из счастливейших мгновений в моей жизни» (VIII, 218). В автобиографическом отрывке «Часов в восемь навестил меня...» Герцен также описал это свидание (I, 251—252). Во «Второй встрече» Герцен следующим образом охарактеризовал 9 апреля: «...день свидания после мрачной разлуки, день разлуки после мрачного свидания. В этот день переломилось мое существование...» (I, 123).

Итак, участь голубя тебя не пугает...— Герцен аллегорически сравнивает себя с ракетой, а Наталью Александровну — с голубем, привязанным к ракете (см. также письмо 60 и комментарий к письму 67). Тот же вопрос, не пугает ли Наталью Александровну участь голубя, Герцен задал ей впервые во время их свидания в Крутицах (см. комментарий к письму 53). 3 июня 1835 г. Наталья Александровна писала Герцену: «...о, пусть я погибну, как голубь, но участью моею не променяюсь ни с кем!» (*Изд. Павл.*, стр. 15). См. также письмо 172.

...за мною пришли.— Утром 10 апреля дежурный жандармский офицер отвез Герцена в дом московского генерал-губернатора, где ему разрешено было прощание с родными; после этого Герцен был отправлен с жандармом в Пермь по Владимирской дороге (см. I, 253—254, и VIII, 219).

34. Н. А. ЗАХАРЬИНОЙ

Печатается по автографу (*ЛБ*). Впервые опубликовано: *РМ*, 1893, № 1, стр. 101—102. На автографе позднейшая помета Герцена, начавшего с этого письма порядковую нумерацию своей переписки с Н. А. Захарьиной: «1». В общую нумерацию Герцен ввел и ответные письма Н. А. Захарьиной.

35. Н. А. ЗАХАРЬИНОЙ

Печатается по автографу (*ЛБ*). Впервые опубликовано: *РМ*, 1893, № 1, стр. 102—103. На автографе позднейшая помета Герцена: «2». Автограф поврежден (год в авторской дате восстанавливается исходя из того, что письмо написано в Казани, где Герцен был в 1835 г.). Текст: «Я рассеян ∞ ни в чем отчета» позднее подчеркнут Герценом.

Казань.— Герцен приехал в Казань, по-видимому, 20 апреля 1835 г. См характеристику этого города, в котором Герцен видел «место встречи и свидания двух миров», т. е. Востока и Запада, в его статье «Письмо из провинции» (I, 132—133) и в «Былом и думах» (VIII, 224—225).

Ты получишь отсюда казанский гостинец от меня.— Герцен послал Наталье Александровне зонтик и башмаки. «Зонтик прелестный и башмаки я получила,— сообщала она 28 мая,— честь твоему вкусу!» (*Изд. Павл.*, стр. 14).

Об ответе Н. А. Захарьиной см комментарий к письму 36.

36. Н. А. ЗАХАРЬИНОЙ

Печатается по автографу (*ЛБ*). Впервые опубликовано, без даты и с более поздней припиской Герцена: *РМ*, 1893, № 1, стр. 103—104. Автограф поврежден: слово «всеми» в конце письма дополнено предположительно. На автографе позднейшая помета Герцена: «3»; текст: «Как живо у меня ∞ блестят они звездочкой» впоследствии подчеркнут Герценом.

Датируется по содержанию: Герцен прибыл в Пермь 28 апреля 1835 г. («Звенья», VIII, 62).

...прихожу нанимать квартеру ∞ право, недурно...— Этот эпизод с наймом квартиры, в котором, по словам Герцена, впервые выразилось его «практическое соприкосновение с жизнью», подробно описан в «Былом и думах» — VIII, 226—227. В ответном письме Н. А. Захарьина шутливо писала: «Когда ты возьмешь огород и корову, тогда, верно, уж женишься на этой хозяйке, ежели она богатая вдова, но, я думаю, ты до садоводства не охотник 〈...〉 Да, когда ты женишься вот на этой вдове, тогда я выйду замуж за князя Оболенского, который бывает у нас довольно часто; маменька дает нам случай быть вместе...» (*Изд. Павл.*, стр. 15). «Маменькой» Н. А. Захарьина, по-видимому, называет здесь кн. М. А. Хованскую.

...«исчезнуть, как дым в воздухе, как пена на воде»...— Цитата из «Ада» Данте (песнь XXIV, стихи 49—51). В подлиннике:

Senza la qual chi sua vita consuma,
Cotal vestigio in terra di sè laschia,
Qual fumo in aere od in acqua la schiuma.

Их люди ∞ разровнили...— Из стихотворения Ф. Н. Глинки «Сон русского на чужбине». Отрывок из этого стихотворения, в который входила и строфа, цитируемая Герценом, приобрел широкую

известность под названием «Тройка» и стал народной песней. «Сон русского на чужбине» впервые был напечатан полностью в «Северной пчеле», 1825, № 74.

«Так оканчивалось мое первое письмо к Natalie,— писал впоследствии Герцен в «Былом и думах»,— и замечательно, что, испуганный словом „сердцá", я его не написал, а написал в конце письма „Твой брат". Как дорога мне была уже тогда моя *сестра* и как беспрерывно в моем уме, видно из того, что я писал к ней из Нижнего, из Казани и на другой день после приезда в Пермь. Слово *сестра* выражало все сознанное в нашей симпатии; оно мне бесконечно нравилось и теперь нравится, употребляемое не как *предел*, а, напротив, как смешение их, в нем соединены дружба, любовь, кровная связь, общее предание, родная обстановка, привычная неразрывность. Я никого не называл прежде этим именем, и оно было мне так дорого, что я и впоследствии часто называл Natalie так» (VIII, 333). Указание Герцена на то, что письмо от 29 апреля было подписано им «Твой брат»—неточно. Подпись «Твой брат Ал. Герцен» находится под письмом из Казани от 22 апреля 1835 г. (см. письмо 35).

Ответ Н. А. Захарьиной от 28 мая 1835 г. (на это и предыдущее письмо) — *Изд. Павл.*, стр. 13—15.

37. Н. А. ЗАХАРЬИНОЙ

Печатается по автографу (*ЛБ*). Впервые опубликовано: *РМ*, 1893, № 1, стр. 109—110. На автографе помета Герцена: «7». Строки: «Да, Наташа, я все понял ∞ наши существования» и «когда я забываю ∞ Прощай!» подчеркнуты карандашом.

Ответ на письмо Н. А. Захарьиной от 28 мая 1835 г. (*Изд. Павл.*, стр. 13—15).

...кроме писем из дому, ниоткуда не получал.— Письма родителей и брата к Герцену не сохранились.

Теперь я в Вятке...— 13 мая 1835 г., после двухнедельного пребывания в Перми, Герцен был переведен в Вятку. Он прибыл в этот город 19 мая. Перемещение его было вызвано тем, что отец И. А. Оболенского, сосланного в Вятку по тому же делу, что и Герцен, возбудил ходатайство о переводе его сына в Пермь, где служил председателем уголовной палаты их родственник. Ходатайство было удовлетворено, и оба сосланных поменялись местами ссылки. 1 июня Герцен был определен на должность переводчика Вятского губернского правления (см. *Л* I, стр. 177—179). Пребывание Герцена в Перми и последовавший затем переезд в Вятку описаны в «Былом и думах» (VIII, 225—233).

...где-то проезжая ∞ на всю жизнь.— Этот эпизод рассказан Герценом в автобиографическом отрывке «Часов в восемь навестил меня...», входившем, по-видимому, в состав повести «О себе» (I, 256; *ЛН*, т. 63, стр. 44—47).

...ты правду пишешь ∞ высказала все...— Н. А. Захарьина писала по поводу своей последней встречи с Герценом: «Помню, ярко помню день нашего свидания и прощания; сказать тебе не умею, себе отчета дать не могу в чувствах, волновавших тогда душу мою: небо и земля, рай и ад! Сердце мое было так полно, так полно, что я забывала говорить, но как будто высказала все, будто незаметно мне самой душа моя вылилась в твою душу; тогда я забыла весь свет, глядя на эту маленькую горницу, забыла, что у меня есть жилище, что есть здания красивее; глядя на тебя, забыла все на свете; я не видала, как прошли эти часы; все это время показалось мне одним мгновением, а минута прощания — о, горькая минута! — тысяча счастливейших в будущем едва ли мне заплатят за нее» (*Изд. Павл.*, стр. 14).

Ответ Н. А. Захарьиной от 17 июня 1835 г.— *Изд. Павл.*, стр. 18—19.

38. Н. А. ЗАХАРЬИНОЙ

Печатается по автографу (*ЛБ*). Впервые опубликовано: *РМ*, 1893, № 1, стр. 113—114. На автографе помета Герцена: «9». Текст: «Ты сама знаешь ∞ ни отрадной капли!..», «страшное», «ты самая близкая родная моей души», «я не сомневаюсь ∞ место», «Но зачем же ∞ я падаю» подчеркнут впоследствии Герценом. Дата письма определяется условно — по ответному письму Н. А. Захарьиной от 26 июня 1835 г.

Ответ на письма Н. А. Захарьиной от 3 июня 1835 г. и без даты (*Изд. Павл.*, стр. 15—16 и 17—18).

Прости, друг мой Natalie, прости мои глупые упреки.— Отклик на следующие строки Натальи Александровны от 3 июня: «Брат, последнее письмо твое расстроило меня до слез (не потому, что я женщина,— нет, я во многом умею быть твердою). Ах, Александр, Александр! и ты думал, что я не хотела писать к тебе, что я забыла, кого же? — тебя! Мне больно, что ты так мало уверен во мне,— сомненье друга убивает, сердце мое сжато тоской. *Верь же*, что я не виновата. О, если бы ты знал, если бы *верил*, с какою радостью, с каким неизъяснимым восторгом я получаю твои письма! В разлуке с тобой они одни, как яркие звезды на мрачном небе, освещают путь мой, и последнее, хотя в нем... но ведь это все ты, ты, так пиши же» (*Изд. Павл.*, стр. 15). Под «последним письмом» Н. А. Захарьина имеет в виду несохранившееся письмо Герцена, по-видимому, написанное в мае 1835 г.

Ими я возобновляю в памяти всю юность...— В том же письме Наталья Александровна напоминала Герцену: «Помнишь ли, раз после ужина мы сидели в саду, еще месяц так ярко нам светил, ты говорил нам с Emilie, что не должно мечтать; но когда нет ничего в существенности? О, как иногда я счастлива в мечтах!» (там же).

...ссылка томит, я падаю.— О нравственном состоянии Герцена в первый период пребывания в Вятке см. в «Былом и думах» (VIII, 244—245).

Ответ Н. А. Захарьиной от 26 июня 1835 г.— *Изд. Павл.*, стр. 20—21.

39. Н. А. ЗАХАРЬИНОЙ

Печатается по автографу (*ЛБ*). Впервые опубликовано: *РМ*, 1893, № 1, стр. 114. На автографе позднейшая помета Герцена: «10». Текст: «За один час ∞ больным» и «Свидание с тобою» подчеркнут.

Ответ Н. А. Захарьиной от 12 июля 1835 г.— *Изд. Павл.*, стр. 22—23.

40. Н. И. САЗОНОВУ и Н. Х. КЕТЧЕРУ

Печатается по автографу (*ЛБ*). Впервые опубликовано (с купюрами и без даты) в статье П. В. Анненкова «Идеалисты тридцатых годов» — *ВЕ*, 1883, № 3, стр. 143—145. Полностью: *Л* I, 188—192. Автограф поврежден. Некоторые слова читаются предположительно.

Письмо Сазонова и Кетчера, на которое отвечает Герцен, неизвестно.

Друг! ∞ в Вятке!» — В «Былом и думах» Герцен писал: «Когда нас арестовали в 1834 г. и посадили в тюрьму, Сазонов и Кетчер уцелели каким-то чудом. Оба они жили в Москве почти безвыездно, говорили много, но писали мало, их писем ни у кого из нас не было. Нас повезли в ссылку; Сазонову мать выхлопотала заграничный паспорт в Италию» (X, 321). О своей предстоящей поездке за границу Сазонов, по-видимому, и писал Герцену.

...наш друг...— Вероятно, Н. П. Огарев.

...я тонул при слитии Волги и Казанки...— Этот эпизод описан Герценом в «Былом и думах» (VIII, 223—224) и в автобиографическом отрывке «Часов в восемь навестил меня...» (I, 255).

...я там видел ∞ человека несчастного ∞ вспомним и его.— Речь идет о знакомстве Герцена с деятелем польского освободительного движения Петром Цехановичем. Впоследствии Герцен писал о нем в очерке «Вторая встреча» («Человек в венгерке») — I, 123—130, и в «Былом и думах» — VIII, 229—231. Очерк «Вторая встреча» посвящен в рукописи Кетчеру, а «Первая встреча» — Сазонову.

...перед церковью Петра...— т. е. перед собором св. Петра в Риме.

Барон, и к тебе теперь.— «Барон», «Барон Упсальский» — шутливые прозвища Н. Х. Кетчера, вызванные его шведским происхождением.

...времени Библейского общества и Филарета.— т. е. второй половины царствования Александра I, когда функционировало петербургское Библейское общество, ставившее своей целью распространение библейских текстов, и ректором Петербургской Духовной академии был в течение нескольких лет будущий митрополит московский Филарет (Дроздов), занимавший видное место и в Библейском обществе.

Заведение статистических комитетов...— Статистические комитеты были образованы в губерниях для учета государственных имуществ указом правительствующего сената и распоряжением министра внутренних дел от 25 января 1835 г. О работе Герцена в Вятке над составлением статистических отчетов см. в «Былом и думах» (VIII, 245—246).

Императрица Екатерина однажды закладывала при Иосифе II город...— Речь идет о городе Екатеринославе (Днепропетровске). Екатерина II и Иосиф II прибыли на место его закладки 9 мая 1787 г. Слова Иосифа II, скептически отнесшегося к возможности развития города, заложенного на пустом месте, приводятся рядом современников (см. К. К о р о л ь к о в. Столетний юбилей Екатеринослава. Екатеринослав, 1887, стр. 15).

Опять semper idem можно ли служить...— См. об этом в письме 48.

...в Del Purgatorio canto XXV о зарождении человека.— Герцен ссылается на 34—75 стихи XXV песни «Чистилища» в «Божественной комедии» Данте. Эти стихи Герцен внес и в свою «Записную тетрадь 1836 г.» (*ЛБ*).

Ara vus ∞ ma dolor.— Герцен цитирует заключительные стихи XXVI песни «Чистилища», приведенные в поэме Данте на провансальском языке и означающие в переводе: «Теперь я вас прошу во имя той духовной силы, которая ведет вас на вершину этой лестницы,— вспомните когда-нибудь о моем горе». В орфографию цитируемой Герценом терцины внесены исправления по подлиннику.

...и этот человек был в Петровских...—Что имеет в виду Герцен, неясно.

Приложенную зап⟨иску⟩∞доставить Ол⟨ьге⟩ В⟨асильевне⟩ Пассек.— Эта записка Герцена к старшей сестре Л. В. Пассек не сохранилась.

41. Н. А. ЗАХАРЬИНОЙ

Печатается по автографу (*ЛБ*). Впервые опубликовано: *РМ*, 1893, № 1, стр. 120—121. Автограф поврежден; слова «употребл⟨яя все⟩» дополнены по смыслу. На автографе пометы Герцена: «13» и Н. А. Захарьиной: «Получено сентября 24-е». Строки: «Но вдруг твое письмо ∞ душу мою», «твои слова ∞ моей ничтожности» и слова «моя Наташа» (в последнем абзаце) подчеркнуты.

Ответ на письмо Н. А. Захарьиной от 26 июня 1835 г. (*Изд. Павл.*, стр. 20—21).

...я знаю все, что было в Москве...— В своем письме Наталья Александровна сообщила, что ей строжайше запрещено переписываться с Герценом. В более раннем письме, от 17 июня, она писала: «Может быть, мне запретят брать перо в руки, и тогда я совсем не буду к тебе писать, а

может быть... о, тогда много, много буду писать! Мне был допрос, не получаю ли от тебя писем, не пишу ли к тебе? Разумеется, я отвечала *нет*, а папенька сказал маменьке, что я пишу; она говорит: „*Мне* послышалось". Итак, видишь, как страшно к тебе писать. Но что будет, то и будет, я не боюсь страшного, я подниму руку и с тяжелою цепью и сквозь железную решетку достану начертить слово, когда ты этого хочешь» (*Изд. Павл.*, стр. 19).

...один из здешних знакомых...— Речь идет о С. И. Додашвили, о котором см. запись в дневнике Герцена от 28 марта 1842 г. (II, 203). В чем заключался неблаговидный поступок Додашвили — не установлено.

Как звучны, как исполнены высоких чувств твои слова ∞ эта благодарность вылетела из глубины души.— В уже цитированном выше письме Наталья Александровна писала Герцену: «Друг, ты узнаешь, ты поймешь, как утешило меня твое письмо. Это — ясный луч солнца, изредка освещающий мрачное мое жилище; это звездочка, которая горит на темном своде и светит во мгле. Гори, гори, моя звезда, освещая путь мой, свет твой сладок и отраден душе моей! Я совершенно оживаю, обновляюсь, когда получаю от тебя письма, снова чувствую, снова желаю, надеюсь и молюсь» (*Изд. Павл.*, стр. 20).

«Чем способнее к произрастанию земля ∞ тем диче, лесистее она становится, ежели ее не засевают»...— Цитата из «Чистилища» Данте (песнь XXX, стихи 118—120). В подлиннике:

Ma tanto più maligno e più silvestro
Si fa il terren col mal seme e non colto,
Quant'egli ha più del buon vigor terrestro.

...записку Эм⟨илии⟩ М⟨ихайловне⟩.— Упоминаемая записка Герцена к Э. М. Аксберг неизвестна.

Ответ от 24—26 сентября 1835 г. Н. А. Захарьиной, получившей письмо Герцена с большим опозданием (*Изд. Павл.*, стр. 34—36). 24 сентября Наталья Александровна писала Герцену: «Сегодня я получила твое письмо от 24 июля, два месяца тому назад!.. О друг мой, мой Александр! И кто же выдернул меня из ничтожества, как не ты? Кто мне дал понять высокое, прекрасное, кто поставил меня высоко над толпою, как не ты? И ты, мой друг, ты мой ангел-хранитель, ты же зовешь меня своим ангелом-утешителем! О счастливая, счастливая! Но нет, это слово слишком слабо выражает состояние души моей; я боле , нежели счастлива, я пью небесное блаженство на земле. Еще ребенком я любила тебя без памяти, боялась тебя и каждое слово твое было мне — закон; я прыгала от радости, когда ты обращал на меня внимание, и всегда завидовала Татьяне Петровне, всегда спрашивала ее о всем твое мнение и твои мысли. Может быть, ты и не думал о мне тогда, как уже я гордилась тем, что я твоя сестра. Потом все более и более любила тебя, все выше и выше становился ты в душе моей и, наконец, стал самым близким, родным ее другом, божеством. С каким восторгом я принимала каждое доказательство твоей дружбы, с каким нетерпением ждала той блаженной минуты, когда бы ты назвал меня своим другом! Настал этот час, истинно блаженный час, святой! С твоею дружбой я нашла небо на земле. И ты, дивный друг мой, ты завидуешь чистоте души моей,— тобою, твоею дружбой ⟨очищен⟩ с нее прах земли, ты дал мне свободный полет *туда*! Горжусь, горжусь твоею дружбой, горжусь, что смею назваться твоей сестрой ⟨...⟩ Чего мне желать более на земле, чего желать? У меня всё есть. Он наградил меня щедро. Он мне дал в удел половину неба, я богатее всех, счастливее всех, и все мое богатство, все мое счастие, все небо — в тебе, мой брат-друг» (*Изд. Павл.*, стр. 34—35).

42. Н. А. ЗАХАРЬИНОЙ

Печатается по автографу (*ЛБ*). Впервые опубликовано: *РМ*, 1893, № 1, стр. 122—123. Автограф поврежден, некоторые слова дополняются по смыслу. На автографе пометы Герцена: «16» и Н. А. Захарьиной: «1835. Александр!»

Ответ на письмо Н. А. Захарьиной от 26 июля 1835 г. (*Изд. Павл.*, стр. 24—25).

Отнюдь я не хотел тебя испытывать...— В своем письме Наталья Александровна писала: «Другой месяц нет мне от тебя ни строчки, ты, верно, хочешь узнать мое терпение; не испытывай так жестоко; верь, у меня его много, я всё снесу с терпением и всего буду ждать с терпением, но от тебя... да ты сам знаешь всё. Пиши, ведь, откладывая день за день, легко можно отвыкнуть и совсем забыть, и что ежели ты... на что тогда мне жизнь? Умирая, я расстанусь с одними воспоминаниями» (*Изд. Павл.*, стр. 24).

...я недавно писал к тебе и к Эмилии...— См. предыдущее письмо и комментарий к нему.

...«их сердца — камень ∞ как говорил Шиллер...— См. комментарий на стр. 460.

Я когда-то любил, а теперь не люблю.— Намек на Л. В. Пассек.

«Что такое дружба ∞ Notre Dame de Paris».— Неточная цитата из «Собора парижской богоматери» В. Гюго (гл. VII книги первой). Первое французское издание романа вышло в Париже в 1831 г. В ответном письме Наталья Александровна писала Герцену: «Нет, Александр, нет, друг мой, я имею понятие выше о дружбе, нежели Эсмеральда. Какое слабое сравнение: „два пальца на одной руке, соединенные"! Святейшее чувство! Оно так сильно, так пламенно в душе моей, что уже любви нет места в ней. Смерть не разлучает двух существ, связанных любовью,— но дружбою?..» (*Изд. Павл.*, стр. 28). 26 августа 1836 г. Герцен подарил Н. А. Захарьиной французское издание «Notre Dame de Paris» — см. стр. 431 наст. тома.

Ты пишешь, что я здесь веселюсь! С⟨ережа⟩ врет.— В своем письме Наталья Александровна сообщала: «Вчера вовсе неожиданно приехал к нам Лев Алексеевич ⟨Яковлев⟩ с Сережей. Он мне сказывал, что ты веселишься в Вятке, мне это было чрезвычайно приятно слышать, еще, что, *может быть*, ты скоро возвратишься...» (*Изд. Павл.*, стр. 24).

Ответ Н. А. Захарьиной от 26 августа 1835 г.— *Изд. Павл.*, стр. 27—28.

43. Н. А. ЗАХАРЬИНОЙ

Печатается по автографу (*ЛБ*). Впервые опубликовано: *РМ*, 1893, № 1, стр. 126—127. В автографе помета Герцена: «20»; строки «Часто ∞ поэзия, в ней» и «Это самое святое чувство» подчеркнуты. Дата устанавливается по упоминанию об именинах Натальи Александровны, которые приходились на 26 августа.

Ответ на письмо Н. А. Захарьиной от 1 августа 1835 г. (*Изд. Павл.*, стр. 25).

Ты знаешь причины, по коим я стал реже писать к тебе...— Наталья Александровна писала Герцену: «Прости мне, я тебе пеняла, что ты мне не пишешь, но, может быть, папенька не приказал тебе, может быть, ты думаешь, что мне чрез это выйдет неприятность,— я ничего решительно не боюсь; но что бы то ни было, да ежели ты находишь какие препятствия,— не пиши, и за 1000 верст я узнаю и откликнусь тебе, когда ты позовешь меня. Счастлива я, что, несмотря на все опасности, еще могу беречь у себя твои письма; к ним я буду прибегать с грустною душой и

в них найду то, что люди у меня отнимают, и, *когда можно*, буду к тебе писать» (*Изд. Павл.*, стр. 25).

...я думаю, ты получила и подарок...— 15 августа Наталья Александровна извещала Герцена: «Вчера же папенька прислал мне платочек и пишет, что он прислан от тебя мне к именинам,— не знаю, что-то мне не верится... Но хочу верить, что он от тебя, мне приятнее будет надеть его» (там же, стр. 26—27).

...и здесь нашел я одного человека, с которым немного покороче...— По предположению М. К. Лемке, речь идет о Гаврииле Каспаровиче Эрне (*Л* I, 193).

Ты пишешь о скором свиданье...— Наталья Александровна писала о возможности скорого возвращения Герцена из ссылки, вероятно, со слов Л. А. Яковлева и его сына Сережи (см. комментарий к письму 42).

В «Легенде» я прибавляю новый опыт своей души ∞ И не написал ничего.— О переработке «Легенды», написанной в феврале 1835 г., см. далее в комментариях к письму 61.

Ты все пишешь об удалении от света ∞ бросать запечатанное письмо, не читая его.— Герцен ссылается на следующие строки из письма Натальи Александровны: «Не могу допустить, чтобы человек пал до такой степени, чтоб не было на земле святой обители, общества людей, истинно посвятивших себя уединенной и строгой жизни для собственного усовершенствования в добродетели и для блага ближних,— есть на земле святая обитель, есть между нами такие люди, но где же эта обитель? Где эти люди? Со временем,— теперь я не могу об этом думать... Ты писал ко мне, что когда еще жизнь кажется запечатанным письмом, не должно бросать его. Пора, пора сорвать эту печать!» (*Изд. Павл.*, стр. 25). Письмо Герцена, упоминаемое Натальей Александровной, остается неизвестным

Ответ Н. А. Захарьиной от 18 сентября 1835 г.— *Изд. Павл.*, стр. 32—33.

44. Н. А. ЗАХАРЬИНОЙ

Печатается по автографу (*ЛБ*). Впервые опубликовано: *РМ*, 1893, № 1, стр. 128. Текст: «дивное действие ∞ твоей души» и «смешной у меня ∞ я вяну тогда» подчеркнут впоследствии Герценом; текст: «Вчера был я ∞ потом выбросило» отчеркнут им же на полях.

Ответ на письмо Н. А. Захарьиной от 15—16 августа 1835 г. (*Изд. Павл.*, стр. 26—27).

...я понял то наслаждение, которое ты испытала на крестинах у крестьянки.— Отклик на следующие строки из письма Натальи Александровны: «8 числа сего месяца у нас на поле служили молебен, ибо время засевать хлеб; тут один крестьянин просит священника окрестить родившегося в эту же ночь у него сына. Маменька мне позволила быть крестною матерью,— священник — крестным отцом, и вот я с младенцем на руках перед всевышним отрекаюсь от дьявола и всех грехов за невинного! По окончании таинства я понесла моего крестного сына к его матери. Боже мой, какие шумные веселости столицы заменят это тихое сладкое удовольствие? В эту минуту я бы не променяла целый город на одну эту бедную хижину ⟨...⟩ День этот сделал на меня приятное влияние. Да, бывают дни, коих впечатления остаются надолго в памяти» (*Изд. Павл.*, стр. 27).

Встреча твоя с солдатом...— В том же письме Наталья Александровна сообщала: «Раз в Москве сижу я под окном, идет еще довольно молодой человек; выразительное лицо его говорило, что душа была растерзана отчаянием, большие черные глаза его были полны слез; он говорил по-немецки — я не понимала, по-французски и по-русски. Он служил в гвардии и по какому-то случаю лишился всего: одежда его была вся изодрана ужаснейшим образом, и он просил хлеба; я дала ему хлеба и рубль (у меня

не было больше денег). „Боже, и хлеба и денег!" — сказал он, горько заплакав. Я сама едва удержала слезы; с тех пор не видала более незнакомца, но его лицо у меня в глазах, и эти слова, произнесенные с сильным волнением» (там же, стр. 27).

...но одного не могу вабыть.— Речь идет о Петре Цехановиче. См. выше комментарий к письму 40.

...губернатор ∞ употребил ∞ на составление статистики вдешней губернии.— См. выше комментарий к письму 40.

Потом выбросило.— См. об этом же в письме 148, стр. 208.

Ответ Н.А. Захарьиной от 23 сентября 1835 г.—*Изд. Павл.*, стр.33—34.

45. Н. А. ЗАХАРЬИНОЙ

Печатается по автографу (*ЛБ*). Впервые опубликовано: *РМ*, 1893, № 1, стр. 138—139. На автографе помета Герцена: «28». Текст: «Тогда явилось ∞ предался бы любви» — отчеркнут; текст: «Тут я увидел ∞ но я был любим» и «ты ближе ∞ нежели она» — подчеркнут; возле слов «и в ней что-то томное, милое, словом...» поставлен восклицательный знак.

Ответ на письма Н. А. Захарьиной от 7 (?), 8 и 18 сентября 1835 г. (*Изд. Павл.*, стр. 29—30, 31—32 и 32—33).

Много получил я вчера писем...— Письма эти неизвестны. Возможно, что среди них было то письмо неустановленного корреспондента (Огарева?), часть которого (о жажде любви, испытываемой автором письма) Герцен скопировал. Копия эта сохранилась в *ЛБ* с пометой Герцева: «Получено осенью 1835 в Вятке».

Ты что-то пишешь в предпрошлой записке о любви...— Н. А. Захарьина писала 26 августа: «Провидение, может быть, предназначило тебя совершить многое, потому и испытует во многом. „Оно сперва хочет закалить свое оружие, потом употребить его",— сказал ты сам. Без этой мысли ужасны опыты. Но избави тебя бог подобных встреч, мне больно за тебя. Да, дивная вещь — любовь! Люби, но чтоб она была *тебя достойна*, тогда ты уже не разлюбишь и сам не будешь обманут. Но где ж *она*, где достойная тебя? Утомленный битвой жизни, усталый, разочарованный, ты будешь вознагражден, ты встретишься с *нею*, и *она* примирит тебя с землею, ее любовью обновится пред тобою человек. О, как я люблю всех тех, кого ты любишь, каково же я буду любить ту, которая сделает тебя счастливым!..» (*Изд. Павл.*, стр. 28).

Тогда явилось мне существо несчастное ∞ я полюбил его.— Герцен намекает на Л. В. Пассек, которой он посвятил главу «Ландыш» в автобиографической повести «О себе» (см. *ЛН*, т. 63, стр. 39—42, а также «Былое и думы» — VIII, 331).

...что она так далека от моего идеала?— Многочисленные, хотя, быть может, не всегда достоверные подробности об отношениях Герцена и Л. В. Пассек см.: *Пассек*, I, стр. 460—463 и II, стр. 3—5, 19—20. См. также *Л* I, 196—199.

...до обману, о котором я тебе писал отсюда...— См. письма 41 и 42.

...в кого влюблена Emilie...— Об этом романе Наталья Александровна писала Герцену 18 сентября, называя предмет любви Э. М. Аксберг «N» (*Изд. Павл.*, стр. 32). Это был Н. М. Сатин, находившийся в то время в Симбирске, куда он был сослан по тому же делу, что и Герцен.

..ты нашла друга.— В письмах от 7(?) и 18 сентября 1835 г. Наталья Александровна рассказывала о своей дружбе с Сашей Боборыкиной (*Изд. Павл.*, стр. 30, 32—33. См. также стр. 39).

...и что же вышло из них под влиянием обстоятельств? — Герцен и Огарев считали, что отказ В. В. Пассека от политических идеалов его юности явился прямым следствием его женитьбы. Т. П. Пассек подробно описывает в своих воспоминаниях, как, предвидя это, Герцен пытался

расстроить их брак (*Пассек*, I, стр. 357, 380—384). «Семейная жизнь и перемена быта развели нас несколько ⟨...⟩,— писал о Пассеке Герцен в «Былом и думах».— Нас сослали. Сношения с нами были опасны. Черные годы нужды наступили для него; в семилетней борьбе с добыванием скудных средств, в оскорбительных столкновениях с людьми грубыми и черствыми, вдали от друзей, без возможности перекликнуться с ними, здоровые мышцы его износились...» (VIII, 141).

...премиленькая дама ∞ честь имеет пребыть...— Речь идет о П. П. Медведевой, об отношениях с которой Герцен подробно рассказал в гл. XXI третьей части «Былого и дум» (VIII, 336—346 и 348—350).

Ответ Н. А. Захарьиной от 15 октября 1835 г.—*Изд. Павл.*, стр. 38—39.

46. Н. А. ЗАХАРЬИНОЙ

Печатается по автографу (*ЛБ*). Отрывок впервые опубликован самим Герценом в третьей части «Былого и дум» («Былое и думы» Искандера, т. II, Лондон, 1861, стр. 50 — см. VIII, 344). Полностью: *РМ*, 1893, № 1, стр. 138—139. На автографе помета Герцена: «29». Строки: «Наконец, я имею весть ∞ ангелом слетела ко мне» — отчеркнут Герценом на полях. Текст: «Да веришь ли ты ∞ *я не верю*» обведен карандашом.

Ответ на письма Н. А. Захарьиной от 3, 23 и 24—26 сентября 1835 г. (*Изд. Павл.*, стр. 29, 33—34 и 34—36).

«С 1833 года ты писал ко мне 51 раз ∞ обо мне!!»...— За этот период известно только 27 писем Герцена к Н. А. Захарьиной.

Наконец, я имею весть от него, от О⟨гарева⟩...— Письмо Огарева из Черткова, пензенского имения его отца, от 29 августа 1835 г. (см. *Огарев*, II, стр. 272—274). Откликаясь на не дошедшее до нас письмо Герцена, Огарев писал: «Но твое письмо грустно, друг, и что ж сказать на это? Если мое положение не веселее? О, тогда соединим наше горе, слеза наверпется при воспоминании о друге, и почему знать, может, теперешняя моя слеза отозвалась в тебе за 1000 верст и твоя канула на мою долю. Как теснят, как давят и душат эти мелочи жизни и куда вырваться? Возлети умом превыше их, и вот я вознесся на свое небо, но скоро потребности сводят в обыкновенный круг движения, и, чем выше ты стоял, тем отвратительнее предстанут они пред тобою» (стр. 272).

Да веришь ли ты ∞ Я не верю.— О настроении, под воздействием которого была написана эта часть письма, см. в «Былом и думах» (VIII, 344).

Ради бога, твой силуэт...— Отклик на следующие строки из письма Н. А. Захарьиной от 3 сентября 1835 г.: «Я вчера целый вечер сидела недвижно, двадцать раз снимали с меня силуэт, и никто не мог сделать похоже, а я хотела сделать его после в миниатюре и послать к тебе» (*Изд. Павл.*, стр. 29).

Журнала своего я не пишу...— 3 сентября Наталья Александровна осведомилась у Герцена, ведет ли он дневник, и сообщала при этом: «Я десять раз начинала, и каждый раз, написавши несколько страниц, сожгу его; иное слишком монотонно, холодно, немо и мертво, а другое... что слова с действительностью?..» (там же, стр. 29).

Ответные письма Н. А. Захарьиной от 27—29 октября, 12 и 18—20 ноября 1835 г.— *Изд. Павл.*, стр. 40—42, 42—43, 44.

47. Н. А. ЗАХАРЬИНОЙ

Печатается по автографу (*ЛБ*). Впервые опубликовано: *РМ*, 1893, № 3, стр. 207—209. На автографе пометы Герцена: «34» и Н. А. Захарьиной: «Получено 24 ноября. Воскресенье». Текст «мученья ∞ некого винить» отчеркнут на полях.

Ответ на письмо Н. А. Захарьиной от 15 октября (*Изд. Павл.*, стр. 38—39) и, возможно, от 22—24 октября 1835 г. (там же, стр. 40).

.правда, есть здесь одно существо ∞ винить.— Речь идет о П. П. Медведевой. См. письмо 45.

Еще сосланный — Витберг; мы живем вместе...— А. Л. Витберг прибыл в Вятку 26 октября 1835 г. Вначале он ненадолго поселился в доме Козениных на Копанской улице, потом, по предложению Герцена, познакомившегося с ним на одном вечере, стал жить вместе с ним (на Казанской улице, у домовладельца Чарушина). Герцен отмечал впоследствии в «Былом и думах», что близость с Витбергом была ему большим облегчением в Вятке. Глубокий мистицизм Витберга на некоторое время «поколебал» реальную натуру Герцена, «рожденного совершенно земным человеком»; этому содействовали «разлука, ссылка, религиозная экзальтация писем», получаемых от Н. А. Захарьиной, и любовь к ней, «и вместе гнетущее чувство раскаяния», связанное с увлечением П. П. Медведевой (VIII, 287—288).

...создал мысль высокую. .— Герцен имеет в виду неосуществленный проект храма Христа Спасителя в Москве, о судьбе которого см. в XVI главе части второй «Былого и дум» (VIII, 277—286). См. также «Записки» Витберга, написанные Герценом со слов архитектора (I, 380—456).

Ты оправдываешь меня в моем поступке ∞ О, как бы я был счастлив, ежели бы был то, что ты думаешь.— Отклик на следующие строки из письма Натальи Александровны от 15 октября: «Почему же ты винишь себя, друг мой? За что делаешь себе упрек? Разве можно назвать изменой, преступлением равнодушие с твоей стороны к той особе, которою ты был любим? 〈...〉 Я с восхищением перечитывала твое письмо 〈от 1 октября 1835 г.— о Людмиле Пассек〉,— о брат мой, о благородный друг мой! Как виднеется в нем прекрасная душа твоя, ты видишь преступление там, где нет ни малейшей вины. Счастлива, счастлива *она*, даже будучи не любима тобою; счастлива, что могла подняться до того, чтобы понять тебя и любить тебя!» (*Изд. Павл.*, стр. 38—39).

Une mer y passerait, sans laver sa tache, car l'abîme est immense et la tache est au fond.— «Целое море прошло бы там, не смыв его пятна, ибо бездна огромна, а пятно находится в глубине». — Неточная цитата из драматической поэмы Альфреда де Мюссе «La coupe et les lèvres» («Чаша и уста») — д. IV, сц. 1. В подлиннике вместо: «la tache» — «la souillure» (слово, близкое по значению). Приведенным стихам в поэме Мюссе предшествует следующее двустишие, проясняющее смысл цитаты: «Сердце непорочного человека — это глубокий сосуд. Когда первая вода, в него налитая, нечиста —».

О какой особе ты говоришь ∞ с е к р е т ы?..— 15 октября Наталья Александровна сообщала Герцену: «...я знаю некоторую особу, которая также восхищалась тобою, видя, может быть, половину твоих достоинств, и довольно было бы одного твоего взгляда, чтобы заставить ее *мечтать*; но ты не знал этого и не замечал, и виноват ли в этом?» (*Изд. Павл.*, стр. 38). В письме от 26 ноября Наталья Александровна отказалась сообщить, на кого она намекает: «Ты хочешь знать, о ком я говорила тебе,— не любопытство ли, не самолюбие ли это? Я не могу сказать этого. Конечно, тебе все равно!» (там же, стр. 48) Не соглашаясь с утверждением Е. С. Некрасовой («Почин» на 1896 г., стр. 91) о том, что в Герцена была влюблена Э. М. Аксберг, М. К. Лемке высказал предположение, что Наталья Александровна в своем письме имела в виду Сашу Клиентову (*Л* I, 205).

...он самый благородный человек...— Речь идет о Н. М. Сатине. См. письмо 45 и комментарий к нему.

Ответ Н. А. Захарьиной от 26 ноября 1835 г.— *Изд. Павл.*, стр. 46—48.

48. Н. Х. КЕТЧЕРУ

Печатается по автографу (*ЛБ*). Впервые опубликовано (с купюрами) в статье П. В. Анненкова «Идеалисты тридцатых годов» — *ВЕ*, 1883, № 3, стр. 128—129. Полностью: *Л* I, 205—207.

...е х а т ь, а н е с л у ж и т ь.— Комментируя письмо Герцена в своей статье «Идеалисты тридцатых годов», Анненков писал: «Некоторая туманность и спутанность его начала объясняется, по нашему мнению, осторожностью в виду тогдашнего состояния провинциальной почты и ненадежностью даже так называемых *верных* оказий. Вопрос о том, будет ли Герцен служить действительно или только числиться на службе, занимал его самого и его друзей еще при отъезде из Москвы. Один из них, любивший отличаться в среде товарищей противоречиями их вкусам, Н. И. Сазонов, пророчил Герцену, что из него выйдет лихой чиновник, но пророчество не сбылось. Вопрос разрешился очень просто: по распоряжению ближайшего начальства, Герцен принужден был отдаться тому роду кажущихся занятий, которые гр. Л. Н. Толстой так метко называет „обязательной праздностью"...» (*ВЕ*, 1883, № 3, стр. 129—130). Этот вопрос ставился Герценом также в письме 40.

В его голове родилась мысль высокая...— Проект храма Христа Спасителя на Воробьевых горах в Москве.

Состояние О‹гарева› худо, и очень...—Герцен пишет под впечатлением письма Огарева от 29 августа 1835 г., в котором он жаловался на свое невыносимое положение в доме отца (*Огарев*, II, стр. 272—274).

Письмо от путешественника...— Письмо Н. И. Сазонова, путешествовавшего в то время по Франции и Италии, остается неизвестным.

Одна лишь я любови трушу ∞ А как не полюбить буфетчика Петрушу? — Неточная цитата из комедии Грибоедова «Горе от ума» (действие II, явление 14, реплика Лизы).

...есть одна дама...— П. П. Медведева.

...писать ко мне с Эрном.—Г. К. Эрн приехал в Москву с матерью и сестрой Машей 20 декабря 1835 г.

Николеньке...— Кого имеет здесь в виду Герцен — неясно. Среди его друзей было четыре Николая: Огарев, Сатин, Сазонов и Кетчер. Возможно, что речь идет о Сатине, письмо к которому Герцен намерен был переслать через Кетчера (единственного из четырех Николаев находившегося в Москве) — ср. заключительные строки письма к Кетчеру от 22 января 1836 г. (№ 55). Не исключена также возможность, что «Николенькой» Герцен называет здесь Огарева, письмо к которому также могло быть переслано через Кетчера (см. письма 55 и 121).

Я получил их письма.— Письма эти не сохранились.

49. Н. А. ЗАХАРЬИНОЙ

Печатается по автографу (*ЛБ*). Впервые опубликовано: *РМ*, 1893, № 3, стр. 212. На автографе помета Герцена: «37». Текст: «его не поняла вполне», «а чистый ∞ пробуждали меня», «я был не брат» — подчеркнут. Год определяется содержанием (письмо написано после получения ответа Н. А. Захарьиной на «безумное» письмо Герцена от 12—15 октября 1835 г.).

Ответ на письмо Н. А. Захарьиной от 27—29 октября 1835 г. (*Изд. Павл.*, стр. 40—42).

...твоя душа так высока и чиста, что она его не поняла вполне.— Наталья Александровна писала Герцену в ответ на его письмо от 12—15 октября 1835 г.: «Друг мой! Верую, верую, что нас с тобою соединяет дружба, дружба самая высокая, которой нет примера. На земле у меня

нет существа драгоценнее тебя, я люблю тебя более всех на свете. Ежели это чувство более, выше дружбы,— я не умею назвать его, но верю ему. Никогда, никогда я не буду любить, никогда не позволю никакому чувству в душе моей стать выше того чувства, которое я имею к тебе. Мне любить — значит найти существо выше, достойнее тебя, но я никогда его не найду. В моей душе одно чувство выше любви к тебе — любовь к богу, но эти два чувства так тесны, так соединены между собою: без любви к богу я не могу любить тебя, без любви к тебе не могу любить бога. Ежели дружба не может так сблизить два существа, не может подняться так высоко, пусть это будет чувство между *земною любовью и дружбой*. Когда я думаю не согласно с тобою, я обманываюсь. А ты веришь ему? Любить, не желая полного обладания предметом любви своей,— я понимаю тебя; кажется, понимаю; но почему ты все, писанное тобою, называешь безумством,— не понимаю. Прежде ты пугал меня ужасною участью голубя, теперь — бездною, пропастью; не страшна мне участь голубя, сладко мне его страдание, радостно погибну я с моею ракетой, ежели ей суждена гибель: не устрашусь бури на волнующемся море страстей,— ведь я буду плыть с тобою, с тобою, и с кем же, с кем мне надежнее плавание, друг мой, скажи мне, с кем? Кого, кого я должна любить на земле более тебя, брат мой, скажи мне, кого? Ни с кем и никого! Да, ни с кем и никого!.. Ужасен сон твой, еще ужаснее мысль твоя наяву: когда я не сестра тебе, когда мы чужие... О, нет, нет, брат мой, не отвергай сестры твоей, нет... но ведь это ты? Пусть так! Но в душе отверженной ты будешь братом вечно, вечно!» (*Изд. Павл.*, стр. 40—41). В письме от 12 ноября Наталья Александровна торжественно повторила: «...в душе моей нет чувства выше того, которое я имею к тебе, кроме любви к богу» (там же, стр. 42).

...я был не брат тебе, но твоя записка все исправила...— 29 октября Наталья Александровна писала Герцену: «Жму руку на прощанье, руку моего брата, о, ради бога — брата!» (там же).

...ты подобна той деве из чужбины, о которой мечтает Шиллер...— Речь идет о героине стихотворения Ф. Шиллера «Das Mädchen aus der Fremde» («Дева из чужбины», 1796), гостье «нездешней стороны», одаренной «чарующей красой» (аллегорическое олицетворение поэзии).

Ты прикажешь мне писать к Emilie...— Отклик на строки из письма Н. А. Захарьиной от 27—29 октября: «Друг мой, напиши же к Emilie; теперь ты знаешь, кому она отдала свое сердце; они счастливы будут, я в этом не сомневаюсь. Мне жаль ее, она до сих пор в деревне, ей, верно, там скучно, напиши к ней, пожалуйста...» (*Изд. Павл.*, стр. 41).

Отдери остальную часть и пошли Emilie.— Часть письма, адресованная Э. М. Аксберг, не сохранилась.

Ответ Н. А. Захарьиной от 16—21 декабря 1835 г.— *Изд. Павл.*, стр. 50—52.

50. Н. А. ЗАХАРЬИНОЙ

Печатается по автографу (*ЛБ*). Впервые опубликовано: *РМ*, 1893, № 3, стр. 217—219. На автографе пометы Герцена: «40» и Н. А. Захарьиной: «Получено 21-е, суббота». Цитата из Гюго и текст «что ты слишком поэтически поняла мой характер» подчеркнуты; строки: «Один твой голос ∞ общество в Вятке» отчеркнуты на полях.

Ответ на письмо Н. А. Захарьиной от 18—20 ноября 1835 г. (*Изд. Павл.*, стр. 44).

...C'est bien plus que la terre et le ciel,— c'est l'amour!— «Это гораздо больше, чем земля и небеса,— это любовь» — из стихотворения В. Гюго «На морском берегу» («Au bord de la mer»). Стихотворение входит в состав книги Гюго «Les Chants du Crépuscule» («Песни сумерек»). См. далее комментарий к письму 86.

Твоя записка от 18 ноября упрекает меня в недостатке самоотвержения...— Цитируя не дошедшее до нас письмо Герцена, Наталья Александровна писала 18 ноября: «Вот что, мой друг, прежде ты писал мне: „Нет, любить я не должен, это исковеркает меня всего, это овраг, в котором я погублю свою будущность, а моя будущность не мне принадлежит..." Потом еще пишешь: „Я очень боюсь *этого чувства*, оно либо потухнет, либо сожжет меня". Прочитав это, я еще более склонилась перед тобою, ты еще выше стал,— что за душа! До какой степени самоотвержение! С твоим огненным характером, с твоею пламенною душой отдать себя вовсе человечеству, победить страсти, заглушить голос любви, голос сердца!.. Но в последнем письме твоем ⟨от 12—15 октября 1835 г.⟩: „Любить, можно ли жить с моею душой, с моим бешенством без любви,— любить, стало быть!" Александр! Когда ты забыл, что ты уже не свой,— я напомню тебе, что ты не должен поколебать твердейшего столпа, Христа человечества. Сначала я читала твое письмо спокойно, а теперь мне страшно за тебя,— нет, погоди любить, мой Александр, докончи, докончи начатое тобою» (*Изд. Павл.*, стр. 44).

Первый удар, нанесенный мне людьми...— Герцен, вероятно, имеет в виду свое двусмысленное положение как «незаконнорожденного». Мысль об этом, отмечал впоследствии Герцен в «Былом и думах», «заволакивала иной раз темным и тяжелым облаком светлую, детскую фантазию» (VIII, 33).

Une mer y passerait ∞ au fond...— См. комментарий к письму 47.

Маменька пишет...— Письма Луизы Ивановны Гааг к Герцену за этот период остаются неизвестными.

Ответ Н. А. Захарьиной от 22—25 декабря 1835 г.— *Изд. Павл.*, стр. 52—53.

51. Н. Х. КЕТЧЕРУ

Печатается по автографу (*ЛБ*). Впервые опубликовано (с купюрами) в статье П. В. Анненкова «Идеалисты тридцатых годов» — *ВЕ*, 1883, № 3, стр. 130—131. Полностью: *Л* I, 215—216 (с датой: 31 декабря). Приблизительная дата определяется, исходя из упоминания Герцена в письме к Кетчеру от 22 — 25 ноября о том, что следующее письмо он пошлет с Г. К. Эрном. Эрн выехал из Вятки около 15 декабря (прибыл в Москву 20 декабря).

...«Гофмана»...— Статья Герцена «Гофман» появилась без его ведома в № 10 журнала «Телескоп» за 1836 г. (I, 62—80 и 487—488. См. также письмо 73).

...об Вятке, при письме к Полевому...— Статья Герцена о Вятке остается неизвестной, как и письмо к Н. А. Полевому. Ответное письмо Полевого было опубликовано самим Герценом в *ПЗ* на 1859 г., кн. V, стр. 196—198.

...я эту мысль разовью гораздо подробнее—но еще не имею материалов.— Впоследствии Герцен посвятил этнографическому обзору «Вотяки и черемисы» главу своей «Статистической монографии о Вятской губернии» (I, 368—372) В начале этого обзора Герцен также упомянул о том, что сведения, которыми он мог располагать, «еще не представляют возможности сделать удовлетворительное описание этих племен».

Читал ли ты в «М⟨осковском⟩ наблюдателе» статью «Себастиан Бах»? — Речь идет о повести В. Ф. Одоевского, напечатанной в первой майской книжке «Московского наблюдателя» 1835 г. под псевдонимом «Безгласный».

Возвращаю тебе том Ж⟨ан⟩-П⟨оля⟩.— Какой именно из томов сочинений Жан-Поля (Рихтера) Герцен возвратил Кетчеру, не установлено.

Высказывание Герцена о Жан-Поле свидетельствует о значительной перемене в его взглядах на этого писателя, которым тогда зачитывалась вся Европа. Еще совсем недавно, в «Гофмане», Герцен находил произведения «таинственного Жан-Поля» — «прелестными» (I, 70).

...каковы новые драмы Hugo...— В 1835 г. была напечатана только одна драма Гюго «Анджело, тиран падуанский» («Angelo, tyran de Padoue»). С более ранними драмами, в том числе с появившимися в 1833 г. «Мария Тюдор» («Marie Tudor») и «Лукрецией Борджия» («Lucrèce Borgia»), Герцен, вероятно, был уже знаком. В своих воспоминаниях Т. П. Пассек упоминает о том, как Герцен в юности читал ей вслух незадолго до того вышедшую в свет драму Гюго «Hernani». «Оба мы плакали над нею так, как плакали над драмами Коцебу — давно когда-то — как плакать чуть не позабыли» (*Пассек*, I, стр. 354).

...его книга «Chants du Crépuscule».— Книга Гюго «Chants du Crépuscule» («Песни сумерек») вышла в свет в Париже в 1835 г.

52. Н. А. ЗАХАРЬИНОЙ

Печатается по автографу (*ЛБ*). Впервые опубликовано: *РМ*, 1893, № 3, стр. 224—225. На автографе пометы Герцена: «43» и Н. А. Захарьиной: «Генваря 2-е, четверг. 6 часов вечера». Текст: «Natalie ∞ мало ли что иногда приходит в голову» отчеркнут на полях. Слова: «Нас ничто не разорвет никогда» подчеркнуты.

Ответ на письма Н. А. Захарьиной от 24—25 и 26 ноября и 2—4 декабря 1835 г. (*Изд. Павл.*, стр. 45—46, 46—48 и 48—49). Отрывок из письма Натальи Александровны от 3 декабря 1835 г. неточно цитируется Герценом в «Былом и думах» — VIII, 345.

...теперь мне ясно почему ты не испугалась той записки.— Герцев имеет в виду свое письмо от 12—15 октября 1835 г. 25 ноября Наталья Александровна отвечала Герцену: «Нет, мой друг, твой вопрос не испугал меня, и что же страшного в нем? Ты хотел знать, до какой степени я люблю тебя, но я никогда не буду уметь выразить вполне свою душу, ты без слов поймешь меня; долго бы, много бы нужно было говорить, чтобы дать некоторое понятие о том, что я чувствую, но для чего это? Другим какое дело, да и я не поделюсь ни с кем; кто *знает* меня, тот и поймет, ежели хочет, мою душу, а ты, ты понял меня в Крутицах, когда я молчала? Друг мой! Верь же, что я не боюсь тебя, что слова твои не пугают меня. „Это самое благородное, самое святое чувство, Наташа“,— сказал ты мне раз, и я сама знаю это, чувствую, как оно свято, как чисто, как ведет к прекрасному, к добродетели... Этому-то чувству я посвятила мое сердце, мою душу, ему-то посвящу всю жизнь, все существование. Я поставила дружбу выше любви; да, мой Александр, дружба в душе моей выше, выше любви! Я никого никогда не буду, не могу любить» (*Изд. Павл.*, стр. 45).

Происшествие, бывшее с тобою, потрясло меня сильно...— 26 ноября 1835 г. Наталья Александровна рассказывала Герцену о его брате Егоре Ивановиче: «Вчера мы остались одни за фортепиано (я привыкла к его ласкам), он называл меня самыми нежными именами, вдруг глаза наполнились слезами, он задрожал,— уж и тут я испугалась ужасно,— с необыкновенным чувством спросил меня, люблю ли я его столько, чтоб выйти за него? Друг мой, ты знаешь меня, можешь вообразить, каково мне это было... „Поражайте иль дайте жизнь!“— прибавил он, с трудом произнося слова. В то время, как слышала я это признание любви, сердце мое было так далеко, так далеко от того, кто произносил его! ⟨...⟩ Мне жаль его было, я не могла вдруг огорчить его, я молчала. „Что ж, вы не решаетесь дать мне жизнь и сделать ее счастливою навек?“— „Я любила вас всегда, как *брата*, люблю, и...“ Он не дал мне договорить. „Как брата, не более?“— „Нет!“— сказала я твердо, не могла более сносить его вида

и ушла. Ужасно, мой друг, ужасно, ей-богу! Тебе невероятно это? О, я сама не верю, все это будто сон,— и без того человек этот убит судьбою, и без того несчастлив он, а тут еще я довершаю его несчастие! Но что же мне делать? Это сверх моих сил, я готова для него сделать многое, но уж это не в моей власти. Не могу вообразить, что я опять его буду видеть так часто,— это мое мучение!..» (там же, стр. 46—47).

Судьбе своего брата Герцен посвятил в «Былом и думах» несколько страниц; однако, боясь огорчить его, Герцен выпустил эти страницы при печати, заменив их кратким примечанием (VIII, 25). Из всего рассказа Герцена о брате в рукописи сохранился только один небольшой фрагмент (там же, стр. 400). См. также работу А. Н. Дубовикова «Письма Е. И. Герцена»— *ЛН*, т. 63, стр. 416—429.

Почему ты с таким пренебрежением говоришь о замужестве? — Герцен имеет в виду следующие строки из письма Натальи Александровны от 24—25 ноября 1835 г.: «Единственная цель девушки, как думают многие, а, может быть, и все,— выйти замуж,— да, только выйти замуж, то есть пристроиться, нажить свой дом, свое хозяйство, свою волю. Особенно это мнение простирается на тех, которые с детства угнетены судьбою, лишены средств жить в довольствии, которым одна надежда на улучшение жизни — замужество! Но я никогда не допущу этого,— пет, это вовсе несправедливо. Я знаю многих угнетенных судьбою, но души их так благородны, чтоб искать человека, могущего только единственно облегчить их бедность. Как моя участь ни казалась мне прежде ужасною, мысль эта не касалась меня, я даже не верила, чтоб она существовала. Найти существо, в котором бы все носило печать Создателя, печать яркую, не стертую землею, душу, достойную вполне быть храмом божества,— одним словом, существо, которому бы я не видала подобных, вот единственное желание, которое я имела с 14 лет. Тогда я еще не понимала тебя вполне; зная тебя только *урывками*, *предугадывала* существование моего идеала в тебе — и не ошиблась ⟨...⟩ Найдя *это существо*, у меня оставалось в груди еще желание достигнуть его дружбы, и когда ты мне протянул руку, друг мой, ты дал мне более, нежели жизнь. Найдя в тебе все, что я желала, более, нежели что смела желать, я отдалась тебе душою и могу ль делиться ею с кем? Нет, слишком глубоко пустила корни свои дружба во всем существе моем; одну ее я буду лелеять, ею только буду любоваться» (*Изд. Павл.*, стр. 45—46).

Мой портрет у тебя будет, Витберг снимет с меня для папеньки...— О портрете Герцена работы Витберга см. письмо 57.

...п о ч т и первый мой портрет...— Из более ранних портретов Герцена известны только два: рисунок неизвестного художника, сделанный в 1813 г. (см. его воспроизведение в *ЛН*, т. 63, стр. 755) и портрет работы А. Збруева, хранящийся в Государственном историческом музее в Москве (1832, воспроизводится в настоящем томе).

Грустно встретил я 1835 год.— 1835 год Герцен встретил в тюремной камере, в Крутицких казармах.

Ответ Н. А. Захарьиной от 2—4 января 1836 г.— *Изд. Павл.*, стр. 56—58.

1836

53. Н. А. ЗАХАРЬИНОЙ

Печатается по автографу (*ЛБ*). Впервые опубликовано: *РМ*, 1893, № 3, стр. 230—231. Конец письма (приписка, адресованная Э. М. Аксберг) оторван.

Ответ на письмо Н. А. Захарьиной от 2—4 января 1836 г. (*Изд. Павл.*, стр. 56—58).

Не дружба,— любовь! — Наталья Александровна писала Герцену 2 января: «Да, сам бог водил мою руку, когда я писала тебе, что *у меня ничего нет, кроме тебя.*— Сам бог, мой Александр! Он дал мне *все* в одном тебе, он дал мне душу, способную любить одного тебя. Как хороша я теперь, друг мой, как полно счастья все существо мое, какая музыка в душе моей. Теперь я вся гимн любви, слушай эту музыку: она небесная, она от бога, она твоя! Сам бог обручил наши души 〈...〉 Теперь мне ясны и этот страх души, и этот трепет сердца, когда в Крутицах ты бросил на меня взгляд — этот взгляд, полный чем-то непонятным, неразгаданным мне тогда,— взгляд, которого луч и теперь озаряет мою душу, когда сказал ты мне: „*Итак, участь голубя не пугает тебя?*“ Если б открыл ты тогда мою душу, если б вслушался в ее звуки!.. 〈...〉 В тебе, мой друг, заключается весь мир для меня, в тебе я молюсь, в тебе удивляюсь Создателю, в тебе боготворю природу,— словом, я живу в тебе. Не правда ли, Саша, я создана только для того, чтоб любить тебя? О, сколько недостает в здешнем мире звуков для того, чтобы вполне излить душу, вполне передать ее блаженство!» (*Изд. Павл.*, стр. 56—57).

Я получил письмо от Emilie ∞ жаль ее.— Письмо Э. М. Аксберг остается неизвестным. 17 декабря Наталья Александровна сообщала Герцену: «Отдала Emilie твое письмо; она хотела отвечать. Николай ее не пишет к ней 〈...〉 Она погибнет, ежели он изменит ей» (там же, стр. 51).

...сплетни Зонненберга.— К. И. Зонненберг, который отправился по поручению И. А. Яковлева с Герценом в Пермь, чтобы «монтировать» его хозяйство, переехал в Вятку и продолжал там жить с Герценом. Он писал родителям Герцена подробные отчеты о жизни их сына. О Зонненберге см. в «Былом и думах» — VIII, 77—81, 93—95 и 334—336.

Здесь две Paulines...— Герцен имеет в виду П. П. Медведеву и П. Тромпетер — «молодую, живую немку», которую, по словам Герцена, он «любил, как дитя» и которой он посвятил несколько теплых страниц в «Былом и думах» (VIII, 346—348) и очерк «Симпатия» (до нас дошедший лишь частично — см. далее комментарий к письму 114).

...я сам писал уже к тебе об одной.— См. письма 45 и 47.

При сем к Emilie, отошли, запечатав.— Письмо Герцена к Э. М. Аксберг неизвестно. 3 февраля Н. А. Захарьина сообщала Герцену: «Ты очень утешил твоим письмом Emilie. Она верит в тебя. Теперь ее единственная отрада — наша дружба. Зачем ты ей пишешь *вы*? Это слишком церемонно; она обижается этим. Александр, я люблю ее ужасно, она сестра мне, не чуждайся ее, будь и ты ей братом; у нее есть родные, но я знаю, что она никого так не любит, как меня и тебя, тут все ее родство, все утешение...» (*Изд. Павл.*, стр. 63).

Ответ Н. А. Захарьиной от 29 января — 1 февраля 1836 г.— *Изд. Павл.*, стр. 61—63.

54. Н. А. ЗАХАРЬИНОЙ

Печатается по автографу (*ЛБ*). Впервые опубликовано: *РМ*, 1898, № 4, стр. 78—79. На автографе пометы Герцена: «49» и Н. А. Захарьиной: «Января 31-е. Четверг».

По-видимому, ответ на письмо Н. А. Захарьиной от 16—17 января 1836 г. (*Изд. Павл.*, стр. 59—60).

...я узнал, что умер Медведев, о жене которого я тебе уже писал.— См. письма 45, 47 и 53. Подробный рассказ о положении П. П. Медведевой после смерти мужа см. в «Былом и думах» (VIII, 341—342).

Ответ Н. А. Захарьиной (на это и предыдущее письмо) от 29 января — 1 февраля 1836 г.— *Изд. Павл.*, стр. 61—63.

55. Н. Х. КЕТЧЕРУ

Печатается по автографу (*ЛБ*). Впервые опубликовано по копии: *Л* I, 222—223.

Здешний жандармский майор Замятнин доставил мне 16 января записку от г-жи Левашовой...— Записка Е. Г. Левашовой к Герцену неизвестна. В мемуарах А. И. Дельвига сообщаются следующие подробности об инциденте, рассказываемом Герценом. Когда А. Г. Замятнин (Дельвиг его называет Замятиным), назначенный жандармским штаб-офицером в Вятку, проезжал через Москву, Е. Г. Левашова просила его отвезти ее письмо к Герцену. Замятнин, взяв письмо, позабыл его на столе у своего отца, который распечатал письмо, прочитал и спустя некоторое время отослал сыну. Когда письмо было получено Герценом, он «при первой встрече с Замятиным очень резко заметил, что Замятин напрасно принял на себя подобное поручение от Левашовой и что, имея средства читать чужие письма так, чтобы это не было заметно, Замятину не было надобности дурным припечатанием письма выказывать так явно, что оно было читано. Замятин ничего не отвечал и только по обыкновению своему улыбался, что еще более бесило Герцена» («Полвека русской жизни. Воспоминания А. И. Дельвига. 1820—1870», т. I. М.—Л., 1930, стр. 212—213).

...недовольны тем, что я живу с Витбергом...— Вероятно, Левашова в своем письме выразила опасение, что на совместную жизнь Герцена с опальным Витбергом косо посмотрят местные власти и III отделение.

...скорое возвращение путешественника непонятно...— Речь идет о возвращении Н. И. Сазонова из-за границы.

Вадим продолжает писать se offendendo...— Вероятно, речь идет о письмах В. В. Пассека, оправдывавшегося перед Герценом в изменении своих политических взглядов. Письма эти неизвестны. *Se offendendo* — в свою защиту (лат.).

Сатину отошли письмо.— Письмо не сохранилось.

56. А. В. ВИТБЕРГ

Печатается по автографу (*ПД*). Впервые опубликовано (с пропуском и без заключительной фразы): *РС*, 1876, № 10, стр. 274 (без указания имени Герцена); полностью — *Л* XXII, стр. 5—6.

Вы повторили в вашем письме ∞ вполовину легче ссылку.— Письмо А. В. Витберг, а также цитированное в нем письмо Герцена к И. А. Яковлеву неизвестны. Можно предполагать, что перед отъездом в Вятку А. В. Витберг посетила родителей Герцена, вероятно по рекомендации самого Герцена. В Вятку А. В. Витберг приехала 25 марта 1836 г., в день рождения Герцена — см. письмо 60.

57. Н. А. ЗАХАРЬИНОЙ

Печатается по автографу (*ЛБ*). Впервые опубликовано: *РМ*, 1893, № 4, стр. 85—86. На автографе пометы Герцена: «54» и Н. А. Захарьиной: «20-е февраля, четверг, в 6 часов вечера во время вечерни».

Ответ на письма Н. А. Захарьиной от 16—17 и 29 января — 1 февраля 1836 г. (*Изд. Павл.*, стр. 59—60 и 61—63).

Понимаю, очень понимаю твои чувства при взгляде на мой портрет...— Речь идет о портрете Герцена работы А. Л. Витберга, отправленном И. А. Яковлеву (см. его воспроизведение между стр. 64 и 65 наст. тома). 29 января Наталья Александровна писала Герцену: «Я видела твой пор-

трет. Ты можешь вообразить, что это за минута была для меня, но зачем тут были люди? Они мне не дали насмотреться на тебя, наговориться с тобою. О, в эту минуту я бы расцеловала ту руку, которая изобразила так похоже твое лицо и его выражение! А если бы видела его, па коленях упросила бы списать для меня» (*Изд. Павл.*, стр. 62).

Но на что же ты, Наташа, в своих письмах так хвалишь меня...— В том же письме Наталья Александровна писала: «Когда я встретила тебя, душа моя сказала: вот *он*! И я не видала пикого, кроме тебя, п любила одного тебя. Я не знала, что люблю тебя; думала, что это дружба, и предпочитала ее всему на свете и не желала узнать любви, и никем не желала быть любимой, кроме тебя. Верь, Александр, я бы была *довольно* счастлива, ежели бы умерла и сестрою твоей, да, довольпо, а теперь я слишком счастлива! Тебе этого не довольно ты слишком велик и пространен сам, чтоб ограничиться таким маленьким счастьем; в обширной груди твоей и за ним будут кипеть волны других желаний, других красот и целей 〈...〉 Тебе душно па земле, тесно на море, а я, я потонула, исчезла, как пылинка, в душе твоей; и мудрено ль, когда душа твоя обширнее моря и земли?» (там же, стр. 61).

От Emilie получил письмо; благодарю ее и буду непременно писать...— Письмо Э. М. Аксберг и ответ Герцена неизвестны.

Ответ Н. А. Захарьиной от 22—24 февраля 1836 г.— *Изд. Павл.*, стр. 67—68.

58. Н. А. ЗАХАРЬИНОЙ

Печатается по автографу (*ЛБ*). Впервые опубликовано: *РМ*, 1893, № 4, стр. 83—84. На автографе пометы Герцена: «55» и Н. А. Захарьиной: «Февраля 27-е, четверг». Дата начала письма устанавливается предположительно в соответствии с датой приписки.

Ответ па письма Н. А. Захарьиной от 3 и 7 февраля 1836 г. (*Изд. Павл.*, стр. 63—64).

Помнишь записку, в которой я писал, что не верю нашей дружбе? — См. письмо 46.

Еще маленькая записка от тебя, еще слово любви...— Письмо Н. А. Захарьиной от 7 февраля 1836 г. начиналось словами: «Друг мой, ангел мой, как я счастлива, как я люблю тебя! Миллион раз перечитываю твои письма, наизусть их затвердила, и всё мне в них как будто ново. Тебя любить неизмеримое блаженство, а быть любимой тобою?..» (*Изд. Павл.*, стр. 64).

Тебе, кажется, не хотят послать портрета.— И. А. Яковлев отказывался исполнить просьбу сына — заказать для Н. А. Захарьиной копию с портрета работы Витберга. Портрет (масло) был заказан матерью Герцена и доставлен Наталье Александровне Е. И. Герценом (возможно, что это была копия с витберговского портрета). Наталья Александровна, однако, нашла, что портрет бездушен, хотя не лишен сходства (см. *Изд. Павл.*, стр. 78—79; *Л* I, 227 и *ЛН*, т. 63, стр. 653). В октябре 1836 г. Герцен послал Наталье Александровне специально сделанный для нее Витбергом новый портрет (см. письма 77, 78 и комментарий к ним).

На душе моей лежит еще одна исповедь тебе...— Герцен намекает на свои взаимоотношения с П. П. Медведевой. См. письмо 67.

Ответ Н. А. Захарьиной от 29 февраля— 3 марта 1836 г.— *Изд. Павл.*, стр. 70—72.

59. Н. А. ЗАХАРЬИНОЙ

Печатается по автографу (*ЛБ*). Впервые опубликовано: *РМ*, 1893, № 4, стр. 90—91. На автографе пометы Герцена: «57» и Н. А. Захарьиной: «16 марта. 3 часа, после обеда».

Ответ на письмо Н. А. Захарьиной от 15 февраля 1836 г. (*Изд. Павл.*, стр. 66—67).

Да, да, Наташа, в Италию, в Италию.— Отклик на следующие строки из письма Н. А. Захарьиной: «Вчера я получила письмо от Саши Б〈оборыкиной〉. Между прочим, она пишет: „Тогда бы мы переселились *со всеми, кого ты любишь и кого я люблю*, в южные края". Сколько блаженства в этой мысли! Она не выходит у меня из головы; даже, проснувшись ночью, я воображала, что я с тобою там, где родина музыки и молитвы, где вся страна — гимн богу и песнь любви. Хоть бы одно из моих мечтаний сбылось!» (*Изд. Павл.*, стр. 66).

Меня очень беспокоит петербургский посетитель...— В том же письме Наталья Александровна сообщала о новых попытках выдать ее замуж: «На днях я играла преглупую роль. Приехал из Петербурга один Иванов, о котором мне говорила сестра Орлова и которому *было говорено* обо мне. Все спали после обеда; я должна была выйти к нему одна. Это меня ужасно смешило, хотя я сначала и не знала, что он был тот самый. Ты не поверишь, как мне все эти глупости надоели. Но тем я далее от них, тем ближе с тобою, друг мой; кажется, с каждою из них возрастает мое достоинство, каждая отталкивает меня далее от земли, следственно все ближе и ближе к тебе, мой Александр» (там же, стр. 67).

Я улыбнулся, читая о твоем споре с Emilie о счастии...— 7 февраля Наталья Александровна писала: «Вчера несколько часов я говорила о тебе с Emilie 〈...〉 Наконец, мы поспорили: я говорю, что я с тобою буду счастливее, нежели она с Николаем; она утверждала противное, я не хотела уступить, и спор наш долго продолжался, и, вообрази, мой ангел, я победила!» (там же, стр. 64).

Ответ Н. А. Захарьиной от 14—16 марта 1836 г.— *Изд. Павл.*, стр. 73—75.

60. Н. А. ЗАХАРЬИНОЙ

Печатается по автографу (*ЛБ*). Впервые опубликовано: *РМ*, 1893, № 4, стр. 99—101. На автографе пометы Герцена: «62» и Н. А. Захарьиной: «13-е апрель. Понедельник».

Ответ на письмо Н. А. Захарьиной от 29 февраля — 1 марта 1836 г. (*Изд. Павл.*, стр. 70—72).

Ты говоришь ∞ что сожму руку твоему избранному ∞ спрашивал о участи голубя.— Наталья Александровна писала: «Верно ты не любил меня тогда, как писал из Крутиц 〈8 февраля 1835 г.〉 на мою мысль о монастыре: „А разве ты сомневаешься, что встретишь человека, который тебя будет любить, которого ты будешь любить? О, с какою радостью я возьму его руку и твою! Он счастлив будет: у тебя прелестная душа". Да, я уверена, что ты и не думал тогда обо мне, а я тут же сказала: „Да неужели я буду кого-нибудь любить более тебя, неужели на свете есть существо, которому я пожертвую дружбою моей к тебе?"— „Нет, нет,— сказал голос души моей,— ты создана любить одного его!" Итак, мой ангел, друг мой, ты один жил в душе моей, одному тебе поклонялась я всю жизнь мою. О, как я счастлива, как благодарю бога, что могу отдать тебе и сердце, и душу, созданные для одного тебя и полные одним тобою! 〈...〉 На Крутицах, только на Крутицах, блеснула эта молния в душе моей и опять так же мгновенно исчезла, как исчезает молния на небе. Когда ты спросил меня: „Итак, участь голубя не пугает тебя?"— пожал мою руку, посмотрел на меня, в эту минуту бог решил судьбу мою, он сошел сам и соединил нас. О, в эту минуту с нами был сам бог. А помнишь, когда ты склонил голову на плечо мое, тут мне слышался голос неба. „Познай твое высокое предназначение, ты создана для него, люби его и служи ему". И я твоя, Александр!» (*Изд. Павл.*, стр. 70).

Как нам быть с Emilie...— Отклик на слова Натальи Александровны об Э. М. Акселберг: «Я содрогаюсь от ее страданий, кажется всей дружбы нашей не довольно, чтоб утешить ее...» (там же, стр. 72), а также, по-видимому, на несохранившееся письмо самой Аксберг.

Natalie значит Родина! ∞ Александр — Мужественная защита? — Герцен имеет в виду значение слов Наталия и Александр в древнегреческом языке.

Маменька знает...— 1 марта Наталья Александровна сообщала Герцену: «Знаешь ли, ангел мой, маменька благословляет нас, она называет меня дочерью, она счастлива. О Александр, как мы счастливы! Давеча была у меня Emilie от маменьки; она ей говорила. О, друг мой Александр, молись... Когда я увижу ее, когда сама услышу от нее?» (там же, стр. 71).

Тебя мучают теперь Бирюковым.— О том, что Наталью Александровну собирались выдать замуж за А. С. Бирюкова, Герцен узнал из письма Э. М. Аксберг (см. *Изд. Павл.*, стр. 74).

...закон о родстве, который, кавалось бы, и миновал нас...— В законе «О правах и обязанностях семейных» запрещалось вступать в брак «в степенях родства и свойства, церковными законами возбраненных» (см. «Свод законов гражданских. Книга первая». СПб., 1832, стр. 14, раздел первый — «О союзе брачном», гл. I, отд. 1, § 14). В постановлении Синода от 19 января 1810 г. прямо запрещался брак между двоюродными братом и сестрой. Поскольку родство Герцена и Натальи Александровны как «незаконнорожденных» нигде не было зафиксировано, Герцен мог рассчитывать на то, что оно не явится препятствием при заключении брака; однако он опасался, вероятно, подписки, которую обязаны были дать брачущиеся о том, что они не находятся в отношениях, препятствующих браку.

Ты хочешь делить со мною все трудности моего пути.— 29 февраля Наталья Александровна писала: «Я не смею роптать на провидение за разлуку, не хочу быть преградой на пути твоем; пусть ты выполнишь твое предназначение; ты должен пройти все пути, которые Он указал тебе, и уже потом — отдохновение, счастье и любовь! Но почему же я не могу быть спутницею твоей, делить твои труды, помогать тебе? Да, я еще не могу, видно, выполнить всех требований твоих, и провидение знает это, и потому я еще далеко от тебя и потому мы не вместе. Но когда Он вполне образует меня? Долго время испытания, но пусть оно еще будет долго-долго, лишь бы я сделалась совершенно достойной делить судьбу твою, быть твоею спутницей» (*Изд. Павл.*, стр. 71).

На Кавказ я не еду...— О возможности своего перевода на Кавказ Герцен сообщил Наталье Александровне, по-видимому, в одном из несохранившихся писем. «Ты поедешь на Кавказ... Как мне грустно стало, когда я прочла это! Меня не будет с тобою!» — писала Наталья Александровна 29 февраля (там же).

...весь художник он ∞ На поле вымысла широком...— Стихотворение Огарева, которое цитирует Герцен, остается неизвестным.

Об ответе Н. А. Захарьиной см. в комментарии к письму 61.

61. Н. А. ЗАХАРЬИНОЙ

Печатается по автографу (*ЛБ*). Впервые опубликовано: *РМ*, 1893, № 4, стр. 101—103. Год уточняется по письмам Н. А. Захарьиной (см. ниже).

Ответ на письмо Н. А. Захарьиной от 3—6 марта 1836 г. (*Изд. Павл.*, стр. 73—75).

«Счастливая Витберг» — писала ты...— Отклик на следующие строки из письма Н. А. Захарьиной: «Витберг, счастливая Витберг! Я не знаю ее, но когда услышала, что она едет к мужу, в Вятку, невольно павернулись

слезы. Ангел мой, друг мой, Александр, когда же, когда же настанет для нас эта блаженная минута? Я воображаю их свидание... свидание наше...» (*Изд. Павл.*, стр. 73).

...одна уже готова, и я тебе пришлю ее.— Речь идет о «Второй встрече» («Человек в венгерке»), датированной в окончательной редакции 10 марта 1836 г. (I, 123—130). М. К. Лемке ошибочно указал в комментарии к настоящему письму, что Герцен говорит здесь о «Первой встрече» («Германский путешественник»), обработку которой Герцен завершил только 20 июня 1836 г. (*Л* I, 263). Как свидетельствует автограф, «Первою встречей» Герцен первоначально называл «Человека в венгерке» (см. I, 493).

«Легенду» я исправил, но не совсем...— Последняя редакция «Легенды» датирована: «Крутицкие казармы. 1835 года февраль. (Переписано в Вятке, 1836 г. марта 12)». 12 июля 1835 г. Наталья Александровна сообщала Герцену: «Списала я твою „Легенду"; не думала, чтоб ее послали тебе; не хорошо написана, а папенька желал иметь; по ее к тебе послали... извини, что дурно написано. Теперь буду переписывать „Германского путешественника". С каким удовольствием жду я, когда мне пришлют его» (*Изд. Павл.*, стр. 22). Дальнейшей переработки «Легенды» Герцен не осуществил, хотя мысль о ее необходимости возникала у него и впоследствии (см. письмо к Н. А. Захарьиной от 29 сентября 1836 г.).

Попробуй немного ваняться немецким языком.— См. письмо 63 и комментарий к нему.

С слевою, чистой, как роса ∞ Родные ищет небеса...— Цитируемое стихотворение Огарева остается неизвестным.

...«I Tempi»...—«Фантазия» Огарева, состоящая из пяти стихотворений: «Larghetto», «Allegro», «Andante», «Presto», «Adagio» (см. Огарев, II, стр. 277—281). В печати «I Tempi» впервые появились только спустя полстолетия (*РС*, 1888, № 11, стр. 480).

Он женится странно...— О предстоящей женитьбе Огарева Н. А. Захарьина сообщила Герцену в письме от 29 февраля — 1 марта 1836 г. (*Изд. Павл.*, стр. 72). Огарев женился на М. Л. Рославлевой в Пензе 26 апреля 1836 г. См. об этом браке в главе XXV части четвертой «Былого и дум». «Весть о его женитьбе испугала меня,— писал там Герцен,— все это случилось как-то скоро и неожиданно. Слухи об его жене, доходившие до меня, не совсем были в ее пользу; он писал с восторгом и был счастлив,— ему я больше верил, но все же боялся» (IX, 11).

Новая мысль для повести...— Замысел этот, по-видимому, осуществлен не был. См. письмо 63 и комментарий к нему.

Ответ Н. А. Захарьиной от 14—15 апреля 1836 г. (на это и предыдущее письмо) — *Изд. Павл.*, стр. 82—84.

62. Н. А. ЗАХАРЬИНОЙ

Печатается по автографу (*ЛБ*). Впервые опубликовано: *РМ*, 1893, № 6, стр. 5—7. На автографе пометы Герцена: «65» и Н. А. Захарьиной: «Пятница, апреля 24-е».

После слов: «моего бытия» (стр. 74, строка 16) зачеркнуто: «как это справедливо».

Ответ на письмо Н. А. Захарьиной от 27—31 марта 1836 г. (*Изд. Павл.*, стр. 77—78).

Ты плакала, читая, что любовь сделалась нравственным началом моего бытия...— См. письмо Герцена от 12 февраля 1836 г. и ответ Н. А. Захарьиной от 22 февраля (*Изд. Павл.*, стр. 67—68), а также ее письмо от 3 марта (там же, стр. 72).

...откуда этот тягостный, горький звук из души твоей...— 29 марта Н. А. Захарьина писала Герцену: «Вчера была у меня маменька. Мы долго

были одни. Она говорила мне *много, много*; она боится тебя за меня. Успокой ее, мой друг. Другим *можно* бояться, Александр, ведь другие смотрят на нас обоих беспристрастно. Тебе ль, тебе ль, мой Александр, было избрать себе невестою меня? Меня, горькую сироту, угнетенную людьми, лишенную ими даже необходимого образования?.. Не брани за эти слова! Ты знаешь меня только по письмам. Что мудрого, что О⟨гарев⟩ любит *Рославлеву*? Она старее его, не хороша собою, зато какие глубокие познания, какая блестящая образованность заменяют в ней лета и красоту!.. Она *всегда* его поймет, он на *все* найдет в ней ответ. Совсем не то твоя Наташа, слишком бедно было ее приготовление. Но, Александр, друг мой, ангел мой, любим ли так О⟨гарев⟩, как ты любим, отдана ли ему так и вся жизнь, и вся душа? ⟨...⟩ Нет, нет, пусть боятся другие, а я люблю, люблю тебя: ты мой, я твоя. Только *помни*, Александр, что у твоей Наташи, кроме любви, нет ничего. Помни, это тебе говорю *я*...» (там же, стр. 78).

Нельзя ли как-нибудь, чтоб она мне написала хоть строку...— Наталья Александровна отвечала Герцену: «Не могу придумать, каким бы образом сделать, чтоб тебе написала к⟨нягиня⟩. Этого никогда не будет, за это отвечаю. Она теперь очень редко бывает у папеньки и каждый раз ссорится и почти все за меня; он на моей стороне. Нет, придумай другое средство, это невозможно» (там же, стр. 85).

...любовь испортит мою будущность...— Н. А. Захарьина цитировала следующие строки из не дошедшего до нас письма к ней Герцена: «Любовь испортит мою будущность, а моя будущность мне не принадлежит» (там же, стр. 78).

...что я писал прошлый раз...— В письме от 26 марта 1836 г.

Ответ Н. А. Захарьиной от 23—28 апреля 1836 г.— *Изд. Павл.*, стр. 84—87.

63. Н. А. ЗАХАРЬИНОЙ

Печатается по автографу (*ЛБ*). Впервые опубликовано: *РМ*, 1893, № 6, стр. 15—17. На автографе пометы Герцена: «68» и Н. А. Захарьиной: «Мая 8-е, пятница». Приписка от 29 апреля находится на отдельном листе.

Приписка от 29 апреля — ответ на письмо Н. А. Захарьиной от 14—15 апреля 1836 г. (*Изд. Павл.*, стр. 82—84).

Теперь у меня в голове бродит план весьма важной статьи...— Эта статья, по-видимому, Герценом написана не была. Не исключена, однако, возможность, что речь идет об одном из замыслов, легших впоследствии в основу автобиографического произведения «О себе» (см. I, 170—182, и *ЛН*, т. 63, стр. 9—55). О работе над осуществлением одного из этих замыслов см. письмо 67.

...ту тему, о которой писал тебе в прошлом письме...— См. письмо 61.

...другую Полину ∞ я как-то писал тебе...— Речь идет о Полине Тромпетер.

У тебя новые фортепианы, пишет маменька.— Письмо Л. И. Гааг неизвестно.

...один Rondoletto Герца...— 16 июня 1836 г. Наталья Александровна сообщила Герцену из Загорья: «Фортепиано со мною и „Rondoletto" Герца со мною» (*Изд. Павл.*, стр. 101). И 1 сентября: «„Rondoletto" Герца я играю» (там же, стр. 132).

Итак, Огарев полюбил свою невесту за немецкую литературу...— Отклик на следующие строки из письма Н. А. Захарьиной от 14—15 апреля 1836 г.: «Когда у меня была маменька, говоря об Огареве, она сказала: „Невеста его не молода и не хороша, но как образованна и умна! Немецкую литературу знает лучше его. Он страстно ее любит". Эти немногие слова навели тень на мою душу, в них как будто излился невольный упрек ее ... но новые ласки ее и уверения утешили снова» (там же, стр. 84).

Итак, пусть же благословение твоего отца исполнится ∞ Александр Невский — твой патрон...— 14 апреля 1836 г. Н. А. Захарьина писала Герцену: «Папенька перед кончиной благословлял всех детей, меня одну благословил образом Александра Невского, и тут опора, и тут воля Его: почему родитель, оставляя нас сиротами, поручил меня одну святому Александру? Так, мой ангел, все, все с самого моего рождения, благословляло меня быть твоею подругой!» (там же, стр. 83).

... я уже писал, что сбрасываю на твои плеча половину тягостей моей жизни... — См. письмо 60.

К концу нынешнего месяца, т. е. мая, решится важный вопрос, можно ли надеяться в 1836 году быть в Москве.— Вероятно, Герцен рассчитывал на благоприятный исход ходатайства о его помиловании, представленного И. Гильтебрандтом в III отделение через лейб-медика Н. Ф. Арендта (см. письмо Гильтебрандта Арендту от 17 июня 1836 г.— *Л* I, 276).

Благодарю за немецкий язык...— В ответ на письмо от 26 марта — 1 апреля 1836 г. Наталья Александровна 14 апреля сообщала Герцену о своих занятиях немецким языком: «Сейчас только *отучилась*. Твоя воля для меня священна, твое желание закон (...) О, чему бы я ни стала учиться, друг мой, чтоб понимать *всегда* тебя!» (*Изд. Павл.*, стр. 82).

...методу Жакото учиться языкам.— Автор книги «Langues étrangères» («Иностранные языки») французский педагог Жан Жозеф Жакото утверждал, что в основе изучения всех наук должно лежать заучивание наизусть, ежедневное повторение и усвоение посредством сравнения.

Ответ Н. А. Захарьиной от 8—26 мая 1836 г.— *Изд. Павл.*, стр. 89—92.

64. Н. А. ЗАХАРЬИНОЙ

Печатается по автографу (*ЛБ*). Впервые опубликовано: *РМ*, 1893, № 6, стр. 22—23. На автографе пометы Герцена: «70» и Н. А. Захарьиной: «21-е мая. Четверг». Автограф поврежден, слово «но» («⟨но⟩ не получил») восстанавливается по смыслу.

...блеснул первый луч надежды...— По предположению М. К. Лемке, Герцен имел в виду ходатайство И. Гильтебрандта (см. комментарий к предыдущему письму).

Я начал и уже довольно написал еще новую статью...— Не дошедший до нас ранний автобиографический набросок входил, видимо, в состав задуманного произведения, о котором Герцен писал в предыдущем письме.

Ответ Н. А. Захарьиной от 18—24 мая 1836 г.— *Изд. Павл.*, стр. 93—97.

65. Н. А. ЗАХАРЬИНОЙ

Печатается по автографу (*ЛБ*). Впервые опубликовано: *РМ*, 1893, № 6, стр. 28—30. На автографе помета Герцена: «72».

Ответ на письмо Н. А. Захарьиной от 23—28 апреля 1836 г.— *Изд. Павл.*, стр. 84—87.

Ты, кажется, желаешь, чтоб я писал к княгине ∞ преглупое письмо.— Отклик на строки о княгине М. А. Хованской в письме Натальи Александровны: «Вчера я говорила о тебе с к⟨нягиней⟩. Она сердится, что ты не вспомнишь о ней, даже не припишешь никогда почтения. „Он вообра-

жает, что ему никто не нужен",— прибавила она. Я думаю, это можно сделать ...впрочем, как ты думаешь (...) Да надо тебе помириться с княгинею, а то она говорит, что, когда ты возвратишься, она не будет позволять быть нам вместе, уверившись, что ты непременно должен сделаться хуже, живши *на воле,* за глазами» (*Изд. Павл.,* стр. 86). «Преглупое письмо», как и остальные письма Герцена к М. А. Хованской, остается неизвестным. 10 июня Наталья Александровна извещала Герцена. «Твое письмо и просвиру к(нягиня) получила еще в Москве и чрезвычайно была довольна. Ну, теперь, мне кажется, вы немножко помирились. Впрочем, она заметила, что „ты, плутяга, знаешь с чем к кому подъехать". Но это почти необходимо было: она очень сердилась на тебя, а вперед это могло бы послужить большим препятствием нам видеться» (там же, стр. 99).

О какой второй разлуке ты говоришь беспрерывно? — 25 апреля Наталья Александровна писала Герцену: «...разве ты навсегда приедешь сюда? Эта мысль расстроила целый храм, созданный из счастливых мечтаний. Навсегда ль, навсегда ль ты взойдешь, мое солнце, или лишь согреешь мою душу и закатишься опять в синюю даль?..» (там же, стр. 85). На следующий день она приписала: «Вчера не могла я писать более. Так всегда лишаюсь я всех способностей при посещении мрачной мысли о новой разлуке,— все отпадет от сердца, все — туман кругом, снег ляжет на душу, и одна молитва, одна вера может только утешить меня в эти грустные минуты...» (там же).

Сейчас возвратился я с Великой реки...— Ежегодно 23 мая на Великой реке близ Вятки торжественно отмечался праздник «чудотворной иконы» Николая Хлыновского. Подробное описание этого «дикого зрелища» см. во второй части «Былого и дум» (VIII, 291—292).

...при сем письмо к Emilie...— Письмо к Э. М. Аксберг неизвестно. 26 апреля Н. А. Захарьина писала Герцену о ней: «Она велела сказать тебе, чтоб ты забыл ее, забыл ее несчастье и не писал бы к ней, потому что слово „счастье" для нее теперь непонятный, пустой звук. Она также к тебе не будет писать, „чтобы не затуманить его ясного неба",— говорит она. Твой язык теперь ей непонятен, в нем каждое слово звучит любовью, счастьем, а это ей так же далеко, так же незнакомо, как занебесье. „Избави бог, но ежели, когда он научится говорить понятным мне языком, тогда пусть напишет, я отвечу ему",— сказала она мне (...) Пиши к ней, Александр, я прошу тебя, мой друг, твои письма, я знаю, приносят ей утешение» *(Изд. Павл.,* стр. 86). 8 июня Н. А. Захарьина сообщала Герцену: «К Emilie отослала твое письмо. Чье страданье не умалится от вдохновенных, от святых слов твоих?» (там же, стр. 101).

В выписанном тобою месте из письма С(атина) я не вижу того пылкого чувства, которое ты видешь в них.— В своем письме Н. А. Захарьина писала о Сатине: «Ужели он не любил ее, когда писал к ней из Симбирска?» и приводила следующий отрывок из письма Сатина к Э. М. Аксберг: «Тотчас же по прибытии в Симбирск я спешу написать тебе, мой ангел, моя подруга. Никогда я не был столь одинок, как здесь; никогда я не испытывал такой потребности знать, что существует душа, находящаяся в гармонии с моей и образующая, так сказать, вторую половину моего я (...) и однако, я еще не уверен, что обладаю этой дорогой половиной, столь необходимой для того, чтобы быть целым существом; однако полуподозрения гложут иногда мою душу... и это смешанное чувство мучительно для меня» (перевод с французского, *Изд. Павл.,* стр. 87).

19 мая 1836 г. Э. М. Аксберг писала Н. А. Захарьиной: «Да почему ты так уверяешь Александра в любви моей к N. (Н. М. Сатину), а N. ко мне, неужели он не верит; быть может, что N. притворяется, но я люблю, в чем, кажется, нельзя обманываться, и что он меня некогда любил, то видно из его писем — не правда ли, что я не мечтаю» *(ЛБ).*

Ответ Н. А. Захарьиной от 1—5 июня 1836 г.— *Изд. Павл.,* стр. 97—99.

66. Н. А. ЗАХАРЬИНОЙ

Печатается по автографу (*ЛБ*). Впервые опубликовано: *РМ*, 1893, № 7, стр. 4—7. На автографе пометы Герцена: «75» и Н. А. Захарьиной: «28 июня. Вечер». Приписка от 17 июня сделана на отдельном листе.

Приписка от 17 июня — ответ на письма Н. А. Захарьиной от 8—26 и 18—24 мая 1836 г. (*Изд. Павл.*, стр. 89—92 и 93—95).

...это писано было в декабре 1835...— Герцен имеет в виду письма Натальи Александровны от 24—25 ноября и 16—21 декабря 1835 г. (*Изд. Павл.*, стр. 45—46 и 50—52).

...пошло мое представление в Петербург...— 16 июня 1836 г. вятский гражданский губернатор К. Я. Тюфяев подписал донесение на имя министра внутренних дел, в котором отмечалось «похвальное поведение» Герцена и содержалось ходатайство о разрешении Герцену служить «в Москве, где ближайшие его родственники, поруча его особенному их надзору, или в Санкт-Петербурге, где, при его образованности, он особенно может быть полезен и будет на виду у высшего правительства» (*Л* I, 284—285). По всей вероятности, это ходатайство было вызвано обращением к Тюфяеву влиятельных знакомых И. А. Яковлева.

...не писала к Полине.— См. просьбу Герцена об этом в письме от 27—29 апреля и ответ на нее Натальи Александровны от 24 мая (*Изд. Павл.*, стр. 95).

...ты мне пишешь о моих прежних письмах ∞ И даже то же самое замечание...— 13 мая Наталья Александровна писала Герцену: «Ты был всегда единственным жителем того мира, о котором самая мечта была для меня наслаждением ⟨...⟩ С первою запиской твоей из Крутиц вдруг приподнялось покрывало с души, и уже потом с каждою строкой редел туман, свет становился ярче, обширнее, и там, где занималась только заря, теперь горит пламенное солнце, и горит так ярко, так огромно, как в самом небе» (там же, стр. 91).

Я не забыл, как мы были в соборе с Пассеками...— Отклик на упоминание в письме Натальи Александровны от 11 мая о посещении Успенского собора в Кремле: «Я думаю, ты помнишь, как мы, сочетанные на небе, но еще чужие на земле, были там вместе?» (там же, стр. 90).

По-немецки занимайся одна.— 8 мая Наталья Александровна с огорчением сообщала Герцену: «...Мне так приятно было исполнить твое желание выучиться по-немецки; имея случай, я твердо решилась достигнуть этого и так горячо принялась, что m-me Matley не могла надивиться. Две недели прошли для меня, как два дня; я была довольна собой. Теперь она уехала от нас. Вдруг все кончилось: все средства отняты,— не большая ли это неприятность?» (там же, стр. 89).

На Алексея Александровича надеяться нечего...— Н. А. Захарьина сообщала 18 мая Герцену о безотрадном положении ее младшего брата Петра: «Живет в Шацке у какого-то купца и ходит в уездное училище. Мальчик с способностями, немного моложе меня, и какое поприще предстоит ему? Нет человека, от которого бы можно было ждать помощи ⟨...⟩ Написать Алек⟨сею⟩ Алек⟨сандровичу⟩, ему все равно, ему не больно, что родной брат его останется мужиком или нищим, и слова мои не будут иметь ни малейшего успеха; это странный человек» (там же, стр. 94).

Напрасно ищешь, ангел мой, предчувствия в моралях папеньки...— Наталья Александровна писала Герцену 18 мая 1836 г.: «Сегодня был у нас папенька; удивительно, Александр, будто сердце его предчувствует, что твое существование должно соединиться с моим. Каждый раз, как видит меня, делает наставления, как приготовляться быть хорошею женой, потом, как угождать мужу, повиноваться и пр.» (там же, стр. 93).

Усталый Пилигрим придет же из обетованной земли на родину ∞ и благословит удел смертного на земле.— Отклик на следующие строки

Н. А. Захарьиной от 21 мая, в ответ на письмо Герцена от 12 мая: «Итак, мой пилигрим, мой милый странник, ни посол божий, ни небесное питье не утолили твоей жажды видеть твою деву. О, верь же, и дева твоя не променяет земного страдания с тобою на небесное одинокое блаженство» (там же, стр. 94—95).

Ответ Н. А. Захарьиной от 28 июня—10 июля 1836 г. —*Изд. Павл.*, стр. 107—111.

67. Н. А. ЗАХАРЬИНОЙ

Печатается по автографу (*ЛБ*). Впервые опубликовано: *РМ*, 1893, № 7, стр. 7—11. На автографе пометы Герцена: «76» и Н. А. Захарьиной: «Загорье, 1836, июля 11-е, суббота, 6 часов вечера».

Приписка от 1 июля — ответ на письма Н. А. Захарьиной от 1—5 и 8—16 июня 1836 г. (*Изд. Павл.*, стр. 97—99 и 99—101).

Ты мне писала прошлый раз: «Спаси Мед⟨ведеву⟩».— Герцен имеет в виду следующие строки из письма Натальи Александровны от 10 мая, в ответ на его письмо от 27 апреля: «Знаешь ли, Александр, читая в твоем письме о Медведевой, у меня навернулись слезы на глазах, сердце сжалось... Несчастная! Она любит тебя?.. О друг мой, спаси, спаси ее, не убивай! Ты не говоришь ей теперь обо мне потому, что ей было бы это неприятно, но легче ли будет ее сердцу узнать это *после*?.. Мне жаль ее; ты можешь все, Александр, тебе поручаю ее, спаси ее от самого себя. Ты раскаивался прежде, что завлек несчастное существо,— стало, в любви М⟨едведевой⟩ не ты виною? Не будь же виною в ее страданиях, в несчастии всей ее жизни. Ангел мой, будь чист всегда; полагаюсь на тебя. Прощай, обнимаю тебя и, целуя, повторяю: „Спаси ее, спаси!“» (*Изд. Павл.*, стр. 90). И 24 мая: «Спаси ее, друг мой, и так довольно несчастий, довольно мрачного окружает любовь нашу» (там же, стр. 95).

Я уже писал тебе...— См. письма 41, 45 и 47.

Первая записка, в которой я писал к тебе о любви...— См. письмо 50.

Я писал тебе когда-то, что намерен составить брошюрку под заглавием «Встречи»...— См. письмо 61.

Эти статейки вместе я назову «Юность и мечты».— Замысел, впоследствии осуществленный в автобиографическом произведении «О себе».

...пожар Москвы ∞ стан Иловайского, где я сосал молоко под выстрелами.— Подробности об этих эпизодах первого года жизни Герцена см. в «Былом и думах» (VIII, 15—20).

...у ч е б н ы е г о д ы ∞ г о д ы с т р а н с т в о в а н и я.— Герцен подчеркивает аналогию событий своей жизни и жизни героя романов Гёте «Учебные годы Вильгельма Мейстера» и «Годы странствования Вильгельма Мейстера».

...в тебя влюбился человек...— Е. И. Герцен.

Ты говоришь о участи голубя...— Отклик на следующие строки Натальи Александровны (от 1 июня): «Ты говорил, что ракета опасна голубю; не опаснее ли голубь для ракеты? Но уже существования их слиты в одно: им одна гибель, одно блаженство!» (*Изд. Павл.*, стр. 98). См выше комментарий к письму 33.

Ответ Н. А. Захарьиной от 12—16 июля 1836 г.—*Изд. Павл.*, стр. 112—115.

68. Н. А. ЗАХАРЬИНОЙ

Печатается по автографу (*ЛБ*). Впервые опубликовано: *РМ*, 1893, № 7, стр. 21—22. На автографе пометы Герцена: «79» и Н. А. Захарьиной: «Июля 27. Понедельник, в Москве».

Ответ на письмо Н. А. Захарьиной от 22—27 июня 1836 г. (*Изд. Павл.*, стр. 105—107).

Я ее поздравил с именинами...— Письмо Герцена к М. А. Хованской неизвестно. 31 июля Наталья Александровна известила Герцена: «Поздравительное письмо твое получено. Конечно, это может мирить вас несколько, а чтобы совершенно переменить мнение кн⟨ягини⟩,— это, мне кажется, нелегко» (*Изд. Павл.*, стр. 117).

Оно начало годину бедствий...— 20 июля 1834 г. Герцен был арестован.

Статья моя «Мысль и откровение» пишется, и первая часть хороша.— Статья эта, носившая также название «Швед» и предназначавшаяся для включения в цикл «Встречи» в качестве «Третьей встречи», не сохранилась. Героем ее был А. Л. Витберг.

Ответ Н. А. Захарьиной от 29 июля — 3 августа — *Изд. Павл.*, стр. 116—118.

69. Н. А. ЗАХАРЬИНОЙ

Печатается по автографу (*ЛБ*). Впервые опубликовано (с купюрами): *РМ*, 1893, № 8, стр. 4—6. Полностью: *Изд. Павл.*, стр. 115—116. На автографе пометы Герцена: «81» и Н. А. Захарьиной: «Загорье. Августа 5-е. Середа».

...с тех пор, как ты со мною была на скачке...— 31 июля Н. А. Захарьина вспоминала в письме к Герцену о 20 июля 1834 г.: «Помнишь, ты сидел со мною в карете у нас? Как прежде проходил мимо, как все вместе бродили по могилам, потом как незаметно мы отделились от толпы. Ах, помню, помню, тогда исчезло для меня все, тогда я видела и слышала только брата моего Александра и его любимую колокольню. Расставшись, долго глядела на тебя, долго прислушивалась к стуку колес, которые увозили от меня так далеко, так надолго все, чем я жила, чем дышала» (*Изд. Павл.*, стр. 117). См. также выше комментарий к письму 24.

Ответ Н. А. Захарьиной от 7—12 августа 1836 г.— *Изд. Павл.*, стр. 120—122.

70. Н. А. ЗАХАРЬИНОЙ

Печатается по автографу (*ЛБ*). Впервые опубликовано: *РМ*, 1893, № 8, стр. 10—12. На автографе пометы Герцена: «83» и Н. А. Захарьиной: «22-е августа. Суббота».

Да, во мне есть перемены ∞ после декабря 1835.— В ответном письме от 23 августа Наталья Александровна следующим образом откликнулась на эту мысль: «Ты пишешь о переменах; да, Александр, истинно эти два года лучшие в твоей жизни. Как богаты они мыслью, как полны чувством, и сколько в них высоты и поэзии! Они — дар бога. Может быть, на них положит основание свое твоя будущность, и будущность высокая. Тюрьма и ссылка будут подножием ее!» (*Изд. Павл.*, стр. 125).

...я оттолкнул последнюю слабость...— Герцен имеет в виду свои отношения с П. П. Медведевой.

В «Телескопе» напечатана моя статья «Гофман» в 10 № за 1836 год...— Статья «Гофман», написанная Герценом еще в 1833—1834 гг., но, вероятно, подвергшаяся затем переработке, опубликована в «Телескопе», 1836, № 10, стр. 139—168 (ценз. разр. 9 июля 1836 г.), без ведома Герцена (см. I, 62—80 и 487—490). Статья была доставлена в «Телескоп» Н. Х. Кетчером. См. о ней также письма Герцена к Н. Х. Кетчеру от середины декабря 1835 г. и к Н. А. Полевому от 2 сентября 1836 г.

Я занят очень литературным трудом, о котором скажу после.— Речь идет, вероятно, о несохранившейся повести, план которой Герцен изложил в письме к Н. А. Захарьиной от 6—9 сентября 1836 г.

Ответ Н. А. Захарьиной от 23—29 августа 1836 г.— *Изд. Павл.*, стр. 124—128.

71. Н. А. ЗАХАРЬИНОЙ

Печатается по автографу (*ЛБ*). Впервые опубликовано: *РМ*, 1893, № 11, стр. 1—4. На автографе пометы Герцена: «85» и Н. А. Захарьиной. «30 августа». Приписка от 17—19 августа написана на отдельном листе.

Ответ на письма Н. А. Захарьиной от 28 июня — 10 июля и 12—16 июля 1836 г. (*Изд. Павл.*, стр. 107—111 и 112—115).

Ответ пришел и отрезал надежды...— В ответ на представление вятского гражданского губернатора от 16 июня 1836 г. (см. выше комментарий к письму 66), шеф жандармов А. Х. Бенкендорф, которому представление было передано министром внутренних дел, известил 20 июля Тюфяева, что его просьба удовлетворена быть не может, «во-первых, потому, что причиною высылки Герцена из Москвы был обнаруженный им в письмах непозволительный образ мыслей, в котором он в столь короткое время исправиться не мог; и, во-вторых, потому, что прощение его было бы несправедливо в отношении прочих, по одному с Герценом делу подвергнутых наказанию и равно с ним или даже и менее виновных» (*Л* I, 284—285).

...и это письмо придет к тебе 26 августа вместо меня!—26 августа — день именин Натальи Александровны. Ср. письмо Герцена от 4 августа.

О твоем путешествии в Киев и не думай...— 28 июня Наталья Александровна писала Герцену: «Сама придумывала я, как бы очутиться мне в Вятке. Хочешь, я уверю к⟨нягиню⟩, что в сновидении мне велено идти в Киев, и непременно получу позволение и, разумеется, явлюсь к тебе, буду и в Киеве! Но подождем, что бог даст через месяц. Ах, что-то Он даст?!» (*Изд. Павл.*, стр. 108). Через две недели, 10 июля, Наталья Александровна приписала к тому же письму: «Ты писал, что через месяц ждать ответа,— одна неделя уж осталась. О, ради бога, напиши мне тотчас и лети скорее сам. Покинь все, ангел мой, и лети ко мне, мой спаситель. Если же отказ, пиши и то скорее. Теплого времени уж не много остается, чтоб успеть мне придти к тебе до зимы; только бы взглянуть на тебя, только бы услышать твой голос, и я опять радостно буду переносить все ⟨...⟩ Повидавшись с тобой, я готова хоть на смерть» (там же, стр. 111).

О, нет, нет, ничего не прибавила тебе моя мечта...— Отклик на высказывание Натальи Александровны в письме от 6 июля: «Пусть тебе известно каждое состояние души моей, ангел мой, пусть ты видишь, что я не так высока, не так небесна, как воображаешь ты, и пусть ты любишь Наташу — существо слабое, жалкое, а не ту мечту, которая восхищает тебя...» (там же, стр. 110).

...твоя любовь простила мой черный, гнусный поступок...— 12 июля Наталья Александровна писала Герцену в ответ на его письмо от 19 июня—1 июля: «Читая признание твое, ангел мой, я залилась слезами ⟨...⟩ Мне жаль тебя, Александр, горько, что в тебе не стало сил устоять против того стремления, которое вовлекло тебя в этот поступок. Но, ей-богу, я слишком постигаю весь ужас тогдашнего твоего положения, и этот холод, и эти оковы, и эти убийственные взоры на каждом шагу, и твою душу. Всею душой, всею любовью моею прощала тебя на каждом слове. Верь же, Александр, верь, милый мой, что, читая письмо, ни одна темная мысль о тебе не посетила души моей ⟨...⟩ Чего стоит твое раскаяние? О, ей-богу, оно выше твоей вины, а если разлука наша — наказание, то она давно, давно искупила пятно это в душе твоей, и ты прощен небесами

⟨...⟩ Теперь просьба о ней. Ежели ты не можешь прибавить ей счастья, не умножай горя ее, заставь ее разлюбить тебя незаметно ей самой и пуще всего при расставании не давай надежды: не то страдания ее будут тяжки и продолжительны. Кому бы я с такою уверенностью поручила спасение несчастной? Тебе же... Веришь ли, мой ангел, как покойна я, отдавая судьбу *ее* в *твои* руки. Старайся же всеми силами не принести ей собою ни малейшей неприятности. Ты сам говоришь, что уж она довольно несчастна и без новых ударов. Да поможет тебе бог спасти ее» (там же, стр. 112—113 .

От Emilie получил письмо ∞ я буду ей писать с будущею почтой.— Письмо Э. М. Аксберг и ответ Герцена неизвестны. 1 июля Наталья Александровна сообщала Герцену: «Получила письмо от Emilie (на твое еще нет ответа). Она, кажется, спокойнее, не видно того отчаяния, той боли, которой стоны выходили из души ее с каждым словом. О, сколько перестрадала душа моя, глядя на нее, и как перенесла она, и как еще может жить на свете! В ней много веры: она одна могла спасти ее. Она пишет: „Напиши твоему Александру, что я жду его. Я знаю, он принесет мне новую жизнь и вынесет мою Наташу из ада“» (там же, стр. 108—109).

...гнусную Марью Степановну...— Характеристику компаньонки М. А. Хованской — М. С. Макашиной, «здоровой, краснощекой вдовы какого-то звенигородского чиновника, надменной своим „благородством“ и асессорским чином покойника, сварливой и неугомонной женщины», и ее роли в преследованиях Н. А. Захарьиной — см. в части третьей «Былого и дум» — VIII, 317—323 и 358.

...я просил ее д л я т е б я нарисовать мой портрет...—См. об этом подробно в «Былом и думах» (VIII, 338).

Ответ Н. А. Захарьиной от 31 августа — 7 сентября 1836 г. — *Изд. Павл.*, стр. 130—135.

72. Н. А. ЗАХАРЬИНОЙ

Печатается по автографу (*ЛБ*). Впервые опубликовано: *РМ*, 1893, № 11, стр. 11—12. На автографе помета Герцена: «87». Автограф поврежден; слова «за то, что» («побранить ⟨за то, что⟩») восстанавливаются по смыслу. Слова: «ибо люди меня встретили *обидой! оскорблением!*» (стр. 94, строки 11—12) — вписаны над строкой, без точного указания, куда именно они включаются.

...это было в 1826 году на Воробьевых горах ∞ пошли вместе на всю жизнь.— См. описание этого эпизода в главе IV части первой «Былого и дум», озаглавленной «Ник и Воробьевы горы» (VIII, 81—82).

...не посылаешь мне стихов твоего сочинения...— Н. А. Захарьина прислала Герцену два свои стихотворения: «Кто не знаком с восторгом дивным...» и «Как дивно все Его творенье...» в письме от 10 октября 1836 г. (см. *Изд. Павл.*, стр. 153—154).

...в следующем письме я напишу о действии на мою душу некоторых авторов...— Очевидно, Герцен не осуществил этого намерения.

Костинька — Наталья Константиновна, старушка-няня, о которой Герцен тепло упоминает в «Былом и думах» (VIII, 17, 320, 363—365, 367; см. также *Пассек*, I, стр. 38).

Ответ Н. А. Захарьиной от 14—19 сентября 1836 г.—*Изд. Павл.*, стр. 139—141.

73. Н. А. ПОЛЕВОМУ

Печатается по автографу (*ЛБ*). Впервые опубликовано: «Научное слово», 1903, № 4, стр. 149.

...увидев моего «Гофмана» в «Телескопе»... — См. письмо 70 и комментарий к нему.

...сначала я предполагал, что вы его поместили...— Герцен послал Полевому рукопись «Гофмана» в декабре 1835 г. 25 февраля Полевой известил его о том, что рукопись получена, и советовал статью «поисправить в слоге, весьма небрежном», а также исключить некоторые выражения, опасные в цензурном отношении. «Если вы доверите мне,— писал Полевой,— я охотно приму на себя обязанность продержать над статьею вашею политическо-литературную корректуру и потом отдать ее в какой угодно журнал. Без вашего позволения приступить ни к чему не смею и, право, не советую без поправок посылать к другому» (XI, 516).

...статья эта напечатана не токмо без моего дозволения, но даже без моего ведома.— Публикуя цитированное выше письмо Полевого, Герцен писал в примечании: «Статья, о которой идет речь, была напечатана в одной из последних книжек „Телескопа“ и поссорила меня с Полевым. К(етчер), не зная вовсе, что я дал ее Полевому, напечатал ее в „Телескопе“ и, считая неосторожным оставить под нею мою фамилью, поставил *Искандер*, подпись, которую я шутя употребил в одной статье, назначенной не для печати (...) Полевой рассердился на меня и, не узнав дела, написал мне записочку, в которой говорил, что *серьезные* люди не дают одну и ту же статью в два журнала. Я ему отвечал на это, что *они* имеют еще и другие привычки, например, сперва узнать дело и потом браниться» (XI, 517).

Получили ли вы длинное послание от меня в начале весны? — Это письмо Герцена неизвестно.

Вы собирались в Петербург?..— Еще в письме от 25 февраля 1836 г. Полевой сообщал Герцену: «Москва так надоела мне, что может быть, я решусь совершенно оставить ее; по крайней мере, нынешнее лето, с июня месяца, я проживу в Петербурге. Если уж надобно, неволя велит продолжать мне мою деятельность, то надобно продолжать ее в Петербурге...» (XI, 516). Полевой переехал в Петербург в октябре 1837 г.

К моей статье о Вятке я прибавил Казань и Пермь...— Статья о Вятке остается неизвестной, так же, как прибавление к ней — о Перми. Статью о Казани (вероятно, сильно урезанную при печатании ее в 1840 г.) под названием «Письмо из провинции» см. в т. I, стр. 131—133.

Ответ Н. А. Полевого неизвестен.

74. Н. А. ЗАХАРЬИНОЙ

Печатается по автографу (*ЛБ*). Впервые опубликовано: *РМ*, 1893, № 11, стр. 23—26. На автографе пометы Герцена: «89» и Н. А. Захарьиной: «Вятка» и «1836-го. Последнее в Загорье». Автограф поврежден; некоторые слова (в приводимой Герценом надписи на портфеле, подаренном Витбергу) читаются предположительно. Текст: «Ангел мой ∞ этот лист» написан на отдельном листе.

Ответ на письма Н. А. Захарьиной от 29 июля — 3 августа и 7—12 августа 1836 г. (*Изд. Павл.*, стр. 116—118 и 120—122).

...моя утренняя звездочка — как ты себя назвала.— В письме от 7 августа.

...она воображает, что я влюблен в Полину.— В «Былом и думах» Герцен писал о Медведевой: «...сама Р., с неуловимой ловкостью ящерицы, ускользала от серьезных объяснений, она чуяла опасность, искала отгадки и в то же время отдаляла правду. Точно она предвидела, что мои слова раскроют страшные истины, после которых все будет кончено, и она обрывала речь там, где она становилась опасною. Сначала она осмотрелась кругом, несколько дней она находила себе соперницу в молодой,

милой, живой немке, которую я любил, как дитя, с которой мне было легко именно потому, что ни ей не приходило в голову кокетничать со мною, ни мне с ней. Через неделю она увидела, что Паулина вовсе не опасна» (VIII, 346).

...план повести...—Повесть, план которой сообщает здесь Герцен, неизвестна. Вероятно, она не была им завершена.

Ответ Н. А. Захарьиной от 21—30 сентября 1836 г. — *Изд. Павл.*, стр. 142—146.

75. Н. А. ЗАХАРЬИНОЙ

Печатается по автографу (*ЛБ*). Впервые опубликовано: *РМ*, 1894, № 1, стр. 84—86 (ошибочно слито с письмом от 29 сентября). На автографе пометы Герцена: «92» и неустановленного лица: «4 октября». Автограф поврежден; слово «не» («⟨не⟩ говоря ни слова») восстанавливается по смыслу.

...ты писала как-то, что для Emilie кажется ужасно положение наше...— Герцен имеет в виду письмо Н. А. Захарьиной от 12 августа 1836 г., «Эмилия пишет ко мне. Она все гадает о тебе, желает ужасно, чтоб ты приехал, и боится этого, будто она меня не знает?» (*Изд. Павл.*, стр. 122).

Повесть я начал и написал IV главы...— Речь идет о первой редакции повести «Елена», имевшей первоначально название «Там» (I, 139—169).

...«Мечты и жизнь»...— Сборник «былей и повестей» Н. А. Полевого в четырех частях. М., 1834. В сборник вошли «Блаженство безумия», «Рассказы русского солдата», «Живописец», «Эмма» и «Мешок с золотом».

Ответ Н. А. Захарьиной от 4—10 октября 1836 г.— *Изд. Павл.*, стр. 150—154.

76. Н. Х. КЕТЧЕРУ и Н. И. САЗОНОВУ

Печатается по автографу *(ЛБ)*. Отрывок впервые опубликован в статье П. В. Анненкова «Идеалисты тридцатых годов» — *ВЕ*, 1883, № 3, стр. 146. Полностью: *Л* I, 325—326.

Итак, я на границе юности...— В ответном письме Н. И. Сазонов писал: «Нет, друг не прошла юность наша, напротив, теперь-то юность настоящая: мы было испортили жизнь свою, но сила души восторжествовала, и солнце юности заблистало для нас ярче и прекраснее, не затемненное облаками мечтательности и разгулья». Кетчер приписал на полях: «Concedo ⟨Согласен⟩» (*ЛН*, т. 62, стр. 530—532).

...но какая-то горькая мысль заставила меня бросить игрушку...— См. комментарий к письму 50. Т. П. Пассек писала по этому поводу в своих воспоминаниях: «Саше было около двенадцати лет, когда он случайно узнал и понял об отношениях своих родителей, что прежде туманно мелькало в разговоре нянек и прислуги, не останавливая его внимания ⟨...⟩ Грустно рассказывал мне Саша о своем открытии и возмущался тем, что он и мать его стоят в *ложном* общественном положении. „Ну если так,— говорил он со слезами на глазах,— значит, я не завишу ни от отца, ни от общества,— значит, я свободен“» (*Пассек*, I, стр. 156. Ср. VIII, 32—35).

Сазонов, ты знаешь ее, ты был у меня в Крутицах 1835 апреля 9.—О посещении Сазоновым Герцена в Крутицких казармах и его отзыв о Н. А. Захарьиной см. в письме 113.

...прошу его отослать в Пензу.— В Пензе находился в то время Огарев.

Ответ Н. И. Сазонова и Н. Х. Кетчера от 11 октября 1836 г.— *ЛН*, т. 62, стр. 530—532.

77. Н. А. ЗАХАРЬИНОЙ

Печатается по автографу (*ЛБ*). Впервые опубликовано: *РМ*, 1894, № 1, стр. 86—89 (ошибочно присоединено к письму от 21—23 сентября 1836 г.). На автографе помета Герцена: «93». Конец письма, от слов: «Еще раз о Мед⟨ведевой⟩...»— на отдельном листе, без абзаца; возможно, что ему предшествовал несохранившийся текст. Автограф поврежден, некоторые слова восстанавливаются по смыслу.

Ответ на письма Н. А. Захарьиной от 23—29 августа, 31 августа—7 сентября и 19 сентября 1836 г. (*Изд. Павл.*, стр. 124—128, 130—135, 142). Отрывки из первых двух писем неточно цитируются в «Былом и думах» (VIII, 345 и 353).

...есть надежды, и надежды большие?— В начале августа 1836 г. отец Герцена обратился с письмом к шефу жандармов А. Х. Бенкендорфу, в котором писал (от третьего лица): «Г-н Яковлев, находясь в преклонных летах и в болезненном состоянии, имел при себе единственным утешением означенного Герцена, а разлучением с ним уже третий год погружен в глубочайшую горесть, и желая при конце своей жизни еще увидеть и благословить воспитанника своего, осмеливается просить монаршего милосердия о дозволении воспитаннику его Герцену возвратиться на службу и в родительский дом в Москву» (*Л* I, 332). Прошение И. А. Яковлева, как и другие аналогичные его обращения в III отделение не произвели никакого действия; оно даже осталось без ответа.

О портрете буду хлопотать...— Отклик на следующие строки Натальи Александровны: «С первою же оказией напишу, чтоб маменька старалась как-нибудь уговорить папеньку подарить мне твой портрет, тот, который у меня был. А о своем я много хлопотала, бывши в Москве, но или ожидание самого тебя, или что другое не заставило обратить внимание на это никого. Ты сам об этом старайся, я тут не могу ничего. Но твой портрет не так похож, мое воображение наполняло недостатки; мне казалось иногда, что на этом полотне горят твои дивные, огненные глаза, казалось, с них льется на меня струя любви, что твои уста не безответны; но Александр, если ты можешь, пришли мне твой портрет через папеньку; теперь у меня каждую ночь горит лампада: если сердитые люди не дадут мне насмотреться на тебя днем, ночь, целая ночь моя!» (*Изд. Павл.*, стр. 130). На письме Н. А. Захарьиной от 31 августа 1836 г. Герцен сделал помету: «Портрет отправил 7 октября» (*ЛБ*).

Ты рада, что я более сижу дома.— В том же письме Наталья Александровна писала: «Ты хочешь обратиться к уединению. О мой милый отшельник! Оставь эти пустые гостиные, что в них? В них только много сора и пыли,а в уединенной жизни удивительная полнота, с тобою же Витберг. Будь с ним более, занимайся, пиши Наташе, и год промчится,— и ты прилетишь ко мне!» (там же, стр. 131—132).

Водо тебе в женихи...— 28 августа Наталья Александровна сообщала Герцену: «Папенька, поздравляя меня с именинами, между прочим пишет, что занимается избранием мне жениха и уже одного имеет в виду. Е⟨гор⟩ И⟨ванович⟩ говорит, что это должен быть Водо. Ты не беспокойся об этом и не думай, я сама не боюсь ничего. Княгиня, кажется, довольна этим и тревожится, и боится. Если не ошибается Саша, то, кажется, к⟨нягиня⟩ несколько догадывается о тебе» (там же, стр. 127).

Преуморительная записка в папенькином письме...— К несохранившемуся письму И. А. Яковлева была приложена следующая записка Н. А. Захарьиной от 19 сентября 1836 г.: «Любезнейший Александр Иванович! Никогда не сомневалась я в вашей дружбе, но присланные вами книги и память о моих именинах были новым доказательством оной и принесли мне новое величайшее удовольствие. Все лето я провела при-

ятно. Теперь мы собираемся в Москву. Дай бог, чтоб и вы возвратились скорее туда, где ждут вас с нетерпением родные, друзья и всею душой любящая сестра. Н а т а ш а» (там же, стр. 142). 27 сентября Наталья Александровна писала по поводу этой записки Герцену: «Я думаю, ты получил через папеньку записку мою. Он сам велел мне написать. Как это неприятно обманывать и притворяться, хотя необходимость, но я краснела, писавши ее, унизилась в собственных глазах, и мне так казалось трудно и мудрено написать тебе, как будто в первый раз. Может, и тебе оно неприятно...» (там же, стр. 145).

Итак, Саша и Костя — мои агенты...— 4 сентября Наталья Александровна писала Герцену: «...только не надобно, чтоб знали о переписке. Это от всех тайна. А ты знаешь, что мне ужасно строго было запрещено к тебе писать〈...〉 Разве я могла послушаться княгини? Она увидит сама, что требовала невозможного. Только тогда надо будет стараться спасти от вечных преследований Сашу и Костю. Они в нашем заговоре, и отсюда все письма к тебе идут через их руки, также и твои ко мне» (там же, стр. 133—134).

Emilie не верит вполне моей любви ∞ я люблю сильные души.— Отклик на слова Натальи Александровны в письме от 26 августа: «Твоей любви, кажется, не верит никто, кроме меня и Саши Боборыкиной; Эмилию убила измена, а другие... Кто ж может вполне постигнуть тебя, кто может обнять твою необъятную душу?» (там же, стр. 126).

...ты поправила мою ошибку и отстранила Мар〈ью〉 Ст〈епановну〉 от нас...— 1 сентября Наталья Александровна писала Герцену в связи с его намереньем привлечь на свою сторону М. С. Макашину: «На что же, мой ангел, тут вмешивать ее? Неужели, кроме этого ржавого, негодного железа, бог не пошлет нам орудие? Когда можно избегнуть, не должно унижаться. У нее же, кажется, единственное твердое чувство— ненависть к тебе, как к злоумышленнику (на ней основан патриотизм ее весь), и я почти уверена, что оно перевесит жадность и корыстолюбие〈...〉Ты подумай сам и увидишь, что Марья Степановна — недостойное орудие. И зачем подарками, деньгами покупать счастье? Чистотою, святостью души, любовью купим его, ангел мой» (там же, стр. 131).

...как она читала записку за французские стихи...— Наталья Александровна сообщала Герцену 28 августа: «Писать всего я не могу, потому что знаю, что письма мои иногда читаются, и пишу мелко для того, что не всякий разберет, а ты, я уверена, сумеешь прочесть, как бы ни было написано. Да, вот как это спасло меня. Раз я писала к тебе, и М〈арья〉 С〈тепановна〉 вошла неожиданно в комнату. Что делать? Письма не дать ей я не могла. Она в очках смотрела его и поверила, что это французские стихи» (там же, стр. 127).

Ты доселе восхищаешься «Легендой»...— «Я часто перечитываю „Легенду“,— писала Наталья Александровна 28 августа.— Никакая повесть, никакой роман, ничто меня не может занять так, как Феодора» (там же, стр. 128).

...с новой повестью...— «Елена»; см. письмо 75 и комментарий к нему.

...я, кажется, тебе писал, что я его уронил в щель на станции в Нижегородской губернии...— Это письмо Герцена неизвестно.

...ты права, что смерти бояться нечего...— 26 августа Наталья Александровна писала Герцену: «Что бы могло сделать меня несчастною? Смерть твоя? — нет, потому что я не переживу тебя. Итак, что же может убить меня при жизни твоей? Если ты перестанешь любить меня,— может, это убьет меня, я тогда умру, но несчастной не назовусь» (*Изд. Павл.*, стр. 125).

Ответ Н. А. Захарьиной от 10 октября 1836 г.— *Изд. Павл.*, стр. 151—154.

78. Н. А. ЗАХАРЬИНОЙ

Печатается по автографу (*ЛБ*). Впервые опубликовано (с купюрами): *РМ*, 1894, № 4, стр. 165—169. Полностью: *Изд. Павл.*, стр. 148—150. На автографе пометы Герцена: «96» и Н. А. Захарьиной: «Пятница, 23 октября». Приписки от 11 и 12—14 октября находятся на двух отдельных листах.

Ответ на письма Н. А. Захарьиной от 7—12 и 14—19 сентября 1836 г. (*Изд. Павл.*, стр. 135—137 и 139—141).

...у тебя (ежели отдадут) будет мой портрет...— См. воспроизведение этого второго портрета Герцена работы Витберга в наст. томе (фронтиспис). В т. I наст. изд. (стр. 272) портрет воспроизводился по несовершенной копии (о подлиннике, обнаруженном в 1945 г. в фондах Музея изобразительных искусств, см. *ЛН*, т. 63, стр. 649—654).

...возьми слог твоих писем, образ мыслей...— Герцен писал впоследствии в «Былом и думах»: «Разница между слогом писем Natalie и моим очень велика, особенно в начале переписки; потом он уравнивается и впоследствии делается сходен. В моих письмах рядом с истинным чувством — ломаные выражения, изысканные, эффектные слова, явное влияние школы Гюго и новых французских романистов. Ничего подобного в ее письмах,— язык ее прост, поэтичен, истинен, на нем заметно одно влияние — влияние евангелия. Тогда я все еще старался писать свысока и писал дурно, потому что это не был мой язык. Жизнь в непрактических сферах и излишнее чтение долго не позволяют юноше естественно и просто говорить и писать; умственное совершеннолетие начинается для человека только тогда, когда его слог установливается и принимает свой последний склад» (VIII, 345—346).

Скажи твоей Саше, чтоб она и не думала умирать.— 12 сентября Наталья Александровна сообщала Герцену о своей подруге — крепостной горничной Саше Вырлиной: «...Саша в восторге, что ты вспомнил ее ⟨в письме от 25—26 августа⟩ и считает себя счастливою и выше существ обыкновенных, будучи упомянута в нашей переписке и получив от тебя благоволение. Она в самом деле выше существ простых и заслуживает внимания. Я не надеялась встретить в подобном состоянии такую душу и столько чувства. Но надобно прибавить, что единственное, пламенное желание ее —умереть (особенно разлучившись со мною), ибо кругом нее мерзкое поле (как она выражается), а она *одна*. Ты не забыл ее, ангел мой, благодарю! Это существо не должно быть забыто никогда» (*Изд. Павл.*, стр. 136—137). См. страницы, посвященные «бедной жертве гнусной, проклятой русской жизни» — Саше Вырлиной, в главе XX части третьей «Былого и дум» (VIII, 324—326).

...напрасно запала дума, что папенька именно обо мне думает.— Отклик на следующее место из письма Натальи Александровны (приписка от 15 сентября): «Странно, мой ангел, что́ заставляет папеньку хлопотать так о моем замужестве? С последнею оказией писал еще к⟨нягине⟩, что играть свадьбы — дело христианское и что пора в Москву, а там устроит меня, с ее согласия и разрешения» (*Изд. Павл.*, стр. 140).

Очень вспомнил я то место в «Notre Dame», о котором ты пишешь.— 19 сентября, благодаря Герцена за присылку книги Гюго «Собор Парижской богоматери», Наталья Александровна писала: «Досадно то, что мне еще не удается порядочно прочесть ее. Но уже Эсмеральда мне знакома, и я в восторге от нее. Эсмеральда, Эсмеральда! Помнишь ли слова ее на вопрос (Gringoire'a) о дружбе и любви? Помнишь ли, что они растворили мне двери души твоей, двери моего неба, рая!..» (там же, стр. 141). Н. А. Захарьина имеет в виду следующие слова героини «Собора Парижской богоматери», ответившей на вопрос поэта Гренгуара: „А знаете ли вы, что такое дружба?"— „Да. Это значит быть братом и сестрой;

это — когда две души, не сливаясь, лишь соприкасаются; это — два перста одной руки". На вопрос же Гренгуара: „А любовь?" Эсмеральда ответила: „Любовь — это когда двое едины. Когда мужчина и женщина превращаются в ангелов. Это — небо!"» (книга вторая, глава 7-я). Ср. письмо 50.

...был 9 апреля 1834.— 9 апреля 1835 г. (а не 1834) — день свидания Н. А. Захарьиной с Герценом в Крутицких казармах. См. письмо 33.

Сейчас получил письмо от Тат⟨ьяны⟩ Петр⟨овны⟩ ∞ требует моей помощи.— В. В. Пассек намерен был издавать журнал «Очерки России». Средства для издания ему предоставил Е. П. Гардинский. Намерение осталось неосуществленным. Впоследствии под названием «Очерки России» Пассек издал несколько сборников. Письмо Т. П. Пассек, в котором она просила Герцена прислать какие-либо материалы для «Очерков России» — неизвестно (Пассеки в это время находились на Украине). Неизвестно также и ответное письмо Герцена (о его содержании см. в письме 80). В своих воспоминаниях Т. П. Пассек сообщает о получении ею с мужем на Украине письма от Герцена: «Он описывал нам свой отъезд из Москвы, впечатления по пути в Вятку, новые знакомства и, между прочим, говорил, что перед отъездом у него вышла неприятность с нашим семейством, так глубоко огорчившая его, что он разорвал все отношения с ними — и навсегда. Причины этой неприятности он не объяснял, жаловался на оскорбления, полученные им в лице его матери; в чем-то туманно оправдывался, чего мы вполне не могли понять; говорил, что он находится в глубокой тоске, надеется не жить долее тридцати лет, что порядочному человеку долее тридцати лет жить и не следует, и кончил тем, что так как мы непричастны его неприятностям с нашими и если от него не отрекаемся,— то он по-прежнему наш друг». «Вадим отвечал Саше,— продолжает далее Пассек,— что мы ничего не слыхали о его неприятности с нашими, просил объяснить, в чем дело, что, может, виной всего недоразумение, и когда разъяснится, то не окажется и надобности прибегать к таким крайним, к таким печальным мерам. Ответа на письмо не было ⟨...⟩ С этого времени отношения Александра к семейству Пассек, за исключением меня и Вадима, прекратились и они уже никогда не видались больше» (*Пассек*, II, стр. 272—273). Судя по характеру излагаемого письма, оно, вероятно, относилось не к 1836, а к 1835 г., так как навряд ли Герцен стал бы через год с лишним делиться с Пассеками своими путевыми впечатлениями и сообщать о «новых знакомствах». Решение не давать Пассекам статьи для их издания не было окончательным: в третьей книжке «Очерков России», вышедшей в свет в Москве в начале 1840 г., был опубликован очерк Герцена «Письмо из провинции» (I, 131—133).

Повесть идет вперед.— Очевидно, повесть «Елена».

Статья о Вятке...— См. письма 52 и 73 и комментарий к ним.

Новая повесть есть в голове ∞ В будущий раз напишу план.— О каком своем замысле говорит здесь Герцен, точно не установлено. Возможно, речь идет о несохранившейся повести, написанной в 1837 г., «I Maestri», где под именем «Калибан-гиена» был выведен вятский губернатор Тюфяев.

Ответ Н. А. Захарьиной от 23—26 октября 1836 г.— *Изд. Павл.*, стр. 161—167.

79. Н. А. ЗАХАРЬИНОЙ

Печатается по автографу (*ЛБ*). Впервые опубликовано: *РМ*, 1894, № 4, стр. 169—172, с присоединением части следующего письма. На автографе помета Герцена: «97». Текст: «Я грустен ∞ Твой А л е к с а н д р» написан на отдельном листе. На обороте этого листа текст приписок от 21—28 октября. Установить точную последовательность обоих текстов

не представляется возможным. Приписка: «Шелковинка ∞ головы» сделана на той же странице, что и адрес.

Ответ на письмо Н. А. Захарьиной от 21—30 сентября 1836 г. (*Изд. Павл.*, стр. 142—146).

Твое последнее письмо от 29 сентября сначала привело меня в восторг.— Наталья Александровна сообщала в своем письме: «В Москве у меня одно окошко, и оно на восток. Когда купили этот дом, мне было *14 лет*, и из этого окна я в первый раз увидела *утро*. Дивное влияние сделала на меня эта звезда, чистая, игривая, такая далекая от земли и такая приветная, и это солнце, и свет его, и его лучи〈...〉 И с тех пор редко просыпала я восхождение солнца, как будто бы в небесных явлениях я читала мое будущее и восхищалась им, и почти каждое утро встречала мою звездочку, и с каждым днем, глядя на нее, становилась светлее, ярче, ближе к ней. Через полтора года после этого ты говорил о своих чувствах при этой картине (вечер 6 января, 1834 г., у Насакиных), и тут вскоре восток мой заалел, и душа бледнела в твоих лучах, и купалась в твоем сиянии, и теперь она потонула в тебе, как та звездочка потонула в солнце! Скажи, ангел мой, не похожи ли на эти светила мы с тобою? 〈...〉 Твой образ должен сохраниться на земле, пока она будет существовать; имя твое должно звучать до тех пор, пока голос человеческий будет слышен; должно, чтоб при воспоминании о тебе грудь старца расцветала юностью, чтоб юные души, согретые тобой, как солнцем, украшали мир дивными произведениями. Нет, Александр, я не хочу умереть без того, чтобы в каждом взоре не видать слезы умиления и восторга при твоем имени, чтобы в каждом существе не встретить поклонника твоего, чтобы во всех сердцах не найти пламя, возженное тобою! 〈...〉 Тогда, как ты будешь во всем блеске, когда души, согретые тобою, расцветут, и твое сияние осветит дивные плоды целого сада, тогда, тогда... 〈...〉 Тогда в последнее услышать от тебя слово любви, прочесть ее во взоре твоем, испить в поцелуе твоем и... потонуть в тебе, как Венера в солнце!..» (*Изд. Павл.*, стр. 142—143).

Твоя безусловная любовь заставила тебя поставить на одну доску Егор〈а〉 Ив〈ановича〉 и Мед〈ведеву〉.— Герцен имеет в виду следующие строки из письма Натальи Александровны: «Не правда ли, мой Александр, мы не можем быть счастливы совершенно, то есть спокойно наслаждаться счастьем, прежде нежели Мед〈ведева〉 не будет спокойна? Это главное, о чем ты должен стараться. Согласие *наших* — это ничего перед этим: там один каприз, тут истинное чувство. Вот два существа, которым провидение нанесло удары мною: Ег〈ор〉 Ив〈анович〉 и Мед〈ведева〉; теперь и вперед должно стараться облегчить их участь, но для первого я не могу ничего, а Мед〈ведеву〉, мне кажется, я могла б утешить, — кажется!..» (там же, стр. 144).

Повесть растет в моей мысли...—Речь идет о повести «Елена» («Там»).

Получил еще записочку от тебя и от княгини в папенькином письме.— Эта «официальная» записка Натальи Александровны, так же как записка М. А. Хованской и письмо И. А. Яковлева, остается неизвестной.

Твое рожденье — в день пресвятой девы... — 22 октября праздновался день Казанской божьей матери.

...поздравляю тебя ∞ отдали портрет?—Герцен поздравляет Наталью Александровну с днем рождения (22 октября). В этот день ей должны были передать его новый портрет, специально для нее написанный Витбергом. См. комментарий к письму 78.

...прокурор... — Н. М. Мейер.

Шелковинка приложенная есть мерка моей головы.— Отклик на просьбу Натальи Александровны: «Мне хочется вышить тебе ермолку; утешь меня, смеряй свою голову и напиши мне, сколько вершков. Знаю, тебе это большая комиссия: легче б написать целую статью, и, верно, забудешь и не напишешь; но утешь же меня, Александр, я в горе» (*Изд. Павл.*, стр.144).

Ответ Н. А. Захарьиной от 7—16 ноября 1836 г.— *Изд. Павл.*, стр. 173—177.

80. Н. И. САЗОНОВУ и Н. Х. КЕТЧЕРУ

Печатается по автографу (*ЛБ*). Впервые опубликовано (с купюрами) в статье П. В. Анненкова «Идеалисты тридцатых годов» — *ВЕ*, 1883, № 3, стр. 133—135. Полностью: *Л* I, 338—340. Автограф поврежден, слово «надобно» («⟨надобно⟩ от вас достать мне») читается предположительно.

Письмо написано после получения 14 октября 1836 г. письма от Пассеков с просьбой прислать материалы в проектируемый ими журнал (см. письмо 78). Сообщая 4 ноября Н. А. Захарьиной о своем намерении отправить через две недели в печать «Три встречи», Герцен несомненно имел в виду обращение к нему по этому поводу Кетчера и Сазонова, ответом на которое служит настоящее письмо. Этим и определяется приблизительная датировка письма.

Ответ на неизвестное письмо (или письма) Н. Х. Кетчера и Н. И. Сазонова и, возможно, на их письмо от 11 октября 1836 г. (*ЛН*, т. 62, стр. 530—532). На автографе последнего письма помета Герцена: «ок⟨тября⟩ 29».

...вы видели из прошлой грамоты моей... — См. письмо от 22 сентября 1836 г., где Герцен открылся своим друзьям в любви к Наталье Александровне.

...о статье...— По-видимому, имеется в виду недоразумение, связанное с опубликованием статьи Герцена «Гофман» (см. письмо к Н. А. Полевому от 2 сентября 1836 г.).

...я не напечатаю без предисловия, а с предисловием ее не напечатают.— В предисловии к «Легенде», написанной во время заключения в Крутицких казармах, Герцен сообщал, что замысел этой повести возник у него в тюрьме. В заключительной части предисловия, провозглашая, что «жизнь для идеи, жизнь для водружения креста, для искупления человека» является «высшим выражением общественности», Герцен довольно прозрачно намекал на сен-симонистов и отмечал «свист и смех, с которым встретило XIX столетие религиозное направление» (I, 83—84). При жизни Герцена «Легенда» напечатана не была.

...теллурических...— земных (лат. tellus).

От Вадима Пассека получил письмо с требованием статей...— Речь идет, вероятно, о несохранившемся письме Т. П. Пассек, упоминание о котором см. в письме 78.

...«Путевые записки»...— Книга В. В. Пассека «Путевые записки Вадима *», М., 1834. «„Путевые записки Вадима“,— саркастически замечал о книге Пассека Белинский в „Телескопе“,— истинное диво дивное! Чего-то в них нет! И юношеские рассуждения, и археологические мечты, и исторические чувствования — все это так и рябит в глазах читателя. А риторика, риторика — о! да тут разливанное море риторики! ⟨...⟩ Не ищите грамматических ошибок, не ищите бессмыслиц; но не ищите и новых мыслей, не ищите выражений, ознаменованных теплотою чувства... Риторика все потопила!» (В. Г. Белинский. Полн. собр. соч., изд. АН СССР, т. I, М., 1953, стр. 152).

...Путешественник... — Н. И. Сазонов. См. комментарий к письму 40.

...Шведенборговы духовидения...— Речь идет о произведении шведского мистика Сведенборга «Arcana Coelestia» («Небесные тайны», 1749—1756).

Прошу и умоляю.— Книги понадобились Герцену, по-видимому, в связи с работой над мистической повестью, план которой он сообщил Н. А. Захарьиной в письме от 6—9 сентября 1836 г.

Я оправдал пророчество путешественника... — См. комментарий к письму 48, стр. 472 наст. тома.

Ответ Н. Х. Кетчера и Н. И. Сазонова неизвестен.

81. Н. А. ЗАХАРЬИНОЙ

Печатается по автографу (*ЛБ*). Впервые опубликовано: *РМ*, 1884, № 4, стр. 184—187. На автографе помета Герцена: «100». Приписка от 4 ноября сделана на отдельном листе. Автограф поврежден, окончание слова «доброде⟨телей⟩» восстанавливается по смыслу.

Вместо слов: «прельщенных красотою Люцифера» (стр. 112, строка 45) было: «прельщенных Люцифером».

Ответ на письма Н. А. Захарьиной от 4—7 и 10 октября 1836 г. (*Изд. Павл.*, стр. 150—151 и 151—154).

Нет, не люди, не толпа затмили мою душу... — Письмо Натальи Александровны от 4 октября начиналось словами: «Что, ангел мой, что затмило твою душу? Люди — толпа, забудь их, забудь. Ужель они имеют столько силы, чтоб мучить, томить тебя? Я чувствую, ты болен. Но эта любовь, эта душа, все существо, полное одной любви к тебе, созданное для одного тебя, ужели оставляют в твоем сердце место земной скорби?» (*Изд. Павл.*, стр. 150).

Emilie приехать сюда — опять мечта несбыточная... — «Вот что пришло мне в голову,— писала Наталья Александровна 7 октября.— Я не поеду к тебе, это верно; если б можно было, чтобы Эмилия навестила тебя с маменькой! Она правый глаз мой. Напиши мне на это свою мысль» (там же, стр. 151).

...любимец губернатора... — В ту пору Тюфяев еще благоволил к Герцену. Вскоре, однако, его отношение к ссыльному перешло в открытую ненависть (см. «Былое и думы» — VIII, 234—296).

...чтоб ехать по губернии, и это продолжится месяца два... — Поездка Герцена по Вятской губернии для сбора статистических сведений не состоялась. 14 октября 1836 г., сообщая министру внутренних дел о неудовлетворительной работе вятского статистического комитета, Тюфяев писал: «...я признал за нужное обратиться к решительным мерам и именно — командировать во все города совершенно знающего сию часть чиновника. Ему предполагаю я отдать все сведения и бумаги, какие доселе были собраны, с тем, чтоб он на местах, без всяких переписок, личными трудами своими, сообразив всё, исправил несообразности и пополнил недостатки, а в тех местах, откуда не доставлено еще никаких сведений, занялся бы собранием их, смотря по мере известности и необходимости. Как ни убежден я в совершенном успехе сего предположения моего, но не решился привести его в исполнение без разрешения вашего высокопревосходительства — не решился потому, что чиновник, которого намерен я командировать, есть переводчик вятского губернского правления титулярный советник Герцен, находящийся под надзором полиции. Почему, представляя сие на рассмотрение вашего высокопревосходительства, осмеливаюсь испрашивать начальственного соизволения на приведение в исполнение означенного моего предположения и притом поставляю долгом свидетельствовать пред вашим превосходительством и уверить вас, что титулярный советник Герцен, известный мне лично по обширным познаниям своим и по склонности к трудам и точности, вполне оправдает мои ожидания и положит конец делу, так давно замедляющемуся исполнением от причин вышеизъясненных; но я совершенно ручаюсь за г. Герцена и в том, что он не употребит во зло сего поручения и во все время своей командировки не сделает ничего неприличного правилам благородного и благовоспитанного человека, ибо он доказал уже сие полуторагодичною примерною жизнью своею в г. Вятке под личным моим наблюдением».

12 ноября министр внутренних дел Д. Н. Блудов ответил Тюфяеву, что «не может согласиться на командирование титулярного советника Герцена для собирания статистических сведений по Вятской губернии» (*Л* XII, 381—382). Мысль о необходимости этой командировки, вероятно, была внушена Тюфяеву Герценом. Не исключено, что и текст приведенного выше донесения целиком или частично написан самим Герценом по указанию Тюфяева.

...я имел разные известия из Петерб⟨урга⟩... — О каких сведениях идет речь, остается неизвестным.

Что за глупость пишешь ты о своем лице... — 10 октября Наталья Александровна писала: «Мне столько же хочется, чтобы у тебя был мой портрет, сколько хотелось иметь твой, но здесь нет другого Витберга; желание невозможное, но как бы хорошо, если бы он снял первый портрет с меня! К Литунову я не имею большой доверенности. Впрочем, тебе надо попенять, на что ты воображаешь так много о моем лице. Я совсем не хороша (не обижайся, я говорю беспристрастно) и, сверх того, очень переменилась после 20 июля 1834 г., и иногда это меня ужасно сердит не за себя, но я бы желала, чтобы *твоя* Наташа во всем была совершенство и красота, и есть многие лица, с которыми бы я поменялась» (*Изд. Павл.*, стр. 152).

Твоя Саша Б⟨оборыкина⟩ думает, что нет другого Александра... — Наталья Александровна писала о Саше Боборыкиной: «...Она говорит мне часто: „Уверяю тебя, Наташа, что я никогда не буду любима и любить не могу; *ведь на земле нет другого Александра!*“ И она права» (там же).

Благодарю за стихи... — В своем втором письме Наталья Александровна привела два стихотворения собственного сочинения (*Изд. Павл.*, стр. 153—154).

...три пошлются в печать через две недели... — Герцен, вероятно, намерен был напечатать свою трилогию «Встречи». Первые две части трилогии появились в печати только после смерти Герцена, третья — неизвестна (см. о ней в письме 80).

...во «Второй» — ты найдешь 9 апреля. — Герцен имеет в виду следующие строки из «Второй встречи»: «Холодная маска упала, и я в пламенных и горячих словах описывал им мое 9 апреля. Чувства бушевали во мне и, радостные, что нашли отверстие, лились потоком слов» (I, 124).

Ответ Н. А. Захарьиной от 17—22 ноября 1836 г. — *Изд. Павл.*, стр. 179—182.

82. Н. А. ЗАХАРЬИНОЙ

Печатается по автографу (*ЛБ*). Впервые опубликовано (с купюрами): *РМ*, 1894, № 4, стр. 187—189. Полностью: *Изд. Павл.*, стр. 169—173.

Ответ на письма Н. А. Захарьиной от 12—21 и 22—26 октября 1836 г. (*Изд. Павл.*, стр. 154—157 и 161—167).

...благодарю тебя за полное описание 22 октября. — В своем письме Наталья Александровна подробно описала Герцену, как прошел день ее рождения, и рассказала о посещении И. А. Яковлева, вручившего ей портрет сына (*Изд. Павл.*, стр. 162—164).

Прибавь еще тот день ∞ я тебе писал о дружбе и о любви... — Имеется в виду письмо 46 (от 12—15 октября 1835 г.).

Я в восторге от твоей мысли, чтоб я тебя свозил в Вятку к нему... — 25 октября Наталья Александровна писала Герцену: «...я вечно останусь у него ⟨А. Л. Витберга⟩ в долгах. Что он мне сделал, того я никогда не могу сделать. Из 1000 верст он сделал 500, из темной ночи — рассвет, из страданий измученного сердца — восторг. Но, может, он уже награжден, он чувствует, что он сделал, и награда в его душе. Удостоюсь ли я когда видеть этого великого человека? Послушай, если он не будет

возвращен, то, когда пройдут все тучи, ты меня свезешь в Вятку видеть Александра Лаврентьевича» (там же, стр. 165).

...чтоб ты свой поцелуй перевела на губы с рук... — Наталья Александровна писала 22 октября, при получении портрета работы Витберга: «Я целую руку Витберга, дарю его слезою,— это достойная его награда ⟨...⟩ Скажи же Александру Лаврентьевичу, что я целую руку, изобразившую на бумаге этот взор» (там же, стр. 161—162).

Ответ Н. А. Захарьиной от 17—22 ноября 1836 г.— *Изд. Павл.*, стр. 179—182.

83. Н. А. ЗАХАРЬИНОЙ

Печатается по автографу (*ЛБ*). Впервые опубликовано: *РМ*, 1894, № 8, стр. 117—119. На автографе пометы Герцена: «102» и Н. А. Захарьиной: «1836. Ноября 23-е. Понедельник, 7 часов вечера, получено в гостиной, читано у Александра в комнате на его диване...» (т. е. в доме родителей Герцена).

...сочиняя статью о религии и философии.— Речь идет о не дошедшей до нас статье Герцена под названием «Швед (Мысль и откровение)». См. упоминания о ней в письмах 80, 95, 103, 107, 112.

...без всяких мыслей раскрываю Эккартсгаузена...— В «Записной тетради 1836 г.» Герцена, под датой «Ноября 6, 1836» имеется запись, представляющая собой вариант комментируемых строк письма (см. I, 330). Упомянутая книга Карла Эккартсгаузена — «Ключ к таинствам натуры» (русский перевод 1804 г.). Выражение «И беси веруют и трепещют» восходит к «Соборному посланию святого апостола Иакова» (гл. 3, 19).

Любовь построила весь Христову.— Слова св. Августина. См. эпиграф к третьей главе «Легенды» (I, 88).

...«Можно ли жить с моим бешенством ∞ любить!»— Выдержка из письма Герцена от 12—15 октября 1835 г.

«Сначала я читала твое письмо спокойно ∞ м о й Александр...»— Письмо Натальи Александровны от 18 ноября 1835 г. см. в *Изд. Павл.*, стр. 44.

...«Я исчезну, ежели это надобно»...— См. это письмо Натальи Александровны в *Изд. Павл.*, стр. 40—48.

Повесть остановилась.— По-видимому, «Елена».

Ты пишешь, что мой портрет многие находят непохожим.— 23 октября 1836 г. Наталья Александровна писала о втором портрете работы Витберга: «Ах, Александр! и какое сходство, выражение!.. Как хорошты! Как хорош! Никто не находит большого сходства, кроме маменьки. А то даже папенька говорит: в глазах что-то не твое. Что же мудреного, конечно, для всех, и для него, и даже для меня, в твоем взоре новое» (*Изд. Павл.*, стр. 163).

Ответ Н. А. Захарьиной от 23 ноября — 1 декабря 1836 г. — *Изд. Павл.*, стр. 183—186.

84. Н. А. ЗАХАРЬИНОЙ

Печатается по автографу (*ЛБ*). Впервые опубликовано (с купюрами): *РМ*, 1894, № 8, стр. 123—125. Приписка от 25 ноября 1836 г. (на отдельном листе) напечатана как начало письма от 30 ноября. Полностью: *Изд. Павл.*, стр. 182—183. На автографе пометы Герцена: «104» и Н. А. Захарьиной: «3-е декабря. Четверг».

Ответ на письмо Н. А. Захарьиной от 31 октября — 4 ноября 1836 г. (*Изд. Павл.*, стр. 167—169).

Зачем же ты хочешь порвать все нити с людьми? — 4 ноября Наталья Александровна писала Герцену: «Нет, я мало люблю тебя, божественный Александр! Не так должно любить тебя! В тебе должно быть все: весь свет, вся вселенная, в тебе должны потонуть все думы, все чувства, вся душа; при одной мысли о тебе должно все исчезнуть, как мрак ночи при восхождении солнца. ⟨...⟩ Забыть, покинуть всё, всех, превратить все чувства в одну любовь. ⟨...⟩Порваны все нити, связывающие меня с людьми, я свободна, я вся в тебе ⟨...⟩ Но потом снова являются образы, слышны голоса, видны нити, связывающие меня со многими, они становятся крепче, и я снова их люблю и не могу забыть для тебя» (*Изд. Павл.*, стр. 168—169).

Шнурок получил... — Наталья Александровна послала Герцену шнурок, свитый ею из своих волос.

Emilie идет в монастырь. — К письму Н. А. Захарьиной было приложено письмо Э. М. Аксберг к Герцену, в котором она сообщала о своем намерении удалиться в монастырь. Намерения этого она не осуществила.

...пили мое здоровье... — 23 ноября были именины Герцена.

Несколько слов о Скворцове ∞ влюбился в меня. — Ср. высказывания Герцена о А. Е. Скворцове в «Былом и думах» — VIII, 289—290. См. также *ЛН*, т. 62, стр. 755—758.

Ответ Н. А. Захарьиной от 3—9 декабря 1836 г. — *Изд. Павл.*, стр. 188—192.

85. Н. А. ЗАХАРЬИНОЙ

Печатается по автографу (*ЛБ*). Впервые опубликовано: *РМ*, 1894, № 8, стр. 132—133 (открывается припиской к предыдущему письму, датированной 25 ноября). На автографе пометы Герцена «106» и Н. А. Захарьиной: «10 декабря».

...у архиерея. — Речь идет о епископе вятском и слободском — Ниле.

...о перестройке собора с Витбергом... — В марте 1835 г. в Вятке начался сбор пожертвований для постройки нового Александровского собора. 27 сентября 1835 г. был принят, по настоянию губернатора Тюфяева, один из стандартных планов, утвержденных еще Александром I. После смещения Тюфяева новый губернатор, Корнилов, обратился к министру внутренних дел за разрешением предоставить «обществу избрать для храма другой, более приличный и величественный план». По-видимому, значительную роль в этом сыграло присутствие в городе Витберга, который согласился безвозмездно составить проект нового храма. Представленный Витбергом эскиз был утвержден 7 октября 1838 г., после чего Витберг приступил к работе над проектом. Торжественная закладка собора состоялась 30 августа 1839 г. (см. В. А. Снегирев. Архитектор А. Л. Витберг. М.—Л., 1939, стр. 83—85).

...дом княжны Анны Борисовны ∞ восстановил все частности. — Ср. аналогичное описание дома А. Б. Мещерской и первой встречи Герцена с Натальей Александровной в «Былом и думах» (VIII, 311—314 и 319—320).

Ты писала как-то о первой встрече со мною у княгини... — Герцен имеет в виду письмо от 22—25 декабря 1835 г., в котором Наталья Александровна писала: «Много, много в моей памяти дней, часов, мгновений, которых свет не помрачит ни сияние, ни мрак будущих. Даже, поверишь ли ты, тот день, когда я тебя видела в первый раз с папенькой и с Егор⟨ом⟩ Ив⟨ановичем⟩ в доме княж⟨ны⟩ Анны Бор⟨исовны⟩, так же ясен и теперь, как тогда. Ты сидел у окна против солнца, и мне больно было смотреть на тебя; я полюбила тебя, но боялась подойти к тебе (страх этот продолжался до 9⟨апр⟩еля 1835 г.)» (*Изд. Павл.*, стр. 53).

Гонения на меня еще не окончились... — Герцен, вероятно, имеет в виду преследования со стороны губернатора Тюфяева. См. «Былое и думы» (VIII, 249—250).

...«да мимоидет чаша сия, но как ты хочешь».— По евангельской легенде, слова Христа во время ожидания казни (от Матфея, 26, 39).

Ответ Н. А. Захарьиной от 12—22 декабря 1836 г.— *Изд. Павл.*, стр. 195—198.

86. Н. А. ЗАХАРЬИНОЙ

Печатается по автографу (*ЛБ*). Впервые опубликовано: *НС*, 1896, № 4, стр. 112—114. На автографе помета Герцена: «108».

Часть письма от 9 декабря — ответ на письма Н. А. Захарьиной от 7—16 и 17—22 ноября 1836 г. (*Изд. Павл.*, стр. 173—177 и 179—182).

...16 № «Телескопа», прочти там повесть «Красная роза», ты найдешь в Бианке знакомое, родное твоей душе.— Речь идет о «прелестной собою, кроткой нравом» героине «были» Александра Дюма «Красная роза»— Бланке де Болье, нежно любящей невесте, а затем жене генерала де Марсо, окончившей жизнь на эшафоте в 1793 г. Перевод «Красной розы» был напечатан в № 16 «Телескопа» (ценз. разр. 30 сентября 1836 г.).

Благодарю за приписку в папенькином письме.— Эта приписка Н. А. Захарьиной, как и самое письмо И. А. Яковлева, неизвестна. О них см. также в письме Н. А. Захарьиной от 23 ноября — 1 декабря 1836 г (*Изд. Павл.*, стр. 184). Герцен еще ранее отправил Н. А. Захарьиной через отца письмо «официального характера». Наталья Александровна писала ему по этому поводу 7 ноября: «Ко мне же твое письмо я читала с таким же чувством, с каким пишу тебе через папеньку. Ведь это явный обман, тяжело, мой ангел!» (там же, стр. 173).

У нас с тобою нет прошедшего...— Герцен намекает на то, что и он, и Наталья Александровна являются «незаконнорожденными».

...ты получишь на днях маленькую статейку, воспоминание о Перми...— Несохранившаяся «статейка о Перми» входила в состав «Писем о Казани, Перми и Вятке». См. I, 498 и 536, а также письмо 80, стр. 112 наст. тома.

2 января 1836 ты первый раз ∞ сказала и себе, и мне: «Я люблю Александра».— Письмо Н. А. Захарьиной от 2—4 января 1836 г.— *Изд. Павл.*, стр. 56—58.

...прелестные стихи Гюго...— Имеется в виду стихотворение Виктора Гюго «На морском берегу» («Au bord de la mer») из книги «Les Chants du Crépuscule», о которой Герцен с интересом осведомлялся у Кетчера в декабре 1835 г. (см. письмо 51). 22 декабря 1836 г. Н. А. Захарьина писала Герцену: «Стихи Гюго получила. Если б меня спросили, нравятся ли *мне* они, я бы сказала: „Спросите о том Александра". Последняя строка их — ключ к воспоминанию о прошлом, она написана тобою в письме последнем, пред тем, где уж ясно все...». Последняя строка стихотворения Гюго служит эпиграфом к письму Герцена от 5—12 декабря 1835 г., адресованному Н. А. Захарьиной (№ 50). Список стихотворения Гюго, сделанный Герценом, не сохранился.

...некоторые места твоего письма обняли меня холодом и негодованием...— 14 ноября Наталья Александровна писала Герцену: «Вчера вечером получила твое письмо от 28 октября. Все та же безграничная душа, та же любовь, то же небо и рай. Но, Александр, я скажу тебе серьезно, скажу решительно, ты огорчаешь меня. Что за мысль, будто ты не *стоишь* меня, будто ты *хуже* меня? Я говорила давно тебе, так и есть. Ты еще мало знаешь себя. О, если бы ты знал себя хоть так, как я тебя знаю,— тогда бы ты и меня не любил, тогда бы и целой вселенной было бы мало любви твоей. Что за совершенство воображаешь ты во мне? Зачем столько святости, столько небесного придаешь существу слабому, земному, которому вдунула душу твоя любовь, которое, дыша одним тобою, сдела-

лось малым подобием тебя 〈...〉 Да ты вообрази только то, что была бы *я* без тебя, что была бы я, если бы ты не внял моему голосу, если бы не опустил взор свой так низко, что мог увидеть меня... Что?» (*Изд. Павл.*, стр. 174).

...для чего ты говоришь теперь, что исчезнешь для моей пользы... — Отклик на строки из письма Натальи Александровны от 19 ноября: «9 апреля *я показалась* тебе существом чистым, небесным, тогда ты был угнетен, тогда ты не видал никого лучше меня, но теперь, может, видишь несовершенную мечту, изломанный идеал,— словом, ничтожность, и эта-то ничтожность низвела тебя с твоей высоты, и ты приблизился к земле и полюбил ее, и она запылила тебя, сковала, и в тебе нет сил взлететь на прежнее место, и это-то, может, тебя терзает, мучит 〈...〉 Ежели ты увидишь, что *я* удерживала твое стремление, *я* не пускала тебя на ту высоту, куда указывает христианство, увидишь, что я запылила твою душу,—брось, забудь Наташу, и уже не ищи на земле исполнения надежд, воплощение ангела, не ищи любви. Там, там обретешь ты твоего ангела, твою звезду, там твоя любовь, там всё. А я исчезну (как говорила и прежде), и тебе не будет преграды идти туда!» (там же, стр. 180).

С чего ты взяла, что я холоден к Огареву? — Герцен имеет в виду следующий упрек в письме Натальи Александровны от 12 ноября: «Что-то О〈гарев〉? Можно ли это? Ни слова о нем! Да что и еще хуже — это слова: „По-видимому счастлив!“ Так небрежно, протяжно, лениво, так беззвучно и так без внимания — *счастлив*! И о ком же? Как глупы люди, как они жалки!» (там же, стр. 177). 22 декабря Наталья Александровна разъясняла Герцену: «Верно ты, друг мой, не разобрал, что писала я об Огареве. Я говорила с досадою о холодности ответа, произносимого небрежно и лениво теми, кого я спрашивала о нем, а ты говоришь будто я пишу о твоей к нему холодности» (там же, стр. 200).

Слышала ли ты, что «Легенда» попала в чужие и пречужие руки? — Возможно, что речь идет о III отделении.

Об ответе Н. А. Захарьиной см. комментарий к письму 87.

87. Н. А. ЗАХАРЬИНОЙ

Печатается по автографу (*ЛБ*). Впервые опубликовано: *НС*, 1896, № 4, стр. 114—117. Помета Герцена на автографе: «109».

Продолжение ответа на письма Н. А. Захарьиной от 7—16 и 17—22 ноября 1836 г. (см. комментарий к предыдущему письму).

Ты пишешь, что ты лампадка, зажженная перед моим образом. — Герцен имеет в виду строки из письма от 7 ноября: «...с каким восторгом, с какою верою прибегаю я к твоему образу, к твоим письмам, они тоже образ твоей души. Как я отдыхаю тут, как забываю все земное и горькое и как наполняюсь светом, святостью! Тут я перед тобою, как лампада перед Спасителем» (*Изд. Павл.*, стр. 173).

Ты мечтаешь о Юге... — Отклик на строки от 12 ноября: «Ведь это странно, мой ангел, я никак не могу вообразить себя и тебя дома на севере. Посмотри, серое небо, все одето в белый саван, как мертвец, у всех посиневшие губы, так холодно... О, нет, нет, не оставляй меня здесь!» (там же, стр. 177).

Пришлю тебе на память итальянские картинки... — Посланные Герценом «итальянские картинки», т. е. виды Италии, неизвестны. В дальнейших письмах Натальи Александровны содержатся упоминания о полученных ею картинках.

Ответ Н. А. Захарьиной от 22—31 декабря 1836 г. (на это и предыдущее письмо) — *Изд. Павл.*, стр. 199—205.

88. Н. А. ЗАХАРЬИНОЙ

Печатается по автографу (*ЛБ*). Впервые опубликовано: *НС*, 1896, № 4, стр. 121—123. На автографе помета Герцена: «111».

...огромное сочинение Вибикинга об архитектуре... — Речь идет о семитомном труде немецкого теоретика архитектуры Карла Фридриха Вибекинга (Wiebeking), вышедшем в Мюнхене на французском и немецком языках в 1822—1830 гг.: «Architecture civille théorétique et pratique, enrichie d'une histoire descriptive et analytique des édifices anciens et modernes, les plus remarquables» («Гражданская архитектура, теоретическая и практическая, дополненная описательной и аналитической историей самых замечательных старинных и современных сооружений»).— См. цитату из сочинения Вибекинга в «Записной тетради 1836 г.» Герцена (*ЛБ*).

...много мыслей родилось... — По-видимому, к этому времени относятся фрагменты статьи об архитектуре, сохранившиеся в «Записной тетради 1836 г.» (I, 325—329). О неизвестной статье Герцена, посвященной архитектуре, см. также в письмах 147, 150 и 157.

...в «Notre Dame de Paris» две главы ∞ «Abbas beati Martini» и «Ceci tuera cela». — Речь идет о двух главах книги пятой «Собора Парижской богоматери»— «Аббат блаженного Мартина» и «Это убьет то».

...официальную приписку в княгинином письме ∞ как это примется ими. — Приписка Герцена, адресованная Н. А. Захарьиной в письме к М. А. Хованской, остается неизвестной, как и самое письмо. 23 декабря Наталья Александровна извещала Герцена: «Письмо твое к〈нягиня〉 получила сегодня вечером; она слушала его с большим и пребольшим удовольствием, а я читала с содроганием: обман, лесть... знаю, что это необходимость и пора привыкнуть, но все-таки каждый раз пугаюсь, как невиданного чудовища. Когда ж, когда уста наши затворятся для неправды, когда без страха ты заговоришь истину? — Все это *тогда! Тогда!!* — Ко мне же приписку я читала с величайшей приятностью, тут маски нет, а тонкий, прозрачный флёр; их вина, ежели не видят сквозь него. Ты, верно, думал, что, назвав меня в *том* письме Наташей, откроешь что-нибудь новое?.. Не только заре, и самому солнцу не улыбнется камень! Я нарочно произносила громко и медленно — Наташа!!! Ни малейшего внимания» (*Изд. Павл.*, стр. 201).

Об ответе Н. А. Захарьиной см. в комментарии к письму 89.

89. Н. А. ЗАХАРЬИНОЙ

Печатается по автографу (*ЛБ*). Впервые опубликовано: *НС*, 1896, № 4, стр. 129—131. На автографе пометы Герцена: «113» и Н. А. Захарьиной: «1-е января 1837 года. Утро, через час после виделась с Emilie».

Вместо слова: «уста» (стр. 130, строка 45) в автографе первоначально было: «губы».

Ответ на письмо Н. А. Захарьиной от 3—9 декабря 1836 г. (*Изд. Павл.*, стр. 188—192).

...итак, ты начала уже страдать от меня... — 6 декабря Наталья Александровна писала Герцену: «...твоя грусть, твои страшные эти письма убивают меня: прочтя их, я страдаю, ибо ты представляешься мне в страдальческом виде, твоя бледность, твой взор, полный тоски, чело твое, омраченное роем страшных дум... Можешь вообразить, как мертвит меня, как давит сердце железная рука горести,— и истинно тогда я страдаю, вполне страдаю...» (*Изд. Павл.*, стр. 190).

О Наташа, бога ради, не повторяй, что мне мало тебя, бога ради.— 3 декабря Наталья Александровна в отчаянье писала Герцену: «Сегодня я получила твое письмо от 18 ноября. Сколько грусти в нем, тоски, сколько темных и мрачных мыслей! О Александр! вижу, со всей высотою и святостью Наташи, ангел мой, тебе мало Наташи. Мало, что хочешь говори. Боюсь я, будешь ли ты вполне счастлив, когда и разлуки не будет, когда и голову свою ты склонишь ко мне на грудь. Страшно, страшно, боюсь!» (там же, стр. 188—189). Впоследствии Герцен отмечал в своем дневнике, что характер Натальи Александровны «принадлежит к таким, с которыми нет средств, на нее ничто не действует, кроме внутреннего голоса. А он ей подсказывает сомнение и мрачные вещи» (II, 262). Ср. описанное Герценом в «Былом и думах» состояние «Grübelei», которому подвержена была (уже после замужества) Наталья Александровна, терзавшая себя мыслью, что она не в состоянии дать Герцену необходимую полноту жизни (IX, 95).

Сумрачен, тих ∞ был друг Авдиила...— Цитата из «Абадонны» Жуковского («Перевод из Клопштока», 1814).

Кто будет рисовать твой портрет?— Вопрос вызван замечанием Натальи Александровны в письме от 4 декабря: «Ты отчаиваешься, что не будешь иметь моего портрета ⟨...⟩ Вот потерпи немного, приедет Эмилия, выпросит у кн⟨ягини⟩ *для себя* списать портрет и пошлет тебе; это возможно и сбыточно как нельзя больше» (*Изд. Павл.*, стр. 189).

«Однако ж, напиши мысль свою, может, я ошибся...»— Никаких разъяснений в дальнейших письмах Натальи Александровны нет.

...Alexandrine I-я...— А. Г. Клиентова.

Ответ Н. А. Захарьиной от 1—10 января 1837 г. (на это и предыдущее письмо) — *Изд. Павл.*, стр. 208—211.

1837

90. Н. А. ЗАХАРЬИНОЙ

Печатается по автографу (*ЛБ*). Впервые опубликовано: *НС*, 1896, № 5, стр. 144—146. На автографе помета Герцена: «115».

Ответ на письмо Н. А. Захарьиной от 12—22 декабря 1836 г. (*Изд. Павл.*, стр. 195—198).

...какая-то поэтическая дружба к подруге...— Полина Тромпетер приходилась родственницей жене вятского аптекаря Фердинанда Рульковиуса и вместе с ней переехала из Ревеля на жительство в Вятку (см. VIII, 346—348).

Около губернатора ∞ интриги...— О губернаторе Тюфяеве и его окружении см. подробно в «Былом и думах» (VIII, 234—295).

Один из здешних personnages наделал мне грубостей на бале...— Подробности этого конфликта неизвестны.

Три года тому назад, вечером, у Насакина...— Герцен откликается на следующие строки Натальи Александровны: «Помнишь ли то Светлое воскресенье (еще в том доме), когда ты приехал к нам с Огаревым и заставил его христосоваться со мною и тем заставил меня бояться другого Светлого воскресенья? ⟨...⟩ Приходит Рождество, Святки... Вспомни, как ты упал у нас в зале, потом вечер у Насак⟨иных⟩, луну, „замазанную киселем", свой костюм и далее, где все это? Куда оно девалось?!» (*Изд. Павл.*, стр. 197).

Получила ли ты мою статью?— Речь идет о «Второй встрече» (в это время еще носившей название «Первой встречи») — см. следующие письма и ответное письмо Натальи Александровны (там же, стр. 214).

Ответ Н. А. Захарьиной от 12—19 января 1837 г.— *Изд. Павл.*, стр. 214—217.

91. Н. А. ЗАХАРЬИНОЙ

Печатается по автографу (*ЛБ*). Впервые опубликовано (с купюрами): *НС*, 1896, № 5, стр. 150—152. Полностью: *Л* I, 377—380. На автографе пометы Герцена: «117» и Н. А. Захарьиной: «22 ян⟨варя⟩». Приписка от 13 января находится на отдельном листе.

Приписка от 13 января — ответ на письмо Н. А. Захарьиной от 22—31 декабря 1836 г. (*Изд. Павл.*, стр. 199—205).

Гюго говорит, что человек с талантом похож на Мазепу, привязанного к хвосту дикой лошади.— Это сравнение встречается в стихотворении Гюго «Mazeppa», вошедшем в его сборник «Les Orientales».

Дай бог им долги дни.— Цитата из «Евгения Онегина» Пушкина (глава IV, строфа XX).

...явился человек гениальный...— Речь идет о А. Л. Витберге и его проекте храма Христа Спасителя — ср. VIII, 277—290.

...благочестивый царь...— Так называет здесь Герцен Александра I.

...Повесть моя остановилась...— «Елена» («Там»).

...я тебе однажды писал (кажется, из Крутиц), что я набрал несколько барельефов из своей жизни...— Это письмо Герцена, в котором он впервые сообщал свой замысел автобиографического произведения, неизвестно.

Я не буду получать от тебя писем или очень редко. — 28 декабря Наталья Александровна сообщала Герцену: «Знаешь ли, что сейчас было со мною? Макашина говорит открыто, что я переписываюсь с тобой, что прощание в Крутицах погубило меня и что портрет также погубил; клянется, что скажет все к⟨нягине⟩, говорит, что слышала от тех людей, которые все знают и смеются над нами ⟨...⟩ Итак, ангел мой, не беспокойся, умоляю тебя, ежели не будешь получать от меня так часто писем, решительно минуты нет свободной. Мак⟨ашина⟩, как нечистый дух, преследует меня, каждое движенье, взгляд — все замечено, переведено к⟨нягине⟩ и в самом скверном виде. Не знаю даже, будет ли возможность писать; умоляю, друг, ангел мой, не огорчайся, я тверже перенесу это.— Господи! Ах, когда ты приедешь!» (*Изд. Павл.*, стр. 203).

Ответ Н. А. Захарьиной от 22—27 января 1837 г.— *Изд. Павл.*, стр. 217—221.

92. Н. А. ЗАХАРЬИНОЙ

Печатается по автографу (*ЛБ*). Впервые опубликовано: *НС*, 1896, № 5, стр. 152—154. Приписка от 18—20 января (находящаяся на отдельном листе) напечатана как самостоятельное письмо. На автографе помета Герцена: «118».

После слов: «тень Виргилия» (стр. 137, строка 37) в автографе зачеркнуто: «ведет».

Продолжение ответа на письмо Н. А. Захарьиной от 22—31 декабря 1836 г. (*Изд. Павл.*, стр. 199—205).

«Александр простит Наташе».— Слова Натальи Александровны, объяснившей Герцену, что ее письмо от 7—16 ноября, которым Герцен так оскорбился (см. письмо 86), было написано в состоянии крайней взволнованности (*Изд. Павл.*, стр. 200).

Так ты боялась разом читать мое первое письмо о любви...— 22 декабря 1836 г. Наталья Александровна писала по поводу письма Герцена

от 5—12 декабря 1835 г. (письмо 50), эпиграфом к которому взята строка из стихотворения Гюго: «Помню, как я прочла ее, замерло сердце — не знаю, читать ли далее...—так пугала меня огромность моего счастья, необъятная любовь твоя. Но решилась — и там ты все пишешь о любви, а ни слова о любви ко мне, и я успокоилась, ибо я боялась *дня* и хотела долее насладиться *рассветом*» (там же, стр. 200).

Полина благодарит много, много за кольцо ∞ Я показал в твоем письме Скворцову его фамилью...— 6 декабря Наталья Александровна писала Герцену: «Вот Полине кольцо (не знаю, пошлют ли его): мои волосы, моя работа — вот и всё! Но пусть это будет малейшим доказательством моей к ней дружбы и благодарности; может, никогда во всю жизнь мы здесь не встретимся,— так пусть оно будет ей напоминать ту, которая, не видавши ее, любила, как друга и сестру. Мне жаль ее будет, как ты уедешь из Вятки, или у нее там друг, кроме тебя? Привези ее с собой.— Эрн и Скворцов также без тебя осиротеют, да я думаю вся Вятка наденет траур» (там же, стр. 191).

Этот лавровый листок...— К письму Герцена пришит вырезанный из зеленого шелка лавровый листок.

...от гнусного преследования...—О преследовании Тюфяевым П. П. Медведевой, отвергнувшей его ухаживанья, см. в главе XXI части третьей «Былого и дум» (VIII, 342—344).

Ответ Н. А. Захарьиной от 29 января — 9 февраля 1837 г.— *Изд. Павл.*, стр. 221—222.

93. Н. А. ЗАХАРЬИНОЙ

Печатается по автографу (*ЛБ*). Впервые опубликовано: *НС*, 1896, № 7, стр. 129—131. На автографе помета Герцена: «121». Текст приписки от 3 февраля написан на отдельном листе.

Ответ на письмо Н. А. Захарьиной от 12—19 января 1837 г. (*Изд. Павл.*, стр. 214—217).

...провожая старый год, я писал точно то же к тебе, что ты ко мне...— 31 декабря 1836 г. Наталья Александровна писала Герцену: «Еще один час, и сумрачный, туманный, черный, кровавый *тридцать шестой год* потонет в вечность! *Один час его* остался, и о нем можно говорить все. Он был тиран, тиран безжалостный, жестокий, страшный, он давил меня тяжелой пятой, терзал железными своими когтями, приводил в оцепенение холодом своего дыханья, словом, мучил насмерть... Но я жива! Я победила этого гиганта! Остались рубцы, раны... они сотрутся *когда-нибудь*, исчезнет след тяжкой борьбы, но сила, твердость, высота, купленные кровью и страданьями, не убудут во веки веков! Забудь и ты, ангел, прости ему, он уж не существует, он мертвец...» (*Изд. Павл.*, стр. 204).— Ср. письмо Герцена от 1—6 января 1837 г. (№ 90).

Ты, я думаю, слышала об одном происшествии в Москве от маменьки или Ег⟨ора⟩ Ив⟨ановича⟩...— Герцен имеет в виду репрессии, вызванные публикацией в журнале «Телескоп» (1836, № 15) «Философического письма» П. Я. Чаадаева. Чаадаев был объявлен сумасшедшим, редактор «Телескопа» Н. И. Надеждин сослан в Усть-Сысольск, а ректор Московского университета — цензор А. В. Болдырев отстранен от должности (см. об этом в гл. XXX части четвертой «Былого и дум» — IX, 139—141).

...к чаше горькой и к молитве на Масличной горе.— См. комментарий к письму 85.

Зачем давала ты Дидротовым кухаркам «Встречу»? Для них это набор слов.— Сообщая Герцену о получении его «Первой встречи» («я с восторгом читала ее, для меня прелестно, тут всё знакомое, родное, твое всё»), Наталья Александровна рассказывала о том, как читала это

произведение М. А. Хованской и М. С. Макашиной: «Я читала громко, ясно, даже останавливалась на том, что меня более восхищало, перечитывала, и голос задрожал на том месте, где *мчалась коляска*, и я не боялась вздохнуть и призадуматься... „Встреча“, воскресив душу, всю мрачность минувшего и всю святость настоящего, убила способность притворяться или, лучше, умертвила вовсе страх земной» (*Изд. Павл.*, стр. 215). Судя по упоминанию о «коляске», речь идет об очерке «Человек в венгерке», названном впоследствии «Вторая встреча» (см. I, 130). В предисловии к «Встречам» Герцен писал: «...толпа, это постороннее всего одушевленного, не понимает людей, глубоко чувствующих. Помнится Дидротова кухарка очень удивилась, услышав, что ее господин — великий человек. Сколько Дидротовых кухарок!» (I, 107).

Я играл — и притом хорошо, вчера, перед всем городом...— В любительском спектакле 2 февраля 1837 г. Герцен исполнял главную роль в одноактной комедии «Марфа и Угар, или Лакейская война» А. А. Корсакова (переделка с французского). Упоминание об этом спектакле см. в главе VI части первой «Былого и дум», где он ошибочно отнесен к 1836 г. (VIII, 128—129).

...я нашел одну картину...— Картина эта остается неизвестной.

Ответ Н. А. Захарьиной от 15—17 февраля 1837 г. — *Изд. Павл.*, стр. 226—227.

94. Н. А. ЗАХАРЬИНОЙ

Печатается по автографу (*ЛБ*). Впервые опубликовано: *НС*, 1896, № 7, стр. 131—132. На автографе пометы Герцена: «122» и Н. А. Захарьиной: «18 фев⟨раля⟩».

Ответ на письма Н. А. Захарьиной от 12—19 и 22—27 января 1837 г. (*Изд. Павл.*, стр. 214—217 и 217—221).

Я знал, что тебе более нежели понравится «Встреча»...— Н. А. Захарьина писала 24 января: «Третьего дня я⟨...⟩ читала „Легенду“ твою Саше Клиентовой; она слушала ее не в первый уже раз, и я видела слезы восторга на глазах ее, и зато я с большим чувством перечитала для нее еще. Есть люди, которым мне жаль дать „Легенду“ и „Встречу“ или что-либо твоего произведенья — „не рассыпайте бисера перед свиньями“. Я бы желала, чтоб голос твой встречал во всех полный отзыв, а не терялся б по-пустому в дикой пустыне» (*Изд. Павл.*, стр. 220).

...этот гордый несчастием человек... — Петр Цеханович. См. выше комментарий к письму 40.

...Шиллеровой «Иоганны»...— В письме Натальи Александровны от 12—19 января были приведены строки из «Орлеанской девы» Шиллера (*Изд. Павл.*, стр. 216). В письме от 22—27 января также цитируются слова Иоанны (там же, стр. 218).

...«Прости, о родина, ночь добрая тебе»...— Из «Паломничества Чайльд-Гарольда» Байрона (песнь первая).

Ты мне напоминаешь разговор с Emilie о Гебелевой дочери...— 24 января Наталья Александровна писала: «А неправда ли, Александр, как сбылось ее ⟨Э. М. Аксберг⟩ пророчество при твоем рассказе об Эмилии Гебель, еще ты был за это в неудовольствии на нее?» (там же, стр. 219). По-видимому, услышав рассказ Герцена о том, как его университетский товарищ Почека охладел к своей возлюбленной — Эмилии Гебель (см. выше письмо 10), Э. М. Аксберг предсказала Герцену аналогичную судьбу. 19 февраля в ответном письме Наталья Александровна замечала: «Не написала б я тебе замечания Emilie при твоем рассказе, если б находила малейшее сходство в поступке Почеки с твоим. Ты слишком строг...» (там же, стр. 229; в тексте *Изд. Павл.* опечатка: Пассека).

...ты отрезала так много волос...— Наталья Александровна сообщила Герцену, что она заказала для него браслет из своих волос.

Ответ Н. А. Захарьиной от 18 февраля — 3 марта 1837 г.— *Изд. Павл.*, стр. 228—232.

95. Н. А. ЗАХАРЬИНОЙ

Печатается по автографу (*ЛБ*). Впервые опубликовано: *НС*, 1896, № 7, стр. 132—133. На автографе пометы Герцена: «123» и Н. А. Захарьиной: «Марта 1-е».

Продолжение ответа на письмо Н. А. Захарьиной от 12—19 и 22—27 января 1837 г. (*Изд. Павл.*, стр. 214—217 и 217—221).

Ты пишешь, ангел мой, что скоро всё узнают...— 14 января Наталья Александровна сообщала Герцену: «Любовь моя не может долго оставаться секретом в нашем доме; почти все знают; Макашина догадывается или слышала от кого-нибудь, только, кажется, боится верить этому; даже эта толстая попадья говорила к⟨нягине⟩, что видела во сне моего суженого — точь-в-точь — ты! Видно по всему — скоро развязка! Да́вно пора,— да вот что еще забавно — Мак⟨ашина⟩ на каждом шагу мне говорит: „Берегись!“ Душно, сил нет! Вздор, можно все перенесть!» (*Изд. Павл.*, стр. 215).

...как ты верно изобразила те минуты ∞ чтоб подарить ей мысль, потом и трудом нажитую.— Отклик на строки Натальи Александровны от 26 января 1837 г.: «Иногда я воображаю тебя углубленным совершенно в занятия; кажется, вижу, с каким вниманием ты вслушиваешься в рассказ древнего храма иль собора о тайнах веков прошедших; вид на тебе серьезный, важный, даже как будто неприступный. И вдруг, переселившись туда, за несколько сот лет, среди беседы с одушевленным мрамором, исполнившись святостью и высотою нескольких веков, грудь твоя становится для тебя тесна, потребность поделиться, перелить, и ты этим взором, который сейчас проникал в грудь потонувшего в вечность столетия, ищешь твою подругу и вдохновенным восторженным голосом зовешь Наташу,— и если этот взор не видит меня, то, верно, душа слышит полный отзыв души моей» (там же, стр. 220).

...стало, и твое пропало. — В письме от 27 февраля — 3 марта 1837 г. Герцен отмечал, что одно его письмо пропало в вятской почтовой конторе.

Ответ Н. А. Захарьиной от 18 февраля — 3 марта 1837 г.— *Изд. Павл.*, стр. 228—232.

96. Н. А. ЗАХАРЬИНОЙ

Печатается по автографу (*ЛБ*). Впервые опубликовано: *НС*, 1896, № 9, стр. 123—125. На автографе помета Герцена: «126». Вторая приписка от 24 февраля находится на отдельном листе.

...в феврале прошлого года уже писал к тебе ∞ ты спрашиваешь от 1-го марта.— См. письмо 58 (стр. 69 наст. тома). Наталья Александровна спрашивала Герцена о «тайне» в письме от 29 февраля — 1 марта 1836 г. (см. *Изд. Павл.*, стр. 71).

...«Развлеченный новыми предметами...— Письмо Н. А. Захарьиной от 28 мая 1835 г. см. в *Изд. Павл.*, стр. 13—15.

...вчера получил я письма, в которых мне дают более нежели надежды на скорое возвращение.— Письма, упоминаемые здесь Герценом, неизвестны. Видимо, он возлагал надежды на новую памятную записку, поданную И. А. Яковлевым 22 января 1837 г. шефу жандармов. В ней заключалось

ходатайство о прощении Герцена и о возвращении его в Москву в связи с преклонным возрастом и болезненным состоянием отца. Никаких последствий это обращение, как и предыдущие, не имело (*Л* I, 393).

...рассказывать о Николае Хлыновском...— «Чудотворная» икона в вятском кафедральном соборе (Хлынов — старое название Вятки). См. об этом в «Былом и думах» — VIII, 291—292.

Offene Tafel... — немецкий перевод латинского выражения «tabula rasa», означающего «чистая доска», «нечто нетронутое».

Ответ Н. А. Захарьиной от 8—9 марта 1837 г.— *Изд. Павл.*, стр. 239—240.

97. Н. А. ЗАХАРЬИНОЙ

Печатается по автографу (*ЛБ*). Впервые опубликовано: *НС*, 1896, № 9, стр. 125—127. На автографе пометы Герцена: «127» и Н. А. Захарьиной: «Суббота 13 марта. В этот день приобщалась».

Ответ на письма Н. А. Захарьиной от 29 января — 9 февраля и 15—17 февраля 1837 г. (*Изд. Павл.*, стр. 221—222 и 226—227).

...«Вот он, люби его»... (твое письмо от февр⟨аля⟩ 1836). — Герцен имеет, вероятно, в виду письмо к нему Натальи Александровны от 7 февраля 1836 г. (*Изд. Павл.*, стр. 64). См. цитату из него выше, в комментарии к письму 58.

...именно я рад, что оно вырвано...— Отклик на сообщение Натальи Александровны от 9 февраля о браслете, сделанном для Герцена: «Вот твой и браслет, не знаю, пошлют ли, я просила маменьку. Ты скажешь, мой ангел, зачем вырезали мое имя на золоте! И будешь прав, в самом деле, зачем было вырезывать его на золоте?..» (*Изд. Павл.*, стр. 222).

...«La Nouvelle Héloïse»...— «Новая Элоиза» — роман Жан-Жака Руссо. Т. П. Пассек вспоминала впоследствии, как Герцен в отрочестве начал с нею читать «Новую Элоизу»: «Письма Юлии к Сен-Пре нас утомляли однообразием и мало нравились физической, порывистой любовью. Самый слог этих писем был нам мало симпатичен. Мы долго тянули первую часть, а на второй бросили» (*Пассек*, I, 306). Не исключена возможность, что эти слова заимствованы из рукописи Герцена «О себе», находившейся в распоряжении Т. П. Пассек.

...и почему же ты не обратилась ко мне...— 14 марта Наталья Александровна отвечала Герцену: «Почему ты заключаешь, что мне нужны деньги?— Нисколько, верь мне, а если б и была нужда, разве далеко мне искать их? Маменька и Егор И⟨ванович⟩ часто предлагают, но, право, как же брать, когда не нужно, и будто это церемония, да мне деться с ними некуда бы было, да и сам рассуди, на что? ⟨...⟩ Эмилия принялась к месту, стало, и ей не нужны. А в записке к ней я только спрашивала, не нужно ли?» (*Изд. Павл.*, стр. 242).

Ответ Н. А. Захарьиной от 13—16 марта 1837 г. — *Изд. Павл.*, стр. 240—245.

98. Н. А. ЗАХАРЬИНОЙ

Печатается по автографу (*ЛБ*). Впервые опубликовано: *НС*, 1896, № 9, стр. 130—132. На автографе пометы Герцена: «129» и Н. А. Захарьиной: «Марта 19-е. Пятница».

Икона только свята ∞ этой мысли.— Герцен продолжает спор с Натальей Александровной, которая сравнивала себя с лампадкой перед

иконой, а Герцена — с самой иконой (см. выше комментарий к письму 87). 9 февраля она писала Герцену: «Пришло в голову о лампаде и иконе. Ты говоришь, лампада дает свет иконе; да, без нее икона была бы темна, но все так же свята, а лампада без иконы просто ночник, и только от иконы получает святость» (*Изд. Павл.*, стр. 222). 24 марта, в ответ на высказывание Герцена в этом письме, Наталья Александровна заключала: «Ежели б мы продолжали спор об иконе и лампаде,— без сомненья, я бы одержала победу,— но — уступаю!» (там же, стр. 250).

Я писал тогда, справься.— Случай, который имеет в виду Герцен, остается невыясненным. Письма, написанные Герценом между 4 и 26 марта 1836 г., неизвестны.

...где этот один распоряжается как турецкий паша.—Речь идет о Тюфяеве.

Ответ Н. А. Захарьиной от 17—24 марта 1837 г.— *Изд. Павл.*, стр. 245—250.

99. Н. А. ЗАХАРЬИНОЙ

Печатается по автографу (*ЛБ*). Впервые опубликовано: *НС*, 1896, № 10, стр. 127—129. На автографе пометы Герцена: «133» и Н. А. Захарьиной (?): «1-е апреля».

Ответ на письма Н. А. Захарьиной от 18 февраля — 3 марта и 4—6 марта 1837 г. (*Изд. Павл.*, стр. 228—232 и 235—238).

...получил несколько писем...— Эти письма до нас не дошли.

...письмо от Ог⟨арева⟩.— Письмо это Герцен привел полностью в письме к Наталье Александровне от 30 апреля—5 мая 1837 г. (см. № 105).

Вот письмо от нее ко мне.— В своей приписке к письму Огарева Мария Львовна писала: «Успокойтесь же насчет его спутницы, которая нисколько не тщеславна, не легкомысленна, любит добродетель для нее самой, уважает ваши характеры, господа, и не уступит вам никогда в твердости, доброте, человеколюбии ⟨...⟩ О⟨гарев⟩ принадлежит великому делу еще более, чем мне, а своим друзьям столько же, сколько и своей возлюбленной. После всего этого не протянете ли вы мне свою руку?..» (цит. в переводе с франц. П. В. Анненкова, *ВЕ*, 1883, № 4, стр. 504).

Зачем же тебе пришла в голову такая нелепая мысль, когда ты читала «Живописец»?— 6 марта Наталья Александровна писала Герцену: «Читая „*Живописца*“ Полевого, мне вдруг представился ты, с твоей необъятной душою, недосягаемой любовью, ты поэт, художник в душе, более, чем *Аркадий*, выше, непостижимее его, и я — *Веринька*!.. Да, Аркадий увлекся мечтою, он думал, что душа ее родная его, и любил, и как любил! ...Когда он сказал это убийственное „она *не понимает!*“— запыло, сжалось мое сердце, так страшно стало за тебя, так страшно,— я задрожала, оставила книгу и так рада, рада была, что полились слезы. О, если б я несчастьем моим, моим вечным страданьем, беспрерывною смертью могла бы принесть тебе благо, тогда б я знала, что я что-нибудь есть для тебя, *сделала* для тебя, а то ни одной жертвы, ни одной раны за любовь к тебе!» (*Изд. Павл.*, стр. 237).

Ты скрывала от Ег⟨ора⟩ Ив⟨ановича⟩ твою любовь ко мне. А зачем? — В ответном письме Наталья Александровна объясняла: «Я не постигала, почему Е⟨гор⟩ И⟨ванович⟩ всегда упрекал меня в том, что я скрывала от него мою любовь к тебе, и еще более не постигаю, зачем пишет об этом к тебе,— никогда ни от кого в свете не скрывала, не скрываю и не намерена скрывать ничего ⟨...⟩ А то, что я сама не начинала ему говорить о ней, то, что я молчала, когда он с иронией делал мне намеки о тебе, если можно назвать *скрывала*, тогда и я скажу — скрывала ⟨...⟩ Всего оти-

сывать много, скажу только, Александр, тебе, что я во всю жизнь не претерпела ни от кого столько, как от него,— это был первый страшный, вероятно, и последний обман в человеке. Благодарна за все, что он делал для меня, желала б заслужить ему, если б ему это было нужно, а равнодушно видеть его не могу, это *крест*, посланный мне богом, и он, верь мне, как ни тяжел,— я несу его невинно» (там же, стр. 257).

Он пишет об этом мне.— Письма Е. И. Герцена к брату неизвестны.

Ответ Н. А. Захарьиной от 25 марта — 6 апреля 1837 г.— *Изд. Павл.*, стр. 252—257.

100. Н. А. ЗАХАРЬИНОЙ

Печатается по автографу (*ЛБ*). Впервые опубликовано: *НС*, 1896, № 1, стр. 54—55. На автографе пометы Герцена: «135» и Н. А. Захарьиной: «12 апреля». Приписка от 31 марта сделана на отдельном листе, верхняя часть которого (с текстом) отрезана.

Продолжение ответа на письма Н. А. Захарьиной от 18 февраля — 3 марта и 4—6 марта 1837 г. (*Изд. Павл.*, стр. 228—232 и 235—238).

...прошедшее «вечно немо» ... — «Ewig still steht die Vergangenheit» — из стихотворения Шиллера «Spruch des Konfuzius» («Речь Конфуция», 1796).

Ты совершенно права насчет службы...— Откликаясь на вопрос Герцена в его письме от 14 февраля 1837 г. (стр. 143 наст. тома), Наталья Александровна писала 2 марта: «Ты говоришь: *писать* или *служить*. Может, я бы тут ничего не понимала и не думала б даже о пользе от *службы* и литературных занятий, если б не ты ⟨...⟩Мне кажется, *польза от службы*, как бы ни была она велика,— все будет *обыкновенною*, и, сколько бы ты ни сделал *службой*, все будешь обыкновенный служивец, каких *много*, потому что тебе указан путь, поставлены границы, пред тобою и за тобою также идут, также служат; и наперед можно определить, чего достигнешь ты после многих лет, многих усилий, пожертвований; итак, ты будешь служить, как *обыкновенно* служат, сделаешь пользу обыкновенную! А *писать*... о! тут не проложенная *уже* дорога, не *истоптанная* уже, нет, ты можешь открыть тут себе целое поле и только сам проложить себе дорогу и только сам пойдешь по ней! И можешь тогда быть несравненно полезнее себе и другим. Первая дорога неверна, не в твоей власти; зависимость, следственно, и все сопряженные с нею низости, неприятности, вся чернота, или неокончание, неуспех начатого, бесполезные труды, стало. Вторая дорога твоя, собственно твоя, ты можешь ее сделать шире, у́же, длиннее, короче, здесь труды необыкновенные и польза необыкновенная! И тут (прости молодости) Италия, Италия! Свобода! Воля! Море! Жизнь *необыкновенная!!!*» (*Изд. Павл.*, стр. 231—232).

...я отвечаю по этой почте; я ей писал о тебе...— Это письмо Герцена к Н. П. и М. Л. Огаревым неизвестно.

Зачем ты против свадьбы Emilie, ежели она полагает, что л ю б о в ь п р о х о д и т... — Наталья Александровна писала 5 марта: «Как скоро мы остаемся с Emilie одни, разговор о тебе. Вдруг она мне говорит пресерьезно: „Натапа, любовь *проходит*". Не помню, что я возразила на это, только она повторила опять: *„Верь мне"* ⟨...⟩ Она не любила, не любила! Не знает любви! Она мечтала, она играла, шалила, забавлялась — в ней страшно мне разочароваться, больно... если она выйдет замуж (разумеется, не за N. ⟨Сатина⟩)! О!.. Возьми, возьми меня скорей отсюда, и далее, далее, далее от тех, кого люблю и кто за это терзает меня, убийственно любить без уважения...» (там же, стр. 236—237).

Ответ Н. А. Захарьиной от 7—20 апреля 1837 г.— *Изд. Павл.*, стр. 261—266.

101. Н. А. ЗАХАРЬИНОЙ

Печатается по автографу (*ЛБ*). Впервые опубликовано: *НС*, 1896, № 1, стр. 55—58. На автографе пометы Герцена: «136» и Н. А. Захарьиной: «20-е апреля. Вторник». Приписка от 6—7 апреля находится на отдельном листе.

Ответ на письма Н. А. Захарьиной от 8—9 и 13—16 марта 1837 г. (*Изд. Павл.*, стр. 239—240 и 240—245).

А ты сравнивала себя с Веренькой Полевого ∞ чистоты твоей небесной фантазии.— См. письмо 99 и комментарий к нему. 14 марта Наталья Александровна писала Герцену: «Скажи, друг мой, когда же уверишься ты, что я люблю не мечту, а тебя? Мне это больно 〈...〉 Нет, это в самом деле смертельно больно мне, ежели ты думаешь, что я воображаю более, чем ты есть» (*Изд. Павл.*, стр. 241—242).

...иду к губернатору обедать ∞ унижения... — О «губернаторских обедах», на которых вынужден был бывать Герцен, см. в «Былом и думах» (VIII, 249). См. также комментарий к письму 103.

...один знакомый...— О ком говорит здесь Герцен, не установлено.

...я сейчас писал письмо к княгине и приписку к тебе...— Письмо неизвестно.

Я передал Эрну твое воспоминание о нем...— 25 февраля 1837 г. Наталья Александровна спрашивала: «Что Витберг? Что Полина? Я часто, часто о ней вспоминаю. Что Эрн? Что Соколов?» (*Изд. Павл.*, стр. 229).

...его маменька...— Прасковья Андреевна Эрн.

Ответ Н. А. Захарьиной от 20—28 апреля 1837 г.— *Изд. Павл.*, стр. 270—277.

102. Н. А. ЗАХАРЬИНОЙ

Печатается по автографу (*ЛБ*). Впервые опубликовано: *НС*, 1897, № 4, стр. 119—122. На автографе пометы Герцена: «138» и Н. А. Захарьиной: «26-е апреля. Понедельник». Вторая приписка от 10—11 апреля находится на отдельном листе.

Ответ на письмо Н. А. Захарьиной от 17—24 марта 1837 г. (*Изд. Павл.*, стр. 245—250).

Я однажды писал: ты — луч света ∞ пурпуром. — См. письмо 92 (стр. 139).

...в одном из твоих писем была она, только иначе сказанная. — Герцен, вероятно, имеет в виду письмо от 22—27 января 1837 г.: «А *они*, то есть добрые счастливцы, сколько б ни прожили, все им кажется мало, потому что они не живут, а влачат цепь годов, исполненных обедов, вечеринок и тому подобное, а Вечность, Небо — это им незнакомое, чуждое, вовсе непонятное и, следственно, страшное, и смерть, то есть Врата к богу,— первейшее зло. Тяжело смотреть на их жизнь, она стирает с человека подобие божие и уподобляет скоту. О, если б открылись очи их! Мы не доживем с тобой до этого, но отрадно, восхитительно думать, что когда-нибудь целые страны поймут цель *Его* и сольются в один поток, стремящийся к ней, и отдадут сотни лет за одно мгновенье жизни!» (*Изд. Павл.*, стр. 219).

Я тебе писал из Перми о ужасном чувстве, когда я переправлялся через Оку... ∞ «Простите повторенье!» — Это письмо Герцена неизвестно. Ср. письмо к Н.И. Сазонову и Н.Х. Кетчеру от 18 июля 1835 г. (наст. том., стр. 44). 27 апреля 1837 г. Н. А. Захарьина писала Герцену: «Два года твоему опасному путешествию по Волге,— а я плакала над описанием его, и сердце замирало, будто я вижу тебя на грозных волнах близ смерти... О, как

это живо! страшно, страшно!..» (*Изд. Павл.*, стр. 275). Рассказ о переправе Герцена через Оку см. в «Былом и думах» (VIII, 219—224) и в автобиографическом отрывке «Часов в восемь навестил меня...» (I, 253—256).

...перевод Шекспирова «Гамлета»...— Герцен поручил (вероятно, Е. И. Герцену) прислать Наталье Александровне незадолго до того вышедшее издание «Гамлета», в переводе Н. А. Полевого (М., 1837).

Ответ Н. А. Захарьиной от 20—28 апреля 1837 г. (часть от 26—28 апреля)— *Изд. Павл.*, стр. 270—277.

103. Н. А. ЗАХАРЬИНОЙ

Печатается по автографу (*ЛБ*). Впервые опубликовано: *ИС*, 1897, № 4, стр. 122—124. На автографе пометы Герцена: «139» и Н. А. Захарьиной: «3-е мая». Приписка от 20—21 апреля находится на отдельном листе.

...написав коротенькую статейку...— Неясно, о каком произведении говорит Герцен.

...я и забыл великую честь обедать за столом его превосходительства...— «Дружба наша недолго продолжалась,—писал Герцен о вятском губернаторе.—Тюфяев скоро догадался, что я не гожусь в „высшее" вятское общество. Через несколько месяцев он был мною недоволен, через несколько других он меня ненавидел, и я не только не ходил на его обеды, но вовсе перестал к нему ходить» (VIII, 249).

...сюда будет наследник ∞ а я ему буду показывать выставку...— Наследник-цесаревич Александр Николаевич совершал в это время путешествие по России. В Вятку он приехал 18 мая 1837 г. О его пребывании в Вятке и об участии Герцена в организации выставки «всякого рода произведений и изделий края» см. в «Былом и думах» (VIII, 291—295), в письме 106 и в комментариях к нему.

Я перечитал твое письмо, писанное в прошлую Святую...— Герцен имеет в виду письмо от 27—31 марта 1836 г. (*Изд. Павл.*, стр. 77—78).

...преследования Мед⟨ведевой⟩...— См. письмо 92 и комментарий к нему, а также VIII, 342—344.

Повесть моя не двигается...— «Елена».

Ответ Н. А. Захарьиной от 2—11 мая 1837 г.—*Изд. Павл.*, стр. 281—288.

104. Н. А. ЗАХАРЬИНОЙ

Печатается по автографу (*ЛБ*). Впервые опубликовано: *НС*, 1897, № 4, стр. 132—134. На автографе пометы Герцена: «141» и Н. А. Захарьиной: «10 мая».

Ответ на письмо Н. А. Захарьиной от 17—24 марта 1837 г. (*Изд. Павл.*, стр. 245—250).

... теперь пишут другое из П⟨етербурга⟩...— Письма, о которых говорит здесь Герцен, остаются неизвестными.

...простонародная сказка ∞ лежать в бочке».— Ср. изложение этой «очень распространенной в России» сказки в заключительной части брошюры Герцена «Le peuple russe et le socialisme» (VII, 304—305).

Ты пишешь в прошлом письме, чтоб сказать папеньке обо всем тотчас по приезде...— 18 марта Н. А. Захарьина писала Герцену: «Вот что я думаю. Возвратившись, не открыть ли тебе всего папеньке? Сгоряча, от радости видеть тебя, может, он примет это великодушнее. Тогда ты не

можешь упрекать себя в недоверчивости к нему, он также, и вы помиритесь. Впрочем, да будет твоя воля» (*Изд. Павл.*, стр. 246).

...когда я перечитывал, как ты вечером смотрела на улицу.— 21 марта 1837 г. Наталья Александровна писала Герцену: «До того мне стало душно *там с ними*, до того несносно, что я сказала, что болит голова, и ушла сюда, к себе, и целых два часа сидела недвижно на своем диване подле любезного окошка. И сумерки настали, и огонь везде засветили, я сижу впотьмах одна, и не нужно мне людей и не нужно мне огня! Ты, ты, ангел мой, со мной, и светло в душе, светло и кругом. Долго смотрела я на эту улицу, по которой ты так часто ходил, ездил... теперь грязна она, черна, что-то грустна, так сиротлива,— и я вспоминала ту ночь, о, ужасную ночь, которую провела я в тоске неизъяснимой, вообразив с чего-то, что ты уже уехал; как каждый стук тогда увеличивал боль в груди, будто ехали у меня по сердцу...И потом вдруг отдавалась надежде — по этой улице, может быть, он скоро проедет, придет ко мне,— может, я не один раз пойду по ней с ним, может, может... О друг мой милый, почему же не может быть?» (там же, стр. 248).

...шпиц т о й колокольни...— Колокольня церкви на Ваганьковском кладбище, где Герцен простился с Натальей Александровной перед своим арестом.

Ответные письма Н. А. Захарьиной от 2—11 мая (часть от 10—11 мая) и от 12—17 мая 1837 г.— *Изд. Павл.*, стр. 286—288, 288—291.

105. Н. А. ЗАХАРЬИНОЙ

Печатается по автографу (*ЛБ*). Впервые опубликовано: *НС*, 1897, № 4, стр. 134—138. На автографе пометы Герцена: «142» и Н. А. Захарьиной: «Мая 18. Середа, вечер». Текст, начиная от слов: «Вот тебе, милый друг», написан на отдельном листе.

Ответ на письма Н. А. Захарьиной от 25 марта — 6 апреля и 7—20 апреля 1837 г. (*Изд. Павл.*, стр. 252—257 и 261—266). Отрывки из первого письма неточно цитируются в «Былом и думах» (VIII, 345).

Нет, вижу, что надобно искоренить славолюбие...— 2 апреля Наталья Александровна писала Герцену, цитируя его восклицание: «Двадцать пять лет прожито и ничего не совершено»: «Как, неужели это сознание истинное? Двадцать пять лет — много; я уверена, что ни один и из обыкновенных людей не терял столько втуне, а как же сказать это тебе? Ты не совершил громкого, славного перед людьми, но сколько, может, совершил великих подвигов перед богом! Сколько посеяно должно быть в эти годы и каких плодов должно ждать в будущие! Как еще молод ты, Александр; какое поле пред тобою! Может, оно в иных местах будет сухо, черство, закостенело,— сколько запасти сил надо, труда будет много, много, может, в кровь превратится пот; и как непостижимо счастлива та, которая будет приносить отдохновение этим трудам!〈...〉 Тебе только 25 лет, и уже изведаны море дружбы и любви! Уже найдено сердце, душа, которые полны одним тобою, живут одним тобою, для одного тебя! Вот тебе залог будущего!» (*Изд. Павл.*, стр. 255—256).

...«И избрал господь голубицу для исполнения воли своей»...—Неточная цитата из «Орлеанской девы» Шиллера (пролог). См. комментарии к письму 144.

Итак, княгиня просила Льва Алексеев〈ича〉 об богатом женихе, о женихе с местом.— Наталья Александровна писала 6 апреля: «Вчера меня насмешила к〈нягиня〉. Я была в другой комнате, а она просит Льва Алексеевича сыскать *какого-нибудь добренького секретаря, богатенького* мне в женихи! Видно, я им надоела, а, может быть, из доброжеланья пристроить при себе!» (*Изд. Павл.*, стр. 256—257).

И ты, ангел, пишешь, что, смотря на природу, ты находила в ней меня... — Герцен имеет в виду высказывание Натальи Александровны в письме от 8 апреля: «Наши куда-то уехали, передо мною твой портрет <...>Вообрази теперь, как черты твои, изображенные карандашом на бумаге, отделяются... светлеют... горят,— горят огнем святой любви, о как горят... сливаются с голубым светом, с огненными лучами... и вот, ты—небо, ты — солнце, солнце и небо — твой образ! Скажи, можешь ли ты это представить себе? Вся природа — твой лик, огненный, лучезарный. Не видно ни растений, ни гор, ни морей, ни людей — все ты, твое око...» (там же, стр. 261—262).

...le Seigneur ∞ au cri du genre humain.— «Господь вечно сливает в роковом супружестве песнь природы с криком рода человеческого» (франц.). Неточная цитата из стихотворения В. Гюго «Ce qu'on entend sur la montagne» («Что слышится на горе»), напечатанного в его книге «Les feuilles d'automne» («Осенние листья», 1829). Герцен привел эти стихи в «Легенде» (I, 85), изменив их так же, как в комментируемом письме.

...письмо Огар<ева>. Читай и восхищайся. — Герцен приводит полностью письмо Огарева, без даты, впервые напечатанное в *РМ*, 1888, № 9, стр. 5—6.

...Тане, которая любовью эгоистической выколдовала его из круга друзей. — См. комментарии к письмам 45 и 121.

«Одно, что во всю жизнь не изменяло мне, — это твоя дружба»,— писал я некогда... — Письмо Огарева, цитируемое здесь им самим, неизвестно.

Я писал к ним...— Речь идет, по-видимому, о письме Огарева к Н. Х. Кетчеру и другим московским друзьям, относящемся к концу 1836 г. (*Огарев*, II, 277—286).

...я писал ему.— Это письмо Герцена к Огареву остается неизвестным

Ответ Н. А. Захарьиной от 19 мая — 1 июня 1837 г.— *Изд. Павл.*, стр. 292—295.

106. Н. А. ЗАХАРЬИНОЙ

Печатается по автографу (*ЛБ*). Впервые опубликовано: *НС*, 1897, № 5, стр. 161—162. На автографе пометы Герцена: «145» и Н. А. Захарьиной: «28 мая».

Ответ на письмо Н. А. Захарьиной от 20—28 апреля 1837 г. (*Изд. Павл.*, стр. 270—277).

Проклятая выставка вся на моей шее...— Вспоминая в «Былом и думах» об организации в Вятке выставки «всякого рода произведений и изделий края», Герцен писал, что он занимался расположением экспонатов «по трем царствам природы», «размещением деревянной посуды и вотских нарядов, меда и чугунных решеток» (VIII, 293). Выставка была устроена в двухэтажном доме наследников купца Гусева. «...Вскоре начали и присылаться из уездов губернии как земные произрастания, так равно и разные мануфактурные и промышленные изделия из металлов, дерева и проч.,— писал об этой выставке вятский старожил Т. Эсаулов, — словом, собрано было в короткое время все, что только есть в губернии произрастающего от земли и производимого человеческими руками. По выставке учрежден был особый комитет из общественных лиц под председательством градского главы 1-й гильдии купца Михайлы Рязанцева и под непосредственным наблюдением начальника губернии. Выставка успела к сроку и сформирована была прилично по роду предметов» (Т. Э с а у л о в. О высочайших посещениях Вятской губернии государем императором Александром Благословенным 1824 г. и государем наследником

цесаревичем и великим князем Александром Николаевичем 1837 года. Изд 2-е, М., 1854, стр. 18).

Сейчас с бала, где был наследник.— Этот бал подробно описан Герценом в «Былом и думах» (VIII, 294—295). Ср. также цитированную выше книжку Эсаулова (стр. 21—22).

...знаменитый Жуковский, с которым я час целый говорил... —Описание своей встречи с В. А. Жуковским Герцен положил в основу третьей части несохранившейся повести «I Maestri» (см. об этом в письмах 107 и 110, а также VIII, 294).

Ответ — в письме Н. А. Захарьиной от 19 мая — 1 июня 1837 г. (часть от 30 мая — 1 июня) — *Изд. Павл.*, стр. 294—295.

107. Н. А. ЗАХАРЬИНОЙ

Печатается по автографу (*ЛБ*). Впервые опубликовано: *НС*, 1897, № 5, стр. 166—168. На автографе пометы Герцена: «148» и Н. А. Захарьиной: «10-е июня».

Ответ на письмо Н. А. Захарьиной от 2—11 мая 1837 г. (*Изд. Павл.*, стр. 281—288). Отрывок из этого письма Н. А. Захарьиной неточно цитируется в «Былом и думах» (VIII, 345).

То, что ты пишешь о М⟨едведевой⟩, взволновало меня...— 3 мая Наталья Александровна писала Герцену, откликаясь на его письмо от 17 апреля: «Как мрачно твое письмо!.. как это тяжело мне! ⟨..⟩ Ежели бы Мед⟨ведева⟩ забыла тебя, была бы счастлива, тогда бы мы не должны мучиться и томиться *пятном*, ибо это было бы уже недостаток надежды на Его благость. Он сам велел каяться для *очищения* и прощает кающихся. Но *она* несчастна, любит тебя и, может, надеется, что ты женишься на ней. Я была бы *все та же, та же любовь, то же блаженство* внутри, а наружно— *кузина, любящая тебя без памяти*. Я бы жила с вами, я бы любила *ее*, была бы сестрою ее, другом, всю б жизнь положила за *ее семейство;* внутри была бы *твоя Наташа*, наружно — *все, что бы она желала*. Но как же тебе соединить жизнь свою с жизнью *женщины?* Как *тебе* нести ярмо мужа?.. Тебя мучает это, и меня не меньше, тебе тяжело молчать и мне. Давай же говорить о ней, придумывать облегчить участь ее, но тут есть сторонние гонения, ты не объясняешь их, и я не могу вообразить какие; может, это главное ее несчастие, но все равно, наш долг облегчить, хотя б то стоило жизни, хотя б вечная разлука на земле. О! я все вынесу, все, все!» (*Изд. Павл.*, стр. 282).

Восьмой и девятый час ∞ будет твой...— Отклик на следующее предложение Натальи Александровны (6 мая): «Будем детьми... назначим час, в который нам обоим непременно быть на воздухе, это будет час свиданья, час, в который мы будем уверены, что нас не делит ничто, одна даль. В 8 часов вечера, тут тебе, верно, свободнее, может быть, даже это час твоего гулянья. Давеча вышла я на крыльцо, но мне будто кто сказал, что ты дома, и я воротилась» (там же, стр. 285).

Наташа, а в Киев ходить не надобно...— Наталья Александровна, и раньше еще выражавшая намеренье отпроситься на богомолье в Киев, чтобы тайно заехать к Герцену в Вятку, закончила свое письмо словами: «Прощай, Александр, много дум, много всего в душе, что-то не пишется, мой ангел,— не пойти ли мне в Киев?» (там же, стр. 288).

Слышал я пап⟨енькин⟩ разговор и первый и второй...— 5 мая Наталья Александровна сообщила Герцену: «....сию минуту была у меня маменька ⟨...⟩ Она говорила мне все, все до слова, разговор с папенькой неутешителен, да невозможно ж с первого раза, тебя нет, и потом это так еще, мимоходом. Погоди, милый друг, вот приедешь ты, старичок будет добрее от радости, а теперь не пиши ему, ничего не пиши, это только может

повредить...» (там же, стр. 283). 11 мая Наталья Александровна писала: «Да в самом деле, нельзя этого сказать папеньке вдруг, решительно,— отказ будет тоже решительный, и после трудно будет с ним сладить. А ты хочешь обделать все письмами,— вот маменька напишет тебе, как он далек от этого» (там же, стр. 287).

«I Maestri» ∞ «Мысль и откровение»...— Эти произведения Герцена не сохранились.

...повесть бросил...— «Елена» («Там»).

...важное обстоятельство ∞ гонениями М⟨едведевой⟩...— Речь идет о борьбе против губернатора Тюфяева. См. письмо 109.

...ты иногда делаешь замечания не думавши?— Намек на то, что переписка Герцена подвергается перлюстрации.

Ответ Н. А. Захарьиной от 11—16 июня 1837 г.— *Изд. Павл.*, стр. 300—302.

108. Н. А. ЗАХАРЬИНОЙ

Печатается по автографу (*ЛБ*). Впервые опубликовано: *НС*, 1897, № 6, стр. 52—54. На автографе пометы Герцена: «[156] 150» и Н. А. Захарьиной: «28-е, воскресенье».

Еще и еще пишут мне о неприятностях, которые ждут нас в Москве.— Речь, по-видимому, идет о не дошедших до нас письмах матери и брата Герцена.

...Нису...— т. е. Ниццу, которая тогда принадлежала не Франции, а Италии.

...сочинение Dumont D' Ur⟨ville⟩ «Voyage autour du Monde».— Вероятно, речь идет о книге, вышедшей под редакцией известного путешественника J.-S.-C. Dumont d'Urville. Voyage pittoresque autour du Monde. Resumé général des voyages de découvertes...» («Живописное путешествие вокруг света. Сокращенное описание исследовательских путешествий»). Тт. 1—2. Париж, 1834—1835.

Ты как-то писала, что застенчива...— В письме от 24 апреля 1837 г. (*Изд. Павл.*, стр. 273).

Ответ Н. А. Захарьиной от 29 июня — 18 июля 1837 г.— *Изд. Павл.*, стр. 308—312.

109. Н. А. ЗАХАРЬИНОЙ

Печатается по автографу (*ЛБ*). Впервые опубликовано: *НС*, 1897, № 6, стр. 59—60 и 61—63. На автографе пометы Герцена: «[170] 153» (переделано из «152») и Н. А. Захарьиной: «19-е июля». Приписка от 20—23 июня находится на отдельном листе.

Ответ на письма Н. А. Захарьиной от 19 мая— 1 июня и 3—9 июня 1837 г. (*Изд. Павл.*, стр. 292—295 и 297—299).

...я рассорился с здешним губернатором...— Столкновение Герцена с Тюфяевым было вызвано преследованиями, которым вятский губернатор подвергал П. П. Медведеву (см. VIII, 247 и 295—296).

Как ты холодно смотришь на все эти отношения практического мира...— Отклик на следующее высказывание Натальи Александровны: «Ты хочешь, чтоб я поздравила тебя с тем, что *довольны* выставкой, — поздравляю от всей души, но не знаю, что же из этого? *Тьма комплиментов* принесет ли пользу? Впрочем, все это не лишнее—пригодится вперед. Я воображаю, как утомила тебя эта выставка ⟨...⟩ Ну, что Жуковский?

Это посещение интересует меня более всего из твоей выставки» (*Изд. Павл.*, стр. 294).

Ты как-то писала, что любишь верховую езду... — См. письмо Н. А. Захарьиной от 3 июля 1836 г. (там же, стр. 109).

...«I Maestri» кончил... — См. письма 107, 110, а также I, 536.

Кончи ∞ эту историю с женихом... — Наталья Александровна сообщала о сватовстве Г. Богданова.

Ты пишешь, что могла бы теперь ∞ покинуть землю. — 6 июня Наталья Александровна писала: «Когда ты написал, что нам не видеться в 37-м году, и маменька уверила, что папенька ни за что на свете не позволит, сперва сердце сжалось, я была несколько времени женщина, потом оглянулась на землю,— она показалась мне так чужда, так далека; я спокойно смотрела на небо и ждала, чтоб оно отворилось мне, и мне не жаль тогда было оставить тебя на земле *одного;* сбросив тело, я б неразлучно была с тобою, и кто б тогда воспрепятствовал?.. А теперь малейший прутик уж преграда нам. Ах, поверишь ли, мне не хотелось даже твоего взгляда...» (*Изд. Павл.*, стр. 298).

Ты не веришь в наше соединение... — 3 июня Наталья Александровна писала: «Я потеряла веру в наше свидание, не имею ее и в соединенье. Вера в любовь, в тебя — со мной, во мне, я! Благодарю вас, господа женихи, вас, добрые старатели и старательницы, и даже вас, Мар⟨ья⟩ Степ⟨ановна⟩! Вы оттолкнули меня еще далее от земли, вы показали мне еще яснее ее и ваше ничтожество. Хочу мук, хочу страдания, хочу носить венец терновый...» (там же, стр. 297—298).

Ответ Н. А. Захарьиной от 20—27 июля 1837 г.— *Изд. Павл.*, стр. 318—321.

110. Н. А. ЗАХАРЬИНОЙ

Печатается по автографу (*ЛБ*). Впервые опубликовано: *НС*, 1897, № 6, стр. 60—63 (без начала). На автографе пометы Герцена: «[171] 154» и Н. А. Захарьиной: «19-е июля». Приблизительная дата начала письма устанавливается по датированной приписке Герцена.

Продолжение ответа на письмо от 3—9 июня 1837 г. (*Изд. Павл.*, стр. 297—299).

...прочел я «Ундину» Жуковского... — Герцен имеет в виду издание: «Ундина, старинная повесть, рассказанная в прозе бароном Ламот-Фуке, на русском в стихах В. Жуковским», СПб., 1837.

«Встреча», которая у тебя... — Речь идет о «Второй встрече» («Человек в венгерке»).

Ты писала мне с месяц тому назад, чтоб я занялся моею прошлой жизнью... — 6 мая Н. А. Захарьина писала: «Разве мешает что тебе написать из жизни своей то, что еще свежо? Будет время, когда не будет свежо, не будет и охоты писать несвежее» (*Изд. Павл.*, стр. 283).

Тогда я их издам под заглавием «Юность» и посвящу тебе и Огар⟨еву⟩. — Это намерение Герцен частично осуществил в «Былом и думах», предварив издание этого сочинения следующим посвящением, датированным 1 июля 1860 г.: «Н. П. О г а р е в у. В этой книге больше всего говорится о двух личностях. Одной уже нет,— ты еще остался, а потому тебе, друг, по праву принадлежит она» (VIII, 7).

...это человек бездушный... — Характеристику А. А. Яковлева см. в «Былом и думах» (VIII, 109—115).

...у тебя есть сестра... — Анна Александровна Орлова, жившая в Петербурге.

Ты в деревне... — Наталья Александровна уехала в Загорье 16 июня 1837 г., о чем Герцену сообщила, по-видимому, Л. И. Гааг.

Об ответе Н. А. Захарьиной см. в комментарии к письму 111.

111. Н. А. ЗАХАРЬИНОЙ

Печатается по автографу (*ЛБ*). Впервые опубликовано: *НС*, 1897, № 8, стр. 106—109. На автографе пометы Герцена: «156» (переделано из «155») и Н. А. Захарьиной: «19-е июля». Приписка от 7 июля находится на отдельном листе.

Часть письма от 7 июля — ответ на письма Н. А. Захарьиной от 11—16 и 17—26 июня 1837 г. (*Изд. Павл.*, стр. 300—302 и 302—304). Отрывки из второго письма цитируются (неточно) в «Былом и думах» (VIII, 352—354).

...повесть опять бродит в голове. — «Там» (первая редакция «Елены»).

Теория все-таки мертва... — Возможно, имеются в виду слова Мефистофеля в части I «Фауста» Гёте: «Grau, teurer Freund, ist alle Theorie».

...у сосланного сюда доктора богословия Бетгера... — Супер-интендант Беттигер был сослан «за растраску казенных сумм». Прибыл в Вятку 29 апреля 1837 г. (см. *Л* XII, 394—395).

...я спрашивал Егор Ив⟨ановича⟩ ∞ пришлю свои статьи ∞ Шиллера... — В ответном письме Наталья Александровна замечала: «Ежели ты приедешь скоро, то уж зачем же затруднять Ег⟨ора⟩ Ив⟨ановича⟩ тетрадями и книгами, хотя я с величайшим нетерпением жду твоих статей. Привези сам, сам и прочти их твоей Наташе» (*Изд. Павл.*, стр. 321).

Я пишу теперь письма из Вятки — это карикатура... — См. комментарий к письмам 51, 73, 78 и 81. Возможно, что эти сатирические страницы Герцен в какой-то мере использовал в «Записках одного молодого человека» при описании «города Малинова».

Ответ Н. А. Захарьиной от 20—27 июля 1837 г. (на это и предыдущее письмо) — *Изд. Павл.*, стр. 318—321.

112. Н. А. ЗАХАРЬИНОЙ

Печатается по автографу (*ЛБ*). Впервые опубликовано: *НС*, 1897, № 8, стр. 109—111. На автографе пометы Герцена: «157» и Н. А. Захарьиной: «29-е. Четверг».

После слов: «каждый почтовый день я» (стр. 184, строка 29) зачеркнуто: «должен»; после слов: «в идеал религии» (стр. 184, строка 39) зачеркнуто: «бросил».

...старания вдешнего жандармского штаб-офицера... — Герцен имеет в виду обращение жандармского майора А. Г. Замятнина к начальнику Московского округа корпуса жандармов гр. Апраксину о «чистосердечном раскаянии, образе мыслей и отличном поведении во все двухлетнее пребывание Герцена в Вятке». Замятнин поддерживал ходатайство И. А. Яковлева о возвращении Герцена в Москву. В «справке», составленной по этому поводу в III отделении, было указано следующее: «В четырех письмах к актуариусу Огареву Герцен изложил мысли о разных предметах политических и философских, имеющие вид умствований непозволительных и обнаруживающие в нем сильное воображение и стремление к изменению настоящего порядка вещей. Герцен в оправдание свое показал, что большая часть рассуждений, заключающихся в означенных письмах, суть цитации из новейших английских и французских книг и журналов» (*Л* I, 437—438).

Я имею вести из Петербурга от 25 июня...— Письмо или письма, которые имеет в виду Герцен, неизвестны.

Ты вспоминала, как я в саду сидел с Огаревым. — Герцен откликается на следующие строки Натальи Александровны от 12 июня (о посещении ею московского дома Герцена): «Как живо в памяти, в сердце — вот под этим деревом, на этой лавочке мы сидели с тобой; тут ты читал Огареву, вот по этой дорожке ходили вместе, по этой аллее шли в последнее, и все пусто, наконец, все мертво! И уже тому три года...» (*Изд. Павл.*, стр. 301).

Ответ Н. А. Захарьиной от 29 июля и 31 июля — 12 августа 1837 г. — *Изд. Павл.*, стр. 322—323, 323—326.

113. Н. А. ЗАХАРЬИНОЙ

Печатается по автографу (*ЛБ*). Впервые опубликовано *НС*, 1897, № 8, стр. 111—113. На автографе помета Герцена: «158». Приписка от 21 июля находится на отдельном листе.

Он взял чашу...— Герцен ссылается на евангельский миф о Христе.

...я — лишенный тогда друга...— Намек на арест Огарева.

В 1835 году ты писала мне сюда, что в этот день узнала ты, что такое несчастие...— 12 июля 1835 г. Наталья Александровна писала: «Через неделю настанет день, ужасный день, в который год тому назад я узнала, что такое в жизни несчастье, память его никогда не умрет в душе моей; глубоко, глубоко запечатлелась она в ней. Ничто не может стереть клейма, вклейменного жестокою рукой судьбы» (*Изд. Павл.*, стр. 22).

Об ответе Н. А. Захарьиной см. в комментарии к письму 114.

114. Н. А. ЗАХАРЬИНОЙ

Печатается по автографу (*ЛБ*). Впервые опубликовано: *НС*, 1897, № 8, стр. 117—118. На автографе помета Герцена: «160».

...твое пророчество ∞ очень бесполезные для дела.— Имеется в виду суждение Н. А. Захарьиной, высказанное ею в письме от 19 мая — 1 июня 1837 г. (см. комментарий к письму 109).

Я начал новую статейку...— Речь идет об очерке «Спмпатия». См. комментарий к письму 143.

Ответ Н. А. Захарьиной от 15—16 и 16—19 августа 1837 г. (на это и предыдущее письмо)— *Изд. Павл.*, стр. 328—331 и 331—332.

115. Н. А. ЗАХАРЬИНОЙ

Печатается по автографу (*ЛБ*). Впервые опубликовано: *Изд. Павл.*, стр. 326—328. На автографе помета Герцена: «162». Конец письма, от слов «Странно, очень странно» написан на отдельном листе.

Ответ на письма Н. А. Захарьиной от 29 июня — 18 июля и 20—27 июля 1837 г. (*Изд. Павл.*, стр. 308—312 и 318—321).

...нового губер⟨натора⟩...— А. А. Корнилов был назначен вятским гражданским губернатором 1 июля 1837 г. См. его характеристику в письме 116 и в «Былом и думах» (VIII, 296).

...но чему же ты удивилась?— 30 июня Наталья Александровна писала Герцену: «Нет, я мечтала именно о том, что ты писал мне ныне, и не смела сказать тебе этого; на берегу моря, в божьем цветнике, далеко

от суеты, шума, ропота, камней, людей, на земле — далеко земли — сказать тебе: „Александр мой! люблю тебя". Обнять тебя, посмотреть на тебя и... отдать небу то, чем земля недостойна обладать. Знав, что ты любишь славу, я не смела молвить тебе об уединении; вообрази же, что со мною стало, когда я читала твое письмо!..» (*Изд. Павл.*, стр. 308—309).

...зачем ты всегда таким мраком покрываешь 9 месяцев тюрьмы...— В письме от 20 июля Наталья Александровна писала, в связи с третьей годовщиной со дня ареста Герцена: «В памяти являются картина за картиной последних часов с тобою, за этим 9 месяцев — ночь, одна темная, безотрадная, беззвездная ночь, в которую не видно, что небо, что земля; да, так черное горе обнимало тогда мою душу, что я не чувствовала земли и забывала небо» (там же, стр. 318). Герцен не совсем понял значение этих слов Натальи Александровны, которая характеризовала ими свое душевное состояние, а не положение Герцена.

Я говорю о том месте твоего письма, где ты велишь мне быть вполне сыном.— Наталья Александровна писала 4 июля, возражая на письмо Герцена от 7—9 июня 1837 г. (см. стр. 173 наст. тома): «Какая холодная мысль станет между тобой и папенькой? Да, голос сильный, святой и мой голос скажут тебе: „Он твой отец, он много для тебя сделал"; но какой же голос скажет: „Он единственное препятствие твоему счастию". Ужели между нами, между мною и тобою, есть кто, кроме бога? Ежели мы встретим препятствие в папеньке, бог нам препятствует. И может ли *любовь* родить *мысль холодную*, между кем же? Между отцом и сыном... О! нет, Александр, пусть век у тебя будет отец, пусть век ты будешь ему сыном, пусть в родине ты найдешь родных!..» (*Изд. Павл.*, стр. 310).

От Emilie получил я записочку...— Записка Э. М. Акcберг неизвестна.

Ответ Н. А. Захарьиной от 24—29 августа 1837 г.— *Изд. Павл.*, стр. 336—337.

116. Н. А. ЗАХАРЬИНОЙ

Печатается по автографу (*ЛБ*). Впервые опубликовано: *Изд. Павл.*, стр. 333—336 (ошибочно объединено с письмом от 22—25 августа 1837 г.). На автографе помета Герцена: «164» и надпись рукой Е. И. Герцена: «Письмо при вынимании из пакета надорвано, но нисколько не читано». Приписка от 18 августа находится на отдельном листе.

В этом письме...—По-видимому, речь идет о письме К. И. Арсеньева, сопровождавшего наследника в его путешествии по России и взявшего на себя хлопоты по возвращению Герцена из ссылки.

...26 числа... — 26 августа — день именин Натальи Александровны.

Ты недавно радовалась моему тихому расположению... — В письме от 30 июня 1837 г. (см. комментарий к письму 115).

Ответное письмо Н. А. Захарьиной от 1—11 сентября 1837 г.— *Изд. Павл.*, стр. 340—344.

117. Н. А. ЗАХАРЬИНОЙ

Печатается по автографу (*ЛБ*). Впервые опубликовано: *Изд. Павл.*, стр. 335—336 (ошибочно объединено с письмом от 16—18 августа). На автографе пометы Герцена: «166» и Н. А. Захарьиной: «15 сен⟨тября⟩».

...звуков «песни ангела».— «Песнями ангела» Герцен в «I Maestri» назвал письма Натальи Александровны (ср. письмо 121).

Об ответе Н.А. Захарьиной см. в комментарии к письму 119.

118. Н. А. ЗАХАРЬИНОЙ

Печатается по автографу (*ЛБ*). Впервые опубликовано: *Изд. Павл.*, стр. 337—339. На автографе пометы Герцена: «167» и Н. А. Захарьиной: «15 сент⟨ября⟩».

Часть письма от 9 августа — ответ на письма Н. А. Захарьиной от 31 июля — 12 августа, 15—16 и 16—19 августа 1837 г. (*Изд. Павл.*, стр. 323—326, 328—331 и 331—332).

Вчера пришло освобождение двум сосланным семействам из Польши.— Речь идет об участниках польского революционного движения — враче Исидоре Наумовиче и дворянине Адаме Римше с семьями. Первый находился в Вятке с 11 ноября 1833 г. по распоряжению виленского военного губернатора «за участие в польском мятеже и неблагонамеренные замыслы против правительства», второй — с 4 июля 1834 г.— «по конфирмации виленского, гродненского, минского и белостокского генерал-губернатора за участие с злоумышленником Шиманским в намерениях его» (*Л* XII, 390—391).

...твое письмо от 26 августа 1836.— Герцен имеет в виду письмо Н. А. Захарьиной от 23—29 августа 1836 г. (*Изд. Павл.*, стр. 124—128).

...ты права: можно ли было надеяться, что судьба Полины так быстро переменится... — Отклик на слова Натальи Александровны от 1 августа: «Когда Полина и Скворцов *любят*, чего им желать *более?* долгую жизнь — на что? богатства — вздор... Желаю им здоровья на земле, желаю вместе покинуть ее и там быть нераздельными ⟨...⟩ я чрезвычайно рада, что участь Полины переменилась; видишь ли, как нам *самим* не должно заботиться; сколько раз ты писал о ее несчастье,— *Он* не покинет избранных...» (там же, стр. 324).

Об ответе Н. А. Захарьиной см. в комментарии к письму 119.

119. Н. А. ЗАХАРЬИНОЙ

Печатается по автографу (*ЛБ*). Впервые опубликовано: *Изд. Павл.*, стр. 339—340. На автографе помета Герцена: «168». Не исключена возможность, что настоящее письмо было отправлено Герценом адресату вместе с предыдущим.

Продолжение ответа на письма Н. А. Захарьиной от 15—16 и 16—19 августа 1837 г. (*Изд. Павл.*, стр. 328—331 и 331—332).

Иоанн в Апокалипс⟨исе⟩ говорит: «О, будь горяч или холоден!» — См. Откровение Иоанна Богослова, 3, 15.

...я спрашивал, заезжать ли в Загорье...—См. письмо 113, стр. 188—189.

...ваши приказания, м⟨илостивая⟩ г⟨осударыня⟩, все исполню и не забуду ничего.— Герцен имеет в виду следующее место из письма Натальи Александровны от 15—16 августа: «Но вот мои повеленья: не прежде подъезжать к Загорью, как в 2 часа пополудни, в 3-м, они отдыхают от обеда, и я, где ты хочешь, в саду, в роще, или на самой дороге встречу тебя, только, конечно, наперед пришли, но как можно осторожнее ⟨...⟩ Помни же, в третьем часу, и отнюдь не показываться перед окнами дома, я проведу тебя в гостиную, туда никто не придет, а когда княгиня проснется, отворят двери спальной и я объявлю ей о дорогом госте ⟨...⟩ А вот еще я придумала: ехавши в Загорье, первое встретится глазам скотный двор, подле него столб с надписью деревни и вместе с ним выкрашенная белым горница, в которой живет одна старушка; заезжай прямо туда, только сзади, пришли ее сказать мне осторожнее, и все-таки мы увидимся без них. Даже ежели и из Москвы ты приедешь, то постарайся в этом часу и так, как я писала прежде, поступай» (*Изд. Павл.*, стр. 328—331).

Наконец, мало-помалу все сосланные вместе со мною получили полупрощение и льготы.— Огареву, по ходатайству пензенского губернатора Панчулидзева, 24 февраля 1837 г. царем был разрешен переезд в те губернии, в которых находились имения Огарева, в том числе в Рязанскую губернию, где расположено было его имение Акшино. Н. М. Сатину разрешено было 31 марта того же года вторично отправиться для лечения на Кавказ. О переводе И. А. Оболенского из Перми в Калугу см. в письме 115 (стр. 192).

Даже сидевшие в казематах в Шлиссельбурге освобождены.— К бессрочному заключению в Шлиссельбургскую крепость были приговорены по тому же делу, что и Герцен, В. И. Соколовский, А. В. Уткин и Л. К. Ибаев. Дошедшие в 1837 г. до Герцена сведения о том, что они были освобождены из крепости, не соответствовали действительности. Только в 1838 г., после того, как Уткин, не вынеся тяжелых условий заключения, умер, участь Соколовского и Ибаева была смягчена. Первый из них был выслан в Вологодскую губ., второй — в Пермскую.

Полина со слезой слушала, что ты пишешь об ней и к ней.— Наталья Александровна писала 19 августа: «Хорошо, мой друг, встреча с Полиной должна быть для нас незабвенна, пусть рука твоя увековечит ее; может, долго после нас она возбудит благороднейшие чувства и в тех сердцах, с которыми нас не связывала симпатия» (*Изд. Павл.*, стр. 332).

Ответ Н. А. Захарьиной от 15—23 сентября 1837 г. (на это и два предыдущих письма) — *Изд. Павл.*, стр. 345—348

120. Н. А. ЗАХАРЬИНОЙ

Печатается по автографу (*ЛБ*). Впервые опубликовано: *Изд. Павл.*, стр. 344—345. На автографе пометы Герцена: «170» и Н. А. Захарьиной: «25 сентября, в день приезда в Москву».

Сейчас писал я к Огар⟨еву⟩... — Письмо остается неизвестным.

...она самая добрая старушка, которую я когда-либо видел.— П. А. Эрн отправилась в Москву вместе со своим сыном Г. К. Эрном, который после отставки Тюфяева потерял место и поехал на поиски новой службы. Дочь П. А. Эрн, М. К. Рейхель, впоследствии преданный друг Герцена, характеризовала свою мать как женщину «умную, серьезную, хотя почти без всякого образования» (М. К. Рейхель. Отрывки из воспоминаний. М., 1909, стр. 9).

Ответ Н. А. Захарьиной от 26—27 октября 1837 г.— *Изд. Павл.*, стр. 352—353.

121. Н. Х. КЕТЧЕРУ

Печатается по автографу (*ЛБ*). Отрывок впервые опубликован, с ошибочной датой: «17 сентября 1837 г.», в статье П. В. Анненкова «Идеалисты тридцатых годов» — *ВЕ*, 1883, № 3, стр. 148. Полностью (по копии): *Л* I, 464—465.

...песнь ангела ... — См. комментарий к письму 117.

Amicus Platonis, sed magis amicus veritatis... — «Я друг Платона, но еще больше друг истины» — несколько измененная латинская поговорка.

...жандармский штаб-офицер... — А. Г. Замятнин.

Что Вадим, издает, что ли, свои «Очерки»? — Первый выпуск сборника «Очерки России» В. В. Пассека вышел в свет в 1838 г. Герцен вспоминал впоследствии, как Вадим Пассек, «выпущенный из университета кандидатом, в преизбытке сил, с необузданным самолюбием, с русской

удалью делил все мечты, все увлеченья» герценовского кружка (с конца 1831 до начала 1834 г.). «После женитьбы,— замечал Герцен,— он много изменился, а может, не он, а мы двинулись вперед, а он остался на старом месте ⟨...⟩ Мы расстались довольно холодно» (II, 237—238). Ироническое отношение Герцена к «Очеркам России» объяснялось как реакционными тенденциями, откровенно проявившимися в этой книге, так и эмпирическим и непаучным характером очерков.

Ты виделся с Огаревым.— О своем недавнем свидании с Кетчером Огарев упоминает в письме к нему, датируемом октябрем 1837 г. (*Огарев*, II, стр. 289).

...Она... — Н. А. Захарьина.

Exegi monumentum! — Начальные слова одной из од Горация, взятые Пушкиным в качестве эпиграфа к стихотворению «Я памятник себе воздвиг нерукотворный».

...вольная комета, а над нею две звезды.— Фирменная этикетка шампанского вдовы Клико (появление кометы в 1811 г. совпало с необыкновенным урожаем винограда во Франции).

При сем вложено письмо к Огар⟨еву⟩.— Письмо остается неизвестным, как и более раннее письмо, упоминаемое далее Герценом.

Где Сазонов? — Сазонов, в 1836 г. возвратившийся из-за границы, находился в Петербурге. См. его письмо к Н. Х. Кетчеру от 18 июля 1837 г., в котором он просил напомнить о себе Герцену (*ЛН*, т. 41-42, стр. 250).

...есть ли des hommes comme il faut в редакции «Наблюдателя»? — «Московский наблюдатель» издавался в это время под редакцией В. П. Андросова и С. П. Шевырева. Произведения Герцена в «Московском наблюдателе» не появились.

Что Н. А. Полевой? — Н. А. Полевой готовился к переезду в Петербург, куда был приглашен для редактирования «Северной пчелы» и «Сына отечества».

Морошкин — доктором прав... — В 1837 г. Ф. Л. Морошкину, защитившему диссертацию «О владении по началам российского законодательства», была присвоена докторская степень.

Надеждин стал умно писать ∞ славная статья.— Статья Н. И. Надеждина «Опыт исторической географии русского мира (статья первая)» была напечатана в «Библиотеке для чтения» 1837 г., № 5. Отзыв Герцена, возможно, имеет иронический характер.

Читал ли ты Устрялова историю? — Первый том университетского курса Н. Г. Устрялова «Русская история» вышел в 1837 г.

Ответ Н. Х. Кетчера неизвестен.

122. Н. А. ЗАХАРЬИНОЙ

Печатается по автографу (*ЛБ*). Впервые опубликовано: *Изд. Павл.*, стр. 348. На автографе пометы Герцена: «172» и неустановленного лица «Накануне Покрова». Конец письма, от слов «Сегодня ночью», написан на отдельном двойном листе.

...сыновья Эдипа, ревавшие друг друга, были братья.— Герои греческого мифа — братья Полиник и Этеокл. После отречения от престола их отца Эдипа они должны были царствовать поочередно. Вскоре между братьями разгорелась непримиримая вражда, закончившаяся поединком, в котором они оба были поражены насмерть.

...о том итальянском поэте, которому Сикст V отрезал руки и язык?— Об «Изувеченном», герое одноименного романа (Сентина), написавшем пасквиль на папу Сикста V и выдавшем себя, когда папа дал слово не казнить виновного, Герцен упоминает в «Былом и думах»: «Сикст V велел ему от-

рубить руки и язык ⟨...⟩ Грустный и истомленный взгляд страдальца успокоивался только и останавливался с благодарностью и остатком веселья на девушке, которая любила его прежде и не изменила ему в несчастьи» (VIII, 331).

...она писала мне billets doux, и эти billets doux попались в Следственную комиссию.— См. далее протокол допроса Герцена. *Billets doux* — любовные записки (франц.).

...глории... — славе (от лат. gloria).

Она прежде любила кого-то с усами...— В «Былом и думах» Герцен писал о Л. В. Пассек: «Она была помолвлена, вдруг вышла какая-то ссора, жених оставил ее и уехал куда-то на другой край России. Она была в отчаянии, огорчена, оскорблена» (VIII, 331). По-иному рассказывает эту историю Т. П. Пассек, скрывшая Л. П. Пассек под именем Марии (см. *Пассек*, I, 460).

...мать 3 детей? — У П. П. Медведевой были две дочери — София и Людмила и сын — Николай.

Ответ Н. А. Захарьиной от 30 сентября — 3 октября 1837 г. — *Изд. Павл.*, стр. 353—356.

123. Н. А. ЗАХАРЬИНОЙ

Печатается по автографу (*ЛБ*). Впервые опубликовано: *Изд. Павл.*, стр. 351—352. На автографе пометы Герцена: «173» и Н. А. Захарьиной: «7 октя⟨бря⟩...»

Ответ на письмо Н. А. Захарьиной от 1—11 сентября 1837 г. (*Изд. Павл.*, стр. 340—344).

... ты пишешь о «I Maestri».— 1 сентября Наталья Александровна писала Герцену: «Другой день у меня „I Maestri“ и письмо до 18 августа ⟨...⟩ *Встречу* с Дмитриевым я читала покойно, она хорошо написана, но в ней еще нет *Тебя* ⟨...⟩ 35-й же и 37-й годы — тут-то, в этих встречах, ты, мой Александр! Они рассказаны тем языком, которым ты говоришь со мною в письмах и без писем, твоим языком. И я часто не могла продолжать,— с глазами, полными слез, с душою, полною восторга, останавливалась и долго слушала его звуки не здесь, а там, в небе, раздающиеся. Только одно лицо описано страшно, я содрогнулась, вспомнив, что оно существует на самом деле, особенно при конце,— у меня даже посинели ногти» (*Изд. Павл.*, стр. 341). В последней фразе Наталья Александровна имеет в виду «Калибана-Гнену» — Тюфяева. 3 сентября она продолжала: «Всего лучше для меня в этой статье мир dei Maestri и видение; но нет, вся хороша, особенно 35 и 37 годы, мудрено ли, что посторонние были тронуты до слез ⟨...⟩ Немудрено, ежели я скажу, что я во всем, что ни читала, не находила столько высоты и души, это скажут и *другие*. Я перечитывала 1-ю встречу — прелестная и она, везде отпечаток твоей огненной, богатой души — но она далека от двух последних» (там же, стр. 342).

Гадости, которые с тобой делают, ужасны... — Отклик на сообщение Натальи Александровны от 2 сентября: «Много делают надо мной глупостей теперь, сватовство продолжается, они на это употребили здешнего священника, знакомого Снаксареву, который не решается иметь жену без ста тысяч, беспрестанно бедного посылают в Москву, торгуются, а тот не уступает. Ты не можешь вообразить, сколько употребляется тут подлостей, низостей, это бездонная кадка. Я не смотрю на это, иногда смешно, иногда гадко,— вот уж в полном-то смысле сватовство» (там же, стр. 342).

И Emilie писала ко мне ... — Письмо Э. М. Аксберг неизвестно.

Ответ Н. А. Захарьиной от 8—17 октября 1837 г.— *Изд. Павл.*, стр. 359—362.

124. Н. А. ЗАХАРЬИНОЙ

Печатается по автографу (*ЛБ*). Впервые опубликовано: *Изд. Павл.*, стр. 356—359. На автографе помета Герцена: «175». Приписка от 11 октября находится на отдельном листе.

Ответ на письма Н. А. Захарьиной от 15—23, 26—27 сентября и 30 сентября—3 октября 1837 г. (*Изд. Павл.*, стр. 345—348, 352—353 и 353—356).

Ты опять в Москве... — Наталья Александровна приехала в Москву из Загорья 24 сентября.

...может, и Наташа там будет».— Наталья Александровна, как это видно из ее писем, в этот вечер в гостях у Л. А. Яковлева не была.

Я сейчас писал письмо к Арсеньеву ∞ он писал обо мне... — Письмо неизвестно, так же как и упоминаемое Герценом письмо Арсеньева (по-видимому, к вятскому гражданскому губернатору Корнилову).

Ты мне пишешь: «Пусть останется у тебя отец»,...—Цитата из письма Н. А. Захарьиной от 29 июня — 18 июля 1837 г.— см. комментарий к письму 115.

История сватовства становится серьезнее.— 20 сентября Наталья Александровна сообщала Герцену: «... у нас приготовленья к *свадьбе*. Лев Алексеевич был у Снакс⟨арева⟩, завязывается не на шутку,— что нам до того? Лишь ты, мой пресветлый, не помрачайся, будь все так же покоен, светл и изящен, не тужи обо мне, вся эта грязь, которую в меня бросают люди, весь град и каменный дождь, которые падают с неба, не замарают, не разобьют меня, не повредят» (*Изд. Павл.*, стр. 348). Возможно, что выход Н. А. Захарьиной замуж пытался ускорить отец Герцена, надеявшийся этим помешать браку сына. Вероятно, он намерен был отпустить на это крупную сумму в приданое «сироте».

...не совсем ты права и относительно земли... — Наталья Александровна писала 30 сентября: «О, будем, будем ждать. Нет, я не изнемогаю, многое приобрела я в эти три месяца уединенной, тяжкой жизни, видно есть еще силы и твердость неизведанные. Может, да, может быть, пройдет еще год... ах, как, однако, ломит грудь после этих слов; но пройдет год, ты приедешь, и нам останется только шагнуть через могилу. Ведь там, у бога-отца, наш дом, туда, туда! Очищай же душу, расти, мужай, чтоб нам вместе стать пред Ним, чтоб увенчаться одним венцом» (там же, стр. 354).

Ответ Н. А. Захарьиной от 18—24 октября 1837 г.— *Изд. Павл.*, стр. 364—367.

125. Н. А. ЗАХАРЬИНОЙ

Печатается по автографу (*ЛБ*). Впервые опубликовано: *Изд. Павл.*, стр. 362—364. На автографе пометы Герцена: «177» и Н. А. Захарьиной: «29-е октября».

...в прошлом письме ты говоришь мне, чтоб я был покоен.— 1 октября Наталья Александровна писала: «...Меня стращит твоя грусть, за тебя боюсь, в последнем письме ты грустен... Ведь тебя только может утешить то, ежели я спокойна и не страдаю, ты сам говорил. И я вновь клянусь, что готова на всё, на самые жесточайшие истязания, и не поморщусь; так будь же и ты, мой свет, ясен и чист, рано или поздно увидимся, обнимемся и — в вечности одно существо, одно подобие Его» (*Изд. Павл.*, стр. 354).

Там художник гибнет... — Речь идет об А. Л. Витберге.

...мысль необъятная, которую убили при рождении...— Неосуществленный проект храма на Воробьевых горах.

...он набросал дивный проект... — Возможно, что это был тот проект храма в «тевтоно-готическом» стиле, который хранится в Кировском областном музее (см. В. А. Спегирев. Архитектор А. Л. Витберг. М.— Л.. 1939, стр. 82). См. также письмо 207.

Ответ — в письме Н. А. Захарьиной от 25—31 октября 1837 г. (часть от 29—31 октября) — *Изд. Павл.*, стр. 370—371.

126. Н. А. ЗАХАРЬИНОЙ

Печатается по автографу (*ЛБ*). Впервые опубликовано: *Изд. Павл.*, стр. 367—368. На автографе помета Герцена: «178». В датах (в тексте) Герценом были допущены две ошибки, исправленные им же самим: «22 февраля» вместо «20 октября» и «22 февраля» вместо «22 октября».

Ответ на письмо Н. А. Захарьиной от 8—17 октября 1837 г. (*Изд. Павл.*, стр. 359—362).

Я описал отдельными чертами все мое ребячество от 1812 до 1825.— Речь идет о сохранившемся лишь частично произведении Герцена «О себе» (см. о нем I, 502—505 и 537, и *ЛН*, т. 63, стр. 9—55).

Посылаю тебе фантазию... — Герцен послал Наталье Александровне свой рассказ «Это было 22-го октября 1817» (I, 136—138). Через много лет, в марте 1852 г., Наталья Александровна писала относительно «22 октября 1817 года» М. К. Рейхель: «Он писал это с верою; я верила тому, что он писал» (*ЛН*, т. 61, стр. 321. Ср. «Русские пропилеи», т. I, стр. 273).

Был великий день для меня ∞ звездочка между ними».— Неточная цитата из письма Н. А. Захарьиной от 22—26 октября 1836 г. (*Изд. Павл.*, стр. 162).

...весь этот день у меня перед глазами.— Герцен излагает здесь содержание того письма Натальи Александровны, в котором она подробно описывала день своего рождения, когда И. А. Яковлев вручил ей портрет Герцена (там же, стр. 162—164).

...поздравления целой аудитории, когда я читал лекцию при министре... — Герцен прочел в Московском университете лекцию «О кристаллизации, ее условиях, законах, формах» перед студенческой аудиторией, профессорами и почетными посетителями из московской знати, среди которых находился и министр народного просвещения С. С. Уваров. См. подробное описание этой лекции в «Былом и думах» — VIII, 126—128.

...сердце облилось кровью ∞ Надобно действовать... — 8 октября Наталья Александровна сообщала Герцену: «Приготовления к *свадьбе* все шли далее и далее, ты можешь вообразить, с каким отвращением ездила я в город покупать *приданое*, но меня не трогали, и я была почти покойна, не думала об этом вздоре, и ты царил во всей славе, в незатуманенной, незапыленной душе моей. Наконец, Лев Алексеевич привозит С⟨наксарева⟩ ⟨...⟩ На другой день я всё была в волненье, потому что уж надо было ждать предложенья, и вот началось! Ласки, обещанья, все выгоды жениха, всю мою обязанность, всю власть надо мною, ну, словом, всё, всё было употреблено орудием, чтоб взять с меня слово; я миновала все низости, которые бы тут были даже нужны,— слова не дала, ни даже надежды на согласие. К⟨нягиня⟩ пока поступает очень деликатно, замапивает разными безделушками, обещаниями и ласками; Мак⟨ашина⟩ же думала поразить меня гневом, но, увидевши, что это слабое слишком средство,— ласкою, наконец, тобою, но осталась при том же. Я слышала, как она говорила к⟨нягине⟩ о тебе, ей это кажется невероятным, однако она сказала: „Я ни за что не позволю, и брат не позволит"»(*Изд. Павл.*, стр. 359). 17 октября Наталья Александровна приписала: «Прощай, мой Александр, навевай на меня своей святостью, силою,— я выступаю на брань. Сегодня

опять был Сн⟨аксарев⟩, хотел скоро быть опять, чтоб *переговорить*,— пусть их! Необъятна твоя любовь,' утону в ней, и этим букашкам не достать меня...» (там же, стр. 362).

Ответ Н. А. Захарьиной от 1—7 ноября 1837 г.— *Изд. Павл.*, стр. 373—377.

127. Н. А. ЗАХАРЬИНОЙ

Печатается по автографу (*ЛБ*). Впервые опубликовано: *Изд. Павл.*, стр. 372—373. На автографе пометы Герцена: «181» и Н. А. Захарьиной: «11-е ноября». Приписки от 1—2 ноября находятся на отдельном листе.

Ответ на письмо Н. А. Захарьиной от 18—24 октября 1837 г. (*Изд. Павл.*, стр. 364—367).

Помнишь, при начале 1837 года я уныло обратился на 1836... — См. письмо 90.

...у кого в голове родилась мысль, что я тайно обвенчан... — 8 октября Наталья Александровна сообщала Герцену в связи с попытками окружающих убедить ее выйти замуж за полковника Снаксарева: «...вообрази мое удивление, все, все, выключая Emilie и трех Саш, уговаривают меня! Это ужас,— люди, до которых доступнее низкое, вооружаются тем, что ты тайно обвенчан, другие, что *это вздор*, что никогда не может совершиться, как нелепейшая мечта» (*Изд. Павл.*, стр. 360).

...одно выражение твоего последнего письма разорвало мне сердце... — Вероятно, Герцен имеет в виду строки в письме Натальи Александровны от 16 октября: «С каждым днем, душа моя, кажется, отпадает от меня все земное, только жду твоего взора, это мгновение будет *вся земная жизнь моя*, за ним место лишь небу. Нет вещи, которая бы меня заботила сильно, от души; безгранно море, не видно земли, есть она где-то там... не доплыть мне до нее, скорей кану на дно...» (там же, стр. 362).

...прочти Абадонну, и ты узнаешь. — См. выше комментарий к письму 89.

О ангел, сколько ты страдаешь.— 18 октября Наталья Александровна сообщала Герцену: «...вот смех, делают заговор, чтоб застать меня врасплох, послать за Львом Ал⟨ексеевичем⟩, за попом, и благословить так, чтоб я не успела образумиться и противиться им, а *добрые люди* спрашивают: „Как подвигается ваше дело, в этом ли месяце свадьба?“ Я не совершенный ангел и потому не могу быть всегда покойна в средине этих пресмыкающихся; когда ж одна — все забыто; ты, один ты, наполняешь душу, взор, слух, ты самый и воздух. Не мечтаю более о той полной, артистической жизни, об Италии, нет! Уж эти мечты, отобранные от сердца железно-ледяною рукой, улетели без возврата; отбросить все эти нечистые, предательские паряды, оттолкнуть тех, кто облекает меня в них, рубище, власяницу вместо их, всевозможные изнурения, лишь бы доползти к тебе и умереть!! Ты понимаешь, ты постигаешь меня вполне, ну, скажи, что б лучшее желать?» (*Изд. Павл.*, стр. 364).

...эти отчаянные звуки, которые прежде никогда не вырывались из твоей души, ужасают меня.— 23 октября Наталья Александровна писала Герцену: «Боже, какою сиротою я в этой толпе, какое одиночество ⟨...⟩ Каково это, Александр, *20 лет, как я на земле!* Загостились мы с тобою, ангел мой. Я жду одного свиданья, ежели Ему угодно, то сколько-нибудь пожить еще здесь, только далеко от всех, с одним тобою, и туда, туда!» (там же, стр. 366).

...Галушка — человек с доброй душою... — Отклик на письмо от 21 октября: «Маменька утешила меня весьма своим вниманьем, Егор Ивано-

вич сказывал, что она была у Галушки, чтоб заготовить мне убежище в случае нужды, я была сильно этим тронута: среди такого холода, среди этих ледяных движущихся масс струя теплоты отрадна» (там же, стр. 366).

Ответ Н. А. Захарьиной от 12—14 ноября 1837 г.— *Изд. Павл.*, стр. 379—381.

128. Н. А. ЗАХАРЬИНОЙ

Печатается по автографу (*ЛБ*). Впервые опубликовано: *Изд. Павл.*, стр. 377—379. На автографе пометы Герцена: «182» и Н. А. Захарьиной: «18 ноября». Приписка от 9 ноября находится на отдельном листе. Вычеркнутые Н. А. Захарьиной в письме три слова (см. ниже) восстанавливаются в настоящем издании.

Продолжение ответа на письмо Н. А. Захарьиной от 18—24 октября 1837 г. (*Изд. Павл.*, стр. 364—367).

...я не ты.— Слова эти были вычеркнуты в автографе Н. А. Захарьиной (см. комментарий к письму 132).

Это даже не тупая пила, как ты говоришь, а плита чугунная... — Отклик на строки Натальи Александровны от 21 октября: «Я теперь окрепла надолго, а тупая пила должна изломиться скоро» (*Изд. Павл.*, стр. 365).

Ответ Н. А. Захарьиной от 17—21 ноября 1837 г.— *Изд. Павл.*, стр. 382—385.

129. Н. А. ЗАХАРЬИНОЙ

Печатается по автографу (*ЛБ*). Впервые опубликовано: *Изд. Павл.*, стр. 381—382. На автографе пометы Герцена: «184» и Н. А. Герцена: «25 ноября. Бог! Любовь! Александр!»

Ответ на письма Н. А. Захарьиной от 25—31 октября и 1—7 ноября 1837 г. (*Изд. Павл.*, стр. 368—371 и 373—377). Первое письмо цитируется (неточно) в «Былом и думах» (VIII, 353—354).

...письмо от Огарева.— Это письмо Огарева к Герцену остается неизвестным, как и упоминаемое далее письмо М. Л. Огаревой.

Итак, туча прошла мимо.— Наталья Александровна сообщала в своем письме, что помолвка ее расстраивается: «Макаш⟨ина⟩ была у Сн⟨аксарева⟩, он сказал ей, „как матери", что никто еще ему так *не нравился*, как я, и денег не нужно, только не может жениться, а почему — и это сказал, только я никак этого еще не могла узнать. Они *злы* на меня, как только могут они злиться; но что ж это для меня, только жаль их, бог с ними» (*Изд. Павл.*, стр. 375).

Ответ Н. А. Захарьиной от 23—28 ноября 1837 г.— *Изд. Павл.*, стр. 389—392.

130. Н. А. ЗАХАРЬИНОЙ.

Печатается по автографу (*ЛБ*). Впервые опубликовано: *Изд. Павл.*, стр. 385—389. На автографе пометы Герцена: «186» и Н. А. Захарьиной: «2-е декабря». Часть письма, датированная 18—23 ноября, написана на трех отдельных листах.

Продолжение ответа на письмо Н. А. Захарьиной от 1—7 ноября и (часть от 22—23 ноября) ответ на письмо от 12—14 ноября 1837 г. (*Изд. Павл.*, стр. 373—377 и 379—381).

Я читал в письме Эрна, что пишет Пр⟨асковья⟩ Анд⟨реевна⟩ в тебе...— Письмо П. А. Эрн к сыну остается неизвестным.

Гофман говорит: «Люди делятся на добрых людей, и они — прескверные музыканты, и на прескверных людей, и эти — хорошие музыканты».— Неточная цитата из «Житейской философии Кота Мурра» Т.-А. Гофмана. Изречение о «хороших людях и плохих музыкантах» заимствовано Гофманом из комедии К. Брентано «Понсе де Леон» (1804). Ср. также ссылку на это изречение Брентано в сочинении Гофмана «Необыкновенные страдания одного директора театров».

...в этом согласен и Mr жених... — Полковник Снаксарев (см. комментарий к предыдущему письму).

Совершенно ч у ж о й в родительском доме... — Высказывание Герцена вносит существенное дополнение в характеристику обстановки его детства, данную в «Былом и думах». Оскорбления, о которых говорит здесь Герцен, были в значительной степени связаны с «незаконностью» его рождения и двусмысленным положением Герцена и его матери в доме И. А. Яковлева. Ср. описание столкновения Герцена с отцом в воспоминаниях «корчевской кузины» — *Пассек*, II, стр. 61—63.

Отлегла душа... немного спокойнее.— В своем письме от 12—14 ноября Наталья Александровна уверяла Герцена, в связи с расстроившейся помолвкой с полковником Снаксаревым, что «миновала туча, гроза прошла на небе и в душе, одно — разлука!» (*Изд. Павл.*, стр. 379).

Портреты получил...— Речь идет о портретах Огарева и его жены, Марьи Львовны, посланных Герцену из Москвы.

Ответ — в письме Н. А. Захарьиной от 30 ноября — 5 декабря 1837 г. (часть письма от 2—5 декабря) — *Изд. Павл.*, стр. 395—398.

131. Н. А. ЗАХАРЬИНОЙ

Печатается по автографу (*ЛБ*). Впервые опубликовано (отрывок, в контаминации с отрывком из другого письма к Н. А. Захарьиной — от 27 декабря 1837 г. и со значительными вариантами) в составе «Былого и дум» — *ПЗ* на 1857, стр. 104 (из отдельного издания исключено — см. VIII, 431). Полностью: *Изд. Павл.*, стр. 392—394. На автографе помета Герцена: «188». Часть письма, датированная 30 ноября, написана на отдельном листе.

Ответ на письмо Н. А. Захарьиной от 17—21 ноября 1837 г. (*Изд. Павл.*, стр. 382—385).

Grâce, grâce pour moi! — «Сжалься, сжалься надо мною!» — часто повторяемое в переписке Герцена восклицание из оперы Мейербера «Роберт Дьявол» (либретто Скриба, 1831).

Вчера утром получил я письмо ∞ я еду в Владимир! — По-видимому, это было письмо от отца, извещавшее о том, что на докладе шефа жандармов Бенкендорфа, представленном Николаю I 14 ноября 1837 г., о переводе Герцена на службу «для сближения с его родственниками, живущими в Москве», царь 16 ноября наложил резолюцию: «Перевесть во Владимир». Официальное сообщение Бенкендорфа министру внутренних дел последовало 23 ноября (*Л* I, 507; «Звенья», VIII, стр. 68).

Ты мне писала однажды: «При разлуке не подавай ей надежды».— См. выше комментарий к письму 71.

Вечером я пошел к Витб⟨ергу⟩ в кабинет ∞ преступление.— См. описание этого эпизода в «Былом и думах» (VIII, 349).

Ответ Н. А. Захарьиной от 9—11 и 14—19 декабря 1837 г.— ***Изд. Павл.***, стр. 401—403, 404—405.

132. Н. А. ЗАХАРЬИНОЙ

Печатается по автографу (*ЛБ*). Впервые опубликовано: *Изд. Павл.*, стр. 398—401. На автографе пометы Герцена: «190» и Н. А. Захарьиной: «16 декабря».

Продолжение ответа на письмо Н. А. Захарьиной от 17—21 ноября 1837 г. (*Изд. Павл.*, стр. 382—385).

...29 марта 1835 прочтена в ы с о ч а й ш а я конфирмация.— Описка: 31 марта 1835 г.

Она мне писала... — Письмо П. П. Медведевой являлось ответом на письмо-исповедь Герцена, в котором он рассказал ей о своей любви к Н. А. Захарьиной. См. об этом письме Медведевой в «Былом и думах» (VIII, 349—350).

Зачем же ты такой огромный смысл придала двум словам ∞ т. е. я — н е т ы?— На письмо Герцена от 5—9 ноября (см. стр. 224—227 наст. тома) Наталья Александровна отвечала 20 ноября: «... мой друг, не ищу я и не искала никогда рассеиваться. Мне больно было читать это о тебе. Неужели, в самом деле, Александр, горсть людей, их шум, их *пустое* веселье могут хотя на сколько-нибудь заставить забыться тебя, облегчить твое сердце, заменить ему покой истинный? 〈...〉 Воспряни, Александр, мой Александр! Я не могу выносить этого „*я не ты*", я даже зачеркнула это на письме. Я не ты — то есть я не люблю тебя, мы чужие.... нет! этого ты никогда и не думал, ты бы ужаснулся этой мысли, не имел бы духу написать ее...» (*Изд. Павл.*, стр. 384).

...ергак...—меховой халат или тулуп шерстью наружу.

Вчера я читал речь публично... — Речь на открытии Вятской публичной библиотеки, произнесенная Герценом 6 декабря 1837 г. (I, 366—368), была издана в виде отдельной брошюры. Надписи на экземплярах, присланных Герценом Л. И. Гааг, Н. А. Захарьиной и К. П. Смирнову, см. в наст. томе, в разделе «Дарственные надписи, записи в альбомы».

Ответ Н. А. Захарьиной от 14—19 декабря 1837 г. — *Изд. Павл.*, стр. 405—407.

133. Н. А. ЗАХАРЬИНОЙ

Печатается по автографу (*ЛБ*). Впервые опубликовано: *Изд. Павл.*, стр. 403—404. На автографе пометы Герцена: «192» и Н. А. Захарьиной: «25 декабря». Часть письма, датированная 14 декабря, написана на отдельном листе.

Ответ на письмо Н. А. Захарьиной от 23—28 ноября 1837 г. (*Изд. Павл.*, стр. 389—392).

Жуковский читал «I Maestri»... — См. ниже письма 143 и 146.

Арсеньев отвечает на то письмо ∞ представление ∞ от наследника.— Ответ К. И. Арсеньева на обращение к нему Герцена (см. об этом в письме 123) остается неизвестным. Представление наследника-цесаревича Николаю I (по-видимому, о переводе Герцена в Москву), если и было подано, ни к каким положительным результатам не привело.

...девочку с ребячьей душою... — Речь идет о Полине Тромпетер.

... юношу, не знавшего ни силы своей, ни цены... — Имеется в виду А. Е. Скворцов.

...лилию, вырастающую на гробу... — Так назвал здесь Герцен П. П. Медведеву.

...как ты высока в последнем письме, говоря, чтоб друзья не оплакивали нас тогда.— Наталья Александровна писала 23 ноября: «Жаль друзей, горька им будет разлука с тобой. Плачьте, плачьте, други, улетит ваш со-

ловей, закатится ваше ясное солнце! Но, други, утешьтесь тем, что чем далее от вас, тем ближе ко мне! Плачьте и креститесь, рыдайте и благодарите бога. Боже мой, я воображаю, как трогательно будет провожанье. О, как полетела бы я отереть их слезы,— осиротеет Вятка! Утешь ее бог, а тебя принеси скорей ко мне, скорей!» (*Изд. Павл.*, стр. 390).

Ответ Н. А. Захарьиной от 22—30 декабря 1837 г.— *Изд. Павл.*, стр. 408—411.

134. Н. А. ЗАХАРЬИНОЙ

Печатается по тексту *Изд. Павл.*, стр. 407—408, где опубликовано впервые. Местонахождение автографа неизвестно. Год уточняется по содержанию письма (отъезд из Вятки).

Ответ на письма Н. А. Захарьиной от 30 ноября — 5 декабря и 9—12 декабря 1837 г. (*Изд. Павл.*, стр. 394—398 и 401—403).

Все письмо твое писано с некоторым негодованием.— 11 декабря Наталья Александровна писала: «Минута пробужденья — свинцовая плита на грудь, а за нею и все минуты, как плита на плиту... Кажется, перестаешь дышать, свет меркнет в глазах, глухой стон вырывается из груди,— на что ж мне моя чистота, на что высота и эта необыкновенная сила, они не помогают тебе, на что мне здоровье, покой, блаженство, на что надежды на будущее,— ты грустен, тебя это не услаждает, а *для меня* все состояния равны, для меня нет ничего, кроме тебя. И на что ж любовь моя, она не врачует твою больную душу, не облегчает страданий ее, она не отирает слезу твою, не хранит тебя от нападения людей, даже от их пыли, на что ж моя любовь?» (*Изд. Павл.*, стр. 402).

Опять сватовство!.. — Отклик на сообщение Натальи Александровны от 10 декабря: «Мне не говорят ничего, кроме намеков, и я ничего не знаю, кроме того, что Мак⟨ашина⟩ была у него, приехала с адской радостью, и с той минуты пошло все так, как при начале сватовства; его ждут, и не могу опомниться, не могу верить» (там же, стр. 401—402).

От Тат⟨ьяны⟩ Петр⟨овны⟩ получил письмо... — Это письмо Т. П. Пассек неизвестно. В своих воспоминаниях она о нем не упоминает.

Ответ Н. А. Захарьиной от 30 декабря 1837 г.— 6 января 1838 г.— *Изд. Павл.*, стр. 412—414.

135. Н. А. ЗАХАРЬИНОЙ

Печатается по тексту *Изд. Павл.*, стр. 411—412. Впервые опубликовано (отрывок, в контаминации с отрывком из письма от 23 ноября 1837 г. и с изменениями) самим Герценом в составе «Былого и дум» (*ПЗ* на 1857, стр. 104 — см. VIII, 431). Полностью: *Изд. Павл.*, стр. 411—412. Местонахождение автографа неизвестно.

Ответ на письмо Н. А. Захарьиной от 14—19 декабря 1837 г. (*Изд. Павл.*, стр. 404—407).

...о, как прелестно твое письмо от 18-го.— 18 декабря Наталья Александровна писала: «Светло на душе, перечитываю письмо,— еще светлее становится. Сначала я ужасно радовалась переводу во Владимир, но, увидя твои мученья,— все померкло ⟨...⟩ Долго ли то моя жизнь будет литься в этих узких, безобразных берегах, поросших лишь тернием и на которых раздается один страшный противный крик ворона... скорее, скорее в раздолье, тот аромат, те цветы, те песни... О! скоро, смотри, уж последняя звезда гаснет» (*Изд. Павл.*, стр. 406).

Витберг велел тебе сказать, что он слезами омочил твое письмо... — В письме, обращенном к Витбергу и посланном одновременно с письмом

Герцену, Наталья Александровна писала: «Александр Лаврентьевич! Не приличие света заставляет меня писать к вам, а беспредельное уважение, которое внушает величие ваше, и благодарность, какую только может вместить моя душа. За все то, что вы дали Александру, один бог может вам воздать. Что было бы с изнуренным, больным изгнанником в мертвой пустыне! В вас он нашел всё. Может быть, несчастие подавило бы его. Вы собственным примером доказали, что страдание есть лестница, ведущая к совершенству, к блаженству высочайшему. Вы, как солнце, животворили его своими лучами, взлелеяли, возрастили его душу. Да благословит вас провидение. Сколько раз слезами восторга были облиты письма, в которых он писал о вас! как он благодарил бога за встречу с посланником Его, измерьте же мою благодарность, мою молитву. До конца жизни вы будете первым в воспоминаниях наших. При малейшей возможности я перейду тысячи верст, чтоб пожать ту руку, которая на бумаге одушевила черты Александра, которая сохранила его. Счастливым, священным будет тот день, в который я увижу Великого — без него жизнь моя будет неполна, несовершенна. Вы смотрите на душу прямо, вам знаком ее голос, и потому я уверена, что вы не сочтете слова мои пустыми. Н а т а ш а» (*РС*, 1876, № 10, стр. 274—275).

Ответ Н. А. Захарьиной от 6—10 января 1838 г.— *Изд. Павл.*, стр. 415—418.

136. Н. А. ЗАХАРЬИНОЙ

Печатается по автографу (*ЛБ*). Впервые опубликовано: *Л* II, 3—7. На автографе пометы Герцена: «197» и Н. А. Захарьиной: «10 января. Понедельник». Часть письма, датированная: «Ночь с 31 дек. на 1 янв. Поляны. 46 верст от Нижнего» находится на отдельном листе и помечена Герценом: «к 197». На этом же листе помета Н. А. Захарьиной: «10-е января. Понедельник».

Ответ на письмо Н. А. Захарьиной от 22—30 декабря 1837 г. (*Изд. Павл.*, стр. 408—411).

... и какими знаками вниманья они осыпали меня.— «С вятским обществом я расстался тепло,— писал Герцен в «Былом и думах».— В этом дальнем городе я нашел двух-трех искренних приятелей между молодыми купцами. Все хотели наперерыв показать изгнаннику участие и дружбу. Несколько саней провожали меня до первой станции и, сколько я ни защищался, в мою повозку наставили целый груз всяких припасов и вин..» (VIII, 297). Т. П. Пассек дополняет в своих воспоминаниях этот эпизод следующими подробностями, вероятно заимствованными из несохранившейся автобиографической рукописи Герцена: «29 декабря в сумерки Саша выехал из Вятки. Семейство Витберга провожало его. Туман пороховым дымом завешивал все, ветер дул с запада, Сашу провожали до Бахты и простились» (*Пассек*, II, стр. 53). См. комментарии к след. письму.

Приложенная записка... — Записка на отдельном листе, датированная «Ночь с 31 дек⟨абря⟩ на 1 янв⟨аря⟩ 1838 г.». См. об этой встрече Герценом Нового года в главе XVIII части второй «Былого и дум» (VIII, 301—303).

... исправник пьяный... — Н. Е. Лазарев. В «Былом и думах» Герцен подробно описывает и этот эпизод (глава XVIII части второй — VIII, 298—300).

Ответ Н. А. Захарьиной от 6—10 и 12—14 января 1838 г. — *Изд. Павл.*, стр. 415—418 и 423—426.

137. А. Л., А. В., В. А. ВИТБЕРГАМ, П. П. МЕДВЕДЕВОЙ, А. Е. и П. СКВОРЦОВЫМ

Печатается по автографу (*ПД*). Впервые опубликовано (с пропусками) в кн.: *Пассек*, II, стр. 53—54; полностью: *Л* XXII, 7—8.

А Эрн отдал ли яблоки, пуще всего? — Г. К. Эрн по поручению Герцена передал из Яранска вятским друзьям яблоко, как символ вечности их дружбы. Как сообщил А. Л. Витберг, яблоко было съедено в 12 часов при встрече Нового 1838 года. См. письмо А. Л. Витберга к Герцену от 18 января 1838 г. (*РС*, 1897, № 12, стр. 479).

...от Бахты... — Первая станция по московскому тракту (в 15 км от Вятки). 29 декабря 1837 г. Герцен выехал из Вятки во Владимир. До станции Бахта его провожали Витберги, Скворцовы, Машковцевы и др.

...кого? — Н. А. Захарьину. См. приписку в ночь с 31 декабря 1837 г. на 1 января 1838 г. в письме к ней (№ 136).

Об ответе А. Л. Витберга см. в комментарии к письму 139.

138. А. Л., А. В., В. А. ВИТБЕРГАМ и П. П. МЕДВЕДЕВОЙ

Печатается по автографу (*ПД*). Отрывок впервые опубликован: *РС*, 1876, № 10, стр. 275; полностью: *Л* XXII, 8.

... мое письмо к Эрну... — Письмо не сохранилось.

Об ответе А. Л. Витберга см. в комментарии к письму 139.

139. А. Л. ВИТБЕРГУ и П. П. МЕДВЕДЕВОЙ

Печатается по автографу (*ПД*). Часть письма, помеченная 3 января, впервые, без заключительной фразы, напечатана в *РС*, 1876, № 10, стр. 277; отрывок второй части письма, помеченной 5 января, впервые в кн.: *Пассек*, II, стр. 54. Полностью: *Л* XXII, 9, где соединено с письмом от 1 января 1838 г. из Нижнего Новгорода. Автограф не дает оснований для подобного соединения: письма написаны из разных городов, на отдельных листах, хотя и одинаковых по формату и сорту бумаги. Содержание писем также не дает оснований для их объединения.

Будьте коротки с Репиным... — П. И. Репин, вятский купец, знакомый Герцена и близкий друг А. Л. Витберга, был членом комитета по сооружению в Вятке Александро-Невского собора, строившегося по проекту Витберга.

...отправил к вам Беляева... — Герцен познакомился с вятским купцом К. В. Беляевым 30 января 1837 г. в Яранске, позднее поддерживал связь и встречался с ним, когда тот бывал во Владимире. В мае 1838 г. Беляев материально помог Герцену, одолжив ему значительную сумму, необходимую для покрытия расходов, связанных с венчанием и свадьбой.

И Николаю Петровичу здравия желаю. — Шутливое обращение к малолетнему сыну П. П. Медведевой.

...общее послание к Эрну и Скворцову... — Письмо Герцена к Эрну и Скворцову не сохранилось.

Орфографическая ошибка! — Слово «возьмете» сначала было написано с ѣ на конце. Герцен исправил «ѣ» на «е» и к исправленному сделал сноску.

Ответ А. Л. Витберга (на письма 137—139) от 18 января 1838 г.— *РС*, 1897, № 12, стр. 478—480.

140. Н. А. ЗАХАРЬИНОЙ

Печатается по автографу (*ЛБ*). Впервые опубликовано: *Изд. Павл.*, стр. 414—415. На автографе помета Герцена: «199» и карандашные записи рукой Н. А. Захарьиной: «Прости, земля и Небо, ничего кроме Александра» и «12-е, середа. О дивный Александр! Господний посол!»

Жандармский полковник... — Подполковник Жадовский.

...говорит, что он не слыхал о полицейском надзоре.— Полицейский надзор за Герценом был установлен,согласно предписанию владимирского губернатора И. Э. Куруты, с 5 февраля 1838 г. См. «Труды Владимирской ученой архивной комиссии», кн. IV, Владимир, 1902, стр. 65—66, и *Л* II, 104.

...портрет, равительно похожий.— Портрет А. И. Герцена, написанный в конце сентября — начале октября 1836 г. А. Л. Витбергом.

... это сделает ∞ нашей переписке...— Письма к Наталье Александровне Герцен обычно посылал, вкладывая их в конверт, адресованный Егору Ивановичу.

Ответ Н. А. Захарьиной от 12—14 января 1838 г.— *Изд. Павл.*, стр. 423—426.

141. Н. А. ЗАХАРЬИНОЙ

Печатается по автографу (*ЛБ*). Впервые опубликовано: *Л* II, 10—11

Даже эти четыре года... — Годы тюрьмы и ссылки.

Une mer y passerait ∞ au fond. — См. комментарий к письму 47

142. Н. А. ЗАХАРЬИНОЙ

Печатается по автографу (*ЛБ*). Впервые опубликовано: *Л* II, 11—14. Текст «... обманывал ли я тебя ∞ *Обманывал*» (стр. 256, строки 4—5) зачеркнут в автографе фиолетовыми чернилами, по предположению М. К. Лемке — Е. С. Некрасовой. На автографе пометы Герцена: «201» и Н. А. Захарьиной: «14-е».

Ответ на письмо Н. А. Захарьиной от 30 декабря 1837 г.— 6 января 1838 г. (*Изд. Павл.*, стр. 412—414).

...ты страдаешь, тебя мучат... — Наталья Александровна писала 30 декабря: «... *Кроме* разлуки с тобою, здешняя жизнь *несносна* в полном смысле этого слова! ⟨...⟩ С таким стремлением ко всему чистому, изящному, высокому, с такой пространной грудью, с такими искренними объятиями — и что ж перед глазами? Шкаф с старыми календарями и бессмертный граншасьянс...» (*Изд. Павл.*, стр. 412). 5 января она добавляла: «...Я так утомлена, так измучена, даже физические силы меня оставляют, наконец, меня задушат вовсе, если ты не спасешь меня. Как после тяжелой самой работы, усталая, больная, бросаюсь в постель, но и встаю опять усталая, потому что мне не сон нужен, не покой, на что мне плотина, берег... Мне жизнь нужна, свобода, труд. А тут — вожу пером, и рука дрожит от страха, не слышат ли скрипенья, и на каждом слове оглядываешься, не подсматривают ли...» (там же, стр. 414).

...писал о дороге...— В письме от 30 декабря 1837 г.— 4 января 1838 г. (№ 136).

Зачем ты так надеешься на пап⟨еньку⟩... — Наталья Александровна писала 30 декабря 1837 г.: «Да, ты весьма хорошо придумал открыть папеньке письмом; до сих пор моя уверенность в нем тверда...» (*Изд. Павл.*, стр. 412—413).

...прошло ли у него несчастное чувство... — Намек на неразделенную любовь Е. И. Герцена к Н. А. Захарьиной. См. комментарий к письму 52.

Одно письмо я пропустил ∞ где писано о Ег⟨оре⟩ Ив⟨ановиче⟩... — Письмо Н. А. Захарьиной от 26 ноября 1835 г. (*Изд. Павл.*, стр. 46—48).

...употребила слово «ангел»... — В письме от 24—26 сентября 1835 г. (*Изд. Павл.*, стр. 34).

...9 апреля мне блеснуло... — 9 апреля 1835 г. в Крутицких казармах состоялось последнее свидание Герцена с Н. А. Захарьиной перед ссылкой (см. письмо 33).

Ты хвалишь меня за попечения о М⟨едведевой⟩... — Впервые — в письме от 29 января — 1 февраля 1836 г. (*Изд. Павл.*, стр. 62—63), откликаясь на письмо Герцена от 22 января 1836 г., в котором он сообщал о смерти мужа П. П. Медведевой и о своем желании оказать помощь ей.

1-го марта 1836 ты первый раз спрашиваешь о тайне...—Наталья Александровна писала 29 февраля— 1 марта: «...на душе твоей тайна? Почему же ты не скажешь мне ее...» (*Изд. Павл.*, стр. 71).

...«Не давай надежд, когда поедешь».— Неточная цитата из письма Н. А. Захарьиной от 12—16 июля 1836 г. (см. комментарий к письму 71).

...в последнем письме из Вятки.— В письме от 27—28 декабря 1837 г.

...никакого надзора нет... — См. комментарий к письму 140.

Ответ Н. А. Захарьиной от 14—16 января 1838 г.— *Изд. Павл.*, стр. 426—429.

143. Н. А. ЗАХАРЬИНОЙ

Печатается по автографу (*ЛБ*). Впервые опубликовано: *Изд. Павл.*, стр. 418—423. На автографе помета Герцена: «202».

Ответ на письма Н. А. Захарьиной от 6—10 и 12—14 января 1838 г. (*Изд. Павл.*, стр. 415—418, 423—426).

Этого письма ∞ ты долго не получишь... — Н. А. Захарьина получила письмо 22 января. См. ее письмо к Герцену от 22—25 января 1838 г. (*Изд. Павл.*, стр. 434).

В половине 1836 было много надежд ∞ они обманули.— Говорится о надеждах на прекращение ссылки. См. письмо к Н. А. Захарьиной от 12 мая 1836 г., а также письма Натальи Александровны от 18—24 мая и 1—5 июня 1836 г. (*Изд. Павл.*, стр. 93—97, 97—99).

...гнусную историю сватовства.— Сватовство к Н. А. Захарьиной полковника А. И. Снаксарева.

...увлекся самолюбием (при проезде наследника)...—См. об этом в письме к Н. А. Захарьиной от 15—19 мая 1837 г.

Губернатор здесь старичок предобрый... — И. Э. Курута.

Жуковский, прочитав в «I Maestri», сделал на тетради отметки...— Содержание «отметок» В. А. Жуковского остается неизвестным. См. о них в письме 147 и комментарии к этому письму.

...«Когда же, когда же из Вятки?» ∞ письмо от 29 декаб⟨ря⟩... — 29 декабря 1836 г. Наталья Александровна писала: «Эта пустая и тяжелая жизнь утомила меня, без сильного восторга не могу представить жизнь с тобою, но когда ж, когда ж это будет?» (*Изд. Павл.*, стр. 204).

Писал к Ог⟨ареву⟩... — Письмо неизвестно.

Арсеньев и Жуковский работают... — Герцен надеялся на то, что К. И. Арсеньев и В. А. Жуковский, с которыми он познакомился во время приезда в Вятку наследника, выхлопочут освобождение.

...Ал⟨ексей⟩ Ал⟨ександрович⟩ в необходимости будет взять, а когда я там, тогда можно... — Далее Герцен возражал против намерения Натальи Александровны в случае ссоры с княгиней Хованской переехать в Петербург к А. А. Яковлеву, опасаясь его «вредного действия» на нее

(письмо к Н. А. Захарьиной от 28(?) — 30 июня 1837 г.— наст. том стр. 180). См. об этом же в письме 178.

...видел я его 31 марта 1835 года...— Во время чтения приговора. См. письмо 32 и комментарий к нему.

...20 июлем и 9 апрелем. — См. описание прогулки Герцена и Натальи Александровны 20 июля 1834 г. (день его ареста) в письме к ней от 16—21 июля 1837 г. О 9 апреля 1835 г. см. письмо 34.

...даже 14 ноября 37 года! — См. описание «Истории 14-го ноября 1837 года» в письме 129.

...говорил о медали, на которой с одной стороны Иисус, а с другой Иуда, отвечала ∞ я для тебя ничего». — Герцен вспоминает о своем письме к Н. А. Захарьиной от 1—4 ноября 1836 г. Наталья Александровна отвечала 17 ноября: «Опять все то же и то же! Опять будто ты туча, будто недостоин меня ⟨...⟩ Лучше бы ты сказал мне: „Нет, Наташа, как ты ни чиста, как ни высока, как ни прелестна ты, ты все еще недостойна любви моей; лети, лети выше, приближься хоть сколько-нибудь ко мне, будь хоть сколько-нибудь похожа на меня...» И тогда,— тогда я протяну тебе мою руку, отдам сердце и душу" (*Изд. Павл.*, стр. 179). 24 ноября она писала, вспоминая письмо Герцена от 1—4 ноября: «Я была бледна и дрожала, и сердце ломилось оттого, что мой Александр называет себя ангелом и дьяволом, медалью, на которой с одной стороны Христос, с другой Иуда Искариотский» (там же, стр. 185).

«Симпатия»...—Писалась Герценом с июля 1837 г. (см. письмо 114) по январь 1838 г. (о завершении «Симпатии» сообщается в настоящем письме 13 января 1838 г. Этим же числом датирован сохранившийся фрагмент— I, 324—325). По замыслу автора, произведение должно было войти во вторую часть повести «О себе». Помимо сохранившегося фрагмента, два отрывка «Симпатии» восстанавливаются предположительно по мемуарам Т. П. Пассек (см. *ЛН*, т. 63, стр. 47—55). О «Симпатии» Н. А. Захарьина писала 5 февраля 1838 г.: «Друг, знаешь ли, что вся статья „Симпатия"? Несколько писем ко мне. Каждое слово так знакомо, так родное, в каждом целый мир, целый океан, из каждого можно почерпнуть силу, блаженство, полную жизнь. Для *других* это галиматья, они не поймут ни строчки ⟨...⟩ После этой статьи я не могу уже более полюбить Полину, ни свиданье, ни даже если б мы жили с нею вместе, ничто уже не может сроднить нас более ⟨...⟩ Боже мой, каким это все вздором покажется тем, которые думают и находят всю жизнь в токе последней моды, в щегольском экипаже, в каютах; даже люди *подельнее* этих прочтут, безжизненно взглянут в окно на улицу, и, как очнувшись, закричат: „Что ж долго не подают чай". Им кудрявые романы, им над чем бы *подумать*, а тут размышлять не о чем, тут солнце, небо, тут беспредельная жизнь, лишь раскрой грудь, и рай исполнит все существо, и после лишь молитва, одна молитва. Этому недоступен свет, не дала бы я ему читать „Симпатию"» (*Изд. Павл.*, стр. 452).

...«Мысль и откровение».— Н. А. Захарьина писала об этом произведении 8 марта 1838 г.: «Мысль и откровение читала, незнакомые слова препятствуют вполне оценить ее...» (*Изд. Павл.*, стр. 507). Было передано Н. А. Захарьиной через Э. М. Аксберг.

...путевые письма. — Начало работы над «Письмами о Казани, Перми и Вятке» относится к 1836 г. Из них сохранилось лишь «Письмо из провинции» (см. I, 131, 498). Цикл фигурирует в письмах Герцена под разными названиями. В комментируемом письме он называет его также «Письма к товарищам: Пермь, Вятка и Владимир». В письме к Кетчеру от 22—25 февраля 1838 г. он упоминает о «вятских письмах». Герцен не раз говорит о сатирическом характере этих писем.

...отрывок из повести «Там»... — «Там» — первоначальное название повести «Кто виноват». См. комментарий к письму 169.

...*«Моя жизнь»*. — Одно из первоначальных названий автобиографической повести «О себе».

Строго судишь ты Emilie... — Наталья Александровна писала 7 января 1838 г.: «Emilie идет замуж ⟨...⟩ Она сама говорит, что идет *так*... Ее вина, иль провидение то допускало, свет играл ею, и следы этого остались на ней, и никто их не сотрет» (*Изд. Павл.*, стр. 416).

...*«Ежели б в самом деле я могла себя упрекнуть, я уничтожилась бы»*.— Неточная цитата из письма Н. А. Захарьиной от 25 марта—6 апреля 1837 г. Наталья Александровна не соглашалась с упреками Е. И. Герцена в том, что она скрывала свою любовь к А. И. Герцену (там же, стр. 257).

...*напрасно она отталкивает любовь*... — Н. А. Захарьина писала 11 апреля 1837 г. об А. А. Боборыкиной: «Она говорит, что душа ее не может вместить более любви, что весь мир ее, вся жизнь, вся душа — дружба» (там же, стр. 263).

... *моей биографии* ∞ *вот план.*— Автобиографическая повесть «О себе» должна была, по замыслу Герцена, состоять из двух частей. Первая часть, посвященная детству, включала шесть глав. Н. Х. Кетчер передал ее Н. А. Захарьиной в марте 1838 г. Из переписки Герцена с Натальей Александровной известны следующие названия глав: «Дитя», «Огарев», «Деревня», «Пропилеи». Содержание первой части ограничивалось описанием событий до 20 июля 1834 г. Вторую часть Герцен вначале мыслил открыть VII главой под названием «Студент», из которой известен отрывок «вакханалия» («студентская оргия»)—см. «О себе», I, 170—182, 502—504. VII глава давалась Герцену трудно, и он написал сначала главы VIII («Ландыш») и IX («Ἀνάγκη») (письмо к Н. А. Захарьиной от 21 марта 1838 г.). В привезенной им в Москву 16 апреля 1838 г. второй части рукописи были: описание «вакханалии», главы «Ландыш», «Ἀνάγκη», а также страницы, посвященные пребыванию в Крутицкой тюрьме и прощанию с Натальей Александровной 9 апреля. В 1839 г., возобновив работу над повестью (см. письмо к Н. И. Астракову от 14 января 1839 г.), Герцен пишет главы «Университет», «Молодежь», «Холера», которые, очевидно, заменили ранее задуманную главу VII —«Студент». В одну из этих глав, по-видимому, было включено описание «студентской оргии». В письме к Наталье Александровне от 30 апреля 1839 г. Герцен извещает ее о том, что «студентская оргия» описана в IX главе, а не в VII, как было в первоначальном замысле. Наконец, во вторую часть «О себе» должен был войти материал «Встреч», «I Maestri», «Симпатии».

До последнего времени считалось, что от раннего автобиографического произведения Герцена «О себе» дошел лишь один отрывок «вакханалия» А. Н. Дубовикову на основании критического изучения воспоминаний Т. П. Пассек «Из дальних лет», материалов «пражской коллекции» и других источников удалось установить, что общий объем сохранившегося текста «О себе» достигает двух с половиной листов. Сохранились фрагменты из глав о детстве, глав —«Огарев», «Университет», «Холера», «Ландыш», «Ἀνάγκη», отрывки из «Симпатии» (см. комментарий на стр. 539). Частью «О себе» должен считаться, по-видимому, и отрывок ⟨«Часов в восемь навестил меня»⟩ (I, 251—256). Подробно о плане повести «О себе» и сохранившихся фрагментах этого произведения см. исследование и публикацию А. Н. Дубовикова, *ЛН*, т. 63, стр. 9—55.

...*читая мою «Встречу» Саше, пропустила обед*...— Н. А. Захарьина писала 8 мая 1837 г. о чтении «Второй встречи»: «Читала я Саше Б⟨оборыкиной⟩ твою *Встречу* (только пропустя описание обеда)...» (*Изд. Павл.*, стр. 286). См. сатирическое описание провинциального обеда во «Второй встрече» (I, 125—127).

В эту самую минуту я стоял перед наследником, и Жуковским, и Арсеньевым...— 18 мая 1837 г. Герцен давал объяснения наследнику, В. А. Жуковскому и К. И. Арсеньеву на выставке в Вятке.

Сегодня год, что я представлял Данта.— См. об этом в письме 92.

...л ю б и м а я в а п и с к а... — Записка от 10 апреля 1835 г., писанная Герценом в Крутицких казармах (см. письмо 33 и комментарий к нему). Записка вместе с другими письмами послана была Герцену во Владимир и возвращена им Наталье Александровне к знаменательному для них дню 9 апреля (см. письмо 171).

...окружена Сашами ∞ до твоей фрейлины...—А. А. Боборыкина, А. Г. Клиентова и Саша Вырлина («фрейлина»).

...письмо от 14 я получил, но оно опоздало. Я уже подал формальную просьбу об отпуске на 29 дней в Москву.— В письме от 12—14 января 1838 г. Н. А. Захарьина рисовала план предстоящего свидания в Загорье и возражала против Москвы: «Ежели б тебе можно было приехать и прежде Загорья — я не желала бы, потому что знаю, что все будет отравлено» (*Изд. Павл.*, стр. 426). Рапорт об отпуске в Москву Герцен подал на имя владимирского гражданского губернатора 17 января 1838 г. (см. стр. 408 наст. тома).

...ежели пап⟨енька⟩ приедет прежде... — Поездка И. А. Яковлева во Владимир не состоялась.

Иногда касаются н а ш е й любви, помнишь Антиоха у Полевого...— Речь идет о герое повести Н. А. Полевого «Блаженство безумия» (1833). См. об этом же в письме Н. А. Захарьиной от 24 января 1838 г.: «Все охотно я читаю, все хорошее, как скоро о любви — мимо, мимо. Редко мелькнет черта нашей любви, вот Антиох, живописец, блаженство безумия...» (*Изд. Павл.*, стр. 437).

...прочти «Катенька» ∞ Веревкина (Рахманин)...— Повесть «Катенька» Рахманного (псевдоним Н. Н. Веревкина) была напечатана в «Библиотеке для чтения», 1837, № 11—12.

...писала, что разумеешь под словом «хочется».—«Как мне хочется прочесть „Мысль и откровение". Ты скажешь: „что это такое хочется, слишком холодно, обыкновенно"; да заметь, что мне никогда ничего не хочется обыкновенного, потому я смело употребляю это выраженье» (из письма Н. А. Захарьиной от 20—28 апреля 1837 г., *Изд. Павл.*, стр. 275).

Ответ Н. А. Захарьиной от 22—25 января 1838 г.— *Изд. Павл.*, стр. 434—438.

144. Н. А. ЗАХАРЬИНОЙ

Печатается по автографу (*ЛБ*). Впервые опубликовано: *Изд. Павл.*, стр. 430—433. На автографе помета Герцена: «206».

Ответ на письма Н. А. Захарьиной от 12—14, 14—16, 17—19 января 1838 г. (*Изд. Павл.*, стр. 423—426, 426—429, 429—430).

...«Друг ∞ в нем моя жизнь...» —Не совсем точная цитата из письма Огарева к Герцену от 29 июля 1833 г. После слов «из этой пропасти» в оригинале: «в которую я насильно втащен» (см. *Огарев*, II, стр. 264).

...«Герцен, сжалься ∞ Герцен, боже, боже!..» — Неточная цитата из письма Огарева к Герцену от 23 июля 1833 г. (см. *РМ*, 1888, кн. VII, стр. 7—8).

...«Тебе 25 лет, а у тебя есть друг, есть подруга,— и какой друг, и какая подруга!» — Речь идет о письме Натальи Александровны от 25 марта—6 апреля 1837 г. (см. коммептарий к письму 105). 19 мая 1837 г. Н. А. Захарьина, делясь впечатлениями от письма Огарева к Герцену, переписанного для нее Герценом в письме от 30 апреля — 5 мая 1837 г., восклицала: «Какой друг у тебя, какая подруга!» (*Изд. Павл.*,

стр. 292). В памяти Герцена эти два высказывания объединились в одно.

...«Любовь меня не поглотит ∞ идеи со мной, идеи — я». — См. письмо 18.

...«Герцен ∞ готовились богу».— Выдержка (неточная) из письма Огарева от 18 августа 1833 г. (см. *РМ*, 1888, кн. IX, стр. 2).

В последнем письме моем из Владимира... — Это письмо к Огареву неизвестно.

...Eine weisse Taube ∞ Allmächtige! — Герцен цитирует слова Жанны д'Арк из пролога трагедии Шиллера «Орлеанская дева» («Die Jungfrau von Orleans»):

Есть чудеса! Взовьется голубица
И налетит с отважностью орла
. . . . . .
Творец земли себя в смиренной деве
Явит земле, зане он всемогущий!

(Перевод В. А. Жуковского)

...предисловие и VI глава под заглавием «Пропилеи».— «Пропилеи» — одна из глав первой части повести «О себе». О содержании этой несохранившейся главы см. *ЛН*, т. 63, стр. 12—16 и 26.

...«22 октября 1817» ... — «Фантазия» Герцена «Это было 22-го октября 1817» была послана Наталье Александровне ко дню ее двадцатилетия с письмом от 20—26 октября 1837 г. (см. № 126). Сохранилась копия, сделанная ее рукою, с поправками Герцена (см. I, 136—138 и 499).

Есть у меня ∞ повесть ∞ мрачна, как черная ночь.— Неизвестно, о чем пишет Герцен. Возможно, о повести «Елена».

...ужасное письмо, полученное 14 ноября... — Письмо Н. А. Захарьиной от 25—31 октября 1837 г., в котором она рассказывала о своих переживаниях в связи со сватовством полковника А. И. Снаксарева (*Изд. Павл.*, стр. 368—371).

...твое письмо, которое успокоило меня... — Письмо от 1—7 ноября 1837 г., в котором Н. А. Захарьина сообщала, что Снаксарев отказывается от сватовства (там же, стр. 373—377). См. комментарий к письму 129.

...ты напрасно упрекаешь себя, что написала все это... — В письме от 23—28 ноября 1837 г. Н. А. Захарьина раскаивалась в том, что написала Герцену о сватовстве Снаксарева (там же, стр. 390).

Что-то он на мое прошлое письмо?— Письмо Герцена к отцу не сохранилось. См. о нем в письме 143 (стр. 264).

Маменька приехала ∞ истина нагая и безобразная.— Л. И. Гааг приехала во Владимир с П. А. Эрн 21 января и пробыла до 29 января. От них узнал Герцен о новом сватовстве — А. О. Миницкого.

...ты писала прошлый раз, что жертвуешь для меня небом и землею.— Наталья Александровна писала 12 января 1838 г.: Долго красота земли и неба были слиты с тобой, в тебе их изящное, в них твоя черта, я люблю все в тебе, тебя во всем; но вот растет душа, взор чище, доступнее ты, отделяется земля, ближе, ближе к небу, но, вот и оно уже бледнеет, гаснет — исчезло! Бог и ты!» (*Изд. Павл.*, стр. 424). И далее, в том же письме: «...я говорю земле и небу — прощай. Ты, только ты!!!» (там же, стр. 425).

...этого тарика... — И. А. Яковлева.

Ты находишь прелесть в этой подписи: Наташа Герцен... — Так подписала Наталья Александровна письмо от 15 января.

...есть вторая страница ∞ только не теперь. — См. письмо 145.

Ответ Н. А. Захарьиной от 26—28 января 1838 г.— *Изд. Павл.*, стр. 439—440.

145. Н. А. ЗАХАРЬИНОЙ

Печатается по автографу (*ЛБ*). Впервые опубликовано: *Изд. Павл.*, стр. 438—439. На автографе помета Герцена: «209».

Продолжение ответа на письма Н. А. Захарьиной от 12—14, 14—16 и 17—19 января 1838 г. (*Изд. Павл.*, стр. 423—426, 426—429, 429—430).

Да ты дурно пишешь о дороге три версты — село Покровское, а куда три версты? — «...Мы увидимся непременно! назначен день (до погоды дела нет), ты с вечера выезжаешь, или с полудни и до ночи в селе Покровском, которое от нас 3 версты, оттуда пришлешь сказать мне...» (письмо от 12—14 января 1838 г., *Изд. Павл.*, стр. 425—426).

...выслушал подробности московские... — От Л. И. Гааг. См. о них в письме 147 (стр. 275).

...к княгине не буду больше писать.— О предшествующем письме Герцена к М. А. Хованской (несохранившемся, как и все его письма к ней) Наталья Александровна писала 18 января 1838 г.: «Тут-то она сказала, что больна от твоего письма, что оно романическое, что его нельзя показать честному человеку, что симпатия *в нем* ветреность, разврат, и, бог знает, какие она ужасы говорила, истинно ужасы ⟨...⟩ Чем же кончилось, ты расхохочешься: „И как он, дерзкий мальчишка, смел подумать, что я допущу его молиться с тобою утром и вечером“»(*Изд. Павл.*, стр. 429—430).

...не читай ее вверям.— Т. е. кн. М. А. Хованской и ее окружению.

...целое письмо — и ни строки о д е л а х. — Письмо А. Л. Витберга от 18 января 1838 г. (см. комментарий к письму 139).

Ответ Н. А. Захарьиной от 29 января—1 февраля 1838 г. — *Изд. Павл.*, стр. 442—446.

146. Н. А. ЗАХАРЬИНОЙ

Печатается по автографу (*ЛБ*). Впервые опубликовано: *Изд Павл.*, стр. 440—442. На автографе помета Герцена: «211».

Ответ на письма Н. А. Захарьиной от 20—21 и 22—25 января 1838 г. (*Изд. Павл.*, стр. 433—434, 434—438).

...экземпляр «Речи»... — Оттиск «Речи, сказанной при открытии публичной библиотеки для чтения в Вятке А. Герценом 6 декабря 1837 г.» был послан Герценом матери, Л. И. Гааг (см. в наст. томе стр. 432).

...неужели никакой нет возможности иметь мне твой портрет, пусть Emilie умоляет княгиню как милость... — Н. А. Захарьина не могла заказать и послать Герцену свой портрет, боясь, что княгиня Хованская поймет, для кого он предназначается. В письме от 29 января — 1 февраля 1838 г. она отвечала: «Портрет вот когда: как Emilie объявит им, что идет замуж и едет в Петербург, а прежде догадаются и не дадут» (*Изд. Павл.*, стр. 445).

...ежели Амалия может тебя взять надолго... — Наталья Александровна писала 22 января 1838 г.: «Вот разве мне оставить их и к сестре Emilie — Амалии...» (там же, стр. 435).

...ежели этого для Emilie достаточно... — 15 января 1838 г. Наталья Александровна писала об Э. М. Аксберг: «...Она сама должна хлопотать о приданом, а ничего нет» (там же, стр. 428).

...письмо от Сатина,— не я брошу в него камень... — Герцен намекает на разрыв Н. М. Сатина и Э. М. Аксберг. Письмо Сатина к Герцену неизвестно.

... у Эмилии письмо, которое я ей писал... — Письмо неизвестно.

Ответ Н. А. Захарьиной от 29 января — 1 февраля, 1—3 февраля 1838 г.— *Изд. Павл.*, стр. 442—446, 449—451.

147. Н. А. ЗАХАРЬИНОЙ

Печатается по автографу (*ЛБ*). Впервые опубликовано: *Изд. Павл.*, стр. 446—449. На автографе помета Герцена: «213».

Слова «которые я читал» (стр. 274, строка 15) в автографе написаны вместо зачеркнутого «писанные мною в».

В текст письма в настоящем издании внесены следующие исправления:

Стр. 275, строка 42: заставить тебя отклонить *вместо:* тебя заставить тебя отклонить

Стр. 276, строка 29: ниспослал *вместо:* не ниспослал

Ответ на письма Н. А. Захарьиной от 22—25 и 26—28 января 1838 г. (*Изд. Павл.*, стр. 434—438, 439—440).

Ты думаешь ∞ мои статьи могут сделать влияние... — Н. А. Захарьина писала 23 января: «Очень желаю читать все, что ты писал, и кто виноват в том, что до сих пор не все читала? Александр, кто, ты думаешь? Я думаю, ничего подобного не печаталось никогда и не напечатается 〈...〉 Как встрепенется Русь, сколько земли свеет с нее печатный Александр, как взмахнет она крылами, сколько покровов спадет перед ее глазами, и там, где путь его, сколько исцеленных, воскресших, спасенных... О, Русь, Русь, за что тебе такой подарок!» (*Изд. Павл.*, стр. 435).

Тебе и стакан, присланный из кавармы, дорог... — Н. А. Захарьина спрашивала Герцена в письме от 17—24 марта 1837 г.: «...Неужели я не писала тебе о стакане, присланном с гауптвахты, где вырезано тобою число, год и наши имена? Когда неможется мне,— стакан воды всегда подле постели, не лекарство я наливаю в него, он сам имеет в себе более целебной силы, нежели что-либо из аптеки...» (там же, стр. 246—247).

«Легенду» я не упомянул ∞ ее не оставлю.— Отвечая на письмо Герцена от 11—18 января 1838 г. с планом повести «О себе», Н. А. Захарьина писала 23 января: «Ты упоминал все статьи, а „Легенду“? Неужели ты ее пропустишь? Нет, я заступлюсь за нее и непременно хочу, чтоб первый шаг твой после 20 июля был увековечен» (там же, стр. 435).

Жуковского отметки не на твоем экземпляре, а на пап〈енькином〉,— у тебя с ним сходен вкус: он поставил черту против последних строк.— Экземпляр с отметками Жуковского не сохранился. 23 января Н. А. Захарьина писала об «I Maestri»: «...Конец „I Maestri“ страшен, я только разчитала его с содроганьем» (там же, стр. 435). См. также письмо 154 и комментарий к нему.

...показывая издали пророчество... — Герцен пишет о «Первой встрече» (первоначальное название «Германский путешественник»). Под «пророчеством» (ниже в письме говорится о «двойном пророчестве») Герцен имеет в виду и свою личную жизнь (любовь к Н. А. Захарьиной), и писательскую, общественную, политическую деятельность. См. об этом подробнее в т. I наст. изд., стр. 494—495.

...две целые книги писанных разборов на сочинения, которые я читал в 1833 и 1834 годах... — Эти «разборы» до нас не дошли.

...печатная статья моя «Гофман»... — См. о ней письмо 73 и комментарий к нему.

...«Но что же будет далее ∞ уходя с балкона». — См. «Первую встречу» (I, 122).

...тебе не нравится моя ирония.— Наталья Александровна писала 23 января: «Да, я не все перечитываю писанное тобою; иронии я чужда» (*Изд. Павл.*, стр. 435).

Теперь ты получила мое последнее письмо.— Письмо от 26—29 января 1838 г., посланное с Л. И. Гааг.

Я не ты (не сердись опять на эту фразу... — Впервые Герцен употребил такую фразу в письме к Н. А. Захарьиной от 5—9 ноября 1837 г. См. комментарий к письмам 128 и 132.

Ответ на него — вторая половина моего письма... — См. письмо 145.

Ты в прошлом письме отклоняешь мой приезд.— Н. А. Захарьина писала 22 января 1838 г.: «...В Москве *решительно* нельзя видеться без них ⟨...⟩ Хотя в Загорье мы могли бы быть вместе несколько часов только, но что и эти 29 дней, вообрази, что ты *меня* ни разу не увидишь ⟨...⟩ Продли, если можно, отпуск до тех пор, пока мы поедем в деревню, я все силы употреблю, чтоб раньше ехали ⟨...⟩ а там, хоть на другой же день приезжай» (*Изд. Павл.*, стр. 434—435).

...«на скотном дворе», как ты сама выразилась? — Н. А. Захарьина писала 24 января 1838 г.: «Где лучше увидеться: в цветнике ли господнем, или на скотном дворе, не знаю...» (там же, стр. 436).

...статью о Полине? — Подразумевается «Симпатия» (см. письмо 143 и комментарий на стр. 539 наст. тома). Н. А. Захарьина получила ее 4 февраля 1838 г.

...оканчиваю свою архитектурную мечту «Кристаллизация человечества»... — Так назвал Герцен свою статью об архитектуре, начатую, по-видимому, в 1836 г. в Вятке. Сохранилось лишь несколько фрагментов статьи (I, 325—329). Наталья Александровна писала 8 марта 1838 г.: «Больше всех желала бы прочесть статью об архитектуре» (*Изд. Павл.*, стр. 507).

Ответ Н. А. Захарьиной от 4—6 и 6—8 февраля 1838 г.— *Изд. Павл.*, стр. 451—453, 456—458.

148. Н. А. ЗАХАРЬИНОЙ

Печатается по автографу (*ЛБ*). Впервые опубликовано: *Изд. Павл.*, стр. 453—456. На автографе помета Герцена: «216».

В текст письма в настоящем издании внесено исправление:

Стр. 279, строка 3 снизу: а то возможна ли эта глупая оговорка — *вместо:* а то возможно ли эта глупая оговорка.

Ответ на письма Н. А. Захарьиной от 29 января — 1 февраля, 1—3 февраля и 4 февраля 1838 г. (*Изд. Павл.*, стр. 442—446, 449—453).

У меня гостил Кетчер... — Кетчер приехал во Владимир в первых числах февраля с Е. И. Герценом и привез Герцену для прочтения ранние письма его к Наталье Александровне. Уехал 7 или 8 февраля.

Благодарю за чернильницу... — Наталья Александровна послала с Н. Х. Кетчером чернильницу с картинкой своей работы.

...благодарю за кольцо еще больше... — Посылая с Н. Х. Кетчером кольцо, Н. А. Захарьина писала 31 января: «...Кольцо, которое мне подарила маменька ⟨Л. И. Гааг⟩ более двух лет тому назад» (*Изд. Павл.*, стр. 445).

...отрывок из «Там», который будет напечатан в «Сыне отечества»... — Намерение напечатать в «Сыне отечества» отрывок «Там» (первоначальное название повести «Елена») не было осуществлено (см. I, 500—501).

...читая записку, в которой я поздравлял тебя в 1833 году с рожденьем... — См. письмо 2 и комментарий к нему на стр. 443 наст. тома.

...пусть прочтут фантазию.— Речь идет о «фантазии» «Это было 22 октября 1817».

...я уже думал о ее спасении и именно думал то, что ты писала ∞ Матвея принимаешь за лакея... — 2 февраля 1838 г. Н. А. Захарьина писала о Саше Вырлиной: «Прежде, нежели я перешагну здешний порог, она должна быть вольная, а это устроить очень легко, вот как: найми кого-нибудь сыграть роль жениха. Я думаю, твой Матвей способен явиться к княгине, сказать, что он ее видал давно, хочет жениться, наконец, просить, сотни поклонов, ежели это не поможет, сотни рублей, только с тем, чтобы до свадьбы дали отпускную ⟨...⟩ Только не вздумал

бы в самом деле жениться на ней, она ни под каким видом не согласится, да я думаю из ровни ей нет достойного ее» (*Изд. Павл.*, стр. 450). О камердинере Герцена Матвее Савельевиче см. биографическую справку в *ЛН*, т. 63, стр. 781—782.

... статья ∞ где о Полине... — «Симпатия».

...«Она довольно хороша ∞ в Вятке». — Не совсем точная цитата из письма к Н. А. Захарьиной от 1 октября 1835 г. Относится к П. П. Медведевой.

...мысль, пришедшая на бумажной фабрике ∞ в с е н с б о. — О своем посещении бумажной фабрики Герцен писал Н. А. Захарьиной 6—7 сентября 1835 г. Письмо обрывается на полуфразе, и в дошедшем до нас тексте сравнения, о котором упоминает Герцен, нет.

...«грабителям за собственностью»... — Н. А. Захарьина, обсуждая план предстоящего свидания, предлагала Герцену по приезде в Москву явиться в дом княгини Хованской «как к грабителям за своею собственностью» (письмо от 1—3 февраля 1838 г., *Изд. Павл.*, стр. 451).

Ответ Н. А. Захарьиной от 8—11 февраля 1838 г. — *Изд. Павл.*, стр. 458—460.

149. Н. А. ЗАХАРЬИНОЙ

Печатается по автографу (*ЛБ*). Впервые опубликовано: *Изд. Павл.*, стр. 461—464, как два самостоятельных письма — от 8—9 февраля и от 10—12 февраля (так же опубликовано в издании М. К. Лемке, ошибка указана в *ОРГ*, стр. 45). Кроме того, в *Изд. Павл.* к письму присоединено следующее — от 12—14 февраля (ошибка отмечена в издании М. К. Лемке, II, 477). На первом листе автографа помета Герцена: «219», на третьем: «220», которая, очевидно, и подала повод публикаторам письма к разделению его на два самостоятельных.

Вместо слов: «июля 5-го» (стр. 282, строка 27) было: «июня 28-го».

Ответ на письма Н. А. Захарьиной от 1—3, 4—6, 6—8 февраля 1838 г. (*Изд. Павл.*, стр. 449—451, 451—453, 456—458).

...скоро ответ... — На рапорт об отпуске в Москву. См. письмо 143 и комментарий к письму 166.

О н и смотрят на тебя свысока; Сережа желал, чтоб я ему написал письмо, я и написал холодное, как лед... — Н. А. Захарьина сообщала об отношении С. Л. Львова-Львицкого к сватовству А. И. Снаксарева: «Очень знала я о Сереже, очень вижу ихнее свысока, но решительно не обращала на это вниманья. Да, со многих спало покрывало во время сватовства» (письмо от 1—3 февраля 1838 г., *Изд. Павл.*, стр. 451). См. об этом же в письме 144 (стр. 267—268). Письмо Герцена к С. Л. Львову-Львицкому неизвестно.

...мои выходки в «Симпатии» против продажи книг... — См. *ЛН*, т. 63, стр. 48 и 52—53.

...за отрывок из повести и взял подписку на «Сын отечества» (т. е. вовьму, когда напечатается)... — См. комментарий к письму 148.

...«Неаполь и Везувий»... — Утраченное произведение Герцена; относится, по-видимому, к 1833—1834 годам. См. комментарий к «3 августа 1833» (I, 486—487).

Тут в одной записке я говорю о любви ∞ бледном опыте. — Письмо неизвестно.

А вот и эта записка, святая от твоих слез... — Записка к Н. А. Захарьиной от 10 апреля 1835 г., последняя, писанная Герценом в Москве (см. письмо 33 и комментарий к нему). Н. А. Захарьина сообщала в письме от 2—4 декабря 1835 г.: «...я взяла ящик с твоими письмами; на одном из них ясны крупные слезы — это последнее письмо твое ко мне в Москве...» (*Изд. Павл.*, стр. 49).

...я сдержал слово: жизнь во Владимире — 40 дней в пустыне. — См. об этом в письме к Н. А. Захарьиной от 23—30 ноября 1837 г. (наст. том, стр. 237).

Тут есть одна записка, у которой начало отрезано... — Наталья Александровна отвечала 15 февраля 1838 г.: «Записка обрезана, вероятно, случайно» (*Изд. Павл.*, стр. 468).

Первая записка из Вятки (21 мая)... — Это письмо Герцена не сохранилось.

...поздравительная в 1833. — См. письмо 2 и комментарий к нему.

...«Наташа! Ты мой ангел-утешитель»... — Из письма от 24 июля 1835 г.

...«Твои записки ∞ больную грудь»...—Из письма от 6—7 сентября 1835 г.

...последнее... — Письмо от 6—8 февраля 1838 г. Наталья Александровна писала в нем: «...Грустно, страшно, я страдаю, во имя любви умоляю тебя, пиши ответ скорее. Год сроку, писал ты, но ведь княгиня переживет меня, это так ясно, как осина переживет розу» (*Изд. Павл.*, стр. 456—457).

К Эмилии все подробности.— Письмо к Э. М. Аксберг неизвестно.

...послано и другое. — Письмо к И. А. Яковлеву, в котором Герцен требовал согласия на брак с Н. А. Захарьиной, не сохранилось. См. об этом в «Былом и думах» (VIII, 358—359).

Вот и храм божий печатью этому письму... — На облатке, с помощью которой запечатывалось письмо, выдавлено изображение церкви.

Ответ Н. А. Захарьиной от 16—18 февраля 1838 г.— *Изд. Павл.*, стр. 468—470.

150. Н. А. ЗАХАРЬИНОЙ

Печатается по автографу (*ЛБ*). Впервые опубликовано: *Изд. Павл.*, стр. 464—467 (присоединено к письму от 8—12 февраля, см. выше). Заключительная часть письма, датированная «14. Поздно» и 15 февраля, публикуется впервые, по автографу (*ЦГАЛИ*). Текст: «Прислал ли Кетчер ∞ Одну любовь!» представляет собою приписку на полях вдоль л. 1 об. письма.

В текст письма в настоящем издании внесено следующее исправление:

Стр. 288, строка 4 снизу: гуляли бы *вместо:* гуляли ли бы.

Ответ на письмо Н. А. Захарьиной от 8—11 февраля 1838 г. (*Изд. Павл.*, стр. 458—460).

...минуют семь недель... — Семь недель поста, когда, согласно законам православной церкви, в брак вступать не разрешалось.

...Альману... — Кличка собаки.

Поздравляю тебя с женихом, а жениха — с черкесской шапкой.— Н. А. Захарьина сообщала в письме от 8—11 февраля о новом своем женихе А. О. Миницком: «...завтра хочет привезть показать мне свою черкесскую шапку...» (*Изд. Павл.*, стр. 460).

...учредили Матвееву свадьбу, не спрося его... — Наталья Александровна писала 8—11 февраля 1838 г.: «Когда *твой* Матвей так хорош, когда ты находишь его достойным *моей* Саши,— я отдаю ему ее» (*Изд. Павл.*, стр. 459). Брак Саши Вырлиной и Матвея не состоялся. Н. А. Захарьина сообщала 21 февраля 1838 г.: «Саша 〈...〉 в восторге, что Матвей ее не хочет (только из любви ко мне решилась идти за него)» (там же, стр. 474). См. об этом письмо 148 и комментарий к нему.

...дописывал статью 12 февраля. — В конце третьего сохранившегося отрывка статьи Герцена об архитектуре проставлена дата: «Владимир, 12 февраля 1838» (см. I, 329, 520).

Ежели жених в самом деле юноша добрый... — Н. А. Захарьина писала, сравнивая А. О. Миницкого с полковником Спаксаревым: «Этот еще только хочет жить, этот чувствует, юноша добрый, откровенный...» (письмо от 8—11 февраля 1838 г., *Изд. Павл.*, стр. 460).

...ежели ∞ повторит свое желание о твоей смерти... — Имеются в виду слова Э. М. Аксберг, обращенные к Н. А. Захарьиной в те дни, когда к ней сватался А. О. Миницкий. Н. А. Захарьина писала Герцену 8—11 февраля 1838 г.: «„Бегите, бегите", твердила она, и вид ее был мрачен, и она ужасно переменилась (от наших обстоятельств) и говорила опять: „Умри, Наташа"» (там же, стр. 458).

...напрасно ты бросаешь иногда холодное слово о браке, напрасно навываешь буднями... — Н. А. Захарьина заметила в письме от 6—10 января: «...не заводиться женатыми, нет, тут уж будни, тут все вроде горшка с жирными щами» (*Изд. Павл.*, стр. 418).

...противоположно тому, что я писал прошлый раз... — В письме от 10—12 февраля 1838 г.

... роман соч. Manzoni ∞. I promessi sposi. — Первое издание романа А. Манцони «Обрученные» вышло в 1825—1827 гг.

Инак, по клюкву, по владимирскую! — 8 февраля 1838 г. Наталья Александровна признавалась Герцену: «...Теперь для меня и „по владимирскую клюкву" восхитительнее самого „des herrlichen Hymnes an die Freude" Шиллера» (*Изд. Павл.*, стр. 458). И позднее в письме от 19—22 февраля 1838 г.: «...Давеча поют клюкву, я улыбнулась, слеза навернулась, и покраснела, кажется, заметили это» (там же, стр. 474). Продавцы, развозившие клюкву по домам, обычно пели причитанья, один из вариантов которых приведен в «Толковом словаре» В. Даля.

Прислал ли Кетчер тебе отрывок из повести... — Речь идет о повести «Елена» («Там»). О получении и чтении повести «Там» Н. А. Захарьина извещала Герцена в письме от 24—25 марта 1838 г. 25 марта она писала: «Не Кетчер виноват, а Emilie, она прислала мне только „Мысль и откровение", а повесть держала у себя...» (*Изд. Павл.*, стр. 532). Ее отзыв о повести см. в комментарии к письму 169.

...из моей биографии? — Н. А. Захарьина извещала о получении первой части «О себе» 15 марта 1838 г.: «Наконец, Кетчер прислал мне „О себе". Хорошо, Александр, хорошо все; лучшее для меня — Дитя, Огарев и Деревня; где более тебя, тут и лучше, а те лица, конечно, необходимы и хорошо чрезвычайно описаны, но я об них читаю почти так же, как обед в „Встрече". Только знаешь ли, это чтение навело на меня грусть, как страшно, как замирает сердце, глядя на *возможность* твоей гибели. Как я иду шаг за шагом твоего детства, и непременно берет дрожь, и скатится слеза, глядя на тебя, младенца, среди стольких ужасов 1812 года 〈...〉 Я не говорю лучшее, но *любимое* мое из всего, писанного тобою, будет твоя жизнь. Терпенья нет прочесть продолжение...» (*Изд. Павл.*, стр. 516).

Ответ Н. А. Захарьиной от 19—22 февраля 1838 г.— *Изд. Павл.*, стр. 472—476.

151. Н. А. ЗАХАРЬИНОЙ

Печатается по автографу (*ЛБ*). Впервые опубликовано: *Изд. Павл.*, стр. 470—472. На обороте пометы Герцена: «222» и Н. А. Захарьиной: «23, середа».

...жду ответа... — От И. А. Яковлева.

...может, ты не получила прошлых, после Кетчера. — После отъезда из Владимира Н. Х. Кетчера Герценом были посланы письма от 8—12 и 12—15 февраля 1838 г. Н. А. Захарьина извещала о получении их в письмах от 16—18 и 19—22 февраля 1838 г.

...«Его превосходительство»... — Утраченное произведение Герцена. Повесть мыслилась, как часть единого замысла, в который входили «I Maestri» и «Елена» («Там»). О работе над ней см. в письме 152, о завершении — в письме 164.

...Калибан-Гиена «I Maestri».— Под именем Калибан-Гиены был выведен вятский губернатор К. Я. Тюфяев.

... а в наказание — пустую страницу.— В автографе после этих слов — росчерк, занимающий полстраницы.

Ответ Н. А. Захарьиной от 23—25 февраля 1838 г.— *Изд. Павл.*, стр. 479—481.

152. Н. А. ЗАХАРЬИНОЙ

Печатается по автографу (*ЛБ*). Впервые опубликовано: *Изд. Павл.*, стр. 476—479. На автографе помета Герцена: «223».

Перед словом «обратись» (стр. 294, строка 5) в автографе зачеркнуто: «прямо».

Ответ на письмо Н. А. Захарьиной от 16—18 февраля 1838 г. (*Изд. Павл.*, стр. 468—470).

... а уж чулков вязать ни под каким видом... — Наталья Александровна писала 16—18 февраля 1838 г.: «...Я начинала себе чулки раз сто в мой век и ни одного не окончила, а для тебя и чулки буду вязать с восторгом» (*Изд. Павл.*, стр. 469).

...выкупа из плена е г и п е т с к о г о...— См. комментарий к письму 148.

Наконец ты разглядела свои черты во мне ∞ сознала ту огромную перемену, которую ты сделала во мне.— Н. А. Захарьина писала 16—18 февраля 1838 г.: «Да, ты переменился много, и настолько, Александр, насколько я не ожидала. Не думай, чтоб это было безверие в твою любовь, о, нет! А я хотела себя покорить тебе, и до того, чтоб в тебе ни единой черты не было моей, чтоб я была твоим подобием, твоим отголоском,— и вышло — о! я прихожу в трепет и ужас, когда созерцаю все. Александр, себя ли ты отдаешь мне?» (*Изд. Павл.*, стр. 470).

... 25 марта.— День рождения А. И. Герцена.

Повесть новая идет на лад... — Повесть «Его превосходительство». См. комментарий к письмам 151 и 169.

... отрывок из жизни — «О себе». См. комментарий к письму 150.

...твоя мысль прелестна насчет моего падения; ты писала раз: «Может, провидение хотело смирить тебя».— Наталья Александровна писала 16 октября 1836 г.: «Послушай, Александр, другмой, не огорчайся ты поступком с Мед⟨ведевой⟩, не упрекай себя! Знаешь ли, может само провидение допустило тебя: ты бы мог возгордиться твоим достоинством, высотою и святостью души, и этот враг опаснее; не правда ли? — и, может, ты был близок к этому, провидение послало Мед⟨ведеву⟩ и ты смирился, ты с большею горячностью очищаешь твою душу и становишься еще выше, еще совершеннее» (*Изд. Павл.*, стр. 156). Об этом же см. в ее письме от 14 ноября 1836 г. (там же, стр. 175).

... я дерзнул поправлять тебя (1834)... — В письме к Н. А. Захарьиной от 31 декабря 1834 г.

Твоя забота о Саше... — Вырлиной. См. письмо 148.

... св. Иоанна, закалывающего сапоги? — Согласно Евангелию, святой Иоанн носил лишь «одежду из верблюжьего волоса и пояс кожаный» (от Матфея, глава 3).

От Витберга ∞ много писем.— Вслед за письмом от 18 января 1838 г. (см. комментарий к письму 139) Витберг писал Герцену 8 и 15 февраля (см. комментарий к письму 154).

... брат его жены... — Пузыревский. См. письмо 154.

Ответ Н. А. Захарьиной от 26—27 февраля, а также от 28 февраля—1 марта 1838 г.— *Изд. Павл.*, стр. 483—486, 489—491.

153. Н. Х. КЕТЧЕРУ

Печатается по автографу (*ЛБ*). Отрывок опубликован впервые: *ВЕ*, 1883, № 3, стр. 138—139; полностью — *ЛН*, 91—93; поправки к тексту этой публикации — *ГНМ*, стр. 134. Дата определяется содержанием письма. Первые строки его, где речь идет о письме И. А. Яковлева, полученном 20 февраля (см. письмо 152, стр. 291), и о реакции Герцена на это письмо («Я два дня удивлялся»), позволяют отнести начало письма к 22 февраля. Дата окончания письма определяется предположительно припиской: «Меня хотят провести ∞ порядком» (стр. 296), совпадающей по содержанию с письмом к Н. А. Захарьиной от 28 февраля (стр. 306—307).

... *маленькую фантазию, служащую введением во вторую часть «Wahrheit und Dichtung»*. — Фантазия «Это было 22 октября 1817», подаренная Герценом Е. Г. Левашовой (см. об этом в комментируемом письме, стр. 298, и в письме 167), должна была предварять вторую часть повести «О себе», которую Герцен называет «Wahrheit und Dichtung» по аналогии с произведением Гёте «Aus meinem Leben. Dichtung und Wahrheit» («Из моей жизни. Поэзия и правда»).

Контракт не исполнил... — Речь идет относительно обещания печатать свои произведения в «Сыне отечества».

... *список из моей книги*... — То есть первую часть «О себе».

... *отрывок из повести*... — Повести «Елена» («Там»).

...«*Вятские письма*»... — См. комментарий к письму 143.

...«*Граница ада с раем*».— Замысел неизвестного произведения Герцена.

...*вымарай «Через десять лет»*.— Эпилог к повести «Елена» (см. I, 467).

Ты ей отвез мое письмо, в котором была твоя приписка... — Письмо от 5—6 февраля 1838 г.

«*Вот вам, Кетчер ∞ до свидания!*» — Неточная цитата из письма Н. А. Захарьиной к Герцену от 8—11 февраля 1838 г.

«*Les affaires de Rome*»... — Сочинение Ф.-Г. Ламеннэ, изданное в Париже в 1836 г.

...«*Mémoires*» *de Lafayette* ∞ (*III том, статья «Démocratie royale»*)— Имеется в виду статья «Sur la démocratie royale de 1789 et républicanisme des vrais constitutionnels» из тома III (стр. 191—218) книги Лафайета «Mémoires, correspondance et manuscrits du général Lafayette», P. 1837—1838, 6 vol.

... *10 августа 1792*... — Народное восстание 10 августа 1792 г., возглавленное парижской коммуной, свергло монархию.

... *изящен он в переписке с Вашингтоном*.— Переписка Лафайетта с Вашингтоном опубликована в 1—5 томах указанного выше издания «Mémoires, correspondance et manuscrits...»

...*Buchez* и *Le Roux грозились историей революции, не вышла ли?* — Подразумевается «Histoire parlamentaire de la Révolution française», P., 1833—1838, 40 vol., написанная Бюше (Buchez) совместно с Ру-Лавернем (Rouch-Lavergne).

... *ты не доставил повесть Наташе*. — Повесть «Елена» («Там») была задержана не Кетчером, а Э. Аксберг (см. комментарий к письму 150).

154. А. Л. ВИТБЕРГУ

Печатается по автографу (*ПД*). Впервые со значительными пропусками опубликовано: *РС*, 1876, №10, стр. 277—278; полностью: *Л* XXII, стр. 10—12.

Ответ на письма А. Л. Витберга от 8 февраля 1838 г. (*РС*, 1897, № 12, стр. 480—481) и 15 февраля 1838 г. (не опубликовано, хранится в *ПД*).

... об брате А⟨вдотьи⟩ В⟨икторовны⟩... — Речь идет о Пузыревском, которому А. Л. Витберг перед отъездом в Вятку поручил ведение своих имущественных дел в Москве. В 1837 г. Пузыревский растратил значительную часть имущества, которое было доверено ему А. Л. Витбергом.

... Штрауха... — Личность установить не удалось.

... и Ключарева... — Г. И. Ключарев, один из московских друзей А. Л. Витберга, помогал ему в устройстве имущественных дел. Позднее Ключарев вел денежные дела И. А. Яковлева (отца Герцена), став одним из его душеприказчиков. При отъезде за границу Герцен поручил Ключареву ведение своих денежных и имущественных дел.

... против вашей сестрицы... — Христина Альбертина Лаврентьевна (Шарлотта Лаврентьевна) Витберг — старшая сестра А. Л. Витберга.

Благодарю вас за письмо и возвращаю его... — Речь идет о письме Пузыревского к Витбергу, которое последний вместе со своим письмом от 15 февраля переслал Герцену.

... до Алексеевского монастыря»... — Девичий монастырь в Москве, на берегу Москвы-реки, близ Каменного моста. Построен в 1514 г. Алексеем Фрязиным. В марте—апреле 1838 г. снесен. На этом месте был сооружен храм по проекту архитектора Тона, взамен того самого храма-памятника, первоначальный проект которого разработал Витберг.

Вы угадали ∞ в «I Maestri».— А. Л. Витберг писал 15 февраля: «Не знаю, угадал ли я, но думаю, что вымаранные Жуковским слова должны быть те, которыми описали вы карикатурность Тюфяева. Я по крайней мере их считал слишком некстати и слишком желчными».

... an m-elle Medwedewa sagten ... — 7 февраля 1838 г. Витберг в разговоре с П. П. Медведевой рассказал ей об отношениях между Герценом и Н. А. Захарьиной.

... дурно понимаю Авдотью Викторовну... — Витберг писал 15 февраля 1838 г.: «Ежели вы думаете, что жена знает и скрывает, то худо знаете ее: она больше меня обвиняет брата своего, так что я часто уговариваю иметь терпение с пим».

Вчера обедал я у проезжавшего здесь сенатора Озерова ... — П. И. Озеров, член Государственного совета, знакомый отца Герцена, был членом учрежденной в ноябре 1837 г. комиссии по постройке в Москве храма-памятника в честь победы над Наполеоном.

Ответ А. Л. Витберга от 15 марта 1838 г. — *РС*, 1897, №12, стр. 481—482.

155. Н. А. ЗАХАРЬИНОЙ

Печатается по автографу (*ЛБ*). Впервые опубликовано: *Изд. Павл.*, стр. 481—483. На автографе — помета Герцена: «224».

Ответ на письмо Н. А. Захарьиной от 19—22 февраля 1838 г. (*Изд. Павл.*, стр. 472—476).

Письмо твое прелестно к Мед⟨ведевой⟩...— Письмо это не сохранилось.

... почему ты говоришь «7 недель»... —Н. А. Захарьина писала 19 февраля: «Через семь недель мы обручены или обвенчаны!» (*Изд. Павл.*, стр. 472). О семи неделях писал и Герцен в своем письме к ней от 12—15 февраля 1838 г. Оба они указывали на период до наступления праздника пасхи (3 апреля) — так называемый великий пост, когда венчаться было нельзя.

На что мне верный человек... — На вопрос Герцена «скажи, пожалуйста, кто у вас в доме из мужчин всех вернее?» (письмо от 12—15 фев-

раля 1838 г.), Н. А. Захарьина отвечала 20 февраля: «Наши люди все очень верны, все почти до одного служили мне *тайно* до сих пор, но особенного нет никого и ни которому нельзя вверить *побег мой*, потому что они все слишком *честны*, слишком меня *любят*, в этом им представится преступление и моя гибель» (*Изд. Павл.*, стр. 473—474).

Ты совсем отвергаешь богатство... — Н. А. Захарьина писала 20 февраля 1838 г.: «Маменька грустна, *боится бедности* ⟨...⟩ мне не нужно ничего ⟨...⟩ Я не понимаю *удобств* жизни ⟨...⟩ у нас не будет житниц и сокровищниц, но мы раскроем душу, мы „положим" *наше* богатство наружу...» (*Изд. Павл.*, стр. 473).

... кровавым примером Барнава... — Антуан Барнав был гильотинирован 29 ноября 1793 г. по приговору Революционного трибунала за тайные сношения с двором Марии Антуанетты.

...Витбергову дочь...— В. А. Витберг.

... Ты очень хорошо было начала с княг⟨иней⟩ обращ⟨аться⟩... — «...Я начала поступать иначе: без позволения выходить в другую комнату, без позволения брать книгу...»,— писала Наталья Александровна 4 февраля (*Изд. Павл.*, стр. 452) и затем 10 февраля: «Я все стараюсь как можно менее быть с кн⟨ягиней⟩, чтоб она отвыкла от меня, *разлюбила* меня» (там же, стр. 460).

... продолжай читать, несмотря на их дурачества... — Н. А. Захарьина писала 1—3 февраля 1838 г.: «„Дон-Карлоса" они не велят читать, потому что по-немецки, а Маттей — потому что там любовь» (там же, стр. 451).

Ответ Н. А. Захарьиной от 3—4 марта 1838 г.— *Изд. Павл.*, стр. 493—496.

156. Н. А. ЗАХАРЬИНОЙ

Печатается по автографу (*ЛБ*). Впервые опубликовано: *Изд. Павл.*, стр. 486—489. На автографе помета Герцена: «229».

В текст письма в настоящем издании внесено следующее исправление:

Стр. 304, строка 20: чувствуют *вместо:* чувствует.

Ответ на письмо Н. А. Захарьиной от 23—25 февраля 1838 г., продолжение ответа на письмо от 19—22 февраля 1838 г. (*Изд. Павл.*, стр. 479—481).

... в случае отказа из Петербурга... — См. комментарий к письмам 143, 149, 166 и 169.

... с 12-го... — 12 февраля 1838 г. Герцен отправил письмо к отцу с требованием согласия на брак с Н. А. Захарьиной (письмо неизвестно; см. о нем в письмах 149, 150, 153).

Помнишь ли, как княгиня сердилась за мою приписку к тебе (молиться вместе), а меня благодарила за нее? — Герцен вспоминает о несохранившемся письме к княгине М. А. Хованской, в котором он сделал приписку для Н. А. Захарьиной. Наталья Александровна писала Герцену 14 января 1838 г.: «В 1-м часу подают письмо. Я немного покраснела, потом громко и решительно прочитала все. При слове: „Мы будем молиться вместе" Макаш⟨ина⟩ вспыхнула ⟨...⟩ Кн⟨ягиня⟩ молчала и только, покраснев и улыбаясь, сказала „да"» (*Изд. Павл.*, стр. 427). 16 января Н. А. Захарьина добавила: «Письмо твое их совершенно расстроило. Кн⟨ягиня⟩ вздыхает, делается больной, говорит, что не спала ночь, и ужасно сердита, — опять ряд бесконечных неприятностей...» (там же, стр. 428).

... Мед⟨ведева⟩ прислала картинку ∞ я пришлю тебе... — Н. А. Захарьина в письме от 3—4 марта 1838 г. сообщала: «Вчера получила картину Мед⟨ведевой⟩ — превосходна» (там же, стр. 495).

Galileé par trois ans de prison ∞ tôt raison — Герцен по памяти неточно цитирует произведение К. Делавиня «Epître à messieurs de l'Académie Française...». См. «Messéniennes et poésies diverses, par M. Casimir Dela-

vigne». Dixième édition, t. 2. Paris, 1824, p. 191. В переводе стихи означают: «Галилей тремя годами тюрьмы искупил великое несчастье обладать слишком рано разумом».

... первую книжку «Сына отечества», прочти Лавинию... — Перевод повести Ж. Санд «Лавиния» был напечатан в первой книге журнала «Сын отечества и Северный архив» за 1838 г.

Как только отпечатается прекрасный перевод «Фауста» (Губера)... — Перевод I части «Фауста», выполненный впервые Э. И. Губером, был напечатан в 1838 г.

Кетчеру выговор написал.— См. письмо 153.

... закон Номоканона... — Свод церковных правил, принятый русской православной церковью.

Это человек, убитый при первом чувстве.— Намек на неразделенную любовь Е. И. Герцена к Н. А. Захарьиной.

Ты говоришь, что тогда я буду всем чужой, кроме друзей.— Н. А. Захарьина писала 20 февраля 1838 г.: «Повторяю опять мою клятву: я готова на все, перенесу все, даже еще несколько лет здешней жизни,— *ежели ты перенесешь*. Больно мне, что я лишу тебя отца, матери; помни, что тогда ты изгнанник из общества, из всего мира, лишь круг друзей наш» (*Изд. Павл.*, стр. 473). Письмо Герцена от 16—19 февраля, в котором он писал ей о получении ответа от отца, фактически дававшего согласие на брак, Н. А. Захарьина получила лишь 23 февраля.

«Ты не похож на себя».— Извещая Герцена о получении письма от 16—19 февраля, Н. А. Захарьина писала: «Я не так мучусь неизвестностью, как ты 16-го февраля. *Ты* сказал мне: „верь!“ *И я верую*, и ничто, никто в свете не может поколебать этой веры, иначе я не знаю, чтоб было со мною. Я верую всей душой, что скоро, скоро в обетованную землю, и Чермное море не страшит меня. Ежели *отказ*, мне будет *их жаль*, ежели *благословение* — я порадуюсь за них же. С нетерпением хочу узнать решенье, но не терзаюсь им, потому что верую, что оно не поколеблет, не оставит нас. А ты, ты, Александр, не похож на себя» (*Изд. Павл.*, стр. 479).

... написала в письме стихи Козлова «не дождалась и умерла»... — Стихи из поэмы Козлова «Безумная» Н. А. Захарьина привела в письме от 23—25 февраля 1838 г. (там же, стр. 480).

Ответ Н. А. Захарьиной от 3—4 марта 1838 г.— *Изд. Павл.*, стр. 493—496.

157. Н. Х. КЕТЧЕРУ

Печатается по автографу (*ЛБ*). Отрывок впервые опубликован в воспоминаниях П. В. Анненкова «Идеалисты тридцатых годов» (*ВЕ*, 1883, № 3, стр. 138 и 146); полностью: *Л* II, 105—106; поправки к этой публикации — *ГНМ*, стр. 134.

Год в редакционной дате определяется упоминанием о «статье архитектурной», об окончании которой Герцен писал Н. А. Захарьиной 13 февраля 1838 г. (см. письмо 150).

... это хуже Мефистофеля в «Фаусте».— Герцен имеет в виду реплику Мефистофеля («Фауст», ч. I, сцена 14, «Лес и пещера»):

Den ganzen Tag hat man die Hände voll!
Was ihm gefällt und was man lassen soll,
Kann man dem Herrn nie an der Nase spüren.

〈Весь день изволь трудиться и служить,
И так и сяк старайся удружить:
Не угодишь ничем на господина〉

(Перевод Н. А. Холодковского)

... *«Шутить и все шутить, как вас на это станет».*— Неточная цитата из комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума» (д. III, явл. 1).

... *Робеспьер был трус, он слынял 10 августа...* — В народном восстании 10 августа 1792 г. в Париже, свергшем монархию, Робеспьер участия не принимал.

158. Н. А. ЗАХАРЬИНОЙ

Печатается по автографу (*ЛБ*). Впервые опубликовано: *Изд. Павл.*, стр. 492. На автографе помета Герцена: «230», приписка Э. М. Аксберг: «Я сейчас видела Александра — не могу писать, делай что хочешь» (в *Изд. Павл.* ошибочно приписано Н. А. Герцен, ошибка исправлена в *Л* II, 107) и помета Н. А. Захарьиной: «Середа 2 марта 5 часов пополудни».

... *я здесь, т. е. К.* ...— Герцен приехал в Москву 2 марта 1838 г. с паспортом своего слуги Матвея. Остановился у Кетчера.

159. Н. А. ЗАХАРЬИНОЙ

Печатается по автографу (*ЛБ*). Впервые опубликовано: *Изд. Павл.*, стр. 492. На автографе помета Герцена: «231». На обороте — запись Н. А. Захарьиной: «1838 года. Марта 3-е. Четверг. 7-й час утра. Я видела небо отверзто, я слышала глас бога возлюбленного! Слава во вышних богу!» и ее же карандашная помета: «пятница».

Это свиданье наше... — Герцен виделся с Натальей Александровной 3 марта 1838 г. от 7 до 8 часов утра в доме кн. М. А. Хованской. В письме от 3 марта (9-й час вечера) Н. А. Захарьина описывает, «как все было»: «Получив записку и письмо, я только и могла прочесть записку. Что было со мной, ангел мой: ни говорить, ни дышать не могла, о, да право, не могу сказать, что было; долго спустя велела передать приказ Аркадию. Сумерки ходила, ходила долго, долго, потом надо было сидеть с ними, держала в руках работу и не могла сделать стежка 〈...〉 Приходит Костинька, я рассердилась, с досадой спрашиваю: „Что тебе надо?“ — „Вам кланяется, завтра как можно раньше“... Я бросилась ей на шею, потом на диван, и одна слеза только выкатилась. Каково было,— ты знаешь. Несколько раз бегала наверх к своему окну, и каждый прохожий, каждые сани—все казалось мне тобою, насильно отводили меня от окна. Наконец, огонь потушен, все спит, а я так, как была до этого недвижна, то прижмусь к стеклу, то преклоню колена, потом силы меня оставили, вся как лед, а голова горит, а грудь ломится надвое, признаюсь, я даже боялась, будет ли силы сойти, но бог! Минуту какую-нибудь я забылась сидя, мне снилось, иду к тебе, просыпаюсь — светло, хочу идти,— а то был только 2-й час. Каково — ждать еще 4 〈...〉 Не спустя глаз, смотрела в окно — лай собаки, и сердце замерло, стукнули ставнями — шорох на лестнице... дверь ко мне отворяется...» (*Изд. Павл.*, стр. 494).

О свидании 3 марта 1838 г. см. также «Былое и думы» (VIII, 361—365).

Ответ Н. А. Захарьиной от 3—4 марта 1838 г.— *Изд. Павл.*, стр. 493—496.

160. Н. А. ЗАХАРЬИНОЙ

Печатается по автографу (*ЛБ*). Впервые опубликовано: *Изд. Павл.*, стр. 498 (ошибочно объединено с письмом от 4 марта из Владимира — ошибка исправлена в *Л* II, 108). На обороте — карандашная запись Н. А. Захарьиной: «Середа 9-го марта, 5 часов пополудни. Александр—Наталия».

161. Н. А. ЗАХАРЬИНОЙ

Печатается по автографу (*ЛБ*). Впервые опубликовано: *Изд. Павл.*, стр. 498—501 (ошибочно объединено с предыдущим письмом, см. выше). На автографе помета Герцена: «235».

Ответ на письма Н. А. Захарьиной от 26—27 февраля и 28 февраля — 1 марта 1838 г. (*Изд. Павл.*, стр. 483—486, 489—491).

... явилась восточной звездой свиданья... — Приехав в Москву 2 марта 1838 г., Герцен через Э. М. Аксберг передал записку для Н. А. Захарьиной (см. № 158).

... нашел твои письма (от 1-го марта) ∽ я имел в е с т ь с в е ж е е и х ∽ даже самое позволение будет отравлено его холодностью.— В письме от 28 февраля — 1 марта 1838 г. Н. А. Захарьина писала, основываясь на письме Герцена от 16—19 февраля 1838 г., о «согласии», «благословении» И. А. Яковлева (*Изд. Павл.*, стр. 490).

... «а сюда приехать никак нельзя»... — Н. А. Захарьина писала 27 февраля 1838 г.: «Что же отпуск, отпуск? Тогда вся забота с рук долой. А тайно сюда в случае отказа приехать нельзя,— потому что есть в доме целая семья, вроде Мар⟨ьи⟩ Ст⟨епановны⟩, а в Загорье — без сомнения» (там же, стр. 485—486).

Ег⟨ор⟩ Ив⟨анович⟩ собирался... — Е. И. Герцен находился в то время во Владимире и выехал в Москву вместе с А. И. Герценом 1 марта 1838 г.

... 14 ноября — и этой минутой я обязан княгине ∽ был болен две недели. — См. письмо 129.

... смерклось в мире, когда Христос был распят... — По евангельскому преданию, после распятия Христа «от шестого ⟨...⟩ часа тьма была по всей земле до часа девятого» (от Матфея, глава 29).

... второе письмо исцелило... — Письмо Н. А. Захарьиной от 1—7 ноября 1837 г., в котором она сообщала о том, что сватовство А. И. Снаксарева прекращено.

К твоему письму.— Ты как-то худо понимаешь поэзию роскоши и поэзию наряда ∽ что поставила рядом с обедом. — Отвечая на письмо Герцена от 20—22 февраля 1838 г., Н. А. Захарьина писала: «Тебе нравится охота наряжаться в *девушке* и *женщине*, а мне оставь мою беспечность, позволь туалету моему ограничиться тем, что останется от пышности, изысканности и богатства. То же самое и в столе; да, я никогда б не назначила особенного часа для пищи, это что-то слишком унизительная покорность телу» (письмо от 28 февраля 1838 г., *Изд. Павл.*, стр. 490).

... ты мне писала ∽ заключение, которое ты вывела н а я в у. — Н. А. Захарьина писала 26 января 1837 г.: «Странный сон, но, может, он сбудется и наяву! Вижу толпу усталых странников перед нашим домом: изнуренные, бледные, покрытые пылью,— они кланяются в окна и просят чего-то; никто не обращает на них внимания, ушла и я, потому что, кроме слезы вздоха, мне нечего дать им; прихожу опять, они еще все ждут... не пить ли хотят они? И я побежала за водою, налила огромную кружку, напилась прежде сама,— вода необыкновенного вкуса и чиста как зеркало,— спешу с радостью к окну, зову этих несчастных, подаю им сосуд... и что же? Они не приняли его, смеются надо мною и все расходятся! Я проснулась с сжатым сердцем и до сих пор не приду в себя. Уже-ли это сон пророческий? Ужель он обещает, что и наяву целые толпы жаждущих странников отвергнут сосуд с целебным питьем, и бегут от посланного и надсмеются над ним?—Да, смейся, толпа, всем дерзающим обратить тебя после того, кого распяла ты.— Только я не забуду этот сон, может, он напоминает мне, что мысли мои слишком дерзновенны, не по силам, что я не в самом деле ангел-спаситель для многих... Но что же мне эти многие? Бог с ними! Я бежала за водой, почерпнула, поднесла им, они от-

вергли, бог с ними! Но сосуд остался у меня, еще, может, придут ко мне за водою!» (*Изд. Павл.*, стр. 220).

28 февраля ты писала: «Ох близко, близко что-то...» Итак, душа угадала 3 марта.— Наталья Александровна писала: «Ох, близко, близко что-то... Как в ту страшную ночь мне казалось, что у меня едут по сердцу— это, как я вообразила, что ты уж уехал; так и теперь раздаются в нем звуки, но звуки приближенья, звуки свиданья, а не той грозной, черной смертельной разлуки» (*Изд. Павл.*, стр. 490).

Да что за беда, ежели кн⟨ягиня⟩ выгонит... — Н. А. Захарьина писала 28 февраля: «... Ежели ты приедешь, уж мне не быть здесь; ты им скажешь, я скажу — и в ту же минуту княгиня велит оставить дом ⟨...⟩ Да ежели и не приедешь, не надолго же я здесь: папенька ежели докажет сколько-нибудь чувства — я не выдержу ⟨...⟩ стало, все открыто, и меня выгонят» (там же, стр. 489).

Ответ Н. А. Захарьиной от 10—11 марта 1838 г.— *Изд. Павл.*, стр. 510—513.

162. А. Л., А. В., В. А. ВИТБЕРГАМ и П. П. МЕДВЕДЕВОЙ

Печатается по автографу (*ПД*). Впервые опубликовано: *РС*, 1876, № 10, стр. 275—277. Датируется на основании упоминания этого письма в письме к Витбергу от 7 апреля 1838 г.: «Из прошлого письма вы могли догадаться, что я виделся с Наташей...» (наст. том, стр. 358); Герцен был в Москве 2—4 марта 1838 г.

... *«покойный император» Жуковского*... — В стихотворении В. А. Жуковского «Ночной смотр», представляющем собой перевод одноименной баллады Иосифа Христиана Цедлица.

...*кажется∞ надзор не продолжается*... — См. комментарий к письму 140.

Квартира довольно велика и удобна.. — В это время Герцен жил на Большой улице, у Золотых ворот, в доме Адоева.

... *и дым Вятки Герцену сладок и приятен*... — Перефразированный стих А. С. Грибоедова («Горе от ума») «и дым отечества нам сладок и приятен».

... (*в альбоме у В⟨еры⟩ А⟨лександровны⟩*)... — Имеется в виду запись Герцена в альбоме В. А. Витберг, сделанная им 12 ноября 1837 г. (см. I, 331). В аллегорической форме Герцен изобразил судьбу А. Л. Витберга, сравнивая его с разбитым дубом, а себя — с усталым путником. Вера Александровна, которую Герцен считал духовно близкой к отцу, изображена им в виде юной ветви, призывающей «луч солнца на свои листы».

... *перечитывали «Деву Орлеанскую»*... — Трагедия Шиллера.

163. Н. А. ЗАХАРЬИНОЙ

Печатается по автографу (*ЛБ*). Впервые опубликовано: *Изд. Павл.*, стр. 501—504. На автографе помета Герцена: «236».

Ответ на письмо Н. А. Захарьиной от 3—4 марта 1838 г. (*Изд. Павл.*, стр. 493—496).

... *600 лет тому назад стопал в⟨еликий⟩ к⟨нязь⟩ Андрей, пораженный убийцами.*— Андрей Боголюбский был убит боярами-заговорщиками в 1174 г.

Я думал тебе отдать именно перчатку — пришлю ее, пришли и пояс. —Н. А. Захарьина писала 4 марта 1838 г.: «Пришли мне перчатку, с которыми был у меня, я накануне хотела взять и забыла, я пришлю

тебе пояс, которым с вечера, т. е. 2 марта, подпоясалась для того, чт отдать тебе, и забыла» (*Изд. Павл.*, стр. 496).

Как не стыдно Emilie писать о приеме. — Речь идет о посещении Герценом Э. М. Аксберг 2 марта 1838 г. Письмо Э. М. Аксберг неизвестно.

... я ему это писал сам... — Письмо к Огареву неизвестно.

... о повести, о статье ни слова...— Имеются в виду повесть «Елена» и статья «Мысль и откровение». О получении их Н. А. Захарьиной см. в комментариях к письмам 143, 150.

С чего ты ∞ вообразила, что я болен?— Н. А. Захарьина спрашивала Герцена: «Здоров ли ты, мой ангел? Пиши ради бога, ради меня, берегись, *теперь мы можем все;* если б ты знал, как я берегу мое здоровье, потому что я знаю, что этим берегу тебя...» (*Изд. Павл.*, стр. 495).

... получил от вятского губернатора письмо... — Письмо А. А. Корнилова к Герцену неизвестно.

Ответ Н. А. Захарьиной от 12—13 марта 1838 г.— *Изд. Павл.*, стр. 513—515.

164. Н. А. ЗАХАРЬИНОЙ

Печатается по автографу (*ЛБ*). Впервые опубликовано: *Изд. Павл.*, стр. 508—510. На автографе помета Герцена: «238» и карандашная приписка Е. И. Герцена: «вы спрашиваете, что со мною вчера? — со мною ничего, а с Алешей случились вдруг именины и вот причина, по которой я у вас не был, впрочем, если бы я обещался быть, то бы дал знать, что я буду. А в доказательство, что к вам есть письмо, то посылаю и (1 *прзб.*)».

Перед словом: «вечером» (стр. 321, строка 13 снизу) в автографе зачеркнуто: «меня».

Ответ на письма Н. А. Захарьиной от 4—5 и 6—8 марта 1838 г. (*Изд. Павл.*, стр. 496—498, 504—507).

Ты писала как-то: в их устах наша любовь выходит какой-то мишурной.— «Давеча была Emilie, мила, хороша, наша сестра, но я все более и более уверяюсь, что нет на свете существа, который бы постиг *вполне* нашу любовь. Боже мой, в какой мишурной одежде выходит она из их уст» (из письма Н. А. Захарьиной от 22 декабря 183? г., *Изд. Павл.*, стр.409).

Жаль Emilie — зачем она едет ∞ это зрелище еще лучше вида с Ельборуса.— 6—8 марта 1838 г. Н. А. Захарьина писала об Э. М. Аксберг: «Вчера Emilie сказала мне, что они поедут на Кавказ» (там же, стр. 504).

... за картинку, разумеется, благодари тогда, когда она напишет.— См. письмо 156 и комментарий к нему.

Я писал давно, что 9 апреля недостаточно... — В письме к Н. А. Захарьиной от 5—9 ноября 1837 г.

... отсутствие Мар⟨ьи⟩ Ст⟨епановны⟩? — Н. А. Захарьина сообщала в письме от 4—5 марта 1838 г., что М. С. Макашина «уехала к Троице» (*Изд. Павл.*, стр. 498).

Мне самому жаль, что я не видал Саши, вот ей особая записка.— Н. А. Захарьина писала 6—8 марта 1838 г. о Саше Вырлиной: «А бедная Саша, я не прощу себе того, что она не видала тебя, горько плачет, и я не могу утешить ее ничем. Отчего же она не пошла,— вот верх самоотвержения! Она не хотела и минуты возмутить из седьмого часа. А я хотела идти за ней, когда ты спросил ее, хотела — и не могла» (*Изд. Павл.*, стр. 506—507). Записка Герцена к Саше Вырлиной не сохранилась. Наталья Александровна писала 18 марта 1838 г.: «Что с Сашей — ты этого не можешь вообразить. Я дала ей твою записку,— не разберет ли она; надо было видеть, как изменялось ее лицо, и что с ней было. Верно, она то же будет чувствовать, умирая, потому что она с ее душою пойдет в рай.

Прочитав, она стала умолять, чтоб записку отдать ей; да кому же, ведь тебе и писана она? Мне кажется, она ничего не понимала, я никогда еще не видела ее в таком восторге» (там же, стр. 525).

Меня не удивило усердие Аркадия.— Наталья Александровна заметила в письме от 6—8 марта 1838 г. об официанте в доме кн. М. А. Хованской Аркадии, который принимал живейшее участие в устройстве свидания 3 марта 1838 г.: «Аркадий — это чудо. Я не ожидала от него столько» (там же, стр. 506).

... читала ли повесть? — Повесть «Елена» («Там»).

Ответ Н. А. Захарьиной от 17—19 марта 1838 г. — *Изд. Павл.*, стр. 523—527.

165. Н. А. ЗАХАРЬИНОЙ

Печатается по автографу (*ЛБ*). Впервые опубликовано: *Изд. Павл.*, стр. 518—520. На автографе помета Герцена: «242» и карандашная приписка Е. И. Герцена: «А вот что со мною сделалось, что Сережа затаскал меня почти всякий день в концерты, не исключая и сего дня, ибо уже присылал ко мне; дайте установиться этой суматохе и опять все будет по-прежнему, посылаю и письмо и 2 № Лит. Прибавлений».

Ответ на письмо Н. А. Захарьиной от 10—11 марта 1838 г. (*Изд. Павл.*, стр. 510—513).

Все твои советы д е л о в ы е, как разумеется, никуда не годны.— Герцен отвечает на следующий совет из письма Н. А. Захарьиной от 10—11 марта 1838 г.: «Послушай, *я научу тебя:* напиши ты пап⟨еньке⟩ в первом письме, чем хочет он подарить тебя 25-го марта, день твоего рожденья— жизнью или смертью, — что он тебе на это скажет. Праск⟨овья⟩ Андр⟨еевна⟩ говорит, что кн⟨ягиня⟩ узнает скоро, и пап⟨енька⟩ сказал, что меня не возьмет ни под каким видом; не думаю я, когда так, обратиться к нему с письмом, как ты писал прежде. Деться мне будет куда и без него, лишь бы выгнали, а то прощай письма, да меня, кажется, тогда за десять замков спрячут и никого не допустят» (*Изд. Павл.*, стр. 512).

... написал VIII главу в свою жизнь... — Глава называлась «Ландыш». О ее содержании и уцелевших фрагментах см. *ЛН*, т. 63, стр. 39—42, а также комментарий к письму 143.

Далее описана самая черная эпоха, от 9 июля 1834 до 20-го... — IX глава «О себе» («Ἀνάγκη») охватывает период от ареста Огарева до встречи Герцена с Н. А. Захарьиной и прогулки на Ваганьковском кладбище. Сохранился отрывок из этой главы, описывающий свидание 20 июля. См. *ЛН*, т. 63, стр. 42—44.

... о повести... — О повести «Елена» («Там»).

... з а ч е м знает Пр⟨асковья⟩ Андр⟨еевна⟩, и мам⟨еньке⟩ не следовало бы говорить... — По-видимому, отклик на следующее место из письма Н. А. Захарьиной от 10—11 марта 1838 г.: «Праск⟨овья⟩ Андр⟨еевна⟩ с величайшим участием говорит мне: „Ну что ж, он сделал лучше, и так рискуя?“ —„Ничего,— сказала я ей,— мы увидались только!“» (*Изд. Павл.*, стр. 511).

Ответ Н. А. Захарьиной от 19—22 марта 1838 г.— *Изд. Павл.*, стр. 527—530.

166. Н. А. ЗАХАРЬИНОЙ

Печатается по автографу (*ЛБ*). Впервые опубликовано: *Изд. Павл.*, стр. 520—522. На автографе помета Герцена: «243».

Ответ на письмо Н. А. Захарьиной от 12—13 марта 1838 г. (*Изд. Павл.*, стр. 513—515).

Ответ из Петерб⟨урга⟩ пришел: отказ... — Ответ министра внутренних дел Блудова на рапорт Герцена об отпуске в Москву на двадцать девять дней, поданный им 17 января 1838 г. владимирскому губернатору. Блудов известил об этом владимирского губернатора И. Э. Куруту 27 февраля 1838 г. См. «Труды Владимирской ученой архивной комиссии», кн. IV. Владимир, 1902, стр. 60—61.

... я написал 20 июля, ты похожа.— Отрывок из главы «Ἀνάγκη» повести «О себе». См. комментарий к письму 165.

Стихи твои, которые ты написала по заказу (года полтора тому назад)...— По-видимому, стихи Н. А. Захарьиной, присланные ею в письмах к Герцену от 17 сентября и 10 октября 1836 г. (*Изд. Павл.*, стр. 141, 153—154). Герцен в письме от 25—26 августа 1836 г. просил Н. А. Захарьину прислать ему ее стихи. Наталья Александровна отвечала 17 сентября 1836 г.: «Ты пеняешь, что я не присылаю тебе стихов моего сочинения. Если б они были, то, без сомнения, я присылала бы их тебе, но вот уже два года, как я не пишу стихов» (там же, стр. 141). И ниже добавила: «Но ты хочешь стихов, и я буду писать» (там же).

Напиши ∞ как в тебе началась образовываться дружба к брату, и почему тогда еще Emilie называла любовью ∞ Ты раз только вскользь упомянула — Н. А. Захарьина заметила в письме от 29 февраля — 1 марта 1836 г.: «Говорила мне Emilie, что это не дружба, а любовь...» (*Изд. Павл.*, стр. 70). Об этом же подробнее она писала 27 марта 1838 г., отвечая Герцену: «Emilie уехала из Москвы, мы переписывались, и вдруг, вообрази мое удивление: через короткое время она пишет мне на мое письмо: „Наташа, ты *любишь* Александра; я давно говорила, что твое чувство к нему выше дружбы,— теперь это ясно. Будь счастлива!“ Вот, думала я, дружба, вот друг, отчего ж я вообразила, что она понимает меня? И как она могла настолько пасть, чтоб мое чувство, эту высокую дружбу к брату, дружбу, из которой я не хочу ни капли уделить никому на свете, которой нет подобной на земле,— и она называет любовью? Какая глупость, я слыхала и читала о любви, насколько же выше мое чувство этой любви! ⟨...⟩ И вот я принялась всем на свете уверять ее, и доказывать *дружбу*. Не помогло! Иногда в утешенье мне напишет: „Да, верно“, потом опять любовь, потом уж и я сказала любовь!» (там же, стр. 539).

Писавши воспоминания о Кр⟨утицах⟩ и 1834... — Раздел «О себе», следующий за главой «Ἀνάγκη». Частью его является отрывок, печатаемый под названием «Часов в восемь навестил меня...» (I, 251—256). См. также *ЛН*, т. 63, стр. 44—47.

... «Из Наташи, брошенной людям под ноги, ты создал Наташу Александру».— Не совсем точная цитата из письма Н. А. Захарьиной от 24 ноября 1836 г.» (*Изд. Павл.*, стр. 184).

Что ты бранишься... — Распечатывая в сумерки письмо Герцена от 5—8 марта 1838 г., Н. А. Захарьина не заметила и выронила шнурок от медальона, который он ей послал. В своем ответе от 12—13 марта она выговаривала ему: «Неужели вынули на почте? Ты виноват, кто же так посылает ⟨...⟩ Как не стыдно тебе!» (там же, стр. 513). Шнурок вскоре был найден на полу.

... тебе п е р е д а л и трусость ∞ С чего вдруг начала ты так бояться приезда?— Н. А. Захарьина писала 13 марта 1838 г.: «Ты пишешь, не приехать ли 9-го апреля? *Нет*, решительно нет, и не думай,— я не хочу. Что ты это, Александр, можно ли еще подвергаться?!» (там же, стр. 514).

Еще выговор тебе за молитву в 7 часу...— Отклик на совет Натальи Александровны в письме от 12—13 марта: «...не вставай так рано ⟨...⟩ в самом деле, что такое в один час молиться ⟨...⟩ Я всегда с детства встаю

в этот час и иначе не могу, а тебе зачем переламывать себя...» (там же, стр. 514).

Повесть...— «Елена». См. комментарий к письму 150.

...мою жизнь...— «О себе».

Ответ Н. А. Захарьиной от 24—25, 26—29 марта 1838 г.— *Изд. Павл.*, стр. 530—533, 537—540.

167. Н. А. ЗАХАРЬИНОЙ

Печатается по автографу (*ЛБ*). Впервые опубликовано: *Л* II, 129—133. На автографе пометы Герцена: «245» и Н. А. Захарьиной: «30-е, середа».

Ответ на письмо Н. А. Захарьиной от 13—15 и 17—19 марта 1838 г. (*Изд. Павл.*, стр. 515—518, 523—527).

Кетчера за повесть винить нечего — я ее отдал Emilie вместе с письмом и с другой статьей.— Речь идет о «Елене» («Там») и статье «Мысль и откровение», переданных Герценом для Натальи Александровны. См. комментарий к письму 150.

...besa mano!— Торжественный обряд «целования руки».

... писала даже ко мне...— Письма Е. Г. Левашовой к Герцену до нас не дошли.

...«Моя жизнь» у тебя...— «Наконец Кетчер прислал мне „О себе“»,— сообщала Наталья Александровна 15 марта 1838 г. (*Изд. Павл.*, стр. 516).

...VIII глава «Ландыш», IX глава 'Ανάγκη ∞ VII «Студент»...—О месте этих глав в плане автобиографического произведения «О себе» и сохранившихся из них отрывках см. комментарий к письму 143.

Куда же это Emilie дела «Елену»? — Повесть «Елена» («Там») Э. М. Аксберг «держала у себя» (см. письмо Н. А. Захарьиной от 24—25 марта 1838 г., *Изд. Павл.*, стр. 532).

...и я чтоб сделал твой вопрос на 25...— См. об этом в комментарии к письму 165.

Не верь его вниманью...— Н. А. Захарьина писала 15 марта 1838 г.: «...папенька и Лев Алексеевич осыпают меня знаками внимания. Папенька на днях пишет: „Наташе мой поклон, я с удовольствием узнал, что она выздоровела, советую ей остерегаться холодной лестницы“. Ты не можешь вообразить, как меня обрадовали эти почти ничтожные строки, не хитрость же они, не лесть — нет, я верю, что он в самом деле (*для тебя*) радуется моему выздоровлению, это восхищает меня» (*Изд. Павл.*, стр. 516).

О портрете. Ввошел в резон ∞ я прежде не знал московского обыкновения рассчетать в 8 часов.— Наталья Александровна сообщала в письме от 13—15 марта 1838 г.: «Войди в резон: до 8-ми часов не совершенно рассвело, сидеть надо часа два, а только-то и можно до половины девятого» (там же, стр. 517).

На ленте не повешу его...— Посылая Герцену свою ленту, Н. А. Захарьина писала: «...на ней ты повесишь и портрет, это задаток» (письмо от 13—15 марта 1838 г., там же, стр. 517).

Ответ Н. А. Захарьиной от 30 марта — 2 апреля 1838 г.— *Изд. Павл.* стр. 542—548.

168. Н. А. ЗАХАРЬИНОЙ

Печатается по автографу (*ЛБ*). Впервые опубликовано: *Изд. Павл.*, стр. 533—537. На автографе помета Герцена: «248».

Продолжение ответа на письмо Н. А. Захарьиной от 17—19 марта, ответ на письмо от 19—22 марта 1838 г. (*Изд. Павл.*, стр. 523—527, 527—530).

...женщина развратная, облитая кровью Мессалина...— Слава сравнивается Герценом с женой римского императора Клавдия Мессалиной, известной жестокостью, властолюбием и распутством. В отсутствие мужа Мессалина вступила в брак с Гаем Силием, намереваясь провозгласить его императором. Была обезглавлена по приказу Клавдия.

...я тогда был влюблен!!— Речь идет о любви к Л. В. Пассек (см. письма 10, 15, 16, 20).

Несчастие ужасное потрясло меня.— Арест Огарева 9 июля 1834 г.

«Тогда склоню я голову на грудь твою ∞ принадлежать другому»...— Цитата из письма Герцена к Н. А. Захарьиной от 25 декабря 1835 г.(№ 52).

Пиши «ж и з н ь» письмами.— Н. А. Захарьина писала 22 марта 1838 г.: «Ты хочешь, чтоб и я написала мою жизнь и 9 апреля,— хорошо, я расскажу ее тебе в особых письмах» (*Изд. Павл.*, стр. 530). Рукопись автобиографии Н. А. Захарьиной не сохранилась. 25 марта 1838 г. она сообщала Герцену о своей работе над автобиографией: «Я написала свою жизнь до 7 года, до тех пор, как пап⟨енька⟩ поехал в Петербург, и она чрезвычайно тебе будет интересна, я очень ярко помню подробности московской жизни ⟨...⟩. Это первое письмо к тебе, потом Петерб⟨ург⟩— второе, потом опять Москва и уже это будет не письмо, а так, воспоминание, потому что ты ступил в душу мою, как только я ступила на порог ки⟨ягинино⟩ дома...» (*Изд. Павл.*, стр. 532). В письме от 27 марта 1838 г.: «Воспоминания мои теперь остановились на самой мрачной эпохе моей жизни,— смерть пап⟨еньки⟩ уже все прошедшее, но тяжело и прошедшее ⟨...⟩. Любимая, холеная, взлелеянная в оранжерее — вдруг на стужу и мороз ⟨...⟩. Но тяжело вспоминать, я многое пропущу, убавлю. Когда же дойдет до тебя,— ну, вообрази, с 26 года — все ты, ведь это невероятно. Ты подарил мне Свящ⟨енную⟩ ист⟨орию⟩ и написал на первом листе: „Милой сестрице Нат⟨алии⟩ Александровне в знак памяти дарит Ал⟨ександр⟩ Г⟨ерцен⟩ 1826 года, июля 16-го" ⟨...⟩. Потом Эзоповы басни — и там: „милой сестрице"» (там же, стр. 538). И, наконец, в письме от 31 марта 1838 г.: «Я написала свою московскую жизнь у пап⟨еньки⟩ и петерб⟨ургскую⟩ ⟨...⟩ Начальная жизнь у княг⟨ини⟩ так тяжела и утомительна до Emilie, что мне совестно *за них* и за всех писать ее, и тяжко за себя ⟨...⟩ А каково тебя писать, например, как ты был в 31 году у Татьяны Петровны на именинах...» (там же, стр. 545).

Более поздний план автобиографии, написанный Н. А. Захарьиной (Герцен), см. в *ЛН*, т. 63.

Дорогу в Царицыно найти не мудрено...— Обдумывая план свидания в Загорье, Н. А. Захарьина предлагала Герцену остановиться в селе Царицыно, близ Загорья (*Изд. Павл.*, стр. 528).

То, что ты пишешь о Т⟨атьяне⟩ П⟨етровне⟩ ∞ равнодушна была!!— Н. А. Захарьина вспоминала в письме от 17—19 марта 1838 г. о Т. П. Пассек: «...она в розовом платье, говорила о бессмертьи, о жизни необыкновенной. Мне тогда она казалась ангелом, тогда в ней так много было твоего, я 14 лет была в восторге и плакала, и желала тут же умереть, чтоб не жить обыкновенно ⟨...⟩ раз вечером ⟨...⟩ я бросилась к ней и говорю: „умремте, Татьяна Петровна". Она очень равнодушно посмотрела на меня и сказала, что не хочет умирать» (там же, стр. 526).

Ответ Н. А. Захарьиной от 30 марта — 2 апреля и 4—6 апреля 1838 г.— *Изд. Павл.*, стр. 542—548, 556—558.

169. Н. А. ЗАХАРЬИНОЙ.

Печатается по автографу (*ЛБ*). Впервые опубликовано: *Изд. Павл.*, стр. 540—542. На автографе помета Герцена: «250».

Ответ на письмо Н. А. Захарьиной от 24—25 марта 1838 г. (*Изд. Павл.*, стр. 530—533).

Итак ∞ *ты прочла «Елену». Да, это исповедь* ∞ *Впрочем, не все же факт в ней.*— О замысле повести «Елена» («Там»), отразившей отчасти отношения Герцена с П. П. Медведевой, см. письмо 75. Герцен отвечает в комментируемом письме на отзыв Н. А. Захарьиной о повести в ее письме от 24 марта 1838 г.: «Я читала „Там", как пришло письмо. Елена была в обмороке, вся душа болела, грудь точно пилили, в глазах темнело ⟨...⟩ Теперь окончила повесть. *Как* писано, я не беру на себя судить этого, решительно могу ошибиться, а что писано, то мое, и я верно вижу, так оно или нет. За что ты разлюбил эту повесть, не за сумасшествие ли князя? Много чувств волновало душу, не волновавшие прежде, при чтении этой повести. Ведь и она письмо же, только ты не писал ко мне такого письма ⟨...⟩ Когда княгиня просила примиренья Елены на ее могиле, я не выдержала, залилась слезами и бросилась на землю, я благодарила бога, что могу преклонить колена перед Еленой живой, просить у нее примиренья и руки. Ежели б я прежде читала эту повесть, может, совсем бы иначе написала письмо к Мед⟨ведевой⟩. Зачем она у моих ног? Я у ее. Елена, прости! Но знай, сколько я виновата перед тобой, столько же и он. Да, потому что мы одно, одно до рожденья и за могилой ⟨...⟩ Да зачем же князь сошел с ума? Как не спасли его молитвы ангела? И зачем ангел, сделавшись ближе к богу, перестал молиться о несчастном? Князь, видно, не любил ангела, *за то, что он не был ангел*, а то он не сошел бы с ума, а ангел все продолжал бы молиться. О, конец очень дурен...» (*Изд. Павл.*, стр. 531).

...вымарал ∞ *«через десять лет»...*— См. комментарий к письму 153.

...бродит и третья повесть...— Третья повесть из общего замысла, первыми частями которого были «Елена» («Там») и «Его превосходительство», не была написана.

...приезд на Святой...— Наталья Александровна в своем письме от 24—25 марта 1838 г. предлагала устроить свиданье «в четверг на Святой», 7 апреля, в Москве, в доме княгини Хованской.

...постороннего человека...— Очевидно, жандармского подполковника Жадовского, который изъявлял желание сопровождать Герцена в его поездке к родственникам и просил разрешения на это у начальства.

...одного генерала, живущего в Москве...— Имеется в виду граф Апраксин.

...ты немного сердишься на мою шутку о кокетстве...— Шутку Герцена о «кокетстве» см. в письме 166. «Я смеялась, читавши о своем кокетстве: пожалуй, тебе непременно хочется, чтоб совершенное забвение не только туалета, но и себя, называлось кокетством,— да будет! Я желаю всю жизнь так кокетничать»,— отвечала Наталья Александровна (*Изд. Павл.*, стр. 533).

...Герцену ∞ *нельзя ввойти с новым докладом»...*— Герцен, очевидно, по памяти цитирует ответ Д. Н. Блудова на рапорт об отпуске. В этом ответе говорилось: «...граф Александр Христофорович ⟨Бенкендорф⟩, имея в виду, что Герцену в недавнем времени оказана уже монаршая милость сближением его с родственниками, не находит с своей стороны возможным ходатайствовать ныне перед его императорским величеством об увольнении Герцена в отпуск в Москву» («Труды Владимирской ученой архивной комиссии», кн. IV, Владимир, 1902, стр. 61).

«И я полечу ждать тебя там».— Н. А. Захарьина писала 25 марта 1838 г.: «Тяжело, тяжело, но прочти те письма мои, где я говорю, что желаю только взглянуть на тебя. Да, и не довольно ли? Скажи довольно, и я не буду здесь ничего более ждать, я полечу туда ждать тебя» (*Изд. Павл.*, стр. 533).

...мое письмо от моих именин 1837 года...— Письмо от 23—30 ноября 1837 г. (см. стр. 235—238 наст. тома).

...прежде ответа от меня не переходи к княгине...— Предлагая устроить свидание 7 апреля 1838 г., Н. А. Захарьина сообщала Герцену, что она будет спать в спальне княгини Хованской, откуда удобнее уйти незамеченной.

Ответ Н. А. Захарьиной от 4—6 апреля 1838 г.— *Изд. Павл.*, стр. 556—558.

170. Н. А. ЗАХАРЬИНОЙ

Печатается по автографу (*ЛБ*). Впервые опубликовано: *Изд. Павл.*, стр. 548—558. На автографе пометы Герцена: «252» и Н. А. Захарьиной: «9-е апреля!»

Ответ на письмо Н. А. Захарьиной от 26—29 марта 1838 г. (*Изд. Павл.*, стр. 537—540).

Повма моя «О себе» оканчивается. Дальше 9 апреля она не должна идти.— В январе 1839 г. Герцен возобновил работу над повестью «О себе». Вторая ее часть должна была включать и вятский период его жизни. См. комментарий к письму 143.

В IX главе описана студентская оргия и прогулка...— См. об этом подробно в комментарии к письму 143.

Это будет твоя любимая статья, пишешь ты...— Н. А. Захарьина писала 15 марта 1838 г.: «...любимое мое из всего, писанного тобою, будет твоя жизнь», т. е. повесть «О себе» (*Изд. Павл.*, стр. 516).

20 июля я тебя заставил говорить ∞ мысли и даже выраженья взяты из твоих писем...— Герцен имеет в виду главу «Ἀνάγκη» повести «О себе» (см. *ЛН*, т. 63, стр. 42—44).

...священника.— И. Остроумова.

...«Да и будет ли будущее?» — Н. А. Захарьина заметила в письме от 24—25 марта 1838 г.: «...будущего я вовсе не понимаю, не знаю даже, будет ли оно — а только, что будет святая неделя и Загорье. Пиши же наверное, когда приедешь» (*Изд. Павл.*, стр. 532).

Сегодня три года, как читали сентенцию. — Чтение приговора происходило 31 марта 1835 г.

Напиши к Ал⟨ексею⟩ Ал⟨ександровичу⟩ письмо о твоих деньгах...— О приданом Н. А. Захарьиной — десяти тысячах рублей, находившихся у А. А. Яковлева («Химика»). См. письмо 171.

...ты отрекаешься от своих талантов...— «У меня никаких нет талантов ⟨...⟩ может, было бы много, но их задушили при самом рождении» (из письма Н. А. Захарьиной от 26—29 марта 1838 г., *Изд. Павл.*, стр. 540).

Напиши, есть ли письмо от 22.— Письмо Герцена от 20—22 марта 1838 г. было получено Н. А. Захарьиной 30 марта (см. ее письмо от 30 марта — 2 апреля 1838 г., там же, стр. 542).

...ты слишком поторопилась перейти к княгине...— Н. А. Захарьина сообщала в письме от 26—29 марта: «Как ты получишь это письмо в Светлое воскресенье, подумай, что я уже ночую внизу» (там же, стр. 540).

...я писал, что время отъевда не от меня зависит...— В письме от 27—29 марта 1838 г.

...то лицо, с которым я бы поехал...— Герцен имеет в виду подполковника Жадовского. См. выше комментарий к письму 169.

Ты писала мне два года тому назад ∞ толпа встречает праздник.— По-видимому, подразумеваются слова Н. А. Захарьиной из письма от 22—31 декабря 1836 г., написанные перед праздником рождества: «Сегодня сочельник, суета, усталь, пыль и голод,— я ни в чем не участница!» (*Изд. Павл.*, стр. 201).

...переписана тетрадь «О себе» и кончена почти, недостает двух отделений: «Университет» и «Молодежь».— О главе «Университет» см. комментарий к письму 143. Материал главы «Молодежь», как предполагает А. Н. Дубовиков, возможно, вошел в главы «Университет» и «Холера», так как в письме Герцена к Н. И. Астракову от 14 января 1839 г., где говорится о работе над завершением «О себе», она уже не упоминается (см. *ЛН*, т. 63, стр. 28). Однако все же нет твердых оснований считать, что глава «Молодежь» не сохраняла своего самостоятельного значения.

Крутицы, сентенция и 9 апреля — все есть...— К этим страницам повести «О себе» относится фрагмент ‹«Часов в восемь навестил меня»› (I, 251—256). См. также *ЛН*, т. 63, стр. 28.

...твоих замечаний о дурной дороге...— 27 марта 1838 г. Наталья Александровна писала: «Какая дурная погода...» (*Изд. Павл.*, стр. 539). 29 марта она добавила: «И жду Святую, и оттолкнула бы ее подальше, подальше в весну, чтоб тебе хорошо было ехать ко мне» (там же, стр. 540).

Едет ли Emilie на Кавказ? — Наталья Александровна отвечала 11 апреля: «Emilie на Кавказ не так скоро едет, но этим летом она хочет непременно сперва проводить меня к тебе» (там же, стр. 564).

...месяц тому назад в этот час ты склоняла голову к моей груди...— Во время свидания в Москве 3 марта 1838 г.

Три года тому назад ∞ Огарев и поехал.—7 апреля 1835 г. (в день праздника Пасхи) Огарев был отправлен в ссылку. На этот день, очевидно, была назначена отправка и Герцена, затем перенесенная на 10 апреля.

...Мария...— М. Л. Огарева.

Полковник, который хотел меня привезти...— Подполковник Жадовский.

Ответ Н. А. Захарьиной от 9—11 апреля 1838 г.— *Изд. Павл.*, стр. 563—567.

171. Н. А. ЗАХАРЬИНОЙ

Печатается по автографу (*ЛБ*). Впервые опубликовано: *Изд. Павл.*, стр. 553—556. На автографе помета Герцена: «253».

Ответ на письмо Н. А. Захарьиной от 30 марта — 2 апреля 1838 г. (*Изд. Павл.*, стр. 542—548).

«Светлое воскресенье было темно для меня»...— Из письма Н. А. Захарьиной от 7—8 апреля 1837 г. (*Изд. Павл.*, стр. 266).

...хлопотать о Саше...— Об освобождении Саши Вырлиной от крепостной зависимости.

Насчет денег Мед‹ведевой› мысль хороша...— Н. А. Захарьина предлагала в письме от 31 марта 1838 г. отдать 10 тысяч рублей, находившихся у А. А. Яковлева и предназначенных ей в приданое, детям П. П. Медведевой.

«Об Левашовой не знаю, узнаю».— Цитата из письма Натальи Александровны от 31 марта 1838 г.— отклик на вопрос Герцена о Левашовой в письме от 20 марта (наст. том, стр. 332).

Тетрадку о 20 июле...— Наталья Александровна писала 31 марта 1838 г.: «И 20-е июля у меня твердо, как „Отче наш". Я его описала, как еще ты был в Кр‹утицах›, и отдала эту тетрадку, постараюсь достать, мне самой интересно видеть себя между 20 июля и 9 апреля» (*Изд. Павл.*, стр. 544).

Что ты в последнем письме пишешь ∞ переписывать дрянь, т. е. ее сочинения.— Н. А. Захарьина писала о Т. П. Пассек: «Она ‹...› лишала многого, диктуя ‹...› все время свои сочинения, и сто раз переписывая их» (там же, стр. 545).

Пиши же к А‹лексею› А‹лександровичу›.— О деньгах, предназначенных в приданое (см. выше).

...26 августа...— Именины Н. А. Захарьиной.

...(не хочешь сонный портрет)...— Н. А. Захарьина спрашивала в своем письме: «...мне легко встать в 5 часов, но что же сонную напишут меня...» (*Изд. Павл.*, стр. 545).

Посылаю твою любимую записку...— Письмо от 10 апреля 1835 г. (№ 33).

...каково было свиданье с пап⟨енькой⟩? — Встреча Н. А. Захарьиной с И. А. Яковлевым состоялась 4 апреля 1838 г. См. комментарий к письму 172.

...веселиться — под Новинским. — См. описание этого гулянья в повести «О себе» (*ЛН*, т. 63, стр. 20—22).

Ответ Н. А. Захарьиной от 15 апреля 1838 г.— *Изд. Павл.*, стр. 568—569.

172. Н. А. ЗАХАРЬИНОЙ

Печатается по автографу (*ЛБ*). Впервые опубликовано: *Изд. Павл.*, стр. 559—562. На автографе помета Герцена: «256».

Продолжение ответа на письмо Н. А. Захарьиной от 30 марта — 2 апреля 1838 г. и ответ на письмо от 4—6 апреля (*Изд. Павл.*, стр. 542—548, 556—558).

...до Петровского поста.— Петровский пост, во время которого, по законам православной церкви, нельзя было венчаться, продолжался от конца мая до 29 июня.

Твои прелестные письма от праздника.— Пасха началась в ночь на 3 апреля 1838 г. Имеются в виду письма Натальи Александровны от 30 марта — 2 апреля и 4—6 апреля 1838 г. (*Изд. Павл.*, стр. 542—548, 556—558).

...Тверской бульвар и тот дом,— наш дом.— Дом № 25 по Тверскому бульвару (Москва), в котором родились Герцен и Наталья Александровна. Наталья Александровна писала 4 апреля 1838 г.: «Александр, приходило тебе когда в голову это? — Вообрази, мой друг, мы родились с тобой в одном доме, в одной церкви, говорят, крещены, может, в одной купели» (там же, стр. 556). 1 апреля она писала: «Удивительно, Александр, посмотри, как все связывало нас даже с самого раннего детства, только мы не замечали этих связей: Василий Вас⟨ильевич⟩ учил тебя и меня, тогда мне был 9-й год; он всегда приносил от тебя поклоны и рассказывал о тебе» (там же, стр. 545).

Свиданье твое с папенькой ∞ ты поверила ласковому слову...— Свидание состоялось 4 апреля 1838 г. «Я стояла перед папенькой и для тебя неудивительно с необыкновенным спокойствием ⟨...⟩ никогда так ласково, никогда с такою приятностью не принимал меня. Не вини его, не виноват он, в нем борется *отец* с *Иваном Алексеевичем* — ясное доказательство. Отец *не запрещает, благословляет*, он радуется счастью сына,— эта радость сияла давеча в его лице. Иван же Алексеевич не может согласиться, потому, что он член света, а свет наполнен приличиями», — писала Наталья Александровна (там же, стр. 557).

Полковник не приезжал.— Подполковник Жадовский.

Сбылось твое предчувствие в первый праздник.— Свидание Н. А. Захарьиной и Герцена 9 апреля 1835 г. произошло в пасхальные дни (первый христианский праздник). О своем предчувствии будущего соединенья, которое она испытала тогда, Наталья Александровна писала Герцену 29 февраля 1836 г. (*Изд. Павл.*, стр. 70).

Ответ Н. А. Захарьиной от 15 апреля 1838 г.— *Изд. Павл.*, стр. 568—569.

173. А. Л. ВИТБЕРГУ

Печатается по автографу (*ПД*). Впервые опубликовано (без приписки на немецком языке): *РС*, 1876, № 10, стр. 279—280; приписка впервые воспроизведена: *Л* XXII, 12. Датируется на основании пометы А. Л. Витберга на автографе: «В письме Эрна от 7 апреля».

...священник-поэт...— И. Остроумов.

...я виделся с Наташей...— 3 марта 1838 г. в Москве.

174. Н. А. ЗАХАРЬИНОЙ

Печатается по автографу (*ЛБ*). Впервые опубликовано: *Изд. Павл.*, стр. 567—568. На автографе помета Герцена: «258».

Ответ на письмо Н. А. Захарьиной от 6—9 апреля 1838 г. (*Изд. Павл.*, стр. 558—559).

...день мрачных воспоминаний...— 10 апреля 1835 г. Герцен был отправлен в ссылку.

...сегодня три года, как я был проездом в том же Владимире.— Направляясь в Вятку — 11 апреля 1835 г.

Честь имею поздравить ∽ милостью царской, оказанной дядюшке Льву Ал⟨ексеевичу⟩.— Л. А. Яковлев 2 апреля 1838 г. был произведен в действительные тайные советники.

...«что его можно перенести».— Н. А. Захарьина писала 6 апреля 1838 г.: «Целое утро взор утомился бесцветными, безжизненными предметами, слух — безжизненными, бессмысленными речами, душа — ожиданием письма. Положение это больше дремоты, но менее жизни; или восторг или страдание вырывают меня из этой духоты и ставят или с сладкою слезою или с горькою ⟨...⟩ рядом с тобою, Александр, а тут... Ну, словом, положение это утомительно, несносно именно тем, что его можно перенести» (*Изд. Павл.*, стр. 558).

Лучше было бы не откладывать до июля...— См. письмо 172.

Ответ Н. А. Захарьиной от 15 апреля 1838 г.— *Изд. Павл.*, стр. 568—569.

175. Н. А. ЗАХАРЬИНОЙ

Печатается по автографу (*ЛБ*). Впервые опубликовано: *Изд. Павл.*, стр. 569. На автографе помета Герцена: «[259] 260».

...сию минуту приехал...— Герцен приехал в Москву по паспорту отставного поручика Богданова для свидания с Н. А. Захарьиной, которое состоялось 17 и 18 апреля 1838 г. Перед его приездом в доме княгини Хованской произошли важные события. У княгини было твердое намерение выдать Н. А. Захарьину за А. О. Миницкого. Однако Л. А. Яковлев не поддержал ее. Он рассказал о любви Герцена к Наталье Александровне и о невозможности противиться их браку.

...там же.— Свидание 3 марта также было в доме княгини М. А. Хованской.

176. Н. А. ЗАХАРЬИНОЙ

Печатается по автографу (*ЛБ*). Впервые опубликовано: *Изд. Павл.*, стр. 574—575. На автографе помета Герцена: «265».

Ответ на письма Н. А. Захарьиной от 15, 17 апреля, вторая часть — на письма, датированные 19 и 19 в ночь на 20 апреля 1838 г. (*Изд. Павл.*, стр. 568—569, 570—571).

...я сейчас воротился...— Из Москвы во Владимир.

...каким образом ты хочешь одна приехать сюда...— 17 апреля Наталья Александровна писала: «Жди меня во Владимире. Лишь достань свидетельство» (*Изд. Павл.*, стр. 570).

Боже, что-то у вас было.— Княгиня Хованская намеревалась отправить Н. А. Захарьину в дом И. А. Яковлева. Последний предлагал устроить ее в пансион. На семейном совете, который произошел 19 апреля, решено было ждать возвращения Герцена.

...прелестны были два мига в два утра...— Герцен пишет о свиданиях 17 и 18 апреля.

...Тат⟨ьяну⟩ Алекс⟨еевну⟩, когда она была у тебя.— Т. А. Астракова по поручению Герцена ездила 18 апреля 1838 г. в дом княгини Хованской, чтобы увезти к себе Наталью Александровну. Наталья Александровна писала 20 апреля 1838 г.: «Да что ж я ни слова до сих пор о Астраковой — она дивная! Как свободно и торжественно сказала она: „Я приехала за Нат⟨алией⟩ Ал⟨ександровной⟩". Как *они* струсили,— все, все чудесно, превосходно, достойно и кисти, и пера художника, и нашего воспоминанья» (*Изд. Павл.*, стр. 572). Подробности этого визита см. также в воспоминаниях Т. А. Астраковой, приведенных на основе ее записок в мемуарах Т. П. Пассек (*Пассек*, II, стр. 88—93).

...письмо ∞ не достигло цели ∞ тогда бы ты поехала, по-моему...— Несохранившееся письмо к кн. Хованской, написанное Герценом от имени А. А. Яковлева. Обстоятельства посещения Т. А. Астраковой дома княгини сложились так, что письмо не было вручено. Герцен предполагал, что княгиня, ознакомившись с письмом, прикажет Н. А. Захарьиной покинуть ее дом.

Вот твои письма, писанные карандашом; 17-го ты писала «да мимоидет меня чаша сия»...— Карандашом были написаны письма от 15 апреля, 17 апреля (три листа карандашом, один чернилами). Цитируемых Герценом слов в тексте письма от 17 апреля нет. Это письмо написано на маленьких листочках, и не исключена возможность, что один из них утерян.

Никак не евди ∞ без свидетельства.— Свидетельство о рождении и вероисповедании Н. А. Захарьиной было получено друзьями в Москве, о чем она сообщила Герцену 6 мая 1838 г. (*Изд. Павл.*, стр. 588).

Ко Льву Алексеевичу писал, к Ал⟨ексею⟩ Ал⟨ександровичу⟩ тоже.— Письма не сохранились.

Из всех предложений худшее — переехать к Вас⟨илию⟩ Абрам⟨овичу⟩...—Н. А. Захарьина сообщала Герцену, что Л. А. Яковлев советовал отдать ее к Насакиным.

В письме к папеньке ∞ записку к тебе...— Письмо и записка не сохранились.

Что за мысль отложить до июля?— В письмах к Герцену от 15 и 19 — в ночь на 20 апреля Н. А. Захарьина допускала, что их свиданье возможно «после поста» (*Изд. Павл.*, стр. 569—571), т. е. после окончания Петровского поста (29 июня).

Вакханалия...— Сохранившийся отрывок повести «О себе» (I, 170—182). См. о нем в комментарии к письму 143.

Ответ Н. А. Захарьиной от 27—30 апреля 1838 г.— *Изд. Павл.*, стр 579—582.

177. Н. А. ЗАХАРЬИНОЙ и Э. М АКСБЕРГ

Печатается по втографу (*ЛБ*). Впервые опубликовано: *Изд. Павл.*, стр. 576—578.

Часть письма от 25 и 26 апреля — ответ на письмо Н. А. Захарьиной от 20—21 апреля 1838 г.— *Изд. Павл.*, стр. 571—574.

... письмо, посланное через папеньку... — Письмо неизвестно. См. о нем в письме 176, стр. 362.

...Лев Алексеевич уже доказал, что страдания наши тронули его.— См. комментарий к письму 175.

...отставной поручик Богданов...— Сам Герцен, приезжавший в Москву с паспортом поручика Богданова.

Я тебе писал как-то, что после 3 марта мы можем вынести ужасные несчастия, но не разлуку...— Возможно, речь идет о письме от 11 марта 1838 г. (наст. том, стр. 323—324) или 31 марта (наст. том, стр. 343).

Цветы — опять тоже симпатия.— В письме от 20—21 апреля 1838 г. Н. А. Захарьина заметила: «Верно у тебя нет цветов,— так чтоб были к моему приезду...» (*Изд. Павл.*, стр. 573).

Ответ Н. А. Захарьиной от 27—30 апреля, а также от 1—4 мая 1838 г.— *Изд. Павл.*, стр. 579—582, 584—585.

178. Н. А. ЗАХАРЬИНОЙ и Э. М. АКСБЕРГ

Печатается по автографу (*ЛБ*). Впервые опубликовано: *Изд. Павл.*, стр. 582—584. Незаконченность фразы «Я просил ∞ тайно» (стр. 368, строка 3) объясняется или перебивкой в изложении, или тем, что до нас не дошла часть письма (этой фразой кончается лист). На обороте л. 2 помета Герцена: «268».

...падет черная завеса...— Т. е. начнется Петровский пост (см. комментарий к письму 172).

...книгу, которую я оставил ∞ черная и белая. —Вторая часть рукописи «О себе» была привезена Герценом в Москву 16 апреля 1838 г. Включала, помимо «вакханалии», главы «Ландыш», «Ἀνάγκη», а также рассказ о пребывании в Крутицах и прощании с Натальей Александровной перед ссылкой (см. *ЛН*, т. 63, стр. 26—47).

Да что ты теперь так трусишь, требуй себе права писать...— Свое положение после сватовства А. О. Мишицкого Н. А. Захарьина сравнивала с тюрьмой: «...на мне повторяются Крутицы», «До 10 часов вечера я без огня...» (письмо от 20—21 апреля 1838 г.—*Изд. Павл.*, стр. 571,573).

Это письмо доставит Матвей, т. е. настоящий.— 3 марта 1838 г. Герцен приезжал в Москву по паспорту Матвея.

Возьми же сестру Emilie.— Н. А. Захарьина была против поездки с ней во Владимир Э. М. Аксберг: «Неожиданный отъезд ее наделает бездну нелепых толков. Подвергать ее этому — непростительно...» (*Изд. Павл.*, стр. 580).

Ответ Н. А. Захарьиной от 1—3 мая 1838 г.—*Изд. Павл.*,стр. 584—585.

179. Н. Х. КЕТЧЕРУ и Н. И. АСТРАКОВУ

Печатается по фотокопии с автографа; хранящегося в Колумбийском университете (Нью-Йорк). Впервые опубликовано: *НПГ*, стр. 16—18.

В автографе, перед словами: «препятствий не имеет» (стр. 370, строка 6 снизу)— зачеркнуто: «никаких».

Письмо Н. Х. Кетчера, на которое отвечает Герцен, неизвестно.

...покуда не узнали здесь открытие твоего брата...— Брат Кетчера, по шутливому выражению Герцена, «спасал собак», отравленных синильной кислотой (см. письмо 10 в т. XXII наст. изд.).

...Grâce, grâce! — См. комментарий к письму 131.

Я просил архиерея...— О своих переговорах с архиепископом владимирским и суздальским Парфением (П. В. Чертковым), «умным, суровым и грубым стариком», по поводу предстоящего брака с Натальей Александровной Герцен рассказал в «Былом и думах» (VIII, 371—373). См. также письмо 184.

180. Н. А. ЗАХАРЬИНОЙ

Печатается по автографу (*ЛБ*). Впервые опубликовано: *Изд. Павл.*, стр. 585—587.

Ответ на письмо Н. А. Захарьиной от 27—30 апреля 1838 г. (*Изд. Павл.*, стр. 579—582).

...мою первую фразу: «*Голубь привязан к ракете*» ∞ *не боялась и тогда.*— Фраза, сказанная Герценом во время свидания с Н. А. Захарьиной 9 апреля 1835 г. См. письмо 33 и комментарий к нему.

...ты испугалась бешеного языка моего.— В письме от 23—26 апреля 1838 г. (№ 177).

...«как приговоренная к смерти»...— Н. А. Захарьина писала 27 апреля 1838 г.: «Наружно я похожа на расслабленную, а посмотри на жизнь внутри,— жизнь, обнимающую мою душу, едва вмещающуюся в груди. Беспрестанно пересылаемся с Emilie, сотни хлопочут за нас из всех сил, ты тоже не сидишь, сложа руки, одна я, как *приговоренная к смерти...*» (*Изд. Павл.*, стр. 580).

181. Н. А. ЗАХАРЬИНОЙ

Печатается по автографу (*ЛБ*). Впервые опубликовано: *Изд. Павл.*, стр. 587—588. На л. 1 автографа помета Герцена: «Мая 1838»; на обороте его помета: «(271) CCLXXI» и Н. А. Захарьиной: «получила во Владимире 9-го мая». Возможно, что именно в этот день, прежде чем отдать письмо Наталье Александровне, на л. 2, оставшемся незаполненным, Герцен сделал надпись: «Конец переписке».

Ответ на письмо Н. А. Захарьиной от 1—4 мая 1838 г. (*Изд. Павл.*, стр. 584—585).

...не брани.— Отвечая на письмо Герцена от 23—26 апреля, Наталья Александровна писала 1 мая: «Твое письмо поразило меня, взволновало ужасно, заставило страдать, отняло покой... я не прощаю тебе этой любви!» (*Изд. Павл.*, стр. 585).

Деньги из Вятки еще получил...— См. об этом в письме 188, стр. 380.

182. Н. И. и Т. А. АСТРАКОВЫМ и Н. Х. КЕТЧЕРУ

Печатается по фотокопии с автографа, хранящегося в Колумбийском университете (Нью-Йорк). Впервые опубликовано: *НПГ*, стр. 18—19. На автографе позднейшая помета Т. А. Астраковой: «1838. Мая (должно быть 10-го)». Вероятно, записка написана на следующий день после венчания.

В автографе, после слов: «ибо пока деньги есть» (стр 374, строка 6 снизу) — зачеркнуто: «напишите и»

...мы соединены... — Герцен обвенчался с Н. А. Захарьиной 9 мая 1838 г. Подробности об этом дне рассказаны в главе XXIII части третьей «Былого и дум» — «Третье марта и девятое мая 1838 года» (VIII, 361—379).

183. А. Л. ВИТБЕРГУ

Печатается по автографу (*ПД*). Впервые опубликовано, без заключительной части: *РС*, 1876, № 10, стр. 280; полностью: *Л* XXII, 12. Приписка Н. А. Герцен напечатана вместе с письмом Герцена: *Л* XXII, 13. На письме помета А. Л. Витберга: «Ответствовано 24 мая».

Ответ А. Л. Витберга от 24 мая 1838 г.— *ЛН*, т. 41-42, стр. 483—484.

184. Н. И. АСТРАКОВУ

Печатается по фотокопии с автографа, хранящегося в Колумбийском университете (Нью-Йорк). Впервые опубликовано: *НПГ*, стр. 19—20.

...с 8-го числа продолжается один восторг святой...— 8 мая Герцен приехал в Москву за Натальей Александровной и увез ее во Владимир.

Все в Москве идет лучше, нежели мы думали...— Герцен имеет в виду впечатление, произведенное на его отца известием о женитьбе на Наталье Александровне.

Саз⟨онов⟩ хочет посетить меня...— Поездка Н. И. Сазонова во Владимир к Герцену не состоялась. Вскоре отношения между Герценом и Сазоновым резко ухудшились, вследствие бестактности, допущенной Сазоновым. См. письмо 205.

Архиерей будет писать в Москву...— Архиепископ Парфений был лично знаком с княгиней М. А. Хованской и, возможно, с отцом Герцена, которого он, вероятно, намерен был убедить в необходимости простить сына за его самовольный брак. Письма Парфения о женитьбе Герцена остаются неизвестными.

185. А. Г. КЛИЕНТОВОЙ

Печатается по автографу (*ЛБ*). Впервые опубликовано: *РС*, 1892, № 3, стр. 783.

186. Н. И. АСТРАКОВУ

Печатается по фотокопии с автографа, хранящегося в Колумбийском университете (Нью-Йорк). Впервые опубликовано: *НПГ*, стр. 21—22, вместе с письмом Н. А. Герцен к Т. А. Астраковой.

Письмо Н. И. и Т. А. Астраковых, на которое отвечают Н. А. и А. И. Герцены, неизвестно, как и ответное письмо Астраковых.

187. А. Л. ВИТБЕРГУ

Печатается по автографу (*ПД*). Впервые опубликовано: *РС*, 1876, № 10, стр. 282—283. Датируется на основании содержания, близкого к содержанию писем 184 и 186.

Василий Андреевич Жуковский не забыл встречи с вами...— А. Л. Витберг встречался с Жуковским в мае 1837 г., когда тот приезжал в Вятку.

...храм будет не ваш...— См. комментарий к письму 154.

188. А. Л. и А. В. ВИТБЕРГАМ

Печатается по автографу (*ПД*). Впервые опубликовано (с пропуском): *РС*, 1876, № 10, стр. 280—282; полностью: *Л* XXII, 13—15.

Ответ на письмо А. Л. Витберга от 24 мая 1838 г., с приписками А. В. и В. А. Витберг (*ЛН*, т. 41-42, стр. 483—484).

...священник дивный... — И. Остроумов.

...о Викторе...— Сын А. Л. Витберга. В приписке к письму от 24 мая А. В. Витберг сообщала, что Виктор опасно болен.

Laqus proponticus. — В автографе здесь чернильное пятно, обусловившее приписку: «Извините. Laqus proponticus т. е. море Пропонтидское (laqus — описка вместо lacus— лат.) Пропонтидой (преддверие моря, подразумевается—Черного) называли в древней Греции Мраморное море.

189. Н. И. АСТРАКОВУ

Печатается по фотокопии с автографа, хранящегося в Колумбийском университете (Нью-Йорк). Впервые опубликовано: *НПГ*, стр. 22—23.

Письмо Н. И. и Т. А. Астраковых, на которое отвечают А. И. и Н. А. Герцены, неизвестно.

Записывать моменты двойной жизни.— По-видимому, отклик на совет Астракова записывать события своей жизни после женитьбы.

...до нового получения должен приостановиться.— В ответ на извещение Герцена о своей женитьбе И. А. Яковлев объявил ему, что к прежнему «окладу», т. е. тысяче рублей серебром в год, он не прибавит ни копейки. Цитируя в «Былом и думах» это письмо отца, Герцен отмечал: «А куда как надобно было прибавить! Деньги, которые я занял, выходили. У нас не было ничего, да ведь решительно ничего: ни одежды, ни белья, ни посуды. Мы сидели под арестом в маленькой квартире, потому что не в чем было выйти 〈...〉 Так бедствовали мы и пробивались с год времени» (VIII, 376—377).

...и моя книга.— См. комментарий к письму 178.

Я писал с папенък〈иным〉 мужиком к тебе записку...— Эта записка Герцена остается неизвестной.

...рыцарь-папенька? — Н. Х. Кетчер.

«Revue de Paris» ∞ Читал ли он в этом журнале «Mauprat» — George Sand? — Роман Жорж Санд «Мопра» был напечатан не в «Revue de Paris», а в «Revue des Deux Mondes» (апрель—июнь 1837 г.). См. письмо 190.

Мне чрезвычайно нравится Patience, и ему, д у м а ю, тоже.— «Деревенский философ» папаша Пасьянс характеризовался в романе «Мопра» как «существо в высшей степени созерцательное, беспечное и кроткое, но гордое и одержимое дикарской страстью к независимости 〈...〉 Нравственная нетерпимость его проявлялась иной раз в желчных выходках, и речи его наводили грусть или пугали людей с нечистой совестью». Герцен прямо утверждал в своем автобиографическом произведении «О себе», что «барон», т. е. Кетчер, «похож и на bonhomme Patience Жорж Санда и на самого Карла Занда» (I, 171). См. также в письме к Н. П. Огареву от 14 ноября 1839 г. утверждение, что в Кетчере «много поэзии du bonhomme Patience».

190. Н. И. АСТРАКОВУ

Печатается по фотокопии с автографа, хранящегося в Колумбийском университете (Нью-Йорк). Впервые опубликовано: *НПГ*, стр. 23—24.

...Полуденский не откажется попросить отца.— Отец А. П. Полуденского (будущего мужа сестры Н. И. Сазонова), сенатор П. С. Полуденский, являлся, как и Л. А. Яковлев, одним из почетных опекунов Московского воспитательного дома.

...просьба вдовы Медведевой...— П. П. Медведева после безуспешных попыток устроить своих детей на казенный счет в привилегированные учебные заведения решилась, как видно из комментируемого письма, отдать их в Воспитательный дом, в отделение для детей низших чиновников. См. письмо 201.

...Барон? Грозный могиканин степей Сокольницких.— Н. Х. Кетчер жил в это время на окраине Москвы — в Сокольниках. Герцен шутливо сравнивает его с главным героем романа Фенимора Купера «Последний из могикан» (1826).

Я писал тебе прошлый раз ∞ журнал «Revue de Paris»...— См. письмо 189.

...Наташа ее видела раз глазами...— См. комментарий к письму 176.

191. А. Л. ВИТБЕРГУ

Печатается впервые, по автографу (*ПД*). Приписка к письму Н. А. Герцен, в котором она, отвечая на письмо Витбергов от 24 мая 1838 г. (см. комментарий к письму 188), благодарила их за поздравления с 9 мая. «Но еще есть место в груди желанию огромному — это видеть вас, обнять вас, принять от вас благословение. Теперь вы порадуетесь вполне, соединение наше не только папеньке, но и никому не принесло ни малейшего оскорбления, да и могло ли быть иначе?» — писала она, обращаясь к А. Л. Витбергу.

192. А. Л. ВИТБЕРГУ

Печатается по автографу (*ПД*). Впервые опубликовано, с пропуском: *РС*, 1876, № 10, стр. 283—284; полностью: *Л* XXII, 16—17.

Вас удивят приложенные 1000 рублей ∞ принадлежат одному человеку...— Деньги, посланные Витбергу, принадлежали, очевидно, Н. П. Огареву (см. письмо 121).

...А⟨вдотья⟩ В⟨икторовна⟩ едет в Петербург.— А. В. Витберг выехала из Вятки в Петербург 16 июля 1838 г. для лечения и для хлопот о возвращении Витберга из ссылки.

...В⟨ера⟩ Ал⟨ександровна⟩ получила 300 душ.— Слух о получении наследства не подтвердился.

Наследник со свитой в чужих краях, то же и государь.— Лето 1838 г. Николай I с семьей провел в Германии, вернувшись в Россию лишь в сентябре. Наследник в это время был в Швеции, Германии, Италии.

...т о м у ж е л и ц у...— Герцен имеет в виду Пузыревского. См. комментарий к письму 154.

Читали ли вы речь Филарета...— 20 июня 1838 г. в торжественной обстановке, в присутствии митрополита и генерал-губернатора, была снята закладка на Воробьевых горах. По этому поводу митрополит Филарет выступил с проповедью, которая была напечатана под заглавием «Беседа пред пренесением памятников прежнего заложения храма Христа Спасителя, для приготовления к заложению оного на новом месте» («Московские ведомости» от 2 июля 1838 г., № 53). В речи Филарета содержался резкий выпад против Витберга и его отвергнутого проекта.

На днях я еду в деревню и пробуду недели две...— Во второй половине июля Герцен вместе с Натальей Александровной уехал из Владимира в село Покровское (в 50 км от Москвы), для свидания с отцом. Поездка состоялась с разрешения владимирского губернатора Куруты, который взял с Герцена слово, что он не будет заезжать в Москву.

В Москве многие хлопотали и хлопочут об детях Прасковьи Петровны.— См. письмо 190.

Что новый губернатор? Что Величка... — Указом от 27 февраля 1838 г. из Симбирска в Вятку был переведен губернатор И. П. Хомутов. В письме от 26 июля 1838 г. Витберг отвечал: «Величко с женою своею разъезжает по уездам теперь; поехал вскоре после свадьбы. Губернатор тоже поехал».

Ответ А. Л. Витберга от 26 июля 1838 г.— *РС*, 1897, № 12, стр. 482—484.

193. Н. И. и Т. А. АСТРАКОВЫМ

Печатается по фотокопии с автографа, хранящегося в Колумбийском университете (Нью-Йорк). Приписка к письму Н. А. Герцен, адресованному Т. А. Астраковой. Впервые опубликовано, вместе с письмом Н. А. Герцен: *НПГ*, стр. 25—26.

Н. А. Герцен сообщала в своем письме: «Теперь мы собираемся в деревню Льва Ал⟨ексеевича⟩, в Покровское, недалеко от Москвы, но надо будет ее объехать; может, пробудем там недели три. В письмах его и тени нет неудовольствия — ни облачка, ни облачка на нашем небе! Теперь сказать вам о своем житье-бытье: ежели не читаем книгу — то скитаемся по полям и горам и читаем природу, и бульвар здесь есть, и на бульваре публика есть — но нам тесно с добрыми людьми, мы уходим туда, где и следа их нет, за заставу, далеко — виды отовсюду прелестные, возвращаемся домой поздно, усталые, в пыли, ни с кем не знакомы решительно, кроме семейства Куруты, да и на что нам знакомые во Владимире?»

Письмо Астраковых, на которое отвечают Н. А. и А. И. Герцены, неизвестно. Содержание письма отчасти проясняется из первых строк письма Н. А. Герцен: «А вы, Татьяна Алексеевна, как жестоко наказываете: „Забыли“.— Кто же и кого же забыли — *мы — вас!!* Пощадите!» (*НПГ*, стр. 25).

...Строжайшей реприманды.— Т. е. выговора со стороны Т. А. Астраковой.

Лафонтень, нечитаемой памяти...— В детстве Герцен читал и перечитывал «раза по два» (VIII, 47; I, 266) романы сентиментального немецкого писателя Августа Лафонтена, пошлость которых и «приторную паточную сентиментальность» он осудил уже в «Гофмане» (I, 70).

Сколько я должен Сазонову...— Н. И. Сазонов ссудил Герцена 900 рублями, в связи с расходами, вызванными предстоявшей женитьбой. Т. А. Астракова писала впоследствии в своих воспоминаниях о друзьях Герцена: «Все они были люди безденежные и жили одним жалованьем. Один Сазонов имел довольно большие средства, к нему и обратились с просьбой о деньгах. Он охотно согласился и выдал 400 рублей ⟨...⟩ 400 рублей оказалось далеко не достаточно; Сазонов обещал дать больше, но не давал еще ⟨...⟩ Наконец Николаю ⟨Астракову⟩ удалось залучить к себе Сазонова; он рассказал ему, что за ним дело стоит и может нехорошо кончиться. На следующий день Сазонов прислал деньги; по сделанному расчету оказался недостаток еще в 150 рублях. Николай добавил их из своего жалованья, взявши его вперед» (*Пассек*, II, стр. 94).

...скоро у меня будут деньги...— В «Былом и думах» Герцен сообщает, что вскоре брат Натальи Александровны — А. А. Яковлев («Химик») прислал им 10 000 ассигнациями (около 3000 рублей серебром) из ее приданого — VIII, 377.

194. А. Л. ВИТБЕРГУ

Печатается по автографу (*ПД*). Впервые без заключительного абзаца опубликовано: *РС*, 1876, № 10, стр. 284—285; полностью: *Л* XXII, 17—18. На автографе помета Витберга: «Получено 20 августа».

Ответ на письмо А. Л. Витберга от 26 июля 1838 г.—*РС*, 1897, № 12, стр. 482—484.

...на Воробьевы горы. — Об этом посещении Герценом 23 июня 1838 г. Воробьевых гор см. в повести «О себе» (*ЛН*, 63, стр. 22—25).

...о брате Николае... — Н. П. Огареве.

В газетах помещена не вся речь Филарета. — Во вступительной заметке к речи Филарета (см. комментарий к письму 191) газета «Московские ведомости» сообщала: «Его Высокопреосвященство, митрополит Филарет, убежденный просьбой членов комиссии, припомнил сказанное им в беседе, и доставил копию, а мы спешим сообщить и нашим читателям».

Ответ А. Л. Витберга от 13 сентября 1838 г. — *РС*, 1897, № 12, стр. 482—486.

195. Н. Х. КЕТЧЕРУ

Печатается по автографу (*ЛБ*). Впервые опубликовано: *Л* II, 203—204. Год определяется содержанием (очевидно, что письмо относится к первым месяцам совместной жизни Герценов). Из двух писем Герцена, датируемых 20 августа 1838 г., — к Кетчеру и Астракову — первое написано раньше: в письме к Астракову Герцен говорит о письме к Кетчеру как о написанном.

Письмо Н. Х. Кетчера, на которое отвечает Герцен, и ответ Кетчера неизвестны.

«Об Америке» соч. Токвиля... — «De la démocratie en Amérique» par A. de Tocqueville, t. 1—2, P., 1835.

...«Две страны ∞ Америка и Россия». — Герцен пересказывает один из тезисов заключения ко второй части книги А. Токвиля. См. русский перевод — «О демократии в Америке», М., 1897, стр. 340.

...его сестра... — М. И. Сазонова (Полуденская).

196. Н. И. АСТРАКОВУ

Печатается по автографу (*ЛБ*). Впервые опубликовано (без приписки Н. А. Герцен) по копии: *Л* II, 202. Приписка впервые опубликована: *ГНМ*, стр. 89.

Письмо Н. И. и Т. А. Астраковых, на которое отвечают А. И. и Н. А. Герцены, неизвестно.

...портреты ∞ Бобелины... — Портрет Бобелины был в то время «всегдашним украшением станций и постоялых домов» (см. «Московский телеграф», 1830, № 9, стр. 168). По рассказу Гоголя, портрет этот висел и в гостиной у Собакевича («Мертвые души», глава IV).

...помещике, который тебе отвел комнату без окон? — Вероятно, Н. И. Астраков в студенческие годы поступал «на кондиции» к провинциальным помещикам, подготавливая их детей в учебные заведения.

...гидру Лернскую... — По древнегреческому мифу, десятиглавое змееподобное чудовище.

...письмо к Барону Упсальскому... — См. письмо 195.

197. Н. И. АСТРАКОВУ

Печатается по автографу (*ЛБ*). Впервые опубликовано по копии: *Л* II, 204. Автограф поврежден; слово «при⟨ложи⟩» восстанавливается предположительно.

...доставь это письмо... — Речь идет о неизвестном письме Герцена к Огареву. См. о нем также в письме 210.

Читавши м е н я, ты видел, что мне Огарев...— В автобиографической повести Герцена «О себе», которая прочтена была в рукописи Астраковым, рассказу об Огареве была посвящена особая глава.

...после полного учреждения финансового и д и п л о м а т и ч е с к о г о...— Герцен рассчитывал, вероятно, на полное примирение со своим отцом, которое привело бы и к улучшению финансового положения.

198. Н. И. АСТРАКОВУ

Печатается по фотокопии с автографа, хранящегося в Колумбийском университете (Нью-Йорк). Отправлено адресату вместе с письмом Н. А. Герцен к Т. А. Астраковой. Впервые опубликовано, вместе с письмом Н. А. Герцен: *НПГ*, стр. 26—27.

В автографе перед словом: «достаточной» (стр. 389, строка 10) — зачеркнуто: «аксиомной».

Письмо Н. И. и Т. А. Астраковых, на которое отвечают А. И. и Н. А. Герцены, неизвестно.

...«о построении мантилии цвету якобы вороньего крыла и о таковой же белой»...—Т. А. Астракова, по поручению Натальи Александровны, заказывала ей в Москве одежду и белье, в том числе «мантилью воронова крыла из грогро на розовой подкладке» и тюлевую мантилью (из письма Натальи Александровны к Т. А. Астраковой).

...существует ли «Московский наблюдатель»...— Журнал этот, издававшийся в 1835 г. под номинальной редакцией В. П. Андросова, с марта 1838 г. перешел под редакцию Белинского. К августу 1838 г. вышло в свет (с большим опозданием) шесть книжек обновленного журнала. 2-я майская книжка вышла 17 августа (см. *ЛН*, т. 57, стр. 257—260).

Я с своей стороны очень доволен «Сыном отечества».— Журнал «Сын отечества» с января 1838 г. перешел под фактическую редакцию переехавшего в Петербург Н. А. Полевого (номинально редакция оставалась за Н. И. Гречем). Журнал заметно оживился, в нем появились многочисленные критические статьи и рецензии самого Полевого, не лишенные интереса материалы в разделе «Науки и искусства», а также ряд новинок западной художественной литературы, например, повесть Жорж Санд «Лавиния» и др.

...статью Литтре о единстве плана царства животного?— Герцен имеет в виду перевод статьи Эмиля Литтре о парижском издании работ Гёте по естествознанию — в майской книжке «Сына отечества» (отдел «Критика», стр. 1—26).

Хочу со временем приняться за арабский язык, потому что хочу ехать на Восток.— Ни того, ни другого намерения Герцен, как известно, не осуществил.

Что Сазонов и его свадьба? — Слух о предстоящей женитьбе Сазонова не соответствовал действительности: Сазонов женился только много лет спустя за границей.

199. Н. Х. КЕТЧЕРУ

Печатается по автографу (*ЛБ*). Приписка к письму Н. А. Герцен. Впервые опубликовано: *Л* II, 204—205, без письма Н. А. Герцен. На автографе рукой Н. Х. Кетчера помечен год: «1838». Дата определяется условно, на основании содержания письма—по упоминанию о выплате долга Н. И. Сазонову: об этом же долге Герцен писал Кетчеру 20 августа и Н. И. Астракову 23 августа.

Н. А. Герцен писала, приглашая Кетчера во Владимир: «Да когда же мы дождемся тебя? Приезжай, смертельно хочется видеть тебя, вспомнить с тобой 8 мая; да и ты посмотришь на *нашу жизнь*, найдешь, за что

похвалить и побранить,— я свято помню твои наставления, Коленька-Рыцарь. Присяжай отдохнуть у нас от суеты мирской и треволнений. Кругом нас пустынь и ничто, ничто не мешает лучам нашего блаженства стлаться на беспредельное пространство. Ведь и тебе, Кетчер, должно быть светлее от нашего счастья, потому что ты участвовал, содействовал к совершению его.

Добрый друг! Благодарность тебе всегда рядом с гимном Ему.

А иногда хочется из Владимира — природа здесь тесна, и хоть я сказала, что кругом нас пустынь, да пустынь-то эта полна людей без души и сердца, это больно, хотелось бы, чтоб наше блаженство не между небом и землею светило. Прощай, пришли мне рукопись Огаревой прочесть».

Письмо Н. Х. Кетчера, на которое отвечает Герцен, и ответ Кетчера неизвестны.

... всего «Лициния» (*1-я часть*)... —См. письмо 202 и комментарий к нему.

...моей писанной книги? — См. комментарий к письму 178.

200. Т. А. и Н. И. АСТРАКОВЫМ

Печатается по фотокопии с автографа, хранящегося в Колумбийском университете (Нью-Йорк). Приписка к письму Н. А. Герцен к Т. А. Астраковой. Впервые опубликовано, вместе с письмом Н. А. Герцен: *НПГ*, стр. 28.

Обращаясь к Т. А. Астраковой с различными поручениями, Н. А. Герцен в заключение писала:

«Искавши очень долго квартеры, претерпевши разные всевозможные неудобства, мы нашли, наконец, прекрасную квартеру — ах, как бы я желала, Татьяна Алексеевна, чтоб вы приехали к нам каким-нибудь счастливым образом — сколько бы мы нашли сообщить друг другу, но я надеюсь, еще будет время, когда вы вполне увидите, что вы сделали».

201. А. Л. ВИТБЕРГУ и П. П. МЕДВЕДЕВОЙ

Печатается по автографу (*ПД*). Отрывок впервые опубликован: *РС*, 1876, № 10, стр. 286; полностью: *Л* XXII, 18—19. На автографе помета А. Л. Витберга: «Получено 8 октября в 11 $^1/_2$ часов утра, т. е. 3 часа после рождения сына Василия».

Ответ на письма А. Л. Витберга от 13 и 20 сентября 1838 г. (*РС*, 1897, № 12, стр. 484—487).

Портрет Александра Алексеевича Корнилова... — С письмом от 20 сентября 1838 г. А. Л. Витберг прислал Герцену гравированный портрет вятского губернатора А. А. Корнилова, с оригинала, писанного А. Л. Витбергом. «Хотя рисовальщик довольно хороший, который на камне рисовал, но против оригинала моего в сходстве потеря есть и потому я несколько поправляю уже сам, и посылаемый при сем также поправлен мною»,— писал А. Л. Витберг. Будучи вятским губернатором, Корнилов многое сделал для облегчения участи Витберга и Герцена. В феврале 1838 г. Корнилов был переведен из Вятки в Тамбов.

...счастливо ли окончила она путешествие... — На обратном пути из Петербурга А. В. Витберг провела один день (22 сентября 1838 г.) во Владимире.

Видели ли вы памятник Сусанину (кар<тинка> в «Журнале МВД», след., в канцелярии губер<натора>)? — Речь идет о рисунке памятника царю Михаилу Федоровичу и Сусанину, который предполагалось воздвигнуть в Костроме. Рисунок был приложен к № 5 «Журнала министерства внутренних дел» за 1838 г.

Работник упал ∞ с Ал⟨ексеевского⟩ монастыря. — См. комментарий к письму 154.

Я писал ∞ это происшествие.— Письмо неизвестно.

Я пишу стихи — вот новость.— Речь идет, видимо, о первой части драматической фантазии в стихах «Палингенезия», написанной в сентябре 1838 г. См. комментарий к письму 202.

Да получила ли Вера Ал⟨ександровна⟩ нашу грамотку 17 сентября? — Письмо это неизвестно.

...как бы довести до мерзавца Тюфяева, что дети в с е-т а к и помещены? — Вятский губернатор Тюфяев всячески препятствовал помещению детей П. П. Медведевой в учебное заведение на казенный счет. Преследования эти были вызваны тем, что Медведева решительно отвергла ухаживания губернатора, выгнав его из своей квартиры (см. «Былое и думы», гл. XXI—VIII, 343).

202. Н. Х. КЕТЧЕРУ

Печатается по автографу (*ЛБ*). Отрывок впервые опубликован в статье П. В. Анненкова «Идеалисты тридцатых годов» (*ВЕ*, 1883, № 3, стр. 139); полностью: *Л* II, 222—223.

...первую часть фантазии «Палингенезия» ∞ямб дело человеческое.— Стихотворная редакция фантазии Герцена (первая часть ее называлась «Лициний») не сохранилась. Позднейшую, прозаическую — «Из римских сцен» — см. в т. I, стр. 183—195.

Я написал Савонову...— Письмо неизвестно.

...начал я диссертацию о том о сем.— Текст «диссертации» неизвестен. По-видимому, о продолжении работы над ней Герцен сообщал в письмах к Н. П. Огареву от 21 марта — 27 апреля 1839 г. и к А. Л. Витбергу около 25—28 июля того же года (см. т. XXII наст. изд.).

Я определяюсь здесь к месту.— См. о владимирской службе Герцена в письмах и официальных бумагах 1839 г. и комментариях к ним.

203. Н. И. и Т. А. АСТРАКОВЫМ

Печатается по фотокопии с автографа, хранящегося в Колумбийском университете (Нью-Йорк). Впервые опубликовано, вместе с припиской Н. А. Герцен: *НПГ*, стр. 29—30.

... идти в директоры...— Назначение Н. И. Астракова директором Владимирской губернской гимназии не состоялось.

...Дмитрия Вас⟨ильевича⟩ Небабы...— Характеристику Д. В. Небабы, учителя математики и товарища Герцена по Московскому университету, см. в «Былом и думах» (VIII, 306—308).

...учитель русской словесности ∞ стоит позаботиться.— Речь идет об А. Е. Скворцове. В письме от августа 1838 г. (не опубликовано, автограф хранится в *ПД*), отвечая на неизвестное нам письмо Герцена, Скворцов писал: «Ты прав, советуя мне при первой возможности оставить Вятку. Сердце довольно — голова ищет пищи. Без тебя не находишь ее. Да эта первая-то возможность так трудна, что очень близка к невозможности. Конечно, напишу к тебе, ежели решусь на что-нибудь, да скажи мне, на что я могу решиться, связанный еще на полтора года Казанским округом?»

...quasi-драма...— «Из римских сцен». См. комментарий к письму 202.

...писавши к Савонову... — Это письмо не сохранилось. См. о нем в письме 202.

...в книге, издаваемой Смирдиным...— Речь идет об иллюстрированном альманахе «Сто русских литераторов», первый том которого

вышел в 1839 г. (с его содержанием Герцен, вероятно, ознакомился из книгопродавческих объявлений). В первом томе «Ста русских литераторов» помещены портреты и произведения Александрова (Дуровой), Бестужева-Марлинского, Давыдова, Зотова, Кукольника, Полевого, Пушкина, Свиньина, Сенковского и Шаховского.

...«О, продажный город. Жаль, что нет покупщика на тебя».— Эти слова нумидийского царя Югурты, ожесточенного противника Рима, подкупавшего крупнейших его сановников, приведены в «Югуртинской войне» Саллюстия. Герцен цитирует их не совсем точно. У Саллюстия: «Urbem venalem et mature perituram, si emptorem invenerit» («Вот продажный город, который скоро погибнет, если найдет покупщика».—См. С а л л ю с т и й. Заговор Катилины. Югуртинская война. М., 1916, стр.98).

204. А. Л. ВИТБЕРГУ

Печатается по автографу (*ПД*). Впервые с пропусками опубликовано: *РС*, 1876, № 10, стр. 287; полностью: *Л* XXII, 19—20.

... фасад Тонова храма? — Герцен, очевидно, послал Витбергу один из опубликованных вариантов проекта храма, представленного К. А. Тоном.

...тетради, которые мы вместе писали...— См. об этих «Записках» т. I наст. изд., стр. 531—534. Перечитывая их, Герцен на первом листе 7-й (последней) тетради сделал помету: «Владимир. Ноября 16. 1838. А. Герцен».

...вспомнили ли меня 23 ∞ слушал Ваши морали...— 23 ноября— день именин Герцена. В 1835 г. он отмечал этот день с Витбергом.

205. Н. И. АСТРАКОВУ

Печатается по фотокопии с автографа, хранящегося в Колумбийском университете (Нью-Йорк). Впервые опубликовано, вместе с припиской Н. А. Герцен к Т. А. Астраковой: *НПГ*, стр. 32—33.

...записку от Савонова, в которой он пишет о письме...—И записка и письмо Н. И. Сазонова остаются неизвестными.

...писанная книга...— См. комментарий к письму 178.

...он пренаивно спрашивает...— Переписка Герцена с К. В. Беляевым не сохранилась.

Отец Огарева умер...— П. Б. Огарев умер 2 ноября 1838 г.

206. Н. Х. КЕТЧЕРУ

Печатается по автографу (*ЛБ*). Впервые опубликовано: *Л* II, 225—227; поправки к этой публикации — *ГНМ*, стр. 134.

...письмо, полученное мною в марте — ответ на старое; с тех пор я писал два раза, и писал о своей женитьбе, он ни слова.— Письмо Н. П. Огарева и два письма Герцена, упоминаемые здесь, не сохранились.

207. А. Л. ВИТБЕРГУ

Печатается по автографу (*ПД*). Впервые с пропусками опубликовано: *РС*, 1876, № 10, стр. 287—288; полностью: *Л* XXII, 20—22.

Вслед за текстом письма Герцена — приписка Н. А. Герцен.

На автографе помета А. Л. Витберга: «Получ⟨ено⟩ 16 декабря».

Ответ на письма А. Л. Витберга к Герцену и В. А. Витберг к Н. А. Герцен от 22 ноября 1838 г. (письма не опубликованы, хранятся в *ПД*).

Вас, как соприкосновенного к делу подарка Веры Александровны...— В. А. Витберг писала Н. А. Герцен 22 ноября 1838 г.: «Папаша, кажется, писал к вам, что я начала какую-то работу для вас; сперва я начала вышивать по буфмуслину, но папаше он не понравился, потому что тени были не так ясны; потом начала я браслет из волос, но и он не удался; придумали другим манером, но я случайно связала этот узел, который понравился нам, а папаша взялся помогать нам в отделке его. Мы хотели было окончить его змеиною головкой, но папаше мысль эта не понравилась, и он присоветовал окончить его лучше головками лилий, что означает узел чистой дружбы. Я бы послала его вам по прошедшей почте, но мастер сделал его совсем не по вкусу папаши, и потому он велел ему переделать».

...касательно Тонова проекта.— А. Л. Витберг писал 22 ноября 1838 г. об этом проекте: «Я ожидал хоть сколько-нибудь лучшего, тут не видно ничего изящного, ничего гениального,— совершенно бесталанно».

Боюсь сомневаться ∞ иметь ваш проект...— Речь идет о проекте Александровского собора для Вятки. Н. А. Герцен писала А. Л. Витбергу (в приписке к комментируемому письму) о том же: «Как обрадовали, как утешили вы нас обещанием своим, почтенный друг наш; а когда исполните его, обрадуете, утешите вдвое, вдесятеро».

...во Владимире есть древний собор...— Герцен имеет в виду упоминаемый ниже Дмитриевский собор, построенный при Всеволоде III, в качестве придворного храма нового дворца.

Другой собор, Успенский...— Успенский собор во Владимире построен в 1158—1161 гг. Андреем Боголюбским.

Слышали ли вы, что Кёльнский собор достраивается совершенно по первоначальному чертежу? — Строительство Кёльнского собора началось в 1248 г., закончено было лишь в 1880 г.

...29 декабря...— В 1837 г. в этот день Герцен выехал из Вятки во Владимир.

208. А. Л. ВИТБЕРГУ

Печатается по автографу (*ПД*). Впервые опубликовано (не полностью) вместе с отрывком письма 209: *РС*, 1876, № 10, стр. 288—289; полностью: *Л* XXII, 22—23.

...меньшой брат...— П. А. Захарьин.

И у него есть родной брат, у которого 500 душ...— А. А. Яковлев «химик».

Ответ А. Л. Витберга от 10 января 1839 г. не опубликован, автограф письма хранится в *ПД*. Витберг посоветовал, чтобы юноша, если у него есть способности, старался поступить в Академию.

209. А. Л., А. В., В. А. ВИТБЕРГАМ и П. П. МЕДВЕДЕВОЙ

Печатается по автографу (*ПД*). Отрывок впервые опубликован как часть предыдущего письма (автограф не дает основания для подобного соединения): *РС*, 1876, № 10, 288—289; полностью: *Л* XXII, стр 23. В конце письма — приписка Н. А. Герцен, содержащая поздравление с Новым годом. Датируется условно на основании этого поздравления.

...отрывок из моей поэмы...— Речь идет о поэме «Лициний», над которой в это время Герцен работал. Несколько позднее черновик «Лициния» был послан в Вятку А. Е. Скворцову.

...посылаются книги...— Как видно из ответного письма А. Л. Витберга, Герцен послал в Вятку, в числе других книг, «Путешествие Гулливера» Д. Свифта.

Ответ А. Л. Витберга от 3 января 1838 г. — *РС*, 1897, № 12, стр. 487—489.

210. Н. И. АСТРАКОВУ

Печатается по фотокопии с автографа, хранящегося в Колумбийском университете (Нью-Йорк). Вслед за письмом Герцена — приписка Н. А. Герцен к Т. А. Астраковой. Впервые опубликовано, вместе с припиской Н. А. Герцен: *НПГ*, стр. 31—32. Дата определяется условно, по упоминанию о письме Герцена к Н. Х. Кетчеру от 4 декабря 1838 г.

Письмо Н. И. Астракова, на которое отвечает Герцен, неизвестно.

...от Сазонова письмо...— Это письмо остается неизвестным.

Посещ⟨ение⟩ Татьяны Алексеевны к княгине.— См. выше комментарий к письму 176.

211. Н. И. АСТРАКОВУ

Печатается по фотокопии с автографа, хранящегося в Колумбийском университете (Нью-Йорк). Отправлено адресату вместе с письмом Н. А. Герцен к Т. А. Астраковой, содержащим поздравление с Новым годом. Впервые опубликовано, вместе с письмом Н. А. Герцен: *НПГ*, стр. 33—34.

С 1833 на 34 ∞ С 38 на 39 — во Владимире с Нею.— Герцен перечисляет места, где он встречал Новый год.

Для меня лучше 1838 не будет...— 1838 год Герцен и впоследствии характеризовал как «лучший, самый светлый год» своей жизни (см. т. XXII наст. издания). Отмечая в своем дневнике (запись от 11 января 1839 г.), что он встретил Новый год у постели больной жены, Герцен писал: «Я вздохнул о 1838 — он для меня был хорош — выкуп трех мрачных, ужасных предшественников. Лучшего года в мою жизнь не будет...» (I, 332).

ПРИЛОЖЕНИЯ

ОФИЦИАЛЬНЫЕ БУМАГИ

⟨ПРОШЕНИЕ О ЗАЧИСЛЕНИИ НА СЛУЖБУ⟩

Печатается по тексту подлинника, хранящегося в *ПД*. Впервые опубликовано в журнале «Былое», 1907, № 7, стр. 12. Рукой Герцена написано только: «К сему прошению Александр Иванов сын Г е р ц е н руку приложил».

Подробности о своем фиктивном зачислении на службу в Кремлевскую экспедицию Герцен сообщает в «Былом и думах» (VIII, 105—106).

...имея себе от роду девять лет...— Девять лет Герцену исполнилось через три месяца.

...свидетельство, данное мне ва подписанием разных чиновных особ...— Текст этого документа см. в журнале «Былое», 1907, № 7, стр. 12.

...и меня ведомства оной в число канцелярских служителей определить.— Постановление Кремлевской экспедиции гласило: «1820 г., декабря.... дня в Экспедиции Кремлевского строения, по слушании прошений гвардии капитана Яковлева, воспитанников его, Егора и Александра Ивановых Герценых, по которым прошениям господином присутствующим сей Экспедиции и кавалером князем Долгоруковым докладывано г-ну главноначальствующему оной и, в сходственность последовавшей от него резолюции, приказали вышеозначенных воспитанников Егора и Александра Герцен, по прошению их, в ведомство сей экспедиции принять и определить в число канцелярских служителей с чином канцеляристов впредь до усмотрения их способностей и прилежания к должности, на собственное содержание ⟨т. е. без жалования⟩, внесть в список по экспедиции и в верности службы привесть через экзекутора к присяге, а потом поместить их в повытье ко исправлению должности. Представленные при сих прошениях свидетельства хранить при деле» (там же, стр. 13).

⟨ПРОШЕНИЕ О ВЫДАЧЕ СВИДЕТЕЛЬСТВА ДЛЯ ПОСТУПЛЕНИЯ В УНИВЕРСИТЕТ⟩

Печатается по тексту подлинника, хранящегося в *ПД*. Впервые опубликовано: «Былое», 1907, № 7, стр. 13. Рукой Герцена написаны только слова: «К сему доношению губернский секретарь Александр Иванов сын Г е р ц е н руку приложил».

В «Былом и думах» Герцен подробно рассказал о том, как «мнимая служба» в Экспедиции кремлевских строений чуть не помешала ему поступить в университет: Совет университета отказал ему как чиновнику в праве держать вступительный экзамен. По просьбе отца Герцена князь Н. Б. Юсупов, главноуправляющий Экспедицией кремлевского дворца, предоставил Герцену трехлетний отпуск от службы в виде командировки для усовершенствования в науках — в Московский университет (см. VIII, 105—106). Постановление Экспедиции гласило: «1829 г., августа 19 дня в Экспедиции кремлевского строения по слушании доношения ведомства сей экспедиции губернского секретаря Александра Герцена приказали: оного просителя Герцена для слушания профессорских лекций уволить, для чего и дать ему надлежащее свидетельство. Титулярный советник Б о р и с о в» («Былое», 1907, № 7, стр. 13).

〈ПРОШЕНИЕ О ДОЗВОЛЕНИИ СЛУШАТЬ ЛЕКЦИИ В УНИВЕРСИТЕТЕ〉

Печатается по тексту *Л* I, 44, где опубликовано впервые по подлиннику, хранившемуся в архиве Московского университета. Нынешнее местонахождение подлинника неизвестно.

Об обстоятельствах, при которых происходило поступление Герцена в университет, см. в «Былом и думах» (VIII, 105—106).

...дозволение от моего начальства.— Герценом было представлено следующее свидетельство: «По указу его императорского величества из Экспедиции кремлевского строения находящемуся, ведомства оной, в числе канцелярских служителей из воспитанников гвардии капитана Яковлева губернскому секретарю Александру Иванову сыну Герцену в том, что поданным он в сию Экспедицию доношением просил о даче ему на вступление в Московский университет для слушания в оном лекций, на основании высочайшего указа 6 августа 1829 г., свидетельства, почему Экспедиция и определила оного просителя Герцена для слушания профессорских лекций уволить, для чего дать (и дано) ему свидетельство за подписанием присутствующего и с приложением казенной печати в Москве, августа 20 дня 1829 г.» («Былое», 1907, № 7, стр. 13).

〈ПРОШЕНИЕ ОБ ОСТАВЛЕНИИ НА СЛУЖБЕ В МОСКОВСКОЙ ДВОРЦОВОЙ КОНТОРЕ〉

Печатается по автографу (*ПД*). Впервые опубликовано в журнале «Былое», 1907, № 7, стр. 14. Факсимиле там же, стр. 15.

...при Московской дворцовой конторе, откуда прошлого 1831 года октября 12 числа отчислен...— В 1831 г. Экспедиция кремлевских строений была преобразована в Московскую дворцовую контору, причем Герцен вместе с рядом других чиновников был уволен.

...на имеющейся вакансии в канцелярии оставить.— Помета чиновника: «По справке оказалось, что коллежский секретарь Александр Герцен состоял в ведомстве бывшей Экспедиции кремлевского строения в числе канцелярских чиновников и, при преобразовании оной в Московскую дворцовую контору, остался за реформою и из ведомства ее уволен; аттестата же, по неявке его в контору, выдано ему не было. Секретарь С о к о л о в. Столоначальник В о д о.—

П о с т а н о в л е н и е: „Просителя коллежского секретаря Герцена определить попрежнему в ведомство сей конторы, в число канцелярских чиновных без жалованья, впредь до усмотрения, о чем ему объявить и поместить к должности"» («Былое», 1907, № 7, стр. 14).

⟨ПРОШЕНИЕ О ВЫДАЧЕ АТТЕСТАТА ОБ ОКОНЧАНИИ УНИВЕРСИТЕТА⟩

Печатается по автографу (*ЦГАЛИ*). Впервые опубликовано: *РС*, 1908, № 3, стр. 586. На автографе помета рукой секретаря: «Двадцать рублей принял 1-го августа. НЖ. № 308 в сумму государственного казначейства».

...выдать мне надлежащий аттестат.— Аттестат этот, полученный Герценом, напечатан в «Былом», 1907, № 7, стр. 16.

К прошению приложено следующее «Свидетельство»: «Из совета Императорского Московского университета дано сие свидетельство Александру Герцену в том, что он, окончив курс наук по физико-математическому отделению, был испытываем, на основании Положения о производстве в ученые степени, 1819 года января 20 дня высочайше утвержденного, и за отличные успехи и поведение определением Совета 1833 года, июня 30 дня утвержден *кандидатом* отделения физико-математических наук.— 1833 года, июня 6 дня. Ректор Двигубский. Секретарь Совета Михаил Каченовский. Письмоводитель Иван Маслов».

К прошению приложена также копия свидетельства, полученного Герценом: «От Императорского Московского университета своекоштный студент Александр Герцен за очень хорошие успехи, оказанные при публичном испытании, и лучшее сочинение на заданный предмет от отделения физико-математических наук, награжден в торжественном собрании 1833 года июля 6 дня серебряною медалью, в засвидетельствование чего и дан ему сей лист, за подписанием ректора университета и с приложением университетской печати июля 6 дня 1833 года. Подлинный подписали ректор Иван Двигубский, секретарь совета Михаил Каченовский, письмоводитель Маслов». На копии помета: «Подлинный для составления получил титулярный советник Григорий Ключарев. 3 августа 1833».

⟨ПРОШЕНИЕ О ВНЕСЕНИИ В ФОРМУЛЯРНЫЙ СПИСОК СВЕДЕНИЙ ОБ ОКОНЧАНИИ УНИВЕРСИТЕТА⟩

Печатается по автографу (*ПД*). Впервые опубликовано в журнале «Былое», 1907, № 7, стр. 14—16. Факсимиле там же, стр. 17. На документе дата рукой чиновника: «11 сентября 1833» и резолюция: «О ученой степени чиновника Герцена внести в формулярный его список, приложенный же аттестат оставить при деле. Кн. Урусов. Дмитрий Львов, А. М. Гедеонов, Степан Берхман».

⟨РАПОРТ ВЛАДИМИРСКОМУ ГРАЖДАНСКОМУ ГУБЕРНАТОРУ⟩

Печатается по факсимиле автографа (*ЦГАЛИ*). Впервые опубликовано в «Трудах Владимирской ученой архивной комиссии», кн. IV, 1902, стр. 60; здесь же воспроизведено факсимиле рапорта.

О судьбе рапорта см. в комментариях к письмам 166 и 169.

ВОПРОСНЫЕ ПУНКТЫ, ПРЕДЛОЖЕННЫЕ В ПРИСУТСТВИИ СЛЕДСТВЕННОЙ КОМИССИИ ТИТУЛЯРНОМУ СОВЕТНИКУ АЛЕКСАНДРУ ГЕРЦЕНУ ИЮЛЯ 24 ДНЯ 1834 ГОДА.

Печатается по рукописи (*МОГИА*), представляющей собой писарскую копию первых девяти пунктов допроса с поправками и вставками рукой Герцена, заверенную его подписями, и по черновому автографу — 10—15 пункты (ф. 46, оп. 1, ед. хр. 142, лл. 210—214 об. и 367—382). На титульном листе писарской копии надпись: «Переписаны Ответы г. Герцена. Подписаны»; после девятого пункта надпись следователя, обращенная к писарю: «Окончив сей ответ, оставить достаточное место для рукоприкладства и для подписания членам. Далее продолжать:

1834 года июля 25 дня титулярный советник Александр Герцен продолжал ответствовать:

10—10».

После каждого пункта в черновом протоколе допроса подпись Герцена: «К сему ответному пункту руку приложил титулярный советник Александр Иванов сын Г е р ц е н».

Впервые опубликовано: *ЛН*, т. 63, стр. 273—280.

В тексте писарской копии следующая правка Герцена:

Стр. 410 (*здесь и далее правая колонка*)

30–32 *Вместо:* знать довольно коротко его высокопревосходительство — *было:* бывать у его высокопревосходительства

Между авторизованной писарской копией первых девяти пунктов допроса и черновым автографом Герцена — следующие разночтения:

Стр. 411

5 *Вместо:* знаю — *было:* знал

11–12 *После:* Гильтебранта — *было:* и других

39 *После:* посещал я — *было:* дом

Стр. 412

22 *Вместо:* Непрерывную — *было:* Частую

26–27 *Вместо:* отъездов — *было:* путеш⟨ествий⟩

Стр. 413

32–33 *Вместо:* непродолжительного — *было:* короткого

В черновом автографе 10—15 пунктов допроса имеются следующие (зачеркнутые) варианты:

Стр. 414

15 *Вместо:* нет — *было:* не пр⟨ипомню⟩

Стр. 415

8–9 *Вместо:* начаты мною сцены — *было:* начата мною статья

Стр. 416

20 *Вместо:* отдаю — *было:* всегда отдавал

35 *Вместо:* касались — *было:* клонились

Стр. 416—417

5–4 *Вместо:* имея ∞ ничего подобного не имею — *было* (*зачеркнутый предварительный вариант пункта 14-го*): Имея весьма ограниченный

круг знакомства, я редко бывал в многочисленных беседах и никогда в таких, где бы делались какие-нибудь бесчинства. С знакомыми в разные времена имел разговор о правительстве, иногда худо понимал некоторые учреждения, судил об них. Наичаще разговоры сии касались до стесненного положения крепостных людей и помещичьих крестьян, [таковые] разговоры о сем предмете имел я даже с моим отцом и большею частию знакомых, с г. Огаревым, с Львом Ал. Яковлевым. Сие стесненное состояние сих классов находил я в произволе господ налагать оброк, заставлять работать, отрывать от семейств, находил вредное действие оного на развитие духа промышленности. В сих разговорах обык⟨новенно⟩ батюшка меня опровергал, равно и бóльшая часть знакомых. Что же касается до разговоров о самодержавной власти, я [несколько лет тому назад ему] всегда отдавал оной преимущество над смешанными правлениями, шлюсь на многие насмешки над конституционным правлением почти во всех статьях моих, где касается до политики; но собственно дерзких разговоров против правительства не было. Сочинений запрещенных никто не читал, песни же певал я сам Беранжеровы и другие французские, сочиненные не с нравственной целью,— впрочем, в числе сих песен, слышанных мною [от] в разные времена именно от каких лиц — [которые едва] назвать не припомню, большая часть имела смысл непристойный и сальный, нежели возмутительный. Из русских сочинений, дерзких и вольных, я слышал некоторые стихи Пушкина — «Ода на свободу», «Кинжал», и Полежаева, не помню под каким заглавием. Стихи сии я слышал весьма давно — [года] лет пять или шесть тому назад от г. Паца, кандидата унив⟨ерситета⟩, которого совершенно потерял из вида. Имел их списанными, но, находя сие неприличным, сжег их.

Стр. 417

[10] *Вместо:* так же — *было:* равно

...июля 24 дня...— Арестованный 21 июля 1834 г., Герцен через три дня, 24 июля, был подвергнут следственной комиссией под председательством обер-полицмейстера Л. М. Цынского письменному допросу по первым девяти «вопросным пунктам», а по остальным — на следующий день. Излагая в «Былом и думах» подробности своего ареста и хода следствия, Герцен охарактеризовал некоторые из публикуемых вопросов как «поразительные» по своей «наивности» (VIII, 189).

Присягал после получения каждого чина.— Герцен был определен на службу в Экспедицию кремлевского строения еще в 1820 г., в восьмилетнем возрасте (см. комментарии на стр. 581 наст. тома). Первый чин — коллежского регистратора — он получил в 1824 г., губернского секретаря — в 1826 г., коллежского секретаря — в 1829 г. и титулярного советника — в 1834 г. (уже во время пребывания под арестом).— См. *Л* I, 70. Аттестаты на полученные Герценом чины хранятся в *ЦГАЛИ*.

...был под арестом трое суток в 1831 году по известной истории против профессора Малова.— См. об этом подробно в «Былом и думах» — VIII, 117—122.

Непрерывную переписку я имел сперва с двоюродною сестрою Т. П. Пассек...— О переписке Герцена с Т. П. Пассек (Кучиной) и другими корреспондентами, перечисленными в настоящем вопросном пункте, см. на стр. 436 и 439—440.

...некоторые переводные статьи были помещены в московских журналах...— Юношеские переводы и рефераты Герцена, напечатанные в московских изданиях до его ареста, см. в т. I настоящего издания. Выявление их не может еще считаться завершенным.

...ныне особо печатается сокращение из «Rapport sur l'état de l'instruction publique en Allemagne» par V. Cousin...— Об этой книге

В. Кузена см. выше, в комментариях к письму 20. Рукопись сокращенного перевода ее, выполненного Герценом, поступила в Московский цензурный комитет 15 июня 1834 г., под названием «Состояние народного просвещения в некоторых странах Германии». 3 июля книга была разрешена цензором к печати. Герцен получил рукопись с цензорской визой и передал ее для печатания в одну из московских типографий (см. *ЛН*, т. 63, стр. 282). К моменту ареста Герцена книга уже была частично напечатана, однако в свет не вышла. В следственном деле находилось несколько отпечатанных листов из нее, бесследно пропавших, так же, как и самая рукопись. В делах Московского цензурного комитета указан объем книги— 62 листа (неясно, идет ли речь о страницах или о двустраничных листах).

...«О человеке в воогностическом отношении»...— Герцен имеет в виду свой философский трактат «О месте человека в природе» (I, 13—25), который при его жизни напечатан не был. Рукопись была изъята у Герцена во время ареста и находилась в следственном деле.

...О книге Бюше «Introduction à la science du développement du genre humain»...— Эта статья Герцена остается неизвестной.

...о сочинениях Гофмана...— См. статью «Гофман» (I, 62—80).

...«28 января» (о Петре Великом)...— Речь идет о статье «Двадцать осьмое января» (I, 29—35).

...разборы и этюды, наиболее касающиеся до германской литературы...— Эти работы Герцена до нас не дошли.

...статья о Петре Великом назначена была мною послать в Петербург г. Пассеку, но не знаю, по каким причинам осталась у меня.— Как явствует из письма Герцена к Д. В. Пассеку (см. выше письмо 5) статья «Двадцать осьмое января» Пассеку все же была отправлена, но, вероятно, была получена Герценом обратно.

...сцены из развития христианской религии.— Вероятно, речь идет о неизвестной, первоначальной редакции сочинения «Из римских сцен» (см. I, 183—195, и *ЛН*, т. 63, стр. 282). Герцен отмечал впоследствии, что он «принялся писать около 1833 ряд исторических сцен» и что их в 1834 г. «критически разбирал обер-полицмейстер Цынский» (X, 238).

...«Слава»...— это стихотворение Огарева было впервые напечатано в «Литературном вестнике», 1901, № 8, стр. 315 по копии, собственноручно снятой Герценом (*ПД*).

...«Гений», «Поэты» (Байрон, Гёте и Шиллер)...— Эти стихотворения Огарева неизвестны. Можно предполагать, что в письме 60 Герценом цитируется стихотворение «Гений».

...«Умирающий художник»...— Это стихотворение Н. М. Сатина было впервые опубликовано М. К. Лемке в *ГМ*, 1913, №11, стр. 200—204.

...сокращенную историю Италии Сисмонди...— Речь идет о книге «Histoire des républiques italiennes du Moyen Age» («История итальянских республик Средневековья»).

ВОПРОСНЫЕ ПУНКТЫ, ПРЕДЛОЖЕННЫЕ В ПРИСУТСТВИИ ВЫСОЧАЙШЕ УЧРЕЖДЕННОЙ СЛЕДСТВЕННОЙ КОМИССИИ ТИТУЛЯРНОМУ СОВЕТНИКУ АЛЕКСАНДРУ ГЕРЦЕНУ АВГУСТА 23 ДНЯ 1834

Печатается по авторизованной писарской копии (*ЦГИАМ*, ф. 109 Экспедиции, № 239, ч. 1, л. А, 1834, лл. 104—114 об.). Допрос удостоверен подписями Герцена: «К сим ответным пунктам титулярный советник Александр Иванов сын Г е р ц е н руку приложил». Впервые опубликовано: *ГМ*, 1918, №7-9, стр. 83—90. Описание этого второго допроса см. в главе XII части второй «Былого и дум» — VIII, 205—207.

Приводим перечень вариантов чернового автографа, также хранящегося в *ЦГИАМ* (ф. 109, оп. 9, № 239, ч. 1, л. Б, 1834, лл. 94—120 и 402).

Стр. 417. Заголовка нет. Дата: 23 августа 1834 — рукой Герцена.

Стр. 418

Правая колонка

3–4 *После:* Сверх того — *было:* ежели
6 *После:* в России — *было:* Ежели же

Левая колонка (рукой писаря)

7–5 *После:* в России — *было:* так же, говоря о императоре, Петре Великом, вы не соблюли в выражениях должного к памяти его уважения

Правая колонка

34 *После:* опытом — *было:* Касательно непочтительных выражений в моей статье к памяти великого государя, пред коим не токмо всякий русский, но всякий человек должен благоговеть, я совсем не понимаю, в чем и где они находятся и даже оные были бы столь противуположны моему образу мыслей о Петре I, что я оных употребить не мог

Стр. 419

Правая колонка

5 *Вместо:* святом — *было:* широком

Левая колонка

11 *Вместо:* в другую форму? — *было:* в одну форму?

Правая колонка

12 *Вместо:* сплавить — *было:* слить
13 *Слова:* другую форму — *подчеркнуты Герценом.*
18 *После:* посему — *было:* неуд⟨ивительно⟩

Стр. 420

Правая колонка

34 *Вместо:* общества // обществ

Стр. 421

Правая колонка

8 *Вместо:* понимают // припимают
20 *После:* может быть? — *было:* конечно, не во Франции, где
31 *Перед:* Полноту — *было:* Может
42 *Вместо:* монарха — *было:* госуд⟨аря⟩

Стр. 421—422

Правая колонка

11–3 *Вместо:* Под словами ∞ изложенным — *было* (*первый, зачеркнутый вариант пункта 8-го*): Слова моего письма объясняю я следующим образом. Христианская религия, соединяя в высокой святости все элементы быта человеческого, весь синтез его, царила до Реформации во всей силе, но здесь начинается разрушительное действие человеческого мышления против религии, и оно наиболее проявилось во Франции, где разврат в XVIII веке дошел до совершенства. Материализм образовал там конституционное правление, которое основано без всякой религиозной идеи в краеугольный камень и есть только худое выражение отношений феодального общества между собою; в этом состоянии Франция пробыть не может, судорожные ее волнения служат доказательством сему; посему

надобно ждать нового состояния для нее, но где оно может возродиться во Франции, где все занято парламентскими спорами; посему Германия, где так высоко слиты власть монархов с любовью народов, где так сильно просвещение и чиста нравственность, [там] оттуда, думал я, должно выйти новое политическое учение; может, Гегелева философия, говорящая о абсолютной монархии, есть начало сего учения, в котором будут государь и подданные, а не будет контракта, под чем я разумею конституцию, ибо феодальные остатки не нужны (вассалы и [слуги] коммуны и пр.) для нового здания, что можно доказать нынешним прусским законодательством.

По моему мнению, понятие господина и слуги совершенно не сливается с понятием монарха и подданного. Господин есть, как бы сказать, consommateur ⟨потребитель (франц.)⟩ труда слуги, а монарх — животворное начало, содержащее все тело общественное, душа его — направляющая деятельность общества к целям, полезным для самого же общества; в конституционном правлении я не нахожу сего, ибо там одно взаимное подозрение унижает достоинство монарха и содержит парламент в вечном état d'insurrection ⟨состоянии возмущения (франц.)⟩, ибо парламенты в государе все еще видят феодального властителя, т. е. господина.— Посему я и сказал, что господина и слуги [в такой форме в] не надобно, мысль моя осталась, как видно, неокончен⟨ной⟩, ее можно дополнить, пусть заменит отр⟨...⟩[1] патриотическая, народн⟨ая⟩[1] монархия.

Стр. 422
Правая колонка

[5] *Перед:* Теория Сен-Симона — *было:* Откровенно признаюсь
[8] *Перед:* особенно — *было:* она
[24] *Вместо:* В правах — *было:* В формах

Стр. 423
Правая колонка

[28] *Вместо:* Сатин // г-н Сатин

Кем писано найденное в бумагах ваших письмо на имя г. Огарева...— Речь идет о письме А. К. Лахтина, члена кружка Герцена и Огарева, от 28 июня 1833 г. См. публикацию этого письма и анализ содержащихся в нем историко-политических высказываний в *ЛН*, т. 63, стр. 287—296. Это письмо явилось единственным поводом для высылки Лахтина из Москвы.

В письме от 26 августа Огарев, между прочим, пишет к Вам...— Это письмо Огарева от 26 августа 1833 г. сохранилось в следственном деле (*Огарев*, II, стр. 268—270).

...Над кем бишь в древности висел меч на волоске...— Огарев имеет в виду миф о Дамокле.

...о каком упоминаете здесь происшествии? — Во время допроса 24 сентября 1834 г. Огарев следующим образом ответил на этот же пункт: «Это, помнится мне, известие о том, что я нахожусь под надзором полиции, известие, сообщенное мне соседкою нашей Екатериной Николаевной Чулковой. Это известие меня очень беспокоило и потому более, что я боялся, чтобы оно не дошло до моего отца» (*ЛН*, т. 63, стр. 291).

Для чего друг Ваш Огарев в письме своем советует Вам как можно чаще читать «Вильгельма Телль»? — Речь идет о следующем высказывании в письме Огарева к Герцену от 29—30 июля 1833 г.: «Я во время убийст-

[1] Рукопись повреждена.— *Ред.*

венной скуки, которая снедала меня, прочел „Вильгельма Телля". Друг, если ты давно не читал его, р⟨ади⟩ бога прочти и читай ча⟨сто⟩, как можно чаще. Эта пьеса представляет эпоху кризиса. Ах! что я чувствовал, когда читал ее, ты не можешь себе представить; ты поймешь, когда перечтешь еще раз, особенно же в минуту ожесточения, досады, ненависти» (*Огарев*, II, стр. 266). Эти строки Огарева вызвали у следственной комиссии особый интерес, так как в них был справедливо усмотрен революционный, антимонархический смысл. Отвечая на вопрос, почему он советовал Герцену как можно чаще читать эту драму, Огарев показал на допросе 24 сентября 1834 г.: «Потому, что это, по моему мнению, лучшее творение Шиллера, одного из любимых моих поэтов; в нем видна личность драматического создания, между тем как в прочих трагедиях Шиллера видна недоконченность. Может быть, меня подозревают в том, что я сей совет дал потому, что в „Вильгельме Телле" есть заговор и возмущение; подозревают меня в либерализме, но в шиллеровском „Дон-Карлосе" несравненно более либеральных идей, а я нахожу его самой худшею Шиллеровой пьесой и никогда не посоветовал бы часто его читать» (*ЛН*, т. 63, стр. 292).

«Эта пиэса представляет эпоху кризиса ∞ из общих начал моей философии истории должен я вывести план ассоциации»? — Отвечая на этот же вопрос, Огарев писал в своих показаниях следственной комиссии: «Действительно, в „Вильгельме Телле" выставлена эпоха кризиса, но такая, где разрушается старое, а не созидается новое. Состояние же ожесточения, вероятно, тогда было произведено каким-нибудь обстоятельством, известием ли о том, что я нахожусь под надзором, или чем другим, не припомню. План же универсальной ассоциации объяснен мною в первом пункте показаний в прошедший раз мною деланных» (там же).

В письме своем от 31 августа 1833 года вы пишете к г. Огареву ∞ ни господина, ни слуги»? — Давая объяснения по поводу этого высказывания Герцена, Огарев писал 20 августа 1834 г.: «Письмо сие от г. Герцена я понимаю следующим образом. В начале христианской эпохи католицизм соединил под одну идею все государства европейские; все народы жили под единою волею папы; все умы имели одно направление, господствовала везде одна вера, одно начало развивалось повсюду. Реформация впервые потрясла веру разбором, анализом,— где разбирали, там уже не могли верить. Посему-то в письме г. Герцена реформация отнесена к веку аналитическому, разрушительному. Таковое направление умов, где господствовали разбор и критика, более и более потрясало здание общественное, и, наконец, революция французская оное разрушила; место централизации иерархической заступила республика, анархия или конституционное правление, которое представляет только видимое слияние трех элементов общества, т. е. аристократии, народа и власти государя, но на самом деле мешает каждой из частей общества идти путем улучшения. А сей-то путь улучшения, совершенствования есть то, что в помянутом письме названо нынешним направлением. Действительно, разрушенные элементы жизни гражданской требуют обновления. Обновление же сие, по моему мнению, должно состоять в уничтожении эгоизма, поселившегося во всех разрядах гражданского общества от влияния революционного анализа. Даже эгоизм наций должен бы кончиться, и место вражды заступят мир и любовь. Как в порядке историческом человек свое себялюбие уничтожил в семействе, семейство — в нации, так, как любовь к семейству одержала верх над любовью к самому себе, любовь к отечеству, к нации над любовью к семейству, так нация должна уничтожиться в человечестве; все народы должны соединиться в одно целое — человечество. В таком состоянии, действительно, нет ни господина, ни слуги, в том смысле как

ныне это понимается, то есть нет ни покорителя, ни покоряющегося, но в сем состоянии общего соединения человечества всегда найдется человек, волею провидения предназначенный освещать людям путь их к совершенствованию, вести их выше и выше на ступени, провидением предначертанные. Такой человек будет центром всего человечества; таковое же состояние человечества есть, может быть, сказанное во святом Евангелии в следующих словах: „И будет едино стадо и един пастырь".

Что же касается до упомянутого в письме г. Герцена о Германии, то я понимаю это таким образом, что Германия по чистоте своих нравов более способна к принятию вышеписанных мыслей, нежели Франция, где наиболее господствует эгоизм, воспрещающий людям жить соединенно в совершенном мире и любви» (*Л* XII, 336—337).

В другом письме к Огареву ∞ науки пусть займут всю жизнь». — По поводу этого письма Огарев дал во время того же допроса следующие показания: «Saint-Simonisme есть учение Сен-Симона, в котором изложена та мысль, что Европе недостаточно теперешнего устройства и что для нее необходимо обновление; о сем я писал к г. Герцену, вероятно, после чтения о сем предмете в каком-либо журнале; он с сим согласен и полагает, что революция 89 года не иное что сделала, как разрушила старое, не построив, не создав ничего на месте оного, между тем как государства европейские (что в письме г. Герцена разумеется под обществами Европы) требуют замену уничтоженному. Системы Фурье я не помню и не помню даже, читал ли даже ее или нет — Я, г. Герцен и Вадим Пассек занимались науками вместе, стараясь огать, объяснять друг другу непонятное, рассказывать друг другу, что каждый читал, и таким образом старались более и более постигать обширный круг наук. Под словами „одно целое" разумеет г. Герцен тесную связь наших умственных занятий. Где теперь г. Пассек, я отвечать не могу, ибо еще до моего ареста давно с ним не видался. Лета его мне неизвестны; чин — титулярный советник; занятия и мысли его наиболее сосредоточены на предметы древней русской истории» (там же, стр. 337).

..и в статье моей о книге Бюше...— Статья Герцена о книге Бюше остается неизвестной — см. выше комментарий к письму 153.

...секту Энфантена...— Герцен имеет в виду последователей утопического учения Сен-Симона, группировавшихся вокруг Бартелеми-Проспера Анфантена (Enfantin).

Вадим Васильевич Пассек ∞ ныне служащий при Императорском Харьковском университете...— В. В. Пассек был вызван в Харьков для занятия в университете кафедры русской истории. Вскоре после ареста Герцена, Пассек с женой отправился в Харьков. Товарищ попечителя Харьковского университета граф А. Н. Панин «с глубоким прискорбием» сообщил Пассеку по приезде, как рассказывает в своих воспоминаниях Т. П. Пассек, что «из Москвы получена бумага, в которой сказано, чтобы не допускать Вадима Пассека до чтения лекций, вследствие его близких отношений с арестованными молодыми людьми, а если уже читает, то учредить строгий надзор» (*Пассек*, II, стр. 31). В кафедре Пассеку было отказано (Герцену это еще не могло быть известно).

О В. В. Пассеке, «за всеми принятыми следственною комиссиею мерами не сысканном», в следственном деле сказано: «Дружественною связию с Огаревым и Герценом навлекает на себя сомнение в рассуждении одинакового с ними образа мыслей; но без собственного его объяснения и других ясных улик нельзя еще его признать прямо прикосновенным к настоящему делу». Там же приведено мнение председателя комиссии, Голицына: «Подвергнуть секретному наблюдению в том месте, где откроется его пребывание, не лишая права заниматься службою, и ежели он по верным сведениям окажется неподозрительным, то устранить и

самый надзор за ним» (*ЦГИАМ*, ф. 95, д. 239, 1834 г., ч. I, л. 244 об.—245).

...список, при сем оказываемый...— В следственном деле находится следующий список, написанный рукой Герцена и предназначавшийся для распределения печатных экземпляров его книги (*ЦГИАМ*, ф. 109, 1 эксп., № 239, ч. I, л. А, 1834, лл. 144—145):

1
2
3
4
5
6 — Огареву
7 — Сазонову
8 — Лахтину
9 — Кетчеру
10 — Сатину
11 — Носкову
12 — Иваненке
13 — Харламову
14 — Водо
15 — Фишеру
16 — Гейману
17 — Ал. Ал. Яковлеву
18 — Зубкову
19 — Полевому
20
21 Пассекам
22 — Дм⟨итрию⟩Ник⟨олаевичу⟩ Болховскому
23 — Мих⟨аилу⟩ Фед⟨оровичу⟩ Орлову
24 — Пименову
25 — Морошкину
26 — Натал⟨ье⟩ Алекс⟨андровне⟩
27 — Эм⟨илии⟩Мих⟨айловне⟩
28 — Елене Николаевне
29 — Ник⟨олаю⟩ Никол⟨аевичу⟩Бахметьеву
30 — Ключареву
31 — Архитект⟨урному⟩ училищу
32
33 Гимназиям
34
35 — Галушке
36 — Савичу
37 — Лажечникову
38 — Раевскому
39
40
41
42
43
44
45
46
47
48
49
50

...писал сейчас весьма длинное беспорядочное письмо к Герцену... — Это письмо Н. М. Сатина к Герцену (от 28 июля 1833 г.) остается неизвестным (см. о нем на стр. 593 наст. тома). 2 июля 1833 г. Сатин сообщал Огареву: «За несколько дней до моего отъезда из Москвы случилось ужасное происшествие; действующие лица оного тебе известны — это Почека и Эмилия Гебель. Невозможно описать тебе всей гнусности поступка Почеки; скажу только, что он, употребляя самые низкие средства, обольстил ее, уговорил бежать, уверил ее, что она не дочь Гебеля, и для того, чтобы вытравить ребенка, который существовал в ней уже два месяца, он дал ей такие сильные капли, что они ей испортили внутренность. Им сводничала Золотухина, которая жила тут же в доме; Эмилия за несколько дней до того дня, в который назначен был побег,— выкинула, все это, само собою разумеется, делалось тайно от отца и матери, которые, впрочем, начинали подозревать связь своей дочери; наконец, в день их побега, мать, еще более убеждаемая словами пьяной женщины, Золотухиной, приняла все меры дабы воспрепятствовать побегу; это так сильно поразило Эмилию, что с ней сделался сильный обморок, конвульсии, и с этой минуты она почти не приходила в себя, ровно целую неделю она была в самом сильном сумасшествии, в самых ужасных терзаниях...» (*ГМ*, 1919, № 1—4, стр. 67—68). И. А. Оболенский в своих показаниях, данных 30 августа 1834 г., утверждал, что Эмилия Гебель умерла не от отравления, а от сильной горячки, что она вовсе не была соблазнена Почекой. «Люди, всегда более способные верить дурному, нежели хорошему, начали приписывать Почеке причину смерти Эмилии, полагая, что он был ее обольстителем. Но я, зная благородные чувства и поступки Почеки, я всегда готов был защищать, хотя бы пред целым светом, невинность Почеки» (там же, стр. 69). Огарев в своих показаниях отмечал: «История же Почеки состоит в слухах, которые носились о том, будто бы Почека обесчестил дочь одного почтенного человека, музыканта г. Гебеля, который дает уроки на фортепьяно, и что сия девица после сего умерла, будто бы, от отравы, Почекою ей данной. Но сии слухи, кажется, несправедливы; Почека был студентом в Московском университете, я после сего с ним не знаком» (*Л* XII, 340).

Близкий друг Почеки Н. В. Станкевич, хорошо знавший подробности его отношений с Эмилией Гебель, решительно отрицал его виновность и объяснял распространение порочащих Почеку слухов злонамеренной клеветой (см. его письмо к Я. М. Неверову от 14 сентября 1833 г., где упоминается и Герцен, скрытый под инициалом Г.— «Переписка Николая Владимировича Станкевича (1830—1840)», М., 1914, стр. 245—247). См. также восторженную характеристику личности Почеки в воспоминаниях его университетского товарища Я. И. Костенецкого («Русский архив», 1887, № 1, стр. 111). По-видимому, Герцен впоследствии полностью удостоверился в невиновности Почеки. В «Былом и думах» он писал: «Я помню юношеские оргии, разгульные минуты, хватавшие иногда через край, я не помню ни одной безнравственной истории в нашем кругу, ничего такого, от чего человек *серьезно* должен был краснеть, что старался бы забыть, скрыть» (VIII, 151). См. выше письмо 10 и комментарий к нему.

...смысл письма Вашего от 7 или 8 августа к Огареву... — См. выше письмо 18.

О какой тайне писал к Вам Огарев... — В своем ответе следственной комиссии от 20 августа 1834 г. по этому поводу Огарев разъяснял: «Писал я к г. Герцену о моем состоянии, которое в то время было совершенно поэтическое, восторженное, прося письма сего никому не показывать, т. е. держать в тайне. Тайна же сия состояла именно в том, что я не хотел, чтобы кто-либо, кроме г. Герцена, знал о моем состоянии и о стихах, которые я в сем письме писал, но которых теперь не помню. Кажется, впоследствии я собирался их печатать, но остался ли у меня экземпляр

оных, не знаю. Г-н Сатин счел себя обиженным,— за сие отвечать не могу» (*Л* XII, 339).

...и оскорбленный Сатин писал ко мне об этом из Тамбова в июле 1833 г.— Это письмо Сатина к Герцену неизвестно. 28 июля 1833 г. Сатин писал Огареву из деревни Сергеевка: «Прости мне, я не могу писать к тебе теперь много, ибо я весь расстроен, растерян, писал сейчас весьма длинное, беспорядочное письмо к Герцену, и еще не утихли сильные волнения души моей» (*ЦГИАМ*, ф. 109, 1 эксп., № 239, ч. I, л. А, 1834, л. 95 об.).

Это несколько беглых мыслей, явившихся мне при чтении статьи из «Эдинбургского обозрения» ∞ переведенную в «Телескоп» два года тому назад.— Речь идет о переводе анонимной статьи «Современный дух анализа и критики», напечатанном в № 19 «Телескопа» за 1832 г. (стр. 273—309). Заметку Герцена об этой статье, начинающуюся словами «Развитие человечества, как и одного человека», см. в т. I, стр. 26—28.

...следующие слова Гизо...— Герцен ссылается на следующее высказывание, приведенное им в зачеркнутом варианте упомянутой выше заметки: «Гизо, принужденный после 30 июля отказаться от министерства, с свойственною ему благородностию говорил, что весьма справедливо, что его исключили, ибо люди, произведшие переворот, не годятся в состоянии спокойствия» (I, 463).

... аллегорического письма Вашего к Людмиле, от 3 августа 1833 года...— Имеется в виду изъятая у Герцена при аресте статья «3 августа 1833. Людмиле Александр» (I, 56—58). Аллегория, несомненно, имела революционный подтекст.

В одном письме она желает Вам достижения славной цели своей...— Это письмо неизвестно. (Герцен в 1835 г. сжег все адресованные ему письма Л. В. Пассек — см. письмо 122). В «Былом и думах» Герцен писал о Л. В. Пассек: «...мы вместе мечтали о будущем, о ссылке, о казематах, она была на все готова. Внешняя сторона жизни никогда не рисовалась светлой в наших фантазиях, обреченные на бой с чудовищною силою, успех нам казался почти невозможным...» (VIII, 331).

Во «всеподданнейшем докладе» следственной комиссии царю от 21 января 1835 г. сообщалось: «Герцен был еще вопрошаем по переписке его с девицею Людмилою Пассек, заключающей в себе выражения и некоторые иносказания, казавшиеся по началу сомнительными. Но ответами его и самыми письмами девицы Пассек объяснилось, что сношения их ограничиваются одною взаимною друг к другу привязанностию. Посему Пассек не была требована к ответствию» (*ЦГИАМ*, цит. дело, ч. I, лл. 154 об.— 155).

Огарев в письме своем ∞ что мне 18 лет и проч.»? — Речь идет о письме Н. П. Огарева от 3—4 сентября 1832 г. Отвечая следственной комиссии на этот же вопрос 24 сентября 1834 г., Огарев указал: «Что за статья сия, я не помню и впоследствии не писал. О том, что наша цивилизация XVIII века, а не XIX, я думал потому, что во Франции, которая мне кажется как бы вождем европейской цивилизации, во Франции в XIX веке наибольшая власть в руках среднего сословия, а у нас в руках высшего сословия, как то было во Франции в XVIII столетии; у нас в XIX столетии аристократия еще наследственная, а во Франции аристократия промышленников — денежная. Кажется, эта мысль должна была служить основанием предположенной статье. Не помню, о каком месте из книги „Philosophie du droit" я помянул в письме. Творить мне хотелось бы на поприще гражданской деятельности, но для сего надобна служба и влияние. 18-летнему мальчику это невозможно, и это тогда мне было очень досадно» (*ЛН*, т. 63, стр. 292—293).

В донесении председателя следственной комиссии Голицына в III отделение от 8 сентября 1834 г. о Герцене сказано: «*Герцен* подвергнут

аресту по дружественной связи с Огаревым. Он человек самых молодых лет, с пылким воображением, способностями и хорошим образованием. В пении пасквильных стихов не участвовал, но замечается зараженным духом времени. Это видно из бумаг и ответов его. Впрочем, никаких злоумышлений или связей с людьми неблагонамеренными доселе ни в чем не обнаружено» (л. 70).

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЙ ВОПРОСНЫЙ ПУНКТ, ПРЕДЛОЖЕННЫЙ В ПРИСУТСТВИИ ВЫСОЧАЙШЕ УЧРЕЖДЕННОЙ СЛЕДСТВЕННОЙ КОМИССИИ ТИТУЛЯРНОМУ СОВЕТНИКУ АЛЕКСАНДРУ ГЕРЦЕНУ НОЯБРЯ 1 ДНЯ 1834 ГОДА

Печатается по автографу (*ЦГИАМ*, ф. 109, оп. 9, ед. хр. 239, ч. 1, л. А, 1834, л. 501). Впервые опубликовано: *Л* XII, 353.

Дополнительный допрос Герцена был вызван следующими обстоятельствами. Тотчас же после ареста «лиц, певших в Москве пасквильные песни» и других привлеченных к этому делу, московскому почт-директору А. Я. Булгакову предписано было подвергать перлюстрации письма, получавшиеся на имя арестованных. 1 сентября 1834 г. Булгаков направил в следственную комиссию собственноручно снятую и заверенную им копию следующего письма к Герцену Моисея Михайловича Иваненко из Одессы от 18 августа 1834 г. (печатается впервые): «Ты меня спрашиваешь, зачем я живу в Одессе? Разве это от меня зависит? Я долго боролся с упрямою волею отца, но она победила. Впрочем, я надеюсь, что мое затворничество не будет продолжительно: еще год, и я полечу туда, где указывают мне цель ум и сердце. До тех пор я буду жить мечтами; письма твои будут освежать мой сиротеющий дух, в них я нахожу тот голос и те звуки, которые мне издавна милы. Они однако ж слишком редки; из всех моих товарищей только ты не забываешь меня. Отчего ни Сазонов, ни Сатин, ни Огарев не улучат свободного времени, которого у них должно быть много, и не подадут о себе вести? Если б они знали, как вести из Москвы утешительны в нашей глуши! Я же с своей стороны обещаюсь тремя письмами отвечать на их одно.— Ты говоришь в своем письме, что я никогда не умел отдать должной справедливости Полевому. Мне объяснил истинные его заслуги г-н Розберг, издатель „Одесского вестника“, один из здешних литераторов, знакомство с коим доставляет мне иногда приятные минуты. „Знаете ли вы,— говорил он мне,— что такое был Московский университет в мое время? Поверите ли, что мы считали Победоносцева достойным профессором, что кафедра казалась для нас заветною гранью ума и учености? Профессоры не заботились о достоинстве своих лекций; они знали, что каждое их слово будет принято с благоговением студентами. Вдруг в 1826 году какой-то смельчак, без имени, без известности, возвысил свой голос из среды толпы — и этот голос был смел и независим. Он посягнул на упроченные знаменитости, он смял и истоптал в грязи незаслуженные славы, он открыл пятна в этих блистательных солнцах. И студенты откликнулись на этот голос; они с жадностью расхватывали первые книжки „Телеграфа“; они с изумлением почувствовали, что и их мнение важно, что не одни профессоры могут судить и мыслить. Полевой перенес их в новый, чуждый им до того мир; он приподнял завесу с европейских таинств, о которых они не имели решительно никакого понятия. Он стал говорить, хотя часто и невпопад, о Шеллинге, о Геерене, о Гизо, и возбудил желание познакомиться с ними в подлиннике. Вот истинное, важное достоинство Полевого: он дал толчок свободе мыслей, он указал путь юным литераторам“.

Но я скажу о нем, что ты сказал о Кузене: *мы ушли далее*. Познакомившись без постороннего посредства с образцовыми иностранными писателями, мы увидели шаткость мнений „Телеграфа", неосновательность его суждений; он ни одного автора не понял вполне, не объяснил, как должно. Он кричал о Вильмене и ставил его наряду, если не выше, Шлегеля, у него Барант изображен гигантом, Геерен изуродован. Итак, Полевой был для нас каланчою, вечем новгородским, он первый заазвонил в колокол нравственной независимости. Но звонарь остался при колокольне, а сильные пошли вперед. Вскоре в университете явились: Василевский, Павлов, Давыдов, Надеждин, которых понятия были выше его понятий. Впрочем, Полевой будет всегда иметь право на наше уважение и признательность: он, по крайней мере, любил родину, он желал ей просвещения и деятельно оному способствовал. Запрещение „Телеграфа" — точно потеря для нашей литературы: как журналист он превосходен. К чему только он брался за „Историю русского народа"? Самые его романы ничтожны.— Я с любопытством буду ожидать издания твоего сокращения Кузеновой книги „Rapport sur l'état de l'instruction publique en Allemagne". Твои мысли насчет необходимости сближения с Германиею я вполне разделяю: пример Петра Великого в этом отношении особенно важен. Он старался все германское переселить на нашу почву: германские обычаи, германские названия должностей, германское чиноположение. Язык немецкий господствовал у нас в литературе, в политике, во всем, что касается государственного устройства, до времени Екатерины II, которая во многом шла наперекор великому преобразователю России. Она бросила немцев и привязалась к французам: их легкомыслие и блестящий лоск более ей нравились как женщине, нежели важная глубокомысленность германцев.— Я продолжаю трудиться для вашей книги, не знаю только, в состоянии ли буду доставить тетрадь in folio толщиною в ладонь. Не можешь ли ты достать в Москве Мицкевича сочинений, парижского последнего издания, со включением и 4-го тома? Сазонов мастер на это; он ведет переписку с целым светом и не откажется мне помочь. Если можешь, то уведомь меня о цене; я деньги тотчас вышлю. Безопаснее всего, как меня уверяют, пересылать чрез почту: посылки никогда не распечатываются.

Post-Scriptum. Я был два месяца в отпуску и уже по возвращении застал твое письмо в Одессе, а потому так поздно и отвечаю на него» (*ЦГИАМ*, ф. 109, ед. хр. 239, ч. I, л. Б, 1834, лл. 553—556).

Найдя в высказываниях Иваненко «опасное вольномыслие» и обратив внимание на приведенные им суждения Розберга, издателя «Одесского вестника», следственная комиссия направила в Одессу графу Воронцову и попечителю Одесского учебного округа Покровскому секретные запросы о политической благонадежности Иваненко и Розберга. Полученные вскоре положительные характеристики «о нравственности и поведении» избавили Иваненко и Розберга от привлечения к следствию. Никаких компрометирующих Иваненко материалов не дал и допрос Герцена.

Несколько раз писал к нему...— Письма Герцена к Иваненко неизвестны, так же как и ответные письма последнего, за исключением приведенного выше письма, находившегося в распоряжении следственной комиссии.

...в предполагаемый мною Альманах на 1835 год.— О намерении Герцена издать к 1835 г. альманах упоминает также в своем письме Иваненко (см. выше). Никаких других данных об этом альманахе нет. Отметим, что еще в 1833 г. Герцен, В. В. Пассек и Сатин подготовили к печати большой альманах, о котором сохранились следующие упоминания в письмах Т. П. Пассек к мужу. 2 марта 1833 г. она сообщала:

Вчера весь день, вместе с Сашей и Сатиным, была занята „Альманахом". Статья Саши „Гофман" и статья Погодина отыскались ⟨...⟩ В понедельник рукопись отдается в цензуру». 21 апреля: «Сатин больше всех хлопочет об альманахе⟨...⟩Подавали рукопись в цензуру — не приняли, велели переписать, говорят: слишком дурно переписано» (*Пассек*, I, стр. 453 и 456). Т. П. Пассек указала впоследствии в своих воспоминаниях, что «„Альманах" был составлен хорошо, хорошо переписан — но цензура так много изменила, что он остался неизданным» (там же, стр. 457).

⟨ПРОШЕНИЕ НА ИМЯ кн. С. М. ГОЛИЦЫНА⟩

Печатается впервые, по автографу (*ЦГИАМ*).

Публикуемое письмо отправлено Герценом незадолго до окончательного решения следственной комиссии. Написано оно, несомненно, под прямым воздействием И. А. Яковлева, настойчиво искавшего путей для облегчения судьбы своего сына. Яковлев неоднократно обращался с письмами к С.М. Голицыну и К.Г.Стаалю, то добиваясь свидания с Герценом, то требуя выдачи его на поруки. 14 декабря 1834 г. он писал Стаалю: «Милостивый государь Карл Густавович! Воспитанник и сын мой Александр Герцен уже пять месяцев содержится под арестом: я не знаю, чем он заслужил такое долговременное и тяжкое заточение; но, имев его безотлучно со дня его рождения под моим надзором, поверить можно, что я знаю короче и лучше, чем кто-либо, его склонности и поведение, в коих предосудительного я никогда и ничего не заметил, да сверх того я знаю, что он при отличных умственных и душевных качествах не одарен природою крепким сложением. Теперешнее его положение, в котором он томится долгое время, разлучен будучи со всеми близкими его сердцу родными и наставниками, удален будучи от всякого сообщения с людьми просвещенными и не имев способа заниматься чем-либо полезным, находясь беспрестанно и без движения в горнице сырой и угарной, без пособия какого-либо медика, положение сие необходимо расстраивает остатки его здоровья и заглушает развившиеся умственные его способности, о коих свидетельствует приобретенное им звание кандидата и медаль за его сочинение. Сострадая как отец и христианин о таком настоящем его положении и неминуемых последствиях от оного, я смею прибегнуть к вашему превосходительству с покорнейшею моею просьбою, чтобы вы, со свойственным вам снисхождением, приняли на себя труд исходатайствовать от кого следует, чтобы сына моего Александра Герцена отдали мне на расписку; уверяю вас, милостивый государь, что он, находясь на моей ответственности и под моим присмотром, так же будет всегда в распоряжении комиссии, как и теперь; далее же моя надежда опирается на невинность моего сына и на основное правило для судей, изложенное в премудрых словах, начертанных рукою премудрой Екатерины, что лучше десять виновных простить, чем одного невинного наказать.

Чтобы извинить или облегчить мою нескромность, прошу ваше превосходительство только вообразить себе, что я, как отец, пять месяцев нахожусь в беспрестанном страдании и беспокойстве насчет моего сына, имев перед глазами несчастную его мать и знав, какое живое участие берут в моем положении не только родные, но некоторые и из знакомых; простительно ли мне изыскивать все способы себя и их успокоить. Вот что понуждает меня утруждать ваше превосходительство и просить вас быть за меня предстателем.

С глубоким почитанием и истинною преданностью честь имею пребыть вашего превосходительства покорнейшим слугою, Иван Яковлев» (*Л* XII, 354—355). 17 декабря, рассмотрев прошение Яковлева и рапорт о нем Стааля, следственная комиссия категорически отказала ему в выдаче Герцена на поруки.

За два дня до отправления публикуемого письма Герцена, 4 января 1835 г., комиссия разрешила свидания с Герценом помимо его отца, матери и брата также и другим родственникам. Вероятно, именно 5 или 6 января отец и предложил Герцену — лично или через родных — обратиться самому с письмом к председателю следственной комиссии. Не исключено, что самый текст письма был написан не Герценом, а Яковлевым и только перебелен рукой Герцена. Это предположение тем более вероятно, что и характер письма, и его стиль, и отдельные формулировки чрезвычайно напоминают письма И. А. Яковлева.

Личное обращение Герцена к Голицыну никакого влияния на его судьбу не имело. Участь его была заранее предрешена.

В своем отношении к шефу жандармов от 21 января 1835 г., после окончания работы следственной комиссии, Голицын писал по поводу той категории заключенных, к которой относился Герцен: «Хотя не видно в них настоящего замысла к изменению государственного порядка и суждения их, не имеющие еще существенно никаких вредных последствий, в прямом значении не что иное суть, как одни мечты пылкого воображения, возбужденные при незрелости рассудка чтением новейших книг, которыми молодые люди нередко завлекаются в заблуждения, но за всем тем имеют вид умствований непозволительных как потому, что, укореняясь временем, могут образовать расположение ума, готового к противным порядку предприятиям, так и потому, что люди с такими способностями и образованием, какие имеют означенные в сем разряде лица, удобно могут обольщать ими других». Голицын рекомендовал при этом Герцена, «не участвовавшего в пении и слушании пасквильных стихов и прикосновенного к следствию по одному образу мыслей его, не подвергая дальнейшему аресту, отослать на службу в какую-либо отдаленную губернию под строгое наблюдение начальства» (*Л* XII, 357).

‹ПОДПИСКА ОБ ОЗНАКОМЛЕНИИ С ПРИГОВОРОМ›

Печатается впервые, по автографу (*ЦГИАМ*).

Публикуемая подписка была взята у всех привлеченных к делу «О лицах, певших в Москве пасквильные песни» в день объявления им приговора — 31 марта 1835 г. Герцен, подробно описавший этот день в «Былом и думах», ошибочно указывает, что это происходило 20 марта (см. VIII, 210—217).

ДАРСТВЕННЫЕ НАДПИСИ, ЗАПИСИ В АЛЬБОМЫ

1. Н. А. ЗАХАРЬИНОЙ

Печатается по копии Н. А. Захарьиной в письме к Герцену от 26—29 марта 1838 г. (*ЛБ*). Впервые опубликовано: *Изд. Павл.*, стр. 538. Местонахождение автографа неизвестно.

2. Н. А. ЗАХАРЬИНОЙ

Печатается по копии Н. А. Захарьиной в письме к Герцену от 26—29 марта 1838 г. (*ЛБ*). Впервые опубликовано: *Изд. Павл.*, стр. 538. Местонахождение автографа неизвестно. Известны два издания басен Эзопа, на одном из которых Герцен мог сделать свою надпись: «Езоповы басни с русским переводом для наставления юношества во французском языке». 2 части. М., 1824; «Езоповы басни на российском, немецком и французском языках». 4 части. М., 1827—1828.

Наталья Александровна писала Герцену в упомянутом выше письме: «...Эзоповы басни — и там: „милой сестрице“, и там глядела, не нагляделась на эту надпись, потому что никто меня не звал ни сестрицей, ни милой, эта надпись смягчала и страх, который я имела к тебе,— поверишь ли: больше всех на свете боялась и стыдилась».

З. Т. П. КУЧИНОЙ

Печатается по тексту: *Пассек*, I, стр. 273, где опубликовано впервые. Местонахождение автографа неизвестно.

«12 января был день моих именин,— сообщает в своих воспоминаниях Т. П. Пассек.— Проснувшись поутру я увидала подле себя на столике, в хорошем переплете, оба тома „Освобожденного Иерусалима“, перевод Раича. Я взяла первую часть, раскрыла и прочла надпись, сделанную рукой Саши: „Новой Армиде, один из рыцарей“.

Все шутили над этой надписью; но я не шутила — я была тронута. Увидавши меня, Саша, краснея, робко спросил, что я думаю о надписи на подаренной им мне книге. Я отвечала, что как в этой надписи, так и во всем относительно меня я вижу его чувство дружбы, сквозь которое он смотрит на меня лучше, нежели я есть в самом деле.

У Саши навернулись на глазах слезы; он молча и горячо обнял меня.

Саше нравился тогда „Освобожденный Иерусалим“, он иногда читал нам из него громко некоторые места и отметил карандашом, где говорится о розе:

Она мила, пока мала,
Пока не развернулась,
Глядишь — покров разорвала
И смело улыбнулась,
Глядишь — и роза уж не та,
Которой меж цветами
Искала не одна чета
Влюбленными очами.

Цвет нашей жизни с каждым днем
Приметно блекнет, вянет,
Весну не раз переживем,
Не раз к нам май проглянет.
Любовь веснует только раз,
Раз в жизни сердце греет,
Рви розу в светлый утра час,
Пока не побледнеет»

(*Пассек*, I, стр. 272—273).

В другом месте своих воспоминаний Т. П. Пассек отмечает, что в день ее именин, 12 января 1829 г., Герцен подарил ей альбом, на последнем листочке которого было написано следующее четверостишие Жуковского, с подписью: А—р Г—н и датой: «*Москва*, 12 января 1829 года»:

«Скатившись с горной высоты,
Лежал во прахе дуб, перунами разбитый,
А с ним и гибкий плющ, кругом его обвитый,
О *дружба!* Это *ты!*».

(*Пассек*, I, стр. 252—253).

В своих «Записках одного молодого человека» Герцен вспоминал впоследствии, что писал Т. П. Пассек «раз двадцать в альбом по-русски, по-французски, по-немецки, даже, помнится, по-латыни» (I, 277). Цитируя эти строки, Т. П. Пассек отметила в подстрочном примечании: «Альбом этот подарил мне Саша в мои именины. Несколько лет тому назад его у меня украли, как редкость...» (*Пассек*, I, 208). Альбом продолжает оставаться неизвестным.

4. Н. П. ОГАРЕВУ

Печатается по автографу (*ЦГИАМ*). Впервые опубликовано: *ЛН*, т. 61, стр. 712.

Саркастическое замечание Герцена, по-видимому, относится к следующему месту письма Огарева: «Фихте положил начало всего, сделал центром всего — человека; что ж было последствием? Человек отъединился от всего и сделался каким-то ужасно эгоистическим существом. Спиноза вложил всё в бога — и что ж? Человек исчезнул. Шеллинг уравнял бога с природой вещественной и с человеком (оба проявления божества), след. бог= человеку + природе. $A^x = b$ — боюсь произнести, но это мне кажется опасным пантеизмом. Смешно исследования философические выводить (позволь германские термины) из *не я* (nicht ich), ибо я не могу вообразить, что познаю что-либо, не ощущая, не познавая самого себя. Итак, начнем с самого себя. Едва я понимаю что-либо, как первое, что мне представляется, это я сам: ich bin, weil ich bin. Я сталкиваюсь с природой, и здесь начинается борение. Я хочу поработить себе природу — я двигаю веществом по своему произволу, следуя своей идее,— и вот происходит искусство. Я делаюсь творцом — в искусстве я развиваю свою мысль, свою умственную природу. Но я чувствую, что сам себе недостаточен, и, по закону причинности, дохожу до высочайшего существа ‹...›» (*ЛН*, т. 61, стр. 710).

5. П. ТРОМПЕТЕР

Печатается по авторской копии, приведенной в письме Герцена к Н. А. Захарьиной от 12 мая 1836 г.— см. стр. 78 наст. тома. Местонахождение автографа неизвестно.

6. Н. А. ЗАХАРЬИНОЙ

Печатается по автографу Гос. Лит. музея (Москва). Впервые опубликовано в «Бюллетенях Государственного Литературного музея» — «Герцен, Огарев и их окружение». М., 1940, стр. 56.

Надпись сделана на книге: «Notre Dame de Paris» par Victor Hugo. Tome I. Dixième édition. Bruxelles, 1835. На титульном листе книги штамп: «Библиотека, книжный и писчебумажный магазин Н. К. Чернышева, бывш. Егоровой. Москва, уг. Чистых прудов и Покровки, дом церкви св. Троицы». См. воспроизведение титульного листа в *ЛН*, т. 31-32, стр. 789.

О присылке Н. А. Захарьиной Герценом «Собора Парижской богоматери» см. выше, в письме 71.

19 сентября 1836 г. Н. А. Захарьина сообщала Герцену: «„Notre Dame de Paris“ я получила. Еще и еще целую тебя за этот подарок. Вообрази, они ‹М. А. Хованская и М. С. Макашина› заставили меня читать, и обе! Сначала смотрели ее, вертели на все стороны (как мартышка очки в басне Крылова); им казалось, что и от переплета пахнет *вольнодумством!* Как бы позабавила тебя эта сцена!» (*Изд. Павл.*, стр. 141).

7. А. Л. ВИТБЕРГУ

Печатается по тексту, сообщенному в письме Герцена к Н. А. Захарьиной от 6—9 сентября 1836 г. См. выше, письмо 74.

8. Л. И. ГААГ

Печатается по автографу (*ЛБ*) на титульном листе. Впервые опубликовано: *ОРГ*, стр. 123.

9. Н. А. ЗАХАРЬИНОЙ

Печатается по автографу (*ПД*). О высылке оттиска Н. А. Захарьиной см. выше, в письме 132.

10. НАДПИСЬ НА ПАКЕТЕ С ПИСЬМАМИ 1835 г. К Н. А. ЗАХАРЬИНОЙ

Печатается по тексту письма к Н. А. Захарьиной от 8—12 февраля 1838 г. (наст. том, стр. 283).

11. К. П. СМИРНОВУ

Печатается впервые, по фотокопии (*ЦГАЛИ*) с оригинала.

О характере связей Герцена с приятелем его отца, Константином Петровичем Смирновым, свидетельствуют воспоминания сына последнего, Н. К. Смирнова (приведены в статье: Н. Н. Чебышев. А. И. Герцен во Владимире.— «Труды Владимирской ученой архивной комиссии», т. IV, 1902, стр. 63—65). По-видимому, ни общие взгляды, ни интересы не связывали Герцена со Смирновым и отношения с ним прекратились, как указывает Н. К. Смирнов, с отъездом Герцена из Владимира. Дарственная надпись, сделанная Герценом на экземпляре его брошюры, была, по-видимому, данью признательности: К. П. Смирнов «благословлял вместе с своей дочерью его и невесту перед венцом и в обыскной книге расписался поручителем по невесте». Кроме того, Смирнов предоставил свою квартиру Герцену, для того чтобы его невеста могла провести в ней несколько часов перед венчанием. В воспоминаниях сына Смирнова содержится ряд интересных подробностей о дне свадьбы.

ПЕРЕЧЕНЬ НЕСОХРАНИВШИХСЯ ПИСЕМ ГЕРЦЕНА

1826—1838

1. Т. П. КУЧИНОЙ. *Лето 1826 г. Москва.* Умоляет простить за шутку с воланами. См. «Былое и думы» — VIII, 69; *Пассек*, I, стр. 210. Дата условно определяется на основании времени приезда Т. П. Пассек в Москву на коронацию Николая I.
2. Н. П. ОГАРЕВУ. *Лето 1828 г. Москва.* «Друг ваш или нет, еще не знаю». См. «Былое и думы» — VIII, 83. Письмо адресовано, по словам Герцена, в Кунцево. Огарев в «Моей исповеди» указывает, что в Кунцеве он проводил лето 1828 г.
3. Д. П. ГОЛОХВАСТОВУ. *Лето 1829 г. Москва.* Письмо «с примерами из римской истории и с латинскими словами». Просьба уговорить И. А. Яковлева не задерживать еще на год вступление в университет. См. письмо Герцена к Голохвастову от 10 февраля 1840 г.— т. XXII наст. изд.
4. Н. П. ОГАРЕВУ. *Лето 1829 г. Москва.* «Друг! В нескольких выражениях твоего письма видно самолюбие, даже больше — жажда власти, остерегись! О, неужели я, как Макс, должен буду, любя тебя, тебя покинуть — и ты разлюбишь меня, твоего Рафаила...» См. *ЛН*, т. 63, стр. 25. Дату указывает в своих воспоминаниях Т. П. Пассек.
5. Н. П. ОГАРЕВУ. *1829 (?) г. Москва.* «За „всяким" Фиеско стоит свой Веринна». См. «Былое и думы» — VIII, 84.
6. Т. П. КУЧИНОЙ. *1828—1829 гг. Москва.* «Утешайте, утешайте других, а друг ваш умирает с тоски, если бы не Фома Кемпийский, то не знаю, что бы со мной было,— в нем я нашел успокоение и отраду. Ради бога, возвращайтесь скорей». См. *Пассек*, I, стр. 272.
7. И. А. ЯКОВЛЕВУ. *17 марта 1831 г. Москва.* Извещает отца, что посажен в карцер на неделю (в связи с «маловской историей»). См. *Пассек*, I, стр. 323. Ср. VIII, 118—122.
8. И. А. ЯКОВЛЕВУ. *21 марта 1831 г. Москва.* О нежелании воспользоваться предложенным ему досрочным освобождением из карцера. См. *Пассек*, I, стр. 324. Ср. «Былое и думы» — VIII, 122.
9. Н. А. ЗАХАРЬИНОЙ. *Начало 1830-х гг. Москва.* Просьба прислать муравьиного спирту. См. письмо Захарьиной к Герцену от 20—28 апреля 1837 г.— *Изд. Павл.*, стр. 272.
10. Н. П. ОГАРЕВУ. *Август 1832 г. Москва.* О знакомстве с Америкой по книге Ахилла Мюрата «Письма о Соединенных Штатах к одному из моих друзей в Европе» — «мы худо понимали эту страну». «Нападки» на Европу. О переводах Кузена, Мишле. Сообщает адрес М. П. Носкова и Е. В. Пассека. См. письмо Огарева к Герцену от 3 сентября 1832 г.— *Огарев*, II, стр. 253—256.
11. В. В. ПАССЕКУ. *Весна — лето 1832 г. Москва.* См. *Пассек*, I, стр. 376.

12. Н. П. ОГАРЕВУ. *Начало сентября 1832 г. Москва.* Сообщение о том, что профессор М. Г. Павлов считает Герцена «шпионом Голохвастова» и что ему «приходится играть роль Гарвея Бирка». См. письмо Огарева к Герцену от 9 сентября 1832 г.— *Огарев*, II, стр. 257.
13. М. П. НОСКОВУ. *Середина июля 1833 г. Москва.* Извинение по поводу того, что не сообщил Носкову адрес Огарева. См. письмо Герцена к Огареву от 1—2 августа 1833 г.— стр. 22 наст. тома; ср. *Огарев*, II, стр. 268.
14. Л. В. ПАССЕК. *Начало октября 1833 г. Москва.* «Ангел мой, вчера приехали Вадим и Таня, будем осторожны...» См. *Пассек*, II, стр. 19. Ср. VIII, 331 и стр. 413 наст. тома.
15. М. М. ИВАНЕНКО. *1833 (?) — первая половина 1834 г. Москва.* Несколько писем. В последнем просит прислать статью для альманаха. См. дополнительный вопросный пункт, предложенный Герцену следственной комиссией 1 ноября 1834 г.— стр. 427—428 наст. тома.
16. М. М. ИВАНЕНКО. *Начало лета 1834 г. Москва.* Осведомляется, почему Иваненко живет в Одессе; утверждает, что адресат «никогда не умел отдать должной справедливости» Н. А. Полевому; высказывает мысль о «необходимости сближения с Германиею». Требует присылки для альманаха тетради «in folio толщиною в ладонь». См. письмо Иваненко к Герцену от 18 августа 1834 г. на стр. 594—595 наст. тома; ср. стр. 428.
17. В. П. ПЕТРОВУ. *Лето 1832 (?) — до 20 июля 1834 г. Москва.* См. ответ Герцена следственной комиссии на стр. 413 наст. тома.
18. Н. М. САТИНУ. *Весна — лето (до 20 июля) 1834 г.* Несколько писем, о которых Сатин отвечал в вопросном листе следственной комиссии 15 октября 1834 г.: «Находясь в нынешнем году в отпуску в продолжение трех месяцев, я писал только в Москву к Огареву и Герцену, но переписка эта не была последовательною и часто прерывалась. Они писали ко мне о том, как они живут, что делают, чем занимаются, я отвечал им почти тем же; они уведомляли также иногда моих знакомых о делах университета, о нововыходящих книгах и т. п.; я же, с своей стороны, писал к ним о наших провинциальных новостях и давал им некоторые незначительные препоручения. Тем, сколько могу упомнить, ограничивалась наша переписка. Как я сказал в предыдущем пункте, то я переписывался в нынешнем году с моею родительницею, моими родственниками, с Огаревым и с Герценом, но письма сих последних были весьма редки, в особенности же от Герцена». См. *ЦГИАМ*, ф. 109 I экспедиции, д. 239, ч. I, л. А, 1834, лл. 565 об.— 566.
19. М. А. ХОВАНСКОЙ. *21 июля 1834 г. Москва.* Поздравление с именинами. Поклон Н. А. Захарьиной. См. письмо Герцена к Н. А. Захарьиной от 16—21 июля 1837 г.— стр. 187 наст. тома.
20. Л. М. ЦЫНСКОМУ. *20-е числа июля 1834 г. Москва.* Основываясь на одном из пунктов полицейского устава, просит объявить причину ареста или же выпустить. См. «Былое и думы» — VIII, 186.
21. Н. А. ЗАХАРЬИНОЙ. *26 августа 1834 г. Москва.* Записка «первая после 20 июля». Вероятно, поздравление с именинами. «Я слышал, ты очень огорчилась, услышав обо мне,— это недостаток веры в меня и в Провидение». Рассуждения об А. С. Бирюкове. См. письма Захарьиной к Герцену от 28 июня 1835, 22—25 января и 30 марта — 2 апреля 1838 г.— *Изд. Павл.*, стр. 22, 435 и 544.
22. Н. А. ЗАХАРЬИНОЙ. *Ноябрь 1834 г. Москва.* См. письма Захарьиной к Герцену от 31 августа — 7 сентября и 23 ноября — 1 декабря 1836 г.— *Изд. Павл.*, стр. 131 и 186. Ср. письмо Герцена к ней от 11—18 января 1838 г., стр. 258 наст. тома. (Н. А. Захарьина указывает, что это первая записка Герцена из Крутицких казарм, где он впервые назвал ее «сестрою» и перешел на «ты». Возможно, Наталья

Александровна ошиблась и речь идет не о Крутицких казармах, а о Пречистенском частном доме, где Герцен находился в предварительном заключении. В таком случае письмо может быть отнесено к более раннему времени и, вероятнее всего, к 26 августа, когда Герцен уже говорил Наталье Александровне «ты» — см. в настоящем перечне № 21).

23. И. С. СЕМЕНОВУ. *10 декабря 1834 г. Москва.* Просьба дать Н. А. Захарьиной пропуск в Крутицкие казармы. См. письмо Герцена к Захарьиной от того же числа — стр. 27 наст. тома.
24. Н. А. ЗАХАРЬИНОЙ. *25 декабря 1834 г. Москва.* «Наташа! Люблю тебя!» См. письмо Захарьиной к Герцену от 23 ноября — 1 декабря 1836 г.— *Изд. Павл.*, стр. 186.
25. Н. А. ЗАХАРЬИНОЙ. *Конец декабря 1834 г. Москва.* См. письмо Герцена к Захарьиной от 31 декабря 1834 г.— стр. 29 наст. тома.
26. Э. М. АКСБЕРГ. *31 декабря 1834 г. Москва.* См. письмо Герцена к Н. А. Захарьиной от того же числа — стр. 30 наст. тома.
27. Н. А. ЗАХАРЬИНОЙ. *Ноябрь 1834 — март 1835 г. Москва.* Написано в Крутицких казармах; содержало упоминание о том, что собеседники Н. А. Захарьиной имеют на нее влияние и научили ее «притворяться». См. письмо Захарьиной к Герцену от 8—16 июня 1836 г.— *Изд. Павл.*, стр. 100.
28. Н. А. ЗАХАРЬИНОЙ. *Ноябрь 1834 — март 1835 г. Москва.* О слугах: «В этом классе есть инстинкт, которым они понимают человека, который их считает за человеков». См. письмо Герцена к Захарьиной от 9—12 марта 1838 г.— стр. 323 наст. тома.
29. Н. А. ЗАХАРЬИНОЙ. *Ноябрь 1834 — март 1835 г. (?) Москва.* «... я набрал несколько барельефов из своей жизни: там Emilie, там есть другие, и везде *ты* и *Огар⟨ев⟩*». См. письмо Герцена к Н. А. Захарьиной от 9—13 января 1837 г.— стр. 135 наст. тома.
30. Н. А. ЗАХАРЬИНОЙ. *Конец 1834 — начало 1835 г. Москва.* «... Я горд за тебя и тобою». См. письмо Захарьиной к Герцену от 28 мая 1835 г.— *Изд. Павл.*, стр. 14.
31. Э. М. АКСБЕРГ. *До 25 марта 1835 г. Москва.* См. письмо Герцена к Н. А. Захарьиной от того же числа — стр. 36 наст. тома.
32. Л. А. ЯКОВЛЕВУ. *До 25 марта 1835 г. Москва.* О преследованиях, которым подвергают Н. А. Захарьину в доме М. А. Хованской. См. письмо Герцена к Захарьиной от того же числа — стр. 35 наст. тома.
33. И. А. ЯКОВЛЕВУ. *До 25 марта 1835 г. Москва.* О том же. См. там же.
34. П. И. АПРАКСИНУ. *20 апреля 1835 г. Казань.* Просьба отвести где-нибудь комнату, чтобы обогреться и высушить платье. См. «Былое и думы» — VIII, 224.
35. П. И. АПРАКСИНУ. *20 апреля 1835 г. Казань.* Просьба немедленно отправить из Казани, так как на следующей станции сможет найти приют. См. «Былое и думы» — VIII, 225.
36. Н. А. ЗАХАРЬИНОЙ. *30 апреля — начало мая 1835 г. Пермь.* «О ужасном чувстве» во время переправы через Оку. См. письмо Герцена к Н. А. Захарьиной от 9—14 апреля 1837 г.— стр. 160 наст. тома. Датируется исходя из того, что Герцен прибыл в Пермь 28 апреля 1835 г., а первое письмо из Перми — от 29 апреля — известно (см. в наст. томе письмо 36).
37. Н. А. ЗАХАРЬИНОЙ. *До 13 мая 1835 г. Пермь.* Опасение, что Захарьина не хочет писать к нему, забыла его. Вероятно, сообщение о предстоящем переезде в Вятку. См. письмо Захарьиной к Герцену от 3 июня 1835 г.— *Изд. Павл.*, стр. 15.
38. Н. А. ЗАХАРЬИНОЙ. *21 мая 1835 г. Вятка.* См. письмо Герцена к Захарьиной от 8—12 февраля 1838 г.— стр. 284 наст. тома.

39. Н. А. ЗАХАРЬИНОЙ. *Весна 1835 г. (?)* О потере кольца, подаренного Герцену Захарьиной. См. письмо Герцена к Захарьиной от 29 сентября 1836 г.— стр. 104 наст. тома. (Полной уверенности, что это письмо было написано, не было у самого Герцена.)
40. Н. А. ЗАХАРЬИНОЙ. *Первая половина 1835 г.* «Оно ⟨провидение⟩ сперва хочет закалить свое оружие, потом употреблять его». См. письмо Захарьиной к Герцену от 26 августа 1835 г.— *Изд. Павл.*, стр. 28. (Не исключена возможность, что цитируется не письмо, а устное высказывание Герцена.)
41. О. В. ПАССЕК. *18 июля 1835 г. Вятка.* См. письмо Герцена к Н. И. Сазонову и Н. Х. Кетчеру от того же числа — стр. 47 наст. тома.
42. Э. М. АКСБЕРГ. *24 июля 1835 г. Вятка.* См. письмо Герцена к Н. А. Захарьиной от того же числа — стр. 48 наст. тома.
43. Н. А. ЗАХАРЬИНОЙ. *Д 1 августа 1835 г.* «Когда еще жизнь кажется запечатанным письмом, не должно бросать его». См. письмо Н. А. Захарьиной к Герцену от 1 августа 1835 г.—*Изд. Павл.*, стр. 25, и письмо Герцена к ней от конца августа 1835 г.— стр. 49 наст. тома.
44. Э. М. АКСБЕРГ. *20—26 августа 1835 г. Вятка.* См. письмо Герцена к Н. А. Захарьиной от 14—19 августа 1836 г., где он выражает намерение писать Аксберг «с будущею почтой»— стр. 92 наст. тома; ср. письмо Н. А. Захарьиной к Герцену от 7 сентября 1835 г.— *Изд. Павл.*, стр. 30.
45. Н. П. ОГАРЕВУ. *Август (?) 1835 г. Вятка.* О своем тягостном положении в Вятке. Утверждение, что Огарев имеет «выгоду — быть выше обстоятельств». О пребывании в Пензе знакомого Герцена—В. П. Сипягина, с которым рекомендует Огареву позна омиться. См. письмо Огарева к Герцену от 29 августа 1835 г.— *Огарев*, II, стр. 272—274; ср. там же, стр. 276.
46. П. П. МЕДВЕДЕВОЙ. *Лето 1835 г. Вятка.* Горячая благодарность за предложение тайно нарисовать портрет и отказ от этого предложения. См. «Былое и думы» — VIII, 338. Ср. письмо Герцена к Н. А. Захарьиной от 14—19 августа 1836 г.— стр. 93 наст. тома.
47. Н. А. ЗАХАРЬИНОЙ. *Ноябр 1834 — до ноября 1835 г.* «Нет, любить я не должен, это исковеркает меня всего, это овраг, в котором я погублю свою будущность, а моя будущность не мне принадлежит ⟨...⟩ Я очень боюсь *этого чувства*, оно либо потухнет, либо сожжет меня...» См. письмо Захарьиной к Герцену от 18—20 ноября 1835 г.— *Изд. Павл.*, стр. 44; ср. там же, стр. 78.
48. Н. Х. КЕТЧЕРУ и Н. И. САЗОНОВУ. *До 22 ноября 1835 г. Вятка.* «1834 год окончил наши „Lehrjahre“». См. письмо Герцена к Н. Х. Кетчеру и Н. И. Сазонову от 22—25 ноября 1835 г.— стр. 56 наст. тома.
49. Э. М. АКС ЕРГ. *25 ноября 1835 г. Вятка.* См. письмо Герцена к Н. А. Захарьиной от того же числа — стр. 57 наст. тома.
50. И. А. ЯКОВЛЕВУ и Л. И. ГААГ. *Декабрь 1835 г. Вятка.* Сообщает, что очень сблизился с молодым человеком, чиновником губернатора, уроженцем Сибири, Гавриилом Каспаровичем Эрном, живущим в Вятке с матерью Прасковьей Андреевной, женщиной умной, самостоятельной, и 12-летней сестрой Машей; что не только радушно принят у них в доме, но во время его сильной болезни Прасковья Андреевна ухаживала за ним, как за сыном, и он, со своей стороны, желал бы оказать им услугу, устроивши Машу в пансион в Москве, так как в Вятке учебного заведения для девочек нет. См. *Пассек*, II, стр. 65—66— приводится в ее изложении со слов М. К. Рейхель. Ср М. К. Р е й х е л ь. Отрывки из воспоминаний. М, 1909, стр. 12—13.
51. НИКОЛЕНЬКЕ (Н. М. САТИНУ или Н. П. ОГАРЕВУ?). *Середина декабря 1835 г. Вятка.* См. письмо Герцена к Н. Х. Кетчеру от 22—

25 ноября 1835 г.— стр. 56 наст. тома. (Было ли написано это письмо, неизвестно.)

52. В. В. и Т. П. ПАССЕКАМ. *Конец 1835 (?) г. Вятка.* См. изложение этого письма, приведенное в кн.: *Пассек*, II, стр. 272—273, на стр. 496 наст. тома. (Т. П. Пассек, по-видимому, ошибочно, относила письмо к 1836 г.)

53. Н. А. ЗАХАРЬИНОЙ. *Вторая половина 1835 г. (?) Вятка.* «Да, Наташа, и на что были слова, я понял все». См. письмо Захарьиной к Герцену от 30 марта — 1 апреля 1838 г.— *Изд. Павл.*, стр. 543.

54. Н. А. ЗАХАРЬИНОЙ. *1835 г.* «О, как я благодарю бога, что мы брат и сестра, но нет, мы более, мы ближе...» См. письмо Н. А. Захарьиной к Герцену от 8—16 июня 1836 г.— *Изд. Павл.*, стр. 100.

55. Э. М. АКСБЕРГ. *15 января 1836 г. Вятка.* См. письмо Герцена к Н. А. Захарьиной от того же числа — стр. 64 наст. тома.

56. Е. И. ГЕРЦЕНУ. *До 22 января 1836 г. Вятка.* Просьба занять 1000 рублей для оказания помощи П. П. Медведевой. См. письмо Герцена к Н. А. Захарьиной от 22 января 1836 г.— стр. 64 наст. тома.

57. Н. М. САТИНУ. *22 января 1836 г. Вятка.* См. письмо Герцена к Н. Х. Кетчеру от того же числа — стр. 66 наст. тома.

58. И. А. ЯКОВЛЕВУ. *Ноябрь 1835 — январь 1836 г. Вятка.* О том, что приезд в Вятку А. Л. Витберга сделал Герцену «вполовину легче ссылку». См. письмо Герцена к А. В. Витберг от 5 февраля 1836 г.— стр. 66—67 наст. тома.

59. Н. Х. КЕТЧЕРУ. *Начало 1836 г. Вятка.* Просит (несколько раз) прислать стихи Огарева «I Tempi». См. письмо Герцена к Н. А. Захарьиной от 28 марта — 1 апреля 1836 г.— стр. 73 наст. тома.

60. Н. А. ЗАХАРЬИНОЙ. *Февраль (?) 1836 г. Вятка.* О возможности перевода на Кавказ. См. письмо Захарьиной к Герцену от 29 февраля — 1 марта 1836 г.— *Изд. Павл.*, стр. 71, и его письмо к ней от 26 марта 1836 г.— стр. 72 наст. тома.

61. Н. А. ЗАХАРЬИНОЙ. *6 (?) марта 1836 г. Вятка.* Описывает, как «привез весть утешения одному несчастному человеку, видел слезы восторга на мужественном лице воина. Это одна из минут, которые остаются в памяти до гробовой доски». См. письмо Герцена к Захарьиной от 6—10 марта 1837 г.— стр. 149—150 наст. тома.

62. Н. А. ПОЛЕВОМУ. *Начало весны 1836 г. Вятка.* См. письмо к Полевому от 2 сентября 1836 г.— стр. 95 наст. тома.

63. Е. И. ГЕРЦЕНУ(?). *Конец апреля 1836 г. Вятка.* Просит доставить Н. А. Захарьиной «Rondoletto» Герца. См. письмо Герцена к Н. А. Захарьиной от 27—29 апреля 1836 г.— стр. 76 наст. тома.

64. М. А. ХОВАНСКОЙ. *21 мая 1836 г. Вятка.* См. письмо Герцена к Н. А. Захарьиной от 21—26 мая 1836 г.— стр. 79 наст. тома.

65. И. А. ЯКОВЛЕВУ. *26 мая 1836 г. Вятка.* Подробное описание церковного праздника на Великой реке. См. письмо Герцена к Н. А. Захарьиной от 21—26 мая 1836 г.— стр. 80 наст. тома.

66. Э. М. АКСБЕРГ. *26 мая 1836 г. Вятка.* См. письмо Герцена к Н. А. Захарьиной от 21—26 мая 1836 г.— стр. 80 наст. тома, и письмо Н. А. Захарьиной к Герцену от 8—16 июня 1836 г., в котором она восклицала по поводу письма, адресованного Аксберг: «Чье страдание не умалится от вдохновенных, от святых слов твоих?»— *Изд. Павл.*, стр. 101.

67. М. А. ХОВАНСКОЙ. *До 15 июля 1836 г. Вятка.* Поздравление с именинами. См. письмо Герцена к Н. А. Захарьиной от 9—15 июля 1836 г.— стр. 87 наст. тома.

68. Е. И. ГЕРЦЕНУ. *19 (?) августа 1836 г. Вятка.* Просьба передать Н. А. Захарьиной посылаемый роман Гюго «Notre Dame de Paris».

См. письмо Герцена к Захарьиной от 14—19 августа 1836 г.— стр. 93 наст. тома.

69. Э. М. АКСБЕРГ. *25 августа 1836 г. Вятка.* См. письмо Н. А. Захарьиной к Герцену от 14—19 сентября 1836 г.— *Изд. Павл.*, стр. 141.
70. И. А. ЯКОВЛЕВУ. *Вторая половина августа 1836 г. Вятка.* Просьба разрешить матери и Н. А. Захарьиной навестить его в Вятке, а также заказать для него портрет Н. А. Захарьиной. См. письмо Герцена к Н. А. Захарьиной от 14—19 августа 1836 г.— стр. 91—92 наст. тома.
71. Е. И. ГЕРЦЕНУ. *Август 1836 г. Вятка.* Просьба объяснить Н. А. Полевому, что появление статьи «Гофман» в «Телескопе» произошло вопреки воле Герцена. См. письмо Герцена к Полевому от 2 сентября 1836 г.— стр. 95 наст. тома.
72. Л. И. ГААГ. *Сентябрь 1836 г. Вятка.* Просьба доставить Н. А. Захарьиной белый палантин. См. письмо Герцена к Н. А. Захарьиной от 29 сентября 1836 г.— стр. 104 наст. тома.
73. В. В. и Т. П. ПАССЕКАМ. *Вторая половина октября 1836 г. Вятка.* «Отвечал ни то, ни се ⟨на просьбу прислать статьи для издаваемого В. В. Пассеком журнала⟩, однако попользовался случаем обругать „Путевые записки“ в лицо». См. письма Герцена к Н. А. Захарьиной от 10—14 октября 1836 г. и к Н. И. Сазонову и Н. Х. Кетчеру от второй половины октября 1836 г.— стр. 108 и 112 наст. тома.
74. М. А. ХОВАНСКОЙ. *Конец октября 1836 г. Вятка.* По поводу письма Герцена М. А. Хованская сказала: «Дай бог, чтоб все это было правда; в нем ум есть, он может образумиться». См. письмо Н. А. Захарьиной к Герцену от 7—16 ноября 1836 г.— *Изд. Павл.*, стр. 173.
75. Н. А. ЗАХАРЬИНОЙ. *Конец октября 1836 г. Вятка.* См. письмо Захарьиной к Герцену от 7—16 ноября 1836 г.— *Изд. Павл.* стр. 173.
76. Л. И. ГААГ. *Ноябрь (?) 1836 г. Вятка.* О Саше Вырлиной. См. письмо Н. А. Захарьиной к Герцену от 23 ноября — 1 декабря 1836 г.— *Изд. Павл.*, стр. 186.
77. Н. А. ЗАХАРЬИНОЙ. *1835 — до декабря 1836 г. Вятка.* «Наташа, я и жизни не могу вообразить без твоих писем». См. письмо Захарьиной к Герцену от 22—31 декабря 1836 г.— *Изд. Павл.*, стр. 204.
78. И. А. ЯКОВЛЕВУ. *Начало декабря 1836 г. Вятка.* См. письмо Н. А. Захарьиной к Герцену от 12—22 декабря 1836 г.— *Изд. Павл.*, стр. 195.
79. М. А. ХОВАНСКОЙ и Н. А. ЗАХАРЬИНОЙ. *15 декабря 1836 г. Вятка.* В «официальной приписке», адресованной Н. А. Захарьиной, Герцен «с намерением» назвал ее Наташей. См. письмо Герцена к Н. А. Захарьиной от 12—16 декабря 1836 г.— стр. 128 наст. тома и письмо Н. А. Захарьиной к Герцену от 22—31 декабря 1836 г.— *Изд. Павл.*, стр. 201.
80. Н. А. ЗАХАРЬИНОЙ. *25 декабря 1836 г. Вятка.* См. письмо Герцена к Захарьиной от 1—6 января 1837 г.— стр. 132 наст. тома. (Разорвано самим Герценом.)
81. И. А. ЯКОВЛЕВУ. *16 января 1837 г. Вятка.* По поводу празднования дня рождения А. Л. Витберга: «Я могу против 15-го января 1837 года поставить отметку: *от души весело провел время*». См. письмо Герцена к Н. А. Захарьиной от 13—20 января 1837 г.— стр. 137 наст. тома.
82. Н. А. ЗАХАРЬИНОЙ. *Январь 1837 г. Вятка.* См. письмо Герцена к Захарьиной от 14—17 февраля 1837 г.— стр. 143 наст. тома и письмо Захарьиной к Герцену от 18 февраля — 3 марта 1837 г.— *Изд. Павл.*, стр. 229. (Письмо пропало на почте.)

83. Н. П. ОГАРЕВУ. *Лето 1835 — начало 1837 г. Вятка.* Два письма. См. письмо Огарева, процитированное Герценом в письме к Н. А. Захарьиной от 30 апреля — 5 мая 1837 г.— стр. 169 наст. тома. (Письма были уничтожены Огаревым.)

84. Н. П. ОГАРЕВУ и М. Л. ОГАРЕВОЙ. *31 марта 1837 г. Вятка.* О Н. А. Захарьиной. См. письма Герцена к Н. А. Захарьиной от 25—31 марта и 30 апреля — 5 мая 1837 г. и к Н. Х. Кетчеру от 10 сентября 1837 г.— стр. 154, 170 и 207 наст. тома.

85. М. А. ХОВАНСКОЙ и Н. А. ЗАХАРЬИНОЙ. *7 апреля 1837 г. Вятка.* Поздравление с пасхой. Поклоны Саше Вырлиной, няне Костеньке и другим. В письме содержалась «деликатно-вежливая» приписка, адресованная Н. А. Захарьиной. См. письмо Герцена к Н. А. Захарьиной от 3—7 апреля 1837 г.— стр. 157 наст. тома и Н. А. Захарьиной к Герцену от 7—20 апреля 1837 г.— *Изд. Павл.*, стр. 266.

86. Е. И. ГЕРЦЕНУ (?). *Около 13 апреля 1837 г. Вятка.* Просьба подарить Н. А. Захарьиной «перевод шекспирова „Гамлета"». См. письмо Герцена к Н. А. Захарьиной от 9—14 апреля 1837 г.— стр. 161 наст. тома.

87. И. А. ЯКОВЛЕВУ. *Конец апреля 1837 г. Вятка.* О нелепом слухе, что женится, «который от нечего делать распустили здешние г⟨оспо⟩да». См. письмо Герцена к Н. А. Захарьиной от 28 апреля 1837 г.— стр. 165—166 наст. тома. Здесь же говорится и о других неизвестных письмах Герцена к Яковлеву.

88. М. А. ХОВАНСКОЙ. *Начало июля 1837 г. Вятка.* О надежде (на скорое возвращение в Москву?). См. письмо Н. А. Захарьиной к Герцену от 20—27 июля 1837 г.— *Изд. Павл.*, стр. 319.

89. Е. И. ГЕРЦЕНУ. *Июль (?) 1837 г. Вятка.* Осведомляется, есть ли возможность доставить Н. А. Захарьиной «тетради и книги» тайно от М. А. Хованской и М. С. Макашиной. См. письмо Герцена к Н. А. Захарьиной от 3—7 июля 1837 г.— стр. 182 наст. тома.

90. Н. Х. КЕТЧЕРУ. *1836 — до сентября 1837 г. Вятка.* В ряде писем Герцен «говорил, повторял, что можно писать» в Вятку. См. письмо Герцена к Кетчеру от 10 сентября 1837 г.— стр. 205 наст. тома.

91. Н. П. ОГАРЕВУ. *6 сентября 1837 г. Вятка.* Просит дать взаймы денег для Витберга, доставив их Н. Х. Кетчеру. См. письмо Герцена к Н. А. Захарьиной от 6—10 сентября 1837 г. и к Н. Х. Кетчеру от 10 сентября 1837 г.— стр. 203 и 207 наст. тома.

92. Э. М. АКСБЕРГ. *Конец сентября — начало октября 1837 г. Вятка.* См. письмо Н. А. Захарьиной к Герцену от 8—17 октября 1837 г.— *Изд. Павл.*, стр. 362.

93. К. И. АРСЕНЬЕВУ. *5 октября 1837 г. Вятка.* Благодарит за письмо, которое Арсеньев писал в Петербург, ходатайствуя о возвращении Герцена из ссылки, просит, «чтоб сняли цепь с руки, которая готова на всякую деятельность». См. письмо Герцена к Н. А. Захарьиной от 4—12 октября 1837 г.— стр. 214 наст. тома.

94. П. А. ЭРН. *Начало ноября 1837 г. Вятка.* Просьба приютить у себя Н. А. Захарьину. О намерении написать это письмо см. в письме Герцена к Н. А. Захарьиной от 29 октября — 2 ноября 1837 г.— стр. 224 наст. тома.

95. И. А. ЯКОВЛЕВУ. *14 ноября 1837 г. Вятка.* Письмо, «всего строк десять — но сильно», в котором Герцен «требовал, приказывал, а не просил» о браке с Н. А. Захарьиной. См. письмо Герцена к Н. А. Захарьиной от 13—16 ноября 1837 г.— стр. 228—229 наст. тома. (Письмо Герцен изорвал, а клочья его подарил А. Е. Скворцову.)

96. П. П. МЕДВЕДЕВОЙ. *30 ноября (?) 1837 г. Вятка.* Письмо-исповедь о своей любви к Н. А. Захарьиной. См. «Былое и думы» — VIII, 349.

97. А. Л. ВИТБЕРГУ И ЕГО СЕМЬЕ. *30 декабря 1837 г. Яранск.* Выражение сильной любви. Упоминает, что поцеловал руку А. Л. Витберга при прощании. См. письмо Витберга к Герцену от 18 января 1838 г.— *РС*, 1897, № 12, стр. 479.

98. Г. К. ЭРНУ. *1 января 1838 г. Нижний-Новгород.* См. письмо Герцена к А. Л., А. В., В. А. Витбергам и П. П. Медведевой от того же числа — стр. 251 наст. тома.

99. Г. К. ЭРНУ и А. Е. СКВОРЦОВУ. *3 января 1838 г. Владимир.* Подробности о своей владимирской жизни. См. письмо Герцена к А. Л. Витбергу и П. П. Медведевой от 3—6 января 1838 г.— стр. 252 наст. тома.

100. М. А. ХОВАНСКОЙ и Н. А. ЗАХАРЬИНОЙ. *5 января 1838 г. Владимир.* О своем предстоящем возвращении в Москву. «Мы будем молиться вместе» (с Н. А. Захарьиной) «утром и вечером». Упоминание о Загорье, «симпатии и молитве». Письмо содержало приписку, адресованную Н. А. Захарьиной — «только и есть солганного, что слово Вы». См. письма Герцена к Н. А. Захарьиной от 5 января 1838 г.— стр. 252—253 наст. тома и Н. А. Захарьиной к Герцену от 14—16 и 17—19 января 1838 г.— *Изд. Павл.*, стр. 427, 429—430.

101. Н. П. ОГАРЕВУ. *13 января 1838 г. Владимир.* «Во всю жизнь два человека на меня сильно действовали: это ты и она ⟨Н. А. Захарьина⟩, больше нет ничьего влияния на меня. Но и сотой доли ты не сделал того, что она⟨...⟩ Перед ее силой и высотой я склонил свою гордую голову, когда-нибудь ты прочтешь ее письма — и ты склонишь голову». См. письма Герцена к Н. А. Захарьиной от 11—18, 19—22 января и 5—8 марта 1838 г.— стр. 259, 265 и 319 наст. тома.

102. И. А. ЯКОВЛЕВУ. *Начало января (?) 1838 г. Владимир.* «Длинное, спокойное и искреннее» письмо о любви к Н. А. Захарьиной;«... предвидя его ответ, прибавлял, что я вовсе его не тороплю, что я даю ему время вглядеться, мимолетное это чувство или нет, и прошу его об одном: чтоб он и Сенатор взошли в положение несчастной девушки, чтоб они вспомнили, что они имеют на нее столько же права, сколько и сама княгиня». См. «Былое и думы» — VIII, 358.

103. И. А. ЯКОВЛЕВУ. *18 (?) января 1838 г. Владимир.* «В нынешнем письме к пап⟨еньке⟩ в ответ на одну холодную фразу я написал много, ни разу столько не писал — это последний опыт. Я сказал, что на меня после пенять нельзя, что я хотел *все* сказать, но он не хотел всего понять, что меня сломить невозможно и что благословение бога где есть, там найдутся и средства и пр. Впрочем, ни слова о главном, общие места». См. письмо Герцена к Н. А. Захарьиной от 11—18 января 1838 г.— стр. 264 наст. тома.

104. Э. М. АКСБЕРГ. *Январь 1838 г. Владимир.* Объяснение своего положения и причины, по которой подал просьбу об отпуске. Этим же письмом отправлены деньги. См. письмо Герцена к Н. А. Захарьиной от 27—29 января 1838 г.— стр. 273 наст. тома.

105. Г. К. ЭРНУ. *Январь 1838 г. Владимир.* Об огорчениях и неприятностях со стороны родственников, препятствующих браку с Н. А. Захарьиной. См. письмо А. Л. Витберга к Герцену от 8 февраля 1838 г. — *РС*, 1897, № 12, стр. 480.

106. А. Л. ВИТБЕРГУ. *Конец января 1838 г. Вятка.* См. письмо Витберга к Герцену от 8 февраля 1838 г.— *РС*, 1897, № 12, стр. 480.

107. Е. И. ГЕРЦЕНУ или РОДИТЕЛЯМ. *Конец января 1838 г. Владимир.* Просьба прислать из Владимира оставленные там «две целые книги писанных разборов на сочинения», которые Герцен читал в 1833 и 1834 гг. См. письмо Герцена к Н. А. Захарьиной от 30 января — 1 февраля 1838 г.— стр. 274 наст. тома.

108. В. П. МАШКОВЦЕВУ. *Начало 1838 г. Владимир.* Упреки в лени; утверждение, что Машковцев «не получил еще брачного права молчать, т. е. забывать». См. письмо А. Е. Скворцова к Герцену (без даты) — *ЛН*, т. 62, стр. 755.

109. Г. К. ЭРНУ. *Начало 1838 г. Владимир.* См. письмо А. Е. Скворцова к Герцену (без даты) — *ЛН*, т. 62, стр. 755.

110. Н. П. ОГАРЕВУ. *Начало 1838 г. Владимир.* Письмо, в котором Огарев усмотрел «холодную сторону» души Герцена: «остроту и шалость». См. письмо Огарева к Герцену от конца апреля 1838 г.—*Огарев*, II, стр. 292. См. также письма Герцена к Н. Х. Кетчеру от 22—25 февраля 1838 г. и к Н. И. Астракову от 23 августа 1838 г.— стр. 298 и 388 наст. тома.

111. В. В. и Т. П. ПАССЕКАМ. *Начало 1838 г. Владимир.* Письмо, в котором адресаты «вычитали какое-то отчаяние» — «верно потому», что Герцен «писал о смерти». См. письмо Герцена к Н. А. Захарьиной от 9—12 марта 1838 г.— стр. 324 наст. тома.

112. Н. П. ОГАРЕВУ. *Начало 1838 г. Владимир.* Письмо, в котором Огарев усмотрел «пламенную сторону» души Герцена —«любовь». Герцен излагал в этом письме Огареву свои философские взгляды. См. письмо Огарева к Герцену от конца апреля 1838 г.— *Огарев*, II, стр. 292—294.

113. А. Л. ВИТБЕРГУ. *Январь или начало февраля 1838 г. Владимир.* О недобросовестном отношении Пузыревского к имуществу Витберга. См. письмо Герцена к Витбергу от 24 февраля 1838 г.— стр. 298 наст. тома.

114. С. Л. ЛЬВОВУ-ЛЬВИЦКОМУ. *Начало февраля 1838 г. Владимир.* Письмо «холодное, как лед, и гнетущее всем гнетом, который имеет в себе *человек* над толпою». См. письмо Герцена к Н. А. Захарьиной от 8—12 февраля 1838 г.— стр. 281 наст. тома.

115. И. А. ЯКОВЛЕВУ. *5 (?) февраля 1838 г. Владимир.* По поводу благодарности М. А. Хованской «за дружбу» к Н. А. Захарьиной: «Я нисколько не заслуживаю *в этом* сиятельной благодарности». См. письмо Герцена к Н. А. Захарьиной от 5—6 февраля 1838 г.— стр. 278 наст. тома.

116. Э. М. АКСБЕРГ. *11 февраля 1838 г. Владимир.* Подробности о задуманном плане женитьбы. См. письмо Герцена к Н. А. Захарьиной от 8—12 февраля 1838 г.— стр. 284 наст. тома.

117. И. А. ЯКОВЛЕВУ. *11 (?) февраля 1838 г. Владимир.* Письмо, написанное «сильно, коротко и пламенно. Железная воля на каждой строке». «Резче, сильнее, исполненнее любви и покорности не могло быть письмо, это язык сына и в то же время человека с железной волей. Оно поразит его 〈...〉 Это письмо — победа над собою». «Я ему сказал, что я готов сделать отсрочку, но на условии, а условия не сказал,— оно одно решительное и без уступки: *обрученье*, а вслед за тем, ежели это не понравится ее сият〈ельству〉, выход от нее. Я ему писал: „Будьте отцом и больше ничего, вспомните, что дело идет о жизни и смерти, вспомните, что со мною лишитесь вы многого. Пожалейте себя 〈...〉 Ну положите руку на сердце и скажите, не прелестен ли мой выбор, не ангел ли будет ваша дочь"?» В этом письме, по словам самого Герцена, было и «много *натянутого*». «Я написал письмо сильное, огненное, везде был виден сын, молящий отца, и везде из-за сына проглядывал человек с железной волею, т. е. в том роде, как Никон подписывал: „*Смиренный* Никон, патриарх"». «Я написал своему отцу письмо горячее, неистовое, в нем выступал и сын, поверженный к стопам отца, и решительный человек. Письмо было поистине великолепно, но местами вышло язвительным...» См. письма Герцена к Н. А. Захарьиной от 8—12 и 12—15 февраля 1838 г., Н. Х. Кетчеру

от 22—25 февраля 1838 г. и А. Л. Витбергу от 24 февраля 1838 г.— стр. 284, 285—289, 296 и 299 наст. тома. (Последняя цитата приводится в переводе с французского.)

118. И. А. ЯКОВЛЕВУ. *Около 21 февраля 1838 г. Владимир.* Благодарность, выраженная «с величайшей почтительностью»— за согласие на брак с Н. А. Захарьиной. «О, как сладко на старости взглянуть на полное блаженство сына и опереться на руку дочери, и какой дочери,— посмотрите на нее, посмотрите как на дочь, и, я уверен, вы прижмете ее к своему сердцу. Бог вас благословляет ангелом, как же вам не благословить меня!» Согласие отложить женитьбу при условии обручения. По-видимому, в этом же письме Герцен указал, что его любовь к Н. А. Захарьиной не является тайной для окружающих. См. письма Герцена к Н. А. Захарьиной от 20—22 и 24—26 февраля 1838 г. и Н. Х. Кетчеру от 22—25 февраля 1838 г.— стр. 292, 294, 296 и 303 наст. тома.

119. Е. И. ГЕРЦЕНУ. *20-е числа февраля 1838 г. Владимир.* О намерении написать это письмо см. в письме Герцена к Н. А. Захарьиной от 20—22 февраля 1838 г.— стр. 293 наст. тома.

120. Н. И. САЗОНОВУ. *1836 — февраль 1838 г. Вятка — Владимир.* Просьба о присылке книг. См. письмо Герцена к Н. Х. Кетчеру от 22—25 февраля 1838 г.— стр. 298 наст. тома.

121. А. Е. и П. СКВОРЦОВЫМ. *Январь — февраль 1838 г. Владимир.* См. письмо Герцена к Н. А. Захарьиной от 24—26 февраля 1838 г.— стр. 301 наст. тома.

122. П. П. МЕДВЕДЕВОЙ. *Февраль 1838 г. Владимир.* О намерении написать это письмо см. письма Герцена к Н. А. Захарьиной от 23—25 января и 30 января — 1 февраля 1838 г.— стр. 270 и 277 наст. тома.

123. Е. Г. ЛЕВАШОВОЙ. *Февраль 1838 г. Владимир.* При посылке рассказа «Это было 22 октября 1817 г.» См. письма Герцена к Н. Х. Кетчеру от 22—25 февраля 1838 г. и к Н. А. Захарьиной от 20—22 марта 1838 г.— стр. 296 и 332 наст. тома. (О переписке Герцена с Левашовой см. также в книге А. И. Дельвига «Полвека русской жизни. 1820—1870». М.— Л., 1930, стр. 213.)

124. Ал. Ф. МАШКОВЦЕВУ. *Февраль 1838 г. Владимир.* О своих переживаниях в связи с преследованиями, которым подвергают Н. А. Захарьину. Посылает книги, в том числе «Римскую историю» Мишле. См. письмо Ал. Машковцева к Герцену от 8 марта 1838 г.— *ЛБ.*

125. НЕУСТАНОВЛЕННЫМ ЛИЦАМ. *2 марта 1838 г. Владимир.* См. «Былое и думы» — VIII, 361.

126. И. А. ЯКОВЛЕВУ. *4 (?) марта 1838 г. Владимир.* «Я еще писал и уж отчасти другим тоном, я менее умолял, а поклялся, что ты ⟨Н. А. Захарьина⟩ будешь моею, я написал, что ни угрозы, ни просьбы, ни жестокость, ни слеза ничем не помогут, что мне это больно, „но я решительно поступаю по голосу, который сильнее и выше отцовского“». См. письмо Герцена к Н. А. Захарьиной от 4—5 марта 1838 г.— стр. 312 наст. тома.

127. В. В. и Т. П. ПАССЕКАМ. *Около 10—11 марта 1838 г. Владимир.* См. письмо Герцена к Н. А. Захарьиной от 9—12 марта 1838 г.— стр. 324 наст. тома.

128. А. ВЫРЛИНОЙ. *11 марта 1838 г. Владимир.* См. письмо Герцена к Н. А. Захарьиной от 9—12 марта 1838 г.— стр. 323 наст. тома и письмо Захарьиной к Герцену от 17—19 марта 1838 г.— *Изд. Павл.*, стр. 525.

129. Н. А. ЗАХАРЬИНОЙ. *20 марта 1838 г. Владимир.* О своем секретном приезде в Москву. Просит узнать о Е. Г. Левашовой. Называет Наталью Александровну «беспамятной». Ее именует «храмом», а себя «фундаментом». Поздравляет ее со своим днем рождения — 25 марта.

См. письмо Н. А. Захарьиной к Герцену от 30 марта — 1 апреля 1838 г.— *Изд. Павл.*, стр. 542—546.

130. П. П. МЕДВЕДЕВОЙ. *Середина марта 1838 г. Владимир.* При пересылке письма Н. А. Захарьиной. См. письмо Герцена к Н. А. Захарьиной от 24—26 февраля и 9—12 марта 1838 г.— стр. 300—301 и 323 наст. тома.

131. И. А. ЯКОВЛЕВУ. *25 марта 1838 г. Владимир.* «Писал к папеньке сильно; но уже не просящим, эту речь я отбросил. Между прочим, я писал, что ежели он поймет, наконец, нашу любовь, то выгода с его стороны — это будет значить, что бог раскрыл его душу чувству высокому». См. письмо Герцена к Н. А. Захарьиной от 23—26 марта 1838 г.— стр. 337 наст. тома.

132. И. А. ЯКОВЛЕВУ. *Около 3 апреля 1838 г. Владимир.* «Я писал пап⟨еньке⟩, что так как он не согласился на обрученье, то и я не согласен ждать,— вот мое объявление войны, а может, и мира». См. письмо Герцена к Н. А. Захарьиной от 30 марта — 3 апреля 1838 г.— стр. 348 наст. тома.

133. А. А. ЯКОВЛЕВУ. *Начало апреля 1838 г. Владимир.* О присылке денег, принадлежащих Н. А. Захарьиной. См. письмо Герцена к Н. А. Захарьиной от 30 марта — 3 апреля 1838 г.— стр. 344 наст. тома.

134. Г. К. ЭРНУ. *Начало апреля (?) 1838 г. Владимир.* См. письмо Герцена к А. Л. Витбергу от 7 апреля 1838 г.— стр. 357 наст. тома.

135. Е. И. ГЕРЦЕНУ. *11 (?) апреля 1838 г. Владимир.* Просьба вручить Н. А. Захарьиной деньги для получения от священника метрического свидетельства. См. письмо Герцена к Н. А. Захарьиной от 11—12 апреля 1838 г.— стр. 359 наст. тома.

136. М. А. ХОВАНСКОЙ. *18 апреля 1838 г. Владимир.* «Я хотел им взбесить кн⟨ягиню⟩ и душевно желал, чтоб оно тебя разобидело, тогда б ты поехала...» См. письмо Герцена к Н. А. Захарьиной от 20—21 апреля 1838 г.— стр. 361 наст. тома. Ср. *Пассек*, II, стр. 90—91, и стр. 567 наст. тома.

137. Н. А. ЗАХАРЬИНОЙ. *21 апреля 1838 г. Владимир.* «Распечатанная записка» в письме к И. А. Яковлеву. См. письма Герцена к Захарьиной от 20—21 и 23—26 апреля 1838 г.— стр. 362, 363 наст. тома и в настоящем перечне № 138.

138. И. А. ЯКОВЛЕВУ. *21 апреля 1838 г. Владимир.* Просьба о портрете Н. А. Захарьиной. См. письма Герцена к Н. А. Захарьиной от 20—21 и 23—26 апреля 1838 г.— стр. 362 и 363 наст. тома.

139. Л. А. ЯКОВЛЕВУ. *21 апреля 1838 г. Владимир.* См. письмо к Н. А. Захарьиной от 20—21 апреля 1838 г.— стр. 362 наст. тома.

140. А. А. ЯКОВЛЕВУ. *21 апреля 1838 г. Владимир.* Просьба временно взять Н. А. Захарьину к себе в Петербург. См. письма Герцена к Н. А. Захарьиной от 20—21 апреля и к Н. А. Захарьиной и Э. М. Аксберг от 27—30 апреля 1838 г.— стр. 362 и 366 наст. тома. Ср. *Изд. Павл.*, стр. 569—570.

141. И. А. ЯКОВЛЕВУ. *10 мая 1838 г. Владимир.* Просит не сердиться на «конченное дело» — женитьбу и, «так как бог соединил нас», «простить и присовокупить свое благословение». См. «Былое и думы»— VIII, 376. Ср. *Пассек*, II, стр. 97.

142. А. Е. и П. СКВОРЦОВЫМ. *Середина мая 1838 г. Владимир.* Сообщение о женитьбе. Первые строки поразили адресатов своей торжественностью. См. ответ А. Е. Скворцова—*ЛН*, т. 62, стр. 755.

143. Л. А. ЯКОВЛЕВУ. *Начало июня 1838 г. Владимир.* Просьба «дать ход» ходатайству П. П. Медведевой о помещении ее детей в Воспитательный дом. См. письма к Н. И. Астракову от 7 июня и к А. Л. Витбергу от 24 ноября 1838 г.— стр. 381—382 и 394 наст. тома

144. Н. И. АСТРАКОВУ. *Начало июня 1838 г. Владимир.* О присылке книг, «бумаг» Натальи Александровны и рукописи «О себе». См. письмо Герцена к Н. И. Астракову от 5 июня 1838 г.— стр. 381 наст. тома.
145. Н. П. ОГАРЕВУ. *23 августа 1838 г. Владимир.* См. письмо Герцена к Н. П. Астракову от 23 августа 1838 г.— стр. 388 наст. тома. Ср. письмо 200 — стр. 390 наст. тома.
146. Г. К. ЭРНУ. *Август 1838 г. Владимир.* Упоминание, что полюбил заочно «занявшего его место в Вятке». См. письмо А. Е. Скворцова к Герцену от 26 августа 1838 г. (*ПД*).
147. А. Е. СКВОРЦОВУ. *Август 1838 г. Владимир.* Советует при первой возможности оставить Вятку. См. письмо Скворцова к Герцену от 26 августа 1838 г. (*ПД*). Ср. письмо Герцена к Н. И. и Т. А. Астраковым от октября 1838 г.— стр. 393 наст. тома.
148. Н. П. ОГАРЕВУ. *Март — август 1838 г. Владимир.* О своей женитьбе. См. письма Герцена к Н. П. Астракову от 23 августа 1838 г. и к Н. Х. Кетчеру от 4 декабря 1838 г.— стр. 388 и 397 наст. тома.
149. Н. Х. КЕТЧЕРУ. *Лето 1838 г. Владимир.* См. письмо Герцена к Н. Х. Кетчеру от 20 августа 1838 г.— стр. 386 наст. тома.
150. А. Л. ВИТБЕРГУ. *Около 10 сентября 1838 г. Владимир.* О том, что Витберг «не понял тон», в котором Герцен рассказывал о падении работника, участвовавшего в разрушении Алексеевского монастыря. См. письма Герцена к А. Л. Витбергу от 24 февраля и 1 октября 1838 г.— стр. 299, 391 наст. тома, а также письмо Витберга к Герцену от 20 сентября 1838 г.—*РС*, 1897, № 12, стр. 487.
151. В. А. ВИТБЕРГ. *17 сентября 1838 г. Владимир.* См. письмо Герцена к А. Л. Витбергу и П. П. Медведевой от 1 октября 1838 г.— стр. 391 наст. тома.
152. В. К. БЕЛЯЕВУ. *Сентябрь 1838 г. Владимир.* При отправке части долга. См. письма Герцена к А. Л. и А. В. Витбергам от 3 июня и к Н. И. Астракову от 26 ноября 1838 г.— стр. 380 и 395 наст. тома.
153. Н. И. САЗОНОВУ. *Конец сентября — начало октября (?) 1838 г. Владимир.* Называет своего «Лициния» «драмой». См. письма Герцена к Н. Х. Кетчеру от 4 октября 1838 г. и к Н. И. и Т. А. Астраковым от октября 1838 г. — стр. 392, 393 наст. тома.
154. А. Л. ВИТБЕРГУ. *Начало ноября (?) 1838 г. Владимир.* При посылке изображения фасада храма Христа Спасителя в Москве (проект Тона). См. письмо Герцена к А. Л. Витбергу от 24 ноября 1838 г.— стр. 394 наст. тома.
155. Н. Х. КЕТЧЕРУ. *Ноябрь 1838 г. Владимир.* См. письмо Герцена к Н. Х Кетчеру от 4 декабря 1838 г.— стр. 396 наст. тома.
156. А. Е. СКВОРЦОВУ. *Ноябрь 1838 г. Владимир.* При отправлении подарков, предназначенных для П. П. Медведевой. См. письмо Скворцова Герцену (без даты) — *ЛН*, т. 62, стр. 755.
157. Н. П. ОГАРЕВУ. *Конец 1838 г. Владимир.* Утверждение, что Огарев «бросился в мистицизм, который хотя и может увлечь поэта, но вовсе не имеет реальности». О создании системы, для проповедования которой хочет «идти вчужь», так как в России не дают говорить. См. письмо Огарева к Герцену от конца 1838 г.— *Огарев*, II, стр. 294—299.
158. А. Е СКВОРЦОВУ. *Конец 1838 г. Владимир.* Письма с приложением «Новой науки» Вико и авторской копии «Лициния». См. письмо Скворцова к Герцену (без даты) — *ЛН*, т. 62, стр. 756.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

«Абадонна», поэма В. А. Жуковского (см.)
Абадонна (миф.) — 28, 130, 153, *456*
Абдиил (миф.) — 130, *506*
Августин св. (354—430), епископ Гиппонский (Сев. Африка), один из первых христианских теологов — 33, *458*, *460*, *501*
Аксберг Эмилия Михайловна (Emilie), гувернантка и подруга Н. А. Захарьиной — 8, 15, 16, 18, 19, 23, 26—28, 30, 31, 35, 36, 40, 41, 48, 49, 51, 54, 57, 62—64, 68, 70, 71, 73, 75, 77, 80, 87, 89, 92, 99, 100, 104, 113, 120, 128, 131, 133, 135, 136, 140, 142, 144, 146, 148, 150, 154, 166, 193, 198, 205, 211, 213, 228, 231, 249, 253, 261, 268—273, 284, 287, 288, 292, 294, 312, 313, 319—321, 323, 327, 330, 332, 335, 338, 341, 344, 346, 354, 357, 360, 362, 364, 370, 396, *447*, *452*, *455*, *456*, *459*, *460*, *464*, *466*, *467*, *469*, *471*, *473*, *476*, *477*, *479—481*, *485*, *490*, *492*, *494*, *499*, *502*, *505*, *506*, *509*, *511*, *513*, *523*, *527*, *530*, *539*, *540*, *543*, *547*, *548*, *550*, *554*, *555*, *557*, *559—561*, *564*, *569*, *591*, *603—609*, *611*
Александр I (1777—1825), император — 135, *465*, *502*, *507*, *517*
Александр II («наследник») (1818—1881), император — 162, 170, 172, 184, 191, 193, 194, 205, 211, 214, 216, 241, 258, 263, 340, 383, *515*, *517*, *518*, *523*, *533*, *538*, *540*, *541*, *572*
Александр Алексеевич — см. Яковлев А. А.
Александр Невский (1220—1263) — 76, 271, *484*
Александр Сергеевич — см. Бирюков А. С.
Алексей Александрович — см. Яковлев А. А.
Альсина, действ. лицо в поэме «Неистовый Роланд» Л. Ариосто (см.)
Амур (миф.) — 287
Андрей Юрьевич Боголюбский (ок. 1111 — 1174), вел. князь Владимирский с 1157 г. — 318, 359, 396, *556*, *579*
Антиох, действ. лицо в повести «Блаженство безумия» Н. А. Полевого (см.)
Анфантен Бартелеми-Проспер (1796—1864), франц. социалист-утопист, ученик Сен-Симона — 20, *422*, *590*
Аполлоний Тианский (I в.), философ ново-пифагорейской школы — 98, 112
Аракчеев Петр Иванович, граф (1784—1852), жандармский генерал-майор—327, 339, *521*, *562*, *603*
«Арабески», сборник произведений Н. В. Гоголя (см.)
Ариосто Лодовико (1474—1533), итал. поэт;
— «Неистовый Роланд»; Альсина — 130
Аристотель (384—322 до н. э.) — 22
Аркадий, дворовый кн. М. А. Хованской — 37, 309, 318, 321, 323, 338, 353, 360, *554*, *558*
Армида, действ. лицо в поэме «Освобожденный Иерусалим» Т. Тассо (см.)
Арсеньев Константин Иванович (1789—1865), историк и статистик — 214, 216, 241, 259, 263, *523*, *528*, *533*, *538*, *541*, *607*

Аршаулов, вятский знакомый Герцена — 66
Астракова Татьяна Алексеевна (1814—1892), жена Н. И. Астракова; близкий друг Н. А. и А. И. Герценов; мемуаристка (воспоминания о Герцене и его окружении) — 361, 363, 370, 372, 376, 377, 381, 382, 387, 388, 396, 401, 402, *437*, *441*, *567*, *570*, *571*, *574*, *575*, *578*, *580*, *612*
Астраков Николай Иванович (1809—1842), друг юности Герцена; преподаватель математики; литератор — 361, 362, 372, 386, *437*, *439*, *441*, *540*, *564*, *574*, *575*, *609*, *612*
Афродита (миф.) — 186

Байрон Джордж Ноэл Гордон (1788—1824)—106, 134, 141, 142, 206, 275, 415, *509* — «Паломничество Чайльд-Гарольда» — 142, *509*; Чайльд-Гарольд — 238
Бальзак Оноре де (1799—1850)— 290
Барнав Антуан Пьер Жозеф (1761—1793), франц. политический деятель и социолог — 302, *552*
Барон, Барон Упсальский — см. Кетчер Н. Х.
Бахметьев Николай Николаевич (ок. 1770—1830), генерал-лейтенант, приятель И. А. Яковлева — 410, 416, *591*
Беатриче, персонаж «Божественной комедии» Данте (см.)
Беляев Козьма Васильевич, вятский купец — 251, 276, 380, 395, *536*, *578*, *612*
Беляев Петр Борисович, был арестован в 1834 г. по делу «О лицах, певших в Москве пасквильные песни» — 430
Бенедиктов Владимир Григорьевич (1807—1873), поэт — 393
Бенкендорф Александр Христофорович, граф (1783—1844), генерал-адъютант, шеф жандармов и начальник III отделения — 184, 429, *489*, *493*, *510*, *532*, *562*, *597*
Бентам Иеремия (1748—1832), англ. буржуазный юрист и философ-моралист — 17
Беранже Пьер Жан (1780—1857)— 416, *449*, *585*
— «Сосед» («Le voisin») — 17, *449*
Берингард Николай Петрович, студент Моск. ун-та; был арестован в 1834 г. по делу «О лицах, певших в Москве пасквильные песни» — 430
Беттигер (Бетгер) (р. 1779), суперинтендант; был выслан в Вятку за растрату казенных денег — 182, *521*
Бёдан Франсуа Сюльнис (1787—1850), франц. минералог и физик — 415
— «Минералогия» («Traité élémentaire de minéralogie») — 415
Бём Яков (1575—1624), нем. философ-мистик — 8
«Библиотека для чтения», ежемесячный журнал; изд. в Петербурге с 1834 по 1864 гг. Редакторы О. И. Сенковский и Н. И. Греч; в 1836—1848 гг.— один Сенковский — 207, 264, 393, *456*, *526*, *541*
Библия — 201, 315
Бирюков Александр Сергеевич, чиновник министерства юстиции, знакомый Н. А. Захарьиной — 34, 35, 72, 107, *459*, *481*, *602*
«Блаженство безумия», повесть Н. А. Полевого (см.)
Бланка де Болье, действ. лицо в романе «Красная роза» А. Дюма (см.)
Блудов Дмитрий Николаевич (1785—1864), петерб. чиновник; был членом литературного общества «Арзамас»; делопроизводитель Верховной следственной комиссии, судившей декабристов; с 1832 г. министр внутренних дел — 113, 263, 277, 287, *486*, *489*, *499*, *500*, *502*, *532*, *559*, *562*
Бобелина, героиня освободительной борьбы греков против Турции в 1821—1829 гг., жительница острова Специи — 387, *574*
Боборыкина Александра Александровна, подруга Н. А. Захарьиной — 104, 114, 117, 119, 261, 262, *469*, *480*, *494*, *500*, *530*, *540*, *541*
Богданов, офицер Сибирского уланского полка; шафер на свадьбе Герцена и Н. А. Захарьиной — 372, 387, *566*, *568*

Богданов Г., знакомый Н. А. Захарьиной — 178, *520*
Бологовский (Болховский) Дмитрий Николаевич (1780—1852), генерал-майор; с 1840 г. сенатор; сослуживец И. А. Яковлева по Измайловскому полку — 410, 411, *591*
Бонапарт Люсьен (1775—1840), брат Наполеона I; занимал пост министра внутренних дел, а затем посла в Испании — 297
— «Мемуары» («Mémoires de Lucien Bonaparte, prince de Canino, écrits par lui-même») — 297
Бруно Джордано (1548—1600) — 7, *442*
Брут Марк Юний (85—42 до н. э.) — 232
Бэкон (Бакон) Фрэнсис, барон Веруламский (1561—1626) — 17, 419, 421
Бюше Филипп (1796—1865), франц. политический деятель и историк, идеолог христианского социализма — 298, 414, 422, *550*, *580*, *590*
— «Введение в науку о развитии человечества» («Introduction à la science du développement du genre humain») — 414, 422, *586*, *590*

Васильев Елистрат, жандарм в Крутицких казармах, сопровождавший Герцена из Москвы в Пермь — 38, 160, *461*
Вашингтон Джордж (1732—1799) — 297, *550*
Величко Семен Иванович, управляющий вятской удельной конторой — 375, 380, 383, 395, *572*
Венера (миф.) — 96, 183, 247, 355, *497*
Вергилий, персонаж «Божественной комедии» Данте (см.)
Веревкин Николай Николаевич (псевд. Рахманный) (1813—1838), писатель — 264, *541*
— «Катенька» — 264, *541*
Веринька, персонаж повести «Живописец» Н. А. Полевого (см.)
Вибакинг (Вибекинг, Wiebeking) Карл Фридрих (1762—1842), известный нем. инженер и архитектор — 127, *505*
— «Гражданская архитектура, теоретическая и практическая, дополненная описательной и аналитической историей самых замечательных старинных и современных сооружений» — 127, *505*
Вико Джамбаттиста (1668—1744), итал. философ — 17, 21, 101, *449*, *612*
Виктор, персонаж романа «Гесперн или 45 дней собачьей почты» Жан-Поля (см.)
«Вильгельм Телль», драма Шиллера (см.)
Витберг Александр Лаврентьевич (1787—1855), архитектор и художник — 54, 55, 61, 64—67, 72, 76, 78, 89, 90, 97, 98, 103—105, 110, 111, 114, 116, 117, 122, 129, 132, 135, 137, 138, 140, 145, 151, 156, 163, 179, 193, 201, 202, 207, 209—211, 215, 219, 221, 225, 226, 235—237, 239, 240, 243, 245, 246, 259, 269, 276, 277, 279, 295, 301, 302, 327, 329, 332, 338, 340, 352, 353, *439*, *441*, *471*, *472*, *476*, *478*, *479*, *481*, *488*, *491*, *493*, *495*, *497*, *500—502*, *507*, *514*, *528*, *529*, *532*, *534*, *535*, *537*, *543*, *549*, *577*, *605—608*, *610*, *611*
Витберг Василий Александрович, сын А. Л. Витберга — 398, *576*
Витберг Вера Александровна (в замужестве Голубева) (р. ок. 1817), дочь А. Л. Витберга — 262, 300, 302, 380, 383, 385, 391, 394, 397, *441*, *552*, *556*, *570*, *572*, *577*, *579*, *608*, *612*
Витберг Виктор Александрович, сын А. Л. Витберга — 379, 385, 391, 398, *571*
Витберг Евдокия (Авдотья) Викторовна, рожд. Пузыревская (ум. 1851), вторая жена А. Л. Витберга — 61, 72, 73, 76, 151, 156, 201, 225, 259, 262, 295, 298, 300, 302, 353, 375, 383, 385, 390, 392, 394, 398, *481*, *551*, *572*, *576*, *605*, *608*, *612*
Витберг Лаврентий Александрович (р. 1837), сын А. Л. Витберга — 398
Витберг Любовь Александровна (1829—1903), дочь А. Л. Витберга — 251, 398, 400
Водо Октавий Тобьевич, чиновник, служил с Е. И. Герценом в

дворцовой конторе — 103, 411, *493*, *582*, *591*
«Вольность» («Ода на свободу»), стихотворение А. С. Пушкина (см.)
Вольтер Аруэ (Аруэт) Франсуа Мари (1694—1778) — 24, 274
Воронцов Михаил Семенович, граф (1782—1856), Новороссийский и Бессарабский генерал-губернатор — 428, *595*
Всеволод Большое Гнездо (1154—1212), сын Юрия Долгорукого, с 1176 г. вел. князь Владимирский — 398, *579*
Вырлина Саша, горничная в доме кн. М. А. Хованской — 95, 104, 106, 113, 166, 169, 224, 253, 257, 278, 292, 295, 301, 323, 332, 348, 350, *456*, *493—495*, *530*, *541*, *545—547*, *549*, *557*, *558*, *564*, *606*, *607*, *610*
Вячеслав — см. Пассек В. В.

Гааг Луиза Ивановна («маменька») (1795—1851), мать Герцена — 16, 27, 28, 59, 70, 72, 76, 81, 90, 91, 104, 105, 111, 122, 139, 148, 150, 168, 173, 175, 186, 190, 213, 249, 264, 266—272, 291, 304, 326, 329, 330, 354, 364, 376, *436*, *463*, *474*, *479*, *481—483*, *492*, *493*, *496*, *499*, *501*, *508*, *511*, *518—521*, *530—533*, *542—545*, *552*, *558*, *596*, *597*, *604—606*, *608*
Гавриил (библ.) — 110, 325
Гаврилов Александр Матвеевич (1795 — после 1867), адъюнкт по кафедре славянского языка, теории изящных искусств, археологии и словесности в Моск. ун-те — 8, *443*
Галушка — 224, *531*, *591*
Гамильтон Вильям Ричард, лорд (1730—1803), собиратель произведений античного искусства и дипломат, посол Англии при неаполитанском дворе — 274
Гамильтон Эмма (1761—1815), известная авантюристка, жена В. Гамильтона — 274
Гамлет, герой одноименной трагедии Шекспира (см.)
«Гамлет», трагедия Шекспира (см.)
Гармоника, персонаж романа «Гесперидес или 45 дней собачьей почты» Жан-Поля (см.)
Гебель Франц Ксаверий (1787—1843), композитор, дирижер и педагог — 14, 142, *446*, *447*, *509*, *592*
Гебель Эмилия (ум. 1833), дочь Ф. К. Гебеля — 14, 142, *446*, *509*, *592*
Гегель Георг Вильгельм Фридрих (1770—1831)—21, 394, 421, *588*
Геерен Арнольд Герман Леопольд (1760—1842), нем. историк — 21, *452*, *594*, *595*
— «Понятия о политике, сношениях и торговле главнейших народов древнего мира» («Ideen über die Politik, den Verkehr und den Handel der vornehmsten Völker der alten Welt») — 21, *452*
Гейман Родион Григорьевич (1802—1865), проф. химии в Моск. ун-те с 1833 г.— 18, 411, *442*, *448*, *449*, *591*
Гейне Генрих (1797—1856)—59
Гельк Христина Альбертина Лаврентьевна (Шарлотта Лаврентьевна), рожд. Витберг, старшая сестра А. Л. Витберга — 299, *551*
Гердер Иоганн Готфрид (1744—1803), нем. писатель — 21, *451*
Германн, персонаж повести «Пиковая дама» Пушкина (см.)
Герц Анри (1806—1888), франц. композитор и пианист — 76, *483*, *605*
— «Rondoletto» — 76, *483*, *605*
Герцен Александр Иванович (1812—1870);
— «Встречи» — 85, 111, 261, *487*, *500*, *509*, *540*
— «Вторая встреча» — 73, 83, 111, 115, 134, 140, 141, 179, 262, *461*, *465*, *482*, *498*, *500*, *506*, *508*, *509*, *520*, *540*, *548*
— «Германский путешественник» — см. «Первая встреча»
— «Гофман» — 60, 90, 95, 111, 274, 414, 415, *474*, *475*, *488*, *491*, *498*, *544*, *573*, *586*, *606*
— «Граница ада с раем» — 297, *550*
— «Двадцать осьмое января» — 10—12, 16, 25, 414, 415, *444*, *445*, *448*, *454*, *586*
— «День был душный...» — 19, *447*, *450*
— «Дитя» — см. «О себе»

— «Его превосходительство» — 291, 293, 296, 300, 324, 332, *548*, *549*, *562*
— «Елена» — 100, 104, 108, 110, 112, 119, 135, 143, 164, 172, 179, 181, 261, 278, 282, 289, 293, 296—298, 319, 324, 326, 330, 332, 339, 340, *492*, *494*, *496*, *497*, *501*, *507*, *515*, *519*, *521*, *539*, *542*, *545*, *546*, *548*, *550*, *557*, *558*, *560*, *562*
— «Из римских сцен» — 393, 415, *577*, *586*
— «Кристаллизация человечества» — 276, 288, 296, 309, 324, *505*, *545*, *547*
— «Легенда» — 33, 37, 49, 73, 104, 112, 125, 143, 158, 179, 180, 187, 262, 274, *456*, *458*, *460*, *468*, *482*, *494*, *498*, *501*, *504*, *509*, *517*, *544*
— «Лициний» — 390, 396, *576*, *577*, *580*, *612*
— «Моя жизнь» — см. «О себе»
— «Мысль и откровение» — см. «Третья встреча»
— «Неаполь и Везувий» — 282, *546*
— «О месте человека в природе» — 414, *586*
— «О себе» — 78, 85, 180, 220, 261, 262, 266, 282, 289, 293, 296, 297, 325, 330, 332, 342, 345, 362, 376, 381, 390, 395, 400, 402, *440*, *455*, *456*, *461*, *463*, *469*, *483*, *487*, *511*, *520*, *529*, *539*, *540*, *542*, *544*, *548*—*550*, *558*—*560*, *563*—*565*, *567*, *568*, *571*, *574*—*576*, *578*, *612*
— «О человеке в зоогностическом отношении» — см. «О месте человека в природе»
— «Палингенезия» — 392, *577*
— «Первая встреча» — 104, 111, 143, 262, 274, 296, 298, *482*, *498*, *506*, *544*
— «Письма из Вятки» — см. «Письма о Казани, Перми и Вятке»
— «Письмо из провинции» — см. «Письма о Казани, Перми и Вятке»
— «Письма к товарищам: „Пермь, Вятка, Владимир“» — см. «Письма о Казани, Перми и Вятке»
— «Письма о Казани, Перми и Вятке» — 60, 95, 108, 112, 124, 184, 261, 296, *462*, *474*, *491*, *496*, *503*, *539*
— «Речь, сказанная при открытии публичной библиотеки для чтения в Вятке» — 241, 271, 432, *441*, *533*, *543*
— «Симпатия» — 189, 261, 262, 266, 269, 270, 276, 279, 282, 324, *477*, *522*, *539*, *540*, *545*, *546*
— «Статья о Вятке» — см. «Письма о Казани, Перми и Вятке»
— «Статья о Перми» — см. «Письма о Казани, Перми и Вятке»
— «Там» — см. «Елена»
— «3 августа 1833» — 24, *453*, *454*, *593*
— «Третья встреча» — 87, 111, 112, 115, 143, 158, 161, 172, 184, 261, 274, 306, 319, *488*, *498*, *501*, *519*, *539*, *541*, *548*, *557*, *560*
— «Человек в венгерке» — см. «Вторая встреча»
— «Швед» — см. «Третья встреча»
— «Это было 22-го октября 1817» — 220, 225, 262, 266, 278, 296, 298, 332, *529*, *542*, *545*, *550*, *610*
— «Юность» — см. «О себе»
— «Юность и мечты» — см. «О себе»
—«I Maestri»—172, 177, 179, 181, 183, 191, 198, 201, 205, 212, 218, 225, 241, 253, 258, 261, 262, 269, 270, 271, 291, 300, *496*, *519*, *520*, *523*, *527*, *533*, *538*, *540*, *544*, *548*, *549*, *551*
— «Wahrheit und Dichtung» — см. «О себе»

Герцен Егор Иванович (1803—1882), брат Герцена — 27, 49, 64, 77, 80, 82, 86, 93, 95, 100, 102, 109, 139, 153, 182, 207, 253, 255, 257, 261, 264, 266, 280, 282, 284, 287, 293, 297, 301, 303, 306, 307, 312, 313, 352, 354, 356, 359, 370, 387, 388, 396, 402, *436*, *463*, *475*, *476*, *479*, *487*, *493*, *497*, *502*, *508*, *511*—*513*, *515*, *519*, *521*, *523*, *530*, *531*, *537*, *538*, *540*, *545*, *553*, *555*, *557*, *558*, *581*, *597*, *605*—*608*, *610*, *611*

Герцен Наталья Александровна, рожд. Захарьина (1817—1852), двоюродная сестра, с 1838 г. жена Герцена — 101, 102, 206, 297, 300, 308, 358, 369, 370, 375, 376, 378, 379, 381—385, 387, 388, 391—393, 395, 397—399, 401, 432, *436*, *438*—*440*, *492*, *498*, *526*, *550*, *566*, *569*—*576*, *578*—*580*, *591*, *599*—*612*

Геспер (миф.)—114, 183, 186, 322, 347, 357
Гёте Иоганн Вольфганг (1749—1832)—17, 41, 155, 297, 387, 389, 415, *487*, *521*, *550*
— «Годы учения и странствий Вильгельма Мейстера» («Wilhelm Meisters Lehr und Wanderjahre») — 112, *487*; Миньона—130
— «Фауст» — 306, 308, *521*, *553*; Мефистофель — 306, 308, *521*, *553*
Гизо Франсуа (1787—1874), франц. историк и политический деятель — 418, 425, *593*, *594*
Гильтебрандт (Гильдебрант) Федор Андреевич (1773—1845), проф. хирургии в Моск. ун-те с 1804 по 1839 г.—411, *584*
Гогарт Вильям (1697—1764), англ. живописец, гравер и рисовальщик — 383
Гоголь Николай Васильевич (1809—1852) — 36, *460*, *574*
— «Арабески» — 36, *460*; «Невский проспект» — 36, *460*
«Годы учения и странствий Вильгельма Мейстера», роман Гёте (см.)
Голицын Сергей Михайлович (1774—1859), князь, попечитель Московского учебного округа (1830—1835); в 1834 г. председатель второй следственной комиссии по делу «О лицах, певших в Москве пасквильные песни» — 429, 430
Голохвастов Дмитрий Павлович (1796—1849), двоюродный брат Герцена; помощник попечителя Московского учебного округа с 1831 г., попечитель с 1847 по 1849 г.— 234, 286, 380, 426, *601*, *602*
Голохвастов Николай Павлович (1800—1846) — двоюродный брат Герцена — 234, 280, 410, *472*
Готье Петр Петрович, художник, был арестован в 1834 г. по делу «О лицах, певших в Москве пасквильные песни» — 430
Гофман Эрнст Теодор Амадей (1776—1826)—231, 414, 415, *457*, *532*
— «Житейские воззрения Кота-Мурра» — 31, 231, *457*, *532*
Грибоедов Александр Сергеевич (1795—1829) — *472*, *553*
—«Горе от ума» — 56, 309, *472*, *553*
Григорий Иванович — см. Кулаков Г. И.
Григорий Назианзин (Богослов) (ок. 329 — ок. 389), патриарх константинопольский — 8
Губер Эдуард Иванович (1814—1847), поэт и переводчик — 306, *553*
Гюго Виктор Мари (1802—1885) — 60, 124, 134, 432, *467*, *473*, *475*, *495*, *503*, *507*, *508*, *517*, *599*
— «Песни сумерек» («Chants de Crépuscule») — 60, *473*, *475*, *503*; «На морском берегу» («Au bord de la mer») — 57, *473*, *503*
— «Собор Парижской богоматери» («Notre Dame de Paris») — 49, 93, 107, 128, 156, 332, 432, *441*, *467*, *495*, *505*, *599*, *606*; Клод Фролло — 332; Феб Шатопер — 156; Эсмеральда — 48, 107, *495*, *496*
— «Что слышится на горе» («Ce qu'on entend sur la montagne») — 168, *517*

Данте Алигьери (1265—1321)—41, 46, 48, 68, 78, 101, 102, 112, 137, 138, 140, 155, 250, 263, *462*, *465*, *466*, *540*
— «Божественная комедия» — 41, 46, 48, *462*, *465*, *466*; Беатриче — 48, 68, 78, 102, 135, 137—139, 155, 250; Вергилий — 102, 137, 250, *507*; Лючия — 137, 138; Матильда —137, 138
Дациаро И., владелец магазинов эстампов в Москве и Петербурге — 355
Декарт (Descartes, лат. форма Cartesius) (1596—1650)—419
Джульетта, действ. лицо в трагедии «Ромео и Джульетта» Шекспира (см.)
Дидро Дени (1713—1784)—140, 168, *508*, *509*
Дидье Шарль (1805—1864), франц. писатель — 24, *453*
Дионисий Ареопагит (I в.), член афинского ареопага, принявший христианство и ставший афинским епископом; под этим именем известно несколько философ-

ских сочинений, относящихся ко второй половине V в.—8
Дмитриев Иван Иванович (1760—1837), поэт и баснописец — 172, 179, 212, 410, *527*
Дмитрий Матвеевич — см. Перевощиков Д. М.
Додашвили (Додоев-Магарский) Соломон Иванович (1805—1836), грузинский просветитель, сосланный в Вятку — 47, *466*
«Дон-Карлос», драма Шиллера (см.)
Дон-Кихот, персонаж одноименного романа Сервантеса (см.)
Дорофей, слуга М. П. Носкова—11
Драшусов Александр Николаевич (1816—1890), студент Моск. ун-та, впоследствии астроном, преподаватель Моск. ун-та (1840—1855)—18, *448*, *449*
Дурасов Егор Александрович (1781—1855), сенатор — 410
Дюма Александр (отец) (1803—1870) — *503*
— «Красная роза» — 123, *503*; Бланка де Болье — 123, *503*

Евангелие — 122, 126, 159, 249, 294, 318, 342, 347, 357, *458*, *503*, *590*
Екатерина Алексеевна, вятская знакомая Герцена — 375
Екатерина II (1729—1796), императрица — 45, *465*, *595*, *596*
Екатерина Гавриловна — см. Левашова Е. Г.

Жадовский, жандармский подполковник во Владимире — 252, 257, 258, 339, 344, 348, 356, *537*, *562*—*565*
Жакото Жан Жозеф (1770—1840), франц. педагог — 77, *484*
Жанна д'Арк (Иоганна д'Арк), действ. лицо в драме «Орлеанская дева» Шиллера (см.)
Жан-Поль — см. Рихтер И. П. Ф.
«Живописец», повесть из сборника «Мечты и жизнь» Полевого (см.)
Жорж Санд (1804—1876) — 306, 309, 381, *553*, *571*, *575*
— «Лавиния» — 306, *553*, *575*
— «Мопра» («Mauprat»)— 381, *571*; Пасьянс (Patience) — 381, *571*
Жоффруа Сент-Илер (Geoffroy Saint-Hilaire) Этьенн (1772—1844), франц. зоолог и анатом — 46
Жуковский Василий Андреевич (1783—1852)—123, 130, 170, 172, 176, 179, 184, 194, 241, 243, 258, 259, 263, 271, 274, 300, 315, 324, 378, 383, *456*, *506*, *517*, *519*, *520*, *533*, *538*, *540*, *541*, *544*, *551*, *556*, *570*, *598*
— «Абадонна» — 130, 223, *506*, *530*
— «Ундина» — 179, *520*
«Журнал Министерства внутренних дел», изд. в Петербурге с 1829 г.— 391, *576*

Замятнин Александр Гаврилович (ум. 1868), жандармский штаб-офицер в Вятке — 65, 184, 205, *478*, *521*, *525*
Захарьин Петр Александрович (р. 1820), младший брат Н. А. Захарьиной, впоследствии был фотографом в Париже — 399, *439*. *486*, *579*
Зонненберг Карл Иванович (ум. после 1862), гувернер Н. П. Огарева, позднее жил в доме И. А. Яковлева — 64, 271, *477*

Иаков (библ.) — 39, *461*, *501*
Ибаев Лев Константинович (р. ок. 1804), отставной поручик; был арестован в 1834 г. по делу «О лицах, певших в Москве пасквильные песни» и сослан в Пермь; освобожден в 1842 г.— 429, *525*
Иваненко Моисей Михайлович, член студенческого кружка Герцена, впоследствии одесский чиновник — 56, 427, *436*, *591*, *594*, *595*, *602*
Иванов, знакомый Н. А. Захарьиной — 70, *480*
Иванов Николай Алексеевич (р. 1813), студент Моск. ун-та; был арестован в 1834 г. по делу «О лицах, певших в Москве пасквильные песни» — 430
Ивашкин, капитан жандармского дивизиона в Крутицких казармах— 32
Иегова (библ.) — 88, 190
Измаил — 390
Иловайский Иван Дмитриевич (1767 — после 1827), генерал-майор — 85, *487*

Иоанн (библ.) — 33, 34, 125, 162, 201, 295, 369, *524*, *549*
«Иоганна» — см. «Орлеанская дева»
Иосиф II (1741—1790), с 1765 г. император Священной Римской империи Германской нации — 45, *465*
Ирод (библ.) — 269
Иуда Искариот (библ.) — 114, 218, 261, *539*

К.— см. Кетчер Н. Х.
Казимир Михайлович, вятский знакомый Герцена — 375
Калайдович Федор Федорович (р. 1780), с 1829 г. директор Владимирской гимназии — 392
Карамзин Николай Михайлович (1766—1826) — 9, *443*
— «История Государства Российского» — 9, *443*
Карл X (1757—1836), король Франции с 1824 по 1830 г.—297
Кетчер Александр Христофорович (1813—1843), брат Н. Х. Кетчера, штаб-лекарь — 309, 370, *568*
Кетчер Николай Христофорович (1806—1886), врач и переводчик; друг юности Герцена, участник герценовских кружков в 1830-х и 1840-х гг.—18, 264, 269, 271, 277—279, 281, 283, 289, 291, 293, 294, 302, 306, 309, 311, 313, 321, 327, 332, 339, 354, 356, 362, 364, 367, 376, 381, 382, 388—390, 395, 396, 400—402, *439*, *460*, *488*, *491*, *503*, *514*, *517*, *539*, *540*, *545*, *547*, *548*, *553*, *554*, *560*, *570—572*, *574*, *580*, *591*, *604—607*, *609*, *610*, *612*
Киндяков Николай Михайлович (1813—1841), студент Моск. ун-та; был арестован в 1834 г. по делу «О лицах, певших в Москве пасквильные песни»; впоследствии офицер — 429
Кине (Quinet) Эдгар (1803—1875), франц. историк и политический деятель — 21, *451*, *452*
Кирьяков Николай Андреевич (р. 1796), университетский знакомый Герцена — 7
Клиентова Александра Григорьевна (р. ок. 1821), подруга Н. А. Захарьиной — 131, *456*, *471*, *506*, *509*, *530*, *541*
Клиентова, мать А. Г. Клиентовой — 377
Клиентов Григорий Степанович, отец А. Г. Клиентовой, моск. священник — 377
Клод Фролло, действ. лицо в романе «Собор Парижской богоматери» Гюго (см.)
Ключарёв Григорий Иванович (ок. 1793—1868), моск. чиновник; вел денежные дела И. А. Яковлева, а впоследствии Герцена — 298, 299, *551*, *583*, *591*
Ключарёва Татьяна Ивановна, попадья, приживалка кн. М. А. Хованской — 146, 306, *510*
Козлов Иван Иванович (1779—1840), поэт и переводчик —308, *553*
— «Безумная» — 308, *553*
Коперник (1473 — 1543) — 12 ,*445*
Корнилов Александр Алексеевич (1801—1856), вятский губернатор в 1837 — 1838 гг.— 191, 194, 205, 244, 246, 248, 319, 390, *502*, *522*, *528*, *557*, *576*
Костенька — см. Наталья Константиновна
Коцауров Николай Васильевич (р. 1798), преподаватель математики в Моск. ун-те с 1823 по 1834 г. — 18
«Красная роза», роман А. Дюма (см.)
Кромвель Оливер (1599—1658) — 26
Кузен (Кузень, Cousin) Виктор (1792—1867), франц. философ-идеалист — 7, 26, 414, *442*, *451*, *454*, *585*, *586*, *595*
— «Доклад о состоянии народного образования в некоторых странах Германии, и в особенности в Пруссии» («Rapport sur l'état de l' instruction publique dans quelques pays d ' Allemagne, et particulièrement en Prusse»)—414, *454*, *455*, *585*, *595*, *601*
Кукольник Нестор Васильевич (1809—1868), поэт и драматург — 393, *578*
Кулаков Григорий Иванович, советник вятского губернского правления — 375
Курута Иван Эммануилович (1780—1853), владимирский губернатор в 1838—1842 гг., впо-

следствии сенатор — 257, 258, 305, 311, 318, 325, 327, 347, 349, 352, 354, 368, 369, 393, *537*, *538*, *541*, *559*, *572*, *573*
Кучин Александр Иванович, дядя Т. П. Пассек — 22

Л. — см. Пассек Л. В.
«Лавиния», повесть Жорж Санд (см.)
Лазарев Николай Емельянович, в 1837 г. исправник в г. Яранске Вятской губернии; в 1846 г. — чиновник особых поручений при министре внутренних дел — 248, *535*
Ламеннэ Фелисите Робер де (1782—1854), франц. публицист и философ, один из идеологов христианского социализма — 297, *550*
— «Дела Рима» («Les affaires de Rome») — 297, *550*
Лаплас Пьер Симон (1749—1827), франц. астроном, математик и физик — 18
Лафайет Мари Жан Поль, маркиз (1757—1834), франц. политический деятель, участник борьбы американцев за независимость — 297, 302, *550*
— «Мемуары» («Mémoires, correspondance et manuscrits du général Lafayettes») — 297, *550*
Лафонтен Август (1758—1831), нем. писатель, автор сентиментальных романов — 384, *573*
Лахтин Алексей Козьмич (1808—1838), университетский товарищ Герцена, член его кружка; в 1835 г. был обвинен в причастности к делу «О лицах, певших в Москве пасквильные песни» и сослан в Саратовскую губернию — 18, 20, 21, 430, *436*, *450*, *451*, *588*, *591*
Лев Алексеевич — см. Яковлев Л. А.
Левашова Екатерина Гавриловна, рожд. Решетова (ум. 1839), хозяйка литературного салона в Москве — 65, 66, 271, 296—298, 309, 332, 351, 396, 397, 400, *478*, *550*, *560*, *564*, *610*, *611*
Левашов Николай Васильевич (р. 1790), отставной офицер, муж Е. Г. Левашовой — 386, 390, 392, 397
Лейбниц Готфрид Вильгельм (1646—1715)—392
Лерминье Жан Луи Эжен (1803—1859), франц. правовед и публицист — 17, 426, 427, *449*, *451*
— «Философия права» («Philosophie du droit»)или «Всеобщее введение в историю права» («Introduction générale à l'histoire du droit») — 17, 426, 427, *449*, *593*
Леру Пьер (1798—1871), франц. философ, публицист и общественный деятель — 386
Литтре Эмиль (1801—1881), франц. философ-позитивист, историк и филолог, популяризатор и издатель сочинений Огюста Конта — 389, *575*
Литунов, художник из крепостных И. А. Яковлева — 103, *500*
Ловецкий Алексей Леонтьевич (1787—1840), врач; с 1826 г. проф. Моск. отделения медико-хирургической академии и Моск. ун-та — 18, 386, *448*
Локк Джон (1632—1704), англ. философ — 24
Лукьянов Яков Афанасьевич (1806—1860), университетский товарищ Герцена — 410
Львов-Львицкий Сергей Львович (1819—1898), сын Л. А. Яковлева, двоюродный брат Герцена, впоследствии известный фотограф—49, 267, 281, *467*, *468*, *546*, *558*, *609*
Любенька — см. Витберг Л. А.
Люденька, дочь П. П. Медведевой — 251, 400, *527*
Людмила — см. Пассек Л. В.
Людовик XVI (1754—1793), франц. король с 1774 по 1792 г.— 302
Лютер Мартин (1483—1546) — 23
Лючия (Лучия), персонаж «Божественной комедии» Данте (см.)
Люцифер (библ.) — 76, 99, 101, 110, 114, 160, *499*

Мазепа Иван Степанович (1644—1709), гетман Украины с 1687 г.— 134, *507*
Макаров Григорий Иванович, советник вятской казенной палаты — 99, 100
Макашина Марья Степановна, компаньонка кн. М. А. Хованской— 16, 30, 36, 37, 92, 93, 104, 137,

146, 153, 154, 165, 168, 216, 217, 258, 286, 292, 318, 323, 356, *490*, *494*, *507*, *509*, *510*, *520*, *529*, *531*, *534*, *552*, *555*, *557*, *599*, *607*
Маккельдей Фердинанд (1784 — 1834), нем. юрист — 21, *452*
— «Римское гражданское право, изложенное (по Маккельдею) Николаем Рождественским» — 21, *452*
Максимович Михаил Александрович (1804—1873), ботаник, историк, фольклорист; с 1833 г. проф. естественных наук Моск. ун-та — 7, 18, 411, 415, *442*, *448*,
— «О системах растительного царства» — 7, *442*
Малов Михаил Яковлевич (1790—1849), проф. юридического фак-та Моск. ун-та — 410, *585*
Мальтус Томас Роберт(1766—1834), англ. буржуазный экономист—21
Мандзони Алессандро (1785—1873), итал. поэт и романист — 289, *548*
— «Обрученные» («I promessi sposi») — 289, *548*
Мария Магдалина (библ.) — 325
Марк (еванг.) — 318
Маронцелли (Maroncelli) Пьеро (1795—1846), итал. писатель и деятель рев. движения — 32, *458*
Мартен Бон Луи Анри(1810—1883), франц. историк — 297
Масленников Иван Михайлович, был арестован в 1834 году по делу «О лицах, певших в Москве пасквильные песни» — 430
Матвей Савельевич (ок. 1821—1843), камердинер Герцена с осени 1837 г.— 108, 263, 278, 288, 301, 303, 318, 332, 352, 367—373, *545—547*, *554*, *568*
Матильда, персонаж «Божественной комедии» Данте (см.)
Мафусаил (библ.) — 98
Машковцев Александр Федорович, вятский знакомый Герцена — *610*
Машковцев Аркадий Иванович,пансионер Моск. практической коммерческой академии, был арестован в 1834 г. по делу «О лицах, певших в Москве пасквильные песни» — 430
Машковцев Владимир (Петрович?), вятский знакомый Герцена — *609*
Машковцев Егор Петрович (1812—1855), университетский знакомый Герцена; был арестован в 1834 г. по делу «О лицах, певших в Москве пасквильные песни» — 46, 429, *436*
Медведева Прасковья Петровна (ум. 1860), вятская приятельница Герцена — 52, 54, 56, 64, 65, 72, 76, 83, 84, 92, 93, 97, 100, 103, 104, 108, 109, 116, 117, 118, 126, 130, 136, 138, 142, 145, 151, 153, 163, 171, 172, 175, 185, 202, 203, 209, 210, 231, 232, 235—238, 240, 241, 243, 252, 256, 260, 269, 277—280, 283, 287, 293, 296, 300, 301, 304, 305, 308, 313, 323, 325, 329, 334, 335, 337—339, 350, 352, 353, 358, 381, 383, 385, 394, *436*, *470—472*, *477*, *479*, *487*, *488*, *490—493*, *497*, *508*, *515*, *518*, *519*, *527*, *533*, *538*, *549*, *551*, *552*, *562*, *564*, *571*, *572*, *577*, *604*, *607*, *608*, *610—612*
Медведев Петр Алексеевич (ум. 1836), асессор вятской губернской строительной комиссии, муж П. П. Медведевой — 52, 54, 56, 64, 83, 84, 93, 97, 138, 171, 185, 210, 256, 280, 381, *477*
Мейер Николай Мартынович, вятский губернский прокурор —111, 375, 395, *497*
Меркурий (миф.) — 232
Мессалина (Valeria Messalina) (10 г. до н. э.— 54 г.), жена римского императора Клавдия; была известна своим распутством, властолюбием и жестокостью — 334, *561*
Мессия (библ.) — 33
Мефистофель, действ. лицо в поэме «Фауст» Гёте (см.)
«Мечты и жизнь», сборник сочинений Н. А. Полевого (см.)
Мещерская Анна Борисовна (1738—1827), сестра Н. Б. Яковлевой, бабушка Герцена; в ее доме воспитывался И. А. Яковлев — 122, 185, *502*
Мин Егор Егорович (р. 1813), студент Моск. ун-та; в 1834 г. был арестован по делу «О лицах, певших в Москве пасквильные песни» — 430
Миницкий Александр Осипович, офицер, знакомый Н. А. Захарьи-

ной — 287, 288, *542*, *547*, *548*, *566*, *568*
Миньона (Мина), действ. лицо в романе «Годы учения и странствий Вильгельма Мейстера» Гёте (см.)
Мишле Жюль (1798—1874), франц. историк — 15, 17, 21, 24, *447*, *449*, *451*, *601*, *610*
— «Римская история» («Histoire romaine») —17, 24, *447*, *449*, *451*, *610*
Моисей (библ.) — 126, 170
Моисей — см. Иваненко М. М.
Мономаховичи, потомки вел. князя Киевского Владимира Всеволодовича (1053—1125) — 206
Монтескье Шарль (1689—1755) — 20, 21, *450*
Морошкин Федор Лукич (1804—1857), проф. юридического фак-та Моск. ун-та — 21, 207, 411, *451*, *452*, *526*, *591*
«Московские ведомости», газета, основанная в 1756 г. — 383
«Московский наблюдатель», литературный журнал, изд. в Москве в 1835—1839 гг.—60, 207,389,*474*, *526*, *575*
Муравьёв Петр Николаевич (р. 1810), университетский знакомый Герцена — 12, 13
Мюссе Альфред де (1810—1857), франц. поэт — *471*, *474*
— «Чаша и уста» («La coupe et les lèvres») — 54, 58, *471*, *474*
Мягков Гавриил Иванович, проф. военных наук в Моск. ун-те; читал «Артиллерию и фортификацию по курсу военной архитектуры» — 7, *442*

Надеждин Николай Иванович (1804—1856), литературный критик и искусствовед, редактор «Телескопа», проф. Моск.ун-та— 8, 207, *443*, *448*, *508*, *526*, *595*
— «Опыт исторической географии русского мира (статья первая)»— 207, *526*
Найденов Гаврила Семенович, староста в имении И. А. Яковлева— 248, 249, 252
Наполеон I Бонапарт(1769—1821)— 92, 286, 288, 315, 400, *551*, *556*
Насакин Василий Абрамович (ок. 1779—1843), полковник, муж Н. Ф. Хованской, дочери кн. М. А. Хованской — 62, 121, 133, 362, *497*, *506*, *567*
Наталья Константиновна (Костенька), няня Герцена, впоследствии няня Н. А. Захарьиной в доме кн. М. А. Хованской — 95, 104, 258, 311, 317, 321, *490*, *494*, *554*, *607*
Небаба Дмитрий Васильевич (ок. 1806—1839),университетский знакомый Герцена; учитель математики во Владимирской гимназии—392, *577*
Немезида (миф.) — 171
Нерон Клавдий Цезарь Август Германик (37—68), римский император с 54 г.— 139
Нестор — 297
Ник, Николай — см. Огарев Н. П.
Николай I (1796—1855), император — 31, 38, 141, 187, 191, 192, 233, 241, 340, 378, 383, 429, *525*, *532*, *533*, *562*, *572*, *593*, *601*
Николай Мартынович — см. Н. М. Мейер
Николай Хлыновский, святой православной церкви — 146, *485*, *511*
Николенька (Николай Петрович), сын П. П. Медведевой — 251, 391, 400, *439*, *527*, *536*
Никон (1605—1681), патриарх московский и всея Руси — 296, *609*
Никонов Николай Степанович, титулярный советник, чиновник дворцовой конторы в Москве— 405
Нил, епископ вятский и слободской — 122, *502*
«Нищий», повесть Погодина М. П. (см.)
Носков Михаил Павлович (р. 1812), член студенческого кружка Герцена, служил в Петербурге в артиллерийском департаменте — 7, 12, 13, 15—17, 22, 23, 415, 431, *436*, *440*, *441*, *451*, *453*, *591*, *601*, *602*

Оболенский Василий Иванович,учитель русской словесности и древних языков в 1-ой моск. гимназии — 411
Оболенский Иван Афанасьевич (1805—1849), товарищ Герцена

по Моск. ун-ту; был арестован в 1834 г. по делу «О лицах, певших в Москве пасквильные песни» — 18, 38, 46, 192, 202, 411, 429, *447*, *463*, *525*, *592*

Оболенский Сергей Петрович, князь (р. 1784), сватался к Н. А. Захарьиной — 31, *457*

Огарева Мария Львовна, рожд. Рославлева (ок. 1817—1853), первая жена Н. П. Огарева — 77, 152, 169, 170, 204, 228, 235, 347, *482*, *483*, *512*, *513*, *531*, *532*, *564*, *576*, *607*

Огарев Николай Платонович (1813—1877) — 10, 12, 18, 19, 29, 31, 34, 36—38, 43, 47, 50—52, 56, 66, 72, 73, 77, 78, 85, 87, 88, 94, 101, 102, 113, 118, 121, 124, 125, 134, 135, 151—154, 156, 159, 168—170, 177, 179, 180, 185, 186, 193, 196, 201—207, 209, 225, 228, 230, 231, 233—235, 254, 259, 260, 262, 264, 265, 282, 283, 292, 298, 302, 305, 308, 319, 329, 336, 347, 352, 384, 385, 387—389, 392, 395—397, 401, 410—413, 415, 416, 419—427, 429, 431, *436*, *439*, *441*, *450*, *455*, *459—461*, *464*, *469*, *470*, *472*, *481—483*, *490*, *492*, *504*, *506*, *512*, *513*, *517*, *520—522*, *525*, *526*, *531*, *532*, *538—542*, *548*, *557*, *558*, *561*, *564*, *571*, *572*, *574*, *575*, *577*, *578*, *585*, *586*, *588—594*, *599*, *601—609*, *612*

— «Гений» — 415, *586*

— «Поэты (Байрон, Гёте и Шиллер)» — 415, *586*

— «Слава» — 415, *586*

— «I tempi» — 73, 415, *482*, *586*, *605*

Огарев Платон Богданович (ум. 1838), отец Н. П. Огарева — 395, 412, *470*, *472*, *578*

Одоевский Владимир Федорович, князь (1803—1869), писатель — *474*

— «Себастиан Бах» — 60, *474*

Озеров Петр Иванович (1778—1843), член Госуд. совета, первоприсутствующий сенатор в общем собрании моск. департаментов, член комиссии по постройке в Москве храма во имя Христа Спасителя — 300, 323, 410, *551*

Озирис (миф.) — 261

Олимпиада Максимовна — см. Яковлева О. М.

Ольговичи, потомки князя Олега Святославича, внука Ярослава Мудрого — 206

Оранский Николай Диомидович (ум. 1847), секретарь канцелярии моск. военного губернатора, делопроизводитель в обеих следственных комиссиях по делу «О лицах, певших в Москве пасквильные песни» в 1834 г. — 430, *446*

«Орлеанская дева» («Иоганна»), драма Шиллера (см.)

Орлова Анна Александровна, сестра Н. А. Захарьиной — 180, *480*, *520*

Орлов Александр Анфимович (1791—1840), писатель — 393

Орлов Михаил Федорович (1788—1842), генерал-майор, член «Союза Благоденствия» и литературного общества «Арзамас» — 410, *591*

«Освобожденный Иерусалим», поэма Тассо (см.)

Остроумов Иоанн («священник-поэт»), священник во Владимире, венчавший Герцена и Н. А. Захарьину — 342, 350, 353, 357, 361, 364, 365, 368, 371, 372, 379, *563*, *566*, *570*

«Очерки России», сборники, издателем и редактором которых был В. В. Пассек — 206, *444*, *496*, *525*, *526*

Павел, апостол (библ.) — 22, 23

Павлов Михаил Григорьевич (1793—1840), проф. физики, минералогии и сельского хозяйства в Моск. ун-те с 1820 г.—18, *448*, *595*, *602*

Пандекты, одна из составных частей Свода законов (Corpus juris civilis), составленного древнеримскими юристами в 533 г. —206

Парацельс (Paracelsus), псевд. Филиппа Ауреола Теофраста Бомбаста фон Гогенгейма (1493—1541), швейцарский врач и естествоиспытатель — 18, 98, 112

Парфений (Васильев-Чертков Павел Васильевич) (1782—1853), архиепископ Владимирский с 1821 г.— 347, 357, 359, 363, 368, 370, 372, 374—376, 380, *568*, *570*

Паскаль (Пасхаль) Блез (1623—1662) — 101

Паскевич-Эриванский Иван Федорович, князь (1782—1856), генерал-фельдмаршал — 387

Пассек Вадим Васильевич (1808—1842), историк и этнограф, университетский товарищ и член кружка Герцена — 14, 15, 17, 20, 24, 51, 64, 108, 112, 169, 206, 207, 297, 301, 302, 324, 422, 424, *443*, *445*, *447*, *448*, *450*, *451*, *469*, *470*, *478*, *496*, *498*, *509*, *517*, *525*, *526*, *590*, *595*, *601*, *602*, *605*, *606*, *609*, *610*
— «Путевые записки» — 112, 422, *498*, *606*
Пассек Вячеслав Васильевич (р. 1819), младший брат Вад. Вас. Пассека — 11, *445*
Пассек Диомид Васильевич (1807—1845), генерал-майор, инженер путей сообщения — 412, 413, 415, 418, *440*, *441*, *586*
Пассек Евгений Васильевич (1804—1842), старший из братьев Пассеков; окончил юридическое отделение Петерб. ун-та; служил в министерстве внутренних дел — 12, 15, 17, 412, 413, *440*, *441*, *443*, *445*, *601*
Пассек Екатерина Ивановна, рожд. Вилефельд, вторая жена Вас. Вас. Пассека —10, *444*, *445*
Пассек Леонид Васильевич, морской офицер, брат Вад. Вас. Пассека — 8
Пассек Людмила Васильевна, сестра Вад. Вас. Пассека — 14, 16, 24—26, 51, 54, 209, 265, 325, 413, 425, 426, *436*, *443*, *447*, *448*, *450*, *453*, *454*, *465*, *467*, *469*, *471*, *527*, *561*, *593*, *602*
— «Отрадный мир» — 14, *447*
Пассек Ольга Васильевна, старшая сестра Вад. Вас. Пассека —47, *465*, *604*
Пассек Татьяна Петровна, рожд. Кучина (1810—1889), писательница, родственница и друг детства и юности Герцена, жена Вад. Вас. Пассека —10, 15, 17, 22, 51, 94, 108, 169, 225, 244, 262, 301, 324, 335, 339, 351, 352, 411—413, *436*, *440*, *441*, *443*, *445*, *447—449*, *452*, *456*, *466*, *470*, *475*, *490*, *492*, *496*, *498*, *511*, *517*, *527*, *532*, *534—536*, *539*, *540*, *561*, *564*, *567*, *573*, *585*, *590*, *595*, *596*, *598*, *599*, *601*, *602*, *604—606*, *609—611*
Пассеки —16—18, 22, 27, 56, 82, 282, 412, 415, *436*, *440*, *447*, *486*, *496*, *591*
Пац (Пацев) Григорий Минаевич (р. ок. 1800), университетский знакомый Герцена — 416, *585*
Пеллико Сильвио (1789—1854), итал. писатель, участник национально-освободительного движения — 32, 33, *457*, *458*
Перевощиков Дмитрий Матвеевич (1788—1880), астроном и математик; проф. с 1826 г. и ректор Моск. ун-та с 1848 по 1851 г.— 12, 13, 18, *445*, *448*, *449*
Перемышлевский Михаил Дмитриевич (р. 1812), университетский знакомый Герцена; был арестован в 1834 г. по делу «О лицах, певших в Москве пасквильные песни» —430
Петр, апостол (библ.) — 33, 44, *465*
Петр I (1672—1725) —11, 12, 16, 25, 414, 415, 418, *444*, *445*, *453*, *454*, *586*, *587*, *595*
Петр Федорович, камердинер Герцена до сентября 1837 г.—160, 161, 203, *460*
Петров Василий Петрович (р. 1813), университетский знакомый Герцена, впоследствии учитель математики в Орловской гимназии—11, 410, 413, *436*, *602*
«Пиковая дама», повесть Пушкина (см.)
Пименов Дмитрий Иванович, литератор; перевел с французского «Нравственные рассуждения герцога де-ла Рошефуко» и «О сущности красоты и прелести» — 185, *591*
Платон (427—347 до н. э.) —17, 22, 205, 421, *453*, *525*
Погодин Михаил Петрович (1800—1875), историк и публицист —25, *448*, *453*, *454*, *596*
— «Взгляд на российскую историю» —24, *453*
— «Нищий» —25, *454*
Поза, маркиз, действ. лицо в драме «Дон-Карлос» Шиллера (см.)
Полевой Ксенофонт Алексеевич (1801—1867), журналист, брат Н. А. Полевого и его сотрудник в «Московском телеграфе» —96, 411, *602*, *605*, *606*
Полевой Николай Алексеевич (1796—1846), писатель, журна-

лист и историк —60, 100, 156, 207, 264, 392, 396, 401, 411, 414, 415, *436*, *474*, *488*, *492*, *498*, *512*, *514*, *515*, *526*, *541*, *575*, *578*, *591*, *594*
— «Блаженство безумия» —100, *492*, *541*; Антиох — 263, *541*
— «Живописец» — 100, 152, *492*, *512*; Веринька —152, 156, *512*, *514*, *595*
— «Мечты и жизнь» — 100, *492*
— «Эмма» — 100, *492*
Полежаев Александр Иванович (1805—1838), поэт — 416, *454*, *585*
Полина — см. Тромпетер П.
Полуденская Мария Ивановна (ум. 1876), сестра Н. И. Сазонова — 387, *571*, *574*
Полуденский Александр Петрович (1817—1845), сын сенатора; был женат на М. И. Сазоновой —381, 382, *571*
Полуденский Петр Семенович (1777—1852), сенатор, член Моск. опекунского Совета — 381, *571*
Почека Яков Иванович, университетский знакомый Герцена — 14, 15, 423, *446*, *447*, *509*, *592*
Пракситель (IV в. до н. э.) —177, 178
Прасковья Андреевна—см. Эрп П. А.
Прометей (миф.) — 340
Психея (миф.) — 287
Пуансо Луи (Poinsot) (1777—1859), франц. математик — 11, *444*
Пузыревский Александр Викторович, брат А. В. Витберг —295, 298, 299, 383, *549*, *551*, *572*, *609*
«Путевые записки», изданное под псевд. *Вадим**** сочинение В. В. Пассека (см.)
Пушкин Александр Сергеевич (1799—1837)— 393, 416, *454*, *456*, *460*, *507*, *526*, *578*, *585*
— «Бесы» — 37, *460*
— «Вольность» — 416, *585*
— «Кинжал» — 416, *585*
— «Пиковая дама» — 28, *456*; Германн —29

Раич Семен Егорович (1792—1855), поэт и переводчик — 431, *598*
Раморино Джироламо (1792—1849), польский генерал, участник восстания 1830—1831 гг.— 45
Рафаэль (Рафаил, Rafael) (1483—1520) — 103, 125, 131, 199
Рембрандт (1606—1669) — 149
Репин Платон Иванович, вятский купец — 251, *536*
Рихтер Иоганн Пауль Фридрих (псевд. Жан Поль) (1763—1825)— 24, 60, 197, 233, 298, 322—324, 328, 333, 350, 381, 425, *453*, *474*, *475*
— «Гесперн или 45 дней собачьей почты» — 328; Виктор — 328; Гармоника — 328; Клотильда — 328
— «Искусство быть веселым в несчастии» — 197
— «Незримая ложа» («Die unsichtbare Loge»); Беата — 350
Робеспьер Максимилиан (1758—1794) — 298, 309, *554*
Ру-Лаверн Пьер-Селестин (1802—1874), франц. писатель и политический деятель, проф. истории и философии в Ренне — 298, *550*
Рулковиус Фердинанд, вятский аптекарь, знакомый Герцена — 129, *506*
Руссо Жан Жак (1712—1778) — 147, 148, *511*
— «Новая Элоиза» («La nouvelle Heloïse») — 148, *511*

Савич Алексей Николаевич (1810—1883), участник студенческого кружка Герцена, впоследствии астроном — 8, 10, 11, 16, 20, 22, *436*, *444*, *448*, *451*, *591*
Сазонов Николай Иванович (1815—1862), участник студенческого кружка Герцена, впоследствии эмигрант, публицист — 20, 56, 66, 187, 207, 274, 298, 352, 362, 367, 369, 371, 376, 384, 387—390, 392, 393, 395, 396, 400, 402, *436*, *439*, *450*, *460*, *472*, *478*, *514*, *526*, *570*, *571*, *573*, *575*, *577*, *578*, *580*, *591*, *594*, *595*, *604*, *606*, *610*, *612*
Саллюстий (Sallustius) Гай Крисп (86—35 до н. э.), римский историк — *578*
— «Заговор Катилины. Югуртинская война» (De conjuratione Catilinae. De bello Jugurthino) — 393, *578*
Салтыков Михаил Александрович (1767—1851), сенатор — 410
Сатин Николай Михайлович (1814—1873), поэт и переводчик, университетский товарищ Герцена, был арестован в 1834 г. по делу

«О лицах, певших в Москве пасквильные песни» — 18, 31, 38, 54—57, 66, 71, 80, 128, 154, 202, 206, 272, 302, 410—413, 415, 423, 424, 429, *436*, *448*, *469*, *471—473*, *477*, *480*, *485*, *513*, *525*, *543*, *586*, *588*, *591—596*, *602*, *605*
— «О упадке искусства»— 415
— «Умирающий художник» — 415, *586*
Сведенборг Эмануэль (1688—1772), шведский теософ и мистик — 112, *498*
— «Небесные тайны» («Arcana Coelestia») — 112, *498*
«Священная история для малолетних детей, с вопросами и ответами» — 431, *440*, *441*, *561*
«Себастиан Бах», повесть В. Ф. Одоевского (см.)
Сей Жан Батист (1767—1832), франц. экономист — 21
Селастенник Гавриил Корнеевич, пермский губернатор с 1831 по 1837 г.— 346
Семен Иванович — см. Величко С. И.
Семенов Иван Семенович (1796—1848), подполковник, командир моск. жандармского дивизиона — 27, 38, *455*, *603*
Сен-Жюст Луи Антуан (1767—1794) — 298, 299, 309
Сенковский Осип Иванович (1800—1858), журналист, редактор журнала «Библиотека для чтения»; с 1828 проф. Петерб. ун-та по кафедре восточных языков — 393, *578*
Сен-Симон Анри Клод (1760—1825), франц. социалист-утопист — 422, 424, *450—452*, *588*, *590*
Сервантес де Сааведра Мигель (1547—1616)
— «Дон Кихот»; Дон Кихот — 59
Сикст V (1521—1590), римский папа с 1585 г.— 208, *526*
Сипягин Василий Петрович, советник вятского губернского правления — 271, *604*
Сисмонди Жан Шарль Леонар (1773—1842), франц. историк и экономист — 415, *586*
— «История итальянских республик Средневековья» — 415, *586*
Скворцов Андрей Ефимович, учитель вятской гимназии, приятель Герцена — 120, 138, 151, 156, 168, 185, 189, 202, 203, 206, 209, 228, 229, 233, 236, 237, 239, 240, 243, 245, 246, 252, 256, 259—261, 266, 267, 269, 276, 301, 313, 325, 327, 352, 355, 393, 395, 399, *436*, *502*, *508*, *514*, *524*, *533*, *536*, *577*, *580*, *607—612*
Скотт Вальтер (1771—1832) — 25, *454*
Смаллан Елизавета Петровна, рожд. Яковлева (ок. 1784—1855), тетка Т. П. Пассек и двоюродная сестра Герцена — 335
«Смерть Валленштейна», драма Шиллера (см.)
Смирдин Александр Филиппович (1795—1857), книгопродавец и издатель — 393, 401, *577*
Смирнов Николай Иванович (р. 1810), университетский знакомый Герцена, впоследствии чиновник департамента сельского хозяйства — 8, 11
Сназарев Афанасий Иванович (1793—1851), полковник — 231, *527—532*, *538*, *542*, *546*, *547*, *555*
Соколов, офицер жандармского дивизиона, расположенного в Крутицких казармах — 38, *460*
Соколов Александр Иванович, университетский знакомый Герцена—411
Соколовский Владимир Игнатьевич (1808—1839), поэт; в 1832 г. сблизился со студенческим кружком Герцена; в 1834 г. был арестован по делу «О лицах, певших в Москве пасквильные песни» — 38, 429, *525*
Сократ (ок. 469—399 до н. э.) —202
Сонечка, дочь П. П. Медведевой— 251, 400, *439*, *527*
Сорокин Михаил Федорович, художник, был арестован в 1834 г. по делу «О лицах, певших в Москве пасквильные песни» и выслан в Костромскую губернию в 1842 г. вернулся в Москву — 429
Софокл (ок. 497—406 до н. э.) — «Эдип в Колоне»; Эдип — 208, *526*
Соханский Николай Иванович (р. 1805), учитель математики впоследствии директор Владимирской гимназии — 392

Сперанский Михаил Михайлович (1772—1839), госуд. деятель — 17, *449*
— «Обозрение исторических сведений о своде законов» — 17, *449*
Спиноза Барух (Бенедикт) (1632—1677) — 21, *451*, *599*
Сталь Анна Луиза Жермен (1766—1817), франц. писательница —297
Стрекалов Николай Иванович (р. 1815), университетский знакомый Герцена — 415
Сусанин Иван Осипович (ум. 1613), крестьянин с. Домнино Костромского уезда, народный герой — 391, *576*
Сухово-Кобылин Александр Васильевич (1818—1903), университетский знакомый Герцена, впоследствии известный драматург — 411
«Сын отечества», журнал, основан в Петербурге в 1812 г. Н. И. Гречем; изд. до 1852 г. — 278, 282, 298, 306, 389, *526*, *545*, *546*, *550*, *553*, *575*

Талейран-Перигор Шарль Морис, князь Беневентский (1754—1838), франц. политический деятель — 18
Тассо Торквато (1544—1595) —135, 155, 431
— «Освобожденный Иерусалим» — 431; *598*; Армида — 431, *598*
Текла, действ. лицо драм. трилогии «Валленштейн» Шиллера (см.)
«Телескоп», журнал, изд. в Москве в 1831—1836 гг.; редактор Н. И. Надеждин — 90, 95, 123, 424, *474*, *488*, *491*, *498*, *503*, *508*, *593*, *606*
Тиверий (Тиберий) Клавдий Нерон (42 до н. э. — 37 н. э.), римский император с 14 г. н. э. — 139
Тимофеев Алексей Васильевич (1812—1883), поэт — 393
Тифон (миф.) — 261
Токвиль (Toequeville) Алексис (1805—1859), франц. историк и политический деятель — 386, *574*
— «О демократии в Америке» — 386, *574*
Тон Константин Андреевич (1794—1881), проф. архитектуры, по проекту которого был выстроен в Москве храм Христа Спасителя — 394, 397, 398, *578*, *579*, *612*
Трансон Абель Этьени Луи (1805—1876), франц. математик — *450*
— «Учение об ассоциации г. Шарля Фурье» («Doctrine d'association de M.Charles Fourier») — 20, 422, *450*
Тромпетер Полина, вятская знакомая Герцена, с 1837 г. жена А. Е. Скворцова — 64, 65, 76, 78, 82, 83, 85, 87, 88, 93, 95, 97, 98, 103, 104, 108, 111, 117, 119, 120, 128, 132, 133, 138—140, 142, 148, 151, 158, 166, 175, 178, 185, 189, 190, 200, 202, 203, 209, 214, 221, 225, 226, 228, 233, 236, 237, 239, 240, 242, 243, 245—247, 249, 256, 259—262, 266, 269, 276, 279, 293, 301, 316, 319, 325, 329, 333, 335, 352, 353, 355, *436*, *477*, *483*, *486*, *491*, *492*, *506*, *508*, *514*, *524*, *525*, *533*, *539*, *545*, *546*, *610*, *611*
Тьерри Огюстен (1795—1856), франц. буржуазный историк — 15, 24, 418, *447*, *453*
Тюфяев Кирилл Яковлевич («Калибан») (1775 — после 1840), вятский губернатор с 1834 по 1837 г. —50, 65, 73, 81,113, 156, 162, 164, 175, 205, 210, 213, 234, 243, 291, 325, 391, *469*, *486*, *489*, *496*, *499*, *500*, *502*, *506*, *508*, *512*, *514*, *515*, *517*, *519*, *525*, *527*, *549*, *551*, *577*, *604*

Убини Николай Степанович (р.1811), университетский знакомый Герцена, был арестован в 1834 г. по делу «О лицах, певших в Москве пасквильные песни» — 430
Уваров Сергей Семенович (1786—1855), министр просвещения с 1833 г., президент Академии наук — 221, *448*, *529*
«Ундина», стихотворная повесть Жуковского (см.)
«Урания, карманная книжка на 1826 год для любительниц и любителей русской словесности», альманах, издан М. П. Погодиным в конце 1825 г. — 25, *454*
Устрялов Николай Герасимович (1805—1870), историк, проф. Петерб. ун-та — 207, *526*
— «Русская история» — 207, *526*

Уткин Алексей Васильевич, был арестован в 1834 г. по делу «О лицах, певших в Москве пасквильные песни» — 429, *525*
«Утренняя звезда» — «Геспер или 45 дней собачьей почты» («Hesperus oder 45 Hundspottage»), роман Жан-Поля (см.)

«Фауст», поэма Гёте (см.)
Филарет (Василий Михайлович Дроздов) (1782—1867), митрополит московский с 1826 г.— 45, 383, 385, *465*, *572*, *574*
Фихте Иоганн Готлиб (1762—1814)— 21, *451*, *452*, *599*
Фишер фон Вальдгейм Александр Григорьевич (1803—1884), проф. Моск. ун-та, сын Г. И. Фишера, читал лекции по зоологии и ботанике с 1825 г.— 7, 411, *442*, *448*
Фишер фон Вальдгейм Григорий Иванович (1771—1853), проф. Моск. ун-та; читал лекции по зоологии и ботанике — 7, 411, *442*, *591*
Фоблаз, герой романа Лувэ де Куврэ «Приключения кавалера де Фоблаза» — 315
Форнарина (наст. имя — Маргарита), римлянка, возлюбленная и натурщица Рафаэля —131
Франц I (1768—1835), австрийский император — 32
Фурье Шарль (1772—1837), франц. социалист-утопист — 20, 422, *450*, *590*

Хитров Алексей Гаврилович, университетский знакомый Герцена— 8, 448
Хованская Мария Алексеевна, рожд. Яковлева («княгиня») (1755—1847), тетка Герцена; в ее доме воспитывалась Н. А. Захарьина — 19, 26, 36, 75, 79, 81, 87, 92, 106, 111, 113, 117, 122, 146, 157, 168, 178, 187, 202, 224, 226, 249, 252—254, 257, 269, 271, 272, 275,277,278, 286, 292—294, 299,300, 303, 304, 307, 313, 314, 318, 324, 327, 341, 344, 345, 349, 350, 359, 361, 362, 380, 401, 411, *436*, *447*, *452*, *455—457*, *459*, *460*, *462*, *468*, *483—485*, *488*, *493—495*, *497*, *505—507*, *509*, *510*, *514*, *516*, *524*, *529*, *538*, *543*, *545*, *546*, *552*, *554—556*, *558*, *561—563*, *566*, *567*, *570*, *586*, *599*, *602*, *603*, *605—609*, *611*
Хомутов Иван Петрович, вятский губернатор с 1838 по 1840 г.— 383, *572*
Христос Иисус (библ.) — 22, 23, 83, 92, 94, 98, 110, 114, 118, 125, 159, 170, 178, 182, 219, 230, 246, 261, 267—269, 287, 313, 318, 341, 342, 345, 358, 373, 414, *453*, *474*, *501*, *503*, *522*, *539*, *555*

Цезарь Кай Юлий (100—44 до н. э.) — 232
Цеханович Петр (р. 1809), участник польского освободительного движения 1830-х гг.— 44, 50, 141, *465*, *469*, *509*
Цынский Лев Михайлович, генерал-майор, в 1834—1835 гг. московский обер-полицмейстер — 38, *457*, *460*, *585*, *602*

Чаадаев Петр Яковлевич (ок. 1794—1856) — 397, *436*, *508*
Чайльд-Гарольд, герой поэмы «Паломничество Чайльд-Гарольда» Байрона (см.)
Челищев Егор Николаевич (р. 1815), университетский знакомый Герцена — 411
Четьи минеи — «Жития святых» Дмитрия Ростовского — 28, *456*
Чумаков Федор Иванович (1782—1837), проф. математики Моск. ун-та, декан физико-математического отделения с 1827 г.— 7, *442*

Шведенборг — см. Сведенборг
Шекспир Вильям (1564—1616) — 155, 161, 162, 233, 275, *515*
— «Гамлет» — 161, 162, *515*, *607*; Гамлет — 162
— «Ромео и Джульетта»; Джульетта — 130
Шеллинг Фридрих Вильгельм Иосиф (1775—1854) — 20, 21, *451*, *594*, *599*
Шеншин Василий Владимирович (1814—1859), университетский знакомый Герцена, впоследствии моск. чиновник — 18, *448*
Шиллер Иоганн Фридрих (1759—1805) — 17, 38, 48, 57. 73, 97, 101, 107, 116, 123, 141, 142, 167, 182, 204, 209, 233, 264, 266, 269, 270, 274, 303, 324, 415, 420, *460*,

467, *473*, *509*, *513*, *516*, *521*, *542*, *548*, *556*, *589*
— «Валленштейн»; «Смерть Валленштейна» («Wallenstein's Tod»)— 209; Текла — 102, 141, 143, 209
— «Вильгельм Телль» — 420, *588*, *589*
— «Дева с чужбины» («Das Mädchen aus der Fremde») — 204, *473*
— «Дон Карлос» — 270, 304, *552*, *589*; Поза — 270
— «Орлеанская дева» — 123, 141, 167, 265, 266, 316, *509*, *516*, *542*, *556*, *608*; Жанна д'Арк — 143, 167, *509*, *516*, *542*
— «Покорность судьбе» («Die Resignation»)— 141, 209
— «Разбойники» — 38, *460*
— «Речь Конфуция» («Spruch des Konfuzius») — 153, *513*
— «Текла» («Thekla») — 209
Шлегель Фридрих (1772—1829), нем. критик и филолог, один из основателей романтической школы — 420, *595*
Штраух, вятский знакомый Герцена — 298, *551*

Щепкин Павел Степанович (1793—1836), проф. математики Моск. ун-та — 18, *448*

«Эдинбургское обозрение» («Edinburgh review»), англ. общественно-литературный журнал, выходил раз в три месяца в Эдинбурге с октября 1802 г.; впоследствии журнал издавался в Лондоне — 424, *593*
Эдип, действ. лицо в трагедиях Софокла (см.)
Эзоп (VI—V вв. до н. э.), греческий баснописец — 431, *441*, *561*, *597*, *598*
Эйнемазер — 112
Эккартсгаузен (Eckartshausen) Карл (1752—1803),нем. писатель-мистик — 118, *501*
Элеонора, принцесса, сестра герцога Альфонса II Феррарского, при дворе которого с 1565 по 1577 г. жил Тассо — 155
«Эмма», повесть Полевого (см.)
Энфантен — см. Анфантен
Эрн Гавриил Каспарович, сын П. А. Эрн, приятель Герцена; был чиновником особых поручений при вятском губернаторе — 49, 52, 56, 59, 64, 65, 120, 128, 157, 164, 202, 228, 231, 237, 250—252, 266, 267, 299, 315, 357, 375, 382, 391, *436*, *468*, *472*, *508*, *514*, *525*, *532*, *536*, *604*, *608*, *609*, *611*, *612*
Эрн Прасковья Андреевна (ум. 1849), знакомая Герцена — 157, 203, 204, 208, 221, 224, 229, 231, 268, 270, 326, 354, 364, *472*, *474*, *514*, *525*, *532*, *558*, *604*, *607*
Эсмеральда, действ. лицо в романе «Собор Парижской богоматери» В. Гюго (см.)

Югурта (ок. 160—104 до н. э.), нумидийский царь с 133г.до н.э.— 393, *578*
Юлия — см. Джульетта
Юпитер (миф.) — 340
Юстиниан (483—565),восточно-римский император с 527 г.— 206

Яковлев Александр Алексеевич (1762—1825), дядя Герцена и отец Н. А. Захарьиной, камергер; в 1803 году занимал недолго пост обер-прокурора синода — 37, 77, 122, 355, 366, *484*, *561*
Яковлев Алексей Александрович (1795—1868), брат Н. А. Захарьиной («Химик») — 82, 180, 195, 259, 272, 344, 351, 354, 361—363, 366, 399, 411, 412, *436*, *486*, *520*, *538*, *563*, *564*, *567*, *573*, *579*, *591*, *611*
Яковлев Иван Алексеевич («папенька») (1767—1846), отец Герцена — 35, 36, 52, 61, 66, 69, 83, 87, 91, 92, 103, 106—108, 111, 117, 124, 136, 137, 157, 165, 168, 170, 171, 173, 176, 186, 188, 194, 211, 213, 214, 221—223, 225, 228, 229, 232—235,241, 242, 244—246, 249, 254—259, 263, 264, 266—270, 275, 276, 278, 282—294, 296, 300, 301, 303, 304, 306, 307, 312, 318, 323—325, 329, 333, 337, 344, 348, 350, 352, 356, 361—364, 367, 376, 378, 405, 410, 411, 416, *436*, *447*, *463*, *467*, *468*, *476*—*479*, *483*, *486*, *492*—*495*, *497*, *500*—*503*, *510*, *511*, *515*, *516*, *518*—*521*, *523*, *528*, *529*, *532*, *537*, *541*, *542*, *547*, *548*, *550*—*553*, *555*, *556*,

558, *560*, *565*, *567*, *568*, *570—572*, *581*, *582*, *596*, *597*, *600*, *601*, *603—611*
Яковлев Лев Алексеевич (1764—1839), сенатор, дядя Герцена — 35, 36, 168, 213, 214, 234, 286, 303, 312, 324, 329, 339, 359, 362, 363, 376, 378, 382, 383, 385, 391, 394, 410, 411, 416, *436*, *467*, *468*, *516*, *528—530*, *560*, *566—568*, *571*, *573*, *585*, *603*, *608*, *611*, *612*
Яковлева Олимпиада Максимовна (1775—1865), жена Александра Алексеевича Яковлева — 366

Bonapart Lucien — см. Бонапарт Люсьен
«Chants de Crépuscule», книга стихотворений В. Гюго (см.)
Didier — см. Дидье
Dionisius Areopagitus — см. Дионисий Ареопагит
«Doctrine d'association de M. Charles Fourier», статья А. Трансона (см.)
Dumont-d'Urville Jules Sebastien César (1790—1843), франц. мореплаватель и натуралист — 174, *519*
— «Voyage pittoresque autour du Monde. Resumé générale des voyages de découvertes»—174, *519*
«Encyclopédie nouvelle», изд. в 1838 г. Леру и Рейно — 386
Enfantin — см. Анфантен
Emilie — см. Аксберг Э. М.
Fourier — см. Фурье
George Sand — см. Жорж Санд
Heeren — см. Геерен
Herder — см. Гердер
Hugo — см. Гюго
«Ideen über die Politik, den Verkehr und den Handel der vornehmsten Völker der alten Welt», соч. Геерена (см.)
«Introduction à la science du développement du genre humain», соч. Бюше (см.)
«I tempi», стихотворения Огарева (см.)
Lafayette — см. Лафайет
Lamennais — см. Ламеннэ
Lerminier — см. Лерминье
Leroux — см. Леру
Manzoni — см. Мандзони
Martin — см. Мартен
«Mauprat», роман Жорж Санд (см.)
Michelet — см. Мишле
Montesquieu — см. Монтескье
N. S. — см. Сатин Н. М.
«Notre-Dame de Paris», роман В. Гюго (см.)
«La nouvelle Héloïse», роман Руссо (см.)
Patience, персонаж из романа «Мопра» Жорж Санд (см.)
Pauline — см. Тромпетер П.
«Revue des Deux Mondes» («Обозрение Старого и Нового Света»), двухнедельный литературно-политический журнал либерального направления; изд. в Париже с 1829 г. — 381, 382, 386, 396, 400, *571*
«Revue Encyclopédique» («Энциклопедическое обозрение»), изд. в Париже с 1820 по 1835 гг.; до 1831 г. редактор Сен-Жюльен, после 1831 г. — Л. Карно и П. Леру — 20, 422, *450*, *453*
«Robert le Diable», опера Мейербера — 370, *532*
Roux-Lavergne — см. Ру-Лаверн
Saint-Just (St. Just) — см. Сен-Жюст
Staël — см. Сталь
Thierry — см. Тьерри
Trompeter — см. Тромпетер П.
Urquhart David (1805—1877), англ. политический деятель и публицист — 386
— «Turkey and its resources» — 386
Vico — см. Вико.
Wittberg — см. Витберг А. В.

УКАЗАТЕЛЬ ПИСЕМ ПО АДРЕСАТАМ

(Цифрами обозначены номера писем)

Астракову Н. И.—1, 179, 184, 186, 189, 190, 196—198, 205, 207—211
Астраковым Н. И. и Т. А.—182, 193, 200, 203

Витберг А. В.—56, 137, 138, 162, 188, 209
Витберг В. А.—137, 138, 162, 209
Витбергу А. Л.—137—139, 154, 162, 173, 183, 187, 188, 191, 192, 194, 201, 204

Захарьиной Н. А.—2, 3, 11, 14, 17, 19, 21—39, 41—47, 49, 50, 52—54, 57—72, 74, 75, 77—79, 81—120, 122—136, 140—152, 155, 156, 158—160, 163—172, 174—178, 180, 181

Кетчеру Н. Х.—40, 48, 51, 55, 76, 80, 121, 153, 157, 179, 182, 195, 199, 202, 206
Клиентовой А. Г.—185

Медведевой П. П.—137—139, 162, 201

Носкову М. П.—5, 6

Огареву Н. П.—10, 13, 15, 16, 18, 20

Пассеку Д. В.—7, 12
Пассеку Е. В.—9
Пассекам Е. В. и Д. В.—4—6, 8, 8а
Полевому Н. А.—73

Сазонову Н. И.—40, 76, 80
Скворцовым А. Е. и П.—137

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

А. И. Герцен. Портрет работы А. Л. Витберга. 1836 г. Государственный музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина. Москва 4

Письмо А. И. Герцена к Н. И. Астракову от 11 февраля 1832 г. Первая и последняя страницы. Фотокопия с автографа . . . 8

А. И. Герцен. Портрет работы А. Збруева. 1832 г. Государственный исторический музей. Москва 16

А. И. Герцен. Портрет работы А. Л. Витберга. 1835 г. Институт русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР. Ленинград. 64

Дом в Москве, где родился Герцен (Тверской бульвар, 25) . . . 144

Дом в Вятке, где жил Герцен в 1835—1837 годах 160

Протокол допроса Герцена 24 июля 1834г. Первая и последняя страницы 416

СОДЕРЖАНИЕ

ПИСЬМА 1832—1838 ГОДОВ

	Текст	Комментарии
1832		
1. Н. И. Астракову. 11 февраля	7	442
2. Н. А. Захарьиной. 26 августа 1832 или 22 октября 1833 г	8	443
3. Н. А. Захарьиной. 18 сентября	9	443
1833		
4. Е. В. и Д. В. Пассекам. 15 января	10	443
5. Е. В. и Д. В. Пассекам и М. П. Носкову. 8 марта	10	444
6. Е. В. и Д. В. Пассекам и М. П. Носкову. Конец марта — начало апреля	11	444
7. Д. В. Пассеку. 29 апреля	12	445
8. Е. В. и Д. В. Пассекам. 25 мая	13	445
8а. Е. В. и Д. В. Пассекам. Конец мая	13	445
9. Е. В. Пассеку. 10 июня	13	445
10. Н. П. Огареву. 24—27 июня	13	445
11. Н. А. Захарьиной. 26 июня	15	447
12. Д. В. Пассеку. Начало июля	16	448
13. Н. П. Огареву. 5 июля	17	449
14. Н. А. Захарьиной. 6 июля	18	450
15. Н. П. Огареву. 19 июля	19	450
16. Н. П. Огареву. 1—2 августа	21	451
17. Н. А. Захарьиной. Начало августа	22	452
18. Н. П. Огареву. 7 или 8 августа	23	453
19. Н. А. Захарьиной. Между 5 и 19 августа	25	454
20. Н. П. Огареву. 31 августа	25	454
21. Н. А. Захарьиной. 26 декабря	26	455
1834		
22. Н. А. Захарьиной. До 20 июля	27	455
23. Н. А. Захарьиной. До 20 июля	27	455

	Текст	Комментарии
24. Н. А. Захарьиной. 10 декабря	27	455
25. Н. А. Захарьиной. 31 декабря	29	456

1835

26. Н. А. Захарьиной. 8 февраля	31	457
27. Н. А. Захарьиной. 10 или 17 февраля	32	457
28. Н. А. Захарьиной. 21 февраля	33	458
29. Н. А. Захарьиной. Январь — февраль	34	459
30. Н. А. Захарьиной. До 25 марта	35	459
31. Н. А. Захарьиной. 31 марта или 1 апреля	37	460
32. Н. А. Захарьиной. 2 апреля	37	460
33. Н. А. Захарьиной. 10 апреля	39	461
34. Н. А. Захарьиной. 16 апреля	40	462
35. Н. А. Захарьиной. 22 апреля	40	462
36. Н. А. Захарьиной. 29 апреля	40	462
37. Н. А. Захарьиной. 6—12 июня	41	463
38. Н. А. Захарьиной. Середина июня	42	464
39. Н. А. Захарьиной. 25 июня	43	464
40. Н. И. Сазонову и Н. Х. Кетчеру. 18 июля	43	464
41. Н. А. Захарьиной. 24 июля	47	465
42. Н. А. Захарьиной. 7 августа	48	467
43. Н. А. Захарьиной. Конец августа	49	467
44. Н. А. Захарьиной. 6—7 сентября	50	468
45. Н. А. Захарьиной. 1 октября	50	469
46. Н. А. Захарьиной. 12—15 октября	52	470
47. Н. А. Захарьиной. 12 ноября	53	470
48. Н. Х. Кетчеру. 22—25 ноября	55	472
49. Н. А. Захарьиной. 25 ноября	57	472
50. Н. А. Захарьиной. 5—12 декабря	57	473
51. Н. Х. Кетчеру. Середина декабря	59	474
52. Н. А. Захарьиной. 25 декабря	60	475

1836

53. Н. А. Захарьиной. 15 января	63	476
54. Н. А. Захарьиной. 22 января	64	477
55. Н. Х. Кетчеру. 22 января	65	478
56. А. В. Витберг. 5 февраля	66	478
57. Н. А. Захарьиной. 12 февраля	67	478
58. Н. А. Захарьиной. 18 — 19 февраля	68	479
59. Н. А. Захарьиной. 28 февраля — 4 марта	69	479
60. Н. А. Захарьиной. 26 марта	71	480
61. Н. А. Захарьиной. 28 марта — 1 апреля	72	481
62. Н. А. Захарьиной. 7—13 апреля	74	482

	Текст	Комментарии
63. Н. А. Захарьиной. 27—29 апреля	75	483
64. Н. А. Захарьиной. 12—13 мая	78	484
65. Н. А. Захарьиной. 21—26 мая	79	484
66. Н. А. Захарьиной. 11—17 июня	81	486
67. Н. А. Захарьиной. 19 июня — 1 июля	83	487
68. Н. А. Захарьиной. 9—15 июля	86	487
69. Н. А. Захарьиной. 20—22 июля	88	488
70. Н. А. Захарьиной. 1—5 августа	89	488
71. Н. А. Захарьиной. 14—19 августа	91	489
72. Н. А. Захарьиной. 25—26 августа	93	490
73. Н. А. Полевому. 2 сентября	95	490
74. Н. А. Захарьиной. 6—9 сентября	96	491
75. Н. А. Захарьиной. 21—23 сентября	99	492
76. Н. Х. Кетчеру и Н. И. Сазонову. 22 сентября	100	492
77. Н. А. Захарьиной. 29 сентября	102	493
78. Н. А. Захарьиной. 10—14 октября	105	495
79. Н. А. Захарьиной. 18—28 октября	109	496
80. Н. И. Сазонову и Н. Х. Кетчеру. Вторая половина октября	111	498
81. Н. А. Захарьиной. 1—4 ноября	113	499
82. Н. А. Захарьиной. 7 ноября	115	500
83. Н. А. Захарьиной. 10—11 ноября	117	501
84. Н. А. Захарьиной. 18—25 ноября	119	501
85. Н. А. Захарьиной. 30 ноября — 2 декабря	122	502
86. Н. А. Захарьиной. 5—9 декабря	123	503
87. Н. А. Захарьиной. 10—11 декабря	125	504
88. Н. А. Захарьиной. 12—16 декабря	127	505
89. Н. А. Захарьиной. 23 декабря	129	505

1837

90. Н. А. Захарьиной. 1—6 января	132	506
91. Н. А. Захарьиной. 9—13 января	134	507
92. Н. А. Захарьиной. 13—20 января	137	507
93. Н. А. Захарьиной. 30 января — 3 февраля	139	508
94. Н. А. Захарьиной. 10 февраля	141	509
95. Н. А. Захарьиной. 14—17 февраля	142	510
96. Н. А. Захарьиной. 21—24 февраля	144	510
97. Н. А. Захарьиной. 27 февраля — 3 марта	147	511
98. Н. А. Захарьиной. 6—10 марта	149	511
99. Н. А. Захарьиной. 20—24 марта	150	512
100. Н. А. Захарьиной. 25—31 марта	153	513
101. Н. А. Захарьиной. 3—7 апреля	154	514
102. Н. А. Захарьиной. 9—14 апреля	158	514
103. Н. А. Захарьиной. 17—21 апреля	161	515

	Текст	Комментарии
104. Н. А. Захарьиной. 28 апреля	164	515
105. Н. А. Захарьиной. 30 апреля — 5 мая	166	516
106. Н. А. Захарьиной. 15—19 мая	170	517
107. Н. А. Захарьиной. 28 мая — 2 июня	171	518
108. Н. А. Захарьиной. 7—9 июня	173	519
109. Н. А. Захарьиной. 18—23 июня	175	519
110. Н. А. Захарьиной. 28—30 июня	179	520
111. Н. А. Захарьиной. 3—7 июля	181	521
112. Н. А. Захарьиной. 10—14 июля	184	521
113. Н. А. Захарьиной. 16—21 июля	186	522
114. Н. А. Захарьиной. 25—28 июля	189	522
115. Н. А. Захарьиной. 4—11 августа	191	522
116. Н. А. Захарьиной. 16—18 августа	194	523
117. Н. А. Захарьиной. 22—25 августа	197	523
118. Н. А. Захарьиной. 26—29 августа	198	524
119. Н. А. Захарьиной. 30 августа — 1 сентября	200	524
120. Н. А. Захарьиной. 6—10 сентября	203	525
121. Н. Х. Кетчеру. 10 сентября	205	525
122. Н. А. Захарьиной. 16—22 сентября	207	526
123. Н. А. Захарьиной. 28 сентября	212	527
124. Н. А. Захарьиной. 4—12 октября	213	528
125. Н. А. Захарьиной. 17—19 октября	218	528
126. Н. А. Захарьиной. 20—26 октября	220	529
127. Н. А. Захарьиной. 29 октября — 2 ноября	222	530
128. Н. А. Захарьиной. 5—9 ноября	224	531
129. Н. А. Захарьиной. 13—16 ноября	227	531
130. Н. А. Захарьиной. 17—23 ноября	229	531
131. Н. А. Захарьиной. 23—30 ноября	235	532
132. Н. А. Захарьиной. 1—7 декабря	238	533
133. Н. А. Захарьиной. 9—14 декабря	241	533
134. Н. А. Захарьиной. 15—21 декабря	243	534
135. Н. А. Захарьиной. 27—28 декабря	245	534
136. Н. А. Захарьиной 30 декабря 1837 г. — 4 января 1838 г.	247	535

1838

137. А. Л., А. В., В. А. Витбергам, П. П. Медведевой, А. Е. и П. Скворцовым. 1 января	250	536
138. А. Л., А. В., В. А. Витбергам и П. П. Медведевой. 1 января	250	536
139. А. Л. Витбергу и П. П. Медведевой. 3—6 января	251	536
140. Н. А. Захарьиной. 5 января	252	537
141. Н. А. Захарьиной. 7—8 января	253	537
142. Н. А. Захарьиной. 9—10 января	255	537
143. Н. А. Захарьиной. 11—18 января	257	538
144. Н. А. Захарьиной. 19—22 января	264	541
145. Н. А. Захарьиной. 23—25 января	268	543

	Текст	Комментарии
146. Н. А. Захарьиной. 27—29 января	270	543
147. Н. А. Захарьиной. 30 января — 1 февраля	273	544
148. Н. А. Захарьиной. 5—6 февраля	277	545
149. Н. А. Захарьиной. 8—12 февраля	280	546
150. Н. А. Захарьиной. 12—15 февраля	285	547
151. Н. А. Захарьиной. 16—19 февраля	289	548
152. Н. А. Захарьиной. 20—22 февраля	291	549
153. Н. Х. Кетчеру. 22—25 февраля	296	550
154. А. Л. Витбергу. 24 февраля	298	550
155. Н. А. Захарьиной. 24—26 февраля	300	551
156. Н. А. Захарьиной. 26 февраля — 1 марта	303	552
157. Н. Х. Кетчеру. 1 марта	308	553
158. Н. А Захарьиной. 2 марта	309	554
159. Н. А. Захарьиной. 3 марта	310	554
160. Н. А. Захарьиной. 4 марта	311	554
161. Н. А. Захарьиной. 4—5 марта	311	555
162. А. Л., А. В. и В. А. Витбергам и П. П. Медведевой. Март (после 4)	315	556
163. Н. А. Захарьиной. 5—8 марта	316	556
164. Н. А. Захарьиной. 9—12 марта	320	557
165. Н. А. Захарьиной. 14—15 марта	324	558
166. Н. А. Захарьиной. 16—19 марта	327	558
167. Н. А. Захарьиной. 20—22 марта	330	560
168. Н. А. Захарьиной. 23—26 марта	333	560
169. Н. А. Захарьиной. 27—29 марта	339	561
170. Н. А. Захарьиной. 30 марта — 3 апреля	342	563
171. Н. А. Захарьиной. 3—5 апреля	349	564
172. Н. А. Захарьиной. 6—9 апреля	353	565
173. А. Л. Витбергу. 7 апреля	357	566
174. Н. А. Захарьиной. 11—12 апреля	358	566
175. Н. А. Захарьиной. 16 апреля	360	566
176. Н. А. Захарьиной. 20—21 апреля	360	566
177. Н. А. Захарьиной и Э. М. Аксберг. 23—26 апреля	363	567
178. Н. А. Захарьиной и Э. М. Аксберг. 27—30 апреля	366	568
179. Н. Х. Кетчеру и Н. И. Астракову. 30 апреля	369	568
180. Н. А. Захарьиной. 1—4 мая	371	569
181. Н. А. Захарьиной. 5—6 мая	373	569
182. Н. И. и Т. А. Астраковым и Н. Х. Кетчеру. 10 мая	374	569
183. А. Л. Витбергу. 11 мая	375	569
184. Н. И. Астракову. 17 мая	376	570
185. А. Г. Клиентовой. 21 мая	377	570
186. Н. И. Астракову. 24 мая	377	570
187. А. Л. Витбергу. Конец мая	378	570
188. А. Л. и А. В. Витбергам. 3 июня	378	570
189. Н. И. Астракову. 5 июня	380	571

	Текст	Комментарии
190. Н. И. Астракову. 7 июня	381	571
191. А. Л. Витбергу. Начало июня	382	572
192. А. Л. Витбергу. 14 июля	382	572
193. Н. И. и Т. А. Астраковым. Около 20 июля	384	573
194. А. Л. Витбергу. 10 августа	384	573
195. Н. Х. Кетчеру. 20 августа	386	574
196. Н. И. Астракову. 20 августа	387	574
197. Н. И. Астракову. 23 августа	388	574
198. Н. И. Астракову. 27 августа	388	575
199. Н. Х. Кетчеру. Конец августа — начало сентября	389	575
200. Н. И. и Т. А. Астраковым. 19 сентября	390	576
201. А. Л. Витбергу и П. П. Медведевой. 1 октября	390	576
202. Н. Х. Кетчеру. 4 октября	392	577
203. Н. И. и Т. А. Астраковым. Октябрь	392	577
204. А. Л. Витбергу. 24 ноября	394	578
205. Н. И. Астракову. 26 ноября	395	578
206. Н. Х. Кетчеру. 4 декабря	396	578
207. А. Л. Витбергу. 8 декабря	397	578
208. А. Л. Витбергу. 8 декабря	399	579
209. А. Л., А. В., В. А. Витбергам и П. П. Медведевой. Между 18, 20 декабря	399	579
210. Н. И. Астракову. Середина декабря	400	580
211. Н. И. Астракову. 31 декабря	401	580

ПРИЛОЖЕНИЯ

Официальные бумаги

⟨Прошение о зачислении на службу⟩. Декабрь (до 10) 1820 г.	405	581
⟨Прошение о выдаче свидетельства для поступления в университет⟩. 19 августа 1829 г.	406	582
⟨Прошение о дозволении слушать лекции в университете⟩. 1829 г.	406	582
⟨Прошение об оставлении на службе в Московской дворцовой конторе⟩. 7 октября 1832 г.	406	582
⟨Прошение о выдаче аттестата об окончании университета⟩. 31 июля 1833 г.	407	583
⟨Прошение о внесении в формулярный список сведений об окончании университета⟩. 7 сентября 1833 г.	407	583
Рапорт владимирскому гражданскому губернатору. 17 января 1838 г.	408	583

Следственные материалы

Вопросные пункты, предложенные в присутствии следственной комиссии титулярному советнику Александру Герцену. Июля 24 дня 1834 года	409	584

	Текст	Комментарии
Вопросные пункты, предложенные в присутствии высочайше учрежденной следственной комиссии титулярному советнику Александру Герцену. Августа 23 дня 1834 . .	417	586
Дополнительный вопросный пункт, предложенный в присутствии высочайше учрежденной следственной комиссии титулярному советнику Александру Герцену. Ноября 1 дня 1834 года	427	594
⟨Прошение на имя кн. С. М. Голицына⟩. 6 января 1835 г.	428	596
⟨Подписка об ознакомлении с приговором⟩	429	597

Дарственные надписи, записи в альбомы

1. Н. А. Захарьиной. 16 июля 1826 г.	431	597
2. Н. А. Захарьиной. 1820-е гг.	431	597
3. Т. П. Кучиной. 12 января 1829 г.	431	598
4. Н. П. Огареву. 4 сентября 1832 г.	431	599
5. П. Тромпетер. Начало мая 1836 г.	431	599
6. Н. А. Захарьиной. Середина августа 1836 г.	432	599
7. А. Л. Витбергу. 30 августа 1836 г.	432	599
8. Л. И. Гааг. Декабрь 1837 г.	432	599
9. Н. А. Захарьиной. 7 декабря 1837 г.	432	600
10. Надпись на пакете с письмами 1835 г. к Н. А. Захарьиной. 10 февраля 1838 г.	432	600
11. К. П. Смирнову. 12 июня 1838 г.	432	600
Комментарии	433	600
Принятые сокращения	434	
Перечень несохранившихся писем Герцена 1826—1838	601	
Указатель имен	613	
Указатель писем по адресатам	632	
Список иллюстраций	632	

ИСПРАВЛЕНИЕ ОПЕЧАТКИ

Том	Страница	Строка	Напечатано	Должно быть
XX, кн. 2	576	18 св.	одинаковая	одинакая

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

В. П. ВОЛГИН (главный редактор), И. И. АНИСИМОВ, Д. Д. БЛАГОЙ, В. В. ВИНОГРАДОВ, Н. М. ДРУЖИНИН, С. А. МАКАШИН, Ю. Г. ОКСМАН (зам. главного редактора), В. А. ПУТИНЦЕВ, З. В. СМИРНОВА, Д. И. ЧЕСНОКОВ, А. Б. ШАПИРО, Я. Е. ЭЛЬСБЕРГ

•

Тексты и комментарии подготовил *Л. Р. Ланский* (письма 1832—1837 гг., письма 1838 г. к Астраховым, раздел «Приложения» и «Перечень несохранившихся писем Герцена»).

Тексты писем к Витбергам 1838 г. и комментарии к ним подготовил *В. Н. Баскаков*, тексты остальных писем 1838 г. и текстологические комментарии к ним — *Л. М. Долотова*, реальные комментарии — *Н. П. Ждановский* при участии *С. Д. Лищинер*.

Подстрочные переводы редактировали *Н. Г. Елина* (итал.), *О. Н. Михеева* (нем.), *О. В. Моисеенко* (франц.), *Ф. А. Петровский* (лат.).
Указатель имен составил *Ю. И. Лысый*

•

Редакторы тома Д. Д. БЛАГОЙ и Л. Д. ОПУЛЬСКАЯ

•

Редакторы издательства *М. Б. Покровская* и *Л. М. Тимофеева*
Переплет и титул художника *А. П. Радищева*
Технический редактор *И. Макогонова*
Корректор *В. К. Гарди*

•

РИСО АН СССР № 2-10В. Сдано в набор 1/IV 1960 г.
Подписано к печати 10/XI 1960 г. Формат 60×92¹/₁₆.
Печ. л. 40+7 вкл. Уч.-изд. л. 41,8(41,2+0,6 вкл.)
Тираж 17000 экз. Изд. № 4682. Тип. зак. 389

Цена 1 руб. 50 коп.

Издательство Академии наук СССР. Москва, Б-62, Подсосенский пер., 21
2-я типография Издательства АН СССР. Москва, Г-99, Шубинский пер., 10